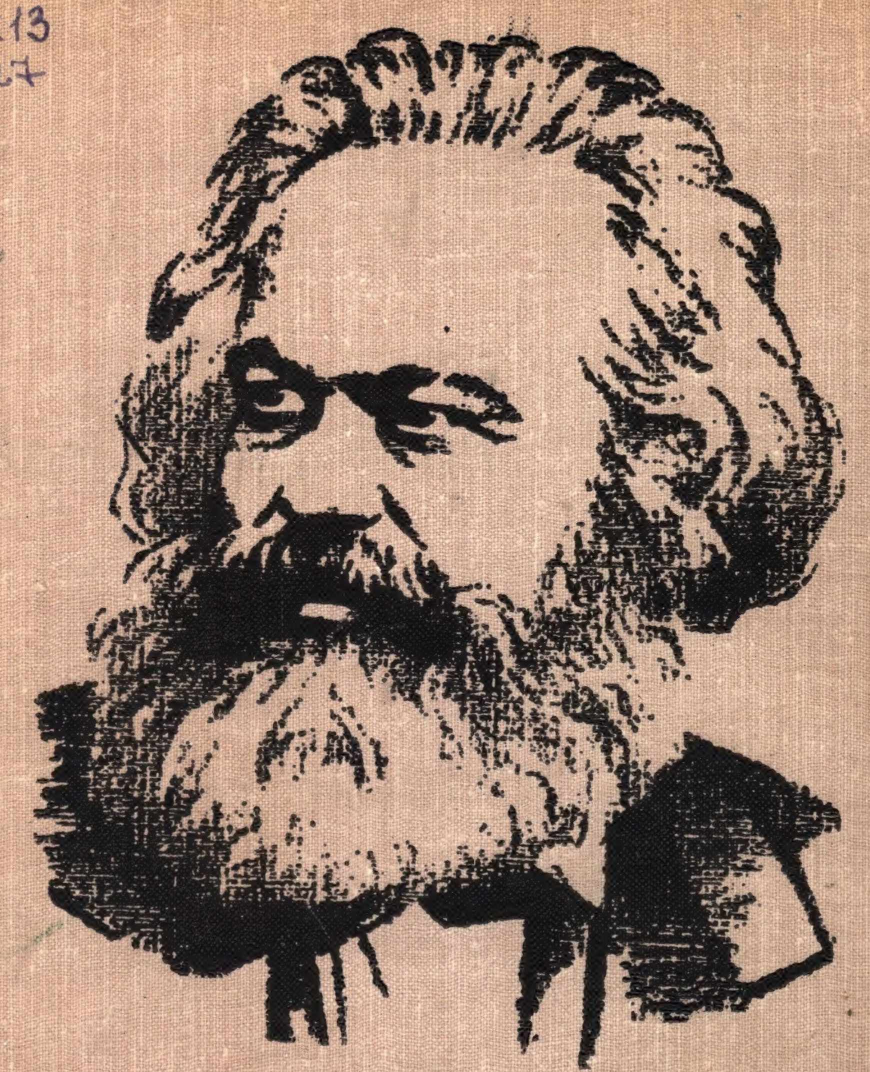

Карл Маркс

КАПИТАЛ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Карл МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ТРЕТИЙ

КНИГА III:

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

ЧАСТИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

ИЗДАН ПОД РЕДАКЦИЕЙ *ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА*

Москва · 1970

Маркс Карл

К27 Капитал. Критика политической экономии. Под ред. Ф. Энгельса. М., Политиздат, 1970.

Т. III, кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. I—II.
I—IV, 1—1084 с.

1—1—1

1—„БЗ“—34—70 3К13 + 1МИ + 33704 + 337041

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Настоящее издание третьего тома «Капитала» представляет собой перевод с первого немецкого издания, вышедшего в 1894 г. под редакцией Энгельса. Как и в издании третьего тома на русском языке (часть I — 1939 г., часть II — 1947 г.), за основу был взят перевод под редакцией И. И. Скворцова-Степанова *.

При подготовке настоящего издания в этот перевод внесено значительное количество поправок и уточнений. В результате сверки первого немецкого издания с рукописью Маркса выявлен и устранен ряд описок и типографских опечаток, вкравшихся в первое немецкое издание. В заново проверенных и уточненных переводах даются также приводимые Марксом цитаты из произведений различных авторов. Если Маркс ту или иную цитату приводит в сокращенном виде или пересказывает мысль автора своими словами, то в настоящем издании перевод этой цитаты выдержан в соответствии с текстом немецкого издания. Вместе с тем были проверены и в необходимых случаях исправлены цифровые и другие фактические данные. Учтены все сделанные В. И. Лениным переводы отдельных мест из немецкого издания третьего тома «Капитала», которые он цитирует в своих произведениях, а также использован ленинский перевод отдельных выражений и терминов.

Подстрочные примечания Маркса и Энгельса, как и в немецком издании 1894 г., обозначены цифрой с круглой скобкой. Примечания, принадлежащие Энгельсу, подписаны его ини-

---

* Настоящая книга печатается по второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

циалами. Редакционные примечания, помещенные под строкой, обозначаются звездочкой и снабжены пометкой «*Ред.*», а редакционные примечания, помещенные в конце тома, обозначены цифрами без скобки. Редакционные добавления, даваемые к некоторым авторским примечаниям библиографического характера, заключены в квадратные скобки. Вставки Энгельса в авторский текст или в цитаты заключены в фигурные скобки.

Немногие труднопереводимые немецкие слова или специальные термины даются рядом с их переводом на языке оригинала (в квадратных скобках).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наконец мне удалось опубликовать эту третью книгу основного труда Маркса, завершение его теоретической части. При издании второй книги в 1885 г. я полагал, что третья книга, за исключением некоторых, конечно, очень важных разделов, представит, пожалуй, только технические затруднения. Так оно и было в действительности; но тех трудностей, которые предстояли мне именно в этих важнейших разделах целого, я в то время совсем не предвидел, равно как не предвидел и других препятствий, которые столь сильно замедлили подготовку книги.

Прежде всего и больше всего мешала мне слабость зрения, которая на протяжении ряда лет ограничивала до минимума мое рабочее время для письменных занятий, и еще и теперь позволяет мне браться за перо при искусственном освещении лишь изредка. К этому присоединились другие неотложные дела: новые издания и переводы прежних работ Маркса и моих, следовательно пересмотры, предисловия, дополнения, часто невозможные без дополнительных исследований, и т. д. Прежде всего следует упомянуть английское издание первой книги, за текст которого в конечном счете отвечаю я и которое поэтому отняло у меня много времени. Кто хоть сколько-нибудь следил за колоссальным ростом международной социалистической литературы за последние десять лет и в особенности за числом переводов прежних работ Маркса и моих, тот согласится со мной, что я имел основания радоваться, что весьма ограничено число языков, на которых я мог быть полезен переводчику и, следовательно, был обязан не отказываться от просмотра его работы. Но рост литературы был только симптомом соответственного роста самого международного рабочего движения. А это налагало на меня новые обязанности. С первых дней нашей общественной деятельности на Маркса и на меня выпала значительная часть работы по посредничеству между национальными движениями социалистов и рабочих различных стран; работа эта возрастала соответственно росту всего движения. Но если Маркс

и в этой области основную тяжесть брал на себя, то после его смерти постоянно увеличивающийся объем работы доставался мне одному. Между тем непосредственные сношения отдельных национальных рабочих партий между собой стали с тех пор, и, к счастью, изо дня в день все более становятся общим правилом; несмотря на это, к моей помощи все еще прибегают гораздо чаще, чем мне бы того хотелось, исходя из интересов моей теоретической работы. Но кто, подобно мне, более пятидесяти лет активно участвовал в этом движении, для того вытекающие отсюда дела являются неотложной обязанностью, требующей немедленного исполнения. Как в шестнадцатом столетии, так и в наше бурное время чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции.

Так как я живу в Лондоне, эти партийные сношения осуществляются зимой главным образом в письменной форме, а летом — по большей части лично. Вследствие этого, а также вследствие необходимости следить за ходом движения в постоянно возрастающем количестве стран и за еще сильнее растущим количеством органов печати, я не мог выполнять работы, не допускающие никакого перерыва, кроме как зимой, преимущественно в первые три месяца года. Когда человеку перевалило за семьдесят лет, мейнертовские ассоциативные волокна мозга работают с какой-то непреодолимой медленностью; перерывы в трудной теоретической работе преодолеваешь уже не так легко и не так быстро, как раньше. Поэтому выходило так, что работу одной зимы, если она не была вполне доведена до конца, приходилось в следующую зиму в значительной части проделывать заново; это и случилось как раз с наиболее трудным пятым отделом.

Как увидит читатель из последующего изложения, работа по редактированию этой книги существенно отличалась от редактирования второй книги. Для третьей книги имелся только один первоначальный набросок, к тому же изобиловавший пробелами. Как правило, начало каждого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отшлифовано стилистически. Но чем дальше, тем более эскизной и неполной становилась обработка рукописи, тем больше было экскурсов по поводу возникавших в ходе исследования побочных вопросов, причем работа по окончательному расположению материала откладывалась до позднейшего времени, тем длиннее и более запутанными становились части текста, в которых мысли записывались in statu nascendi *. Во многих местах

* — в процессе их зарождения. *Ред.*

почерк и изложение слишком ясно выдают вторжение и постепенное развитие тех вызванных чрезмерным трудом приступов болезни, которые сначала все более и более затрудняли автору его самостоятельную работу и, наконец, временами делали ее совершенно невозможной. И неудивительно. Между 1863 и 1867 гг. Маркс не только сделал две последние книги «Капитала» вчерне, а первую книгу в готовом для печати виде, но еще выполнил гигантскую работу, связанную с основанием и деятельностью Международного Товарищества Рабочих. Но вследствие этого уже в 1864 и 1865 гг. обнаружились серьезные признаки тех расстройств в здоровье Маркса, из-за которых не он сам закончил обработку II и III книг.

Моя работа началась с того, что я продиктовал всю рукопись с оригинала, который даже я часто лишь с трудом мог разобрать, и таким образом получил удобочитаемую копию, что само по себе отняло уже довольно много времени. Лишь после этого могла начаться настоящая редакция. Я ограничил ее самым необходимым: всюду, где это допускала ясность, по возможности сохранил характер первоначального текста, даже не зачеркивал отдельных повторений там, где они, как это обыкновенно бывает у Маркса, каждый раз касаются предмета с иной стороны или по крайней мере освещают его в иных выражениях. В тех же случаях, когда я вносил изменения или добавления чисто редакционного характера или когда я вынужден был обрабатывать приведенный Марксом фактический материал и делать из него собственные, хотя и по возможности выдержанные в духе Маркса, выводы, в таких случаях все место заключено в прямые скобки и отмечено моими инициалами *. В моих подстрочных примечаниях скобки кое-где отсутствуют; но там, где стоят мои инициалы, я отвечаю за все примечание.

В рукописи, — как это само собой понятно для первого наброска, — имеются многочисленные указания на те пункты, которые впоследствии должны быть развиты, причем эти обещания не во всех случаях были выполнены. Я сохранил их, так как они дают представление о намерениях автора относительно будущей разработки.

А теперь перейдем к отдельным вопросам.

Для первого отдела основной рукописью можно было воспользоваться лишь с большими ограничениями. В самом начале ее помещены все математические вычисления отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли (что составляет нашу главу III), тогда как предмет, изложенный в нашей

* В настоящем издании прямые скобки заменены фигурными. *Ред.*

главе I, рассматривается лишь позже и мимоходом. В этом случае оказали помощь два начала переработки, каждое в 8 страниц in folio *; но и они не везде разработаны с надлежащей связностью. Из них составилась глава I в ее теперешнем виде. Глава II взята из основной рукописи. Для главы III имелся целый ряд неоконченных математических вычислений, а также целая, почти законченная тетрадь, относящаяся к семидесятым годам и представляющая в уравнениях отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли. Мой друг Самюэл Мур, выполнивший также бо̀льшую часть английского перевода первой книги, взялся обработать для меня эту тетрадь, к чему он в качестве старого кембриджского математика был несравненно более способен. Из его резюме я составил затем главу III, пользуясь для этого кое-где и основной рукописью. Из главы IV имелось только заглавие. Но так как рассматриваемый здесь вопрос — влияние оборота на норму прибыли — имеет крайне важное значение, то я разработал его сам, вследствие чего вся эта глава в тексте и заключена в скобки. При этом оказалось, что данная в главе III формула нормы прибыли, для того чтобы сделаться общезначимой, в действительности нуждается в некоторой модификации. Начиная с пятой главы, основная рукопись является единственным источником для остальной части отдела, хотя здесь также оказалось необходимым сделать очень много перестановок и дополнений.

Для следующих трех отделов, если не говорить о стилистической редакции, я почти сплошь мог придерживаться оригинала рукописи. Отдельные ее места, в большинстве случаев касающиеся влияния оборота, были обработаны в соответствии со вставленной мною главой IV; они также заключены в скобки и отмечены моими инициалами.

Главное затруднение представлял отдел V, в котором к тому же рассматривается сложнейший вопрос всей книги. И как раз здесь во время работы застиг Маркса один из упомянутых тяжких приступов болезни. Следовательно, это — не готовый набросок и даже не схема, очертания которой следовало заполнить, а лишь самое начало работы, которое нередко представляет собой неупорядоченную груду записей, заметок, материалов в форме выписок. Сначала я пытался закончить этот отдел, как это мне до некоторой степени удалось с первым отделом, заполняя пробелы и разрабатывая лишь намеченные отрывки, чтобы отдел этот хоть приблизительно представлял собой то, что намеревался дать автор. По меньшей мере три раза я делал такую

* — форматом в $^1/_2$ печатного листа. *Ред.*

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, erster Theil.

Buch III:
Der Gesammtprocess der kapitalistischen Produktion.
Kapitel I bis XXVIII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1894.

Титульный лист первого немецкого издания
I части III тома «Капитала»

попытку, но всякий раз безуспешно, и в потере времени на это заключается главная причина задержки. Наконец, я убедился, что так дело не пойдет. Мне пришлось бы просмотреть всю обширную литературу в этой области, и в конечном счете у меня получилось бы нечто такое, что все же не было бы книгой Маркса. Мне не оставалось ничего иного, как отказаться от дальнейших попыток в этом направлении и по возможности ограничиться упорядочением того, что имелось, сделав лишь самые необходимые дополнения. И таким образом весной 1893 г. я закончил основную работу над этим отделом.

Из отдельных глав главы XXI—XXIV были в основном разработаны. Главы XXV и XXVI потребовали проверки фактического материала и включения материала, находившегося в других местах. Главы XXVII и XXIX можно было почти целиком дать по рукописи; напротив, текст главы XXVIII пришлось расположить иначе. Но настоящие трудности начались с XXX главы. Начиная отсюда, приходилось приводить в надлежащий порядок не только фактический материал, но и самый ход мыслей, то и дело прерываемый вводными предложениями, отступлениями и т. д. и потом получающий дальнейшее развитие в другом месте, часто совершенно мимоходом. Таким образом XXX глава составилась путем перестановок и исключений отдельных отрывков, для которых нашлось применение в другом месте. XXXI глава снова оказалась разработанной в более связной форме. Но затем в рукописи следует большой раздел, озаглавленный «Путаница», представляющий собой сплошь извлечения из парламентских отчетов о кризисах 1847 и 1857 гг., в которых сгруппированы суждения двадцати трех лиц из делового мира и экономистов о деньгах и капитале, об отливе золота, о чрезмерной спекуляции и пр., иногда сопровождаемые краткими комментариями. Здесь, в вопросах и ответах, достаточно представлены почти все ходячие взгляды того времени на отношение между деньгами и капиталом, и Маркс хотел критически и сатирически рассмотреть обнаруживающуюся при этом «путаницу» в вопросе о том, что̀ является на денежном рынке деньгами и что̀ — капиталом. После многих попыток я убедился, что приведение в порядок этой главы невозможно; материал, в особенности в тех случаях, когда он сопровождается комментариями Маркса, я использовал там, где это допускалось логикой изложения.

Затем следует в довольно упорядоченном виде то, что помещено мною в главе XXXII, но непосредственно за этим — новая груда выписок из парламентских отчетов о всевозможных предметах, затрагиваемых в этом отделе, вперемежку с более или

менее пространными или краткими замечаниями автора. К концу извлечения и комментарии все более концентрируются вокруг вопроса о движении денежного металла и колебаниях вексельного курса и заканчиваются опять всевозможными дополнительными замечаниями. Напротив, глава «Докапиталистические отношения» (XXXVI) была вполне разработана.

Из всего этого материала, начиная с «Путаницы», поскольку он уже не был помещен раньше, я составил главы XXXIII — XXXV. Конечно, не обошлось без значительных вставок с моей стороны для установления связи. Поскольку эти вставки не чисто формального свойства, они прямо обозначены как принадлежащие мне. Таким образом мне, наконец, удалось включить в текст *все* сколько-нибудь относящиеся к делу суждения автора; ничего не было опущено, кроме незначительной части выписок, где или только повторялось то, что уже было приведено в каком-нибудь другом месте, или же затрагивались пункты, которые в рукописи подробно не рассматриваются.

Отдел о земельной ренте был разработан значительно полнее, хотя и он отнюдь не приведен в порядок, как это явствует уже из того, что в главе XLIII (в рукописи самый конец отдела о ренте) Маркс нашел необходимым дать вкратце общий план всего отдела. При издании этот план оказался тем более кстати, поскольку рукопись начинается главой XXXVII, за которой следуют главы XLV—XLVII и только после того — главы XXXVIII — XLIV. Больше всего работы потребовалось по таблицам дифференциальной ренты II в связи с тем, что в главе XLIII совершенно не был исследован подлежащий здесь рассмотрению третий случай этого вида ренты.

Для этого отдела о земельной ренте Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные исследования. В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках ставшие в России неизбежными после «реформы» 1861 г. статистические справочники и другие публикации о земельной собственности, предоставленные в его распоряжение русскими друзьями с желательной полнотой, делал из них выписки [1] и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. Благодаря разнообразию форм земельной собственности и эксплуатации сельскохозяйственных производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда. К сожалению, Марксу не удалось осуществить этот план.

Наконец, седьмой отдел был закончен в рукописи, но только как первый набросок, отдельные части текста которого прихо-

дилось расчленять для того, чтобы сделать их пригодными для печати. Из последней главы имелось только начало. Здесь предстояло рассмотреть соответствующие трем главным формам дохода — земельной ренте, прибыли и заработной плате — три крупных класса развитого капиталистического общества: земельных собственников, капиталистов и наемных рабочих и неизбежного спутника их существования — классовую борьбу как реальный продукт капиталистического периода. Подобные итоговые обобщения Маркс обыкновенно откладывал до окончательной редакции, незадолго до печатания, причем новейшие исторические события с неизменной закономерностью доставляли актуальнейший иллюстративный материал для его теоретических положений.

Цитат и иллюстраций здесь, как и во II книге, значительно меньше, чем в первой. Цитаты из книги I приводятся с указанием страниц 2-го и 3-го изданий *. Там, где в рукописи имеется ссылка на теоретические суждения прежних экономистов, большей частью указывается только имя, а самую цитату предполагалось привести при окончательной обработке. Конечно, мне все это так и пришлось оставить. Из парламентских отчетов использованы только четыре, но они использованы довольно широко. Эти отчеты следующие:

1) Reports from Committees (of the House of Commons), vol. VIII, Commercial Distress; vol. II, part I, 1847—48. Minutes of Evidence. — Цитированы как Commercial Distress, 1847—48.

2) Secret Committee of the House of Lords on Commercial Distress 1847. Report printed 1848. Evidence printed 1857 (потому что в 1848 г. он считался слишком компрометирующим). — Цитируется как C. D. 1848—1857 [2].

3) Report on Banc Acts, 1857.—То же 1858.—Отчеты комиссии палаты общин о влиянии банковских актов 1844 и 1845 годов. Со свидетельскими показаниями. — Цитируется как B. A. (иногда также B. C.) 1857, соответственно 1858 годов [3].

К четвертой книге — об истории теорий прибавочной стоимости [4] — я приступлю, как только это будет для меня сколько-нибудь возможно.

В предисловии ко второму тому «Капитала» я должен был свести счеты с теми господами, которые к тому времени подняли большой крик, желая найти «в Родбертусе тайный источник теории Маркса и его несравненного предшественника».

* В настоящем томе они даются по 4-му немецкому изданию с указанием соответствующих страниц I тома «Капитала» К. Маркса (М. 1969 год издания). *Ред.*

Я предоставил им случай показать, «что̀ в состоянии дать политическая экономия Родбертуса»; я призвал их показать, «каким образом может и должна образоваться одинаковая средняя норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но как раз на его основе». Те самые господа, которые тогда, исходя из субъективных или объективных, как правило, каких угодно, только не научных, соображений, провозглашали доброго Родбертуса экономической звездой первой величины, все без исключения уклонились от ответа. Напротив, другие люди сочли сто̀ящим труда заняться этой проблемой.

В своей критике II тома («Conrads Jahrbücher» [5], XI, 5, 1885, S. 452—465) профессор *В. Лексис* поднял этот вопрос, хотя и не пожелал дать прямого решения. Он говорит:

> «Разрешение этого противоречия» (между законом стоимости Рикардо—Маркса и одинаковой средней нормой прибыли) «невозможно, если рассматривать различные виды товаров *отдельно* и если их стоимость должна быть равна их меновой стоимости, а эта последняя равна или пропорциональна их цене».

Как полагает Лексис, это возможно лишь при том условии, если

> «отказаться от измерения стоимости трудом для отдельных видов товара и иметь в виду лишь товарную продукцию *в целом* и ее распределение между целыми классами капиталистов и рабочих... Из совокупного продукта рабочий класс получает только известную часть... Другая часть, достающаяся классу капиталистов, образует прибавочный продукт в марксовом смысле слова, а потому и... прибавочную стоимость. Затем члены класса капиталистов распределяют между собой эту совокупную прибавочную стоимость *не* соответственно числу занятых ими рабочих, а пропорционально величине капитала, представляемого каждым из них, причем земля также принимается в расчет как капитальная стоимость».

Идеальные стоимости Маркса, определяемые единицами труда, воплощенного в товарах, не соответствуют ценам, но могут

> «рассматриваться как исходный пункт смещения, которое приводит к действительным ценам. Последние обусловливаются тем, что равные капиталы требуют равновеликих прибылей».

Вследствие этого некоторые капиталисты будут получать за свои товары цену более высокую, а другие цену более низкую, чем идеальная стоимость этих товаров.

> «Но так как потери и прибавки в прибавочной стоимости взаимно погашаются в пределах класса капиталистов, то в целом величина прибавочной стоимости оказывается такою же, как если бы все цены были пропорциональны идеальным стоимостям товаров».

Как мы видим, вопрос здесь далеко не решен, но, хотя расплывчато и поверхностно, в общем все же *поставлен* правильно. А это действительно больше, чем мы можем ожидать от кого

бы то ни было, кто, подобно этому автору, с гордостью называет себя «вульгарным экономистом»; это прямо поразительно, если сравнить с тем, что̀ дали другие вульгарные экономисты и о чем речь будет позже. Правда, вульгарная политическая экономия Лексиса особого рода. Он говорит, что доход на капитал, конечно, *можно* вывести по способу Маркса, но ничто не *обязывает* к такому пониманию. Напротив, вульгарная политическая экономия имеет свой способ объяснения, по меньшей мере, более приемлемый:

«Капиталистические продавцы, производитель сырья, фабрикант, оптовый торговец, розничный торговец — получают доход от своих предприятий вследствие того, что каждый из них продает дороже, чем покупает, следовательно завышает на какой-то процент издержки производства своего товара. Только рабочий не в состоянии сделать подобной надбавки к стоимости; вследствие своего неблагоприятного положения по отношению к капиталисту он вынужден продавать свой труд по цене, в которую он обходится ему самому, именно за необходимые средства существования... таким образом эти надбавки к цене по отношению к покупающим наемным рабочим сохраняют свое полное значение и обусловливают перелив известной части стоимости совокупного продукта в руки класса капиталистов».

Не требуется больших усилий мысли, чтобы убедиться, что это «вульгарно-экономическое» объяснение прибыли на капитал практически ведет к такому же результату, как и теория прибавочной стоимости Маркса; что, с точки зрения Лексиса, рабочие находятся совершенно в таком же «неблагоприятном положении», как и по Марксу; что они совершенно так же оказываются обманутыми, потому что каждый нерабочий может продавать выше цены, а рабочий не может; и что на основе этой теории может быть построена по крайней мере столь же поверхностная система вульгарного социализма, какая создана здесь, в Англии, на основе теории потребительной стоимости и предельной полезности Джевонса — Менгера [6]. Я даже думаю, что, если бы г-ну Джорджу Бернарду Шоу была известна эта теория прибыли, он был бы способен ухватиться за нее обеими руками, дать отставку Джевонсу и Карлу Менгеру и на этом камне вновь воздвигнуть фабианскую церковь будущего.

Но в действительности эта теория — только парафраз теории Маркса. Откуда же берутся все надбавки к цене? Из «совокупного продукта» рабочих. И именно вследствие того, что товар «труд», или, как говорит Маркс, товар рабочая сила должен продаваться ниже его цены. Потому что если общее свойство всех товаров состоит в том, что их можно продавать дороже издержек производства, и если труд представляет единственное исключение из этого и постоянно продается лишь по

издержкам производства, то он продается именно ниже той цены, которая является общим правилом в этом вульгарно-экономическом мире. Добавочная прибыль, достающаяся вследствие этого капиталисту, соответственно классу капиталистов, именно в том и состоит и в конечном счете только потому и может получиться, что рабочий, воспроизведя возмещение цены своего труда, должен еще сверх того производить продукт, за который он не получает платы, — прибавочный продукт, продукт неоплаченного труда, прибавочную стоимость. Лексис — человек в высшей степени осторожный в выборе выражений. Он нигде не говорит прямо, что вышеприведенное понимание — его собственное; но если это так, то совершенно ясно, что мы имеем здесь дело не с одним из тех обычных вульгарных экономистов, о которых он сам говорит, что каждый из них в глазах Маркса «в лучшем случае только безнадежно слабоумен», а с марксистом, облачившимся в костюм вульгарного экономиста. Произошло ли такое переодевание преднамеренно или непреднамеренно, этот психологический вопрос нас здесь не интересует. Тот, кто захотел бы выяснить это, быть может, исследует также, каким образом оказалось возможным, что такой несомненно разумный человек, как Лексис, одно время мог защищать такую бессмыслицу, как биметаллизм [7].

Первый, кто действительно попытался дать ответ на вопрос, был д-р *Конрад Шмидт* в работе: «Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes». Stuttgart, Dietz, 1889. Шмидт пытается согласовать детали образования рыночной цены как с законом стоимости, так и со средней нормой прибыли. Промышленный капиталист получает в своем продукте, во-первых, возмещение авансированного им капитала, во-вторых, прибавочный продукт, за который он ничего не заплатил. Но чтобы получить этот прибавочный продукт, он должен авансировать свой капитал на производство, т. е. он должен применить определенное количество овеществленного труда, чтобы иметь возможность присвоить этот прибавочный продукт. Следовательно, для капиталиста этот авансированный им капитал есть количество овеществленного труда, общественно необходимое для того, чтобы обеспечить ему этот прибавочный продукт. Это относится и ко всякому другому промышленному капиталисту. А так как по закону стоимости продукты обмениваются друг на друга пропорционально труду, общественно необходимому для их производства, и так как для капиталиста трудом, необходимым для изготовления его прибавочного продукта, является как раз прошлый труд, накопленный в его капитале, то из этого следует, что прибавочные продукты обмениваются

пропорционально капиталам, требующимся на их производство, а не пропорционально *действительно* воплощенному в них труду. Следовательно, доля, приходящаяся на каждую единицу капитала, равна сумме всей произведенной прибавочной стоимости, разделенной на сумму употребленных на это капиталов. Поэтому равновеликие капиталы в равные промежутки времени приносят равную прибыль, и это происходит таким образом, что исчисленные так издержки производства прибавочного продукта, т. е. средняя прибыль, прибавляются к издержкам производства оплаченного продукта, и по этой повышенной цене продается и то и другое, и оплаченный и неоплаченный продукт. Устанавливается средняя норма прибыли, хотя, как думает Шмидт, средние цены отдельных товаров определяются согласно закону стоимости.

Конструкция в высшей степени остроумная, она совершенно по гегелевскому образцу и имеет то общее с большей частью гегелевского, что она неправильна. Если закон стоимости должен иметь *непосредственное* значение и для средних цен, то и прибавочный продукт и продукт оплаченный — в этом отношении между ними нет различия — должны продаваться в соответствии с общественно необходимым трудом, требующимся для их изготовления и употребленным на это. Закон стоимости с самого начала направлен против возникшего из капиталистического способа представления взгляда, будто накопленный прошлый труд, из которого состоит капитал, не только есть определенная сумма готовой стоимости, но как фактор производства и образования прибыли обладает свойством создавать стоимость, следовательно представляет собой источник большей стоимости, чем та, какую он сам имеет; закон стоимости прочно устанавливает, что такое свойство принадлежит только живому труду. Что капиталисты в зависимости от величины своих капиталов ожидают пропорционально равной прибыли, следовательно, смотрят на авансированные ими капиталы как на своего рода издержки производства их прибыли, это известно. Но если Шмидт пользуется таким представлением, чтобы с его помощью привести в соответствие с законом стоимости цены, вычисленные на основе средней нормы прибыли, то он таким образом упраздняет самый закон стоимости, присоединяя к нему в качестве соопределяющего фактора представление, стоящее в полном противоречии с этим законом.

Или накопленный труд наряду с живым трудом создает стоимость. В таком случае закон стоимости недействителен.

Или он не создает стоимости. Тогда доводы Шмидта несовместимы с законом стоимости.

Шмидт отклонился от правильного пути в момент, когда он был уже очень близок к решению задачи, так как он думал, что нужно во что бы то ни стало найти математическую формулу, которая дала бы возможность показать соответствие средней цены каждого отдельного товара с законом стоимости. Но если здесь, будучи совсем близко к цели, он последовал по ложному пути, то остальное содержание брошюры показывает, с каким пониманием он сделал из обеих первых книг «Капитала» дальнейшие выводы. Ему принадлежит честь самостоятельного открытия правильного объяснения до того времени необъясненной тенденции нормы прибыли к понижению, — объяснения, данного Марксом в третьем отделе третьей книги; ему принадлежит также заслуга выведения торговой прибыли из промышленной прибавочной стоимости и целый ряд замечаний о проценте и земельной ренте, в которых им предвосхищены вещи, развитые Марксом в четвертом и пятом отделах третьей книги.

В одной более поздней работе («Neue Zeit» №№ 3 и 4, 1892—1893) Шмидт пытается прийти к решению иным путем. Этот путь сводится к тому, что среднюю норму прибыли устанавливает конкуренция, поскольку она заставляет капитал переливаться из отраслей производства с недостаточной прибылью в другие отрасли, где получается избыточная прибыль. Что конкуренция — великая уравнительница прибылей, это не ново. Но Шмидт стремится показать, что эта нивелировка прибылей тождественна со сведением продажной цены товаров, производимых в избыточном количестве, к такой стоимостной мере, которую общество может заплатить за них согласно закону стоимости. Почему и это не могло привести к цели, достаточно явствует из разъяснений Маркса в самой книге.

После Шмидта к проблеме приступил *П. Фиреман* («Conrads Jahrbücher», dritte Folge, III, S. 793). Я не останавливаюсь на его замечаниях о других сторонах изложения у Маркса. Они основываются на недоразумении, будто Маркс дает определения там, где он в действительности развивает, и на непонимании того, что у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений. Ведь само собой разумеется, что, когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования. После этого станет, конечно, ясно, почему Маркс в начале первой книги, где он исходит из простого товарного производства, являющегося

КАПИТАЛЪ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

сочиненіе

КАРЛА МАРКСА

изданное подъ редакціей Фридриха Энгельса

Переводъ съ нѣмецкаго

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Книга III

ПРОЦЕССЪ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЗЯТЫЙ ВЪ ЦѢЛОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1896

Титульный лист первого русского издания III тома «Капитала»

для него исторической предпосылкой, чтобы затем в дальнейшем изложении перейти от этого базиса к капиталу, — почему он при этом начинает именно с простого товара, а не с формы, логически и исторически вторичной, не с товара, уже капиталистически модифицированного; этого Фиреман, конечно, никак не может понять. Эти и другие побочные обстоятельства, которые могли бы дать повод еще к кое-каким возражениям, мы предпочитаем оставить в стороне и переходим прямо к существу дела. Тогда как теория учит Фиремана, что прибавочная стоимость при данной норме прибавочной стоимости пропорциональна числу примененных рабочих сил, опыт показывает ему, что при данной средней норме прибыли прибыль пропорциональна величине всего вложенного капитала. Фиреман объясняет это тем, что прибыль — явление лишь условное (для него это означает: принадлежащее определенной общественной формации, вместе с ней существующее и исчезающее); ее существование связано только с капиталом; последний, если он достаточно силен для того, чтобы обеспечить себе прибыль, вследствие конкуренции вынужден ограничиться получением нормы прибыли, равной для всех капиталов. Без равной нормы прибыли капиталистическое производство было бы прямо невозможно; эта форма производства предполагает, что для каждого отдельного капиталиста масса прибыли при данной норме прибыли может зависеть только от величины его капитала. С другой стороны, прибыль состоит из прибавочной стоимости, из неоплаченного труда. Каким же образом происходит при этом превращение прибавочной стоимости, величина которой определяется эксплуатацией труда, в прибыль, величина которой определяется величиной требующегося для этого капитала?

«Просто таким образом, что во всех отраслях производства, где отношение между... постоянным и переменным капиталом наибольшее, товары продаются выше их стоимости, а это означает также, что в тех отраслях производства, где отношение постоянного капитала к переменному капиталу = $c : v$ наименьшее, товары продаются ниже их стоимости, и что только там, где отношение $c : v$ представляет определенную среднюю величину, товары отчуждаются по их истинной стоимости... Является ли это несовпадение отдельных цен с их соответственными стоимостями опровержением принципа стоимости? Отнюдь нет. Ибо благодаря тому, что цены одних товаров поднимаются выше стоимости в такой же степени, в какой цены других товаров падают ниже их стоимости, общая сумма цен остается равной общей сумме стоимостей ... в конечном счете это несовпадение устраняется». Такое несовпадение представляет собой «возмущение»; «но в точных науках возмущение, которое можно предвидеть, обыкновенно никогда не рассматривается как опровержение известного закона» [стр. 806, 808].

Сравните с этим соответствующие места главы IX и вы найдете, что Фиреман действительно затронул здесь решающий пункт. Но сколько посредствующих звеньев потребовалось бы Фиреману еще и после этого открытия, чтобы выработать полное и ясное решение проблемы, — это показывает незаслуженно холодный прием, которым была встречена его столь значительная статья. Как ни много людей интересовалось этой проблемой, все они еще боялись на ней обжечься. И это объясняется не только несовершенной формой, в которую Фиреман облек свое открытие, но и бесспорными недостатками как его понимания изложения у Маркса, так и его собственной общей критики этого изложения, основанной на таком понимании.

Если представляется случай оскандалиться на чем-либо трудном, то за г-ном профессором *Юлиусом Вольфом* из Цюриха дело никогда не станет. Вся проблема, рассказывает он нам («Conrads Jahrbücher», dritte Folge, II, 1891, S. 352 und ff.), разрешается при помощи относительной прибавочной стоимости. Производство относительной прибавочной стоимости основывается на увеличении постоянного капитала сравнительно с переменным.

«Прирост постоянного капитала предполагает прирост производительной силы рабочих. Но так как этот прирост производительной силы (путем удешевления жизненных средств) влечет за собой прирост прибавочной стоимости, то устанавливается прямое отношение между возрастанием прибавочной стоимости и возрастанием доли постоянного капитала в совокупном капитале. Увеличение постоянного капитала свидетельствует об увеличении производительной силы труда. При неизменяющемся переменном и возрастающем постоянном капитале прибавочная стоимость должна поэтому возрастать в согласии с Марксом. Вот какой вопрос был задан нам» [стр. 358].

Правда, Маркс в сотне мест первой книги говорит прямо противоположное; правда, утверждение, будто по Марксу при уменьшающемся переменном капитале относительная прибавочная стоимость возрастает прямо пропорционально возрастанию постоянного капитала, столь изумительно, что для него трудно подыскать парламентское выражение; правда, г-н Юлиус Вольф каждой строчкой доказывает, что он ни относительно, ни абсолютно ничего не понял ни в абсолютной, ни в относительной прибавочной стоимости; правда, он сам говорит:

«С первого взгляда кажется, что здесь находишься поистине в кругу несообразностей» [стр. 361],

что, кстати сказать, единственно правильное замечание во всей его статье. Но что же из того? Г-н Юлиус Вольф так горд своим гениальным открытием, что не может удержаться, чтобы

не воздать за это посмертной хвалы Марксу и эту свою собственную непомерную бессмыслицу не превознести как

«новое доказательство той проницательности и дальновидности, с какой набросана его (Маркса) критическая система капиталистической экономики»!

Дальше еще лучше: г-н Вольф говорит:

«Рикардо выдвинул два положения. Во-первых: равные затраты капитала — равная прибавочная стоимость (прибыль), во-вторых: равные затраты труда — равная (по массе) прибавочная стоимость. И вопрос заключался тогда в том, как одно согласуется с другим. Однако Маркс не признавал такой постановки вопроса. *Он без сомнения показал (в третьей книге)*, что второе утверждение не представляет собой безусловного следствия закона стоимости, что оно даже противоречит его закону стоимости и, следовательно... должно быть прямо отвергнуто» [стр. 366].

И затем он исследует, кто из нас двоих заблуждался, я или Маркс. Что он сам пребывает в заблуждении, этого он, конечно, не думает.

Если бы я захотел обронить хотя бы одно слово по поводу этого великолепного места, это значило бы оскорбить моих читателей и не понять всей комичности положения. Я прибавлю к этому только следующее: с такой же смелостью, с какой он уже тогда мог сказать, что «Маркс в третьем томе без сомнения показал», он пользуется случаем, чтобы сообщить профессорскую сплетню о том, будто вышеупомянутая работа Конрада Шмидта «прямо инспирирована Энгельсом» [стр. 366]. Г-н Юлиус Вольф! В том мире, в котором живете и действуете вы, может быть, и принято, что человек, который публично ставит перед другими проблему, втихомолку сообщает ее решение своим личным друзьям. Что вы на это способны, я вам охотно верю. Что до таких низостей не приходится опускаться в том мире, где вращаюсь я, докажет вам настоящее предисловие.

Едва Маркс умер, как г-н *Акилле Лориа* поспешил опубликовать статью о нем в «Nuova Antologia» (апрель 1883 год) [8]; сначала это биография, переполненная ложными данными, затем критика общественной, политической и литературной деятельности. Материалистическое понимание истории Маркса здесь фальсифицировано и искажено с таким апломбом, который позволяет угадать великую цель. И эта цель была достигнута: в 1886 г. тот же г-н Лориа издал книгу: «La teoria economica della costituzione politica», в которой он возвестил изумленным современникам как свое собственное открытие историческую теорию Маркса, так основательно и так умышленно искаженную им в 1883 году. Конечно, теорию Маркса он свел здесь к довольно филистерскому уровню; исторические иллюстрации и примеры также пестрят ошибками, непростительными и для

школьника четвертого класса; но что ему до всего этого? Открытие того, что политические условия и события всегда и всюду находят свое объяснение в соответствующих экономических условиях, было сделано, как доказано упомянутой книгой, отнюдь не Марксом в 1845 г., а г-ном Лориа в 1886 году. По крайней мере он счастливо уверил в этом своих соотечественников, а с того времени, как его книга появилась на французском языке, — и некоторых французов, и может теперь важничать в Италии как автор новой эпохальной исторической теории, пока тамошние социалисты не найдут времени повыщипать у illustre * Лориа краденые павлиньи перья.

Но это лишь один маленький образец приемов г-на Лориа. Он уверяет нас, что все теории Маркса основываются на *сознательном* софизме (un consaputo sofisma); что Маркс не останавливался перед паралогизмами даже в тех случаях, если он сам *распознавал их как таковые* (sapendoli tali) и т. д. И после того, как он в целом ряде подобных пошлых россказней сообщил своим читателям все необходимое для того, чтобы они увидели в Марксе карьериста à la Лориа, который достигает своих мизерных результатов при помощи таких же мизерных, негодных шарлатанских приемов, какими пользуется наш падуанский профессор, он может теперь сообщить им важную тайну, а вместе с тем и нас возвращает к норме прибыли.

Г-н Лориа говорит: по Марксу масса прибавочной стоимости (которую г-н Лориа отождествляет здесь с прибылью), произведенной в капиталистическом промышленном предприятии, зависит от примененного в нем переменного капитала, так как постоянный капитал не приносит никакой прибыли. Но это противоречит действительности, потому что на практике прибыль зависит не от переменного капитала, а от совокупного капитала. И Маркс сам видит это (I, гл. XI [9]) и соглашается, что факты по внешней видимости противоречат его теории. Как же разрешает он это противоречие? Он отсылает своих читателей к еще не появившемуся следующему тому. Об этом томе Лориа уже раньше говорил *своим* читателям, что он не верит тому, чтобы Маркс хотя бы одно мгновение думал о его написании, и теперь он торжествующе восклицает:

«Итак, я справедливо утверждал, что этот второй том, которым Маркс постоянно угрожает своим противникам и который, однако, никогда не появится, что этот том, весьма вероятно, служил хитроумной увerткой, которую Маркс применял в тех случаях, когда у него не хватало научных аргументов (un ingegnoso spediente ideato dal Marx a sostituzione degli argomenti scientifici)».

---

* — знаменитого. *Ред.*

И кто и теперь еще не убежден в том, что Маркс стоит на таком же уровне научного шарлатанства, как illustre Лориа, того уже ничем не исправишь.

Итак, вот что мы узнали: по мнению г-на Лориа, теория прибавочной стоимости Маркса абсолютно несовместима с фактом общей равной нормы прибыли. Но вот появилась вторая книга и вместе с тем публично поставленный мною вопрос как раз об этом самом пункте [10]. Если бы г-н Лориа был одним из нас, робких немцев, он пришел бы в некоторое смущение. Но он — смелый южанин, он происходит из страны с жарким климатом, где, как он утверждает, беззастенчивость * является до некоторой степени естественным условием. Вопрос о норме прибыли поставлен публично. Г-н Лориа публично объявил его неразрешимым. И именно потому он теперь превзойдет самого себя, разрешив его публично.

Такое чудо произошло в «Conrads Jahrbücher», neue Folge, Bd. XX [1890], S. 272 und ff., в статье о вышеупомянутой работе Конрада Шмидта. После того как он узнал от Шмидта, как образуется торговая прибыль, для него сразу все стало ясно.

«Так как определение стоимости рабочим временем дает преимущество тем капиталистам, которые вкладывают бо́льшую часть своего капитала в заработную плату, то непроизводительный» (следует сказать — торговый) «капитал может принудить этих пользующихся преимуществом капиталистов платить ему более высокий процент» (следует сказать — прибыль) «и создать равенство между отдельными промышленными капиталистами... Так, например, если промышленные капиталисты *А*, *В*, *С* употребляют на производство по 100 рабочих дней каждый и постоянного капитала соответственно 0, 100 и 200, а заработная плата за 100 рабочих дней содержит в себе 50 рабочих дней, то каждый капиталист получает прибавочную стоимость в 50 рабочих дней, а норма прибыли составляет 100% для первого, 33,3% для второго и 20% для третьего капиталиста. Но если четвертый капиталист *Д* накопляет непроизводительный капитал в 300, который предъявляет притязание на получение от капиталиста *А* процента» (прибыли) «стоимостью в 40 рабочих дней и от капиталиста *В* — процента стоимостью в 20 рабочих дней, то норма прибыли капиталистов *А* и *В* понизится до 20%, как у *С*, а капиталист *Д* с капиталом в 300 получит прибыль в 60, т. е. норму прибыли в 20%, как и остальные капиталисты».

С такой поразительной ловкостью, в один миг, illustre Лориа разрешил тот самый вопрос, который он за десять лет перед тем объявил неразрешимым. К сожалению, он не открыл нам тайны, откуда «непроизводительный капитал» приобретает силу для того, чтобы не только отнять у промышленников эту их добавочную прибыль, превышающую среднюю норму

---

* Игра слов: «Unverfrorenheit» означает «беззастенчивость» и «незамерзаемость». *Ред.*

прибыли, но и удержать ее в собственном кармане совершенно так же, как земельный собственник кладет себе в карман в виде земельной ренты добавочную прибыль арендатора. В самом деле, при этом купцы взимали бы с промышленников дань, совершенно аналогичную земельной ренте, и таким путем устанавливали бы среднюю норму прибыли. Конечно, торговый капитал, как это достаточно известно всякому, очень существенный фактор в установлении общей нормы прибыли. Но только литературный авантюрист, который в глубине души плюет на всю политическую экономию, может позволить себе утверждение, что торговый капитал обладает волшебной силой поглощать всю избыточную прибавочную стоимость, превышающую общую норму прибыли, к тому же поглощать прежде, чем последняя установлена, и превращать ее в земельную ренту для себя самого, причем для этого ему не требуется никакой земельной собственности. Не менее удивительно утверждение, будто торговый капитал всегда находит тех промышленников, прибавочная стоимость которых как раз достигает лишь средней нормы прибыли, и что он почитает за честь для себя до некоторой степени облегчить участь этих несчастных жертв закона стоимости Маркса, продавая их продукты даром, даже без всяких комиссионных вознаграждений. Каким надо быть шарлатаном, чтобы вообразить себе, будто Маркс нуждался в подобных жалких фокусах!

Но в полном блеске своей славы наш illustre Лориа выступает только тогда, когда мы сравниваем его с его северными конкурентами, например с г-ном Юлиусом Вольфом, который ведь тоже известен не со вчерашнего дня. Каким мелким брехуном кажется Вольф рядом с итальянцем даже в своей толстой книге «Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung»! Как беспомощно, я чуть было даже не сказал как скромно, выглядит он по сравнению с тем благородным дерзновением, с каким маэстро выдает как нечто само собой разумеющееся, что Маркс не больше и не меньше, а такой же, как и все другие люди, что он совершенно такой же сознательный софист, паралогист, хвастун и шарлатан, как сам г-н Лориа, что Маркс всякий раз, когда попадает в затруднительное положение, обещает публике дать окончание своей теории в следующем томе, который он, как это ему самому очень хорошо известно, и не может и не собирается выпустить! Безграничная отвага, соединяющаяся с чрезвычайной изворотливостью и умением выходить из самых невозможных положений, героическое равнодушие к полученным пинкам, стремительно быстрое присвоение чужих работ, назойливое шарлатанство рекламы, организация успеха

при помощи шумихи друзей, — кто может сравниться с ним во всем этом?

Италия — страна классического. С того великого времени, когда там взошла заря современного мира, эта страна взрастила величественные характеры недосягаемого классического совершенства, от Данте до Гарибальди. Но времена унижения и чужеземного господства оставили ей и другие классические характеры, среди них два особенно рельефных типа: Сганареля и Дулькамару [11]. Классическое единство обоих воплотилось, как мы видим, в нашем illustre Лориа.

В заключение я должен повести своих читателей за океан. В Нью-Йорке г-н д-р медицины *Георг Штибелинг* также нашел решение задачи, и притом в высшей степени простое. Настолько простое, что ни один человек ни по ту, ни по эту сторону океана не захотел признать его, вследствие чего он пришел в великий гнев и в бесконечном ряде брошюр и газетных статей по обеим сторонам океана горько жаловался на такую несправедливость. Хотя в «Neue Zeit» ему сказали [12], что все его решение основывается на ошибке в вычислениях, но это не могло его обеспокоить. Маркс-де тоже делал ошибки в вычислениях, однако во многих вещах оказался прав. Итак, посмотрим на решение Штибелинга.

«Я беру две фабрики, работающие одинаковое время с одинаковым капиталом, но при различном отношении постоянного и переменного капитала. Весь капитал $(c + v)$ я принимаю $= y$ и обозначаю разницу в отношении постоянного к переменному капиталу через x. Для фабрики I $y = c + v$; для фабрики II $y = (c - x) + (v + x)$. Следовательно, норма прибавочной стоимости для фабрики $\mathrm{I} = \frac{m}{v}$, а для фабрики $\mathrm{II} = \frac{m}{v + x}$. Прибылью (p) я называю совокупную прибавочную стоимость (m), на которую увеличивается совокупный капитал y, или $c + v$, в течение данного времени; следовательно, $p = m$. Поэтому норма прибыли для фабрики $\mathrm{I} = \frac{p}{y}$, или $\frac{m}{c + v}$, и точно так же для фабрики $\mathrm{II} = \frac{p}{y}$, или $\frac{m}{(c - x) + (v + x)}$, т. е. точно так же $= \frac{m}{c + v}$. Следовательно, проблема разрешается таким образом, что на основе закона стоимости при употреблении одинакового капитала и одинакового времени, но неодинаковых количеств живого труда, равная средняя норма прибыли происходит от изменения нормы прибавочной стоимости» (G. C. Stiebeling. «Das Werthgesetz und die Profitrate». New York [1890, S. 1]).

Как ни прекрасно, как ни ясно вышеприведенное вычисление, однако мы вынуждены предложить г-ну д-ру Штибелингу *один* вопрос: откуда он знает, что сумма прибавочной стоимости, которую производит фабрика I, совершенно равна сумме прибавочной стоимости, произведенной на фабрике II? Относительно

c, v, y и x, следовательно, о всех остальных факторах подсчета, он нам прямо говорит, что они одинаковой величины для обеих фабрик, но об m ни слова. Но из того, что он алгебраически обозначает оба упоминаемые здесь количества прибавочной стоимости через m, это отнюдь не следует. Напротив, это есть именно то, что должно быть доказано, так как г-н Штибелинг без всяких околичностей и прибыль p отождествляет с прибавочной стоимостью. Тут возможны только два случая: или оба m равны, каждая фабрика производит одинаковые количества прибавочной стоимости, следовательно при одинаковом общем капитале — и одинаковое количество прибыли, а в таком случае г-н Штибелинг уже наперед предполагает то, что он должен еще доказать; или же одна фабрика производит бо̀льшую сумму прибавочной стоимости, чем другая, и в таком случае весь его расчет рушится.

Г-н Штибелинг не пожалел ни труда, ни средств для того, чтобы нагромоздить на этой своей ошибке в расчете целую груду вычислений и преподнести их публике. Я могу дать ему успокоительное заверение, что почти все они одинаково неверны и что там, где они в виде исключения правильны, они доказывают нечто совершенно иное, чем то, что он желает доказать. Так, сравнивая данные американских цензов 1870 и 1880 гг., он указывает на фактическое понижение нормы прибыли, но объясняет это совершенно ошибочно и полагает, что теория Маркса относительно никогда не изменяющейся, неподвижной нормы прибыли должна быть исправлена на основе практики. Но вот из третьего отдела предлагаемой третьей книги следует, что эта приписываемая Марксу «неподвижная норма прибыли» — чистая выдумка и что тенденция нормы прибыли к понижению покоится на причинах, диаметрально противоположных тем, которые приводит д-р Штибелинг. У г-на д-ра Штибелинга намерения несомненно добрые, но, если желаешь заниматься научными вопросами, необходимо прежде всего научиться читать сочинения, которыми хочешь воспользоваться, так, как их написал автор, и прежде всего не вычитывать из них того, чего в них нет.

Итог всего исследования: и что касается поставленного вопроса, то опять-таки кое-что сделано только школой Маркса. Фиреман и Конрад Шмидт, читая эту третью книгу, могут быть совершенно довольны каждый своей частью их собственных работ.

Ф. Энгельс

Лондон, 4 октября 1894 г.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПРИБЫЛЬ И НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НОРМУ ПРИБЫЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА И ПРИБЫЛЬ

В первой книге были исследованы те явления, которые представляет капиталистический *процесс производства,* взятый сам по себе как непосредственный процесс производства, причем оставлялись в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется *процессом обращения,* который составил предмет исследования второй книги. Там, — именно в третьем отделе, при рассмотрении процесса обращения как опосредствования общественного процесса воспроизводства, — оказалось, что капиталистический процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения. Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое.* В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым вид [Gestalt] капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его вид в процессе обращения, выступает лишь в качестве особых моментов. Видоизменения капитала, как мы их развиваем в этой книге, шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства.

Стоимость всякого капиталистически произведенного товара *(W)* выражается формулой: $W = c + v + m$. Если из этой стоимости продукта вычесть прибавочную стоимость m, то останется только эквивалент или стоимость, возмещающая в товаре капитальную стоимость $c + v$, израсходованную в виде элементов производства.

Если, например, производство известного товара вызвало затрату капитала в 500 фунтов стерлингов: 20 ф. ст. на изнашивание средств труда, 380 ф. ст. на производственные материалы, 100 ф. ст. на рабочую силу, и если норма прибавочной стоимости составляет 100%, то стоимость продукта $= 400_c + 100_v + 100_m = 600$ фунтам стерлингов.

По вычете прибавочной стоимости в 100 ф. ст. остается товарная стоимость в 500 ф. ст., и она лишь возмещает израсходованный капитал в 500 фунтов стерлингов. Эта часть стоимости товара, возмещающая цену потребленных средств производства и цену примененной рабочей силы, возмещает лишь то, чего стоит товар для самого капиталиста, и потому образует для него издержки производства товара.

То, чего стоит товар капиталисту, и то, чего стоит само производство товара, это во всяком случае — две совершенно различные величины. Та часть товарной стоимости, которая состоит из прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда. Но так как на основе капиталистического производства рабочий, вступив в процесс производства, сам образует составную часть функционирующего и принадлежащего капиталисту производительного капитала, и, следовательно, действительным производителем товара является капиталист, то издержки производства товара для него неизбежно представляются действительной стоимостью [Kost] самого товара. Если мы издержки производства назовем k, то формула: $W = c + v + m$ превращается в формулу: $W = k + m$, или товарная стоимость = издержкам производства + прибавочная стоимость.

Поэтому сведение различных частей стоимости товара, лишь возмещающих затраченную на его производство капитальную стоимость, к категории издержек производства, служит, с одной стороны, выражением специфического характера капиталистического производства. То, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой *капитала;* то, чего товар действительно стоит, — затратой *труда.* Поэтому капиталистические издержки производства товара количественно отличны от его стоимости, или действительных издержек его производства;

[illegible]

Первая страница рукописи
III тома «Капитала» К. Маркса

они меньше, чем товарная стоимость, так как, раз $W = k + m$, то $k = W - m$. С другой стороны, издержки производства товара отнюдь не являются такой рубрикой, которая существует лишь в капиталистическом счетоводстве. Обособление этой части стоимости практически постоянно дает о себе знать в действительном воспроизводстве товаров, так как из своей товарной формы эта часть посредством процесса обращения снова и снова должна превращаться обратно в форму производительного капитала и, следовательно, на издержки производства необходимо снова и снова покупать элементы производства, потребленные на производство товара.

Напротив, категория издержек производства не имеет никакого отношения к образованию стоимости товара или к процессу возрастания стоимости капитала. Если я знаю, что $^5/_6$ товарной стоимости в 600 ф. ст., т. е. 500 ф. ст., составляют лишь эквивалент, стоимость, возмещающую затраченный капитал в 500 ф. ст., и потому достаточны только для того, чтобы вновь купить вещественные элементы этого капитала, то я от одного этого еще не знаю ни того, как произведены эти $^5/_6$ стоимости товара, составляющие его издержки производства, ни того, как произведена последняя шестая часть, составляющая прибавочную стоимость. Исследование, однако, покажет, что издержки производства в капиталистическом хозяйстве приобретают ложную видимость категории, относящейся к самому производству стоимости.

Возвратимся к нашему примеру. Если мы предположим, что стоимость, произведенная одним рабочим в течение одного среднего общественного рабочего дня, выражается денежной суммой в 6 шилл. = 6 маркам, то авансированный капитал в 500 ф. ст. $= 400_c + 100_v$ будет представлять собой стоимость, произведенную в $1\,666^2/_3$ десятичасового рабочего дня, из которых $1\,333^1/_3$ рабочего дня кристаллизованы в стоимости средств производства $= 400_c$, $333^1/_3$ — в стоимости рабочей силы $= 100_v$. Следовательно, если норма прибавочной стоимости = 100%, то производство самого вновь создаваемого товара сто̀ит затраты рабочей силы $= 100_v + 100_m = 666^2/_3$ десятичасового рабочего дня.

Далее, нам известно (см. «Капитал», кн. I, гл. VII, стр. 173 и сл.[13]), что стоимость вновь произведенного продукта в 600 ф. ст. слагается из: 1) снова появляющейся стоимости постоянного капитала в 400 ф. ст., израсходованного на средства производства, и 2) из вновь произведенной стоимости в 200 фунтов стерлингов. Издержки производства товара = 500 ф. ст. заключают снова появившиеся 400_c и половину вновь произведенной

стоимости в 200 ф. ст. ($= 100_v$), следовательно, два совершенно различных по своему происхождению элемента товарной стоимости.

Благодаря целесообразному характеру труда, затраченного в течение $666^2/_3$ десятичасового дня, стоимость потребленных средств производства суммой в 400 ф. ст. переносится с этих средств производства на продукт. Поэтому эта старая стоимость снова появляется как составная часть стоимости продукта, но она не возникает в процессе производства *этого* товара. Она только потому существует как составная часть товарной стоимости, что раньше существовала как составная часть авансированного капитала. Следовательно, израсходованный постоянный капитал возмещается той частью товарной стоимости, которую он сам присоединяет к товарной стоимости. Таким образом, этот элемент издержек производства имеет двоякое значение: с одной стороны, он входит в издержки производства товара, потому что является той составной частью товарной стоимости, которая возмещает израсходованный капитал; а, с другой стороны, он лишь потому является составной частью товарной стоимости, что представляет собой стоимость израсходованного капитала, или потому, что средства производства столько-то сто̀ят.

Совершенно обратное происходит с другой составной частью издержек производства. $666^2/_3$ дня труда, израсходованного во время производства товара, образуют новую стоимость в 200 фунтов стерлингов. Из этой новой стоимости одна часть возмещает только авансированный переменный капитал в 100 ф. ст., или цену примененной рабочей силы. Но эта авансированная капитальная стоимость отнюдь не входит в образование новой стоимости. При авансировании капитала рабочая сила рассматривается как *стоимость*, но в процессе производства она функционирует как *созидатель* стоимости. На место той стоимости рабочей силы, которая фигурирует при авансировании капитала, в действительно *функционирующем* производительном капитале выступает сама живая, созидающая стоимость рабочая сила.

Различие между этими различными составными частями товарной стоимости, которые вместе образуют издержки производства, бросается в глаза, как только наступает изменение в величине стоимости: в одном случае — израсходованной постоянной, в другом случае — израсходованной переменной части капитала. Пусть цена одних и тех же средств производства, или постоянная часть капитала, повысится с 400 ф. ст. до 600 ф. ст. или, наоборот, упадет до 200 фунтов стерлингов.

В первом случае повысятся не только издержки производства товара с 500 ф. ст. до $600_c + 100_v = 700$ ф. ст., но и сама товарная стоимость повысится с 600 ф. ст. до $600_c + 100_v + 100_m = 800$ фунтам стерлингов. Во втором случае упадут не только издержки производства с 500 ф. ст. до $200_c + 100_v = 300$ ф. ст., но и сама товарная стоимость — с 600 ф. ст. до $200_c + 100_v + 100_m = 400$ фунтам стерлингов. Так как израсходованный постоянный капитал переносит на продукт свою собственную стоимость, то при прочих равных условиях стоимость продукта возрастает или падает соответственно изменению абсолютной величины этой капитальной стоимости. Предположим, наоборот, что при прочих равных условиях цена прежней массы рабочей силы возрастает со 100 ф. ст. до 150 ф. ст. или, напротив, падает до 50 фунтов стерлингов. Хотя издержки производства в первом случае повышаются с 500 ф. ст. до $400_c + 150_v = 550$ ф. ст., а во втором случае падают с 500 ф. ст. до $400_c + 50_v = 450$ ф. ст., однако товарная стоимость в обоих случаях остается неизменной = 600 фунтам стерлингов: в первом случае $= 400_c + 150_v + 50_m$, во втором случае $= 400_c + 50_v + 150_m$. Авансированный переменный капитал не присоединяет к продукту своей собственной стоимости. Напротив, вместо его стоимости в продукт вошла новая стоимость, созданная трудом. Поэтому изменение в абсолютной величине стоимости переменного капитала, поскольку оно выражает лишь изменение в цене рабочей силы, нисколько не изменяет абсолютной величины товарной стоимости, так как ничего не изменяет в абсолютной величине новой стоимости, создаваемой действующей рабочей силой. Напротив, такое изменение оказывает влияние лишь на отношение величин тех двух составных частей новой стоимости, из которых одна составляет прибавочную стоимость, а другая возмещает переменный капитал и потому входит в издержки производства товара.

Общим для обеих частей издержек производства — в нашем случае $400_c + 100_v$ — является только одно: обе они суть части товарной стоимости, которые возмещают авансированный капитал.

Но с точки зрения капиталистического производства это действительное положение вещей необходимо проявляется в извращенном виде.

Капиталистический способ производства отличается от способа производства, основанного на рабстве, между прочим, тем, что стоимость, соответственно цена, рабочей силы представляется как стоимость, соответственно как цена, самого труда, или как заработная плата («Капитал», кн. I, гл. XVII).

Поэтому переменная часть стоимости авансированного капитала выступает в виде капитала, израсходованного на заработную плату, в виде капитальной стоимости, оплачивающей стоимость, соответственно цену, всего труда, израсходованного на производство. Если мы, например, предположим, что средний общественный рабочий день 10-часовой продолжительности воплощается в количестве денег = 6 шилл., то авансированный переменный капитал в 100 ф. ст. будет денежным выражением стоимости, произведенной в $333^1/_3$ десятичасового рабочего дня. Но эта стоимость купленной рабочей силы, фигурирующая при авансировании капитала, отнюдь не составляет части действительно функционирующего капитала. Вместо нее в процесс производства вступает сама живая рабочая сила. Если степень эксплуатации последней составляет, как в нашем примере, 100%, то она расходуется в течение $666^2/_3$ десятичасового рабочего дня и поэтому присоединяет к продукту новую стоимость в 200 фунтов стерлингов. Но при авансировании капитала переменный капитал в 100 ф. ст. фигурирует как капитал, затраченный на заработную плату, или как цена труда, который совершается в течение $666^2/_3$ десятичасового дня, 100 ф. ст., деленные на $666^2/_3$, дают нам в качестве цены десятичасового рабочего дня 3 шилл., стоимость, созданную в течение пятичасового труда.

Если мы теперь сравним авансированный капитал, с одной стороны, и товарную стоимость — с другой, то мы получим:

I. Авансированный капитал в 500 ф. ст. = 400 ф. ст. капитала, израсходованного на средства производства (цена средств производства), + 100 ф. ст. капитала, израсходованного на труд (цена $666^2/_3$ рабочего дня, или заработная плата за них).

II. Товарная стоимость в 600 ф. ст. = издержкам производства в 500 ф. ст. (400 ф. ст., цена израсходованных средств производства + 100 ф. ст., цена затраченных $666^2/_3$ рабочего дня) + 100 ф. ст. прибавочной стоимости.

В этой формуле часть капитала, затраченная на труд, только тем отличается от части капитала, затраченной на средства производства, например, на хлопок или уголь, что она служит для оплаты вещественно другого элемента производства, но отнюдь не тем, что в процессе образования стоимости товара, а потому и в процессе увеличения стоимости капитала, она играет функционально другую роль. В издержках производства товара цена средств производства воспроизводится такой же, какой она уже фигурировала при авансировании капитала, и именно

1 1

Im ersten Buch wurden die Erscheinungen untersucht, die der kapitalistische Produktionsprozeß, für sich genommen, darbietet, als unmittelbarer Produktionsprozeß, bei dem noch von allen sekundären Einwirkungen ihm fremder Umstände abgesehen wurde. Aber dieser unmittelbare Produktionsprozeß erschöpft nicht den Lebenslauf des Kapitals. Er wird in der wirklichen Welt ergänzt durch den Zirkulationsprozeß, und dieser bildete den Gegenstand der Untersuchungen des zweiten Buchs. Hier zeigte sich, namentlich im dritten Abschnitt, bei Betrachtung des Zirkulationsprozesses als der Vermittlung des gesellschaftlichen Reproduktionsprozesses, daß der kapitalistische Produktionsprozeß,

~~Wir haben gesehen, daß der Produktionsprozeß~~ im Ganzen betrachtet, Einheit von Produktions- und Zirkulationsprozeß ist. ~~Bei der Betrachtung des Zirkulationsprozesses als der Vermittlung des gesellschaftlichen Reproduktionsprozesses (Buch II, Abschn. III) wurde dies näher entwickelt.~~ Worum es sich in diesem dritten Buch handelt, kann nicht sein, allgemeine Reflexionen über diese Einheit anzustellen. Es gilt vielmehr die konkreten Formen aufzufinden und darzustellen, welche aus dem Prozeß des Kapitals — als Ganzes betrachtet — hervorwachsen. In ihrer wirklichen Bewegung treten sich die Kapitale in solchen konkreten Formen gegenüber, für die die Gestalt des Kapitals im unmittelbaren Produktionsprozeß, wie seine Gestalt im Zirkulationsprozeß, nur als besondere Momente erscheinen. Die Gestaltungen des Kapitals, wie wir sie

ПЕРЕПИСАННАЯ СЕКРЕТАРЕМ ПЕРВАЯ СТРАНИЦА III ТОМА «КАПИТАЛА» С ПОПРАВКАМИ Ф. ЭНГЕЛЬСА.

Вверху страницы вставка, сделанная также рукой Ф. Энгельса

потому, что эти средства производства были целесообразно использованы. Совершенно так же в издержках производства товара цена, или заработная плата, $666^2/_3$ рабочего дня, затраченного на его производство, воспроизводится такой, какой она уже фигурировала при авансировании капитала, и опять же именно потому, что это количество труда затрачено в целесообразной форме. Мы видим лишь готовые, наличные стоимости, — те части стоимости авансированного капитала, которые участвуют в образовании стоимости продукта, — но не видим элемента, создающего новую стоимость. Различие между постоянным и переменным капиталом исчезло. Все издержки производства в 500 ф. ст. приобретают теперь двоякий смысл: во-первых, они представляют собой ту составную часть товарной стоимости в 600 ф. ст., которая возмещает капитал в 500 ф. ст., затраченный на производство товара; и, во-вторых, сама эта составная часть стоимости товара существует лишь потому, что раньше она существовала как издержки производства примененных элементов производства, средств производства и труда, т. е. как авансированный капитал. Капитальная стоимость воспроизводится как издержки производства товара потому и постольку, поскольку она была израсходована как капитальная стоимость.

Тем обстоятельством, что различные составные части стоимости авансированного капитала затрачены на вещественно различные элементы производства — на средства труда, сырье, вспомогательные материалы и труд, — обусловливается лишь то, что на издержки производства товара опять придется купить эти вещественно различные элементы производства. Напротив, в том, что касается образования самих издержек производства, дает о себе знать только одно различие — различие между основным и оборотным капиталом. В нашем примере 20 ф. ст. числились как средства труда (400_c = 20 ф. ст. — износ средств труда + 380 ф. ст. — производственные материалы). Если до производства товара стоимость этих средств труда была = = 1 200 ф. ст., то после его производства она существует в двух видах: 20 ф. ст. — как часть товарной стоимости, 1 200 — 20, или 1 180 ф. ст. — как оставшаяся стоимость средств труда, находящихся по-прежнему во владении капиталиста, или как элемент стоимости не его товарного капитала, а его производительного капитала. В противоположность средствам труда производственные материалы и заработная плата целиком затрачиваются на производство товара, а потому и вся их стоимость входит в стоимость произведенного товара. Мы видели, как эти различные составные части авансированного капитала

по отношению к обороту приобретают формы основного и оборотного капитала.

Итак, авансированный капитал = 1 680 фунтам стерлингов: основной капитал = 1 200 ф. ст. плюс оборотный капитал = = 480 ф. ст. (= 380 ф. ст. — производственные материалы плюс 100 ф. ст. — заработная плата).

Издержки производства товара, напротив, = только 500 ф. ст. (20 ф. ст. — износ основного капитала, 480 ф. ст. — оборотный капитал).

Однако это различие между издержками производства товара и авансированным капиталом подтверждает лишь то, что издержки производства товара образуются исключительно капиталом, действительно затраченным на его производство.

В производстве товара применяются средства труда стоимостью в 1 200 ф. ст., но из этой авансированной капитальной стоимости в производстве потребляется только 20 фунтов стерлингов. Следовательно, примененный основной капитал лишь частично входит в издержки производства товара потому, что лишь частично расходуется на производство товара. Примененный оборотный капитал целиком входит в издержки производства товара потому, что он целиком расходуется на его производство. Но что же доказывает это, как не то, что потребленные основная и оборотная части капитала, pro rata * величине их стоимости, одинаково входят в издержки производства данного товара и что эта составная часть стоимости товара вообще обязана своим происхождением лишь капиталу, израсходованному на его производство? Если бы это было не так, то нельзя было бы понять, почему авансированный основной капитал в 1 200 ф. ст. не присоединяет к стоимости продукта помимо тех 20 ф. ст., которые он утрачивает в процессе производства, также и те 1 180 ф. ст., которые не утрачены им в этом процессе.

Итак, это различие между основным и оборотным капиталом в отношении исчисления издержек производства лишь подтверждает очевидное возникновение издержек производства из затраченной капитальной стоимости или той цены, в которую обходятся самому капиталисту израсходованные элементы производства, включая сюда и труд. С другой стороны, в отношении образования стоимости, переменная, затраченная на рабочую силу часть капитала прямо отождествляется здесь под рубрикой оборотного капитала с постоянным капиталом (частью капитала, состоящей из производственных материалов),

* — пропорционально. *Ред.*

и таким образом завершается мистификация процесса увеличения стоимости капитала [1]).

До сих пор мы рассматривали только один элемент товарной стоимости — издержки производства. Мы должны теперь посмотреть и на другую составную часть товарной стоимости, на избыток над издержками производства, или на прибавочную стоимость. Итак, прибавочная стоимость представляет собой прежде всего избыток стоимости товара над издержками его производства. Но так как издержки производства равны стоимости израсходованного капитала, в вещественные элементы которого они постоянно обратно превращаются, то этот избыток стоимости представляет собой прирост стоимости капитала, израсходованного на производство товара и возвращающегося из обращения этого товара.

Раньше мы уже видели, что хотя m, прибавочная стоимость, возникает лишь из изменения стоимости v, переменного капитала, и потому по своему происхождению представляет собой просто прирост переменного капитала, однако по окончании процесса производства она в такой же мере образует прирост стоимости $c + v$, т. е. всего израсходованного капитала. Формула $c + (v + m)$, которая указывает, что m производится вследствие превращения определенной капитальной стоимости v, авансированной на рабочую силу, в изменяющуюся величину, следовательно, вследствие превращения постоянной величины в величину переменную, может быть представлена точно так же в виде $(c + v) + m$. До производства у нас был капитал в 500 фунтов стерлингов. После производства у нас имеется капитал в 500 ф. ст. плюс прирост стоимости в 100 фунтов стерлингов [2]).

Однако прибавочная стоимость составляет прирост не только к той части авансированного капитала, которая входит в процесс образования стоимости, но и к той части, которая не входит в него; следовательно, — прирост стоимости не только к тому израсходованному капиталу, который возмещается из цены производства товара [Kostpreis], но вообще ко всему

---

[1]) Какая путаница может возникнуть из-за этого в головах экономистов, показано в «Капитале», кн. I, гл. VII, 3, стр. 185—191, на примере Н. У. Сениора [см. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 235—240].

[2]) «В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с v, с частью капитала, превращенной в рабочую силу, что, следовательно, $v + m = v + \Delta v$ (v плюс прирост v). Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством, что вследствие возрастания своей изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был равен 500, теперь он равен 590» («Капитал», кн. I, гл. VII, 1, стр. 175 [см. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 225]).

капиталу, вложенному в производство. До процесса производства у нас была капитальная стоимость в 1 680 фунтов стерлингов: 1 200 ф. ст. основного капитала в средствах труда, из которого только 20 ф. ст. износа входят в стоимость товара, плюс 480 ф. ст. оборотного капитала в производственных материалах и заработной плате. После процесса производства у нас имеется 1 180 ф. ст. как составная часть стоимости производительного капитала плюс товарный капитал в 600 фунтов стерлингов. Если мы сложим эти две суммы стоимости, то окажется, что капиталист владеет теперь стоимостью в 1 780 фунтов стерлингов. Если он вычтет из этого весь авансированный капитал в 1 680 ф. ст., то у него остается прирост стоимости в 100 фунтов стерлингов. Итак, 100 ф. ст. прибавочной стоимости в такой же мере составляют прирост стоимости к вложенному капиталу в 1 680 ф. ст., как и к той его доле в 500 ф. ст., которая израсходована во время производства.

Теперь для капиталиста ясно, что этот прирост стоимости возникает из производственных процессов, предпринятых с капиталом, что, следовательно, он порождается самим капиталом; после процесса производства указанный прирост уже существует, а до этого процесса его не было. Что касается прежде всего капитала, израсходованного в производстве, то кажется, будто прибавочная стоимость одинаково возникает из различных элементов его стоимости, состоящих из средств производства и труда, ибо эти элементы одинаково участвуют в образовании издержек производства. Они в одинаковой мере присоединяют к стоимости продукта свои составляющие авансированный капитал стоимости и не различаются как постоянная и переменная величины стоимости. Это становится очевидным, если мы на один момент представим себе, что весь израсходованный капитал состоит или исключительно из заработной платы, или исключительно из стоимости средств производства. Тогда в первом случае мы имели бы вместо товарной стоимости $400_c + 100_v + 100_m$ товарную стоимость $500_v + 100_m$. Затраченный на заработную плату капитал в 500 ф. ст. представляет собой стоимость всего труда, употребленного на производство товарной стоимости в 600 ф. ст., и как раз поэтому образует издержки производства всего продукта. Но образование этих издержек производства, вследствие чего стоимость израсходованного капитала снова появляется как составная часть стоимости продукта, является единственным нам известным процессом в создании этой товарной стоимости. Как возникает та ее составная часть в 100 ф. ст., которая образует прибавочную стоимость, мы не знаем. То же самое было бы во втором случае,

когда товарная стоимость была бы $= 500_c + 100_m$. В обоих случаях мы знаем, что прибавочная стоимость возникает из данной стоимости потому, что эта стоимость авансирована в форме производительного капитала, — безразлично, в форме ли труда или в форме средств производства. Но, с другой стороны, авансированная капитальная стоимость не может образовать прибавочной стоимости лишь по той причине, что она израсходована и, следовательно, образует издержки производства товара. Как раз в той мере, в какой она образует издержки производства товара, она образует не прибавочную стоимость, а лишь эквивалент, стоимость, возмещающую израсходованный капитал. Следовательно, поскольку она образует прибавочную стоимость, она образует ее не в своем специфическом качестве израсходованного капитала, а вообще как авансированный и потому примененный капитал. Следовательно, прибавочная стоимость происходит как из той части авансированного капитала, которая входит в издержки производства товара, так и из той части, которая не входит в издержки производства, словом, — в равной мере из основной и оборотной составных частей примененного капитала. Весь капитал — как средства труда, так и производственные материалы и труд — вещественно служит созидателем продукта. Вещественно в действительном процессе труда участвует весь капитал, а в процессе образования стоимости только часть его. Быть может, именно в этом лежит причина того, что он лишь частично участвует в образовании издержек производства, но зато целиком в образовании прибавочной стоимости. Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость возникает одновременно из всех частей вложенного капитала. Рассуждения можно было бы еще более сократить, если грубо и просто сказать вслед за Мальтусом:

«Капиталист *ждет* одинаковой выгоды от всех частей авансированного им капитала» [3].

Прибавочная стоимость, представленная как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращенную форму *прибыли*. Следовательно, известная сумма стоимости является капиталом потому, что она затрачена для того, чтобы произвести прибыль [4], или прибыль появляется потому, что известная сумма стоимости употребляется как капитал. Если прибыль мы обозначим буквой *p*, то формула

---

[3] *Malthus*. «Principles of Political Economy». 2nd ed., London, 1836, p. 268.
[4] «Капитал это то, что расходуется в целях получения прибыли». *Malthus*. «Definitions in Political Economy». London, 1827, p. 86.

$W = c + v + m = k + m$ превращается в формулу $W = k + p$, или *товарная стоимость = издержкам производства + прибыль.*

Следовательно, прибыль, как мы ее сначала здесь имеем перед собой, есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в мистифицированной форме, которая, однако, необходимо возникает из капиталистического способа производства. Так как при видимом образовании издержек производства нельзя обнаружить никакого различия между постоянным и переменным капиталом, то изменение стоимости, совершающееся во время процесса производства, неизбежно связывается не с переменной частью капитала, а со всем капиталом. Так как на одном полюсе цена рабочей силы выступает в превращенной форме заработной платы, то на противоположном полюсе прибавочная стоимость выступает в превращенной форме прибыли.

Как мы видели, издержки производства товара меньше, чем его стоимость. Так как $W = k + m$, то $k = W - m$. Формула $W = k + m$ лишь при том условии сводится к $W = k$, равенству товарной стоимости и издержек производства товара, если $m = 0$, — это случай, который никогда не встречается на основе капиталистического производства, хотя при особой рыночной конъюнктуре продажная цена товаров может падать до или даже ниже их издержек производства.

Поэтому если товар продается по его стоимости, то реализуется прибыль, равная избытку его стоимости над издержками его производства, следовательно, равная всей прибавочной стоимости, заключающейся в товарной стоимости. Но капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его ниже его стоимости. До тех пор, пока продажная цена товара выше издержек его производства, если даже при этом она и ниже его стоимости, все время будет реализоваться часть заключающейся в нем прибавочной стоимости, следовательно, будет получаться прибыль. В нашем примере товарная стоимость = 600 ф. ст., издержки производства = 500 фунтам стерлингов. Если товар продается за 510, 520, 530, 560, 590 ф. ст., то он продается ниже его стоимости соответственно на 90, 80, 70, 40, 10 ф. ст. и, все же, от его продажи выручается прибыль соответственно в 10, 20, 30, 60, 90 фунтов стерлингов. Между стоимостью товара и издержками его производства, очевидно, возможен неопределенный ряд продажных цен. Чем больше тот элемент товарной стоимости, который состоит из прибавочной стоимости, тем больше на практике пределы этих промежуточных цен.

Этим объясняются не только повседневные явления конкуренции, как, например, известные случаи продажи по пониженным ценам (underselling), ненормально низкий уровень

товарных цен в определенных отраслях промышленности [5] и т. д. Основной закон капиталистической конкуренции, непонятый до сих пор политической экономией, закон, регулирующий общую норму прибыли и определяемые ею так называемые цены производства, основывается, как мы увидим позже, на этой разнице между стоимостью товара и его издержками производства и на вытекающей из нее возможности с прибылью продавать товар ниже его стоимости.

Низшая граница продажной цены товара определяется издержками его производства. Если товар продается ниже издержек его производства, то израсходованные составные части производительного капитала не могут быть полностью возмещены из продажной цены. Если этот процесс продолжается, то авансированная капитальная стоимость исчезает. Уже с этой точки зрения капиталист склонен считать издержки производства действительной *внутренней* стоимостью товара, потому что это — цена, необходимая для простого сохранения его капитала. Но к этому присоединяется еще то обстоятельство, что издержки производства товара есть та покупная цена, которую сам капиталист уплатил для производства товара, следовательно, покупная цена, определяемая самим процессом производства товара. Поэтому реализуемый при продаже товара избыток стоимости, или прибавочная стоимость, представляется капиталисту избытком продажной цены товара над его стоимостью, а не избытком его стоимости над издержками его производства, так что выходит, будто прибавочная стоимость, заключающаяся в товаре, не реализуется посредством его продажи, а возникает из самой продажи. Мы уже выяснили эту иллюзию более подробно в «Капитале», кн. I, гл. IV, 2 («Противоречия всеобщей формулы капитала»), теперь же на один момент возвратимся к той форме, которую вновь выдвинули Торренс и др., изображая ее шагом вперед, сделанным политической экономией по сравнению с Рикардо.

«Естественная цена, состоящая из издержек производства, или, другими словами, из капитала, затраченного при производстве или изготовлении товара, не может включать норму прибыли... Если фермер, затратив 100 квартеров зерна, получает обратно 120 квартеров, то 20 квартеров зерна составляют прибыль, и было бы абсурдно этот избыток, или эту прибыль, называть частью затрат... Фабрикант затрачивает известное количество сырья, орудий и средств существования для труда и получает взамен известное количество готового товара. Этот готовый товар должен обладать более высокой меновой стоимостью, чем то сырье, те орудия и средства существования, благодаря авансированию которых он создан».

---

[5] Ср. «Капитал», кн. I, гл. XVIII, стр. 511—512 [см. К. Маркс, «Капитал», том I, М., 1969, стр. 559—560].

Поэтому, заключает Торренс, избыток продажной цены над издержками производства, или прибыль, возникает вследствие того, что потребители

«путем ли непосредственного или опосредствованного (circuitous) обмена дают за товар некоторое большее количество всех составных частей капитала, чем стоило его производство» [6)].

На деле же избыток над данной величиной не может образовать части этой величины, а потому и прибыль, избыток товарной стоимости над затратами капиталиста, не может образовать части этих затрат. Следовательно, если в образовании стоимости товара не участвует какой-либо иной элемент, кроме стоимости, авансированной капиталистом, то непонятно, каким образом из производства может выйти бо̀льшая стоимость, чем та, которая вошла в него, — т. е., как может нечто возникнуть из ничего. Однако Торренс отделывается от этого созидания из ничего лишь таким способом, что переносит его из сферы производства товаров в сферу обращения товаров. Прибыль не может получиться из производства, говорит Торренс, потому, что иначе она уже содержалась бы в издержках производства, следовательно не было бы никакого избытка над этими издержками. Прибыль не может получиться из обмена товаров, отвечает ему Рамсей [14], если она уже не имелась в наличии до обмена товаров. Сумма стоимости обмениваемых продуктов, очевидно, не изменяется вследствие обмена продуктов, сумму стоимости которых они собой представляют. Она остается после обмена такой же, какой была до обмена. Здесь следует заметить, что Мальтус [7)] прямо ссылается на авторитет Торренса, хотя сам он иначе объясняет продажу товаров выше их стоимости или, вернее, не объясняет этого, так как все аргументы этого рода по существу совершенно под стать рассуждениям о знаменитом в свое время отрицательном весе флогистона [15].

В обществе, где господствует капиталистическое производство, даже некапиталистический производитель находится во власти капиталистических представлений. В своем последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще отличающийся глубоким пониманием реальных отношений, метко показывает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких денежных затрат. Ро-

---

6) *R. Torrens*. «An Essay on the Production of Wealth». London, 1821, p. 51—53, 349.
7) *Malthus*. «Definitions in Political Economy». London, 1853, p. 70, 71.

стовщик, в свою очередь, убивает таким образом одним выстрелом двух зайцев. Он избавляет себя от денежных расходов на заработную плату и втягивает все больше и больше в долговую кабалу крестьянина, который постепенно разоряется, так как не работает на собственном поле.

Нелепое представление, будто издержки производства товара составляют его действительную стоимость, а прибавочная стоимость происходит из продажи товара выше его стоимости, что, следовательно, товары продаются по их стоимостям, если их продажная цена равна издержкам их производства, т. е. равна цене средств производства, потребленных на них, плюс заработная плата, — это нелепое представление Прудон с обычным для него наукообразным шарлатанством возвестил как новое открытие тайны социализма. Это сведение стоимости товаров к издержкам их производства образует в действительности основу его «Народного банка» [16]. Раньше было показано, что различные составные части стоимости продукта можно представить в пропорциональных частях самого продукта. Если, например («Капитал», кн. I, гл. VII, 2, стр. 182[17]), стоимость 20 ф. пряжи составляет 30 шилл. — именно 24 шилл. средства производства, 3 шилл. рабочая сила и 3 шилл. прибавочная стоимость, — то эту прибавочную стоимость можно представить в виде $^{1}/_{10}$ продукта = 2 ф. пряжи. Если эти 20 ф. пряжи будут теперь проданы по их издержкам производства, за 27 шилл., то покупатель получит 2 ф. пряжи даром, или товар будет продан на $^{1}/_{10}$ ниже своей стоимости; рабочий так же, как и раньше, совершил свой прибавочный труд, однако только для покупателя, а не для капиталистического производителя пряжи. Было бы совершенно ошибочно предполагать, что если бы все товары продавались по издержкам их производства, то результат фактически получился бы такой же, как если бы все товары продавались выше издержек их производства, но по их стоимостям. Если даже предположить, что стоимость рабочей силы, продолжительность рабочего дня и степень эксплуатации труда повсюду одинаковы, то все же массы прибавочной стоимости, заключающиеся в стоимостях различных видов товара, в зависимости от различного органического строения капитала, авансированного на их производство, отнюдь не будут равны [8)].

[8)] «Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу» («Капитал», кн. I, гл. IX, стр. 270 [см. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 316]).

ГЛАВА ВТОРАЯ

НОРМА ПРИБЫЛИ

Всеобщая формула капитала такова: *Д — Т — Д'*, т. е. известную сумму стоимости бросают в обращение для того, чтобы извлечь из него бо̀льшую сумму стоимости. Процесс, порождающий эту бо̀льшую сумму стоимости, есть капиталистическое производство; процесс, реализующий ее, есть обращение капитала. Капиталист производит товар не ради самого товара, не ради его потребительной стоимости или своего личного потребления. Продукт, который в действительности интересует капиталиста, — это не сам осязаемый продукт, а избыток стоимости продукта над стоимостью потребленного на него капитала. Капиталист авансирует весь капитал, не обращая внимания на различные роли, которые составные части капитала играют в производстве прибавочной стоимости. Он одинаково авансирует все эти составные части не только для того, чтобы воспроизвести авансированный капитал, но и произвести известный избыток стоимости по сравнению с ним. Стоимость переменного капитала, авансируемого им, он может превратить в бо̀льшую стоимость лишь посредством обмена его на живой труд, посредством эксплуатации живого труда. Но он может эксплуатировать труд только в том случае, если он одновременно авансирует и условия для осуществления этого труда, — средства труда и предмет труда, машины и сырье, — т. е. если он ту сумму стоимости, которая имеется у него, превратит в форму условий производства; как и вообще он только потому является капиталистом, только потому вообще может приняться за процесс эксплуатации труда, что он как собственник условий труда противостоит рабочему как владельцу только рабочей силы. Уже раньше, в первой книге [18], было показано, что как раз то обстоятельство, что этими средствами производства владеют нерабочие, превращает рабочих в наемных рабочих, нерабочих — в капиталистов.

Для капиталиста безразлично, как смотрят на дело: что он авансирует постоянный капитал для того, чтобы извлечь прибыль из переменного, или же он авансирует переменный капитал для того, чтобы увеличить стоимость постоянного; что он затрачивает деньги на заработную плату для того, чтобы придать машинам и сырью более высокую стоимость, или же он авансирует деньги на машины и сырье для того, чтобы получить возможность эксплуатировать труд. Хотя прибавочную стоимость создает только переменная часть капитала, однако создает ее лишь при том условии, если авансированы и другие части — необходимые для труда условия производства. Так как капиталист может эксплуатировать труд лишь путем авансирования постоянного капитала, так как он может использовать постоянный капитал лишь путем авансирования переменного, то в его представлении эти капиталы сливаются воедино, и это тем более, что действительный уровень его прибыли определяется отношением ее не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, не нормой прибавочной стоимости, а нормой прибыли, которая, как мы увидим, может оставаться одной и той же и тем не менее выражать различные нормы прибавочной стоимости.

К издержкам производства продукта относятся все составные части его стоимости, которые оплачены капиталистом или эквивалент которых он бросил в производство. Для того чтобы капитал просто сохранился или был воспроизведен в своих первоначальных размерах, эти издержки должны быть возмещены.

Стоимость, заключающаяся в товаре, равна тому рабочему времени, которого сто̀ит его производство, а сумма этого труда состоит из оплаченного и неоплаченного труда. Напротив, для капиталиста издержки производства товара состоят только из той части овеществленного в товаре труда, которую он оплатил. Содержащийся в товаре прибавочный труд ничего не сто̀ит капиталисту, хотя рабочему он совершенно так же сто̀ит труда, как и оплаченный, и хотя он совершенно так же, как оплаченный, создает стоимость и входит в товар как элемент, образующий стоимость. Прибыль капиталиста получается оттого, что он может продать нечто, чего он не оплатил. Прибавочная стоимость, resp. * прибыль, состоит как раз из избытка стоимости товара над издержками его производства, т. е. из избытка всей суммы труда, содержащейся в товаре, над содержащейся в нем оплаченной суммой труда. В соответствии с этим и прибавочная

* — respective — соответственно. *Ред.*

стоимость, каково бы ни было ее происхождение, есть избыток над всем авансированным капиталом. Следовательно, этот избыток стоит в таком отношении ко всему капиталу, которое выражается дробью $\frac{m}{K}$, где K означает весь капитал. Таким образом мы получаем *норму прибыли* $\frac{m}{K} = \frac{m}{c + v}$ в отличие от нормы прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$.

Отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу называется нормой прибавочной стоимости; отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу называется нормой прибыли. Это — два различных измерения одной и той же величины, которые вследствие различия масштаба выражают различные пропорции или отношения одной и той же величины.

Превращение прибавочной стоимости в прибыль следует выводить из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, — а не наоборот. И в самом деле, исходным пунктом исторически была норма прибыли. Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости есть нечто относительно невидимое, существенное, подлежащее раскрытию путем исследования, между тем как норма прибыли, а потому такая форма прибавочной стоимости, как прибыль, обнаруживаются на поверхности явлений.

Что касается отдельного капиталиста, то ясно, что его интересует только одно: отношение прибавочной стоимости, или того избытка стоимости, с которым он продает свои товары, ко всему капиталу, авансированному на производство товара; между тем как определенное отношение этого избытка к отдельно взятым составным частям капитала и его внутренняя связь с этими частями вовсе не интересуют капиталиста, и более того, его интерес заключается как раз в том, чтобы окутать туманом это определенное отношение и эту внутреннюю связь.

Хотя избыток стоимости товара над издержками его производства возникает в непосредственном процессе производства, но реализуется он только в процессе обращения; и видимость, будто этот избыток возник из процесса обращения, тем легче создается, что в действительности, в условиях конкуренции, на действительном рынке, от отношений рынка зависит, будет или не будет и в какой степени он будет реализован. Здесь нет надобности говорить о том, что если товар продается выше или ниже своей стоимости, то имеет место лишь иное распределение прибавочной стоимости и что это иное распределение, изменение отношения, в котором различные лица делят между

собой прибавочную стоимость, ничего не изменяет ни в величине, ни в природе прибавочной стоимости. В действительном процессе обращения не только совершаются превращения, которые мы рассмотрели в «Капитале», кн. II, но они совпадают с действительной конкуренцией, с куплей или продажей товаров выше или ниже их стоимости, так что для отдельного капиталиста реализуемая им самим прибавочная стоимость в такой же мере зависит от взаимного обмана, как и от непосредственной эксплуатации труда.

В процессе обращения наряду с рабочим временем вступает в действие время обращения, соответственно ограничивающее ту массу прибавочной стоимости, которую можно реализовать за известный промежуток времени. На непосредственный процесс производства оказывают определяющее влияние и другие моменты, возникающие из обращения. И тот и другой — и непосредственный процесс производства и процесс обращения — постоянно переходят один в другой, переплетаются и таким образом постоянно представляют в ложном виде свои характерные отличительные признаки. Производство прибавочной стоимости, как и стоимости вообще, приобретает в процессе обращения, как показано раньше, новые определения; капитал проходит круг своих превращений; наконец, из своей, так сказать, внутренней органической жизни он вступает в отношения внешней жизни, в отношения, где противостоят друг другу не капитал и труд, а, с одной стороны, капитал и капитал, с другой стороны, индивидуумы, опять-таки просто как покупатели и продавцы; время обращения и рабочее время перекрещиваются на своем пути, и таким образом кажется, будто и то и другое одинаково определяют прибавочную стоимость; та первоначальная форма, в которой противостоят друг другу капитал и наемный труд, замаскировывается вмешательством таких отношений, которые кажутся независимыми от нее; сама прибавочная стоимость представляется не продуктом присвоения рабочего времени, а избытком продажной цены товара над издержками его производства, благодаря чему эти последние легко могут показаться его действительной стоимостью (valeur intrinsèque), так что прибыль кажется избытком продажной цены товаров над их имманентной стоимостью.

Правда, в непосредственном процессе производства природа прибавочной стоимости все же постоянно доходит до сознания капиталиста, как это уже при рассмотрении прибавочной стоимости показала нам его алчность к чужому рабочему времени и т. д. Но, во-первых, сам непосредственный процесс производства есть лишь преходящий момент, который постоянно

переходит в процесс обращения, как и наоборот, так что с большей или меньшей ясностью пробивающаяся в процессе производства догадка об источнике создаваемого в нем дохода, т. е. о природе прибавочной стоимости, выступает в лучшем случае как столь же правомерный момент наряду с представлением, будто реализуемый избыток происходит от такого движения, которое является независимым от процесса производства, возникает из самого обращения и принадлежит капиталу независимо от его отношения к труду. Недаром даже современные экономисты, как Рамсей, Мальтус, Сениор, Торренс и т. д., прямо ссылаются на эти явления обращения, как на доказательства того, будто капитал просто в своем вещном существовании, независимо от его общественного отношения к труду, которое только и делает его капиталом, является, наряду с трудом и независимо от труда, самостоятельным источником прибавочной стоимости. Во-вторых, под рубрикой издержек, к которой заработная плата относится совершенно так же, как цена сырья, износ машин и т. д., выжимание неоплаченного труда выступает лишь как сбережение на оплате одной из статей, входящих в издержки, лишь как меньшая плата за определенное количество труда; совершенно так же, как происходит сбережение, когда дешевле покупается сырье или уменьшается изнашивание машин. Таким образом выжимание прибавочного труда утрачивает свой специфический характер; его специфическое отношение к прибавочной стоимости затемняется; этому сильно способствует и облегчает это, как показано в «Капитале», кн. I, отдел VI [19], то обстоятельство, что стоимость рабочей силы представлена в форме заработной платы.

Благодаря тому, что все части капитала одинаково кажутся источниками избыточной стоимости (прибыли), капиталистическое отношение мистифицируется.

Однако тот способ, которым прибавочная стоимость посредством перехода через норму прибыли превращается в форму прибыли, представляет собой только дальнейшее развитие того смешения субъекта и объекта, которое совершается уже в процессе производства. Мы уже видели, как все субъективные производительные силы труда представляются производительными силами капитала [20]. С одной стороны, стоимость, прошлый труд, господствующий над живым трудом, персонифицируется в капиталисте; с другой стороны, рабочий, напротив, выступает только как рабочая сила — как предмет, как товар. Из этого извращенного отношения необходимо возникает уже в само̀м простом производственном отношении соответствующее извращенное представление, ложное понимание, которое усу-

губляется превращениями и модификациями собственно процесса обращения.

Как показывает пример школы Рикардо, попытка представить законы нормы прибыли непосредственно в виде законов нормы прибавочной стоимости, или наоборот, является совершенно ошибочной. Конечно, в голове капиталиста между ними нет различия. В выражении $\frac{m}{K}$ прибавочная стоимость измеряется ее отношением к стоимости всего капитала, который авансирован на ее производство и частью потреблен в этом производстве целиком, частью же только применен к производству. В действительности отношение $\frac{m}{K}$ выражает степень возрастания стоимости всего авансированного капитала; т. е., будучи взято в соответствии с внутренней существенной связью и природой прибавочной стоимости, оно показывает, каково отношение той величины, на которую изменяется переменный капитал, к величине всего авансированного капитала.

Величина стоимости всего капитала сама по себе не стоит ни в каком внутреннем отношении к величине прибавочной стоимости, по крайней мере не стоит непосредственно. По своим вещественным элементам весь капитал минус переменный капитал, — т. е. постоянный капитал, — состоит из вещественных условий осуществления труда — из средств труда и материала труда. Для того чтобы определенное количество труда овеществилось в товарах, а потому и образовало стоимость, требуется определенное количество материала труда и средств труда. В зависимости от особого характера присоединяемого труда существует определенное техническое отношение между массой труда и массой тех средств производства, к которым должен быть присоединен этот живой труд. Постольку же, следовательно, существует определенное отношение и между массой прибавочной стоимости, или прибавочного труда, и массой средств производства. Если, например, труд, необходимый для производства заработной платы, составляет 6 часов ежедневно, то рабочий, чтобы доставить 6 часов прибавочного труда, чтобы создать прибавочную стоимость в 100%, должен работать 12 часов. За эти 12 часов он потребляет вдвое больше средств производства, чем за 6 часов. Но от этого прибавочная стоимость, присоединяемая им за 6 часов, еще не становится ни в какое непосредственное отношение к стоимости средств производства, потребленных за 6 или хотя бы за 12 часов. Эта стоимость не имеет здесь никакого значения; важно только, чтобы имелась технически необходимая масса. Дешевы ли, дороги ли сырье или средства

труда, это совершенно безразлично, если только они обладают требуемой потребительной стоимостью и имеются в предписываемой техникой пропорции к тому живому труду, который подлежит поглощению. Однако если мне известно, что за один час перепрядается x фунтов хлопка, стоящих a шиллингов, то мне, конечно, известно также, что за 12 часов перепрядается 12 x фунтов хлопка = 12 a шиллингам, и тогда я могу вычислить отношение прибавочной стоимости к стоимости 12 совершенно так же, как к стоимости 6. Но отношение живого труда *к стоимости* средств производства имеет здесь место лишь постольку, поскольку a шиллингов служат обозначением x фунтов хлопка: так как определенное количество хлопка имеет определенную цену, то и обратно — определенная цена может служить показателем определенного количества хлопка, пока цена последнего не изменится. Если я знаю, что для того чтобы присвоить 6 часов прибавочного труда, я должен заставить работать 12 часов, следовательно, должен иметь в готовности хлопка на 12 часов, и если я знаю цену этого количества хлопка, которое требуется на 12 часов, то косвенным путем устанавливается отношение между ценой хлопка (как показателем необходимого количества) и прибавочной стоимостью. А по цене сырья я, наоборот, никогда не могу установить ту массу сырья, для прядения которой потребуется, например, один, а не 6 часов. Следовательно, нет никакого внутреннего, необходимого отношения между стоимостью постоянного капитала, а следовательно, и стоимостью всего капитала ($= c + v$), и прибавочной стоимостью.

Если норма прибавочной стоимости известна и величина ее дана, то норма прибыли выражает не что иное, как то, что она есть в действительности: иное измерение прибавочной стоимости, измерение ее стоимостью всего капитала, а не стоимостью той части капитала, из которой и при помощи обмена которой на труд она непосредственно возникает. Но в действительности (т. е. в мире явлений) дело обстоит наоборот. Прибавочная стоимость дана, но дана как избыток продажной цены товара над издержками его производства; причем остается тайной, откуда происходит этот избыток, — из эксплуатации ли труда в процессе производства, из надувательства ли покупателей в процессе обращения, или из того и другого. Дано, далее, отношение этого избытка к стоимости всего капитала, или норма прибыли. Исчисление этого избытка продажной цены над издержками производства в его отношении к стоимости всего авансированного капитала очень важно и естественно, так как благодаря этому действительно отыскивается то числовое отношение,

в котором увеличивается стоимость всего капитала, или степень увеличения его стоимости. Следовательно, если исходить из этой нормы прибыли, то нет никакой возможности вывести отсюда специфическое отношение между избытком и той частью капитала, которая затрачена на заработную плату. В одной из следующих глав мы увидим, какие забавные фокусы проделывает Мальтус, когда он этим путем пытается проникнуть в тайны прибавочной стоимости и ее специфического отношения к переменной части капитала [21]. На что указывает норма прибыли как таковая,так это скорее на то, что избыток стоит в одинаковом отношении к равновеликим частям капитала, который с этой точки зрения вообще не обнаруживает никаких внутренних различий, кроме различия между основным и оборотным капиталом. Да и это различие обнаруживается лишь потому, что избыток исчисляется двояко. Именно, во-первых, как простая величина: избыток над издержками производства. В этой первой форме избытка весь оборотный капитал входит в издержки производства, между тем как из основного капитала в них входит только износ. Далее, во-вторых: отношение этого избытка стоимости ко всей стоимости авансированного капитала. Здесь в исчисление входит стоимость всего основного капитала совершенно так же, как стоимость оборотного. Итак, оборотный капитал оба раза входит одинаково, между тем как основной капитал в одном случае входит иначе, а в другом — так же, как и оборотный капитал. Таким образом, различие между оборотным и основным капиталом навязывается здесь как единственное различие.

Следовательно, избыток, если он, выражаясь языком Гегеля, обратно отражает себя от нормы прибыли в себе самом, или, иначе, избыток, характеризуемый точнее нормой прибыли, выступает как избыток, который ежегодно или в определенный период обращения производится капиталом сверх его собственной стоимости.

Поэтому, хотя норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости, между тем как прибавочная стоимость и прибыль представляют в действительности одно и то же и равны также в числовом выражении, тем не менее прибыль есть превращенная форма прибавочной стоимости, форма, в которой ее происхождение и тайна ее бытия замаскированы и скрыты. В самом деле, прибыль есть форма проявления прибавочной стоимости, и эту последнюю лишь посредством анализа надлежит выводить из первой. В прибавочной стоимости отношение между капиталом и трудом обнажено; в отношении капитала и прибыли, — т. е. капитала и прибавочной

стоимости, проявляющейся, с одной стороны, как реализованный в процессе обращения избыток над издержками производства товара, а с другой, как избыток, получающий более точное определение при посредстве его отношения ко всему капиталу, — *капитал* выступает *как отношение к себе самому*, как отношение, в котором он как первоначальная сумма стоимости отличается от новой стоимости, созданной им же самим. Что он производит эту новую стоимость во время своего движения через процесс производства и процесс обращения — это имеется в сознании. Но каким образом это совершается — это покрыто тайной и кажется, что прибавочная стоимость обязана своим происхождением каким-то присущим самому капиталу скрытым свойствам.

Чем дальше прослеживаем мы процесс увеличения стоимости капитала, тем более мистифицируется капиталистическое отношение и тем менее раскрывается тайна его внутреннего организма.

В этом отделе норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости; напротив, прибыль и прибавочная стоимость рассматриваются как одна и та же числовая величина, только в различной форме. В следующем отделе мы увидим, как размежевание идет дальше и как прибыль выражается величиной, которая и численно отлична от прибавочной стоимости.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТНОШЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К НОРМЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Как сказано в конце предыдущей главы, мы предполагаем здесь, как и вообще во всем этом первом отделе, что сумма прибыли, приходящаяся на данный капитал, равна всей сумме прибавочной стоимости, произведенной при посредстве этого капитала в течение данного периода обращения. Следовательно, мы пока отвлекаемся от того, что эта прибавочная стоимость, с одной стороны, распадается на различные производные формы: процент на капитал, земельную ренту, налоги и т. д., и что, с другой стороны, она в большинстве случаев не совпадает с прибылью в том виде, как прибыль эта присваивается в силу общей средней нормы прибыли, о чем речь будет во втором отделе.

Поскольку прибыль предполагается количественно равной прибавочной стоимости, ее величина и величина нормы прибыли определяются отношениями простых числовых величин, которые даны или могут быть определены для каждого отдельного случая. Таким образом исследование движется сначала в чисто математической области.

Мы сохраняем обозначения, применявшиеся в первой и второй книгах. Весь капитал K разделяется на постоянный капитал c и переменный капитал v и производит прибавочную стоимость m. Отношение этой прибавочной стоимости к авансированному переменному капиталу, следовательно $\frac{m}{v}$, мы называем нормой прибавочной стоимости и обозначаем ее посредством m'. Следовательно, $\frac{m}{v} = m'$ и потому $m = m'v$. Если эту прибавочную стоимость относить не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, то она называется прибылью (p), а отношение прибавочной стоимости m ко всему капиталу K,

следовательно, $\frac{m}{K}$ называется нормой прибыли p'. Мы получаем таким образом:

$$p' = \frac{m}{K} = \frac{m}{c + v};$$

если мы вместо m подставим его выше найденную величину $m'v$, то мы получим:

$$p' = m' \frac{v}{K} = m' \frac{v}{c + v},$$

это уравнение можно выразить также в пропорции:

$$p' : m' = v : K,$$

где норма прибыли относится к норме прибавочной стоимости, как переменный капитал ко всему капиталу.

Из этой пропорции следует, что p', норма прибыли, всегда меньше m', нормы прибавочной стоимости, потому что v, переменный капитал, всегда меньше K, суммы $v + c$, переменного и постоянного капитала; это — за исключением единственного, практически невозможного случая, когда $v = K$, когда, следовательно, капиталист совсем не авансирует постоянного капитала, средств производства, а лишь заработную плату.

В нашем исследовании принимается во внимание, между прочим, еще ряд других факторов, которые определяющим образом воздействуют на величину c, v и m и потому заслуживают краткого упоминания.

Во-первых, *стоимость денег*. Ее мы можем принимать повсюду постоянной.

Во-вторых, *оборот*. Этот фактор мы оставим пока в стороне, потому что его влияние на норму прибыли исследуется особо в одной из последующих глав. {Здесь же мы, забегая вперед, заметим только, что формула $p' = m' \frac{v}{K}$ строго верна только для *одного* оборота переменного капитала, но что мы можем сделать ее правильной и для годового оборота, если вместо m', простой нормы прибавочной стоимости, поставим $m'n$, годовую норму прибавочной стоимости, причем n обозначает число оборотов переменного капитала в течение одного года (см. «Капитал», кн. II, гл. XVI, 1). — *Ф. Э.*}

В-третьих, следует принять во внимание *производительность труда*, влияние которой на норму прибавочной стоимости подробно исследовано в «Капитале», кн. I, отдел IV. Но она может оказывать также и прямое влияние на норму прибыли, по крайней мере отдельного капитала, если, как показано в «Капитале», кн. I, гл. X, стр. 280—284 [22], этот

отдельный капитал работает с большей производительностью, чем общественно средняя, доставляет продукты по стоимости более низкой, чем общественная средняя стоимость таких же товаров, и потому реализует добавочную прибыль. Но этот случай мы оставляем здесь в стороне, так как и в этом отделе мы все еще исходим из предположения, что товары производятся при общественно нормальных условиях и продаются по своим стоимостям. Следовательно, в каждом отдельном случае мы исходим из предположения, что производительность труда остается постоянной. В самом деле, капитал, вложенный в известную отрасль промышленности, своим стоимостным строением, т. е. определенным отношением переменного к постоянному капиталу, всякий раз выражает определенную степень производительности труда. Следовательно, коль скоро это отношение подвергается изменению иначе, чем путем простого изменения стоимости вещественных составных частей постоянного капитала или изменения заработной платы, то изменение должна претерпеть и производительность труда, и потому мы довольно часто будем иметь возможность наблюдать, что изменения, совершающиеся с факторами c, v и m, предполагают в то же время и изменения в производительности труда.

То же самое относится и к трем остальным факторам: *продолжительности рабочего дня, интенсивности труда и заработной плате*. Их влияние на массу и норму прибавочной стоимости подробно исследовано в первой книге [23]. Итак, понятно, что, хотя ради упрощения мы всегда исходим из предположения, что эти три фактора остаются постоянными, тем не менее изменения, совершающиеся с v и m, могут предполагать изменения величины этих их определяющих моментов. Здесь следует лишь кратко напомнить, что заработная плата действует на величину прибавочной стоимости и высоту нормы прибавочной стоимости обратно тому, как действует на них продолжительность рабочего дня и интенсивность труда; повышение заработной платы уменьшает прибавочную стоимость, между тем как удлинение рабочего дня и повышение интенсивности труда увеличивают ее.

Если мы предположим, что капитал, например, в 100 с 20 рабочими при десятичасовом труде и общей заработной плате 20 в неделю производит прибавочную стоимость в 20, то мы получим:

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \ p' = 20\%.$$

Пусть рабочий день без повышения заработной платы будет удлинен до 15 часов; благодаря этому вся вновь произведенная

20 рабочими стоимость повысится с 40 до 60 (10 : 15 = 40 : 60); так как v, уплаченная заработная плата, остается прежняя, то прибавочная стоимость с 20 повышается до 40, и мы получаем:

$$80_c + 20_v + 40_m; \quad m' = 200\%, \ p' = 40\%.$$

Если, с другой стороны, при десятичасовом труде заработная плата с 20 упадет до 12, то мы будем иметь так же, как и вначале, всю вновь созданную стоимость в 40, но теперь она будет делиться по-иному: v понижается до 12, а m будет равна остатку в 28. Следовательно, мы получаем:

$$80_c + 12_v + 28_m; \quad m' = 233^1/_3\%; \quad p' = \frac{28}{92} = 30^{10}/_{23}\%.$$

Итак, мы видим, что как удлинение рабочего дня (или соответственное повышение интенсивности труда), так и понижение заработной платы повышает массу, а потому и норму прибавочной стоимости; наоборот, повышение заработной платы при прочих равных условиях понизило бы норму прибавочной стоимости. Если, следовательно, v возрастает вследствие повышения заработной платы, то это служит выражением не увеличения, а только более дорогой оплаты известного количества труда; m' и p' не повышаются, а понижаются.

Уже здесь видно, что изменения в рабочем дне, интенсивности труда и заработной плате не могут не вызывать одновременного изменения v и m и отношения между ними, а потому и p', отношения m к $c + v$, ко всему капиталу; и точно так же ясно, что изменения отношения m к v тоже предполагают изменения по меньшей мере в одном из упомянутых трех условий труда.

В этом обнаруживается как раз особое органическое отношение переменного капитала к движению всего капитала и увеличению его стоимости, равно как и его отличие от постоянного капитала. Постоянный капитал, поскольку дело касается образования стоимости, важен лишь благодаря той стоимости, которой он обладает; причем для образования стоимости совершенно безразлично, представляет ли постоянный капитал в 1 500 ф. ст. 1 500 тонн железа, скажем, по 1 ф. ст., или 500 тонн железа по 3 фунта стерлингов. Количество действительного вещества, в котором представлена стоимость постоянного капитала, совершенно безразлично для образования стоимости и для нормы прибыли, которая изменяется в обратном направлении с этой стоимостью, т. е. совершенно безразлично, в каком отношении находится увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала к той массе вещественных потребительных стоимостей, в которой он представлен.

Совершенно иначе обстоит дело с переменным капиталом. Здесь важна в первую очередь не та стоимость, которой он обладает, не тот труд, который овеществлен в нем, а эта стоимость как простой показатель всего труда, который приводится переменным капиталом в движение и который не выражен в переменном капитале; разница между всем этим трудом и трудом, выраженным в самом переменном капитале, а потому трудом оплаченным, или та часть этого труда, которая создает прибавочную стоимость, оказывается как раз тем больше, чем меньше труд, содержащийся в самом переменном капитале. Пусть рабочий день в 10 часов равен десяти шиллингам или десяти маркам. Если необходимый труд, возмещающий заработную плату, а следовательно переменный капитал, = 5 часам = 5 шилл., то прибавочный труд = 5 часам и прибавочная стоимость = 5 шиллингам; если необходимый труд = 4 часам = = 4 шилл., то прибавочный труд = 6 часам и прибавочная стоимость = 6 шиллингам.

Итак, как только величина стоимости переменного капитала перестает быть показателем массы труда, приводимой им в движение, и, более того, изменяется сама мера этого показателя, то вместе с тем изменяется в противоположном направлении и в обратном отношении норма прибавочной стоимости.

Теперь мы переходим к тому, чтобы применить к различным возможным случаям приведенное выше уравнение нормы прибыли $p' = m' \frac{v}{K}$. Мы будем изменять значение одного за другим отдельных факторов $m' \frac{v}{K}$ и устанавливать влияние этих изменений на норму прибыли. Таким образом мы получим различные ряды случаев, в которых мы можем видеть или последовательные изменения условий действия одного и того же капитала или же различные одновременно существующие один возле другого и привлекаемые для сравнения капиталы в различных отраслях промышленности или в различных странах. Поэтому, если понимание некоторых наших примеров, как последовательных во времени состояний одного и того же капитала, покажется натянутым или практически невозможным, то это возражение отпадает, когда будем сравнивать независимые капиталы.

Итак, мы выделяем в произведении $m' \frac{v}{K}$ оба его множителя, m' и $\frac{v}{K}$; сначала мы возьмем m' как постоянную величину и исследуем влияние возможных изменений $\frac{v}{K}$; потом

мы предположим, что дробь $\frac{v}{K}$ есть постоянная величина, и заставим m' проделать возможные изменения; наконец, мы предположим, что все факторы изменяются, и этим исчерпаем все случаи, из которых могут быть выведены законы, касающиеся нормы прибыли.

I. m' НЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ, $\frac{v}{K}$ ИЗМЕНЯЕТСЯ

Для этого случая, охватывающего несколько частных случаев, можно составить общую формулу. Если мы имеем два капитала: K и K_1 с соответственными переменными составными частями v и v_1, с общей для обоих нормой прибавочной стоимости m' и нормами прибыли p' и p'_1, то

$$p' = m' \frac{v}{K}; \quad p'_1 = m' \frac{v_1}{K_1}.$$

Если мы теперь определим отношение друг к другу K и K_1, а также v и v_1, если мы предположим, например, дробь $\frac{K_1}{K} = E$, а дробь $\frac{v_1}{v} = e$, то получим $K_1 = EK$ и $v_1 = ev$. Теперь, подставив в прежнее уравнение полученные таким образом величины для p'_1, K_1 и v_1, мы будем иметь:

$$p'_1 = m' \frac{ev}{EK}.$$

Но из прежних двух уравнений мы можем вывести и еще одну формулу, превратив их в следующую пропорцию:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m' \frac{v_1}{K_1} = \frac{v}{K} : \frac{v_1}{K_1}.$$

Так как величина дроби не изменится, если числитель и знаменатель помножить или разделить на одно и то же число, то мы можем $\frac{v}{K}$ и $\frac{v_1}{K_1}$ свести к процентному отношению, т. е. предположить, что и K и $K_1 = 100$. Тогда у нас будет $\frac{v}{K} = \frac{v}{100}$ и $\frac{v_1}{K_1} = \frac{v_1}{100}$, и мы можем в приведенной пропорции отбросить знаменатели; мы получаем:

$$p' : p'_1 = v : v_1; \text{ или:}$$

При двух произвольно взятых капиталах, функционирующих с равной нормой прибавочной стоимости, нормы прибыли относятся друг к другу, как переменные части капитала, взятые

в процентном отношении к соответствующим совокупным капиталам.

Эти две формулы охватывают все случаи изменений $\frac{v}{K}$.

Прежде чем исследовать эти случаи в отдельности, сделаем еще одно замечание. Так как K представляет сумму c и v, постоянного и переменного капитала, и так как норма прибавочной стоимости, подобно норме прибыли, обыкновенно выражается в процентах, то вообще удобно предполагать сумму $c + v$ тоже равной сотне, т. е. выражать c и v в процентах. Для определения, правда, не массы, а нормы прибыли, безразлично, скажем ли мы: капитал в 15 000, из них 12 000 постоянный и 3 000 переменный капитал, производит прибавочную стоимость в 3 000; или же сведем этот капитал к процентам:

$$15\,000\,K = 12\,000_c + 3\,000_v\ (+\ 3\,000_m)$$
$$100\,K = 80_c + 20_v\ (+\ 20_m).$$

В обоих случаях норма прибавочной стоимости $m' = 100\%$, норма прибыли $= 20\%$.

То же самое, когда мы сравниваем друг с другом два капитала, например, с предыдущим капиталом сравниваем такой капитал:

$$12\,000\,K = 10\,800_c + 1\,200_v\ (+\ 1\,200_m)$$
$$100\,K = 90_c + 10_v\ (+\ 10_m),$$

здесь в обоих случаях $m' = 100\%$, $p' = 10\%$ и сравнение оказывается много нагляднее в процентной форме.

Напротив, если дело касается изменений, совершающихся с одним и тем же капиталом, то лишь изредка можно воспользоваться процентной формой, потому что она почти всегда стирает эти изменения. Если капитал от процентной формы:

$$80_c + 20_v + 20_m$$

переходит к процентной форме:

$$90_c + 10_v + 10_m,$$

то не видно, возникло ли изменившееся процентное строение $90_c + 10_v$ вследствие абсолютного уменьшения v или вследствие абсолютного увеличения c, или же вследствие того и другого. Для этого мы должны располагать абсолютными числовыми величинами. Но при изучении последующих отдельных случаев изменений все сводится к тому, каким образом произошли эти изменения: превратились ли $80_c + 20_v$ в $90_c + 10_v$ потому, что, например, $12\,000_c + 3\,000_v$ вследствие увеличения

постоянного капитала при неизменившемся переменном капитале превратились в $27\,000_c + 3\,000_v$ (в процентах $90_c + 10_v$), или же они приняли эту форму вследствие уменьшения переменного капитала при неизменившемся постоянном капитале, т. е. вследствие перехода в $12\,000_c + 1\,333^1/_{3v}$ (в процентах тоже $90_c + 10_v$), или, наконец, вследствие изменения обоих слагаемых, например, $13\,500_c + 1\,500_v$ (в процентах опять $90_c + 10_v$). Мы должны последовательно рассмотреть как раз все эти случаи, и потому нам приходится отказаться от удобств процентной формы или прибегать к ней лишь во вторую очередь.

1) m′ и K не изменяются, v изменяется

Если v изменяет свою величину, K может остаться неизменным лишь потому, что другая составная часть K, именно постоянный капитал c, изменяет свою величину на такую же сумму, как v, но в противоположном направлении. Если K первоначально $= 80_c + 20_v = 100$, а потом v уменьшается до 10, то K может остаться $= 100$ лишь при том условии, если c повышается до 90; $90_c + 10_v = 100$. Вообще говоря, если v превращается в $v \pm d$, в v увеличенное или уменьшенное на d, то, чтобы были удовлетворены условия рассматриваемого случая, c должно превратиться в $c \mp d$, должно измениться на такую же сумму, но в противоположном направлении.

Точно так же при неизменной норме прибавочной стоимости m', но при меняющейся величине переменного капитала v, масса прибавочной стоимости m должна измениться, так как $m = m'v$, а в $m'v$ один множитель, именно v, изменил свою величину.

Предположения нашего случая, наряду с первоначальным уравнением:

$$p' = m' \frac{v}{K},$$

вследствие изменения v дают второе уравнение:

$$p'_1 = m' \frac{v_1}{K},$$

в котором v перешло в v_1, а p'_1, измененная вследствие этого норма прибыли, должна быть найдена.

Она определяется соответствующей пропорцией:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m' \frac{v_1}{K} = v : v_1.$$

Или: при неизменной норме прибавочной стоимости и неизменной величине всего капитала, первоначальная норма при-

были относится к норме прибыли, возникшей вследствие изменения переменного капитала, как первоначальный переменный капитал относится к измененному.

Если капитал был первоначально, как выше:

I. 15 000 $K = 12\,000_c + 3\,000_v$ $(+3\,000_m)$, а теперь он:

II. 15 000 $K = 13\,000_c + 2\,000_v$ $(+2\,000_m)$, то в обоих случаях $K = 15\,000$ и $m' = 100\%$, а норма прибыли I, 20%, относится к норме прибыли II, $13^1/_3\%$, как переменный капитал I, 3 000, к переменному капиталу II, 2 000, следовательно, $20\% : 13^1/_3\% = 3\,000 : 2\,000$.

Переменный капитал может или повыситься или понизиться. Возьмем сначала пример, когда он повышается. Пусть капитал будет первоначально составлен и функционирует следующим образом:

$$\text{I.}\quad 100_c + 20_v + 10_m;\quad K = 120,\quad m' = 50\%,\quad p' = 8^1/_3\%.$$

Пусть теперь переменный капитал повысится до 30; тогда, согласно предположению, чтобы весь капитал остался по-прежнему = 120, постоянный капитал должен понизиться со 100 до 90. Произведенная прибавочная стоимость при той же норме прибавочной стоимости в 50% должна повыситься до 15. Следовательно, мы получаем:

$$\text{II.}\quad 90_c + 30_v + 15_m;\quad K = 120,\quad m' = 50\%,\quad p' = 12^1/_2\%.$$

Будем сначала исходить из предположения, что заработная плата не изменилась. Тогда другие факторы нормы прибавочной стоимости — рабочий день и интенсивность труда — тоже должны остаться неизменными. Следовательно, увеличение v (с 20 до 30) может иметь только тот смысл, что рабочих применяется больше наполовину. В таком случае и вся вновь произведенная ими стоимость тоже повышается наполовину, с 30 до 45, и делится, как и раньше, — $^2/_3$ на заработную плату и $^1/_3$ на прибавочную стоимость. Но одновременно с увеличением числа рабочих понизился постоянный капитал, стоимость средств производства, со 100 до 90. Следовательно, мы имеем перед собой случай уменьшающейся производительности труда, связанный с одновременным уменьшением постоянного капитала; возможен ли экономически этот случай?

В земледелии и добывающей промышленности, где было бы легко понять уменьшение производительности труда, а потому и увеличение числа занятых рабочих, этот процесс — в рамках капиталистического производства и на его базисе — связан

не с уменьшением, а с увеличением постоянного капитала. Если бы даже упомянутое уменьшение *c* было обусловлено простым понижением цены, отдельный капитал лишь при совершенно исключительных обстоятельствах мог бы совершить переход от I к II. Но по отношению к двум независимым капиталам, которые вложены в различных странах или в различные отрасли земледелия или добывающей промышленности, не было бы ничего удивительного в том, если бы в одном случае применялось больше рабочих (поэтому и больший переменный капитал), которые работают со средствами производства, меньшими по стоимости или объему, чем в другом случае.

Если же мы отбросим предположение, что заработная плата остается неизменной, и объясним повышение переменного капитала с 20 до 30 увеличением заработной платы наполовину, то перед нами будет совершенно иной случай. То же самое число рабочих, скажем 20 рабочих, и впредь работает с тем же самым или незначительно уменьшившимся количеством средств производства. Если рабочий день остается неизменным, например 10 часов, то вся вновь произведенная стоимость тоже остается неизменной: теперь, как и раньше, она равняется 30. Но эти 30 будут целиком употреблены на то, чтобы возместить авансированный переменный капитал в 30; прибавочная стоимость исчезла бы. Однако было предположено, что норма прибавочной стоимости не изменяется, т. е. как и в I, остается = 50%. Это возможно лишь при том условии, если рабочий день будет увеличен наполовину, т. е. до 15 часов. Тогда 20 рабочих в 15 часов произвели бы новую стоимость в 45, и все условия были бы соблюдены:

$$\text{II.}\ \ 90_c + 30_v + 15_m; \quad K = 120, \qquad m' = 50\%, \qquad p' = 12^1/_2\%.$$

В этом случае эти 20 рабочих не потребуют средств труда, орудий, машин и т. д. больше, чем в случае I; придется увеличить наполовину только количество сырого материала или вспомогательных материалов. Следовательно, при понижении цен на эти материалы переход от I к II, согласно нашим предположениям, был бы экономически допустим даже для отдельного капитала. И капиталист за свою возможную потерю вследствие обесценения его постоянного капитала был бы по меньшей мере отчасти компенсирован повышением прибыли.

Предположим теперь, что переменный капитал не увеличивается, а уменьшается. В таком случае нам стоит только перевернуть наш прежний пример, взять II как первоначальный капитал и от II перейти к I.

II. $90_c + 30_v + 15_m$ превращается тогда в:

I. $100_c + 20_v + 10_m$, и ясно, что вследствие такой перестановки ничего не изменяется в условиях, регулирующих в обоих случаях нормы прибыли и их взаимное отношение.

Если v с 30 понизится до 20 потому, что при возрастании постоянного капитала будет занято рабочих меньше на $^1/_3$, то перед нами будет здесь нормальный случай современной промышленности: повышающаяся производительность труда, подчинение большей массы средств производства меньшему числу рабочих. Что такое движение необходимо связано с одновременно наступающим понижением нормы прибыли, это обнаружится в третьем отделе этой книги.

Но если v с 30 понижается до 20 потому, что прежнее число рабочих занято по более низкой заработной плате, то при неизменности рабочего дня вся вновь произведенная стоимость осталась бы, как и раньше, $= 30_v + 15_m = 45$; так как v понизилось до 20, то прибавочная стоимость повысилась бы до 25, норма прибавочной стоимости — с 50% до 125%, что противоречило бы нашему предположению. Чтобы сохранились условия нашего случая, прибавочная стоимость при норме в 50% должна, напротив, понизиться до 10, следовательно вся вновь произведенная стоимость — с 45 до 30, а это возможно лишь при сокращении рабочего дня на $^1/_3$. Тогда мы получаем, как раньше:

$$100_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \ p' = 8^1/_3\%.$$

Конечно, нет надобности упоминать о том, что такого сокращения рабочего времени при понижении заработной платы на практике не произошло бы. Впрочем, это пока безразлично. Норма прибыли является функцией многих переменных, и, если мы желаем узнать, как влияют эти переменные на норму прибыли, мы должны по порядку исследовать обособленное влияние каждой из них, независимо от того, допустимо ли экономически такое изолированное влияние по отношению к одному и тому же капиталу или же нет.

2) m′ не изменяется, v изменяется, K изменяется вследствие изменения v

Этот случай отличается от предыдущего только степенью. Вместо того чтобы c уменьшалось или увеличивалось настолько, насколько увеличивается или уменьшается v, c остается здесь неизменным. Но при современных условиях крупной промышленности и сельского хозяйства переменный капитал

представляет собой относительно лишь небольшую часть всего капитала, и потому уменьшение или возрастание последнего, поскольку оно определяется изменением первого, тоже относительно невелико. Если бы мы опять исходили из капитала:

I. $100_c + 20_v + 10_m$; $K = 120$, $m' = 50\%$, $p' = 8^1/_3\%$,

то он превратился бы, например, в:

II. $100_c + 30_v + 15_m$; $K = 130$, $m' = 50\%$, $p' = 11^7/_{13}\%$.

Противоположный случай уменьшения переменного капитала опять-таки иллюстрировался бы обратным переходом от II к I.

Экономические условия по существу были бы такие же, как в предыдущем случае, поэтому они не требуют повторного изложения. Переход от I к II предполагает: уменьшение производительности труда наполовину, подчинение 100_c во II потребует наполовину больше труда, чем в I. Этот случай может иметь место в земледелии [9].

Но в то время как в предыдущем случае весь капитал оставался неизменным потому, что постоянный капитал превращался в переменный или наоборот, здесь при увеличении переменной части происходит связывание дополнительного капитала, при уменьшении переменной части — высвобождение капитала, применявшегося до того времени.

3) m′ и v не изменяются, c, а потому и K изменяются

В этом случае уравнение:

$$p' = m' \frac{v}{K} \quad \text{изменяется в:} \quad p'_1 = m' \frac{v}{K_1}$$

и при соответствующем сокращении множителей на обеих сторонах приводит к пропорции:

$$p'_1 : p' = K : K_1;$$

при равенстве норм прибавочной стоимости и равенстве переменных частей капитала нормы прибыли обратно пропорциональны общей величине капиталов.

Если перед нами, например, три капитала или три различных строения одного и того же капитала:

I. $80_c + 20_v + 20_m$; $K = 100$, $m' = 100\%$, $p' = 20\%$;

II. $100_c + 20_v + 20_m$; $K = 120$, $m' = 100\%$, $p' = 16^2/_3\%$;

III. $60_c + 20_v + 20_m$; $K = 80$, $m' = 100\%$, $p' = 25\%$;

то получаются такие отношения:

$$20\% : 16^2/_3\% = 120 : 100 \quad \text{и} \quad 20\% : 25\% = 80 : 100.$$

---

[9] Здесь в рукописи стоит: «Исследовать позже, в какой связи стоит этот случай с земельной рентой». [*Ф. Э.*]

Ранее данная общая формула изменений $\frac{v}{K}$ при неизменяющейся m' была такова:

$p'_1 = m' \frac{ev}{EK}$; теперь же она превращается в: $p' = m' \frac{v}{EK}$,

так как v не претерпевает изменений, и поэтому множитель $e = \frac{v_1}{v}$ становится здесь $= 1$.

Так как $m'v = m$, массе прибавочной стоимости, и так как m' и v остаются неизменными, то и m не затрагивается изменением K; масса прибавочной стоимости остается такой же, как была перед этим изменением.

Если бы c упало до нуля, то p' было бы $= m'$, норма прибыли была бы равна норме прибавочной стоимости.

Изменение c может возникнуть или вследствие простого изменения стоимости вещественных элементов постоянного капитала, или вследствие изменения технического строения всего капитала, т. е. вследствие изменения производительности труда в соответствующей отрасли производства. В последнем случае повышение производительности общественного труда, совершающееся с развитием крупной промышленности и сельского хозяйства, обусловило бы то, что переход происходил бы (в только что приведенном примере) в последовательности от III к I и от I к II. То количество труда, которое оплачивается в 20 и производит стоимость в 40, приводило бы в движение сначала массу средств труда стоимостью в 60; при повышении производительности и неизменяющейся стоимости масса приводимых в движение средств труда возросла бы сначала до 80, потом до 100. Обратная последовательность обусловила бы понижение производительности; то же самое количество труда было бы в состоянии привести в движение меньше средств производства, производство сократилось бы, как это может случиться в земледелии, горном деле и т. д.

Экономия на постоянном капитале, с одной стороны, повышает норму прибыли, а с другой — высвобождает капитал, следовательно, имеет важное значение для капиталистов. Позже* мы подробнее исследуем этот вопрос, а также влияние изменения цены элементов постоянного капитала, особенно сырья.

И здесь снова оказывается, что изменение постоянного капитала одинаково действует на норму прибыли, независимо

---

* См. настоящий том, главы V и VI. *Ред.*

от того, вызвано это изменение увеличением или уменьшением вещественных составных частей c или же простым изменением их стоимости.

4) m′ не изменяется, v, c и K меняются

В этом случае остается в силе прежняя общая формула измененной нормы прибыли:

$$p_1' = m' \frac{ev}{EK}.$$

Из нее следует, что при неизменной норме прибавочной стоимости:

a) Норма прибыли падает, если E больше, чем e, т. е. если постоянный капитал увеличивается таким образом, что весь капитал возрастает относительно быстрее, чем переменный капитал. Если капитал от $80_c + 20_v + 20_m$ получает строение $170_c + 30_v + 30_m$, то m' остается $= 100\%$, но $\frac{v}{K}$ падает с $\frac{20}{100}$ до $\frac{30}{200}$, несмотря на то, что увеличились как v, так и K, и норма прибыли соответственно падает с 20% до 15%.

b) Норма прибыли остается неизменной только в том случае, если $e = E$, т. е. если дробь $\frac{v}{K}$ при кажущемся изменении сохраняет прежнюю величину, т.е. если числитель и знаменатель будут помножены или разделены на одно и то же число. $80_c + 20_v + 20_m$ и $160_c + 40_v + 40_m$, очевидно, имеют одну и ту же норму прибыли в 20%, потому что m' остается $= 100\%$, а $\frac{v}{K} = \frac{20}{100} = \frac{40}{200}$ в обоих примерах имеет одно и то же значение.

c) Норма прибыли повышается, если e больше, чем E, т. е. если переменный капитал возрастает относительно быстрее, чем весь капитал. Если $80_c + 20_v + 20_m$ превращается в $120_c + 40_v + 40_m$, то норма прибыли повышается с 20% до 25%, потому что m' не изменилось, а $\frac{v}{K} = \frac{20}{100}$ увеличилось до $\frac{40}{160}$, с $1/5$ до $1/4$.

При изменении v и K в одном направлении мы могли бы представить это изменение величин таким образом, как будто обе они до известной границы изменяются в одном и том же отношении, так что до этой границы $\frac{v}{K}$ остается неизменным. За этой границей стала бы изменяться лишь одна из двух величин, и мы таким образом сведем этот более сложный случай к одному из предыдущих, более простых.

Если, например, $80_c + 20_v + 20_m$ переходит в $100_c + + 30_v + 30_m$, то в процессе этого изменения отношение v к c, а потому и к K, будет оставаться неизменным вплоть до тех пор, пока не будет достигнуто $100_c + 25_v + 25_m$. Следовательно, до этих пор и норма прибыли остается прежней. Таким образом в качестве исходного пункта мы можем принять теперь $100_c + 25_v + 25_m$; мы находим, что v увеличилось на 5, до 30_v, а благодаря этому K увеличивается со 125 до 130, и, следовательно, получаем второй случай — случай простого изменения v и вызванного этим изменения K. Норма прибыли, которая первоначально была 20%, вследствие этого присоединения 5_v при прежней норме прибавочной стоимости повышается до $23^1/_{13}$%.

Такое же сведение к более простому случаю может иметь место, если даже v и K изменяются в противоположном направлении. Если бы мы опять исходили, например, из $80_c + 20_v + + 20_m$ и постарались бы перейти к форме $110_c + 10_v + 10_m$, то при изменении до $40_c + 10_v + 10_m$ норма прибыли осталась бы прежняя, именно 20%. Вследствие присоединения к этой промежуточной форме 70_c норма прибыли упадет до $8^1/_3$%. Следовательно, мы свели этот случай опять-таки к случаю изменения одной-единственной переменной, именно c.

Таким образом одновременное изменение v, c и K не дает никаких новых точек зрения и в конечном счете всегда приводит к случаю, когда изменяется только один фактор.

Даже единственный еще остающийся случай фактически уже исчерпан, именно тот случай, когда v и K численно сохраняют прежнюю величину, но их вещественные элементы претерпевают изменения стоимости, когда, следовательно, v означает изменившееся количество приводимого в движение труда, c — изменившееся количество приводимых в движение средств производства.

Допустим в капитале $80_c + 20_v + 20_m$ 20_v первоначально представляли заработную плату 20 рабочих за 10 часов труда в день. Пусть заработная плата каждого повысится с 1 до $1^1/_4$. Тогда 20_v оплачивают не 20, а только 16 рабочих. Но если эти 20 за 200 рабочих часов производили стоимость в 40, то эти 16 за 10 часов в день, следовательно, в общей сложности за 160 рабочих часов, произведут стоимость только в 32. За вычетом 20_v на заработную плату от 32 останется тогда всего 12 на прибавочную стоимость; норма прибавочной стоимости понизилась бы со 100% до 60%. Но так как, согласно предположению, норма прибавочной стоимости должна остаться неизменной, то рабочий день должен быть удлинен на $^1/_4$, с 10 до $12^1/_2$ часов; если 20 рабочих за 10 часов в день = 200 часам

труда производят стоимость в 40, то 16 рабочих за $12^1/_2$ часов в день = 200 часам труда произведут такую же стоимость, и капитал $80_c + 20_v$ произведет, как и раньше, прибавочную стоимость в 20.

Наоборот: если заработная плата понижается таким образом, что 20_v составляют заработную плату 30 рабочих, то m' может остаться неизменным лишь при том условии, если рабочий день будет сокращен с 10 до $6^2/_3$ часов. $20 \times 10 = 30 \times \times 6^2/_3 = 200$ рабочим часам.

Насколько при таких противоположных предположениях c, в денежном выражении его стоимости, может остаться неизменным, хотя оно представляет количество средств производства, изменившееся соответственно изменившимся отношениям, это по существу уже рассмотрено выше. В своем чистом виде этот случай возможен лишь как совершенно исключительный.

Что касается такого изменения стоимости элементов c, которое увеличивает или уменьшает их массу, но оставляет неизменной сумму стоимости c, то, пока оно не влечет за собой изменения величины v, оно не затрагивает ни нормы прибыли, ни нормы прибавочной стоимости.

Таким образом мы исчерпали в нашем уравнении все возможные случаи изменения v, c и K. Мы видели, что при неизменной норме прибавочной стоимости норма прибыли может понижаться, оставаться неизменной или возрастать, так как самого незначительного изменения в отношении v к c, соответственно к K, достаточно для того, чтобы изменить и норму прибыли.

Далее, оказалось, что при изменении v всегда достигается граница, когда неизменяемость m' становится экономически невозможной. Так как всякое одностороннее изменение c тоже должно дойти до границы, когда v не может более оставаться неизменным, то оказывается, что для всех возможных изменений $\frac{v}{K}$ существуют границы, за которыми m' тоже должно сделаться изменяющимся. Это взаимодействие различных переменных нашего уравнения еще яснее выступит при исследовании изменений m', к чему мы теперь и переходим.

II. m' ИЗМЕНЯЕТСЯ

Общая формула норм прибыли при различных нормах прибавочной стоимости — безразлично, остается ли $\frac{v}{K}$ неизменным или, в свою очередь, изменяется, — получится, если уравнение:

$$p' = m' \frac{v}{K}$$

мы превратим в другое:

$$p'_1 = m'_1 \frac{v_1}{K_1},$$

где p'_1, m'_1, v_1 и K_1 означают изменившиеся величины p', m', v и K. Мы тогда получаем:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m'_1 \frac{v_1}{K_1},$$

а отсюда:

$$p'_1 = \frac{m'_1}{m'} \times \frac{v_1}{v} \times \frac{K}{K_1} \times p'.$$

1) m′ изменяется, $\frac{v}{K}$ не изменяется

В этом случае мы имеем уравнения:

$$p' = m' \frac{v}{K}; \quad p'_1 = m'_1 \frac{v}{K},$$

в которых $\frac{v}{K}$ равны между собой. Поэтому получается такое отношение:

$$p' : p'_1 = m' : m'_1.$$

Нормы прибыли двух капиталов одинакового строения относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости у обоих этих капиталов. Так как в дроби $\frac{v}{K}$ важны не абсолютные величины v и K, а лишь отношение между ними, то это относится ко всем капиталам одинакового строения, какова бы ни была их абсолютная величина.

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad K = 100, \quad m' = 100\%, \quad p' = 20\%$$
$$160_c + 40_v + 20_m; \quad K = 200, \quad m' = 50\%, \quad p' = 10\%$$
$$100\% : 50\% = 20\% : 10\%.$$

Если абсолютные величины v и K в обоих случаях одинаковы, то нормы прибыли относятся друг к другу, кроме того, как массы прибавочной стоимости:

$$p' : p'_1 = m'v : m'_1 v = m : m_1.$$

Например:

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \quad p' = 20\%$$
$$80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \quad p' = 10\%$$
$$20\% : 10\% = 100 \times 20 : 50 \times 20 = 20 : 10.$$

Теперь ясно, что у капиталов одинакового строения — одинакового в абсолютных числах или в процентном отношении — нормы прибавочной стоимости могут быть различны лишь в том случае, если различны или заработная плата, или продолжительность рабочего дня, или интенсивность труда. В трех случаях:

$$\begin{array}{rlll} \text{I.} & 80_c + 20_v + 10_m; & m' = 50\%, & p' = 10\%, \\ \text{II.} & 80_c + 20_v + 20_m; & m' = 100\%, & p' = 20\%, \\ \text{III.} & 80_c + 20_v + 40_m; & m' = 200\%, & p' = 40\%, \end{array}$$

вся вновь произведенная стоимость составляет в I — 30 (20_v + + 10_m), во II — 40, в III — 60. Это могло произойти трояким способом.

Во-первых, если заработная плата различна, следовательно, если 20_v в каждом отдельном случае выражают неодинаковое число рабочих. Предположим, что в I заняты 15 рабочих 10 часов при заработной плате в $1^1/_3$ ф. ст. и что они производят стоимость в 30 ф. ст., из которых 20 ф. ст. возмещают заработную плату, а 10 ф. ст. составляют прибавочную стоимость. Если заработная плата понижается до 1 ф. ст., то может быть занято в течение 10 часов 20 рабочих; тогда они производят стоимость в 40 ф. ст., в том числе 20 ф. ст. на возмещение заработной платы и 20 ф. ст. прибавочной стоимости. Если заработная плата понижается еще больше, до $^2/_3$ ф. ст., то может быть занято 30 рабочих по 10 часов; производят они стоимость в 60 ф. ст., из которых за вычетом 20 ф. ст. на возмещение заработной платы останется еще 40 ф. ст. прибавочной стоимости.

Этот случай: неизменное в процентном отношении строение капитала, неизменный рабочий день, неизменная интенсивность труда, изменение нормы прибавочной стоимости, вызванное изменением заработной платы, представляет единственный случай, когда оправдывается положение Рикардо:

«Прибыль будет высока или низка *в точном соответствии с тем,* низка или высока будет заработная плата» («Principles of Political Economy etc.», ch. I, sec. III, p. 18. «Works of D. Ricardo», ed. by Mac Culloch, 1852).

Или, *во-вторых,* если интенсивность труда различна. Тогда, например, 20 рабочих при одинаковых средствах труда за 10 рабочих часов в день производят в I случае — 30, во II — 40, в III — 60 штук определенного товара, каждая штука которого, кроме стоимости потребленных на нее средств производства, представляет новую стоимость в 1 фунт стерлингов. Так как в каждом случае 20 штук = 20 ф. ст. возмещают заработную плату, то на прибавочную стоимость остаются в I слу-

чае — 10 штук = 10 ф. ст., во II — 20 штук = 20 ф. ст., в III — 40 штук = 40 фунтам стерлингов.

Или, *в-третьих,* если продолжительность рабочего дня различна. Если 20 рабочих при одинаковой интенсивности труда работают в I случае девять, во II двенадцать, в III восемнадцать часов в день, то продукты их труда 30 : 40 : 60 относятся друг к другу, как 9 : 12 : 18, и так как заработная плата каждый раз = 20, то на прибавочную стоимость опять остается 10, соответственно 20 и 40.

Итак, на величину нормы прибавочной стоимости, а потому, при неизменности $\frac{v}{K}$, и на норму прибыли повышение или понижение заработной платы действует в обратном направлении, повышение или понижение интенсивности труда и удлинение или сокращение рабочего дня — в том же направлении.

2) m′ [или m] и v изменяются, K не изменяется

К этому случаю относится пропорция:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m'_1 \frac{v_1}{K} = m'v : m'_1 v_1 = m : m_1.$$

Нормы прибыли относятся друг к другу, как соответственные массы прибавочной стоимости.

Изменение нормы прибавочной стоимости при неизменности переменного капитала означает изменение величины и деления вновь произведенной стоимости. Одновременное изменение v и m' тоже всегда предполагает иное деление вновь произведенной стоимости, но не всегда — изменение ее величины. Возможны три случая:

a) v и m изменяются в противоположном направлении, но на одинаковую величину, например:

$$80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \quad p' = 10\%$$
$$90_c + 10_v + 20_m; \quad m' = 200\%, \quad p' = 20\%.$$

Вновь произведенная стоимость одинакова в обоих случаях, следовательно, одинаково и количество совершенного труда; $20_v + 10_m = 10_v + 20_m = 30$. Различие заключается только в том, что в первом случае 20 уплачивается на заработную плату и 10 остается на прибавочную стоимость, между тем как во втором случае заработная плата составляет всего 10, а потому прибавочная стоимость — 20. Это — единственный случай, когда при одновременном изменении v и m число рабочих, интенсивность труда и продолжительность рабочего дня остаются неизменными.

b) Изменение m' и v совершается опять в противоположном направлении, однако не на одну и ту же величину. В таком случае перевес оказывается или на стороне изменения v или на стороне изменения m'.

$$\text{I.}\ 80_c + 20_v + 20_m;\quad m' = 100\%,\quad p' = 20\%$$
$$\text{II.}\ 72_c + 28_v + 20_m;\quad m' = 71^3/_7\%,\quad p' = 20\%$$
$$\text{III.}\ 84_c + 16_v + 20_m;\quad m' = 125\%,\quad p' = 20\%.$$

В I за вновь произведенную стоимость в 40 уплачивается 20_v, во II за вновь произведенную стоимость в 48 уплачивается 28_v, в III за вновь произведенную стоимость в 36 уплачивается 16_v. Как вновь произведенная стоимость, так и заработная плата изменились; но изменение вновь произведенной стоимости означает изменение количества совершенного труда, следовательно, или числа рабочих, или продолжительности труда, или интенсивности труда, или одновременно нескольких из этих трех факторов.

c) Изменение m' и v происходит в одинаковом направлении; в таком случае одно усиливает действие другого.

$$90_c + 10_v + 10_m;\quad m' = 100\%,\quad p' = 10\%$$
$$80_c + 20_v + 30_m;\quad m' = 150\%,\quad p' = 30\%$$
$$92_c + 8_v + 6_m;\quad m' = 75\%,\quad p' = 6\%.$$

И здесь во всех трех случаях вновь произведенная стоимость различна, именно: 20, 50 и 14; и это различие в величине соответствующего каждому случаю количества труда опять сводится к различию числа рабочих, продолжительности труда, интенсивности труда или нескольких, или, соответственно всех, этих факторов.

3) m′, v и K изменяются

Этот случай не дает новых точек зрения и разрешается общей формулой, данной под II, когда m' изменяется.

Итак, действие изменений величины нормы прибавочной стоимости на норму прибыли допускает следующие случаи:

1) если $\frac{v}{K}$ остается неизменным, то p' увеличивается или уменьшается в том же отношении, как m'.

$$80_c + 20_v + 20_m;\quad m' = 100\%,\quad p' = 20\%$$
$$80_c + 20_v + 10_m;\quad m' = 50\%,\quad p' = 10\%$$
$$100\% : 50\% = 20\% : 10\%.$$

2) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в одинаковом направлении с m', т. е. увеличивается или уменьшается, когда увеличивается или уменьшается m', то p' повышается или понижается в большей степени, чем m'.

$$80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \qquad p' = 10\%$$
$$70_c + 30_v + 20_m; \quad m' = 66^2/_3\%, \qquad p' = 20\%$$
$$50\% : 66^2/_3\% < 10\% : 20\%.$$

3) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m', но относительно слабее, чем m', то p' повышается или понижается относительно слабее, чем m'.

$$80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \quad p' = 10\%$$
$$90_c + 10_v + 15_m; \quad m' = 150\%, \quad p' = 15\%$$
$$50\% : 150\% > 10\% : 15\%.$$

4) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m', и относительно сильнее, чем m', то p' повышается, хотя m' понижается, или p' понижается, хотя m' повышается.

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \quad p' = 20\%$$
$$90_c + 10_v + 15_m; \quad m' = 150\%, \quad p' = 15\%,$$

m' повысилось со 100% до 150%, p' понизилось с 20% до 15%.

5) Наконец, если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m', но изменяет свою величину точно в том же отношении, как и m', p' остается неизменным, хотя m' повышается или понижается.

Только этот последний случай и требует еще некоторого рассмотрения. Как выше, при изменениях $\frac{v}{K}$, мы видели, что одна и та же норма прибавочной стоимости может выражаться в разнообразнейших нормах прибыли, так здесь мы видим, что в основе одной и той же нормы прибыли могут лежать очень различные нормы прибавочной стоимости. Но в то время как при неизменности m' любого изменения в отношении между v и K достаточно для того, чтобы дать различные нормы прибыли, здесь при изменении величины m' требуется строго соответственное обратное изменение величины $\frac{v}{K}$ для того, чтобы норма прибыли осталась прежняя. Для одного и того же капитала или для двух капиталов в одной и той же стране это возможно лишь в очень редких случаях. Возьмем, например, капитал

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad K = 100, \quad m' = 100\%, \quad p' = 20\%$$

и предположим, что заработная плата понижается настолько, что теперь на 16_v можно иметь такое же число рабочих, которому раньше уплачивалось 20_v. В таком случае при прочих неизменных условиях высвободится 4_v, и мы получим:

$$80_c + 16_v + 24_m; \quad K = 96, \quad m' = 150\%, \quad p' = 25\%.$$

Теперь для того, чтобы p' было $= 20\%$, как прежде, весь капитал должен был бы возрасти до 120, следовательно, постоянный капитал до 104:

$$104_c + 16_v + 24_m; \quad K = 120, \quad m' = 150\%, \quad p' = 20\%.$$

Но это было бы возможно лишь в том случае, если бы одновременно с понижением заработной платы произошло изменение в производительности труда, которое потребовало бы такого изменения в строении капитала; или же если бы денежная стоимость постоянного капитала повысилась с 80 до 104; одним словом, — если бы произошло такое случайное совпадение условий, которое бывает лишь в исключительных случаях. В действительности такое изменение m', которое не предполагает одновременного изменения v, а потому и изменения $\frac{v}{K}$, мыслимо только при вполне определенных обстоятельствах, именно в таких отраслях промышленности, в которых применяется только основной капитал и труд, а предмет труда дается природой.

Но при сравнении норм прибыли в двух странах дело обстоит иначе. Одна и та же норма прибыли здесь служит в действительности выражением по большей части различных норм прибавочной стоимости.

Итак, из всех пяти случаев вытекает, что повышающаяся норма прибыли может соответствовать понижающейся или повышающейся норме прибавочной стоимости, понижающаяся норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости, неизменная норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости. Что повышающаяся, понижающаяся или неизменная норма прибыли тоже может соответствовать неизменяющейся норме прибавочной стоимости, это мы видели в случае I.

Итак, норма прибыли определяется двумя главными факторами: нормой прибавочной стоимости и стоимостным строением капитала. Влияние этих двух факторов можно кратко резюмировать следующим образом, причем строение мы можем

выражать в процентах, так как здесь безразлично, от какой из двух частей капитала исходит изменение.

Нормы прибыли двух капиталов или одного и того же капитала в двух последовательных различных состояниях *равны:*

1) При одинаковом в процентном отношении строении капиталов и одинаковой норме прибавочной стоимости.

2) При неодинаковом в процентном отношении строении капиталов и неодинаковой норме прибавочной стоимости, если равны произведения норм прибавочной стоимости на выраженные в процентах переменные части капиталов (произведения m' на v), т. е. если равны *массы* прибавочной стоимости, рассчитанные в процентах ко всему капиталу ($m = m'v$), другими словами, если в обоих случаях множители m' и v стоят в обратном отношении друг к другу.

Они не равны:

1) При равном в процентном отношении строении капиталов, если нормы прибавочной стоимости не равны; при этом нормы относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости.

2) При равной норме прибавочной стоимости и неравном в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как переменные части капиталов.

3) При неодинаковой норме прибавочной стоимости и неодинаковом в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как произведения mv, т. е. как массы прибавочной стоимости, рассчитанные в процентах ко всему капиталу [10].

---

[10] В рукописи имеются еще очень подробные вычисления разности между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли ($m' - p'$); она отличается разнообразными любопытными особенностями, и ее движение обнаруживает случаи, когда обе нормы удаляются друг от друга или сближаются друг с другом. Это движение можно изобразить и в виде кривых. Я воздерживаюсь от воспроизведения этого материала, так как он менее важен для непосредственных целей настоящей книги. Здесь достаточно будет просто обратить на это внимание тех читателей, которые захотят изучить данный вопрос более глубоко. — *Ф. Э.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЛИЯНИЕ ОБОРОТА НА НОРМУ ПРИБЫЛИ

{Влияние оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, было рассмотрено во второй книге. Вкратце его можно резюмировать в следующих положениях: так как для оборота требуется время известной продолжительности, на производство не может быть употреблен одновременно весь капитал, следовательно, часть капитала постоянно должна бездействовать, — в форме ли денежного капитала, запасного ли сырья, готового, но еще не проданного товарного капитала, или долговых требований, для которых еще не наступил срок; капитал, действующий в активном производстве, т. е. в процессе создания и присвоения прибавочной стоимости, постоянно уменьшается на эту часть и в том же самом отношении постоянно сокращается производимая и присваиваемая прибавочная стоимость. Чем короче время оборота, тем меньше по сравнению со всем капиталом эта бездействующая часть капитала; и, следовательно, при прочих равных условиях тем больше становится присваиваемая прибавочная стоимость.

Во второй книге подробно показано, как сокращение времени оборота или одного из его двух отрезков — времени производства и времени обращения — повышает массу производимой прибавочной стоимости [24]. Но так как норма прибыли служит лишь выражением отношения произведенной массы прибавочной стоимости ко всему капиталу, занятому в ее производстве, то ясно, что всякое такое сокращение повышает норму прибыли. То, что раньше, во втором отделе второй книги, сказано относительно прибавочной стоимости, в такой же мере касается и прибыли и нормы прибыли и не нуждается здесь в повторении. Мы намерены отметить лишь несколько главных моментов.

Главным средством сокращения времени производства является повышение производительности труда, что обычно

называют прогрессом промышленности. Если этим не будет вызвано одновременно значительное увеличение общих затрат капитала вследствие внедрения дорогостоящих машин и т. д. и, следовательно, понижение нормы прибыли, исчисляемой на весь капитал, то последняя должна повыситься. И это определенно имеет место при осуществлении многих новшеств в области металлургии и химической промышленности. Вновь открытые способы производства железа и стали Бессемера, Сименса, Джилкриста — Томаса и др. при сравнительно незначительных издержках сокращают до минимума процессы, в прежнее время чрезвычайно продолжительные. Изготовление ализарина или мареновой краски из каменноугольного дегтя, и притом при помощи фабричных установок, которые уже применялись до этого для изготовления других красок из каменноугольного дегтя, дает в несколько недель такой же результат, для которого раньше нужны были годы; один год требовался для произрастания марены, а потом еще несколько лет корни оставляли для дозревания, прежде чем употреблять их на крашение.

Главным средством для сокращения времени обращения является совершенствование путей сообщения. И в этом отношении за последние пятьдесят лет произошла революция, которую можно сравнить только с промышленной революцией последней половины прошлого века. На суше мощенные камнем дороги оттеснены на задний план железной дорогой, на море медленное и нерегулярное парусное сообщение — быстрым и регулярным пароходным сообщением, и весь земной шар опутан телеграфной проволокой. Суэцкий канал собственно только и открыл Восточную Азию и Австралию для пароходных сообщений. Время обращения для товаров, отправляемых в Восточную Азию, еще в 1847 г. составляло по меньшей мере двенадцать месяцев (см. «Капитал», кн. II, стр. 235 [25]), теперь оно сведено почти к стольким же неделям. Два великих очага кризисов 1825 и 1857 гг., Америка и Индия, вследствие такого переворота в средствах сообщения приблизились к европейским промышленным странам на 70—90% и таким образом утратили бо̀льшую часть своей способности к взрывам. Время оборота в такой же мере сократилось для всей мировой торговли, и дееспособность занятого в ней капитала повысилась более чем вдвое или втрое. Что это не осталось без влияния на норму прибыли, понятно само собой.

Чтобы представить в чистом виде влияние оборота всего капитала на норму прибыли, мы должны предположить, что все остальные условия для сравниваемых двух капиталов

одинаковы. В частности, кроме нормы прибавочной стоимости и рабочего дня, пусть будет одинаково и строение капиталов, выраженное в процентах. Возьмем теперь капитал A строения $80_c + 20_v = 100\ K$, совершающий при норме прибавочной стоимости в 100% два оборота в год. В таком случае годовой продукт будет:

$160_c + 40_v + 40_m$. Но для определения нормы прибыли мы исчисляем эти 40_m не к сумме оборота капитальной стоимости в 200, а к авансированной капитальной стоимости в 100 и таким образом получаем $p' = 40\%$.

Сравним с капиталом A капитал $B = 160_c + 40_v = 200K$ с такой же нормой прибавочной стоимости в 100%, но оборачивающийся лишь один раз в год. Годовой продукт будет такой же, как выше:

$160_c + 40_v + 40_m$. Но эти 40_m на этот раз следует исчислять на авансированный капитал в 200, что даст норму прибыли только 20%, т. е. только половину нормы A.

Из этого следует: при капиталах одинакового процентного строения, при одинаковой норме прибавочной стоимости и одинаковом рабочем дне, нормы прибыли двух капиталов обратно пропорциональны времени их оборотов. Если в двух сравниваемых случаях неодинаковы или строение, или норма прибавочной стоимости, или рабочий день, или заработная плата, то этим, конечно, будут вызваны и дальнейшие различия в норме прибыли; но они независимы от оборота и потому здесь не интересуют нас; к тому же они рассмотрены уже в главе III.

Прямое влияние сокращения времени оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, заключается в достигаемом таким способом повышении действенности переменной части капитала, о чем см. «Капитал», кн. II, гл. XVI: «Оборот переменного капитала». Там показано, что переменный капитал в 500, совершающий десять оборотов в год, за это время присваивает столько же прибавочной стоимости, как переменный капитал в 5 000, который при той же норме прибавочной стоимости и той же заработной плате совершает только один оборот в год.

Возьмем капитал I, состоящий из 10 000 основного капитала, годовой износ которого составляет 10% = 1 000, 500 постоянного оборотного и 500 переменного капитала. Переменный капитал оборачивается десять раз в год при норме прибавочной стоимости в 100%. Для упрощения предположим во всех следующих примерах, что оборотный постоянный капитал за такое же время совершает такой же оборот, как переменный,

что̀ в большинстве случаев и бывает на практике. Тогда продукт одного такого периода оборота будет:

$$100_c\,(\text{износ}) + 500_c + 500_v + 500_m = 1\,600,$$

а продукт целого года с десятью такими оборотами:

$$1\,000_c\,(\text{износ}) + 5\,000_c + 5\,000_v + 5\,000_m = 16\,000,$$

$$K = 11\,000,\;\; m = 5\,000,\;\; p' = \frac{5\,000}{11\,000} = 45^5/_{11}\%.$$

Возьмем теперь капитал II: основной капитал 9 000, его годовой износ 1 000, оборотный постоянный капитал 1 000, переменный капитал 1 000, норма прибавочной стоимости 100%, число оборотов переменного капитала в год 5. Следовательно, продукт за каждый период оборота переменного капитала будет таков:

$$200_c\,(\text{износ}) + 1\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 3\,200,$$

а весь годовой продукт при пяти оборотах:

$$1\,000_c\,(\text{износ}) + 5\,000_c + 5\,000_v + 5\,000_m = 16\,000,$$

$$K = 11\,000,\;\; m = 5\,000,\;\; p' = \frac{5\,000}{11\,000} = 45^5/_{11}\%.$$

Возьмем, далее, капитал III, в котором нет совсем основного капитала, оборотный же постоянный капитал составляет 6 000 и переменный 5 000. Пусть при норме прибавочной стоимости в 100% он оборачивается один раз в год. В таком случае весь продукт за год будет:

$$6\,000_c + 5\,000_v + 5\,000_m = 16\,000,$$

$$K = 11\,000,\;\; m = 5\,000,\;\; p' = \frac{5\,000}{11\,000} = 45^5/_{11}\%.$$

Следовательно, во всех трех случаях мы получаем одинаковую годовую массу прибавочной стоимости = 5 000, и так как весь капитал во всех трех случаях тоже одинаков, именно = = 11 000, то получаем и одинаковую норму прибыли в $45^5/_{11}\%$.

Напротив, если бы при капитале I у нас было не 10, а только 5 годовых оборотов переменной части, то дело обстояло бы иначе. Тогда продукт одного оборота был бы:

$$200_c\,(\text{износ}) + 500_c + 500_v + 500_m = 1\,700.$$

Или годовой продукт:

$$1\,000_c\,(\text{износ}) + 2\,500_c + 2\,500_v + 2\,500_m = 8\,500,$$

$$K = 11\,000,\;\; m = 2\,500,\;\; p' = \frac{2\,500}{11\,000} = 22^8/_{11}\%.$$

Норма прибыли понизилась наполовину, так как время оборота удвоилось.

Итак, масса прибавочной стоимости, присваиваемая в течение года, равна массе прибавочной стоимости, присваиваемой в течение одного оборота *переменного* капитала, умноженной на число таких оборотов в год. Если мы присваиваемую за год прибавочную стоимость, или прибыль, назовем M, присваиваемую за один оборот прибавочную стоимость — m, число оборотов переменного капитала в год — n, то $M = mn$, и годовая норма прибавочной стоимости $M' = m'n$, как показано уже в «Капитале», кн. II, гл. XVI, I [26].

Само собой разумеется, что формула нормы прибыли $p' = m' \frac{v}{K} = m' \frac{v}{c+v}$ верна лишь при том условии, если v числителя равно v знаменателя. В знаменателе v представляет всю ту часть всего капитала, которая в среднем была употреблена как переменный капитал на заработную плату. В числителе v прежде всего определяется только тем, что оно произвело и присвоило известное количество прибавочной стоимости $= m$, отношение которой к этому v, $\frac{m}{v}$, есть норма прибавочной стоимости m'. Только таким путем уравнение $p' = \frac{v}{c+v}$ превратилось в другое: $p' = m' \frac{v}{c+v}$. Теперь v числителя должно быть уже равно v знаменателя, т. е. всей переменной части капитала K. Другими словами, уравнение $p' = \frac{m}{K}$ лишь при том условии можно без ошибки превратить в уравнение $p' = m' \frac{v}{c+v}$, если m означает прибавочную стоимость, произведенную за один период оборота переменного капитала. Если m составляет только некоторую часть этой прибавочной стоимости, то хотя $m = m'v$ верно, но это v здесь меньше, чем v в $K = c + v$, потому что оно меньше, чем весь переменный капитал, затраченный на заработную плату. Но если m составляет больше, чем прибавочную стоимость от одного оборота v, то часть этого v или даже все v функционирует дважды: сначала в первом обороте, потом во втором, или, соответственно, во втором и дальнейших оборотах; следовательно, это v, которое производит прибавочную стоимость и представляет собой сумму всей выданной заработной платы, больше чем v в $c + v$, и потому вычисление становится неверным.

Для того чтобы формула годовой нормы прибыли сделалась вполне верной, мы должны вместо простой нормы прибавочной

стоимости поставить годовую норму прибавочной стоимости, т. е. вместо m' поставить M' или $m'n$. Другими словами, m', норму прибавочной стоимости, или, что сводится к тому же, v, переменную часть капитала, заключающуюся в K, мы должны помножить на n, на число оборотов этого переменного капитала в год, и таким образом у нас получится: $p' = m'n \frac{v}{K}$ — формула для вычисления годовой нормы прибыли.

Но какова именно величина переменного капитала в данном предприятии, этого в большинстве случаев не знает и сам капиталист. В восьмой главе второй книги мы видели и в дальнейшем еще увидим, что единственное различие в капитале, которое воспринимает капиталист как существенное, есть различие между основным и оборотным капиталом. Из кассы, в которой хранится часть оборотного капитала, имеющаяся в его распоряжении в денежной форме, — если она не лежит в банке, — он берет деньги на заработную плату, из той же самой кассы он берет деньги на сырье и вспомогательные материалы, и все эти расходы записывает на один и тот же счет. А если бы даже ему пришлось вести особый счет выдаваемой заработной платы, то этот счет в конце года показал бы сумму выплаты, т. е. vn, но не величину самого переменного капитала v. Чтобы выяснить последнюю, капиталисту пришлось бы сделать особый подсчет, пример которого мы сейчас приведем.

Для этого возьмем хлопчатобумажную прядильную фабрику с 10 000 мюльных веретен, описанную в «Капитале», кн. I, стр. 180—181 [27], и предположим, что данные, относящиеся к одной неделе апреля 1871 г., сохраняют свое значение на целый год. Основной капитал в машинах составляет 10 000 фунтов стерлингов. Оборотный капитал не был указан; предположим, что он составлял 2 500 ф. ст., — довольно высокая цифра, однако оправдываемая тем предположением, которое мы здесь должны сделать, именно — отсутствием кредитных операций, следовательно, постоянного или временного использования чужого капитала. Недельный продукт по своей стоимости состоял из 20 ф. ст. на износ машин, 358 ф. ст. авансированного оборотного постоянного капитала (плата за наем помещения 6 ф. ст., хлопок 342 ф. ст., уголь, газ, масло 10 ф. ст.), 52 ф. ст. затраченного на заработную плату переменного капитала и 80 ф. ст прибавочной стоимости, следовательно:

$$20_c \text{ (износ)} + 358_c + 52_v + 80_m = 510.$$

Итак, еженедельное авансирование оборотного капитала составляло $358_c + 52_v = 410$, и его строение в процентах $= 87{,}3_c + 12{,}7_v$. При пересчете на весь оборотный капитал в 2 500 ф. ст. это дает 2 182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала. Так как вся затрата на заработную плату составила в год 52×52 ф. ст., следовательно, 2 704 ф. ст., то оказывается, что переменный капитал в 318 ф. ст. обернулся в течение года почти $8^1/_2$ раз. Норма прибавочной стоимости была $^{80}/_{52} = 153^{11}/_{13}\%$. По этим данным мы вычислим норму прибыли, подставив в формулу $p' = m'n\frac{v}{K}$ величины: $m' = 153^{11}/_{13}$, $n = 8^1/_2$, $v = 318$, $K = 12\,500$; итак:

$$p' = 153^{11}/_{13} \times 8^1/_2 \times \frac{318}{12\,500} = 33{,}27\%.$$

Для проверки мы воспользуемся простой формулой $p' = \frac{m}{K}$. Вся прибавочная стоимость, или прибыль, составляет в год 80 ф. ст. $\times$ 52 = 4 160 ф. ст., а это, будучи разделено на весь капитал в 12 500 ф. ст., дает почти столько же, как выше, 33,28%, — чрезвычайно высокую норму прибыли, которая объясняется лишь крайне благоприятными в данный момент условиями (очень низкие цены хлопка наряду с очень высокими ценами пряжи) и которая в действительности несомненно имела место не на протяжении всего года.

В формуле $p' = m'n\frac{v}{K}$, как сказано, $m'n$ представляет собой то, что во второй книге названо годовой нормой прибавочной стоимости [28]. В приведенном сейчас случае она составляет $153\ ^{11}/_{13}\% \times 8^1/_2$, или, по точному подсчету, $1\ 307^9/_{13}\%$. Следовательно, если некий Бидерман всплеснул руками перед чудовищностью годовой нормы прибавочной стоимости в 1 000%, приведенной в одном примере во второй книге, то его, быть может, успокоит факт годовой нормы прибавочной стоимости свыше 1 300%, приведенный здесь из действительной практики Манчестера. Во времена наивысшего процветания, каких мы, правда, уже давно не переживали, такая норма отнюдь не редкость.

Кстати сказать, мы имеем здесь пример действительного строения капитала в современной крупной промышленности. Весь капитал распадается на 12 182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала, итого 12 500 фунтов стерлингов. Или, в процентах, $97^1/_{2c} + 2^1/_{2v} = 100\ K$. Только сороковая доля всего капитала, совершая более восьми оборотов в год, служит для выдачи заработной платы.

Так как, конечно, лишь немногим капиталистам приходит в голову производить такие вычисления применительно к своим собственным предприятиям, то статистика почти совершенно умалчивает об отношении постоянной части всего общественного капитала к переменной части. Только американские цензы дают то, что возможно при современных отношениях: сумму заработной платы, выданной в каждой отрасли предпринимательства, и сумму полученных прибылей. Как ни сомнительны эти данные, — потому что они основываются лишь на непроверяемых сообщениях самих промышленников, — тем не менее они в высшей степени ценны и представляют собой все, что имеется у нас по этому предмету. В Европе мы слишком щепетильны, чтобы требовать подобных разоблачений от наших крупных промышленников. — *Ф. Э.*}

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЭКОНОМИЯ В ПРИМЕНЕНИИ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Увеличение абсолютной прибавочной стоимости, или удлинение прибавочного труда, а следовательно и рабочего дня, при неизменной величине переменного капитала, т. е. при том же числе рабочих, получающих номинально ту же заработную плату, — причем безразлично, оплачивается или не оплачивается сверхурочное время, — относительно понижает стоимость постоянного капитала по сравнению со стоимостью всего капитала и стоимостью переменного капитала и повышает благодаря этому норму прибыли, опять-таки независимо от роста массы прибавочной стоимости и от возможного повышения нормы прибавочной стоимости. Размер основной части постоянного капитала — фабричные здания, машины и т. д. — остается неизменным, работают ли с его помощью 16 или 12 часов. Удлинение рабочего дня не требует новых затрат на эту наиболее дорогостоящую часть постоянного капитала. Кроме того, стоимость основного капитала воспроизводится благодаря этому в течение меньшего количества периодов оборота, следовательно, сокращается время, на которое он должен быть авансирован, чтобы извлечь определенную прибыль. Удлинение рабочего дня повышает поэтому прибыль даже в том случае, если сверхурочное время оплачивается, и, в известных границах, даже в том случае, если оно оплачивается выше, чем нормальные рабочие часы. Постоянно растущая при современной промышленной системе необходимость увеличивать основной капитал была поэтому для алчных до прибыли капиталистов главным толчком к удлинению рабочего дня [11].

---

[11] «Так как на всех фабриках очень значительная сумма основного капитала вложена в строения и машины, то прибыль будет тем больше, чем больше число часов, в течение которых эти машины работают» («Reports of Insp. of Fact., 31st October 1858», p. 8).

Иные условия имеют место при постоянном рабочем дне. В этом случае для увеличения массы эксплуатируемого труда (мы здесь отвлекаемся от вычетов из заработной платы или от понижения заработной платы ниже ее нормального уровня) необходимо увеличить число рабочих, а вместе с тем в известном отношении и массу основного капитала — строений, машин и т. д. Или же, если увеличивается интенсивность труда или повышается производительная сила труда и вообще производится больше относительной прибавочной стоимости, то в отраслях производства, применяющих сырье, растет масса оборотной части постоянного капитала, так как в данный промежуток времени перерабатывается больше сырья и т. п., и, во-вторых, возрастает количество машин, приводимых в движение тем же числом рабочих, следовательно, возрастает и эта часть постоянного капитала. Возрастание прибавочной стоимости сопровождается, таким образом, возрастанием постоянного капитала, возрастающая эксплуатация труда сопровождается вздорожанием тех условий производства, при помощи которых эксплуатируется труд, т. е. сопровождается возрастанием затрат капитала. Таким образом, норма прибыли вследствие этого, с одной стороны, уменьшается, а с другой стороны, повышается.

Целый ряд текущих расходов остается почти или совершенно одинаковым как при более длинном, так и при более коротком рабочем дне. Расходы по надзору меньше при 500 рабочих и 18-часовом дне, чем при 750 рабочих и 12-часовом дне.

«Текущие расходы фабрики при десятичасовом рабочем дне почти такие же, как и при двенадцатичасовом» («Reports of Insp. of Fact., October 1848», p. 37).

Государственные и коммунальные налоги, страхование на случай пожара, жалованье различным постоянным служащим, обесценение машин и различные другие расходы фабрики остаются неизменными при длинном или коротком рабочем дне; по мере сокращения производства они возрастают за счет прибыли («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 19).

Продолжительность времени, в течение которого воспроизводится стоимость машин и других составных частей основного капитала, практически определяется не тем временем, в течение которого они просто существуют, а общей продолжительностью того процесса труда, в течение которого они функционируют и используются. Если рабочие вынуждены гнуть спину 18 часов вместо 12, то это составляет три лишних дня в неделю, неделя превращается в полторы недели, два года — в три.

Если сверхурочное время не оплачивается, то рабочие сверх нормального прибавочного времени отдают еще даром неделю на каждые две недели, год — на каждые два года труда. Таким образом воспроизводство стоимости машин ускоряется на 50% и занимает лишь $^2/_3$ того времени, которое было бы необходимо при 12-часовом рабочем дне.

В этом исследовании, точно так же как в исследовании колебаний цены сырого материала (глава VI), мы, чтобы избежать ненужного усложнения вопроса, исходим из предположения, что масса и норма прибавочной стоимости даны.

Как уже было указано при анализе кооперации, разделения труда и роли машин [29], экономия на условиях производства, характеризующая производство в крупном масштабе, в основном возникает благодаря тому, что эти условия функционируют как условия общественного, общественно-комбинированного труда, следовательно, — как общественные условия труда. Они используются в процессе производства сообща, совокупным рабочим, а не в раздробленной форме массой не связанных между собой рабочих или, в лучшем случае, рабочими, кооперирующимися между собой лишь в ничтожной степени. На крупной фабрике с одним или двумя центральными двигателями издержки на эти двигатели возрастают не в той пропорции, в какой растет количество лошадиных сил двигателей, а следовательно, и возможная сфера их действия; издержки на передаточные механизмы растут не в той пропорции, в какой растет масса рабочих машин, которым они сообщают движение; сам остов рабочей машины удорожается не в той пропорции, в какой увеличивается число орудий, которыми она действует как своими органами, и т. д. Далее, благодаря концентрации средств производства сберегаются издержки на всякого рода постройки, не только на мастерские в собственном смысле слова, но также на складские помещения и т. п. То же самое имеет место по отношению к расходам на отопление, освещение и т. п. Другие условия производства остаются те же самые, независимо от того, много или мало людей используют их.

Но вся эта экономия, вытекающая из концентрации средств производства и их массового применения, предполагает, как свое существенное условие, сосредоточение и совместную деятельность рабочих, т. е. общественное комбинирование труда. Следовательно, она вытекает из общественного характера труда точно так же, как прибавочная стоимость вытекает из прибавочного труда каждого отдельного рабочего, рассматриваемого изолированно. Даже те постоянные усовершенствования, которые здесь возможны и необходимы, возникают всецело

и исключительно из общественного опыта и наблюдений, которые делает возможными и доставляет производство, осуществляемое совокупным, комбинированным в крупном масштабе рабочим.

То же самое приходится сказать и о другой крупной области экономии на условиях производства. Мы имеем в виду обратное превращение экскрементов производства, так называемых отходов, в новые элементы производства той же самой или другой отрасли промышленности, — процессы, при помощи которых эти так называемые экскременты снова вводятся в кругооборот производства, а следовательно и потребления — производительного или индивидуального. И эта область сбережений, которой мы впоследствии коснемся несколько подробнее, есть результат общественного труда в крупном масштабе. Только при таком масштабе отходы получаются в столь значительных массах, что они сами становятся снова предметом торговли, а следовательно новыми элементами производства. Только как отходы совместного производства, а следовательно производства в крупном масштабе, получают они это значение для производственного процесса, остаются носителями меновой стоимости. Эти отходы — независимо от той роли, которую они выполняют в качестве новых элементов производства — удешевляют в той мере, в какой они могут быть вновь проданы, издержки на сырье, так как к этим издержкам всегда причисляется нормальный отход его, именно то его количество, которое в среднем должно быть потеряно при обработке. Уменьшение издержек на эту часть постоянного капитала повышает pro tanto * норму прибыли при данной величине переменного капитала и данной норме прибавочной стоимости.

Раз прибавочная стоимость дана, норма прибыли может быть увеличена только путем уменьшения стоимости постоянного капитала, необходимого для производства товара. Поскольку постоянный капитал входит в производство товаров, постольку приобретает значение не его меновая стоимость, а исключительно его потребительная стоимость. Сколько труда способен впитать в себя лен на прядильной фабрике, зависит не от его стоимости, а от его количества, раз дан уровень производительности труда, т. е. уровень технического развития. Равным образом та помощь, которую машина оказывает, например, трем рабочим, зависит не от ее стоимости, но от ее потребительной стоимости как машины. На одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой — хорошая машина может быть дешева.

---

* — соответственно. *Ред.*

Возросшая прибыль, которую капиталист получает благодаря тому, например, что хлопок или прядильные машины стали дешевле, является результатом возросшей производительности труда, правда, не в прядильном производстве, а в производстве машин и хлопка. Чтобы овеществить данное количество труда и, следовательно, присвоить данное количество прибавочного труда, требуется теперь меньше затрат на условия труда. Уменьшаются издержки, необходимые для того, чтобы присвоить определенное количество прибавочного труда.

Мы уже говорили о сбережениях, которые получаются в процессе производства благодаря совместному применению средств производства совокупным рабочим, — общественно-комбинированным рабочим. Дальнейшие сбережения в затратах постоянного капитала, вытекающие из сокращения времени обращения (причем существенным материальным моментом является развитие средств сообщения), мы рассмотрим ниже. Но уже здесь должно быть упомянуто об экономии, получающейся благодаря непрерывному усовершенствованию машин, а именно: 1) благодаря улучшению их материала, например, замене дерева железом; 2) благодаря удешевлению машин вследствие улучшения производства машин вообще; причем, хотя стоимость основной части постоянного капитала с развитием труда в широком масштабе непрерывно возрастает, она возрастает далеко не в той же степени [12]; 3) благодаря специальным усовершенствованиям, которые удешевляют и делают более эффектной эксплуатацию уже имеющихся машин, как, например, усовершенствование паровых котлов и т. п., о чем некоторые подробности будут даны ниже; 4) благодаря уменьшению количества отходов при усовершенствованных машинах.

Все, что уменьшает изнашивание машин и вообще основного капитала в течение данного периода производства, не только удешевляет отдельный товар в силу того, что каждый отдельный товар воспроизводит в своей цене причитающуюся на его долю часть износа, но и сокращает соответственные затраты капитала на этот период. Ремонтные работы и т. п., поскольку они необходимы, причисляются к первоначальным издержкам на машины. Их уменьшение вследствие большей прочности машин уменьшает pro tanto цену последних.

Всякая экономия подобного рода характеризуется опять-таки тем, что в большинстве случаев она возможна лишь при наличии комбинированного рабочего и зачастую может быть осуществлена лишь при работах, организованных в еще более

---

[12] См. Юр о прогрессе в строительстве фабрик [10].

широком масштабе; следовательно, она требует еще более значительного комбинирования рабочих непосредственно в процессе производства.

Но, с другой стороны, развитие производительной силы труда в *одной* отрасли производства, — например, в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., — которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно от успехов естественных наук и их применения, является условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в *других* отраслях промышленности, например, в текстильной промышленности или земледелии. Это само собой понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средство производства в другую отрасль промышленности. Его бо̀льшая или меньшая дешевизна зависит от производительности труда в той отрасли производства, из которой он выходит как продукт; в то же время она является не только условием удешевления тех товаров, в производство которых входит данный товар как средство производства, но и условием уменьшения стоимости постоянного капитала, элементом которого становится здесь данный товар, а следовательно условием повышения нормы прибыли.

Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной неуклонным развитием промышленности, состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в *одной* отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в *другой* отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплуатируемого непосредственно самим этим капиталистом. Такое развитие производительной силы в конечном счете всегда сводится к общественному характеру действующего труда, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естественных наук. Капиталист использует здесь выгоды всей системы общественного разделения труда. Развитие производительной силы труда не в данной отрасли промышленности, а в той, которая доставляет ей средства производства, — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли.

В другом случае повышение нормы прибыли достигается не вследствие экономии на труде, производящем постоянный

капитал, а вследствие экономии в применении самого постоянного капитала. Благодаря концентрации рабочих и их кооперации в широком масштабе сберегается постоянный капитал. Одни и те же постройки, приспособления для отопления и освещения и т. п. обходятся относительно дешевле при производстве в крупном, чем при производстве в мелком масштабе. То же самое следует сказать о двигателях и рабочих машинах. Стоимость их, хотя и возрастает абсолютно, относительно падает по сравнению с растущим расширением производства и величиной переменного капитала или массой рабочей силы, приводимой в движение. Экономия, которую данный капитал осуществляет в своей собственной отрасли производства, состоит прежде всего и непосредственно в экономии на труде, т. е. в сокращении оплачиваемого труда своих собственных рабочих; напротив, упомянутая выше экономия сводится к тому, чтобы осуществлять это возможно большее присвоение чужого неоплаченного труда возможно более экономным способом, т.е. с возможно меньшими при данном масштабе производства издержками. Поскольку эта экономия основывается не на упомянутой уже эксплуатации производительности общественного труда, применяемого в производстве постоянного капитала, а на экономии в применении самого постоянного капитала, она создается или непосредственно кооперацией и общественной формой труда в самой данной отрасли производства или производством машин и т. д. в таком масштабе, при котором стоимость их возрастает не в такой степени, как их потребительная стоимость.

Здесь необходимо иметь в виду два момента. Если стоимость $c = 0$, то p' было бы $= m'$ и норма прибыли достигла бы своего максимума. Но, во-вторых: для непосредственной эксплуатации самого труда важна отнюдь не стоимость применяемых средств эксплуатации, будь то основной капитал или сырье и вспомогательные материалы. Поскольку они служат в качестве поглотителей труда, в качестве средств, в которых или при помощи которых овеществляется труд, а следовательно и прибавочный труд, меновая стоимость машин, строений, сырья и т. п. совершенно не имеет значения. Единственно, что здесь имеет значение, это, с одной стороны, их масса, которая технически необходима для соединения с определенным количеством живого труда, и, с другой стороны, их соответствие поставленной цели, т. е. хорошими должны быть не только машины, но также сырье и вспомогательные материалы. От качества сырья зависит отчасти норма прибыли. Хороший материал дает меньшее количество отходов; следовательно, требуется меньшая масса сырья для впитывания того же самого

количества труда. Далее, становится меньше то сопротивление, которое встречает рабочая машина. Отчасти это влияет даже на прибавочную стоимость и норму прибавочной стоимости. При плохом сырье рабочий для переработки того же самого количества затрачивает больше времени; при неизменной заработной плате это приводит к сокращению прибавочного труда. Это оказывает, далее, значительное влияние на воспроизводство и накопление капитала, которое, как было показано в «Капитале», кн. I, стр. 568 [31], зависит больше от производительности, чем от массы применяемого труда.

Отсюда понятно фанатическое стремление капиталистов экономить на средствах производства. Когда ничто не расточается и не пропадает даром, когда средства производства расходуются именно так, как этого требует само производство — такое положение достигается частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся на себя, она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной заработной плате. Этот же фанатизм проявляется, с другой стороны, и в фальсификации элементов производства, что представляет собой главное средство понижения стоимости постоянного капитала по сравнению с переменным и повышения, таким образом, нормы прибыли; как существенный элемент надувательства сюда присоединяется еще продажа этих элементов производства выше их стоимости, поскольку эта стоимость снова появляется в продукте. Этот момент играет решающую роль, особенно в германской промышленности, основной принцип которой таков: самый лучший способ угодить людям — это сначала послать им хорошие образцы, а затем плохие товары. Впрочем, эти явления, относящиеся к области конкуренции, нас здесь не касаются.

Следует заметить, что такое повышение нормы прибыли, вызываемое уменьшением стоимости, а следовательно и цены постоянного капитала, совершенно не зависит от того, производит ли отрасль промышленности, в которой оно имеет место, предметы роскоши, или жизненные средства, входящие в потребление рабочих, или же средства производства вообще. Последнее обстоятельство может иметь значение лишь постольку, поскольку речь идет о норме прибавочной стоимости, которая существенно зависит от стоимости рабочей силы, т. е. от стоимости обычных жизненных средств рабочих. Но в рассматриваемом случае прибавочная стоимость и норма прибавочной

стоимости предполагаются данными. При этих условиях отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу — оно и определяет норму прибыли — зависит исключительно от стоимости постоянного капитала, а отнюдь не от потребительной стоимости элементов, из которых он состоит.

Относительное удешевление средств производства, конечно, не исключает возрастания абсолютной суммы их стоимости, потому что абсолютное количество применяемых средств производства чрезвычайно увеличивается вместе с развитием производительной силы труда и сопровождающим его ростом размеров производства. Экономия в применении постоянного капитала, с какой бы стороны мы ее ни рассматривали, отчасти является результатом исключительно того факта, что средства производства функционируют и потребляются как общие средства производства комбинированного рабочего, так что сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера непосредственно производительного труда; отчасти же — результатом развития производительности труда в сферах, которые доставляют капиталу его средства производства; таким образом, если мы будем противопоставлять весь труд всему капиталу, — а не одних только рабочих, занятых капиталистом *X*, этому капиталисту *X*, — то эта экономия опять-таки окажется продуктом развития производительных сил общественного труда, и вся разница сведется к тому, что капиталист *X* извлекает выгоду из производительности труда не только своей собственной мастерской, но также и чужих мастерских. Тем не менее капиталисту экономия на постоянном капитале представляется условием, совершенно чуждым рабочему и абсолютно не касающимся его, условием, к которому рабочий не имеет никакого отношения; между тем для капиталиста всегда совершенно ясно, что рабочему отнюдь не безразлично, много или мало труда покупает капиталист за одни и те же деньги (так как именно в этом виде представляется в его сознании сделка между капиталистом и рабочим). Эта экономия в применении средств производства, этот метод достигать определенного результата при наименьших затратах, в еще большей степени, чем другие силы, заложенные в труде, представляется силой, присущей капиталу, методом, свойственным капиталистическому способу производства и характеризующим его.

Такой способ представления тем менее может казаться странным, что ему соответствует внешняя видимость фактов и что капиталистическое отношение на самом деле скрывает внутреннюю связь вещей за тем полнейшим безразличием, обособленностью и отчужденностью, в которые оно ставит

рабочего по отношению к условиям осуществления его собственного труда.

Во-первых: Средства производства, из которых состоит постоянный капитал, представляют только деньги капиталиста (подобно тому, как, по Ленге, тело римского должника представляло деньги его кредитора [32]) и находятся в известном отношении только к нему, тогда как рабочий, поскольку он приходит с ними в соприкосновение в действительном процессе производства, имеет с ними дело только как с потребительными стоимостями производства, как со средствами труда и материалом труда. Поэтому уменьшение или увеличение этой стоимости так же мало затрагивает отношение рабочего к капиталисту, как, например, то обстоятельство, обрабатывает ли он медь или железо. Впрочем, капиталист предпочитает, как мы покажем впоследствии, рассматривать дело иначе в тех случаях, когда имеет место возрастание стоимости средств производства и вследствие этого уменьшается норма прибыли.

Во-вторых: Поскольку средства производства в процессе капиталистического производства являются в то же время средствами эксплуатации труда, сравнительная дешевизна или дороговизна этих средств эксплуатации столь же безразлична для рабочего, как безразлично для лошади, дорогими или дешевыми удилами и уздой ею управляют.

Наконец, как мы видели раньше [33], рабочий в действительности относится к общественному характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как к некоторой чуждой ему силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственность, расточение которой нисколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы его не принуждали экономить ее. Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим, например, в Рочдейле [34].

Таким образом, едва ли надо говорить, что, поскольку производительность труда в одной отрасли производства проявляется как удешевление и улучшение средств производства в другой и тем повышает норму прибыли, эта всеобщая связь общественного труда выступает как нечто совершенно чуждое рабочим, касается фактически только капиталиста, поскольку только он покупает и присваивает эти средства производства. Тот факт, что он покупает продукт рабочих чужой отрасли производства на продукт рабочих своей собственной отрасли производства и, следовательно, располагает продуктом чужих рабочих лишь постольку, поскольку он безвозмездно присвоил себе продукт своих собственных, — этот факт представляет

собой связь, которая благополучно маскируется процессом обращения и т. д.

Сюда присоединяется еще следующее обстоятельство. Так как производство в крупном масштабе развивается впервые в капиталистической форме, то и погоня за прибылью, с одной стороны, а с другой стороны, конкуренция, вынуждающая производить товары как можно дешевле, придают этой экономии в применении постоянного капитала такой вид, как будто она является специфической особенностью капиталистического способа производства и, следовательно, функцией капиталиста.

Капиталистический способ производства усиливает, с одной стороны, развитие производительных сил общественного труда и, с другой стороны, экономию в применении постоянного капитала.

Однако дело не ограничивается этим отношением отчужденности и безразличия, которое устанавливается между рабочим, носителем живого труда, и экономным, т. е. рациональным и бережливым, применением условий его труда. В силу своей противоречивой, антагонистической природы капиталистический способ производства приводит к тому, что расточение жизни и здоровья рабочего, ухудшение условий его существования само причисляется к экономии в применении постоянного капитала и, следовательно, к средствам повышения нормы прибыли.

Так как рабочий бо̀льшую часть своей жизни отдает процессу производства, то условия процесса производства являются в значительной мере также и условиями его активного жизненного процесса, его условиями жизни, а экономия на этих условиях жизни есть один из методов повышения нормы прибыли, совершенно так же, — что мы видели раньше [35], — как чрезмерная работа, превращение рабочего в рабочий скот, является методом ускорения самовозрастания стоимости капитала, производства прибавочной стоимости. Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных, нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках, к нагромождению опасных машин в одном и том же помещении и отсутствию приспособлений, предохраняющих от опасности, отсутствию мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. д. Мы уже не говорим об отсутствии каких-либо приспособлений, которые сделали бы для рабочего процесс производства более человечным, приятным или хотя бы только сносным. С капиталистической точки зрения это было бы совершенно бесцельной

и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом; точно так же как, с другой стороны, оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и свойственному ему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, причем для общества теряется то, что выигрывают отдельные капиталисты.

Так же как капиталу присуща тенденция при непосредственном применении живого труда сводить его к необходимому труду и путем эксплуатации общественных производительных сил труда постоянно сокращать необходимый для изготовления продукта труд, а следовательно, всячески экономить непосредственно применяемый живой труд, так ему присуща и тенденция — применять этот сведенный к необходимой мере труд при возможно более экономных условиях, т. е. сводить стоимость применяемого постоянного капитала к возможному минимуму. Если стоимость товаров определяется заключающимся в них необходимым рабочим временем, а не рабочим временем, вообще заключающимся в них, то определение это реализуется только капиталом, который в то же время непрерывно сокращает рабочее время, общественно необходимое для производства того или иного товара. Цена товара сводится таким образом к минимуму благодаря тому, что сводится к минимуму каждая часть труда, необходимого для его производства.

Рассматривая экономию в применении постоянного капитала, необходимо иметь в виду следующее различие. Если растет масса, а вместе с тем и сумма стоимости применяемого капитала, то это, прежде всего, означает лишь концентрацию большего количества капитала в одних руках. Но как раз это увеличение применяемой одним владельцем массы капитала, — которой в большинстве случаев соответствует также абсолютно большее, но относительно меньшее количество применяемого труда, — и допускает экономию на постоянном капитале. Для отдельного капиталиста растут размеры необходимых затрат капитала, в особенности основного капитала; но по отношению к массе перерабатываемого материала и эксплуатируемого труда стоимость этих затрат уменьшается.

Мы иллюстрируем это вкратце отдельными примерами. Начнем с конца, — с экономии на условиях производства, поскольку последние представляют собой в то же время условия существования и жизни рабочего.

II. ЭКОНОМИЯ НА УСЛОВИЯХ ТРУДА ЗА СЧЕТ РАБОЧЕГО. ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ САМЫМИ НЕОБХОДИМЫМИ ЗАТРАТАМИ

Каменноугольные копи.

«При конкуренции, господствующей между владельцами каменноугольных шахт... не делается иных затрат, кроме тех, которые необходимы для того, чтобы преодолеть самые очевидные физические трудности; а при конкуренции между рабочими-шахтерами, которых имеется обыкновенно в избытке, рабочие эти охотно подвергают себя значительным опасностям и самым вредным влияниям за плату, лишь немного превышающую заработок соседних деревенских поденщиков, так как работа в шахтах позволяет, кроме того, с выгодой использовать и их детей. Этой двойной конкуренции совершенно достаточно для того... чтобы работы в большинстве копей велись при самом несовершенном способе осушения и вентиляции, часто в плохо построенных шахтах, с плохими креплениями, неподготовленными машинистами, с плохо проложенными и плохо отстроенными штольнями и откатными путями; разрушение жизни и здоровья, увечья рабочих — таковы результаты, статистика которых представила бы ужасающую картину» («First Report on Children's Employment in Mines and Collieries etc.», 21 April 1841, p. 102).

Около 1860 г. в английских каменноугольных копях еженедельно погибало в среднем 15 человек. По данным отчета «Coal Mines Accidents» (6 февраля 1862 г.) за 10 лет, 1852—1861 гг., было убито в общей сложности 8 466 человек. Число это, однако, гораздо меньше действительного, как указывает и сам отчет, так как в первые годы, когда институт фабричных инспекторов был только что учрежден, а подлежащие их надзору округа были слишком обширны, о многих несчастных и смертных случаях вовсе не заявлялось. Естественная тенденция капиталистической эксплуатации лучше всего обнаруживается именно в том, что несмотря на недостаточное число и незначительную власть фабричных инспекторов количество несчастных случаев сильно уменьшилось с учреждением инспекции, хотя и в настоящее время истребление рабочих совершается еще в очень крупных размерах. Эти человеческие жертвы являются в большинстве случаев результатом гнусной скаредности владельцев копей, которые, например, зачастую делают только один ствол, вследствие чего не только невозможна никакая действительная вентиляция, но невозможен также выход наружу в случае, если этот единственный путь засыпан.

Капиталистическое производство, если мы будем рассматривать его обособленно, отвлекаясь от процесса обращения и расходов в связи с конкуренцией, относится крайне бережливо к труду, уже осуществленному, овеществленному в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степени, чем вся-

кий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. В самом деле, только ценой колоссального расточения сил отдельного индивидуума обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества. Так как вся экономия, о которой здесь идет речь, вытекает из общественного характера труда, то фактически именно этот непосредственно общественный характер труда и вызывает это расточение жизни и здоровья рабочего. Характерным в этом отношении является вопрос, поставленный уже фабричным инспектором Р. Бейкером:

«Весь вопрос, заслуживающий серьезных размышлений, состоит в том, каким образом можно лучше всего избежать *обусловленного совместным трудом принесения в жертву детских жизней?*» («Reports of Insp. of Fact., 31 October 1863», p. 157).

Фабрики. Сюда относится отсутствие всех предохранительных мер, обеспечивающих безопасность, удобство и здоровье рабочих также и на фабриках в собственном смысле этого слова. Отсюда исходит бо̀льшая часть боевых сводок о раненых и убитых в промышленной армии (см. ежегодные фабричные отчеты). Для фабрик характерны также тесные помещения, плохая вентиляция и т. д.

Еще в октябре 1855 г. Леонард Хорнер жаловался на сопротивление, оказываемое значительным числом фабрикантов требованиям закона относительно предохранительных приспособлений к горизонтальным валам, несмотря на то, что опасность постоянно подтверждается все новыми несчастными случаями, часто со смертельным исходом, и что приспособления эти сто̀ят недорого и никоим образом не мешают производству («Reports of Insp. of Fact., October 1855», p. 6). В своем сопротивлении этому и другим положениям закона фабриканты нашли дружескую поддержку со стороны безвозмездно исполняющих обязанности мировых судей, которые, в большинстве случаев сами являясь фабрикантами или друзьями фабрикантов, должны были решать судебные дела подобного рода. Какого сорта приговоры выносились этими господами, видно из слов верховного судьи Кэмпбелла, сказанных им по поводу одного из таких приговоров, поступивших на его рассмотрение по апелляционной жалобе.

«Это не истолкование парламентского акта, а простая его отмена» (там же, стр. 11).

В том же самом отчете Джон Кинкейд рассказывает, что на многих фабриках машины пускают без предварительного предупреждения об этом рабочих. Так как и на остановленной машине всегда найдется какая-нибудь работа, причем руки и пальцы неизбежно приходят в соприкосновение с машиной, то в данном случае вследствие одной только неподачи сигнала постоянно происходят несчастные случаи (там же, стр. 44). Манчестерские фабриканты образовали в то время с целью противодействия фабричному законодательству предпринимательский союз, так называемую Национальную ассоциацию по пересмотру фабричных законов, который в марте 1855 г. в виде взносов по 2 шилл. с лошадиной силы собрал сумму свыше 50 000 ф. ст., предназначенную для оплаты судебных издержек своих членов в связи с контрпроцессами по поводу обвинений, с которыми выступали фабричные инспектора. Предприниматели старались доказать, что, раз речь идет о прибыли, «killing no murder»[36]. Шотландский фабричный инспектор, сэр Джон Кинкейд, рассказывает, что одна глазговская фирма снабдила все свои машины на фабрике предохранительными приспособлениями из старого железа, что обошлось ей в 9 ф. ст. 1 шиллинг. Если бы она присоединилась к вышеупомянутому союзу, ей пришлось бы со своих 110 лошадиных сил уплатить 11 ф. ст. взносов, т. е. больше, чем стоили ей все предохранительные приспособления. Однако Национальная ассоциация была основана в 1854 г. с явно выраженной целью противиться закону, предписывающему установление предохранительных приспособлений. В течение 1844—1854 гг. фабриканты не обращали на закон ни малейшего внимания. Фабричные инспектора по предписанию Пальмерстона заявили фабрикантам, что отныне закон будет применяться со всей строгостью. Тотчас же фабриканты основали свою Ассоциацию, многие из членов которой были мировыми судьями и в качестве таковых должны были сами применять закон. В апреле 1855 г. новый министр внутренних дел, сэр Джордж Грей, обратился к фабрикантам с компромиссным предложением, согласно которому правительство обещало удовольствоваться почти исключительно формальным исполнением закона о предохранительных приспособлениях; однако Ассоциация с негодованием отвергла и это предложение. Известный инженер Уильям Фэрберн поставил на карту свою репутацию, выступая в различных процессах экспертом-защитником экономии и попранной свободы капитала. Глава фабричной инспекции Леонард Хорнер подвергался со стороны фабрикантов всякого рода преследованиям и неприятностям.

Фабриканты, однако, не успокоились до тех пор, пока не добились решения суда королевской скамьи [37], толкующего закон 1844 г. так, что он не обязывает-де устраивать предохранительные приспособления для горизонтальных валов, поднятых над уровнем пола более чем на 7 футов. В 1856 г. им удалось, наконец, при посредстве ханжи Уилсона-Паттена, — одного из тех благочестивых людей, показная религия которых делает их всегда готовыми выполнять любую грязную работу в угоду рыцарям денежного мешка, — провести в парламенте акт, которым они были удовлетворены. Акт этот фактически лишил рабочих всякой специальной защиты, предоставив им при несчастных случаях, причиненных машинами, добиваться компенсации в обычных судах (прямая насмешка при высоких в Англии судебных издержках), между тем, с другой стороны, он при помощи весьма крючкотворных положений о производстве экспертизы почти полностью исключил проигрыш процесса фабрикантами. В результате число несчастных случаев быстро возросло. За полугодие май — октябрь 1858 г. инспектор Бейкер отметил повышение числа несчастных случаев на 21% по сравнению с предшествующим полугодием. 36,7% всех несчастных случаев, по его мнению, можно было бы предотвратить. Во всяком случае, по сравнению с 1845 и 1846 гг. число несчастных случаев в 1858 и 1859 гг. значительно уменьшилось, а именно на 29%, при увеличении на 20% числа рабочих, работающих в отраслях промышленности, подчиненных надзору фабричной инспекции. В чем же причина этого? К 1865 г. страсти улеглись главным образом благодаря введению новых машин, которые с самого начала делаются с готовыми предохранительными приспособлениями и с которыми фабрикант мирится, так как они не требуют от него добавочных издержек. Кроме того, отдельным рабочим удалось получить по суду крупную компенсацию за потерю рук, причем эти судебные решения были подтверждены даже самой высокой инстанцией («Reports of Insp. of Fact., 30 April 1861», p. 31; также April 1862, p. 17).

Этим мы ограничимся в вопросе об экономии на средствах, предохраняющих жизнь рабочих (среди которых много детей) от опасностей и конечности рабочих от увечий, непосредственно обусловленных работой при машинах.

Работа в закрытых помещениях вообще. Известно, насколько экономия на пространстве, а следовательно на строениях, способствует скученности рабочих в тесных помещениях. Сюда присоединяется экономия на приспособлениях для вентиляции. В связи с продолжительным рабочим временем обе эти

причины вызывают сильное увеличение болезней дыхательных органов и, следовательно, повышают смертность. Нижеследующие иллюстрации взяты из отчета «Public Health, 1863, 6th Report»; отчет составлен д-ром Джоном Саймоном, хорошо известным читателю по книге I этой работы.

Комбинирование рабочих и их кооперация — таково условие, допускающее применение машин в широком масштабе, концентрацию средств производства и экономию в их применении; равным образом эта совместная работа масс в закрытых помещениях и при таких условиях, когда решающим является не здоровье рабочих, а более успешное изготовление продукта, — это сосредоточение массы рабочих в одной и той же мастерской является, с одной стороны, источником растущей прибыли капиталистов, с другой же стороны, раз его последствия не компенсируются сокращением рабочего времени и специальными мерами предосторожности, оно является причиной расточения жизни и здоровья рабочих.

Д-р Саймон устанавливает следующее общее правило, доказывая его массовыми статистическими данными:

«В прямом отношении к тому, насколько население данного округа вынуждено прибегать к совместному труду в закрытых помещениях, растет при прочих равных условиях процент смертности по данному округу вследствие легочных заболеваний» (стр. 23). Причина — плохая вентиляция. «И, по всей вероятности, во всей Англии нет ни одного исключения из того общего правила, что в каждом округе, где имеется значительная промышленность, сосредоточенная в закрытых помещениях, высокая смертность рабочих этой промышленности представляет достаточную величину, чтобы обеспечить во всей статистике смертности по данному округу абсолютное преобладание легочных заболеваний» (стр. 23).

Статистика смертности в отраслях промышленности, в которых работы производятся в закрытых помещениях и которые в 1860 и 1861 гг. подверглись обследованию со стороны санитарного надзора, дает следующие результаты: на то же самое число мужчин 15—55-летнего возраста, на которое в земледельческих округах Англии падает 100 смертных случаев от чахотки и других легочных заболеваний, приходится: в Ковентри — 163 смертных случая от чахотки, в Блэкберне и Скиптоне — 167, в Конглтоне и Брадфорде — 168, в Лестере — 171, в Лике — 182, в Маклсфилде — 184, в Болтоне — 190, в Ноттингеме — 192, в Рочдейле — 193, в Дерби — 198, в Солфорде и Аштоне-андер-Лайн — 203, в Лидсе — 218, в Престоне — 220 и в Манчестере — 263 (стр. 24). Нижеследующая таблица дает еще более разительный пример. Она показывает количество смертных случаев от легочных заболеваний отдельно для обоих полов в возрасте от 15 до 25 лет на каждые 100 000 жи-

телей. Выбор пал на такие округа, в промышленности которых, сосредоточенной в закрытых помещениях, заняты только женщины, тогда как мужчины заняты в самых разнообразных отраслях труда.

Округа	Основная отрасль производства	Число смертных случаев от легочных заболеваний в возрасте 15—25 лет на 100 000 жителей	
		мужчин	женщин
Беркемпстид	Плетение из соломы, работают женщины	219	578
Лейтон-Баззард	Плетение из соломы, работают женщины	309	554
Ньюпорт-Пагнелл	Плетение кружев женщинами	301	617
Тоустер	Плетение кружев женщинами	239	577
Йовил	Перчаточное производство, работают преимущественно женщины	280	409
Лик	Шелковая промышленность, преобладают женщины	437	856
Конглтон	Шелковая промышленность, преобладают женщины	566	790
Маклсфилд	Шелковая промышленность, преобладают женщины	593	890
Северные округа	Земледелие	331	333

В округах с шелковой промышленностью, где участие мужчин в фабричном труде выше, выше также и смертность. Показатели смертности от чахотки и т. п. среди лиц обоего пола вскрывают здесь, как гласит отчет,

«возмутительные (atrocious) санитарные условия на значительной части предприятий нашей шелковой промышленности».

И это как раз та самая шелковая промышленность, фабриканты которой, указывая на исключительно благоприятные санитарные условия своего производства, требовали и отчасти добились исключительно продолжительного рабочего времени для детей моложе 13-летнего возраста (см. «Капитал», кн. I, гл. VIII, 6, стр. 256 [38]).

«Пожалуй, ни одна из обследованных до сих пор отраслей промышленности не дает более печальной картины, чем швейное производство, обрисованное с этой стороны д-ром Смитом... «Мастерские», говорит он,

«весьма различны в санитарном отношении; но почти все они переполнены, плохо проветриваются и в высшей степени неблагоприятны для здоровья... В таких комнатах, кроме того, неизбежно душно; а когда зажигают газ, как это делается днем во время тумана или зимними вечерами, температура достигает 80 и даже 90 градусов (по Фаренгейту = 27—33° Цельсия), вследствие чего рабочие обливаются пòтом, оконные стекла отпотевают, вода постоянно струится и каплет с потолка, и рабочие вынуждены держать открытыми несколько окон, хотя они при этом неизбежно простуживаются». Состояние 16 наиболее значительных мастерских в лондонском Уэст-Энде описывается следующим образом: «наибольшая кубатура на одного рабочего в этих плохо проветриваемых комнатах 270 куб. футов, наименьшая 105 футов, в среднем всего лишь 156 футов на человека. В помещении, окруженном со всех сторон галереей и получающем свет только сверху, работают от 92 до 100 человек; горит значительное количество газовых рожков; отхожие места находятся рядом с мастерской; на каждого человека приходится не более 150 куб. футов. В другой мастерской, которая, подобно собачьей конуре, помещается в глубине двора и в которую свет и воздух поступают только через небольшое отверстие в крыше, работают 5 или 6 человек, причем на каждого из них приходится всего 112 куб. футов». И «в этих ужасных (atrocious) мастерских, описанных д-ром Смитом, портные работают обыкновенно 12—13 часов в день, а порой работа продолжается целых 15—16 часов»» (стр. 25, 26, 28).

Число лиц различного возраста, занятых в соответствующих отраслях промышленности	Виды занятий, сравниваемые с точки зрения влияния их на здоровье	Смертность на 100 000 человек в соответствующих отраслях (по возрастам)		
		25—35 лет	35—45 лет	45—55 лет
958 265	Земледелие в Англии и Уэльсе	743	805	1145
22 301 мужчин, 12 377 женщин	Лондонские портные	958	1262	2093
13 803	Лондонские печатники	894	1747	2367

Необходимо отметить — и это действительно отмечено Джоном Саймоном, составителем отчета, заведующим медицинским отделом, — что для лиц в возрасте 25—35 лет приводятся заниженные цифры смертности среди портных, наборщиков и печатников Лондона, так как в обеих отраслях промышленности лондонские мастера получают из деревни значительное число молодых людей (вероятно, до 30-летнего возраста), работающих в качестве учеников и «improvers», т. е. совершенствующихся в ремесле. Они увеличивают общее число занятых в промышленности, на которое рассчитывается процент смертности промышленного населения Лондона; но число смертей в Лондоне среди них меньше, чем среди других рабочих, так как их пребывание в городе лишь временное; если они заболе-

вают в течение этого времени, они возвращаются домой в деревню, где и регистрируется их смерть, когда болезнь имеет смертельный исход. Это в еще большей степени касается более ранних возрастных групп, и потому лондонские цифры смертности для лиц этих групп лишены всякого значения в качестве показателя вредности промышленности для здоровья (стр. 30).

Приблизительно так же, как с портными, обстоит дело с наборщиками, у которых к недостатку вентиляции, отравленному воздуху и т. д. присоединяется еще ночная работа. Их обычное рабочее время продолжается 12—13 часов, иногда 15—16.

«Страшная жара и духота, как только зажгут газ... Нередко случается, что испарения из словолитни или смрад от машин и сточной канавы поднимаются вверх с нижнего этажа и усугубляют недостатки верхнего помещения. Разгоряченный воздух нижних помещений поднимает температуру в верхних уже только нагреванием пола, и если комнаты низки, а газа потребляется много, — это настоящее бедствие. Еще хуже обстоит дело там, где паровые котлы помещаются внизу и наполняют весь дом несносным жаром... В общем можно сказать, что вентиляция сплошь неудовлетворительна и совершенно недостаточна для того, чтобы после захода солнца умерять жару и удалять продукты сгорания газа, и что во многих мастерских, особенно там, где раньше были жилые помещения, санитарные условия в высшей степени достойны осуждения».

В некоторых мастерских, в особенности там, где печатаются еженедельники, работа производится почти без перерыва в течение двух дней и одной ночи, причем здесь также работают подростки 12—16 лет; в других наборных мастерских, выполняющих срочные работы, рабочие не имеют отдыха даже по воскресеньям, и их рабочая неделя составляет 7 дней вместо 6 (стр. 26, 28).

О белошвейках и модистках (milliners and dressmakers) мы говорили уже в «Капитале», кн. I, гл. VIII, 3, стр. 215—217 [39], когда речь шла о чрезмерном труде. Их рабочие помещения в приводимом нами отчете описаны д-ром Ордом. Даже в тех случаях, когда они днем несколько лучше, то в те часы, когда горит газ, в них чрезвычайно жарко, атмосфера испорченная и нездоровая. В 34 более благоустроенных мастерских д-р Орд нашел, что в среднем кубатура на одну работницу была:

«В 4 случаях более 500 футов; в 4 других — от 400 до 500 футов ... в 7 — 200—250; в 4 — 150—200 и, наконец, в 9 случаях — только 100—150 куб. футов. Даже самый благоприятный из этих случаев дает содержание воздуха, едва достаточное при продолжительной работе в помещении с несовершенной вентиляцией. Даже при хорошей вентиляции вечером в мастерских становится очень жарко и душно вследствие того, что требуется значительное число горящих газовых рожков».

А вот замечания д-ра Орда об одной из посещенных им мастерских низшего разряда, где работы ведутся за счет посредника (middleman):

«Комната объемом 1 280 куб. футов; в ней находятся 14 человек; на каждого приходится 91,5 куб. фута. Работницы выглядели здесь переутомленными и измученными. Заработок определяется в 7—15 шилл. в неделю, кроме того чай... Работают от 8 утра до 8 вечера. Маленькая комната, в которой скучены эти 14 человек, плохо проветривается. Имеются два открывающихся окна и камин, который, впрочем, засорен; нет никаких специальных приспособлений для вентиляции» (стр. 27).

В том же самом отчете о чрезмерной работе модисток говорится следующее:

«Чрезмерный труд молодых женщин господствует в фешенебельных модных мастерских только в течение приблизительно 4 месяцев, но он столь чудовищно чрезмерен, что это порой вызывало даже изумление и возмущение публики; в течение этих месяцев в мастерской работают, как правило, 14 полных часов, а при накоплении спешных заказов даже 17—18 часов ежедневно. В остальное время года работы продолжаются, вероятно, 10—14 часов; работающие на дому заняты обыкновенно 12 или 13 часов. В производстве дамского верхнего платья, воротничков, сорочек и т. п. работы в общей мастерской, в том числе и шитье на швейной машине, продолжаются не так долго, обыкновенно не более 10—12 часов»; но, прибавляет д-р Орд, «в некоторых заведениях обычное рабочее время удлиняется в известные периоды сверхурочными работами, оплачиваемыми особо, в других по окончании обычного рабочего дня работу берут с собой на дом, чтобы там закончить ее. Прибавим, что и в той и в другой форме сверхурочные работы зачастую являются принудительными» (стр. 28).

Джон Саймон делает к этой странице следующее примечание:

«Г-н Редклифф, секретарь эпидемиологического общества, которому предоставлялось особенно много случаев обследовать здоровье работниц в заведениях первого типа, из каждых 20 девушек, которые говорили о себе, что они «совершенно здоровы», нашел здоровой только одну; остальные обнаруживали различную степень упадка сил, нервного истощения и многочисленных обусловленных этим функциональных расстройств. Причинами этого он считает: в первую очередь, чрезмерную продолжительность рабочего дня, которую он определяет даже для спокойного времени года минимум в 12 часов ежедневно; во-вторых, переполнение и плохую вентиляцию мастерских, испорченный газовыми рожками воздух, недостаточное или плохое питание, недостаточную заботу об удобствах помещения».

Д-р Саймон приходит в конце концов к заключению,

«что рабочие практически не могут настоять на выполнении того, что теоретически является их элементарнейшим правом на здоровье, а именно, настоять на выполнении требования, чтобы работодатель, на какую бы работу он их ни назначал, за свой счет устранил, поскольку это от него зависит, все условия, делающие исполнение этой совместной работы без нужды вредным для здоровья... между тем рабочие фактически не в состоянии собственными силами добиться этой санитарной справедливости и, несмотря на предполагаемое намерение законодателя, столь же мало

могут рассчитывать на какую-либо действительную поддержку со стороны чиновников, которым вверено проведение в жизнь актов о санитарной охране труда» (стр. 29). — «Несомненно, определение точных границ, в которых предприниматели должны руководствоваться законом, представляет небольшие технические затруднения. Но... в принципе требования, направленные к охране здоровья, имеют всеобщий характер. И в интересах миллионов рабочих и работниц, жизнь которых теперь без всякой нужды отравляется и сокращается бесконечными физическими страданиями, вызываемыми исключительно характером их работы, я осмеливаюсь высказать надежду, что вообще санитарные условия труда будут везде поставлены под надлежащую защиту законов; необходимо по меньшей мере гарантировать устройство удовлетворительной вентиляции во всех закрытых рабочих помещениях и в каждой отрасли труда, вредной для здоровья по самой своей природе, ограничить, насколько возможно, влияния, особенно вредные для здоровья» (стр. 31).

III. ЭКОНОМИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ, НА ПЕРЕДАЧЕ СИЛЫ И НА ПОСТРОЙКАХ

В своем октябрьском отчете за 1852 г. Л. Хорнер цитирует письмо известного инженера Джемса Несмита из Патрикрофта, изобретателя парового молота; в письме этом, между прочим, говорится:

«Публика очень мало знакома с тем, какое колоссальное приращение двигательной силы получается вследствие таких изменений системы и усовершенствований» (паровых машин), «как те, о которых я говорю. Сила машин нашего округа» (Ланкашира) «почти в течение 40 лет находилась под гнетом боязливой и полной предрассудков рутины, от которой мы теперь, к счастью, освободились. В течение последних 15 лет, в особенности же за последние 4 года» (следовательно, с 1848 г.), «имели место очень важные изменения в способе использования конденсационных паровых машин... В результате... те же самые машины производят гораздо больше полезной работы при значительно уменьшенном потреблении топлива... В течение очень многих лет после введения паровой силы на фабриках этого округа полагали, что скорость движения поршня конденсационных машин может равняться приблизительно 220 футам в минуту, т. е. машина с 5-футовым ходом поршня была уже заранее ограничена 22 оборотами коленчатого вала в минуту. Считалось нецелесообразным пускать машину быстрее; и так как все механизмы были приспособлены к этой 220-футовой скорости движения поршня, эта малая и бессмысленно ограниченная скорость господствовала во всей промышленности в течение многих лет. Наконец, вследствие ли счастливого неведения установленной нормы или же сознательно по инициативе какого-то смелого новатора, была испробована бо́льшая скорость, и, так как результат оказался в высшей степени благоприятным, пример нашел себе подражателей; машине, как тогда выражались, отпустили вожжи, переделав главные колеса передаточного механизма таким образом, что паровая машина могла развивать скорость в 300 футов и более в минуту, в то время как механизмы сохраняли свою прежнюю скорость... Это увеличение скорости паровой машины является теперь всеобщим фактом, так как опыт показал, что при этом не только та же самая машина дает больше полезной силы, но и самое движение вследствие увеличенной инерции махового колеса становится много регулярнее... При неизменном давлении пара и неизменном разрежении

в конденсаторе получается больше силы вследствие простого ускорения движения поршня. Если бы удалось, например, паровую машину, развивающую при скорости поршня 200 футов в минуту 40 лошадиных сил, так изменить, чтобы ее поршень при том же давлении пара и разрежении делал 400 футов в минуту, то мы имели бы как раз двойное количество силы; а так как давление пара и разрежение в обоих случаях одинаковы, то напряжение отдельных частей машины, а следовательно, и опасность несчастных случаев при увеличении скорости, не увеличится сколько-нибудь значительно. Вся разница сводится к тому, что теперь количество потребляемого пара увеличивается приблизительно в том же отношении, в каком возрастает скорость движения поршня, и, кроме того, несколько быстрее изнашиваются подшипники, т. е. части машины, подвергающиеся трению, но это едва ли заслуживает упоминания... Но, чтобы от той же самой машины получить больше силы путем ускорения движения поршня, необходимо сжечь больше угля под тем же самым паровым котлом или применять котел с увеличенной способностью парообразования, одним словом, необходимо получить больше пара. Это и было достигнуто, и котлы с большей способностью парообразования были приспособлены к старым «ускоренным» машинам; благодаря этому последние во многих случаях доставляли работы на 100% больше. В 1842 г. начинает привлекать к себе внимание чрезвычайно дешевый способ производства силы пара в рудниках Корнуэлла; конкуренция в хлопчатобумажной промышленности вынуждала фабрикантов видеть в экономии главный источник их прибыли; значительная разница в потреблении угля, при расчете на один час и одну лошадиную силу, между корнуэллскими и другими машинами, а также чрезвычайная экономия, достигаемая применением двухцилиндровых машин Вулфа, заставили и в нашей местности выдвинуть на первый план вопрос об экономии горючего материала. Корнуэллские машины и машины с двумя цилиндрами Вулфа давали 1 лошадиную силу в течение часа при сжигании от 3½ до 4 фунтов угля, в то время как машины в хлопчатобумажных округах потребляли обыкновенно 8—12 фунтов угля на одну лошадиную силу в течение часа. Столь значительная разница побудила фабрикантов и владельцев машиностроительных заводов нашего округа добиваться со своей стороны этой чрезвычайной экономии, употребляя средства, аналогичные тем, которые вошли уже в обычай в Корнуэлле и во Франции, где высокие цены на уголь заставляли фабрикантов по возможности сокращать затраты по этой накладной их предприятия. Это привело к очень важным результатам. Во-первых, многие котлы, половина поверхности которых в доброе старое время высоких прибылей была не защищена от холодного внешнего воздуха, теперь покрывались толстым слоем войлока или кирпича и штукатуркой или другими материалами, благодаря чему затруднилось излучение тепла, полученного с такими издержками. Подобным же образом стали защищать паровые трубы и обшивать войлоком и деревом цилиндры. Во-вторых, стали применять высокое давление. Раньше предохранительный клапан открывался уже при давлении пара в 4, 6 или 8 фунтов на квадратный дюйм; теперь было установлено, что повышение давления до 14 или 20 фунтов... приводит к весьма значительной экономии угля; другими словами, работа на фабрике стала осуществляться при значительно меньшем потреблении угля... Люди, обладающие необходимыми для этого средствами и предприимчивостью, стали применять систему повышенного давления во всей ее полноте и ввели в употребление соответственно построенные паровые котлы, развивавшие давление в 30, 40, 60 и 70 фунтов на квадратный дюйм, — давление, которое инженера старой школы повергло бы в обморок от страха. Но так как экономические

результаты этого повышенного давления пара... очень быстро обнаружились в совершенно осязаемой форме фунтов, шиллингов и пенсов, паровые котлы высокого давления при конденсационных машинах получили почти всеобщее распространение. Те, кто провел реформу радикально, стали применять вулфовские машины; большинство наших недавно построенных фабрик употребляли вулфовские машины, в особенности двухцилиндровые, в одном из цилиндров пар из котла развивает силу вследствие перевеса давления над атмосферным и затем, вместо того чтобы выходить наружу после каждого движения поршня, как это делалось прежде, поступает в цилиндр низкого давления, приблизительно в четыре раза более обширный по объему, и, совершив там новое расширение, проводится в конденсатор. Экономия, достигаемая в результате применения таких машин, выражается в том, что здесь работа одной лошадиной силы в течение часа совершается при помощи 3½—4 фунтов угля, тогда как на машинах старой системы для этого необходимо было от 12 до 14 фунтов. При помощи искусных приспособлений удалось вулфовскую систему двух цилиндров или комбинированной машины высокого и низкого давления применить к существующим машинам более старого типа и таким образом повысить производительность, понижая в то же время потребление угля. Тот же самый результат в течение последних 8—10 лет был достигнут путем соединения машины высокого давления с конденсационной машиной таким образом, чтобы отработанный пар первой переходил во вторую и приводил ее в движение. Эта система во многих случаях оказалась полезной».

«Трудно было бы точно установить, в какой степени увеличилась работа, выполняемая теми из прежних машин, к которым были применены некоторые из указанных выше новых усовершенствований или все эти усовершенствования, вместе взятые. Я, однако, уверен, что на единицу веса паровой машины мы в среднем получаем в настоящее время по крайней мере на 50% больше работы и что во многих случаях та же самая паровая машина, которая в период ограничения скорости 220 футами в минуту давала 50 лошадиных сил, дает их теперь более 100. В высшей степени важные в смысле экономии результаты применения высокого давления при конденсационной машине, а также значительно повышенные требования, предъявляемые к старым машинам с целью расширения предприятия, привели за последние три года к введению трубчатых котлов, благодаря чему опять-таки сильно уменьшились издержки производства пара» («Reports of Insp. of Fact., October 1852», p. 23—27).

Все сказанное выше о двигателях применимо также к передаточным механизмам и рабочим машинам.

«Быстрота, с которой совершенствовались машины за последние годы, позволила фабрикантам расширить производство, не увеличивая двигательную силу. Более экономное использование труда стало необходимым вследствие сокращения рабочего дня, и на большинстве хорошо управляемых фабрик постоянно изыскиваются способы расширить производство при меньших затратах. Благодаря любезности одного очень интеллигентного фабриканта моего округа в моем распоряжении имеются данные относительно числа и возраста рабочих, занятых на его фабрике, относительно применяемых там машин и заработной платы, выплаченной за период с 1840 г. до настоящего времени. В октябре 1840 г. на фабрике его фирмы было 600 рабочих, из которых 200 было в возрасте до 13 лет; в октябре 1852 г. — только 350 рабочих, из которых лишь 60 в возрасте до 13 лет. В оба года на фабрике действовало одно и то же число машин, за самыми ничтожными исключениями, и была выплачена та же сумма

заработной платы» (отчет Редгрейва в «Reports of Insp. of Fact., October 1852», p. 58—59).

Эти усовершенствования машин обнаруживают все свои результаты лишь тогда, когда они применяются в новых, целесообразно устроенных фабричных зданиях.

«Что касается усовершенствования машин, то я должен отметить, что сделаны крупные успехи прежде всего в постройке фабрик, приспособленных к установке этих новых машин... В нижнем этаже я произвожу трощение всей пряжи, и исключительно там сосредоточены 29 000 тростильных веретен. В одном этом помещении и в пристройке я достигаю экономии труда по крайней мере на 10%, и не столько вследствие усовершенствований в системе самого трощения, сколько благодаря концентрации машин под одним управлением; то же самое количество веретен я могу привести в движение при помощи одного передаточного вала, вследствие чего я, по сравнению с другими фирмами, выгадываю на одном передаточном механизме от 60% до 80%. Кроме того, при этом получается крупная экономия на смазочном масле, жире и т. п. ...Одним словом, при усовершенствованном устройстве фабрики и улучшенных машинах я, по самому скромному подсчету, сократил на 10% труд и, кроме того, добился большой экономии силы, угля, масла, сала, передаточных валов, ремней и т. п.» (показания одного хлопчатобумажного фабриканта, «Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 109, 110).

IV. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСКРЕМЕНТОВ ПРОИЗВОДСТВА

Вместе с развитием капиталистического способа производства расширяется использование экскрементов производства и потребления. Под первыми мы понимаем отходы промышленности и сельского хозяйства, под последними — частью экскременты, являющиеся результатом естественного обмена веществ у человека, частью ту форму, какую принимают предметы потребления после того, как процесс потребления их закончен. Экскрементами производства являются, таким образом, в химической промышленности побочные продукты, которые не используются при малых размерах производства; железные стружки, образующиеся при производстве машин и снова вступающие в железоделательное производство в качестве сырья, и т. п. Экскременты потребления — это естественные вещества, выделяемые человеческим организмом, остатки платья в форме тряпья и т. д. Экскременты потребления наиболее важны для сельского хозяйства. В отношении их использования капиталистическое хозяйство отличается колоссальной расточительностью; в Лондоне, например, оно не находит для испражнений $4^1/_2$ миллиона людей лучшего употребления, кроме как с огромными издержками загрязнять ими Темзу.

Вздорожание сырья служит, конечно, стимулом к использованию отходов.

В общем условия этого вторичного использования таковы: накопление значительных масс экскрементов, которое возможно только при работе в крупном масштабе; усовершенствование машин, благодаря чему вещества, не находившие прежде употребления в данной форме, получают вид, пригодный для применения в новом производстве; успехи наук, в особенности химии, открывающей полезные свойства таких отходов. Правда, и при мелкой грядковой земледельческой культуре, как, например, в Ломбардии, Южном Китае и Японии, тоже достигается крупная экономия этого рода. Однако в общем при этой системе производительность земледелия достигается ценой огромного расточения человеческой рабочей силы, отвлекаемой от других сфер производства.

Так называемые отходы играют значительную роль почти в каждой отрасли промышленности. Так, например, в октябрьском фабричном отчете за 1863 г. указывается на следующее обстоятельство, как на одну из главных причин, вследствие которых фермеры Англии и многих районов Ирландии лишь неохотно и редко занимаются культурой льна:

«Значительные отходы... которые получаются при обработке льна в небольших водяных льночесальнях (scutch mills) ... Угары при обработке хлопка сравнительно невелики, при обработке же льна очень значительны. Тщательная постановка работ при мочении и механическом чесании может значительно уменьшить этот ущерб... В Ирландии чесание льна производится зачастую в высшей степени неудовлетворительно, так что 28—30% продукта пропадают даром» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 139, 142).

Все это могло бы быть устранено при употреблении более совершенных машин. Очески получаются при этом в таком значительном количестве, что фабричный инспектор говорит:

«Из некоторых чесальных предприятий Ирландии мне сообщают, что рабочие часто забирают с собой домой образовавшиеся отходы и употребляют их в качестве топлива для своих печей, а ведь это весьма ценный материал» (там же, стр. 140).

О хлопковых угарах мы будем говорить ниже, там, где речь пойдет о колебаниях цен на сырье.

В шерстяной промышленности поступали благоразумнее, чем при обработке льна.

«Прежде обычно считалось позорным собирать отходы шерсти и шерстяной лоскут для новой переработки, но предрассудок этот совершенно исчез в связи с shoddy trade (производством искусственной шерсти), которое сделалось важной отраслью шерстяной промышленности йоркширского округа; без сомнения, и предприятия, перерабатывающие хлопковые угары, скоро займут то же самое место в качестве отрасли производства, отвечающей общепризнанной потребности. 30 лет назад шерстяной лоскут, т. е. куски ткани из чистой шерсти, оценивался в среднем 4 ф. ст.

4 шилл. за тонну; за последние несколько лет он вздорожал до 44 ф. ст. за тонну. При этом спрос настолько возрос, что используется даже смешанная ткань из шерсти и хлопка, так как найдено средство, которое разъедает хлопок, не повреждая шерсти; и в настоящее время тысячи рабочих заняты изготовлением shoddy, от чего потребитель получает крупную выгоду, так как в настоящее время он может купить сукно хорошего среднего качества за очень умеренную цену» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 107).

Изготовляемая таким образом искусственная шерсть уже к концу 1862 г. составляла одну треть всего потребления шерсти в английской промышленности («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 81). «Крупная выгода» для «потребителя» состоит в том, что его шерстяные платья теперь изнашиваются в три раза скорее, чем прежде, и в шесть раз скорее начинают расползаться по ниткам.

Английская шелковая промышленность двигалась по той же наклонной плоскости. С 1839 по 1862 г. потребление натурального шелка-сырца несколько уменьшилось, в то время как потребление шелковых отходов удвоилось. При помощи усовершенствованных машин стало возможным производить из этого при других условиях довольно малоценного материала шелковую ткань, применимую для различных целей.

Наиболее яркий пример применения отходов дает химическая промышленность. Она потребляет не только свои собственные отходы, находя для них новое применение, но также отходы самых разнообразных других отраслей промышленности и превращает, например, раньше почти бесполезный каменноугольный деготь в анилиновые краски, в ализарин, а за последнее время также в медикаменты.

От этой экономии на отходах производства путем вторичного использования последних следует отличать экономию за счет сокращения самих отходов, т. е. сведение экскрементов производства к минимуму и непосредственное максимальное использование сырья и вспомогательных материалов, входящих в производство.

Экономия на отходах частью обусловлена хорошим качеством применяемых машин. Масло, мыло и т. п. экономятся тем более, чем точнее изготовлены отдельные детали машин и чем лучше они отполированы. Это касается вспомогательных материалов. Отчасти же — и это самое важное — от качества применяемых машин и орудий зависит, больше или меньше сырья в процессе производства превращается в отходы. Наконец, это зависит также от качества самого сырья. Это качество, в свою очередь, зависит частью от уровня развития добывающей промышленности и земледелия, которые производят сырье

(от успехов культуры в собственном смысле этого слова), частью от степени развития процессов, которым сырье подвергается до своего поступления в обрабатывающую промышленность.

«Пармантье доказал, что с не очень давних пор, например со времени Людовика XIV, искусство помола зерна значительно усовершенствовалось во Франции, так что современные мельницы по сравнению с прежними могут дать почти наполовину больше хлеба из того же самого количества зерна. В самом деле, годовое потребление парижанина, исчислявшееся прежде в 4 сетье зерна, затем в 3, наконец в 2, в настоящее время составляет только $1^1/_3$ сетье, или приблизительно 342 фунта на душу... В Перше, где я долго жил, грубо сколоченные мельницы с жерновами из гранита и трапа в большинстве случаев реконструированы согласно требованиям механики, сделавшей такие крупные успехи за последние 30 лет. Их снабдили хорошими жерновами Ла Ферте, стали перемалывать зерно два раза, ситу придали кругообразное движение, и в результате из того же самого количества зерна получается на $^1/_6$ больше муки. Таким образом, я легко объясняю себе громадную разницу между ежедневным потреблением зерна у римлян и у нас; причина заключается исключительно в несовершенстве способов перемалывания зерна и приготовления хлеба. В этом также я вижу объяснение того замечательного факта, который приводит Плиний, XVIII, гл. 20, 2... Мука продавалась в Риме, смотря по качеству, по 40, 48 или 96 ассов за модий. Эти цены, чрезвычайно высокие по сравнению с ценами на зерно того времени, объясняются несовершенством мельниц, переживавших тогда свое детство, и вытекающими отсюда значительными издержками на помол» (Dureau de la Malle. «Économie politique des Romains». T. I, Paris, 1840, p. 280—281).

V. ЭКОНОМИЯ, ДОСТИГАЕМАЯ БЛАГОДАРЯ ИЗОБРЕТЕНИЯМ

Этого рода экономия на основном капитале является, как уже сказано, результатом того, что условия труда применяются в крупном масштабе, короче говоря, результатом того, что они служат условиями непосредственно общественного обобществленного труда или непосредственной кооперации в процессе производства. С одной стороны, только при этом условии механические и химические изобретения могут быть применены, не повышая цену товара, а последнее обстоятельство является всегда conditio sine qua non *. С другой стороны, только при производстве, организованном в крупном масштабе, становится возможной экономия, вытекающая из того, что производительное потребление осуществляется целыми коллективами рабочих. Наконец, только опыт комбинированного рабочего открывает и показывает, где и как надо экономить, как проще всего воспользоваться уже сделанными открытиями, какие практические затруднения приходится преодолевать,

---

* — непременным условием. *Ред.*

следуя требованиям теории, — применяя ее к производственному процессу, и т. д.

Заметим мимоходом, что следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов.

Вышесказанное получает новое подтверждение в неоднократно наблюдавшихся фактах:

1) В большой разнице между издержками первоначальной постройки новой машины и издержками ее производства в последующем, о чем писали Юр и Баббедж [40].

2) В том, что издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий, возникших на его развалинах, ex suis ossibus *. Этот момент настолько значителен, что предприниматели-пионеры в своем большинстве терпят банкротство, и процветают лишь их последователи, которым строения, машины и т. п. достаются по более дешевым ценам. Именно поэтому наибольшую выгоду из всех новых достижений всеобщей работы человеческого ума и их общественного применения, осуществляемого комбинированным трудом, в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала.

---

* — на его костях. *Ред.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН

I. КОЛЕБАНИЯ ЦЕН СЫРЬЯ, НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ ИХ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ

Здесь предполагается, как и раньше, что норма прибавочной стоимости не претерпевает никакого изменения. Эта предпосылка необходима для исследования данного случая в его чистом виде. Представляется, однако, возможным, что при неизменной норме прибавочной стоимости капитал занимает увеличивающееся или уменьшающееся количество рабочих вследствие тех его сокращений или расширений, которые вызываются подлежащими здесь нашему рассмотрению колебаниями цен на сырье. В этом случае масса прибавочной стоимости могла бы изменяться при постоянной норме прибавочной стоимости. Однако мы должны здесь устранить и этот случай. Если усовершенствование машин и изменение цены сырья одновременно влияют на количество занятых данным капиталом рабочих или на величину заработной платы, то следует только сопоставить 1) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения постоянного капитала, и 2) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения заработной платы; итог получается сам собой.

Но здесь, как и в предыдущем случае, необходимо, вообще говоря, иметь в виду следующее. Раз наступают изменения, вследствие ли экономии на постоянном капитале или вследствие колебания цены сырья, они всегда затрагивают норму прибыли, даже в том случае, если они совершенно не изменяют заработной платы, а следовательно, также нормы и массы прибавочной стоимости. В формуле $m' \frac{v}{K}$ они изменяют величину K, а вместе с тем и величину всей дроби. Таким образом здесь, — в отличие от того, что мы видели при рассмотрении прибавочной стоимости, — совершенно безразлично, в каких сферах производства совершаются эти изменения, производят ли

затронутые ими отрасли промышленности жизненные средства рабочих или постоянный капитал для производства этих жизненных средств, или нет. Все развиваемые здесь соображения применимы также к тем случаям, когда изменения происходят в производстве предметов роскоши, причем под производством предметов роскоши подразумевается всякое вообще производство, не являющееся необходимым для воспроизводства рабочей силы.

К сырью причисляются здесь также вспомогательные материалы, как индиго, уголь, газ и т. п. Далее, поскольку к этой рубрике относятся машины, сырье для их собственного производства состоит из железа, дерева, кожи и т. п. На их собственную цену влияет поэтому колебание цен на сырье, входящее в их производство. И, поскольку цена эта повышается вследствие колебания цен сырья, из которого они состоят, или вспомогательных материалов, которые потребляются при их эксплуатации, понижается pro tanto * и норма прибыли. И наоборот.

В дальнейшем исследовании мы ограничимся колебаниями цен только того сырья, из которого непосредственно производится товар; мы оставим таким образом в стороне сырье, поскольку оно является сырым материалом для производства машин, функционирующих в качестве средств труда, или вспомогательным материалом, потребляемым при их применении. Только одно здесь следует еще отметить: естественное богатство железом, углем, деревом и т. д., вообще главными элементами, необходимыми для производства и применения машин, кажется здесь естественной производительностью самого капитала и является одним из элементов, определяющих норму прибыли, независимо от высокого или низкого уровня заработной платы.

Так как норма прибыли $= \frac{m}{K}$ или $= \frac{m}{c + v}$, то, очевидно, все, что изменяет величину c, а следовательно и K, изменяет в то же время и норму прибыли даже в том случае, если m и v и их взаимное отношение остаются неизменными. Но сырье образует главную составную часть постоянного капитала. Даже в те отрасли промышленности, в которых нет сырья в собственном смысле слова, сырье входит в качестве вспомогательного материала или как составная часть машин и т. п., и таким образом колебания его цен влияют pro tanto на норму прибыли. Если цена сырья падает на сумму $= d$, то $\frac{m}{K}$ или

* — соответственно. *Ред.*

$\frac{m}{c+v}$ превращается в $\frac{m}{K-d}$ или $\frac{m}{(c-d)+v}$. Следовательно, норма прибыли повышается. Наоборот, если цена сырья повышается, то $\frac{m}{K}$ или $\frac{m}{c+v}$ превращается в $\frac{m}{K+d}$ или $\frac{m}{(c+d)+v}$, т. е. норма прибыли падает. При прочих равных условиях норма прибыли повышается или понижается, как мы видим, в направлении, обратном движению цены сырья. Отсюда видно, между прочим, насколько важны для промышленных стран низкие цены сырья, даже если колебания цен на сырье не сопровождаются изменениями в сфере сбыта продукта, т. е. если даже совершенно отвлечься от соотношения между спросом и предложением. Отсюда следует далее, что внешняя торговля влияет на норму прибыли даже независимо от всякого воздействия ее на заработную плату путем удешевления необходимых жизненных средств. А именно, она влияет на цены сырья и вспомогательных материалов, применяемых в промышленности или земледелии. Существующее до сих пор совершенно недостаточное понимание природы нормы прибыли и ее специфического отличия от нормы прибавочной стоимости повинно в том, что, с одной стороны, те экономисты, которые подчеркивают установленное практическим опытом значительное влияние цен сырья на норму прибыли, совершенно неверно объясняют это теоретически (Торренс [41]), между тем как, с другой стороны, те экономисты, которые придерживаются общих принципов, как Рикардо [42], не признают влияния на норму прибыли, например, мировой торговли.

Понятно поэтому, какое большое значение для промышленности представляет отмена или понижение пошлин на сырье; по возможности свободный ввоз сырья был поэтому основным положением рационально построенной протекционистской системы. Наряду с отменой хлебных пошлин [43] это было центральным пунктом для английских фритредеров, которые особенно заботились об отмене пошлин и на хлопок.

Иллюстрацией того значения, которое имеет понижение цены не на собственно сырье, а на вспомогательный материал, являющийся в то же время и главным элементом питания, может послужить потребление муки в хлопчатобумажной промышленности. Уже в 1837 г., по вычислению Р. Х. Грега [13)], действовавшие в то время в хлопчатобумажной промышленности Великобритании 100 000 механических и 250 000 ручных ткацких станков потребляли ежегодно 41 миллион фунтов

[13)] «The Factory Question and the Ten Hours Bill». By *R. H. Greg.* London, 1837, p. 115.

муки для шлихтования основы. К этому надо присоединить еще одну треть указанного количества на отбелку и другие процессы. Общую стоимость потребляемой таким образом муки он определяет в 342 000 ф. ст. ежегодно за последние 10 лет. Сравнение с ценами муки на континенте показало, что вследствие хлебных пошлин фабриканты вынуждены были переплачивать на одной только муке 170 000 ф. ст. ежегодно. Для 1837 г. Грег оценивает эту переплату по меньшей мере в 200 000 ф. ст. и указывает на одну фирму, которой эта надбавка к цене на муку обходилась ежегодно в 1 000 фунтов стерлингов. Вследствие этого

«крупные фабриканты, скрупулезные и расчетливые дельцы, утверждают, что 10 часов ежедневного труда было бы вполне достаточно, если бы отменили хлебные пошлины» («Reports of Insp. of Fact., October 1848», p. 98).

Хлебные пошлины, а также пошлины на хлопок и другое сырье были отменены; но едва это было достигнуто, как оппозиция фабрикантов биллю о десятичасовом рабочем дне [44] сделалась более энергичной, чем когда бы то ни было. И когда вслед за тем десятичасовой день на фабриках все-таки стал законом, его первым последствием была попытка всеобщего понижения заработной платы.

Стоимость сырья и вспомогательных материалов сразу и целиком входит в стоимость продукта, на изготовление которого они потребляются, в то время как стоимость элементов основного капитала входит в продукт лишь по мере их изнашивания, следовательно, лишь постепенно. Отсюда следует, что на цену продукта в гораздо большей степени оказывает влияние цена сырья, чем цена основного капитала, хотя норма прибыли определяется общей суммой стоимости вложенного капитала, независимо от того, какая часть его потребляется в данное время. Очевидно, однако, что расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены, — впрочем, об этой стороне дела мы упоминаем лишь мимоходом, так как здесь мы все еще предполагаем, что товары продаются по их стоимости, и, следовательно, совершенно отвлекаемся от колебания цен, вызванного конкуренцией. Поэтому в действительности оказывается, что цена готового товара повышается не пропорционально повышению цены сырья и понижается не пропорционально понижению цены сырья. Таким образом в одном случае норма прибыли падает ниже, в другом поднимается выше, чем это имело бы место при продаже товаров по их стоимости.

Далее: масса и стоимость применяемых машин возрастает с развитием производительной силы труда, но не пропорционально росту самой производительной силы, т. е. не пропорционально увеличению количества продукта, доставляемого этими машинами. Таким образом, в тех отраслях промышленности, куда вообще входит сырье, или, другими словами, где предмет труда сам является уже продуктом предшествующего труда, — в этих отраслях промышленности рост производительной силы труда выражается как раз в том отношении, в каком большее количество сырья поглощает данное количество труда, следовательно, в растущей массе сырья, превращаемой в продукт, перерабатываемой в товар в течение, например, одного рабочего часа. Итак, по мере развития производительной силы труда стоимость сырья образует все возрастающую составную часть стоимости товарного продукта, и не только потому, что она целиком входит в эту последнюю, но также потому, что в каждой доле всего продукта обе части, — как часть, соответствующая износу машин, так и часть, создаваемая вновь присоединенным трудом, — уменьшаются. Вследствие этого движения в сторону понижения относительно возрастает другая часть стоимости, образуемая сырьем, если только этот рост не уничтожается соответственным уменьшением стоимости сырья, которое является результатом растущей производительности труда, применяемого для изготовления самого этого сырья.

Далее, так как сырье и вспомогательные материалы совершенно так же, как и заработная плата, образуют составные части оборотного капитала, то они постоянно должны полностью возмещаться из каждой отдельной продажи продукта, в то время как у машин возмещается только их износ и к тому же сначала в форме резервного фонда; при этом на деле отнюдь не столь существенно — выделяется определенная часть в резервный фонд при каждой отдельной продаже продукта или нет, предполагается только, что из всей годовой выручки производится соответственное годовое отчисление. Таким образом, здесь снова обнаруживается, что повышение цены сырья может урезать или затормозить весь процесс воспроизводства в том случае, если цена, вырученная от продажи товара, недостаточна для возмещения всех элементов товара или если цена эта делает невозможным продолжение процесса производства в размерах, отвечающих его техническому базису, так что в результате или работает только часть машин или же все машины не могут работать обычное полное время.

Наконец, издержки, связанные с образованием отходов, изменяются в прямом отношении к колебаниям цены сырья: растут, если она растет, падают, если она падает. Но и здесь имеется известная граница. Уже в 1850 г. были написаны следующие строки:

«Один из источников значительных потерь, вызываемых повышением цены сырья, обыкновенно ускользает от внимания всякого, кто не является прядильщиком-практиком, а именно потери на угарах. Мне сообщают, что при повышении цен хлопка издержки прядильщика, в особенности при изготовлении пряжи низших сортов, растут сильнее, чем уплачиваемая надбавка к цене. Угары при прядении грубой пряжи достигают более 15%; следовательно, если эта норма при цене хлопка в 3½ пенса причиняет потерю в ½ пенни на 1 фунт, то при возрастании цены хлопка до 7 пенсов на фунт потеря составит уже 1 пенни на фунт» («Reports of Insp. of Fact., April 1850», p. 17).

Но в тот период, когда вследствие Гражданской войны в Америке цена хлопка достигла высоты, неслыханной почти за целое столетие, мы находим в отчете уже нечто совсем иное:

«Цена, которую дают в настоящее время за хлопковые угары, и вторичная переработка этих угаров на фабрике в качестве сырья до известной степени компенсируют ту разницу в потере на угарах, которая получается при употреблении индийского хлопка вместо американского. Разница эта составляет приблизительно 12½%. Потеря при обработке индийского хлопка достигает 25%, так что в действительности хлопок обходится прядильщику на ¼ дороже, чем он за него платит. Потеря на угарах не играла большой роли, когда американский хлопок стоил 5 или 6 пенсов за фунт, потому что тогда она не превышала ¾ пенни на фунт; но сейчас, когда фунт хлопка стоит 2 шилл., а следовательно, потеря на угарах составляет 6 пенсов на фунт, она имеет большое значение» [14] («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 106).

II. ПОВЫШЕНИЕ И ПОНИЖЕНИЕ СТОИМОСТИ КАПИТАЛА, ЕГО ВЫСВОБОЖДЕНИЕ И СВЯЗЫВАНИЕ

Явления, которые мы рассматриваем в этой главе, предполагают для своего полного развития существование кредита и конкуренции на мировом рынке, который вообще является базисом и жизненной атмосферой капиталистического способа производства. Однако эти более конкретные формы капиталистического производства могут быть исследованы исчерпывающим образом лишь после того, как будет выяснена общая

---

[14] В заключительной фразе этого отчета допущена ошибка. Потеря на угарах составляет не 6 пенсов, а 3 пенса. Эта потеря достигает 25% при обработке индийского хлопка, но она равняется только 12½—15% при обработке американского хлопка, о котором здесь идет речь, причем выше, по отношению к цене 5—6 пенсов, этот же самый процент вычислен правильно. Впрочем, и при употреблении того американского хлопка, который ввозился в Европу в последние годы Гражданской войны, доля угаров зачастую была значительно выше, чем в прежнее время. — *Ф. Э.*

природа капитала; к тому же такое исследование не входит в план нашей работы и относится к теме, которая могла бы составить ее продолжение. Тем не менее явления, указанные в заголовке, могут быть рассмотрены здесь в общей форме. Они находятся в связи, с одной стороны, между собой, с другой стороны, с нормой и массой прибыли. Они подлежат здесь краткому рассмотрению уже по одной той причине, что ими вызывается иллюзия, будто не только норма, но и масса прибыли, — в действительности тождественная с массой прибавочной стоимости, — может уменьшаться и увеличиваться независимо от движения массы и нормы прибавочной стоимости.

Можно ли рассматривать высвобождение и связывание капитала, с одной стороны, повышение и понижение его стоимости, с другой, как различные явления?

Прежде всего возникает вопрос: что понимаем мы под высвобождением и связыванием капитала? Повышение и понижение стоимости понятны сами собой. Они означают лишь, что вследствие каких-либо общих экономических причин — так как здесь речь идет не об особой судьбе каждого отдельного частного капитала — увеличивается или уменьшается стоимость уже существующего капитала, следовательно, повышается или падает стоимость капитала, авансированного на производство, несмотря на ее увеличение тем прибавочным трудом, который применяется этим капиталом.

Под связыванием капитала подразумевается то, что определенные данные части совокупной стоимости продукта должны быть снова превращены в элементы постоянного или переменного капитала, для того чтобы производство могло продолжаться в своих прежних размерах. Под высвобождением капитала мы понимаем то, что часть совокупной стоимости продукта, которая до сих пор должна была превращаться в постоянный или переменный капитал, становится свободной и излишней, хотя производство продолжается в прежних размерах. Это высвобождение и связывание капитала отличается от высвобождения и связывания дохода. Если, например, годовая прибавочная стоимость для капитала $K = x$, то вследствие удешевления товаров, входящих в потребление капиталиста, $x - a$ может оказаться достаточным для того, чтобы удовлетворить те же самые потребности, что и раньше. Благодаря этому часть дохода $= a$ высвобождается и может служить или для расширения потребления, или же для обратного превращения в капитал (для накопления). Наоборот, если потребуется $x + a$ для того, чтобы продолжать прежний образ жизни, то или этот

последний должен претерпеть ограничение, или часть дохода, равная *a* и прежде накоплявшаяся, должна быть израсходована теперь в качестве дохода.

Повышение и понижение стоимости может коснуться или постоянного, или переменного капитала, или того и другого одновременно, причем по отношению к постоянному капиталу оно может опять-таки коснуться или основной, или оборотной его части, или обеих вместе.

В составе постоянного капитала следует рассмотреть: сырье и вспомогательные материалы, к которым относятся и полуфабрикаты, — все это мы объединяем под общим названием сырья, — а также машины и прочий основной капитал.

Выше мы уже рассмотрели изменения цены, соответственно стоимости, сырья, их влияние на норму прибыли и установили тот общий закон, что при прочих равных условиях норма прибыли находится в обратном отношении к величине стоимости сырья. Это безусловно верно для капитала, который заново вкладывается в предприятие, т. е. для того случая, когда вложение капитала, превращение денег в производительный капитал, совершается впервые.

Но и помимо этого капитала, составляющего новые вложения, значительная часть капитала, уже функционирующего, находится в сфере обращения, в то время как другая часть его остается в сфере производства. Часть имеется на рынке в виде товара и должна быть превращена в деньги; другая часть существует в виде денег в какой бы то ни было форме и должна быть снова превращена в условия производства; наконец, третья часть находится в сфере производства, частично в первоначальной форме средств производства, сырья, вспомогательных материалов, купленных на рынке полуфабрикатов, машин и прочего основного капитала, частично в виде продукта, еще находящегося в процессе изготовления. Каким образом влияет здесь повышение и понижение стоимости, в значительной степени зависит от соотношения между этими составными частями. Для упрощения вопроса мы оставим пока в стороне весь основной капитал и будем рассматривать лишь ту часть постоянного капитала, которая состоит из сырья и вспомогательных материалов, полуфабрикатов и товаров, или еще только изготовляемых, или уже находящихся на рынке в готовом виде.

Если повышается цена сырья, например, хлопка, то повышается также цена и хлопчатобумажных товаров — полуфабрикатов, как пряжа, и готовых товаров, как ткань и т. п., — которые изготовлены из более дешевого хлопка; равным образом

повышается как стоимость еще не обработанного, находящегося на складе хлопка, так и стоимость того хлопка, который еще только подвергается обработке. Последний, благодаря обратному влиянию изменившихся условий, становится выражением большего рабочего времени, присоединяет к продукту, в который он входит составной частью, бóльшую стоимость, чем та, которой он сам обладал первоначально и которую капиталист заплатил за него.

Таким образом, если при повышении цены сырья на рынке находятся значительные массы готового товара, — на какой бы то ни было ступени обработки, — то повышается стоимость этого товара и вместе с тем происходит повышение стоимости уже существующего капитала. То же самое следует сказать о находящихся в руках производителей запасах сырья и т. п. Это повышение стоимости может компенсировать или более чем компенсировать отдельных капиталистов или даже капиталистов целой отрасли промышленности за падение нормы прибыли, обусловленное повышением цены сырья. Не входя здесь в детали влияния конкуренции, можно, однако, ради полноты отметить, что: 1) если находящиеся на складах запасы сырья значительны, они противодействуют повышению цен, возникающему в самом очаге производства сырья; 2) если находящиеся на рынке полуфабрикаты или готовые товары оказывают очень сильное давление на рынок, то они препятствуют возрастанию цены готовых товаров или полуфабрикатов пропорционально цене их сырья.

Наоборот, при падении цены сырья норма прибыли при прочих равных условиях повышается. Товары, находящиеся на рынке, предметы, обработка которых еще не закончена, запасы сырья обесцениваются, противодействуя тем самым одновременному повышению нормы прибыли.

Чем меньше запасы, находящиеся в сфере производства и на рынке, например, к концу производственного года, ко времени, когда сырье вновь доставляется в большом количестве, — следовательно, для земледельческих продуктов после уборки урожая, — тем в более чистом виде проявляется влияние изменения цен на сырье.

Во всем нашем исследовании мы исходим из предположения, что повышение или понижение цен является выражением действительных колебаний стоимости. Но так как здесь речь идет о том влиянии, которое колебания цен оказывают на норму прибыли, то источник самих этих колебаний в действительности не имеет значения; развитые здесь выводы остаются справедливыми и в том случае, если цены повышаются и падают

не вследствие колебаний стоимости, а вследствие воздействия системы кредита, конкуренции и т. п.

Так как норма прибыли равняется отношению избытка стоимости продукта к стоимости всего авансированного капитала, то повышение нормы прибыли, вызываемое обесценением авансированного капитала, связано с потерей капитальной стоимости точно так же, как понижение нормы прибыли, вызываемое повышением стоимости авансированного капитала, может быть связано с выигрышем капитальной стоимости.

Что касается другой части постоянного капитала, машин и вообще основного капитала, то повышения стоимости, имеющие здесь место, а именно касающиеся построек, капиталовложений в землю и т. п., могут быть исследованы только в связи с учением о земельной ренте и потому не относятся сюда. Однако среди факторов обесценения этой части капитала общее значение имеют следующие.

Прежде всего, постоянные усовершенствования, вследствие которых уже имеющиеся машины, фабричные здания и т. д. утрачивают в известной мере свою потребительную стоимость, а следовательно и свою стоимость. Этот процесс действует с особой силой в первый период введения новых машин, когда эти последние не достигли еще достаточной степени зрелости и когда поэтому они сплошь да рядом оказываются устарелыми раньше, чем успеют воспроизвести свою стоимость. Это является одной из причин обычного в такие периоды чрезмерного удлинения рабочего времени, непрерывной работы благодаря системе дневных и ночных смен, имеющей целью в течение возможно более короткого периода воспроизвести стоимость машин, не отчисляя слишком больших сумм на их амортизацию. Если бы короткий период действия машин (сокращенный срок их жизни ввиду вероятных новых усовершенствований) не компенсировался таким образом, то на продукт вследствие морального износа машин переходила бы столь значительная часть их стоимости, что они не могли бы конкурировать даже с ручным трудом [15].

Если машины, постройки, вообще основной капитал, достигли известной зрелости, так что в течение более или менее продолжительного периода остаются неизменными, по крайней мере в основе своей конструкции, то подобного же рода обесценение происходит вследствие усовершенствования методов воспроиз-

[15] Примеры этого см., между прочим, у Баббеджа [45]. Обычное средство — понижение заработной платы — применяется и в данном случае, и таким образом это постоянное обесценение приводит к совершенно иным последствиям, чем это представляется «гармоничной голове» г-на Кэри.

водства этого основного капитала. Стоимость машин и т. п. падает теперь не потому, что они быстро вытесняются и до известной степени обесцениваются новыми более производительными машинами, а потому, что они теперь могут быть воспроизведены дешевле. Такова одна из причин того, почему крупное предприятие зачастую процветает лишь во вторых руках, после того как обанкротится его первый владелец, а второй, купив его за дешевую цену, таким образом уже с самого начала приступит к производству с меньшими затратами капитала.

В земледелии особенно бросается в глаза то, что в силу тех же самых причин, которые вызывают повышение или понижение цены продукта, повышается или понижается также и стоимость капитала, так как последний в значительной своей части сам состоит из этого продукта: зерно, скот и т. п. (Рикардо [46]).

Следовало бы сказать еще несколько слов о переменном капитале.

Раз стоимость рабочей силы возрастает вследствие повышения стоимости жизненных средств, необходимых для ее воспроизводства, или, наоборот, понижается вследствие понижения стоимости этих жизненных средств, — а повышение и понижение стоимости переменного капитала не выражает ничего иного, кроме этих двух случаев, — то при неизменной продолжительности рабочего дня повышению стоимости жизненных средств соответствует падение прибавочной стоимости, понижению их — увеличение прибавочной стоимости. Но с этим в то же время могут быть связаны и другие обстоятельства — высвобождение и связывание капитала, — которые еще не были исследованы и которые мы должны теперь вкратце рассмотреть.

Если заработная плата падает вследствие понижения стоимости рабочей силы (хотя при этом может иметь место даже повышение реальной цены труда), то высвобождается часть капитала, которая до сих пор затрачивалась на заработную плату. Происходит высвобождение переменного капитала. На вновь вкладываемый капитал это оказывает лишь то влияние, что он функционирует с повышенной нормой прибавочной стоимости. Меньшее по сравнению с прежним количество денег приводит в движение то же самое количество труда, и таким образом неоплаченная часть труда увеличивается за счет оплаченной. Но что касается капитала, бывшего до сих пор в деле, то не только повышается норма прибавочной стоимости, но и, кроме того, высвобождается часть капитала, который

до того времени расходовался на заработную плату. До сих пор она была связана и непременно должна была отчисляться от выручки за продукт, затрачиваться на заработную плату, функционировать как переменный капитал, коль скоро предприятие должно продолжаться в прежнем масштабе. Теперь эта часть капитала становится свободной и, следовательно, она может быть употреблена как новая затрата капитала — или для расширения того же самого предприятия, или для функционирования в другой сфере производства.

Допустим, например, что первоначально требовалось 500 ф. ст. для того, чтобы еженедельно использовать труд 500 рабочих, а теперь для этой цели требуется только 400 фунтов стерлингов. Если масса произведенной стоимости в обоих случаях = 1 000 ф. ст., то масса еженедельной прибавочной стоимости в первом случае будет = 500 ф. ст., норма прибавочной стоимости $\frac{500}{500} = 100\%$; после же понижения заработной платы масса прибавочной стоимости будет 1 000 ф. ст. — 400 ф. ст. = 600 ф. ст. и ее норма $\frac{600}{400} = 150\%$. И это повышение нормы прибавочной стоимости есть единственный результат для того, кто с переменным капиталом в 400 ф. ст. и соответственным постоянным капиталом начинает новое предприятие в той же самой сфере производства. Напротив, в предприятии, уже функционирующем, в этом случае вследствие понижения стоимости переменного капитала не только повышается масса прибавочной стоимости с 500 до 600 ф. ст., а норма прибавочной стоимости — со 100% до 150%, но, кроме того, высвобождаются 100 ф. ст. переменного капитала, которые могут быть снова употреблены на эксплуатацию труда. Следовательно, не только прежнее количество труда эксплуатируется с большей выгодой, но благодаря высвобождению этих 100 ф. ст. прежний переменный капитал в 500 ф. ст. дает возможность эксплуатировать при более высокой норме прибавочной стоимости больше рабочих, чем раньше.

Теперь возьмем обратный случай. Предположим, что первоначальное распределение продукта совершалось при 500 рабочих в таком отношении: $400_v + 600_m = 1\,000$, следовательно, норма прибавочной стоимости = 150%. Таким образом рабочий получает еженедельно $^4/_5$ ф. ст. = 16 шиллингам. Если теперь вследствие повышения стоимости переменного капитала 500 рабочих обходятся в неделю в 500 ф. ст., то еженедельная заработная плата каждого отдельного рабочего будет = 1 ф. ст., и 400 ф. ст. могут привести в движение всего 400 рабочих. И если

будет занято то же самое число рабочих, как и раньше, то мы получим $500_v+500_m=1\,000$; норма прибавочной стоимости понизилась бы со 150% до 100%, т. е. на $^1/_3$. Для вновь вкладываемого капитала это понижение нормы прибавочной стоимости было бы единственным результатом. При прочих равных условиях в связи с этим понизилась бы и норма прибыли, хотя и не в том же самом отношении. Если, например, $c = 2\,000$, то в первом случае мы имеем $2\,000_c + 400_v + 600_m = 3\,000$; $m' = 150\%$, $p' = \frac{600}{2\,400} = 25\%$. Во втором случае $2\,000_c + 500_v + 500_m = 3\,000$; $m' = 100\%$, $p' = \frac{500}{2500} = 20\%$. Напротив, для уже вложенного капитала результат оказался бы двояким. При помощи 400 ф. ст. переменного капитала можно теперь дать занятие только 400 рабочим и притом с нормой прибавочной стоимости в 100%. Таким образом вся прибавочная стоимость, произведенная ими, составит 400 фунтов стерлингов. Так как, далее, постоянный капитал стоимостью в 2 000 ф. ст. требует для своего функционирования 500 рабочих, то 400 рабочих приведут в движение лишь постоянный капитал стоимостью в 1 600 фунтов стерлингов. Следовательно, коль скоро производство должно продолжаться в прежнем масштабе и чтобы $^1/_5$ машин не бездействовала, необходимо переменный капитал увеличить на 100 ф. ст. и, как и прежде, занять 500 рабочих; а это может быть достигнуто лишь одним способом: капитал, бывший до сих пор свободным, связывается, причем та часть накопления, которая должна была бы служить для расширения производства, теперь служит только для восполнения, или же та часть, которая предназначена для того, чтобы расходоваться как доход, присоединяется к прежнему капиталу. В результате затрата переменного капитала, увеличенная на 100 ф. ст., производит на 100 ф. ст. меньше прибавочной стоимости. Чтобы привести в движение то же самое количество рабочих, требуется больше капитала, и в то же время уменьшается прибавочная стоимость, доставляемая каждым отдельным рабочим.

Выгоды, вытекающие из высвобождения, и потери, вытекающие из связывания переменного капитала, существуют только для капитала, уже вложенного в дело и, следовательно, воспроизводящегося при данных отношениях. Для капитала, вкладываемого вновь, выгоды в одном случае, потери в другом сводятся к повышению, соответственно понижению, нормы прибавочной стоимости и к соответственному, хотя отнюдь не пропорциональному, изменению нормы прибыли.

Только что исследованное высвобождение и связывание переменного капитала есть результат понижения или повышения стоимости элементов переменного капитала, т. е. издержек воспроизводства рабочей силы. Переменный капитал может, однако, высвобождаться также в том случае, если вследствие развития производительной силы труда при неизменной норме заработной платы требуется меньше рабочих для того, чтобы привести в движение ту же самую массу постоянного капитала. Равным образом и наоборот, связывание добавочного переменного капитала может иметь место, если вследствие понижения производительной силы труда требуется больше рабочих на ту же самую массу постоянного капитала. Если, напротив, часть капитала, применявшегося до сих пор в качестве переменного, теперь применяется в форме постоянного капитала, если, следовательно, происходит лишь иное распределение между составными частями того же самого капитала, то хотя это и оказывает влияние на норму прибавочной стоимости и прибыли, но не относится к рассматриваемой здесь рубрике связывания и высвобождения капитала.

Постоянный капитал, как мы уже видели, также может связываться или высвобождаться вследствие повышения или понижения стоимости элементов, из которых он состоит. Если отвлечься от этого, связывание постоянного капитала (предполагается, что часть переменного не превращается в постоянный) возможно лишь в том случае, если производительная сила труда увеличивается, т. е. если та же самая масса труда производит больше продукта и, следовательно, приводит в движение больше постоянного капитала. То же самое при известных условиях может иметь место, если производительная сила уменьшается, например в земледелии, так что то же самое количество труда для производства того же самого продукта требует больше средств производства, например, больше семян, удобрений, дренирования и т. п. Без понижения стоимости его элементов постоянный капитал может высвобождаться в том случае, если усовершенствования, применение сил природы и т. д. делают постоянный капитал меньшей стоимости способным выполнять ту же техническую роль, какую раньше выполнял капитал более высокой стоимости.

В «Капитале», кн. II, мы уже видели [47], что после того как товары превращены в деньги, проданы, определенная часть этих денег должна снова превратиться в вещественные элементы постоянного капитала и как раз в том отношении, какого требует определенный технический характер каждой данной отрасли производства. С этой точки зрения во всех отраслях

важнейшим элементом, — если оставить в стороне заработную плату, следовательно, переменный капитал, — является сырье, включая и вспомогательные материалы, которые имеют особенно большое значение в тех отраслях производства, где нет сырья в строгом смысле слова, например, в горном деле и вообще в добывающей промышленности. Та часть цены, которая должна возмещать износ машин, принимается в расчет скорее идеально, до тех пор пока машины вообще способны функционировать; причем не так уж важно, будет ли эта часть оплачена и возмещена деньгами сегодня или завтра или в любой иной момент оборота капитала. Иначе обстоит дело с сырьем. Если цена сырья возрастает, становится невозможным после вычета заработной платы полностью возместить ее из стоимости товаров. Поэтому сильные колебания цен вызывают перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства. Таким колебаниям стоимости вследствие изменчивых урожаев и т. п., — влияние кредитной системы мы здесь еще совершенно оставляем в стороне, — в особенности подвержены собственно земледельческие продукты, органическое сырье. Одно и то же количество труда может здесь в зависимости от не поддающихся контролю природных условий, благоприятной или неблагоприятной погоды и т. д. выражаться в очень различных количествах потребительных стоимостей, и потому определенное количество этих потребительных стоимостей может иметь весьма различную цену. Если стоимость x воплощается в 100 фунтах товара a, то цена одного фунта товара $a = \frac{x}{100}$; если та же стоимость представлена в 1 000 фунтах a, то цена одного фунта $a = \frac{x}{1\,000}$ и т. д. Таков, следовательно, один из элементов рассматриваемых нами колебаний цены сырья. Второй элемент, о котором мы упоминаем здесь только ради полноты, — так как конкуренция и система кредита лежат пока вне круга нашего рассмотрения, — заключается в следующем: количество растительного и животного сырья, рост и производство которого подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, по самой природе вещей не может быть внезапно увеличено в такой степени, как, например, количество машин и прочего основного капитала, угля, руды и т. п., увеличение которого при соответствующих природных условиях в промышленно развитой стране может совершаться очень быстро. Поэтому возможно, а при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала,

состоящий из основного капитала, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органического сырья; вследствие этого спрос на такое сырье увеличивается быстрее его предложения, и потому цена его повышается. Это повышение цены приводит на деле к тому, что: 1) сырье начинает подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки перевозки; 2) производство его увеличивается, правда, действительное увеличение массы продукта по природе вещей может произойти не сразу, а, быть может, лишь через год, и 3) используются ранее неиспользуемые суррогаты и экономнее обращаются с отходами. Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и предложение, то это означает в большинстве случаев, что достигнут уже поворотный пункт, после которого вследствие продолжающегося удорожания сырья и всех товаров, в последние сырье входит как элемент, спрос понижается, а потому наступает реакция и в движении цен сырья. Кроме конвульсий, которые вызывает эта реакция вследствие понижения стоимости капитала в его различных формах, наступает еще ряд других обстоятельств, о которых мы сейчас упомянем.

Прежде всего уже из сказанного до сих пор ясно следующее: чем больше развито капиталистическое производство, чем больше поэтому средств для быстрого и непрерывного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительного и животного сырья, тем отчетливее проявляется вышеописанное увеличение их цены и соответствующая этому последнему реакция, тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого сильного колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства.

И если наступает резкое падение этих высоких цен вследствие того, что рост их вызвал, с одной стороны, уменьшение спроса, а с другой, — расширение производства в данном месте и предложение со стороны отдаленных, до сих пор мало или вовсе не использованных производственных областей, в результате чего предложение сырья превышает спрос на него, — превышает именно при старых высоких ценах, — то последствия этого должны быть рассмотрены с различных точек зрения. Внезапное падение цен на сырье тормозит его воспроизводство, и благодаря этому восстанавливается монополия тех

стран его вывоза, которые производят при наиболее благоприятных условиях, — восстанавливается, быть может, с известными ограничениями, но все-таки восстанавливается. Правда, воспроизводство сырья вследствие раз данного толчка продолжается в расширенном масштабе, особенно в странах, которые в большей или меньшей степени обладают монополией этого производства. Но базис, на котором вследствие увеличения количества машин и т. п. совершается теперь производство и который теперь после нескольких колебаний должен стать новым нормальным базисом, новым исходным пунктом развития, чрезвычайно расширился благодаря процессам, имевшим место в течение последнего цикла оборота. Но при этом в некоторой части второстепенных источников сырья расширившееся было воспроизводство испытывает опять значительные затруднения. Так, например, данные об экспорте показывают, как за последние 30 лет (до 1865 г.) возрастало индийское производство хлопка, когда наступала убыль в американском производстве и затем вдруг снова начиналось более или менее длительное сокращение производства. При вздорожании промышленного сырья капиталисты объединяются, образуют ассоциации для регулирования производства. Так было, например, в Манчестере после повышения цен хлопка в 1848 г., то же было с производством льна в Ирландии. Но как только непосредственный повод исчезает и снова воцарится общий принцип конкуренции «покупать на самом дешевом рынке» (вместо того чтобы стремиться, подобно вышеупомянутым ассоциациям, к повышению производственной мощности соответствующих стран, доставляющих сырой продукт, независимо от цены, за которую непосредственно в данное время эти страны могут доставить продукт), — итак, раз принцип конкуренции снова полновластно господствует, регулировать предложение предоставляют снова «ценам». Всякая мысль о коллективном, решительном и дальновидном контроле над производством сырья, — контроле, который вообще совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается благим пожеланием или ограничивается имеющими характер исключения коллективными действиями в момент большой непосредственной опасности и беспомощности, — уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга [16]. Суеверие капиталистов в этой области настолько

[16] После того как были написаны эти строки (1865 г.), конкуренция на мировом рынке значительно усилилась вследствие быстрого развития промышленности во всех развитых странах, в особенности в Америке и Германии. Тот факт, что быстро и значительно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все

грубо, что даже фабричные инспектора в своих отчетах снова и снова останавливаются перед ним с величайшим изумлением. Смена благоприятных и неблагоприятных лет, конечно, также вызывает удешевление сырья. Помимо того непосредственного влияния, которое оказывает это обстоятельство на расширение спроса, сюда присоединяется еще в качестве стимула упомянутое выше влияние на норму прибыли. И вышеуказанный процесс, при котором производство сырья постепенно обгоняется производством машин и т. д., повторяется тогда в более широком масштабе. Действительное улучшение сырья, при котором оно доставлялось бы не только в надлежащем количестве, но и надлежащего качества, например получение хлопка из Индии, по качеству не уступающего американскому, потребовало бы продолжительного, регулярно возрастающего и постоянного спроса со стороны Европы (совершенно независимо от тех экономических условий, в которые поставлен индийский производитель у себя на родине). Но сфера производства сырья изменяется только скачками: то внезапно расширяясь, то сильно сокращаясь. Все это, как и дух капиталистического производства вообще, очень хорошо можно проследить на примере хлопкового голода 1861—1865 гг. [48], когда наблюдалась еще та особенность, что временами вообще не было сырья, являющегося существеннейшим элементом воспроизводства. Собственно говоря, цена может повышаться и при вполне достаточном предложении, если это предложение осуществляется при сравнительно тяжелых условиях. Или же может иметь место действительный недостаток сырья. Во время хлопкового кризиса первоначально наблюдалось последнее.

Поэтому, чем ближе подходим мы в истории производства к современному моменту, тем регулярнее оказывается, и в особенности в решающих отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительного вздорожания и вытекающего отсюда последующего обесценения сырья орга-

---

сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которых должно совершаться их движение, — факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это особенно проявляется в двух симптомах. Во-первых, в новой всеобщей мании запретительных пошлин, которая от старой протекционистской системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится защитить как раз те продукты, которые способны к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных сфер производства, имеющих целью регулировать производство, а следовательно, цены и прибыль. Само собой разумеется, что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что хотя производство и нуждается в регулировании, но несомненно не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем до сих пор. — *Ф. Э.*

нического происхождения. Иллюстрации к вышесказанному даны в приводимых ниже примерах из отчетов фабричных инспекторов.

Мораль истории, которую можно также извлечь, рассматривая земледелие с иной точки зрения, состоит в том, что капиталистическая система противоречит рациональному земледелию, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует его техническому развитию) и требует либо руки мелкого, живущего своим трудом крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей.

Теперь мы приведем только что упомянутые иллюстрации из отчетов английских фабричных инспекторов.

«Положение дел улучшается; но цикл благоприятных и неблагоприятных периодов сокращается с увеличением количества машин, и так как при этом растет спрос на сырье, то вместе с тем становятся чаще колебания в ходе дел... В настоящее время не только восстановлено доверие после паники 1857 г., но и сама паника, по-видимому, почти совершенно забыта. Будет ли это улучшение длительным или нет, зависит в очень значительной степени от цены сырья. И, на мой взгляд, имеются признаки того, что в некоторых случаях уже достигнут тот максимум, выше которого производство будет становиться все менее выгодным, пока, наконец, оно не перестанет вовсе давать прибыли. Если возьмем, например, прибыльные годы в шерстяном производстве, 1849 и 1850, то мы увидим, что цена английской чесаной шерсти достигала 13 пенсов, австралийской 14—17 пенсов за фунт и что в среднем за 10 лет, с 1841 по 1850 г., цена английской шерсти никогда не превышала 14 пенсов, цена австралийской — 17 пенсов за фунт. Но в начале неблагоприятного 1857 г. австралийская шерсть продавалась по 23 пенса; в декабре, в самый разгар паники, цена ее упала до 18 пенсов, но в течение 1858 г. опять поднялась и достигла своей теперешней высоты — 21 пенса. Равным образом в начале 1857 г. цена английской шерсти была 20 пенсов, в апреле и сентябре повысилась до 21 пенса, в январе 1858 г. упала до 14 пенсов и затем поднялась до 17 пенсов, так что теперь она стóит на 3 пенса за фунт выше по сравнению со средней за вышеприведенное десятилетие... Это показывает, по моему мнению, что или банкротства 1857 г., вызванные аналогичными ценами, забыты, или шерсти производится как раз столько, сколько могут выпрясть наличные веретена, или же что цены на ткани испытывают стабильное повышение... Но в моей прошлой практике я имел возможность убедиться, что, с одной стороны, в невероятно короткое время может быть увеличено не только количество веретен и ткацких станков, но и скорость их работы; что, с другой стороны, почти в такой же степени увеличился наш вывоз шерсти во Францию, в то время как средний возраст разводимых овец как внутри страны, так и за границей становится все ниже, так как население быстро возрастает и овцеводы стремятся как можно скорее превратить свой скот в деньги. Поэтому я часто испытывал тяжелое чувство при виде людей, которые, не зная этого, связывали свою судьбу и свой капитал с предприятиями, успех которых зависит от предложения продукта, способного к увеличению только в рамках известных органических законов... Состояние спроса и предложения всех сырых материалов... объясняет, по-видимому,

многие колебания в хлопчатобумажном деле, а также положение английского шерстяного рынка осенью 1857 г. и обусловленный последним промышленный кризис» [17] (Р. Бейкер в «Reports of Insp. of Fact., October 1858», p. 56—57, 61).

Время расцвета камвольной промышленности Уэст-Райдинга в Йоркшире относится к 1849—1850 годам. В 1838 г. там было занято 29 246 чел., в 1843 г. — 37 000, в 1845 г. — 48 097, в 1850 г. — 74 891. В том же самом округе в 1838 г. было 2 768 механических ткацких станков, в 1841 г. — 11 458, в 1843 г. — 16 870, в 1845 г. — 19 121 и в 1850 г. — 29 539 («Reports of Insp. of Fact., [October] 1850», p. 60). Этот расцвет камвольной промышленности уже в октябре 1850 г. начал становиться подозрительным. В апрельском отчете за 1851 г. субинспектор Бейкер пишет о Лидсе и Брадфорде:

«Состояние дел с некоторого времени очень неудовлетворительно. Прядильщики чесаной шерсти быстро лишаются прибылей, какие они имели в 1850 г., и большинство ткачей находится не в лучшем положении. Мне кажется, что в настоящее время в шерстяной промышленности бездействует больше машин, чем когда бы то ни было раньше, и льнопрядильщики точно так же увольняют рабочих и останавливают машины. Циклы в текстильной промышленности являются в настоящее время действительно весьма неопределенными, и, я думаю, мы скоро придем к взгляду... что не соблюдается пропорциональность между производственной мощностью веретен, количеством сырья и ростом населения» (стр. 52).

То же самое наблюдается и в хлопчатобумажной промышленности. В цитированном выше октябрьском отчете за 1858 г. мы читаем:

«С тех пор, как на фабриках установлен строго определенный рабочий день, количество потребляемого сырья, размеры производства и величина заработной платы во всех отраслях текстильной промышленности устанавливаются на основании простого тройного правила... Я привожу выдержку из недавнего доклада... г-на Бейнса, нынешнего мэра Блэкберна, о хлопчатобумажной промышленности, в котором он с чрезвычайной тщательностью суммирует данные промышленной статистики своего округа:

«Каждая действительная лошадиная сила приводит в движение 450 автоматических веретен с соответствующим подготовительным оборудованием, или 200 тростильных веретен, или 15 станков для 40-дюймового сукна вместе с машинами для наматывания шпуль, снования и шлихтования. На каждую лошадиную силу при прядении приходится 2½ рабочих, а при ткачестве 10; их средняя заработная плата составляет более 10½ шилл. на одного человека в неделю... Средние вырабатываемые номера — № 30—32 для основы и № 34—36 для утка; если принять, что еженедельно производимая пряжа составляет 13 унций на веретено, то это даст 824 700 фунтов пряжи в неделю, для чего должно быть потреблено

---

[17] Само собой разумеется, что мы не считаем, подобно г-ну Бейкеру, что кризис в шерстяной промышленности 1857 г. вызван несоответствием между ценами сырья и готового продукта. Это несоответствие само было лишь симптомом, кризис же был всеобщий. — *Ф. Э.*

970 000 фунтов, или 2 300 кип хлопка на сумму в 28 300 фунтов стерлингов... В нашем округе (район вокруг Блэкберна радиусом в 5 английских миль) еженедельное потребление хлопка 1 530 000 фунтов, или 3 650 кип на сумму в 44 625 фунтов стерлингов. Это составляет $^1/_{18}$ всей хлопчатобумажной промышленности Соединенного королевства и $^1/_6$ всего механического ткачества».

Таким образом, по подсчетам г-на Бейнса, общее число веретен в хлопчатобумажной промышленности Соединенного королевства должно составлять 28 800 000, и, чтобы держать их в полном ходу, требуется ежегодно 1 432 080 000 фунтов хлопка. Но ввоз хлопка, за вычетом вывоза в 1856 и 1857 гг., составлял лишь 1 022 576 832 фунта, следовательно, неизбежно должен был оказаться дефицит в 409 503 168 фунтов. Г-н Бейнс, который любезно согласился дать мне свои разъяснения по этому вопросу, полагает, что подсчет годового потребления хлопка, основанный на потреблении блэкбернского округа, должен был оказаться преувеличенным не только вследствие различия выпрядаемых номеров, но также вследствие большего совершенства машин. Он оценивает все годовое потребление хлопка в Соединенном королевстве в 1 000 миллионов фунтов. Но если даже он прав, если действительно предложение превышает спрос на 22½ миллиона фунтов, то уже теперь спрос и предложение, по-видимому, почти уравновешиваются; между тем следует еще принять во внимание добавочные веретена и станки, которые, по г-ну Бейнсу, вводятся в его округе и, судя по последнему, вероятно, также и в других округах» (стр. 59, 60, 61).

III. ОБЩАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ХЛОПКОВЫЙ КРИЗИС 1861—1865 ГОДОВ

ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ПЕРИОД 1845—1860 ГОДОВ

1845 год. Расцвет хлопчатобумажной промышленности. Очень низкие цены на хлопок. Л. Хорнер пишет об этом времени:

«За последние 8 лет я не наблюдал ни одного периода столь интенсивного оживления в делах, как прошлым летом и осенью, в особенности в хлопчатобумажной промышленности. В течение целого полугодия я каждую неделю получал сообщения о новых капиталовложениях в фабрики: то сообщали о вновь строящихся фабриках, то немногие пустующие фабрики находили новых арендаторов, то, наконец, действующие фабрики расширялись и на них устанавливали более мощные паровые машины и большее количество рабочих машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1845», p. 13).

1846 год. Начинаются жалобы:

«Уже в течение довольно продолжительного времени я слышу от очень многих хлопчатобумажных фабрикантов жалобы на угнетенное состояние их дел... за последние 6 недель различные фабрики перешли на сокращенное время работы, обыкновенно работают 8 часов в день вместо 12; это, по-видимому, распространяется... цены хлопка сильно повысились... не только не произошло повышения цен на готовые изделия, но... цены их стоят ниже, чем до вздорожания хлопка. Крупное увели-

чение числа хлопчатобумажных фабрик за последние 4 года должно было иметь своим последствием, с одной стороны, сильно возросший спрос на сырье, с другой стороны, сильно возросшее предложение готовых изделий на рынке; обе причины должны были, действуя одновременно, способствовать понижению прибыли, пока оставались неизменными предложение сырья и спрос на готовые изделия; но действие их оказалось тем значительнее, что, с одной стороны, предложение хлопка было за последнее время недостаточным, с другой стороны, спрос на готовые изделия со стороны различных внутренних и внешних рынков уменьшился» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», p. 10).

Растущий спрос на сырье и переполнение рынка готовыми изделиями естественно идут рука об руку. Между прочим, тогдашнее расширение промышленности и последующий застой не ограничивались хлопчатобумажными округами. В брадфордском камвольном округе в 1836 г. было лишь 318 фабрик, а в 1846 г. — 490. Эти цифры далеко не выражают действительного роста производства, так как существующие фабрики в то время были значительно расширены. Это в особенности относится к льнопрядильным фабрикам.

«В течение последних 10 лет все они в большей или меньшей степени способствовали переполнению рынка, которому главным образом должен быть приписан теперешний застой в делах... Угнетенное положение дел является совершенно естественным следствием столь быстрого увеличения числа фабрик и машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», p. 30).

1847 год. В октябре денежный кризис. Учетная ставка 8%. Уже ранее произошел крах железнодорожных спекуляций и махинаций с ост-индскими векселями. Но:

«Г-н Бейкер приводит очень интересные детали относительно возросшего за последние годы спроса на хлопок, шерсть и лен вследствие расширения соответственных отраслей промышленности. Возросший спрос на эти виды сырья, особенно потому, что он наступил в период, когда их предложение упало далеко ниже средней, Бейкер считает почти достаточным для объяснения современного угнетенного состояния этих отраслей промышленности, даже если не принимать во внимание расстройства денежного рынка. Этот взгляд вполне подтверждается моими собственными наблюдениями и тем, что я узнал от компетентных людей. Эти различные отрасли промышленности испытывали уже очень сильное затруднение в тот период, когда учет легко можно было производить из 5% и менее. Между тем предложение шелка-сырца было достаточным, цены умеренными, и соответственно этому дела шли оживленно до... последних 2 или 3 недель, когда денежный кризис несомненно затронул не только самих фабрикантов шелка, но, и в еще большей степени, их главных клиентов — фабрикантов модных товаров. Стоит взглянуть на опубликованные официальные отчеты, чтобы убедиться, что хлопчатобумажное производство за последние три года выросло почти на 27%. Вследствие этого хлопок повысился в цене в округленных цифрах с 4 пенсов до 6 пенсов за фунт, в то время как цена пряжи благодаря увеличившемуся предложению стоит лишь немного выше своего прежнего уровня. Шерстяная промышленность начала расширяться в 1836 году; с этого времени в Йоркшире ее производство

возросло на 40%, а в Шотландии еще больше. Еще значительнее рост камвольной промышленности [18]. Здесь за тот же период расширение составляет более чем 74%. Потребление сырой шерсти было поэтому огромно. Льняная промышленность обнаруживает с 1839 г. прирост приблизительно на 25% в Англии, на 22% в Шотландии и почти на 90% в Ирландии [19]; в результате цена сырья при одновременных плохих урожаях льна поднялась на 10 ф. ст. за тонну, тогда как цена пряжи упала на 6 пенсов за моток» («Reports of Insp. of Fact., 31st October 1847», p. 30—31).

1849 год. За последние месяцы 1848 г. дела снова оживились.

«Цена сырья, стоявшая настолько низко, что достаточная прибыль казалась обеспеченной чуть ли не при всяких условиях, побуждала фабрикантов непрерывно развивать свое производство... Фабриканты шерстяных изделий в начале года работали очень интенсивно... но я опасаюсь, что посылка шерстяных товаров на консигнацию зачастую заступает место действительного спроса и что периоды кажущегося процветания, т. е. периоды полной загрузки предприятий, не всегда являются периодами реального спроса. В течение нескольких месяцев камвольное производство находилось в особенно хорошем состоянии... В начале упомянутого периода цена на шерсть стояла особенно низко; прядильщики запаслись ею по выгодным ценам, конечно, в значительном количестве. Когда во время весенних аукционов цена шерсти поднялась, прядильщики извлекли выгоду из этого и удержали ее, так как спрос на готовые изделия был значителен и постоянен» («Reports of Insp. of Fact., [April] 1849», p. 42).

«Если мы присмотримся к колебаниям в положении дел, имевшим место в фабричных округах Англии за последние 3 или 4 года, то мы должны, как мне кажется, допустить, что где-то существует серьезная причина, нарушающая правильный ход промышленности... Не является ли в этом отношении новым элементом гигантская производительная сила разросшегося машинного производства?» («Reports of Insp. of Fact., 30th April 1849», p. 42, 43).

В ноябре 1848 г., а также в мае и летом 1849 г. вплоть до октября, положение дел все улучшалось.

«В особенности это относится к производству материала из камвольной пряжи, которое концентрируется вокруг Брадфорда и Галифакса; это производство никогда раньше даже приблизительно не достигало своих нынешних размеров... Спекуляция сырьем и неизвестность относительно размеров его возможного предложения уже давно вызывают в хлопчатобумажной промышленности большее возбуждение и более частые колебания, чем в какой бы то ни было другой отрасли промышленности. В настоящее время здесь наблюдается накопление запасов более грубых сортов хлопчатобумажных товаров, что вызывает беспокойство мелких прядильщиков и уже причиняет им вред, так что некоторые из них работают неполное время» («Reports of Insp. of Fact., October 1849», p. 64—65).

---

[18] В Англии строго различают Woollen Manufacture [шерстяную промышленность] — прядение и ткачество из короткой шерсти, дающей аппаратную пряжу (главный центр — Лидс), и Worsted Manufakture [камвольную промышленность] — прядение и ткачество из длинной шерсти, дающей гребенную пряжу (главный центр — Брадфорд в Йоркшире). — *Ф. Э.*

[19] Это быстрое расширение машинного производства льняной пряжи в Ирландии нанесло тогда смертельный удар вывозу германского (силезского, лаузицкого, вестфальского) полотна, вытканного из пряжи, изготовляемой ручным способом. — *Ф. Э.*

1850 год. Апрель. Дела идут по-прежнему оживленно. Исключение:

«Сильно угнетенное состояние в части хлопчатобумажной промышленности вследствие недостаточного предложения сырья как раз для грубых номеров пряжи и тяжелых тканей. Возникает опасение, что аналогичная реакция будет вызвана и в камвольной промышленности, где за последнее время увеличено количество машин. По подсчетам г-на Бейкера, в одном только 1849 г. в этой отрасли производство на ткацких станках выросло на 40%, на веретенах — на 25—30%, причем расширение предприятий все еще продолжается прежним темпом» («Reports of Insp. of Fact., April 1850», p. 54).

1850 год. Октябрь.

«Цена хлопка продолжает... вызывать заметное угнетение в этой отрасли промышленности, особенно для таких товаров, у которых сырье составляет значительную часть издержек производства. Крупное повышение цен на шелк-сырец во многих случаях приводило к угнетенному положению и в этой отрасли» («Reports of Insp. of Fact., October 1850», p. 14).

Согласно цитированному здесь отчету Комитета королевского общества культуры льна в Ирландии, высокая цена льна при низких ценах на другие сельскохозяйственные продукты обеспечивает значительное расширение производства льна в будущем году (там же, стр. 31, 33).

1853 год. Апрель. Интенсивный расцвет.

«За последние 17 лет ни разу в течение всего того времени, когда мне приходилось официально знакомиться с положением дел в фабричном округе Ланкашира, я не наблюдал такого всеобщего процветания; оживление во всех отраслях чрезвычайное», — говорит Леонард Хорнер («Reports of Insp. of Fact., April 1853», p. 19).

1853 год. Октябрь. Депрессия в хлопчатобумажной промышленности. «Перепроизводство» («Reports of Insp. of Fact., October 1853», p. 15).

1854 год. Апрель.

«Хотя дела в шерстяной промышленности шли не бойко, все же она доставляла всем фабрикам работу в полном объеме; это относится и к хлопчатобумажной промышленности. Камвольная промышленность в течение всего истекшего полугодия сплошь работала с перебоями... В льнообрабатывающей промышленности имели место трудности, так как вследствие Крымской войны уменьшилось предложение льна и пеньки из России» («Reports of Insp. of Fact., [April] 1854», p. 37).

1859 год.

«В шотландской льнообрабатывающей промышленности дела все еще находятся в угнетенном состоянии... так как сырья не хватает и оно дорого; плохой урожай в прибалтийских странах, являющихся нашими главными поставщиками, будет оказывать отрицательное влияние на ход

дел в этом округе; между тем джут, который мало-помалу вытесняет лен в производстве многих грубых товаров, стоит не слишком дорого и имеется в достаточном количестве... приблизительно половина машин в Данди прядет в настоящее время джут» («Reports of Insp. of Fact., April 1859», p. 19). — «Вследствие высокой цены сырья льнопрядение все еще не дает достаточной выгоды, и в то время как все другие фабрики работают полное время, мы имеем целый ряд примеров приостановки машин, перерабатывающих лен... Прядение джута... находится в более удовлетворительном положении, так как за последнее время цена на этот материал стала более умеренной» («Reports of Insp. of Fact., October 1859», p. 20).

1861—1864 ГОДЫ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АМЕРИКЕ. ХЛОПКОВЫЙ ГОЛОД. ЯРЧАЙШИЙ ПРИМЕР ПЕРЕРЫВА В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА ВСЛЕДСТВИЕ НЕДОСТАТКА И ДОРОГОВИЗНЫ СЫРЬЯ

1860 год. Апрель.

«Что касается хода дел, то я радуюсь возможности сообщить вам, что, несмотря на высокую цену сырья, все отрасли текстильной промышленности, за исключением шелкоткацкой, работали за последнее полугодие довольно хорошо... В некоторых хлопчатобумажных округах рабочих находили при помощи объявлений, и рабочие направлялись туда из Норфолка и других земледельческих графств... По-видимому, во всех отраслях промышленности имеет место острый недостаток сырья. Только... этот недостаток сдерживает нас в известных границах. В хлопчатобумажном деле число вновь созданных фабрик, расширение уже существующих и спрос на рабочих, быть может, никогда не достигали такой высоты, как в настоящее время. Везде и всюду ищут сырье» («Reports of Insp. of Fact., April 1860», p. 57).

1860 год. Октябрь.

«Положение дел в хлопчатобумажных, шерстяных и льнопрядильных округах было хорошим; в Ирландии, как говорят, положение дел за последний год было даже очень хорошее и было бы еще лучше, если бы не высокая цена сырья. По-видимому, льнопрядильщики с бо̀льшим нетерпением, чем когда бы то ни было, ожидают от железных дорог открытия добавочных индийских источников снабжения и соответственного развития индийского земледелия, чтобы, наконец... добиться предложения льна, которое соответствовало бы их потребностям» («Reports of Insp. of Fact., October 1860», p. 37).

1861 год. Апрель.

«Положение дел в настоящий момент угнетенное... некоторые хлопчатобумажные фабрики работают сокращенное время, и многие шелковые фабрики загружены только частично. Сырье дорого. Почти во всех отраслях текстильной промышленности цена его выше той цены, при которой оно могло бы быть переработано для массы потребителей» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», p. 33).

Теперь обнаружилось, что в 1860 г. в хлопчатобумажной промышленности имело место перепроизводство; последствия его ощущались еще в течение ряда лет.

«Потребовалось от двух до трех лет, чтобы мировой рынок поглотил массу товаров, перепроизведенных в 1860 году» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 127). «Угнетенное состояние рынков хлопчатобумажных готовых изделий в Восточной Азии оказало в начале 1860 г. соответствующее обратное влияние на состояние дел в Блэкберне, где в среднем 30 000 механических ткацких станков почти исключительно заняты производством ткани для этого рынка. Вследствие этого спрос на труд был здесь ограниченным уже за много месяцев до того, как сказалось влияние хлопковой блокады... к счастью, это спасло многих фабрикантов от разорения. Запасы возросли по стоимости, пока их держали на складах, и таким образом удалось избежать ужасного обесценения, которое в противном случае было бы неизбежно при таком кризисе» («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 28, 29, 30).

1861 год. Октябрь.

«Положение дел с некоторого времени было очень угнетенным... Очень вероятно, что в течение зимних месяцев многие фабрики значительно сократят производство. Это, впрочем, можно было предвидеть... совершенно независимо от причин, прервавших наш обычный ввоз хлопка из Америки и наш вывоз в Америку, сокращение рабочего времени в течение наступающей зимы стало бы необходимым вследствие сильного увеличения производства за последние три года и затруднений на индийском и китайском рынках» («Reports of Insp. of Fact., October 1861», p. 19).

Хлопковые угары. Ост-индский хлопок (Surat). Влияние на заработную плату рабочих. Усовершенствование машин. Замена хлопка крахмальной мукой и минеральными веществами. Влияние этого шлихтования крахмальной мукой на рабочих. Прядильщики тонких номеров. Жульничество фабрикантов

«Один фабрикант пишет мне следующее: «Что касается количества хлопка, потребляемого на одно веретено, то вы несомненно недостаточно считаетесь с тем фактом, что при дороговизне хлопка каждый прядильщик обычной пряжи (скажем, до № 40, преимущественно же №№ 12—32) производит настолько тонкие номера, насколько может, т. е. он будет выпрядать № 16 вместо прежних № 12 или № 22 вместо № 16 и т. д., и ткач, который перерабатывает эту тонкую пряжу, доведет свой миткаль до обычного веса, присоединив к нему соответственно большее количество шлихты. Этот прием применяется теперь поистине в позорных размерах. Из авторитетного источника я знаю, что 8-фунтовая ткань приготовляется из 5¼ ф. хлопка и 2¾ ф. шлихты. В другой 5¼-фунтовой ткани заключаются два фунта шлихты. Это — обыкновенная рубашечная ткань для экспорта. В иные сорта иногда прибавляют 50% шлихты, так что фабриканты могли бы похвалиться и действительно хвалятся тем, что они обогащаются, продавая ткани дешевле, чем номинально стоит заключающаяся в них пряжа»» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», p. 27).

«Мне сообщали также, что ткачи приписывают свою возросшую заболеваемость шлихте, которая употребляется для основы, выпряденной из ост-индского хлопка, и которая не состоит, как раньше, из чистой муки. Но этот суррогат муки, как говорят, представляет ту крупную выгоду, что значительно увеличивает вес ткани, так что 15 фунтов пряжи дают 20 фунтов ткани» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 63.

Этим суррогатом был перемолотый тальк, так называемый «China clay», или гипс, так называемый «French chalk»).

«Заработок ткачей» (здесь имеются в виду ткачи-рабочие) «сильно уменьшается из-за применения суррогатов муки для шлихтования основы. Эта шлихта делает пряжу более тяжелой, но в то же время твердой и ломкой. Каждая нить основы проходит в ткацком станке через так называемый ремиз, крепкие нити которого удерживают основу в правильном положении; сильно шлихтованная основа вызывает постоянные разрывы нитей в ремизе; каждый разрыв отнимает у ткача пять минут времени для исправления; в настоящее время ткачу приходится исправлять такие повреждения по крайней мере в 10 раз чаще, чем раньше, и, само собой разумеется, станок в течение рабочего дня дает соответственно меньше ткани» (там же, стр. 42—43).

«В Аштоне, Стейлибридже, Мосли, Олдеме и т. д. рабочее время сокращено на целую треть и с каждой новой неделей сокращается все больше... Одновременно с этим сокращением рабочего дня во многих отраслях имеет место и понижение заработной платы» («Reports of Insp. of Fact., October 1861», p. 12, 13).

В начале 1861 г. произошла стачка механических ткачей в некоторых районах Ланкашира. Некоторые фабриканты заявили о предстоящем понижении заработной платы на $5-7^1/_2\%$, рабочие настаивали на том, чтобы ставки заработной платы были сохранены, а рабочий день сокращен. Предприниматели не согласились, и началась стачка. Через месяц рабочие вынуждены были уступить. Однако теперь и заработная плата понижена и рабочий день сокращен:

«Кроме того, что была понижена заработная плата, на что согласились в конце концов рабочие, многие фабрики работают теперь неполное время» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», p. 23).

1862 год. Апрель.

«Страдания рабочих со времени моего последнего отчета значительно увеличились; но еще никогда в истории промышленности столь неожиданные и столь тяжелые страдания не переносились с такой молчаливой покорностью и с таким терпеливым самообладанием» («Reports of Insp. of Fact., April 1862», p. 10). «Число полностью безработных в настоящий момент, по-видимому, незначительно превышает число безработных 1848 г., когда господствовала обычная паника, оказавшаяся, однако, достаточной для того, чтобы побудить обеспокоенных фабрикантов собрать статистические данные по хлопчатобумажной промышленности, аналогичные тем, какие в настоящее время публикуются еженедельно... В мае 1848 г. не работали 15% всех хлопчатобумажных рабочих Манчестера, 12% работали неполное время, в то время как свыше 70% работали полное время. 28 мая 1862 г. 15% рабочих были без работы, 35% работали неполное время, 49% — полное время... В соседних местностях, например в Стокпорте, процент работающих неполное время и вовсе не работающих выше, процент работающих полное время ниже», так как здесь выпрядаются более грубые номера, чем в Манчестере (стр. 16).

1862 год. Октябрь.

«По последним сведениям официальной статистики, в Соединенном королевстве в 1861 г. было всего 2 887 хлопчатобумажных фабрик: из

них 2 109 в моем округе» (Ланкашир и Чешир). «Я, конечно, знал, что очень значительная часть этих 2 109 фабрик моего округа — мелкие предприятия с небольшим количеством рабочих. Я был, однако, удивлен, когда узнал, насколько велико это число. На 392 фабриках, составляющих 19% общего их числа, двигательная сила — паровая или водяная — меньше 10 лошадиных сил; на 345, или 16%, — от 10 до 20 лошадиных сил; на 1 372 — 20 лошадиных сил и выше... Очень значительная часть этих мелких фабрикантов — более чем одна треть всего их числа — не так давно сами были рабочими; это люди, не располагающие капиталами... Центр тяжести падает, следовательно, на остальные $^{2}/_{3}$» («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 18, 19).

По данным того же отчета, в хлопчатобумажной промышленности Ланкашира и Чешира в то время работало полное время 40 146 рабочих, или 11,3%; неполное время — 134 767, или 38%; не имело работы 179 721, или 50,7%. Если вычесть отсюда цифры, относящиеся к Манчестеру и Болтону, где выпрядались главным образом тонкие номера, — отрасль, сравнительно мало пострадавшая от недостатка хлопка, — то положение дел представится в еще более неблагоприятном виде, а именно: занятых полное время 8,5%, неполное время 38%, безработных 53, 5% (стр. 19, 20).

«Для рабочего представляет существенную разницу, перерабатывает ли он хороший или плохой хлопок. В первые месяцы года, когда все фабриканты старались держать свои фабрики в ходу, применяя всякий хлопок, какой только можно было купить по дешевым ценам, много плохого хлопка попало на фабрики, где раньше употреблялся обыкновенно хороший; разница в заработной плате рабочих оказалась настолько велика, что произошло много стачек, так как рабочие при старой поштучной плате не могли теперь добиться сносного ежедневного заработка... В некоторых случаях разница вследствие применения плохого хлопка достигала половины всего заработка даже при полном рабочем времени» (стр. 27).

1863 год. Апрель.

«В течение этого года может работать полное время лишь немного больше половины всех рабочих хлопчатобумажной промышленности» («Reports of Insp. of Fact., April 1863», p. 14).

«Употребление ост-индского хлопка, который вынуждены применять теперь фабрики, имеет ту весьма серьезную отрицательную сторону, что скорость машин в процессе производства приходится сильно замедлять. В течение последних лет были пущены в ход все средства, чтобы увеличить эту скорость и таким образом заставить те же самые машины производить больше работы. Уменьшение скорости машин затрагивает интересы как рабочего, так и фабриканта, потому что большинство рабочих получает поштучную плату: прядильщик получает за фунт выпряденной пряжи, ткач — за кусок изготовленной им ткани; но даже у рабочих, оплачиваемых понедельно, заработная плата должна понизиться вследствие сокращения производства. По моим сведениям и доставленным мне данным относительно заработка рабочих хлопчатобумажной промышленности в течение этого года получается понижение заработной платы в среднем на 20%, в некоторых случаях на 50% по сравнению с ее величиной в 1861 году» (стр. 13). — «Сумма заработка зависит от... того, какого

качества перерабатываемый материал... Положение рабочих в том, что касается их заработной платы, в настоящий момент» (октябрь 1863 г.) «гораздо лучше, чем в то же время в прошлом году. Машины усовершенствованы, лучше освоено сырье, и рабочие легче справляются с теми трудностями, с которыми им приходилось иметь дело вначале. Прошлой весной я был в Престоне в одной швейной школе» (благотворительное учреждение для безработных); «две юные девушки, посланные незадолго перед тем в ткацкую мастерскую, где, по уверениям фабриканта, они могли бы заработать 4 шилл. в неделю, просили об обратном приеме в школу и жаловались, что они не в состоянии заработать и 1 шилл. в неделю. У меня были сведения относительно мюльщиков при сельфакторах... Мужчины, управляющие парой сельфакторов, зарабатывали за 14 дней полного рабочего времени 8 шилл. 11 пенсов, из этой суммы вычиталась квартирная плата, половину которой фабрикант» (о, великодушие!), «возвращал им в виде подарка. Рабочие приносили домой по 6 шилл. 11 пенсов. Во многих местах за последние месяцы 1862 г. мюльщики при сельфакторах зарабатывали 5—9 шилл. в неделю, ткачи — 2—6 шилл. в неделю... В настоящее время положение дел гораздо лучше, хотя заработок в большинстве округов все еще очень низкий... Наряду с коротким волокном индийского хлопка и его загрязненностью различные другие причины способствовали уменьшению заработка. Так, например, теперь вошло в обыкновение обильно подмешивать к индийскому хлопку хлопковые угары, и это, конечно, еще более увеличивает трудности прядения. При коротком волокне нити легко обрываются при выходе мюлей и наматывании пряжи, причем невозможно с такой регулярностью поддерживать мюль в ходу... Равным образом вследствие того, что нитям приходится уделять очень много внимания, одна ткачиха зачастую способна следить только за одним станком, и лишь очень немногие могут следить более чем за двумя станками... Во многих случаях заработная плата рабочих понизилась на 5%, $7^1/_2$% и 10%... в большинстве случаев рабочему предоставляется самому решить, как справиться с сырьем и достигнуть обычного размера заработка... Другое затруднение, с которым порою приходится сталкиваться ткачу, состоит в том, что его заставляют делать хорошую ткань из плохого материала и наказывают вычетами из заработной платы, если работа не дает желаемых результатов» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 41—43).

Заработная плата была ничтожной даже там, где работали полное время. Рабочие хлопчатобумажной промышленности охотно брались за всякие общественные работы, куда только их принимали: дренаж, проведение дорог, дробление камней, мощение улиц, чтобы получать от местных властей пособие (которое было на деле пособием для фабрикантов, см. «Капитал», кн. I, стр. 536 и сл.[49]). Вся буржуазия зорко следила за рабочими. Если рабочему предлагался мизернейший заработок и тот отказывался от него, то комитет вспомоществования немедленно вычеркивал рабочего из списка лиц, получающих пособие. Это было золотое время для господ фабрикантов, так как рабочим приходилось или умирать с голоду, или работать за всякую плату на самых выгодных для капиталистов условиях, причем комитеты вспомоществования действовали как верные сторожевые псы последних. В то же время фабриканты

в тайном союзе с правительством препятствовали насколько возможно эмиграции частью для того, чтобы иметь наготове капитал, воплощенный в теле и крови рабочих, частью для того, чтобы обеспечить себе выжимаемую из рабочих квартирную плату...

«Комитеты вспомоществования поступали в этом случае с величайшей строгостью. Раз предлагалась работа, рабочие, которым она предлагалась, тотчас вычеркивались из списков и принуждались таким образом принимать ее. Если рабочие уклонялись от предлагаемой работы... то по той причине, что заработок их был бы только номинальным, а труд чрезвычайно тяжелым» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 97).

Рабочие готовы были взять всякую работу, которая предназначалась для них, согласно акту об общественных работах.

«Условия организации промышленных работ были далеко не одинаковы в различных городах. Но даже в тех местах, где труд под открытым небом не был исключительно пробной работой (labour test), труд этот оплачивался или в размерах обычного регулярного пособия, или лишь немного выше и таким образом фактически носил характер трудового испытания» (стр. 69). «Акт об общественных работах 1863 г. должен был помочь этой беде и дать рабочему возможность добывать свой дневной заработок в качестве независимого поденщика. Цель этого акта была троякая: 1) уполномочить местные власти заимствовать деньги у комиссаров, ведавших государственными займами» (с согласия президента Центрального государственного ведомства попечительства о бедных); «2) способствовать благоустройству городов в хлопчатобумажных округах; 3) доставить безработным работу и достаточное вознаграждение (remunerative wages)». До конца октября 1863 г. было предоставлено займов, согласно этому акту, на сумму до 883 700 ф. ст. (стр. 70).

Предпринятые работы состояли главным образом в устройстве канализации, проведении дорог, мощении улиц, возведении запруд для водяных двигателей и т. п.

Г-н Хендерсон, президент блэкбернского комитета, пишет по этому поводу фабричному инспектору Редгрейву:

«Из всего, что мне пришлось наблюдать в течение переживаемого нами периода страданий и нищеты, ничто в такой степени не поражало и не радовало меня, как та бодрая готовность, с которой безработные этого округа берутся за работы, предлагаемые им городским советом Блэкберна на основании акта об общественных работах. Трудно представить себе контраст более резкий, чем тот, который существует между прядильщиком, работавшим прежде в качестве квалифицированного рабочего на фабрике, и тем же прядильщиком, работающим теперь в качестве поденщика в спускном канале на глубине 14 или 18 футов».

(Рабочие получали при этом в зависимости от размера семьи от 4 до 12 шилл. в неделю; именно на эту «гигантскую сумму» нередко содержалась семья в 8 человек. Господа обыватели получали здесь двойную выгоду: во-первых, на улучшение своих прокопченных и запущенных городов они получали

деньги из исключительно низких процентов; во-вторых, они платили рабочим гораздо меньше обычной заработной платы.)

«Рабочий, привыкший к почти тропической жаре, к труду, при котором искусство и точность манипуляции были для него бесконечно важнее мускульной силы, привыкший к двойной, иногда тройной плате по сравнению с тем, что он может получить в настоящее время, — такой рабочий, соглашаясь на предлагаемые условия, обнаруживает самоотверженность и благоразумие, делающие ему величайшую честь. В Блэкберне безработные были испробованы чуть ли не на всех возможных работах, ведущихся под открытым небом: они копали вязкую, тяжелую глинистую землю на значительной глубине, производили осушительные работы, дробили камни, прокладывали дороги, копали уличные каналы глубиной 14, 16 и порой 20 футов. Зачастую им приходилось при этом стоять на 10—12 дюймов в грязи и воде и подвергаться действию климата, с которым по сырости и холоду едва ли может сравниться климат какого-либо другого округа Англии, если вообще такой климат где-нибудь встречается» (стр. 91, 92). — «Рабочие держали себя почти безукоризненно; они были готовы брать на себя работу под открытым небом и мужественно выполнять ее...» (стр. 69).

1864 год. Апрель.

«Время от времени в различных округах раздаются жалобы на недостаток рабочих, главным образом в таких отраслях, как, например, ткацкое дело... Но эти жалобы являются результатом как низкого уровня заработной платы, которую в состоянии заработать теперь рабочие вследствие употребления плохих сортов пряжи, так и некоторого действительного недостатка рабочих в этой специальной отрасли. В прошлом месяце происходили многочисленные столкновения между хозяевами отдельных фабрик и их рабочими из-за заработной платы. Я сожалею, что стачки стали происходить слишком часто... Влияние акта об общественных работах фабриканты рассматривают как конкуренцию; и местный комитет в Бейкепе приостановил свою деятельность, так как хотя еще не все фабрики в ходу, тем не менее обнаружилась нехватка рабочих» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», p. 9).

Во всяком случае, господам фабрикантам пора было задуматься. Благодаря акту об общественных работах спрос на их рабочую силу настолько возрос, что в каменоломнях Бейкепа некоторые фабричные рабочие зарабатывали 4—5 шилл. в день. И потому мало-помалу были приостановлены общественные работы — это новое издание национальных мастерских 1848 г.[50], устроенных, однако, на этот раз в интересах буржуазии.

Эксперименты in corpore vili *

«Хотя я привел здесь сильно пониженную заработную плату» (рабочих, занятых полное время), «составляющую действительный заработок рабочих на различных фабриках, но отсюда еще отнюдь не следует, что рабочие из недели в неделю зарабатывают одну и ту же сумму. Здесь имеют место

* — на ничего не стоящем живом теле. *Ред.*

сильные колебания вследствие того, что фабриканты на одних и тех же фабриках производят постоянные эксперименты с различными сортами хлопка и с различными комбинациями хлопка и угаров; эти «смеси», как их называют, часто меняются, и заработок рабочего повышается или падает в зависимости от качества хлопковой смеси. В некоторых случаях заработок составляет лишь 15% прежней величины и за какие-нибудь одну-две недели падает на 50% или 60%».

Инспектор Редгрейв, которого мы здесь цитируем, приводит взятые из практики данные о заработной плате, из которых здесь будет достаточно привести следующие примеры:

A, ткач, семья из 6 лиц, занят 4 дня в неделю, зарабатывает 6 шилл. $8^1/_2$ пенса; *B*, присучальщик, занят $4^1/_2$ дня в неделю, зарабатывает 6 шиллингов; *C*, ткач, семья из 4 лиц, занят 5 дней в неделю, зарабатывает 5 шилл. 1 пенс; *D*, тростильщик, семья из 6 лиц, занят 4 дня в неделю, зарабатывает 7 шилл. 10 пенсов; *E*, ткач, семья из 7 лиц, занят 3 дня в неделю, зарабатывает 5 шилл. и т. д. Редгрейв продолжает:

«Эти данные заслуживают внимания, так как они показывают, что для некоторых семей работа была бы несчастьем, потому что она не просто уменьшает доход, но понижает его настолько, что его совершенно недостаточно было бы для удовлетворения ничтожной части абсолютно необходимых потребностей, если бы не выдавалось добавочного вспомоществования в тех случаях, когда заработок семьи не достигает той суммы, которую она получала бы в качестве вспомоществования, если бы вовсе не имела работы» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 50—53).

«Начиная с 5 июня 1863 г., все рабочие были заняты в среднем не более двух дней в неделю, по 7 часов с несколькими минутами» (там же, стр. 121).

С начала кризиса до 25 марта 1863 г. было выдано почти три миллиона фунтов стерлингов ведомствами попечительства о бедных, центральным комитетом вспомоществования и лондонским муниципальным комитетом (там же, стр. 13).

«В одном округе, где выпрядаются наиболее тонкие номера пряжи... прядильщики подверглись косвенному понижению заработной платы на 15% вследствие перехода от сорта сиайленд к египетскому хлопку... В одном обширном округе, где хлопковые угары массами применяются для смешивания с индийским хлопком, заработная плата понизилась на 5% и, кроме того, они потеряли еще 20—30% вследствие переработки сурата и угаров. Ткачи, управлявшие прежде четырьмя станками, теперь работают на двух. В 1860 г. на каждом станке они вырабатывали 5 шилл. 7 пенсов, в 1863 г. только 3 шилл. 4 пенса... Денежные штрафы, которые раньше при употреблении американского хлопка колебались от 3 до 6 пенсов (для прядильщика), достигают теперь 1 шилл. — 3 шилл. 6 пенсов».

В одном округе, где египетский хлопок применялся в смеси с ост-индским,

«средняя заработная плата прядильщика на мюле была в 1860 г. 18—25 шилл., а теперь от 10 до 18 шиллингов. Причина этого заключается не только в ухудшении хлопка, но также в уменьшении скорости движе-

ния мюля с целью производства более тугой пряжи, за что в обычное время уплачивается, согласно условиям найма, добавочное вознаграждение» (стр. 43, 44). «Хотя переработка ост-индского хлопка, быть может, и принесла в том или ином случае выгоду фабрикантам, но мы видим зато (см. расценочный лист, стр. 53), что̀ должны были вытерпеть вследствие этого рабочие по сравнению с 1861 годом. Если упрочится применение сурата, то рабочие потребуют такого же заработка, как в 1861 году; но это серьезно скажется на прибыли фабрикантов, поскольку не будет компенсации изменением цены хлопка или готовых изделий» (стр. 105).

Квартирная плата.

«Квартирная плата, уплачиваемая рабочими в тех случаях, когда рабочие живут в коттеджах, принадлежащих фабриканту, часто вычитается последним из заработной платы, хотя бы работы и производились неполное время. Тем не менее стоимость этого рода строений упала, и домики сдаются теперь на 25—50% дешевле, чем раньше; коттедж, который стоил 3 шилл. 6 пенсов в неделю, можно снять теперь за 2 шилл. 4 пенса, а порой и еще дешевле» (стр. 57).

Эмиграция. Фабриканты были, конечно, против эмиграции рабочих, так как, с одной стороны,

«в ожидании лучших времен для хлопчатобумажной промышленности они стремились удержать у себя под рукой средства вести свои фабрики наиболее выгодным способом». Кроме того, «многие фабриканты — собственники домов, в которых живут занятые ими рабочие, и по крайней мере некоторые из них безусловно рассчитывают получить впоследствии хоть часть той наемной платы за квартиры, которую задолжали им рабочие» (стр. 96).

Г-н Бернал Осборн, депутат парламента, в одной из речей перед своими избирателями 22 октября 1864 г. говорил, что рабочие Ланкашира вели себя, как античные философы (стоики). А не как овцы ли?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДОБАВЛЕНИЯ

Допустим, как это мы вообще делаем в настоящем отделе, что масса прибыли, присваиваемая в каждой отдельной сфере производства, равна сумме прибавочной стоимости, производимой всем капиталом, вложенным в эту сферу. Даже и в этом случае буржуа не будет рассматривать прибыль как нечто тождественное прибавочной стоимости, т. е. неоплаченному прибавочному труду, и не будет по следующим причинам:

1) В процессе обращения он забывает процесс производства. Реализация стоимости товаров, — включающая и реализацию заключающейся в них прибавочной стоимости, — ему представляется созиданием прибавочной стоимости. {Здесь в рукописи пропуск, указывающий на то, что Маркс намеревался более подробно развить этот пункт. — *Ф. Э.*}

2) Если предположить, что степень эксплуатации труда остается неизменной, то, как мы уже видели, независимо от всех модификаций, вызываемых кредитной системой, независимо от взаимного обмана и взаимного надувательства капиталистов и усилий каждого выиграть за счет другого, независимо, далее, от всякого удачного выбора рынка норма прибыли может быть весьма различной в зависимости от большей или меньшей дешевизны сырья, от большего или меньшего умения его закупить; в зависимости от того, насколько производительны, целесообразны и дешевы применяемые машины; в зависимости от того, более или менее совершенна общая организация различных ступеней производственного процесса, насколько устранено расточительство сырья, насколько просто и целесообразно организовано управление и надзор и т. п. Короче говоря, если дана прибавочная стоимость для определенного переменного капитала, то одна и та же прибавочная стоимость может выражаться в более высокой и более низкой норме прибыли, следовательно, может доставлять бо̀льшую или меньшую массу

прибыли в зависимости от индивидуальных деловых способностей самого капиталиста или его надсмотрщиков и приказчиков. Пусть одна и та же прибавочная стоимость в 1 000 ф. ст., продукт 1 000 ф. ст. заработной платы, в предприятии *A* приходится на 9 000 ф. ст., а в другом предприятии *B* на 11 000 ф. ст. постоянного капитала. В случае *A* мы имеем $p' = \frac{1\,000}{10\,000} = 10\%$. В случае *B* мы имеем $p' = \frac{1\,000}{12\,000} = 8^1/_3\%$. Весь капитал производит в *A* относительно больше прибыли, чем в *B*, так как там норма прибыли выше, чем здесь, хотя в обоих случаях авансированный переменный капитал = 1 000 и извлеченная из него прибавочная стоимость также = 1 000, следовательно, в обоих случаях имеет место одинаковая эксплуатация одинакового числа рабочих. Это различное выражение одной и той же массы прибавочной стоимости, или различие норм прибыли, а следовательно, и величины самой прибыли при одинаковой эксплуатации труда, может происходить и из других источников; но оно может также вытекать всецело и исключительно из различия в той умелости, с какой ведутся оба предприятия. И это обстоятельство создает у капиталиста иллюзию, убеждение в том, что его прибыль обязана своим существованием не эксплуатации труда, но по крайней мере отчасти и другим, не зависимым от этого обстоятельствам, в особенности его индивидуальной деятельности.

Из всего изложенного в этом первом отделе видна ошибочность того взгляда (Родбертус [51]), согласно которому (в отличие от земельной ренты, где, например, площадь земли остается неизменной, в то время как рента растет) изменение величины капитала не оказывает влияния на отношение между прибылью и капиталом, а следовательно, и на норму прибыли, так как в том случае, когда растет масса прибыли, растет и масса капитала, на которую она исчисляется, и наоборот.

Это справедливо только в двух случаях. Во-первых, тогда, когда при неизменности всех прочих условий, а следовательно, прежде всего нормы прибавочной стоимости, наступает изменение стоимости товара, являющегося денежным товаром. (То же самое имеет место при исключительно номинальном изменении стоимости, повышении или падении знаков стоимости при прочих равных условиях.) Пусть весь капитал равен 100 ф. ст., прибыль = 20 ф. ст., следовательно норма прибыли = 20%. Если стоимость золота понижается или повышается вдвое, то в первом случае тот же самый капитал, который

раньше стоил 100 ф. ст., теперь стоит 200 ф. ст., и прибыль будет иметь стоимость 40 ф. ст., т. е. будет выражаться в этой сумме денег вместо прежних 20 фунтов стерлингов. Во втором случае стоимость капитала падает до 50 ф. ст., и прибыль выражается в продукте стоимостью в 10 фунтов стерлингов. Но в обоих случаях 40 : 200 = 10 : 50 = 20 : 100 = 20%. В действительности, однако, во всех этих случаях изменилась бы не величина капитальной стоимости, а произошло бы только изменение в денежном выражении одной и той же стоимости и одной и той же прибавочной стоимости. Следовательно, это не могло бы повлиять и на отношение $\frac{m}{K}$, или на норму прибыли.

Другой случай — тот, когда имеет место действительное изменение величины стоимости, но это изменение не сопровождается изменением отношения $v : c$, т. е. когда при постоянной норме прибавочной стоимости отношение капитала, затраченного на рабочую силу (причем переменный капитал рассматривается как показатель приведенной в движение рабочей силы), к капиталу, затраченному на средства производства, остается прежнее. При этих условиях, если мы имеем K, или nK, или $\frac{K}{n}$, например, 1 000, или 2 000, или 500, прибыль при норме прибыли в 20% будет в первом случае = 200, во втором = 400, в третьем = 100, но $\frac{200}{1\,000} = \frac{400}{2\,000} = \frac{100}{500} = 20\%$. Другими словами, норма прибыли остается здесь неизменной, так как строение капитала остается прежним и не затрагивается изменением его величины. Поэтому увеличение или уменьшение массы прибыли является здесь лишь показателем увеличения или уменьшения величины применяемого капитала.

Итак, в первом случае имеет место лишь кажущееся изменение величины применяемого капитала, во втором случае происходит действительное изменение величины, но при неизменном органическом строении капитала, при неизменном отношении его переменной части к постоянной. Но, за исключением обоих этих случаев, изменение величины применяемого капитала является или *следствием* предшествующего изменения стоимости одной из его составных частей — и потому (поскольку изменение переменного капитала не сопровождается изменением самой прибавочной стоимости) следствием изменения относительной величины его составных частей, — или же это изменение величины капитала (как при работах в расширенном масштабе, при введении новых машин и т. п.) есть *причина* изменения относительной величины его обеих органических

составных частей. Поэтому во всех этих случаях при прочих равных условиях изменение величины применяемого капитала должно сопровождаться одновременным изменением нормы прибыли.

Увеличение нормы прибыли всегда происходит вследствие того, что прибавочная стоимость увеличивается относительно или абсолютно по сравнению с издержками ее производства, т. е. с размерами всего авансированного капитала; другими словами, вследствие того, что разница между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости уменьшается.

Колебания нормы прибыли, независимые от изменений органических составных частей капитала или от его абсолютной величины, возможны в том случае, если стоимость авансированного капитала, в какой бы форме — основной или оборотной — он ни являлся, повышается или понижается вследствие независимого от уже существующего капитала увеличения или уменьшения рабочего времени, необходимого для его воспроизводства. Стоимость всякого товара, — а следовательно, и товаров, из которых состоит капитал, — определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нем самом, а рабочим временем, *общественно* необходимым для его воспроизводства. Это воспроизводство может происходить при улучшающихся или ухудшающихся условиях, при условиях, отличных по сравнению с условиями первоначального производства. Пусть при изменившихся условиях требуется, вообще говоря, вдвое больше или, наоборот, вдвое меньше рабочего времени, чтобы воспроизвести тот же по своему вещественному содержанию капитал; тогда при неизменной стоимости денег капитал, стоивший раньше 100 ф. ст., теперь будет стоить 200 ф. ст. или соответственно 50 фунтов стерлингов. Если бы это повышение стоимости или, наоборот, обесценение затрагивало все части капитала в равной степени, то и прибыль соответственно с этим выразилась бы в двойной или вдвое меньшей сумме денег. Если же оно сопровождается изменением органического строения капитала, повышением или понижением отношения переменной части капитала к постоянной, то при прочих равных условиях норма прибыли будет расти при относительном возрастании, будет падать при относительном уменьшении переменного капитала. Если же повышается или понижается только денежная стоимость (вследствие изменения стоимости денег) авансированного капитала, то в том же отношении повышается или понижается денежное выражение прибавочной стоимости. Норма прибыли остается неизменной.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБЫЛИ В СРЕДНЮЮ ПРИБЫЛЬ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РАЗЛИЧНОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛОВ В РАЗНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОИЗВОДСТВА И ВЫТЕКАЮЩИЕ ОТСЮДА РАЗЛИЧИЯ В НОРМАХ ПРИБЫЛИ

В предыдущем отделе было, между прочим, показано, каким образом норма прибыли может изменяться — повышаться или понижаться — при неизменной норме прибавочной стоимости. В этой главе предполагается, что степень эксплуатации труда, а следовательно, норма прибавочной стоимости и длина рабочего дня, имеет одинаковую величину, стоит на одинаковом уровне во всех сферах производства, на которые распадается общественный труд данной страны. Что касается значительных различий в эксплуатации труда в разных сферах производства, то уже А. Смит обстоятельно показал [52], что они выравниваются в силу всякого рода действительных или основанных на предрассудке компенсирующих условий, и, следовательно, различия эти, как только кажущиеся и преходящие, не должны приниматься в расчет при исследовании общих отношений. Другие различия, например, в уровне заработной платы, покоятся главным образом на указанном уже в начале «Капитала», кн. I, стр. 11 [53] различии между простым и сложным трудом, причем, хотя они и делают участь рабочих в различных сферах производства далеко не одинаковой, однако нисколько не затрагивают степени эксплуатации труда в этих различных сферах. Если, например, труд золотых дел мастера оплачивается выше, чем труд поденщика, то прибавочный труд золотых дел мастера производит по сравнению с прибавочным трудом поденщика пропорционально больше прибавочной стоимости. И если выравнивание заработной платы и продолжительности рабочего дня, а следовательно и нормы прибавочной стоимости в различных сферах производства и даже между

различными капиталистическими предприятиями в одной и той же сфере производства, задерживается многочисленными обстоятельствами местного значения, то с прогрессом капиталистического производства и по мере подчинения этому способу производства всех экономических отношений это выравнивание осуществляется все более и более полно. Как ни важно изучение подобного рода осложняющих моментов для каждой специальной работы о заработной плате, в общем исследовании капиталистического производства ими можно пренебречь как случайными и несущественными. В таком общем исследовании вообще всегда предполагается, что действительные отношения соответствуют своему понятию или, что̀ то же самое, что действительные отношения изображаются лишь постольку, поскольку они выражают свой собственный общий тип.

Различия норм прибавочной стоимости в различных странах, т. е. национальные различия в степени эксплуатации труда, для настоящего исследования не имеют значения. Ведь в этом отделе мы как раз хотим показать, каким путем образуется известная общая норма прибыли в пределах каждой отдельной страны. В самом деле, очевидно, что при сравнении различных национальных норм прибыли придется только сопоставить то, что̀ было исследовано нами раньше, с тем, что̀ предстоит исследовать теперь. Сначала пришлось бы рассмотреть различие национальных норм прибавочной стоимости, а затем на основе этих данных норм прибавочной стоимости сравнить различные национальные нормы прибыли. Поскольку различие их не вытекает из различия национальных норм прибавочной стоимости, оно, очевидно, вытекает из условий, при которых, как и в нашем исследовании в настоящей главе, прибавочная стоимость предполагается везде одинаковой, постоянной.

В предыдущей главе было показано, что при неизменной норме прибавочной стоимости норма прибыли, доставляемая определенным капиталом, может повышаться или понижаться в зависимости от обстоятельств, которые повышают или понижают стоимость той или другой части постоянного капитала и, следовательно, вообще влияют на отношение между постоянной и переменной составными частями капитала. Далее было отмечено, что обстоятельства, удлиняющие или сокращающие время оборота капитала, могут оказывать аналогичное влияние на норму прибыли. Так как масса прибыли тождественна с массой прибавочной стоимости, с самой прибавочной стоимостью, то оказалось, что *масса* прибыли — в отличие от *нормы* прибыли — не затрагивается вышеупомянутыми колебаниями

стоимости. Они модифицируют только норму, в которой выражается данная прибавочная стоимость, а следовательно и прибыль данной величины, т. е. модифицируют лишь относительную величину прибыли, ее величину по сравнению с величиной авансированного капитала. Правда, поскольку вследствие этих колебаний стоимости происходит связывание или высвобождение капитала, таким косвенным путем может подвергнуться влиянию не только норма прибыли, но и сама прибыль. Однако это касается лишь капитала, уже функционирующего, а не новых вложений капитала; и, кроме того, увеличение или уменьшение самой прибыли всегда зависит от того, насколько больше или меньше труда вследствие указанных колебаний стоимости может быть приведено в движение тем же самым капиталом; другими словами, от того, насколько бо̀льшую или меньшую массу прибавочной стоимости — при неизменной норме прибавочной стоимости — может произвести один и тот же капитал. Таким образом это кажущееся исключение в действительности отнюдь не противоречит общему закону, не является исключением из него, а, напротив, представляет собой лишь особый случай применения общего закона.

В предыдущем отделе мы видели, что при неизменной степени эксплуатации труда изменение стоимости составных частей постоянного капитала, а также изменение времени оборота капитала изменяют норму прибыли. Отсюда само собой вытекает, что нормы прибыли в различных, одновременно существующих одна возле другой, сферах производства будут различны, если капиталы, применяемые в различных отраслях производства, имеют при прочих равных условиях различное время оборота или различные по стоимости отношения между своими органическими составными частями. То, что раньше мы рассматривали как изменения, которые совершаются с одним и тем же капиталом последовательно во времени, теперь мы рассматриваем как одновременно существующие различия между капиталистическими предприятиями, действующими одно рядом с другим в различных сферах производства.

Нам предстоит при этом исследовать: 1) различие в *органическом строении* капиталов, 2) различие во времени их оборота.

Само собой понятно, что если мы в этом исследовании говорим о строении или времени оборота капитала в определенной отрасли производства, мы всегда имеем в виду средние, нормальные отношения капитала, вложенного в данную отрасль производства; вообще речь здесь идет о средних отношениях для всего капитала данной сферы производства, а не о случай-

ных различиях между отдельными капиталами, вложенными в эту сферу.

Так как, далее, предполагается, что норма прибавочной стоимости и рабочий день остаются неизменными, а это предположение включает в себя также неизменность заработной платы, то при этих условиях определенное количество переменного капитала выражает определенное количество приведенной в движение рабочей силы, а, следовательно, определенное количество овеществленного труда. Итак, если 100 ф. ст. выражают недельную заработную плату 100 рабочих, т. е. на деле 100 рабочих сил, то 100 ф. ст. $\times$ n выражают заработную плату 100 $\times$ n рабочих, а $\frac{100 \text{ ф. ст.}}{n}$ заработную плату $\frac{100}{n}$ рабочих. Таким образом переменный капитал служит здесь (как и всегда при данной величине заработной платы) показателем массы труда, приводимого в движение всем капиталом определенной величины; следовательно, различия в величине применяемого переменного капитала служат показателями различия в массе применяемой рабочей силы. Если 100 ф. ст. представляют 100 рабочих в течение недели и, следовательно, при 60 часах недельного труда 6 000 рабочих часов, то 200 ф. ст. соответствуют 12 000, а 50 ф. ст. лишь 3 000 рабочих часов.

Под строением капитала мы понимаем, как уже указано в «Капитале» кн. I, отношение между его активной и пассивной составными частями, между переменным и постоянным капиталом. При этом нашему рассмотрению подлежат два отношения, имеющие неодинаковое значение, хотя при известных обстоятельствах могущие оказывать одинаковое действие.

Первое отношение покоится на техническом базисе и на известной ступени развития производительных сил может рассматриваться как данное. Требуется определенная масса рабочей силы, представленная определенным числом рабочих, чтобы произвести определенную массу продукта, например, в течение одного дня, и, следовательно, — что уже при этом само собой разумеется, — привести в движение, потребить производительно определенную массу средств производства, машин, сырья и т. д. Определенное число рабочих приходится на определенное количество средств производства, следовательно, определенное количество живого труда приходится на определенное количество труда, уже овеществленного в средствах производства. Отношение это очень различно в различных отраслях производства, часто даже в различных подразделениях одной и той же отрасли промышленности, хотя, с другой стороны, в очень отдаленных друг от друга отраслях промышленности

оно случайно может быть совершенно или почти одинаковым.

Это отношение образует техническое строение капитала и является действительной основой его органического строения.

Возможен, однако, и такой случай: указанное отношение одинаково в различных отраслях промышленности, поскольку переменный капитал является простым показателем рабочей силы, а постоянный капитал — простым показателем массы средств производства, приводимых в движение этой рабочей силой. Например, известные работы с применением меди и железа могут требовать одинакового отношения между рабочей силой и массой средств производства. Но так как медь дороже железа, то отношение между стоимостью переменного и постоянного капитала в обоих случаях будет различно, а вместе с тем будет различно и стоимостное строение совокупных капиталов на обоих предприятиях. Разница между техническим строением и стоимостным строением обнаруживается в каждой отрасли промышленности в том, что при неизменном техническом строении отношение стоимости обеих частей капитала может изменяться, и, наоборот, при изменении технического строения отношение стоимости их может оставаться неизменным; последнее имеет место, конечно, лишь в том случае, если изменение в отношении между массой применяемых средств производства и рабочей силой уравновешивается противоположным изменением их стоимостей.

Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменение технического строения, мы называем *органическим* строением капитала [20)].

Итак, по отношению к переменному капиталу мы предполагаем, что он является показателем определенного количества рабочей силы, определенного числа рабочих или определенной массы приводимого в движение живого труда. В предыдущем отделе мы видели, что при некоторых условиях изменение величины стоимости переменного капитала может выражать только увеличение или уменьшение цены той же самой массы труда; но здесь, где норма прибавочной стоимости и рабочий день рассматриваются как величины постоянные, а заработная плата за определенное рабочее время — как величина данная, этот случай отпадает. Напротив, разница в величине постоян-

---

20) Вышеизложенное вкратце было уже развито в третьем издании «Капитала», кн. I, стр. 628, в начале гл. XXIII [см. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 626]. Так как в первых двух изданиях этого места нет, повторение его здесь имело тем больше оснований. — *Ф. Э.*

ного капитала, правда, тоже может быть показателем изменения массы средств производства, приводимых в движение определенным количеством рабочей силы; но она может также вытекать из различия в стоимости средств производства, приводимых в движение в одной из сфер производства, по сравнению с другими сферами производства. Таким образом, обе точки зрения подлежат здесь нашему рассмотрению.

Необходимо, наконец, отметить следующее существенное обстоятельство:

Пусть 100 ф. ст. представляют собой недельную заработную плату 100 рабочих. Пусть недельное рабочее время = 60 часам. Пусть, далее, норма прибавочной стоимости = 100%. В этом случае рабочие 30 часов из 60 работают на себя и 30 даром на капиталиста. В 100 ф. ст. заработной платы в действительности воплощено только 30 рабочих часов каждого из 100 рабочих, или всего 3 000 рабочих часов, в то время как остальные 3 000 часов, проводимых ими на работе, воплощены в 100 ф. ст. прибавочной стоимости, соответственно и прибыли, которую забирает себе капиталист. Таким образом, хотя заработная плата в 100 ф. ст. и не выражает той стоимости, в которой овеществляется недельный труд 100 рабочих, но все же она показывает (так как продолжительность рабочего дня и норма прибавочной стоимости даны), что данный капитал приводит в движение 100 рабочих в течение в общей сложности 6 000 рабочих часов. Капитал в 100 ф. ст. показывает это, так как, во-первых, он показывает число приведенных в движение рабочих, потому что 1 ф. ст. = 1 рабочему в неделю, следовательно 100 ф. ст. = 100 рабочим; так как, во-вторых, каждый приводимый в движение рабочий при данной норме прибавочной стоимости в 100% совершает вдвое больше труда, чем заключается в его заработной плате; следовательно, 1 ф. ст., его заработная плата, выражение полунедельного труда, приводит в движение труд в течение целой недели, и равным образом 100 ф. ст., хотя они заключают в себе лишь труд 50 недель, приводят в движение труд в течение 100 рабочих недель. Поэтому необходимо проводить весьма существенное различие между переменным, затраченным на заработную плату капиталом, поскольку его стоимость — сумма заработных плат — представляет определенное количество овеществленного труда, и тем же переменным капиталом, поскольку его стоимость есть простой показатель массы живого труда, приводимой им в движение. Масса живого труда всегда больше, чем количество труда, заключающееся в переменном капитале, и выражается поэтому в стоимости большей, чем стоимость переменного

капитала, в стоимости, которая, с одной стороны, определяется числом рабочих, приводимых в движение переменным капиталом, а с другой стороны, тем количеством прибавочного труда, которое они совершают.

Из этого способа рассмотрения переменного капитала вытекает следующее:

Пусть на капиталистическом предприятии в сфере производства *A* на каждые 700 единиц всего капитала расходуется только 100 единиц на переменный и 600 на постоянный капитал, тогда как в сфере производства *B* — 600 на переменный и 100 на постоянный капитал. Тогда весь капитал *A* в 700 будет приводить в движение рабочую силу, равную всего 100, что, при прежнем нашем предположении дает лишь 100 рабочих недель, или 6 000 часов живого труда; между тем равновеликий совокупный капитал *B* приводит в движение труд в 600 недель, и, следовательно, 36 000 часов живого труда. Поэтому капитал в сфере *A* мог бы присвоить только 50 рабочих недель, или 3 000 часов прибавочного труда, тогда как равновеликий капитал в сфере *B* — 300 рабочих недель, или 18 000 часов. Переменный капитал есть показатель не только труда, заключающегося в нем самом, но при данной норме прибавочной стоимости вместе с тем и показатель приводимого им в движение труда сверх этой меры, избыточного или прибавочного труда. При одинаковой степени эксплуатации труда прибыль в первом случае была бы $= \frac{100}{700} = {}^1/_7 = 14^2/_7\%$, а во втором $= \frac{600}{700} = 85^5/_7\%$, т. е. в шесть раз бо̀льшая норма прибыли. Но в действительности в этом случае сама прибыль была бы в шесть раз больше, 600 для *B* против 100 для *A*, так как в шесть раз больше живого труда приводится в движение таким же самым капиталом, следовательно, при равной степени эксплуатации труда, производится в шесть раз больше прибавочной стоимости, а значит и в шесть раз больше прибыли.

Если бы в сфере *A* применялось не 700, а 7 000 ф. ст., а в сфере *B* только 700 ф. ст. капитала, то при неизменном органическом строении из 7 000 ф. ст. капитала *A* было бы применено в качестве переменного капитала 1 000 ф. ст., т. е. 1 000 рабочих в течение недели = 60 000 часов живого труда, в том числе 30 000 часов прибавочного труда. Но по-прежнему в сфере *A* по сравнению с *B* посредством каждых 700 ф. ст. приводилось бы в движение в шесть раз меньше живого труда и, следовательно, в шесть раз меньше прибавочного труда, а потому и прибыли здесь получилось бы в шесть раз меньше.

Если мы будем рассматривать норму прибыли, то получим для $A\ \frac{1\,000}{7\,000}=\frac{100}{700}=14^2/_7\%$ по сравнению с $\frac{600}{700}$ или $85^5/_7\%$ для капитала *B*. Несмотря на равную величину капиталов, нормы прибыли здесь различны, так как при равной норме прибавочной стоимости различны массы произведенной прибавочной стоимости, а значит и прибыли, вследствие того, что приведены в движение неодинаковые массы живого труда.

Фактически тот же самый результат получается в том случае, если технические условия в одной сфере производства те же самые, что и в другой, но стоимость применяемых элементов постоянного капитала больше или меньше. Допустим, что обе сферы применяют по 100 ф. ст. переменного капитала, следовательно, в обоих случаях требуется 100 рабочих в неделю, чтобы привести в движение одно и то же количество машин и сырья, но последние в *B* дороже, чем в *A*. Тогда на 100 ф. ст. переменного капитала приходится постоянного в сфере *A*, например, 200 ф. ст. и в сфере *B* — 400 фунтов стерлингов. При норме прибавочной стоимости в 100% произведенная прибавочная стоимость в обоих случаях равна 100 ф. ст., следовательно и прибыль в обоих случаях равна 100 фунтам стерлингов. Но в сфере *A* мы имеем $\frac{100}{200_c+100_v}={}^1/_3=33^1/_3\%$, тогда как в сфере *B* $\frac{100}{400_c+100_v}={}^1/_5=20\%$. В самом деле, если мы в обоих случаях возьмем определенные части совокупного капитала, то в сфере *B* из каждых 100 ф. ст. на долю переменного капитала придется только 20 ф. ст., или $^1/_5$, тогда как в *A* из каждых 100 ф. ст. переменный капитал составляет $33^1/_3$ ф. ст., или $^1/_3$. *B* производит на каждые 100 ф. ст. меньше прибыли, так как приводит в движение меньше живого труда, чем *A*. Таким образом, различие в нормах прибыли сводится здесь опять-таки к различию масс прибавочной стоимости, а потому и масс прибыли, производимых на каждые 100 единиц вложенного капитала.

Отличие этого второго примера от предыдущего заключается лишь в следующем: во втором случае выравнивание *A* и *B* потребовало бы только изменения стоимости постоянного капитала в *A* или в *B* при неизменном техническом базисе; напротив, в первом случае в двух сферах производства само техническое строение капитала различно и для выравнивания их должны быть предприняты соответствующие преобразования технического базиса.

Таким образом, различное органическое строение капиталов не зависит от их абсолютной величины. Вопрос состоит всегда лишь в том, сколько из каждых 100 единиц капитала приходится на переменный и сколько на постоянный капитал.

Итак, капиталы различной величины, выраженные в 100 единиц, — или, что здесь сводится к тому же, равновеликие капиталы — производят при равном рабочем дне и равной степени эксплуатации труда весьма различные количества прибыли, так как они производят различные количества прибавочной стоимости; это вызывается именно тем, что вследствие различного органического строения капиталов в различных сферах производства различны их переменные части, следовательно, различны количества приводимого ими в движение живого труда, а потому различны и количества присваиваемого ими прибавочного труда — этой субстанции прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли. Равновеликие части совокупного капитала в различных сферах производства заключают в себе неравные по величине источники прибавочной стоимости, а ведь единственный источник прибавочной стоимости есть живой труд. При равной степени эксплуатации труда масса труда, приводимого в движение, скажем, капиталом = 100, а следовательно и масса присваиваемого им прибавочного труда, зависит от величины его переменной составной части. Если бы капитал, процентное отношение составных частей которого $90_c + 10_v$, при равной степени эксплуатации труда производил столько же прибавочной стоимости, или прибыли, как и капитал, состоящий из $10_c + 90_v$, то было бы совершенно очевидно, что прибавочная стоимость, а следовательно и стоимость вообще, должна была бы иметь своим источником не труд, а что-то совершенно другое, и вместе с тем отпала бы всякая рациональная основа политической экономии. Допустим, как мы это делали раньше, что 1 ф. ст. есть недельная заработная плата одного рабочего за 60 рабочих часов и что норма прибавочной стоимости = 100%. Тогда очевидно, что вся вновь произведенная стоимость, которую один рабочий может доставить в течение недели, = 2 фунтам стерлингов; таким образом при этом условии 10 рабочих не могли бы доставить более 20 фунтов стерлингов; а так как из этих 20 ф. ст. 10 ф. ст. возмещают заработную плату, то 10 рабочих не могут создать прибавочной стоимости большей, чем 10 фунтов стерлингов; между тем 90 рабочих, вся вновь произведенная стоимость которых = 180 ф. ст., а заработная плата = 90 ф. ст., создали бы прибавочную стоимость в 90 фунтов стерлингов. Норма прибыли была бы таким образом в одном

случае 10%, в другом 90%. Если бы дело обстояло иначе, стоимость и прибавочная стоимость должны были бы быть не овеществленным трудом, а чем-то иным. Таким образом, так как в различных сферах производства равновеликие капиталы, выраженные в процентном соотношении своих составных частей, неодинаково разделяются на постоянный и переменный элементы, приводят в движение неодинаковое количество живого труда и, следовательно, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, а потому и прибыли, то норма прибыли, которая как раз и есть процентное отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, у них различна.

Но если в различных сферах производства равновеликие капиталы, выраженные в процентном соотношении своих составных частей, производят неравные прибыли вследствие различий своего органического строения, то отсюда следует, что прибыли неравных капиталов в различных сферах производства не могут быть пропорциональны соответственным величинам этих капиталов, что, следовательно, прибыли в различных сферах производства не пропорциональны соответственным величинам вложенных в них капиталов. Потому что возрастание прибыли pro rata * величине вложенного капитала предполагало бы, что в процентном выражении прибыль оказывается одинаковой, следовательно, что равновеликие капиталы в различных сферах производства имеют одинаковую норму прибыли независимо от их различного органического строения. Только в пределах одной и той же сферы производства, где, следовательно, органическое строение капитала дано, или в различных сферах производства с одинаковым органическим строением капитала, массы прибыли прямо пропорциональны массам вложенного капитала. Что прибыли неравных капиталов пропорциональны их величинам, означает вообще лишь то, что равновеликие капиталы доставляют равновеликие прибыли, или что нормы прибыли для всех капиталов равны, какова бы ни была их величина и их органическое строение.

Все предыдущие рассуждения исходят из предположения, что товары продаются по их стоимостям. Стоимость товара равна стоимости заключающегося в нем постоянного капитала плюс стоимость воспроизведенного в нем переменного капитала плюс приращение этого переменного капитала, т. е. произведенная прибавочная стоимость. При данной норме прибавочной стоимости масса ее, очевидно, зависит от массы переменного капитала. Пусть стоимость продукта, произведенного

* — соответственно. *Ред.*

капиталом 100, в одном случае $= 90_c + 10_v + 10_m = 110$, в другом случае $= 10_c + 90_v + 90_m = 190$. Если товары продаются по их стоимости, то первый продукт продается за 110, из которых 10 представляют прибавочную стоимость, или неоплаченный труд, второй продукт продается за 190, из которых 90 — прибавочная стоимость, или неоплаченный труд.

Этот случай особенно важен, когда сравниваются между собой национальные нормы прибыли. Пусть в какой-либо европейской стране норма прибавочной стоимости = 100%, т. е. рабочий половину дня работает на себя и половину дня на предпринимателя; пусть в какой-либо азиатской стране норма прибавочной стоимости = 25%, т. е. рабочий $^4/_5$ дня работает на себя и $^1/_5$ на предпринимателя. Пусть в европейской стране строение национального капитала будет $84_c + 16_v$, а в азиатской стране, где применяется мало машин и т. п. и в течение данного периода данным количеством рабочей силы производительно потребляется сравнительно мало сырья, строение будет $16_c + 84_v$. Тогда мы получаем следующий расчет:

В европейской стране стоимость продукта $= 84_c + 16_v + 16_m = 116$; норма прибыли $= \frac{16}{100} = 16\%$.

В азиатской стране стоимость продукта $= 16_c + 84_v + 21_m = 121$; норма прибыли $= \frac{21}{100} = 21\%$.

Таким образом норма прибыли в азиатской стране более чем на 25% выше, чем в европейской, хотя норма прибавочной стоимости в ней в четыре раза меньше; Кэри, Бастиа и tutti quanti * сделали бы, конечно, как раз противоположный вывод.

Это между прочим. Различие национальных норм прибыли в большинстве случаев обусловливается различием национальных норм прибавочной стоимости; но мы сравниваем в этой главе неодинаковые нормы прибыли, в основе которых одна и та же норма прибавочной стоимости.

Кроме различного органического строения капиталов, следовательно, кроме различия в массах труда, а значит при прочих равных условиях и прибавочного труда, приводимого в движение равновеликими капиталами в различных сферах производства, существует еще один источник неравенства норм прибыли: различная продолжительность оборота капитала в разных сферах производства. В IV главе мы видели, что при одинаковом строении капиталов и при прочих равных условиях нормы прибыли обратно пропорциональны времени их оборота; мы видели также, что один и тот же переменный капитал, если

* — им подобные. *Ред.*

он оборачивается в различные отрезки времени, создает неравные массы годовой прибавочной стоимости. Итак, различие времени оборота — вот другая причина, вследствие которой в разных сферах производства равные капиталы в равные отрезки времени производят неравную прибыль и вследствие которой нормы прибыли в этих различных сферах различны.

Что касается той пропорции, в которой совокупный капитал распадается на основной и оборотный, то это соотношение само по себе вовсе не затрагивает нормы прибыли. Оно может влиять на норму прибыли лишь в двух случаях: или тогда, когда различие в соотношении между основным и оборотным капиталами совпадает с различием в соотношении между переменной и постоянной частями, следовательно, когда этому различию, а не различию в соотношении оборотной и основной частей обязана своим происхождением разница в норме прибыли; или же тогда, когда различие в соотношении между основной и оборотной составными частями обусловливает различие во времени оборота, в течение которого реализуется определенная прибыль. Если капиталы распадаются в различной пропорции на основной и оборотный, то это обстоятельство, правда, всегда будет оказывать влияние на время их оборота и вызывать различия в последнем; однако отсюда еще не следует, что будет различно время оборота, в течение которого одни и те же капиталы реализуют данную прибыль. Пусть, например, *A* постоянно должен продавать бо́льшую часть продукта для приобретения сырья и т. п., тогда как *B* более продолжительное время применяет одни и те же машины и т. п. при меньшем количестве сырья; во всяком случае у обоих, поскольку они производят, постоянно занята часть капитала; у одного она вложена в сырье, т. е. в оборотный капитал, у другого — в машины и т. д., т. е. в основной капитал. *A* постоянно превращает часть своего капитала из товарной в денежную форму и из этой последней обратно в форму сырья; между тем *B* часть своего капитала более или менее продолжительное время употребляет как орудие труда без такого превращения. Если оба они применяют одинаковое количество труда, то хотя они продадут в течение года массы продуктов неодинаковой стоимости, но обе массы продуктов будут заключать в себе одинаковые количества прибавочной стоимости, и их нормы прибыли, исчисляемые на весь авансированный капитал, одинаковы, хотя в обоих случаях различна та пропорция, в какой каждый из этих капиталов состоит из основной и оборотной частей, так же как различно и время их оборота. Оба капитала реализуют в равное время равные прибыли, хотя оборачиваются они в продолжение

различного времени [21]. Различие во времени оборота само по себе имеет значение лишь постольку, поскольку оно влияет на массу прибавочного труда, которая в течение данного времени может быть присвоена и реализована одним и тем же капиталом. Следовательно, если неодинаковое деление капитала на оборотный и основной не приводит с необходимостью к различию во времени оборота, которое, в свою очередь, обусловливает неравенство норм прибыли, то, очевидно, раз это последнее имеет место, оно обусловливается не самим по себе различным делением капитала на оборотный и основной, а, напротив, тем, что это деление капитала является в данном случае лишь показателем влияющего на норму прибыли различия во времени оборота.

Итак, различное деление постоянного капитала на оборотный и основной в разных отраслях промышленности само по себе не имеет значения для нормы прибыли, так как решающее влияние оказывает отношение переменного капитала к постоянному, причем стоимость постоянного капитала, а следовательно и его относительная величина по сравнению с переменным, не стоит ни в какой зависимости от основного или оборотного характера его составных частей. Совершенно справедливо, однако, — и это зачастую приводит к ложным выводам, — что там, где значительно развит основной капитал, это является выражением только того факта, что производство ведется в крупном масштабе и, следовательно, постоянный капитал сильно преобладает над переменным, другими словами, применяемая к делу живая рабочая сила незначительна по сравнению с массой средств производства, приводимых ею в движение.

Мы показали таким образом следующее: в разных отраслях промышленности господствуют различные нормы прибыли, соответствующие различию в органическом строении капиталов и в известных пределах — различиям времени оборота; поэтому даже при равной норме прибавочной стоимости только

---

[21] {Как следует из главы IV, вышеизложенное справедливо лишь в том случае, если капиталы *A* и *B* имеют различное стоимостное строение и если их переменные составные части, выраженные в процентах, прямо пропорциональны времени их оборота, т. е. обратно пропорциональны количеству оборотов за данное время. Пусть процентное строение капитала $A = 20_c$ основного $+ 70_c$ оборотного, следовательно, $90_c + 10_v = 100$. При норме прибавочной стоимости в 100% эти 10_v в течение одного оборота производят 10_m. Норма прибыли для одного оборота = 10%. Пусть, с другой стороны, капитал $B = 60_c$ основного $+ 20_c$ оборотного, следовательно, $80_c + 20_v = 100$. Эти 20_v при той же норме прибавочной стоимости произведут в течение одного оборота 20_m; норма прибыли для одного оборота равна 20%, т. е. вдвое больше по сравнению с *A*. Но если *A* оборачивается два раза в год, а *B* лишь один раз, то за год мы получаем для *A* также $10 \times 2 = 20_m$; таким образом годовая норма прибыли оказывается в обоих случаях одинаковой, а именно 20%. — *Ф. Э.*}

по отношению к капиталам одинакового органического строения, — если предположить равное время оборота, — сохраняет силу закон (в общей тенденции), согласно которому прибыли относятся между собой, как величины капиталов и, следовательно, равновеликие капиталы в равные промежутки времени дают равновеликие прибыли. Развитые нами соображения покоятся на той основе, которая до сих пор была основой всего нашего исследования, — что товары продаются по их стоимостям. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что в действительности, если оставить в стороне несущественные случайные и взаимно уничтожающиеся различия, в разных отраслях промышленности не существует различия между средними нормами прибыли, да и не может существовать его без разрушения всей системы капиталистического производства. Таким образом кажется, будто теория стоимости не согласуется с действительным движением, не согласуется с действительными явлениями производства, и что поэтому приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние.

Из первого отдела настоящей книги следует, что издержки производства одинаковы для продуктов различных сфер производства, если на производство этих продуктов авансированы равновеликие капиталы, как бы ни было различно органическое строение этих капиталов. В издержках производства для капиталиста исчезает различие между переменным и постоянным капиталом. Для него товар, на производство которого он должен затратить 100 ф. ст., сто̀ит одинаково дорого, должен ли он затратить $90_c + 10_v$ или $10_c + 90_v$. Товар во всяком случае обходится ему в 100 ф. ст., не больше и не меньше. Издержки производства в различных сферах производства при равновеликих затратах капитала одни и те же, как бы ни были различны между собой произведенные стоимости и прибавочные стоимости. Это равенство издержек производства образует базис капиталистической конкуренции, посредством которой устанавливается средняя прибыль.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ (СРЕДНЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ) И ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ ТОВАРОВ В ЦЕНУ ПРОИЗВОДСТВА

Органическое строение капитала зависит в каждый данный момент от двух обстоятельств: во-первых, от технического отношения между применяемой рабочей силой и массой применяемых средств производства; во-вторых, от цены этих средств производства. Его следует рассматривать, как мы видели, в процентном отношении. Органическое строение капитала, состоящего на $^4/_5$ из постоянного и на $^1/_5$ из переменного капитала, мы выражаем формулой $80_c + 20_v$. Далее, при сравнении предполагается неизменная норма прибавочной стоимости, а именно какая-либо произвольная норма, например 100%. Капитал, состоящий из $80_c + 20_v$, дает таким образом прибавочную стоимость в 20_m, что составляет на весь капитал норму прибыли в 20%. Величина действительной стоимости его продукта зависит от того, насколько велика основная часть постоянного капитала, и от того, много или мало из этой последней входит в стоимость продукта вследствие изнашивания. Но так как это обстоятельство не имеет значения для нормы прибыли, а потому и для настоящего исследования, то ради простоты мы принимаем, что постоянный капитал одинаково везде входит целиком в годовой продукт рассматриваемых капиталов. Мы принимаем далее, что капиталы различных сфер производства реализуют ежегодно одинаковое по отношению к величине переменной их части количество прибавочной стоимости; следовательно, мы пока оставляем в стороне ту разницу, которую в этом отношении может вызвать различие во времени оборота. Этот пункт мы рассмотрим позже.

Возьмем, к примеру, пять различных сфер производства с различным органическим строением вложенных в них капиталов:

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Норма прибыли
I. $80_c + 20_v$	100%	20	120	20%
II. $70_c + 30_v$	100%	30	130	30%
III. $60_c + 40_v$	100%	40	140	40%
IV. $85_c + 15_v$	100%	15	115	15%
V. $95_c + 5_v$	100%	5	105	5%

Мы получаем здесь для различных сфер производства при одинаковой степени эксплуатации труда весьма различные нормы прибыли, соответственно различному органическому строению капиталов.

Общая сумма капиталов, вложенных в пять сфер, = 500; общая сумма произведенной ими прибавочной стоимости = 110; общая стоимость произведенных ими товаров = 610. Рассмотрим 500 как единый капитал, по отношению к которому капиталы I—V являются только отдельными частями (как, например, это имеет место на хлопчатобумажной фабрике, в различных отделах которой — кардном, приготовительном, прядильном, ткацком — существует различное отношение между постоянным и переменным капиталом и среднее отношение для всей фабрики получается только путем вычисления). В этом случае среднее строение капитала 500 было бы $= 390_c + 110_v$, или в процентах $78_c + 22_v$. Строение каждого из капиталов в 100, рассматриваемого лишь как $^1/_5$ всего капитала, было бы этим средним строением $78_c + 22_v$; равным образом на каждые 100 единиц приходилось бы 22 единицы в качестве средней прибавочной стоимости; поэтому средняя норма прибыли была бы = 22%, и, наконец, цена каждой $^1/_5$ всего продукта, произведенного капиталом в 500, равнялась бы 122. Продукт каждой пятой части всего авансированного капитала должен был бы, таким образом, продаваться за 122.

Однако во избежание совершенно ложных выводов необходимо считать, что издержки производства не во всех случаях равны 100.

При $80_c + 20_v$ и норме прибавочной стоимости = 100% вся стоимость товара, произведенного капиталом I = 100, была бы $= 80_c + 20_v + 20_m = 120$, если бы весь постоянный капитал входил в годовой продукт. При определенных условиях это, конечно, может иметь место в некоторых сферах производства.

Однако едва ли это возможно там, где отношение $c : v = 4 : 1$. Таким образом следует иметь в виду, что стоимости товаров, производимые каждыми 100 единицами различных капиталов, могут быть различны в зависимости от различного деления c на основную и оборотную составные части и что основные составные части различных капиталов могут, в свою очередь, изнашиваться медленнее или быстрее, следовательно, в равные промежутки времени присоединять к продукту неравные количества стоимости. На норму прибыли это, однако, не оказывает влияния. Отдают ли 80_c годовому продукту стоимость, равную 80 или 50, или 5, будет ли поэтому годовой продукт $= 80_c + 20_v + 20_m = 120$, или $= 50_c + 20_v + 20_m = 90$, или $= 5_c + 20_v + 20_m = 45$, — во всех этих случаях избыток стоимости продукта над его издержками производства $= 20$, и во всех этих случаях при установлении нормы прибыли эти 20 рассчитываются на капитал, равный 100; норма прибыли для капитала I таким образом во всех случаях $= 20\%$. Чтобы представить это еще отчетливее, мы в следующей таблице, относящейся к тем же пяти капиталам, что и раньше, принимаем, что в стоимость продукта входят различные доли постоянного капитала.

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Норма прибыли	Потребленная часть c	Стоимость товаров	Издержки производства
I. $80_c + 20_v$	100%	20	20%	50	90	70
II. $70_c + 30_v$	100%	30	30%	51	111	81
III. $60_c + 40_v$	100%	40	40%	51	131	91
IV. $85_c + 15_v$	100%	15	15%	40	70	55
V. $95_c + 5_v$	100%	5	5%	10	20	15
$390_c + 110_v$	—	110	—	—	—	Сумма
$78_c + 22_v$	—	22	22%	—	—	В среднем

Если мы капиталы I—V будем опять рассматривать как единый совокупный капитал, то мы увидим, что и в этом случае строение суммы пяти капиталов $= 500 = 390_c + 110_v$, следовательно, среднее строение остается тем же самым $= 78_c + 22_v$,

точно так же и средняя прибавочная стоимость = 22 единицам. Распределив эту прибавочную стоимость равномерно между капиталами I—V, мы получили бы следующие товарные цены:

Капиталы	Прибавочная стоимость	Стоимость товаров	Издержки производства товаров	Цена товаров	Норма прибыли	Отклонение цены от стоимости
I. $80_c + 20_v$	20	90	70	92	22%	+ 2
II. $70_c + 30_v$	30	111	81	103	22%	— 8
III. $60_c + 40_v$	40	131	91	113	22%	—18
IV. $85_c + 15_v$	15	70	55	77	22%	+ 7
V. $95_c + 5_v$	5	20	15	37	22%	+17

В общей сложности товары продаются на 2 + 7 + 17 = 26 выше и на 8 + 18 = 26 ниже стоимости, так что отклонения цен взаимно уничтожаются благодаря равномерному распределению прибавочной стоимости, т. е. благодаря присоединению к соответственным издержкам производства товаров I—V средней прибыли в 22 единицы на каждую сотню авансированного капитала; в той же самой мере, в какой одна часть товаров продается выше, другая часть продается ниже ее стоимости. И только продажа их по таким ценам делает возможным, что норма прибыли для капиталов I—V одинакова и равна 22%, несмотря на различное органическое строение капиталов I—V. Цены, возникающие таким образом, что из различных норм прибыли в различных сферах производства выводится средняя и эта средняя присоединяется к издержкам производства в различных сферах производства, — такие цены суть *цены производства*. Предпосылкой их является существование какой-то общей нормы прибыли, а эта последняя предполагает, в свою очередь, что нормы прибыли в каждой особой сфере производства в отдельности уже сведены к соответствующей средней норме. Эти особые нормы прибыли в каждой сфере производства $= \frac{m}{K}$ и должны быть выведены, как это и сделано в первом отделе настоящей книги, из стоимости товара. Без такого выведения общая норма прибыли (а следовательно и цена производства товара) была бы представлением, лишенным смысла и содержания. Цена производства товара равняется, таким образом, издержкам его производства плюс присоединенная

к ним прибыль, исчисленная соответственно общей норме прибыли, другими словами: цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль.

Вследствие различного органического строения капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому вследствие того, что в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины равновеликими капиталами приводятся в движение весьма различные количества труда, равновеликими капиталами присваиваются также весьма различные количества прибавочного труда, или производятся весьма различные массы прибавочной стоимости. Соответственно этому нормы прибыли, господствующие в различных отраслях производства, первоначально весьма различны. Эти различные нормы прибыли выравниваются путем конкуренции в единую общую норму прибыли, представляющую собой среднее из этих различных норм прибыли. Прибыль, выпадающая согласно этой общей норме на капитал данной величины, каково бы ни было его органическое строение, называется средней прибылью. Цена товара, равная его издержкам производства плюс выпадающая на его долю при данных условиях его оборота часть годовой средней прибыли на капитал, применяемый в производстве товара (а не только потребленный в его производстве), есть его цена производства. Возьмем для примера капитал в 500, в том числе 100 основного капитала, 10% которого изнашивается в течение одного периода оборота, совершаемого оборотным капиталом в 400. Средняя норма прибыли в продолжение этого периода оборота пусть будет 10%. Тогда издержки производства продукта, изготовленного за время этого оборота, будут: 10_c (износ) плюс 400 ($c + v$) оборотного капитала $= 410$; и его цена производства: 410 издержки производства плюс (10% прибыли на 500) $50 = 460$.

Таким образом, хотя капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают обратно капитальные стоимости, затраченные на производство этих товаров, однако они получают не ту прибавочную стоимость, а следовательно и не ту прибыль, которая произведена в их собственной отрасли при производстве этих товаров, а лишь столько прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, сколько при равномерном распределении ее приходится на каждую соответственную часть совокупного общественного капитала из всей прибавочной стоимости, или всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени этим совокупным общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых. На 100 единиц каждого авансирован-

ного капитала, каково бы ни было его строение, приходится в течение года или иного промежутка времени столько прибыли, сколько и на каждую сотню всего совокупного капитала за этот же промежуток времени. Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу, как простые акционеры одного акционерного общества, в котором прибыль распределяется между ними равномерно на каждую сотню капитала и поэтому для различных капиталистов она бывает различна лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии, в зависимости от числа принадлежащих каждому акций. Итак, если та часть товарной цены, которая возмещает части капитальной стоимости, потребленные в производстве товара, и на которую, следовательно, эти потребленные капитальные стоимости снова должны быть закуплены, если эта часть, составляющая издержки производства, всецело определяется затратами, произведенными в пределах соответственной сферы производства, то другая составная часть товарной цены, присоединяемая к этим издержкам производства, прибыль, определяется не массой прибыли, произведенной этим определенным капиталом в этой определенной сфере производства в течение данного времени, а той массой прибыли, которая за данный промежуток времени в среднем приходится на каждый вложенный в дело капитал, как определенную часть совокупного общественного капитала, вложенного во все производство в целом [22].

Таким образом, если капиталист продает свой товар по цене производства, то он получает количество денег, соответствующее величине стоимости капитала, потребленного им в производстве, и извлекает прибыль, пропорциональную величине авансированного им капитала, просто как определенной части совокупного общественного капитала. Издержки производства для каждого капиталиста носят специфический характер. Прибыль, присоединяемая к этим издержкам производства, не зависит от условий соответствующей особой сферы производства и есть простая средняя на каждую сотню авансированного капитала.

Допустим, что в предыдущем примере пять различных капиталов I—V принадлежат одному лицу. Количество переменного и постоянного капитала, потребленное в производстве товаров на каждую сотню вложенного в дело капитала, здесь дано для

---

[22] *Cherbuliez* [«Richesse ou pauvreté». Paris, 1841, p. 71—72] [54].

каждого предприятия I—V, и эта часть стоимости товаров I—V, само собой разумеется, часть их цены, так как эта цена необходима для возмещения авансированной и потребленной части капитала. Таким образом, эти издержки производства различны для каждого рода товаров I—V и как таковые должны быть фиксированы владельцем. Что же касается различных масс прибавочной стоимости, или прибыли, произведенных на предприятиях I—V, то капиталист мог бы рассматривать их как прибыль на весь свой авансированный капитал, так что на каждую сотню капитала пришлась бы соответствующая часть всей этой прибыли. Следовательно, издержки производства товаров на каждом из предприятий I—V были бы различны; но у всех этих товаров оказалась бы равной та часть продажной цены, которая образуется присоединяемой к издержкам производства прибылью на каждую сотню капитала. Общая цена товаров I—V равнялась бы, таким образом, общей их стоимости, т. е. сумме издержек производства I—V плюс сумма прибавочной стоимости, или прибыли, произведенной в I—V; следовательно, на деле общая их цена была бы денежным выражением совокупного количества труда как прошлого, так и вновь присоединенного, заключающегося в товарах I—V. Подобным же образом в масштабе общества, — если рассматривать все отрасли производства как одно целое, — сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их стоимостей.

Кажется, будто этому положению противоречит тот факт, что в капиталистическом производстве элементы производительного капитала покупаются обыкновенно на рынке, следовательно, цены их содержат уже реализованную прибыль, и поэтому цена производства вместе с заключающейся в ней прибылью одной отрасли промышленности входит в издержки производства другой. Но если мы подсчитаем, с одной стороны, сумму издержек производства товаров в целой стране, с другой стороны, — сумму производимой в ней прибыли, или прибавочной стоимости, то, очевидно, мы получим правильный итог. Возьмем, например, какой-либо товар A; пусть в издержки его производства входят прибыли от B, C, D, а в издержки производства B, C, D, в свою очередь, входит прибыль от A. Производя вышеуказанный подсчет, мы не будем прибыль от A причислять к его собственным издержкам производства, и точно так же прибыли от B, C, D и т. д. не войдут в их собственные издержки производства. Никто не причисляет своей собственной прибыли к издержкам своего производства. И, следовательно, если имеется, например, n отраслей производства

и в каждой из них прибыль равна p, то издержки производства всех их вместе взятых $= k - np$. Рассматривая весь расчет в целом, мы находим таким образом, что прибыли одной сферы производства, поскольку они входят в издержки производства другой сферы, уже учитываются здесь как составная часть общей цены окончательного продукта и не могут снова появиться в графе прибылей. Если же они появляются в этой графе, то только потому, что данный товар сам есть окончательный продукт и, следовательно, его цена производства не входит в издержки производства какого-либо другого товара.

Если в издержки производства товара входит сумма $= p$, составляющая прибыль производителей средств производства, и если на эти издержки производства набавляется прибыль, равная p_1, то общая прибыль будет $P = p + p_1$. Общая сумма издержек производства товара, абстрагированная от всех элементов цены, приходящихся на прибыль, равняется его собственным издержкам в данной сфере производства без p. Если мы эти издержки производства назовем k, то, очевидно, $k + P = k + p + p_1$. При исследовании прибавочной стоимости в «Капитале», кн. I, гл. VII, 2, стр. 182 и сл. [55] мы видели, что продукт каждого капитала можно рассматривать таким образом, что одна часть его только возмещает капитал, тогда как другая выражает лишь прибавочную стоимость. Применяя этот расчет к совокупному продукту общества, необходимо сделать соответственные поправки, так как по отношению ко всему обществу в целом прибыль, заключающаяся, например, в цене льна, не может фигурировать дважды: один раз — как часть цены полотна и другой раз — как прибыль производителя льна.

Между прибылью и прибавочной стоимостью не существует различия, поскольку, например, прибавочная стоимость капиталиста A входит в постоянный капитал B. Ведь для стоимости товара совершенно безразлично, состоит ли заключающийся в нем труд из оплаченного или неоплаченного труда. Это показывает только, что B уплачивает прибавочную стоимость A. В общем итоге прибавочная стоимость A не может засчитываться два раза.

Однако существует все же следующее различие. Мало того, что цена продукта, произведенного, например, капиталом B, отклоняется от его стоимости, так как прибавочная стоимость, реализованная в B, может быть больше или меньше, чем прибыль, присоединенная к цене продуктов B, — то же самое обстоятельство сохраняет свою силу и по отношению к товарам, которые образуют постоянную часть капитала B, а косвенно — в качестве жизненных средств рабочих — и переменную его

часть. Что касается постоянной части, то она сама равна издержкам производства плюс прибавочная стоимость, т. е. в данном случае равна издержкам производства плюс прибыль, а эта прибыль, в свою очередь, может быть больше или меньше, чем та прибавочная стоимость, место которой она заступает. Что касается переменного капитала, то хотя дневная заработная плата в среднем всегда равна новой стоимости, созданной в течение того количества часов, которое рабочий должен работать для того, чтобы произвести необходимые жизненные средства, однако само это количество часов, в свою очередь, непостоянно в силу того, что цены производства необходимых жизненных средств отклоняются от их стоимостей. Все это разрешается, однако, благодаря тому, что в один товар прибавочной стоимости входит на столько больше, на сколько ее недостает в другом, а следовательно, отклонения от стоимости, заключающиеся в ценах производства товаров, взаимно уничтожаются. Вообще при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний.

Так как общая норма прибыли образуется из средней различных норм прибыли на каждую сотню авансированного капитала за определенный период времени, скажем, за один год, то в ней погашается и то различие, которое создается различием времени оборота различных капиталов. Но эти различия являются определяющим моментом для различных норм прибыли тех разных сфер производства, средняя которых образует общую норму прибыли.

В предыдущей иллюстрации образования общей нормы прибыли каждый капитал каждой сферы производства был принят = 100, и это было сделано для того, чтобы выяснить процентную разницу в нормах прибыли, а следовательно, и разницу в стоимости товаров, производимых капиталами одинаковой величины. Но, разумеется, в действительности массы прибавочной стоимости, создаваемые в каждой отдельной сфере производства, зависят, раз дано строение капитала в каждой из этих данных сфер производства, от величины вложенных в дело капиталов. Между тем особая *норма* прибыли каждой отдельной сферы производства не изменяется от того, применяется ли в данном случае капитал, равный 100, $m \times 100$ или $xm \times 100$. Норма прибыли одинаково составляет 10% как в том случае, когда вся прибыль составляет 10 : 100, так и в том случае, когда она составляет 1 000 : 10 000.

Но так как нормы прибыли в разных сферах производства различны вследствие того, что в этих последних, в зависимости от процентного отношения переменного капитала ко всему капиталу, производятся весьма различные массы прибавочной стоимости и, следовательно, весьма различные массы прибыли, то, очевидно, средняя прибыль на сотню общественного капитала, а потому и средняя норма прибыли, или общая норма прибыли, будет весьма значительно изменяться в зависимости от соответственной величины капиталов, вложенных в разные сферы производства. Возьмем четыре капитала A, B, C, D. Пусть норма прибавочной стоимости для всех них будет $=100\%$. Пусть, наконец, на каждую сотню всего капитала приходится переменного капитала в $A = 25$, в $B = 40$, в $C = 15$, в $D = 10$. Тогда прибавочная стоимость, или прибыль, на каждую сотню всего капитала составила бы для $A = 25$, для $B = 40$, для $C = 15$, для $D = 10$, всего $= 90$; следовательно, если все четыре капитала равновелики, средняя норма прибыли $= \frac{90}{4} = 22^1/_2\%$.

Но если общие величины капиталов будут: $A = 200$, $B = 300$, $C = 1\,000$, $D = 4\,000$, то произведенные прибыли составят соответственно 50, 120, 150 и 400. Всего на 5 500 единиц капитала приходится 720 единиц прибыли, т. е. средняя норма прибыли равна $13^1/_{11}\%$.

Массы всей произведенной стоимости различны в зависимости от различия общих величин соответственных капиталов, авансированных в A, B, C и D. Поэтому при образовании общей нормы прибыли речь идет не только о различии *норм* прибыли в разных сферах производства, из которых надлежало бы просто вывести среднюю арифметическую, а и о том удельном весе, с которым эти различные нормы прибыли вступают в образование средней. Но это зависит от относительной величины капитала, вложенного в каждую отдельную сферу, т. е. от того, какую часть совокупного общественного капитала составляет капитал, вложенный в каждую отдельную сферу производства. Конечно, имеет очень существенное значение, бо̀льшая или меньшая часть всего капитала дает бо̀льшую или меньшую норму прибыли. А это зависит опять-таки от того, сколько капитала вложено в отрасли производства с высоким и сколько в отрасли с низким отношением переменного капитала ко всему капиталу. Здесь дело обстоит совершенно так же, как со средней ставкой процента, получаемого ростовщиком, ссужающим различные части своего капитала из различных процентов, например из 4%, 5%, 6%, 7% и т. п. Средняя норма всецело зависит

от того, какую часть своего капитала ростовщик ссудил по каждой из этих различных процентных ставок.

Таким образом, общая норма прибыли определяется двумя факторами:

1) органическим строением капиталов в разных сферах производства, следовательно, различными нормами прибыли в отдельных сферах;

2) распределением совокупного общественного капитала между этими различными сферами, следовательно, относительной величиной капитала, вложенного в каждую отдельную сферу и имеющего поэтому особую норму прибыли, т. е. той долей, которая поглощается каждой отдельной сферой производства из всей массы общественного капитала.

В кн. I и II «Капитала» мы имели дело только со *стоимостями* товаров. Теперь же, с одной стороны, обособлены *издержки производства* как часть этой стоимости, с другой стороны, развита *цена производства* как превращенная форма стоимости товара.

Пусть среднее строение общественного капитала $80_c + 20_v$ и норма годовой прибавочной стоимости $m' = 100\%$, тогда средняя годовая прибыль для капитала в 100 будет = 20 и общая годовая норма прибыли = 20%. Каковы бы ни были k, издержки производства товаров, произведенных в течение года капиталом 100, их цена производства была бы во всяком случае = $k + 20$. В сферах производства, где строение капитала = $(80 - x)_c + (20 + x)_v$, действительно произведенная прибавочная стоимость или прибыль, произведенная в течение года в данной сфере производства, была бы = $20 + x$, т. е. больше, чем 20, и произведенная товарная стоимость была бы = $k + 20 + x$, больше, чем $k + 20$, или больше, чем цена производства. В сферах, где строение капитала = $(80 + x)_c + (20 - x)_v$, произведенная в течение года прибавочная стоимость, или прибыль, была бы = $20 - x$, т. е. меньше, чем 20, и потому стоимость товара $k + 20 - x$ была бы меньше, чем цена производства, которая = $k + 20$. Если оставить в стороне возможные различия во времени оборота, цена производства товаров была бы равна их стоимости только в тех сферах, где строение капитала случайно = $80_c + 20_v$.

Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой отдельной сфере производства различно по степени, выше или ниже в зависимости от того, каково количество средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда, или — при данном рабочем дне — определенным числом рабочих, т. е. оно обратно пропорцио-

нально количеству труда, требуемого определенным количеством средств производства. Поэтому капиталы, которые содержат больший процент постоянного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталами *высокого* строения. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем капиталами *низкого* строения. Наконец, капиталами среднего строения мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала. Если средний общественный капитал состоит в процентах из $80_c + 20_v$, то капитал $90_c + 10_v$ стоит *выше*, капитал $70_c + 30_v$ *ниже* среднего общественного. Вообще при строении среднего общественного капитала, равном $m_c + n_v$, где m и n суть величины постоянные и $m + n = 100$, $(m + x)_c + (n - x)_v$ представляет высшее, $(m - x)_c + (n + x)_v$ — низшее строение отдельного капитала или группы капиталов. Как функционируют эти капиталы по установлении средней нормы прибыли при предположении, что все они оборачиваются один раз в год, — показывает следующая таблица, где I представляет среднее строение, а средняя норма прибыли поэтому = 20%.

I. $80_c + 20_v + 20_m$. Норма прибыли = 20%.
Цена продукта = 120. Стоимость = 120.

II. $90_c + 10_v + 10_m$. Норма прибыли = 20%.
Цена продукта = 120. Стоимость = 110.

III. $70_c + 30_v + 30_m$. Норма прибыли = 20%.
Цена продукта = 120. Стоимость = 130.

Таким образом, для товаров, произведенных капиталом II, стоимость меньше, чем цена производства; для товаров, произведенных капиталом III, цена производства меньше, чем стоимость, и только для капитала I в отрасли производства, где строение капитала случайно совпадает со средним общественным строением, стоимость и цена производства равны. Впрочем, при применении этих обозначений к определенным случаям необходимо, конечно, учитывать, в какой мере отклонение отношения c к v от среднего уровня вызывается не разницей в техническом строении, а простым изменением стоимости элементов постоянного капитала.

Рассуждения, развитые выше, несомненно модифицируют определение издержек производства товаров. Первоначально предполагалось, что издержки производства товара равны *стоимости* товаров, потребленных при его производстве. Но цена производства данного товара для покупателя последнего

является его издержками производства и может таким образом войти в образование цены другого товара в качестве издержек производства. Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которые включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства. Не следует забывать об этом модифицированном значении издержек производства, не следует поэтому забывать, что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потребленных при их изготовлении средств производства. Для нашего настоящего исследования нет необходимости подробнее входить в рассмотрение этого пункта. При этом во всяком случае остается справедливым положение, что издержки производства товаров всегда меньше их стоимости. В самом деле, как бы ни отклонялись издержки производства товара от стоимости потребленных им средств производства, для капиталиста эти прошлые отклонения не имеют никакого значения. Издержки производства товара есть данная, независимая от его, капиталиста, производства предпосылка, в то время как результат его производства есть товар, содержащий прибавочную стоимость, т. е. некоторый избыток стоимости над издержками его производства. Впрочем, положение, что издержки производства меньше, чем стоимость товара, практически превратилось теперь в положение, что издержки производства меньше, чем цена производства. По отношению к совокупному общественному капиталу, для которого цена производства равна стоимости, это положение тождественно с предыдущим, что издержки производства меньше, чем стоимость. Хотя для отдельных сфер производства оно модифицируется, тем не менее в основе его всегда остается тот факт, что при рассмотрении совокупного общественного капитала издержки производства произведенных им товаров оказываются ниже, чем стоимость, или, в данном случае, применительно ко всей массе произведенных товаров, издержки производства их оказываются ниже, чем тождественная с этой стоимостью цена производства. Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нем оплаченного труда, стоимость — всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда, цена производства — сумме оплаченного труда плюс определенное количество неоплаченного труда, независимое от особых условий данной сферы производства.

Формула, согласно которой цена производства товара $=$ $= k + p$, т. е. равна издержкам производства плюс прибыль, теперь точнее определилась в том смысле, что $p = kp'$ (где p' — общая норма прибыли) и, следовательно, цена производства $=$ $= k + kp'$. Если $k = 300$ и $p' = 15\%$, то цена производства $k + kp' = 300 + 300 \times \frac{15}{100} = 345$.

Цена производства товаров в каждой отдельной отрасли производства может изменяться:

1) при неизменной стоимости товаров (т. е. при условии, что в производство товара входит неизменно одно и то же количество мертвого и живого труда) — вследствие такого изменения общей нормы прибыли, которое не зависит от конкретных условий данной сферы производства;

2) при неизменной общей норме прибыли — вследствие изменения стоимости как в самой данной сфере производства в результате технических перемен, так и вследствие изменения стоимости товаров, которые входят в постоянный капитал данной сферы производства в качестве образующих элементов;

3) наконец, — вследствие совместного влияния обоих этих обстоятельств.

Несмотря на крупные изменения, которым, — как будет показано дальше, — постоянно подвергаются фактические нормы прибыли в отдельных сферах производства, действительное изменение общей нормы прибыли, поскольку оно не вызывается какими-либо исключительными чрезвычайными экономическими событиями, наступает очень поздно вследствие целого ряда колебаний, охватывающих весьма продолжительные периоды, т. е. колебаний, требующих много времени для того, чтобы наступило прочное и уравновешенное изменение общей нормы прибыли. Поэтому при рассмотрении сравнительно коротких периодов (колебания рыночных цен мы совершенно оставляем в стороне) изменения цен производства всегда следует объяснять prima facie * действительным изменением стоимости товаров, т. е. изменением общей суммы рабочего времени, необходимого для их производства. Простое изменение денежного выражения одних и тех же стоимостей здесь, разумеется, вовсе не принимается во внимание [23]).

С другой стороны, очевидно, что если рассматривать совокупный общественный капитал, то сумма стоимости произведенных им товаров (или, в денежном выражении, их цена)

---

* — в первую очередь. *Ред.*

[23]) *Corbet* [«An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals», London, 1841], p. 174.

будет = стоимости постоянного капитала + стоимость переменного капитала + прибавочная стоимость. Если степень эксплуатации труда принять за величину постоянную, то при неизменной массе прибавочной стоимости норма прибыли может изменяться здесь лишь при том условии, если изменяется стоимость постоянного капитала, если изменяется стоимость переменного капитала, или если обе они вместе изменяются так, что изменяется K, а следовательно и $\frac{m}{K}$, общая норма прибыли. Следовательно, в каждом случае изменение общей нормы прибыли предполагает изменение стоимости товаров, которые входят в качестве образующих элементов в постоянный капитал, в переменный капитал или одновременно в тот и другой.

Далее, общая норма прибыли может изменяться при неизменной стоимости товаров, раз изменяется степень эксплуатации труда.

Наконец, при неизменной степени эксплуатации труда общая норма прибыли может изменяться, если сумма применяемого труда относительно изменяется по сравнению с постоянным капиталом вследствие технических перемен в процессе труда. Но такие технические перемены всегда должны обнаруживаться в изменении стоимости товаров, а потому должны всегда сопровождаться изменением стоимости товаров, на производство которых теперь требуется больше или меньше труда, чем требовалось раньше.

В первом отделе мы видели, что прибавочная стоимость и прибыль тождественны, поскольку они рассматриваются со стороны их массы. Однако норма прибыли уже с самого начала оказывается отличной от нормы прибавочной стоимости, причем отличие это первоначально представляется лишь иной формой расчета; но так как норма прибыли может повышаться или понижаться при неизменной норме прибавочной стоимости и наоборот, и так как капиталиста практически интересует исключительно норма прибыли, то это обстоятельство опять-таки с самого начала совершенно затемняет и мистифицирует происхождение прибавочной стоимости. Тем не менее количественное различие было только между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли, а не между самой прибавочной стоимостью и прибылью. Так как в норме прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал и относится к этому последнему как к своей мере, то вследствие этого кажется, будто сама прибавочная стоимость возникла из всего капитала, и притом равномерно из всех его частей, и таким образом органическое различие между постоянным и переменным капиталами погашается

в понятии прибыли; поэтому в действительности в этом своем превращенном виде, в качестве прибыли, прибавочная стоимость сама отрицает свое происхождение, утрачивает свой характер, становится неузнаваемой. Однако до сих пор различие между прибылью и прибавочной стоимостью сводилось лишь к качественному изменению, к изменению формы, в то время как действительное количественное различие на этой первой ступени превращения существует лишь между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости, но еще не между прибылью и прибавочной стоимостью.

Иначе обстоит дело, когда установлена общая норма прибыли и при ее посредстве средняя прибыль, соответствующая величине применяемого капитала, величине, данной для различных отраслей производства.

Теперь только случайно прибавочная стоимость, а следовательно и прибыль, действительно произведенная в какой-либо особой отрасли производства, может совпасть с прибылью, заключающейся в продажной цене товара. Как правило, прибыль и прибавочная стоимость, а не только их нормы, являются действительно различными величинами. Теперь, при данной степени эксплуатации труда, масса прибавочной стоимости, произведенная в какой-либо отдельной сфере производства, оказывается важнее для совокупной средней прибыли общественного капитала, т. е. для класса капиталистов вообще, чем непосредственно для капиталиста в пределах каждой отдельной отрасли производства. Для последнего [24] она важна лишь постольку, поскольку количество прибавочной стоимости, произведенной в его отрасли производства, участвует как один из определяющих моментов в регулировании средней прибыли. Но это есть процесс, который протекает за спиной капиталиста, процесс, которого капиталист не видит, не понимает и которым он фактически не интересуется. Действительная разница в величине между прибылью и прибавочной стоимостью, — а не только между нормами прибыли и прибавочной стоимости, — в отдельных сферах производства совершенно скрывает теперь истинную природу и происхождение прибыли, и не только для капиталиста, который в данном случае имеет особый интерес обманываться, но и для рабочего. С превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости. Наконец, если уже при простом превращении прибавочной стоимости в прибыль та часть стоимости товара,

[24] Само собой разумеется, мы совершенно отвлекаемся здесь от возможности получить временную добавочную прибыль путем понижения заработной платы, монопольных цен и т. п. [*Ф. Э.*]

которая образует прибыль, противопоставляется другой части стоимости как издержкам производства, то уже здесь понятие стоимости ускользает от капиталиста, потому что последний имеет перед собой не все количество труда, которого стòит производство товара, а лишь ту часть этого труда, которую он оплатил в форме живых или мертвых средств производства, и таким образом капиталисту прибыль представляется чем-то стоящим вне имманентной стоимости товара; с превращением стоимости в цену производства это представление окончательно утверждается, упрочивается и закостеневает, так как теперь, если рассматривать отдельную сферу производства, прибыль, надбавляемая к издержкам производства, действительно определяется не границами процесса образования стоимости, совершающегося в данной отрасли, а условиями, лежащими совершенно вне ее.

То обстоятельство, что эта внутренняя зависимость раскрыта здесь впервые; что политическая экономия, как будет показано в дальнейшем изложении и в книге IV [56], до сих пор или произвольно абстрагировалась от различия между прибавочной стоимостью и прибылью, нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли с тем, чтобы иметь возможность сохранить в качестве основы определение стоимости, или же отказывалась от этого определения стоимости и вместе с ним от всякой почвы для научного отношения к вопросу, чтобы ухватиться за различия, лежащие на поверхности явлений и бросающиеся в глаза, — эта путаница, царящая среди теоретиков, лучше всего показывает, как капиталист, всецело захваченный конкурентной борьбой и отнюдь не проникающий за ее внешние проявления, как такой капиталист-практик не способен распознать за обманчивой внешностью внутреннюю сущность и внутренний строй этого процесса.

Все законы повышения и понижения нормы прибыли, развитые в первом отделе, в действительности имеют следующее двоякое значение:

1) С одной стороны, это — законы общей нормы прибыли. При обилии различных причин, которые, согласно вышеизложенному, заставляют норму прибыли повышаться или понижаться, можно было бы думать, что общая норма прибыли ежедневно должна изменяться. Но движение в одной сфере производства уничтожается движением в другой сфере производства; влияния перекрещиваются и взаимно парализуются. В дальнейшем мы исследуем, в какую сторону в конечном счете склоняются эти колебания; но происходят они медленно; внезапность, многосторонность и различная продолжительность

колебаний в отдельных сферах производства приводят к тому, что колебания отчасти уравновешиваются благодаря своему чередованию во времени, так что за повышением цен следует их понижение и наоборот; следовательно, колебания остаются местными, т. е. ограниченными определенной сферой производства; наконец, по этим же причинам различные местные колебания взаимно нейтрализуются. В пределах каждой отдельной сферы производства происходят изменения, отклонения от общей нормы прибыли, которые, с одной стороны, выравниваются в течение определенного периода времени и поэтому не влияют на общую норму прибыли и, с другой стороны, не могут влиять на нее, так как уничтожаются другими, одновременно происходящими местными колебаниями. Так как общая норма прибыли определяется не только средней нормой прибыли в каждой сфере, но также распределением совокупного капитала между различными отдельными сферами, и так как это распределение постоянно изменяется, то здесь мы снова имеем постоянную причину изменения общей нормы прибыли, но такую причину изменения, которая благодаря непрерывности * и всесторонности этого движения опять-таки в значительной степени парализует самое себя.

2) В пределах каждой сферы норма прибыли этой сферы имеет возможность колебаться в течение более или менее продолжительного периода, пока колебание это после ряда повышений и понижений не консолидируется настолько, чтобы иметь достаточно времени для воздействия на общую норму прибыли и, следовательно, для того чтобы приобрести более чем местное значение. Поэтому в пределах таких пространственных и временных границ законы нормы прибыли, развитые в первом отделе этой книги, опять-таки сохраняют свою силу.

Теоретический взгляд, — относительно первого превращения прибавочной стоимости в прибыль, — что каждая часть капитала в равной мере производит прибыль [25], выражает практический факт. Каково бы ни было строение промышленного капитала, приводит ли он в движение четверть мертвого труда и три четверти живого или три четверти мертвого и одну четверть живого, впитывает ли в одном случае втрое больше прибавочного труда, или производит втрое больше прибавочной стоимости, чем в другом, при одинаковой степени эксплуатации труда и независимо от индивидуальных различий, которые,

---

* В оригинале сказано: «прерывистости»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

[25] *Malthus* [«Principles of Political Economy». 2nd ed., London, 1836, p. 268].

впрочем, исчезают сами собой, так как в этом и другом случае мы имеем лишь среднее строение для всей сферы производства, в обоих этих случаях прибыль будет одинакова. Отдельно взятый капиталист (или все капиталисты в каждой сфере производства), взгляд которого ограничен, справедливо полагает, что его прибыль происходит не только из труда, применяемого им или в его отрасли производства. Это совершенно верно, поскольку дело идет о средней прибыли отдельного капиталиста. Насколько же эта прибыль обусловливается общей эксплуатацией труда совокупным капиталом, т. е. всеми собратьями-капиталистами, это является для него совершеннейшей тайной, тем более что сами буржуазные теоретики, экономисты, до сих пор не разоблачили этой тайны. Экономия на труде — не только на труде, необходимом для производства определенного продукта, но и на числе занятых рабочих — и большее применение мертвого труда (постоянного капитала) представляется операцией, экономически совершенно правильной и отнюдь не затрагивающей общей нормы прибыли и средней прибыли. Но как же тогда живой труд может быть исключительным источником прибыли, если оказывается, что уменьшение количества труда, необходимого для производства, не только не понижает прибыли, но при известных условиях является, напротив, ближайшим источником увеличения прибыли, по крайней мере для отдельного капиталиста?

Если в данной сфере производства повышается или понижается та часть издержек производства, которая представляет стоимость постоянного капитала, то эта часть выходит из сферы обращения и вступает в процесс производства товара уже с самого начала увеличенной или уменьшенной. Если, с другой стороны, данное число рабочих производит в течение того же самого времени меньше или больше продукта, следовательно, при неизменном числе рабочих изменяется количество труда, необходимое для производства определенного количества товаров, то часть издержек производства, представляющая стоимость переменного капитала, может остаться неизменной, т. е. войти в тех же самых размерах в издержки производства всего продукта. Но на каждую единицу товаров, сумма которых составляет весь продукт, падает теперь больше или меньше труда (оплаченного, а значит и неоплаченного), следовательно также больше или меньше затрат на этот труд, т. е. бо̀льшая или меньшая доля заработной платы. Вся выплаченная капиталистом заработная плата осталась той же самой, но она изменилась в расчете на штуку товара. Таким образом, здесь имеет место изменение в этой части издержек производства

товаров. Повысятся или понизятся издержки производства отдельного товара вследствие таких изменений стоимости его самого или его элементов (или же изменятся также издержки производства суммы товаров, производимых капиталом данной величины), — во всяком случае средняя норма прибыли, если она была 10%, так и останется 10%; хотя по отношению к отдельному товару 10% представляют весьма различную величину в зависимости от того, насколько изменилась величина издержек производства этого отдельного товара вследствие предположенного нами изменения стоимости [26].

Что касается переменного капитала, — а это как раз самое важное, так как он есть источник прибавочной стоимости и так как все, скрывающее его действительную роль в обогащении капиталиста, мистифицирует всю систему, — то капиталисту дело представляется в грубо упрощенном виде, а именно следующим образом: пусть переменный капитал в 100 ф. ст. представляет недельную заработную плату 100 рабочих. Если эти 100 рабочих при данном рабочем дне производят в неделю 200 штук товара $= 200T$, то, отвлекаясь от той части издержек производства, которую присоединяет постоянный капитал, $1T = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{200} = 10$ шилл., так как 100 ф. ст. $= 200T$. Допустим теперь, что произошло изменение в производительной силе труда; пусть она удвоилась, так что прежнее число рабочих производит дважды по $200T$ за то самое время, в течение которого раньше производилось только $200T$. В этом случае (поскольку издержки производства складываются только из заработной платы) $1T = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{400} = 5$ шилл., так как 100 ф. ст. $= 400T$. Если бы, наоборот, производительная сила уменьшилась вдвое, то тот же самый труд произвел бы лишь $\frac{200T}{2}$; и так как 100 ф. ст. $= \frac{200T}{2}$, то $1T$ теперь $= \frac{200 \text{ ф. ст.}}{200} = 1$ фунту стерлингов. Изменение рабочего времени, необходимого для производства товаров, а следовательно изменение стоимости товаров, представляется теперь по отношению к издержкам производства, а потому и к ценам производства, как иное распределение той же самой заработной платы на большее или меньшее количество товаров, смотря по тому, больше или меньше товаров производится в течение того же самого рабочего времени за ту же самую

---

[26] *Corbet* [«An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals», London, 1841, p. 20].

заработную плату. Капиталист, а следовательно и экономист, видят, что с изменением производительности труда изменяется количество оплаченного труда, которое падает на каждую штуку товара, а вместе с тем и стоимость каждой отдельной штуки; но они не видят, что то же самое имеет место и по отношению к неоплаченному труду, содержащемуся в каждой штуке товара, и они тем более не видят этого, так как средняя прибыль действительно лишь случайно определяется неоплаченным трудом, поглощенным в данной сфере производства. Только в такой грубой и бессодержательной форме проявляется теперь тот факт, что стоимость товаров определяется заключающимся в них трудом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВЫРАВНИВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ ПОСРЕДСТВОМ КОНКУРЕНЦИИ. РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ И РЫНОЧНЫЕ СТОИМОСТИ. ДОБАВОЧНАЯ ПРИБЫЛЬ

Часть сфер производства имеет среднее строение капитала, т. е. строение их капитала вполне или приблизительно такое же, как строение среднего общественного капитала.

Цена производства товаров, производимых в этих сферах, полностью или приблизительно совпадает с их стоимостью, выраженной в деньгах. Стоимость составляет математический предел цены производства. Конкуренция так распределяет общественный капитал между различными сферами производства, что цены производства в каждой сфере складываются по образцу цен производства в сферах среднего строения, т. е. $= k + kp'$ (издержки производства плюс произведение издержек производства на среднюю норму прибыли). Но эта средняя норма прибыли есть не что иное как выраженная в процентах прибыль в указанной сфере производства среднего строения, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью. Следовательно, норма прибыли во всех сферах производства одна и та же, а именно, равная норме прибыли в тех средних сферах производства, где господствует среднее строение капитала. Поэтому сумма прибыли всех различных сфер производства должна быть равна сумме прибавочной стоимости, и сумма цен производства всего общественного продукта должна быть равна сумме его стоимости. Но, очевидно, выравнивание сфер производства с различным строением капитала всегда должно стремиться уравнять эти сферы с теми, где строение капитала среднее, безразлично, совпадает ли это последнее точно или только приблизительно со средним строением совокупного общественного капитала. В отраслях производства, в большей или меньшей степени приближающихся к средней, опять-таки наблюдается тенденция к выравниванию, которая стремится к идеальному, т. е. в действительности не существующему, среднему уровню, иными словами, наблюдается тенденция

устанавливать норму, находящуюся около этого идеального уровня. Итак, в этом отношении неизбежно господствует тенденция сделать цены производства просто превращенной формой стоимости или превратить прибыли в простые части прибавочной стоимости, которые, однако, распределяются не пропорционально прибавочной стоимости, произведенной в каждой отдельной сфере производства, а пропорционально массе капитала, применяемого в каждой сфере производства, так что на равновеликие массы капитала, каково бы ни было их органическое строение, приходятся равновеликие доли (части) совокупной прибавочной стоимости, произведенной совокупным общественным капиталом.

Таким образом, для капиталов среднего или приблизительно среднего строения цена производства совпадает со стоимостью или приближается к ней, а прибыль — с произведенной ими прибавочной стоимостью. Все другие капиталы, каково бы ни было их строение, стремятся под давлением конкуренции выравняться с капиталами среднего строения. Но так как капиталы среднего строения по своему строению равны или приблизительно равны среднему общественному капиталу, то все капиталы, какова бы ни была произведенная ими самими прибавочная стоимость, стремятся вместо этой прибавочной стоимости реализовать в ценах своих товаров среднюю прибыль, т. е. стремятся реализовать цены производства.

С другой стороны, можно сказать, что везде, где образуется средняя прибыль, а следовательно, и общая норма прибыли, — каким бы путем ни достигался этот результат, — эта средняя прибыль не может быть ничем иным, как только прибылью на средний общественный капитал, сумма которой равна сумме прибавочной стоимости, и что цены, получаемые путем надбавки этой средней прибыли к издержкам производства, не могут быть ничем иным, как только стоимостью, превращенной в цены производства. Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталы, вложенные в определенные сферы производства, по каким-либо причинам не подлежали процессу выравнивания. Средняя прибыль исчислялась бы тогда на ту часть общественного капитала, которая входит в процесс выравнивания. Очевидно, средняя прибыль не может быть ничем иным, как совокупной массой прибавочной стоимости, распределенной в каждой сфере производства на массы вложенных в нее капиталов пропорционально их величинам. Это есть сумма реализованного неоплаченного труда, и вся эта масса неоплаченного труда, так же как и оплаченный мертвый и живой труд, получает выражение во всей массе товаров и денег, присваиваемых капиталистами.

Действительно трудным вопросом является здесь следующий — каким образом происходит это выравнивание прибылей в общую норму прибыли, раз оно, очевидно, есть результат и не может быть исходным пунктом.

Прежде всего очевидно, что оценка товарной стоимости, например в деньгах, может быть лишь результатом ее обмена и что, предположив такую оценку, мы должны рассматривать ее как результат действительного обмена товарной стоимости на товарную стоимость. Каким же образом может осуществиться этот обмен товаров по их действительным стоимостям?

Допустим сначала, что все товары в различных сферах производства продаются по их действительным стоимостям. Что произошло бы тогда? Согласно вышеизложенному, в этом случае в разных сферах производства господствовали бы очень различные нормы прибыли. Продаются ли товары по их стоимости (т. е. обмениваются ли они друг на друга пропорционально заключенной в них стоимости, по ценам, соответствующим их стоимости), или же они продаются по таким ценам, что продажа их доставляет одинаковые по величине прибыли на одинаковые массы соответственных капиталов, авансированных на их производство, — это вещи prima facie * совершенно различные.

То обстоятельство, что капиталы, приводящие в движение неодинаковое количество живого труда, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, предполагает, по крайней мере до известных пределов, что степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, везде одинакова, или что различия, существующие в этой области, выравниваются в силу действительных или воображаемых (условных) оснований для компенсации. Это предполагает конкуренцию между рабочими и выравнивание путем постоянных переходов их из одной отрасли производства в другую. Такая общая норма прибавочной стоимости, — в виде тенденции, как и все экономические законы, — была допущена нами в качестве теоретического упрощения; однако в действительности она является фактической предпосылкой капиталистического способа производства, хотя установление ее и тормозится в большей или меньшей степени практическими препятствиями, которые создают более или менее значительные местные различия, — таковы, например, законы об оседлости (settlement laws) [57] для английских сельскохозяйственных рабочих. Но в теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда

---

* — прежде всего. *Ред.*

имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов.

Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары,* но как *продукты капиталов,* которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости. И совокупная цена товаров, произведенных данным капиталом за данный промежуток времени, должна удовлетворить этому требованию. Но совокупная цена этих товаров есть просто сумма цен отдельных товаров, образующих продукт капитала.

Punctum saliens * выступит всего ярче, если мы подойдем к вопросу следующим образом: пусть сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом. Эти товары не были бы тогда продуктами капитала. Стоимость средств труда и материалов труда, применяемых в различных отраслях труда, была бы различна в зависимости от технической природы различных работ. Равным образом, независимо от различной стоимости применяемых средств производства, потребовалась бы различная масса этих последних для данной массы труда, так как один товар может быть изготовлен в один час, другой — только в течение целого дня и т. д. Допустим далее, что эти рабочие в среднем работают одинаковое количество времени, причем принимаются в расчет те уравнивающие влияния, которые вытекают из различной интенсивности труда и т. д. Тогда двое рабочих [из двух различных отраслей труда] в товарах, составляющих продукт их дневного труда, воспроизвели бы, во-первых, эквивалент своих затрат, т. е. издержек средств производства, потребленных в процессе их труда. Последние были бы различны в зависимости от технической природы их отраслей труда. Во-вторых, оба рабочих создали бы равные количества новой стоимости, а именно — стоимость, присоединенную к средствам производства в течение рабочего дня. Эта новая стоимость заключала бы в себе их заработную плату плюс прибавочная стоимость, прибавочный труд, продолжающийся за пределы их необходимых потребностей, причем результаты прибавочного труда принадлежали бы самим рабочим. Выражаясь капиталистическим языком, оба рабочих получают равную заработную плату плюс равная прибыль, — стоимость, выраженную

---

* — Решающий пункт. *Ред.*

в продукте, например, десятичасового рабочего дня. Но, во-первых, стоимости их товаров были бы различны. Пусть, например, в стоимости товара I на потребленные средства производства приходится бо̀льшая часть, чем в товаре II; и для того, чтобы сразу учесть все возможные различия, допустим, что товар I впитывает больше живого труда, следовательно, для его изготовления требуется более продолжительное рабочее время, чем для товара II. Таким образом стоимость этих товаров I и II очень различна. Равным образом различны и суммы товарных стоимостей, составляющих продукт труда, выполненного в течение данного времени рабочим I и рабочим II. Нормы прибыли для I и II будут также очень различны, если мы в данном случае назовем нормой прибыли отношение прибавочной стоимости ко всей стоимости затраченных средств производства. Жизненные средства, ежедневно потребляемые I и II рабочим во время производства и представляющие заработную плату, образуют здесь ту часть авансированных средств производства, которую мы в других случаях называем переменным капиталом. Но прибавочные стоимости для I и II были бы за одинаковое рабочее время одинаковы; или, еще точнее, так как I и II получают каждый стоимость продукта одного рабочего дня, то оба они за вычетом стоимости авансированных «постоянных» элементов получают равную стоимость, одну часть которой можно рассматривать как возмещение жизненных средств, потребленных при производстве, а другую — как остающуюся сверх того прибавочную стоимость. Если I сделал больше затрат, то последние возмещаются бо̀льшей суммой той части стоимости его товара, которая возмещает эту «постоянную» часть, и потому он должен также бо̀льшую часть всей стоимости своего продукта превратить обратно в вещественные элементы этой постоянной части, тогда как II, если он и выручает меньше, то должен зато и превращать меньшую часть стоимости в вещественные элементы постоянной части. Таким образом, при этом предположении различие норм прибыли было бы безразличным обстоятельством, совершенно так же, как в настоящее время для наемного рабочего безразлично, в какой норме прибыли выражается выжатое из него количество прибавочной стоимости, и совершенно так же, как в международной торговле различие норм прибыли у различных наций оказывается совершенно безразличным обстоятельством для их товарообмена.

Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенно высокая степень капиталистического развития.

Каким бы образом ни устанавливались и ни регулировались первоначально цены различных товаров по отношению друг к другу, движение их подчиняется закону стоимости. Когда уменьшается рабочее время, необходимое для производства товара, падают и цены; когда оно увеличивается, повышаются при прочих равных условиях и цены.

Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически как prius * цен производства. Это относится к таким общественным условиям, когда работнику принадлежат средства производства; таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землей, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее мнением [27)], что развитие продуктов в товары возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины [59]. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим общественным отношениям, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины.

Для того чтобы цены, по которым взаимно обмениваются товары, соответствовали приблизительно их стоимостям, требуется лишь: 1) чтобы обмен различных товаров перестал быть чисто случайным или только единичным явлением; 2) чтобы, поскольку мы рассматриваем непосредственный обмен товаров, товары эти производились с той и другой стороны в количествах, приблизительно соответствующих взаимной потребности в них, что̀ устанавливается взаимным опытом, приобретаемым при сбыте, и таким образом возникает как результат длительно существующего обмена, и 3), поскольку речь идет о продаже, чтобы никакая естественная или искусственная монополия не давала возможности сторонам, совершающим сделку, продавать выше стоимости или не принуждала их уступать ниже ее. Под случайной монополией мы понимаем монополию, воз-

---

* — предшествующее. *Ред.*

27) Тогда, в 1865 г., это было только «мнением» Маркса. Теперь, после обширных исследований первобытной общины, начиная с Маурера и кончая Морганом [58], это — едва ли кем-либо оспариваемый факт. — *Ф. Э.*

никающую для покупателя или продавца из случайного соотношения спроса и предложения.

Предположение, что товары различных сфер производства продаются по их стоимостям, означает, конечно, лишь то, что их стоимость является центром тяготения, вокруг которого вращаются их цены и по которому уравниваются их постоянные колебания вверх и вниз. Необходимо, кроме того, всегда отличать *рыночную стоимость*, — о которой мы поговорим позднее, — от индивидуальной стоимости отдельных товаров, произведенных различными производителями. Индивидуальная стоимость некоторых из этих товаров будет стоять ниже их рыночной стоимости (т. е. для их производства требуется меньше рабочего времени, чем выражает рыночная стоимость), индивидуальная стоимость других товаров — выше их рыночной стоимости. Рыночная стоимость должна рассматриваться, с одной стороны, как средняя стоимость товаров, произведенных в данной сфере производства, с другой стороны, как индивидуальная стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной сферы и которые составляют значительную массу продуктов последней. Только при исключительных комбинациях рыночная стоимость регулируется товарами, произведенными при наихудших или наиболее благоприятных условиях, причем эта рыночная стоимость, в свою очередь, является центром колебаний для рыночных цен, которые, однако, всегда одинаковы для товаров одного и того же вида. Если обычный спрос удовлетворяется предложением товаров по средней стоимости, т. е. по средней стоимости той массы, которая лежит между обеими крайностями, то товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости.

Отнюдь не уясняет вопроса утверждение, что продажа товаров, произведенных при наихудших условиях, доказывает, что они необходимы для покрытия спроса. Если бы в разбираемом случае цена стояла выше средней рыночной стоимости, то спрос был бы меньше *. При определенных ценах известный вид товаров может занимать на рынке лишь определенное место; при изменении цен место это может оставаться неизменным лишь в том случае, если повышение цены совпадает с уменьшением количества товаров или понижение цены — с увеличением количества товаров. Если же спрос настолько сильный,

* В оригинале сказано: «больше»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

что он не сокращается даже тогда, когда цена регулируется стоимостью товаров, произведенных при наихудших условиях, то эти последние определяют рыночную стоимость. Это возможно лишь в том случае, если спрос превышает обычный уровень или предложение падает ниже обычной величины. Наконец, если масса произведенных товаров превышает количество их, находящее себе сбыт по средним рыночным стоимостям, то рыночную стоимость определяют товары, произведенные при наилучших условиях. Товары этой последней категории могут, например, продаваться вполне или приблизительно по их индивидуальным стоимостям, причем может случиться, что товары, произведенные при наихудших условиях, не реализуют даже своих издержек производства, в то время как товары, произведенные при средних условиях, могут реализовать лишь часть заключающейся в них прибавочной стоимости. То, что сказано здесь о рыночной стоимости, относится и к цене производства, раз последняя заступает место рыночной стоимости. Цена производства регулируется в каждой отдельной сфере и регулируется точно так же в зависимости от определенных обстоятельств. Но сама она опять-таки является центром, вокруг которого колеблются ежедневные рыночные цены и по которому эти цены выравниваются в течение определенных периодов (см. Рикардо об определении цен производства предприятиями, работающими при наихудших условиях [60]).

Как бы ни регулировались цены, получаются следующие выводы:

1) Закон стоимости управляет движением цен так, что уменьшение или увеличение рабочего времени, необходимого для производства, заставляет цены производства понижаться или повышаться. Именно в этом смысле Рикардо (который чувствует, конечно, что его цены производства отклоняются от стоимости товаров) говорит, что

«исследование, на которое он хочет обратить внимание читателя, касается влияния изменений не абсолютной, а относительной стоимости товаров» [D. Ricardo. «Principles of Political Economy». Works ed. by MacCulloch, London, 1852, p. 15].

2) Средняя прибыль, определяющая цены производства, всегда должна быть приблизительно равна тому количеству прибавочной стоимости, которое приходится на данный капитал, как соответствующую часть всего общественного капитала. Допустим, что общая норма прибыли и, следовательно, средняя прибыль выражается в денежной стоимости более высокой, чем действительная средняя прибавочная стоимость в денежном выражении. Поскольку дело касается капиталистов, безраз-

лично, начисляют ли они взаимно 10% или 15% прибыли. 10% соответствуют действительной стоимости товаров не более, чем 15%, так как денежное выражение преувеличивается взаимно. Что же касается рабочих (предполагается, что они получают свою нормальную заработную плату, следовательно, повышение средней прибыли не означает действительного вычета из заработной платы, т. е. не выражает чего-либо совершенно отличного от нормальной прибавочной стоимости капиталиста), то вызванному повышением средней прибыли повышению товарных цен должно соответствовать повышение денежного выражения переменного капитала. В самом деле, такое общее номинальное повышение нормы прибыли и средней прибыли выше уровня, определяемого отношением действительной прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, невозможно без того, чтобы не вызвать повышения заработной платы, а также повышения цен товаров, образующих постоянный капитал. Понижение должно оказать обратное действие. Так как совокупная стоимость товаров регулирует совокупную прибавочную стоимость, а эта последняя регулирует — как общий закон, управляющий колебаниями, — высоту средней прибыли, а следовательно общую норму прибыли, то, очевидно, закон стоимости регулирует цены производства.

Что осуществляет конкуренция, прежде всего, в одной сфере производства, так это — установление одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены из различных индивидуальных стоимостей товаров. Но только конкуренция капиталов в различных отраслях производства создает цену производства, которая выравнивает нормы прибыли различных отраслей. Для образования цен производства требуется более высокое развитие капиталистического способа производства, чем для установления одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены.

Для того чтобы товары одной и той же сферы производства, одного и того же вида и приблизительно одного и того же качества продавались по их стоимости, необходимы два условия:

Во-первых, различные индивидуальные стоимости должны выравняться в *одну* общественную стоимость, выше разобранную нами рыночную стоимость, а для этого требуется наличие конкуренции между производителями одного и того же вида товаров, так же как и наличие рынка, на котором они одновременно предлагают свои товары. Для того чтобы рыночная цена товаров, тождественных между собой, но производимых каждый при условиях с различной индивидуальной окраской, соответствовала рыночной стоимости, не отклонялась от

нее ни вверх, ни вниз, давление, оказываемое различными продавцами друг на друга, должно быть достаточно велико, чтобы выбросить на рынок такую массу товаров, которая соответствует общественной потребности, т. е. такое количество их, за которое общество способно уплатить рыночную стоимость. Если масса продуктов превышает эту потребность, товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости; наоборот, они должны быть проданы выше их рыночной стоимости, если масса продуктов недостаточно велика или, что то же самое, если давление конкуренции среди продавцов недостаточно сильно для того, чтобы принудить их вынести соответствующую массу товаров на рынок. Если бы изменилась рыночная стоимость, то изменились бы и те условия, на которых может быть продана вся масса товаров. При падении рыночной стоимости общественная потребность (под которой здесь всегда разумеется платежеспособная потребность) в среднем расширяется и в известных границах может поглотить более значительные массы товаров. При повышении рыночной стоимости общественная потребность в товарах сокращается и поглощает меньшие массы их. Поэтому, если спрос и предложение регулируют рыночные цены или, точнее, отклонения рыночных цен от рыночной стоимости, то, с другой стороны, рыночная стоимость регулирует отношения спроса и предложения или тот центр, вокруг которого изменения спроса и предложения заставляют колебаться рыночные цены.

Рассматривая вопрос подробнее, мы находим, что условия, действительные для стоимости отдельного товара, воспроизводятся здесь как условия, определяющие стоимость всей суммы товаров данного вида, так как капиталистическое производство с самого начала есть производство массовое; да и при других, менее развитых способах производства, товары, — по крайней мере основные товары, — производимые в сравнительно незначительных количествах как общий продукт хотя бы и многих мелких производителей, сосредоточиваются на рынке крупными массами в руках сравнительно немногих купцов, накопляются и продаются ими как общий продукт целой отрасли производства или ее более или менее крупных частей.

Отметим здесь совсем мимоходом, что «общественная потребность», т. е. то, что регулирует принцип спроса, обусловливается в основном отношением различных классов друг к другу и их относительным экономическим положением, а следовательно, в частности, во-первых, отношением сей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость

(прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.); таким образом также и здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится это отношение.

Хотя и товар и деньги представляют собой единство меновой стоимости и потребительной стоимости, тем не менее, как мы уже видели («Капитал», кн. I, гл. I, 3), в акте продажи и купли оба эти определения располагаются полярно на двух крайних точках, так что товар (продавец) представляет потребительную стоимость, а деньги (покупатель) — меновую стоимость. Что товар должен иметь потребительную стоимость, должен, следовательно, удовлетворять общественной потребности, в этом, как мы установили, заключается первая предпосылка продажи. Другая состоит в том, что количество труда, заключающееся в товаре, должно представлять общественно необходимый труд, следовательно, индивидуальная стоимость (или, что при данном предположении то же самое, — продажная цена) товара должна совпадать с его общественной стоимостью [28].

Применим это к находящейся на рынке массе товаров, составляющей продукт целой отрасли производства.

Дело будет представлено всего проще, если мы всю массу товаров, сначала лишь *одной* отрасли производства, будем рассматривать как *один* товар, а сумму цен многих тождественных товаров как *одну* суммарную цену. В этом случае все, что было сказано об отдельном товаре, буквально применимо к находящейся на рынке массе товаров определенной отрасли производства. Требование, чтобы индивидуальная стоимость товара соответствовала его общественной стоимости, осуществляется или определяется теперь в том смысле, что все количество товара содержит в себе труд, общественно необходимый для его производства, и что стоимость этой массы товаров равна ее рыночной стоимости.

Допустим теперь, что значительная масса этих товаров произведена при приблизительно одинаковых, нормальных общественных условиях, так что общественная стоимость является в то же время индивидуальной стоимостью образующих эту массу отдельных товаров. И если одна сравнительно небольшая часть товаров произведена при худших, другая при лучших условиях, так что индивидуальная стоимость первой части

---

[28] *Карл Маркс.* «К критике политической экономии», Берлин, 1859 [см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13].

больше, а второй меньше, чем средняя стоимость большинства товаров, если притом обе эти крайности уравновешиваются и средняя стоимость товаров этих двух частей равна стоимости товаров, принадлежащих к средней массе, то рыночная стоимость определяется стоимостью товаров, произведенных при средних условиях [29]. Стоимость всей товарной массы равна действительной сумме стоимостей всех отдельных товаров, вместе взятых, — как тех, которые произведены при средних условиях, так и тех, которые произведены при условиях лучших или худших, чем средние. В этом случае рыночная стоимость, или общественная стоимость, массы товаров — содержащееся в этих последних необходимое рабочее время — определяется стоимостью преобладающей средней массы товаров.

Допустим, наоборот, что все количество требуемых товаров, которые выброшены на рынок, осталось то же самое, но стоимость товаров, произведенных при худших условиях, не уравновешивается стоимостью товаров, произведенных при лучших условиях, причем часть общего количества, произведенная при худших условиях, составляет относительно значительную величину как по сравнению со средней массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью. Тогда рыночная стоимость, или общественная стоимость, регулируется товарной массой, произведенной при худших условиях.

Допустим, наконец, что товары, произведенные при условиях лучших, чем средние, по своему количеству значительно превышают товары, произведенные при худших условиях, и притом составляют значительную величину даже по сравнению с товарами, произведенными при средних условиях; тогда часть товаров, произведенная при наилучших условиях, будет регулировать рыночную стоимость. Мы оставляем здесь в стороне переполнение рынка, при котором рыночные цены всегда регулируют с частью товаров, произведенной при наилучших условиях; мы имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она отличается от рыночной стоимости, а с различными определениями самой рыночной стоимости [30].

---

[29] *Карл Маркс.* «К критике политической экономии» [см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13].

[30] Следовательно, спор по поводу земельной ренты между Шторхом и Рикардо (лишь по существу спор: фактически ни один из них не обращал внимания на то, что говорил другой) о том, регулируется ли рыночная стоимость (у них скорее рыночная цена, соответственно цена производства) товарами, произведенными при наихудших (Рикардо) или, наоборот, при наилучших (Шторх) условиях [61], — спор этот разрешается в том смысле, что оба они были правы и оба неправы и что оба они совершенно упустили из виду средний случай. Сравни рассуждения Корбета о тех случаях, когда цена регулируется товарами, произведенными при наилучших условиях [62]. «Не следует думать, будто он» (Рикардо) «утверждает, что два отдельных экземпляра

В самом деле, в случае I рыночная стоимость всей массы товаров, регулируемая средними стоимостями, строго говоря (в действительности это, разумеется, осуществляется лишь приблизительно и с бесчисленными модификациями), равна сумме их индивидуальных стоимостей; при этом, однако, для товаров, произведенных при наихудших и наилучших условиях, эта стоимость является навязанной им средней стоимостью. Лица, производящие свои товары при наихудших условиях, должны продавать их ниже индивидуальной стоимости; производящие при наилучших условиях продают товары выше индивидуальной стоимости.

В случае II индивидуальные массы стоимости, произведенные при наихудших и наилучших условиях, не уравновешиваются, и решающее значение приобретают товары, произведенные при худших условиях. Строго говоря, средняя цена, или рыночная стоимость, каждого отдельного товара или каждой соответственной части всей массы товаров определяется здесь совокупной стоимостью всей массы товаров, получаемой в результате сложения отдельных стоимостей товаров, произведенных при самых разнообразных условиях, и той частью этой совокупной стоимости, которая приходится на каждый отдельный товар. Полученная таким образом рыночная стоимость стояла бы выше индивидуальной стоимости не только тех товаров, которые произведены при наиболее благоприятных условиях, но также и тех товаров, которые принадлежат к средней массе; тем не менее она все же была бы ниже индивидуальной стоимости товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях. Насколько близко подходит она к этой последней и может ли, наконец, совершенно совпасть с ней, это зависит всецело от размеров той части, которая в данной сфере производства приходится на долю товаров, произведенных при наихудших условиях. Если при этом спрос преобладает хотя бы незначительно, то рыночную стоимость регулирует индивидуальная стоимость товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях.

Допустим, наконец, как в случае III, что количество товаров, произведенных при наилучших условиях, преобладает

двух различных товаров, например, шляпа и пара башмаков, обмениваются друг на друга в том случае, если именно эти два отдельных экземпляра были произведены одинаковыми количествами труда. Под «товаром» здесь следует понимать «род товара», а не отдельную индивидуальную шляпу, пару башмаков и т. д. Весь труд, производящий в Англии все шляпы, следует с этой целью рассматривать как распределяющийся между всеми этими шляпами. Это, как мне кажется, было недостаточно ясно выражено в начале и в общих положениях учения Рикардо» («Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy etc.». London. 1821, p. 53—54).

не только по сравнению с другой крайностью, но и по сравнению со средними условиями; тогда рыночная стоимость падает ниже средней стоимости. Средняя стоимость, вычисленная путем сложения стоимостей товаров, произведенных как при обоих крайних, так и при средних условиях, стоит здесь ниже стоимости средней группы и приближается к последней или удаляется от нее в зависимости от относительных размеров той части, которая произведена при наиболее благоприятных условиях. Если спрос по сравнению с предложением слабый, то часть товаров, произведенная при наиболее благоприятных условиях, независимо от ее размеров, сокращая свою цену до уровня своей индивидуальной стоимости, насильственно приобретает определяющее положение. С этой индивидуальной стоимостью товаров, произведенных при наилучших условиях, рыночная стоимость никогда не может совпасть, за исключением того случая, когда предложение сильно преобладает над спросом.

Это представленное здесь *абстрактно* установление рыночной стоимости совершается на действительном рынке посредством конкуренции между покупателями, если спрос как раз настолько велик, чтобы поглотить данную массу товаров по ее установленной таким образом стоимости. Мы подходим здесь к другому пункту.

Во-вторых. То обстоятельство, что товар имеет потребительную стоимость, означает лишь, что он удовлетворяет какой-либо общественной потребности. Пока мы имели дело только с отдельными товарами, мы могли предполагать, что существует потребность в этом определенном товаре, — количество которого уже заключено в его цене, — и дальше не вдавались в рассмотрение размеров потребности, подлежащей удовлетворению. Но эта количественная сторона дела становится существенным моментом, коль скоро, с одной стороны, имеется продукт целой отрасли производства, а с другой — общественная потребность в нем. Теперь необходимо рассмотреть размеры, т. е. количество этой общественной потребности.

В данных выше определениях рыночной стоимости предполагалось, что масса произведенных товаров дана, т. е. остается неизменной, что изменяется лишь отношение между составными частями этой массы, произведенными при различных условиях, что поэтому рыночная стоимость одной и той же массы товаров регулируется различным способом. Допустим, что масса эта представляет собой предложение обычных размеров, причем мы оставляем в стороне возможность временного ухода с рынка части произведенных товаров. Если спрос на эту массу сохраняет также свои обычные размеры, то товар про-

дается по его рыночной стоимости, каким бы из трех исследованных выше способов ни регулировалась эта рыночная стоимость. Товарная масса не только удовлетворяет известную потребность, но удовлетворяет ее в общественных размерах. Если количество товаров на рынке больше или меньше, чем спрос на них, то имеют место отклонения рыночной цены от рыночной стоимости. И первое отклонение состоит в том, что при недостаточном количестве рыночную стоимость всегда регулируют товары, произведенные при худших условиях; при избыточном количестве — всегда товары, произведенные при наилучших условиях; что, таким образом, рыночную стоимость определяет одна из двух крайностей, несмотря на то, что на основании самого по себе отношения между массами, произведенными при различных условиях, должен был бы получиться иной результат. Если разница между спросом и предложением продуктов значительнее, то и рыночная цена будет значительнее отклоняться вверх или вниз от рыночной стоимости. Но разница между количеством произведенных товаров и тем количеством их, которое продается по их рыночной стоимости, может иметь двоякую причину. Или изменяется, становится слишком малым или слишком большим само количество произведенных товаров, так что воспроизводство совершается в ином масштабе, чем тот, который регулировал данную рыночную стоимость. В этом случае изменяется предложение, хотя спрос остается неизменным, и, следовательно, имеет место относительное перепроизводство или недопроизводство. Или же воспроизводство, т. е. предложение, остается неизменным, а спрос падает или поднимается, что может совершиться по различным причинам, хотя при этом абсолютная величина предложения осталась той же самой, его относительная величина, его величина по сравнению с потребностью, изменилась. Это оказало бы такое же влияние, как и в первом случае, только в противоположном направлении. Наконец, если изменения совершаются с той и с другой стороны, но в различных направлениях, или же хотя в одном направлении, но в различной степени, — одним словом, если совершаются изменения двусторонние, но в то же время изменяющие прежнее соотношение между сторонами, то конечный результат неизбежно должен свестись к одному из двух рассмотренных выше случаев.

Действительная трудность при общем определении понятий спроса и предложения заключается в том, что определения эти как будто сводятся к тавтологии. Рассмотрим сначала предложение, т. е. продукт, который находится на рынке или может быть доставлен на него. Чтобы не входить в совершенно излишние

здесь детали, мы возьмем массу товаров, произведенных за год в каждой отдельной отрасли промышленности, и совершенно оставим в стороне то обстоятельство, что различные товары в большей или меньшей мере могут не поступить на рынок и будут храниться на складах с целью потребления, скажем, в ближайшем году. Это годовое воспроизводство выражается прежде всего в определенном количестве — мере или числе, — смотря по тому, измеряется ли данная масса товаров оптом или же поштучно; перед нами не просто потребительные стоимости, удовлетворяющие человеческие потребности, но потребительные стоимости, находящиеся на рынке в определенном количестве. Во-вторых, эта масса товаров имеет определенную рыночную стоимость, которую можно выразить в виде рыночной стоимости отдельного товара или товарной меры, служащей единицей. Поэтому между количеством находящихся на рынке товаров и их рыночной стоимостью не существует необходимой связи; например, в то время как некоторые товары имеют специфически высокую стоимость, другие — специфически низкую, и таким образом данная сумма стоимости может быть выражена в очень большом количестве одних и очень малом количестве других товаров. Между количеством товаров, находящихся на рынке, и рыночной стоимостью этих товаров имеет место лишь следующая связь: при данном уровне производительности труда в каждой данной сфере производства для изготовления определенного количества товаров требуется определенное количество общественного рабочего времени, хотя в различных сферах производства отношение это, конечно, различно и не стоит ни в какой внутренней связи с полезностью данного товара или особой природой его потребительной стоимости. Если количество a данного вида товаров сто̀ит b рабочего времени, то при прочих равных условиях количество na сто̀ит nb рабочего времени. Далее: поскольку общество хочет удовлетворить свои потребности и производить с этой целью известный вид товаров, оно должно оплатить их. В самом деле, так как при товарном производстве предполагается разделение труда, то общество оплачивает эти товары тем, что употребляет на их производство часть находящегося в его распоряжении рабочего времени, следовательно, оно покупает их при помощи определенного количества рабочего времени, которым оно — это данное общество — может располагать. Та часть общества, которой благодаря разделению труда приходится употребить свой труд на производство данного определенного товара, должна получить эквивалент в общественном труде, воплощенном в товарах, удовлетворяющих ее потребности. Но не су-

ществует никакой необходимой связи, а наблюдается лишь случайная связь между всем количеством общественного труда, затраченного на данный общественный продукт, т. е. между той долей совокупной рабочей силы, которую общество употребляет на производство этого продукта, следовательно, между объемом, который производство этого продукта занимает во всем производстве, с одной стороны, и, с другой стороны, между тем объемом, в котором общество стремится удовлетворить потребность при помощи данного определенного продукта. Хотя каждый отдельный товар или каждое данное количество определенного вида товаров заключает в себе лишь общественный труд, необходимый для его производства, и с этой стороны рыночная стоимость всей массы товаров данного вида выражает только необходимый труд, тем не менее, раз определенный товар произведен в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растраченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в ней действительно заключается. (Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета.) Поэтому эти товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости, а часть их и вовсе не может быть продана. Как раз обратное будет иметь место, если количество общественного труда, затраченного на производство определенного вида товаров, слишком мало по сравнению с размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи данного продукта. Если же количество общественного труда, затраченного на производство определенного товара, соответствует размерам подлежащей удовлетворению общественной потребности, так что произведенная масса продукта соответствует обычному масштабу воспроизводства при неизменном спросе, то товар продается по его рыночной стоимости. Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия; исходя из этого закона, следует объяснять отклонения, а не наоборот, — не из отклонений выводить самый закон.

Рассмотрим теперь другую сторону дела — спрос.

Товары покупаются или как средства производства или как жизненные средства для того, чтобы войти в производительное

или личное потребление, причем дело не изменяется от того, что некоторые виды товаров могут служить обеим этим целям. Следовательно, спрос на них предъявляется со стороны производителей (в данном случае капиталистов, так как предполагается, что средства производства превращены в капитал) и со стороны потребителей. Кажется, что этим прежде всего предполагается на стороне спроса наличие определенных размеров общественной потребности, которой на стороне предложения соответствуют определенные размеры общественного производства в различных отраслях производства. Чтобы хлопчатобумажная промышленность могла вновь осуществить свое годовое воспроизводство в данном масштабе, необходимо обычное количество хлопка, а если принять во внимание ежегодное расширение воспроизводства вследствие накопления капитала, то, при прочих равных условиях, необходимо добавочное количество хлопка. То же самое и по отношению к жизненным средствам. Рабочий класс, чтобы сохранить свой обычный средний уровень жизни, должен вновь получить по меньшей мере прежнее количество необходимых жизненных средств, хотя, быть может, и несколько измененное по характеру составляющих его товаров; если же принять в расчет ежегодный рост населения, то необходимо и добавочное количество жизненных средств; то же самое с бо̀льшими или меньшими поправками можно сказать и относительно других классов.

Итак, оказывается, что на стороне спроса имеется определенная общественная потребность данной величины, которая требует для своего покрытия наличия на рынке определенного количества товаров. Но количественная определенность этой потребности чрезвычайно эластична и изменчива. Она только кажется фиксированной. Если бы жизненные средства были дешевле или денежная заработная плата была бы выше, то рабочие покупали бы их больше, и обнаружилась бы более значительная «общественная потребность» в данных видах товаров, причем мы совершенно оставляем в стороне пауперов и т. д., «спрос» которых стоит ниже самых крайних границ их физической потребности. Если бы, с другой стороны, цена, например, хлопка, понизилась, то возрос бы спрос капиталистов на хлопок, больше дополнительного капитала было бы вложено в хлопчатобумажную промышленность и т. д. При этом не следует вообще забывать, что при наших предположениях спрос для производительного потребления есть спрос со стороны капиталиста, истинная цель которого — производство прибавочной стоимости, и что только ради прибавочной стоимости он производит известный вид товаров. С другой

стороны, это отнюдь не препятствует тому, что капиталист, поскольку он выступает на рынке как покупатель, например хлопка, является представителем потребности в хлопке; точно так же для продавца хлопка ведь безразлично, превращает ли покупатель этот хлопок в ткань для рубашек, в пироксилин или же намерен затыкать им уши себе и всему миру. Но, конечно, это оказывает большое влияние на то, какого рода покупателем он является. Его потребность в хлопке существенно видоизменяется благодаря тому обстоятельству, что в действительности она прикрывает лишь его потребность в получении прибыли. Пределы, в которых представленная на *рынке* потребность в товарах — спрос — количественно отклоняется от *действительной общественной* потребности, конечно, очень различны для различных товаров; я имею в виду разницу между количеством товаров, на которое фактически предъявлен спрос, и тем количеством их, на которое был бы предъявлен спрос при иных денежных ценах товаров или при иных денежных, соответственно жизненных, условиях покупателей.

Нет ничего легче, как понять неравномерность спроса и предложения и вытекающие отсюда отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей. Действительная трудность состоит в определении того, что̀ следует понимать под выражением: предложение и спрос покрываются.

Предложение и спрос покрываются, если они находятся в таком отношении, что масса товаров определенной отрасли производства может быть продана по ее рыночной стоимости — не выше и не ниже. Вот первое, что нам говорят по этому поводу.

И во-вторых, если товары могут быть проданы по их рыночной стоимости, то предложение и спрос покрываются.

Если предложение и спрос покрываются, то они перестают действовать, и именно потому товары продаются по их рыночной стоимости. Если две силы, равные по величине, действуют в противоположных направлениях, то они взаимно уничтожаются, вовсе не действуют вовне, и явления, происходящие при этом условии, должны быть объяснены как-нибудь иначе, а не действием этих двух сил. Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было, не воздействуют более на рыночную стоимость и оставляют нас в полном неведении относительно того, почему рыночная стоимость выражается именно в этой сумме денег, а не в какой-либо иной. Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения (если даже оставить в стороне

более глубокий анализ обеих этих общественных движущих сил, который сюда не относится), так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. покрываются. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно, следовательно, с научной точки зрения этот случай должен быть = 0, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, соответствующем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от той их внешней видимости, которая порождается колебаниями спроса и предложения; с другой стороны, — для того, чтобы найти действительную тенденцию их движения, известным образом фиксировать ее. Так как отклонения от равенства имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравновешиваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию. Итак, если ни в одном конкретном случае спрос и предложение не покрываются, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом, — ведь отклонение в одном направлении вызывает как свой результат отклонение в противоположном направлении, — что, если рассматривать итог движения за более или менее продолжительный период, спрос и предложение всегда взаимно покрываются; однако результат этот получается лишь как средняя уже истекшего движения и лишь как постоянное движение их противоречия. Этим путем рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, если рассматривать их среднюю величину, выравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью, причем отклонения от этой последней взаимно уничтожаются как плюс и минус. И эта средняя имеет отнюдь не одно только теоретическое, но и практическое значение для капитала, затраты которого рассчитаны на колебания и выравнивания в течение более или менее определенного периода времени.

Следовательно, отношение между спросом и предложением объясняет, с одной стороны, лишь отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения, т. е. уничтожить влияние отношения между спросом и предложением. (Те представляющие исключение товары, которые имеют цены, но не имеют стоимости, не входят здесь в наше рассмотрение.) Устранение этого влияния, которое оказывают спрос и предложение

благодаря своим отклонениям от равенства, может осуществляться в очень различных формах. Если, например, падает спрос, а следовательно и рыночная цена, то это может привести к тому, что капитал будет извлекаться из данной отрасли, и таким образом предложение уменьшится. Но это может иметь также и тот результат, что сама рыночная стоимость благодаря изобретениям, сокращающим необходимое рабочее время, понизится и выравняется таким образом с рыночной ценой. Наоборот, если спрос растет, а следовательно, рыночная цена превышает рыночную стоимость, то это может привести к избыточному приливу капитала в данную отрасль производства и к такому расширению производства, при котором рыночная цена упадет даже ниже рыночной стоимости; или, с другой стороны, это может повести к такому повышению цен, которое сократит самый спрос. В отдельных отраслях производства это может также вызвать тот результат, что сама рыночная стоимость на более или менее значительный период возрастет, так как в течение этого времени часть требуемого на рынке товара придется производить при худших условиях.

Если спрос и предложение определяют рыночную цену, то, с другой стороны, рыночная цена, а при дальнейшем анализе рыночная стоимость определяет спрос и предложение. По отношению к спросу это очевидно, так как он изменяется в направлении, противоположном ценам: повышается, когда цены падают, и наоборот. Но то же самое применимо и к предложению. В самом деле, цены средств производства, входящих в товар, предлагаемый на рынке, определяют спрос на эти средства производства, а следовательно, — и предложение тех товаров, предложение которых включает в себя спрос на эти средства производства. Цены хлопка имеют определяющее значение для предложения хлопчатобумажных тканей.

Эта путаница — определение цен спросом и предложением и наряду с этим определение спроса и предложения ценами — осложняется еще тем, что спрос определяет предложение и, наоборот, предложение определяет спрос, производство определяет рынок и рынок — производство [31].

---

[31] Порядочный вздор представляют следующие «остроумные» соображения: «Если количество заработной платы, капитала и земли, необходимое для производства данного продукта, изменяется по сравнению с прежней величиной, то изменяется и то, что Адам Смит называет его естественной ценой, а та цена, которая первоначально была его естественной ценой, становится по отношению к этому изменению его рыночной ценой, хотя предложение и спрос могут не измениться» (и то и другое изменяется как раз потому, что изменяется вследствие изменения стоимости рыночная стоимость или — о чем собственно и говорится у А. Смита — цена производства), «тем не менее предложение это не соответствует теперь вполне точно требованиям лиц, способных и желающих оплатить то, что теперь является издержками производства, а оказывается

Даже заурядный экономист (см. сноску) понимает, что и без порождаемого внешними обстоятельствами изменения предложения или спроса отношение между ними может измениться вследствие изменения рыночной стоимости товаров. Даже он вынужден согласиться, что, какова бы ни была рыночная стоимость, спрос и предложение должны уравновеситься, чтобы она реализовалась. Это значит, что не отношение спроса к предложению объясняет рыночную стоимость, а, наоборот, эта последняя объясняет колебания спроса и предложения. Автор «Observations» вслед за местом, цитированным в сноске, продолжает:

«Однако отношение это» (между спросом и предложением), «если только мы будем понимать под «спросом» и «естественной ценой» то, что мы только что понимали, ссылаясь на А. Смита, всегда должно быть отношением равенства; потому что только в том случае, когда предложение равно фактическому спросу, т. е. тому спросу, который не желает оплачивать ни больше, ни меньше естественной цены, — только в этом случае естественная цена может быть действительно уплачена; следовательно, в различное время один и тот же товар может иметь две весьма различные естественные цены, и все же отношение между спросом и предложением в обоих случаях может остаться неизменным, а именно — остаться отношением равенства» [стр. 61].

Итак, здесь допускается, что при двух различных «естественных ценах» одного и того же товара в различное время спрос и предложение могут и даже должны покрывать друг друга, чтобы товар в обоих случаях действительно был продан по его «естественной цене». Но так как при этом в обоих случаях ничуть не изменяется отношение спроса к предложению, но изменяется величина самой «естественной цены», то последняя, очевидно,

---

или больше или меньше их; так что отношение между предложением и тем фактическим спросом, который устанавливается теперь, принимая во внимание новые издержки производства, отличается от своей прежней величины. В результате, если не встретится препятствий, изменятся размеры предложения, что в конце концов приведет товар к его новой естественной цене. Так как товары доходят до своей естественной цены благодаря изменению в их предложении, то, быть может, позволительно было бы сказать, что естественная цена в такой же степени обязана своим существованием одному отношению между спросом и предложением, в какой рыночная цена обязана другому отношению; и следовательно, естественная цена, совершенно так же, как и рыночная цена, зависит от взаимного отношения между спросом и предложением. («Великий принцип спроса и предложения призван определить то, что А. Смит называет естественной ценой, а также рыночной ценой». — Мальтус [63].)» («Observations on certain Verbal Disputes etc.». London, 1821, p. 60, 61.) Мудрый автор не понимает, что в разбираемом случае как раз изменение в издержках производства, а следовательно и в стоимости, изменяет спрос, а следовательно и отношение между спросом и предложением, и что изменение спроса может вызвать изменение предложения; а это доказывало бы как раз противоположное тому, что пытается доказать наш мыслитель, — это доказывало бы, что издержки производства отнюдь не регулируются отношением между спросом и предложением, а, наоборот, сами регулируют это отношение.

устанавливается независимо от спроса и предложения и потому менее всего может определяться ими.

Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т. е. в соответствии с содержащимся в нем общественно необходимым трудом, для этого все количество общественного труда, употребленного на производство всей массы данного вида товаров, должно соответствовать величине общественной потребности в них, т. е. платежеспособной общественной потребности. Конкуренция, колебания рыночных цен, соответствующие колебаниям отношения между спросом и предложением, всегда стремятся свести к этой мере общее количество труда, затраченного на каждый вид товаров.

В отношении между спросом и предложением товаров отражается, во-первых, отношение между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, между товаром и деньгами, покупателем и продавцом; во-вторых, — отношение между производителем и потребителем, хотя оба последние могут быть представлены третьими лицами, торговцами. Чтобы вполне развить это отношение, достаточно противопоставить покупателя и продавца друг другу в отдельности. Трех лиц достаточно для полного метаморфоза товара, а следовательно, для процесса купли-продажи, взятого в целом. *A* превращает свой товар в деньги *B*, которому он продает товар, и снова превращает свои деньги в товар, который он покупает у *C*; весь процесс протекает между этими тремя лицами. Далее, при исследовании денег мы допускали, что товары продаются по их стоимости, так как не было никакого основания рассматривать цены, отклоняющиеся от стоимости, раз дело шло исключительно о тех изменениях формы, которые претерпевает товар, становясь деньгами и превращаясь обратно из денег в товар. Если товар вообще продается и на вырученные деньги покупается новый товар, то мы имеем перед собой весь метаморфоз, и для него как такового совершенно безразлично, стоит ли цена товара выше или ниже его стоимости. Стоимость товара сохраняет свое значение основы, так как только из этого основания могут быть развиты в понятии деньги, а цена, по своему общему понятию, есть прежде всего лишь стоимость в денежной форме. Конечно, при рассмотрении денег как средства обращения предполагается, что происходит не только один метаморфоз товара. Напротив, рассматривается общественное сплетение этих метаморфозов. Только таким образом подходим мы к обращению денег и к развитию их функции в качестве средства обращения. Но, насколько эта связь важна для перехода денег к функции средства обращения и для вытекающего отсюда изменения их вида,

настолько же безразлична она для сделки между отдельными покупателями и продавцами.

Между тем, рассматривая спрос и предложение, мы считаем, что предложение представляет сумму продавцов, или производителей, данного определенного товара, а спрос — покупателей, или потребителей (индивидуальных или производительных), этого же самого товара. И притом суммы эти действуют друг на друга как целое, как агрегатные силы. Отдельная личность действует здесь лишь как часть общественной силы, как атом всей массы, — именно в такой форме конкуренция обнаруживает *общественный* характер производства и потребления.

Та из конкурирующих сторон, которая в данный момент слабее, является вместе с тем и той стороной, где каждое отдельное лицо действует независимо от массы своих конкурентов, а зачастую прямо против них и как раз таким путем делает ощутительной зависимость отдельного конкурента от других; между тем более сильная сторона всегда противостоит своим противникам как более или менее сплоченное целое. Если спрос на данный вид товаров больше, чем предложение, то — в известных границах — один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы совместно стараются продать товар по высокой рыночной цене. Если, наоборот, предложение больше спроса, то один начинает продавать дешевле, а за ним вынуждены следовать другие, в то время как покупатели совместно стремятся возможно больше понизить рыночную цену по сравнению с рыночной стоимостью. Совместные действия интересуют каждого лишь до тех пор, пока он благодаря им выигрывает больше, чем без них. Единство действий прекращается, как только данная сторона как таковая оказывается слабее другой, и тогда каждое отдельное лицо старается возможно лучше устроиться собственными силами. Далее, если один из конкурентов производит дешевле других, может сбывать больше товара и отвоевывать для себя больше места на рынке, продавая товар ниже господствующей в данный момент рыночной цены, или рыночной стоимости, то он так и поступает и начинает действовать таким образом, что мало-помалу принуждает других ввести более дешевый метод производства и сводит общественно необходимый труд к новому, менее значительному количеству. Если одна из сторон получает преимущество, то выигрывает всякий, кто к ней принадлежит; дело происходит таким образом, как если бы все принадлежащие к ней осуществляли общую монополию. Если одна из сторон оказывается слабее другой, то каждый может

попытаться своими собственными усилиями стать сильнее противника (например тот, кто работает с меньшими издержками производства) или по крайней мере отделаться возможно меньшими потерями, и в этом случае ему уже нет никакого дела до своих соседей, хотя действия его касаются не только его самого, но и всех его сообщников [32].

Спрос и предложение предполагают превращение стоимости в рыночную стоимость, и, поскольку они действуют на капиталистическом базисе, поскольку товары являются продуктом капитала, спрос и предложение предполагают капиталистический процесс производства, а следовательно, совершенно иное сплетение отношений, чем простая купля и продажа товаров. Здесь речь идет не о формальном превращении стоимости товаров в цену, т. е. не о простом изменении формы; речь идет об определенных количественных отклонениях рыночных цен от рыночных стоимостей и, далее, от цен производства. При простой купле и продаже достаточно, чтобы производители товаров как таковые противостояли друг другу. Спрос и предложение при дальнейшем анализе предполагают существование различных классов и подразделений классов, которые распределяют между собой совокупный доход общества и потребляют его как доход, которые, следовательно, предъявляют спрос, образуемый этим доходом; между тем, с другой стороны, для понимания спроса и предложения, которые производители как таковые создают друг для друга, необходимо уяснение всего строя капиталистического процесса производства в целом.

При капиталистическом производстве речь идет не только о том, чтобы за массу стоимости, брошенную в обращение в форме товара, выручить равную массу стоимости в другой форме, — денежной или товарной, — речь идет о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь такую же прибавочную стоимость, или прибыль, какую получает всякий другой капитал такой же величины, или pro rata * его величине, независимо от того, в какой отрасли производства он применяется; следовательно, речь идет о том, чтобы продать товары по меньшей мере по ценам, доставляющим среднюю прибыль, т. е. по ценам производства. В этой форме капитал сам начинает

---

[32] «Если каждый член группы никак не может получить больше определенной доли или соответственной части общих выгод или владений, то он охотно будет объединяться с другими, чтобы повысить эти выгоды» (так он и делает, когда отношение между спросом и предложением позволяет ему это); «это — монополия. Но если каждый убежден, что можно каким-либо способом повысить абсолютную величину своей доли, хотя бы даже путем уменьшения общей суммы, он часто именно так и будет поступать; это — конкуренция» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand etc.». London, 1821, p. 105).

* — соответственно. *Ред.*

сознавать себя как *общественную силу,* в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всем общественном капитале.

Во-первых, капиталистическое производство само по себе относится совершенно безразлично к определенной потребительной стоимости и вообще к специфическим особенностям того товара, который оно создает. В каждой сфере производства речь идет для него лишь о том, чтобы произвести прибавочную стоимость, присвоить себе в продукте труда определенное количество неоплаченного труда. И равным образом наемный труд, подчиненный капиталу, по самой своей природе относится безразлично к специфическому характеру своих работ, он должен видоизменяться сообразно потребностям капитала и допускать переброску его из одной сферы производства в другую.

Во-вторых, на деле одна сфера производства так же хороша или плоха, как и другая; каждая приносит одинаковую прибыль, и каждая не оправдывала бы своего назначения, если бы производимые ею товары не удовлетворяли какой-либо общественной потребности.

Но если товары продаются по их стоимостям, то, как было уже показано выше, в разных сферах производства возникают весьма различные нормы прибыли в зависимости от различия органического строения вложенных в них масс капитала. Но капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции, — словом, посредством своего распределения между различными сферами производства, в зависимости от понижения и повышения нормы прибыли, капитал обусловливает такое соотношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль, и благодаря этому стоимости превращаются в цены производства. Это выравнивание капиталу удается осуществить тем полнее, чем выше капиталистическое развитие в данном национальном обществе, т. е. чем больше условия данной страны приспособлены к капиталистическому способу производства. С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия; оно подчиняет своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность общественных предпосылок, при которых совершается процесс производства.

Постоянное выравнивание постоянно возникающих неравенств происходит тем быстрее, чем, во-первых, подвижнее капитал, т. е. чем легче он может быть перенесен из одной сферы и из одного места в другие; во-вторых, чем скорее рабочая

сила может быть переброшена из одной сферы в другую, из одного центра производства данной местности в другой. Пункт первый предполагает полную свободу торговли внутри общества и устранение всех монополий, кроме естественных, т. е. устранение монополий, которые возникают из самого капиталистического способа производства. Далее, предполагается развитие кредитной системы, которая концентрирует распыленную массу свободного общественного капитала, противопоставляя ее отдельному капиталисту; наконец, — подчинение различных сфер производства капиталистам. Последнее уже включено в принятые нами предпосылки, раз мы допустили, что речь идет о превращении стоимостей в цены производства во всех капиталистически эксплуатируемых сферах производства; однако само это выравнивание наталкивается на более крупные препятствия, если между капиталистическими предприятиями вклиниваются и с ними переплетаются многочисленные и носящие массовый характер сферы производства, которые ведутся некапиталистически (например, земледелие мелких крестьян). Необходима, наконец, значительная плотность населения. Пункт второй предполагает: отмену всех законов, препятствующих рабочим перемещаться из одной сферы производства в другую или из одного центра производства данной местности в другой; безразличное отношение рабочего к содержанию его труда; возможно большее сведéние труда во всех сферах производства к простому труду; освобождение рабочих от всех профессиональных предрассудков; наконец, — и это в особенности — подчинение рабочего капиталистическому способу производства. Дальнейший анализ этого вопроса относится к специальному исследованию конкуренции.

Из сказанного следует, что каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность всех капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и обусловливает своим участием определенную степень этой эксплуатации — и участвует не только в силу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически; потому что, — если предположить данными все прочие условия, в том числе стоимость всего авансированного постоянного капитала, — средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда совокупным капиталом.

Средняя прибыль совпадает со средней прибавочной стоимостью, производимой капиталом на каждую сотню, и по отношению к прибавочной стоимости только что сказанное понятно само собой. Что касается средней прибыли, то тут в качестве

одного из моментов, определяющих норму прибыли, присоединяется еще стоимость авансированного капитала. В самом деле, для капиталиста или для капитала определенной сферы производства специальный интерес в эксплуатации непосредственно занятых им рабочих ограничивается тем, чтобы при помощи исключительного чрезмерного труда, или при помощи понижения заработной платы ниже среднего уровня, или же при помощи исключительной производительности применяемого труда получить необычно высокую прибыль, — такую прибыль, которая превышает среднюю. Если же оставить это обстоятельство в стороне, то капиталист, даже вовсе не затрачивающий в своей отрасли производства переменного капитала, следовательно вовсе не применяющий труда (что в действительности, конечно, невозможно), был бы столь же сильно заинтересован в эксплуатации рабочего класса капиталом и совершенно так же извлекал бы свою прибыль из неоплаченного прибавочного труда, как и капиталист, который (опять-таки в действительности невозможное допущение) применял бы только один переменный капитал, затрачивая таким образом весь свой капитал на заработную плату. Но степень эксплуатации труда при данном рабочем дне зависит от средней интенсивности труда, при данной интенсивности — от длины рабочего дня. От степени эксплуатации труда зависит высота нормы прибавочной стоимости, следовательно, при данной общей массе переменного капитала — величина прибавочной стоимости, а потому и величина прибыли. Тот же специальный интерес, который капитал известной отрасли — в отличие от всего совокупного капитала — имеет в эксплуатации специально им занятых рабочих, отдельный капиталист — в отличие от всех капиталистов его отрасли — имеет в эксплуатации лично им занятых рабочих.

С другой стороны, каждая отдельная сфера капитала и каждый отдельный капиталист одинаково заинтересованы в производительности общественного труда, применяемого совокупным капиталом, потому что от этого зависят два обстоятельства. Во-первых, масса потребительных стоимостей, в которой выражается средняя прибыль; а это вдвойне важно, так как прибыль служит и фондом накопления нового капитала и фондом доходов, предназначенным для потребления. Во-вторых, величина стоимости всего авансированного капитала (постоянного и переменного), которая при данной величине прибавочной стоимости, или прибыли всего класса капиталистов, определяет норму прибыли, или прибыль на определенное количество капитала. Особый уровень производительности труда в отдельной

сфере или на отдельном индивидуальном предприятии этой сферы интересует лишь непосредственно причастных к делу капиталистов, поскольку он обеспечивает отдельной сфере возможность получать добавочную прибыль по сравнению со всем капиталом или отдельному капиталисту — по сравнению со всей его сферой.

Итак, мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым.

Цена производства включает в себя среднюю прибыль. Мы называем ее ценой производства — фактически это то же самое, что А. Смит называет «естественной ценой», Рикардо — «ценой производства», «стоимостью производства», физиократы — «необходимой ценой», причем никто из них не исследовал отличия цены производства от стоимости, — так как цена производства является постоянным условием предложения и воспроизводства товаров в каждой отдельной сфере производства [33]. Понятно также, почему те самые экономисты, которые восстают против определения стоимости товаров рабочим временем, количеством заключающегося в них труда, всегда говорят о ценах производства как о центрах, вокруг которых колеблются рыночные цены. Они могут позволить себе это, так как цена производства представляет собой форму, ставшую уже вполне внешней, и prima facie * иррациональную форму товарной стоимости, такую форму, которая выступает в процессе конкуренции, следовательно, в сознании обыкновенного капиталиста, а значит и в сознании вульгарных экономистов.

Из предшествующего изложения видно, каким образом рыночная стоимость (а все сказанное о ней применимо с необходимыми ограничениями и к цене производства) включает в себя добавочную прибыль тех, кто в каждой особой сфере производства производит при наиболее благоприятных условиях. За исключением случаев кризисов и перепроизводства вообще, это применимо ко всем рыночным ценам, как бы сильно они ни отклонялись от рыночных стоимостей и рыночных цен производства. Рыночная цена именно предполагает, что за все товары данного вида уплачивается одинаковая цена, несмотря

---

[33] *Malthus* [«Principles of Political Economy». London, 1836, p. 77 and sq.].
* — на первый взгляд. *Ред.*

на то, что товары эти могут быть произведены при очень различных индивидуальных условиях и могут, следовательно, иметь очень различные издержки производства. (О добавочной прибыли как следствии монополий в обычном смысле этого слова — искусственных или естественных — мы здесь не говорим.)

Однако добавочная прибыль может возникнуть, кроме того, еще в том случае, когда известные сферы производства в состоянии избежать превращения их товарных стоимостей в цены производства, а потому и сведѐния их прибылей к средней прибыли. В отделе о земельной ренте мы рассмотрим дальнейшее видоизменение этих двух форм добавочной прибыли.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВЛИЯНИЕ ОБЩИХ КОЛЕБАНИЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА

Пусть среднее строение общественного капитала будет $80_c + 20_v$, а прибыль 20 единиц. В таком случае норма прибавочной стоимости 100%. Общее повышение заработной платы, при прочих равных условиях, означает понижение нормы прибавочной стоимости. Для среднего капитала прибыль и прибавочная стоимость совпадают. Пусть заработная плата возросла на 25%. Та самая масса труда, привести в движение которую стоило 20 единиц, стоит теперь 25. Следовательно, мы имеем вместо $80_c + 20_v + 20_p$ за один оборот стоимость $80_c + 25_v + 15_p$. Труд, приведенный в движение переменным капиталом, производит теперь, как и раньше, сумму стоимости, равную 40. Раз v возросло с 20 до 25, то избыток, m, соответственно p, теперь = только 15. Прибыль 15 на 105 составляет $14^2/_7\%$, и это было бы новой средней нормой прибыли. Так как цена производства товаров, производимых средним капиталом, совпадает с их стоимостью, то цена производства этих товаров не изменилась бы; следовательно, повышение заработной платы хотя и вызвало бы понижение прибыли, но не привело бы к изменению стоимости и цены товаров.

Раньше, когда средняя прибыль была = 20 единицам, цена производства товаров, произведенных в течение одного периода оборота, равнялась их издержкам производства плюс прибыль в 20 единиц на эти издержки производства, следовательно = $= k + kp = k + \frac{20k}{100}$, где k переменная величина, различная в зависимости от стоимости средств производства, входящих в товары, и в зависимости от величины износа, выражающего переход на продукт стоимости основного капитала, примененного в производстве этих товаров. Теперь цена производства составляет $k + \frac{14^2/_7 k}{100}$.

Возьмем теперь капитал, строение которого ниже, чем первоначальное строение среднего общественного капитала $80_c + 20_v$ (превратившееся теперь в $76^4/_{21c} + 23^{17}/_{21v}$), — например, $50_c + 50_v$. Здесь до повышения заработной платы цена производства годового продукта равнялась $50_c + 50_v + 20_p = 120$, — ради упрощения мы принимаем, что весь основной капитал входит в результате износа в годовой продукт и что время оборота такое же, как и в случае I. Повышение заработной платы на 25% дает для того же самого количества приведенного в движение труда повышение переменного капитала с 50 до $62^1/_2$. Если бы годовой продукт был продан по прежней цене производства 120, то это дало бы $50_c + 62^1/_{2v} + 7^1/_{2p}$, следовательно, — норму прибыли $6^2/_3\%$. Но новая средняя норма прибыли $14^2/_7\%$, и, так как мы предположили все прочие условия равными, этот капитал в $50_c + 62^1/_{2v}$ должен также дать указанную прибыль. Но капитал в $112^1/_2$ при норме прибыли $14^2/_7\%$ дает $16^1/_{14}$ прибыли. Таким образом, цена производства произведенных им товаров равна теперь $50_c + 62^1/_{2v} + 16^1/_{14p} = 128^8/_{14}$. Итак, вследствие повышения заработной платы на 25% цена производства того же самого количества того же самого товара возросла здесь со 120 до $128^8/_{14}$, или более чем на 7%.

Возьмем, наоборот, сферу производства более высокого строения, чем средний капитал, например $92_c + 8_v$. Следовательно, первоначальная средняя прибыль и здесь = 20, и если мы опять допустим, что весь основной капитал входит в годовой продукт и что время оборота остается такое же, как в случаях I и II, то цена производства товара и здесь = 120.

Вследствие повышения заработной платы на 25% переменный капитал, затрачиваемый на то же самое количество труда, возрастает с 8 до 10, издержки производства товаров увеличиваются, следовательно, со 100 до 102; с другой стороны, средняя норма прибыли с 20% упала до $14^2/_7\%$. Но $100 : 14^2/_7 = 102 : 14^4/_7$. Следовательно, прибыль, причитающаяся теперь на 102, составляет $14^4/_7$. И потому весь продукт продается за $k + kp' = 102 + 14^4/_7 = 116^4/_7$. Следовательно, цена производства упала с 120 до $116^4/_7$, или на $3^3/_7$.

Итак, вследствие повышения заработной платы на 25%:

1) для капитала среднего общественного строения цена производства товара осталась неизменной;

2) для капитала более низкого строения цена производства товара возросла, хотя и не в том отношении, в каком упала прибыль;

3) для капитала более высокого строения цена производства товара упала, хотя и не в том отношении, как прибыль.

Так как цена производства товаров, производимых капиталом среднего строения, осталась неизменной, равной стоимости продукта, то и сумма цен производства продуктов всех капиталов осталась неизменной, равной сумме стоимостей, произведенных совокупным капиталом; повышение, с одной стороны, понижение, с другой стороны, для всего капитала выравниваются до уровня общественного среднего капитала.

Если цена производства товаров в примере II повышается, а в примере III падает, то уже одно это противоположное действие, вытекающее из падения нормы прибавочной стоимости или из общего повышения заработной платы, показывает, что речь здесь не может идти о возмещении в цене товара потери, вызываемой повышением заработной платы, ибо в III случае падением цены производства капиталист не может, конечно, быть компенсирован за падение прибыли, да и повышение цены в случае II не предотвращает падения прибыли. Напротив, в обоих случаях, — и там, где цена повышается, и там, где она падает, — прибыль одинакова с прибылью среднего капитала, где цена остается неизменной. Прибыль одна и та же во II и III случае, а именно, это — средняя прибыль, понизившаяся на $5^5/_7$, или более чем на 25%. Отсюда следует, что, если бы в случае II цена не возрастала, а в III не падала, товары продавались бы в случае II с прибылью меньшей, а в III большей, чем новая понизившаяся средняя прибыль. Само собой понятно, что в зависимости от того, 50%, 25% или 10% капитала затрачиваются на труд, повышение заработной платы должно в весьма различной степени затрагивать того, кто затратил на заработную плату $^1/_{10}$, и того, кто затратил на нее $^1/_4$ или $^1/_2$ своего капитала. Повышение цен производства, с одной стороны, их падение — с другой, смотря по тому, выше или ниже строение данного капитала по сравнению с общественным средним строением, обусловливается лишь выравниванием до новой понизившейся средней прибыли.

Каким же образом подействует общее понижение заработной платы и соответствующее ему общее повышение нормы прибыли, а следовательно и средней прибыли, на цены производства товаров, которые являются продуктом капиталов, отклоняющихся от общественного среднего строения в противоположных направлениях? Стоит только перевернуть вышеприведенные рассуждения, чтобы получить результат (которого не исследует Рикардо).

I. Капитал со средним строением $= 80_c + 20_v = 100$; норма прибавочной стоимости $= 100\%$; цена производства = стоимости товара $= 80_c + 20_v + 20_p = 120$; норма прибыли $= 20\%$.

Пусть заработная плата понизится на одну четверть, так что тот же самый постоянный капитал будет приводиться в движение 15_v вместо прежних 20_v. Следовательно, мы получаем стоимость товара $= 80_c + 15_v + 25_p = 120$. Количество труда, произведенное v, остается неизменным, и лишь созданная им новая стоимость иначе распределяется между капиталистом и рабочим. Прибавочная стоимость возросла с 20 до 25, и норма прибавочной стоимости с $\frac{20}{20}$ до $\frac{25}{15}$, следовательно, со 100% до $166^2/_3$%. Прибыль на 95 теперь = 25; следовательно, норма прибыли на $100 = 26^6/_{19}$. Новое процентное строение капитала теперь $84^4/_{19c} + 15^{15}/_{19v} = 100$.

II. Капитал с низким строением. Первоначально $50_c + 50_v$, как выше. Вследствие понижения заработной платы на $^1/_4$ v сокращается до $37^1/_2$, а тем самым весь авансированный капитал — до $50_c + 37^1/_{2v} = 87^1/_2$. Если мы применим сюда новую норму прибыли $26^6/_{19}$%, то $100 : 26^6/_{19} = 87^1/_2 : 23^1/_{38}$. Та же самая масса товаров, которая раньше стоила 120, стоит теперь $87^1/_2 + 23^1/_{38} = 110^{10}/_{19}$; цена упала почти на 10 единиц.

III. Капитал с высоким строением. Первоначально $92_c + 8_v = 100$. Понижение заработной платы на $^1/_4$ понижает 8_v до 6_v, весь капитал — до 98. Следовательно, $100 : 26^6/_{19} = 98 : 25^{15}/_{19}$. Цена производства товаров, составлявшая прежде $100 + 20 = 120$, теперь, после падения заработной платы, равна $98 + 25^{15}/_{19} = 123^{15}/_{19}$; следовательно, она возросла почти на 4 единицы.

Итак, мы видим, что следует лишь повторить предыдущие рассуждения, но в обратном направлении и с соответствующими поправками; общее понижение заработной платы имеет своим результатом: общее повышение прибавочной стоимости, нормы прибавочной стоимости, а следовательно, при прочих равных условиях, нормы прибыли, хотя и в иной пропорции; понижение цен производства для товаров, произведенных капиталами с низким, повышение цен производства для товаров, произведенных капиталами с высоким строением. Результат — как раз противоположный тому, который мы имели при общем повышении заработной платы [34]. В обоих случаях — и при повышении и при понижении заработной платы — продолжительность рабочего дня предполагалась неизменяющейся точно так же,

---

[34] В высшей степени странно, что Рикардо [64] (который, конечно, строит свои рассуждения не так, как это сделано здесь, потому что процесс выравнивания стоимости в цену производства не был им понят) даже не касается этого случая и рассматривает лишь первый случай — повышение заработной платы и его влияние на цены производства товаров. A servum pecus imitatorum [65] не додумалось даже до того, чтобы сделать это само собой разумеющееся, в сущности тавтологическое, применение.

как и цена всех необходимых жизненных средств. Таким образом, понижение заработной платы здесь возможно лишь при том условии, если она или раньше стояла выше нормальной цены труда, или теперь опускается ниже ее. Какие произойдут модификации, если понижение или повышение заработной платы вызывается изменением стоимости, а следовательно и цен производства товаров, входящих в обычное потребление рабочего, это будет отчасти исследовано ниже, в отделе о земельной ренте. Здесь же мы заметим раз навсегда следующее:

Если повышение или понижение заработной платы вызывается изменением стоимости необходимых жизненных средств, то вышеприведенные соображения могут модифицироваться лишь постольку, поскольку товары, изменение цен которых повышает или понижает размеры переменного капитала, входят в то же время и в постоянный капитал в качестве образующих его элементов и, следовательно, воздействуют не на одну только заработную плату. Поскольку же они воздействуют только на заработную плату, вышеприведенные соображения заключают в себе все, что следует сказать относительно этого случая.

Во всей этой главе образование общей нормы прибыли, средней прибыли, а следовательно, и превращение стоимостей в цены производства, предполагалось как данный факт. Вопрос состоял лишь в том, каким образом общее повышение или понижение заработной платы должно повлиять на цены производства товаров, предположенные как данные величины. По сравнению с другими исследованными в этом отделе пунктами это очень второстепенный вопрос. Но это единственный из затронутых здесь вопросов, который рассматривает Рикардо, и притом, как увидим ниже [66], рассматривает односторонне и неудовлетворительно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ДОБАВЛЕНИЯ

I. ПРИЧИНЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕНЕ ПРОИЗВОДСТВА

Цена производства какого-либо товара может изменяться только в результате двух причин:

Во-первых. Изменяется общая норма прибыли. Это возможно лишь при том условии, если изменяется сама средняя норма прибавочной стоимости или — при неизменной средней норме прибавочной стоимости — если изменяется отношение суммы присваиваемой прибавочной стоимости к сумме всего авансированного общественного капитала.

Поскольку изменение нормы прибавочной стоимости основывается не на понижении заработной платы ниже или повышении ее выше нормального уровня, — а подобного рода движения следует рассматривать лишь как случайные колебания заработной платы, — изменение это может произойти только или вследствие того, что стоимость рабочей силы повысилась или понизилась; то и другое одинаково невозможно без изменения производительности труда, производящего жизненные средства, следовательно, без изменения стоимости товаров, входящих в потребление рабочих.

Или же изменяется отношение суммы присваиваемой прибавочной стоимости ко всему авансированному общественному капиталу. Так как изменение исходит здесь не от нормы прибавочной стоимости, то оно должно исходить от всего капитала, а именно от постоянной его части. Масса последней, рассматриваемая с технической стороны, увеличивается или уменьшается пропорционально количеству рабочей силы, купленной переменным капиталом, а масса стоимости постоянной части капитала растет или падает вместе с ростом и уменьшением самой ее массы, следовательно, она растет или падает также пропорционально массе стоимости переменного капитала. Если прежнее количество труда приводит в движение больше постоян-

ного капитала, то труд стал производительнее, и наоборот. Следовательно, раз совершилось изменение в производительности труда, то должно произойти изменение стоимости известных товаров.

Итак, в обоих случаях сохраняет силу следующий закон: если изменяется цена производства данного товара вследствие изменения общей нормы прибыли, то собственная стоимость этого товара может остаться неизменной, однако должно произойти изменение стоимости других товаров.

Во-вторых. Общая норма прибыли остается неизменной. Тогда цена производства товара может измениться лишь при том условии, если изменилась его собственная стоимость, если теперь требуется больше или меньше труда, чем раньше, для воспроизводства его самого, причем безразлично, изменяется ли производительность того труда, который производит данный товар в окончательной форме, или того труда, который производит товары, входящие в производство данного товара. Цена производства хлопчатобумажной пряжи может упасть или потому, что дешевле производится хлопок-сырец, или потому, что труд прядения стал производительнее вследствие усовершенствования машин.

Цена производства, как было показано выше, равняется $k + p$, т. е. издержкам производства плюс прибыль. А это, в свою очередь, равно $k + kp'$, где k, издержки производства, — неопределенная величина, изменяющаяся в различных сферах производства и всегда равная стоимости постоянного и переменного капитала, потребленного в производстве товара, а p' есть исчисленная в процентах средняя норма прибыли. Если $k = 200$, а $p' = 20\%$, то цена производства $k + kp' = 200 + 200 \times \frac{20}{100} = 200 + 40 = 240$. Очевидно, что эта цена производства может оставаться неизменной, хотя стоимость товаров изменяется.

Всякое изменение цены производства товаров в конечном счете сводится к изменению стоимости; но не всякое изменение стоимости товаров должно обязательно выразиться в изменении цены производства, так как эта последняя определяется не только стоимостью данного товара, но также совокупной стоимостью всех товаров. Изменение, касающееся товара A, может быть уравновешено противоположным изменением товара B, так что общее отношение остается неизменным.

II. ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ СРЕДНЕГО СТРОЕНИЯ

Мы видели, что отклонения цен производства от стоимостей происходят вследствие того:

1) что к издержкам производства товара присоединяется не та прибавочная стоимость, которая в нем содержится, а средняя прибыль;

2) что цена производства товара, отклоняющаяся таким образом от его стоимости, входит как элемент в издержки производства другого товара, так что уже в издержках производства товара может заключаться отклонение от стоимости потребленных на него средств производства независимо от того отклонения, которое для самого этого товара получается вследствие разницы между средней прибылью и прибавочной стоимостью.

Возможно таким образом, что и у товаров, произведенных капиталами среднего строения, издержки производства отклоняются от суммы стоимости элементов, из которых слагается эта составная часть их цены производства. Пусть среднее строение $80_c + 20_v$. Возможно, что в действительных капиталах, составленных таким образом, 80_c больше или меньше стоимости c, постоянного капитала, так как это c состоит из товаров, цена производства которых отклоняется от их стоимости. Равным образом 20_v могут отклоняться от их стоимости, если заработная плата расходуется на товары, цена производства которых отлична от стоимости; следовательно, рабочий, чтобы выкупить эти товары (возместить их), должен затратить больше или меньше рабочего времени, т. е. должен выполнить больше или меньше необходимого труда, чем это требовалось бы, если бы цены производства необходимых жизненных средств совпадали с их стоимостями.

Однако эта возможность нисколько не колеблет справедливости положений, установленных для товаров среднего строения. Количество прибыли, приходящейся на эти товары, равно количеству заключающейся в них самих прибавочной стоимости. Например, в вышеприведенном капитале строения $80_c + 20_v$ для определения прибавочной стоимости важно не то, выражают эти числа действительные стоимости или нет, а то, в каком отношении они находятся между собой, именно, что $v = {}^1/_5$ всего капитала и $c = {}^4/_5$. Раз это так, прибавочная стоимость, которую произвело v, равна, как было выше предположено, средней прибыли. С другой стороны, так как прибавочная стоимость равна средней прибыли, то цена производства = издержкам производства + прибыль = $k + p = k + m$, практически равна стоимости товара. То есть повышение или понижение

заработной платы оставляет в этом случае $k + p$ столь же неизменным, сколь неизменной оставило бы оно стоимость товара, и вызывает только соответственное обратное движение, понижение или повышение, на стороне нормы прибыли. А именно, если бы вследствие повышения или понижения заработной платы изменилась в данном случае цена товаров, то норма прибыли в этих сферах среднего строения оказалась бы выше или ниже ее уровня в других сферах. Лишь поскольку цена остается неизменной, сферы среднего строения сохраняют свой уровень прибыли, одинаковый с другими сферами. Таким образом практически дело происходит совершенно так, как если бы продукты этой сферы продавались по их действительной стоимости. В самом деле, если товары продаются по их действительным стоимостям, то очевидно, что при прочих равных условиях повышение или понижение заработной платы вызовет соответственное понижение или повышение прибыли, но отнюдь не изменение стоимости товаров, и что при всех обстоятельствах повышение или понижение заработной платы может затронуть только величину прибавочной стоимости, а никак не стоимость товаров.

III. ОСНОВАНИЯ У КАПИТАЛИСТА ДЛЯ КОМПЕНСАЦИИ

Как уже было сказано, конкуренция выравнивает нормы прибыли различных сфер производства в среднюю норму прибыли и именно этим превращает стоимости продуктов этих различных сфер в цены производства. И это совершается путем постоянного перелива капитала из одной сферы в другую, где в данный момент прибыль стоит выше среднего уровня; при этом, однако, должны быть приняты во внимание колебания прибыли, связанные для известной отрасли промышленности на протяжении известного периода с чередованием скудных и весьма прибыльных годов. Эта непрерывная эмиграция и иммиграция капитала, происходящая между различными сферами производства, вызывает восходящие и нисходящие движения нормы прибыли, которые более или менее взаимно уравновешиваются и в силу этого имеют тенденцию повсюду сводить норму прибыли к одному общему уровню.

Это движение капиталов обусловливается в первую очередь состоянием рыночных цен, которые здесь поднимают прибыль выше общего среднего уровня, там понижают ее ниже этого уровня. Мы оставляем пока в стороне купеческий капитал, до которого здесь нам еще нет дела и который, как показывают внезапно разражающиеся пароксизмы спекуляции известными

излюбленными ею предметами, с чрезвычайной быстротой способен извлекать массы капитала из одной отрасли предпринимательства и столь же быстро бросать их в другую. Но в каждой сфере собственно производства — промышленности, земледелии, горном деле и т. д. — перелив капитала из одной сферы в другую представляет значительные трудности, в особенности ввиду наличия основного капитала. К тому же опыт показывает, что если какая-либо отрасль промышленности, например хлопчатобумажная промышленность, в течение известного времени приносит необычно высокую прибыль, то в течение другого периода она приносит лишь ничтожную прибыль или даже убыток, так что за известный цикл лет средняя прибыль оказывается здесь приблизительно одинаковой с другими отраслями. И с этим опытом капитал скоро привыкает считаться.

Но чего конкуренция *не* обнаруживает, так это того, что стоимость господствует над движением производства, она не обнаруживает стоимостей, которые скрываются за ценами производства и в конечном счете определяют их. Зато конкуренция обнаруживает, напротив: 1) средние прибыли, независимые от органического строения капитала в различных сферах производства, следовательно, независимые и от массы живого труда, присваиваемого данным капиталом в данной сфере эксплуатации; 2) повышение и понижение цен производства вследствие изменения заработной платы — явление, на первый взгляд совершенно противоречащее стоимостному отношению товаров; 3) колебания рыночных цен, которые сводят среднюю рыночную цену товаров за данный период не к рыночной *стоимости,* а к уклоняющейся от нее, весьма отличной от нее рыночной цене производства. *Кажется,* что все эти явления противоречат в равной степени и определению стоимости рабочим временем, и природе прибавочной стоимости, состоящей из неоплаченного прибавочного труда. *Таким образом в конкуренции все проявляется в искаженном виде.* Тот сложившийся уже вид экономических отношений, который выступает на поверхности, в их реальном существовании, а следовательно и в тех представлениях, при помощи которых пытаются уяснить себе эти отношения их носители и агенты, весьма сильно отличается от их внутреннего, существенного, но скрытого основного содержания и на деле искажает его и противоречит как ему самому, так и соответствующему ему понятию.

Далее. Когда капиталистическое производство достигает известной степени развития, выравнивание различных норм прибыли отдельных сфер производства в общую норму прибыли

отнюдь не совершается исключительно путем отталкивания и притяжения капитала рыночными ценами. После того как на известный период установились средние цены и соответствующие им рыночные цены, до *сознания* отдельных капиталистов доходит, что при таком выравнивании выравниваются *определенные различия,* которые немедленно учитываются капиталистами в их взаимных расчетах. В представлении капиталистов эти различия живут и учитываются ими как основания для компенсации.

Основой такого представления является при этом сама средняя прибыль, т. е. то, что капиталы равной величины в равные промежутки времени должны давать равную прибыль. А это, в свою очередь, основывается на том, что капитал каждой сферы производства должен pro rata * своей величине участвовать в присвоении совокупной прибавочной стоимости, выжатой из рабочих совокупным общественным капиталом; или что каждый отдельный капитал должен рассматриваться просто как часть совокупного капитала, каждый отдельный капиталист должен рассматриваться по существу как акционер общего предприятия, который участвует в общей прибыли pro rata величине своей доли во всем капитале.

На этом представлении основываются затем расчеты капиталистов. Так, например, если капитал оборачивается сравнительно медленно или потому, что товары дольше остаются в процессе производства, или потому, что они должны быть проданы на более отдаленных рынках, то прибыль, ускользающая от него вследствие этого, все-таки начисляется, следовательно, компенсируется путем надбавки к цене. Точно так же капиталовложения, подвергающиеся исключительно большим опасностям, например вложения в морской транспорт, тоже получают компенсацию в виде надбавки к цене. Когда капиталистическое производство, а вместе с ним и страховое дело достаточно развиваются, опасность становится фактически одинаковой для всех сфер производства (см. Корбет [67]); предприятия, наиболее подверженные опасности, платят, однако, более высокие страховые взносы и компенсируют себя за это в цене своих товаров. На практике все сводится к тому, что каждое обстоятельство, которое делает данное вложение капитала более прибыльным, а другое менее прибыльным, — а в известных границах все вложения считаются одинаково необходимыми, — принимается в расчет, как раз навсегда установленное основание для компенсации; причем уже нет надобности в новых

---

* — соответственно. *Ред.*

и новых действиях конкуренции, чтобы оправдать этот мотив или правильность этого расчета. Капиталист забывает только, — или, скорее, не видит, так как конкуренция ему этого не показывает, — что все эти основания для компенсации, выдвигаемые капиталистами друг против друга при взаимном расчете товарных цен в различных отраслях производства, покоятся исключительно на том, что все капиталисты имеют pro rata их капиталу одинаковое притязание на общую добычу, на совокупную прибавочную стоимость. Наоборот, так как фактически полученная ими прибыль отлична от выжатой ими прибавочной стоимости, то им *кажется,* что их основания для компенсации не выравнивают их участия в совокупной прибавочной стоимости, а *создают самоё прибыль,* так как эта последняя возникает якобы просто из так или иначе мотивированной надбавки к издержкам производства товаров.

В остальном и к средней прибыли применимо все то, что в главе VII, стр. 116 *, было сказано о представлении капиталиста относительно источника прибавочной стоимости. Здесь постановка вопроса меняется лишь постольку, поскольку при данной рыночной цене товаров и данной эксплуатации труда экономия на издержках производства зависит от индивидуального искусства, внимательности и т. д.

---

* См. настоящий том, стр. 150 - 151. *Ред.*

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ЗАКОН ТЕНДЕНЦИИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К ПОНИЖЕНИЮ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЗАКОН КАК ТАКОВОЙ

При данной заработной плате и при данной продолжительности рабочего дня переменный капитал, например в 100, представляет определенное число рабочих, приводимых в движение; он является показателем этого числа. Пусть, например, 100 ф. ст. составляют заработную плату 100 рабочих, скажем, за неделю. Если эти 100 рабочих совершают столько же необходимого труда, сколько прибавочного труда, если, следовательно, они ежедневно работают столько же времени на самих себя, т. е. для воспроизводства своей заработной платы, сколько на капиталистов, т. е. для производства прибавочной стоимости, то вся произведенная ими стоимость была бы = 200 ф. ст., а произведенная ими прибавочная стоимость составила бы 100 фунтов стерлингов. Норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ была бы = 100%. Однако эта норма прибавочной стоимости, как мы видели, выражалась бы в очень различных нормах прибыли соответственно различной величине постоянного капитала c и вместе с тем всего капитала K, так как норма прибыли $= \frac{m}{K}$. При норме прибавочной стоимости 100%:

Если $c = 50,\ v = 100,$ то $p' = \frac{100}{150} = 66^2/_3\%;$

» $c = 100,\ v = 100,$ то $p' = \frac{100}{200} = 50\%;$

» $c = 200,\ v = 100,$ то $p' = \frac{100}{300} = 33^1/_3\%;$

» $c = 300,\ v = 100,$ то $p' = \frac{100}{400} = 25\%;$

» $c = 400,\ v = 100,$ то $p' = \frac{100}{500} = 20\%.$

Таким образом, при неизменяющейся степени эксплуатации труда одна и та же норма прибавочной стоимости выражалась бы в понижающейся норме прибыли, потому что вместе с материальным объемом постоянного капитала возрастает, хотя и не в той же пропорции, и величина стоимости постоянного, а следовательно и всего, капитала.

Если мы далее предположим, что это постепенное изменение строения капитала происходит не только в отдельных сферах производства, но более или менее во всех или, по крайней мере, в решающих сферах производства, так что оно равносильно изменению среднего органического строения всего капитала, принадлежащего определенному обществу, то такое постепенное возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным необходимо должно иметь своим результатом *постепенное понижение общей нормы прибыли* при неизменяющейся норме прибавочной стоимости, или при неизменяющейся степени эксплуатации труда капиталом. Но законом капиталистического способа производства оказалось, что с его развитием совершается относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным капиталом и, следовательно, по сравнению со всем приводимым в движение капиталом. Это означает только то, что одинаковое число рабочих, одинаковое количество рабочей силы, которым может располагать переменный капитал данной стоимостной величины, вследствие развития методов производства, свойственных капиталистическому производству, за одинаковое время приводит в движение, перерабатывает и производительно потребляет постоянно возрастающую массу средств труда, машин и других видов основного капитала, сырья и вспомогательных материалов, а потому — и постоянный капитал, постоянно возрастающий по своей стоимостной величине. Такое прогрессирующее относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным, и, следовательно со всем, капиталом тождественно с прогрессирующим повышением среднего органического строения общественного капитала. Это является также только иным выражением прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, которое сказывается именно в том, что посредством возрастающего применения машин и вообще основного капитала при том же числе рабочих в такое же время, т. е. с меньшим трудом, превращается в продукты большее количество сырья и вспомогательных материалов. Этому возрастанию стоимостной величины постоянного капитала, — хотя оно лишь отдаленным образом представляет возрастание действительной массы потребительных стоимостей, из которых

вещественно состоит постоянный капитал, — соответствует возрастающее удешевление продукта. Каждый индивидуальный продукт, рассматриваемый сам по себе, содержит меньшую сумму труда, чем на низшей ступени производства, где отношение капитала, затраченного на труд, к капиталу, затраченному на средства производства, представляет несравненно бо̀льшую величину. Следовательно, гипотетический ряд, приведенный нами в начале главы, выражает действительную тенденцию капиталистического производства. Последнее вместе с прогрессирующим относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным создает все более высокое органическое строение всего капитала, непосредственным результатом чего является то, что при неизменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда норма прибавочной стоимости выражается в постоянно понижающейся общей норме прибыли. (Дальше будет показано*, почему понижение выступает не в этой абсолютной форме, а скорее как тенденция к прогрессивному понижению.) Следовательно, возрастающая тенденция общей нормы прибыли к понижению есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, *выражение, свойственное капиталистическому способу производства.* Это не значит, что норма прибыли не может временно понижаться и по другим причинам, но таким образом, исходя из сущности капиталистического способа производства, доказано, как сама собой разумеющаяся необходимость, что с развитием капиталистического способа производства общая средняя норма прибавочной стоимости должна выражаться в понижающейся общей норме прибыли. Так как масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по сравнению с массой приводимого им в движение овеществленного труда, с массой производительно потребляемых средств производства, то отношение той части этого живого труда, которая не оплачена и овеществлена в прибавочной стоимости, к стоимостной величине всего вложенного капитала должно постоянно уменьшаться. Но это отношение массы прибавочной стоимости к стоимости всего вложенного капитала образует норму прибыли, которая поэтому должна постоянно падать.

Как ни прост кажется этот закон после всего нами изложенного, но всей предшествующей политической экономии не удавалось открыть его, как мы это увидим в одном из последующих отделов [68]. Она наблюдала явление и мучилась в противоречивых

---

* См. настоящий том, гл. XIV. *Ред.*

попытках объяснить его. Но при том огромном значении, какое имеет этот закон для капиталистического производства, можно сказать, что он составляет тайну, над разрешением которой бьется вся политическая экономия со времени Адама Смита, и что различие между разными школами после А. Смита состоит в различии попыток ее разрешения. С другой стороны, если принять во внимание, что хотя вся предшествующая политическая экономия и ходила вокруг да около различия между постоянным и переменным капиталом, но так и не сумела определенно его сформулировать; что она никогда не представляла прибавочную стоимость отдельно от прибыли, а прибыль вообще никогда не представляла в чистом виде, в отличие от ее различных обособившихся друг от друга составных частей, — как промышленная прибыль, торговая прибыль, процент, земельная рента; — что она никогда не анализировала основательно различия в органическом строении капитала, а следовательно и образования общей нормы прибыли, — то перестает быть загадочным то обстоятельство, что ей никогда не удавалось разрешить этой загадки.

Мы намеренно даем изложение этого закона раньше, чем показали распадение прибыли на различные обособившиеся одна от другой категории. Возможность выведения этого закона независимо от распадения прибыли на различные части, приходящиеся на долю лиц различных категорий, прямо доказывает независимость закона в его всеобщности от такого распадения и от взаимных отношений между различными категориями прибыли, возникающими в результате этого распадения. Прибыль, о которой мы говорим здесь, есть только другое название самой прибавочной стоимости, которая представлена лишь в отношении ко всему капиталу, а не только к одному переменному капиталу, из которого она возникает. Следовательно, понижение нормы прибыли выражает убывающее отношение самой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, и потому оно независимо от какого бы то ни было распределения этой прибавочной стоимости между различными категориями.

Мы видели, что если на одной ступени капиталистического развития, когда строение капитала $c : v = 50 : 100$, норма прибавочной стоимости в 100% выражается в норме прибыли $= 66^2/_3\%$, то на более высокой ступени, когда $c : v = 400 : 100$, та же самая норма прибавочной стоимости выражается в норме прибыли лишь 20%. То, что относится к различным последовательным ступеням развития одной и той же страны, относится и к различию ступеней развития в одно

и то же время, различных стран. В неразвитой стране, где первое строение капитала является средним, общая норма прибыли была бы $= 66^2/_3\%$, тогда как в стране со вторым строением капитала, стоящей на значительно более высокой ступени развития, она была бы $= 20\%$.

Различие обеих национальных норм прибыли могло бы исчезнуть и даже принять обратный вид вследствие того, что в менее развитой стране труд был бы менее производителен, поэтому большее количество труда выражалось бы в меньшем количестве одного и того же товара, бòльшая меновая стоимость выражалась бы в меньшей потребительной стоимости, следовательно, рабочий тратил бы бòльшую часть своего времени на воспроизводство средств своего собственного существования или их стоимости и меньшую часть на создание прибавочной стоимости, доставлял бы меньше прибавочного труда, так что норма прибавочной стоимости была бы ниже. Если бы, например, в менее развитой стране рабочий $^2/_3$ рабочего дня работал на самого себя, а $^1/_3$ на капиталиста, то, если принять предположения вышеприведенного примера, эта же самая рабочая сила оплачивалась бы в $133^1/_3$ и доставила бы избыток только в $66^2/_3$. Переменному капиталу в $133^1/_3$ соответствовал бы постоянный капитал в 50. Следовательно, норма прибавочной стоимости составляла бы в этом случае $66^2/_3 : 133^1/_3 = 50\%$, а норма прибыли $66^2/_3 : 183^1/_3$, или приблизительно $36^1/_2\%$.

Так как мы до сих пор еще не исследовали различных составных частей, на которые распадается прибыль, следовательно, они для нас еще не существуют, то мы только во избежание недоразумений наперед заметим следующее. При сравнении стран, стоящих на различных ступенях развития, именно стран с развитым капиталистическим производством и таких, где труд еще формально не подчинен капиталу, хотя в действительности рабочий эксплуатируется капиталистом (например в Индии, где райят ведет хозяйство как самостоятельный крестьянин, следовательно, его производство как таковое еще не подчинено капиталу, хотя ростовщик может вытянуть из него в форме процента не только весь его прибавочный труд, но даже, выражаясь капиталистически, часть его заработной платы), — при таком сравнении было бы весьма ошибочно измерять высоту национальной нормы прибыли национальной ставкой процента. В странах, где труд еще формально не подчинен капиталу, в процент включена вся прибыль и даже больше чем прибыль, тогда как в странах развитого капиталистического производства процент составляет лишь известную часть произведенной прибавочной стоимости, или прибыли. С другой

стороны, ставка процента здесь определяется главным образом такими отношениями (ссуды ростовщиков, предоставляемые знати, собственникам земельной ренты), которые не имеют решительно ничего общего с прибылью, а, напротив, показывают лишь, в какой мере ростовщик присваивает земельную ренту.

В той стране из числа стран с различными ступенями развития капиталистического производства и поэтому с различным органическим строением капитала, где нормальный рабочий день короче, норма прибавочной стоимости (один из факторов, определяющих норму прибыли) может стоять выше, чем в той, где он продолжительнее. *Во-первых,* если английский 10-часовой рабочий день вследствие своей более высокой интенсивности равен австрийскому 14-часовому рабочему дню, то при одинаковом разделении рабочего дня 5 часов прибавочного труда англичанина могут представлять на мировом рынке стоимость бо̀льшую, чем 7 часов австрийца. А, *во-вторых,* в Англии прибавочный труд может составлять бо̀льшую часть рабочего дня, чем в Австрии.

Закон понижения нормы прибыли, — причем в понижающейся норме прибыли получает выражение та же самая или даже возрастающая норма прибавочной стоимости, — иными словами означает следующее: если взять какое-нибудь определенное количество среднего общественного капитала, например капитал в 100, то часть его, заключающаяся в средствах труда, все возрастает, а часть, заключающаяся в живом труде, все уменьшается. Следовательно, так как совокупная масса живого труда, присоединяемого к средствам производства, относительно уменьшается по сравнению со стоимостью этих средств производства, то относительно уменьшается по сравнению со стоимостью всего авансированного капитала и неоплаченный труд и та часть стоимости, в которой он выражается. Или: из всего затрачиваемого капитала в живой труд превращается все меньшая часть, и поэтому весь этот капитал всасывает по сравнению со своей величиной все меньше прибавочного труда, хотя одновременно с этим может возрастать отношение неоплаченной части применяемого труда к его оплаченной части. Относительное уменьшение переменного капитала и увеличение постоянного при абсолютном возрастании обеих этих частей есть, как мы сказали, только другое выражение возрастающей производительности труда.

Положим, что капитал в 100 состоит из $80_c + 20_v$, последние $= 20$ рабочим. Норма прибавочной стоимости пусть будет 100%, т. е. рабочие половину дня работают на себя и половину

дня на капиталиста. В другой, менее развитой стране капитал пусть будет $= 20_c + 80_v$, причем эти последние $= 80$ рабочим. Эти рабочие $^2/_3$ рабочего дня работают на себя, и только $^1/_3$ они работают на капиталиста. При прочих равных условиях рабочие в первом случае производят стоимость в 40, во втором в 120. Первый капитал производит $80_c + 20_v + 20_m = 120$; норма прибыли $= 20\%$. Второй капитал $20_c + 80_v + 40_m = 140$; норма прибыли $= 40\%$. Следовательно, во втором случае она вдвое больше, чем в первом, хотя в первом случае норма прибавочной стоимости $= 100\%$, вдвое больше, чем во втором, где она только 50%. Но зато равновеликий капитал в первом случае присваивает прибавочный труд только 20, а во втором 80 рабочих.

Закон прогрессирующего падения нормы прибыли, или относительного уменьшения присваиваемого прибавочного труда по сравнению с массой овеществленного труда, приводимой в движение живым трудом, отнюдь не исключает возрастания абсолютной массы труда, приводимого в движение и эксплуатируемого общественным капиталом, а потому и возрастания абсолютной массы присваиваемого им прибавочного труда; точно так же он не исключает того, что капиталы, находящиеся под командой отдельных капиталистов, командуют возрастающей массой труда, а следовательно и прибавочного труда, — последнее может иметь место даже в том случае, если число находящихся под их командой рабочих не возрастает.

Если взять рабочее население данной численности, например два миллиона, и принять, далее, продолжительность и интенсивность среднего рабочего дня, а также заработную плату, — а вместе с тем и отношение между необходимым и прибавочным трудом, — за величины данные, то совокупный труд этих двух миллионов, а также и их прибавочный труд, выражающийся в прибавочной стоимости, постоянно производит стоимость одинаковой величины. Но с возрастанием массы постоянного — основного и оборотного — капитала, приводимого в движение этим трудом, падает отношение этой величины стоимости к стоимости этого капитала, которая возрастает вместе с его массой, хотя и не в одинаковой пропорции. Это отношение, а потому и норма прибыли, падает, хотя капитал командует такой же массой живого труда, как и раньше, и всасывает такую же массу прибавочного труда. Отношение изменяется не потому, что уменьшается масса живого труда, а потому, что увеличивается масса уже овеществленного труда, приводимого им в движение. Уменьшение это относительно, а не абсолютно и на деле не имеет ничего общего с абсолютной величиной приводимого в движение

труда и прибавочного труда. Падение нормы прибыли возникает не из абсолютного, а только из относительного уменьшения переменной составной части совокупного капитала, из ее уменьшения по сравнению с постоянной составной частью.

То, что действительно для данной массы труда и массы прибавочного труда, действительно и для возрастающего числа рабочих, а потому при данных предпосылках и для возрастающей массы труда, находящегося под командой, и, в частности, для его неоплаченной части, для прибавочного труда. Если рабочее население увеличивается, например, с двух до трех миллионов, если переменный капитал, уплачиваемый ему в виде заработной платы, составлявший раньше два миллиона, теперь составляет три миллиона, а постоянный капитал в то же время увеличивается с 4 до 15 миллионов, то при данных предпосылках (неизменяющийся рабочий день и неизменяющаяся норма прибавочной стоимости) масса прибавочного труда, прибавочной стоимости, возрастает наполовину, на 50%, с 2 миллионов до 3. Тем не менее, несмотря на такое возрастание абсолютной массы прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, на 50%, отношение переменного капитала к постоянному упало бы с 2 : 4 до 3 : 15, и отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу представлялось бы в следующем виде:

$$\text{I.}\quad 4_c + 2_v + 2_m;\quad K = 6;\ p' = 33^1/_3\%.$$
$$\text{II.}\quad 15_c + 3_v + 3_m;\quad K = 18;\ p' = 16^2/_3\%.$$

В то время как масса прибавочной стоимости увеличилась наполовину, норма прибыли упала наполовину сравнительно с прежней. Но прибыль есть только прибавочная стоимость, взятая по отношению к общественному капиталу, и потому масса прибыли, ее абсолютная величина, взятая в общественном масштабе, равна абсолютной величине прибавочной стоимости. Следовательно, абсолютная величина прибыли, ее общая масса возросла бы на 50%, несмотря на чрезвычайное относительное уменьшение этой массы прибыли по сравнению со всем авансированным капиталом, или несмотря на чрезвычайное уменьшение общей нормы прибыли. Таким образом, число рабочих, занятых капиталом, т. е. абсолютная масса труда, приводимого им в движение, следовательно, абсолютная масса высасываемого им прибавочного труда, а потому и масса производимой им прибавочной стоимости, а значит и абсолютная масса производимой им прибыли, *может* возрастать, и возрастать прогрессивно, несмотря на прогрессивное падение нормы прибыли. Это не только *возможно*. На основе капитали-

стического производства так *должно* быть, если оставить в стороне преходящие колебания.

Процесс капиталистического производства по существу есть в то же время и процесс накопления. Мы показали, как с развитием капиталистического производства масса стоимости, которая должна быть просто воспроизведена, сохранена, увеличивается и возрастает вместе с повышением производительности труда, если даже применяемая рабочая сила остается неизменной. Но с развитием общественной производительной силы труда еще быстрее возрастает масса производимых потребительных стоимостей, часть которых составляют средства производства. А количество добавочного труда, путем присвоения которого это добавочное богатство может быть снова превращено в капитал, зависит не от стоимости, а от массы этих средств производства (включая и жизненные средства), так как в процессе труда рабочий имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью средств производства. Однако само накопление и сопровождающая его концентрация капитала сами являются материальным средством увеличения производительной силы. Но это возрастание средств производства предполагает возрастание численности рабочего населения, создание населения рабочих, соответствующего добавочному капиталу и даже в общем и целом постоянно превышающего его потребности, следовательно, предполагает перенаселение рабочих. Временный избыток добавочного капитала сравнительно с рабочим населением, находящимся под его командой, может оказывать двоякое влияние. С одной стороны, он может постепенно увеличивать рабочее население путем повышения заработной платы, т. е. путем смягчения губительных влияний, сокращающих прирост рабочих, и облегчением браков. А с другой стороны, посредством применения методов, создающих относительную прибавочную стоимость (введение и усовершенствование машин), он может еще быстрее создавать искусственное относительное перенаселение, которое, в свою очередь, — так как при капиталистическом производстве нищета порождает население, — служит теплицей для действительно быстрого увеличения численности населения. Поэтому из природы капиталистического процесса накопления, который составляет лишь момент в капиталистическом процессе производства, само собой следует, что возросшая масса средств производства, предназначенных к превращению в капитал, всегда находит в наличии соответственно увеличившееся и даже избыточное рабочее население, пригодное для эксплуатации. Следовательно, с развитием процесса производства и накопления необходимо *должна*

возрастать масса прибавочного труда, который можно присваивать и который действительно присваивается, а потому должна возрастать и абсолютная масса прибыли, присваиваемой общественным капиталом. Но те же законы производства и накопления вместе с увеличением массы постоянного капитала обусловливают в возрастающей прогрессии увеличение его стоимости более быстрое, чем увеличение стоимости переменной части капитала, обмениваемой на живой труд. Таким образом, в силу одних и тех же законов абсолютная масса прибыли на общественный капитал возрастает, а норма прибыли понижается.

Мы здесь совершенно не принимаем во внимание, что с прогрессом капиталистического производства и соответствующего ему развития производительной силы общественного труда и при умножении отраслей производства, а следовательно и продуктов, прежняя величина стоимости представляет прогрессивно возрастающую массу потребительных стоимостей и предметов потребления.

Ход развития капиталистического производства и накопления обусловливает то обстоятельство, что процесс труда совершается во все возрастающем масштабе, а это, в свою очередь, обусловливает увеличение авансирований капитала на каждое отдельное предприятие. Поэтому возрастающая концентрация капиталов (сопровождаемая в то же время, хотя и в меньшей степени, увеличением числа капиталистов) является и одним из материальных условий капиталистического производства и накопления и одним из создаваемых им самим результатов. Рука об руку и во взаимодействии с этим совершается прогрессирующая экспроприация более или менее непосредственных производителей. Таким образом в отношении отдельных капиталистов понятно, что они командуют все бо̀льшими рабочими армиями (как бы относительно ни уменьшался их переменный капитал по сравнению с постоянным), что масса присваиваемой ими прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, возрастает одновременно с понижением нормы прибыли и несмотря на такое понижение. Именно те самые причины, в силу которых происходит концентрация массы рабочих армий под командой отдельных капиталистов, приводят также и к увеличению массы применяемого основного капитала, сырья и вспомогательных материалов, относительно более быстрому и значительному, чем увеличение массы применяемого живого труда.

Далее, нам достаточно здесь просто упомянуть, что при данной численности рабочего населения, если норма прибавочной стоимости возрастает, — вследствие ли удлинения рабочего

дня или интенсификации труда рабочего или же вследствие понижения заработной платы в стоимостном выражении, являющегося результатом развития производительной силы труда, — масса прибавочной стоимости, а потому и абсолютная масса прибыли, должна возрасти, несмотря на относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным.

То же самое развитие производительной силы общественного труда, те же самые законы, которые выражаются в относительном уменьшении переменного капитала по сравнению со всем капиталом и в ускоряющемся вместе с тем накоплении, — между тем как, с другой стороны, накопление, оказывая обратное действие, становится исходным пунктом дальнейшего развития производительной силы и дальнейшего относительного уменьшения переменного капитала, — это же самое развитие, если оставить в стороне временные колебания, выражается в прогрессивном увеличении всей применяемой рабочей силы, во все усиливающемся возрастании абсолютной массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли.

В какой же форме должен выражаться этот двойственный закон, согласно которому уменьшение *нормы* прибыли и одновременное увеличение абсолютной *массы* прибыли, возникает в силу одних и тех же причин; закон, основанный на том, что при данных условиях присваиваемая масса прибавочного труда, а следовательно и прибавочной стоимости, возрастает и что, если рассматривать весь капитал в целом или рассматривать каждый отдельный капитал только как часть всего капитала, прибыль и прибавочная стоимость суть тождественные величины?

Возьмем определенную сумму капитала, например 100, и вычислим по отношению к ней норму прибыли. Пусть эти 100 представляют среднее строение всего капитала, скажем, $80_c + 20_v$. Во втором отделе этой книги мы видели, что средняя норма прибыли в различных отраслях производства определяется не особым строением капитала в каждой отрасли, а его средним общественным строением. Вместе с относительным уменьшением переменной части по сравнению с постоянной и, следовательно, по сравнению со всем капиталом в 100 при неизменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда уменьшается норма прибыли, уменьшается относительная величина прибавочной стоимости, т. е. ее отношение к стоимости всего авансированного капитала в 100. Но уменьшается не только эта относительная величина. Величина прибавочной стоимости, или прибыли, которую всасывает весь капитал в 100, уменьшается абсолютно. При норме прибавочной

стоимости в 100% капитал в $60_c + 40_v$ производит массу прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли = 40; капитал в $70_c + 30_v$ производит массу прибыли в 30; при капитале в $80_c + 20_v$ прибыль понижается до 20. Это понижение касается массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, и вытекает из того, что весь капитал в 100 производит меньше прибавочной стоимости, так как он приводит в движение меньше живого труда вообще, а при неизменной степени эксплуатации меньше также и прибавочного труда. Если какую-нибудь определенную часть общественного капитала, следовательно капитала среднего общественного строения, принять за единицу меры для измерения прибавочной стоимости, — а это делается при каждом вычислении прибыли, — то вообще относительное понижение прибавочной стоимости и ее абсолютное понижение оказываются тождественными. В вышеприведенных примерах норма прибыли падает с 40% до 30% и до 20%, так как на деле масса прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, производимой одним и тем же капиталом, по своей абсолютной величине понижается с 40 до 30 и до 20. Так как величина стоимости капитала, с которым соизмеряется прибавочная стоимость, дана, именно = 100, то уменьшение отношения прибавочной стоимости к этой неизменяющейся величине может быть лишь особым выражением уменьшения абсолютной величины прибавочной стоимости и прибыли. На самом деле это — тавтология. Но то обстоятельство, что такое уменьшение наступает, — это, как было показано, вытекает из природы развития капиталистического процесса производства.

Но, с другой стороны, те самые причины, которые вызывают абсолютное уменьшение прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли на данный капитал, а потому и нормы прибыли, исчисляемой в процентах, эти же причины приводят к возрастанию абсолютной массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, присваиваемой всем общественным капиталом (т. е. совокупностью капиталистов). Как же это должно выразиться? Как это может выразиться? Или — какие условия предполагаются этим кажущимся противоречием?

Если всякая доля общественного капитала, равная 100, а следовательно всякая сотня капитала среднего общественного строения, есть величина данная, а потому для нее уменьшение нормы прибыли совпадает с уменьшением абсолютной величины прибыли, ибо как раз в этом случае капитал, которым она измеряется, есть величина постоянная, то, напротив, величина всего общественного капитала, как и капитала, находящегося в руках отдельных капиталистов, есть изменяющаяся величина,

которая, для того чтобы соответствовать предположенным условиям, должна изменяться в обратном отношении к уменьшению своей переменной части.

В прежнем примере при строении капитала $60_c + 40_v$ прибавочная стоимость, или прибыль на него, была 40, а потому норма прибыли 40%. Положим, что при таком строении весь капитал равнялся миллиону. В таком случае вся прибавочная стоимость, а следовательно вся прибыль, составляла бы 400 000. Если затем строение капитала будет $= 80_c + 20_v$, то при неизменяющейся степени эксплуатации труда прибавочная стоимость, или прибыль, на каждую сотню = 20. Но так как прибавочная стоимость, или прибыль, как мы показали, по своей абсолютной массе возрастает вопреки этой уменьшающейся норме прибыли или уменьшающемуся производству прибавочной стоимости на каждую сотню капитала, — возрастает, скажем, с 400 000 до 440 000, — то это возможно лишь благодаря тому, что весь капитал, образовавшийся одновременно с этим новым строением, возрос до 2 200 000. Масса всего приводимого в движение капитала увеличилась на 120%, тогда как норма прибыли упала на 50%. Если бы капитал только удвоился, то для того чтобы норма прибыли была 20%, он должен был бы произвести только такую же массу прибавочной стоимости и прибыли, как прежний капитал в 1 000 000 при норме прибыли в 40%. Если бы он возрос менее чем вдвое, то он произвел бы прибавочной стоимости и прибыли меньше, чем прежде производил капитал в 1 000 000, который для того, чтобы повысить свою прибавочную стоимость с 400 000 до 440 000, должен был бы при своем старом строении увеличиться с 1 000 000 только до 1 100 000.

Здесь проявляется уже ранее развитый закон[69], согласно которому с относительным уменьшением переменного капитала, следовательно с развитием общественной производительной силы труда, требуется постоянно возрастающая масса всего капитала для того, чтобы приводить в движение такое же количество рабочей силы и поглощать такую же массу прибавочного труда. Поэтому в той же мере, в какой развивается капиталистическое производство, развивается также возможность появления относительно избыточного рабочего населения, не потому, что производительная сила общественного труда *уменьшается,* а потому, что она *увеличивается,* т. е. не вследствие абсолютного несоответствия между трудом и средствами существования или средствами для производства этих средств существования, а вследствие несоответствия, вытекающего из капиталистической эксплуатации труда, несоответствия между прогрессивным

возрастанием капитала и его относительно уменьшающейся потребностью в возрастании населения.

Понижаясь на 50%, норма прибыли понижается наполовину. Поэтому, чтобы масса прибыли осталась прежней, капитал должен удвоиться. Для того чтобы при уменьшающейся норме прибыли масса прибыли оставалась неизменной, множитель, показывающий возрастание всего капитала, должен быть равен делителю, показывающему понижение нормы прибыли. Если норма прибыли понижается с 40% до 20%, то для того, чтобы результат оставался прежним, весь капитал должен, наоборот, увеличиться с 20 до 40. Если бы норма прибыли понизилась с 40% до 8%, то капитал должен был бы возрасти с 8 до 40, т. е. в пять раз. Капитал в 1 000 000 при норме прибыли в 40% производит 400 000 прибыли, и капитал в 5 000 000 при норме прибыли в 8% производит также 400 000 прибыли. Такое увеличение прибыли необходимо для того, чтобы прибыль оставалась прежней. Наоборот, чтобы получить бо̀льшую прибыль, капитал должен возрастать в большей пропорции, чем понижается норма прибыли. Другими словами: для того чтобы переменная составная часть всего капитала в ее абсолютном значении не только оставалась прежней, но и возрастала, хотя ее процентное отношение ко всему капиталу понижается, весь капитал должен возрастать в большей пропорции, чем понижается выраженная в процентах доля переменного капитала. Он должен возрастать настолько, чтобы при его новом строении для покупки рабочей силы требовалась не только прежняя переменная часть капитала, но еще некоторый добавок. Если у капитала в 100 переменная часть уменьшится с 40 до 20, то весь этот капитал должен возрасти более чем до 200, для того чтобы можно было применить переменный капитал больший, чем 40.

Даже в том случае, если бы эксплуатируемая масса рабочего населения оставалась неизменной и увеличилась бы только продолжительность и интенсивность рабочего дня, масса примененного капитала должна была бы возрасти, — она должна возрасти даже для того, чтобы с изменением строения капитала можно было бы применять прежнюю массу труда при прежних отношениях эксплуатации.

Итак, одно и то же развитие общественной производительной силы труда выражается с прогрессом капиталистического способа производства, с одной стороны, в тенденции к прогрессирующему понижению нормы прибыли, а с другой стороны, — в постоянном возрастании абсолютной массы присваиваемой прибавочной стоимости, или прибыли: так что в общем отно-

сительному уменьшению переменного капитала и прибыли соответствует абсолютное увеличение их обоих. Как мы показали, этот двусторонний результат может выразиться лишь в том, что весь капитал возрастает в более быстрой прогрессии, чем та, в какой понижается норма прибыли. Для того чтобы при более высоком строении капитала или при относительно более сильном увеличении постоянного капитала можно было применить абсолютно возросший переменный капитал, весь капитал должен возрасти не только в соответствии с более высоким строением, но еще быстрее. Из этого следует, что по мере развития капиталистического способа производства требуется все большее количество капитала для того, чтобы применять ту же самую рабочую силу, и тем более для того, чтобы применять увеличивающуюся рабочую силу. Итак, на капиталистическом базисе повышающаяся производительная сила труда необходимо создает постоянное явное перенаселение рабочих. Если переменный капитал составляет только $^1/_6$ всего капитала вместо прежней $^1/_2$, то для того чтобы дать занятие прежней рабочей силе, весь капитал должен утроиться; а для того чтобы дать занятие вдвое большей рабочей силе, он должен возрасти в шесть раз.

Предшествующая политическая экономия, не сумевшая объяснить закона понижения нормы прибыли, указывала на увеличивающуюся массу прибыли, на возрастание абсолютной величины прибыли отдельных капиталистов и всего общественного капитала как на своего рода утешение, но и это утешение покоилось на одних общих местах и возможностях.

Что масса прибыли определяется двумя факторами: во-первых, нормой прибыли и, во-вторых, массой капитала, который применяется при этой норме прибыли, — это бесспорный факт. Что масса прибыли, следовательно, может возрастать, несмотря на одновременное понижение нормы прибыли, — это только выражение указанного факта и оно не помогает продвинуться вперед ни на шаг, потому что возможен и такой случай, когда капитал возрастает, а масса прибыли не увеличивается, и что он может возрастать даже в то время, когда она падает: 100 при 25% дает 25, 400 при 5% дает только 20[35]. Но если те

---

[35] «Мы могли бы также ожидать, что, хотя норма прибыли на капитал уменьшается вследствие накопления капитала в земледелии и повышения заработной платы, все же общая сумма прибыли будет возрастать. Так, если мы предположим, что при повторных накоплениях, каждый раз в размере 100 000 ф. ст., норма прибыли падает с 20% до 19%, 18%, 17%, т. е. непрерывно понижается, то мы могли бы ожидать, что вся сумма прибыли, которую получают все следующие друг за другом владельцы капитала, будет все возрастать: что она больше, когда капитал достигает 200 000 ф. ст., чем когда он составляет 100 000 ф. ст., еще больше, когда он возрастает до 300 000 ф. ст.,

самые причины, которые вызывают понижение нормы прибыли, содействуют накоплению, т. е. образованию дополнительного капитала, и если каждый дополнительный капитал приводит в движение дополнительный труд и производит дополнительную прибавочную стоимость; если, с другой стороны, простое понижение нормы прибыли уже само по себе предполагает тот факт, что постоянный капитал, а следовательно весь прежний капитал, возрос, то весь этот процесс перестает быть таинственным. Впоследствии мы увидим, к каким умышленно искаженным вычислениям прибегали для того, чтобы устранить возможность увеличения массы прибыли при одновременном уменьшении нормы прибыли [71].

Мы показали, как те самые причины, которые вызывают тенденцию общей нормы прибыли к понижению, обусловливают ускоренное накопление капитала, а вследствие этого и возрастание абсолютной величины или общей массы присваиваемого им прибавочного труда (прибавочной стоимости, прибыли). Как в конкуренции, а следовательно и в сознании ее агентов, все выражается в искаженном виде; точно так же искаженно выражается в конкуренции и в сознании ее агентов и этот закон, — я имею в виду эту внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями, которые по своей внешней видимости противоречат одно другому. Ясно, что при тех пропорциях, которые приведены выше, капиталист, располагающий крупным капиталом, получает бо̀льшую массу прибыли, чем мелкий капиталист, получающий по видимости высокую прибыль. Далее, самое поверхностное рассмотрение конкуренции показывает, что если при известных обстоятельствах, как, например, во время кризиса, более крупный капиталист желает захватить место на рынке, оттеснить более мелких капиталистов, он пользуется этим практически, т. е. намеренно понижает свою норму прибыли, чтобы вытеснить сравнительно мелких капита-

---

и т. д., что, следовательно, она увеличивается при каждом увеличении капитала, хотя бы норма прибыли все время понижалась. Однако такая прогрессия имеет силу только в течение определенного времени. Так, 19% с 200 000 ф. ст. составляют больше, чем 20% с 100 000 ф. ст., 18% с 300 000 ф. ст. — больше, чем 19% с 200 000 ф. ст., но когда капитал будет накоплен в очень больших размерах, а норма прибыли упадет, тогда дальнейшее накопление будет уменьшать совокупную массу прибыли. Предположим, например, что накопление достигло 1 000 000 ф. ст., а норма прибыли составляет 7%, тогда вся сумма прибыли составит 70 000 фунтов стерлингов. Если теперь к миллиону прибавить еще 100 000 ф. ст. капитала, а норма прибыли упадет до 6%, то владельцы капитала получат уже только 66 000 ф. ст., или на 4 000 ф. ст. меньше, хотя общая сумма капитала возросла с 1 000 000 до 1 100 000 ф. ст.» (*Ricardo*. «Principles of Political Economy». Works ed. by MacCulloch, 1852, Ch. VI, p. 68—69). В действительности здесь предположено, что капитал возрастает с 1 000 000 до 1 100 000, т. е. на 10%, между тем как норма прибыли понижается с 7 до 6, т. е. на $14^2/_7$%. Hinc illae lacrimae [70].

листов. В частности, купеческий капитал, о котором подробнее будет сказано позже, также обнаруживает явления, из-за которых понижение прибыли представляется следствием расширения дела, а вместе с тем и увеличения капитала. Подлинно научное объяснение этих ошибочно понимаемых явлений мы дадим позже. Подобные поверхностные воззрения возникают из сравнения норм прибыли, получаемых в отдельных отраслях предпринимательства в зависимости от того, подчинены ли они режиму свободной конкуренции или монополии. Крайне поверхностное представление, которое засело в головах агентов конкуренции, мы находим и у нашего Рошера, — именно, что такое понижение нормы прибыли «благоразумнее и гуманнее» [72]. Уменьшение нормы прибыли представляется здесь как *следствие* увеличения капитала и связанного с ним расчета капиталистов, что при меньшей норме прибыли будет больше масса прибыли, которую они кладут себе в карман. Все это (за исключением того, что имеется у А. Смита, о чем мы поговорим позже [73]) основано на полном непонимании, что̀ такое вообще есть общая норма прибыли, и на грубом представлении, что цены в действительности определяются путем надбавки более или менее произвольной доли прибыли к действительной стоимости товаров. Как ни грубы такие представления, но они необходимо возникают вследствие того искаженного вида, какой принимают в сфере конкуренции имманентные законы капиталистического производства.

Закон, согласно которому понижение нормы прибыли, вызываемое развитием производительной силы, сопровождается увеличением массы прибыли, этот закон выражается и в том, что падение цен товаров, производимых капиталом, сопровождается относительным увеличением массы прибыли, заключающейся в них и реализуемой посредством их продажи.

Так как развитие производительной силы и соответствующее ему более высокое строение капитала приводит в действие все увеличивающееся количество средств производства при помощи все уменьшающегося количества труда, то каждая доля совокупного продукта, каждая единица товара или каждое определенное количество товара, служащее единицей меры для всей массы произведенных товаров, поглощает меньше живого труда и, кроме того, содержит меньше овеществленного труда как в виде изношенной части примененного основного капитала, так и в виде потребленного сырья и вспомогательных материалов. Следовательно, каждая единица товара содержит меньшую сумму труда, как овеществленного в средствах

производства, так и вновь присоединенного во время производства. Поэтому цена единицы товара понижается. Тем не менее, масса прибыли, заключающаяся в каждой единице товара, может увеличиться, если норма абсолютной или относительной прибавочной стоимости возрастает. Товар содержит меньше вновь присоединенного труда, но неоплаченная часть последнего возрастает сравнительно с оплаченной частью. Однако это происходит лишь в известных пределах. Вместе с чрезвычайно быстро совершающимся при развитии производства абсолютным уменьшением суммы живого труда, вновь присоединяемого к каждой единице товара, будет абсолютно уменьшаться и масса заключающегося в ней неоплаченного труда, как бы она ни возрастала относительно, именно по сравнению с оплаченной частью. Несмотря на возрастание нормы прибавочной стоимости, масса прибыли, приходящаяся на каждую единицу товара, будет значительно уменьшаться с развитием производительной силы труда; а такое уменьшение, совершенно так же, как понижение нормы прибыли, будет только замедляться удешевлением элементов постоянного капитала и другими обстоятельствами, которые указаны в первом отделе этой книги и которые при неизменной и даже при понижающейся норме прибавочной стоимости повышают норму прибыли.

То обстоятельство, что цена отдельных товаров, из суммы которых состоит совокупный продукт капитала, падает, означает только то, что данное количество труда реализуется в большей массе товаров, следовательно, что каждая штука товара содержит меньше труда, чем прежде. Это имеет место даже в том случае, если повышается цена некоторой части постоянного капитала, сырья и пр. За исключением отдельных случаев (например, если производительная сила труда равномерно удешевляет все элементы как постоянного, так и переменного капитала) норма прибыли будет падать, несмотря на повышенную норму прибавочной стоимости, во-первых, потому что даже увеличившаяся неоплаченная часть уменьшившейся общей суммы вновь присоединенного труда меньше, чем была меньшая неоплаченная часть сравнительно большей общей суммы, и, во-вторых, потому что более высокое строение капитала выражается в отдельном товаре таким образом, что часть его стоимости, представляющая вообще вновь присоединенный труд, уменьшается сравнительно с той частью стоимости, которая представлена в виде сырья, вспомогательных материалов и изношенной части основного капитала. Такое изменение соотношения различных составных частей цены отдельного товара — уменьшение той части цены, в которой представлен вновь присоединенный живой труд,

и увеличение той части цены, в которой представлен ранее овеществленный труд, — есть форма, в которой находит себе выражение в цене отдельного товара уменьшение переменного капитала сравнительно с постоянным. Поскольку такое уменьшение абсолютно для капитала данной величины, например 100, оно абсолютно также для каждого отдельного товара как соответственной доли воспроизведенного капитала. Однако норма прибыли, если только ее вычислять по отношению к элементам цены отдельного товара, представилась бы иной, чем она есть в действительности. И причина тому следующая:

{Норма прибыли исчисляется на весь вложенный капитал, но за определенное время, фактически за один год. Отношение произведенной и реализованной за год прибавочной стоимости, или прибыли, ко всему капиталу, взятое в процентах, дает норму прибыли. Следовательно, она не обязательно равна той норме прибыли, при которой в основу вычисления положен не год, а период оборота данного капитала; только в том случае, если этот капитал оборачивается именно один раз в год, обе нормы прибыли совпадают.

С другой стороны, прибыль, полученная в течение года, есть только сумма прибылей на товары, произведенные и проданные в течение этого года. Если же мы будем вычислять прибыль на издержки производства товаров, то мы получим норму прибыли $= \frac{p}{k}$, где p есть реализованная в течение года прибыль, а k есть сумма издержек производства товаров, произведенных и проданных за то же самое время. Очевидно, что эта норма прибыли $\frac{p}{k}$ только в том случае может совпадать с действительной нормой прибыли $\frac{p}{K}$, массой прибыли, деленной на весь капитал, если $k = K$, т. е. если капитал оборачивается ровно один раз в год.

Возьмем три различных состояния какого-нибудь промышленного капитала.

I. Капитал в 8 000 ф. ст. ежегодно производит и продает 5 000 штук товара по 30 шилл. за штуку, следовательно, его годовой оборот = 7 500 фунтов стерлингов. На каждую штуку товара он приносит прибыли 10 шилл. = 2 500 ф. ст. в год. Следовательно, в каждой штуке заключается 20 шилл. авансированного капитала и 10 шилл. прибыли, таким образом норма прибыли на каждую штуку составляет $\frac{10}{20} = 50\%$. На обернувшуюся сумму в 7 500 ф. ст. приходится 5 000 ф. ст. авансированного капитала и 2 500 ф. ст. прибыли; норма прибыли на

каждый оборот, $\frac{p}{k}$, тоже = 50%. Напротив, норма прибыли, вычисленная на весь капитал, $\frac{p}{K} = \frac{2\,500}{8\,000} = 31^1/_4\%$.

II. Положим, что капитал увеличился до 10 000 фунтов стерлингов. Допустим, что вследствие увеличения производительной силы труда он может ежегодно производить 10 000 штук товара при издержках производства в 20 шилл. на штуку. Он продает их с прибылью в 4 шилл., т. е. по 24 шилл. за штуку. В таком случае цена годового продукта = 12 000 ф. ст., из которых 10 000 ф. ст. составляют авансированный капитал, а 2 000 ф. ст. — прибыль. $\frac{p}{k}$ на штуку $= \frac{4}{20}$, для годового оборота $= \frac{2\,000}{10\,000}$, следовательно, в обоих случаях = 20%, а так как весь капитал равен сумме издержек производства, именно 10 000 ф. ст., то и $\frac{p}{K}$, действительная норма прибыли, на этот раз = 20%.

III. Положим, что капитал при постоянно возрастающей производительной силе труда увеличился до 15 000 ф. ст. и производит теперь ежегодно 30 000 штук товара при издержках производства в 13 шилл. на штуку, причем каждая штука продается с прибылью в 2 шилл., следовательно по 15 шиллингов. Таким образом, годовой оборот = 15 шилл. × 30 000 = = 22 500 ф. ст., из которых 19 500 приходится на авансированный капитал, а 3 000 ф. ст. составляют прибыль. Следовательно, $\frac{p}{k} = \frac{2}{13} = \frac{3\,000}{19\,500} = 15^5/_{13}\%$. Напротив, $\frac{p}{K} = \frac{3\,000}{15\,000} = 20\%$.

Итак, мы видим, что только в случае II, когда обернувшаяся капитальная стоимость равна всему капиталу, норма прибыли на штуку товара или на сумму оборота та же самая, как и вычисленная на весь капитал. В случае I, когда сумма оборота меньше всего капитала, норма прибыли, вычисленная на издержки производства товара, выше; в случае III, когда весь капитал меньше суммы оборота, она ниже, чем действительная норма прибыли, вычисленная на весь капитал. Этот результат является правилом для всех подобных случаев.

В торговой практике оборот обычно вычисляется неточно. Предполагают, что капитал обернулся один раз, если сумма реализованных товарных цен достигает суммы всего вложенного капитала. Но *капитал* только тогда может закончить полный оборот, когда сумма *издержек производства* реализованных товаров равняется сумме всего капитала. — *Ф. Э.*}

Здесь опять обнаруживается, как важно при капиталистическом производстве рассматривать отдельный товар, или товарный продукт, произведенный в течение определенного

времени, не обособленно, не сам по себе, не как простой товар, а как продукт авансированного капитала и в отношении ко всему капиталу, который производит эти товары.

Хотя *норма* прибыли выражается отношением массы произведенной и реализованной прибавочной стоимости не только к потребленной части капитала, снова появляющейся в товарах, а к этой части плюс часть капитала не потребленная, но примененная и продолжающая служить в производстве, тем не менее *масса* прибыли может быть равна только той массе прибыли или прибавочной стоимости, которая содержится в самих товарах и должна быть реализована посредством их продажи.

Если производительность труда в промышленности увеличивается, то цена отдельного товара падает. В нем содержится меньше труда, как оплаченного, так и неоплаченного. Пусть тот же самый труд производит, например, втрое большее количество продукта; в таком случае на каждый отдельный продукт приходится труда на $^2/_3$ меньше. А так как прибыль может составлять только часть этой массы труда, заключающейся в каждом отдельном товаре, то масса прибыли, приходящаяся на единицу товара, должна уменьшиться, и это в известных пределах наблюдается даже в том случае, если норма прибавочной стоимости повышается. Во всех случаях масса прибыли на весь продукт не упадет ниже первоначальной массы прибыли, если только капитал применяет такое же число рабочих, как прежде, при одинаковой степени эксплуатации труда. (Это может произойти и тогда, когда применяется меньше рабочих при более высокой степени эксплуатации.) Потому что в том же отношении, в каком уменьшается масса прибыли, приходящаяся на единицу продукта, увеличивается число этих продуктов. Масса прибыли остается прежняя, она только иначе распределяется на сумму товаров; но это нисколько не изменяет распределения между рабочими и капиталистами того количества стоимости, которое создано вновь присоединенным трудом. Масса прибыли может возрастать только в том случае, если при условии применения прежней массы труда возрастает неоплаченный прибавочный труд или если при неизменяющейся степени эксплуатации труда увеличивается число рабочих, или если происходит то и другое. Во всех этих случаях, — которые, однако, согласно принятым предпосылкам, предполагают возрастание постоянного капитала сравнительно с переменным и возрастание величины всего вложенного капитала, — единица товара содержит меньшую массу прибыли, и норма прибыли понижается, даже если ее вычислять на единицу товара; данное количество вновь присоединенного труда выражается в большем количестве

товаров; цена отдельного товара падает. Если рассматривать дело абстрактно, то при понижении цены отдельного товара, вследствие увеличения производительной силы труда, следовательно при одновременном увеличении числа этих более дешевых товаров, норма прибыли может остаться прежней, если, например, увеличение производительной силы влияет равномерно и одновременно на все составные части товаров, так что вся цена товара понижается в том же отношении, в каком увеличилась производительность труда, а с другой стороны, взаимное отношение различных составных частей цены товара осталось прежнее. Норма прибыли могла бы даже повыситься, если бы с повышением нормы прибавочной стоимости было связано значительное уменьшение стоимости элементов постоянного и в особенности основного капитала. Но в действительности, как мы уже видели, норма прибыли с течением времени понижается. Однако из понижения цены отдельного товара отнюдь нельзя делать выводов об изменении нормы прибыли. Все сводится к тому, как велика общая сумма капитала, участвующего в производстве товара. Например, пусть цена одного аршина ткани понизится с 3 шилл. до $1^2/_3$ шиллинга; если известно, что до такого понижения цены в одном аршине ткани заключалось на $1^2/_3$ шилл. постоянного капитала, пряжи и пр., $^2/_3$ шилл. заработной платы и $^2/_3$ шилл. прибыли, а после понижения цены — на 1 шилл. постоянного капитала, $^1/_3$ шилл. заработной платы и $^1/_3$ шилл. прибыли, то еще не известно, осталась ли норма прибыли прежняя или нет. Это зависит от того, возрос ли, и на сколько именно, весь авансированный капитал и на сколько аршин больше стал производить он в течение данного времени.

То вытекающее из природы капиталистического способа производства явление, что при возрастающей производительности труда цена отдельного товара, или данного количества товара, понижается, число товаров увеличивается, масса прибыли на отдельный товар и норма прибыли на данную сумму товаров понижаются, а масса прибыли на всю сумму товаров увеличивается, — это явление выражает на поверхности только понижение массы прибыли, приходящейся на отдельный товар, понижение его цены, увеличение массы прибыли на увеличившееся общее число товаров, произведенных всем капиталом общества или же отдельным капиталистом. Это явление воспринимается так, будто капиталист по доброй воле получает меньшую прибыль с единицы товара, но компенсирует себя тем, что производит большее количество товаров. Такое понимание основывается на представлении о прибыли, как «прибыли

от отчуждения» («profit upon alienation» [74]), а это представление, в свою очередь, взято из воззрений купеческого капитала.

Ранее, в четвертом и седьмом отделах первой книги «Капитала», мы видели, что масса товаров, возрастающая вместе с производительной силой труда, и удешевление отдельного товара (поскольку эти товары не влияют определяющим образом на цену рабочей силы) сами по себе, несмотря на понижение цены, не изменяют отношения оплаченного и неоплаченного труда в отдельном товаре.

Так как при конкуренции все представляется в ложном, в извращенном виде, то отдельный капиталист может вообразить себе: 1) что, понижая цену, он понижает свою прибыль с единицы товара, но вместе с тем выручает бо̀льшую прибыль вследствие увеличения массы товаров, которые он продает; 2) что он устанавливает цену единицы товара и посредством умножения определяет цену всего продукта, тогда как первоначальный процесс — это процесс деления (см. «Капитал», кн. I, гл. X, стр. 281 [75]); умножение же оказывается правильным лишь как второй этап, предполагающий предварительно такое деление. Вульгарный экономист в действительности только и делает, что переводит своеобразные представления капиталистов, захваченных конкуренцией, на якобы более теоретический, обобщающий язык, и вымучивает обоснование правильности этих представлений.

В действительности понижение цен товаров и увеличение массы прибыли на увеличивающуюся массу удешевленных товаров есть только другое выражение закона понижения нормы прибыли при одновременном увеличении ее массы.

Исследование того, насколько понижение нормы прибыли может совпадать с повышением цен, столь же мало относится сюда, как и пункт, рассмотренный раньше («Капитал», кн. I, стр. 280—281 [76]) в связи с вопросом об относительной прибавочной стоимости. Капиталист, применяющий усовершенствованные, но еще не получившие всеобщего распространения методы производства, продает по цене ниже рыночной, но выше его индивидуальной цены производства; таким образом, норма прибыли повышается для него до тех пор, пока ее не уравняет конкуренция; пока продолжается этот период выравнивания, происходит и другой процесс — рост капиталовложений; смотря по степени этого роста, капиталист будет в состоянии предоставить работу при новых условиях части прежде занятых рабочих, быть может, всем им или даже большему, чем прежде, числу рабочих, следовательно, будет в состоянии производить ту же самую или бо̀льшую массу прибыли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ ПРИЧИНЫ

Если принять во внимание чрезвычайное, сравнительно со всеми предыдущими периодами, развитие производительных сил общественного труда даже только за последние 30 лет, в особенности если принять во внимание, что не только собственно машины, а вся огромная масса основного капитала входит в совокупность общественного процесса производства, то вместо затруднения, которое до сих пор занимало экономистов, именно затруднения, как объяснить понижение нормы прибыли, возникает другое, противоположное затруднение, именно, как объяснить, почему такое падение не было более значительным или более быстрым. Это заставляет предполагать противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению. Наиболее общие из этих причин следующие.

I. ПОВЫШЕНИЕ СТЕПЕНИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА

Степень эксплуатации труда, присвоение прибавочного труда и прибавочной стоимости, повышается в частности посредством удлинения рабочего дня и интенсификации труда. Оба эти пункта подробно исследованы в «Капитале», кн. I, когда речь шла о производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Существует много таких факторов интенсификации труда, которые предполагают увеличение постоянного капитала по сравнению с переменным, следовательно, понижение нормы прибыли, — например, если рабочему приходится наблюдать за бо̀льшим числом машин. При этом, — как и при большей части способов, служащих для производства относительной прибавочной стоимости, — те же самые причины, которые вызывают возрастание нормы прибавочной стои-

мости, могут обусловливать уменьшение массы прибавочной стоимости, приходящейся на данную величину всего вложенного капитала. Но существуют другие факторы интенсификации труда, как, например, увеличение скорости машин, последние при этом потребляют в одинаковый промежуток времени больше сырья, но что касается основного капитала, то, хотя машины и изнашиваются быстрее, от этого нисколько не изменяется отношение их стоимости к цене труда, который приводит их в движение. Но в особенности увеличивает массу присваиваемого прибавочного труда удлинение рабочего дня — это изобретение современной промышленности; не изменяя существенным образом отношения применяемой рабочей силы к приводимому ею в движение постоянному капиталу, оно фактически приводит скорее к относительному уменьшению постоянного капитала. Впрочем, мы уже показали, что методы производства относительной прибавочной стоимости в общем и целом сводятся к следующему, — в этом, собственно, и заключается тайна тенденции нормы прибыли к понижению: с одной стороны, возможно бо̀льшую часть данной массы труда превращать в прибавочную стоимость, с другой стороны, — вообще применять как можно меньше труда по сравнению с авансированным капиталом; так что те самые причины, которые позволяют повышать степень эксплуатации труда, не допускают, чтобы капитал той же самой общей величины эксплуатировал столько же труда, как и прежде. Таковы противодействующие тенденции, которые повышают норму прибавочной стоимости и в то же время вызывают уменьшение массы прибавочной стоимости, производимой данным капиталом, а следовательно и понижение нормы прибыли. Здесь следует упомянуть также о массовом применении женского и детского труда, потому что при этом вся семья должна доставлять капиталу бо̀льшую массу прибавочного труда, чем прежде, даже если возрастает общая сумма заработной платы, получаемой этой семьей, хотя подобный случай отнюдь не представляет общего правила. Такое же влияние оказывает все то, что, как в земледелии, способствует при неизменяющейся величине применяемого капитала производству относительной прибавочной стоимости просто посредством улучшения методов производства. Хотя здесь применяемый постоянный капитал не возрастает по сравнению с переменным, поскольку мы рассматриваем последний как показатель занятой рабочей силы, но масса продукта возрастает по отношению к примененной рабочей силе. То же самое имеет место, если производительная сила труда (безразлично, входит ли продукт труда в потребление рабочих или в элементы постоянного

капитала) освобождается от препятствий, затрудняющих связь, от произвольных ограничений или от ограничений, становящихся стеснительными с течением времени, и вообще от всякого рода пут, причем этим первое время не затрагивается отношение переменного капитала к постоянному.

Когда капиталисты пользуются изобретениями и т. д., которые еще не получили всеобщего распространения, то у них имеют место временные повышения прибавочной стоимости над общим ее уровнем; может возникнуть вопрос, входят ли эти временные, но постоянно повторяющиеся повышения прибавочной стоимости над ее общим уровнем, обнаруживающиеся то в одной, то в другой отрасли производства, в число тех причин, которые тормозят падение нормы прибыли, но в конечном счете постоянно ускоряют его. На этот вопрос следует ответить утвердительно.

Масса прибавочной стоимости, произведенная капиталом данной величины, зависит от двух факторов, именно от нормы прибавочной стоимости и от числа рабочих, занятых при данной норме. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости она зависит от числа рабочих, а при данном числе рабочих — от нормы прибавочной стоимости, т. е. вообще от сложного отношения абсолютной величины переменного капитала и нормы прибавочной стоимости. Оказалось, что те самые причины, которые повышают норму относительной прибавочной стоимости, в среднем уменьшают массу применяемой рабочей силы. Но ясно, что увеличение или уменьшение происходит при этом в зависимости от определенного отношения между этими двумя противоположными движениями и что тенденция к уменьшению нормы прибыли ослабляется, в частности, повышением нормы абсолютной прибавочной стоимости, проистекающим из удлинения рабочего дня.

При исследовании нормы прибыли мы вообще установили, что понижению нормы, совершающемуся вследствие возрастания массы всего вложенного капитала, соответствует увеличение массы прибыли. Если рассматривать весь переменный капитал общества, то произведенная им прибавочная стоимость равна произведенной прибыли. Вместе с абсолютной массой прибавочной стоимости возросла и норма прибавочной стоимости; первая возросла потому, что увеличилась применяемая обществом масса рабочей силы, вторая — потому, что повысилась степень эксплуатации этого труда. Но по отношению к капиталу данной величины, например в 100 единиц, норма прибавочной стоимости может возрасти, тогда как масса ее в среднем понизится, потому что норма определяется тем отношением, в котором увеличи-

вается стоимость переменной части капитала; масса же, напротив, определяется той относительной долей, которую переменный капитал составляет от всего капитала.

Повышение нормы прибавочной стоимости, — так как оно происходит, между прочим, и при таких условиях, когда, как указано выше, постоянный капитал вовсе не увеличивается или увеличивается не в той пропорции, как переменный, — есть фактор, которым определяется масса прибавочной стоимости, а следовательно и норма прибыли. Этот фактор не уничтожает общего закона. Но он делает то, что этот закон действует скорее как тенденция, т. е. как закон, абсолютное осуществление которого задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами. Но так как те самые причины, которые повышают норму прибавочной стоимости (даже удлинение рабочего времени есть результат крупной промышленности), имеют тенденцию уменьшать количество рабочей силы, применяемой данным капиталом, то они же имеют тенденцию и уменьшать норму прибыли и замедлять процесс этого уменьшения. Если один рабочий вынужден делать работу двоих, — а если рационально работать, то эти двое могли бы заменить троих, — то он будет доставлять теперь столько же прибавочного труда, сколько раньше доставляли двое, и постольку норма прибавочной стоимости повысится. Но он не доставит его столько, сколько раньше доставляли трое, и таким образом масса прибавочной стоимости понизится. Но это понижение компенсируется или ограничивается повышением нормы прибавочной стоимости. Если все население будет работать при повышенной норме прибавочной стоимости, то масса прибавочной стоимости увеличится, хотя население останется тем же самым. Еще больше она увеличится при увеличении населения; и хотя это связано с относительным уменьшением числа занятых рабочих по сравнению с величиной всего капитала, однако это уменьшение ограничивается или задерживается вследствие повышения нормы прибавочной стоимости.

Прежде чем перейти к следующему пункту, мы должны еще раз подчеркнуть, что при данной величине капитала *норма* прибавочной стоимости может возрастать, когда *масса* ее уменьшается, и обратно. Масса прибавочной стоимости равна ее норме, помноженной на число рабочих; но эта норма никогда не исчисляется на весь капитал, а только на переменный капитал, в действительности только на один рабочий день. Напротив, при данной величине капитальной стоимости *норма прибыли* никогда не может повыситься или понизиться, если не увеличилась или не уменьшилась *масса прибавочной стоимости*.

II. ПОНИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НИЖЕ СТОИМОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Мы здесь только эмпирически указываем на это обстоятельство, так как в действительности оно, как и многое другое, что здесь можно было бы привести, относится не к общему анализу капитала, а к исследованию конкуренции, которое не входит в задачу настоящей работы. Однако оно является одной из значительнейших причин, которые задерживают тенденцию нормы прибыли к понижению.

III. УДЕШЕВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА

Сюда относится все то, что было сказано в первом отделе этой книги о причинах повышения нормы прибыли при неизменной норме прибавочной стоимости или независимо от нормы прибавочной стоимости, следовательно, и тот случай, когда, — если рассматривать весь капитал, — стоимость постоянного капитала возрастает не в такой пропорции, как его материальный объем. Например, количество хлопка, которое перерабатывает отдельный европейский прядильщик на современной фабрике, в колоссальной степени возросло по сравнению с тем количеством, которое европейский прядильщик перерабатывал раньше при помощи ручной прялки. Но стоимость перерабатываемого хлопка увеличилась не в такой пропорции, как его количество. То же самое можно сказать о машинах и другом основном капитале. Короче говоря, то самое развитие, которое увеличивает массу постоянного капитала по отношению к переменному, уменьшает стоимость его элементов вследствие повышения производительной силы труда и, следовательно, препятствует стоимости постоянного капитала, хотя и постоянно возрастающей, возрастать в таком же отношении, как возрастает материальный объем основного капитала, т. е. материальный объем средств производства, приводимых в движение тем же самым количеством рабочей силы. В отдельных случаях масса элементов постоянного капитала может даже увеличиться, в то время как его стоимость остается прежней или даже уменьшается.

В связи с только что сказанным стоит происходящее с развитием промышленности обесценение наличного капитала (т. е. его вещественных элементов). Оно также представляет собой одну из постоянно действующих причин, которые задерживают понижение нормы прибыли, хотя при некоторых обстоятельствах оно может уменьшать массу прибыли, уменьшая массу капитала, приносящего прибыль. Здесь снова оказывается,

что те самые причины, которые порождают тенденцию нормы прибыли к понижению, в то же время сдерживают осуществление этой тенденции.

IV. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

Создание относительного перенаселения неотделимо от развития производительной силы труда и ускоряется этим развитием, выражающимся в уменьшении нормы прибыли. Относительное перенаселение тем более заметно обнаруживается в данной стране, чем более развит в ней капиталистический способ производства. В свою очередь, оно является причиной того, что, с одной стороны, во многих отраслях производства продолжает существовать более или менее неполное подчинение труда капиталу — и притом продолжает существовать дольше, чем это на первый взгляд соответствует общему уровню развития; это — следствие дешевизны и чрезмерного количества имеющихся на рынке или уволенных наемных рабочих, а также более упорного сопротивления, которое в некоторых отраслях производства, по самой их природе, встречает превращение ручного труда в машинный. С другой стороны, возникают новые отрасли производства, в особенности предметов роскоши, — отрасли, базисом для которых служит именно избыточное население, зачастую образующееся вследствие преобладания постоянного капитала в других отраслях производства, и которые, в свою очередь, покоятся на преобладании в них элементов живого труда и лишь мало-помалу проходят такой же путь развития, как другие отрасли производства. В обоих случаях переменный капитал составляет значительную долю всего капитала, а заработная плата стоит ниже средней, так что в этих отраслях производства и норма прибавочной стоимости и масса прибавочной стоимости необычайно высоки. А так как общая норма прибыли образуется путем выравнивания норм прибыли отдельных отраслей производства, то та же причина, которая порождает тенденцию нормы прибыли к понижению, вызывает здесь противодействие этой тенденции, более или менее парализующее ее влияние.

V. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Поскольку внешняя торговля удешевляет отчасти элементы постоянного капитала, отчасти необходимые жизненные средства, в которые превращается переменный капитал, она способствует повышению нормы прибыли, так как повышает

норму прибавочной стоимости и понижает стоимость постоянного капитала. Она вообще влияет в этом смысле, позволяя расширять масштабы производства. Таким образом она ускоряет, с одной стороны, накопление, а с другой стороны, уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным, а потому ускоряет и понижение нормы прибыли. Точно так же расширение внешней торговли хотя и служило в младенческий период капиталистического способа производства базисом для него, однако, с его развитием, вследствие присущей этому способу производства внутренней необходимости, вследствие его потребности в постоянно расширяющемся рынке, оно стало его собственным результатом. Здесь снова обнаруживается такое же, как и в других случаях, двоякое влияние (Рикардо совершенно просмотрел эту сторону внешней торговли [77]).

Другой вопрос, — который ввиду своего специального характера лежит собственно вне рамок нашего исследования, — заключается в следующем: повышается ли общая норма прибыли вследствие более высокой нормы прибыли, которую дает капитал, вложенный во внешнюю, особенно в колониальную торговлю?

Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь имеет место конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что страна более развитая продает свои товары выше их стоимости, хотя и дешевле конкурирующих стран. Норма прибыли повышается, поскольку труд более развитой страны оценивается как труд более высокого удельного веса, поскольку этот труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. Такое же отношение может сложиться и для той страны, в которую отправляются товары, и для той, из которой товары поступают; может, в частности, оказаться, что такая страна отдает овеществленного труда in natura * больше, чем получает, и что все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить. Совершенно так же, как фабрикант, применяющий новое изобретение прежде, чем оно нашло всеобщее распространение, продает дешевле своих конкурентов и все-таки выше индивидуальной стоимости своих товаров, т. е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого им труда превращает в прибавочный труд. Он реализует таким образом добавочную прибыль. С другой стороны, что касается капиталов, вложенных в колониях и т. д.,

---

* — в натуральной форме. *Ред.*

то они могут давать более высокие нормы прибыли, так как там вследствие низкого уровня развития норма прибыли выше вообще, а в связи с применением рабов, кули и т. п. выше и степень эксплуатации труда. Совершенно непонятно, почему же эти сравнительно высокие прибыли, приносимые капиталами, вложенными в известные отрасли и отправляемые на родину, не должны участвовать здесь в выравнивании общей нормы прибыли, если на пути такого выравнивания не стоят монополии, и почему эти сравнительно высокие прибыли не должны pro tanto * повышать общую норму прибыли [36]. Этого невозможно понять в особенности в том случае, если отрасли, в которые вложен капитал, подчинены законам свободной конкуренции. Рикардо же, напротив, дело представляется следующим образом: на деньги, приобретенные за границей от продажи по более высокой цене, там покупаются товары и отправляются обратно домой; следовательно, эти товары продаются в своей стране, и благодаря этому возможны, в лучшем случае, временные особые выгоды для этих наиболее привилегированных отраслей. Такая иллюзия тотчас отпадает, как только мы отвлечемся от денежной формы. Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает больше труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот избыток, как вообще это бывает при обмене между трудом и капиталом, прикарманивается одним определенным классом. Следовательно, более высокая норма прибыли, потому что она вообще выше в колонии, при благоприятных естественных условиях может идти рука об руку с низкими товарными ценами. Выравнивание происходит, но это не выравнивание по старому уровню, как полагает Рикардо.

Но та же самая внешняя торговля развивает в стране, вывозящей товары, капиталистический способ производства и, следовательно, ведет к уменьшению переменного капитала по отношению к постоянному; с другой стороны, она создает перепроизводство по отношению к загранице и потому в дальнейшем оказывает опять-таки противодействующее влияние.

И таким образом в общем оказывается, что те самые причины, которые ведут к понижению общей нормы прибыли, вызывают противодействия, тормозящие это понижение, замедляющие и отчасти парализующие его. Они не уничтожают

---

* — соответственно. *Ред.*

[36] В этом случае прав А. Смит и не прав Рикардо, который говорит: «Они утверждают, что равенство прибылей установится путем общего повышения прибылей; я же держусь того мнения, что прибыли той отрасли, которая находится в особо благоприятных условиях, быстро опустятся до общего уровня» ([*D. Ricardo*. «Principles of Political Economy».] Works ed. by MacCulloch [London, 1852], p. 73).

закона, но ослабляют его действие. Без учета этого было бы непонятным не понижение общей нормы прибыли, а, наоборот, относительная медленность такого понижения. Таким образом закон действует только как тенденция, влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени.

Прежде чем пойти дальше, мы, во избежание недоразумений, еще раз повторим два уже неоднократно изложенных положения.

Во-первых: Тот самый процесс, который с развитием капиталистического способа производства порождает удешевление товаров, вызывает также изменение в органическом строении общественного капитала, применяемого для производства товаров, а вследствие этого вызывает и понижение нормы прибыли. Таким образом, относительное уменьшение издержек на единицу товара, а также — той части этих издержек, которая образуется износом машин, не следует отождествлять с возрастанием стоимости постоянного капитала по отношению к переменному, хотя, наоборот, всякое относительное уменьшение издержек на постоянный капитал при неизменяющейся или возрастающей массе его вещественных элементов оказывает влияние на повышение нормы прибыли, т. е. на уменьшение pro tanto стоимости постоянного капитала по сравнению с переменным капиталом, применяемым все в меньшей пропорции.

Во-вторых: То обстоятельство, что в отдельных товарах, из совокупности которых складывается продукт капитала, содержащийся в них вновь присоединенный живой труд оказывается во все убывающей пропорции к заключенному в них сырью и потребленным при их производстве средствам труда; то обстоятельство, стало быть, что в отдельных товарах овеществляется все уменьшающееся количество вновь присоединяемого живого труда, так как по мере развития общественной производительной силы на их производство требуется меньше труда, — это обстоятельство не касается того отношения, в котором живой труд, заключающийся в товаре, распадается на оплаченный и неоплаченный. Наоборот. Хотя общее количество заключающегося в товаре вновь присоединенного живого труда уменьшается, неоплаченная часть возрастает по сравнению с оплаченной частью вследствие или абсолютного или относительного сокращения оплаченной части, потому что тот же самый метод производства, который уменьшает общую сумму вновь присоединенного живого труда в каждой единице товара, сопровождается повышением абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Тенденция нормы прибыли к понижению

связана с тенденцией к повышению нормы прибавочной стоимости, следовательно, с тенденцией к повышению степени эксплуатации труда. Поэтому в высшей степени нелепо объяснять понижение нормы прибыли повышением заработной платы, хотя в виде исключения и это может иметь место. Только поняв отношения, действующие при образовании нормы прибыли, статистика приобретает способность предпринять действительный анализ уровня заработной платы в различные эпохи и в различных странах. Норма прибыли понижается не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным. То и другое, повышение нормы прибавочной стоимости и понижение нормы прибыли, суть лишь особые формы, в которых получает свое капиталистическое выражение возрастающая производительность труда.

VI. УВЕЛИЧЕНИЕ АКЦИОНЕРНОГО КАПИТАЛА

К вышеизложенным пяти пунктам можно добавить еще один, на котором, однако, мы пока что не можем останавливаться подробно. С прогрессом капиталистического производства, который идет рука об руку с ускоряющимся накоплением, часть капитала учитывается и применяется только как капитал, приносящий проценты. Не в том смысле, что всякий капиталист, ссужающий капитал, довольствуется процентами, тогда как промышленный капиталист получает предпринимательский доход. Это не имеет никакого отношения к высоте общей нормы прибыли, потому что, когда речь идет о ней, имеется в виду прибыль = проценту + прибыль всякого рода + земельная рента; такое деление прибыли безразлично для общей нормы прибыли. А в том смысле, что капиталы, хотя и вложенные в крупные производственные предприятия, за вычетом всех издержек не приносят ничего, кроме высоких или низких процентов, так называемых дивидендов, как, например, в железнодорожном деле. Следовательно, они не участвуют в выравнивании общей нормы прибыли, потому что их норма прибыли меньше средней. Если бы они участвовали в этом, то последняя упала бы значительно ниже. Рассматривая вопрос теоретически, эти капиталы можно принять в расчет, и в таком случае получится меньшая норма прибыли, чем та, которая, по-видимому, существует и действительно имеет определяющее значение для капиталистов, так как именно на этих предприятиях постоянный капитал наиболее значителен по отношению к переменному.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЗАКОНА

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В первом отделе этой книги мы видели, что норма прибавочной стоимости, будучи выражена в виде нормы прибыли, всегда кажется ниже, чем она есть на самом деле. Теперь мы увидели, что даже повышающаяся норма прибавочной стоимости имеет тенденцию выражаться в понижающейся норме прибыли. Норма прибыли лишь в том случае была бы равна норме прибавочной стоимости, если бы $c = 0$, т. е. если бы весь капитал расходовался на заработную плату. Понижающаяся норма прибыли только в том случае выражает понижающуюся норму прибавочной стоимости, если отношение между стоимостью постоянного капитала и массой рабочей силы, приводящей его в движение, остается неизменным или если эта последняя увеличивается по отношению к стоимости постоянного капитала.

Рикардо, исследуя, как он думал, норму прибыли, в действительности исследовал только норму прибавочной стоимости, и эту последнюю лишь при том предположении, что рабочий день по интенсивности и продолжительности есть величина постоянная.

Понижение нормы прибыли и ускоренное накопление являются лишь постольку различными выражениями одного и того же процесса, поскольку то и другое выражает развитие производительной силы. В свою очередь, накопление ускоряет понижение нормы прибыли, поскольку оно обусловливает концентрацию работ в крупном масштабе и вместе с тем более высокое строение капитала. С другой стороны, понижение нормы прибыли опять-таки ускоряет концентрацию капитала и централизацию его путем лишения мелких капиталистов собственности, путем экспроприации последних остатков ее у непосредственных производителей, если у них еще есть что экспроприировать. Далее, вследствие этого ускоряется накопление, рассматриваемое в количественном отношении, хотя с понижением нормы прибыли понижается и норма накопления.

С другой стороны, поскольку норма увеличения стоимости всего капитала, норма прибыли, служит стимулом капиталистического производства (подобно тому, как увеличение стоимости капитала служит его единственной целью), понижение нормы прибыли замедляет образование новых самостоятельных капиталов и таким образом представляется обстоятельством, угрожающим развитию капиталистического процесса производства; оно способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам, появлению избыточного капитала наряду с избыточным населением. Поэтому экономисты, считающие, подобно Рикардо, капиталистический способ производства абсолютным, чувствуют здесь, что этот способ производства сам создает себе пределы, и потому приписывают эти пределы не производству, а природе (в учении о ренте). Но что существенно в том страхе, который внушает им понижение нормы прибыли, так это — смутное сознание того, что капиталистический способ производства встречает в развитии производительных сил такой предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства как таковым; и этот своеобразный предел свидетельствует об ограниченности и лишь историческом, преходящем характере капиталистического способа производства; свидетельствует о том, что капиталистический способ производства не является абсолютным способом для производства богатства и что, напротив, на известной ступени он вступает в конфликт со своим дальнейшим развитием.

Правда, Рикардо и его школа исследуют только промышленную прибыль, включающую и процент. Но и норма земельной ренты также имеет тенденцию к понижению, хотя ее абсолютная масса возрастает, и, кроме того, она может возрастать также и относительно по сравнению с промышленной прибылью (см. Эд. Уэста [78], который *раньше* Рикардо развил закон земельной ренты). Если мы будем рассматривать весь общественный капитал K и обозначим через p_1 промышленную прибыль, остающуюся за вычетом процента и земельной ренты, через z процент и через r земельную ренту, то $\frac{m}{K} = \frac{p}{K} = \frac{p_1 + z + r}{K} = \frac{p_1}{K} + \frac{z}{K} + \frac{r}{K}$. Мы видели, что хотя в ходе развития капиталистического производства общая сумма прибавочной стоимости m постоянно возрастает, однако $\frac{m}{K}$ столь же постоянно уменьшается, потому что K возрастает еще быстрее, чем m. Следовательно, нет никакого противоречия в том, что p_1, z и r, каждое само по себе, могут постоянно

возрастать, тогда как $\frac{m}{K}=\frac{p}{K}$, а также $\frac{p_1}{K}$, $\frac{z}{K}$ и $\frac{r}{K}$, каждое само по себе, могут постоянно уменьшаться, или что p_1 по сравнению с z или r по сравнению с p_1 или же по сравнению и с p_1 и с z относительно возрастает. При увеличивающейся совокупной прибавочной стоимости, или прибыли $m = p$, но одновременно понижающейся норме прибыли $\frac{m}{K}=\frac{p}{K}$, отношение величин p_1, z и r, на которые распадается $m = p$, может изменяться как угодно в пределах общей суммы m, причем не оказывая этим никакого влияния на величину m или $\frac{m}{K}$.

Изменение p_1, z и r по отношению друг к другу является лишь иным распределением m по различным рубрикам. Поэтому $\frac{p_1}{K}$, $\frac{z}{K}$ или $\frac{r}{K}$, норма индивидуальной промышленной прибыли, норма процента и отношение ренты ко всему капиталу могут возрастать, если сравнивать их друг с другом, хотя общая норма прибыли, $\frac{m}{K}$, понижается; незыблемо только одно условие, а именно, что сумма всех трех величин $=\frac{m}{K}$. Если норма прибыли понижается с 50% до 25%, если, например, строение капитала при норме прибавочной стоимости в 100% изменяется с $50_c + 50_v$ до $75_c + 25_v$, то в первом случае капитал в 1 000 даст прибыль в 500, а во втором случае капитал в 4 000 даст прибыль в 1 000. Удвоилось m или p, но p' упало на половину. И если раньше из 50% на прибыль приходилось 20, на процент 10 и на ренту 20, то $\frac{p}{K}=20\%$, $\frac{z}{K}=10\%$, $\frac{r}{K}=20\%$. Если при понижении нормы прибыли с 50% до 25% пропорции остаются прежние, то $\frac{p_1}{K}=10\%$, $\frac{z}{K}=5\%$ и $\frac{r}{K}=10\%$. Напротив, если $\frac{p_1}{K}$ понизится до 8% и $\frac{z}{K}$ до 4%, то $\frac{r}{K}$ повысится до 13%. Относительная величина r повысилась бы по сравнению с p_1 и z, но все-таки p' осталось бы прежнее. При обоих предположениях сумма p_1, z и r увеличилась бы, так как она была бы произведена при посредстве капитала в четыре раза большего. Впрочем, предположение Рикардо, что первоначально промышленная прибыль (плюс процент) включает в себя всю прибавочную стоимость, исторически и логически неверно. Напротив, в условиях развитого капиталистического производства 1) вся прибыль только вначале попадает в руки промышленных и торговых капиталистов, чтобы в дальнейшем

быть распределенной, и 2) рента сводится к избытку над прибылью. Потом на этом капиталистическом базисе снова вырастает рента, которая представляет собой часть прибыли (т. е. прибавочной стоимости, рассматриваемой как продукт всего капитала), но не ту специфическую часть продукта, которую прикарманивает капиталист.

Если предположить наличие необходимых средств производства, т. е. достаточное накопление капитала, то создание прибавочной стоимости при данной ее норме, следовательно при данной степени эксплуатации труда, находит себе предел только в рабочем населении, а при данном рабочем населении оно находит себе предел только в степени эксплуатации труда. И капиталистический процесс производства по существу заключается в производстве прибавочной стоимости, представленной в прибавочном продукте или в соответственной части произведенных товаров, в которой овеществлен неоплаченный труд. Никогда не следует забывать, что производство этой прибавочной стоимости, — а обратное превращение некоторой части ее в капитал, или накопление, образует составную часть этого производства прибавочной стоимости, — является непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистического производства. Поэтому никогда нельзя изображать капиталистическое производство тем, чем оно не является на самом деле, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление предметов потребления для капиталистов. При этом был бы совершенно упущен из виду его специфический характер, который выражается всей его внутренней сущностью.

Добывание этой прибавочной стоимости образует непосредственный процесс производства, для которого, как мы сказали, не существует иных пределов, кроме указанных выше. Как только то количество прибавочного труда, которое можно выжать, овеществилось в товарах, прибавочная стоимость произведена. Но этим производством прибавочной стоимости закончен только первый акт капиталистического процесса производства, непосредственный процесс производства. Капитал всосал столько-то неоплаченного труда. С развитием процесса, который выражается в понижении нормы прибыли, масса производимой таким образом прибавочной стоимости достигает чудовищных размеров. Теперь наступает второй акт процесса. Вся товарная масса, весь продукт, — как та его часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и часть, представляющая прибавочную стоимость, — должна быть продана. Если этого не происходит, или если это происходит

только отчасти, или если товар продается лишь по ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочего и эксплуатировали, но эта эксплуатация не реализуется как таковая для капиталиста, так как отсутствуют условия реализации выжатой прибавочной стоимости или возможна лишь частичная ее реализация, т. е. имеет место частичная или полная потеря капитала. Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, а потребительной силой на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена, далее, стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширенном масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными переворотами в самих методах производства, постоянно сопровождающим такие перевороты обесценением наличного капитала, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что рыночные связи и определяющие их условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, становятся все более неподдающимися контролю. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления. На этом основании, полном противоречий, вполне естественным является то, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения; потому что хотя при соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости возросла бы, но именно потому возросло бы и противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми условиями, при которых она реализуется.

Если дана определенная норма прибыли, то масса прибыли всегда зависит от величины авансированного капитала. Накоп-

ление же определяется в таком случае той частью этой массы, которая превращается в капитал. Но так как эта часть равна прибыли минус потребленный капиталистами доход, то она будет зависеть не только от стоимости этой массы, но также от дешевизны товаров, которые капиталист может на нее купить; товаров, которые отчасти входят в его потребление, — в его доход, — отчасти в его постоянный капитал (заработная плата предполагается здесь данной).

Масса капитала, которую рабочий приводит в движение, стоимость которой он сохраняет своим трудом и заставляет снова появиться в продукте, совершенно отлична от стоимости, которую он присоединяет. Если масса капитала = 1 000 и присоединенный труд = 100, то воспроизведенный капитал = = 1 100. Если масса капитала = 100 и присоединенный труд = = 20, то воспроизведенный капитал = 120. Норма прибыли в первом случае = 10%, во втором = 20%. И, тем не менее, из 100 в первом случае можно накопить больше, чем из 20 во втором случае. И таким образом продолжает нарастать поток капитала (обесценение вследствие повышения производительной силы мы оставляем в стороне) или происходит накопление капитала пропорционально той массе, которую он уже составляет, но не пропорционально высоте нормы прибыли. Высокая норма прибыли, поскольку она основывается на высокой норме прибавочной стоимости, возможна, если рабочий день очень продолжителен, хотя труд и не очень производителен; она возможна, несмотря на невысокую производительность труда потому, что потребности рабочих весьма ничтожны и вследствие этого средняя заработная плата весьма низкая. Низкой заработной плате будет соответствовать отсутствие энергии у рабочих. Несмотря на высокую норму прибыли, капитал накопляется при этом медленно. Население не увеличивается, а рабочее время, которого сто̀ит продукт, велико, хотя получаемая рабочим заработная плата мала.

Норма прибыли понижается не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что вообще применяется относительно меньше труда по сравнению с применяемым капиталом.

Если, как мы показали, понижение нормы прибыли происходит одновременно с повышением массы прибыли, то бо̀льшая часть годового продукта труда будет присваиваться капиталистом под категорией капитала (как возмещение потребленного капитала) и относительно меньшая часть — под категорией прибыли. Отсюда фантазия попа Чалмерса [79], будто чем меньшую массу годового продукта капиталисты затрачивают как капитал, тем бо̀льшую прибыль выручают они, причем

государственная церковь приходит к ним на помощь, чтобы позаботиться о потреблении, а не о капитализации значительной части прибавочного продукта. Поп смешивает причину и следствие. Впрочем, ведь масса прибыли даже при меньшей норме возрастает вместе с величиной затраченного капитала. Однако это в то же время обусловливает концентрацию капитала, так как теперь условия производства требуют применения больших капиталов. Это обусловливает также централизацию капитала, т. е. поглощение мелких капиталистов крупными и утрату первыми своих капиталов. Это опять-таки является отделением, хотя лишь вторичного порядка, условий труда от производителей, к числу которых все еще относятся эти мелкие капиталисты, так как у них собственный труд еще играет известную роль; вообще труд капиталиста обратно пропорционален величине его капитала, т. е. той степени, в какой он является капиталистом. Именно это отделение условий труда от производителей образует понятие капитала, оно начинается вместе с первоначальным накоплением («Капитал», кн. I, гл. XXIV), происходит затем как постоянный процесс при накоплении и концентрации капитала и здесь, наконец, выражается в виде централизации уже имеющихся капиталов в немногих руках и потери капиталов многими (такую форму принимает теперь экспроприация). Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к краху, если бы наряду с центростремительной силой не действовали децентрализующим образом противодействующие тенденции.

II. КОНФЛИКТ МЕЖДУ РАСШИРЕНИЕМ ПРОИЗВОДСТВА И УВЕЛИЧЕНИЕМ СТОИМОСТИ

Развитие общественной производительной силы труда проявляется двояким образом. Во-первых, в величине уже произведенных производительных сил, в стоимостном объеме и массе условий производства, при которых совершается новое производство, и в абсолютной величине уже накопленного производительного капитала; во-вторых, в относительной незначительности сравнительно со всем капиталом той его части, которая расходуется на заработную плату, т. е. в относительной незначительности живого труда, который требуется для воспроизводства и увеличения стоимости данного капитала, для массового производства. А это предполагает в то же время концентрацию капитала.

По отношению к применяемой рабочей силе развитие производительной силы проявляется опять-таки двояким образом:

во-первых, в увеличении прибавочного труда, т. е. в сокращении необходимого рабочего времени, требующегося для воспроизводства рабочей силы; во-вторых, в уменьшении количества рабочей силы (числа рабочих), которая вообще употребляется для того, чтобы привести в движение данный капитал.

Оба эти движения не только идут рука об руку, но взаимно обусловливают друг друга и представляют собой явления, в которых находит себе выражение один и тот же закон. Между тем они влияют на норму прибыли в противоположном направлении. Общая масса прибыли равна общей массе прибавочной стоимости, норма прибыли $= \frac{m}{K} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{весь авансированный капитал}}$. Но прибавочная стоимость, ее общая сумма, определяется, во-первых, ее нормой, а во-вторых, массой труда, одновременно применяемого при такой норме, или, — что то же самое, — величиной переменного капитала. С одной стороны, возрастает один фактор — норма прибавочной стоимости, с другой стороны, уменьшается (относительно или абсолютно) другой фактор — число рабочих. Поскольку развитие производительной силы сокращает оплачиваемую часть применяемого труда, оно повышает прибавочную стоимость, повышая ее норму; поскольку же оно уменьшает общую массу труда, применяемого данным капиталом, оно уменьшает другой фактор, число рабочих, на которое надо помножить норму прибавочной стоимости, чтобы получить ее массу. Двое рабочих, работающих по 12 часов в день, не могут доставить такую же массу прибавочной стоимости, как 24 рабочих, работающих только по 2 часа каждый, даже если бы они могли питаться одним воздухом и если бы им поэтому вовсе не приходилось работать на самих себя. Следовательно, в этом отношении имеются известные непреодолимые границы для компенсации сокращения числа рабочих повышением степени эксплуатации труда; поэтому она может, конечно, задержать понижение нормы прибыли, но не устранить его.

Итак, с развитием капиталистического способа производства норма прибыли понижается, тогда как ее масса и масса применяемого капитала увеличиваются. При данной норме абсолютная масса, на которую возрастает капитал, зависит от его величины в данный момент. Но, с другой стороны, если дана эта величина, то отношение, в котором он возрастает, степень его возрастания, зависит от нормы прибыли. Повышение производительной силы (которое, кроме того, как мы упоминали, постоянно идет рука об руку с обесценением наличного капитала) непосредственно может повысить величину стоимости

капитала лишь при том условии, если оно, повышая норму прибыли, увеличивает ту часть стоимости годового продукта, которая обратно превращается в капитал. Поскольку речь идет о производительной силе труда (потому что эта производительная сила непосредственно не имеет никакого отношения к *стоимости* наличного капитала), это увеличение той доли годового продукта, которая обратно превращается в капитал, может произойти только в том случае, если вследствие роста производительной силы труда или увеличивается относительная прибавочная стоимость, или уменьшается стоимость постоянного капитала, следовательно, удешевляются товары, которые входят или в воспроизводство рабочей силы, или в элементы постоянного капитала. Но и то и другое сопровождается обесценением наличного капитала, то и другое идет рука об руку с относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным. То и другое обусловливает понижение нормы прибыли и замедляет это понижение. Далее, поскольку повышение нормы прибыли вызывает повышение спроса на труд, оно влияет на увеличение рабочего населения и вместе с тем на увеличение пригодного для эксплуатации материала, который только и делает капитал капиталом.

Но косвенно развитие производительной силы труда содействует увеличению наличной капитальной стоимости, увеличивая массу и разнообразие потребительных стоимостей, в которых представлена одна и та же меновая стоимость и которые образуют материальный субстрат, вещественные элементы капитала, реальные предметы, из которых непосредственно состоит постоянный капитал и, по крайней мере, косвенно — переменный. Тем же самым капиталом и тем же самым количеством труда производится больше вещей, которые, независимо от их меновой стоимости, могут быть превращены в капитал, — вещей, которые могут служить для впитывания дополнительного труда, следовательно и дополнительного прибавочного труда, и которые таким образом могут составить дополнительный капитал. Масса труда, которым может распоряжаться капитал, зависит не от стоимости этого капитала, а от массы сырья и вспомогательных материалов, машин и элементов основного капитала, жизненных средств — всего того, из чего составляется капитал, какова бы ни была его стоимость. В то время как возрастает таким образом масса применяемого труда, а потому и прибавочного труда, возрастает и стоимость воспроизводимого капитала и вновь присоединяемая к ней добавочная стоимость.

Но оба эти момента, входящие в процесс накопления, нельзя рассматривать только в том состоянии спокойного сосуществования-

вания их друг возле друга, в каком их изучает Рикардо; они заключают в себе противоречие, обнаруживающееся в противоречивых тенденциях и явлениях. Противодействующие друг другу факторы действуют одновременно один против другого.

Одновременно с побуждениями к действительному увеличению рабочего населения, возникающими из увеличения части совокупного общественного продукта, функционирующей как капитал, действуют факторы, создающие относительное перенаселение.

Одновременно с понижением нормы прибыли возрастает масса капиталов, и рука об руку с этим совершается обесценение наличного капитала, которое задерживает понижение нормы прибыли и побуждает к ускоренному накоплению капитальной стоимости.

Одновременно с развитием производительной силы развивается более высокое строение капитала, относительное уменьшение переменной части по сравнению с постоянной.

Эти различные влияния проявляются то преимущественно одно рядом с другим в пространстве, то преимущественно одно вслед за другим во времени; конфликт противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризисы, которые всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие.

Противоречие, выраженное в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (т. е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Специфическая особенность капиталистического способа производства состоит в использовании наличной капитальной стоимости как средства для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, сопряжены с уменьшением нормы прибыли, обесценением наличного капитала и развитием производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил.

Периодическое обесценение наличного капитала, — это имманентное средство капиталистического способа производства,

сдерживающее понижение нормы прибыли и ускоряющее накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала, — нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и потому сопровождается внезапными приостановками и кризисами процесса производства.

Идущее рука об руку с развитием производительных сил относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным стимулирует рост рабочего населения и в то же время постоянно создает искусственное перенаселение. Накопление капитала, рассматриваемое со стороны стоимости, замедляется вследствие понижения нормы прибыли, ускоряя тем самым накопление потребительных стоимостей, а это последнее, в свою очередь, ведет к ускорению хода накопления, рассматриваемого опять же со стороны стоимости.

Капиталистическое производство постоянно стремится преодолеть эти имманентные пределы, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, притом в гораздо большем масштабе.

Настоящий предел капиталистического производства — это *сам капитал,* а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала,* а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества* производителей. Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден применять для достижения своей цели и которые служат безграничному расширению производства, производству как самоцели, безусловному развитию общественных производительных сил труда. Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства.

III. ИЗБЫТОК КАПИТАЛА ПРИ ИЗБЫТКЕ НАСЕЛЕНИЯ

С понижением нормы прибыли возрастает тот минимум капитала, который требуется отдельному капиталисту для производительного применения труда, — требуется как для эксплуатации труда вообще, так и для того, чтобы затрачиваемое рабочее время было временем, необходимым для производства товаров, чтобы оно не превышало среднего рабочего времени, общественно необходимого для производства товаров. И одновременно возрастает концентрация, потому что за известными пределами крупный капитал с невысокой нормой прибыли накопляет быстрее, чем небольшой капитал с высокой нормой прибыли. Эта возрастающая концентрация, достигнув известного уровня, в свою очередь, приводит к новому понижению нормы прибыли. Масса мелких раздробленных капиталов пускается вследствие этого на путь авантюр: спекуляции, кредитные махинации и махинации на акциях; эти капиталы оказываются перед лицом кризисов. Под так называемым изобилием капитала всегда подразумевается по существу изобилие такого капитала, для которого понижение нормы прибыли не уравновешивается ее массой, — а такими являются всегда вновь образующиеся свежие отпрыски капитала, — или изобилие таких капиталов, которые сами по себе не способны для самостоятельных действий и предоставляются в форме кредита в распоряжение заправил крупных отраслей производства. Это изобилие капитала возникает вследствие тех же обстоятельств, которые вызывают относительное перенаселение, и потому изобилие это представляет собой явление, дополняющее это последнее, хотя оба они находятся на противоположных полюсах: на одной стороне — незанятый капитал, на другой стороне — незанятое рабочее население.

Перепроизводство капитала, а не отдельных товаров, — хотя перепроизводство капитала всегда включает перепроизводство товаров, — означает поэтому не что иное, как перенакопление капитала. Чтобы понять, что̀ такое это перенакопление (более подробное исследование его будет дано ниже), сто̀ит только предположить его абсолютным. Когда перепроизводство капитала было бы абсолютным? И притом перепроизводство, которое распространялось бы не на ту или другую или на несколько значительных сфер производства, но было бы абсолютным во всем своем объеме, т. е. охватывало бы все сферы производства?

Абсолютное перепроизводство капитала было бы налицо, если бы дополнительный капитал для целей капиталистического

производства был = 0. Но целью капиталистического производства является увеличение стоимости капитала, т. е. присвоение прибавочного труда, производство прибавочной стоимости, прибыли. Следовательно, если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное рабочее время (последнее и без того было бы невыполнимо в случае, когда спрос на труд значителен, следовательно, когда существует тенденция к повышению заработной платы), т. е. если бы возросший капитал производил лишь такую же, как до своего увеличения или даже меньшую массу прибавочной стоимости, то имело бы место абсолютное перепроизводство капитала, т. е. возросший капитал $K + \Delta K$ произвел бы прибыли не больше или даже меньше, чем капитал K до своего увеличения на ΔK. В обоих случаях произошло бы также сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли, но на этот раз вследствие такой перемены в строении капитала, причиной которой было бы не развитие производительной силы, а повышение денежной стоимости переменного капитала (вследствие повышения заработной платы) и соответствующее ему уменьшение отношения прибавочного труда к необходимому труду.

В действительности дело обстояло бы таким образом, что одна часть капитала целиком или частично лежала бы без движения (потому что она, чтобы вообще увеличивать свою стоимость, должна была бы сначала вытеснить с его позиции уже действующий капитал), а другая часть под давлением незанятого или только наполовину занятого капитала возрастала бы при более низкой норме прибыли. При этом было бы безразлично, если бы часть дополнительного капитала вступила на место старого, а этот последний таким образом занял бы место в дополнительном капитале. Мы все же имели бы, с одной стороны, прежнюю капитальную сумму, с другой — дополнительную. Понижение нормы прибыли сопровождалось бы в этом случае абсолютным уменьшением массы прибыли, так как при наших предположениях масса применяемой рабочей силы не могла бы увеличиться, и норма прибавочной стоимости не могла бы повыситься, следовательно, не могла бы увеличиться и масса прибавочной стоимости. А уменьшенную массу прибыли надо было бы исчислять на увеличившийся совокупный капитал. Но если даже предположить, что занятый капитал продолжает возрастать при прежней норме прибыли, следовательно, масса прибыли остается прежняя, то все же она исчислялась бы на возросший совокупный капитал и опять произошло бы пони-

жение нормы прибыли. Если весь капитал в 1 000 приносил прибыль в 100, а после своего увеличения до 1 500 он по-прежнему приносит только 100, то во втором случае 1 000 приносит уже только $66^2/_3$. Возрастание стоимости прежнего капитала сократилось бы абсолютно. При новых условиях капитал = = 1 000 приносил бы не больше, чем прежде приносил капитал = $666^2/_3$.

Но ясно, что это фактическое обесценение прежнего капитала не могло бы произойти без борьбы, что без борьбы дополнительный капитал ΔK не смог бы функционировать как капитал. Норма прибыли упала бы не вследствие конкуренции, обусловленной перепроизводством капитала, а, наоборот, конкурентная борьба началась бы теперь вследствие того, что понижение нормы прибыли и перепроизводство капитала вызываются одними и теми же причинами. Уже функционирующие капиталисты, в руках которых оказалась бы часть ΔK, в большей или меньшей степени оставили бы ее лежать без движения, чтобы не обесценить своего первоначального капитала и не сузить место, занимаемое им в области производства, или же они употребили бы ее так, чтобы перенести, хотя бы с временным убытком для себя, последствия бездействия дополнительного капитала с себя на новых пришельцев и вообще на своих конкурентов.

Часть ΔK, которая оказалась бы в руках новых капиталистов, стремилась бы вытеснить старый капитал, и это отчасти удалось бы ей, поскольку она оставила бы в бездействии часть старого капитала, принудила бы его очистить ей старое место и занять место дополнительного капитала, употребляемого в дело только отчасти или вовсе не употребляемого.

Поскольку капитал должен функционировать как капитал и возрастать по своей стоимости, известная часть старого капитала при всех обстоятельствах должна находиться в бездействии, должна бездействовать в своем качестве капитала. Какой именно части пришлось бы остаться недействующей, это решила бы конкурентная борьба. Пока все идет хорошо, конкуренция, как это обнаружилось при выравнивании общей нормы прибыли, действует как осуществленный на практике братский союз класса капиталистов, так что они сообща делят между собой общую добычу пропорционально доле, вложенной каждым. Но, как только речь идет уже о распределении не прибыли, а убытка, всякий стремится насколько возможно уменьшить свою долю убытка и взвалить ее на другого. Для всего класса капиталистов убыток неизбежен. Но какая доля придется на каждого отдельного капиталиста, насколько вообще

должен разделять его каждый отдельный капиталист, это зависит от силы и хитрости, и конкуренция превращается в таком случае в борьбу враждующих собратьев. При этом дает себя знать противоположность интересов каждого отдельного капиталиста и всего класса капиталистов совершенно так же, как раньше практически прокладывала себе путь через конкуренцию тождественность этих интересов.

Каким же образом может быть устранен этот конфликт и могут быть снова восстановлены отношения, соответствующие «здоровому» движению капиталистического производства? Способ устранения содержится уже в самом выражении того конфликта, об устранении которого идет речь. Он заключается в том, что капитал, равный по стоимости всему дополнительному капиталу ΔK или, по крайней мере, его части, лежит без движения и отчасти даже уничтожается. Хотя, как это явствует уже из самого изложения конфликта, такой убыток отнюдь не распределяется равномерно между отдельными индивидуальными капиталами, а его распределение решается конкурентной борьбой, причем убыток распределяется в зависимости от особых преимуществ и уже завоеванных позиций очень неравномерно и в очень разнообразных формах, так что один капитал бездействует, другой уничтожается, третий терпит только относительные убытки или подвергается лишь временному обесценению и т. д.

Но при всех обстоятельствах равновесие было бы восстановлено бездействием и даже уничтожением капитала в большем или меньшем объеме. Это распространялось бы отчасти на материальную субстанцию капитала, т. е. некоторая часть средств производства, основной и оборотный капитал, не функционировала бы, не действовала бы как капитал; приостановилась бы часть предприятий, уже начавших производство. Хотя в этом отношении время ничего не щадит и ухудшает все средства производства (за исключением земли), но здесь, вследствие приостановки функционирования, в действительности произошло бы гораздо более значительное разрушение средств производства. Однако главный результат в этом отношении заключался бы в том, что эти средства производства перестали бы действовать как средства производства, прекратилось бы на более или менее долгое время их функционирование как средств производства.

Но в основном разрушительное влияние, притом в самой острой форме, коснулось бы капитала, поскольку он обладает стоимостью, коснулось бы капитальных *стоимостей*. Часть капитальной стоимости, находящаяся просто в форме свиде-

тельств на получение в будущем доли прибавочной стоимости, прибыли, в действительности представляющая только различные формы долговых обязательств на производство, обесценивается сразу же с уменьшением доходов, на которые рассчитана эта часть. Часть наличного золота и серебра лежит без употребления, не функционирует как капитал. Часть находящихся на рынке товаров может совершать свой процесс обращения и воспроизводства только при чрезвычайном понижении своих цен, следовательно, путем обесценения того капитала, который эта часть представляет. Точно так же более или менее обесцениваются элементы основного капитала. К этому присоединяется то, что определенные предположительные отношения цен обусловливают процесс воспроизводства, а потому последний вследствие общего понижения цен приостанавливается и приходит в расстройство. Это расстройство и приостановка процесса воспроизводства парализует функцию денег как средства платежа, развивающуюся с развитием капитала и основывающуюся на упомянутых предположительных отношениях цен, разрывает в сотне мест цепь платежных обязательств на определенные сроки, еще более обостряется возникающим отсюда потрясением кредитной системы, развившейся вместе с капиталом, и таким образом приводит к сильным и острым кризисам, к внезапным насильственным обесценениям, к действительной приостановке и нарушению процесса воспроизводства и вместе с тем к действительному сокращению воспроизводства.

Но одновременно действовали бы другие факторы. Приостановка производства лишила бы работы часть рабочего класса и вследствие этого другую, занятую часть его поставила бы в такие условия, при которых ей пришлось бы мириться с понижением заработной платы даже ниже среднего уровня, — обстоятельство, которое производит на капитал совершенно такое же действие, как если бы при средней заработной плате повысилась относительная или абсолютная прибавочная стоимость. Период процветания благоприятствовал бы бракам среди рабочих и уменьшил бы смертность их детей — обстоятельства, которые, какое бы действительное увеличение населения ни было связано с ними, вовсе не предполагают увеличения действительно работающего населения, но на отношение рабочих к капиталу влияют совершенно так же, как если бы увеличилось число действительно функционирующих рабочих. С другой стороны, падение цен и конкурентная борьба побуждали бы каждого капиталиста понижать индивидуальную стоимость всего своего продукта ниже общей стоимости этого

продукта посредством применения новых машин, новых усовершенствованных методов труда, новых комбинаций, т. е. повышать производительную силу данного количества труда, понижать отношение переменного капитала к постоянному и таким образом высвобождать рабочих, — короче говоря, создавать искусственное перенаселение. Далее, обесценение элементов постоянного капитала само сделалось бы элементом, влекущим за собой повышение нормы прибыли. Масса применяемого постоянного капитала возросла бы по сравнению с переменным, но стоимость этой массы могла бы уменьшиться. Наступившая приостановка производства подготовила бы последующее расширение его в пределах капиталистических границ.

И таким образом круг был бы пройден снова. Часть капитала, обесценившаяся вследствие приостановки функционирования, снова приобрела бы свою прежнюю стоимость. Впрочем, при условиях расширенного производства, при расширенном рынке и при повышенной производительной силе был бы опять совершен такой же порочный кругооборот.

Но даже при допущенном нами крайнем предположении абсолютное перепроизводство капитала не есть абсолютное перепроизводство вообще, абсолютное перепроизводство средств производства. Оно является перепроизводством средств производства лишь постольку, поскольку эти последние должны *функционировать как капитал* и, следовательно, должны пропорционально увеличению стоимости, соответствующему увеличению их массы, производить дополнительную стоимость.

Но, несмотря на то, это все же было бы перепроизводство, потому что капитал оказался бы неспособным эксплуатировать труд в той степени, которая обусловливается «здоровым», «нормальным» развитием капиталистического процесса производства, в той степени, при которой с возрастанием массы применяемого капитала увеличивается, по крайней мере, масса прибыли, и которая, следовательно, исключает падение нормы прибыли в той же самой мере, как возрастает капитал, и в особенности, исключает падение нормы прибыли более быстрое, чем возрастание капитала.

Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, кроме перепроизводства средств производства, — средств труда и жизненных средств, — которые могут функционировать как капитал, т. е. могут применяться для эксплуатации труда при данной степени эксплуатации; падение же этой степени эксплуатации ниже определенного пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала. Нет никакого противоречия

в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли, — эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплуатации труда, при которой они только и могли бы найти применение, или, по крайней мере, вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплуатации.

Если капитал вывозится за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли. Но такой капитал — абсолютно избыточный капитал для занятого рабочего населения и для данной страны вообще. Он существует как таковой наряду с относительно избыточным населением, и это служит примером, как избыточный капитал и избыточное население существуют рядом друг с другом и взаимно обусловливают друг друга.

С другой стороны, связанное с накоплением понижение нормы прибыли необходимо вызывает конкурентную борьбу. Компенсация понижения нормы прибыли увеличением массы прибыли имеет реальное значение только для совокупного общественного капитала и для крупных капиталистов, владельцев уже существующих предприятий. Новый, самостоятельно функционирующий дополнительный капитал не находит заранее готовых условий для такой компенсации; он еще должен завоевать такие условия, и потому понижение нормы прибыли вызывает конкурентную борьбу между капиталами, а не наоборот. Эта конкурентная борьба сопровождается, конечно, временным повышением заработной платы и вытекающим из этого дальнейшим временным понижением нормы прибыли. То же проявляется в перепроизводстве товаров, в переполнении рынков. Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли, и так как эта цель достигается лишь такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы. Впрочем, ведь

капитал состоит из товаров, и потому перепроизводство капитала включает в себя перепроизводство товаров. Отсюда тот любопытный факт, что те самые экономисты, которые отрицают перепроизводство товаров, признают перепроизводство капитала. Когда говорят, что происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорции между различными отраслями производства, то это означает лишь то, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, постигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющий процесс производства их общему контролю. Далее, тем самым требуют, чтобы в странах, в которых не развит капиталистический способ производства, потребление и производство стояли на такой ступени, какая свойственна странам капиталистического способа производства. Если говорят, что перепроизводство только относительно, то это совершенно правильно; но весь капиталистический способ производства есть только относительный способ производства, границы которого вообще не абсолютны, однако для него, на его базисе, абсолютны. Иначе как же можно было бы объяснить отсутствие спроса на такие товары, в которых нуждается масса народа, и как можно было бы объяснить то явление, что приходится искать этот спрос за границей, на отдаленных рынках для того, чтобы иметь возможность платить рабочим у себя дома среднее количество необходимых жизненных средств? Потому что только в этих специфических, капиталистических взаимоотношениях избыточный продукт получает такую форму, что его владелец может представить его для потребления лишь в том случае, если он превратится для него опять в капитал. Наконец, если говорят, что капиталисты должны только обменивать между собой свои товары и потреблять их, то при этом забывают общий характер капиталистического производства, забывают, что речь идет об увеличении стоимости капитала, а не об его потреблении. Одним словом, все возражения против очевидных явлений перепроизводства (которым дела нет до этих возражений) сводятся к тому, что границы *капиталистического* производства не являются границами *производства вообще*, а поэтому не являются границами и для этого специфического, капиталистического способа производства. Но противоречие этого капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции

к абсолютному развитию производительных *сил,* которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими *условиями* производства, в которых движется и только может двигаться капитал.

Дело не в том, что жизненных средств производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того, чтобы масса населения могла жить прилично, по-человечески.

Дело не в том, что средств производства производится больше, чем нужно для того, чтобы занять трудоспособную часть населения. Наоборот. Во-первых, производится слишком большая часть населения, которая фактически не работает, которая в силу условий своей жизни эксплуатирует труд других или занимается работами, которые могут считаться таковыми только при жалком способе производства. Во-вторых, средств производства производится недостаточно для того, чтобы все трудоспособное население могло быть использовано наиболее производительным образом, следовательно, чтобы его абсолютное рабочее время сокращалось благодаря массе и эффективности постоянного капитала, применяемого в течение рабочего времени.

Но периодически средств труда и жизненных средств производится слишком много для того, чтобы они при данной норме прибыли могли функционировать как средства эксплуатации рабочих. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в ней прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е. чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов.

Дело не в том, что богатств производится слишком много. Но периодически производится слишком много богатств в их капиталистических, противоречивых формах.

Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1) В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов.

2) В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей,

а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к овеществленному труду вообще, или, выражаясь языком капиталиста, определяется прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли.

Если норма прибыли понижается, то, с одной стороны, силы капитала направляются на то, чтобы отдельный капиталист посредством усовершенствованных методов и пр. понизил индивидуальную стоимость своих товаров ниже их средней общественной стоимости и получил таким образом при данной рыночной цене некоторую добавочную прибыль; с другой стороны, возникает спекуляция, которой благоприятствуют страстные поиски новых методов производства, новых применений капитала, новых авантюр с целью обеспечить хоть какую-нибудь добавочную прибыль, независимую от общего среднего уровня ее и возвышающуюся над ним.

Норма прибыли, т. е. относительный прирост капитала, имеет важное значение прежде всего для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы капиталообразование стало уделом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли — это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли. Тот факт, что даже одна возможность этого тревожит Рикардо, свидетельствует как раз о глубоком понимании им условий капиталистического производства. Наиболее значительно у Рикардо именно то, в чем его упрекали: что при исследовании капиталистического производства он, не занимаясь «людьми», обращает внимание только на развитие производительных сил, каких бы человеческих жертв и капитальных *стоимостей* оно ни стоило. Развитие производительных сил общественного труда — это историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокой формы производства. Рикардо беспокоит то, что норме прибыли, которая является

стимулом капиталистического производства, а вместе с тем и условием и двигателем накопления, угрожает опасность вследствие развития самого производства. А количественное отношение здесь — все. В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что̀ он только смутно сознает. В этом обнаруживается чисто экономическим образом, т. е. с буржуазной точки зрения, в пределах капиталистического понимания, с точки зрения самого капиталистического производства, ограниченность последнего, его относительность, то, что оно — не абсолютный, а лишь исторический способ производства, соответствующий известной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

IV. ДОБАВЛЕНИЯ

Так как развитие производительной силы труда происходит очень неравномерно в различных отраслях промышленности, и притом не только неравномерно по степени, но часто в противоположном направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (= прибавочной стоимости) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительной силы в наиболее развитых отраслях промышленности. То обстоятельство, что развитие производительной силы в различных отраслях промышленности совершается не только в очень различных пропорциях, но часто в противоположном направлении, вытекает не только из анархии конкуренции и из особенностей буржуазного способа производства. Производительность труда связана и с естественными условиями, которые нередко становятся менее плодотворными по мере того, как производительность, поскольку последняя зависит от общественных условий, повышается. Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах: прогресс в одних, регресс в других. Можно напомнить, например, хотя бы то, что сами по себе времена года влияют на объем производства большей части сырых материалов, на масштабы истребления лесов, истощения каменноугольных копей, железных рудников и т. д.

Если оборотная часть постоянного капитала, — сырье и т. д., — постоянно возрастает по своей массе пропорционально развитию производительной силы труда, то иначе обстоит дело с основным капиталом, — зданиями, машинами, приспособлениями для освещения, отопления и пр. Хотя машины с увеличением их размеров становятся абсолютно дороже, но относительно они дешевеют. Если пять рабочих

производят товаров в десять раз больше, чем прежде, то вследствие этого затраты на основной капитал не удесятеряются; хотя стоимость этой части постоянного капитала возрастает с развитием производительной силы, но она возрастает далеко не в такой пропорции. Мы уже неоднократно указывали на различие между отношением постоянного капитала к переменному как оно выражается в понижении нормы прибыли, и тем же самым отношением, как оно с развитием производительности труда выражается в единице товара и его цене.

{Стоимость товара определяется всем рабочим временем, прошлым и живым трудом, который входит в этот товар. Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но увеличивается так, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается; что, следовательно, количество живого труда уменьшается больше, чем увеличивается количество прошлого труда. Прошлый труд, воплощенный в стоимости товара, — постоянная часть капитала, — состоит отчасти из износа основного капитала, отчасти из вошедшего в товар целиком оборотного постоянного капитала, — сырья и вспомогательного материала. Та часть стоимости, которая происходит от сырья и вспомогательного материала, с повышением производительности труда должна сокращаться, потому что производительность труда по отношению к этим материалам обнаруживается именно в том, что их стоимость понижается. Напротив, наиболее характерным для повышения производительной силы труда является то, что основная часть постоянного капитала претерпевает очень сильное увеличение, а вместе с тем увеличивается и та часть его стоимости, которая переносится на товары вследствие износа. Для того чтобы новый метод производства проявил себя как метод действительного повышения производительности, он должен в результате износа основного капитала переносить на отдельный товар меньшую стоимость, чем та стоимость, которая экономится, сберегается вследствие уменьшения живого труда; одним словом, этот метод должен уменьшить стоимость товара. Само собой разумеется, это должно иметь место и тогда, как это бывает в отдельных случаях, когда в образование стоимости товара, кроме дополнительно изнашиваемой части основного капитала, входит дополнительная часть стоимости, соответствующая увеличившимся по количеству или более дорогим видам сырья и вспомогательных материалов. Все надбавки к стоимости должны более чем уравновеситься уменьшением стоимости, вытекающим из уменьшения живого труда.

Поэтому такое уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда при любых общественных условиях производства. В обществе, в котором производители регулируют свое производство согласно заранее начертанному плану, и даже при простом товарном производстве производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом. Но как обстоит дело при капиталистическом производстве?

Положим, что определенная отрасль капиталистического производства производит нормальную штуку своего товара при следующих условиях: износ основного капитала составляет на штуку $^1/_2$ шилл. или марки; сырья и вспомогательного материала входит в каждую штуку на $17^1/_2$ шиллинга; на заработную плату приходится 2 шилл., и при норме прибавочной стоимости в 100% прибавочная стоимость составляет 2 шиллинга. Вся стоимость = 22 шилл. или маркам. Ради простоты мы предположим, что строение капитала в этой отрасли производства есть среднее строение общественного капитала, следовательно, цена производства товара совпадает с его стоимостью, а прибыль капиталиста совпадает с произведенной прибавочной стоимостью. В таком случае издержки производства товара $= {}^1/_2 + 17^1/_2 + 2 = 20$ шилл., средняя норма прибыли $\frac{2}{20} = 10\%$, а цена производства каждой штуки товара, равная его стоимости, = 22 шиллингам или маркам.

Предположим, что изобретается машина, которая сокращает наполовину живой труд, требующийся для производства каждой штуки товара, но зато увеличивает втрое часть стоимости, образующуюся от износа основного капитала. Тогда дело представляется в следующем виде: износ = $1^1/_2$ шилл., сырье и вспомогательный материал, как и раньше, $17^1/_2$ шилл., заработная плата 1 шилл., прибавочная стоимость 1 шилл., итого 21 шилл. или 21 марка. Стоимость товара упала теперь на 1 шиллинг; новая машина заметно повысила производительную силу труда. Но для капиталиста дело представляется в таком виде: его издержки производства составляют теперь: $1^1/_2$ шилл. износ, $17^1/_2$ шилл. сырье и вспомогательный материал, 1 шилл. заработная плата, — итого 20 шилл., как и раньше. Так как норма прибыли непосредственно не изменяется применением новой машины, то он должен получить 10% сверх издержек производства, что составляет 2 шиллинга; следовательно, цена производства осталась без изменения —

22 шилл., но она превышает стоимость на 1 шиллинг. Для общества, производящего при капиталистических условиях, товар *не* подешевел, новая машина не составляет *никакого* усовершенствования. Следовательно, капиталист нисколько не заинтересован в том, чтобы вводить новую машину. А так как введением ее в производство он только полностью обесценил бы свои старые, еще не изношенные машины и превратил бы их просто в железный лом, следовательно, потерпел бы прямой убыток, то он всячески будет воздерживаться от такой, с его точки зрения, глупости.

Таким образом, для капитала закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Для капитала эта производительная сила повышается не тогда, когда этим вообще сберегается живой труд, но лишь в том случае, если на *оплачиваемой* части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда, как это вкратце было уже указано в «Капитале», кн. I, гл. XIII, 2, стр. 356—357 [80]. При этом капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание — безудержное, измеряемое в геометрической прогрессии развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в приведенном случае, препятствует развитию производительности труда. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все более и более изживает себя.} [37)]

Увеличение того минимума капитала, который с возрастанием производительной силы становится необходимым для успешного ведения самостоятельного промышленного предприятия, проявляется в конкуренции следующим образом: как только новое более дорогое производственное оборудование получает всеобщее распространение, более мелкие капиталы на будущее время лишаются доступа в соответствующее производство. Только в начальной стадии применения механических изобретений в различных сферах производства мелкие капиталы могут функционировать в них самостоятельно. С другой стороны, очень крупные предприятия с чрезвычайно высокой долей постоянного капитала, как железные дороги, приносят не среднюю норму прибыли, а только часть ее, процент. Иначе общая норма прибыли пала бы еще ниже. Напротив, большое скопление капиталов в форме акций находит себе здесь непосредственное поле деятельности.

[37)] Эти строки заключены в скобки, потому что, представляя собой переделку замечания из оригинала рукописи, они все же в некоторой части изложения выходят за пределы материала, содержащегося в оригинале. — *Ф. Э.*

Возрастание капитала, следовательно накопление капитала, включает в себя уменьшение нормы прибыли лишь постольку, поскольку вместе с таким возрастанием наступают рассмотренные нами выше изменения в соотношении органических составных частей капитала. Однако несмотря на постоянные повседневные перевороты в способе производства, то та, то другая, бо̀льшая или меньшая часть всего капитала в течение известного промежутка времени продолжает накопляться на основе данного среднего отношения этих составных частей, так что ростом этой части не обусловливаются никакие органические изменения, следовательно, не обусловливается возникновение каких-либо причин понижения нормы прибыли. Это постоянное увеличение капитала, а потому и расширение производства на основе старых методов производства, спокойно протекающее в то время, как наряду с ними вводятся уже новые методы, в свою очередь, являются причиной того, что норма прибыли понижается не в такой степени, в какой возрастает совокупный общественный капитал.

Увеличение абсолютного числа рабочих, несмотря на относительное уменьшение переменного капитала, расходуемого на заработную плату, происходит не во всех отраслях производства и не во всех равномерно. В земледелии уменьшение живого труда может быть абсолютным.

Впрочем, абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, только и отвечает потребности капиталистического способа производства. Для этого способа производства рабочие становятся уже лишними, как только исчезает необходимость заставлять их работать в течение 12—15 часов ежедневно. Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы не у дел. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, в известный момент оно вступает в коллизию с этим развитием. Частично такая коллизия проявляется в периодических кризисах, которые происходят оттого, что то одна, то другая часть рабочего населения делается излишней в своей старой профессии. Предел капиталистического производства — избыточное время рабочих. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство.

Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не поскольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом капиталистическое производство вращается в противоречиях.

Мы видели, что рост накопления капитала включает в себя возрастающую концентрацию его. Таким образом возрастает власть капитала, обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства от действительных производителей. Капитал всё более оказывается общественной силой, функционером которой является капиталист и которая не находится уже решительно ни в каком соответствии с тем, что̀ может создать труд отдельного индивидуума. Он оказывается отчужденной, обособленной общественной силой, которая противостоит обществу как вещь и как сила капиталиста через посредство этой вещи. Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает преобразование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. Это преобразование обусловливается развитием производительных сил при капиталистическом производстве и тем способом, каким совершается это развитие.

Ни один капиталист не применит нового метода производства добровольно, как бы он ни был производителен и как бы он ни повышал норму прибавочной стоимости, если только он уменьшает норму прибыли. Но каждый такой новый метод производства удешевляет товары. Поэтому первоначально капиталист продает их выше их цены производства, может быть, выше их стоимости. Он кладет себе в карман разницу между издержками их производства и рыночной ценой остальных товаров, произведенных при более высоких издержках производства. Он может это делать, потому что среднее рабочее время, общественно необходимое для производства этих товаров, больше, чем рабочее время, которое требуется при новом методе производства. Его приемы производства стоя̀т выше средних общественных. Но конкуренция делает их всеобщими и подчиняет общему закону. Тогда наступает понижение нормы прибыли, — сначала в его сфере производства, и затем она выравнивается с другими; таким образом, это понижение совершенно не зависит от воли капиталистов.

К данному пункту следует еще добавить, что действию этого закона подчиняются и те сферы производства, продукт которых ни прямо, ни косвенно не входит в потребление рабочего или в условия производства его жизненных средств; следовательно, и те сферы производства, в которых никакое удешевление товаров не может увеличить относительную прибавочную стоимость, удешевить рабочую силу. (Конечно, во всех этих отраслях удешевление постоянного капитала может повысить норму прибыли при неизменяющейся степени эксплуатации рабочего.) Как только новый метод производства начинает распространяться, — и этим дается фактическое доказательство того, что эти товары могут производиться дешевле, — капиталисты, работающие при старых условиях производства, должны продавать свой продукт ниже своей полной цены производства, потому что стоимость этого товара понизилась, рабочее время, которое требуется им для производства этого товара, стоит выше общественного. Одним словом, — и это является действием конкуренции, — они тоже должны ввести новый метод производства, при котором отношение переменного капитала к постоянному уменьшается.

Все обстоятельства, ведущие к тому, что применение машин удешевляет цену производимых ими товаров, неизменно сводятся к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара, а во-вторых, — к уменьшению изнашиваемой части машин, стоимость которой входит в единицу товара. Чем медленнее изнашивание машин, тем на большее количество товаров распределяется оно, тем больше живого труда заменяют они до срока их воспроизводства. Количество и стоимость основного постоянного капитала сравнительно с переменным в обоих случаях увеличивается.

«При прочих равных условиях способность нации делать сбережения из своей прибыли изменяется с изменениями в норме прибыли: эта способность увеличивается, когда норма прибыли высока, уменьшается, когда она низка; но, когда норма прибыли понижается, все прочие условия не остаются без изменения... Низкая норма прибыли обычно сопровождается быстрым темпом накопления по сравнению с численностью населения, как в Англии, а высокая норма прибыли — более медленным, по сравнению с численностью населения, темпом накопления, как в Польше, России, Индии и т. д.» (Richard Jones. «An Introductory Lecture on Political Economy». London, 1833, p. 50—51).

Джонс справедливо указывает, что, несмотря на понижение нормы прибыли, стремление к накоплению и возможность последнего увеличиваются. Во-первых, вследствие возрастания относительного перенаселения. Во-вторых, потому, что с возрастанием производительности труда увеличивается масса

потребительных стоимостей, представляемых одной и той же меновой стоимостью, т. е. растут вещественные элементы капитала. В-третьих, потому, что возникают все новые разнообразные отрасли производства. В-четвертых, вследствие развития кредитной системы, акционерных обществ и пр. и связанной с этим легкости превращать деньги в капитал, если даже их владелец и не становится промышленным капиталистом. В-пятых, вследствие роста потребностей и стремления к обогащению. В-шестых, вследствие увеличения массы вложений основного капитала и т. д.

Тремя главными фактами капиталистического производства являются следующие:

1) Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосредственных работников, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя сначала таковыми они становятся, будучи еще частной собственностью капиталистов. Последние — опекуны буржуазного общества, но они прикарманивают все плоды этой опеки.

2) Организация самого труда как общественного труда: путем кооперации, разделения труда и соединения труда с естествознанием.

Как с той, так и с другой стороны, капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и частный труд, хотя уничтожает в противоречивых формах.

3) Создание мирового рынка.

По сравнению с численностью населения огромная производительная сила, развивающаяся в рамках капиталистического способа производства, и возрастание, хотя и не в той же пропорции, капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), растущих значительно быстрее, чем население, находятся в противоречии со становящейся все более узкой, по сравнению с ростом богатства, основой, на которой действует эта огромная производительная сила, и с условиями возрастания стоимости этого все нарастающего капитала. Отсюда кризисы.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА И ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА В ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ И ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ (КУПЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ

Купеческий, или торговый, капитал распадается на две формы или два подвида: товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал, которые мы теперь охарактеризуем подробнее, поскольку это необходимо для анализа капитала в его основной структуре. А это тем более необходимо, что современная политическая экономия, даже в лице своих лучших представителей, смешивает торговый капитал с промышленным капиталом и фактически совершенно не видит его характерных особенностей.

Движение товарного капитала было проанализировано в «Капитале», кн. II [81]. Если рассматривать совокупный общественный капитал, то одна часть его, хотя и постоянно составляющаяся из новых элементов и изменяющаяся даже по величине, постоянно находится на рынке в виде товара, который должен превратиться в деньги; другая часть находится на рынке в виде денег, которые должны превратиться в товар. Он постоянно находится в процессе этого превращения, этого метаморфоза форм. Поскольку такая функция капитала, находящегося в процессе обращения, вообще обособляется как особая функция особого капитала, фиксируется как функция, вследствие разделения труда принадлежащая особой разновидности капиталистов, постольку товарный капитал становится товарно-торговым, или коммерческим капиталом.

Мы уже выяснили («Капитал», кн. II, гл. VI, «Издержки обращения», II и III), в какой мере следует рассматривать

транспортировку, хранение и распределение товаров в пригодной для потребления форме как процессы производства, продолжающиеся в пределах процесса обращения. Эти моменты обращения товарного капитала отчасти смешиваются со специфическими функциями купеческого, или товарно-торгового, капитала; они отчасти и на практике соединяются с его своеобразными специфическими функциями, хотя с развитием общественного разделения труда функция купеческого капитала вполне обособляется, т. е. отделяется от указанных реальных функций и становится самостоятельной по отношению к ним. Для нашей цели важно определить специфическое отличие этой особой формы капитала и, следовательно, мы должны отвлечься от упомянутых функций. Поскольку капитал, функционирующий только в процессе обращения, именно товарно-торговый капитал, отчасти соединяет эти функции со своими, он выступает не в своей чистой форме. Лишь после устранения и удаления этих функций, мы получим чистую форму товарно-торгового капитала.

Мы видели, что бытие капитала как товарного капитала и метаморфоз, который он как товарный капитал проделывает в сфере обращения, на рынке, — метаморфоз, который сводится к купле и продаже, к превращению товарного капитала в денежный капитал и денежного капитала в товарный капитал, — образуют фазу процесса воспроизводства промышленного капитала, следовательно фазу его процесса производства, взятого в целом; но мы видели в то же время, что капитал в этой своей функции капитала обращения отличается от самого себя как капитала производительного. Это две особых, отличных формы существования одного и того же капитала. Часть совокупного общественного капитала постоянно находится на рынке в этой форме существования в качестве капитала обращения, постоянно охватывается процессом этого метаморфоза, хотя для каждого отдельного капитала его бытие в качестве товарного капитала и его метаморфоз как таковой составляют лишь постоянно исчезающий и постоянно возобновляющийся переходный момент, переходную стадию непрерывного процесса его производства, и хотя поэтому элементы находящегося на рынке товарного капитала постоянно изменяются, так как они постоянно извлекаются с товарного рынка и точно так же постоянно возвращаются на него как новый продукт процесса производства.

Товарно-торговый капитал есть не что иное, как превращенная форма части этого капитала обращения, постоянно находящегося на рынке, постоянно находящегося в процессе метамор-

фоза, постоянно охватываемого сферой обращения. Мы говорим — части этого капитала потому, что некоторая часть товарных покупок и продаж постоянно совершается непосредственно между самими промышленными капиталистами. От этой части в нашем исследовании мы совершенно абстрагируемся, так как она нисколько не способствует определению понятия, не способствует пониманию специфической природы купеческого капитала, а, с другой стороны, в «Капитале», кн. II мы уже исследовали ее исчерпывающим для наших целей образом.

Торговец товарами, как капиталист вообще, выступает на рынке прежде всего как представитель известной денежной суммы, которую он авансирует как капиталист, т. е. которую он желает превратить из x (суммы первоначальной стоимости) в $x + \Delta x$ (эта сумма плюс прибыль на нее). Но для него не только как для капиталиста вообще, но именно как для торговца товарами, само собой очевидно, что его капитал первоначально должен появиться на рынке в форме денежного капитала, потому что он не производит никаких товаров, а только торгует ими, опосредствует их движение; а для того чтобы ими торговать, он должен их сначала купить, следовательно, должен быть владельцем денежного капитала.

Положим, что торговец товарами владеет 3 000 ф. ст., которые он применяет как торговый капитал. На эти 3 000 ф. ст. он покупает у фабриканта, производящего холст, например, 30 000 аршин холста по 2 шилл. за аршин. Он продает эти 30 000 аршин. Если средняя годовая норма прибыли = 10% и если он, за вычетом всех накладных расходов, получает 10% годовой прибыли, то в конце года 3 000 ф. ст. превратятся у него в 3 300 фунтов стерлингов. Каким образом он получает эту прибыль, — это вопрос, который мы исследуем позже. Здесь мы прежде всего рассмотрим только форму движения его капитала. На 3 000 ф. ст. он постоянно покупает холст и постоянно продает этот холст; он постоянно повторяет эту операцию купли для продажи, *Д — Т — Д'*, простую форму капитала, ограниченную исключительно процессом обращения, не прерываемым интервалами для процесса производства, который лежит вне собственного движения и функций этого капитала.

Каково же отношение этого товарно-торгового капитала к товарному капиталу как простой форме существования промышленного капитала? Что касается фабриканта, производящего холст, то с помощью денег купца он реализовал стоимость своего холста, совершил первую фазу метаморфоза своего товарного капитала, его превращение в деньги, и может теперь,

при прочих равных условиях, снова превращать деньги в пряжу, уголь, заработную плату и пр., с другой стороны, — в жизненные средства и т. д. для потребления своего дохода; следовательно, если оставить в стороне расходование дохода, он может продолжать процесс воспроизводства.

Но хотя для него, для производителя холста, уже произошел метаморфоз холста в деньги, произошла его продажа, она еще не произошла для самого холста. Как и раньше, холст находится все еще на рынке в виде товарного капитала, которому предстоит совершить свой первый метаморфоз — быть проданным. С этим холстом не случилось ничего, кроме перемены личности его владельца. По своему назначению, по своему положению в процессе, он по-прежнему остается товарным капиталом, продаваемым товаром; только теперь он находится в руках не производителя, как раньше, а купца. Функция его продажи, опосредствования первой фазы его метаморфоза, от производителя взята купцом и превратилась в специальное занятие последнего, тогда как раньше эту функцию должен был выполнять производитель после того, как он покончил с функцией производства.

Положим, что купцу не удалось продать 30 000 аршин в течение того промежутка времени, который требуется производителю холста, для того чтобы снова выбросить на рынок 30 000 аршин стоимостью в 3 000 фунтов стерлингов. Купец не может вновь купить их, потому что у него еще имеется на складе непроданных, еще не превратившихся для него в денежный капитал 30 000 аршин холста. В таком случае наступает застой, перерыв воспроизводства. Конечно, производитель холста мог бы иметь в своем распоряжении дополнительный денежный капитал, который он мог бы превратить в производительный капитал независимо от продажи 30 000 аршин и таким образом продолжить процесс производства. Но такое предположение нисколько не изменяет дела. Поскольку речь идет о капитале, авансированном на производство данных 30 000 аршин, процесс его воспроизводства был и остается прерванным. Следовательно, здесь на деле оказывается очевидным, что операции купца являются не чем иным, как операциями, которые вообще должны быть выполнены, для того чтобы товарный капитал производителя превратить в деньги, что это такие операции, которые опосредствуют функции товарного капитала в процессе обращения и воспроизводства. Если бы вместо независимого купца этой продажей, а также закупкой занимался исключительно простой агент производителя, эта связь ни на одно мгновение не оставалась бы скрытой.

Следовательно, товарно-торговый капитал безусловно представляет собой не что иное, как товарный капитал производителя, капитал, который должен совершить процесс своего превращения в деньги, выполнить на рынке свою функцию товарного капитала. Только эта функция вместо побочной операции производителя является теперь исключительной операцией особого рода капиталистов, торговцев товарами, обособляется как сфера особых вложений капитала.

Впрочем, это обнаруживается и в специфической форме обращения товарно-торгового капитала. Купец покупает товары и затем продает их: *Д — Т — Д'*. При простом товарном обращении или даже при обращении товаров, каким оно является как процесс обращения промышленного капитала, *Т' — Д — Т*, обращение опосредствуется таким образом, что каждая единица денег дважды переходит из рук в руки. Производитель холста продает свой товар, холст, превращает его в деньги; деньги покупателя переходят в его руки. На эти самые деньги он покупает пряжу, уголь, труд и пр., снова расходует те же самые деньги, чтобы стоимость холста превратить обратно в товары, образующие элементы производства холста. Товар, который он покупает, не тот же самый товар, товар не того рода, который он продает. Он продал продукты, а купил средства производства. Иначе обстоит дело в движении купеческого капитала. Торговец холстом покупает на 3 000 ф. ст. 30 000 аршин холста; он продает эти 30 000 аршин холста, чтобы извлечь обратно из обращения денежный капитал (3 000 ф. ст. и прибыль). Следовательно, здесь два раза перемещаются не одни и те же деньги, но один и тот же товар; он переходит из рук продавца в руки покупателя и из рук покупателя, ставшего теперь продавцом, в руки другого покупателя. Он продается дважды и может быть продан при посредничестве ряда купцов еще много раз; и как раз только вследствие повторения этой продажи, вследствие двукратного перемещения одного и того же товара, первый покупатель извлекает обратно деньги, авансированные на покупку товара, и, следовательно, этим перемещением опосредствуется возвращение к нему денег. В одном случае *Т' — Д — Т* двукратное перемещение одних и тех же денег опосредствует то, что товар отчуждается в одном виде и присваивается в другом. В другом случае *Д — Т — Д'* двукратное перемещение одного и того же товара опосредствует то, что авансированные деньги снова извлекаются из обращения. При этом-то и оказывается, что товар, когда он перешел из рук производителя в руки купца, еще не окончательно продан, что последний лишь продолжает операцию продажи,

или опосредствование функции товарного капитала. Но вместе с тем оказывается, что то, что для производительного капиталиста является *Т — Д*, простой функцией его капитала в его преходящем виде товарного капитала, то для купца является *Д — Т — Д'*, особым процессом увеличения стоимости авансированного им денежного капитала. Одна фаза метаморфоза товара представляется здесь, по отношению к купцу, как *Д — Т — Д'*, следовательно как путь движения капитала особого рода.

Купец окончательно продает товар, в данном случае холст, потребителю, безразлично, будет ли это производительный потребитель (например белильщик) или индивидуальный, который использует холст для своего личного потребления. Вследствие этого к купцу возвращается обратно авансированный им капитал (вместе с прибылью), и он может снова начать операцию. Если бы при купле холста деньги функционировали только как средства платежа, так что купцу пришлось бы платить лишь спустя шесть недель по получении холста, и если бы он продал его ранее этого времени, то он мог бы расплатиться с производителем холста, не авансируя лично никакого денежного капитала. Если бы он его не продал, то ему пришлось бы авансировать 3 000 ф. ст. при наступлении срока платежа, вместо того чтобы платить сразу по получении холста; а если бы вследствие понижения рыночной цены он продал его ниже покупной цены, то ему пришлось бы возместить недостающую часть из своего собственного капитала.

Что же придает товарно-торговому капиталу характер самостоятельно функционирующего капитала, между тем как в руках производителя, который сам продает свой товар, он, очевидно, является лишь особой формой его капитала в особой фазе процесса воспроизводства, которую этот капитал принимает, находясь в сфере обращения?

Во-первых, то обстоятельство, что товарный капитал в руках агента, отличного от производителя этого товарного капитала, совершает свое окончательное превращение в деньги, следовательно свой первый метаморфоз, выполняет на рынке функцию, присущую ему как товарному капиталу — и что эта функция товарного капитала опосредствуется операциями купца, его куплями и продажами, так что эти операции становятся особым делом, отдельным от остальных функций промышленного капитала и потому самостоятельным. Это — особая форма общественного разделения труда, вследствие чего некоторая часть функции, которая должна быть выполнена в особой фазе воспроизводства капитала, в данном случае в обращении,

является исключительной функцией особого агента обращения, отличного от производителя. Однако такое особое занятие еще отнюдь не обязательно должно быть функцией особого капитала, который отличен от промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, и самостоятелен по отношению к промышленному капиталу; это занятие в действительности не является функцией особого капитала в тех случаях, когда торговля товарами ведется через посредство простых коммивояжеров или других непосредственных агентов промышленного капиталиста. Следовательно, к этому следует добавить еще второй момент.

Во-вторых, это происходит вследствие того, что самостоятельный агент обращения, купец, авансирует в этом своем положении денежный капитал (собственный или заемный). То, что для промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, представляется просто как *Т — Д,* как превращение товарного капитала в денежный капитал, или как простая продажа, для купца представляется как *Д — Т — Д′*, как купля и продажа одного и того же товара, следовательно, как возвращение к нему посредством продажи удалившегося от него при купле денежного капитала.

То, что для купца, поскольку он авансирует капитал на покупку товара у производителя, представляется как *Д—Т—Д*, это есть всегда *Т — Д,* превращение товарного капитала в денежный капитал, всегда первый метаморфоз товарного капитала, хотя тот же самый акт может представляться для производителя или для промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, как *Д — Т,* как обратное превращение денег в товар (в средства производства) или как вторая фаза метаморфоза. Для производителя холста *Т — Д,* превращение товарного капитала в денежный капитал, было первым метаморфозом. Этот акт представляется для купца как *Д — Т,* как превращение его денежного капитала в товарный капитал. Если же он продает холст белильщику, то для последнего это представляет *Д — Т,* превращение денежного капитала в производительный капитал, или второй метаморфоз его товарного капитала; но для купца это представляет *Т — Д,* продажу купленного им холста. Однако в действительности товарный капитал, произведенный фабрикантом холста, только теперь продан окончательно, или *Д — Т — Д* купца представляет только посредствующий процесс при совершении *Т — Д* между двумя производителями. Или предположим, что фабрикант, производящий холст, на часть стоимости проданного холста покупает пряжу у торговца

пряжей. Таким образом, для него это *Д — Т*. Но для купца, продающего пряжу, это будет *Т — Д*, перепродажа пряжи; а по отношению к самой пряже как к товарному капиталу это только ее окончательная продажа, благодаря которой она переходит из сферы обращения в сферу потребления, *Т — Д*, окончательное завершение ее первого метаморфоза. Итак, покупает ли купец у промышленного капиталиста или продает ему, его *Д — Т — Д*, кругооборот купеческого капитала, всегда выражает лишь то, что для самого товарного капитала как переходной формы воспроизводящегося промышленного капитала есть просто *Т — Д*, просто выполнение его первого метаморфоза. Акт *Д — Т* купеческого капитала является в то же время актом *Т — Д* лишь для промышленного капиталиста, но не для произведенного им товарного капитала: это лишь переход товарного капитала из рук промышленника в руки агента обращения; и только *Т — Д* купеческого капитала является окончательным *Т — Д* для функционирующего товарного капитала. *Д — Т — Д* представляет собой только два акта *Т — Д* одного и того же товарного капитала, две последовательных продажи его, которые лишь опосредствуют его последнюю и окончательную продажу.

Следовательно, товарный капитал в товарно-торговом капитале принимает форму самостоятельного вида капитала вследствие того, что купец авансирует денежный капитал, который увеличивается в стоимости как капитал, функционирует как капитал лишь постольку, поскольку он употребляется исключительно для опосредствования метаморфоза товарного капитала, опосредствования его функции товарного капитала, т. е. его превращения в деньги, и он осуществляет это посредством постоянной купли и продажи товаров. Это составляет исключительную операцию товарно-торгового капитала; эта деятельность, опосредствующая процесс обращения промышленного капитала, является исключительной функцией того денежного капитала, которым оперирует купец. Посредством этой функции он превращает свои деньги в денежный капитал, так что его *Д* принимает вид *Д — Т — Д′*, и путем такого же процесса он превращает товарный капитал в товарно-торговый капитал.

Товарно-торговый капитал, поскольку и пока он существует в форме товарного капитала, — с точки зрения процесса воспроизводства всего общественного капитала, — очевидно, есть не что иное, как еще находящаяся на рынке в процессе своих метаморфозов часть промышленного капитала, которая теперь существует и функционирует как товарный капитал.

Следовательно, по отношению к процессу воспроизводства всего совокупного капитала мы должны рассматривать только тот *денежный* капитал, который авансируется купцом, предназначен исключительно для купли и продажи и потому никогда не принимает иной формы, кроме формы товарного капитала и денежного капитала, никогда не принимает формы производительного капитала и постоянно находится в сфере обращения капитала.

Как только производитель, фабрикант холста, продал свои 30 000 аршин купцу за 3 000 ф. ст., он покупает на вырученные таким образом деньги необходимые средства производства, и его капитал снова вступает в процесс производства; его процесс производства продолжается, идет непрерывно. Превращение его товара в деньги для него совершилось. Но, как мы видели, для самого холста такое превращение еще не совершилось. Он еще не превратился окончательно в деньги, еще не вошел в потребление, производительное или личное, как потребительная стоимость. Торговец холстом представляет теперь на рынке тот самый товарный капитал, который первоначально представлял там производитель холста. Для последнего процесс метаморфоза сократился, но только для того, чтобы продолжаться в руках купца.

Если бы производитель холста должен был ждать, пока его холст действительно не перестанет быть товаром, пока он не перейдет к последнему покупателю, производительному или индивидуальному потребителю, его процесс воспроизводства был бы прерван. Или же для того чтобы не прерывать его, производителю пришлось бы ограничить свои операции, превращать в пряжу, уголь, труд и пр., словом в элементы производительного капитала, меньшую часть своего холста, а бо̀льшую часть его пришлось бы сохранять у себя в качестве денежного резерва для того, чтобы пока одна часть его капитала как товар находится на рынке, другая часть могла продолжать процесс производства, так что, если одна часть поступает на рынок как товар, другая возвращается обратно в денежной форме. Такое деление его капитала не устраняется посредничеством купца. Но без последнего часть капитала обращения, имеющаяся в форме денежного резерва, неизбежно составляла бы относительно бо̀льшую долю по сравнению с той частью, которая занята в форме производительного капитала, и соответственно этому сократился бы масштаб воспроизводства. Теперь же производитель может постоянно употреблять бо̀льшую часть своего капитала на собственно процесс производства и меньшую часть — в виде денежного резерва.

Но зато теперь другая часть общественного капитала в форме купеческого капитала постоянно находится в сфере обращения. Она всегда употребляется только для купли и продажи товаров. Таким образом, кажется, что происходит только перемена лиц, в руках которых находится этот капитал.

Если бы купец вместо того, чтобы покупать холст на 3 000 ф. ст., имея в виду снова продать его, сам производительно употребил эти 3 000 ф. ст., то производительный капитал общества увеличился бы. Конечно, в таком случае производитель холста и купец, превратившийся теперь в промышленного капиталиста, должны были бы удерживать более значительную часть своего капитала в виде денежного резерва. С другой стороны, если купец остается купцом, то производитель сберегает время, требующееся для продажи; он может использовать его для наблюдения за процессом производства, тогда как купец должен все свое время употреблять для продажи.

Если купеческий капитал не превышает своей необходимой пропорции, то следует признать:

1) что вследствие разделения труда капитал, занятый исключительно куплей и продажей (а кроме денег, употребляемых на покупку товаров, сюда относятся деньги, расходуемые на оплату труда, необходимого для ведения торгового дела, на постоянный капитал купца, — здания для складов, транспорт и т. д.), меньше, чем он был бы в том случае, если бы промышленный капитал должен был сам вести всю торговую часть своего предприятия;

2) что так как купец занимается исключительно этим делом, то не только для производителя его товар раньше превращается в деньги, но и самый товарный капитал совершает свой метаморфоз быстрее, чем он мог бы совершать его в руках производителя;

3) что если рассматривать весь купеческий капитал в отношении к промышленному капиталу, то один оборот купеческого капитала может представлять не только обороты многих капиталов в одной сфере производства, но обороты нескольких капиталов в различных сферах производства. Первое происходит в том случае, если, например, торговец холстом, купивший на свои 3 000 ф. ст. продукт одного производителя холста и снова продавший его, прежде чем этот производитель выбросит на рынок снова такое же количество товара, купит и снова продаст продукт другого или нескольких других производителей холста, опосредствуя таким образом обороты различных капиталов в одной и той же сфере производства. Второе про-

исходит в том случае, если, например, купец, продав холст, покупает шелк, следовательно, опосредствует оборот капитала в другой сфере производства.

Вообще необходимо заметить следующее: оборот промышленного капитала ограничивается не только временем обращения, но и временем производства. Оборот купеческого капитала, поскольку он торгует лишь определенными товарами, ограничивается оборотом не одного промышленного капитала, а всех промышленных капиталов одной и той же отрасли производства. Купец, купив и продав холст у одного, может затем купить его у другого и продать прежде, чем первый снова выбросит товар на рынок. Итак, один и тот же купеческий капитал может последовательно опосредствовать различные обороты капиталов, вложенных в какую-нибудь отрасль производства, так что его оборот не тождествен с оборотами какого-нибудь отдельного промышленного капитала и потому замещает не только тот денежный резерв, который должен иметь in petto * этот отдельный промышленный капиталист. Оборот купеческого капитала в сфере производства, конечно, ограничен общим объемом производства в этой сфере. Но он не ограничен пределами производства или временем оборота отдельного капитала этой сферы, поскольку это время оборота определяется временем производства. Положим, что *A* доставляет товар, для производства которого требуется три месяца. После того как купец купит и продаст его, скажем, в течение одного месяца, он может купить такой же продукт у другого производителя и продать его. Или, например, продав хлеб одного фермера, он может на те же деньги купить и продать хлеб другого и т. д. Оборот его капитала ограничен количеством хлеба, которое он последовательно может купить и продать в течение данного времени, например в течение года, между тем как оборот капитала фермера, независимо от времени обращения, ограничен временем производства, которое продолжается год.

Но оборот одного и того же купеческого капитала может с таким же успехом опосредствовать обороты капиталов различных отраслей производства.

Поскольку один и тот же купеческий капитал в различных оборотах служит для последовательного превращения в деньги различных товарных капиталов, следовательно, поочередно покупает и продает их, он как денежный капитал выполняет по отношению к товарному капиталу ту самую функцию, какую

---

* — в наличности. *Ред.*

вообще деньги всеми своими оборотами за определенный период выполняют по отношению к товарам.

Оборот купеческого капитала не тождествен с оборотом, или с однократным воспроизводством равновеликого промышленного капитала; напротив, он равен сумме оборотов нескольких таких капиталов в одной и той же или в различных сферах производства. Чем быстрее оборачивается купеческий капитал, тем меньше часть всего денежного капитала, фигурирующая в качестве купеческого капитала, и чем медленнее он оборачивается, тем эта часть больше. Чем менее развито производство, тем больше сумма купеческого капитала по сравнению с суммой товаров, вообще бросаемых в обращение; но абсолютно и сравнительно с суммой купеческого капитала при более развитом производстве сумма купеческого капитала при менее развитом производстве меньше. И наоборот. Поэтому при таком неразвитом производстве бо̀льшая часть собственно денежного капитала находится в руках купцов, состояние которых таким образом противостоит другим как денежное состояние.

Скорость обращения денежного капитала, авансируемого купцом, зависит: 1) от скорости, с которой возобновляется процесс производства и различные процессы производства переплетаются один с другим; 2) от скорости потребления.

Для того чтобы купеческий капитал совершил только выше рассмотренный оборот, ему нет необходимости сначала покупать товары на всю величину его стоимости, а затем продавать их. Купец одновременно совершает обе эти операции. Его капитал разделяется в таком случае на две части. Одна состоит из товарного капитала, а другая — из денежного капитала. Он покупает в одном месте, превращая этим свои деньги в товар. Он продает в другом месте, превращая этим другую часть товарного капитала в деньги. С одной стороны, к нему возвращается его капитал как денежный капитал, тогда как, с другой стороны, к нему притекает товарный капитал. Чем больше часть, находящаяся в одной форме, тем меньше часть, существующая в другой форме. Эти части меняются своими местами и взаимно уравниваются. Если с употреблением денег как средства обращения соединяется употребление их как средства платежа и вырастающая отсюда система кредита, то денежная часть купеческого капитала еще более уменьшается по сравнению с размерами сделок, совершаемых этим купеческим капиталом. Если я покупаю вина на 3 000 ф. ст. с уплатой через 3 месяца и продаю это вино за наличные деньги до истечения 3 месяцев, то для этой сделки мне не придется

авансировать ни гроша. В этом случае также вполне очевидно, что денежный капитал, фигурирующий здесь как купеческий капитал, есть не что иное, как сам промышленный капитал в своей форме денежного капитала, в процессе своего возвращения к самому себе в форме денег. (То обстоятельство, что производитель, продавший товар за 3 000 ф. ст. с уплатой через 3 месяца, может полученный при этом вексель, т. е. долговое обязательство, учесть у банкира, нисколько не изменяет дела и не имеет никакого отношения к капиталу торговца товаром.) Если в этот промежуток времени рыночные цены товара понизятся, положим, на $^1/_{10}$, то купец не только не получит никакой прибыли, но вообще выручит только 2 700 ф. ст. вместо 3 000 фунтов стерлингов. Для расчета ему пришлось бы добавить 300 фунтов стерлингов. Эти 300 ф. ст. функционировали бы только в качестве резерва для выравнивания разницы в цене. Но то же самое относится и к производителю. Если бы он продавал сам, то при понижении цен он тоже потерял бы 300 ф. ст. и без резервного капитала не мог бы снова начать производство в прежнем масштабе.

Торговец холстом покупает у фабриканта холста на 3 000 фунтов стерлингов; фабрикант из этих 3 000 ф. ст. уплачивает, например, 2 000 при покупке пряжи; он покупает эту пряжу у торговца пряжей. Деньги, которыми фабрикант платит торговцу пряжей, это не деньги торговца холстом, потому что последний получил за них товар на такую же сумму. Это денежная форма его собственного капитала. В руках же торговца пряжей эти 2 000 ф. ст. являются возвратившимся к нему денежным капиталом; но в какой мере они являются таковым, в какой мере они отличны от тех 2 000 ф. ст., которые служат денежной формой, оставленной холстом и принятой пряжей? Если торговец пряжей купил в кредит и продал за наличные до истечения срока платежа, то в этих 2 000 ф. ст. не содержится ни гроша купеческого капитала, отличного от той денежной формы, которую принимает сам промышленный капитал в процессе своего кругооборота. Товарно-торговый капитал, поскольку он не является простой формой промышленного капитала, находящегося в виде товарного капитала или денежного капитала в руках купца, есть не что иное, как часть денежного капитала, которая принадлежит самому купцу и действует в области купли и продажи товаров. Эта часть в уменьшенном масштабе представляет часть капитала, авансированного для производства, которая постоянно должна была бы находиться в руках промышленников как денежный резерв, как покупательное средство и должна была бы постоянно

обращаться как их денежный капитал. Эта часть в уменьшенном виде находится теперь в руках капиталистов-купцов, постоянно функционируя как таковая в процессе обращения. Это — часть совокупного капитала, которая, если оставить в стороне долю, расходуемую как доход, должна постоянно обращаться на рынке как покупательное средство для того, чтобы поддерживать непрерывность процесса воспроизводства. По отношению к совокупному капиталу она тем меньше, чем быстрее совершается процесс воспроизводства и чем более развита функция денег как средства платежа, т. е. чем более развита кредитная система [38].

Купеческий капитал есть не что иное, как капитал, функционирующий в сфере обращения. Процесс обращения есть фаза всего процесса воспроизводства. Но в процессе обращения не производится никакой стоимости, а потому никакой прибавочной стоимости. В нем происходят лишь изменения формы одной и той же массы стоимости. В самом деле, здесь не совершается ничего иного, кроме метаморфоза товаров, который как таковой не имеет никакого отношения к созданию стоимости или к изменению стоимости. Если при продаже произведенного товара реализуется прибавочная стоимость, то это потому, что она уже имеется в нем; поэтому при втором акте,

---

[38] Чтобы иметь основание для классификации купеческого капитала как производительного капитала, Рамсей отождествляет его с транспортной промышленностью и называет торговлю «the transport of commodities from one place to another» [«транспортировкой товаров из одного места в другое»] («An Essay on the Distribution of Wealth» [Edinburgh, 1836], p. 19). Такое же отождествление встречается уже у *Верри* («Meditazione sulla Economia Politica» [в издании *Custodi:* «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica». Parte moderna, t. XV, p. 32], § 4) и *Сэя* («Traité d'Économie Politique» [t. I, Paris, 1817, p. 14—15]). В своих «Elements of Political Economy» (Andover and New York, 1835) С. Ф. Ньюмен говорит: «При существующем экономическом устройстве общества тот акт, который совершает купец, стоящий между производителем и потребителем, авансируя первому капитал, получая в обмен за него продукты и передавая эти самые продукты последнему, причем он получает обратно капитал, — этот акт есть сделка, облегчающая экономический процесс общества и присоединяющая стоимость к продукту, с которым совершен этот акт» (стр. 174). Таким образом благодаря посредничеству купца производитель и потребитель сберегают деньги и время. Выполнение такой услуги требует авансирования капитала и труда и должно быть оплачено, «потому что это присоединяет стоимость к продуктам, так как те же самые продукты имеют бо́льшую стоимость в руках потребителя, чем в руках производителя». И таким образом торговля кажется ему совершенно так же, как г-ну Сэю, «strictly an act of production» [«в буквальном смысле слова актом производства»] (стр. 175). Этот взгляд Ньюмена совершенно ошибочен. *Потребительная стоимость* товара в руках потребителя больше, чем в руках производителя, потому что она вообще только здесь реализуется. Ведь потребительная стоимость товара реализуется, начинает выполнять свою функцию лишь после того, как товар перешел в сферу потребления. В руках производителя она существует лишь в потенциальной форме. Но один и тот же товар не оплачивают дважды: сначала его меновую стоимость, а затем еще, кроме того, его потребительную стоимость. Оплачивая его меновую стоимость, я тем самым присваиваю его потребительную стоимость. И от того, что товар переходит из рук производителя или посредника в руки потребителя, не происходит ни малейшего прироста меновой стоимости.

при обратном обмене денежного капитала на товар (на элементы производства), покупателем также не реализуется никакой прибавочной стоимости; посредством обмена денег на средства производства и рабочую силу только подготовляется производство прибавочной стоимости. Напротив. Поскольку такие метаморфозы требуют времени обращения, — времени, в течение которого капитал вообще ничего не производит, а следовательно не производит и прибавочной стоимости, — время это задерживает создание стоимости, и прибавочная стоимость, выраженная в виде нормы прибыли, будет стоять как раз в обратном отношении к продолжительности времени обращения. Следовательно, купеческий капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, т. е. непосредственно он их не создает. Поскольку он содействует сокращению времени обращения, он косвенным образом может содействовать увеличению прибавочной стоимости, производимой промышленным капиталистом. Поскольку он содействует расширению рынка и опосредствует разделение труда между капиталами, следовательно, дает капиталу возможность работать в более крупном масштабе, его функция повышает производительность промышленного капитала и способствует его накоплению. Поскольку он сокращает время обращения, он повышает отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, следовательно норму прибыли. Поскольку он уменьшает ту часть капитала, которая должна постоянно оставаться в сфере обращения как денежный капитал, он увеличивает часть капитала, применяемую непосредственно в производстве.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ТОРГОВАЯ ПРИБЫЛЬ

В «Капитале», кн. II мы видели, что чистые функции капитала в сфере обращения — операции, которые должен предпринять промышленный капиталист, во-первых, чтобы реализовать стоимость своих товаров, а во-вторых, чтобы эту стоимость снова превратить в элементы производства товара, операции, которые опосредствуют метаморфозы товарного капитала *Т' — Д — Т*, следовательно, акты продажи и купли, — не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Наоборот, оказалось, что требующееся для них время ставит границы для создания стоимости и прибавочной стоимости объективно по отношению к товарам и субъективно по отношению к капиталистам. Что касается метаморфоза самого товарного капитала, то, конечно, ничего не изменится от того, что часть его принимает вид товарно-торгового капитала, или от того, что операции, которые опосредствуют метаморфоз товарного капитала, являются особым занятием особого подразделения капиталистов или исключительной функцией части денежного капитала. Если продажа и купля товаров, — а к этому и сводится метаморфоз товарного капитала *Т' — Д — Т*, — производимые самими промышленными капиталистами, представляют собой операции, не создающие никакой стоимости или прибавочной стоимости, то они не могут создавать их и в том случае, если продажа и купля товаров будут производиться не этими, а другими лицами. Далее, если часть совокупного общественного капитала, которая постоянно должна иметься в распоряжении как денежный капитал, чтобы процесс воспроизводства не прерывался процессом обращения, а продолжался безостановочно, — если этот денежный капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, то он не может приобрести этого свойства создавать стоимость и прибавочную стоимость от того, что для отправления своих функций он постоянно пускается в обра-

щение не промышленными капиталистами, а капиталистами другого подразделения. Насколько купеческий капитал может быть косвенно производительным, об этом уже было упомянуто, и впоследствии это будет исследовано подробнее.

Итак, товарно-торговый капитал, — если отбросить все разнородные функции, которые могут быть с ним связаны, как хранение товаров, отправка их, перевозка, группировка, разборка, и ограничиться его истинной функцией купли ради продажи, — не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, а только опосредствует их реализацию и тем самым одновременно опосредствует действительный обмен товаров, их переход из одних рук в другие, общественный обмен веществ. Тем не менее, так как фаза обращения промышленного капитала точно так же составляет фазу процесса воспроизводства, как и производство, то капитал, самостоятельно функционирующий в процессе обращения, должен точно так же приносить среднюю годовую прибыль, как и капитал, функционирующий в различных отраслях производства. Если бы купеческий капитал приносил в процентном отношении более высокую среднюю прибыль, чем промышленный капитал, то часть промышленного капитала превратилась бы в купеческий капитал. Если бы он приносил более низкую среднюю прибыль, то имел бы место обратный процесс. Часть купеческого капитала превратилась бы в промышленный капитал. Ни один вид капитала не может изменять своего назначения, своей функции с большей легкостью, чем купеческий капитал.

Так как сам купеческий капитал не производит прибавочной стоимости, то ясно, что прибавочная стоимость, приходящаяся на его долю в форме средней прибыли, составляет часть прибавочной стоимости, произведенной всем производительным капиталом. Но теперь вопрос заключается в следующем: каким образом купеческий капитал притягивает к себе достающуюся на его долю часть произведенной производительным капиталом прибавочной стоимости, или прибыли?

Это только внешняя видимость, будто торговая прибыль есть простая надбавка, номинальное повышение цены товаров выше их стоимости.

Ясно, что купец может извлекать свою прибыль только из цены продаваемых им товаров, и еще более ясно, что эта прибыль, получаемая им при продаже своих товаров, должна равняться разнице между его покупной ценой и его продажной ценой, равняться избытку, на который последняя превышает первую.

Возможны случаи, когда после покупки товара и до его продажи в него войдут дополнительные издержки (издержки

обращения), но точно так же возможны случаи, когда этого не бывает. Если такие издержки имеют место, то ясно, что превышение продажной цены над покупной ценой представляет не одну только прибыль. Чтобы упростить исследование, мы прежде всего предположим, что никаких таких издержек в товар не входит.

Для промышленного капиталиста разница между продажной и покупной ценой его товаров равна разнице между их ценой производства и издержками производства или, если рассматривать совокупный общественный капитал, равна разнице между стоимостью товаров и издержками их производства для капиталистов, что, в свою очередь, сводится к разнице между всем количеством овеществленного в них труда и количеством овеществленного в них оплаченного труда. Товары, купленные промышленным капиталистом, прежде чем они снова будут выброшены на рынок как товары, готовые для продажи, проходят процесс производства, в котором только и производится составная часть их цены, реализуемая впоследствии как прибыль. Иначе все обстоит у торговца товарами. Товары находятся в его руках только до тех пор, пока они находятся в процессе своего обращения. Он только продолжает их продажу, начатую производительным капиталистом, продолжает реализацию их цены и потому не подвергает их никакому промежуточному процессу, в котором они снова могли бы всасывать прибавочную стоимость. В то время как промышленный капиталист в обращении лишь реализует ранее произведенную прибавочную стоимость, или прибыль, купец, напротив, должен в обращении и посредством обращения не только реализовать свою прибыль, но сначала создать ее. Кажется, будто это возможно только при том условии, что товары, проданные ему промышленным капиталистом по их ценам производства, или, — если рассматривать совокупный товарный капитал, — по их стоимостям, он продает дороже их цен производства, делает номинальную надбавку к их ценам, следовательно, — если рассматривать совокупный товарный капитал, — продает их выше их стоимости и кладет себе в карман этот избыток их номинальной стоимости над их реальной стоимостью, — словом, продает их дороже, чем они стоят.

Понять эту форму надбавки очень легко. Например, один аршин холста стоит 2 шиллинга. Если мне надо при перепродаже получить 10% прибыли, то я должен накинуть на цену $^1/_{10}$, следовательно, продавать аршин по 2 шилл. $2^2/_5$ пенса. Разница между его действительной ценой производства и его продажной ценой в таком случае = $2^2/_5$ пенса, а это на 2 шилл.

составляет прибыль в 10%. Фактически я продаю в таком случае покупателю аршин холста по такой цене, которая в действительности есть цена $1^1/_{10}$ аршина. Или, что сводится к тому же самому: это совершенно все равно, как если бы я продавал покупателю за 2 шилл. только $^{10}/_{11}$ аршина, а $^1/_{11}$ удерживал у себя. Действительно, на $2^2/_5$ пенса я могу снова купить $^1/_{11}$ аршина, считая по 2 шилл. $2^2/_5$ пенса за аршин. Следовательно, это было бы только окольным путем для того, чтобы посредством номинального повышения цены товаров получить долю в прибавочной стоимости и в прибавочном продукте.

Это — реализация торговой прибыли путем надбавки к цене товаров, как она представляется на первый взгляд. И в самом деле, все представление о происхождении прибыли от номинального повышения цены товаров или от продажи их выше их стоимости возникло из наблюдений над торговым капиталом.

Однако если подойти к вопросу ближе, то скоро обнаруживается, что это — простая видимость и что если предполагать капиталистический способ производства господствующим, то торговая прибыль реализуется не таким способом. (Здесь речь идет всегда только о средних, а не об отдельных случаях.) Почему мы полагаем, что торговец товарами может реализовать прибыль на свои товары, скажем, в 10%, лишь продавая их на 10% выше их цены производства? Потому что мы предположили, что производитель этих товаров, промышленный капиталист (который, как олицетворение промышленного капитала, по отношению к внешнему миру всегда фигурирует в качестве «производителя»), продал их купцу по их цене производства. Если покупные цены товаров, уплаченные торговцем товарами, равны их ценам производства, в конечном счете, равны их стоимостям, так что, следовательно, цена производства, а в конечном счете стоимость товаров, представляет для купца издержки производства, то в действительности избыток его продажной цены над его покупной ценой, — а только эта разница между ценами и образует источник его прибыли, — должен быть избытком их торговой цены над их ценой производства, и в конечном счете купец должен продавать все товары выше их стоимости. Но почему же было предположено, что промышленный капиталист продает купцу товары по их цене производства? Или, вернее сказать, что имелось в виду при таком предположении? То, что торговый капитал (здесь мы имеем с ним дело еще только как с товарноторговым капиталом) не участвует в образовании общей нормы прибыли. При исследовании общей нормы прибыли мы необходимо исходили из такого предположения, во-первых, потому

что торговый капитал как таковой тогда для нас еще не существовал; а во-вторых, потому что среднюю прибыль, а следовательно и общую норму прибыли, необходимо было сначала исследовать как выравнивание прибылей, или прибавочных стоимостей, которые действительно производятся промышленными капиталами различных сфер производства. Напротив, в купеческом капитале мы имеем дело с таким капиталом, который участвует в прибыли, не участвуя в ее производстве. Следовательно, нам необходимо теперь дополнить прежнее изложение.

Предположим, что весь промышленный капитал, авансированный в продолжение года, $= 720_c + 180_v = 900$ (например, миллионам фунтов стерлингов), а $m' = 100\%$. Следовательно, продукт $= 720_c + 180_v + 180_m$. Если мы затем обозначим этот продукт, или произведенный товарный капитал, через T, то его стоимость, или цена производства (так как для всей совокупности товаров они совпадают), $= 1\,080$, а норма прибыли для всего капитала в $900 = 20\%$. Согласно вышеизложенному, эти 20% представляют собой среднюю норму прибыли, так как прибавочная стоимость здесь вычисляется не на тот или иной капитал особого строения, а на весь промышленный капитал с его средним строением. Итак, $T = 1\,080$ и норма прибыли $= 20\%$. Но теперь мы предположим, что к этим 900 ф. ст. промышленного капитала присоединяется еще 100 ф. ст. купеческого капитала, который pro rata * своей величине имеет такую же долю в прибыли, как и тот. Согласно предположению, купеческий капитал составляет $^1/_{10}$ совокупного капитала в 1 000. Следовательно, из совокупной прибавочной стоимости в 180 на его долю приходится $^1/_{10}$, и таким образом он получает прибыль по норме 18%. Значит прибыль, подлежащая распределению между остальными $^9/_{10}$ всего совокупного капитала, фактически равняется уже только 162, или на капитал в 900 она тоже $= 18\%$. Таким образом цена, по которой владельцы промышленного капитала в 900 продают T торговцам товарами, $= 720_c + 180_v + 162_m = 1\,062$. Следовательно, если купец надбавит на свой капитал в 100 среднюю прибыль в 18, то он продает товары за $1\,062 + 18 = 1\,080$, т. е. по их цене производства, или — если рассматривать весь товарный капитал, — по их стоимости, хотя он добывает свою прибыль только в обращении и через обращение и только таким путем, что цена, по которой он продает, превышает цену, по которой он покупает. Но все же он продает товары не выше их стоимости, или не выше их цены произ-

* — пропорционально. *Ред.*

водства, как раз потому, что он купил их у промышленного капиталиста ниже их стоимости, или ниже их цены производства.

Итак, купеческий капитал определяющим образом участвует в образовании общей нормы прибыли pro rata той доле, какую он составляет от совокупного капитала. Следовательно, если мы в данном случае говорим: средняя норма прибыли = 18%, то она была бы = 20%, если бы $^1/_{10}$ совокупного капитала не составлял купеческий капитал и если бы вследствие этого общая норма прибыли не понизилась на $^1/_{10}$. Вместе с тем появляется более точное, ограничительное определение цены производства. Под ценой производства, как и выше, следует понимать цену товара = его издержкам (стоимости содержащегося в нем постоянного и переменного капитала) + средняя прибыль на них. Но эта средняя прибыль определяется теперь иначе. Она определяется всей прибылью, которую производит весь производительный капитал; но она исчисляется не только на весь этот производительный капитал, так что, если он по-прежнему был бы = 900, а прибыль = 180, то средняя норма прибыли была бы $=\frac{180}{900}=20\%$, а на весь производительный капитал + торговый капитал, так что если имеется 900 производительного и 100 торгового капитала, то средняя норма прибыли $=\frac{180}{1\,000}=18\%$. Следовательно, цена производства $= k$ (издержкам) + 18, а не $k + 20$. В средней норме прибыли уже учтена часть всей прибыли, приходящаяся на долю торгового капитала. Поэтому действительная стоимость, или цена производства, всего товарного капитала $= k + p + h$ (где h означает торговую прибыль). Следовательно, цена производства, или та цена, по которой продает промышленный капиталист как таковой, ниже, чем действительная цена производства товара; или, если рассматривать всю совокупность товаров, то цены, по которым продает их класс промышленных капиталистов, ниже их стоимостей. Таким образом в вышеприведенном примере: 900 (издержки) + 18% на 900, или 900 + 162 = = 1 062. Купец же, продавая товар, сто̀ящий ему 100, за 118, конечно, накидывает 18%; но так как товар, купленный им за 100, сто̀ит 118, то таким образом он продает его не выше его стоимости. Мы будем употреблять выражение цена производства в вышеизложенном более точном смысле. В таком случае ясно, что прибыль промышленного капиталиста равна избытку цены производства товара над его издержками производства и что в отличие от этой промышленной прибыли

торговая прибыль равна избытку продажной цены над ценой производства товара, которая для купца является его покупной ценой; но ясно, что действительная цена товара = его цене производства + купеческая (торговая) прибыль. Подобно тому, как промышленный капитал только потому реализует прибыль, что она как прибавочная стоимость уже заключается в стоимости товара, так и торговый капитал только потому реализует ее, что не вся прибавочная стоимость, или прибыль, была реализована промышленным капиталом в цене товара [39]. Таким образом цена, по которой купец продает, выше той, по которой он покупает, не потому, что первая выше всей стоимости, но потому, что вторая ниже ее.

Итак, купеческий капитал участвует в выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль, хотя и не участвует в производстве этой прибавочной стоимости. Поэтому общая норма прибыли уже содержит в себе вычет из прибавочной стоимости, приходящийся на долю купеческого капитала, т. е. вычет из прибыли промышленного капитала.

Из вышеизложенного следует:

1) Чем больше купеческий капитал по сравнению с промышленным капиталом, тем меньше норма промышленной прибыли, и обратно.

2) Если в первом отделе оказалось, что норма прибыли всегда выражается меньшей величиной, чем норма действительной прибавочной стоимости, т. е. всегда показывает степень эксплуатации труда слишком низкой, — например, в вышеприведенном случае $720_c + 180_v + 180_m$ норма прибавочной стоимости в 100% выражается как норма прибыли только в 20%, — то эти величины расходятся еще больше, поскольку сама средняя норма прибыли, если учесть долю, приходящуюся на купеческий капитал, в свою очередь, представляется меньше, — в нашем случае 18% вместо 20%. Следовательно, средняя норма прибыли непосредственно эксплуатирующего капиталиста выражает норму прибыли преуменьшенной по сравнению с той, какой она является в действительности.

При прочих равных условиях относительная величина купеческого капитала стоит в обратном отношении к скорости его оборота, следовательно, в обратном отношении к энергии процесса воспроизводства вообще (однако капитал мелких торговцев — промежуточного слоя торговцев [Zwittergattung] — составляет исключение). В ходе научного анализа в качестве исходного пункта образования общей нормы прибыли прини-

---

[39] John Bellers [Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality. London, 1699, p. 10].

маются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация благодаря посредничеству купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая процесс воспроизводства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала как соответственной части совокупного капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства.

При дополнительном выравнивании прибылей вследствие вмешательства купеческого капитала оказалось, что в стоимость товара не входит никакого добавочного элемента на авансированный купцом денежный капитал, что надбавка к цене, благодаря которой купец получает свою прибыль, равна только той части стоимости товара, которую производительный капитал не причислил к цене производства товара, равна той части, которой он поступился. С этим денежным капиталом дело обстоит именно так, как с основным капиталом промышленного капиталиста, поскольку он не потреблен, поскольку, следовательно, его стоимость не составляет никакого элемента стоимости товара. Именно в той цене, по которой он покупает товарный капитал, он возмещает деньгами цену его производства $= Д$. Цена, по которой он продает, как было показано выше, $= Д + \Delta Д$, причем $\Delta Д$ выражает прибавку к цене товара, определяемую общей нормой прибыли. Следовательно, если купец продает товар, то к нему возвращается кроме $\Delta Д$ первоначальный денежный капитал, авансированный им на покупку товаров. При этом снова обнаруживается, что его денежный капитал вообще есть не что иное, как превращенный в денежный капитал товарный капитал промышленного капиталиста, капитал, который так же мало может влиять на величину стоимости этого товарного капитала, как если бы последний продавался не купцу, а непосредственно окончательному потребителю. Фактически он только предвосхищает оплату товара этим последним. Однако это справедливо только в том случае, если, как это мы до сих пор предполагали, купец не делает никаких издержек или если в процессе метаморфоза товаров, купли и продажи, ему не приходится авансировать

никакого иного капитала, ни основного, ни оборотного, кроме того денежного капитала, который он должен авансировать для того, чтобы купить товар у производителя. Однако, как мы это видели при рассмотрении издержек обращения («Капитал», кн. II, гл. VI), это не так. И эти издержки обращения являются отчасти такими, которые купец может потребовать от других агентов обращения, отчасти такими, которые непосредственно связаны с его специфическим предприятием.

Какого бы рода ни были эти издержки обращения, свойственны ли они чисто купеческому предприятию как таковому, следовательно, принадлежат к специфическим издержкам обращения купца, или же они представляют расходы, обусловленные дополнительными процессами производства, совершающимися во время процесса обращения, каковы: отправка, перевозка, хранение и пр., они постоянно предполагают, что купцом, кроме денежного капитала, авансированного на покупку товаров, авансирован дополнительный капитал на покупку и оплату этих средств обращения. Поскольку этот элемент издержек состоит из оборотного капитала, он как дополнительный элемент входит целиком в продажную цену товаров; поскольку он состоит из основного капитала, он входит в нее как дополнительный элемент по мере своего износа; но он входит в нее и как элемент, образующий номинальную стоимость, даже если он, как чисто купеческие издержки обращения, не образует никакого действительного дополнения к стоимости товара. Но весь этот дополнительный капитал, будет ли он оборотным или основным, участвует в образовании общей нормы прибыли.

Чисто купеческие издержки обращения (следовательно, за исключением издержек на отправку, перевозку, хранение и пр.) сводятся к издержкам, необходимым для реализации стоимости товара, для превращения ее из товара в деньги или из денег в товар, для опосредствования обмена между ними. При этом мы совершенно оставляем в стороне процессы производства, которые могут продолжаться в течение акта обращения и от которых купеческое предприятие может существовать совершенно обособленным. Подобно тому, как, например, действительный транспорт и отправка товаров фактически могут представлять и представляют собой отрасли хозяйства, совершенно отличные от торговли, точно так же и товары, подлежащие купле и продаже, могут лежать в доках и других общественных помещениях, причем вытекающие из этого издержки, поскольку купцу приходится их авансировать, начисляются на него третьими лицами. Все это имеет место

в собственно оптовой торговле, где купеческий капитал проявляется в наиболее чистом виде и в наименьшей степени переплетается с другими функциями. Хозяин извозного предприятия, управляющий железной дорогой, судовладелец — не «купцы». Издержки, которые мы здесь рассматриваем, это издержки купли и продажи. Уже ранее мы отметили, что они сводятся к расчетам, ведению бухгалтерского учета, рыночным расходам, расходам на корреспонденцию и пр. Необходимый для этого постоянный капитал заключается в конторах, бумагах, почтовых знаках и пр. Другие издержки сводятся к переменному капиталу, который авансируется на наем торговых рабочих. (Экспедиционные расходы, транспортные издержки, таможенные пошлины и т. п. отчасти можно рассматривать таким образом, как будто купец авансировал их на покупку товаров, и потому для него они входят в покупную цену.)

Все такие издержки делаются не при производстве потребительной стоимости товара, а при реализации его стоимости; они суть чистые издержки обращения. Они входят не в непосредственный процесс производства, а в процесс обращения, а потому в совокупный процесс воспроизводства.

Нас здесь интересует единственно та часть этих издержек, которая расходуется на переменный капитал. (Кроме того, необходимо было бы исследовать: во-первых, каким образом сохраняет свое значение для процесса обращения закон, согласно которому в стоимость товара входит только необходимый труд? Во-вторых, как проявляется накопление при купеческом капитале? В-третьих, как функционирует купеческий капитал в действительном общественном процессе воспроизводства, взятом в целом?)

Эти издержки обусловливаются экономической формой продукта как товара.

Если рабочее время, которое промышленные капиталисты теряют сами, продавая свои товары непосредственно один другому, — следовательно, говоря объективно, время обращения товаров, — не присоединяет никакой стоимости к этим товарам, то ясно, что это рабочее время не получает иного характера вследствие того, что вместо промышленного капиталиста оно приходится на долю купца. Превращение товара (продукта) в деньги и денег в товар (в средства производства) составляет необходимую функцию промышленного капитала и, следовательно, необходимую операцию капиталиста, который в действительности представляет собой только персонифицированный капитал, одаренный собственным сознанием и волей. Но эти функции не увеличивают стоимости и не создают

прибавочной стоимости. Совершая такие операции или продолжая выполнять функции капитала в сфере обращения после того, как их перестал выполнять производительный капиталист, купец лишь заменяет промышленного капиталиста. Рабочее время, требующееся для этих операций, употребляется на необходимые операции в процессе воспроизводства капитала, но оно не присоединяет никакой стоимости. Если бы купец не выполнял этих операций (следовательно и не затрачивал бы требующегося для них рабочего времени), то он не употреблял бы своего капитала в качестве агента обращения промышленного капитала; он не продолжал бы функции, прерванной промышленным капиталистом, и потому не принимал бы в качестве капиталиста участия pro rata авансированному им капиталу в той массе прибыли, которая производится всем классом промышленных капиталистов. Поэтому для того чтобы иметь долю в общей массе прибавочной стоимости, чтобы авансированная им сумма возрастала в своей стоимости как капитал, торговому капиталисту нет необходимости применять наемных рабочих. Если его предприятие и его капитал незначительны, он сам может быть единственным работником в своем собственном предприятии. Он оплачивается частью прибыли, возникающей из разницы между покупной ценой товаров и их действительной ценой производства.

Но, с другой стороны, при небольшом размере капитала, авансированного купцом, реализуемая им прибыль может быть нисколько не больше, или даже меньше, заработной платы лучше оплачиваемого квалифицированного наемного рабочего. В самом деле, наряду с ним функционируют непосредственные торговые агенты производительного капиталиста, закупщики, продавцы, коммивояжеры, получающие столько же или больше дохода, в форме ли заработной платы или в форме отчислений от прибыли с каждой продажи (комиссионные, тантьемы). В первом случае купец получает торговую прибыль как самостоятельный капиталист; во втором случае приказчику, наемному рабочему промышленного капиталиста, выплачивается часть прибыли в форме ли заработной платы или в форме соответствующего отчисления от прибыли того промышленного капиталиста, непосредственным агентом которого он является, и в этом случае его хозяин кладет себе в карман как промышленную, так и торговую прибыль. Но хотя самому агенту обращения его доход может представляться простой заработной платой, платой за выполненный им труд, и хотя там, где он не представляется в таком виде, величина его прибыли может равняться лишь заработной плате лучше оплачиваемого рабочего, однако

во всех этих случаях источником его дохода служит лишь торговая прибыль. Это происходит от того, что его труд не есть труд, создающий стоимость.

Увеличение продолжительности операции обращения представляет для промышленного капиталиста 1) его личную потерю времени, поскольку это мешает ему выполнять свою функцию управляющего самим процессом производства; 2) более продолжительное пребывание его продукта, в денежной или товарной форме, в процессе обращения, следовательно в таком процессе, где не происходит возрастания стоимости этого продукта и где непосредственный процесс производства прерывается. Чтобы последний не прерывался, приходится сокращать производство или, — чтобы процесс производства продолжался постоянно в прежнем масштабе, — авансировать дополнительный денежный капитал. Это каждый раз сводится к тому, что или при прежнем капитале получается меньшая прибыль или приходится авансировать дополнительный денежный капитал, чтобы получить прежнюю прибыль. Все это нисколько не изменяется, если на место промышленного капиталиста становится купец. Вместо того чтобы первый затрачивал дополнительное время на процесс обращения, его затрачивает купец; вместо того чтобы промышленник авансировал на обращение дополнительный капитал, его авансирует купец; или, — что то же самое, — вместо того чтобы значительная часть промышленного капитала постоянно находилась в процессе обращения, в этом процессе сосредоточивается исключительно капитал купца; и вместо того чтобы промышленный капиталист производил меньшую прибыль, ему приходится часть своей прибыли уступать купцу. Поскольку купеческий капитал не превышает необходимых пределов, то вследствие такого разделения функций капитала употребляется меньше времени на самый процесс обращения, авансируется на него меньше дополнительного капитала, и потеря на общем количестве прибыли, выражающаяся в форме торговой прибыли, меньше, чем была бы она в противном случае. Если в приведенном выше примере капитал $720_c + 180_v + 180_m$, при существовании наряду с ним купеческого капитала в 100, дает промышленному капиталисту прибыль в 162, или 18%, следовательно, прибыль убавляется на 18, то без такого обособления купеческого капитала необходимый дополнительный капитал достигал бы, может быть, 200, и в таком случае вся сумма, авансированная промышленным капиталистом, составляла бы 1 100 вместо 900, следовательно, при прибавочной стоимости в 180 норма прибыли была бы только $16^4/_{11}\%$.

Если промышленный капиталист, являющийся по отношению к самому себе и купцом, кроме дополнительного капитала, на который он покупает новый товар, прежде чем его продукт, находящийся в обращении, превратится в деньги, авансировал еще капитал (на конторские расходы и на заработную плату торговым рабочим) для реализации стоимости своего товарного капитала, следовательно на процесс обращения, то эти расходы хотя и образуют дополнительный капитал, но они не создают прибавочной стоимости. Они должны быть возмещены из стоимости товаров; некоторая часть стоимости этих товаров должна быть снова превращена в эти издержки обращения; но никакой дополнительной прибавочной стоимости от этого не образуется. По отношению к совокупному капиталу общества это фактически сводится к тому, что часть его требуется для второстепенных операций, не входящих в процесс увеличения стоимости, и что эта часть общественного капитала постоянно должна воспроизводиться для этих целей. Вследствие этого уменьшается норма прибыли для отдельных капиталистов и для всего класса промышленных капиталистов, т. е. получается результат, который следует из всякого присоединения дополнительного капитала, поскольку это требуется, чтобы привести в движение прежнюю массу переменного капитала.

Это уменьшение нормы прибыли, только в меньшей степени и иным путем, происходит также, поскольку торговый капиталист избавляет промышленного капиталиста от этих связанных с самим обращением дополнительных издержек. Дело представляется теперь таким образом, что купец авансирует капитала больше, чем требовалось бы, если бы этих издержек не существовало, и что прибыль на этот дополнительный капитал повышает сумму торговой прибыли; следовательно, купеческий капитал в большем размере участвует вместе с промышленным капиталом в выравнивании средней нормы прибыли, т. е. средняя прибыль понижается. Если в нашем прежнем примере кроме 100 единиц купеческого капитала авансируется еще 50 дополнительного капитала на те издержки, о которых идет речь, то общая сумма прибавочной стоимости в 180 распределяется в таком случае на производительный капитал в 900 плюс купеческий капитал в 150, итого = 1 050. Следовательно, средняя норма прибыли понижается до $17^1/_7$ %. Промышленный капиталист продает товары купцу за 900 + + $154^2/_7$ = 1 $054^2/_7$, а купец продает их за 1 130 (1 080 + 50 на те издержки, которые он опять должен возместить). Впрочем, следует признать, что с разделением капитала на купече-

ский и промышленный связана централизация торговых издержек и вследствие этого их сокращение.

Теперь спрашивается: как обстоит дело с торговыми наемными рабочими, занятыми у торгового капиталиста, в нашем случае у торговца товарами?

С одной стороны, такой торговый рабочий совершенно такой же наемный рабочий, как и всякий другой. Во-первых, поскольку его труд покупается на переменный капитал купца, а не на те деньги, которые расходуются как доход, следовательно, покупается не для личных услуг, а в целях увеличения стоимости капитала, авансированного купцом. Во-вторых, поскольку стоимость его рабочей силы и, следовательно, его заработная плата, определяется, как и у всех других наемных рабочих, издержками производства и воспроизводства его специфической рабочей силы, а не продуктом его труда.

Но между ним и рабочими, непосредственно занятыми промышленным капиталом, имеется такое же различие, какое существует между промышленным капиталом и торговым капиталом, а потому между промышленным капиталистом и купцом. Так как купец как простой агент обращения не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости (потому что добавочная стоимость, которую он присоединяет к товарам посредством своих издержек, сводится лишь к добавлению ранее существовавшей стоимости, хотя здесь напрашивается вопрос, каким образом он удерживает, сберегает эту стоимость своего постоянного капитала), то и торговые рабочие, занятые у него исполнением таких же функций, не могут непосредственно создавать для него прибавочную стоимость. При этом, как и для производительных рабочих, мы предполагаем, что их заработная плата определяется стоимостью рабочей силы, следовательно, купец не обогащается вычетами из заработной платы, т. е. он не включает в счет своих издержек сумму, на которую он недооплачивает труд, другими словами, он обогащается не тем, что надувает своих приказчиков и пр.

По отношению к торговым наемным рабочим затруднение состоит вовсе не в том, чтобы объяснить, каким образом они производят прибыль непосредственно для своих хозяев, хотя и не производят непосредственно прибавочной стоимости (лишь превращенной формой которой является прибыль). Этот вопрос фактически уже разрешен общим анализом торговой прибыли. Совершенно так же, как промышленный капитал получает прибыль благодаря тому, что он продает заключающийся и реализованный в товарах труд, за который он не заплатил никакого эквивалента, так и торговый капитал получает

ее благодаря тому, что он оплачивает промышленному капиталу не весь неоплаченный труд, заключающийся в товаре (в товаре, поскольку капитал, затраченный на его производство, функционирует как соответственная часть всего промышленного капитала), а при продаже товаров, напротив, заставляет заплатить себе еще и за эту заключающуюся в товарах и не оплаченную им часть. Отношение купеческого капитала к прибавочной стоимости иное, чем отношение к ней промышленного капитала. Последний производит прибавочную стоимость путем непосредственного присвоения неоплаченного чужого труда. Первый присваивает себе часть этой прибавочной стоимости, заставляя промышленный капитал уступить ему эту часть.

Лишь посредством своей функции — реализации стоимостей — торговый капитал функционирует в процессе воспроизводства как капитал, а потому как функционирующий капитал извлекает долю прибавочной стоимости, произведенной всем капиталом. Для каждого отдельного купца масса его прибыли зависит от массы капитала, которую он может употреблять на этот процесс, а он может употреблять на куплю и продажу тем больше, чем больше неоплаченный труд его приказчиков. Даже функцию, в силу которой его деньги являются капиталом, торговый капиталист по большей части заставляет выполнять своих рабочих. Хотя неоплаченный труд этих приказчиков не создает прибавочной стоимости, но он создает для него возможность присвоения прибавочной стоимости, что по своему результату представляет для этого капитала совершенно то же самое; следовательно, этот труд является для него источником прибыли. Иначе торговое предприятие невозможно было бы вести в крупных размерах, невозможно было бы вести капиталистически.

Подобно тому, как неоплаченный труд рабочего непосредственно создает для производительного капитала прибавочную стоимость, неоплаченный труд торговых наемных рабочих создает для торгового капитала участие в этой прибавочной стоимости.

Затруднение заключается в следующем: если рабочее время и труд самого купца не являются трудом, создающим стоимость, хотя он и создает для купца участие в уже произведенной прибавочной стоимости, то как обстоит дело с тем переменным капиталом, который купец расходует на покупку торговой рабочей силы? Следует ли причислять этот переменный капитал как издержки к авансированному торговому капиталу? Если нет, то это как будто противоречит закону выравнивания

нормы прибыли; какой капиталист стал бы авансировать 150, если бы он мог считать авансированным капиталом только 100? Если же следует, то это как будто противоречит сущности торгового капитала, так как капитал этого рода функционирует как капитал не благодаря тому, что он подобно промышленному капиталу приводит в движение чужой труд, а благодаря тому, что он сам работает, т. е. выполняет функции купли и продажи и именно лишь за это и благодаря этому переносит на себя часть прибавочной стоимости, произведенной промышленным капиталом.

(Итак, нам предстоит исследовать следующие вопросы: переменный капитал купца; закон необходимого труда в сфере обращения; каким образом труд купца сохраняет стоимость его постоянного капитала; роль купеческого капитала в процессе воспроизводства, взятом в целом; наконец, раздвоение на товарный капитал и денежный капитал, с одной стороны, и на товарно-торговый и денежно-торговый капитал, с другой.)

Если бы каждый купец располагал только таким количеством капитала, которое позволяло бы ему совершать обороты посредством исключительно своего собственного труда, то происходило бы бесконечное дробление купеческого капитала; это дробление должно было бы возрастать по мере увеличения с развитием капиталистического способа производства масштабов производства и операций производительного капитала. Следовательно, получилось бы возрастающее несоответствие между тем и другим. По мере централизации капитала в сфере производства совершалась бы децентрализация капитала в сфере обращения. Чисто купеческие операции промышленного капиталиста и вместе с тем его чисто купеческие расходы вследствие этого бесконечно увеличивались бы, так как ему пришлось бы иметь дело, например, с 1000 купцов вместо 100. Тем самым утратилась бы бо̀льшая часть выгоды от обособления купеческого капитала; кроме чисто купеческих, росли бы и другие издержки обращения: по сортировке, отправке и т. д. Это относится к промышленному капиталу. Рассмотрим теперь купеческий капитал. Во-первых, что касается чисто купеческих работ. В счетоводстве при больших числах не требуется больше времени, чем при малых. 10 покупок по 100 ф. ст. требуют в десять раз больше времени, чем *одна* покупка в 1000 фунтов стерлингов. Корреспонденция, бумага, почтовые расходы обойдутся в десять раз дороже, если иметь дело с 10 мелкими купцами, чем если иметь дело с *одним* крупным. Строго очерченное разделение труда в коммерческом предприятии, где один ведет бухгалтерский учет, другой кассу, третий

корреспондирует, тот покупает, этот продает, другой находится в разъездах и т. д., сберегает рабочее время в огромных количествах, так что число торговых рабочих, находящих применение в оптовой торговле, не стоит ни в каком соответствии с относительной величиной предприятия. Это происходит оттого, что в торговле гораздо чаще, чем в промышленности, одна и та же функция требует одинакового рабочего времени независимо от того, выполняется ли она в большом или малом масштабе. Поэтому исторически концентрация в купеческом деле наступает раньше, чем в промышленной мастерской. Далее, расходы на постоянный капитал. 100 мелких контор стòят бесконечно дороже, чем одна большая; 100 мелких товарных складов — дороже, чем один большой, и т. д. Транспортные издержки, по крайней мере те, которые входят в число издержек, подлежащих авансированию, в купеческом предприятии возрастают вместе с дроблением.

Промышленный капиталист должен был бы затрачивать в торговой части своего предприятия больше труда и издержек обращения. Один и тот же купеческий капитал, если бы он был разделен между множеством мелких купцов, потребовал бы вследствие такой раздробленности гораздо больше рабочих для опосредствования своих функций, и, кроме того, потребовался бы более крупный купеческий капитал для обращения того же самого товарного капитала.

Если мы обозначим через B весь купеческий капитал, затраченный непосредственно на куплю и продажу товаров, а через b обозначим соответствующий переменный капитал, расходуемый на оплату вспомогательных торговых рабочих, то $B + b$ оказывается меньше, чем должен бы быть весь купеческий капитал B, если бы каждый купец обходился без помощников, т. е. если бы часть капитала не расходовалась на b. Однако мы все же еще не разрешили затруднения.

Продажная цена товаров должна быть достаточной, 1) чтобы оплатить среднюю прибыль на $B + b$. Это объясняется уже тем, что $B + b$ есть вообще сокращение первоначального B, представляет меньший купеческий капитал, чем тот, который был бы необходим без b. Но эта продажная цена должна быть достаточной, 2) чтобы, кроме дополнительно появляющейся теперь прибыли на b, возместить и выплаченную заработную плату, самый переменный капитал купца $= b$. Это последнее представляет затруднение. Образует ли b новую составную часть цены или оно есть только часть прибыли, полученной на $B + b$, часть, которая является заработной платой только по отношению к торговому рабочему, а по отношению к самому купцу

представляет собой простое возмещение его переменного капитала? В последнем случае полученная купцом прибыль на затраченный им капитал $B + b$ была бы только равна прибыли, приходящейся соответственно общей норме на $(B + b)$, плюс b, причем последнее оплачивается купцом в форме заработной платы, но само не приносит никакой прибыли.

На деле задача сводится к тому, чтобы найти границы b (в математическом смысле). Прежде всего мы хотим точно установить, в чем заключается затруднение. Обозначим капитал, затраченный непосредственно на куплю и продажу товаров, через B, постоянный капитал, потребляемый при этой функции, через K (вещественные торговые издержки) и переменный капитал, расходуемый купцом, через b.

Возмещение B не представляет решительно никаких затруднений. Оно является только реализованной покупной ценой для купца или ценой производства для фабриканта. Купец платит эту цену, а при перепродаже он получает B обратно как часть своей продажной цены; кроме этого B он, как было объяснено выше, получает прибыль на B. Например, товар стоит 100 фунтов стерлингов. Прибыль на него пусть составляет 10%. Таким образом товар продается за 110. Уже раньше товар стоил 100; купеческий капитал в 100 прибавляет к нему только 10.

Далее, если мы возьмем K, то оказывается, что оно, самое большее, такой же величины, а в действительности меньше той части постоянного капитала, которую пришлось бы употребить для купли и продажи производителю; но она составила бы тогда прибавку к тому постоянному капиталу, который употребляется производителем непосредственно в производстве. Тем не менее эта часть должна постоянно возмещаться из цены товара, или, что то же самое, соответственная часть товара должна постоянно расходоваться в этой форме, должна, если иметь в виду совокупный общественный капитал, постоянно воспроизводиться в этой форме. Эта часть авансируемого постоянного капитала так же ограничивающе влияла бы на норму прибыли, как и вся масса его, вложенная непосредственно в производство. Поскольку промышленный капиталист предоставляет торговую часть своего предприятия купцу, ему нет надобности авансировать эту часть капитала. Вместо него ее авансирует купец. Но это только номинально; купец не производит, не воспроизводит потребляемый им постоянный капитал (вещественные торговые издержки). Следовательно, производство последнего является особым видом предпринимательской деятельности или, по крайней мере, частью деятельности

известных промышленных капиталистов, которые, таким образом, играют такую же роль, как промышленные капиталисты, доставляющие постоянный капитал тем, кто производит жизненные средства. Следовательно, купец получает, во-первых, возмещение этого капитала и, во-вторых, прибыль на него. Таким образом, вследствие того и другого происходит сокращение прибыли промышленного капиталиста. Но благодаря связанной с разделением труда концентрации и экономии она сокращается в меньшей мере, чем в том случае, если бы ему самому приходилось авансировать этот капитал. Сокращение нормы прибыли меньше, потому что меньше авансируемый таким образом капитал.

Итак, продажная цена состоит пока из $B + K +$ прибыль на $B + K$. После вышесказанного эта часть ее не представляет никаких затруднений. Но вот появляется b, или переменный капитал, авансируемый купцом.

Вследствие этого продажная цена превращается в $B + K + b +$ прибыль на $B + K$, $+$ прибыль на b.

B возмещает только покупную цену, не присоединяя, однако, кроме прибыли на B, к этой цене никакой части. K присоединяет не только прибыль на K, но и самое K; однако сумма $K +$ прибыль на K, т. е. часть издержек обращения, авансированная в форме постоянного капитала, плюс соответствующая средняя прибыль, была бы в руках промышленного капиталиста больше, чем в руках торгового капиталиста. Уменьшение средней прибыли проявляется так, что из полной средней прибыли, исчисленной на авансированный — без $B + K$ — промышленный капитал, вычитается и выплачивается купцу средняя прибыль на $B + K$ и, таким образом, этот вычет выступает в качестве прибыли особого капитала, купеческого капитала.

Но иначе обстоит дело с $b +$ прибыль на b, или в данном случае, где норма прибыли предполагается $= 10\%$, с $b + {}^1/_{10}\ b$. Здесь-то и кроется действительное затруднение.

Согласно предположению, купец покупает на b только торговый труд, т. е. труд, необходимый для опосредствования функций обращения капитала, для $T — Д$ и $Д — T$. Но торговый труд есть труд, вообще необходимый для того, чтобы капитал функционировал как купеческий капитал, чтобы он опосредствовал превращение товара в деньги и денег в товар. Это труд, реализующий стоимости, но не создающий никаких стоимостей. И лишь поскольку какой-нибудь капитал исполняет эти функции, — следовательно, поскольку какой-нибудь капиталист выполняет со своим капиталом эти операции, этот

труд, — постольку этот капитал функционирует как купеческий капитал и принимает участие в регулировании общей нормы прибыли, т. е. извлекает свой дивиденд из общей прибыли. Но в b + прибыль на b представляется оплаченным, во-первых, труд (потому что совершенно безразлично, платит ли промышленный капиталист купцу за его собственный труд или за труд приказчиков, оплачиваемых купцом) и, во-вторых, прибыль на сумму, уплаченную за тот труд, который должен был бы выполнить сам купец. Купеческий капитал получает обратно, во-первых, оплату b и, во-вторых, прибыль на него, следовательно, это происходит от того, что он, во-первых, заставляет заплатить себе за тот труд, благодаря которому он функционирует как *купеческий* капитал, а, во-вторых, он заставляет заплатить себе прибыль, потому что он функционирует как *капитал*, т. е. потому что он выполняет труд, который для него как функционирующего капитала оплачивается прибылью. Таков, следовательно, вопрос, который нам предстоит разрешить.

Предположим, что $B = 100$, $b = 10$ и норма прибыли $= 10\%$. Предположим, что $K = 0$, чтобы без надобности не вводить снова в расчет этот элемент покупной цены, который сюда не относится и с которым мы уже покончили. Таким образом, продажная цена была бы $= B + p + b + p$ ($= B + Bp' + b + bp'$, где p' — норма прибыли) $= 100 + 10 + 10 + 1 = 121$.

Но если бы купец не расходовал b на заработную плату, — так как b уплачивается лишь за торговый труд, следовательно за труд, необходимый для реализации стоимости товарного капитала, выбрасываемого на рынок промышленным капиталом, — то дело обстояло бы таким образом: на то, чтобы купить или продать на $B = 100$, купец отдавал бы свое время, и мы предположим, что это все время, которым он располагает. Если бы торговый труд, представляемый b или 10 единицами, оплачивался не заработной платой, а прибылью, то он предполагал бы другой купеческий капитал $= 100$, так как 10% его $= b = 10$. Этот второй капитал $B = 100$ не входил бы дополнительно в цену товара, но 10%, конечно, входили бы в нее. Поэтому были бы произведены две операции по 100, составляющие 200, чтобы купить товаров на $200 + 20 = 220$.

Так как купеческий капитал есть абсолютно не что иное, как обособившаяся форма части промышленного капитала, функционирующего в процессе обращения, то все относящиеся к нему вопросы должны разрешаться так, чтобы проблема ставилась прежде всего в такой форме, при которой свойственные купеческому капиталу явления представляются еще

не самостоятельными, но стоящими в непосредственной связи с промышленным капиталом, как явления, свойственные разновидности этого капитала. Подобно конторе, в отличие ее от мастерской, торговый капитал постоянно функционирует в процессе обращения. Таким образом, именно здесь, в конторе самого промышленного капиталиста, и дòлжно сначала исследовать интересующее нас *b*.

Прежде всего эта контора всегда чрезвычайно мала по сравнению с промышленной мастерской. Впрочем, ясно, что по мере расширения размеров производства увеличиваются торговые операции, которые приходится постоянно совершать в процессе обращения промышленного капитала как для того, чтобы продать продукт, имеющийся в форме товарного капитала, так и для того, чтобы снова превратить в средства производства вырученные деньги и всему вести счет. Калькуляция цен, бухгалтерия, ведение кассы, корреспонденция — все это сюда относится. Чем шире размер производства, тем больше, хотя отнюдь не в соответствующей пропорции, торговые операции промышленного капитала, следовательно, тем больше труд и прочие издержки обращения для реализации стоимости и прибавочной стоимости. Вследствие этого становится необходимым применение наемных торговых рабочих, которые составляют собственно контору. Хотя расходы на них производятся в форме заработной платы, эти расходы отличаются от переменного капитала, который затрачивается на покупку производительного труда. Они увеличивают расходы промышленного капиталиста, массу авансируемого капитала, не увеличивая непосредственно прибавочной стоимости. Потому что они являются расходами на оплату труда, который употребляется только для реализации уже созданной стоимости. Как и всякий другой расход такого рода, этот расход тоже уменьшает норму прибыли, потому что возрастает авансированный капитал, но не возрастает прибавочная стоимость. Если прибавочная стоимость m остается неизменной, авансированный же капитал K возрастает до $K + \Delta K$, то вместо нормы прибыли $\frac{m}{K}$ получается меньшая норма прибыли $\frac{m}{K + \Delta K}$. Следовательно, промышленный капиталист старается свести до минимума эти издержки обращения совершенно так же, как и свои затраты на постоянный капитал. Поэтому отношение промышленного капитала к его торговым наемным рабочим не таково, как отношение к его производительным наемным рабочим. При прочих равных условиях, чем больше он применяет последних, тем крупнее

производство, тем больше прибавочная стоимость, или прибыль. И наоборот. Чем больше масштаб производства и чем больше подлежащая реализации стоимость, а потому и прибавочная стоимость, следовательно, чем больше произведенный товарный капитал, тем больше возрастают абсолютно, хотя и не относительно, конторские издержки и в тем большей мере они вызывают определенного рода разделение труда. В какой мере прибыль является предпосылкой таких расходов, это обнаруживается, между прочим, в том, что часто при увеличении жалованья торговым служащим часть его уплачивается в виде отчислений определенного процента с прибыли. По существу дела, труд, заключающийся только в посреднических операциях, связанных отчасти с калькуляцией стоимостей, отчасти с их реализацией, отчасти с обратным превращением реализованных денег в средства производства, размер которых зависит, следовательно, от величины произведенных и подлежащих реализации стоимостей, — такой труд действует не как причина, подобно непосредственно производительному труду, а как следствие соответствующей величины и массы этих стоимостей. Подобным же образом обстоит дело и с другими издержками обращения. Для того чтобы много измерять, взвешивать, упаковывать, транспортировать, должно быть налицо много товаров; масса труда по упаковке, транспорту и т. п. зависит от массы товаров, объектов такой деятельности, а не наоборот.

Торговый рабочий непосредственно не производит прибавочной стоимости. Но цена его труда определяется стоимостью его рабочей силы, следовательно издержками ее производства, тогда как проявление этой рабочей силы в действии, ее напряжение, расходование и износ, как и у всякого другого наемного рабочего, отнюдь не ограничиваются ее стоимостью. Поэтому его заработная плата никак не пропорциональна массе прибыли, которую он помогает реализовать капиталисту. То, чего он сто̀ит капиталисту, и то, что̀ он ему приносит, — это различные величины. Он приносит ему прибыль не потому, что непосредственно создает прибавочную стоимость, а потому, что помогает уменьшать издержки реализации прибавочной стоимости, поскольку он выполняет отчасти неоплаченный труд. Собственно торговый рабочий принадлежит к лучше оплачиваемому классу наемных рабочих, к тем, труд которых есть квалифицированный труд, стоящий выше среднего труда. Между тем с прогрессом капиталистического способа производства заработная плата имеет тенденцию понижаться даже по сравнению с заработной платой среднего труда. Отчасти это происходит вследствие разделения труда внутри конторы, при

котором необходимым является лишь одностороннее развитие способности к труду и издержки производства такого развития отчасти ничего не сто́ят капиталисту: искусство рабочего развивается самой функцией, и притом тем быстрее, чем одностороннее она становится с разделением труда. Во-вторых, вследствие того, что начальное образование, знание торговли и языков и т. д. с прогрессом науки и народного образования приобретаются все быстрее и легче, становятся все более общераспространенными, воспроизводятся тем дешевле, чем больше капиталистический способ производства направляет методы обучения и т. д. на практические цели. Распространение народного обучения позволяет вербовать этого рода рабочих из таких классов, которым раньше был закрыт доступ к этим профессиям, которые привыкли к сравнительно худшему образу жизни. К тому же оно увеличивает наплыв и вместе с тем конкуренцию. Поэтому, за некоторыми исключениями, с прогрессом капиталистического способа производства рабочая сила этих людей обесценивается; их заработная плата понижается, тогда как их способность к труду увеличивается. Капиталист увеличивает число таких рабочих в тех случаях, когда необходимо реализовать больше стоимости и прибыли. Увеличение такого труда постоянно является следствием, но отнюдь не причиной увеличения прибавочной стоимости[39а)].

Итак, происходит раздвоение. С одной стороны, функции капитала как товарного капитала и денежного капитала (а потому в дальнейшем определении как торгового капитала) суть общие определенные формы промышленного капитала. С другой стороны, особые капиталы, следовательно, особые категории капиталистов занимаются исключительно этими функциями, и таким образом эти функции становятся особыми сферами увеличения стоимости капитала.

Только в торговом капитале торговые функции и издержки обращения оказываются обособленными. Та сторона промышленного капитала, которой он соприкасается с обращением, существует не только в том, что сам он постоянно пребывает

[39а)] Насколько оправдалось впоследствии это предвидение участи торгового пролетариата, данное в 1865 г., об этом могут порассказать сотни немецких приказчиков, которые, будучи весьма сведущи во всех торговых операциях и владея 3—4 языками, тщетно предлагают свои услуги в лондонском Сити по 25 шилл. в неделю, — значительно ниже оплаты квалифицированного слесаря. Пропуск в рукописи, занимающий две страницы, показывает, что предполагалось подробнее развить этот пункт. Впрочем, можно указать на «Капитал», кн. II, гл. VI («Издержки обращения»), стр. 105—113 [см. К. Маркс. «Капитал», том II, глава VI, М., 1969, стр. 153—161], где Маркс уже коснулся многого из того, что относится сюда. — *Ф. Э.*

в форме товарного капитала и денежного капитала, но и в том, что наряду с местерской имеется контора. Но в торговом капитале эта сторона обособляется. Контора представляет собой его единственную мастерскую. Часть капитала, употребляемая в форме издержек обращения, оказывается у оптового купца значительно большей, чем у промышленника, потому что, кроме собственной конторы, которая находится при каждой промышленной мастерской, часть капитала, которую должен был бы употреблять таким образом весь класс промышленных капиталистов, концентрируется в руках отдельных купцов, которые, обеспечивая продолжение функций обращения, берут на себя вытекающие из этого издержки обращения.

Издержки обращения представляются промышленному капиталу и действительно являются непроизводительными издержками. Купцу они представляются источником его прибыли, которая, — если предположить общую норму прибыли, — находится в соответствии с их величиной. Поэтому расход, который приходится производить на эти издержки обращения, представляется торговому капиталу производительной затратой. Следовательно, и торговый труд, который он покупает, для него — непосредственно производительный труд.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ОБОРОТ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА. ЦЕНЫ

Оборот промышленного капитала есть единство времени его производства и времени его обращения; поэтому он охватывает процесс воспроизводства, взятый в целом. Напротив, оборот купеческого капитала, так как он есть фактически только обособившееся движение товарного капитала, представляет лишь первую фазу метаморфоза товара, *Т — Д*, движение особого капитала, направленное к своему исходному пункту; *Д — Т — Д* с купеческой точки зрения представляет оборот купеческого капитала. Купец покупает, превращает свои деньги в товар, потом продает, снова превращает тот же самый товар в деньги; и таким образом это повторяется постоянно. В пределах обращения метаморфоз промышленного капитала всегда представляется как $Т_1$ — *Д* — $Т_2$; деньги, вырученные от продажи $Т_1$, произведенного товара, употребляются на покупку $Т_2$, новых средств производства; это — действительный обмен $Т_1$ и $Т_2$, и таким образом одни и те же деньги дважды переходят из рук в руки. Их движением опосредствуется обмен двух разнородных товаров, $Т_1$ и $Т_2$. Напротив, у купца в *Д — Т — Д′* дважды переходит из рук в руки один и тот же товар; товар лишь опосредствует возвращение к купцу денег.

Если, например, купеческий капитал составляет 100 ф. ст. и купец покупает товар на эти 100 ф. ст., потом продает этот товар за 110 ф. ст., то этот его капитал в 100 совершил один оборот, а число оборотов в течение года зависит от того, насколько часто в продолжение года повторяется это движение *Д — Т — Д′*.

При этом мы совершенно оставляем в стороне те издержки, которые могут заключаться в разнице между покупной и продажной ценой, так как эти издержки совершенно ничего не изменяют в той форме, которую нам прежде всего предстоит здесь рассмотреть.

Следовательно, в этом случае число оборотов данного купеческого капитала представляет полную аналогию с повторением оборотов денег как простого средства обращения. Подобно тому, как один и тот же талер, совершая десять оборотов, десять раз покупает свою стоимость в виде товаров, точно так же один и тот же денежный капитал купца, например в 100, оборачиваясь десять раз, десять раз покупает свою стоимость в виде товаров или реализует в общей сложности товарный капитал десятикратной стоимости = 1 000. Но есть и различие: при обращении денег как средства обращения одни и те же деньги проходят через различные руки, следовательно, несколько раз совершают одну и ту же функцию, и потому быстротой обращения здесь возмещается масса обращающихся денег. Но у купца один и тот же денежный капитал, — безразлично, из каких бы денежных единиц он ни состоял, — одна и та же денежная стоимость несколько раз покупает и продает товарный капитал на сумму своей стоимости и потому несколько раз возвращается в прежние руки, к своему исходному пункту, как $Д + \Delta Д$, как стоимость плюс прибавочная стоимость. Это характеризует ее оборот как оборот капитала. Из обращения постоянно извлекается больше денег, чем вносится в него. Впрочем, само собой разумеется, что с ускорением оборота купеческого капитала (причем при развитом кредите преобладающей функцией денег становится их функция как средства платежа) одна и та же масса денег обращается быстрее.

Но повторение оборота товарно-торгового капитала выражает не что иное, как повторение актов купли и продажи, между тем повторение оборота промышленного капитала выражает периодичность и возобновление всего процесса воспроизводства (включая в него и процесс потребления). Напротив, для купеческого капитала это является только внешним условием. Промышленный капитал должен постоянно выбрасывать товары на рынок и снова извлекать их оттуда, чтобы для купеческого капитала сохранялась возможность быстрого оборота. Если процесс воспроизводства вообще происходит медленно, то медленно совершается и оборот купеческого капитала. Опосредствуя оборот производительного капитала, купеческий капитал сокращает время его обращения. Но он не оказывает прямого влияния на время производства, которое тоже является границей времени оборота промышленного капитала. Это — первая граница для оборота купеческого капитала. Во-вторых же, — если оставить в стороне ту границу, которую ставит ему производительное потребление, порождаемое воспроизводством, — этот оборот в конце концов ограничен

быстротой и размерами всего личного потребления, так как от этого зависит вся та часть товарного капитала, которая входит в фонд потребления.

Но (если совершенно оставить в стороне обороты в пределах купеческого мира, где один купец перепродает другому один и тот же товар, причем в период спекуляции обращение этого рода может иметь вид цветущего состояния дел) купеческий капитал, во-первых, сокращает фазу *Т — Д* для производительного капитала. Во-вторых, при современной кредитной системе он располагает значительной частью всего денежного капитала общества, так что он может производить свои закупки прежде, чем уже купленное будет окончательно продано; причем безразлично, продает ли наш купец прямо окончательному потребителю или между ними обоими стоят 12 других купцов. При чрезвычайной эластичности процесса воспроизводства, который постоянно может быть выведен за каждый данный предел, в самом производстве он не находит никакой границы или только очень эластичную границу. Следовательно, кроме отделения актов *Т — Д* и *Д — Т,* вытекающего из самой природы товара, здесь создается фиктивный спрос. Движение купеческого капитала, несмотря на его обособление, всегда есть не что иное, как движение промышленного капитала в сфере обращения. Но, в силу своего обособления, он совершает свое движение в известных границах независимо от пределов, полагаемых процессом воспроизводства, и потому заставляет даже процесс воспроизводства выходить из своих пределов. Внутренняя зависимость и внешняя самостоятельность приводят его к такому пункту, когда внутренняя связь восстанавливается насильственно, посредством кризиса.

Отсюда то явление, наблюдаемое в кризисах, что они сначала обнаруживаются и разражаются не в розничной торговле, которая имеет дело с непосредственным потреблением, а в сферах оптовой торговли и банков, которые предоставляют в распоряжение оптовой торговли денежный капитал общества.

Действительно, фабрикант может продавать экспортеру, а этот, в свою очередь, своему заграничному клиенту, импортер может сбывать свое сырье фабриканту, последний же свои продукты — оптовому торговцу и т. д. Однако в каком-нибудь одном незаметном пункте товар залеживается непроданным; или же иной раз мало-помалу переполняются запасы всех производителей и торговцев-посредников. Как раз в это время потребление обычно находится в состоянии наивысшего процветания, отчасти вследствие того, что один промышленный капиталист приводит в движение целый ряд других, отчасти

вследствие того, что занятые ими рабочие, работая полное время, могут расходовать больше обыкновенного. С ростом дохода капиталистов увеличиваются и их расходы. Кроме того (даже, если оставить в стороне ускорение накопления), происходит, как мы видели («Капитал», кн. II, отд. III), постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом, которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое тем не менее ограничено в конечном счете личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, а совершается лишь потому, что этого постоянного капитала больше потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление. Однако это производство в течение некоторого времени может спокойно идти своим путем, возбуждаемое ожидаемым спросом, и потому в этих отраслях у купцов и промышленников дела идут очень бойко. Кризис наступает тогда, когда затраты купцов, продающих на отдаленных рынках (или тех купцов, запасы которых накопились и внутри страны), возвращаются столь медленно и в столь скудных количествах, что банки настаивают на платежах, или сроки уплаты по векселям под закупленные товары наступают раньше, чем совершится перепродажа. Тогда начинаются принудительные продажи, продажи с целью уплаты. И вместе с тем разражается крах, который сразу кладет конец кажущемуся процветанию.

Но внешний характер и иррациональность оборота купеческого капитала усиливается еще больше вследствие того, что оборот одного и того же купеческого капитала может опосредствовать одновременно или последовательно обороты очень различных производительных капиталов.

Однако оборот купеческого капитала может опосредствовать не только обороты различных промышленных капиталов, но и противоположные фазы метаморфоза товарного капитала. Например, купец покупает холст у фабриканта и продает его белильщику. Следовательно, в этом случае оборот одного и того же купеческого капитала, — в действительности один и тот же акт *Т — Д*, реализация холста, — представляет две противоположные фазы для двух различных промышленных капиталов. Поскольку купец вообще продает для производительного потребления, его *Т — Д* всегда представляет *Д — Т* какого-нибудь промышленного капитала, а его *Д — Т* всегда представляет *Т — Д* какого-нибудь другого промышленного капитала.

Если мы, как это сделано в настоящей главе, отбросим K, издержки обращения, т. е. ту часть капитала, которую авансирует купец, кроме суммы, расходуемой на покупку товаров, то, конечно, отпадает и ΔK, дополнительная прибыль, получаемая им на этот дополнительный капитал. Следовательно, этот прием исследования строго логичен и математически правилен, коль скоро речь идет о том, чтобы узнать, каким образом прибыль и оборот купеческого капитала влияют на цены.

Если бы цена производства 1 ф. сахара составляла 1 ф. ст., то купец мог бы на 100 ф. ст. купить 100 ф. сахара. Если в течение года он покупает и продает такое количество и если средняя годовая норма прибыли 15%, то он накинет на 100 ф. ст. 15 ф. ст., и на 1 ф. ст., цену производства 1 ф. сахара, 3 шиллинга. Следовательно, он продавал бы 1 ф. сахара за 1 ф. ст. 3 шиллинга. Напротив, если бы цена производства 1 ф. сахара упала до 1 шилл., то на 100 ф. ст. купец купил бы 2 000 ф. сахара и продавал бы по 1 шилл. $1^4/_5$ пенса за фунт. И в том и в другом случае годовая прибыль на капитал в 100 ф. ст., вложенный в сахарное дело, = 15 фунтам стерлингов. Только в первом случае он должен продать 100, а во втором — 2 000 фунтов. Высока или низка цена производства, это не имеет никакого значения для нормы прибыли, но это имеет очень большое, решающее значение для величины той части продажной цены каждого фунта сахара, которая составляет торговую прибыль, т. е. для величины той надбавки к цене, которую делает купец на определенное количество товара (продукта). Если цена производства товара незначительна, то незначительна и та сумма, которую авансирует купец на его покупную цену, т. е. на определенную массу товара, а следовательно, при данной норме прибыли, незначительна и общая сумма прибыли, которую он получает на это данное количество дешевого товара; или, — что сводится к тому же, — он может в таком случае купить на данный капитал, например в 100, бо̀льшую массу этого дешевого товара и общая прибыль в 15, которую он получает на 100, распределяется на каждую отдельную штуку этой товарной массы незначительными долями. И наоборот. Это всецело зависит от большей или меньшей производительности того промышленного капитала, товарами которого он торгует. Если исключить случаи, когда купец является монополистом и в то же время монополизирует производство, как, например, в свое время Голландско-Ост-Индская компания[82], то ничего не может быть нелепее, чем ходячее представление, будто от желания самого купца зависит, продаст ли он много товаров с меньшей при-

былью на единицу товара или мало товаров с большей прибылью на единицу товара. Две границы существуют для его продажной цены: с одной стороны, цена производства товара, над которой он не властен; с другой стороны, средняя норма прибыли, которая совершенно так же находится вне его власти. Единственное, что от него зависит — будет ли он торговать дорогими или дешевыми товарами, но и здесь известную роль играют величина капитала, находящегося в его распоряжении, и другие обстоятельства. Как поступит купец, это всецело зависит от степени развития капиталистического способа производства, а не от желания самого купца. Такая чисто купеческая компания, как старая Голландско-Ост-Индская, обладавшая монополией производства, вообразила, что при совершенно изменившихся условиях можно по-прежнему придерживаться метода, соответствующего самое большее зачаткам капиталистического производства [40].

Этот распространенный предрассудок, — который, впрочем, как и все ошибочные представления о прибыли и т. п., возникает из наблюдений только над торговлей и из купеческого предрассудка, — поддерживается, между прочим, следующими обстоятельствами.

Во-первых: явлениями конкуренции, которые, однако, касаются только распределения торговой прибыли между отдельными купцами, владеющими той или иной долей всего купеческого капитала; если, например, один продает дешевле с целью побить своих соперников.

Во-вторых: экономисту такого калибра, как профессор Рошер в Лейпциге, все еще может казаться, что изменение в продажных ценах произведено по соображениям «благоразумия и гуманности» [83], а не было результатом переворота в самом способе производства.

В-третьих: если цены производства понижаются вследствие повышения производительной силы труда, а потому понижаются и продажные цены, то спрос часто растет быстрее, чем предложение, а вместе с ним и рыночные цены, так что продажные цены дают более чем среднюю прибыль.

---

[40] «Согласно общему правилу, прибыль всегда одинакова, какова бы ни была цена; она держится на одной отметке, как плавающее тело при колебаниях волны. Поэтому, когда цены повышаются, торговец повышает цены, когда цены понижаются, торговец понижает цены» (*Corbet.* «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals». London, 1841, p. 20). — Здесь, как и вообще в тексте, речь идет лишь об обычной торговле, а не о спекуляции, изучение которой, как и вообще все относящееся к классификации торгового капитала, выходит из круга нашего исследования. «Торговая прибыль есть стоимость, присоединяемая к капиталу, независимо от цены; вторая» (спекуляция) «основана на изменении стоимости капитала или самой цены» (там же, стр. 128).

В-четвертых: какой-нибудь купец может понизить продажную цену (а это всегда есть не что иное, как понижение обычной прибыли, которую он накидывает на цену), чтобы в его предприятии больший капитал оборачивался быстрее. Все это вещи, которые касаются только конкуренции между самими купцами.

Уже в кн. I «Капитала» мы показали, что, высоки ли цены товаров или низки, это не определяет ни массы прибавочной стоимости, производимой данным капиталом, ни нормы прибавочной стоимости; хотя в зависимости от относительного количества товара, производимого данным количеством труда, цена единицы товара, а вместе с тем и та часть этой цены, которая соответствует прибавочной стоимости, может быть больше или меньше [84]. Цены всякого количества товаров, поскольку они соответствуют стоимостям, определяются общим количеством овеществленного в этих товарах труда. Если небольшое количество труда овеществляется в большом количестве товаров, то цена единицы товара низка, и заключающаяся в нем прибавочная стоимость незначительна. Каким образом труд, воплощенный в товаре, распадается на оплаченный и неоплаченный труд, следовательно, какая часть цены товара представляет прибавочную стоимость, это не находится ни в какой связи с общим количеством этого труда, а следовательно и с ценой товара. Норма же прибавочной стоимости зависит не от абсолютной величины той прибавочной стоимости, которая заключается в цене отдельного товара, а от ее относительной величины, от ее отношения к заработной плате, заключающейся в том же товаре. Поэтому норма может быть высокой, хотя абсолютная величина прибавочной стоимости для каждой единицы товара невелика. Эта абсолютная величина прибавочной стоимости в каждой единице товара зависит в первую очередь от производительности труда и только во вторую очередь — от его разделения на оплаченный и неоплаченный труд.

Для торговой продажной цены цена производства теперь уже является извне данным условием.

Высокий уровень торговых цен товаров в прежнее время обусловливался 1) высокими ценами производства, т. е. низкой производительностью труда; 2) отсутствием общей нормы прибыли, причем купеческий капитал присваивал себе гораздо более высокую долю прибавочной стоимости, чем какая пришлась бы ему при общей мобильности капиталов. Следовательно, прекращение такого положения в обоих отношениях есть результат развития капиталистического способа производства.

В различных отраслях торговли обороты купеческого капитала длиннее или короче, следовательно, их число в течение года больше или меньше. В одной и той же отрасли торговли в различные фазы экономического цикла оборот совершается быстрее или медленнее. Тем не менее совершается среднее число оборотов, которое устанавливается опытом.

Мы уже видели, что оборот купеческого капитала отличен от оборота промышленного капитала. Это вытекает из существа дела; отдельная фаза в обороте промышленного капитала выступает в качестве полного оборота собственно купеческого капитала или, по крайней мере, части его. Оборот купеческого капитала стоит также в ином отношении к определению прибыли и цены.

Оборот промышленного капитала выражает, с одной стороны, периодичность воспроизводства, и от этого зависит масса товаров, выбрасываемых на рынок в течение определенного времени. С другой стороны, время обращения образует границу, хотя и растяжимую, которая, воздействуя на размеры процесса производства, тем самым влияет более или менее ограничивающим образом на образование стоимости и прибавочной стоимости. Поэтому оборот — не как положительный, но как ограничивающий элемент — оказывает определяющее влияние на массу ежегодно производимой прибавочной стоимости и, следовательно, на образование общей нормы прибыли. Напротив, для купеческого капитала средняя норма прибыли есть величина данная. Он не принимает непосредственного участия в создании прибыли, или прибавочной стоимости, и на образование общей нормы прибыли оказывает определяющее влияние лишь постольку, поскольку получает — соответственно той части, какую он составляет от всего капитала, — свою долю из общей массы прибыли, произведенной промышленным капиталом.

Как было показано в кн. II, отд. II «Капитала», чем больше число оборотов промышленного капитала, тем больше масса прибыли, которую он производит. Правда, теперь, с установлением общей нормы прибыли, вся прибыль распределяется между различными капиталами, но не пропорционально их непосредственному участию в ее производстве, а соответственно той части, которую каждый из них составляет от всего капитала, т. е. пропорционально их величине. Однако существо дела от этого нисколько не изменяется. Чем больше число оборотов всего промышленного капитала, тем больше масса прибыли, масса ежегодно производимой прибавочной стоимости, а потому при прочих равных условиях и норма прибыли. Иное дело с купеческим капиталом. Для него норма прибыли

есть величина данная, определяемая, с одной стороны, массой прибыли, произведенной промышленным капиталом, с другой стороны, — относительной величиной всего торгового капитала, его количественным отношением к сумме капитала, авансированного на процесс производства и процесс обращения. Конечно, число его оборотов влияет определяющим образом на его отношение ко всему капиталу, или на относительную величину купеческого капитала, необходимого для обращения; при этом ясно, что абсолютная величина необходимого купеческого капитала и скорость его оборота обратно пропорциональны друг другу; но его относительная величина, или та доля, которую он составляет от всего капитала, определяется его абсолютной величиной, если предположить все прочие условия равными. Если весь капитал равен 10 000, то купеческий капитал, составляющий, скажем, $^1/_{10}$ его, = 1 000; если весь капитал 1 000, то $^1/_{10}$ его = 100. Таким образом, хотя его относительная величина остается той же самой, его абсолютная величина различна в такой же степени, в какой различна и величина всего капитала. Но здесь мы принимаем его относительную величину, составляющую, скажем, $^1/_{10}$ всего капитала, за данную. Но эта его относительная величина сама, в свою очередь, определяется оборотом. При быстром обороте его абсолютная величина, например, = 1 000 ф. ст. в первом случае, 100 во втором, а потому его относительная величина = $^1/_{10}$. При более медленном обороте его абсолютная величина, скажем, = 2 000 в первом случае и 200 во втором. Поэтому его относительная величина увеличилась с $^1/_{10}$ до $^1/_5$ всего капитала. Условия, сокращающие среднюю продолжительность оборота купеческого капитала, например развитие средств транспорта, pro tanto * уменьшают абсолютную величину купеческого капитала, следовательно повышают общую норму прибыли. И наоборот. Развитый капиталистический способ производства сравнительно с предшествующими общественными отношениями оказывает двоякое влияние на купеческий капитал: то же самое количество товаров оборачивается при помощи меньшей массы действительно функционирующего купеческого капитала; вследствие более быстрого оборота купеческого капитала и большей скорости процесса воспроизводства, — а на этом и основывается более быстрый оборот, — уменьшается купеческий капитал по отношению к промышленному капиталу. С другой стороны, с развитием капиталистического способа производства все производство становится товарным производством, и потому весь продукт

---

* — соответственно. *Ред.*

попадает в руки агентов обращения; к этому следует добавить то, что при прежнем способе производства, которое велось в мелких масштабах, — если оставить в стороне массу продуктов, потреблявшихся непосредственно in natura * самими производителями, и массу повинностей, выполнявшихся in natura, — очень значительная часть производителей продавала свои товары непосредственно потребителям или работала по их личному заказу. Поэтому, хотя при прежних способах производства торговый капитал больше по отношению к товарному капиталу, который оборачивается с его помощью, однако он

1) абсолютно меньше, так как несравненно меньшая часть всего продукта производится в виде товара и должна поступать в обращение как товарный капитал и попадать в руки купцов; он меньше потому, что товарный капитал меньше. Но вместе с тем он относительно больше не только в силу большей медленности своего оборота и не только по сравнению с массой товаров, совершающих оборот при его помощи. Он больше и в силу того, что цена этой массы товаров, а следовательно и авансируемый на нее купеческий капитал, вследствие более низкой производительности труда, больше, чем при капиталистическом производстве; поэтому та же самая стоимость выражается в меньшей массе товаров.

2) На основе капиталистического способа производства не только производится бо̀льшая масса товаров (причем надо принять в расчет уменьшение стоимости товаров, образующих эту массу), но одна и та же масса продукта, например зерна, образует бо̀льшую массу товара, т. е. все бо̀льшая часть его поступает в торговлю. Впрочем, вследствие этого возрастает не только масса купеческого капитала, но вообще весь капитал, вкладываемый в обращение, например в судоходство, в железные дороги, телеграф и пр.

3) Но, — и это та точка зрения, изложение которой относится к «конкуренции капиталов», — нефункционирующий купеческий капитал или купеческий капитал, функционирующий только наполовину, с прогрессом капиталистического способа производства возрастает, по мере того как облегчается его проникновение в розничную торговлю, по мере развития спекуляции и увеличения избытка высвобождающегося капитала.

Но, предполагая относительную величину купеческого капитала по сравнению со всем капиталом данной, различие оборотов в различных отраслях торговли не оказывает влияния ни на величину всей прибыли, приходящейся на долю купеческого

* — в натуральной форме. *Ред.*

капитала, ни на общую норму прибыли. Прибыль купца определяется не массой товарного капитала, который находится у него в обороте, а величиной денежного капитала, авансируемого для опосредствования этого оборота. Если общая годовая норма прибыли 15% и купец авансирует 100 ф. ст., то при обороте его капитала один раз в год он продаст свой товар за 115. Если его капитал оборачивается пять раз в течение года, то он пять раз в течение года продаст за 103 товарный капитал, покупная цена которого 100, следовательно, в течение целого года он продаст за 515 товарный капитал в 500. Но как в первом, так и во втором случае это дает на авансированный им капитал в 100 годовую прибыль в 15. Если бы это было не так, то купеческий капитал соответственно числу своих оборотов приносил бы несравненно более высокую прибыль, чем промышленный капитал, что̀ противоречит закону общей нормы прибыли.

Итак, число оборотов купеческого капитала в различных отраслях торговли оказывает прямое влияние на торговые цены товаров. Высота торговой накидки на цену, величина части торговой прибыли данного капитала, которая приходится на цену производства единицы товара, стоит в обратном отношении к числу оборотов или к скорости оборота купеческого капитала в различных отраслях торговли. Если купеческий капитал оборачивается пять раз в год, то он присоединяет к товарному капиталу одинаковой стоимости только $^1/_5$ накидки, присоединяемой к товарному капиталу равной стоимости другим купеческим капиталом, который может обернуться только один раз в год.

Влияние среднего времени оборота капиталов на продажную цену в различных отраслях торговли сводится к тому, что в соответствии с этой скоростью оборота одна и та же масса прибыли, которая при данной величине купеческого капитала определяется общей годовой нормой прибыли, т. е. определяется независимо от особого купеческого характера операций этого капитала, распределяется на массы товаров одной и той же стоимости различным образом, так что, например, при пятикратном обороте в год к цене товара присоединяется $\frac{15\%}{5} = 3\%$, напротив, при однократном обороте в год 15%.

Следовательно, одна и та же норма торговой прибыли в различных отраслях торговли повышает соответственно продолжительности оборота продажную цену товаров на совершенно различные величины в процентном отношении к стоимости этих товаров.

Наоборот, время оборота промышленного капитала не оказывает никакого влияния на величину стоимости производимой единицы товаров, хотя оно оказывает влияние на массу стоимостей и прибавочных стоимостей, производимых данным капиталом в данное время, потому что оно оказывает влияние на массу эксплуатируемого труда. Конечно, если иметь в виду цены производства, это маскируется и выглядит по-иному, но это лишь вследствие того, что цены производства различных товаров, согласно ранее изложенным законам, отклоняются от их стоимостей. Если же рассматривать весь процесс производства, всю массу товаров, произведенную всем промышленным капиталом, то мы сразу обнаружим подтверждение общего закона.

Итак, в то время как более подробное исследование влияния времени оборота на образование стоимости в отношении промышленного капитала опять приводит к тому общему закону и базису политической экономии, что стоимости товаров определяются содержащимся в них рабочим временем, влияние оборотов купеческого капитала на торговые цены обнаруживает явления, которые, если не произвести очень обстоятельного анализа промежуточных звеньев, как будто предполагают чисто произвольное определение цен, именно определение их просто тем, что капитал вдруг решил получить в течение года определенное количество прибыли. Именно вследствие такого влияния оборотов кажется, будто процесс обращения как таковой определяет цены товаров в известных пределах независимо от процесса производства. Все поверхностные и превратные воззрения на процесс воспроизводства в его целом взяты из представлений о купеческом капитале и из тех представлений, которые вызываются его специфическими движениями в головах агентов обращения.

Если, как в этом к своему огорчению убедился читатель, анализ действительной, внутренней связи капиталистического процесса производства — дело в высшей степени сложное и требующее очень серьезного труда; если задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению, то само собой разумеется, что в головах агентов капиталистического производства и обращения должны получаться такие представления о законах производства, которые совершенно отклоняются от этих законов и суть лишь выражение в сознании движения, каким оно кажется. Представления купца, биржевого спекулянта, банкира неизбежно оказываются совершенно извращенными. Представления фабрикантов искажаются в силу тех

актов обращения, которым подвергается их капитал, и в результате выравнивания общей нормы прибыли [41]. В представлении этих людей конкуренция тоже играет совершенно превратную роль. Если даны пределы стоимости и прибавочной стоимости, то легко понять, каким образом конкуренция капиталов превращает стоимости в цены производства, а затем и в торговые цены, прибавочную стоимость — в среднюю прибыль. Но, не зная этих пределов, абсолютно невозможно понять, почему конкуренция доводит общую норму прибыли до этого, а не до того предела, до 15%, а не до 1 500%. Она, самое большее, может лишь привести общую норму прибыли к *одному* уровню. Но в ней нет абсолютно никакого элемента, который определял бы самый этот уровень.

Итак, с точки зрения купеческого капитала кажется, что сам оборот определяет цены. С другой стороны, в то время как скорость оборота промышленного капитала, поскольку она открывает возможность для данного капитала эксплуатировать больше или меньше труда, влияет определяющим и ограничивающим образом на массу прибыли, а потому и на общую норму ее, для торгового капитала норма прибыли дается извне, и внутренняя связь ее с образованием прибавочной стоимости совершенно стирается. Если один и тот же промышленный капитал при прочих неизменяющихся условиях и в особенности при одинаковом органическом строении оборачивается в продолжение года четыре раза вместо двух, то он производит вдвое больше прибавочной стоимости, а потому и прибыли; и это явственно обнаруживается, если и пока этот капитал обладает монополией на более совершенный метод производства, который дает ему возможность ускорять оборот. Напротив, различная продолжительность оборота в различных отраслях торговли проявляется в том, что прибыль, получаемая на один оборот определенного товарного капитала, находится в обратном отношении к числу оборотов денежного капитала, при помощи которого этот товарный капитал совершает свой оборот. Small profits and quick returns * являются для shopkeeper ** именно тем принципом, которому он следует из принципа.

Впрочем, само собой понятно, что этот закон оборотов купеческого капитала в каждой отрасли торговли, — даже если

[41] Вот одно очень наивное, но вместе с тем совершенно правильное замечание: «Поэтому в основе того обстоятельства, что один и тот же товар можно получить у различных продавцов по существенно различным ценам, несомненно очень часто лежит неправильная калькуляция» (*Feller* und *Odermann*. «Das Ganze der Kaufmännischen Arithmetik». 7. Auflage, 1859 [S. 451]). Это показывает, как определение цен становится чисто теоретическим, т. е. абстрактным.

* — Малая прибыль и быстрый оборот. *Ред.*

** — лавочника. *Ред.*

оставить в стороне чередование более быстрых и более медленных оборотов, компенсирующих друг друга, — имеет значение только для средних оборотов всего купеческого капитала, вложенного в эту отрасль. Число оборотов капитала *A*, действующего в той же самой отрасли, как и *B*, может быть больше или меньше среднего числа оборотов. В этом случае число оборотов других капиталов будет соответственно меньше или больше. Оборот всей массы купеческого капитала, вложенной в эту отрасль, от этого нисколько не изменяется. Но это имеет решающее значение для отдельного купца или розничного торговца. В этом случае он получает добавочную прибыль совершенно так же, как получают добавочную прибыль промышленные капиталисты, когда они производят при условиях более благоприятных, чем средние. Если того потребует конкуренция, он может продавать дешевле своих «собратьев», не понижая своей прибыли ниже среднего уровня. Если условия, дающие ему возможность делать более быстрый оборот, например места для продажи, сами покупаются, то он может уплачивать за них особую ренту, т. е. часть его добавочной прибыли превращается в земельную ренту.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ

Те чисто технические движения, которые совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала и, как мы теперь можем прибавить, товарно-торгового капитала (так как последний берет на себя часть движения промышленного капитала в обращении и совершает его как свое собственное и ему присущее движение), — эти движения, сделавшись самостоятельной функцией особого капитала, который совершает их, и только их, как операции, свойственные исключительно ему, превращают этот капитал в денежно-торговый капитал. Часть промышленного капитала и, говоря точнее, также товарно-торгового капитала, постоянно находится в денежной форме не только как денежный капитал вообще, но как денежный капитал, занятый этими техническими функциями. От совокупного капитала отделяется и обособляется в форме денежного капитала определенная часть, капиталистическая функция которой заключается исключительно в том, чтобы выполнять эти операции для всего класса промышленных и торговых капиталистов. Как в случае с товарно-торговым капиталом, так и здесь известная часть промышленного капитала, находящегося в процессе обращения в виде денежного капитала, отделяется и выполняет для всего остального капитала эти операции процесса воспроизводства. Следовательно, движения этого денежного капитала опять-таки представляют собой лишь движения обособившейся части промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства.

Только в том случае и поскольку капитал вкладывается впервые — что имеет место и при накоплении, — капитал в денежной форме является исходным пунктом и конечным пунктом движения. Но для каждого капитала, уже находящегося в процессе своего движения, исходный пункт, как и конечный пункт, является только переходным пунктом. Поскольку

промышленный капитал с момента своего выхода из сферы производства до того момента, когда он снова вступает в нее, должен проделать метаморфоз *Т′ — Д — Т*, постольку *Д*, как это обнаружилось уже при простом товарном обращении в действительности является конечным результатом одной фазы метаморфоза только затем, чтобы быть исходным пунктом противоположной фазы, дополняющей первую. И хотя для торгового капитала *Т — Д* промышленного капитала всегда имеет вид *Д — Т — Д*, однако и для него, раз он начал функционировать, действительным процессом постоянно является *Т — Д — Т*. Но торговый капитал одновременно совершает акты *Т — Д* и *Д — Т*, т. е. не только *один* капитал находится в стадии *Т — Д*, в то время как другой капитал находится в стадии *Д — Т*, но один и тот же капитал одновременно постоянно покупает и постоянно продает в силу непрерывности процесса производства; он одновременно и постоянно находится в обеих стадиях. Между тем как одна часть его превращается в деньги, чтобы впоследствии превратиться обратно в товар, другая часть в то же время превращается в товар, чтобы потом опять превратиться в деньги.

Функционируют ли при этом деньги как средство обращения или как средство платежа, это зависит от формы товарообмена. В обоих случаях капиталисту постоянно приходится платить деньги многим лицам и постоянно получать деньги в уплату от многих лиц. Эта чисто техническая операция уплаты и получения денег уже сама по себе составляет труд, который, поскольку деньги функционируют как средство платежа, делает необходимым подведение баланса платежей, акты взаимных расчетов. Этот труд относится к издержкам обращения, представляет собой труд, не создающий никакой стоимости. Он сокращается благодаря тому, что его выполняет особое подразделение агентов или капиталистов для всего остального класса капиталистов.

Определенная часть капитала постоянно должна быть налицо в виде сокровища, потенциального денежного капитала: резерва покупательных средств, резерва средств платежа, незанятого капитала в денежной форме, ожидающего своего применения; а некоторая часть капитала постоянно притекает обратно в этой форме. Кроме получения денег, их выдачи и счетоводства, это делает необходимым хранение сокровища, что опять составляет особую операцию. Следовательно, в действительности происходит постоянное выделение из сокровища средств обращения и средств платежа и образование его вновь из денег, получаемых от продажи и от платежей, которым

наступил срок; это постоянное движение части капитала, существующей в виде денег, движение, обособленное от функций самого капитала, эта чисто техническая операция вызывает особый труд и издержки — издержки обращения.

Разделение труда приводит к тому, что эти технические операции, обусловливаемые функциями капитала, выполняются, насколько возможно, для всего класса капиталистов особым подразделением агентов или капиталистов как их исключительные функции или сосредоточиваются в их руках. Это, как и в случае с купеческим капиталом, — разделение труда в двояком смысле. Появляется особая отрасль предпринимательской деятельности, и так как она в качестве такой особой отрасли обслуживает денежный механизм всего класса, она концентрируется, ведется в крупном масштабе; и здесь, в свою очередь, происходит разделение труда в пределах этой особой отрасли предпринимательской деятельности как вследствие распадения ее на различные, независимые одна от другой отрасли, так и вследствие образования специального аппарата в каждой из таких отраслей (большие конторы, многочисленные бухгалтеры и кассиры, далеко идущее разделение труда). Уплата денег, прием их, сальдирование балансов, ведение текущих счетов, хранение денег и пр., будучи отделены от актов, обусловивших необходимость этих технических операций, делают капитал, авансированный на эти функции, денежноторговым капиталом.

Различные операции, вследствие обособления которых в особые отрасли предпринимательской деятельности возникает торговля деньгами, вытекают из различных определений самих денег и из их функций, которые приходится таким образом выполнять и капиталу в форме денежного капитала.

Уже раньше я указывал, что деньги вообще первоначально развиваются при обмене продуктов между различными общинами [42].

Поэтому торговля деньгами, торговля денежным товаром развивается прежде всего из международных сношений. При существовании особых монет в различных странах купцы, производящие закупки в чужих странах, должны обменивать монеты своей страны на местные монеты и обратно, или же обменивать различные монеты на слитки чистого серебра или золота как мировые деньги. Отсюда возникает меняльное дело, которое следует рассматривать как одно из естественно возникших

---

[42] *Карл Маркс*. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 27 [см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, том 13, стр. 36—37].

оснований современной торговли деньгами [43]. Из него развились обменные банки, где серебро (или золото) функционирует, в отличие от ходячей монеты, как мировые деньги, а в настоящее время — как банковые деньги или торговые деньги. Поскольку вексельное дело сводилось к выдаче путешественнику менялой какой-нибудь страны платежного требования на менялу другой страны, оно развилось уже в Риме и в Греции из собственно меняльного дела.

Торговля золотом и серебром как товарами (как сырым материалом для изготовления предметов роскоши) образует естественно возникший базис для торговли слитками (Bullion trade) или торговли, которая опосредствует функции денег как мировых денег. Как показано раньше («Капитал», кн. I, гл. III, 3, с.), эти функции двоякого рода: перемещение денег между различными национальными сферами обращения для выравнивания международных платежей и вывоз капитала под проценты; наряду с этим — движение их из мест добычи благородных металлов на мировой рынок и распределение добычи между различными национальными сферами обращения. В Англии еще на протяжении большей части XVII столетия функции банкиров выполнялись золотых дел мастерами. Каким образом выравнивание международных платежей развивается дальше в вексельную торговлю и пр., это мы пока совершенно оставляем в стороне, как и все то, что относится к операциям

---

[43] «Уже вследствие большого разнообразия монет как в отношении их веса и пробы, так и в отношении чеканки их многими князьями и городами, имеющими право на это, возникла повсеместная необходимость пользоваться местной монетой в тех случаях, когда в торговых делах требовалось свести счета в какой-нибудь одной монете. Купцы, отправляясь на какой-нибудь из иностранных рынков, для расчетов наличными запасались слитками чистого серебра, а также, конечно, и золота. Точно так же отправляясь в обратный путь, они обменивали полученные ими местные монеты на слитки серебра или золота. Поэтому меняльное дело, обмен слитков благородных металлов на местные монеты и обратно, стало очень распространенным и выгодным делом» (*Hüllmann.* «Städtewesen des Mittelalters». Erster Theil. Bonn, 1826, S. 437, 438). «De Wisselbank [обменный банк] получил свое название не... от wissel [векселя], не от вексельной расписки, а от wisselen van geldspeciën [обменивать различные разновидности денег]. Задолго до учреждения Амстердамского обменного банка в 1609 г. в нидерландских торговых городах были менялы, меняльные лавки, даже обменные банки... Занятие этих менял состояло в том, что они обменивали различные иностранные монеты, привозимые в страну иностранными купцами, на ходячую монету. Мало-помалу круг их деятельности расширялся... они сделались кассирами и банкирами. Но в соединении профессий кассира и менялы власти Амстердама усмотрели опасность, и, чтобы предупредить эту опасность, было решено основать крупное учреждение, которое заменяло бы как менял, так и кассиров и действовало бы открыто, согласно уставу. Таким учреждением и был знаменитый Амстердамский обменный банк 1609 года. Совершенно так же возникли обменные банки в Венеции, Генуе, Стокгольме, Гамбурге вследствие постоянной потребности в обмене денежных знаков. Из всех этих банков существует еще и теперь один только Гамбургский, так как этот торговый город, где не чеканится собственной монеты, еще и теперь нуждается в подобном учреждении» и т. д. (*S. Vissering.* «Handboek van Praktische Staathuishoudkunde». Amsterdam, 1860—1861, I, blz. 247—248).

с ценными бумагами; короче говоря, все особые формы кредитного дела здесь пока не рассматриваются.

В качестве мировых денег национальные деньги утрачивают свой национальный характер; деньги одной страны выражаются в деньгах другой, и таким образом все сводится к содержанию в них золота или серебра, тогда как последние как два товара, обращающиеся в качестве мировых денег, сводятся к взаимному постоянно изменяющемуся соотношению их стоимостей. Опосредствование соответствующих операций торговец деньгами делает своим особым занятием. Таким образом, меняльное дело и торговля слитками являются самыми ранними формами торговли деньгами и вытекают из двояких функций денег: как национальных денег и как мировых денег.

Из капиталистического процесса производства, как и из торговли вообще, даже при докапиталистическом способе производства, вытекает:

Во-первых, собирание денег как сокровища, т. е. в настоящее время как части капитала, которая постоянно должна иметься налицо в денежной форме в качестве резервного фонда средств платежа и покупательных средств. Это первая форма сокровища, в которой оно снова появляется при капиталистическом способе производства и вообще образуется по крайней мере при развитии торгового капитала. То и другое относится как к внутреннему, так и к международному обращению. Это сокровище всегда находится в текучем состоянии, оно постоянно вливается в обращение и постоянно утекает из него обратно. Вторую форму сокровища представляет собой лежащий без движения, временно незанятый капитал в денежной форме; сюда же относится и вновь накопленный денежный капитал, еще не вложенный в дело. Функциями, которых требует это образование сокровища как таковое, являются прежде всего его хранение, счетоводство и т. д.

Во-вторых, расходование денег при покупках, прием их при продажах, уплата денег и получение при платежах, выравнивание платежей и т. д. Торговец деньгами выполняет все это для купцов и промышленных капиталистов сперва как простой *кассир* [44].

[44] «Институт кассиров, быть может, нигде не сохранил в таком чистом виде своего первоначального, самостоятельного характера, как в нидерландских торговых городах (о происхождении института кассиров в Амстердаме см. *E. Luzac.* «Holland's rijkdom». Leyden, 1782, dl. III). Их функции отчасти совпадают с функциями старого Амстердамского обменного банка. Кассир получает от купцов, пользующихся его услугами, известную сумму денег и открывает им на эту сумму «кредит» в своих книгах; затем они посылают ему свои долговые требования, по которым он получает для них деньги и кредитует их на соответствующую сумму; напротив, он производит платежи по их распоряжениям (kassier briefjes), записывая соответствую-

Торговля деньгами получает полное развитие, когда к ее остальным функциям присоединяется предоставление ссуд и торговля в кредит, — а это всегда происходит уже в самом ее начале, — об этом в следующем отделе в связи с капиталом, приносящим проценты.

Самая торговля слитками, перевозка золота или серебра из одной страны в другую, есть только результат товарной торговли, который определяется вексельным курсом, выражающим состояние международных платежей и ставки процента на различных рынках. Торговец слитками как таковой опосредствует только этот результат.

При исследовании денег, при рассмотрении того, каким образом их движения и определенности формы развиваются из простого товарного обращения, мы видели («Капитал», кн. I, гл. III), что движение массы денег, обращающихся как покупательное средство и как средство платежа, определяется товарным метаморфозом, его размером и скоростью, метаморфозом, который, как мы теперь знаем, сам является лишь моментом всего процесса воспроизводства. Что касается получения денежного материала — золота и серебра — с мест его добычи, то оно сводится к непосредственному товарному обмену, к обмену золота и серебра как товаров на другие товары, т. е. оно само совершенно так же является моментом товарного обмена, как получение путем обмена железа или других металлов. Что касается движения благородных металлов на мировом рынке (мы здесь не будем рассматривать этого движения, поскольку оно выражает предоставление капитала в ссуду, совершающееся и в форме товарного капитала), то оно совершенно так же

щую сумму на их текущий счет. С этих поступлений и уплат он отчисляет себе незначительный процент за комиссию, который образует достаточное вознаграждение за его труд только благодаря значительности оборотов, совершаемых при его посредстве между двумя сторонами... Если требуется покрыть платежи двух купцов, причем обоих обслуживает один и тот же кассир, то такие платежи покрываются чрезвычайно просто благодаря параллельным счетам в книгах, так как кассиры изо дня в день балансируют их взаимные требования. Итак, занятие кассиров заключается собственно в этом опосредствовании платежей; следовательно, оно исключает промышленное предпринимательство, спекуляции и открытие бланко-кредитов; потому что здесь должно оставаться правилом, что кассир за того, кому он открыл счет в своих книгах, не производит никаких платежей, превышающих размеры его имущества» (*Vissering*, цит. соч., стр. 244). О кассовых союзах в Венеции: «Вследствие потребности и географического положения Венеции, где перемещение наличных денег затруднительнее, чем в других местах, оптовые торговцы этого города... стали учреждать кассовые союзы при условии надлежащей безопасности, контроля и управления; члены такого союза вносили в него известные суммы, на которые они давали распоряжения своим кредиторам, причем в заведенной для того книге уплаченная сумма списывалась со счета должника и прибавлялась к сумме, которую имел там же кредитор. Это первые зачатки так называемых жиро-банков. Эти союзы имеют большую давность. Но когда их происхождение относят к XII веку, то их смешивают с основанным в 1171 г. учреждением для государственных займов» (*Hüllmann*, цит. соч., стр. 453—454).

определяется международным товарным обменом, как движение денег в качестве покупательного средства и средства платежа внутри страны определяется внутренним товарообменом. Ввоз и вывоз благородных металлов из одной национальной сферы обращения в другую, поскольку они вызываются только обесценением национальной валюты или биметаллизмом, не стоят ни в какой связи с денежным обращением как таковым и являются только исправлением произвольных нарушений, произведенных государственной властью. Наконец, что касается сокровищ, поскольку они представляют собой резервный фонд покупательных средств или средств платежа для внутренней или для внешней торговли и равным образом поскольку они являются просто формой капитала, временно лежащего без употребления, они в том и другом случае есть только необходимый осадок процесса обращения.

Если все денежное обращение по своим размерам, по своим формам и по своему движению есть простой результат товарного обращения, которое с капиталистической точки зрения само представляет лишь процесс обращения капитала (а этот процесс заключает в себе обмен капитала на доход и дохода на доход, поскольку расходование дохода реализуется в розничной торговле), то само собой разумеется, что торговля деньгами опосредствует не только простой результат и способ проявления товарного обращения, не только денежное обращение. Само это денежное обращение, как один из моментов товарного обращения, есть уже нечто данное по отношению к торговле деньгами. Последняя опосредствует технические операции денежного обращения, которые она концентрирует, сокращает и упрощает. Торговля деньгами не образует сокровищ, а доставляет технические средства для того, чтобы это образование сокровищ, поскольку оно происходит добровольно (следовательно, если оно не является выражением того, что капитал не находит применения или что процесс воспроизводства нарушен), свести к экономическому минимуму; потому что, если управление резервным фондом покупательных средств и средств платежа ведется для всего класса капиталистов, то этот резервный фонд может быть не столь велик, как в том случае, если им управляет каждый капиталист особо. В торговле деньгами происходит не купля благородных металлов, а только распределение их, поскольку они куплены в процессе торговли товарами. Торговля деньгами облегчает выравнивание балансов, поскольку деньги функционируют как средство платежа, и при помощи искусственного механизма этого выравнивания балансов уменьшает массу денег, требующуюся для расчетов; но она

не определяет ни связи, ни размера взаимных платежей. Например, векселя и чеки, которые обмениваются друг на друга в банках и в расчетных палатах, представляют собой совершенно независимые сделки, суть результаты данных операций, и дело сводится лишь к тому, чтобы технически наилучшим способом выравнять эти результаты. Поскольку деньги обращаются как покупательное средство, размеры и число покупок и продаж совершенно не зависят от торговли деньгами. Она может лишь сократить технические операции, которыми сопровождаются эти сделки, и таким образом уменьшить массу наличных денег, необходимых для данного оборота.

Итак, торговля деньгами в той чистой форме, в которой мы здесь рассматриваем ее, т. е. обособленно от кредитного дела, касается только технической стороны одного момента товарного обращения, именно денежного обращения и вытекающих из него различных функций денег.

Это существенным образом отличает торговлю деньгами от торговли товарами, которая опосредствует метаморфоз товара и товарный обмен или даже приводит к тому, что этот процесс товарного капитала представляется как процесс капитала, обособленного от промышленного капитала. Поэтому, если у товарно-торгового капитала оказывается собственная форма обращения, *Д — Т — Д*, где товар перемещается дважды и вследствие этого деньги возвращаются обратно, — в противоположность форме обращения *Т — Д — Т*, где деньги два раза переходят из рук в руки и этим опосредствуют товарный обмен, — то для денежно-торгового капитала нельзя указать никакой такой особой формы.

Поскольку для такого технического опосредствования денежного обращения особое подразделение капиталистов авансирует денежный капитал, представляющий в уменьшенном виде тот дополнительный капитал, который иначе пришлось бы авансировать для той же цели самим купцам и промышленным капиталистам, постольку и здесь находит себе место общая форма капитала $Д — Д'$. Благодаря авансированию $Д$ для авансировавшего получается $Д + \Delta Д$. Но опосредствование $Д — Д'$ относится в этом случае не к существу самого метаморфоза, а лишь к его техническим моментам.

Очевидно, что та масса денежного капитала, которой оперируют торговцы деньгами, — это находящийся в обращении денежный капитал купцов и промышленников и что операции, совершаемые ими, суть лишь операции тех, кого они обслуживают.

Ясно и то, что прибыль торговцев деньгами есть лишь вычет из прибавочной стоимости, так как они имеют дело только

с уже реализованными стоимостями (даже если они реализованы лишь в форме долговых требований).

Как и в торговле товарами, здесь происходит раздвоение функции, потому что часть технических операций, связанных с денежным обращением, должна выполняться самими товароторговцами и товаропроизводителями.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ИЗ ИСТОРИИ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Особая форма денежного накопления товарно-торгового и денежно-торгового капитала будет рассмотрена лишь в следующем отделе.

Из вышеизложенного само собой следует, что ничего не может быть более нелепого, чем рассматривать купеческий капитал — в форме или товарно-торгового или же в форме денежно-торгового капитала — как особый вид промышленного капитала, по аналогии, например, с горным делом, земледелием, животноводством, промышленностью, транспортом и пр. отраслями, которые представляют собой образовавшиеся вследствие общественного разделения труда разветвления, а потому и особые сферы приложения, промышленного капитала. Уже то простое наблюдение, что всякий промышленный капитал, находясь в фазе обращения процесса своего воспроизводства как товарный капитал и денежный капитал, выполняет совершенно те же функции, которые являются исключительными функциями купеческого капитала в его обеих формах, — уже одно это наблюдение должно было бы сделать невозможным такое грубое понимание. Наоборот, в товарно-торговом и денежно-торговом капитале различия между промышленным капиталом как производительным, с одной стороны, и тем же самым капиталом в сфере обращения — с другой, приобретают самостоятельное существование вследствие того, что определенные формы и функции, которые временно принимает на себя в этом случае капитал, приобретают вид самостоятельных форм и функций отделившейся части капитала и связаны исключительно с нею. Превращенная форма промышленного капитала и вещественные различия производительного капитала, вытекающие из природы различных отраслей промышленности, — это вещи совершенно различные.

Кроме той грубости, с которой экономист вообще исследует различия форм, фактически интересующие его только

с вещественной стороны, в основе такого смешения у вульгарного экономиста лежат еще двоякого рода обстоятельства. Во-первых, его неспособность объяснить торговую прибыль со всеми ее особенностями; во-вторых, его апологетическое стремление формы товарного и денежного капитала, а затем товарно-торгового и денежно-торгового капитала, возникающие из специфической формы капиталистического способа производства, который прежде всего предполагает в качестве своей основы товарное обращение, а следовательно денежное обращение, вывести как виды, необходимо возникающие из процесса производства как такового.

Если бы между товарно-торговым и денежно-торговым капиталом и производством зерна не было никакого иного различия, кроме такого, которое отличает последнее от животноводства и промышленности, то было бы ясно, что производство и капиталистическое производство вообще тождественны и что в частности распределение общественных продуктов между членами общества как для производительного, так и для индивидуального потребления должно столь же вечно совершаться при помощи купцов и банкиров, как потребности в мясе удовлетворяет животноводство, а потребности в одежде — промышленность [45)].

Вследствие того, что предметом рассмотрения великих экономистов, таких, как Смит, Рикардо и др., была основная форма капитала промышленный капитал, а капитал обращения (денежный и товарный) фактически рассматривался ими лишь постольку, поскольку он сам представляет собой фазу в процессе воспроизводства всякого капитала, они стали в тупик перед купеческим капиталом как капиталом особого рода. Положения об образовании стоимости, о прибыли и пр., выведенные из рассмотрения промышленного капитала, непосред-

---

[45)] Мудрый Рошер додумался [85], что если некоторые характеризуют торговлю как «посредничество» между производителями и потребителями, то с таким же успехом «можно» характеризовать самое производство как «посредничество» потребления (между кем?), из чего, конечно, следует, что торговый капитал есть часть производительного капитала подобно земледельческому и промышленному капиталам. Следовательно, если можно сказать, что человек может обеспечивать свое потребление только через производство (а он должен это делать, даже если не получил образования в Лейпциге) или что для присвоения благ природы необходим труд (что можно назвать «посредничеством»), то из этого, конечно, следует, что общественное «посредничество», вытекающее из специфической общественной формы производства, — *потому что* оно посредничество, — имеет характер столь же абсолютной необходимости, имеет такой же ранг. Слово «посредничество» решает все. Впрочем, ведь купцы не посредники между производителями и потребителями (потребителей в отличие от производителей, потребителей, которые не производят, мы пока оставляем в стороне), а посредники при обмене продуктов этих производителей между собой, они лишь промежуточные лица при этом обмене, который в тысяче случаев совершается и без них.

ственно неприменимы к купеческому капиталу. Поэтому они фактически оставляют купеческий капитал совершенно в стороне и упоминают о нем только как о виде промышленного капитала. Там, где они особо говорят о нем, как Рикардо в связи с внешней торговлей, они стараются показать, что он не создает никакой стоимости (а следовательно и прибавочной стоимости). Но все, что имеет значение для внешней торговли, относится и к внутренней.

До сих пор мы рассматривали купеческий капитал с точки зрения и в пределах капиталистического способа производства. Но не только торговля, а и торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности он представляет собой исторически древнейшую свободную форму существования капитала.

Так как мы уже видели, что торговля деньгами и авансированный на нее капитал не требуют для своего развития ничего иного, кроме оптовой торговли и, далее, товарно-торгового капитала, то лишь последним мы здесь и займемся.

Так как торговый капитал не выходит из сферы обращения и его функция состоит исключительно в том, чтобы опосредствовать обмен товаров, то, — если оставить в стороне неразвитые формы, вытекающие из непосредственной меновой торговли, — для его существования не требуется никаких других условий, кроме тех, которые необходимы для простого товарного и денежного обращения. Или, лучше сказать, последнее является условием *его* существования. Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары, — будет ли это первобытнообщинное хозяйство, или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство, — это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы. Крайние члены, между которыми служит посредником купеческий капитал, даны для него, как они даны для денег и для движения денег. Единственно необходимое заключается в том, чтобы эти крайние члены имелись в наличии как товары, — безразлично, является ли производство во всем своем объеме товарным производством или же производители, сами ведущие хозяйство, выносят на рынок только излишек, остающийся за покрытием их непосредственных потребностей, удовлетворяемых их производством. Купеческий капитал лишь опосредствует

движение этих крайних членов, товаров, которые являются для него заранее данными предпосылками.

Размер, в котором продукция поступает в торговлю, проходит через руки купцов, зависит от способа производства и достигает своего максимума при полном развитии капиталистического производства, когда продукт производится уже только как товар, а не как предмет непосредственного потребления. С другой стороны, на основе любого способа производства торговля способствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен, для того чтобы увеличить потребление или сокровища производителей (под которыми здесь следует понимать собственников продуктов); следовательно, она все более придает производству характер производства ради меновой стоимости.

Метаморфоз товаров, их движение состоит: 1) вещественно — в обмене различных товаров друг на друга, 2) в отношении формы — в превращении товара в деньги, в продаже, и в превращении денег в товар, в купле. И к этим функциям, к обмену товаров посредством купли и продажи, сводится функция купеческого капитала. Следовательно, он опосредствует только товарный обмен, который, однако, нельзя понимать с самого начала просто как товарный обмен между непосредственными производителями. При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй) присваивает, а следовательно и продает продукты, рабовладелец, феодал, взимающее дань государство. Купец покупает и продает для многих. В его руках сосредоточиваются купли и продажи, вследствие чего купля и продажа утрачивают связь с непосредственными потребностями покупателя (как купца).

Но какова бы ни была общественная организация в тех сферах производства, для которых купец служит посредником при обмене товаров, его имущество всегда существует как денежное имущество, и его деньги постоянно функционируют как капитал. Форма этого капитала постоянно одна и та же: *Д — Т — Д′;* деньги, самостоятельная форма меновой стоимости, есть исходный пункт, и увеличение меновой стоимости, — самостоятельная цель. Самый товарный обмен и опосредствующие его операции — отделенные от производства и совершаемые непроизводителями — суть лишь средство увеличения не просто богатства, но богатства в его всеобщей общественной форме, богатства как меновой стоимости. Побудительный мотив и определяющая цель состоит в том, чтобы превратить *Д* в *Д* + Δ*Д;* акты *Д — Т* и *Т — Д′*, опосредствующие акт *Д — Д′*, являются

лишь переходными моментами этого превращения *Д* в *Д* + Δ*Д*. Это *Д* — *Т* — *Д'* как характерное движение купеческого капитала отличает его от *Т* — *Д* — *Т*, от торговли товарами между самими производителями, конечной целью которой является обмен потребительных стоимостей.

Поэтому, чем менее развито производство, тем более денежное имущество концентрируется в руках купцов, или тем более оно является специфической формой купеческого имущества.

При капиталистическом способе производства, — т. е. когда капитал овладевает самим производством и придает ему совершенно измененную и специфическую форму, — купеческий капитал выступает лишь как капитал с *особой* функцией. При всех прежних способах производства, — и тем в большей мере, чем более производство есть непосредственно производство жизненных средств для самого производителя, — купеческий капитал оказывается функцией капитала par excellence *.

Итак, не представляет ни малейших затруднений понимание того, почему купеческий капитал появляется в качестве исторической формы капитала задолго до того, как капитал подчинил себе само производство. Его существование и развитие до известной степени само является историческим условием для развития капиталистического способа производства 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям, а следовательно уже предполагает купца, который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своем акте купли концентрирует акты купли многих лиц. С другой стороны, все развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары. Однако, как мы скоро увидим из дальнейшего изложения, его развитие, взятое само по себе, недостаточно для того, чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой.

При капиталистическом производстве купеческий капитал от своего прежнего самостоятельного существования низводится до такой роли, когда он является лишь особым моментом применения капитала вообще, а выравнивание прибыли сводит его норму прибыли к общему среднему уровню. Он функционирует уже только как агент производительного капитала.

* — по преимуществу. *Ред.*

Особые общественные отношения, складывающиеся с развитием купеческого капитала, теперь уже не являются определяющими; напротив, там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения. Это наблюдается даже в пределах одной и той же страны, где, например, чисто торговые города больше напоминают о прошлых отношениях, чем фабричные города [46].

Самостоятельное и преобладающее развитие капитала как купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и не зависимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества.

Самостоятельное купеческое имущество как господствующая форма капитала означает обособленность процесса обращения от его крайних членов, а эти крайние члены — сами обменивающиеся производители. Эти крайние члены остаются самостоятельными по отношению к процессу обращения, как и этот процесс по отношению к ним. Продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю. Следовательно, здесь капитал впервые выступает как капитал в процессе обращения. В процессе обращения деньги развиваются в капитал. В обращении продукт впервые развивается как меновая стоимость, как товар и деньги. Капитал может образоваться в процессе обращения и должен образоваться в нем, прежде чем он научится подчинять себе его крайние члены, различные сферы производства, обращение между которыми он опосредствует. Денежное и товарное обращение могут опосредствовать сферы производства самой разнообразной организации, сферы, которые по своей внутренней структуре все еще направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Это обособление процесса обраще-

---

[46] Г-н В. Киссельбах («Der Gang des Welthandels im Mittelalter». 1860) действительно все еще живет представлениями того мира, в котором купеческий капитал есть форма капитала вообще. О капитале в современном смысле он не имеет ни малейшего представления, как и г-н Моммзен, который в своей «Römische Geschichte» говорит о «капитале» и о господстве капитала. В новейшей английской истории собственно торговое сословие и торговые города также являются политически реакционными и выступают в союзе с земельной и финансовой аристократией против промышленного капитала. Сравните, например, политическую роль Ливерпуля с ролью Манчестера и Бирмингема. Полное господство промышленного капитала признано английским купеческим капиталом и финансовой аристократией (moneyed interest) лишь со времени отмены хлебных пошлин [86] и т. д.

ния, при котором сферы производства связываются между собой при посредстве третьего члена, выражает двоякого рода обстоятельства. Во-первых, — то, что обращение еще не овладело производством, а относится к нему как к данной предпосылке. Во-вторых, — то, что процесс производства еще не включил в себя обращения в качестве просто своего момента. Напротив, в капиталистическом производстве произошло и то и другое. Процесс производства основывается всецело на обращении, а обращение представляет собой лишь момент, переходную фазу производства, лишь реализацию продукта, произведенного как товар, и возмещение элементов его производства, производимых как товары. Форма капитала, происходящая непосредственно из обращения, — торговый капитал, — является здесь лишь одной из форм капитала в процессе его воспроизводства.

Тот закон, что самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, с особенной ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли (carrying trade), например у венецианцев, генуэзцев и голландцев, следовательно, там, где главный барыш извлекается не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества при обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и из эксплуатации вступивших в обмен обеих производящих стран [47]. В этом случае перед нами купеческий капитал в чистом виде, обособленный от крайних членов, от тех сфер производства, между которыми он служит посредником. Таков главный источник его образования. Но такая монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом ее существования. При посреднической торговле это сказывается не только в упадке торговли как особой отрасли, но и в падении преобладания чисто торговых народов и вообще их торгового богатства, которое

---

[47] «Жители торговых городов вывозили из более богатых стран утонченные товары мануфактурного производства и драгоценные предметы роскоши и таким образом давали пищу тщеславию крупных землевладельцев, которые с жадностью покупали эти товары и оплачивали их огромными количествами сырого продукта своих земель. Таким образом, в это время торговля значительной части Европы состояла главным образом в обмене сырого продукта одной страны на готовые изделия страны, более передовой в промышленном отношении... Когда же употребление этих изделий стало настолько общераспространенным, что вызвало значительный спрос на них, купцы, чтобы сэкономить издержки по перевозке, пытались основать производство подобного рода товаров у себя на родине» (*A. Smith.* [«Wealth of Nations», Vol. I, London, 1776] Book III, ch. III [p. 489, 490]).

покоилось на базисе этой посреднической торговли. Это лишь особая форма, в которой в ходе развития капиталистического производства находит себе выражение подчинение торгового капитала промышленному. Впрочем, яркий пример того, как хозяйничает купеческий капитал там, где он прямо овладевает производством, представляет не только колониальное хозяйство вообще (так называемая колониальная система), но в особенности хозяйство старой Голландско-Ост-Индской компании [87].

Так как движение купеческого капитала есть *Д — Т — Д'*, то прибыль купца, во-первых, получается благодаря актам, совершающимся лишь в пределах процесса обращения, следовательно, получается при совершении двух актов: купли и продажи, и, во-вторых, она реализуется при совершении последнего акта продажи. Следовательно, это «прибыль от отчуждения», «profit upon alienation» [88]. Чистая независимая торговая прибыль prima facie * кажется невозможной, если продукты продаются по их стоимости. Дешево купить, чтобы дорого продать, — вот закон торговли. Следовательно, это не обмен эквивалентов. Понятие стоимости предполагается при этом постольку, поскольку различные товары все суть стоимость, а потому — деньги; качественно все они одинаково суть выражения общественного труда. Но они не равные величины стоимости. Количественное отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга, является сначала совершенно случайным. Они принимают товарную форму, потому что они вообще могут обмениваться, т. е. потому что они суть выражения чего-то одного и того же третьего. Продолжающийся обмен и более регулярное воспроизводство для обмена все более устраняют этот элемент случайности. Но сначала не для производителей и потребителей, а для посредника между ними обоими, для купца, который сравнивает денежные цены и разницу кладет в карман. Самим своим движением он устанавливает эквивалентность.

Торговый капитал вначале служит только посредником в движении между двумя крайними членами, которые не подчинены ему, и между предпосылками, которые не им созданы.

Подобно тому как из самой по себе формы товарного обращения, *Т — Д — Т*, деньги возникают не только как мера стоимости и средство обращения, но и как абсолютная форма товара, а вместе с тем и богатства, как сокровище, и их сохранение и приращение в форме денег становится самоцелью,

---

* — на первый взгляд. *Ред.*

так из самой по себе формы обращения купеческого капитала, *Д — Т — Д'*, возникают деньги, сокровище, как нечто такое, что сохраняется и увеличивается просто посредством отчуждения.

Торговые народы древнего мира существовали, как боги Эпикура в межмировых пространствах [89], или, вернее, как евреи в порах польского общества. Торговля первых самостоятельных, колоссально развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников.

На пороге капиталистического общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе наоборот. Конечно, торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости, потому что наслаждение и пропитание она ставит в бо̀льшую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта. Этим она разлагает старые отношения. Она увеличивает денежное обращение. Она захватывает уже не только избыток продуктов, но мало-помалу пожирает и самое производство и ставит в зависимость от себя целые отрасли производства. Однако это разлагающее влияние в значительной степени зависит от природы производящего общества.

Пока торговый капитал опосредствует обмен продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит. Помимо того, что торговый капитал живет за счет разницы между ценами производства различных стран (и в этом отношении он оказывает влияние на выравнивание и установление товарных стоимостей), купеческий капитал при прежних способах производства присваивает себе подавляющую долю прибавочного продукта, отчасти как посредник между обществами, производство которых в основном еще направлено на потребительную стоимость и для экономической организации которых продажа части продуктов, вообще поступающей в обращение, следовательно вообще продажа продуктов по их стоимости, имеет второстепенное значение; отчасти потому, что при прежних способах производства главные владельцы прибавочного продукта, с которыми имеет дело купец, — рабовладелец, феодальный земельный собственник, государство (например, восточная деспотия), — представляют потребляющее богатство, которому расставляет сети купец, как это правильно почуял по отношению к феодальному времени уже

А. Смит в приведенной цитате. Итак, повсюду, где торговый капитал имеет преобладающее господство, он представляет систему грабежа [48], и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, хищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.

Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на месте старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же в зависимости от исходного пункта оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на

---

[48] «Теперь купцы очень жалуются на дворян или на разбойников, на то, что им приходится торговать с большой опасностью, и, кроме того, их захватывают, избивают, облагают поборами и грабят. Но если бы купцы претерпевали это ради справедливости, то, конечно, они были бы святыми людьми... Но так как сами купцы творят столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой по всему миру и даже по отношению друг к другу, то нет ничего удивительного в том, что бог делает так, что столь большое имущество, неправедно приобретенное, снова утрачивается или подвергается разграблению, а их самих вдобавок еще избивают или захватывают в плен... А князьям подобает надлежащей властью наказывать за столь неправедную торговлю и принимать меры, чтобы купцы не обдирали так бессовестно их подданных. Но так как князья этого не делают, то бог посылает рыцарей и разбойников и через них наказывает купцов за беззаконие, и они должны быть его дьяволами, подобно тому как он мучит дьяволами или губит врагами землю Египетскую и весь мир. Так он бьет одного злодея другим, давая этим понять, что купцы — не меньшие разбойники, чем рыцари, ибо купцы ежедневно грабят весь мир, тогда как рыцарь в течение года ограбит раз или два, одного или двух». «Исполняется пророчество Исайи: князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и действуют заодно с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем все другие, как бы для того, чтобы оставалась верной поговорка: крупные воры вешают мелких воров, и, как говорил римский сенатор Катон, мелкие воры сидят в тюрьмах и закованы в цепи, а крупные воры щеголяют в золоте и в шелках. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает так, как он говорил устами Иезекииля: князей и купцов, одного вора с другим, он сплавит вместе, как свинец и медь, как это бывает, когда сгорел город, чтобы не было больше ни князей, ни купцов» (*Martin Luther*. «Von Kauffshandlung und Wucher». 1524 [90]).

производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами.

По самой природе вещей получается так, что как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой. Но насколько рука об руку с этим идет промышленное развитие, это целиком зависит здесь от других обстоятельств. В Древнем Риме уже в поздний республиканский период купеческий капитал в своем развитии достигает более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в развитии промышленности; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промыслов. С другой стороны, в прямую противоположность развитию городов и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам.

Не подлежит никакому сомнению, — и именно этот факт привел к совершенно ошибочным взглядам, — что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках в связи с географическими открытиями [91] и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. Между тем современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века. Стоит сравнить, например, Голландию с Португалией [49)]. А если в XVI

[49)] Какое важное значение для развития Голландии, кроме других обстоятельств, имел такой базис, как ее рыболовство, мануфактура и земледелие, это показали уже писатели XVIII столетия. См., например, Масси [92]. В противоположность прежним взглядам, когда размеры и значение азиатской, античной и средневековой

и отчасти еще в XVII столетии внезапное расширение торговли и создание нового мирового рынка оказали решающее влияние на падение старого и на подъем капиталистического способа производства, то это, напротив, произошло на основе уже созданного капиталистического способа производства. Мировой рынок сам образует основу этого способа производства. С другой стороны, имманентная для последнего необходимость производить в постоянно увеличивающемся масштабе ведет к постоянному расширению мирового рынка, так что в этом случае не торговля революционизирует промышленность, а промышленность постоянно революционизирует торговлю. И торговое господство теперь связано уже с бо̀льшим или меньшим преобладанием условий крупной промышленности. Стоит сравнить, например, Англию и Голландию. История упадка Голландии как господствующей торговой нации есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу. Препятствия, которые ставят разлагающему влиянию торговли внутренняя устойчивость и структура докапиталистических национальных способов производства, разительно обнаруживаются в сношениях англичан с Индией и Китаем. Единство мелкого земледелия с домашней промышленностью образует здесь широкий базис способа производства, причем в Индии к этому присоединяется еще форма деревенских общин, покоящихся на общинной собственности на землю, которые, впрочем, были первоначальной формой и в Китае. В Индии англичане немедленно применили свою непосредственную политическую и экономическую силу как правители и получатели земельной ренты для того, чтобы разрушить эти маленькие экономические общины [50]. Их торговля оказывает здесь революционизирующее влияние на способ производства лишь постольку, поскольку они дешевизной своих товаров уничтожают прядение и ткачество, исконную неразрывную часть этого единства промышленно-земледельческого производства, и таким образом разрушают общину. Но даже здесь это дело разложения удается им лишь

торговли недооценивались, теперь стало модой чрезвычайно переоценивать их. Всего лучше можно освободиться от такого представления, если сопоставить английский ввоз и вывоз к началу XVIII столетия с современным. Однако и тогда английский ввоз и вывоз был несравненно больше, чем у какого бы то ни было торгового народа прежнего времени (см. *A. Anderson*. «An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce». [Vol. II, London, 1764, p. 261 and sqq.]).

[50] Если история какого-либо народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике гнусных) экономических экспериментов, так это — хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру крупной английской земельной собственности; в Юго-Восточной Индии — карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину с общинной земельной собственностью в карикатуру ее самой.

постепенно. Еще медленнее разрушалась община в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит на помощь. Большая экономия и сбережение времени, происходящие от непосредственного соединения земледелия и мануфактуры, оказывают здесь самое упорное сопротивление продуктам крупной промышленности, в цену которых входят faux frais * повсюду пронизывающего их процесса обращения. В противоположность английской, русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства [51].

Переход от феодального способа производства совершается двояким образом. Производитель становится купцом и капиталистом в противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство. Как ни велико историческое значение последнего пути в качестве переходной ступени, — примером чего может служить хотя бы английский clothier ** XVII столетия, подчиняющий своему контролю ткачей, остававшихся тем не менее самостоятельными, продавая им шерсть и скупая у них сукно, — все же этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку. Таким образом, например, еще вплоть до середины настоящего столетия фабрикант во французской шелковой промышленности, в английской чулочной и кружевной промышленности по большей части лишь номинально был фабрикантом, в действительности же — просто купцом, который предоставлял ткачам работать их старым кустарным способом и господствовал над ними только как купец, на которого они фактически и работали [52]. Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их

---

* — непроизводительные издержки. *Ред.*

[51] Эта основа также начинает изменяться с тех пор, как Россия стала предпринимать крайне судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на соседний азиатский рынки. — *Ф. Э.*

** — суконщик. *Ред.*

[52] То же самое относится к рейнскому ленточному и тесемочному производству и к шелкоткачеству. Близ Крефельда была даже построена особая железная дорога для сношения этих сельских ручных ткачей с городскими «фабрикантами», но впоследствии механическое ткачество обрекло ее вместе с ручными ткачами на бездействие. — *Ф. Э.*

в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем у рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства. Такие же отношения, лишь несколько модифицированные, существуют в части лондонского ремесленного производства мебели. В особенности в Тауэр-Хамлетс оно поставлено на весьма широкую ногу. Все производство разделено на множество независимых одна от другой отраслей. Одно предприятие изготовляет только стулья, другое — только столы, третье — только шкафы и т. д. Но самые эти предприятия ведутся более или менее ремесленным способом мелким мастером с немногими подмастерьями. Однако производство оказывается слишком массовым для того, чтобы можно было работать непосредственно на частных потребителей. Покупатели здесь — владельцы мебельных магазинов. По субботам мастер отправляется к ним и продает свой продукт, причем они торгуются относительно цены совершенно так же, как в ломбарде торгуются относительно размеров ссуды под ту или другую вещь. Эти мастера вынуждены продавать свои продукты еженедельно уже для того, чтобы в следующую неделю иметь возможность снова купить сырой материал и уплатить заработную плату. При таких обстоятельствах они по существу служат лишь посредниками между купцом и своими собственными рабочими. Собственно капиталистом является здесь купец, который кладет себе в карман бо̀льшую часть прибавочной стоимости [53]. Сходное явление наблюдается при переходе в мануфактуру тех отраслей, которые раньше велись ремесленным способом или как побочные отрасли сельской промышленности. В зависимости от технического уровня развития этого мелкого самостоятельного производства, — там, где оно само уже применяет машины, допускаемые ремесленным производством, — совершается и переход к крупной промышленности; машина приводится в движение уже не рукой, а паром, как это, например, происходит в последнее время в английском чулочновязальном производстве.

Итак, переход совершается трояким образом: *во-первых,* купец непосредственно становится промышленником; это имеет место в отраслях ремесла, основанных на торговле, в частности, в производстве предметов роскоши, которые вместе с сырьем и рабочими ввозятся купцами из-за границы, как в пятнадцатом веке в Италию из Константинополя. *Во-вторых,* купец делает

---

[53] С 1865 г. эта система развилась в еще большем масштабе. Подробности о ней см. «First Report of the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System», London, 1888. — *Ф. Э.*

своими посредниками (middlemen) мелких мастеров или прямо покупает у самостоятельного производителя; номинально он оставляет его самостоятельным и оставляет без изменения его способ производства. *В-третьих,* промышленник становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли.

В средние века, как правильно говорит Поппе, купец был только «передатчиком» товаров, произведенных цеховыми ремесленниками или крестьянами [93]. Купец становится промышленником, или, точнее, заставляет работать на себя ремесленную, в особенности же сельскую мелкую промышленность. С другой стороны, производитель становится купцом. Например, мастер, суконодел, вместо того чтобы получать шерсть от купца постепенно, небольшими партиями, и обрабатывать ее для него с помощью своих подмастерьев, сам покупает шерсть или пряжу и продает свое сукно купцу. Элементы производства входят в процесс производства как купленные им самим товары. И вместо того чтобы производить для отдельного купца или для определенных заказчиков, суконодел производит теперь для всего торгового мира. Сам производитель — купец. Торговый капитал совершает уже только процесс обращения. Первоначально торговля была предпосылкой для превращения цехового и сельского домашнего ремесла и феодального земледелия в капиталистические производства. Она развивает продукт в товар отчасти тем, что создает для него рынок, отчасти тем, что доставляет новые товарные эквиваленты, а для производства — новые сырые и вспомогательные материалы, и тем самым вызывает к жизни новые отрасли производства, которые с самого начала основываются на торговле: на производстве для рынка и для мирового рынка и на условиях производства, доставляемых мировым рынком. Как только мануфактура до некоторой степени окрепла, она, — а еще больше крупная промышленность, — сама создает себе рынок, завоевывает его своими товарами. Теперь торговля становится слугой промышленного производства, для которого постоянное расширение рынка является жизненным условием. Постоянно расширяющееся массовое производство переполняет наличный рынок и потому постоянно расширяет этот рынок, раздвигает его рамки. Что ограничивает это массовое производство, так это не торговля (поскольку последняя выражает лишь существующий спрос), а величина функционирующего капитала и степень развития производительной силы труда. Промышленный капиталист постоянно имеет перед собой мировой рынок, он сравнивает и постоянно должен сравнивать свои собственные издержки

производства с рыночными ценами не только в своей стране, но и с мировыми ценами. В более ранние периоды это сравнение выпадает на долю почти исключительно купцов и обеспечивает таким образом торговому капиталу господство над промышленным капиталом.

Первое теоретическое освещение современного способа производства — меркантилистская система — по необходимости исходило из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому оно схватывало только внешнюю видимость явлений. Отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он имел в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства. Подлинная наука современной политической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства. Правда, капитал, приносящий проценты, — тоже древняя форма капитала. Но почему меркантилизм не делает его своим отправным пунктом, а, напротив, относится к нему полемически, это мы увидим впоследствии.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ

При первом рассмотрении общей или средней нормы прибыли (отдел II этой книги) эта последняя не выступала еще перед нами в своем законченном виде, так как выравнивание прибылей представлялось еще просто выравниванием промышленных капиталов, вложенных в различные сферы производства. Это рассмотрение было дополнено в предыдущем отделе, где исследовались участие торгового капитала в этом выравнивании и торговая прибыль. Общая норма прибыли и средняя прибыль предстали теперь в более узких границах, чем прежде. В ходе дальнейшего исследования следует иметь в виду, что, говоря об общей норме прибыли, или о средней прибыли, мы подразумеваем это последнее значение, т. е. говорим лишь о средней норме в ее законченном виде. А так как норма эта теперь одинакова для промышленного и для торгового капитала, то, поскольку речь идет только об этой средней прибыли, нет также необходимости впредь делать различие между промышленной и торговой прибылью. Независимо от того, вложен ли капитал в сферу производства как промышленный капитал или в сферу обращения как торговый капитал, он приносит pro rata * своей величине одну и ту же годовую среднюю прибыль.

Деньги, взятые здесь как самостоятельное выражение известной суммы стоимости, — независимо от того, существует ли она в действительности в форме денег или товара, — могут на основе капиталистического производства быть превращены в капитал и вследствие такого превращения из стоимости

* — соответственно. *Ред.*

данной величины становятся стоимостью самовозрастающей, увеличивающейся. Они производят прибыль, т. е. дают капиталисту возможность выжимать из рабочих и присваивать определенное количество неоплаченного труда, прибавочный продукт и прибавочную стоимость. Тем самым помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег, они приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал. Их потребительная стоимость состоит здесь как раз в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал. В этом качестве потенциального капитала, средства для производства прибыли, деньги становятся товаром, но товаром sui generis *. Или, что сводится к тому же, капитал как капитал становится товаром[54].

Предположим, что годовая средняя норма прибыли равняется 20%. В таком случае машина стоимостью в 100 ф. ст., применяемая в качестве капитала при средних условиях и среднем уровне знания дела и целесообразной деятельности, дала бы прибыль в 20 фунтов стерлингов. Из этого следует, что человек, располагающий 100 ф. ст., обладает силой превратить 100 ф. ст. в 120, или произвести прибыль в 20 фунтов стерлингов. Он обладает потенциальным капиталом в 100 фунтов стерлингов. Если этот человек уступает эти 100 ф. ст. на год другому, который действительно применит их как капитал, то он дает ему силу произвести 20 ф. ст. прибыли, произвести прибавочную стоимость, которая ничего ему не сто̀ит, за которую он не уплачивает никакого эквивалента. Если это последнее лицо уплачивает собственнику этих 100 ф. ст. в конце года, предположим, 5 ф. ст., т. е. часть произведенной прибыли, то оно оплачивает таким образом потребительную стоимость этих 100 ф. ст., потребительную стоимость их функции как капитала, функции производить 20 ф. ст. прибыли. Часть прибыли, уплачиваемая владельцу этих денег, называется процентом, что, следовательно, является не чем иным, как особым названием, особой рубрикой той части прибыли, которую функционирующий капитал должен выплатить собственнику капитала вместо того, чтобы положить ее в собственный карман.

Ясно, что обладание этими 100 ф. ст. дает их собственнику силу присвоить процент, некоторую часть прибыли, произведенной его капиталом. Если бы он не отдал этих 100 ф. ст.

---

* — особого рода. *Ред.*

54) Здесь можно было бы процитировать несколько мест, в которых экономисты так именно и понимают дело. — «Вы» (Английский банк) «являетесь очень крупными торговцами *товаром капитал?*» — такой вопрос при опросе свидетелей в связи с отчетом по банковскому законодательству (палата общин, 1857) был задан одному из директоров этого Банка. [«Report on Bank Acts», 1857, p. 104].

другому лицу, то это последнее не могло бы произвести прибыль, вообще не могло бы функционировать в качестве капиталиста по отношению к этим 100 фунтам стерлингов [55].

Говорить в данном случае вместе с Гилбартом (см. примечание) об «естественной справедливости» — бессмыслица. Справедливость сделок, совершающихся между агентами производства, основывается на том, что эти сделки как естественное следствие вытекают из отношений производства. Юридические формы, в которых эти экономические сделки проявляются как волевые действия участников, как выражения их общей воли и как обязательства, к выполнению которых каждую из сторон принуждает государство, — эти юридические формы, будучи только формами, не могут сами определить этого содержания сделок. Они только выражают его. Содержание это является справедливым, поскольку оно соответствует способу производства, адекватно ему. Оно несправедливо, поскольку противоречит ему. Рабство на основе капиталистического способа производства несправедливо; точно так же несправедлив и обман на качестве товара.

Эти 100 ф. ст. производят прибыль в 20 ф. ст. потому, что они функционируют как капитал — промышленный или торговый капитал. Однако sine qua non * такого функционирования их в качестве капитала является расходование их как капитала, следовательно, расходование денег на покупку средств производства (при капитале промышленном) и на покупку товара (при капитале торговом). Но чтобы деньги могли быть израсходованы, они должны быть налицо. Если бы *A*, собственник этих 100 ф. ст., израсходовал их на свое личное потребление или удержал их при себе как сокровище, то *B*, функционирующий капиталист, не мог бы израсходовать их как капитал. Он затрачивает не свой капитал, а капитал, принадлежащий *A*, но он не может затратить капитала, принадлежащего *A*, помимо воли *A*. Таким образом, в действительности эти 100 ф. ст. как капитал первоначально расходуются капиталистом *A*, хотя вся функция его в качестве капиталиста ограничивается этим расходованием 100 ф. ст. как капитала. Поскольку дело касается этих 100 ф. ст., то *B* лишь потому функционирует как капиталист, что *A* передает ему эти 100 ф. ст. и таким образом расходует их как капитал.

---

[55] «То обстоятельство, что человек, берущий деньги взаймы с целью извлечь из них прибыль, должен отдать часть прибыли кредитору, является само собой разумеющимся принципом естественной справедливости» (*Gilbart*. «The History and Principles of Banking». London, 1834, p. 163).

* — непременным условием. *Ред.*

Рассмотрим сначала своеобразие обращения капитала, приносящего проценты. Затем, во вторую очередь, следует рассмотреть тот своеобразный способ, при котором он продается как товар, именно ссужается, а не уступается раз навсегда.

Исходным пунктом являются деньги, которые *A* ссужает *B*. Ссуда может быть предоставлена под залог или без залога; однако первая форма является более древней, за исключением ссуды под товары или под долговые обязательства, как-то: векселя, акции и т. д. Эти особые формы нас здесь не интересуют. Мы имеем здесь дело с капиталом, приносящим проценты, в его обычной форме.

В руках *B* деньги действительно превращаются в капитал, проделывают движение *Д — Т — Д'* и затем снова возвращаются к *A* как *Д'*, как *Д* + Δ*Д*, где Δ*Д* представляет процент. Ради упрощения мы пока оставляем в стороне тот случай, когда капитал остается в руках *B* на более продолжительное время и проценты выплачиваются в определенные сроки.

Итак, движение таково:

$$Д - Д - Т - Д' - Д'.$$

Дважды здесь появляются 1) расходование денег как капитала, 2) обратный приток их как реализованного капитала, как *Д'*, или *Д* + Δ*Д*.

При движении торгового капитала *Д — Т — Д'* один и тот же товар дважды, а в тех случаях, когда купец продает купцу, и многократно, переходит из одних рук в другие; но каждое такое перемещение одного и того же товара означает метаморфоз, куплю или продажу товара, сколько бы раз ни повторялся этот процесс, до тех пор пока товар не войдет окончательно в потребление.

С другой стороны, в *Т — Д — Т* совершается двукратное перемещение одних и тех же денег, но это двукратное перемещение указывает на полный метаморфоз товара, который сначала превращается в деньги, а затем из денег опять в другой товар.

Напротив, для капитала, приносящего проценты, первое перемещение *Д* отнюдь не является моментом ни метаморфоза товара, ни воспроизводства капитала. Таким моментом перемещение *Д* становится лишь при вторичной затрате, в руках функционирующего капиталиста, который ведет с этими деньгами торговлю, или превращает их в производительный капитал. Первое перемещение *Д* выражает здесь не что иное, как переуступку, или передачу, лицом *A* лицу *B* — переуступку, обыкновенно совершающуюся при соблюдении известных юридических форм и условий.

Этому двукратному расходованию денег как капитала, причем первое из них есть простая передача денег лицом *A* лицу *B*, соответствует и двукратное возвращение их. Как *Д'*, или $Д + \Delta Д$, они возвращаются из движения обратно к функционирующему капиталисту *B*. Тогда последний снова передает их *A*, но уже вместе с частью прибыли, передает как реализованный капитал, как $Д + \Delta Д$, где $\Delta Д$ не равно всей прибыли, а представляет собой только часть прибыли, процент. К *B* они возвращаются обратно лишь в качестве того, что он израсходовал, — в качестве функционирующего капитала, являющегося, однако, собственностью *A*. Поэтому, чтобы процесс их возвращения закончился, *B* должен передать их *A*. Но кроме суммы капитала, *B* должен передать *A* под названием процента часть прибыли, произведенной им при помощи этой суммы капитала, так как *A* давал деньги *B* только как капитал, т. е. как стоимость, которая не только сохраняется в движении, но и создает своему собственнику прибавочную стоимость. Они остаются в руках *B* лишь до тех пор, пока являются функционирующим капиталом. И по своем возвращении, — по истечении срока, — они перестают функционировать как капитал. Но и в качестве нефункционирующего более капитала они должны быть снова переданы обратно *A*, который не перестал быть их юридическим собственником.

Форма ссуды, вместо формы продажи, свойственная этому товару, капиталу как товару, встречающаяся впрочем и при других сделках, вытекает уже из того определения, что капитал выступает здесь как товар или что деньги в качестве капитала становятся товаром.

Здесь необходимо провести следующее различие:

Мы видели («Капитал», кн. II, гл. I) и кратко напоминаем здесь о том, что в процессе обращения капитал функционирует как товарный капитал и как денежный капитал. Но в обеих формах капитал становится товаром не как капитал.

Как только производительный капитал превратится в товарный капитал, он должен быть выброшен на рынок, продан как товар. Здесь он функционирует просто как товар. Капиталист выступает в данном случае лишь как продавец товара, подобно тому, как покупатель — лишь как покупатель товара. Как товар продукт должен в процессе обращения посредством продажи реализовать свою стоимость, принять свой превращенный вид, вид денег. Поэтому также совершенно безразлично, покупается ли этот товар потребителем в качестве жизненного средства или капиталистом в качестве средства производства, как составная часть капитала. В акте обращения товарный

капитал функционирует лишь как товар, не как капитал. Это — товарный *капитал* в отличие от простого товара, 1) потому что он уже чреват прибавочной стоимостью, следовательно реализация его стоимости есть в то же время и реализация прибавочной стоимости; но это ничего не изменяет в том факте, что он существует просто как товар, как продукт определенной цены; 2) потому что эта функция его как товара есть момент процесса воспроизводства его как капитала, и потому его движение как товара, являясь лишь частичным движением в совершаемом им процессе, в то же время является его движением как капитала; но оно становится таковым не вследствие самого акта продажи, а только вследствие связи, существующей между этим актом и всем движением этой определенной суммы стоимости как капитала.

Точно так же в качестве денежного капитала он фактически действует лишь просто как деньги, т. е. как средство для покупки товаров (элементов производства). То обстоятельство, что эти деньги являются здесь в то же время денежным капиталом, формой капитала, вытекает не из акта купли, не из той действительной функции, которую он выполняет как деньги, а из связи этого акта с совокупным движением капитала, потому что этот акт, который совершает капитал как деньги, служит введением к капиталистическому процессу производства.

Но поскольку товарный капитал и денежный капитал действительно функционируют, действительно играют свою роль в процессе, товарный капитал действует здесь только как товар, денежный капитал — только как деньги. Ни в один из отдельных моментов метаморфоза, рассматриваемых сами по себе, капиталист не продает покупателю товара как *капитала* — хотя для него товар представляет капитал — и не отчуждает продавцу денег как капитала. В обоих случаях он отчуждает товар просто как товар и деньги просто как деньги, как покупательное средство по отношению к товару.

Капитал выступает в процессе обращения как капитал только в общей связи всего процесса, в том моменте, в котором исходная точка является вместе с тем и той точкой, к которой движение возвращается, в $Д — Д'$ или $T — T'$ (тогда как в процессе производства он выступает как капитал вследствие подчинения рабочего капиталисту и вследствие производства прибавочной стоимости). Но в этом моменте возвращения к исходной точке посредствующий процесс исчез. Налицо здесь $Д'$, или $Д + \Delta Д$, сумма денег, равная первоначально авансированной денежной сумме плюс некоторый избыток сравнительно с ней, реализованная прибавочная стоимость (при этом

безразлично, существует ли теперь сумма стоимости, увеличенная на $\Delta Д$, в форме денег, или товара, или элементов производства). И как раз в этом пункте возвращения, в котором капитал существует как реализованный капитал, как возросшая стоимость, — поскольку этот пункт фиксируется как точка покоя, воображаемая или действительная, — в этой форме капитал никогда не вступает в обращение, а, наоборот, выступает как извлеченный из обращения, как результат всего процесса. Если он расходуется вновь, он никогда не отчуждается третьему лицу *как капитал,* а продается ему как простой товар или уплачивается ему за товар как простые деньги. Он никогда не выступает в процессе своего обращения как капитал, а только как товар или деньги, и это в данном случае единственная форма его существования *для других.* Товар и деньги являются здесь капиталом не постольку, поскольку товар превращается в деньги, а деньги в товар, не в их действительных отношениях к покупателю или продавцу, а лишь в их идеальных отношениях к самому капиталисту (если рассматривать дело субъективно) или как моменты процесса воспроизводства (если рассматривать дело объективно). В действительном движении капитал существует как капитал не в процессе обращения, а лишь в процессе производства, в процессе эксплуатации рабочей силы.

Но иначе обстоит дело с капиталом, приносящим проценты, и как раз в этом-то и заключается его специфический характер. Владелец денег, желающий применить свои деньги как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром как *капитал,* — как капитал не только для себя самого, но и для других. Это капитал не только для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они с самого же начала передаются как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость, прибыль; как стоимость, которая в движении сохраняется и после своего функционирования возвращается к первоначально израсходовавшему ее лицу, в данном случае, к владельцу денег; следовательно, лишь на время удаляется от него и из рук своего собственника лишь временно переходит во владение функционирующего капиталиста, т. е. не поступает в уплату и не продается, а лишь отдается в ссуду, лишь отчуждается под условием, что по истечении известного срока она, во-первых, возвратится к своему исходному пункту и, во-вторых, возвратится как реализованный капитал, реализовав свою потребительную стоимость, свою способность производить прибавочную стоимость.

Товар, который ссужается как капитал, ссужается, смотря по его свойствам, как основной или как оборотный капитал. Деньги могут даваться в ссуду в обеих формах, — как основной капитал, например, в том случае, когда они выплачиваются обратно в форме пожизненной ренты, так что вместе с процентами всегда возвращается обратно и часть капитала. Некоторые товары по самой природе своей потребительной стоимости могут быть даны в ссуду лишь как основной капитал, например дома, суда, машины и т. д. Но всякий ссудный капитал, какова бы ни была его форма и как бы природа его потребительной стоимости ни модифицировала обратную уплату, всегда является лишь особой формой денежного капитала. Потому что то, что дается здесь в ссуду, всегда есть определенная денежная сумма, и на эту же сумму исчисляется и процент. Если то, что ссужается, не есть ни деньги, ни оборотный капитал, то и обратно оно уплачивается таким способом, как притекает обратно основной капитал. Кредитор получает периодически процент и часть потребленной стоимости самого основного капитала, эквивалент периодического износа. А по истечении срока непотребленная часть ссуженного основного капитала возвращается обратно in natura *. Если ссуженный капитал — капитал оборотный, то и он возвращается к кредитору точно так же, как притекает обратно оборотный капитал.

Итак, способ возвращения определяется каждый раз действительным кругооборотом воспроизводящегося капитала и его особых видов. Но возвращение ссуженного капитала принимает *форму* обратной уплаты потому, что авансирование, отчуждение этого капитала имеет форму ссуды.

В этой главе мы занимаемся лишь собственно денежным капиталом, от которого произошли все другие формы ссудного капитала.

Ссудный капитал притекает обратно два раза; в процессе воспроизводства он возвращается к функционирующему капиталисту, а затем еще раз повторяется возвращение как передача капитала кредитору, денежному капиталисту, как обратная уплата капитала его действительному собственнику, юридической исходной точке капитала.

В действительном процессе обращения капитал всегда выступает только как товар или деньги, и его движение сводится к ряду актов купли и продажи. Короче, процесс обращения сводится к метаморфозу товара. Иное дело, если мы рассмотрим процесс воспроизводства в целом. Если в качестве отправной

---

* — в натуральной форме. *Ред.*

точки мы возьмем деньги (дело не изменится, если в качестве отправной точки мы возьмем товар, потому что в таком случае мы исходим из его стоимости и, следовательно, рассматриваем самый товар sub specie * денег), то мы увидим, что известная сумма денег израсходована и по истечении известного периода возвращается обратно с некоторым приращением. Возвращается обратно возмещение авансированной денежной суммы плюс прибавочная стоимость. Эта сумма сохранилась и увеличилась, совершив известное круговое движение. Но деньги, поскольку они ссужаются как капитал, ссужаются именно в качестве такой сохраняющейся и увеличивающейся денежной суммы, которая по истечении известного периода возвращается с некоторой прибавкой и во всякое время может снова начать тот же самый процесс. Они не расходуются ни как деньги, ни как товар, т. е. они не обмениваются на товар, если авансированы в виде денег, и не продаются за деньги, если авансированы в виде товара; они расходуются как капитал. Отношение к самому себе, отношение, в котором представляется капитал, если рассматривать капиталистический процесс производства как целое и как единство, отношение, в котором капитал выступает как деньги, высиживающие деньги, здесь срастается с деньгами без посредствующего промежуточного движения, просто в качестве их характера, их определенности. И в этой определенности они отчуждаются, когда отдаются в ссуду в качестве денежного капитала.

Странное понимание роли денежного капитала у Прудона («Gratuité du Crédit». Discussion entre m. Fr. Bastiat et m. Proudhon. Paris, 1850). Ссуда потому кажется Прудону злом, что она не является продажей.

Ссуда под проценты — это

«возможность все снова продавать один и тот же предмет и все снова получать за него цену, никогда не уступая собственности на то, что продается» (стр. 9) [94].

Предмет, деньги, дом и т. д. не меняют собственника, как это бывает при купле и продаже. Но Прудон упускает из виду, что при отдаче денег в форме капитала, приносящего проценты, за них не получают никакого эквивалента. При всяком акте купли и продажи, поскольку вообще происходит обмен, предмет действительно отдается. Собственность на продаваемый предмет каждый раз уступается. Но стоимость при этом не отдается. При продаже отдается товар, а не его стоимость, которая возвращается в форме денег или, что является здесь лишь

---

* — под углом зрения. *Ред.*

иной формой денег, — в форме долгового обязательства или платежного титула. При купле отдаются деньги, а не их стоимость, которая возмещается в форме товара. В продолжение всего процесса воспроизводства промышленный капиталист сохраняет в своих руках одну и ту же стоимость (оставляя в стороне прибавочную стоимость), только в различных формах.

Поскольку совершается обмен, т. е. обмен предметов, никакого изменения стоимости не происходит. Один и тот же капиталист все время удерживает в своих руках одну и ту же стоимость. Поскольку, однако, прибавочная стоимость производится капиталистом, нет обмена; когда же происходит обмен, прибавочная стоимость уже заключена в товарах. Если мы будем рассматривать не отдельные акты обмена, а весь кругооборот капитала *Д — Т — Д′*, то определенная сумма стоимости постоянно авансируется, и эта же сумма стоимости плюс прибавочная стоимость, или прибыль, извлекается из обращения. В простых актах обмена опосредствование этого процесса, конечно, остается вне поля зрения. Как раз на этом движении *Д* как капитала покоится и из этого движения возникает процент капиталиста, ссужающего деньги.

«В самом деле», — говорит Прудон, — «шляпник, продающий шляпы... получает взамен их стоимость, не больше и не меньше. Но капиталист, ссужающий деньги... не только получает обратно свой капитал неуменьшившимся, — он получает больше, чем составлял его капитал, больше, чем было им брошено в обмен, он получает сверх капитала еще и процент» (стр. 69).

Шляпник представляет здесь промышленного капиталиста в противоположность капиталисту, который ссужает деньги. Прудон явно не постиг тайны того, каким образом промышленный капиталист может продавать товар по его стоимости (выравнивание по ценам производства здесь, при его понимании, не имеет никакого значения) и именно поэтому может получать прибыль сверх капитала, бросаемого им в обмен. Предположим, что цена производства 100 шляп = = 115 ф. ст. и что эта цена производства случайно равна стоимости шляп, т. е. капитал, производящий шляпы, представляет собой капитал среднего общественного строения. Если прибыль = 15%, то шляпник реализует прибыль в 15 ф. ст., продавая свои товары по их стоимости в 115 фунтов стерлингов. Ему они сто́ят всего 100 фунтов стерлингов. Если он производил при помощи своего собственного капитала, то избыток в 15 ф. ст. он целиком кладет в карман; если — при помощи капитала, взятого в ссуду, то из этих 15 ф. ст. ему придется, быть может, 5 ф. ст. отдать в виде процента. Это нисколько

не меняет стоимости шляп, а вносит лишь изменение в распределение между разными лицами той прибавочной стоимости, которая уже заключена в этой стоимости. Поскольку на стоимость шляп уплата процента не оказывает влияния, то бессмыслицей является и такое утверждение Прудона:

«Так как в торговле процент на капитал присоединяется к заработной плате рабочего, чтобы вместе с этой последней составить цену товара, то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. «Жить работая» — это такой принцип, который при господстве процента заключает в себе противоречие» (стр. 105) [56].

Как плохо понял Прудон природу капитала, можно видеть из следующей фразы, в которой он движение капитала вообще изображает как движение, характерное для капитала, приносящего проценты:

«Так как вследствие накопления процентов капитал-деньги, совершив ряд обменов, всегда возвращается к своему источнику, то отсюда следует, что ссуда, делаемая одним и тем же лицом, приносит прибыль всегда тому же самому лицу» [стр. 154].

Что же остается для него загадочным в своеобразном движении капитала, приносящего проценты? Категории: купля, цена, уступка предметов и та неопосредствованная форма, в которой появляется здесь прибавочная стоимость; короче, то явление, что здесь капитал как капитал сделался товаром и что поэтому продажа превратилась в ссуду, цена — в долю прибыли.

Возвращение капитала к своему исходному пункту есть вообще характерное движение капитала, поскольку он совершает весь свой кругооборот. Это отнюдь не является отличительной чертой только капитала, приносящего проценты. Характерна для него только внешняя форма возвращения, оторванная от посредствующего кругооборота. Ссужающий капиталист отдает свой капитал, передает его промышленному капиталисту, не получая эквивалента. Эта передача вообще не является актом действительного процесса кругооборота капитала, она лишь подготовляет кругооборот, который должен быть совершен при посредстве промышленного капиталиста. Это первое перемещение денег не выражает никакого акта

---

[56] Поэтому, если рассуждать по Прудону, «дом», «деньги» и т. д. ссужаются не как «капитал», а отчуждаются как «товар... по себестоимости» (стр. 43—44). Лютер стоял несколько выше Прудона. Он уже знал, что получение прибыли не зависит от формы ссуды или покупки: «Из торговли тоже делают ростовщичество. Но для одного раза это уже слишком много. Сейчас мы будем говорить только об одном — о ростовщичестве при ссудах. После того как мы с ним разделаемся, мы воздадим по заслугам (в ближайшее время) также и торговому ростовщичеству» (*M. Luther*. «An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen, Vermanung». Wittemberg, 1540).

метаморфоза: ни купли, ни продажи. Собственность не уступается, так как не происходит никакого обмена и не получается никакого эквивалента. Возвращение денег из рук промышленного капиталиста в руки ссудившего просто дополняет первый акт уступки капитала. Авансированный в денежной форме капитал процессом кругооборота снова возвращается к промышленному капиталисту в денежной форме. Но так как при расходовании капитал не принадлежал ему, то и при возвращении он не может ему принадлежать. То обстоятельство, что этот капитал прошел через процесс воспроизводства, не может превратить его в собственность промышленного капиталиста. Следовательно, он должен возвратить этот капитал тому, кто дал его в ссуду. Первое расходование капитала, перемещающее его из рук кредитора в руки заемщика, есть юридическая сделка, не имеющая ничего общего с действительным процессом воспроизводства капитала, лишь подготовляющая его. Обратная уплата, снова перемещающая возвратившийся обратно капитал из рук заемщика в руки кредитора, есть вторая юридическая сделка, дополнение первой; первая подготовляет действительный процесс, вторая есть заключительный акт, совершающийся после окончания последнего. Следовательно, исходный и конечный пункты — отдача и возврат капитала, отданного в ссуду, — представляются произвольными движениями, совершающимися при посредстве юридических сделок, происходящими до и после действительного движения капитала и не имеющими никакого отношения к самому этому движению. Для действительного движения капитала было бы безразлично, если бы капитал с самого начала принадлежал промышленному капиталисту и потому возвращался бы к нему просто как его собственность.

В первом, вводном, акте кредитор передает свой капитал заемщику. Во втором, дополнительном и заключительном, акте заемщик возвращает капитал кредитору. Поскольку во внимание принимается лишь сделка между двумя лицами и, — если оставить пока процент в стороне, — поскольку, следовательно, речь идет лишь о движении самого отданного в ссуду капитала между кредитором и заемщиком, оба эти акта (отделенные более или менее продолжительным промежутком времени, на который приходится действительное движение воспроизводства капитала) охватывают все это движение. А это движение — отдача под условием возврата — представляет собой вообще движение ссуды выдаваемой и ссуды получаемой, этой специфической формы лишь условного отчуждения денег или товара.

Движение, характерное для капитала вообще, — возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точке, — для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешний вид, обособленный от того действительного движения, формой которого он служит. *A* отдает свои деньги не как деньги, а как капитал. С капиталом здесь не происходит никакого изменения. Он лишь переходит в другие руки. Его действительное превращение в капитал совершается только в руках *B*. Но для *A* он уже стал капиталом вследствие простой передачи *B*. Действительное возвращение капитала из процесса производства и обращения имеет место лишь для *B*. Но для *A* возвращение происходит в той же форме, как отчуждение. Из рук *B* капитал снова возвращается в руки *A*. Отдача, ссуда денег на известное время, и получение их обратно с процентом (прибавочной стоимостью) — вот вся форма движения, присущая капиталу, приносящему проценты, как таковому. Действительное движение отданных в ссуду денег как капитала есть операция, лежащая вне сделок между кредиторами и заемщиками. В самих этих сделках посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен. Как товар особого рода капитал обладает и своеобразным родом отчуждения. Поэтому и возврат получает здесь выражение не как следствие и результат определенного ряда экономических актов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом. Время возвращения зависит от хода процесса воспроизводства; в отношении капитала, приносящего проценты, *кажется,* будто его возврат как капитала зависит от простого соглашения между кредитором и заемщиком. Так что по отношению к этой сделке возвращение капитала представляется уже не результатом, который определяется процессом производства, а представляется так, как будто бы данный в ссуду капитал никогда не утрачивал формы денег. Конечно, фактически сделки эти определяются действительными возвращениями капитала. Но это не проявляется в самой сделке. На практике дело также отнюдь не всегда так происходит. Если действительный возврат не произошел вовремя, то заемщику приходится искать иной вспомогательный источник для выполнения своих обязательств перед кредитором. Простая *форма* капитала — деньги, которые затрачиваются в виде суммы *A* и через известный промежуток времени возвращаются обратно в виде суммы $A + \frac{1}{x}A$ без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени, — есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала.

В действительном движении капитала его обратное возвращение есть момент процесса обращения. Сначала деньги превращаются в средства производства; процесс производства превращает их в товар; путем продажи товара они снова превращаются в деньги и в этой форме возвращаются обратно в руки капиталиста, который впервые авансировал данный капитал в денежной форме. Но в отношении капитала, приносящего проценты, возврат его, как и выдача, есть лишь результат юридической сделки между собственником капитала и вторым лицом. Мы видим лишь выдачу и обратную уплату. Все, что происходит между ними, изгладилось.

Но так как деньги, авансированные как капитал, обладают свойством возвращаться к тому, кто их авансировал, затратил как капитал; так как *Д — Т — Д′* есть имманентная форма движения капитала, то именно поэтому владелец денег может ссужать их как капитал, как нечто такое, что обладает свойством возвращаться к своему исходному пункту, сохраняться и возрастать как стоимость в том движении, которое оно совершает. Он отдает деньги как капитал, так как после того, как они применены как капитал, они возвращаются к своей исходной точке, и, следовательно, по истечении известного срока заемщик может возвратить их именно потому, что они притекают обратно к нему самому.

Итак, отдача в ссуду денег как капитала — отдача их под условием возврата по истечении известного времени — предполагает, что деньги действительно применяются как капитал, действительно притекают обратно к своей исходной точке. Таким образом действительный кругооборот денег как капитала является условием юридической сделки, согласно которой заемщик должен возвратить деньги кредитору. Если заемщик не затратит деньги как капитал, — это его дело. Кредитор ссужает деньги как капитал, и как таковой они должны проделать функции капитала, заключающие в себе кругооборот денежного капитала вплоть до его возвращения в денежной форме к своему исходному пункту.

Акты обращения *Д — Т* и *Т — Д′*, в которых данная сумма стоимости функционирует как деньги или как товар, суть лишь посредствующие процессы, отдельные моменты всего ее движения. Как капитал она проделывает все движение *Д — Д′*. Она авансируется как деньги или как сумма стоимости в какой-либо форме и возвращается обратно как сумма стоимости. Ссужающий деньги не затрачивает их при купле товара или, в том случае, если сумма стоимости существует в виде товаров, не продает последние за деньги, но аванси-

рует их как капитал, как $Д - Д'$, как стоимость, которая в определенный срок снова возвращается к своему исходному пункту. Вместо того чтобы покупать или продавать, он дает в ссуду. Эта отдача в ссуду является таким образом соответственной формой для отчуждения стоимости *как капитала,* а не как денег или товара. Но отсюда отнюдь не следует, что отдача в ссуду не может быть формой и таких сделок, которые не имеют никакого отношения к капиталистическому процессу воспроизводства.

До сих пор мы рассматривали только движение ссудного *капитала* между его собственником и промышленным капиталистом. Теперь нам предстоит исследовать *процент.*

Кредитор расходует свои деньги как капитал; сумма стоимости, которую он отчуждает другому лицу, есть капитал и потому возвращается к нему обратно. Но простое возвращение к нему ссуженной суммы стоимости было бы не возвращением ее *как капитала,* а просто возвращением ссуженной суммы стоимости. Чтобы возвратиться в качестве капитала, авансированная сумма стоимости должна не только сохраниться в движении, но и возрасти, увеличиться в своем размере, т. е. возвратиться с прибавочной стоимостью, как $Д + \Delta Д$, и это $\Delta Д$ является здесь процентом, или той частью средней прибыли, которая не остается в руках функционирующего капиталиста, а достается денежному капиталисту.

То обстоятельство, что деньги были отчуждены им как капитал, означает, что они должны быть возвращены ему в виде $Д + \Delta Д$. Нам предстоит еще особо рассмотреть ту форму, когда проценты выплачиваются в известные сроки в продолжение того периода времени, на который предоставлена ссуда, а возврат капитала происходит лишь в конце этого периода.

Что дает денежный капиталист заемщику, промышленному капиталисту? Что он отчуждает ему в действительности? А ведь только акт отчуждения превращает ссуду денег в отчуждение денег как капитала, т. е. в отчуждение капитала как товара.

Только посредством акта этого отчуждения капитал денежного кредитора передается другому лицу как товар, или товар, которым он распоряжается, передается другому лицу как капитал.

Что отчуждается при обычной продаже? Не стоимость проданного товара, так как она только меняет свою форму. Она существует идеально в товаре как цена, прежде чем реально перейти в форме денег в руки продавца. Одна и та же стоимость

и одна и та же величина стоимости меняют здесь только свою форму. В одном случае они существуют в товарной форме, в другом случае — в денежной форме. То, что действительно отчуждается от продавца, а потому переходит в сферу индивидуального или производительного потребления покупателя, — это потребительная стоимость товара, товар как потребительная стоимость.

Что же это за потребительная стоимость, которую денежный капиталист отчуждает на время ссуды и передает промышленному капиталисту, заемщику? Это — потребительная стоимость, которую деньги имеют благодаря тому, что они могут быть превращены в капитал, могут функционировать как капитал и что поэтому они сверх того, что сохраняют свою первоначальную величину стоимости, производят в своем движении определенную прибавочную стоимость, среднюю прибыль (то, что превышает или стоит ниже ее, представляется здесь случайностью). У остальных же товаров потребительная стоимость в конце концов потребляется, при этом исчезает субстанция товара, а с ней и его стоимость. Товар-капитал, напротив, обладает той особенностью, что благодаря потреблению его потребительной стоимости его стоимость и потребительная стоимость не только сохраняются, но еще и увеличиваются.

Эту-то потребительную стоимость денег как капитала — способность производить среднюю прибыль — и отчуждает денежный капиталист промышленному капиталисту на то время, на которое он передает этому последнему право распоряжаться ссудным капиталом.

В этом смысле имеется известная аналогия между деньгами, отданными таким образом в ссуду, и рабочей силой, взятой в ее отношении к промышленному капиталисту. Но только стоимость рабочей силы капиталист оплачивает, тогда как стоимость взятого в ссуду капитала он просто возвращает обратно. Потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста — это способность в процессе ее потребления производить бо̀льшую стоимость (прибыль), чем она сама имеет, производить больше, чем она стоит. Этот избыток стоимости является для промышленного капиталиста потребительной стоимостью рабочей силы. Точно так же потребительной стоимостью ссудного денежного капитала является его способность присоединять и увеличивать стоимость.

Денежный капиталист в действительности отчуждает потребительную стоимость, и вследствие этого то̀, что он отдает, отдается им как товар. И в этом отношении аналогия с товаром как таковым полная. Во-первых, это стоимость, которая пере-

ходит из одних рук в другие. Когда мы имеем дело с простым товаром, товаром как таковым, в руках покупателя и продавца остается одна и та же стоимость, но в различной форме; как до торговой сделки, так и после нее в их руках находится та же стоимость, которую они отчуждали, но только у одного она в товарной форме, у другого — в денежной форме. В случае же ссуды денежный капиталист является единственным лицом, которое при этой сделке отдает стоимость; но он и сохраняет ее благодаря происходящему впоследствии обратному ее возвращению. При ссуде только одна сторона получает стоимость, так как только одна сторона ее отдает. Во-вторых, одна сторона отчуждает действительную потребительную стоимость, другая же сторона получает и потребляет ее. Но в отличие от обыкновенного товара эта потребительная стоимость сама есть стоимость, именно превышение стоимости в сравнении с ее первоначальной величиной, превышение, получающееся вследствие употребления денег как капитала. Прибыль есть эта потребительная стоимость.

Потребительная стоимость ссужаемых денег — это их способность функционировать в качестве капитала и в качестве такового производить при средних условиях среднюю прибыль [57].

Что же платит промышленный капиталист и что, следовательно, является ценой ссудного капитала?

«То, что заемщики платят в качестве процента за занятые деньги», по Масси, «есть часть той прибыли, которую занятые деньги способны принести» [58].

Покупатель обыкновенного товара покупает потребительную стоимость этого товара, а оплачивает его стоимость. Заемщик денег также покупает их потребительную стоимость как капитала; но что он оплачивает? Конечно, не их цену, или стоимость, как при покупке других товаров. Между кредитором и заемщиком не происходит, как между покупателем и продавцом, смены формы стоимости, при которой эта стоимость один раз существует в форме денег, в другой раз — в форме товара. Тождественность отдаваемой и обратно получаемой стоимости проявляется здесь совершенно иным образом. Сумма стоимости, деньги,

---

[57] «Правомерность взимания процента зависит не от того, получает ли заемщик прибыль с занятых им денег или нет, а от того, могут ли эти деньги принести прибыль, если им дать правильное применение». («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest; wherein the Sentiments of Sir W. Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered». London, 1750, p. 49. Автор этого анонимного сочинения — Дж. Масси.)

[58] [Там же, стр. 49.] «Богатые люди, вместо того чтобы самим применять свои деньги... ссужают их другим, чтобы те производили с их помощью прибыль и некоторую часть этой прибыли предоставляли владельцам денег» (там же, стр. 23—24).

отдается без эквивалента и возвращается по истечении известного времени. Кредитор все время остается собственником данной стоимости даже после того, как она из его рук перешла в руки заемщика. При простом обмене товаров деньги всегда находятся на стороне покупателя; при ссуде же деньги находятся на стороне продавца. Он является тем лицом, которое отдает деньги на известное время, а покупатель капитала является тем лицом, которое получает их как товар. Но это возможно лишь постольку, поскольку деньги функционируют как капитал и поэтому авансируются. Заемщик берет взаймы деньги как капитал, как самовозрастающую стоимость. Но сначала это капитал лишь в себе, — подобно всякому капиталу в его исходной точке в момент его авансирования. Только посредством потребления он увеличивает свою стоимость, реализуется как капитал. Но заемщик должен возвратить его как *реализованный* капитал, т. е. как стоимость плюс прибавочная стоимость (процент); а процент может быть только частью реализованной заемщиком прибыли. Частью, а не всей прибылью, так как для заемщика потребительная стоимость взятого взаймы капитала заключается в том, что он производит ему прибыль. В противном случае не происходило бы отчуждения потребительной стоимости со стороны кредитора. С другой стороны, и заемщику не может доставаться вся прибыль, ибо это означало бы, что он ничего не заплатил за отчуждение потребительной стоимости и возвращает кредитору авансированные деньги только как простые деньги, а не как капитал, не как реализованный капитал, потому что реализованным капиталом они являются только как $Д + \Delta Д$.

Оба, и кредитор и заемщик, расходуют одну и ту же денежную сумму как капитал. Но лишь в руках последнего она функционирует как капитал. То обстоятельство, что одна и та же сумма денег двукратно существует как капитал для двух лиц, не удваивает прибыли. Эта сумма может функционировать как капитал для обоих только благодаря тому, что прибыль делится. Та часть, которая достается кредитору, называется процентом.

Предполагается, что вся сделка происходит между капиталистами двух видов, между денежным капиталистом и капиталистом промышленным или торговым.

Никогда не следует забывать, что здесь капитал как капитал есть товар, или что товар, о котором здесь идет речь, есть капитал. Все проявляющиеся здесь отношения были бы поэтому иррациональны, если бы мы имели дело с простым товаром или с капиталом, поскольку последний функционирует в процессе своего воспроизводства как товарный капитал. Давать в ссуду

и брать взаймы вместо того, чтобы продавать и покупать — вот в чем заключается здесь вытекающее из специфической природы товара-капитала различие. Точно так же то, что здесь уплачивается, есть процент, а не цена товара. Если процент назвать ценой денежного капитала, то это будет иррациональной формой цены, совершенно противоречащей понятию цены товара [59]. Цена сведена здесь к своей чисто абстрактной и бессодержательной форме, к такой форме, что это есть определенная сумма денег, которая уплачивается за нечто фигурирующее так или иначе в качестве потребительной стоимости, тогда как цена по своему понятию равна выраженной в деньгах стоимости этой потребительной стоимости.

Процент как цена капитала — выражение с самого начала совершенно иррациональное. Здесь товар имеет двоякую стоимость: во-первых, стоимость и, во-вторых, цену, отличную от этой стоимости, между тем как цена есть денежное выражение стоимости. Денежный капитал прежде всего есть не что иное, как сумма денег или стоимость определенной массы товаров, фиксированная в виде суммы денег. Если в ссуду дается товар как капитал, то он является лишь замаскированной формой денежной суммы. Потому что то, что̀ дается в ссуду как капитал, это — не столько-то фунтов хлопка, а такое-то количество денег, существующее в форме хлопка как стоимость последнего. Цена капитала относится поэтому к нему как к денежной сумме, хотя и не как к «currency», как полагает г-н Торренс (см. выше, примечание 59). Каким же образом сумма стоимости может иметь цену, кроме своей собственной цены, кроме цены, выраженной в ее собственной денежной форме? Ведь цена — это стоимость товара (это одинаково относится и к рыночной цене, отличие которой от стоимости не качественное, а лишь количественное, касающееся лишь величины стоимости) в отличие от его потребительной стоимости. Цена, качественно отличная от стоимости, — это абсурдное противоречие [60].

---

[59] «Выражение стоимость (value) в применении к currency [средствам обращения] имеет три значения... 2) currency actually in hand [средства обращения, фактически находящиеся в руках] в отличие от той же суммы currency, которая должна поступить в один из последующих дней. Кроме того, их стоимость измеряется ставкой процента, а ставка процента определяется отношением между всем капиталом, даваемым в ссуду, и спросом на него» (Полковник *R. Torrens*. «On the Operation of the Bank Charter Act of 1844 etc.». 2nd ed. [London], 1847 [p. 5, 6]).

[60] «Неопределенность термина стоимость денег, или средств обращения, который в одинаковой мере употребляется как с целью обозначения меновой стоимости товаров, так и потребительной стоимости капитала, является постоянным источником путаницы» (*Tooke*. «Inquiry into the Currency Principle», p. 77). — Но Тук не замечает главной путаницы (лежащей в самом существе дела), заключающейся в том, что стоимость как таковая (процент) становится потребительной стоимостью капитала.

Капитал проявляет себя как капитал, увеличивая свою стоимость; степень этого увеличения выражает ту количественную степень, в какой он реализуется как капитал. Произведенная им прибавочная стоимость, или прибыль, — ее норма или высота, — измерима лишь посредством сравнения со стоимостью авансированного капитала. Поэтому большее или меньшее увеличение стоимости капитала, приносящего проценты, тоже измеримо лишь сравнением суммы процента, т. е. той части общей прибыли, которая достается на его долю, со стоимостью авансированного капитала. Если поэтому цена выражает стоимость товара, то процент выражает увеличение стоимости денежного капитала и поэтому выступает как цена, которая уплачивается за него кредитору. Отсюда следует, до чего нелепо с самого начала желание непосредственно приложить сюда простые отношения обмена, купли и продажи, опосредствуемые деньгами, как это делает Прудон. Основное предположение как раз и заключается в том, что деньги функционируют как капитал и поэтому могут быть переданы третьему лицу как капитал в себе, как потенциальный капитал.

Но как товар сам капитал выступает здесь постольку, поскольку он предлагается на рынке и поскольку потребительная стоимость денег действительно отчуждается как капитал. Но его потребительная стоимость заключается в способности производить прибыль. Стоимость денег или товаров как капитала определяется не их стоимостью как денег или товаров, а тем количеством прибавочной стоимости, которое они производят для своего владельца. Продукт капитала есть прибыль. Затрачены ли деньги как деньги или они авансированы как капитал — это на основе капиталистического производства лишь различное применение денег. Деньги, соответственно товар, в себе, потенциально, суть капитал совершенно так же, как и рабочая сила потенциально есть капитал. Потому что 1) деньги могут быть превращены в элементы производства и являются, как это и есть на самом деле, лишь абстрактным выражением элементов производства, их бытием как стоимости, 2) вещественные элементы богатства обладают уже потенциально свойством быть капиталом, так как на основе капиталистического производства имеется налицо дополняющая их противоположность, то, что̀ делает их капиталом, — наемный труд.

Антагонистический общественный характер вещественного богатства — антагонизм этого последнего труду как наемному труду, — обособленного от процесса производства, уже выражен в собственности на капитал как таковой. Уже этот момент, обособленный от самого капиталистического процесса произ-

водства, постоянным результатом которого он является, и как постоянный результат его он есть его постоянная предпосылка, выражается в том, что деньги, а также и товар, в себе, скрыто, потенциально, суть капитал, что они могут быть проданы как капитал и что в этой форме они представляют командование над чужим трудом, предъявляют притязание на присвоение чужого труда, а потому и представляет собой увеличивающуюся стоимость. Здесь же ясно обнаруживается, что основанием и средством для присвоения чужого труда служит не какой-либо труд капиталиста, который был бы эквивалентом, а именно это отношение.

Далее, капитал выступает как товар, поскольку разделение прибыли на процент и собственно прибыль регулируется спросом и предложением, следовательно конкуренцией, совершенно так же, как ими регулируются рыночные цены товаров. Но различие так же бросается здесь в глаза, как и сходство. Если спрос и предложение покрываются, то рыночная цена товара соответствует его цене производства; т. е. в этом случае оказывается, что его цена регулируется внутренними законами капиталистического производства, независимо от конкуренции, так как колебания спроса и предложения не объясняют ничего, кроме отклонений рыночных цен от цен производства, — отклонений, которые взаимно выравниваются, так что за известные более или менее продолжительные периоды средние рыночные цены равны ценам производства. Когда спрос и предложение покрывают друг друга, эти силы перестают действовать, взаимно уничтожаются, и общий закон определения цены выступает тогда как закон и для отдельного случая; рыночная цена тогда соответствует уже в своем непосредственном бытии, а не только как средняя движения рыночных цен, цене производства, которая регулируется имманентными законами самого способа производства. То же с заработной платой. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то действие их уничтожается, и заработная плата равна стоимости рабочей силы. Но иначе обстоит дело с процентом на денежный капитал. Конкуренция определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией, потому что, как мы это еще увидим дальше, не существует никакой «естественной» нормы процента. Под естественной нормой процента понимают, напротив, именно норму, устанавливаемую свободной конкуренцией. «Естественных» границ нормы процента не существует. Там, где конкуренция определяет не только отклонения и колебания, где, следовательно, при равновесии взаимно противодействующих сил

вообще прекращается всякое определение, там определяемое само по себе есть нечто не подверженное закономерности и произвольное. Подробнее об этом в следующей главе.

Когда дело касается капитала, приносящего проценты, то все представляется чем-то внешним: авансирование капитала — простой передачей его кредитором заемщику; возврат реализованного капитала — просто обратной передачей, обратной уплатой капитала с процентами заемщиком кредитору. То же следует сказать и относительно имманентного для капиталистического способа производства определения, именно, что норма прибыли определяется не только отношением той прибыли, которая произведена в продолжение одного оборота, к авансированной капитальной стоимости, но также и продолжительностью самого времени этого оборота, т. е. определяется как прибыль, которую приносит промышленный капитал в определенные промежутки времени. Для капитала, приносящего проценты, это также представляется чем-то совершенно внешним: кредитору просто уплачивается определенный процент за определенный срок.

Романтический Адам Мюллер говорит со своим обычным для него пониманием внутренней связи вещей («Elemente der Staatskunst». Berlin, 1809, [Dritter Theil] S. 138):

«При определении цены вещей не спрашивают о времени; при определении же процента принимается в расчет главным образом время».

Он не видит, каким образом время производства и время обращения входит в определение цены товаров и каким образом именно этим определяется норма прибыли для данного времени оборота капитала, а норма процента определяется как раз прибылью для данного времени. Все его глубокомыслие здесь, как и всегда, заключается лишь в том, что он замечает облака пыли, носящиеся по поверхности, и претенциозно рассуждает об этой пыли, как о чем-то таинственном и значительном.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ. СТАВКА ПРОЦЕНТА. «ЕСТЕСТВЕННАЯ» НОРМА ПРОЦЕНТА

Предмет этой главы, равно как вообще все явления кредита, о которых мы будем говорить ниже, не могут быть исследованы здесь в подробностях. Конкуренция между кредиторами и заемщиками и, как ее результат, сравнительно кратковременные колебания денежного рынка, выходят за пределы нашего рассмотрения. Изображение кругооборота, совершаемого нормой процента на протяжении промышленного цикла, предполагает предварительное изображение самого этого цикла, которое здесь тоже не может быть дано. То же самое относится и к большему или меньшему приблизительному выравниванию ставки процента на мировом рынке. Наша задача заключается здесь лишь в том, чтобы выяснить самостоятельную форму капитала, приносящего проценты, и обособление процента от прибыли.

Так как процент есть просто та часть прибыли, которую, согласно принятому нами до сих пор предположению, промышленный капиталист должен уплачивать денежному капиталисту, то максимальным пределом процента служит сама прибыль, причем часть, достающаяся функционирующему капиталисту, была бы тогда = 0. За исключением отдельных случаев, когда процент фактически может быть больше, чем прибыль, — но тогда он не может уплачиваться из прибыли, — можно было бы, пожалуй, считать максимальным пределом процента всю прибыль минус ту ее часть, которая сводится к плате за надзор (wages of superintendence) и которую нам предстоит рассмотреть впоследствии. Минимальный предел процента совершенно не поддается определению. Он может упасть до какого угодно уровня. Но тогда снова и снова выступают противодействующие обстоятельства и поднимают его выше этого относительного минимума.

«Отношение между суммой, уплаченной за употребление капитала, и самим этим капиталом составляет норму процента, выраженную в деньгах». — «Норма процента зависит 1) от нормы прибыли, 2) от того, в каком отношении распределяется вся прибыль между кредитором и заемщиком» («Economist» [95], 22 января 1853 года). «Если то, что заемщики платят в качестве процента за занятые деньги, есть часть той прибыли, которую занятые деньги способны принести, то уровень процента всегда должен определяться этой прибылью» (Massie. «An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest etc.». London, 1750, p. 49).

Предположим сначала, что существует постоянное соотношение между всей прибылью и той ее частью, которая как процент должна быть уплачена денежному капиталисту. В таком случае ясно, что процент будет повышаться или понижаться вместе со всей прибылью, а последняя определяется общей нормой прибыли и ее колебаниями. Если бы, например, средняя норма прибыли была = 20%, а процент = $^1/_4$ прибыли, то ставка процента была бы = 5%; если бы средняя норма прибыли была = 16%, то процент был бы = 4%. При норме прибыли в 20% процент мог бы подняться до 8%, и промышленный капиталист все же получал бы ту же прибыль, как при норме прибыли = 16% и ставке процента = 4%, а именно 12%. Если бы процент повысился только до 6% или 7%, то промышленный капиталист все же удерживал бы бо̀льшую часть прибыли. Если бы процент равнялся постоянной части средней прибыли, то из этого следовало бы, что, чем выше общая норма прибыли, тем больше абсолютная разница между всей прибылью и процентом, тем больше, следовательно, та часть всей прибыли, которая достается функционирующему капиталисту, и наоборот. Предположим, что процент = $^1/_5$ средней прибыли, $^1/_5$ от 10 дает 2, разница между всей прибылью и процентом = 8; $^1/_5$ от 20 = 4, разница = 20 — 4 = 16; $^1/_5$ от 25 = 5, разница = = 25 — 5 = 20; $^1/_5$ от 30 = 6, разница = 30 — 6 = 24; $^1/_5$ от 35 = 7, разница = 35 — 7 = 28. Различные нормы процента: 4%, 5%, 6%, 7% все время выражали бы здесь только $^1/_5$, или 20%, всей прибыли. Итак, если нормы прибыли различны, то различные нормы процента могут выражать одну и ту же часть всей прибыли, или одну и ту же процентную долю всей прибыли. При таком постоянном отношении процента промышленная прибыль (разность между всей прибылью и процентом) была бы тем больше, чем выше общая норма прибыли, и обратно.

При прочих равных условиях, т. е. если предположить более или менее постоянное отношение между процентом и всей прибылью, функционирующий капиталист будет в состоянии и согласится платить более высокий или низкий процент в пря-

мой зависимости от высоты нормы прибыли [61]. Так как мы видели, что высота нормы прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического производства, то отсюда следует, что более высокая или низкая ставка процента в стране находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития, если только различие ставки процента действительно выражает различие норм прибыли. Позже мы увидим, что так бывает отнюдь не всегда. В этом смысле можно сказать, что процент регулируется прибылью, точнее — общей нормой прибыли. И этот способ его регулирования распространяется даже на его средний уровень.

Во всяком случае среднюю норму прибыли следует рассматривать как конечный максимальный предел процента.

То обстоятельство, что процент следует ставить в соотношение со средней прибылью, мы сейчас рассмотрим подробнее. Когда приходится делить целое данной величины, например прибыль, между двумя лицами, то, конечно, дело зависит прежде всего от величины того целого, которое подлежит разделу, а она, величина прибыли, определяется средней нормой прибыли. Предположим, что дана общая норма прибыли, следовательно, величина прибыли на капитал данной величины, скажем, на 100; тогда изменения процента будут, очевидно, находиться в обратном отношении к изменениям той части прибыли, которая остается в руках функционирующего капиталиста, но работающего со взятым в ссуду капиталом. А обстоятельства, определяющие величину подлежащей распределению прибыли, — новой стоимости, созданной неоплаченным трудом, — весьма отличны от тех, которыми определяется ее распределение между двумя этими родами капиталистов, и часто действуют в совершенно противоположном направлении [62].

Если мы рассмотрим те циклы оборотов, в которых движется современная промышленность, — состояние покоя, возрастающее оживление, процветание, перепроизводство, крах, стагнация, состояние покоя и т. д., циклы, дальнейший анализ которых выходит за пределы нашего исследования, — то мы увидим, что низкая ставка процента в большинстве случаев соответствует периодам процветания или сверхприбыли, повышение

---

[61] «Естественная норма процента определяется прибылью отдельных предприятий» (*Massie*, цит. соч., стр. 51).

[62] В рукописи здесь находится следующая пометка: «В ходе изложения настоящей главы выясняется, что будет все же лучше, прежде чем исследовать законы распределения прибыли, сначала показать, каким образом количественное деление становится качественным. Чтобы перейти к этому от изложения предыдущей главы, не требуется ничего иного, как представить процент сначала в виде некоторой части прибыли, не определяя этой части точнее». *[Ф. Э.]*

процента — переходу от процветания к следующей фазе цикла, а максимум процента, достигающий самых крайних ростовщических размеров, соответствует кризису [63]. С лета 1843 г. определенно наступило процветание; ставка процента, еще весною 1842 г. достигавшая $4^1/_2\%$, весною и летом 1843 г. упала до 2% [64], а в сентябре даже до $1^1/_2\%$ (Gilbart, цит. соч., I, стр. 166); впоследствии, во время кризиса 1847 г., она поднималась до 8% и выше.

Конечно, с другой стороны, низкий процент может совпасть с застоем, а умеренно повышающийся процент — с возрастающим оживлением.

Наибольшей высоты ставка процента достигает во время кризисов, когда, чего бы это ни стоило, приходится брать взаймы для производства платежей. В то же время, — так как повышению процента соответствует понижение курса ценных бумаг, — это дает людям со свободным денежным капиталом превосходный случай приобрести за бесценок такие процентные бумаги, которые при нормальном ходе дел должны снова достигнуть по меньшей мере своей средней цены, как только ставка процента снова понизится [65].

Но существует тенденция к понижению ставки процента, совершенно независимо от колебаний нормы прибыли. И главные причины тому двоякого рода:

I. «Даже если предположить, что капитал никогда не берут взаймы иначе, как для производительного применения, то все же возможно, что ставка процента изменяется без какого-либо изменения нормы валовой прибыли. Ибо по мере того как нация подвигается вперед по пути богатства, возникает и все больше возрастает класс людей, которые благодаря трудам своих предков обладают такими фондами, на одни лишь проценты с которых они могут жить. Точно так же многие из тех, кто в юности и в зрелом возрасте был активно занят предпринимательской деятельностью, отходят от дел, чтобы на старости лет спокойно жить на проценты с тех сумм, которые они сами накопили. Оба эти класса имеют тенденцию увеличиваться с ростом богатства страны, потому что те, кто начинает дело

---

[63] «В первый период, следующий непосредственно после периода угнетения, денег достаточно, спекуляции нет; во второй период денег достаточно, и спекуляция процветает; в третий период спекуляция начинает ослабевать, и люди ищут деньги; в четвертый период деньги редки, и наступает угнетение» (*Gilbart.* «A Practical Treatise on Banking». 5nd ed., vol. I, London, 1849, p. 149).

[64] Тук объясняет это «накоплением дополнительного капитала, необходимо сопровождающим недостаток выгодного применения его в прежние годы, высвобождением денежных запасов и возрождением надежд на процветание торговли» («History of Prices from 1839 to 1847». London, 1848, p. 54).

[65] «Один банкир отказался дать своему старому клиенту ссуду под залог ценных бумаг стоимостью в 200 000 фунтов стерлингов. Когда этот клиент намеревался уже уйти и заявить о прекращении платежей, банкир сказал ему, что он может этого не делать при том условии, если продаст банкиру свои бумаги за 150 000 фунтов стерлингов» ([*H. Roy.*] «The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844». London, 1864, p. 80).

с более или менее значительным капиталом, имеют шансы раньше сколотить себе состояние, чем те, кто начинает дело с небольшим капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение во вновь осваиваемых и бедных странах. Как многочислен класс рантье в Англии! По мере роста класса рантье растет также и класс людей, ссужающих капитал, ибо это одни и те же люди» (Ramsay. «An Essay on the Distribution of Wealth» [Edinburgh, 1836], p. 201—202).

II. Давление на ставку процента должны также оказывать развитие системы кредита, постоянно возрастающая вместе с нею возможность для промышленников и купцов распоряжаться при посредстве банкиров всеми денежными сбережениями всех классов общества и прогрессирующая концентрация этих сбережений в таких размерах, при которых они могут действовать как денежный капитал. Подробнее об этом позже.

Относительно определения нормы процента Рамсей говорит, что она

«зависит частью от нормы валовой прибыли, частью от той пропорции, в какой эта последняя распадается на проценты и предпринимательскую прибыль (profits of enterprise). Эта пропорция зависит от конкуренции между ссужающими и заемщиками капитала; эта конкуренция находится под влиянием предполагаемой нормы валовой прибыли, однако регулируется не только ею [66]. Конкуренция потому не регулируется исключительно предполагаемой нормой валовой прибыли, что, с одной стороны, многие берут взаймы, не имея в виду производительного применения, а, с другой стороны, та доля всего национального капитала, которая отдается взаймы, изменяется с богатством страны независимо от какого бы то ни было изменения валовой прибыли» (Ramsay, там же, стр. 206—207).

Чтобы найти среднюю норму процента, необходимо 1) высчитать среднюю ставку процента по ее изменениям во время крупных промышленных циклов и 2) высчитать ставку процента в таких областях вложения, где капитал ссужается на сравнительно продолжительное время.

Средняя норма процента, господствующая в данной стране, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных ставок, не может быть определена никаким законом. В этой области не существует никакой естественной нормы процента в том смысле, в каком экономисты говорят об естественной норме прибыли и естественной норме заработной платы. Уже Масси вполне правильно замечает по этому поводу:

«Единственное, в чем можно сомневаться в данном случае, — это вопрос — какая часть этой прибыли принадлежит по праву заемщику

[66] Так как ставка процента в общем определяется средней нормой прибыли, то очень часто с низкой ставкой процента могут быть связаны чрезвычайные спекулятивные махинации, как, например, железнодорожные спекуляции летом 1844 года. Учетная ставка Английского банка была повышена до 3% лишь 16 октября 1844 года.

и какая заимодавцу? Определить это вообще могут только те, которые берут ссуды, и те, которые дают их. Ибо определение того, что здесь правильно и что неправильно, является лишь результатом соглашения между людьми» (Massie, цит. соч., стр. 49).

Равенство спроса и предложения — причем средняя норма прибыли предполагается данной — здесь вовсе ничего не значит. В тех случаях, когда вообще прибегают к этой формуле (и в таком случае это правильно и практически), она служит формулой для нахождения основного правила, независимого от конкуренции и, напротив, определяющего ее (формулой для нахождения регулирующих пределов или предельных величин); она служит формулой для тех, кто захвачен практикой конкуренции, ее проявлениями и возникающими отсюда представлениями; формулой, которая помогает прийти хотя бы опять-таки к поверхностному представлению о проявляющейся в конкуренции внутренней связи экономических отношений. Это — способ для того, чтобы от изменений, сопровождающих конкуренцию, прийти к пределам этих изменений. Но он неприложим к средней ставке процента. Нет решительно никакого основания, почему средние условия конкуренции, равновесие между ссужающими и заемщиками должны были бы давать для ссужающего ставку процента в 3%, 4%, 5% и т. д. на его капитал или же определенную часть, 20% или 50% валовой прибыли. В тех случаях, когда здесь решающую роль играет конкуренция как таковая, определение само по себе является случайным, чисто эмпирическим, и надо быть педантом или фантазером, чтобы пытаться представить эту случайность как нечто необходимое [67]. В парламентских отчетах 1857 и 1858 гг. относительно законодательства о банках и о торговом кризисе нет ничего забавнее бесконечной болтовни директоров Англий-

---

[67] Так, например, Дж. Опдайк в работе «A Treatise on Political Economy». New York, 1851 делает в высшей степени неудачную попытку объяснить всеобщность ставки процента в 5% действием вечных законов. Несравненно наивнее рассуждает Карл Арнд в работе «Die Naturgemässe Volkswirthschaft, gegenüber dem Monopoliengeiste und dem Communismus etc.». Hanau, 1845. Здесь можно прочесть следующее: «В ходе естественного созидания материальных благ наблюдается только *одно* явление, которое — во вполне цивилизованных странах — до известной степени как бы призвано регулировать ставку процента: это — то отношение, в котором масса древесины европейских лесов увеличивается вследствие ежегодного прироста. Прирост этот происходит совершенно независимо от их меновой стоимости» (сколь комично говорить о деревьях, что они регулируют свой прирост независимо от их меновой стоимости!) «в пропорции от 3 до 4 на сотню. Поэтому» (т. е. потому, что, сколько бы меновая стоимость деревьев ни зависела от их прироста, прирост этот происходит независимо от их меновой стоимости!) «нельзя ожидать падения ставки процента ниже того уровня, на котором она находится ныне в самых богатых деньгами странах» (стр. 124—125). Это заслуживает названия: «ставка процента, вырастающая в лесу», а ее изобретатель как «философ собачьего налога» [96] снискал себе благодаря этому произведению новые заслуги перед «нашей наукой».

ского банка, лондонских банкиров, провинциальных банкиров и профессиональных теоретиков о «real rate produced» *, причем они не идут дальше общих мест, вроде того, что «цена, уплачиваемая за капитал, который дается в ссуду, должна изменяться с изменением предложения этого капитала», или, что «высокая норма процента и низкая норма прибыли не могут существовать рядом в течение продолжительного времени» и т. п. плоских мест [68]. Привычка, узаконенная традиция, совершенно так же, как и сама конкуренция, влияют на определение средней ставки процента, поскольку она существует не только как среднее число, но и как фактическая величина. Уже во многих юридических тяжбах, при решении которых приходится иметь дело с вычислением процентов, приходится принимать среднюю ставку процента в качестве узаконенной. Но если спросить, почему границы средней ставки процента не могут быть выведены из общих законов, то ответ найдем просто в природе процента. Процент есть только часть средней прибыли. Один и тот же капитал выступает в двояком определении: как ссудный капитал — в руках кредитора, как промышленный или торговый капитал — в руках функционирующего капиталиста. Но функционирует он лишь один раз и сам производит прибыль лишь один раз. В самом процессе производства характер капитала, как капитала ссудного, не играет никакой роли. Что оба лица делят между собой ту прибыль, на которую они имеют притязания, это само по себе такой же чисто эмпирический, относящийся к царству случайностей факт, как процентное распределение общей прибыли какой-нибудь компании между различными ее пайщиками. При делении произведенной стоимости на прибавочную стоимость и заработную плату, на котором существенно основывается определение нормы прибыли, определяющее влияние оказывают два совершенно различных элемента: рабочая сила и капитал; прибавочная стоимость и заработная плата — функции двух независимых переменных, которые взаимно ограничивают друг друга; и из их *качественного различия* происходит *количественное деление* произведенной стоимости. Мы увидим позже, что то же самое происходит при делении прибавочной стоимости на ренту и прибыль. По отношению к проценту

---

* — «реально произведенной норме». *Ред.*

[68] Английский банк повышает и понижает свою учетную ставку, смотря по тому, приливает или отливает золото, хотя, конечно, им всегда принимается во внимание ставка, господствующая на свободном рынке. «Благодаря этому игра на учетную ставку в ожидании ее изменений сделалась теперь одним из главных занятий крупных капиталистов денежного центра», — т. е. лондонского денежного рынка ([*H. Roy.*] «The Theory of the Exchanges etc.», p. 113).

не происходит ничего подобного. Здесь *качественное различие,* наоборот, происходит, как мы сейчас увидим, из *чисто количественного деления* одной и той же части прибавочной стоимости.

Из всего вышеизложенного следует, что нет никакой «естественной» нормы процента. Но если, с одной стороны, границы средней ставки процента, в противоположность общей норме прибыли, или границы средней нормы процента, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных норм процента, не могут быть установлены каким-либо общим законом, — так как здесь речь идет лишь о делении валовой прибыли под различными титулами между двумя владельцами капитала, — то, наоборот, ставка процента, как средняя, так и ее рыночная величина, в каждом конкретном случае выступает в качестве равномерной, определенной и осязательной величины совершенно иначе, чем это имеет место при общей норме прибыли [69].

Ставка процента относится к норме прибыли так же, как рыночная цена товара к его стоимости. Поскольку ставка процента определяется нормой прибыли, она всегда определяется общей нормой прибыли, а не частными нормами прибыли, которые могут господствовать в отдельных отраслях промышленности, и тем более не добавочной прибылью, которую отдельный капиталист может получить в какой-нибудь особой сфере предпринимательства [70]. Поэтому общая норма прибыли в действительности проявляется как эмпирический, данный факт в средней ставке процента, хотя последняя не представляет собой чистого или достаточно надежного выражения первой.

---

[69] «Цена товаров колеблется постоянно; все они предназначены для различного рода потребления; деньги же служат для всякой цели. Товары, даже одного и того же рода, различаются по качеству; наличные деньги обладают всегда одинаковой стоимостью или должны обладать таковой. Отсюда следует, что цена денег, обозначаемая словом «процент», обладает бóльшим постоянством и равномерностью, чем цена всякого другого предмета» (*J. Steuart.* «Recherche des principes de l'économie politique». Paris, 1789, IV, p. 27).

[70] «Однако это правило деления прибыли применимо не к каждому отдельному заимодавцу и заемщику, а только к заимодавцам и заемщикам вообще... Исключительно большие и исключительно малые прибыли являются соответственно наградой за предприимчивость и расплатой за непредусмотрительность, до которых заимодавцам нет решительно никакого дела; ибо подобно тому как эти последние не несут убытка от указанной непредусмотрительности, так они не должны пользоваться выгодой и от указанной предприимчивости. И то, что здесь сказано об отдельных людях в одной и той же отрасли торговли или промышленности, верно и в применении к отдельным отраслям торговли или промышленности. Если купцы и промышленники, занятые в какой-либо отрасли промышленности, получают при помощи взятого в ссуду капитала больше, чем обычную прибыль, которую производят другие купцы и промышленники в той же самой стране, то экстраординарная прибыль принадлежит им, хотя бы для получения ее требовались лишь обычная предприимчивость и предусмотрительность, а не принадлежит заимодавцам, ссудившим деньги... заимодавцы не ссудили бы своих денег какому-нибудь промышленному или торговому предприятию на более льготных условиях, чем обычная норма процента, поэтому они не должны получать больше этого, какова бы ни была прибыль, полученная при помощи их денег» (*Massie*, цит. соч., стр. 50, 51).

Правда, ставка процента сама постоянно меняется в зависимости от рода обеспечения, представляемого различными категориями заемщиков, и от продолжительности займа; но для каждой такой категории она едина во всякий данный момент. Следовательно, это различие не нарушает характера постоянства и единообразия ставки процента [71].

Средняя ставка процента является в каждой стране для более или менее продолжительных периодов постоянной величиной, так как общая норма прибыли, несмотря на постоянное изменение отдельных норм прибыли, изменяется лишь в сравнительно продолжительные периоды времени, причем изменение в одной сфере уравновешивается противоположным изменением в другой. И относительное постоянство общей нормы прибыли проявляется как раз в этом более или менее постоянном характере средней ставки процента (average rate or common rate of interest).

Что касается постоянно колеблющейся рыночной ставки процента, то для каждого момента она, подобно рыночной цене товаров, является определенной величиной, потому что на денежном рынке весь ссудный капитал постоянно противостоит функционирующему капиталу как единая масса, и, следовательно, отношение между предложением ссудного капитала, с одной стороны, и спросом на него, с другой, всякий раз определяет рыночный уровень процента. Это происходит в тем большей мере, чем более развитие кредитного дела и связанная с ним концентрация его придают ссудному капиталу всеобщий общественный характер и сразу, одновременно выбрасывают его на денежный рынок. Напротив, общая норма прибыли всегда существует лишь как тенденция, как движение к выравниванию отдельных норм прибыли. Конкуренция капиталистов, — которая как раз и является этим движением к выравниванию, — заключается здесь в том, что она постепенно отвлекает капитал от тех сфер, в которых прибыль долгое время

---

[71]

Учетная ставка банка	5%
Рыночная учетная ставка для двухмесячных векселей	$3\frac{5}{8}\%$
Рыночная учетная ставка для трехмесячных векселей	$3\frac{1}{2}\%$
Рыночная учетная ставка для шестимесячных векселей	$3\frac{5}{16}\%$
Ссуды вексельным маклерам на день	1—2%
Ссуды вексельным маклерам на неделю	3%
Последний учетный процент по двухнедельным займам биржевым маклерам	$4\frac{3}{4}$—5%
Проценты по вкладам (банки)	$3\frac{1}{2}\%$
Проценты по вкладам (учетные дома)	3—$3\frac{1}{4}\%$

Как велика может быть эта разница на протяжении одного и того же дня, показывают вышеприведенные ставки процента на лондонском денежном рынке 9 декабря 1889 г., взятые из статьи в «Daily News» [97] от 10 декабря о положении в Сити. Минимум равняется 1%, максимум 5%. *[Ф. Э.]*

стоит ниже среднего уровня, и так же постепенно привлекает его к тем сферам, в которых она превышает средний уровень; или также в том, что дополнительный капитал мало-помалу в различных пропорциях распределяется между этими сферами. По отношению к этим различным сферам это — постоянные колебания прилива и отлива капитала, а отнюдь не одновременное действие всей массы капитала, как при определении ставки процента.

Мы видели, что капитал, приносящий проценты, хотя и является абсолютно отличной от товара категорией, становится товаром sui generis * и поэтому процент становится его ценой, которая, подобно рыночной цене обычных товаров, каждый раз фиксируется спросом и предложением. Поэтому рыночная процентная ставка, хотя она постоянно колеблется, является в каждый данный момент настолько же определенной и единой, как рыночная цена товара в каждом конкретном случае. Денежные капиталисты доставляют этот товар, а функционирующие капиталисты покупают его, создают спрос на него. При выравнивании прибыли в общую норму прибыли этого не бывает. Если цены товаров в какой-нибудь сфере стоят выше или ниже цены производства (причем оставляются в стороне колебания, свойственные каждому роду коммерческой деятельности и связанные с различными фазами промышленного цикла), то выравнивание совершается посредством расширения или сокращения производства, т. е. посредством увеличения или уменьшения товарных масс, выбрасываемых на рынок промышленным капиталом благодаря приливу и отливу капитала в отдельных сферах производства. Достигаемое таким образом выравнивание средних рыночных цен товаров в цены производства вносит коррективы в отклонения отдельных норм прибыли от общей или средней нормы прибыли. Этот процесс никогда не носит и никогда не может носить такого характера, чтобы промышленный или торговый капитал *как таковой* являлся, подобно капиталу, приносящему проценты, товаром по отношению к покупателю. Поскольку этот процесс проявляется, он проявляется лишь в колебаниях и выравнивании рыночных цен товаров по ценам производства, а не как непосредственное установление средней прибыли. В действительности, общая норма прибыли определяется 1) прибавочной стоимостью, которую производит совокупный капитал, 2) отношением этой прибавочной стоимости к стоимости совокупного капитала и 3) конкуренцией, но лишь постольку, поскольку она есть движение, посредством

* — особого рода. *Ред.*

которого капиталы, вложенные в отдельные сферы производства, стремятся извлечь из этой прибавочной стоимости по сравнению с величиной этих капиталов относительно одинаковые дивиденды. Таким образом, общая норма прибыли действительно определяется совершенно иными и более сложными причинами, чем рыночная ставка процента, прямо и непосредственно определяемая отношением между спросом и предложением, и потому не является очевидным и непосредственно данным фактом, как ставка процента. Особые нормы прибыли в различных сферах производства сами более или менее неопределенны; но, поскольку они проявляются, проявляется не единообразие их, а различие. Общая же норма прибыли сама выступает лишь в качестве минимального предела прибыли, а не как эмпирическая, непосредственно воспринимаемая форма действительной нормы прибыли.

Отмечая это различие между ставкой процента и нормой прибыли, мы еще оставляем в стороне следующие два обстоятельства, способствующие упрочению ставки процента: 1) что исторически уже до этого существовал капитал, приносящий проценты, и была налицо традиционная общая ставка процента; 2) что мировой рынок, независимо от условий производства данной страны, оказывает гораздо большее непосредственное влияние на установление ставки процента, чем то влияние, которое он оказывает на норму прибыли.

Средняя прибыль выступает не как непосредственно данный факт, а как конечный результат выравнивания противоположных колебаний, который можно установить лишь при помощи исследования. Иначе обстоит дело со ставкой процента. При своей общепризнанности, по крайней мере в пределах известной местности, ставка процента является ежедневно фиксируемым фактом, таким фактом, который даже служит промышленному и торговому капиталу в их операциях предпосылкой и специальной статьей при калькуляции. Она становится общей способностью всякой денежной суммы, равной 100 ф. ст., принести 2, 3, 4, 5 фунтов стерлингов. Метеорологические бюллетени отмечают положение барометра не с большей точностью, чем биржевые бюллетени — уровень ставки процента не для того или иного капитала, а для каждого находящегося на денежном рынке капитала, т. е. вообще для ссудного капитала.

На денежном рынке противостоят друг другу лишь кредитор и заемщик. Товар имеет одну и ту же форму — форму денег. Здесь стерты все особые формы капитала, которые капитал принимает в зависимости от того, в какую особую сферу

производства или обращения он вложен. Капитал существует здесь в лишенной различий, равной себе самой форме самостоятельной стоимости, в форме денег. Здесь уже нет более места конкуренции между различными сферами; все они вместе выступают как заемщики денег, и капитал противостоит им всем тоже в такой форме, в которой он еще безразличен к определенному роду и способу своего применения. Если промышленный капитал только в движении и конкуренции между отдельными сферами проявляет *себя* как *общий капитал всего класса,* то здесь капитал всей своей массой действительно выступает как общий капитал всего класса в спросе и предложении капитала. С другой стороны, денежный капитал на денежном рынке действительно обладает такой формой, в которой он, как общий элемент, безразличный к особому способу его применения, распределяется между различными сферами, среди класса капиталистов, соответственно потребностям производства каждой отдельной сферы. К тому же с развитием крупной промышленности денежный капитал, поскольку он появляется на рынке, все в большей мере представлен не отдельным капиталистом, собственником той или иной частицы находящегося на рынке капитала, а выступает как концентрированная, организованная масса, которая совершенно иначе, чем реальное производство, стоит под контролем банкиров, являющихся представителями общественного капитала. Таким образом, поскольку дело касается формы спроса, ссудному капиталу противостоит класс в его целом; что же касается предложения, то он сам выступает en masse * как ссудный капитал.

Таковы некоторые из тех причин, в силу которых общая норма прибыли кажется расплывающимся миражем по сравнению с определенной ставкой процента, величина которой, правда, колеблется, однако, поскольку она колеблется одинаково для всех заемщиков, то она всегда противостоит им как фиксированная данная величина. Подобно тому как изменение стоимости денег не препятствует им иметь по отношению ко всем товарам одинаковую стоимость; подобно тому как ежедневные колебания рыночных цен товаров не мешают ежедневной котировке этих товаров, так и колебания их процентной ставки не мешают столь же регулярно отмечать ее в котировках в качестве «цены денег». Это происходит потому, что сам капитал здесь в качестве товара предлагается в денежной форме; поэтому фиксация его цены, как и у всех других товаров, есть фиксация его рыночной цены; поэтому ставка процента всегда

---

* — во всей своей массе. *Ред.*

является общей ставкой процента, количественно определенной, как такое-то количество денег за такое-то количество денег. Напротив, норма прибыли даже в пределах одной и той же сферы при одинаковых рыночных ценах товаров может быть различна в зависимости от различия условий, при которых одни и те же товары производятся отдельными капиталами, потому что норма прибыли отдельного капитала определяется не рыночной ценой товара, а разницей между рыночной ценой и издержками производства. И эти различные нормы прибыли могут выравниваться сначала в пределах одной и той же сферы производства, а затем между различными сферами лишь посредством постоянных колебаний.

(Заметка для позднейшей разработки.) Особая форма кредита: Известно, что если деньги функционируют как средство платежа, а не как покупательное средство, то товар отчуждается, но его стоимость реализуется лишь впоследствии. Если платеж совершается уже после того, как товар снова продан, то эта продажа является не следствием купли, а, напротив, купля реализуется продажей. Или продажа становится средством купли. Во-вторых: долговые обязательства, векселя и т. д. становятся для кредиторов средствами платежа. В-третьих, компенсация долговых обязательств заменяет деньги.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД

Процент, как мы это видели в двух предыдущих главах, появляется первоначально, есть первоначально и остается в действительности не чем иным, как той частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, поскольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплатить собственнику и кредитору этого капитала. Если капиталист применяет только собственный капитал, то такого деления прибыли не происходит; эта последняя целиком принадлежит ему. В самом деле, раз собственники капитала сами же применяют его в процессе воспроизводства, они не принимают участия в конкуренции, определяющей ставку процента, и уже в этом сказывается, насколько категория процента, невозможная без определения ставки процента, сама по себе чужда движению промышленного капитала.

«Ставка процента может быть определена как та пропорциональная сумма, которой довольствуется кредитор и которую платит заемщик за пользование известной суммой денежного капитала в течение года или иного более продолжительного или более короткого периода... в тех случаях, когда собственник капитала действительно применяет его для воспроизводства, он не принадлежит к числу тех капиталистов, отношением которых к числу заемщиков определяется ставка процента» (Th. Tooke. «A History of Prices etc. from 1793 to 1837». Vol. II, London, 1838, p. 355—356).

В самом деле, только разделение капиталистов на денежных капиталистов и промышленных капиталистов превращает часть прибыли в процент, вообще создает категорию процента, и только конкуренция между этими двумя видами капиталистов создает ставку процента.

Пока капитал функционирует в процессе воспроизводства, — даже при том предположении, что он принадлежит самому промышленному капиталисту, которому поэтому не приходится

возвращать его кредитору, — до тех пор в распоряжении капиталиста как частного лица находится не самый этот капитал, а лишь прибыль, которую он может расходовать как доход. Пока его капитал функционирует как капитал, он принадлежит процессу воспроизводства, закреплен в нем. Хотя промышленный капиталист и является его собственником, но эта собственность не дает ему возможности до тех пор, пока он пользуется капиталом как капиталом для эксплуатации труда, одновременно располагать им и еще каким-нибудь способом. Совершенно так же обстоит дело и с денежным капиталистом. Пока его капитал находится в ссуде и потому функционирует как денежный капитал, он приносит ему проценты, часть прибыли, но основной суммой капиталист не может располагать. Это обнаруживается всякий раз, когда капиталист отдает свой капитал в ссуду, например на год или на несколько лет, и через известные сроки получает проценты, не получая обратно капитала. Но даже возвращение капитала нисколько не меняет дела. Получая его обратно, капиталист всегда должен снова отдавать его в ссуду, если желает сохранить для себя его действие как капитала, в данном случае, денежного капитала. Пока капитал находится в его руках, он не приносит процентов и не действует как капитал; а пока он приносит проценты и действует как капитал, он находится не в его руках. Отсюда возможность ссужать капитал на вечные времена. Поэтому совершенно неправильны следующие замечания Тука против Бозанкета. Он цитирует Бозанкета («Metallic, Paper, and Credit Currency». London, 1842, p. 73):

«Если бы ставка процента была понижена до 1%, то взятый в ссуду капитал был бы почти равнозначен (on a par) собственному капиталу».

Тук дает здесь следующее пояснение:

«Что капитал, взятый в ссуду из такого или даже меньшего процента, может хотя бы приблизительно быть равнозначным собственному капиталу, — это настолько странное утверждение, что вряд ли оно заслуживало бы серьезного внимания, если бы не исходило от столь умного и хорошо осведомленного по отдельным пунктам темы автора. Неужели он упустил из виду или считал не имеющим большого значения то обстоятельство, что предпосылкой ссудного капитала является обратная уплата?» (Th. Tooke. «An Inquiry into the Currency Principles». 2nd ed., London, 1844, p. 80).

Если бы процент был = 0, то промышленный капиталист, взявший капитал в ссуду, оказался бы в одинаковом положении с тем капиталистом, который работает с собственным капиталом. Оба получали бы одинаковую среднюю прибыль, а капитал

функционирует как капитал, будь то заемный или собственный, лишь постольку, поскольку он производит прибыль. То условие, что капитал должен быть возвращен, ничего не изменило бы в этом. Чем больше ставка процента приближается к нулю, т. е., например, понижается до 1%, тем больше капитал, взятый в ссуду, становится в одинаковое положение с собственным капиталом. До тех пор пока денежный капитал должен существовать как денежный капитал, он все время должен снова и снова отдаваться в ссуду, и притом из существующего процента, скажем из 1%, и все время одному и тому же классу промышленных и торговых капиталистов. Пока последние функционируют как капиталисты, различие между тем, кто функционирует при помощи заемного капитала, и тем, кто функционирует с собственным капиталом, заключается лишь в том, что один должен уплачивать проценты, а другой — нет; один кладет себе в карман всю прибыль p, а другой $p - z$, прибыль минус процент; чем больше z приближается к нулю, тем больше $p - z$ приближается к p, и, следовательно, тем больше оба капиталиста становятся в одинаковое положение. Один должен возвращать капитал и снова занимать; а другой, раз его капитал должен функционировать, тоже постоянно должен вновь авансировать капитал для процесса производства и не может располагать им иначе, как только для этого процесса. Впрочем, остается еще одно само собой понятное различие, заключающееся в том, что один из этих капиталистов — собственник своего капитала, а другой — нет.

Теперь возникает вопрос: каким образом это чисто количественное деление прибыли на чистую прибыль и процент переходит в качественное? Другими словами, каким образом капиталист, применяющий лишь свой собственный, а не заемный капитал, тоже относит часть своей валовой прибыли в особую категорию процента и особо исчисляет его как таковой? И, далее, каким образом в связи с этим всякий капитал, — заемный или нет, — как капитал, приносящий проценты, отличается от себя самого как приносящего чистую прибыль?

Известно, что не всякое случайное количественное деление прибыли такого рода превращается в качественное. Например, несколько промышленных капиталистов объединяются для ведения предприятия и затем распределяют между собой прибыль согласно юридически закрепленному договору. Другие ведут свое предприятие самостоятельно, без компаньонов. Эти другие не исчисляют своей прибыли по двум категориям, одну часть как индивидуальную прибыль, другую как прибыль компании для несуществующих компаньонов. Следовательно, в этом случае

количественное деление не превращается в качественное. Деление происходит в том случае, когда собственник состоит из нескольких юридических лиц; оно не имеет места, когда этого нет.

Чтобы дать ответ на вопрос, нам придется несколько дольше остановиться на действительном исходном пункте образования процента; т. е. необходимо исходить из предположения, что денежный капиталист и производительный капиталист действительно противостоят друг другу не только как юридически разные лица, но и как лица, играющие совершенно различные роли в процессе воспроизводства, или как лица, в руках которых один и тот же капитал действительно совершает двоякое и совершенно различное движение. Один лишь отдает капитал в ссуду, другой производительно его применяет.

Для производительного капиталиста, работающего при помощи заемного капитала, валовая прибыль распадается на две части: процент, который он должен заплатить кредитору, и избыток сверх процента, составляющий его собственную долю в прибыли. Если общая норма прибыли дана, то эта последняя часть определяется ставкой процента; если дана ставка процента, то эта часть определяется общей нормой прибыли. И далее: как бы валовая прибыль, действительная величина стоимости всей прибыли, ни отклонялась в каждом конкретном случае от средней прибыли, та ее часть, которая принадлежит функционирующему капиталисту, определяется процентом, так как этот последний фиксируется общей ставкой процента (если оставить в стороне случаи особых юридических договоров) и предполагается как величина данная, прежде чем начнется процесс производства, т. е. прежде чем будет получен его результат, валовая прибыль. Мы видели, что действительный специфический продукт капитала есть прибавочная стоимость, или, точнее, прибыль. Но для капиталиста, работающего при помощи заемного капитала, этот продукт не прибыль, а прибыль минус процент, т. е. часть прибыли, остающаяся у него по уплате процента. Таким образом эта часть прибыли необходимо представляется ему продуктом капитала, поскольку этот капитал функционирует; по отношению к нему так оно и есть в действительности, потому что он — представитель капитала лишь как функционирующего капитала. Он — персонификация капитала, поскольку капитал функционирует, а функционирует он постольку, поскольку вложен в промышленность или в торговлю таким образом, что приносит прибыль, и поскольку применяющий его капиталист совершает с ним те операции, которых требует данная отрасль предпринимательства. В противоположность проценту, который он должен выплачивать

из валовой прибыли кредитору, приходящаяся на его долю остальная часть прибыли необходимо принимает, таким образом, форму промышленной, соответственно торговой, прибыли, или, употребляя выражение, охватывающее и ту и другую, принимает форму предпринимательского дохода. Если валовая прибыль равна средней прибыли, то величина этого предпринимательского дохода будет определяться исключительно ставкой процента. Если валовая прибыль отклоняется от средней прибыли, то разность между нею и средней прибылью (за вычетом из той и другой процента) определяется всеми теми конъюнктурными моментами, которые вызывают временное отклонение, — или отклонение нормы прибыли в отдельной сфере производства от общей нормы прибыли, или же отклонение той прибыли, которую получает отдельный капиталист в определенной сфере, от средней прибыли этой особой сферы. Но мы видели, что норма прибыли в самом процессе производства зависит не только от прибавочной стоимости, но и от многих других обстоятельств: от покупной цены средств производства, от методов производства, более производительных, чем средние, от экономии постоянного капитала и т. д. И если оставить в стороне цену производства, то норма прибыли зависит от особых конъюнктурных моментов, а в каждой отдельной предпринимательской сделке от большей или меньшей ловкости и предприимчивости капиталиста, от того, насколько покупает или продает капиталист выше или ниже цены производства, от того, следовательно, присваивает ли он себе в процессе обращения бо̀льшую или меньшую часть совокупной прибавочной стоимости. Но во всяком случае количественное деление валовой прибыли превращается здесь в качественное, тем более, что само количественное деление зависит от того, *что* подлежит делению, *как* хозяйничает активный капиталист при помощи капитала и какую валовую прибыль он приносит ему как функционирующий капитал, т. е. вследствие функций капиталиста как активного капиталиста. Функционирующий капиталист предполагается здесь не собственником капитала. Собственность на капитал представлена по отношению к нему кредитором, денежным капиталистом. Таким образом, процент, который функционирующий капиталист уплачивает ему, является частью валовой прибыли, приходящейся на долю собственности на капитал, на долю этой собственности как таковой. В противоположность этому часть прибыли, приходящаяся на долю активного капиталиста, представляется теперь в виде предпринимательского дохода, вытекающего исключительно из операций или функций, которые он совершает в процессе воспроизвод-

ства при помощи капитала, следовательно, специально из тех функций, которые выполняет он как предприниматель в промышленности или торговле. Следовательно, по отношению к нему процент представляется просто плодом собственности на капитал, плодом капитала самого по себе, абстрагированного от процесса воспроизводства капитала, плодом капитала, поскольку он «не работает», не функционирует; между тем предпринимательский доход представляется ему исключительно плодом тех функций, которые он совершает с капиталом, плодом движения и процессирования капитала, такого процессирования, которое представляется активному капиталисту теперь как его собственная деятельность в противоположность бездеятельности, неучастию денежного капиталиста в процессе производства. Это качественное разграничение двух частей валовой прибыли, заключающееся в том, что процент есть плод капитала самого по себе, плод собственности на капитал, независимо от процесса производства, а предпринимательский доход — плод процессирующего капитала, капитала действующего в процессе производства, а потому плод той активной роли, которую лицо, применяющее капитал, играет в процессе воспроизводства, — это качественное разграничение отнюдь не является лишь субъективным представлением денежного капиталиста в одном случае, промышленного капиталиста в другом. Оно основывается на объективном факте, потому что процент притекает к денежному капиталисту, кредитору, являющемуся просто собственником капитала, т. е. просто представителем собственности на капитал до процесса производства и вне процесса производства; предпринимательский же доход притекает только к функционирующему капиталисту, не собственнику капитала.

Как для промышленного капиталиста, поскольку он работает с заемным капиталом, так и для денежного капиталиста, поскольку он не сам применяет свой капитал, чисто количественное деление валовой прибыли между двумя различными лицами, имеющими различные юридические титулы на один и тот же капитал, а потому и на произведенную им прибыль, превращается в качественное деление. Одна часть прибыли представляется теперь плодом, который сам по себе причитается капиталу в *одном* определении последнего, в виде процента; другая часть представляется специфическим плодом капитала в другом, противоположном определении, и потому представляется предпринимательским доходом; одна представляется исключительно продуктом собственности на капитал, другая — продуктом исключительно функционирования с этим

капиталом, продуктом процессирующего капитала, или продуктом тех функций, которые выполняет активный капиталист. И эта кристаллизация и взаимное обособление обеих частей валовой прибыли, как если бы они происходили из двух существенно различных источников, должны теперь установиться для всего класса капиталистов и для всего капитала. При этом безразлично, получен ли капитал, применяемый активным капиталистом, в ссуду или нет, применяется ли капитал, принадлежащий денежному капиталисту, им самим или нет. Прибыль от всякого капитала, а следовательно и средняя прибыль, основывающаяся на выравнивании капиталов между собой, распадается или может быть разложена на две качественно различные, взаимно самостоятельные и не зависимые друг от друга части, процент и предпринимательский доход, из которых каждая определяется особыми законами. Капиталист, работающий с собственным капиталом, точно так же, как тот, который работает с заемным капиталом, делит свою валовую прибыль на процент, который полагается ему как собственнику, как кредитору, ссудившему свой собственный капитал самому себе, и на предпринимательский доход, причитающийся ему как активному, функционирующему капиталисту. Таким образом, для этого деления, как качественного, не имеет значения, должен ли капиталист действительно поделиться с другим капиталистом или нет. Тот, кто применяет капитал, если даже он работает с собственным капиталом, распадается на два лица: простого собственника капитала и лицо, применяющее капитал; сам его капитал по отношению к приносимым им категориям прибыли распадается на капитал-*собственность,* капитал *вне* процесса производства, сам по себе приносящий процент, и на капитал в процессе производства, который, как капитал, совершающий процесс, приносит предпринимательский доход.

Итак, процент закрепляется таким образом, что выступает теперь не как безразличное для производства деление валовой прибыли, имеющее место лишь в том случае, когда промышленник работает при помощи заемного капитала. Даже когда он работает с собственным капиталом, его прибыль распадается на процент и предпринимательский доход. Вместе с тем чисто количественное деление становится качественным; оно имеет место независимо от того случайного обстоятельства, является ли промышленник собственником своего капитала или нет. Это не только части прибыли, распределяемые между разными лицами, но две различные категории прибыли, которые стоят в различном отношении к капиталу, т. е. относятся к различным определенным формам капитала.

Теперь очень ясными становятся причины, благодаря которым это деление валовой прибыли на процент и предпринимательский доход, раз оно сделалось качественным, сохраняет этот характер качественного деления для всего капитала и для всего класса капиталистов.

Во-первых: это вытекает уже из того простого эмпирического обстоятельства, что большинство промышленных капиталистов, хотя и в различной мере, работает при помощи как собственного, так и заемного капитала и что отношение между собственным и заемным капиталом в различные периоды изменяется.

Во-вторых: превращение одной части валовой прибыли в форму процента превращает другую ее часть в предпринимательский доход. В самом деле, этот последний есть лишь та противоположная форма, которую принимает избыток валовой прибыли над процентом, когда процент существует как особая категория. Все исследование вопроса, каким образом валовая прибыль дифференцируется на процент и предпринимательский доход, сводится просто к исследованию того, каким образом часть валовой прибыли вообще кристаллизуется и приобретает самостоятельное существование в виде процента. Но капитал, приносящий проценты, исторически существует как готовая, старинная форма, а потому и процент как готовая форма прибавочной стоимости, произведенной капиталом, существует уже задолго до появления капиталистического способа производства и соответствующих ему представлений о капитале и прибыли. Поэтому и до сих пор денежный капитал, капитал, приносящий проценты, все еще остается в народном представлении капиталом как таковым, капиталом par excellence *. Отсюда же, с другой стороны, и то господствовавшее до времени Масси представление, будто процентом оплачиваются деньги как таковые. То обстоятельство, что данный в ссуду капитал приносит процент независимо от того, применяется ли он в действительности как капитал или нет, — он приносит процент даже в том случае, если он взят в ссуду в целях потребления, — укрепляет представление о самостоятельности этой формы капитала. Лучшее подтверждение той самостоятельности, с какой в первые периоды капиталистического способа производства процент выступает по отношению к прибыли, а приносящий проценты капитал — по отношению к промышленному капиталу, заключается в том, что лишь в середине XVIII века был открыт (Масси, а затем Юмом [98]) тот факт, что

* — по преимуществу. *Ред.*

процент есть просто часть валовой прибыли, и что вообще приходилось делать такое открытие.

В-третьих: работает ли промышленный капиталист с собственным или с заемным капиталом, это ничего не изменяет в том обстоятельстве, что ему противостоит класс денежных капиталистов как особый вид капиталистов, денежный капитал как самостоятельный вид капитала и процент как соответствующая этому особому капиталу самостоятельная форма прибавочной стоимости.

Качественно процент есть прибавочная стоимость, которую доставляет просто собственность на капитал, которую капитал приносит сам по себе, хотя его собственник остается вне процесса воспроизводства, которую капитал, следовательно, дает обособленно от своего процесса.

Количественно часть прибыли, образующая процент, представляется так, как будто она связана не с промышленным и торговым капиталом как таковым, а с денежным капиталом, и норма этой части прибавочной стоимости, норма процента, или ставка процента, закрепляет такое отношение. Потому что, во-первых, ставка процента — несмотря на свою зависимость от общей нормы прибыли — определяется самостоятельно, и, во-вторых, подобно рыночной цене товаров, она, в противоположность неуловимой норме прибыли, выступает как устойчивое, при всех переменах единообразное, очевидное и всегда данное отношение. Если бы весь капитал находился в руках промышленных капиталистов, то не существовало бы ни процента, ни ставки процента. Самостоятельной формой, которую принимает количественное деление валовой прибыли, порождается качественное деление. Если сравнить промышленного капиталиста с денежным капиталистом, то первого отличает от второго лишь предпринимательский доход как избыток валовой прибыли над средним процентом, который выступает благодаря ставке процента в качестве эмпирически данной величины. Если же, с другой стороны, сравнить того же промышленного капиталиста с промышленным капиталистом, который хозяйствует при помощи собственного, а не заемного капитала, то этот последний капиталист будет отличаться от него лишь как денежный капиталист, так как он кладет процент в свой карман, вместо того чтобы его выплачивать. В обоих случаях часть валовой прибыли, отличная от процента, представляется ему предпринимательским доходом, а самый процент — прибавочной стоимостью, которую капитал дает сам по себе и которую он поэтому стал бы давать и без производительного применения.

По отношению к отдельному капиталисту это практически верно. От его усмотрения зависит, ссудить ли свой капитал в качестве капитала, приносящего проценты, или самостоятельно увеличивать его стоимость, применяя его в качестве производительного капитала, причем безразлично, существует ли данный капитал уже в своей исходной точке как денежный капитал или же его еще приходится превращать в денежный капитал. Но в общем масштабе, т. е. в применении ко всему общественному капиталу, — как то делают некоторые вульгарные экономисты, выдавая даже самое владение денежным капиталом за основание прибыли, — это, конечно, нелепо. Превращение всего капитала в денежный капитал без людей, покупающих и использующих для увеличения стоимости средства производства, в форме которых существует весь капитал, за исключением относительно небольшой его части, существующей в виде денег, конечно, представляет собой нелепость. Еще большей нелепостью будет предполагать, что на основе капиталистического способа производства капитал может приносить процент, не функционируя как производительный капитал, т. е. не создавая прибавочной стоимости, частью которой и является процент, что капиталистический способ производства может совершать свой путь без капиталистического производства. Если бы непомерно большая часть капиталистов захотела превратить свой капитал в денежный капитал, то следствием этого было бы чрезмерное обесценение денежного капитала и чрезвычайное падение ставки процента; многие немедленно оказались бы не в состоянии жить на свои проценты и таким образом были бы вынуждены снова превратиться в промышленных капиталистов. Но, как уже сказано, каждый отдельный капиталист думает именно так. Поэтому, даже хозяйствуя с собственным капиталом, он необходимо рассматривает ту часть своей средней прибыли, которая равна среднему проценту, как продукт своего капитала как такового, получающийся независимо от процесса производства; и в противоположность этой части, обособившейся в виде процента, он рассматривает избыток валовой прибыли над процентом просто как предпринимательский доход.

В-четвертых: {Пробел в рукописи}.

Итак, оказалось, что та часть прибыли, которую функционирующий капиталист должен уплачивать простому собственнику взятого в ссуду капитала, превращается в самостоятельную форму той части прибыли, которую приносит под названием процента всякий капитал как таковой, взят ли он в ссуду или нет. Величина этой части зависит от высоты средней ставки

процента. На происхождение ее теперь указывает лишь то, что функционирующий капиталист, поскольку он является собственником своего капитала, не конкурирует — по крайней мере активно — в определении ставки процента. Чисто количественное деление прибыли между двумя лицами, имеющими различные юридические титулы на нее, превратилось в качественное деление, которое кажется вытекающим из самой природы капитала и прибыли. Потому что, как мы видели, когда часть прибыли вообще принимает форму процента, разность между средней прибылью и процентом, или избыток прибыли над процентом, превращается в противоположную проценту форму, в форму предпринимательского дохода. Эти две формы, процент и предпринимательский доход, существуют лишь в своей противоположности. Следовательно, обе они находятся в известном соотношении не с прибавочной стоимостью, по отношению к которой они суть лишь части, фиксированные под различными категориями, рубриками и названиями, а в соотношении одна с другой. Так как одна часть прибыли превращается в процент, то другая выступает в виде предпринимательского дохода.

Под прибылью мы постоянно понимаем здесь среднюю прибыль, так как здесь для нас совершенно безразличны отклонения как индивидуальной прибыли, так и прибыли в различных сферах производства, т. е. те или иные изменения в распределении средней прибыли, или прибавочной стоимости, связанные с конкурентной борьбой и другими обстоятельствами. Это относится вообще ко всему настоящему исследованию.

Процент же есть чистая прибыль, как называет его Рамсей, которую приносит собственность на капитал как таковая тому ли, кто является только кредитором, остающимся вне процесса воспроизводства, или собственнику, который сам производительно применяет свой капитал. Но и последнему капитал приносит эту чистую прибыль не как функционирующему капиталисту, а как денежному капиталисту, ссудившему свой собственный капитал как капитал, приносящий проценты, себе самому как функционирующему капиталисту. Подобно тому, как превращение денег и вообще стоимости в капитал есть постоянный результат капиталистического процесса производства, так их существование в качестве капитала есть постоянное предварительное условие капиталистического процесса производства. Благодаря своей способности превращаться в средства производства, они постоянно командуют неоплаченным трудом и потому превращают процесс производства и обращения товаров в производство прибавочной стоимости для своего владельца. Следовательно, процент есть лишь выражение того,

что стоимость вообще, — овеществленный труд в его всеобщей общественной форме, — стоимость, принимающая в действительном процессе производства вид средств производства, противостоит живой рабочей силе как самостоятельная сила и является средством присвоения неоплаченного труда; и что такой силой она является благодаря тому, что противостоит рабочему как чужая собственность. Но, с другой стороны, в форме процента эта противоположность наемному труду стирается, потому что приносящий проценты капитал как таковой находит свою противоположность не в наемном труде, а в функционирующем капитале; капиталист-кредитор как таковой прямо противостоит действительно функционирующему в процессе воспроизводства капиталисту, а не наемному рабочему, у которого именно на основе капиталистического производства экспроприированы средства производства. Приносящий проценты капитал — это капитал *как собственность* в противоположность капиталу *как функции*. Но пока капитал не функционирует, он не эксплуатирует рабочих и не вступает в антагонизм с трудом.

С другой стороны, предпринимательский доход составляет противоположность не наемному труду, а лишь проценту.

Во-первых: если предположить среднюю прибыль как величину данную, то норма предпринимательского дохода определяется не заработной платой, а ставкой процента. Она будет выше или ниже в обратном отношении к ставке процента [72].

Во-вторых: свое притязание на предпринимательский доход, а следовательно и самый этот доход, функционирующий капиталист выводит не из своей собственности на капитал, а из функции капитала в противоположность той его определенной форме, когда она существует как бездеятельная собственность. Это проявляется как непосредственно существующая противоположность в тех случаях, когда он оперирует заемным капиталом, так что процент и предпринимательский доход достаются двум разным лицам. Предпринимательский доход возникает из функции капитала в процессе воспроизводства, т. е. вследствие операций, деятельности, которыми функционирующий капиталист опосредствует эти функции промышленного и торгового капитала. Но быть представителем функционирующего капитала — это не синекура, подобная представительству

---

[72] «Предпринимательская прибыль зависит от чистой прибыли с капитала, а не последняя от первой» (*Ramsay.* «An Essay on the Distribution of Wealth», p. 214. Чистая прибыль у Рамсея всегда означает процент).

капитала, приносящего проценты. На основе капиталистического производства капиталист управляет как процессом производства, так и процессом обращения. Эксплуатация производительного труда сто̀ит усилий для самого капиталиста или для других лиц, которые действуют от его имени. Его предпринимательский доход в противоположность проценту представляется ему, таким образом, чем-то независимым от собственности на капитал, более того, результатом его функций как не собственника, как *работника.*

Поэтому в его голове необходимо возникает представление, что его предпринимательский доход не только не находится в какой-либо противоположности наемному труду, не только не является просто неоплаченным чужим трудом, а, напротив, сам есть не что иное, как *заработная плата,* плата за надзор, wages of superintendence of labour, более высокая плата, чем заработная плата обыкновенного наемного рабочего, 1) потому что это более сложный труд, 2) потому что он сам выплачивает себе заработную плату. Что функция его как капиталиста состоит в том, чтобы производить прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд, да еще при самых экономных условиях, — это совершенно заслоняется тем фактом, что процент достается капиталисту, даже если он и не выполнял никакой функции как капиталист, а был лишь собственником капитала, и что, напротив, предпринимательский доход достается функционирующему капиталисту, даже если он не был собственником капитала, с которым функционирует. Из-за противоположных форм обеих частей, на которые распадается прибыль, т. е. прибавочная стоимость, забывают, что обе они являются просто частями прибавочной стоимости и что деление ее ничего не может изменить ни в ее природе, ни в ее происхождении и условиях ее существования.

В процессе воспроизводства функционирующий капиталист выступает по отношению к наемным рабочим представителем капитала как чужой собственности, и денежный капиталист, будучи представлен функционирующим капиталистом, принимает участие в эксплуатации труда. То обстоятельство, что только как представитель средств производства по отношению к рабочим активный капиталист может выполнять свою функцию, может заставить рабочих работать на себя или сделать так, чтобы средства производства функционировали в качестве капитала, — это обстоятельство забывается из-за противоположности между функцией капитала в процессе воспроизводства и простой собственностью на капитал вне процесса воспроизводства.

В самом деле, та форма, которую обе части прибыли, т. е. прибавочной стоимости, принимают как процент и предпринимательский доход, не выражает отношения к труду, потому что это отношение существует лишь между ним и прибылью, или точнее, прибавочной стоимостью как суммой, как целым, как единством обеих этих частей. Отношение, в котором делится прибыль, и различные юридические титулы, на основе которых производится это деление, предполагают прибыль уже готовой, предполагают, что она уже существует. Поэтому, если капиталист является собственником капитала, с которым он функционирует, то он кладет себе в карман всю прибыль, или прибавочную стоимость; для рабочего совершенно безразлично, берет ли капиталист всю прибыль себе или должен выплачивать часть ее третьему лицу как юридическому собственнику. Таким образом, основы деления прибыли между двумя видами капиталистов превращаются мало-помалу в основы существования подлежащей делению прибыли, прибавочной стоимости, которую, независимо от какого бы то ни было позднейшего деления, капитал как таковой извлекает из процесса воспроизводства. Из того, что процент противостоит предпринимательскому доходу, а предпринимательский доход — проценту, что они оба противостоят друг другу, а не труду, следует, что предпринимательский доход плюс процент, т. е. прибыль, т. е. в конце концов прибавочная стоимость, основываются — на чем? На том, что обе ее части имеют противоположные формы! Но прибыль производится прежде, чем происходит это деление, прежде, чем о нем может идти речь.

Капитал, приносящий проценты, оказывается таковым лишь постольку, поскольку данные в ссуду деньги действительно превращаются в капитал и поскольку производится избыток, часть которого есть процент. Но это не исключает того, что с ним независимо от процесса производства срастается свойство приносить проценты. Ведь рабочая сила также обнаруживает свою способность производить стоимость лишь тогда, когда она действует и реализуется в процессе труда; но это не исключает того, что она сама по себе, потенциально, как способность, есть деятельность, которой создается стоимость, и как таковая она не возникает лишь из процесса, а, напротив, служит предварительным условием процесса. Она покупается как способность создавать стоимость. Но ее можно купить не только для того, чтобы заставлять производительно работать, но, например, и для чисто личных целей, для услуг и т. д. Так и с капиталом. Это уже дело заемщика, использовать ли капитал как капитал, т. е. фактически привести в действие связанное с ним

свойство производить прибавочную стоимость. Оплачивает он в обоих случаях прибавочную стоимость, которая сама по себе, в возможности, заключается в товаре капитал.

Остановимся теперь подробнее на предпринимательском доходе.

Поскольку при капиталистическом способе производства фиксируется момент специфической общественной определенности капитала — собственность на капитал, обладающая свойством командовать над трудом других, — и поскольку процент выступает поэтому как часть прибавочной стоимости, которую в этих условиях производит капитал, другая часть прибавочной стоимости — предпринимательский доход — необходимо представляется в таком виде, как будто она возникает не из капитала как капитала, а из процесса производства, независимо от его специфической общественной определенности, которая в выражении процента на капитал ведь уже приобрела свой особый способ существования. Но процесс производства, обособленный от капитала, есть процесс труда вообще. Промышленный капиталист, в отличие от собственника капитала, выступает поэтому не как функционирующий капитал, а как лицо, функционирующее даже помимо капитала, как простой носитель процесса труда вообще, как работник и притом наемный работник.

Процент сам по себе выражает именно существование условий труда как капитала в их общественной противоположности труду и в их претворении в личную власть по отношению к труду и над трудом. Собственность на капитал как таковую он выражает как средство присваивать продукты чужого труда. Но эта характерная особенность капитала представлена в проценте как нечто такое, что принадлежит капиталу помимо процесса производства и что отнюдь не является результатом специфически капиталистической определенности самого этого процесса производства. В проценте эта характерная особенность капитала представлена не в прямой противоположности труду, а, наоборот, вне отношения к труду, только как отношение одного капиталиста к другому, т. е. представлена как определение, чисто внешнее и безразличное для отношения капитала к самому труду. Таким образом, в проценте, в этом особом виде прибыли, в котором антагонистический характер капитала приобретает самостоятельное выражение, он выражен так, что этот антагонизм здесь совершенно погашен и происходит полное абстрагирование от него. Процент есть отношение

между двумя капиталистами, а не между капиталистом и рабочим.

С другой стороны, форма процента придает другой части прибыли качественную форму предпринимательского дохода, далее — форму платы за надзор. Особые функции, которые приходится выполнять капиталисту как таковому и которые выпадают на его долю как раз в отличие от рабочих и в противоположность рабочим, представляются как чисто трудовые функции. Он создает прибавочную стоимость не потому, что работает *как капиталист,* а потому, что несмотря на свое качество капиталиста он *тоже* работает. Поэтому эта часть прибавочной стоимости — это уже не прибавочная стоимость, а ее противоположность — эквивалент выполненного труда. Так как отчужденный характер капитала, его противоположность труду переносится по ту сторону действительного процесса эксплуатации, а именно переносится на капитал, приносящий проценты, то самый этот процесс эксплуатации представляется простым процессом труда, в котором функционирующий капиталист выполняет лишь иную работу, чем рабочий. Таким образом, труд по эксплуатации и эксплуатируемый труд тождественны как труд. Труд по эксплуатации точно так же есть труд, как и тот труд, который подвергается эксплуатации. Процент становится общественной формой капитала, но выраженной в нейтральной и индифферентной форме; предпринимательский доход становится экономической функцией капитала, но отвлеченной от определенного, капиталистического характера этой функции.

При этом в сознании капиталиста происходит совершенно то же, что с упомянутыми во II отделе этой книги основаниями для компенсации при выравнивании прибыли в среднюю прибыль. Эти основания для компенсации, которые определяющим образом влияют на распределение прибавочной стоимости, превращаются благодаря капиталистическому способу представления в причины возникновения и (субъективные) основания для оправдания прибыли.

Представление о предпринимательском доходе как о вознаграждении за труд по надзору, возникающее из противоположности, существующей между предпринимательским доходом и процентом, находит дальнейшую опору в том, что часть прибыли в самом деле может быть обособлена и действительно обособляется как заработная плата, или, точнее, наоборот: что часть заработной платы на основе капиталистического способа производства выступает как интегральная составная часть прибыли. Эта часть, как это правильно установил уже А. Смит,

выступает в чистом виде, самостоятельно и совершенно обособленно, с одной стороны, от прибыли (как суммы процента и предпринимательского дохода), с другой стороны — от той части прибыли, которая остается за вычетом процента как так называемый предпринимательский доход, — выступает в форме содержания управляющего в таких видах предприятий, размер и т. д. которых допускают настолько значительное разделение труда, что можно установить особую заработную плату для управляющего.

Труд по надзору и управлению необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не является разъединенным трудом самостоятельных производителей [73]. Но природа его — двоякого рода.

С одной стороны, во всех работах, при выполнении которых кооперируются между собой многие индивидуумы, связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижером оркестра. Это — производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства.

С другой стороны, если совершенно оставить в стороне купеческое дело, этот труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого надзора за работниками. Поэтому своего максимума она достигает при системе рабства [74]. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами.

У античных писателей, непосредственно наблюдавших систему рабства, обе стороны труда по надзору были неразрывно

---

[73] «Надзор здесь» (у крестьянина — собственника земли) «совершенно не нужен» (*J. E. Cairnes*. «The Slave Power». London, 1862, p. 48).

[74] «Если характер работы требует распределения работников» (именно рабов) «на большем пространстве, то число надсмотрщиков, а потому и расход на вознаграждение труда, вызываемого этим надзором, должны соответственно возрасти» (*J. E. Cairnes*, цит. соч., стр. 44).

соединены в теории, как это имело место и на практике, — совершенно так же, как у современных экономистов, которые считают капиталистический способ производства абсолютным способом производства. С другой стороны, как я сейчас покажу на одном примере, апологеты современной системы рабства совершенно так же умеют использовать труд по надзору в качестве основания для оправдания рабства, как другие экономисты — для оправдания системы наемного труда.

Villicus во времена Катона:

«Во главе рабовладельческого имения (familia rustica) стоял эконом (villicus от villa *), который принимал и выдавал, покупал и продавал, получал от владельца инструкции и в его отсутствие распоряжался и наказывал... Эконом, конечно, пользовался большей свободой, чем остальные рабы; в книгах Магона дается совет разрешать ему вступать в брак, производить на свет детей и иметь свои собственные наличные деньги, а Катон советует женить его на экономке; он один мог надеяться в случае благопристойного поведения получить свободу из рук своего господина. В остальном все они составляли одну единую дворню... Всякий раб, в том числе и сам эконом, получал свое содержание от хозяина в определенные сроки и в строго установленном размере, причем ему предоставлялось уже самому сводить концы с концами... Размеры этого содержания устанавливались в зависимости от работы; поэтому, например, эконом, выполнявший более легкий труд, чем простые рабы, получал и меньшее содержание» (Mommsen. «Römische Geschichte». 2 Auflage, Bd. I, 1856, S. 809—810).

Аристотель:

«'Ο γὰρ δεσπότης οὐκ ἐν τῷ κτᾶσθαι τοὺς δούλους, ἀλλ' ἐν τῷ χρῆσθαι δούλους». («Потому что господин» — капиталист — «проявляется как таковой не в приобретении рабов» — собственности на капитал, которая дает власть покупать труд, — «а в использовании рабов», — употреблении рабочих, в настоящее время наемных рабочих, в процессе производства.) «''Εστι δὲ αὐτῇ ἡ ἐπιστήμη οὐδὲν μέγα ἔχουσα οὐδὲ σεμνόν» («Но в этой науке нет ничего великого или возвышенного») «ἃ γὰρ τὸν δοῦλον επίστασθαι δεῖ ποιεῖν, ἐκεῖνον δεῖ ταῦτα επίστασθαι επιτάττειν» («он должен уметь приказывать то, что раб должен уметь исполнять»). «Διό ὅσοις ἐξουσία μὴ αὐτοὺς κακοπαθεῖν, ἐπίτροπος λαμβάνει ταυτὴν τὴν τιμήν, αὐτοὶ δὲ πολιτεύονται ἢ φιλοσοφοῦσιν». («Когда сами господа не находят нужным обременять себя этим, *честь эту* берет на себя надсмотрщик; сами же они занимаются государственными делами или философией».) (Aristoteles. «De republica». Ed. Bekkeri, 1837, lib. I, 7.)

Аристотель без обиняков говорит, что господство как в политической, так и в экономической области возлагает на властителей функции господства; это означает, что в экономической области они должны уметь потреблять рабочую силу, и прибавляет к этому, что труду по надзору не следует придавать большого значения, ввиду чего господин, если только он достаточно состоятелен, передает «честь» этих хлопот надсмотрщику.

---

* — поместье. *Ред.*

Труд по управлению и надзору, поскольку этот труд не есть особая функция, обусловливаемая природой всякого комбинированного общественного труда, а вытекает из противоположности между собственником средств производства и собственником только рабочей силы, — причем безразлично, покупается ли последняя вместе с самим работником, как при системе рабства, или сам рабочий продает свою рабочую силу, и процесс производства является поэтому одновременно и процессом потребления его труда капиталом, — эта функция, возникающая из порабощения непосредственного производителя, часто выставляется как достаточное основание для оправдания самого этого отношения, и эксплуатация, присвоение чужого неоплаченного труда, столь же часто изображается как заработная плата, причитающаяся собственнику капитала. Но всего лучше делает это защитник рабства в Соединенных Штатах, некий адвокат О'Конор, в своей речи, произнесенной 19 декабря 1859 г. на митинге в Нью-Йорке под лозунгом «Справедливость к Югу».

«Итак, джентльмены, — заявил он под громкие аплодисменты, — негру самой природой предопределено положение раба. Он крепок и силен в работе; но природа, давшая ему эту силу, отказала ему как в умении управлять, так и в желании трудиться. *(Одобрения.)* И в том и в другом ему отказано! И та же природа, лишившая его воли к труду, дала ему господина для того, чтобы принуждать его к труду, сделать из него в тех климатических условиях, для которых он создан, полезного слугу как для самого себя, так и для господина, управляющего им. Я утверждаю, что не будет никакой несправедливости оставить негра в положении, в которое его поставила природа, дать ему господина, который управляет им; у негра не отнимают каких бы то ни было прав, принуждая его работать и доставлять справедливое вознаграждение своему господину за труд и таланты, которые тот применяет для того, чтобы управлять им и сделать его полезным как для себя самого, так и для общества» [«New-York Daily Tribune» [99], 20 декабря 1859, стр. 7—8].

И вот наемный рабочий, подобно рабу, тоже должен иметь господина, который заставлял бы его работать и управлял бы им. А раз предположены эти отношения господства и подчинения, будет в порядке вещей, что наемный рабочий вынуждается производить свою собственную заработную плату и сверх того плату за надзор, компенсацию за труд по управлению и надзору за ним, вынуждается

«доставлять справедливое вознаграждение своему господину за труд и таланты, которые тот применяет для того, чтобы управлять им и сделать его полезным как для себя самого, так и для общества».

Труд по надзору и управлению, поскольку он возникает из антагонистического характера общества, в частности из господства капитала над трудом, и потому является общим для всех

способов производства, основанных, как и капиталистический способ, на классовой противоположности, этот труд при капиталистической системе непосредственно и неразрывно связан с производительными функциями, которые налагаются всяким комбинированным общественным трудом на отдельных индивидуумов в качестве особого труда. Заработная плата какого-нибудь epitropos *, или régisseur, как он назывался в феодальной Франции, совершенно отделяется от прибыли и принимает форму заработной платы за квалифицированный труд, как только предприятие достигает достаточно крупных размеров, для того чтобы оплачивать такого управляющего (manager), — хотя и при этом наши промышленные капиталисты еще далеки от того, чтобы «заниматься государственными делами или философией».

Что не промышленные капиталисты, а промышленные управляющие (manager) являются «душой нашей промышленной системы», это заметил еще г-н Юр [75]. Что касается торговой части предприятия, то все необходимое об этом сказано уже в предыдущем отделе **.

Само капиталистическое производство привело к тому, что труд по надзору, совершенно отделенный от собственности на капитал, всегда предлагается в избытке. Поэтому сделалось необязательным, чтобы этот труд по надзору выполнялся капиталистом. Нет никакой необходимости в том, чтобы капельмейстер был собственником инструментов оркестра; в его функцию как дирижера не входит также обязанность иметь дело с «оплатой» прочих музыкантов. Кооперативные фабрики дают доказательство того, что капиталист в качестве функционера производства стал столь же излишен, как сам он, представляя высшую ступень развития, считает излишним помещика. Поскольку труд капиталиста обусловливается процессом производства не только потому, что этот процесс капиталистический и, следовательно, поскольку этот труд сам собой не исчезает вместе с капиталом, поскольку он не ограничивается такой функцией, как эксплуатация чужого труда; поскольку, следовательно, он обусловливается формой труда как общественного труда, комбинацией и кооперацией многих для достижения общего результата, постольку труд этот совершенно так же независим от капитала, как независима от него сама эта форма, раз только

* — управляющего. *Ред.*

[75] *A. Ure.* «Philosophie des manufactures». Tome I, Paris, 1836, p. 67—68, где этот Пиндар фабрикантов в то же время показывает им, что большинство из них не имеет ни малейшего представления о машинах, которые они применяют.

** См. настоящий том, стр. 317—318. *Ред.*

она сбросила с себя капиталистическую скорлупу. Утверждение, что этот труд необходим как капиталистический труд, как функция капиталиста, означает лишь, что вульгарный экономист не может представить себе форм, развившихся в недрах капиталистического способа производства, отделенными и освобожденными от их антагонистического капиталистического характера. По отношению к денежному капиталисту промышленный капиталист — работник, но работающий в качестве капиталиста, т. е. эксплуататора чужого труда. Плата, которую он требует и получает за этот труд, как раз равна присвоенному количеству чужого труда и непосредственно зависит, раз капиталист берет на себя необходимые хлопоты по эксплуатации, от степени эксплуатации этого труда, а не от степени напряжения, которого ему сто̀ит эта эксплуатация и которое он может за умеренное вознаграждение свалить на управляющего. В английских фабричных округах после каждого кризиса можно встретить достаточное количество экс-фабрикантов, которые за небольшое вознаграждение заведуют фабриками, ранее принадлежавшими им самим, заведуют как управляющие, состоящие на службе у новых владельцев, зачастую своих кредиторов [76].

Плата за управление, которой вознаграждаются управляющие как торговыми, так и промышленными предприятиями, выступает совершенно обособленно от предпринимательского дохода и в кооперативных фабриках рабочих и в капиталистических акционерных предприятиях. Отделение платы за управление от предпринимательского дохода, которое в других случаях является случайным, приобретает здесь постоянный характер. В кооперативной фабрике труд по надзору утрачивает свой антагонистический характер, так как управляющий оплачивается рабочими, а не является по отношению к ним представителем капитала. Акционерные предприятия, развивающиеся вместе с кредитом, вообще обнаруживают тенденцию все более отделять этот труд по управлению как особую функцию от владения капиталом, собственным ли, или заемным, совершенно так же, как с развитием буржуазного общества функции суда и управления отделяются от земельной собственности, атрибутами которой они были в феодальное время. Но когда, с одной стороны, простому собственнику капитала, денежному капиталисту, противостоит функционирующий капи-

---

[76] В одном известном мне случае обанкротившийся фабрикант сделался после кризиса 1868 г. платным наемным работником у своих прежних рабочих. После банкротства фабрику взяло в свои руки товарищество рабочих, а прежний владелец сделался ее управляющим. — *Ф. Э.*

талист, а с развитием кредита этот денежный капитал сам принимает общественный характер, концентрируется в банках и ссужается ими, а не его непосредственными собственниками; когда, с другой стороны, лицо, являющееся только управляющим, не владеющее капиталом ни под каким титулом, ни заимообразно, ни как-либо иначе, исполняет все реальные функции, выпадающие на долю функционирующего капиталиста как такового, — тогда остается лишь служащий, а капиталист как лицо излишнее исчезает из процесса производства.

Из опубликованных отчетов [77] кооперативных фабрик в Англии видно, что, — за вычетом вознаграждения управляющему, которое составляет часть затраченного переменного капитала совершенно так же, как заработная плата остальных рабочих, — прибыль превышала среднюю прибыль, хотя эти фабрики иногда уплачивали более высокий процент, чем частные фабриканты. Причиной более высокой прибыли во всех этих случаях является бо̀льшая экономия в применении постоянного капитала. Но нас при этом больше всего интересует то обстоятельство, что средняя прибыль (= проценту + предпринимательский доход) фактически и осязательно представляется здесь величиной, совершенно независимой от платы за управление. Так как прибыль здесь была больше средней прибыли, то и предпринимательский доход был больше, чем обыкновенно.

То же явление наблюдается и на некоторых капиталистических акционерных предприятиях, например в акционерных банках (Joint Stock Banks). «London and Westminster Bank» в 1863 г. выплатил 30% годового дивиденда; «Union Bank of London» и другие — 15%. Кроме вознаграждения управляющим из валовой прибыли, здесь выплачивается процент, уплачиваемый по вкладам. Высокая прибыль объясняется здесь тем, что вложенный в предприятия капитал составляет незначительную величину по сравнению с вкладами. Например, у «London and Westminster Bank» в 1863 г. — вложенный капитал 1 000 000 ф. ст., вклады 14 540 275 фунтов стерлингов. У «Union Bank of London» в 1863 г. — вложенный капитал 600 000 ф. ст., вклады 12 384 173 фунта стерлингов.

Смешение предпринимательского дохода с платой за надзор или за управление первоначально возникло из той особой формы, которую избыток прибыли над процентом принимает в противоположность проценту. Оно получило свое дальнейшее развитие благодаря апологетическому стремлению представить прибыль

---

[77] Приведенные здесь данные отчетов доведены, самое большее, до 1864 г., так как текст был написан в 1865 году. — *Ф. Э.*

не как прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд, а как заработную плату самого капиталиста за выполняемый им труд. Этому со стороны социалистов было противопоставлено требование, чтобы прибыль была фактически сведена к тому, за что она выдается в теории, а именно к простой плате за надзор. И это требование, противопоставленное теоретическому прикрашиванию, было тем неприятнее, чем более эта плата за надзор с возникновением многочисленного класса промышленных и торговых управляющих [78] обретала, с одной стороны, подобно всякой другой заработной плате, свой определенный уровень и свою определенную рыночную цену и чем ниже, с другой стороны, она опускалась, как всякая плата за квалифицированный труд, по мере общего развития, понижавшего издержки производства особо обученной рабочей силы [79]. С развитием кооперации среди рабочих и акционерных предприятий среди буржуазии был уничтожен и последний предлог для смешения предпринимательского дохода с платой за управление, и прибыль практически выступила как тò, чем она бесспорно была теоретически: как чистая прибавочная стоимость, как стоимость, за которую не уплачивается эквивалента, как реализованный неоплаченный труд; так что функционирующий капиталист действительно эксплуатирует труд, и плод его эксплуатации, если он работает с заемным капиталом, делится на процент и предпринимательский доход — избыток прибыли над процентом.

На базе капиталистического производства в акционерных предприятиях возникают новые мошенничества с платой за управление, рядом с действительным управляющим и над ним появляется множество членов правлений и наблюдательных советов, для которых управление и контроль фактически служат лишь предлогом к ограблению акционеров и к собственной наживе. На этот счет имеется много любопытных подробностей

---

[78] «Предприниматели — такие же работники, как и их наемные рабочие. В этом отношении их интересы в точности совпадают с интересами их рабочих. Но одновременно с этим они являются также или капиталистами, или агентами капиталистов, и в этом отношении их интересы решительно противоположны интересам их рабочих» (*Hodgskin*. «Labour defended against the Claims of Capital etc.». London, 1825, p. 27).

«Широкое распространение образования среди машинных рабочих нашей страны уменьшает изо дня в день значение труда и искусства почти всех предпринимателей и хозяев, так как оно увеличивает число людей, обладающих их специальными знаниями» (стр. 30).

[79] «Общее ослабление условных преград, увеличивающаяся возможность получить образование... имеет тенденцию понизить оплату квалифицированного труда, вместо того чтобы повысить оплату неквалифицированного» (*J. St. Mill*. «Principles of Political Economy». 2nd ed., vol. I, London, 1849, p. 479).

в работе «The City; or, the Phisiology of London Business; with Sketches on Change, and at the Coffee Houses». London, 1845.

«Ѝто выигрывают банкиры и купцы благодаря тому, что участвуют в управлении восьми или девяти различных компаний, можно видеть из следующего примера: частный баланс г-на Тимоти Абрахама Кертиса, представленный после его банкротства в суд, показывал под рубрикой «директорство» — 800—900 ф. ст. ежегодного дохода. Так как г-н Кертис был директором Английского банка и членом правления Ост-Индской компании, то всякое акционерное общество считало за честь привлечь его в качестве директора» (стр. 81, 82).

Вознаграждение директоров таких обществ за каждое заседание, которые происходят еженедельно, равняется по меньшей мере одной гинее (21 марке). Дела о банкротстве, разбираемые в судах, показывают, что эта плата за надзор обыкновенно находится в обратном отношении к труду по надзору, который в действительности несут эти номинальные директора.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЫДЕЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ В ФОРМЕ КАПИТАЛА, ПРИНОСЯЩЕГО ПРОЦЕНТЫ

В капитале, приносящем проценты, капиталистическое отношение достигает своей наиболее внешней и фетишистской формы. Мы имеем здесь перед собой *Д — Д′*, деньги, которые производят большее количество денег, имеем самовозрастающую стоимость без процесса, опосредствующего два крайние пункта. В купеческом капитале, *Д — Т — Д′*, имеется налицо по крайней мере всеобщая форма движения капитала, хотя оно не выходит из сферы обращения; поэтому прибыль представляется просто прибылью от отчуждения, но все же она представляется продуктом общественного *отношения*, а не продуктом просто *вещи*. Форма купеческого капитала все же представляет процесс, единство противоположных фаз, движение, распадающееся на два противоположных акта, на куплю и продажу товаров. В *Д — Д′*, в форме капитала, приносящего проценты, это движение погашено. Если, например, 1 000 ф. ст. даются капиталистом в ссуду и ставка процента равна 5%, то стоимость 1 000 ф. ст. как капитала за один год $= K + Kz'$, где K — капитал, а z' — ставка процента; следовательно, здесь $5\% = \frac{5}{100} = \frac{1}{20}$, $1\,000 + 1\,000 \cdot \frac{1}{20} = 1\,050$ фунтов стерлингов. Стоимость 1 000 ф. ст. как капитала = 1 050 ф. ст., т. е. это значит, что капитал не простая величина. Капитал есть *отношение* величин, отношение его как основной суммы, как данной стоимости к себе самой, как к самовозрастающей стоимости, как к такой основной сумме, которая произвела прибавочную стоимость. А мы уже видели, что капитал как таковой представляется всем активным капиталистам — функционируют ли они с собственным или взятым в ссуду капиталом — именно такой непосредственно самовозрастающей стоимостью.

Д — Д′: здесь мы имеем первоначальный исходный пункт капитала, деньги в формуле *Д — Т — Д′* сводятся к ее двум

крайним пунктам *Д — Д'*, где *Д' = Д + ΔД*, т. е. здесь обозначены деньги, создающие большее количество денег. Это — первоначальная и всеобщая формула капитала, сокращенная до бессмысленного резюме. Это — капитал в его готовом виде, единство процесса производства и процесса обращения, это — капитал, приносящий в определенные периоды времени определенную прибавочную стоимость. В форме капитала, приносящего проценты, это качество проявляется непосредственно, без опосредствования процессом производства и процессом обращения. Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения. *Вещь* (деньги, товар, стоимость), как просто вещь, теперь уже является капиталом, а капитал представляется просто вещью; результат всего процесса воспроизводства представляется свойством, принадлежащим самой вещи; от владельца денег, т. е. товара в той его форме, в которой его всегда можно обменять, зависит, израсходует ли он их как деньги или отдаст в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, и в этой форме он уже не имеет на себе никаких следов своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения. Как в случае с рабочей силой, потребительной стоимостью денег становится здесь способность создавать стоимость, бо̀льшую стоимость, чем та, которая заключается в них самих. Деньги как таковые потенциально уже представляют собой самовозрастающую стоимость, и как таковые они отдаются в ссуду, что является формой продажи этого своеобразного товара. Создавать стоимость, приносить проценты является их свойством совершенно так же, как свойством грушевого дерева — приносить груши. Как такую приносящую проценты вещь, кредитор и продает свои деньги. Но этого мало. Как мы видели, даже действительно функционирующий капитал представляется таким образом, как будто он приносит процент не как функционирующий капитал, а как капитал сам по себе, как денежный капитал.

Переворачивается и следующее отношение: процент, являющийся не чем иным, как лишь частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист выжимает из рабочего, представляется теперь, наоборот, как собственный продукт капитала, как нечто первоначальное, а прибыль,

превратившаяся теперь в форму предпринимательского дохода, — просто как всего лишь добавок, придаток, присоединяющийся в процессе воспроизводства. Здесь фетишистская форма капитала и представление о капитале-фетише получают свое завершение. В *Д — Д′* мы имеем иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений; форму капитала, приносящего проценты, простую форму капитала, в которой он является предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства; перед нами способность денег, соответственно товара, увеличивать свою собственную стоимость независимо от воспроизводства, т. е. перед нами мистификация капитала в самой яркой форме.

Для вульгарной политической экономии, стремящейся представить капитал самостоятельным источником стоимости, созидания стоимости, форма эта является, конечно, настоящей находкой, такой формой, в которой уже невозможно узнать источник прибыли и в которой результат капиталистического процесса производства, отделенный от самого процесса, приобретает некое самостоятельное бытие.

Только в форме денежного капитала капитал становится товаром, свойство которого самовозрастать в стоимости имеет определенную цену, отмечаемую в каждом конкретном случае ставкой процента.

Как капитал, приносящий проценты, и именно в его непосредственной форме приносящего проценты денежного капитала (другие формы капитала, приносящего проценты, которые здесь нас не интересуют, являются, в свою очередь, производными от этой формы и предполагают ее), капитал приобретает свою чистую фетишистскую форму: в *Д — Д′* мы видим субъект, вещь, которая может быть продана. *Во-первых,* это происходит вследствие постоянного пребывания его в форме денег, в такой форме, в которой стерта всякая определенность его и не видны его реальные элементы. Ведь деньги — это как раз та форма, в которой стирается различие между товарами как потребительными стоимостями, а потому и различие между промышленными капиталами, состоящими из этих товаров и условий их производства; деньги — это форма, в которой стоимость, — а здесь капитал, — существует как самостоятельная меновая стоимость. В процессе воспроизводства капитала денежная форма является мимолетной, простым переходным моментом. Напротив, на денежном рынке капитал всегда существует в этой форме. *Во-вторых,* произведенная капиталом прибавочная стоимость, опять-таки в форме денег, представляется здесь принадлежащей капиталу как таковому. Как деревьям свой-

ственно расти, так капиталу, согласно этой видимости, свойственно в этой его форме денег порождать деньги (τόκος *).

В капитале, приносящем проценты, движение капитала сведено к самой краткой формуле; посредствующий процесс опущен, и таким образом капитал = 1 000 фиксируется как вещь, которая потенциально = 1 000 и в известный период времени действительно превращается в 1 100 подобно тому, как увеличивает свою потребительную стоимость вино, которое продержали известное время в погребе. Капитал теперь вещь, но как вещь он — капитал. Деньги охвачены теперь «любовной страстью» [100]. Раз они отданы в ссуду или вложены в процесс воспроизводства (поскольку они приносят функционирующему капиталисту как своему владельцу процент, помимо предпринимательского дохода), на них и днем и ночью нарастает процент, что бы с ними ни делалось: спят ли они или бодрствуют, сидят дома или странствуют. Таким образом денежный капитал, приносящий проценты (а всякий капитал по своему стоимостному выражению есть денежный капитал или считается теперь выражением денежного капитала), осуществляет благочестивые мечты стяжателей сокровищ.

Вот это-то сращение процента с денежным капиталом как бы в одну вещь (именно так и представляется здесь производство прибавочной стоимости капиталом) и занимает так сильно Лютера в его наивной шумихе против ростовщичества. Поведав, что процент можно было бы взимать в том случае, если бы просрочка долга ввела в убыток заимодавца, который, в свою очередь, должен производить платежи, или лишила бы его прибыли, которую он мог бы получить, купив, например, сад, Лютер продолжает:

«Но я одолжил их» [100 гульденов] «тебе, и ты причиняешь мне двойной ущерб — тут я не могу уплатить, а там не могу купить и, следовательно, вынужден терпеть ущерб в обоих отношениях. Это называют *duplex interesse, damni emergentis et lucri cessantis* **... После того как они*** услышали, что какой-нибудь Ганс потерпел ущерб, одолжив сто гульденов, и требует справедливого возмещения своего ущерба, они спешат использовать этот случай и на каждые сто гульденов накидывают возмещение за двойной ущерб, а именно из-за понесенных Гансом убытков и из-за упущенной им покупки сада, как будто эти два ущерба *от природы присущи ста гульденам;* поэтому, во всех случаях, когда имеется сто гульденов и их дают в ссуду, на них насчитывают этот двойной ущерб, которого эти ссудодатели, однако, совсем и не терпели... Поэтому ты — ростовщик, ибо ты возмещаешь деньгами своего ближнего даже твой вымышленный ущерб, которого тебе, однако, никто не причинил и которого ты не можешь

---

* — роды, порождение; порожденное; процент. *Ред.*

** — двойной ущерб: причиненный убыток и упущенная выгода. *Ред.*

*** — жадные на деньги люди. *Ред.*

ни доказать, ни вычислить. Такой ущерб юристы называют *non verum, sed phantasticum interesse* *. Это — такой ущерб, который человек сам себе выдумал...

Нельзя, следовательно, говорить, что мог бы получиться тот ущерб, что я не был бы в состоянии ни произвести платеж, ни совершить покупку. Если говорить так, то это называется *ex contingente necessarium* **: из того, чего нет, делать то, что с необходимостью должно быть; из того, что сомнительно, делать нечто вполне достоверное. Не сожрет ли такое ростовщичество за несколько лет весь мир?..

То несчастье, от которого необходимо оправиться ссудодателю, произошло случайно, помимо его воли. Нечто совершенно иное и даже противоположное имеет место в ростовщических сделках: тут ищут и придумывают ущерб для взыскания его с нуждающегося ближнего, хотят кормиться этим и богатеть на этом, в лени и безделье кутить и наряжаться за счет труда других людей, за счет их забот, опасностей и убытков. А я в это время сижу за печкой и предоставляю моим ста гульденам работать на меня, и все же, так как это одолженные деньги, то я наверняка сохраню их в кошельке, не подвергаясь никаким опасностям и не неся никаких забот. Милый, кто не хотел бы этого?» (M. Luther. «An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen etc.». Wittemberg, 1540).

Представление о капитале как самовоспроизводящейся и возрастающей в процессе воспроизводства стоимости, как о стоимости, вечно сохраняющейся и возрастающей в силу прирожденного ей свойства, — т. е. в силу скрытого свойства, о котором говорили схоласты, — это представление привело д-ра Прайса к фантастическим измышлениям, перед которыми бледнеют все фантазии алхимиков; к измышлениям, в которые Питт, однако, серьезно поверил и которые он в своих законах о фонде погашения [101] сделал основой своего финансового хозяйства.

«Деньги, приносящие сложные проценты, сначала растут медленно, но в дальнейшем темп роста непрерывно ускоряется, и через некоторое время он достигает такой быстроты, что превосходит всякое воображение. Один пенс, отданный в рост из 5% в год рождения Христа, к настоящему времени вырос бы в сумму, бо̀льшую, чем представили бы 150 миллионов земных шаров, состоящих сплошь из чистого золота. Но если отдать его в рост под простые проценты, то за тот же период времени он превратился бы не более чем в 7 шилл. 4½ пенса. До сих пор наше правительство предпочитало поправлять свои денежные дела скорее вторым способом, нежели первым» [80].

---

* — не настоящий, а фантастический ущерб. *Ред.*

** — делать из случайного необходимое. *Ред.*

80) *Richard Price.* «An Appeal to the Public, on the subject of the National Debt». London, 1772 [p. 19]. Прайс наивно острит: «Следует брать деньги взаймы из простых процентов, чтобы увеличивать их, отдавая в ссуду из сложных процентов» (см. *R. Hamilton.* «An Inquiry concerning the Rise and Progress of the National Debt of Great Britain». 2nd ed., Edinburgh, 1814 [p. 133]). Если так, то займы вообще и для частных лиц были бы вернейшим средством обогащения. Но если я беру взаймы, например, 100 ф. ст. из 5% годовых, то в конце года я должен заплатить 5 ф. ст., и если предположить, что этот заем заключен на 100 миллионов лет, то в этот промежуток времени я могу давать ежегодно взаймы все те же 100 ф. ст. и точно так же каждый год должен упла-

Еще выше возносится он в своих «Observations on reversionary payments etc.». London, 1772:

«1 шилл., отданный в рост в год рождения нашего Христа» (т. е. вероятно в храме Иерусалимском) «из 6% под сложные проценты, вырос бы в сумму бо̀льшую, чем сколько могла бы вместить вся солнечная система, превращенная в шар, диаметр которого равнялся бы диаметру орбиты Сатурна». — «Государство всегда в состоянии найти выход из затруднительного положения, ибо, располагая самыми малыми сбережениями, оно может уплатить самые крупные долги в такой короткий срок, какого могут потребовать его интересы» (стр. XIII, XIV).

Какое превосходное теоретическое введение к вопросу об английском государственном долге!

Прайса попросту ослепила чудовищность числа, возникающего из геометрической прогрессии. Так как он рассматривал капитал, не принимая во внимание условия воспроизводства и труда, как самодействующий автомат, как простое самоувеличивающееся число (совершенно так же, как Мальтус считал, что население растет в геометрической прогрессии [102]), то он вообразил, что открыл закон возрастания капитала в формуле $s = c(1 + z)^n$, где s = сумме капитала + проценты на проценты, c = авансированному капиталу, z = ставке процента (выраженной в соответственных частях 100), а n — ряд лет, на протяжении которых протекает процесс.

Питт совершенно серьезно принимает мистификацию д-ра Прайса. В 1786 г. палата общин постановила собрать путем обложения населения 1 миллион ф. ст. для государственных нужд. По Прайсу, в которого уверовал Питт, конечно, не могло быть ничего лучшего, как обложить налогом народ, чтобы «накопить» полученную таким способом сумму и таким образом избавиться от государственного долга при посредстве таинства сложных процентов. За этой резолюцией палаты общин вскоре последовал внесенный Питтом закон, который предписывал накоплять по 250 000 ф. ст. до тех пор,

---

чивать по 5 фунтов стерлингов. Таким путем я никогда не буду в состоянии, взяв 100 ф. ст., дать в ссуду 105 фунтов стерлингов. Но из какого источника должен я уплачивать 5%? Из новых займов или, если я — государство, из налогов. Если же деньги берет взаймы промышленный капиталист, то при прибыли, скажем, в 15% ему придется 5% уплачивать как процент, 5% потреблять (хотя его аппетит возрастает с его доходом) и 5% — капитализировать. Итак, приходится предположить прибыль в 15% для того, чтобы можно было постоянно платить 5% как процент. Если процесс продолжится, то норма прибыли упадет вследствие уже изложенных причин, скажем, с 15% до 10%. Но Прайс совершенно забывает, что ставка процента, равная 5%, предполагает норму прибыли в 15% и оставляет ее такой же и при накоплении капитала. Ему вообще нет дела до действительного процесса накопления, его дело лишь давать взаймы деньги с тем, чтобы они притекали обратно с процентами на проценты. Как это происходит, ему безразлично, потому что это ведь прирожденное свойство капитала, приносящего проценты.

«пока образовавшийся таким образом фонд не будет давать вместе с освободившимися пожизненными рентами 4 000 000 ф. ст. в год» (Act 26, Georg III, cap. 31 [103]).

Питт в своей речи 1792 г., в которой он предлагал увеличить сумму, поступающую в фонд погашения долгов, среди причин торгового превосходства Англии называет машины, кредит и т. д., но как

«наиболее широко действующую и постоянную причину — накопление. Принцип этот вполне развит и достаточно разъяснен в сочинении Смита, этого гения... Это накопление капиталов было бы осуществлено, если бы откладывали хоть часть годичной прибыли для того, чтобы увеличить основную сумму, которая, при условии такого же употребления ее и в следующем году, давала бы постоянную прибыль».

Таким образом, с помощью д-ра Прайса Питт превращает теорию накопления Смита в теорию обогащения народа посредством накопления долгов и приходит к приятной перспективе бесконечного нарастания займов — займов для платежей по займам.

Уже у Джозаи Чайлда, отца современных банкиров, мы находим, что 100 ф. ст. из 10% произвели бы через 70 лет с процентами на проценты 102 400 фунтов стерлингов («Traités sur le commerce etc. par J. Child traduit etc.». Amsterdam et Berlin, 1754, p. 115). Написано в 1669 году.

Как воззрение д-ра Прайса бессознательно проскальзывает у современных экономистов, это показывает следующее место из «Economist»:

«Капитал со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала является настолько всепоглощающим, что все богатство мира, от которого происходит доход, уже давно превратилось в процент на капитал... Всякая рента является теперь уплатой процентов на капитал, ранее вложенный в землю» («Economist», 19 июля 1851 года).

Иначе говоря, капиталу в его качестве капитала, приносящего проценты, принадлежит все богатство, которое вообще может быть произведено, и все, что получал он до настоящего времени, это лишь рассроченные платежи его всепоглощающему аппетиту. По законам, с которыми он появляется на свет, ему принадлежит весь прибавочный труд, который род человеческий когда бы то ни было мог бы произвести. Словом, это Молох [104].

В заключение еще следующая галиматья «романтического» Мюллера:

«Описанное д-ром Прайсом чудовищное нарастание процентов на проценты, или возрастание самоускоряющихся сил людей, предполагает неизменный или нерушимый единообразный порядок, существующий в течение многих столетий. Как только капитал раздробляется, разде-

ляется на многие отдельные продолжающие расти побеги, общий процесс накопления сил начинается снова. Природа предоставила на долю каждого отдельного рабочего (!) период нарастания сил, продолжающийся в среднем 20—25 лет. По прошествии этого времени рабочий оставляет свою жизненную стезю и должен передать капитал, полученный благодаря процентам на проценты с труда, новому рабочему, в большинстве случаев распределить его между несколькими рабочими или детьми. Эти последние, прежде чем извлекать собственные проценты на проценты с доставшегося им капитала, должны научиться вдыхать в него жизнь и применять его. Далее, огромная масса капитала, который приобретает гражданское общество даже в наиболее неспокойных общественных организмах, постепенно накопляется в течение долгих лет и не употребляется непосредственно для расширения труда, а, напротив, лишь только составится значительная сумма, она под именем займа передается другому индивидууму, рабочему, банку, государству, после чего заемщик, приводя капитал в действительное движение, получает с него проценты на проценты и легко может взять на себя обязательство уплачивать заимодавцу простые проценты. Наконец, неимоверно быстрому возрастанию сил людей и их продукта, возможному при том условии, если проявляет свое действие только закон производства или бережливости, противодействует закон потребления, желаний, расточительности» (A. Müller. «Elemente der Staatskunst». 1809, Theil III, S. 147—149).

Невозможно нагородить больше нелепейшего вздора в столь немногих строках. Не говоря уже о забавном смешении рабочего с капиталистом, стоимости рабочей силы с процентом на капитал и т. д., взимание процента на процент Мюллер объясняет тем, что капитал ссужается с целью приносить проценты на проценты. Метод нашего Мюллера характерен для романтики в любой профессии. Содержанием ее являются ходячие предрассудки, питающиеся самыми поверхностными представлениями о вещах. А затем это ложное и банальное содержание должно быть «возвышено» и опоэтизировано мистифицирующей манерой изложения.

Процесс накопления капитала может быть представлен как накопление процентов на проценты лишь в той мере, в какой можно назвать процентом ту часть прибыли (прибавочной стоимости), которая превращается обратно в капитал, т. е. служит для высасывания нового прибавочного труда. Но:

1) Если отвлечься от всех случайных нарушений, значительная часть имеющегося в наличии капитала постоянно более или менее обесценивается в течение процесса воспроизводства, так как стоимость товаров определяется не тем рабочим временем, которого первоначально сто̀ит их производство, а тем рабочим временем, которого сто̀ит их воспроизводство, а это рабочее время постоянно уменьшается вследствие развития общественной производительной силы труда. Поэтому на более высокой ступени развития общественной производительной силы труда наличный капитал представляется не результатом

продолжительного процесса накопления капитала, а результатом сравнительно очень короткого периода воспроизводства [81].

2) Как было показано в III отделе этой книги, норма прибыли понижается по мере возрастания накопления капитала и соответствующего ему увеличения производительной силы общественного труда, которое получает выражение как раз в растущем относительном уменьшении переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если постоянный капитал, приводимый в движение одним рабочим, удесятеряется, то, чтобы принести такую же норму прибыли, прибавочное рабочее время должно было бы удесятериться и скоро для него не хватило бы всего рабочего времени и всех 24 часов в сутки, даже если бы капитал присваивал их целиком. Представление же, что норма прибыли не понижается, лежит в основе прогрессии Прайса и вообще в основе «всепоглощающего капитала со сложными процентами» [82].

Тождество прибавочной стоимости и прибавочного труда ставит качественную границу накоплению капитала: эта граница определяется продолжительностью *всего рабочего дня,* данным уровнем развития производительных сил и численностью населения, которая ограничивает число рабочих дней, поддающихся эксплуатации одновременно. Если же, напротив, прибавочная стоимость рассматривается в иррациональной форме процента, то предел становится исключительно количественным, и накопление капитала превосходит всякое воображение.

Но в капитале, приносящем проценты, представление капитала-фетиша завершено; то представление, которое накопленному продукту труда, к тому же еще фиксированному в форме денег, приписывает силу производить прибавочную стоимость в геометрической прогрессии, производить ее благодаря прирожденному скрытому свойству, чисто автоматически, так что этот накопленный продукт труда, по мнению «Economist», уже давно дисконтировал все богатства мира за все времена, как по праву принадлежащие и достающиеся ему. Продукт прошлого труда, даже сам прошлый труд здесь уже сам по себе чреват частью настоящего или будущего живого приба-

---

[81] См. Милля и Кэри, а также основанный на непонимании комментарий к этому Рошера [105].

[82] «Однако ясно, что никакой труд, никакая производительная сила, никакая изобретательность и никакое искусство не в состоянии удовлетворить всепоглощающие требования сложных процентов. Но все сбережения делаются из дохода капиталиста, так что в действительности эти требования постоянно предъявляются, и столь же постоянно производительная сила труда отказывается их удовлетворить. Поэтому здесь постоянно подводится некоторого рода баланс» («Labour Defended against the Claims of Capital» [London, 1825], p. 23 — книга Годскина).

вочного труда. Но мы знаем, напротив, что на самом деле сохранение, а постольку и воспроизводство, стоимости продуктов прошлого труда есть *только* результат их контакта с живым трудом; и, во-вторых, что господство продуктов прошлого труда над живым прибавочным трудом продолжается как раз лишь до того времени, пока сохраняется капиталистическое отношение, — определенное социальное отношение, при котором прошлый труд самостоятельно противостоит живому труду и подчиняет его себе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

КРЕДИТ И ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ

Подробный анализ кредита и тех орудий, которые он создает для себя (кредитных денег и т. п.), не входит в наш план. Здесь следует отметить только некоторые немногие пункты, необходимые для характеристики капиталистического способа производства вообще. При этом мы будем иметь дело только с коммерческим и банкирским кредитом. Связь между развитием этого кредита и общественного кредита остается вне нашего рассмотрения.

Я показал уже («Капитал», кн. I, гл. III, 3, b), каким образом из простого товарного обращения развивается функция денег как средства платежа и вместе с тем отношение кредитора и должника между производителями товара и торговцами товаром. С развитием торговли и капиталистического способа производства, при котором производят в расчете лишь на обращение, этот естественный базис кредита расширяется, получает всеобщее значение, развивается. В общем и целом деньги функционируют здесь лишь в качестве средств платежа, т. е. товар продается не за деньги, а под письменное обязательство платежа в определенный срок. Все такого рода платежные обязательства мы можем для краткости подвести под общую категорию векселей. Такие векселя до истечения их срока и до наступления дня платежа, в свою очередь, сами обращаются как платежное средство; они-то и образуют собственно торговые деньги. Поскольку они в конце концов взаимно погашаются при сальдировании счетов по требованиям и долгам, они функционируют абсолютно как деньги, так как в таком случае не происходит заключительного их превращения в деньги. Подобно тому, как эти взаимные авансы производителей и купцов друг другу образуют подлинную основу кредита, так и орудие их обращения, вексель, образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим базисом не денежное обращение, будь то металлические или государственные бумажные деньги, а вексельное обращение.

W. Leatham (банкир из Йоркшира) «Letters on the Currency». 2nd ed., London, 1840:

«Я полагаю, что общая сумма векселей за весь 1839 г. составила 528 493 842 ф. ст.» (сумма иностранных векселей определяется им приблизительно в $^1/_7$ всего количества), «а сумма векселей, обращавшихся одновременно в том же году, — 132 123 460 фунтов стерлингов» (стр. 55—56). — «Векселя представляют собой составную часть средств обращения, превышающую по размерам все другие части, вместе взятые» (стр. 3, 4). — «Эта колоссальная надстройка из векселей покоится (!) на фундаменте, образованном суммой банкнот и золота; и если в ходе событий этот фундамент слишком суживается, прочности надстройки и даже ее существованию грозит опасность» (стр. 8). — «Если взять все средства обращения» (он подразумевает банкноты) «и сумму обязательств всех банков, по которым может немедленно потребоваться платеж наличными, то, по моим расчетам, получится сумма в 153 миллиона, превращения которой в золото можно требовать по закону... а между тем золота на покрытие этих требований имеется только 14 миллионов» (стр. 11). — «Векселя нельзя поставить под контроль иначе, как создав препятствия возникновению избыточных денег и низкой ставке процента или учетной ставке, которыми порождается часть векселей и дается толчок к большому и опасному их распространению. Невозможно установить, какая часть векселей возникает из действительных сделок, например из действительных покупок и продаж, и какая их часть искусственно создается (fictitious) и состоит из одних только бронзовых векселей, т. е. векселей, которые выдаются, чтобы заменить текущий вексель до наступления срока платежа по нему и, таким образом, создают фиктивный капитал из простых средств обращения. Мне известно, что во времена избытка денег и их дешевизны эта практика достигает огромных размеров» (стр. 43—44). — J. W. Bosanquet. «Metallic, Paper, and Credit Currency». London, 1842: «Средняя сумма платежей, совершаемых в расчетной палате» (где лондонские банкиры взаимно обмениваются подлежащими оплате чеками и векселями, коим наступил срок), «составляет за каждый день в среднем свыше 3 миллионов ф. ст., а необходимый для этого ежедневный денежный запас немногим больше 200 000 фунтов стерлингов» (стр. 86). {В 1889 г. общий оборот расчетной палаты составил 7 $618^3/_4$ миллиона ф. ст. или круглым счетом за 300 дней в среднем $25^1/_2$ миллиона ежедневно. — *Ф. Э.*} «Векселя являются бесспорно средством обращения (currency), независимо от денег, поскольку они передают собственность из рук в руки посредством передаточной надписи» (стр. 92—93). — «В среднем можно принять, что каждый находящийся в обращении вексель имеет на себе две передаточных надписи и что, следовательно, каждый вексель до истечения срока погашает в среднем два платежа. При этом условии благодаря одним только передаточным надписям в течение 1839 г. при помощи векселей было перемещено из рук в руки собственности на сумму, вдвое превышающую 528 миллионов, т. е. на 1 056 миллионов ф. ст., более 3 миллионов ежедневно. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что векселя и вклады, вместе взятые, посредством перемещения собственности из рук в руки и без помощи денег выполняют денежные функции на сумму не менее 18 миллионов ф. ст. ежедневно» (стр. 93).

О кредите вообще Тук говорит следующее:

«В простейшем своем выражении кредит представляет собой более или менее обоснованное доверие, в силу которого одно лицо доверяет другому

известную сумму капитала в деньгах или в товарах, оцененных в известной денежной стоимости; эта сумма всегда подлежит возврату по истечении определенного срока. Если капитал ссужается в виде денег, т. е. в виде банкнот, или кредит предоставляется наличными, или путем перевода на корреспондента, то за пользование капиталом дополнительно начисляется столько-то процентов на подлежащую возврату сумму. При предоставлении же кредита товарами, стоимость которых устанавливается участниками сделки и передача которых обозначает продажу, установленная сумма, которая должна быть уплачена, включает в себя вознаграждение за пользование капиталом и за риск, перенимаемый до истечения срока платежа. Письменные платежные обязательства с определенным сроком платежа обыкновенно выдаются для таких кредитов. И эти обязательства, или промессы, образуют средство, при помощи которого кредиторы, если им предоставляется случай употребить свой капитал в форме денег или товаров, в большинстве случаев оказываются в состоянии еще до истечения срока таких векселей дешевле занять или купить, так как их собственный кредит укрепляется кредитом другой подписи на векселе» («An Inquiry into the Currency Principle», p. 87).

Ch. Coquelin. «Du Crédit et des Banques dans L'Industrie». «Revue des deux Mondes» [106], 1842, t. XXXI [p. 797]: «В каждой стране большинство кредитных сделок совершается в самой сфере промышленных отношений... Производитель сырья авансирует его перерабатывающему фабриканту и получает от него платежные промессы. Выполнив свою часть работы, фабрикант, в свою очередь, на подобных же условиях авансирует свой товар другому фабриканту, который должен подвергнуть его дальнейшей переработке, и таким образом кредит предоставлятся все дальше от одного лица к другому, вплоть до потребителя. Оптовый торговец авансирует товар розничному, а сам он получает товар в кредит от фабриканта или посредника. Каждый занимает одной рукой и ссужает другой иногда деньги, но гораздо чаще товары. Таким путем осуществляется в промышленных делах беспрерывный обмен ссудами, комбинирующимися и перекрещивающимися во всех направлениях. Именно в умножении и росте этих взаимных ссуд состоит развитие кредита, и здесь истинный корень его могущества».

Другая сторона кредита связана с развитием торговли деньгами, которое в капиталистическом производстве, конечно, идет параллельно с развитием товарной торговли. В предыдущем отделе (гл. XIX) мы уже видели, как в руках торговцев деньгами концентрируется хранение принадлежащих коммерсантам резервных фондов, технические операции по приему и выплате денег, по международным платежам, а вместе с тем и торговля слитками. В связи с этой торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела — управление приносящим проценты капиталом, или денежным капиталом, как особая функция торговцев деньгами. Заем и ссуда денег становятся их особым делом. Торговцы деньгами выступают как посредники между действительным кредитором и заемщиком денежного капитала. Говоря вообще, банкирское дело с этой стороны состоит в том, чтобы концентрировать большими массами в своих руках ссудный денежный капитал, так что вместо

отдельного денежного кредитора промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители всех денежных кредиторов. Они становятся общими распорядителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем кредиторам они концентрируют заемщиков, так как они берут взаймы для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала, кредиторов, с другой — централизацию заемщиков. Его прибыль, вообще говоря, состоит в том, что он берет взаймы под более низкие проценты, чем отдает взаймы.

Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к ним различными путями. Прежде всего, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках концентрируется денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды превращаются таким образом в ссудный денежный капитал. Тем самым резервный фонд торгового мира сокращается до необходимого минимума, так как он концентрируется как общественный, и часть денежного капитала, которая иначе бездействовала бы в качестве резервного фонда, отдается в ссуду, функционирует как капитал, приносящий проценты. Во-вторых, ссудный капитал банков образуется из вкладов денежных капиталистов, которые предоставляют банкам отдавать их в ссуду. С развитием банковской системы, а именно, как только банки начинают платить проценты по вкладам, в них уже концентрируются денежные сбережения и временно незанятые деньги всех классов. Мелкие суммы, сами по себе неспособные функционировать как денежный капитал, объединяются в большие суммы и таким образом образуют денежную силу. Это собирание мелких сумм, как особый результат банковской системы, следует отличать от ее посреднической роли между собственно денежными капиталистами и заемщиками. Наконец, в банках депонируются и доходы, которые предполагается потреблять лишь постепенно.

Кредитование (здесь мы имеем дело только с собственно торговым кредитом) производится посредством учета векселей — превращения их в деньги до истечения их срока — и посредством ссуд в различных формах: прямой ссуды по личному кредиту, ссуд под залог процентных бумаг, государственных облигаций, всякого рода акций, в особенности же путем ссуд под накладные, доковые варранты и другие засвидетельствованные документы о праве собственности на товары, под вклады и т. п.

Кредит же, предоставляемый банкиром, может быть предоставлен в различных формах, например векселями на другие банки, чеками на них, открытием прямого кредита, наконец, — в случае банков, имеющих право на выпуск банкнот, — собственными банкнотами банка. Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель в любое время может получить деньги и которым банкир заменяет частные векселя. Последняя форма кредита кажется непосвященным особенно поразительной и важной, во-первых, потому что этого рода кредитные деньги переходят из простого торгового обращения в общее обращение и здесь функционируют как деньги; а также и потому, что в большинстве стран главные банки, выпускающие банкноты, представляют собой удивительное смешение государственного банка и частного банка; в действительности основу их операций составляет государственный кредит, а их билеты являются в большей или меньшей степени узаконенным платежным средством; потому что здесь становится явным, что именно кредит есть то, чем торгует банкир, так как банкнота представляет только кредитный знак, находящийся в обращении. Но банкир торгует кредитом и во всех других формах, даже когда дает наличными в ссуду депонированные у него деньги. В действительности банкнота составляет лишь монету для оптовой торговли — самое же важное значение для банков всегда имеют вклады. Лучшее тому доказательство дают шотландские банки.

Для наших целей нет надобности подробнее рассматривать особые виды кредитных учреждений, как и особые формы банков.

«Банкирское дело... может быть разделено на двоякого рода операции:.. 1) Собирать капитал с тех, кто не находит для него непосредственного применения, и распределять его или передавать тем, кто может его применить. 2) Принимать вклады из доходов своих клиентов и выплачивать им суммы, необходимые для расходов на предметы потребления... Первое есть обращение *капитала*, последнее — обращение *средств обращения* (currency)». — «Первый род операций есть концентрация капитала, с одной стороны, и распределение его, с другой; второй — регулирование обращения для местных нужд округи». Tooke. «An Inquiry into the Currency Principle», p. 36, 37. К этому месту мы вернемся в гл. XXVIII *.

«Reports of Committees», vol. VIII. «Commercial Distress», vol. II, part I, 1847—1848. Minutes of Evidence. — (В дальнейшем цитируются как «Commercial Distress» 1847—1848 [107].) В сороковых годах при учете векселей в Лондоне в бесчисленном множестве случаев принимали вместо банкнот векселя одного банка на другой сроком в 21 день. (Показание Дж. Пиза,

---

* См. настоящий том, стр. 486. *Ред.*

провинциального банкира, №№ 4636 и 4645.) Согласно тому же отчету, банкиры имели обыкновение, когда денег не хватало, регулярно производить платежи своим клиентам такими векселями. Если получатель хотел банкнот, он должен был вновь учесть этот вексель. Таким образом банки как бы получили привилегию делать деньги. Господа Джонс, Лойд и К° платили таким способом «с незапамятных времен», раз денег не хватало и ставка процента превышала 5%. Клиент охотно принимал такие банковские векселя, потому что векселя фирмы Джонс, Лойд и К° можно было легче учесть, чем свои собственные; при этом векселя эти часто проходили через 20—30 рук (там же, №№ 901—904, 905, 992).

Все эти формы служат для того, чтобы сделать передаваемым право на получение платежа.

«Едва ли найдется хоть одна форма кредита, в которой временами ему не приходилось бы выполнять функции денег; является ли этой формой банкнота, вексель или чек, процесс остается по существу тот же, и результат остается по существу один и тот же». — *Fullarton*. «On the Regulation of Currencies». 2nd ed., London, 1845, p. 38. — «Банкноты — это разменные деньги кредита» (стр. 51).

Следующие выдержки взяты из книги: J. W. Gilbart. «The History and Principles of Banking». London, 1834:

«Капитал банка состоит из двух частей — основного капитала (invested capital) и банкового, или заемного, капитала (banking capital)» (стр. 117). «Банковый, или заемный, капитал образуется тремя путями: 1) приемом вкладов, 2) выпуском собственных банкнот, 3) выдачей векселей. Если кто-нибудь согласится мне ссудить бесплатно 100 ф. ст., и я отдам взаймы эти 100 ф. ст. другому из 4%, то сделка эта принесет мне в конце года 4 ф. ст. прибыли. Равным образом, если кто-нибудь согласен принять мое платежное обещание» (I promise to pay — я обещаюсь уплатить — обычная формула английских банкнот), «вернуть его в конце года и уплатить мне за это 4%, как будто я ему ссудил 100 ф. ст., то на этой сделке я получу прибыли 4 фунта стерлингов; и опять-таки, если кто-нибудь в маленьком провинциальном городке принесет мне 100 ф. ст. под условием, чтобы я уплатил эту сумму в Лондоне третьему лицу 21 день спустя, любой процент, который мне удастся выручить с этих денег за это время, составит мою прибыль. Таковы по сути дела операции банка и те каналы, по которым создается банковый капитал посредством вкладов, банкнот и векселей» (стр. 117). «Прибыль банкира в общем пропорциональна сумме полученного им взаймы или собственного капитала. Чтобы определить действительную прибыль банка, необходимо вычесть из валовой прибыли процент на основной капитал. Остаток и составит банковую прибыль» (стр. 118). «*Ссуды, выдаваемые банкиром своим клиентам, производятся деньгами других людей*» (стр. 146). «Именно банкиры, не выпускающие банкнот, создают банковый капитал путем учета векселей. Они увеличивают свои вклады посредством своих дисконтных операций. Лондонские банкиры учитывают векселя только тех фирм, которые имеют у них текущий счет» (стр. 119). «Фирма, учитывающая векселя в своем банке и выплачивающая проценты за всю сумму этих векселей, должна

по меньшей мере часть этой суммы оставить в банке, не получая за нее процентов. Таким путем банкир получает на ссуженные им деньги процент выше текущего и создает себе банковый капитал за счет того остатка, который остается в его руках» (стр. 119—120).

Об экономии резервных фондов, вкладов, чеков:

«Депозитные банки посредством перевода долгов достигают экономии в употреблении средств обращения и с небольшими суммами действительных денег выполняют сделки на большие суммы. Освободившиеся таким образом деньги банкир употребляет на ссуду своим клиентам посредством учета и т. д. Поэтому перевод долгов повышает эффективность депозитной системы» (стр. 123, 124). «Не суть важно, имеют ли оба клиента, ведущие между собой дела, счет у одного и того же или у различных банкиров. Потому что банкиры обмениваются своими чеками в расчетной палате. Посредством перевода долгов депозитная система могла бы достигнуть такого распространения, что совсем вытеснила бы употребление металлических денег. Если бы каждый имел в банке текущий счет и производил все свои платежи посредством чеков, эти чеки сделались бы единственным средством обращения. В этом случае следовало бы предполагать, что деньги находятся в руках банкиров, иначе чеки не имели бы никакой ценности» (стр. 124).

Централизация местного обращения банками осуществляется: 1) при помощи отделений банков. Провинциальные банки имеют отделения в мелких городах своего округа; лондонские банки — в различных городских кварталах Лондона. 2) Посредством агентств.

«Всякий провинциальный банк имеет своего агента в Лондоне, чтобы там платить по своим банкнотам или векселям и получать деньги, вносимые жителями Лондона на счета лиц, живущих в провинции» (стр. 127). «Каждый банкир собирает банкноты другого банка и обратно не выдает их. В каждом более крупном городе банкиры собираются раз или два раза в неделю и обмениваются своими банкнотами. Сальдо покрывается переводом на Лондон» (стр. 134). «Назначение банков — облегчать коммерческие сделки. Все, что облегчает коммерцию, облегчает и спекуляцию. Коммерция и спекуляция во многих случаях так тесно связаны друг с другом, что трудно сказать, где кончается коммерция и где начинается спекуляция... Всюду, где существуют банки, легче и дешевле получить капитал. Дешевизна капитала стимулирует спекуляцию, подобно тому как дешевизна мяса и пива стимулирует обжорство и пьянство» (стр. 137, 138). «Так как банки, выпускающие собственные банкноты, постоянно расплачиваются этими банкнотами, то может показаться, будто их учетные операции совершаются исключительно посредством капитала, полученного таким путем; но это не так. Банкир может, конечно, оплатить все учтенные им векселя своими собственными банкнотами, и тем не менее $^{9}/_{10}$ находящихся в его портфеле векселей будут представлять действительный капитал. Потому что, хотя он сам выдал за эти векселя только свои бумажные деньги, однако нет необходимости в том, чтобы они оставались в обращении до истечения срока векселей. До истечения срока векселей может оставаться еще три месяца, а банкноты могут возвратиться через три дня» (стр. 172). «Покрытие счетов клиентами есть нормальная деловая операция. В действительности ради этой цели обеспечивается наличный кредит... Наличные кредиты обеспечиваются не только личной гарантией, но и

депонированием ценных бумаг» (стр. 174, 175). «Капитал, ссуженный под залог товаров, имеет то же действие, что и капитал, ссуженный под учет векселей. Если кто-нибудь берет взаймы 100 ф. ст. под обеспечение своего товара, то это то же самое, как если бы он продал товар за вексель в 100 ф. ст. и затем учел его у банкира. Но ссуда дает ему возможность придержать товар до лучших цен и тем избегнуть жертв, которые он иначе должен был бы понести, чтобы получить деньги на неотложные дела» (стр. 180—181).

«The Currency Theory Reviewed etc.» [Edinburgh, 1845], p. 62—63:

«Бесспорная истина, что 1 000 ф. ст., которые вы сегодня депонировали у *A*, завтра будут снова выданы и составят вклад у *B*. Послезавтра они могут быть снова выданы *B*, депонированы у *C* и так далее до бесконечности. Следовательно, одна и та же сумма денег в 1 000 ф. ст. может посредством ряда передач умножиться до абсолютно неограниченной суммы вкладов. Поэтому возможно, что *девять десятых всех вкладов в Англии существуют только в виде соответствующих записей в бухгалтерских книгах банкиров...* Так, в Шотландии, где находящиеся в обращении деньги» (к слову сказать, почти исключительно бумажные деньги!) «никогда не превышают 3 миллионов ф. ст., вклады составляют 27 миллионов. Пока не наступит всеобщее истребование вкладов (a run on the banks), одна и та же тысяча фунтов стерлингов, странствуя туда и сюда, может с такой же легкостью покрыть столь же неопределенную сумму. Так как те же 1 000 ф. ст., которыми я плачу сегодня мой долг коммерсанту, завтра покроют его долг другому купцу, а послезавтра долг банку и так далее до бесконечности, то одни и те же 1 000 ф. ст. могут переходить из рук в руки, от банка к банку, покрывая самую крупную сумму вкладов».

{Как мы видели, Гилбарт уже в 1834 г. понимал, что

«все, что облегчает коммерцию, облегчает и спекуляцию. Коммерция и спекуляция во многих случаях так тесно связаны друг с другом, что трудно сказать, где кончается коммерция и где начинается спекуляция».

Чем легче можно получить ссуду под непроданные товары, тем больше берется таких ссуд, тем сильнее искушение усилить производство товаров или выбросить на отдаленные рынки уже произведенные товары, — только бы получить под них денежную ссуду. Яркий пример того, как весь торговый мир страны может быть охвачен подобной горячкой и чем она кончается, дает нам история английской торговли в период 1845—1847 годов. Здесь можно видеть, на что способен кредит. Для пояснения дальнейших примеров — несколько предварительных кратких замечаний.

В конце 1842 г. угнетение, тяготевшее над английской промышленностью почти непрерывно с 1837 г., стало ослабевать. В два последующие года спрос из-за границы на товары английской промышленности еще больше повысился; 1845—1846 гг. были периодом наибольшего процветания. В 1843 г. «опиумная» война открыла английской торговле Китай [108].

Новый рынок дал новый толчок и без того бурному подъему, в особенности хлопчатобумажной промышленности. «Разве можем мы производить слишком много? Ведь нам предстоит одеть 300 миллионов человек», говорил тогда автору этих строк один манчестерский фабрикант. Но всех этих вновь построенных фабричных зданий, паровых и прядильных машин и ткацких станков было недостаточно для того, чтобы поглотить поток прибавочной стоимости, устремившийся из Ланкашира. С той же страстью, с какой расширяли производство, кинулись на постройку железных дорог; жажда спекуляции, охватившая фабрикантов и купцов, была утолена прежде всего здесь, и именно — уже с лета 1844 года. Приобретали акции насколько хватало сил, т. е. насколько хватало денег на покрытие первых взносов; для очередных взносов средства найдутся! Но когда наступил срок дальнейших платежей, — согласно вопросу 1059 «Commercial Distress», 1848/1857, сумма капиталов, вложенных в 1846—1847 гг. в железные дороги, достигла 75 миллионов ф. ст., — пришлось прибегнуть к помощи кредита, и собственным предприятиям фирм по большей части тоже приходилось поплатиться за это.

А собственные предприятия в большинстве случаев уже перешли пределы возможного. Заманчиво высокая прибыль соблазнила на более широкое распространение операций, чем это позволяли имевшиеся в распоряжении ликвидные средства. Но к услугам был кредит, легко доступный и, кроме того, дешевый. Учетная ставка банка была низкой: в 1844 г. $1^3/_4$—$2^3/_4$%, в 1845 г. до октября меньше 3%, затем на некоторое время повысилась до 5% (февраль 1846), чтобы снова упасть до $3^1/_4$% в декабре 1846 года. В кладовых Английского банка накопился золотой запас неслыханных размеров. Все отечественные предметы биржевых сделок котировались так высоко, как никогда прежде. Итак, зачем же упускать прекрасный случай, почему бы быстро не взяться за дело? Почему бы не направить на иностранные рынки, жаждущие английских изделий, все товары, какие только можно произвести? И почему бы самому фабриканту не заполучить двойную прибыль — от продажи пряжи и тканей на Дальнем Востоке и от обратной продажи в Англии полученных за них товаров?

Так возникла система массовых отправок товаров на консигнацию [109] под ссуду в Индию и Китай, очень скоро развившаяся в систему отправок на консигнацию исключительно ради авансов, как это подробно описано в нижеследующих заметках, и неизбежно кончавшаяся массовым переполнением рынков и крахом.

Крах этот разразился вследствие неурожая 1846 года. Англия и особенно Ирландия нуждались в огромном привозе продуктов питания, в особенности хлеба и картофеля. Но странам, доставлявшим эти продукты, лишь в самой ничтожной доле можно было платить за них изделиями английской промышленности; приходилось расплачиваться благородным металлом: по меньшей мере 9 миллионов [ф. ст.] золота ушло за границу. Из этой суммы $7^1/_2$ миллиона было взято из наличных запасов Английского банка, вследствие чего свобода действий Банка на денежном рынке была чувствительно парализована; прочие банки, резервы которых помещались в Английском банке и фактически были тождественны с резервами этого последнего, точно так же должны были ограничить свои денежные операции; быстро и легко устремлявшийся в Банк поток платежей приостановился сначала в отдельных местах, потом повсеместно. Учетная ставка Банка, находившаяся еще в январе 1847 г. на уровне $3—3^1/_2\%$, поднялась в апреле, когда разразился первый приступ паники, до 7%; затем летом снова наступило некоторое временное облегчение ($6^1/_2\%$, 6%), но как только стал очевиден новый неурожай, разразилась новая еще более сильная паника. Официальная минимальная учетная ставка Английского банка поднялась в октябре до 7%, в ноябре — до 10%, другими словами, огромное большинство векселей можно было учесть только под колоссальные ростовщические проценты или вовсе нельзя было учесть; всеобщая приостановка платежей привела к банкротству ряда первоклассных фирм и очень многих средних и мелких; самому Английскому банку угрожала опасность неизбежного краха вследствие ограничений, возложенных на него хитроумным банковским актом 1844 г. [110], — тогда правительство, по всеобщему настоянию, приостановило 25 октября действие банковского акта и тем устранило абсурдные оковы, наложенные на Банк законом. Теперь Банк мог уже беспрепятственно вводить в обращение свой запас банкнот; так как кредит этих банкнот фактически имел государственную гарантию, следовательно, был прочен, то благодаря этому немедленно наступило решительное облегчение в денежных затруднениях; разумеется, и после еще обанкротилось множество крупных и мелких безнадежно зарвавшихся фирм, но высшая точка кризиса была уже преодолена, учетная ставка Банка упала в декабре снова до 5%, и уже в течение 1848 г. было подготовлено то новое оживление в делах, которое сорвало в 1849 г. дальнейший подъем революционных движений на континенте, в пятидесятых же годах привело сперва к неслыханному дотоле промышленному

процветанию, а вслед за ним — к краху 1857 года. — *Ф. Э.*}

I. О колоссальном обесценении государственных бумаг и акций в течение кризиса 1847 г. свидетельствует документ, изданный палатой лордов в 1848 году. Согласно этим сведениям, это обесценение на 23 октября 1847 г., по сравнению с февралем того же года, составляло:

На английские государственные бумаги	93 824 217	ф. ст.
» акции доков и каналов	1 358 288	» »
» железнодорожные акции	19 579 820	» »
Итого	114 762 325	ф. ст.

II. «Manchester Guardian» [111] 24 ноября 1847 г. сообщает следующее о мошенничествах в ост-индской торговле, где векселя выписывались не столько потому, что был куплен товар, сколько покупали товар с тем, чтобы иметь возможность выписать вексель, который можно было бы учесть, превратить в деньги:

А в Лондоне при посредстве *В* покупает товар у манчестерского фабриканта *С* для погрузки на корабль в адрес *Д* в Ост-Индию. *В* рассчитывается с *С* шестимесячным векселем, выписанным *С* на *В*. *В*, в свою очередь, рассчитывается шестимесячным векселем на *А*. Как только товар погружен на корабль, *А*, в свою очередь, выписывает под накладную шестимесячный переводный вексель на *Д*.

«Таким образом оба, и покупатель и отправитель, располагают фондами на много месяцев раньше, чем действительно оплатят товары; и весьма часто векселя эти по истечении срока платежа возобновлялись под тем предлогом, что при такой длительной сделке необходимо дать время на ее реализацию. Но, к сожалению, потери на такого рода сделках ведут не к ограничению этих сделок, а как раз к их распространению. Чем беднее становились участники, тем сильнее делалась для них потребность покупать, чтобы таким образом возместить в новых ссудах утерянный при прежних спекуляциях капитал. Закупки уже не регулировались спросом и предложением, они становились главнейшей финансовой операцией какой-нибудь определенной фирмы. Но это лишь одна сторона дела. Что творилось здесь с экспортом промышленных товаров, то происходило и там с закупкой и отправкой продуктов. Торговые фирмы в Индии, пользовавшиеся достаточным кредитом, чтобы учесть свои векселя, закупали сахар, индиго, шелк или хлопок — не потому, что покупные цены обещали прибыль по сравнению с последними лондонскими ценами, а потому, что прежним траттам на лондонскую фирму скоро истекал срок и их нужно было покрыть. Так чего же проще: купить груз сахара, заплатить за него десятимесячным векселем на лондонскую фирму и отправить накладную почтой в Лондон? Меньше чем через два месяца накладная на эти едва только погруженные товары, а с ней и сами товары закладывались на Ломбард-стрит [112], и лондонская фирма получала на руки деньги за восемь

месяцев до истечения срока выданных за товар векселей. И все это шло гладко, без всяких перебоев или затруднений, пока учетные банки находили в изобилии деньги для того, чтобы ссужать их под накладные и доковые варранты и учитывать на неограниченные суммы векселя индийских торговых домов у «солидных» фирм на Минсинг-лейн [113]».

{Эта мошенническая процедура практиковалась вовсю до тех пор, пока товары из Индии и в Индию должны были на парусных судах огибать мыс Доброй Надежды. С тех пор, как товары направляются через Суэцкий канал и притом на пароходах, этот способ фабриковать фиктивный капитал лишился такой основы, как продолжительность перевозки товаров. А с тех пор, как телеграф стал доставлять в тот же самый день сведения о состоянии индийского рынка английскому купцу и о состоянии английского рынка — индийскому, этот способ стал совершенно невозможным. — *Ф. Э.*}

III. В цитированном уже отчете «Commercial Distress», 1847—1848, говорится следующее:

«В последнюю неделю апреля 1847 г. Английский банк известил Ливерпульский королевский банк, что с этого числа он наполовину сокращает учетную операцию с последним. Сообщение это произвело очень плохое действие, потому что платежи в Ливерпуле за последнее время гораздо больше производились векселями, чем наличными, и купцы, обычно доставлявшие банку много наличных денег, чтобы оплачивать этими деньгами их акцепты, в последнее время могли доставлять только векселя, ими самими полученные за их хлопок и другие товары. Явление это сильно распространилось, а с ним увеличились и затруднения в делах. Акцепты, которые должен был оплатить банк за купцов, по большей части выдавались за границей и до настоящего времени обыкновенно покрывались платежами, полученными за товары. Векселя, доставлявшиеся теперь купцами вместо прежних наличных денег, были различных сроков и различного рода; значительную их часть составляли банковые векселя сроком на три месяца; большое количество векселей составляли векселя под хлопок. Векселя эти акцептировались лондонскими банкирами, если они были банковыми векселями, в противном же случае — всякого рода купцами, бразильскими, американскими, канадскими, вест-индскими и т. д. фирмами. Купцы не выдавали векселей друг на друга, а клиенты внутри страны, покупавшие товары в Ливерпуле, оплачивали их векселями на лондонские банки, или векселями на другие фирмы в Лондоне, или векселями на какое-нибудь лицо. Объявление Английского банка привело к тому, что был сокращен срок для векселей под проданные иностранные товары, обыкновенно превышавший три месяца» (стр. 26, 27).

Период процветания 1844—1847 гг. в Англии, как указано выше, был связан с первой крупной железнодорожной горячкой. О ее влиянии на торговые дела вообще названный отчет сообщает следующее:

«В апреле 1847 г. почти все торговые фирмы начали более или менее свертывать свою деятельность (to starve their business), помещая часть своего торгового капитала в железные дороги (стр. 42). — Под

железнодорожные акции заключались и займы из высоких процентов, например из 8%, у частных лиц, банкиров и страховых обществ (стр. 66). Ссужая такие огромные суммы железным дорогам, эти торговые фирмы, в свою очередь, были вынуждены брать у банков посредством учета векселей очень много капитала с тем, чтобы на эти деньги продолжать ведение своего собственного дела» (стр. 67). — (Вопрос:) «Можете ли вы утверждать, что платежи по железнодорожным акциям сильно способствовали возникновению угнетенного состояния» (на денежном рынке) «в апреле и октябре» (1847 года)? (Ответ:) — «Я полагаю, что едва ли они оказывали какое-либо влияние на угнетенное состояние в апреле. Я думаю, что платежи до апреля и, пожалуй, вплоть до лета скорее усиливали, чем ослабляли банкиров. Потому что действительное применение денег отнюдь не производилось так быстро, как поступали платежи; вследствие этого большинство банков имело в своих руках в начале года довольно значительную сумму железнодорожных фондов». (Это подтверждается многочисленными показаниями банкиров и комиссии. «С. D.» 1848—1857.) «Сумма эта летом мало-помалу растаяла и к 31 декабря была значительно меньше. Одной из причин угнетенного состояния в октябре было постепенное уменьшение железнодорожных фондов в распоряжении банков; между 22 апреля и 31 декабря железнодорожные сальдо в наших руках сократились на треть. Такое влияние имели платежи по железнодорожным акциям по всей Великобритании. Мало-помалу они высосали вклады банков» (стр. 43, 44).

То же говорит и Самюэл Гёрни (глава знаменитой фирмы Оверенд, Гёрни и К°):

«В 1846 г. был значительно больший спрос на капиталы для железных дорог, но он не повысил ставки процента. Произошла конденсация мелких сумм в крупные, и эти крупные суммы были затрачены на нашем рынке; так что в общем результат был таков, что на денежный рынок в Сити выбрасывалось больше денег, чем извлекалось обратно» (стр. 159).

А. Ходжсон, директор ливерпульского акционерного банка, показывает, в какой мере векселя могут служить банкирам в качестве резервов:

«У нас было правило по меньшей мере $^9/_{10}$ всех наших вкладов и все деньги, полученные нами от других лиц, хранить в нашем портфеле в векселях, срок которым истекал изо дня в день... настолько, что во время кризиса сумма ежедневно истекавших векселей почти равнялась сумме платежных требований, ежедневно предъявлявшихся нам» (стр. 53).

Спекулятивные векселя.

(№ 5092.) «Кем главным образом акцептировались векселя» (за проданный хлопок)? — (Р. Гарднер, неоднократно упоминавшийся в настоящей работе хлопчатобумажный фабрикант): «Товарными маклерами; торговец покупает хлопок, передает его маклеру, выписывает вексель на этого маклера и учитывает вексель». — (№ 5094.) «И эти векселя направляются в ливерпульские банки и учитываются там?» — «Да, а также и в других местах... Не будь этих операций, на которые пошли главным образом ливерпульские банки, хлопок в прошлом году был бы, по моему мнению, дешевле на $1^1/_2$ или 2 пенса за фунт». — (№ 600.) «Вы сказали, что в обращении находилось огромное количество векселей, выставленных

спекулянтами на хлопковых маклеров в Ливерпуле; относится ли то же самое к вашим ссудам под векселя за другие колониальные товары, кроме хлопка?» — (А. Ходжсон, ливерпульский банкир): «Это касается всех видов колониальных товаров, особенно же хлопка». — (№ 601.) «Стремитесь ли вы как банкир держаться в стороне от векселей этого рода?» — «Нисколько, мы считаем их совершенно законными векселями, если иметь их в умеренном количестве... По векселям этого рода часто дается отсрочка».

Жульнические махинации на ост-индско-китайском рынке в 1847 году. — Чарлз Тёрнер (глава одной из первоклассных ост-индских фирм в Ливерпуле):

«Все мы знаем случаи, имевшие место с операциями на острове Маврикий и в тому подобных делах. Маклеры привыкли брать ссуду не только под уже поступившие товары для оплаты векселей, выданных за эти товары, что вполне в порядке вещей, и ссуды под накладные, но они брали ссуды под товар, прежде чем он погружен, а в некоторых случаях — прежде чем он произведен. Например, в одном конкретном случае я купил в Калькутте векселей на 6 000—7 000 фунтов стерлингов; выручка от этих векселей пошла на Маврикий в качестве средств для развития производства сахара; векселя прибыли в Англию, и более половины их было там опротестовано; когда же, наконец, прибыл груз сахара, которым должны были быть оплачены векселя, то оказалось, что сахар этот уже был заложен третьим лицам, прежде чем он был погружен, в действительности даже почти раньше, чем он был произведен» (стр. 78). «За товары для ост-индского рынка приходится теперь платить фабриканту наличными; но это ничего не значит, так как, если покупатель пользуется в Лондоне каким-нибудь кредитом, он выставляет вексель на Лондон и учитывает его в Лондоне, где дисконт стоит теперь низко; полученными таким образом деньгами он расплачивается с фабрикантом... проходит по меньшей мере двенадцать месяцев, пока отправитель товаров в Индию не получит оттуда своей выручки;.. человек с 10 000 или 15 000 ф. ст., начинающий операции с Индией, добьется на значительную сумму кредита у лондонской фирмы; этой фирме он будет платить 1% и выдавать на нее векселя под условием, что выручка от проданных в Индию товаров будет прислана лондонской фирме; при этом обе стороны молчаливо вступают в соглашение, что лондонская фирма не должна выдавать действительной ссуды наличными деньгами, т. е., что векселя будут пролонгированы, пока не прибудут вырученные деньги. Векселя учитывались в Ливерпуле, Манчестере, Лондоне; некоторые из них находятся во владении шотландских банков» (стр. 79). — (№ 786.) «Вот фирма, недавно обанкротившаяся в Лондоне; при изучении бухгалтерских книг оказалось следующее: существовала одна фирма в Манчестере и другая в Калькутте; они открыли кредит у лондонской фирмы на 200 000 фунтов стерлингов; т. е. клиенты этой манчестерской фирмы, посылавшие фирме в Калькутте из Глазго и Манчестера товары на консигнацию, трассировали векселя на лондонскую фирму в сумме до 200 000 фунтов стерлингов; в то же время устанавливалось соглашение, что калькуттская фирма выдаст векселей на лондонскую фирму тоже на 200 000 фунтов стерлингов; векселя эти были проданы в Калькутте, на вырученные деньги были куплены другие векселя, и эти последние были отправлены в Лондон, чтобы дать возможность лондонской фирме уплатить по векселям, выданным в Глазго или Манчестере. Таким образом благодаря одной этой операции было выпущено в свет векселей на 600 000 фунтов стерлингов». — (№ 971.) «В настоящее

время, если фирма в Калькутте покупает корабельный груз» (для Англии) «и расплачивается за него своей собственной траттой на своего лондонского корреспондента и накладные отправляются сюда, то эти накладные тотчас пускаются им в дело для получения ссуды на Ломбард-стрит; следовательно, торговая фирма может в течение восьми месяцев пользоваться деньгами, прежде чем ее корреспонденту придется уплатить по векселям».

IV. В 1848 г. заседала секретная комиссия палаты лордов для выяснения причин кризиса 1847 года. Свидетельские показания, данные перед этой комиссией, были, однако, опубликованы только в 1857 году («Minutes of Evidence, taken before the Secret Committee of the H. of L. appointed to Inquire into the Causes of Distress etc.». 1857; нами цитируется: «C. D.» 1848/57 [114]). В этой комиссии управляющий Union Bank of Liverpool, г-н Листер, сказал, между прочим, следующее:

(2444.) «Весной 1847 г. кредит получил неслыханный размах, потому что коммерсанты переводили свой капитал из собственных предприятий в железные дороги и тем не менее хотели продолжать свое дело в прежних размерах. Каждый, вероятно, думал вначале, что ему удастся продать с прибылью железнодорожные акции и затем вложить деньги в предприятие. Увидев, вероятно, что это невозможно, они стали для своих предприятий брать кредит там, где раньше расплачивались наличными. Отсюда и возникло расширение кредита».

(2500.) «Эти векселя, на которых банки, их принявшие, потерпели убытки, были ли это векселя главным образом за хлеб или хлопок?»... «Это были векселя за хлеб, хлопок, сахар и изделия всякого рода. В то время не было ни одного товара, — за исключением, быть может, масла, — который не упал бы в цене». — (2506.) «Маклер, акцептирующий вексель, не акцептирует его без достаточного покрытия, в том числе и на случай падения цен на товар, служащий покрытием».

(2512.) «За товары выдаются двоякого рода векселя. К первому роду принадлежит первоначальный вексель, выданный извне на импортера... Сроки векселей, выдаваемых таким образом, нередко истекают до прибытия товаров. Поэтому купец, если прибудет товар и у него нет достаточно капитала, должен заложить товар у маклера, пока не удастся продать его. Тогда немедленно выдается другого рода вексель ливерпульским купцом на маклера, под обеспечение того товара... тогда уже дело банкира осведомиться у маклера, есть ли у него товар и сколько дал он под него ссуд. Он должен убедиться, что маклер имеет покрытие, чтобы поправить дело в случае убытков».

(2516.) «Мы получаем также векселя из-за границы. Кто-нибудь покупает за границей вексель на Англию и посылает его в английскую фирму; мы не можем видеть по векселю, выдан ли он разумно или неразумно, представляет ли он товар или ветер».

(2533.) «Вы сказали, что иностранные товары почти всех родов были проданы с большими убытками. Думаете ли вы, что это было следствием неоправдываемой спекуляции с этими товарами?» — «Убытки произошли от слишком большого привоза, между тем как не было соответствующего потребления, которое поглотило бы его. По всей видимости потребление очень сильно уменьшилось». — (2534.) «В октябре... на товары почти не было спроса».

О том, как в кульминационный момент катастрофы раздается всеобщий крик sauve qui peut *, об этом говорит в том же отчете первоклассный знаток — бывалый достопочтенный квакер Самюэл Гёрни, глава фирмы Оверенд, Гёрни и К°:

(1262.) «Когда царит паника, деловой человек не спрашивает себя, по какой цене может он поместить свои банкноты, потеряет ли он 1% или 2% на продаже своих сертификатов или трехпроцентной ренты. Раз он находится под влиянием страха, его не интересует ни прибыль, ни убыток; он старается обезопасить себя самого, все остальные пусть делают, что хотят».

V. О взаимном переполнении обоих рынков г-н Александер, купец, участвующий в ост-индской торговле, показал следующее перед комиссией палаты общин 1857 г. о банковских актах (цитируется «В. С.» 1857):

(4330.) «В настоящий момент, если я заплачу в Манчестере 6 шилл., я получу в Индии 5 шиллингов; если же я заплачу в Индии 6 шилл., я получу в Лондоне 5 шиллингов».

Таким образом индийский рынок благодаря Англии и английский благодаря Индии переполняются в одинаковой мере. И именно такой случай имел место летом 1857 г. через неполных десять лет после горького опыта 1847 года!

* — спасайся, кто может. *Ред.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

НАКОПЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА; ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАВКУ ПРОЦЕНТА

«В Англии происходит постоянное накопление богатства, имеющее тенденцию принять в конечном счете денежную форму. Но вслед за желанием приобретать деньги наиболее настойчивым является желание снова освободиться от них путем какого-нибудь приложения, дающего проценты или прибыль, потому что деньги как деньги ничего не приносят. Поэтому, если одновременно с этим постоянным притоком избыточного капитала не происходит постепенного и достаточного расширения поля деятельности для него, мы неизбежно столкнемся с периодическими накоплениями денег, ищущих приложения, причем эти накопления, смотря по обстоятельствам, могут быть более или менее значительны. В течение многих лет государственные займы были главным средством поглощения избыточного богатства Англии. С того времени, как государственный долг достиг в 1816 г. своего максимума и больше уже не поглощает избыточного богатства, ежегодно оказывалась сумма по меньшей мере в 27 миллионов, ищущая для себя другого приложения. К тому же происходит возврат капиталов в различных видах... Предприятия, нуждающиеся в крупных капиталах и от времени до времени отвлекающие избыток незанятого капитала... абсолютно необходимы, по крайней мере нашей стране, для того, чтобы отвлечь периодические накопления избыточного общественного богатства, которые в обычных отраслях приложения капиталов не могут найти себе места» («The Currency Theory Reviewed». Edinburgh, 1845, p. 32—34).

О положении в 1845 г. там же говорится:

«В течение весьма непродолжительного периода цены поднялись по сравнению с самым низшим пунктом депрессии... трехпроцентный государственный заем котируется почти al pari *... золото в кладовых Английского банка превышает суммы, когда-либо накоплявшиеся там. На всякого рода акции стоят цены, почти никогда не слыханные, а процент так упал, что он почти номинален... Все это доказывает, что теперь в Англии снова налицо обременительное накопление незанятого богатства, что в недалеком будущем нам снова предстоит период спекулятивной горячки» (там же, стр. 36).

«Хотя ввоз золота не служит верным показателем прибылей во внешней торговле, однако, при отсутствии других показателей, часть этого ввоза золота prima facie ** представляет такую прибыль» (J. G. Hubbard.

* — по паритету. *Ред.*
** — прежде всего. *Ред.*

«The Currency and the Country». London, 1843, p. 40—41). «Предположим, что в период устойчивого благоприятного положения дел, прибыльных цен и достаточного денежного обращения вследствие плохого урожая необходим ввоз хлеба и вывоз золота на сумму 5 миллионов. Обращение» {это означает, как сейчас будет видно, не средства обращения, а незанятый денежный капитал.—*Ф. Э.*} «сократится на ту же сумму. Частные лица могут обладать прежним количеством средств обращения, но вклады купцов в их банках, сальдо банков у их денежных маклеров и кассовые резервы банков — все они сократятся, и непосредственным следствием этого сокращения количества незанятого капитала явится повышение процента, скажем с 4% до 6%. Так как дела находятся в нормальном состоянии, доверие не будет поколеблено, но кредит станет цениться выше» (там же, стр. 42). «Если все товарные цены понизятся,.. избыточные деньги обратно притекут в банки в форме увеличенных вкладов, избыток незанятого капитала понизит ставку процента до минимума, и это положение вещей будет продолжаться до тех пор, пока более высокие цены или торговое оживление не введут в дело бездействующие деньги или пока эти деньги не будут затрачены на покупку иностранных ценных бумаг или иностранных товаров» (стр. 68).

Дальнейшие выдержки снова взяты из парламентского отчета о торговом кризисе 1847—1848 годов. — Вследствие неурожая и голода 1846—1847 гг. потребовался большой ввоз продовольственных продуктов.

«Отсюда крупный перевес ввоза над вывозом... Отсюда значительный отлив денег из банков и усиленные требования учесть векселя у учетных маклеров; маклеры начинают строже принимать векселя. Открытый до сих пор кредит подвергся весьма серьезному ограничению, и среди слабых фирм начались крахи. Те, которые полагались исключительно на кредит, обанкротились. Это усилило уже ранее ощущавшееся беспокойство; банкиры и другие увидели, что они не могут с такой уверенностью, как раньше, рассчитывать на превращение своих векселей и других ценных бумаг в банкноты, чтобы выполнить свои обязательства; они еще сильнее сократили кредит, часто вовсе прекращали его; во многих случаях они припрятывали свои банкноты для выполнения своих собственных обязательств; они предпочитали вовсе не выпускать их. Беспокойство и смятение росли с каждым днем, и, если бы не письмо лорда Джона Рассела, всеобщее банкротство было бы налицо» (стр. 74, 75).

Письмо Рассела приостанавливало действие банковского акта. — Вышеупомянутый Чарлз Тёрнер показал:

«У некоторых фирм были большие средства, но они не были свободны. Весь их капитал крепко застрял у земельных собственников на острове Маврикий или на фабриках индиго и сахарных заводах. Некогда приняв обязательства на 500 000—600 000 ф. ст., они не имели свободных средств для платежей по векселям, и в конце концов оказалось, что они могли платить по своим векселям лишь посредством своего кредита и лишь постольку, поскольку его хватало» (стр. 81).

Упоминавшийся С. Гёрни показал:

[1664.] «В настоящее время» (в 1848 г.) «наблюдается сокращение оборотов и большое изобилие денег». — (№ 1763.) «Я не думаю, чтобы

недостаток капитала был причиной, которая так высоко погнала вверх ставку процента; то был страх (the alarm), трудность получить банкноты».

В 1847 г. Англия уплатила загранице по меньшей мере 9 миллионов ф. ст. золота за ввезенные продукты питания. Из них $7^1/_2$ миллиона взяты из Английского банка и $1^1/_2$ из других источников (стр. 245). — Моррис, управляющий Английским банком, заявил:

[3800.] «К 23 октября 1847 г. государственные ценные бумаги и акции каналов и железных дорог были уже обесценены на 114 752 225 фунтов стерлингов» (стр. 312).

Тот же Моррис в ответ на вопрос лорда Дж. Бентинка показал:

[3846.] «Известно ли вам, что весь капитал, помещенный в ценные бумаги и товары всякого рода, обесценился настолько, что сырье — хлопок-сырец, шелк-сырец, сырая шерсть, — посылалось на континент по тем же бросовым ценам и что... сахар, кофе и чай распродавались с аукциона?» — «Нация неизбежно должна была принести значительные жертвы, чтобы справиться с отливом золота, вызванным колоссальным ввозом продуктов питания». — [3848.] «Не думаете ли вы, что было бы лучше потревожить 8 миллионов ф. ст., лежащих в хранилищах банка, чем пытаться возвратить золото с такими жертвами?» — «*Нет, я не думаю этого*».

А вот комментарии к этому героизму. Дизраэли допрашивает г-на У. Коттона, директора и бывшего управляющего Английским банком:

«Как велик был дивиденд, полученный акционерами Банка в 1844 году?» — «7% годовых». — «А дивидент 1847 года?» — «9%». — «Уплачивает ли Банк в текущем году подоходный налог за своих акционеров?» — «Конечно». — «Сделал ли это Банк и в 1844 году?»—«Нет» [83].— «В таком случае, следовательно, этот банковский акт» (1844 г.) «был очень даже в интересах акционеров. Значит, результат таков, что со времени введения в действие нового закона дивиденд акционеров повысился с 7% до 9%, и, кроме того, подоходный налог уплачивается теперь Банком, тогда как прежде он должен был уплачиваться акционерами?» — «*Совершенно верно*». — (№№ 4356—4361.)

Г-н Пиз, провинциальный банкир, сообщает следующее относительно образования денежных запасов в банках во время кризиса 1847 года:

(4605.) «Так как банк был вынужден все более повышать свой процент, то опасения стали всеобщими; провинциальные банки увеличили свои золотые запасы, равно как и суммы банковых билетов; и многие из нас, которые, быть может, в обычное время держали у себя лишь несколько

---

[83]) Т. е. прежде устанавливался дивиденд, и затем уже при выплате дивиденда удерживался с каждого акционера подоходный налог; после же 1844 г. сначала уплачивался налог со всей прибыли Банка, а затем уже распределялся «free of Income Tax» [«свободный от подоходного налога»] дивиденд. Следовательно, номинально один и тот же процент в этом случае был выше на сумму налога. — *Ф. Э.*

сот фунтов в золоте или в банкнотах, стали немедленно накоплять тысячи фунтов в денежных сейфах и конторках, так как царило полное неведение относительно дисконта и способности векселей обращаться на рынке, и таким образом последовало всеобщее накопление денежных запасов».

Один член комиссии замечает:

(4691.) «Следовательно, какова бы ни была причина в течение последних 12 лет, результат во всяком случае был больше в пользу ростовщика и торговца деньгами, чем в пользу производительного класса вообще».

В какой мере эксплуатируют торговцы деньгами кризисные условия, показывает Тук:

«В производстве металлоизделий Уорикшира и Стаффордшира многие заказы на товары в 1847 г. были аннулированы, потому что ставка процента, которую должен был платить фабрикант за учет своих векселей, более чем поглотила бы всю его прибыль» (№ 5451).

Возьмем теперь другой, уже ранее цитированный парламентский отчет: «Report from Select Committee on Bank Acts, communicated from the Commons to the Lords, 1857» (в дальнейшем цитируется как «B. C.» 1857). Вот что показывал на допросе г-н Норман, директор Английского банка и главное светило среди сторонников «currency principle» [115]:

(3635.) «Вы сказали, что держитесь того взгляда, что ставка процента зависит не от количества банкнот, а от спроса и предложения капитала. Не соблаговолите ли вы пояснить, что понимаете вы под капиталом кроме банкнот и металлических денег?» — «Я полагаю, что обычное определение капитала таково: это товары или услуги, употребляемые в производстве». — (3636.) «Все ли товары вы охватываете словом капитал, когда говорите о ставке процента?» — «Все товары, употребляемые в производстве». — (3637.) «Все это вы понимаете под словом капитал, когда говорите о ставке процента?» — «Да. Допустим, что хлопчатобумажному фабриканту требуется хлопок для его фабрики; по всей вероятности, он раздобудет его таким образом, что получит ссуду у своего банкира, отправится с полученными таким путем банкнотами в Ливерпуль и купит хлопок. Что ему действительно требуется, так это хлопок; банкноты или золото ему требуются только как средство получить хлопок. Или, например, ему требуются средства для оплаты рабочих; тогда он снова занимает банкноты и уплачивает ими заработную плату своим рабочим; рабочим, в свою очередь, требуется пища и квартира, и деньги являются средством платежа за них». — (3638.) «Но ведь процент платится за деньги?» — «Конечно, прежде всего; но возьмите другой случай. Допустим, что фабрикант покупает хлопок в кредит, не беря ссуды в банке; тогда разница между ценой за наличный расчет и ценой в кредит в момент истечения срока и будет мерой процента. Процент существовал бы, даже если бы вообще не было на свете денег».

Этот самодовольный вздор вполне достоин этого столпа «currency principle». Прежде всего, гениально открытие, что банкноты или золото являются средством что-нибудь купить, что их берут взаймы не ради них самих. И отсюда должно

следовать, что процентная ставка регулируется чем? Спросом и предложением товаров, хотя мы до сих пор знали только, что они регулируют рыночные цены товаров. Но с одинаковыми рыночными ценами товаров совместимы совершенно различные ставки процента. — И дальше такая мудрость. На правильное замечание: «Но ведь процент платится за деньги», которое, конечно, заключает в себе вопрос: какое отношение к товарам имеет процент, получаемый банкиром, который вовсе не торгует этими товарами? И разве фабриканты, затрачивающие эти деньги на самых различных рынках, т. е. на рынках, где господствует совершенно различное соотношение спроса и предложения употребляемых в производстве товаров, не получают денег по одинаковой процентной ставке? — На этот вопрос наш блестящий гений отвечает: если фабрикант покупает хлопок в кредит, «то разница между ценой за наличный расчет и ценой в кредит в момент истечения срока и будет мерой процента». Наоборот. Существующая ставка процента, регулирование которой пытается разъяснить гений Нормана, определяет разницу между ценой за наличный расчет и ценой в кредит до истечения срока. Прежде всего надо продать хлопок по его цене за наличный расчет, а эта цена определяется рыночной ценой, которая, в свою очередь, регулируется состоянием спроса и предложения. Допустим, что цена = 1 000 фунтам стерлингов. На этом кончается сделка между фабрикантом и хлопковым маклером, поскольку идет речь о купле-продаже. Но сюда присоединяется вторая сделка. Сделка между кредитором и заемщиком. Стоимость в 1 000 ф. ст. дается фабриканту в ссуду хлопком, а он должен возвратить ее деньгами, скажем, через три месяца. Тогда проценты с суммы в 1 000 ф. ст. за три месяца, устанавливаемые в соответствии с рыночной ставкой процента, и составят надбавку к цене за наличный расчет. Цена хлопка определяется спросом и предложением. Но цена ссуженной стоимости хлопка, 1 000 ф. ст. на три месяца, определяется ставкой процента. И тот факт, что сам хлопок превращается таким образом в денежный капитал, служит для г-на Нормана доказательством того, что процент существовал бы, даже если бы вообще не было на свете денег. Не будь вообще денег, во всяком случае не было бы общей ставки процента.

Прежде всего, вульгарно представление о капитале как о «товарах, употребляемых в производстве». Поскольку эти товары фигурируют как капитал, их стоимость как *капитала,* в отличие от их стоимости как *товаров,* выражается в прибыли, которая получается от их производительного или торгового применения. И норма прибыли безусловно имеет всегда извест-

ное отношение к рыночной цене купленных товаров и к их спросу и предложению, но определяется она совсем другими обстоятельствами. И что ставка процента в общем имеет предел в норме прибыли, в этом нет никакого сомнения. Но пусть г-н Норман прямо скажет нам, чем определяется этот предел. Определяется же он спросом и предложением денежного капитала в *отличие* от всех других форм капитала. Но можно было бы дальше спросить: каким образом определяется спрос и предложение денежного капитала? Не подлежит сомнению, что существует скрытая связь между предложением вещественного капитала и предложением денежного капитала, равно как и то, что спрос промышленных капиталистов на денежный капитал определяется условиями действительного производства. Вместо того чтобы разъяснить нам это, г-н Норман раскрывает нам ту премудрость, что спрос на денежный капитал не тождествен со спросом на деньги как таковые; — и только эту премудрость, потому что в глубине души у него, у Оверстона и других пророков «currency principle», таится нечистая совесть, так как они путем искусственного законодательного вмешательства стремились сделать капитал из средства обращения как такового и повысить ставку процента.

Обратимся теперь к лорду Оверстону, alias * Самюэлу Джонсу Лойду, и посмотрим, как ему приходится объяснять, почему он взимает 10% за свои «деньги», раз так редок в стране «капитал».

(3653.) «Колебания ставки процента происходят по одной из двух причин: изменения стоимости капитала»

(Превосходно! Ведь стоимость капитала и есть, вообще говоря, ставка процента! Следовательно, изменение ставки процента происходит здесь от изменения ставки процента! «Стоимость капитала», как мы раньше показали, теоретически никогда не понимается иначе. Или, быть может, г-н Оверстон понимает под стоимостью капитала норму прибыли, — тогда глубокий мыслитель возвращается к тому, что ставка процента регулируется нормой прибыли!)

«или изменения количества имеющихся в стране денег. Все значительные колебания ставки процента, значительные или по продолжительности или по амплитуде колебаний, могут быть явственно сведены к изменениям в стоимости капитала. Наиболее убедительной практической иллюстрацией этого факта может служить повышение ставки процента в 1847 г. и затем в последние два года» (1855—1856); «меньшие колебания ставки процента, вытекающие из изменения количества имеющихся денег,

* — иначе. *Ред.*

невелики как по их амплитуде, так и по их продолжительности. Они происходят часто, и чем они чаще, тем скорее они достигают своей цели»,

т. е. обогащения банкиров à la Оверстон. Милейший Самюэл Гёрни по этому поводу очень наивно выражается перед комиссией палаты лордов, «C. D.» 1848/57:

(1324.) «Придерживаетесь ли вы того мнения, что значительные колебания ставки процента, имевшие место в прошлом году, были выгодны банкирам и торговцам деньгами, или нет?» — «Я думаю, они были выгодны торговцам деньгами. Все колебания в хозяйственной жизни выгодны тем, кто понимает в этом толк (to the knowing men)». — (1325.) «Не несет ли в конце концов банкир потерь при высокой ставке процента вследствие обеднения своих лучших клиентов?» — «Нет, я того мнения, что в сколько-нибудь заметной степени такой результат не имеет места».

Voilà ce que parler veut dire *.

Мы еще возвратимся к вопросу о влиянии на ставку процента количества имеющихся в стране денег. Но уже теперь необходимо заметить, что и здесь Оверстон допускает quid pro quo **. Спрос на денежный капитал в 1847 г. (до октября не было никаких забот из-за недостатка в деньгах, из-за «количества имеющихся денег», как выше назвал его Оверстон) увеличился по различным причинам: вздорожание хлеба, повышение цен на хлопок, невозможность продать сахар вследствие перепроизводства, железнодорожная спекуляция и крах, переполнение внешних рынков хлопчатобумажными товарами, вышеописанный ввоз в Индию и вывоз из Индии *** с единственной целью обзавестись бронзовыми векселями. Все эти обстоятельства, перепроизводство в промышленности, равно как и недопроизводство в земледелии, следовательно, совершенно различные причины обусловили повышение спроса на денежный капитал, т. е. на кредит и деньги. Повысившийся спрос на денежный капитал имел свои причины в ходе самого процесса производства. Но какова бы ни была причина, именно спрос на *денежный* капитал привел к повышению ставки процента, стоимости денежного капитала. Если Оверстон хочет сказать, что стоимость денежного капитала повысилась, *потому что* она повысилась, то это тавтология. Если же он понимает здесь под «стоимостью капитала» повышение нормы прибыли как причину повышения ставки процента, то ошибочность этого положения сейчас будет обнаружена. Спрос на денежный капитал, а потому «стоимость капитала» может повыситься, несмотря на понижение прибыли; как только предложение денежного

* — Вот это ловко сказано. *Ред.*

** — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 453—454. *Ред.*

капитала относительно понизится, повысится его «стоимость». Оверстону хотелось доказать, что кризис 1847 г. и сопровождавшая его высокая ставка процента ничуть не зависели от «количества имеющихся денег», т. е. от положений инспирированного им банковского акта 1844 года; хотя в действительности они зависели от него, поскольку боязнь истощения банкового резерва, — этого творения Оверстона, — присоединила к кризису 1847—1848 гг. денежную панику. Но сейчас вопрос не в этом. Был налицо недостаток денежного капитала, обусловленный чрезмерными, по сравнению с имевшимися средствами, размерами операций и приведший к взрыву вследствие нарушения процесса воспроизводства, вызванного неурожаем, чрезмерным железнодорожным строительством, перепроизводством, особенно хлопчатобумажных товаров, махинациями на индийском и китайском рынках, спекуляциями, чрезмерным ввозом сахара и т. д. Лицам, купившим хлеб тогда, когда он стоил 120 шилл. за квартер, недоставало теперь, когда его цена упала до 60 шилл., именно 60 шилл., переплаченных ими, и на такую же сумму недоставало кредита под залог хлеба. Отнюдь не недостаток в банкнотах мешал им обратить свой хлеб в деньги по старой цене в 120 шилл., как не он мешал и тем, кто ввез слишком много сахара, который затем почти не удавалось продать. Таково же было положение тех господ, которые вложили свой денежный капитал (floating capital) в железные дороги и для возмещения его в своем «законном» деле обратились к кредиту. Все это для Оверстона выражается в «моральном сознании повысившейся стоимости его денег (a moral sense of the enhanced value of his money)». Но этой повысившейся стоимости денежного капитала как раз соответствовала на другой стороне понизившаяся денежная стоимость реального капитала (товарного капитала и производительного капитала). Стоимость капитала в одной форме повысилась, потому что стоимость капитала в другой форме понизилась. Оверстон же пытается отождествить обе эти стоимости различного рода капиталов в единой стоимости капитала вообще и притом таким образом, что противопоставляет их недостатку в средствах обращения, в наличных деньгах. Но одна и та же сумма денежного капитала может быть отдана взаймы при посредстве самого различного количества средств обращения.

Возьмем его пример, относящийся к 1847 году. Официальная ставка учетного процента составляла: в январе 3—3½%, в феврале 4—4½%, в марте по большей части 4%, в апреле (паника) 4—7½%, в мае 5—5½%, в июне в общем 5%, в июле 5%, в августе 5—5½%, в сентябре 5% с небольшими колебаниями до

$5^1/_4$%, $5^1/_2$%, 6%, в октябре 5%, $5^1/_2$%, 7%, в ноябре 7—10%, в декабре 7—5%. — В этом случае процент повышался потому, что прибыли уменьшались и непомерно падали денежные стоимости товаров. Следовательно, если Оверстон говорит здесь, что ставка процента в 1847 г. повысилась, так как стоимость капитала повысилась, то под стоимостью капитала он может понимать здесь только стоимость денежного капитала, а стоимость денежного капитала есть именно ставка процента и ничего более. Но позднее выглядывает лисий хвост — стоимость капитала отождествляется с нормой прибыли.

Что касается высокой ставки процента в 1856 г., то Оверстон действительно не знал, что она была отчасти симптомом появления категории рыцарей кредита, уплачивавших проценты не из прибыли, а из чужого капитала; он утверждал всего лишь за несколько месяцев до кризиса 1857 г., что «положение дел безусловно здоровое».

Далее он говорит [B. C. 1857]

(3722.) «Представление, будто прибыль предприятия уничтожается с повышением ставки процента, в высшей степени ошибочно. Во-первых, повышение ставки процента редко бывает продолжительным; во-вторых, если оно и бывает длительным и значительным, то по существу оно представляет собой повышение стоимости капитала; а почему повышается стоимость капитала? Потому, что поднялась норма прибыли».

Итак, здесь мы, наконец, узнали, какой смысл имеет «стоимость капитала». Впрочем, норма прибыли может оставаться продолжительное время на высоком уровне, а предпринимательский доход упасть и ставка процента повыситься, так что процент поглотит бо́льшую часть прибыли.

(3724.) «Повышение ставки процента было следствием колоссального развития деловой активности в нашей стране и значительного повышения нормы прибыли; и если раздаются жалобы, что повышенная ставка процента разрушает те самые две вещи, которые были ее собственной причиной, то это логический абсурд, о котором не знаешь даже, что сказать».

Но это как раз столь же логично, как если бы он сказал: повышенная норма прибыли была следствием повышения товарных цен спекуляцией, и если раздаются жалобы, что повышение цен уничтожает свою собственную причину, т. е. спекуляцию, то это логический абсурд и т. д. Что какое-нибудь явление может в конце концов уничтожить свою собственную причину, — это логический абсурд только для ростовщика, влюбленного в высокую ставку процента. Могущество римлян было причиной их завоеваний, а эти завоевания уничтожили их могущество. Богатство — причина роскоши, а роскошь действует разрушительно на богатство. Этакий хитрец! Идиотизм современного

буржуазного мира как нельзя лучше характеризуется той почтительностью, какую внушала всей Англии «логика» миллионера, этого dunghill aristocrat *. Впрочем, если высокая норма прибыли и расширение предприятий могут быть причинами высокой ставки процента, то отсюда отнюдь не следует, что высокая процентная ставка является причиной высокой прибыли. Вопрос именно в том и состоит, не удержался ли этот высокий процент (как это действительно показал кризис) или не поднялся ли он до высшей своей точки после того, как от высокой нормы прибыли осталось лишь одно воспоминание.

(3718.) «Что касается значительного повышения учетной ставки процента, то обстоятельство это возникает исключительно из увеличившейся стоимости капитала, а причину увеличившейся стоимости капитала, думается мне, с полной ясностью может открыть всякий. Я уже упоминал о том факте, что за 13 лет действия банковского акта торговля Англии выросла с 45 до 120 миллионов фунтов стерлингов. Восстановите в своей памяти все события, заключающиеся в этих кратких цифровых данных; вспомните колоссальный спрос на капитал, принесший с собой такое неслыханное развитие торговли; вспомните, наконец, что естественный источник предложения для этого громадного спроса, а именно ежегодные сбережения страны, был в течение трех или четырех последних лет использован на не приносящие прибыли военные расходы. Признаюсь, я был поражен, что процент не поднялся еще выше, или, другими словами, я поражен, что трудности получения капитала вследствие таких колоссальных операций не стали еще больше, чем вы их уже наблюдали».

Какое удивительное жонглирование словами у нашего ростовщического логика! Он снова тут со своей повысившейся стоимостью капитала! По-видимому, он воображает себе, что на одной стороне происходило это колоссальное расширение процесса воспроизводства, следовательно, накопление действительного капитала, а на другой находился «капитал», на который возник «колоссальный спрос», вызванный стремлением осуществить это колоссальное увеличение торговли! Но разве это колоссальное увеличение производства не представляло собой самого увеличения капитала и разве, создавая спрос, оно вместе с тем не создавало и предложения и даже увеличенного предложения денежного капитала? Если ставка процента поднялась очень высоко, то ведь только потому, что спрос на денежный капитал рос еще быстрее, чем предложение, другими словами, потому, что с расширением промышленного производства расширилось ведение его на основе кредитной системы. Другими словами, действительное расширение промышленности вызвало усиленный спрос на «ссуды», и этот последний спрос есть, очевидно, то, что наш банкир понимает

* — аристократа навозной кучи. *Ред.*

под «колоссальным спросом на капитал». Конечно, не расширение простого *спроса* на капитал подняло экспортную торговлю с 45 до 120 миллионов. И что понимает дальше Оверстон, когда говорит, что поглощенные Крымской войной ежегодные сбережения страны образуют естественный источник предложения для этого большого спроса? Во-первых, при помощи чего же накопляла Англия в период войны 1792—1815 гг., которая была совсем не такая, как небольшая Крымская война? Во-вторых, если естественный источник иссяк, из какого же источника притекает капитал? Как известно, Англия не брала взаймы у других наций. Но если рядом с естественным источником существует еще искусственный, то ведь было бы самым приятным методом для страны пользоваться естественным источником для войны, а искусственным источником — в торговом деле. Если же был налицо только старый денежный капитал, то ведь не мог он удвоить своей эффективности благодаря высокой ставке процента? Г-н Оверстон, очевидно, полагает, что ежегодные сбережения страны (однако в этом случае, по-видимому, потребленные) превращаются только в денежный капитал. Но если бы не происходило действительного накопления, т. е. повышения производства и увеличения количества средств производства, какой прок был бы от накопления долговых требований в денежной форме к этому производству?

Повышение «стоимости капитала», вытекающее из высокой нормы прибыли, Оверстон путает с повышением, вытекающим из усиленного спроса на денежный капитал. Этот спрос может возрастать по причинам, совершенно не зависимым от нормы прибыли. Сам же Оверстон приводит пример, что в 1847 г. этот спрос усилился вследствие обесценения реального капитала. Смотря по тому, как ему удобнее, он относит стоимость капитала то к реальному капиталу, то к денежному капиталу.

Недобросовестность нашего банкового лорда, так же как и его ограниченная банкирская точка зрения, которую он дидактически подчеркивает, обнаруживается дальше в следующем:

(3728. Вопрос:) «Вы сказали, что, по вашему мнению, учетная ставка не имеет для купца существенного значения; не будете ли так добры сказать, что вы считаете обычной нормой прибыли?»

Дать ответ на этот вопрос г-н Оверстон признает «невозможным».

(3729.) «Допустим, что средняя норма прибыли 7—10%; в таком случае изменение учетной ставки с 2% до 7% или 8% должно существенно повлиять на норму прибыли, не правда ли?»

(Спрашивающий смешивает норму предпринимательского дохода с нормой прибыли и упускает из виду, что норма прибыли является общим источником процента и предпринимательского дохода. Норма процента может оставить без изменения норму прибыли, но не предпринимательский доход. Оверстон отвечает):

«Во-первых, коммерсанты не станут платить такую учетную ставку, которая поглощает значительную часть их прибыли; в этом случае они скорее приостановят свое дело».

(Конечно, если они могут это сделать, не разоряя себя. Пока их прибыль высока, они будут платить дисконт, потому что этого хотят, а раз она низка, они будут платить, потому что вынуждены платить.)

«Что значит дисконт? Почему кто-нибудь учитывает вексель?.. потому что он хочет получить больше капитала».

(Стоп! Потому что он хочет предвосхитить обратный приток в денежной форме своего прочно помещенного капитала и избегнуть застоя в своих делах. Потому что он должен покрыть срочные платежи. Увеличения капитала он требует только, когда дело идет хорошо или, если он спекулирует на чужих капиталах, даже когда оно плохо идет. Дисконтирование отнюдь не является только средством для расширения дела.)

«А почему он хочет получить в свое распоряжение больший капитал? Потому что он хочет применить этот капитал; а почему он хочет применить капитал? Потому что это выгодно, но для него было бы невыгодно, если бы дисконт поглощал его прибыль».

Этот самодовольный логик полагает, что векселя учитываются только для расширения дела и что дело расширяется потому, что оно прибыльно. Первое предположение ложно. Обыкновенный предприниматель дисконтирует, чтобы антиципировать денежную форму своего капитала и тем сохранить непрерывность процесса воспроизводства; он делает это не для того, чтобы расширить дело или раздобыть добавочный капитал, а чтобы компенсировать кредит, который он дает, кредитом, который он получает. И, если он станет расширять свое дело в кредит, учет векселей принесет ему мало пользы, так как учет есть только превращение уже находящегося в его руках денежного капитала из одной формы в другую; он предпочтет заключить твердый заем на более длительный срок. Впрочем, рыцарь кредита учитывает свои бронзовые векселя, чтобы расширить свое дело, чтобы покрыть одно нечистое дело другим; он это делает не для того, чтобы получить прибыль, а чтобы завладеть чужим капиталом.

Отождествив таким образом дисконтирование с займом добавочного капитала (а не с превращением в наличные деньги векселей, представляющих капитал), г-н Оверстон немедленно ретируется, как только его начинают припирать к стенке.

(3730. Вопрос:) «Разве купцы, раз втянувшись в дело, не оказываются вынужденными продолжать некоторое время свои операции, несмотря на временное повышение процента?» — (Оверстон:) «Несомненно, что если при какой-нибудь сделке кто-нибудь может получить в свое распоряжение капитал по более низкой ставке процента вместо высокой, то такой случай, взятый с этой ограниченной точки зрения, для него приятен».

Зато как безгранична точка зрения г-на Оверстона, когда под «капиталом» он вдруг начинает подразумевать только свой банкирский капитал и потому считает человека, учитывающего у него вексель, человеком без капитала, так как капитал последнего существует в товарной форме и так как денежной формой капитала в этом случае является вексель, который превращается г-ном Оверстоном в другую денежную форму.

(3732.) «Можете ли вы в связи с банковским актом 1844 г. указать каково было приблизительно отношение ставки процента к золотому резерву банка; верно ли, что, когда в банке было золота на 9 или на 10 миллионов, ставка процента составляла 6% или 7%, а когда золота было на 16 миллионов, ставка процента стояла на уровне приблизительно 3—4%?» (Спрашивающий хочет заставить его объяснить ставку процента, поскольку она определяется количеством золота в банке, ставкой процента, поскольку она определяется стоимостью капитала.) — «Я не скажу, что это так... но будь это так, мы должны были бы, по моему мнению, принять еще более строгие меры, чем те, которые были приняты в 1844 году; так как, если бы так и было, что чем больше запас золота, тем ниже ставка процента, тогда, согласно этому взгляду, мы должны были бы взяться за дело, увеличить золотой запас до неограниченной суммы, и тогда мы свели бы процент к нулю».

Кейли, поставивший вопрос, нисколько не смущенный этим остроумием, продолжает:

(3733.) «Пусть это так, допустим, что банку были бы возвращены 5 миллионов золотом, в таком случае в течение ближайших шести месяцев золотой запас составил бы около 16 миллионов ф. ст., и допустим, что благодаря этому ставка процента упала бы до 3% или 4%, — тогда как же можно было бы утверждать, что понижение ставки процента произошло от значительного сокращения дел?» — «Я сказал, что имевшее место недавно значительное повышение ставки процента, а не ее падение, тесно связано с значительным расширением дел».

Но Кейли говорил вот что: если повышение ставки процента вместе с сокращением золотого запаса есть показатель расширения дел, в таком случае понижение ставки процента вместе с увеличением золотого запаса должно быть показателем

сокращения дел. На это Оверстон не может дать никакого ответа.

(3736. Вопрос:) «Помнится мне, вы» (в тексте постоянно Your Lordship *) «сказали, что деньги — орудие для получения капитала». (Какая нелепость считать их орудием для получения капитала; они — форма капитала.) «При сокращении золотого запаса» (Английского банка) «не состоит ли, наоборот, бо̀льшая трудность в том, что *капиталисты* не могут достать денег?» — (Оверстон:) «Нет; капиталисты не стремятся приобретать деньги, — это делают не капиталисты. А почему?.. Потому что посредством денег они получают в свое распоряжение капитал капиталистов, чтобы вести дело людей, которые не являются капиталистами».

Здесь он как раз объясняет, что фабриканты и купцы — некапиталисты и что капитал капиталиста — это только денежный капитал.

(3737.) «Разве люди, выписывающие векселя, не капиталисты?» — «Люди, выписывающие векселя, могут быть капиталистами, а могут и не быть».

Здесь он крепко засел.

Ему ставится вопрос, не представляют ли векселя купцов товары, которые они продали или погрузили. Оверстон отрицает, что эти векселя с такой же точностью представляют стоимость товаров, как банкноты — золото (3740, 3741). Вот уж бесстыдство!

(3742.) «Не является ли целью купца получить деньги?» — «Нет, получение денег не составляет цели при выдаче векселя; получение денег, это — цель при учете векселей».

Выдача векселей, это — превращение товара в одну из форм кредитных денег, а учет векселей — лишь превращение этих кредитных денег в другие деньги, а именно в банкноты. Во всяком случае, г-н Оверстон соглашается здесь, что цель учета векселей — получение денег. Раньше он допускал учет только для получения дополнительного капитала, но не для превращения капитала из одной формы в другую.

(3743.) «Каково главное желание торгового мира в условиях паники, имевшей место, по вашим словам, в 1825, 1837 и 1839 годах; стремятся ли деловые люди получить в свое распоряжение капитал или законные платежные деньги?» — «Они стремятся получить в свое распоряжение капитал для дальнейшего ведения своего дела».

Их цель — ввиду наступившего недостатка в кредите получить средства платежа по срочным векселям, выставленным на них самих, чтобы не быть вынужденными продавать свой

* — Ваша светлость. *Ред.*

товар ниже [нормальной] цены. Если у них самих вообще нет капитала, то вместе со средствами платежа они, разумеется, получают одновременно и капитал, потому что они получают стоимость без эквивалента. Спрос на деньги как таковые всегда сводится только к желанию превратить стоимость из формы товара или долговых требований в форму денег. Потому-то, даже если оставить в стороне кризисы, существует большое различие между займом капитала и учетом, который только осуществляет превращение денежных требований из одной формы в другую или в действительные деньги.

{Я — редактор — позволю себе здесь вставить замечание.

У Нормана, как и у Лойда-Оверстона, банкир всегда есть лицо, «ссужающее капитал», а клиент его — лицо, требующее от него «капитал». Так, по словам Оверстона, то или другое лицо учитывает через банкира вексель «потому, что оно хочет получить *капитал*» (3729), и такому человеку очень приятно, если он «может получить в свое *распоряжение капитал* из низких процентов» (3730). «Деньги — орудие для получения *капитала*» (3736), и в случае паники главное желание торгового мира «получить в свое распоряжение *капитал*» (3743). При всей путанице у Лойда-Оверстона на тот счет, что̀ такое капитал, все же из его слов достаточно ясно видно, что то̀, что банкир дает деловому клиенту, он называет капиталом, раньше не имевшимся у клиента и данным ему в ссуду, дополнительно к тому, каким раньше располагал клиент.

Банкир настолько привык фигурировать как распределитель — в форме ссуды — свободного в денежной форме общественного капитала, что всякая функция, при которой он отдает деньги, кажется ему ссудой. Все деньги, которые он выплачивает, представляются ему ссудой. Если банкир расходует деньги прямо на выдачу ссуды, то это верно в буквальном смысле. Если он затрачивает их на учет векселей, то для него самого они в действительности представляют собой ссуду, выданную до истечения срока векселя. Таким путем в голове банкира укрепляется представление, что он не может произвести ни одного платежа, который не был бы ссудой. И именно ссудой не в том только смысле, что всякое помещение денег с целью извлечения процента или прибыли рассматривается с экономической точки зрения как ссуда, которую соответствующий владелец денег в качестве частного лица выдает себе самому в качестве предпринимателя. А ссудой в том определенном смысле, что банкир заимообразно передает клиенту сумму, на которую увеличивается находящийся в распоряжении последнего капитал.

Именно это представление, перенесенное из банкирской конторы в политическую экономию, породило вызывающий путаницу спорный вопрос: является ли то, что банкир наличными деньгами предоставляет в распоряжение своего клиента, капиталом или же только деньгами, средством обращения, currency? Чтобы разрешить этот — по существу простой — спорный вопрос, мы должны стать на точку зрения клиентов банка. Все зависит от того, чего те требуют и что̀ получают.

Если банк соглашается дать своему клиенту заем просто под личный его кредит, без предоставления с его стороны обеспечения, то дело ясно. Клиент безусловно получает определенную по величине стоимости ссуду, как дополнение к его капиталу, которым он до сих пор располагал. Он получает ссуду в денежной форме, следовательно, получает не только деньги, но и денежный *капитал*.

Если же он получает ссуду, выданную под залог ценных бумаг и т. п., то это — ссуда в том смысле, что ему даются деньги под условием их обратной уплаты. Но это не ссуда капитала. Потому что ценные бумаги тоже представляют капитал, и притом на бо̀льшую сумму, чем ссуда. Следовательно, получатель берет меньшую капитальную стоимость, чем отдает в залог; такая операция отнюдь не представляет собой для него приобретения добавочного капитала. Он совершает сделку не потому, что ему нужен капитал, — он уже имеет его в своих ценных бумагах, — а потому, что ему нужны деньги. Здесь, следовательно, перед нами ссуда *денег*, а не капитала.

Если ссуда выдается под учет векселей, тогда исчезает и *форма* ссуды. Налицо простая купля-продажа. Посредством передаточной надписи вексель переходит в собственность банка, а деньги — в собственность клиента; о возврате их с его стороны нет и речи. Если клиент покупает наличные деньги с помощью векселя или другого орудия кредита, то это такая же ссуда, не больше и не меньше, как если бы он купил наличные деньги за какой-нибудь другой товар: хлопок, железо, хлеб. И всего меньше может быть тут речь о ссуде *капитала*. Всякая купля-продажа между торговцами есть передача капитала. Ссуда же имеет место только там, где передача капитала совершается не взаимно, а односторонне и на срок. Поэтому ссуда капитала посредством учета векселей может иметь место только там, где вексель — бронзовый вексель, который отнюдь не представляет проданного товара и который не берет ни один банкир, раз он знает, что̀ это за вексель. Следовательно, в нормальной учетной сделке клиент банка не получает никакой

ссуды ни капиталом, ни деньгами; он получает деньги за проданный товар.

Таким образом случаи, когда клиент требует у банка и получает от него капитал, очень ясно отличаются от тех, когда он получает в ссуду деньги или покупает деньги у банка. И так как именно г-н Лойд-Оверстон имел обыкновение без покрытия выдавать в ссуду свои фонды только в самых редких случаях (он был банкиром моей фирмы [116] в Манчестере), то так же ясно и то, что его прекрасные слова о тех массах капитала, которые великодушные банкиры ссужают нуждающимся в капитале фабрикантам, — сплошная небылица.

Впрочем, в гл. XXXII Маркс говорит по существу то же самое: «Поскольку купцы и производители могут доставить надежное обеспечение, спрос на средства платежа есть просто спрос на то, что *может быть превращено в деньги;* поскольку же этого нет, поскольку, следовательно, ссуда средств платежа доставляет капиталистам не только *денежную форму,* но и недостающий им для платежей *эквивалент* в какой бы то ни было форме, постольку спрос на средства платежа есть спрос на денежный капитал». — Затем в гл. XXXIII: «При развитом кредите, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние, *по крайней мере номинально*, ссужают деньги. Такая ссуда касается лишь денег, находящихся в обращении. Перед нами ссуда *средств обращения,* а не ссуда капиталов, обращающихся при помощи этих средств». — Г-н Чапмен, который это должен знать, также подтверждает вышеприведенное понимание учетной операции:

«В. С.» 1857: «У банкира есть вексель, банкир *купил вексель*». Показания. Вопрос 5139.

Впрочем, мы еще вернемся к этой теме в гл. XXVIII *. — *Ф. Э.*}

(3744.) «Не будете ли так любезны описать, что вы в действительности понимаете под выражением капитал?» — (Ответ Оверстона:) «Капитал состоит из различных товаров, посредством которых ведется дело (capital consists of various commodities, by the means of which trade is carried on); есть основной капитал, и есть оборотный капитал. Ваши корабли, ваши доки, ваши верфи... — основной капитал; ваше продовольствие, ваши платья и т. д. — оборотный капитал».

(3745.) «Имеет ли отлив золота за границу вредные последствия для Англии?» — «Нет, если связывать с этим словом разумный смысл». (Появляется старая теория денег Рикардо)... «При естественном порядке вещей мировые деньги распределяются в известных пропорциях между различными странами; пропорции эти такого рода, что при подобном распределении» (денег) «сношения между какой-нибудь страной, с одной

* См. настоящий том, стр. 499—501. *Ред.*

стороны, и всеми другими странами мира, с другой, являются простым обменом; но бывают пертурбации, от времени до времени влияющие на это распределение; раз они возникают, часть денег данной страны отливает в другие». — (3746.) «Вы употребляете теперь выражение: деньги. Если раньше я вас правильно понял, вы называли это потерей капитала». — «Что называл я потерей капитала?» — (3747.) «Отлив золота». — «Нет, я этого не говорил. Если вы употребляете золото как капитал, то, без сомнения, это будет потерей капитала; это будет отдачей известной части благородного металла, из которого состоят мировые деньги». — (3748.) «Разве раньше вы не говорили, что изменение учетной ставки есть простой показатель изменения стоимости капитала?» — «Да». (3749.) «И что учетная ставка изменяется в общем с изменением золотого запаса Английского банка?» — «Да; но я уже сказал, что колебания ставки процента, вытекающие из изменения количества денег» (следовательно, он понимает здесь количество действительного золота), «в стране очень ничтожны...»

(3750.) «Итак, вы хотите сказать, что произошло уменьшение капитала, раз произошло более продолжительное, но все же только временное, повышение учетного процента сверх обычной нормы?» — «Уменьшение в известном смысле слова. Изменилось соотношение между капиталом и спросом на капитал; но возможно, что вследствие увеличения спроса, а не вследствие уменьшения количества капитала».

(Но ведь только сейчас капитал приравнивался к деньгам, или золоту, и чуть раньше повышение ставки процента объяснялось еще высокой нормой прибыли, происшедшей от расширения, а не от сокращения коммерческой деятельности или капитала.)

(3751.) «Какой это капитал вы имеете здесь специально в виду?» — «Это целиком зависит от того, какой капитал требуется каждому отдельному человеку. Это тот капитал, которым располагает нация для ведения своих дел, и если эти дела увеличатся вдвое, должно наступить большое увеличение спроса на капитал, необходимый для дальнейшего их ведения».

(Этот хитроумный банкир сначала увеличивает вдвое дело и вслед за тем — спрос на капитал, необходимый для этого удвоения. Всегда он видит перед собой лишь своего клиента, требующего у г-на Лойда большего капитала для расширения своего дела вдвое.)

«Капитал таков же, как и всякий другой товар» (но ведь капитал, по мнению г-на Лойда, есть не что иное, как совокупность товаров); «он изменяется в своей цене» (следовательно, товары дважды меняются в цене — один раз как товары, другой — как капитал) «в зависимости от спроса и предложения».

(3752.) «Колебания учетной ставки в общем находятся в связи с колебаниями золотого запаса в хранилищах Банка. Этот ли капитал имеете вы в виду?» — «Нет». — (3753.) «Можете ли вы указать пример, когда в Английском банке были бы накоплены большие запасы капитала и в то же время учетная ставка стояла бы высоко?» — «В Английском банке накопляют не капитал, а деньги». — (3754.) «Вы показали, что ставка процента зависит от количества капитала; не будете ли вы любезны

сказать, какой капитал имеете вы в виду, и не можете ли вы привести пример, когда бы в Банке имелись большие запасы золота и в то же время ставка процента стояла бы высоко?» — «Весьма вероятно» (ага!), «что накопление золота в Банке могло совпасть с низкой ставкой процента, потому что в период слабого спроса на капитал» (именно денежный капитал; время, о котором здесь идет речь, 1844 и 1845 гг., было временем процветания) «естественно можно накоплять то средство или орудие, при помощи которого распоряжаются капиталом». — (3755.) «Следовательно, вы думаете, что между учетной ставкой и количеством золота в кладовых Банка не существует никакой связи?» — «Такая связь, может быть, и существует, но это связь, не имеющая принципиального значения» (но его банковский акт 1844 г. возвел именно в принцип Английского банка регулирование ставки процента по количеству находящегося в его распоряжении золота); «явления эти могут совпадать по времени (there may be a coincidence of time)». — (3758.) «Следовательно, вы хотите сказать, что затруднение купцов здесь в стране в периоды недостатка в деньгах вследствие высокой учетной ставки состоит в том, чтобы получить капитал, а не в том, чтобы получить деньги?» — «Вы смешиваете две разные вещи, которые я в этой форме не соединяю; трудность состоит в том, чтобы получить капитал, и точно так же трудно получить деньги... Трудность получить деньги и трудность получить капитал — одна и та же трудность, рассматриваемая в два различных момента ее проявления».

Здесь рыба снова крепко попалась. Первая трудность — учесть вексель или получить ссуду под залог товара. Трудность состоит в том, чтобы превратить капитал или торговый знак стоимости капитала в деньги. И эта трудность выражается, между прочим, в высокой ставке процента. Но раз деньги уже получены, в чем же тогда состоит вторая трудность? Если речь идет только о платеже, разве кто-нибудь сочтет за трудность освобождение от своих денег? А если речь идет о купле, разве кто-нибудь во времена кризиса испытывал трудность в купле того или иного товара? И если даже допустить, что это касается особого случая вздорожания хлеба, хлопка и т. д., то ведь трудность эта могла бы выражаться не в стоимости денежного капитала, т. е. не в ставке процента, а только в цене товара; и эта трудность ведь уже преодолена тем, что у нашего человека теперь имеются деньги для купли нужного товара.

(3760.) «Но разве повышенная учетная ставка не увеличивает трудности получения денег?» — «Она увеличивает трудность получения денег, но это не те деньги, которыми владеют, это только форма» (и эта форма приносит прибыль в карманы банкира), «в которой выражается возросшая трудность получения капитала в сложных условиях современной цивилизации».

(3763.) (Ответ Оверстона:) «Банкир — это посредник, который, с одной стороны, принимает вклады, с другой — применяет эти вклады, передавая их *в форме капитала* в руки лиц, которые и т. д.».

Здесь мы узнаѐм, наконец, чтò понимает он под капиталом. Он превращает деньги в капитал, «передавая их», — или, говоря менее деликатно, — ссужая их под проценты.

Сказав раньше, что изменение учетной ставки по существу не стоит в связи с изменением суммы золотого запаса Банка или с количеством имеющихся денег, а, самое большее, совпадает по времени, г-н Оверстон повторяет:

(3805.) «Если в стране станет меньше денег вследствие отлива, то стоимость их повысится, и Английский банк должен будет приспособиться к этому изменению в стоимости денег» (следовательно, к изменению стоимости денег *как капитала*, другими словами, к изменению ставки процента, потому что стоимость денег *как денег*, по сравнению с товарами, остается прежняя). «Технически это выражают так, что Банк повышает ставку процента».

(3819.) «Я никогда не смешиваю их друг с другом».

Т. е. деньги и капитал. Он не смешивает их по той простой причине, что он их никогда не различает.

(3834.) «Очень крупная сумма, которую пришлось уплатить» (за хлеб в 1847 г.) «за необходимое для страны продовольствие и которая *в действительности была капиталом*».

(3841.) «Колебания учетной ставки имеют несомненно очень тесную связь с состоянием золотого запаса» (Английского банка), «потому что состояние запаса есть показатель увеличения или уменьшения массы имеющихся в стране денег; и в той же пропорции, в какой увеличивается или уменьшается количество денег в стране, падает или повышается стоимость денег, а с этим сообразуется и банковая учетная ставка».

Таким образом Оверстон признает здесь то, что он категорически отрицал в своем показании № 3755.

(3842.) «Между тем и другим существует тесная связь».

А именно между количеством золота в эмиссионном отделении и резервом банкнот в банковом отделении. Здесь он объясняет изменения ставки процента изменением количества денег. При этом он говорит неправду. Резервы могут сократиться, потому что увеличилось количество обращающихся в стране денег. Такой случай бывает тогда, когда публика берет больше банкноты, а металлический запас не сокращается. Но тогда повысится ставка процента, потому что в этом случае банковый капитал Английского банка по закону 1844 г. [117] ограничен. Но об этом ему не следует говорить, так как в силу этого закона оба отделения банка самостоятельны.

(3859.) «Высокая норма прибыли всегда повлечет за собой усиленный спрос на капитал; усиленный спрос на капитал повысит его стоимость».

Такова, наконец, связь между высокой нормой прибыли и спросом на капитал, как представляет ее себе Оверстон. Между тем в 1844—1845 гг., например в хлопчатобумажной промышленности, господствовала высокая норма прибыли, потому что при сильном спросе на хлопчатобумажные товары хлопок-сырец

был дешев и остался дешев. Стоимость капитала (а по данному Оверстоном ранее определению капитал — это то, что нужно каждому для своего дела), следовательно в данном случае стоимость хлопка-сырца, не повысилась для фабриканта. Пусть высокая норма прибыли побудила какого-нибудь хлопчатобумажного фабриканта занять деньги на расширение своего дела. В таком случае повысился бы его спрос на *денежный* капитал и ни на что больше.

(3889.) «Золото может быть и не быть деньгами, как бумага может быть и не быть банкнотой».

(3896.) «Если я правильно вас понимаю, вы отказываетесь от того положения, которым вы аргументировали в 1840 году: что колебания количества находящихся в обращении банкнот Английского банка должны следовать за колебаниями суммы золотого запаса». — «Я постольку отказываюсь от него... поскольку при нынешнем состоянии наших знаний мы должны присоединить к находящимся в обращении банкнотам еще и те банкноты, которые лежат в банковом резерве Английского банка».

Это превосходно. Произвольное определение, что Банк может печатать столько бумажных банкнот, сколько у него золота в хранилищах и в придачу еще 14 миллионов ф. ст., обусловливает, конечно, то, что выпуск банкнот Банком колеблется вместе с колебаниями золотого запаса. Но так как «нынешнее состояние наших знаний» ясно показало, что количество банкнот, которое согласно закону имеет право фабриковать Банк (и которое эмиссионное отделение передает в банковое отделение), — что это обращение между обоими отделениями Английского банка, колеблющееся с изменением золотого запаса, не определяет колебаний обращения банкнот вне стен Английского банка, то последнее, действительное обращение, становится теперь для администрации Банка безразличным, и решающим становится только обращение между обоими отделениями Банка, отличие которого от действительного выражается резервом. Для внешнего мира это обращение важно лишь постольку, поскольку резерв показывает, насколько приблизился Банк к установленному законом максимуму выпуска банкнот и как много могут еще получить клиенты Банка из банкового отделения.

О mala fides * Оверстона говорит следующий блестящий пример:

(4243.) «Колеблется ли, по вашему мнению, из месяца в месяц количество капитала в такой степени, чтобы стоимость его могла вследствие этого так измениться, как это мы видели за последние годы на колебаниях учетной ставки?» — «Соотношение между спросом и предложением капи-

---

* — недобросовестности. *Ред.*

тала несомненно может изменяться даже в короткие промежутки времени... Если Франция заявит завтра, что она собирается заключить большой заем, то, без сомнения, это тотчас же вызовет в Англии сильное изменение *в стоимости денег, т. е. в стоимости капитала*».

(4245.) «Если Франция даст знать, что ей сразу понадобится для какой-нибудь цели на 30 миллионов товаров, то возникнет, употребляя более научное и простое выражение, сильный спрос на *капитал*».

(4246.) «*Капитал*, который хотела бы купить Франция при помощи своего займа, — это *одно* дело; *деньги*, на которые Франция купит его, — это *другое* дело; так что же изменяет свою стоимость — *деньги* или нет?» — «Мы снова возвращаемся к старому вопросу, и я полагаю, что этот вопрос более подходит для кабинета ученого, чем для зала заседаний этого комитета».

С этими словами он удаляется, но не в кабинет ученого [84].

---

[84] Дальнейшие замечания о путанице понятий у Оверстона в вопросах капитала — в конце главы XXXII /*Ф. Э.*/.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

РОЛЬ КРЕДИТА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Общие замечания, до сих пор высказанные нами по поводу кредита, сводились к следующему:

I. Образование кредита необходимо для того, чтобы опосредствовать выравнивание нормы прибыли или процесс этого выравнивания, на чем покоится все капиталистическое производство.

II. Сокращение издержек обращения.

1) Одной из главных статей издержек обращения являются сами деньги, поскольку они сами имеют стоимость. Экономия денег посредством кредита осуществляется трояким образом:

A. Для значительной части сделок деньги вовсе не нужны.

B. Ускоряется обращение средств обращения [85]. Отчасти это совпадает с тем, что придется сказать в пункте 2). С одной стороны, это ускорение — техническое, т. е. при неизменной величине и количестве действительных товарных оборотов, опосредствующих потребление, меньшее количество денег или денежных знаков исполняет ту же самую службу. Это находится в связи с техникой банковского дела. С другой стороны, кредит увеличивает скорость товарного метаморфоза и вместе с тем скорость денежного обращения.

---

[85] «В среднем в обращении было банкнот Французского банка в 1812 г. 106 538 000 франков; в 1818 г. — 101 205 000 франков, тогда как денежное обращение, общая сумма всех поступлений и платежей, составляло в 1812 г. 2 837 712 000 франков; в 1818 г. — 9 665 030 000 франков. Следовательно, денежное обращение во Франции в 1818 г. относилось к денежному обращению 1812 г. как 3 : 1. Великий регулятор скорости обращения — кредит... Этим объясняется, почему сильное давление на денежный рынок обыкновенно совпадает с заполнением каналов обращения» («The Currency Theory Reviewed etc.», p. 65). — «Между сентябрем 1833 г. и сентябрем 1843 г. в Великобритании возникло около 300 банков, выпускающих собственные банкноты; следствием этого было сокращение банкнот в обращении на $2^1/_2$ миллиона; в конце сентября 1833 г. оно составляло 36 035 244 ф. ст. и в конце сентября 1843 года: 33 518 544 ф. ст.» (там же, стр. 53). — «Удивительная скорость обращения в Шотландии позволяет при помощи 100 ф. ст. исполнить такое же количество денежных сделок, какое в Англии требует 420 ф. ст.» (там же, стр. 55. Последнее касается лишь технической стороны операции).

С. Замещение золотых денег бумажными.

2) Ускорение кредитом отдельных фаз обращения, или метаморфоза товаров, затем метаморфоза капитала, а вместе с тем ускорение процесса воспроизводства вообще. (С другой стороны, кредит позволяет на больший срок отделять друг от друга акты купли и продажи и потому служит основой спекуляции.) Сокращение резервных фондов, что можно рассматривать с двоякой точки зрения: с одной стороны, как уменьшение находящихся в обращении средств обращения, с другой — как сокращение той части капитала, которая должна всегда существовать в денежной форме [86].

III. Образование акционерных обществ. Благодаря этому:

1) Колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

2) Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства.

3) Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, т. е. всю прибыль (потому что содержание управляющего является или должно быть просто заработной платой за известного рода квалифицированный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда), то и тогда вся эта прибыль получается только в форме процента, т. е. вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал. Таким образом, прибыль выступает (уже не одна

---

[86] «До учреждения банков сумма капитала, необходимая для функционирования средств обращения, была всегда больше, чем этого требовало действительное товарное обращение». «Economist», [15 марта] 1845 г., стр. 238.

только часть ее, процент, получающая свое оправдание в прибыли заемщика) как простое присвоение чужого прибавочного труда, возникающее из превращения средств производства в капитал, т. е. из их отчуждения от действительных производителей, из их противоположности как чужой собственности всем действительно участвующим в производстве индивидуумам, от управляющего до последнего поденщика. В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции.

Прежде чем пойти дальше, отметим еще следующий экономически важный факт: так как прибыль принимает здесь чистую форму процента, то подобные предприятия оказываются возможными даже тогда, когда они приносят только процент; здесь же кроется одна из причин, задерживающих падение общей нормы прибыли, так как эти предприятия, где постоянный капитал находится в такой колоссальной пропорции к переменному, не обязательно должны участвовать в выравнивании общей нормы прибыли.

{С тех пор, как Маркс написал эти строки, развились, как известно, новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества. Ежедневно возрастающей быстроте, с какой во всех отраслях крупной промышленности может быть увеличено производство, противостоит постоянно возрастающая медленность расширения рынка для увеличивающегося количества продуктов. То, что промышленность производит в несколько месяцев, то рынок едва может потребить в несколько лет. Сюда же присоединяется политика запретительных пошлин, при помощи которой каждая промышленная страна отгораживает себя от всех других, и в особенности от Англии, и искусственно повышает отечественное производство. Следствием этого являются общее хроническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль; словом, издавна прославленная свобода

конкуренции находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве. Это банкротство выражается именно в том, что в каждой стране крупные промышленники определенной отрасли объединяются в картель для регулирования производства. Картельный комитет устанавливает для каждого предприятия твердую квоту производства и в конечном счете распределяет поступающие заказы. В отдельных случаях возникали время от времени даже международные картели, так, например, картели, объединяющие предприятия английской и германской черной металлургии. Но и этой формы обобществления производства оказалось мало. Противоположность интересов отдельных фирм слишком часто взрывала их союз и снова восстанавливала конкуренцию. Тогда пришли к тому, что в отдельных отраслях, где это позволяла данная ступень развития производства, стали концентрировать все производство этой отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество под единым руководством. В Америке это осуществлялось уже неоднократно, в Европе ярчайшим примером этого рода до сих пор остается «United Alkali Trust», сосредоточивший все английское производство щелочи в руках одной-единственной фирмы. Прежние владельцы отдельных заводов — свыше тридцати — получили за все оборудование по оценочной стоимости в акциях в общем около 5 миллионов ф. ст., представляющих основной капитал треста. Техническое управление остается в руках прежних руководителей, коммерческое же руководство сосредоточивается в руках генеральной дирекции. Оборотный капитал (floating capital) в сумме около одного миллиона ф. ст. был предложен публике для реализации по подписке. Весь капитал треста составляет таким образом 6 миллионов фунтов стерлингов. Таким путем в этой отрасли, образующей основу всей химической промышленности Англии, конкуренция заменена монополией и самым обнадеживающим образом подготовляется будущая экспроприация всем обществом, нацией. — *Ф. Э.*}

Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое prima facie * представляется простым переходным пунктом к новой форме производства. Как такое противоречие оно выступает и в своем проявлении. В известных сферах оно ведет к установлению монополии и потому требует государственного

* — прежде всего. *Ред.*

вмешательства. Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, учредителей и чисто номинальных директоров; оно воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности.

IV. Если оставить в стороне акционерное дело, — которое является упразднением капиталистической частной промышленности на основе самой капиталистической системы и которое по мере того, как расширяется и захватывает новые отрасли производства, уничтожает частную промышленность, — кредит предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное в пределах известных границ распоряжение чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого чужим трудом [87)]. Распоряжение общественным, а не собственным капиталом позволяет ему распоряжаться общественным трудом. Сам капитал, которым владеет лицо в действительности или в общественном мнении, становится базисом кредитной надстройки. В особенности это относится к оптовой торговле, через которую проходит преобладающая часть общественного продукта. Здесь исчезает всякое мерило, всякие более или менее обоснованные в пределах капиталистического способа производства оправдания. Спекулирующий оптовый торговец рискует не *своей*, а общественной собственностью. Вместе с тем пошлой становится фраза о происхождении капитала из сбережений, так как спекулирующий, наоборот, требует, чтобы *другие* делали за него сбережения. {Как недавно вся Франция сберегла полтора миллиарда франков для панамских мошенников. С какой точностью изображено здесь все панамское мошенничество за целых двадцать лет до того, как оно произошло! — *Ф. Э.*} Фразам о воздержании резко противоречит свойственная капиталу роскошь, которая сама теперь

[87)] Посмотрите, например, в «Times» [118] перечень банкротств за такой год кризиса, как 1857, и сравните собственное имущество обанкротившихся с размером их долгов. — «Поистине покупательная способность людей, пользующихся капиталом и кредитом, далеко превосходит все, что могут себе представить те, кто не имеет практического знакомства со спекулятивными рынками» (*Tooke.* «An Inquiry into the Currency Principle», p. 79). «Человек, который слывет имеющим достаточный капитал для своего постоянного дела, и располагает в своей отрасли хорошим кредитом, если он питает сангвиническую уверенность в повышении конъюнктуры производимого им товара и если в начале и в течение его спекуляции ему благоприятствуют обстоятельства, может произвести закупки колоссальных размеров по сравнению с своим капиталом» (там же, стр. 136). — «Фабриканты, купцы и т. д. — все совершают операции, далеко превосходящие размер их капиталов. В настоящее время капитал скорее основа, на которой строится хороший кредит, чем предел оборотов какого-нибудь коммерческого предприятия» («Economist», [20 ноября] 1847 г., стр. 1333).

становится средством кредита. Представления, имевшие еще некоторый смысл на менее развитой ступени капиталистического производства, становятся здесь совершенно бессмысленными. Удача и неудача равно ведут здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе. Экспроприация распространяется здесь с непосредственного производителя на самих мелких и средних капиталистов. Экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление ее является его целью, и, в частности, его целью является экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит все больше придает этим немногим характер чистых рыцарей наживы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то ее движение и передача становятся просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками. В акционерном деле уже существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность; но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими рамками; поэтому вместо того чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде.

Кооперативные фабрики самих рабочих являются, в пределах старой формы, первой брешью в этой форме, хотя они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ

производства. Без фабричной системы, возникающей из капиталистического способа производства, как и без кредитной системы, возникающей из того же самого способа производства, не могла бы развиться кооперативная фабрика. Кредитная система, образующая главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные общества, составляет точно так же и средство к постепенному большему или меньшему расширению кооперативных предприятий в национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоположность устранена отрицательно, а в других — положительно.

До сих пор мы рассматривали развитие кредита и скрыто заключающееся в нем уничтожение капиталистической собственности главным образом в отношении промышленного капитала. В следующих главах мы рассмотрим кредит в отношении капитала, приносящего проценты, как такового, его влияние на последний, форму, которую он здесь принимает; при этом нам придется еще сделать несколько замечаний специфически экономического характера.

Пока только следующее:

Если кредит оказывается главным рычагом перепроизводства и чрезмерной спекуляции в торговле, то лишь потому, что процесс воспроизводства, эластичный по своей природе, форсируется здесь до крайних пределов, и именно потому форсируется, что значительная часть общественного капитала применяется не-собственниками его, пускающимися в силу этого в предпринимательскую деятельность совсем по-иному, чем собственник, который, поскольку он функционирует сам, боязливо взвешивает ограниченные возможности своего частного капитала. Это только свидетельствует о том, что основанное на противоречивом характере капиталистического производства возрастание стоимости капитала допускает действительное, свободное развитие лишь до известного предела и, следовательно, в действительности создает для производства имманентные оковы и пределы, постоянно прорываемые кредитом [88]. Поэтому кредит ускоряет развитие материальных производительных сил и создание мирового рынка, доведение которых как материальных основ новой формы производства до известной высокой степени развития и составляет истори-

---

[88] *Th. Chalmers* [«On Political Economy etc.». Glasgow, 1832].

ческую задачу капиталистического способа производства. Вместе с тем кредит ускоряет насильственные взрывы этого противоречия, кризисы, и тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства.

Присущий кредитной системе двойственный характер: с одной стороны, развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение на эксплуатации чужого труда, в систему чистейшего и колоссальнейшего азарта и мошенничества и все более сокращать число тех немногих, которые эксплуатируют общественное богатство; а с другой — составлять переходную форму к новому способу производства; эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Ло до Исаака Перейры свойственный им приятный характер помеси мошенника и пророка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ И КАПИТАЛ; ВОЗЗРЕНИЯ ТУКА И ФУЛЛАРТОНА

Различие между средствами обращения и капиталом, как изображают это различие Тук [89], Уилсон и другие, при этом сваливающие в одну кучу различия между средствами обра-

---

[89] Приведем здесь в оригинале соответствующее место из Тука, цитируемое в выдержке по-немецки на стр. 390 [настоящий том, стр. 444]: «The business of bankers, setting aside the issue of promissory notes payable on demand, may be divided into two branches, corresponding with the distinction pointed out by Dr. (Adam) Smith of the transactions between dealers and dealers, and between dealers and consumers. One branch of the bankers' business is to collect *capital* from those, who have not immediate employment for it, and to distribute or transfer it to those who have. The other branch is to receive deposits of the *incomes* of their customers, and to pay out the amount, as it is wanted for expenditure by the latter in the objects of their consumption... the former being a circulation of *capital*, the latter of *currency*» [«Банкирское дело, если оставить в стороне выпуск долговых обязательств с платежом на предъявителя, может быть разделено на двоякого рода операции, отвечающие установленному д-ром (Адамом) Смитом делению сделок между самими торговцами и между торговцами и потребителями. Один род банкирских операций состоит в том, чтобы собирать *капитал* с тех, кто не находит для него непосредственного применения, и распределять его или передавать тем, кто может его применить. Другой род операций состоит в том, чтобы принимать вклады из *доходов* своих клиентов и выплачивать им суммы, необходимые для расходов на предметы потребления... Первое есть обращение *капитала*, последнее — обращение *средств обращения*»]. — *Tooke*. «Inquiry into the Currency Principle». London, 1844, p. 36. Первый род операций есть «the concentration of capital on the one hand and the distribution of it on the other» [«концентрация капитала, с одной стороны, и распределение его, с другой»], второй — «administering the circulation for local purposes of the district» [«регулирование обращения для местных нужд округи»]. (Там же, стр. 37.) — Гораздо ближе подходит к истинному пониманию вопроса Киннир в следующем месте: «Деньги употребляются для двух существенно различных операций. Как средства обмена между торговцами они являются орудием, посредством которого осуществляется передача капитала, т. е. обмен определенной суммы капитала в деньгах на равную сумму капитала в товарах. Но деньги, затрачиваемые на уплату заработной платы и для осуществления купли и продажи торговцем и потребителем, — это не капитал, а доход; это часть дохода всего общества, предназначающаяся для ежедневного расходования. Эти деньги обращаются в постоянном ежедневном употреблении, и только эти деньги могут быть названы в строгом смысле слова средствами обращения (currency). Ссуды капитала зависят исключительно от воли банка и других владельцев капитала, — заемщики всегда найдутся; но сумма средств обращения зависит от потребностей общества, в пределах которых деньги обращаются с целью ежедневного расходования» (*J. G. Kinnear*. «The Crisis and the Currency». London, 1847 [p. 3—4]).

щения как деньгами, денежным капиталом вообще и капиталом, приносящим проценты (moneyed capital в английском смысле), сводится к следующим двум пунктам.

Средства обращения обращаются, с одной стороны, как *монета* (деньги), поскольку они опосредствуют *расходование доходов,* следовательно, обмен между индивидуальными потребителями и розничными торговцами; к последним следует причислить всех купцов, продающих потребителям — индивидуальным потребителям, в отличие от производительных потребителей, или производителей. Здесь деньги обращаются в функции монеты, хотя они постоянно *возмещают капитал.* Известная часть денег в стране всегда предназначается для этой функции, хотя эта часть слагается из постоянно меняющихся отдельных единиц денег. Напротив, поскольку деньги опосредствуют *передачу капитала,* в качестве ли покупательного средства (средства обращения) или в качестве средства платежа, они представляют собой *капитал.* Следовательно, не функция денег как покупательного средства и не функция денег как средства платежа отличает их от монеты, потому что деньги могут функционировать как покупательное средство даже между торговцами, поскольку последние покупают друг у друга на наличные, и потому что они могут функционировать как средство платежа также между торговцем и потребителем, поскольку дается кредит и доходы сначала потребляются, а потом оплачиваются. Следовательно, различие состоит в том, что во втором случае эти деньги не только возмещают капитал для одной стороны, продавца, но и расходуются, авансируются как капитал другой стороной, покупателем. Следовательно, в действительности это — отличие *денежной формы дохода от денежной формы капитала,* а не отличие средств обращения от капитала, потому что в качестве посредника между торговцами, равно как и в качестве посредника между потребителем и торговцем, *обращается* определенная по своему количеству часть денег, и потому в *обеих* этих функциях деньги в одинаковой мере служат *средством обращения.* Но в воззрении Тука имеет место различного рода путаница:

1) вследствие смешения функциональных определений;

2) вследствие привнесения вопроса о количестве денег, обращающихся в обеих функциях вместе взятых;

3) вследствие привнесения вопроса о соотношении количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства.

К пункту 1) о смешении функциональных определений, т. е. о непонимании того, что деньги в одной форме являются

средствами обращения (currency), а в другой форме — капиталом. Поскольку деньги служат в той или другой функции, служат для реализации дохода или для передачи капитала, они функционируют в купле и продаже или при платеже как покупательное средство или средство платежа и в более широком смысле слова как средство обращения. Дальнейшее определение денег, которое они имеют в счете того, кто их тратит или в счете того, кто их получает, —определение, выражающееся в том, что они представляют для данного лица капитал или доход, —абсолютно ничего здесь не меняет; и это обнаруживается также двояко. Хотя виды денег, обращающихся в обеих сферах, различны, но одна и та же единица денег, например, пятифунтовая банкнота, переходит из одной сферы в другую и попеременно выполняет обе функции; это неизбежно уже потому, что розничный торговец может придать своему капиталу денежную форму только в форме той монеты, которую он получает от своих покупателей. Можно принять, что собственно разменная монета обращается главным образом в сфере розничной торговли; она постоянно нужна розничному торговцу для размена, и он постоянно получает ее обратно в платежах от своих клиентов. Но он получает также деньги, т. е. монету в том металле, который служит мерой стоимости; следовательно, в Англии — фунты стерлингов и даже банкноты, а именно банкноты небольшим достоинством, например в 5 или 10 фунтов. Эти золотые монеты и банкноты вместе с излишней разменной монетой каждый день или каждую неделю он депонирует в своем банке и оплачивает ими свои закупки, выписывая чеки на свой счет в банке. Но те же самые золотые монеты и банкноты столь же постоянно, прямо или косвенно, извлекаются из банков всей публикой как потребителем в качестве денежной формы дохода (например, фабриканты берут мелкие деньги для выплаты заработной платы) и постоянно обратно притекают к розничным торговцам, для которых они таким образом вновь реализуют часть их капитала, но вместе с тем и часть их дохода. Это последнее важное обстоятельство Тук совершенно упускает из виду. Лишь когда деньги затрачиваются как денежный капитал в начале процесса воспроизводства («Капитал», кн. II, отд. 1 [119]), капитальная стоимость существует как таковая в чистом ее виде. Потому что в произведенном товаре заключается не только израсходованный капитал, но уже и прибавочная стоимость, товар есть не только капитал потенциально, но уже осуществившийся капитал, капитал с присоединенным к нему источником дохода. Следовательно, то, чтò розничный торговец отдает за деньги, обратно притекающие к нему, — его товар, — пред-

ставляет собой для него капитал плюс прибыль, капитал плюс доход.

Далее, обращающиеся деньги, обратно притекая к розничному торговцу, снова восстанавливают денежную форму его капитала.

Следовательно, совершенно неправильно превращать различие между обращением как обращением дохода и обращением как обращением капитала в различие между средством обращения и капиталом. Такой оборот мысли происходит у Тука потому, что он просто становится на точку зрения банкира, выпускающего собственные банкноты. Сумма его банкнот, постоянно находящаяся на руках у публики (хотя и постоянно слагающаяся не из одних и тех же банкнот) и функционирующая как средство обращения, ничего ему не сто̀ит, кроме бумаги и расходов на печатание. Это выставленные на него самого обращающиеся долговые обязательства (векселя), которые, однако, приносят ему деньги и таким образом служат средством увеличения стоимости его капитала. Но они отличны от его капитала, будь то собственный капитал или капитал, взятый в ссуду. Отсюда для него вытекает специальное различие между средством обращения и капиталом, которое, однако, не имеет ничего общего со значением этих понятий самих по себе и всего менее с тем их значением, какое они получили у Тука.

Различная определенность денег — функционируют ли они как денежная форма дохода или как денежная форма капитала — прежде всего ничего не изменяет в характере денег как средства обращения; они сохраняют этот характер, выполняют ли они ту или другую функцию. Впрочем, если деньги выступают как денежная форма дохода, они функционируют больше в качестве собственно средств обращения (монеты, покупательного средства), вследствие раздробления этих покупок и продаж и потому что большинство расходующих доход — рабочие — сравнительно мало могут купить в кредит, тогда как в оборотах торгового мира, где средство обращения представляет собой денежную форму капитала, деньги, частью вследствие концентрации [капитала], частью вследствие преобладания кредитной системы, функционируют главным образом как средство платежа. Но различие между деньгами как средством платежа и деньгами как покупательным средством (средством обращения) есть различие, принадлежащее самим деньгам, а не различие между деньгами и капиталом. Из-за того, что в розничной торговле обращается больше медной и серебряной монеты, а в оптовой — больше золотой, различие между серебряной и медной монетой, с одной стороны, и золотой,

с другой, не становится различием между средством обращения и капиталом.

К пункту 2) о привнесении вопроса о количестве денег, обращающихся в обеих функциях вместе взятых. Поскольку деньги обращаются или как покупательное средство или как средство платежа, — безразлично, в какой из двух сфер и независимо от их функции реализовывать доход или капитал, — сохраняют свою силу ранее развитые при исследовании простого товарного обращения законы относительно количества обращающихся денег («Капитал», кн. I, гл. III, 28, 2, в). Массу обращающихся денег, currency, в обоих случаях определяет скорость обращения, т. е. число повторений одними и теми же деньгами в данный промежуток времени одной и той же функции покупательного средства и средства платежа, количество одновременных покупок и продаж, соответственно платежей, сумма цен обращающихся товаров, наконец, ее определяют подлежащие сальдированию в это же самое время платежные балансы. Представляют ли функционирующие таким образом деньги для плательщика или получателя капитал или доход — это безразлично, от этого абсолютно ничего не меняется в положении дела. Масса денег просто определяется их функциями как покупательного средства и средства платежа.

К пункту 3), к вопросу о соотношении количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства. Обе сферы обращения внутренне связаны, потому что, с одной стороны, сумма подлежащих израсходованию доходов выражает размеры потребления, а с другой — величина обращающихся в производстве и торговле капиталов выражает размеры и быстроту процесса воспроизводства. Несмотря на это, одни и те же обстоятельства влияют различно, и даже в противоположном направлении, на количество денежных масс, обращающихся в обеих функциях или сферах, или, как говорят англичане на своем банковском языке, на количество обращения. И это снова дает Туку повод к вульгарному разграничению средств обращения и капитала. (То обстоятельство, что господа, представляющие «денежную школу» [120], смешивают две разные вещи, отнюдь не дает основания изображать их как различные понятия.)

В периоды процветания, большого расширения, ускоренного и энергичного процесса воспроизводства рабочие заняты полностью. В большинстве случаев наступает и повышение заработной платы, несколько выравнивающее ее падение ниже среднего уровня в другие периоды коммерческого цикла. Вместе с тем значительно растут доходы капиталистов. Потребление повсюду

повышается. Товарные цены тоже регулярно повышаются, по крайней мере в решающих отраслях предпринимательской деятельности. Вследствие этого возрастает количество обращающихся денег, по крайней мере в известных границах, ибо бòльшая скорость обращения, в свою очередь, ставит предел возрастанию количества средств обращения. Так как часть общественного дохода, состоящая из заработной платы, первоначально авансируется промышленным капиталистом в форме переменного капитала и всегда в форме денег, то в периоды процветания она требует больше денег для своего обращения. Но мы не должны дважды считать их: первый раз как деньги, необходимые для обращения переменного капитала, и второй раз как деньги, необходимые для обращения дохода рабочих. Уплачиваемые рабочим в виде заработной платы деньги расходуются в розничной торговле и приблизительно еженедельно возвращаются в банки в качестве вкладов розничных торговцев, предварительно обслужив в мелких кругооборотах ряд разного рода промежуточных сделок. В периоды процветания возврат денег к промышленным капиталистам протекает гладко, и, таким образом, их потребность в денежных ссудах растет не от того, что им необходимо выплатить больше заработной платы, не от того, что требуется больше денег для обращения их переменного капитала.

Общий результат таков, что в периоды процветания масса средств обращения, служащих для расходования доходов, значительно возрастает.

Что же касается обращения, необходимого для передачи капитала, следовательно обращения только между самими капиталистами, то время бойких дел является вместе с тем и периодом самого эластичного и легкого кредита. Скорость обращения между самими капиталистами непосредственно регулируется кредитом, и масса средств обращения, требующихся для покрытия платежей и даже для покупок за наличный расчет, сравнительно сокращается. Абсолютно она может увеличиться, но относительно, по сравнению с расширением процесса воспроизводства, она при всех обстоятельствах сокращается. С одной стороны, крупные массовые платежи погашаются без всякого посредничества денег; с другой — вследствие сильного оживления процесса воспроизводства ускоряется движение одного и того же количества денег в качестве как покупательного средства, так и средства платежа. Та же самая масса денег опосредствует обратный приток большего количества отдельных капиталов.

В общем в такие периоды денежное обращение является полным (full), хотя часть II его (передача капитала)

сокращается, по крайней мере относительно, тогда как часть I (расходование доходов) абсолютно расширяется.

Обратный приток денег выражает обратное превращение товарного капитала в деньги, *Д — Т — Д'*, как это мы видели при исследовании процесса воспроизводства («Капитал», кн. II, отд. I). Обратный приток в денежной форме становится благодаря кредиту независимым от времени действительного возврата как для промышленного капиталиста, так и для купца. Каждый из них продает в кредит; следовательно, их товар отчуждается прежде, чем он превратится для них в деньги, т. е. прежде, чем он обратно вернется к ним самим в форме денег. С другой стороны, каждый из них покупает в кредит, и, таким образом, стоимость их товара совершает для них обратное превращение в производительный капитал или в товарный капитал прежде, чем эта стоимость действительно превратится в деньги, прежде, чем цена товаров будет оплачена. В такие периоды процветания обратное возвращение капитала протекает легко и гладко. Розничный торговец точно в срок расплачивается с оптовым торговцем, этот последний — с фабрикантом, фабрикант — с поставщиком сырья и т. д. Видимость быстрого и верного обратного притока капитала всегда сохраняется еще долго после того, как в действительности этого уже нет, — сохраняется благодаря налаженному кредиту, потому что возврат посредством кредита замещает действительный возврат. Банки начинают предчувствовать беду, как только их клиенты станут уплачивать больше векселями, чем деньгами. См. вышеприведенное показание управляющего ливерпульского банка, стр. 398 *.

Здесь следует еще вставить то, о чем я упоминал раньше: «В периоды, когда кредит процветает, скорость обращения денег увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров, между тем как при сокращении кредита цены товаров падают медленнее, чем скорость обращения» («К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 83, 84 [121]).

В периоды кризисов отношение становится обратным. Обращение № I сокращается, цены падают, падает также и заработная плата; число занятых рабочих сокращается, масса оборотов уменьшается. Напротив, в обращении № II с сокращением кредита увеличивается потребность в денежных ссудах — обстоятельство, на котором мы сейчас остановимся подробнее.

Не подлежит никакому сомнению, что с сокращением кредита, совпадающим с застоем в процессе воспроизводства,

* См. настоящий том, стр. 454. *Ред.*

сокращается масса средств обращения, требующихся для № I, расходования доходов, тогда как для № II, для передачи капиталов, она увеличивается. Но необходимо исследовать, насколько это положение тождественно с положением, выставленным Фуллартоном и др.:

«Спрос на заемный капитал и спрос на добавочные средства обращения — совершенно различные вещи и не часто встречаются вместе» [90].

---

[90] A demand for capital on loan and a demand for additional circulation are quite distinct things, and not often found associated (*Fullarton*. «On the Regulation of Currencies». London, 1845, p. 82. Заголовок к гл. 5). — «В самом деле, крупная ошибка полагать, будто спрос на денежную ссуду» (т. е. на заем капитала) «тождествен спросу на добавочные средства обращения или что тот и другой часто выступают вместе. Каждый из них возникает вследствие обстоятельств, только ему свойственных, и весьма отличен от другого спроса. Когда все представляется в состоянии расцвета, когда заработная плата высока, цены повышаются, и фабрики загружены работой, тогда обыкновенно требуется дополнительное предложение *средств обращения* для выполнения дополнительных функций, не отделимых от необходимости производить более крупные и многочисленные платежи; тогда как на более поздней стадии коммерческого цикла, когда начинают выступать затруднения, когда рынки переполнены и обратные выручки задерживаются, процент повышается, к банкам предъявляется, главным образом, усиленный спрос на ссуду *капитала*. Несомненно, что банк, кроме выпуска банкнот, не имеет иного средства, при помощи которого он обыкновенно ссужает капитал; и что, следовательно, отказать в банкнотах — значит отказать в ссуде. Но раз ссуда разрешена, все сообразуется с потребностями рынка; заем остается, а средство обращения, если в нем нет нужды, возвращается обратно к ссудившему. Согласно этому, даже поверхностный взгляд на парламентские отчеты может убедить всякого, что количество ценных бумаг, находящихся в распоряжении Английского банка, обыкновенно колеблется в направлении, противоположном обращению его банкнот, а не в одном направлении с ним, и, следовательно, что пример этого крупного учреждения подтверждает испытанное правило провинциальных банков, что никакой банк не может повысить выпуск своих банкнот за пределы потребностей, для удовлетворения которых обычно служит обращение банкнот; если же банк хочет выдавать ссуды свыше этой суммы, он должен производить их за счет своего капитала, т. е. или пустить в оборот служившие обеспечением ценные бумаги или употребить для этой цели денежные поступления, которые иначе он поместил бы в ценные бумаги. Таблица, составленная по парламентским отчетам за 1833—1840 гг., на которую я ссылался на одной из предыдущих страниц, неизменно подтверждает эту истину; но два из них так замечательны, что я не могу обойти их. 3 января 1837 г., когда для поддержания кредита и противодействия затруднениям денежного рынка понадобилось крайнее напряжение ресурсов Банка, мы находим, что его ссуды и учетные операции достигли огромной суммы в 17 022 000 ф. ст., суммы, едва ли наблюдавшейся после войны и почти равной всей сумме эмиссии, которая между тем оставалась без движения на таком низком уровне, как 17 076 000 фунтов стерлингов! С другой стороны, на 4 июня 1833 г. мы имеем средств обращения на 18 892 000 ф. ст. при счете частных обеспечений еще более низком, если только не самом низком за последнее полустолетие, — не свыше 972 000 фунтов стерлингов!» (*Fullarton*, там же, стр. 97, 98). — Из следующих показаний г-на Уэгелина, управляющего Английским банком, видно, что отнюдь не требуется, чтобы «demand for pecuniary accomodation» [спрос на денежные ссуды] был тождествен с «demand for gold» [спросом на золото] (что Уилсон, Тук и др. называют капиталом). «Учет векселей не свыше этой суммы» (до одного миллиона ежедневно в течение трех дней подряд) «не сократил бы запаса» (банкнот), «если бы публика не требовала большей суммы активного обращения. Банкноты, выданные при учете векселей, возвращались бы обратно при посредстве банков и путем вкладов. Если целью таких сделок не является вывоз золота или если внутри страны не господствует такого рода паника, когда публика крепко держит свои банкноты вместо того, чтобы производить ими платежи банку, то такие грандиозные обороты не повлияли бы на запас». — «Банк может ежедневно учитывать на полтора миллиона, и это происходит постоянно, нисколько не затрагивая его

Прежде всего ясно, что в первом из двух вышеуказанных случаев, в периоды процветания, когда масса находящихся в обращении средств обращения должна расти, спрос на них увеличивается. Но ведь так же ясно, что если фабрикант берет со своего счета в банке больше золота или банкнот, потому что ему предстоит израсходовать больше капитала в денежной форме, то от этого его спрос на капитал не растет, а растет лишь спрос на ту особую форму, в которой он расходует свой капитал. Спрос касается лишь технической формы, в которой он бросает свой капитал в обращение. Точно так же, как, например, при различном развитии кредита один и тот же переменный капитал, одно и то же количество заработной платы, требует в одной стране большего количества средств обращения, чем в другой: в Англии, например, больше, чем в Шотландии, в Германии больше, чем в Англии. Равным образом в сельском хозяйстве один и тот же капитал, действующий в процессе воспроизводства, требует для исполнения своей функции в различные времена года различного количества денег.

Но противоположность в той постановке, в какой ее дает Фуллартон, неверна. Отнюдь не сильный спрос на ссуды, как он говорит, отличает периоды застоя от процветания, а та легкость, с какой этот спрос удовлетворяется во времена процветания, и та трудность, с какой он удовлетворяется при наступившем застое. Ведь именно огромное развитие кредитной системы в период процветания, стало быть, также колоссальное повышение спроса на ссудный капитал и наличие его постоянного предложения в такие периоды, создает кредитные затруднения в период застоя. Следовательно, не различие в величине спроса на ссуды характеризует оба периода.

Как уже было сказано раньше, оба периода различаются прежде всего тем, что в период процветания преобладает спрос на средства обращения между потребителями и торговцами, в период застоя — спрос на средства обращения между капиталистами. В период застоя в делах первый спрос сокращается, второй — усиливается.

Фуллартону и другим кажется имеющим решающее значение, что в такие времена, когда размеры securities — залоговых свидетельств и векселей — в распоряжении Английского банка увеличиваются, обращение его банкнот сокращается, и наоборот. Но размер securities отражает объем денежных операций, учтен-

---

запасов. Банкноты возвращаются обратно в виде вкладов, и единственное происходящее при этом изменение состоит в простом переносе их с одного счета на другой» («Report on Bank Acts». 1857. Evidence № 241, 500). Следовательно, банкноты служат здесь только средством передачи кредитов.

ных векселей и ссуд под ходовые ценные бумаги. Так, Фуллартон в приведенном выше месте (примечание 90, стр. 435) * говорит, что количество ценных бумаг (securities), находящихся в распоряжении Английского банка, обыкновенно колеблется в направлении, противоположном обращению его банкнот, и это подтверждает испытанное правило частных банков, что никакой банк не может повысить выпуск своих банкнот за пределы известной суммы, определяемой потребностями его клиентов; если же банк хочет выдавать ссуды свыше этой суммы, он должен производить их за счет своего капитала, т. е. или пустить в оборот ценные бумаги или употребить для этой цели денежные поступления, которые иначе он поместил бы в ценные бумаги.

Здесь, однако, выясняется, что̀ понимает Фуллартон под капиталом. Что называется здесь капиталом? Банк не может более выдавать ссуд своими собственными банкнотами, платежными обязательствами, которые, конечно, ему ничего не стоят. Но в таком случае при помощи чего он выдает ссуды? Он выдает их из выручки от продажи имеющихся в запасе securities, т. е. государственных бумаг, акций и других процентных бумаг. Но за что продает он эти бумаги? За деньги, за золото или банкноты, поскольку последние являются узаконенным средством платежа, как банкноты Английского банка. Следовательно, то, что̀ он дает в ссуду, есть во всяком случае деньги. Но теперь эти деньги образуют часть его капитала. Если он дает в ссуду золото, то это само собой очевидно. Если — банкноты, то теперь эти банкноты представляют капитал, потому что банк отдал в обмен за них действительную стоимость, процентные бумаги. У частных банков банкноты, приливающие к ним вследствие продажи ценных бумаг, в большей своей части могут быть только банкнотами Английского банка или их собственными, так как другие едва ли принимаются в уплату за ценные бумаги. Если же эту операцию производит сам Английский банк, то его собственные банкноты, которые он получает обратно, сто̀ят ему капитала, т. е. процентных бумаг. Кроме того, он таким способом извлекает из обращения свои собственные банкноты. Если он вновь выпускает эти банкноты или вместо них новые на такую же сумму, то они, следовательно, представляют теперь капитал. И притом они одинаково представляют капитал как в том случае, когда они выдаются в ссуду капиталистам, так и в том случае, если впоследствии при сокращении спроса на такие денежные ссуды они снова употребляются на приобретение ценных бумаг. Во всех этих случаях слово «капитал»

---

* См. настоящий том, стр. 493. *Ред.*

употребляется здесь только в банкирском смысле, причем оно означает, что банкир вынужден выдавать ссуды на сумму бо̀льшую, чем просто его кредит.

Как известно, Английский банк выдает все свои ссуды своими банкнотами. Если же, несмотря на это, обращение банкнот, как правило, сокращается, по мере того как увеличивается в его руках количество учтенных векселей и залоговых, следовательно, по мере того как увеличивается количество выданных им ссуд, то что̀ происходит с банкнотами, выпущенными в обращение, каким образом они приливают обратно в Банк?

Прежде всего, если спрос на денежные ссуды вызывается неблагоприятным национальным платежным балансом и, следовательно, опосредствует отлив золота, то дело очень просто. Векселя учитываются в банкнотах. Банкноты в самом же Банке, в эмиссионном отделении, обмениваются на золото, и золото вывозится за границу. Это все равно, как если бы Банк при самом учете векселей прямо платил золотом, без посредства банкнот. Такое усиление спроса, достигающее в известных случаях от 7 до 10 миллионов ф. ст., конечно, не прибавляет к внутреннему обращению страны ни одной пятифунтовой банкноты. Если же говорят, что Банк дает при этом в ссуду капитал, а не средства обращения, то это имеет двоякий смысл. Во-первых, что он дает в ссуду не кредит, а действительную стоимость, часть своего собственного или депонированного у него капитала. Во-вторых, что он дает в ссуду деньги не для внутреннего, а для международного обращения, дает мировые деньги; а для такой цели деньги всегда должны находиться в форме сокровища, в своей металлической телесности, в форме, в которой они не только представляют собой форму стоимости, но сами равны той стоимости, денежной формой которой они являются. Хотя это золото как для Банка, так и для экспортера золота представляет капитал, — банкирский капитал или купеческий капитал, — однако спрос на него возникает не как спрос на капитал, а как спрос на абсолютную форму денежного капитала. Он возникает именно в тот момент, когда заграничные рынки переполнены не находящим реализации английским товарным капиталом. Следовательно, при этом требуется капитал не как *капитал,* а капитал как *деньги,* в форме, в которой деньги суть всеобщий товар мирового рынка; а это есть их первоначальная форма, как благородного металла. Следовательно, отлив золота не есть, как говорят Фуллартон, Тук и др., «a mere question of capital» *, а «a question of money» **,

* — «просто вопрос капитала». *Ред.*

** — «вопрос денег». *Ред.*

хотя и в их специфической функции. То обстоятельство, что это не вопрос *внутреннего* обращения, как утверждают представители «денежной школы», конечно, не служит доказательством того, что это просто «question of capital», как полагают Фуллартон и др. Это «a question of money» в той форме, в которой деньги служат международным средством платежа.

«Передается ли этот капитал» (цена миллионов квартеров иностранной пшеницы, купленной в связи с неурожаем в своей стране) «товарами или деньгами, — это обстоятельство нисколько не влияет на характер сделки» (Fullarton, цит. соч., стр. 131).

Но от этого весьма зависит, происходит отлив золота или нет. Капитал вывозится в форме благородного металла, потому что в форме товаров он или совсем не может быть вывезен или только с очень большими убытками. Страх современной банковской системы перед отливом золота превосходит все, что когда-либо грезилось представителям монетарной системы, для которых благородный металл — единственное истинное богатство. Возьмем, например, следующее показание управляющего Английским банком Морриса перед парламентской комиссией по кризису 1847 года.

(3846. Вопрос:) «Когда я говорю об обесценении запасов (stocks) и основного капитала, то я имею в виду, что весь капитал, помещенный в запасы и продукты всякого рода, обесценился таким же образом; что хлопок-сырец, шелк-сырец, сырая шерсть посылались на континент по таким же бросовым ценам и что сахар, кофе и чай распроданы с аукциона с большими убытками?» — «Страна неизбежно должна была принести *значительные жертвы,* чтобы предотвратить *отлив золота,* вызванный колоссальным ввозом продуктов питания». — (3848.) «Не думаете ли вы, что было бы лучше потревожить 8 миллионов ф. ст., лежащих в хранилищах Банка, чем пытаться возвратить золото с такими жертвами?» — «Нет, *я не думаю этого*».

Здесь значение единственного действительного богатства придается золоту.

Цитированное Фуллартоном открытие Тука, — что

«за одним или двумя исключениями, которые притом допускают удовлетворительное объяснение, всякое сопровождаемое отливом денежного металла заметное падение курса, совершавшееся за последнее полустолетие, совпадало с относительно низким уровнем средств обращения и vice versa *» (Fullarton, стр. 121),

доказывает, что такие отливы золота в большинстве случаев наступают после периода оживления и спекуляции, как

«признак уже начавшегося упадка, как проявление переполнения рынков, прекращения иностранного спроса на наши продукты, замедления

* — наоборот. *Ред.*

оборотов и необходимым следствием всего этого является коммерческое недоверие, закрытие фабрик, голодание рабочих и общий застой промышленности и предпринимательства» (стр. 129).

В то же время это, конечно, лучшее возражение против утверждения представителей «денежной школы», будто

«переполнение каналов обращения вызывает отлив золота, а слабое обращение привлекает его».

Напротив, хотя в Английском банке во времена процветания по большей части имеется большой запас золота, но образуется этот запас всегда в безрадостное время застоя, сменяющее период расцвета.

Следовательно, вся мудрость в отношении отлива золота сводится к тому, что спрос на *международные* средства обращения и средства платежа отличен от спроса на *внутренние* средства обращения и средства платежа (из чего само собой следует также, что «наличие отлива не предполагает необходимо уменьшения внутреннего спроса на средства обращения», как говорит Фуллартон, стр. 112) и что вывоз благородных металлов из страны, выбрасывание их в международное обращение, не тождествен с выбрасыванием банкнот или монеты во внутреннее обращение. Впрочем, уже раньше я показал, что движение сокровища, сконцентрированного в качестве резервного фонда для международных платежей, само по себе не имеет ничего общего с движением денег как средства обращения [122]. Конечно, при этом дело усложняется тем, что различные функции сокровища, которые я вывел из природы денег: его функция как резервного фонда средств платежа для срочных платежей внутри страны; как резервного фонда средств обращения; наконец, как резервного фонда мировых денег — все эти функции возложены на один-единственный резервный фонд, из чего следует также, что при известных обстоятельствах отлив золота из банка внутрь страны может соединяться с отливом его за границу. Еще одно дальнейшее осложнение возникает вследствие новой функции, совершенно произвольно возлагаемой на это сокровище, — служить фондом для обеспечения размена банкнот в странах с развитой кредитной системой и кредитными деньгами. Затем ко всему этому в конце концов присоединяется 1) концентрация национального резервного фонда в единственном главном банке, 2) его сведение к возможному минимуму. Отсюда и жалоба Фуллартона (стр. 143):

«Видя то полное спокойствие и легкость, с какими изменения курса обыкновенно проходят в континентальных странах по сравнению с лихо-

радочным беспокойством и шумом, каждый раз возникающими в Англии, когда кажется, что наличность банка близка к полному истощению, нельзя не изумляться тем крупным выгодам, которые имеет в этом отношении металлическое денежное обращение».

Но если мы оставим в стороне отлив золота, то как же может банк, выпускающий банкноты, следовательно, например, Английский банк, увеличивать сумму выдаваемых им денежных ссуд, не увеличивая выпуска своих банкнот?

Все банкноты, которые вне банка, обращаются ли они или спокойно лежат в частных хранилищах, с точки зрения самого этого банка, находятся в обращении, т. е. не в его владении. Следовательно, если банк расширяет свои учетные и ломбардные операции, ссуды под залог, то выпущенные для этого банкноты должны притекать к нему обратно, потому что иначе они увеличивают сумму обращения, чего именно и не должно быть. Этот обратный приток может происходить двояким образом.

Во-первых: банк платит *A* банкнотами за ценные бумаги; *A* платит ими *B* по векселю при наступлении срока платежа, а *B* снова депонирует их в банке. Таким образом, обращение этих банкнот закончено, но заем остается.

(«Заем остается, а средство обращения, если в нем нет нужды, возвращается обратно к ссудившему». Fullarton, стр. 97.)

Банкноты, которыми банк ссудил *A*, теперь возвратились к нему обратно, напротив, банк является кредитором *A* или того лица, на которое выдан учтенный *A* вексель, и должником *B* на сумму стоимости, выраженную в этих банкнотах, а *B* располагает, таким образом, соответствующей частью капитала банка.

Во-вторых: A платит *B,* а сам *B* или *C,* которому в свою очередь *B* платит банкнотами, платит ими же банку по векселю, которому наступил срок. В этом случае банку платят его собственными банкнотами. И тогда сделка этим завершается (до обратного платежа банку лицом *A*).

В какой же мере можно рассматривать ссуду банка лицу *A* как ссуду капитала и в какой — просто как ссуду средств платежа? [91)]

{Это зависит от природы самой ссуды. При этом мы должны исследовать три случая.

Первый случай. — A получает от банка известную сумму в ссуду как свой личный кредит, не предоставляя для этого

[91)] Следующее за этим место оригинала непонятно в данной связи и вплоть до абзаца, где закрывается скобка, заново переработано редактором. В иной связи этот вопрос уже был затронут в гл. XXVI [настоящий том, стр. 470—472]. — *Ф. Э.*

никакого обеспечения. В этом случае он получил в ссуду не только средство платежа, но безусловно также и новый капитал, который он до обратной уплаты банку может применить в своем деле в качестве добавочного капитала.

Второй случай. — *А* заложил в банке ценные бумаги, облигации государственного займа или акции, и получил под них ссуду наличными деньгами, скажем, до двух третей их курсовой стоимости. В этом случае он получил нужные ему средства платежа, но не дополнительный капитал, потому что он отдал банку бо̀льшую капитальную стоимость, чем та, какую получил от него. Но, с одной стороны, он не мог воспользоваться этой большей капитальной стоимостью для своих текущих потребностей — потребностей в средствах платежа, — потому что эта капитальная стоимость находилась в определенной форме с целью получения процента; с другой стороны, у *А* были свои основания не превращать этой стоимости путем продажи прямо в средства платежа. Его ценные бумаги, между прочим, имели назначение функционировать в качестве резервного капитала, и он заставил их функционировать именно как резервный капитал. Следовательно, между *А* и банком произошла временная взаимная передача капиталов, причем *А* не получил никакого дополнительного капитала (наоборот!), но, конечно, получил необходимые для него средства платежа. Напротив, для банка сделка была временным помещением денежного капитала в форме ссуды, превращением денежного капитала из одной формы в другую, а такое превращение именно и составляет существенную функцию банковского дела.

Третий случай. — *А* учел в банке вексель и получил при этом за вычетом дисконта определенную сумму наличными. В этом случае он продал банку денежный капитал в неликвидной форме за сумму стоимости в ликвидной форме; вексель, которому еще не истек срок, он продал за наличные деньги. Вексель составляет теперь собственность банка. Дело нисколько не изменяется от того, что в случае неуплаты по векселю последний индоссант *А* отвечает перед банком на сумму векселя; эту ответственность он разделяет с другими индоссантами и с лицом, выставившим вексель, которым он в свое время может предъявить иск. Следовательно, здесь нет никакой ссуды, а самая обыкновенная купля и продажа. Поэтому *А* ничего не должен уплачивать банку: при наступлении срока платежа банк покрывает свой расход, получая по векселю. В этом случае тоже произошла взаимная передача капитала между *А* и банком, притом совершенно такая же, как при купле и продаже всякого другого товара, и именно поэтому *А* не получил ника-

кого дополнительного капитала. Ему требовались и он получил средства платежа, и получил благодаря тому, что банк превратил для него одну форму его денежного капитала — вексель, в другую — деньги.

Следовательно, о действительной ссуде капитала речь может идти только в первом случае. Во втором и в третьем случае можно говорить о ссуде капитала разве только в том смысле, как говорят о «ссуде капитала» при всяком помещении капитала. В этом смысле банк ссужает лицу *А* денежный капитал; но для *А* он представляет собой *денежный капитал* разве только в том смысле, что он вообще является частью его капитала. И он получает и употребляет его не как собственно капитал, а именно как средство платежа. Иначе каждую обыкновенную продажу товара, посредством которой получаются средства платежа, пришлось бы также считать получением в ссуду капитала. — *Ф. Э.*}

Для частного банка, выпускающего банкноты, различие заключается в том, что в случае, если его банкноты не остаются в местном обращении и не возвращаются к нему в форме вкладов или платежей по векселям, которым наступил срок, эти банкноты попадают в руки лиц, которым банк в обмен за них должен платить золотом или банкнотами Английского банка. Таким образом, в этом случае ссуда его банкнотами в действительности представляет ссуду банкнотами Английского банка, или, — что для банка то же самое, — ссуду золотом, следовательно, частью его банковского капитала. То же самое имеет место в том случае, когда сам Английский банк или какой-нибудь другой банк, подчиненный закону о максимуме выпуска банкнот, должен продавать ценные бумаги, чтобы извлечь из обращения свои собственные банкноты и затем снова выдавать их в ссуду; в этом случае его собственные банкноты представляют часть его мобилизованного банковского капитала.

Если бы даже обращение было чисто металлическое, то одновременно 1) отлив золота {здесь, очевидно, имеется в виду такой отлив, при котором золото, по крайней мере частично, уходит за границу. — *Ф. Э.*} мог бы опустошить кладовые банка, и 2) так как золото требовалось бы банку главным образом только для уплаты разницы по платежам (для завершения прежних сделок), то его ссуды под ценные бумаги могли бы сильно возрасти, но возвращались бы к нему в форме вкладов или платежей по векселям, которым истек срок; так что, с одной стороны, при увеличении количества ценных бумаг в портфеле банка общая сумма его золотого запаса уменьшилась бы, а, с другой стороны, ту же самую сумму, которую раньше

банк держал как ее собственник, он держал бы теперь как должник своих вкладчиков, и, наконец, уменьшилась бы общая масса средств обращения.

До сих пор мы предполагали, что ссуды выдаются в банкнотах, следовательно, влекут за собой по крайней мере временное, хотя тотчас же снова исчезающее увеличение выпуска банковых билетов. Но это не является необходимостью. Вместо выдачи бумажных билетов банк может открыть лицу *A* кредит по своим счетам, причем *A*, должник банка, становится его мнимым вкладчиком. Он платит своим кредиторам чеками на банк, а получатель этих чеков, в свою очередь, платит ими своему банкиру, который обменивает их в расчетной палате на чеки, выданные на него. В этом случае дело обходится без всякого участия банкнот, и вся сделка ограничивается тем, что требования, которые банк должен выполнить, сальдируются чеками на него самого, а его действительная рекомпенсация состоит в кредитном требовании к *A*. В этом случае банк выдал ему в ссуду часть своего банковского капитала, потому что он выдал свои собственные долговые требования.

Поскольку этот спрос на денежные ссуды представляет собой спрос на капитал, он есть спрос лишь на денежный капитал, на капитал с точки зрения банкира, именно на золото — при отливе золота за границу — или на банкноты национального банка, которые частный банк может получить только куплей за эквивалент; следовательно, для него они представляют капитал. Или, наконец, речь идет о процентных бумагах, государственных облигациях, акциях и т. д., которые должны быть проданы, чтобы банк мог привлечь к себе золото или банкноты. Но если это — государственные бумаги, они суть капитал только для того, кто их купил, для кого они представляют, следовательно, ту цену, за которую он их купил, представляют его капитал, помещенный в эти бумаги; сами по себе они не капитал, а простые долговые обязательства; если это — ипотеки, то они являются просто свидетельствами на получение будущей земельной ренты, а если — акции, то они являются просто титулами собственности, дающими право на получение будущей прибавочной стоимости. Все эти вещи не суть действительный капитал, не образуют никакой составной части капитала и сами по себе не суть стоимости. При помощи подобных сделок можно также превратить деньги, принадлежащие банку, во вклады, так что банк вместо собственника сделается по отношению к этим деньгам должником, будет владеть ими на основании другого титула. Как ни важно это для самого банка, это нисколько не изменяет количества резервного капитала и даже денежного

капитала, имеющегося в стране. Следовательно, капитал фигурирует здесь только как денежный капитал, а если он существует не в действительной денежной форме, то — как простой титул на капитал. Это очень важно, так как недостаток *банковского* капитала и усиленный спрос на него смешивается с уменьшением *действительного* капитала, который в форме средств производства и продуктов имеется в подобных случаях, напротив, в избытке и оказывает давление на рынки.

Итак, очень просто объясняется, каким образом возрастает количество ценных бумаг, которые удерживаются банками в качестве обеспечения, следовательно, очень просто объяснить и то, каким образом банки могут удовлетворять возрастающий спрос на денежные ссуды при прежней или уменьшающейся общей массе средств обращения. А именно в такие периоды стесненности в деньгах эта общая масса удерживается в известных пределах двояким образом: 1) благодаря отливу золота; 2) благодаря спросу на деньги просто как на средства платежа, причем выданные банкноты тотчас притекают обратно или же сделка совершается при помощи кредита по книгам банка без всякой выдачи банкнот, следовательно, простая кредитная сделка обслуживает платежи, расчет по которым является единственной целью операции. Такова особенность денег, что, когда они функционируют лишь для сальдирования платежей (а во времена кризисов ссуда берется для того, чтобы платить, а не для того, чтобы покупать; — для того чтобы завершить прежние сделки, а не для того, чтобы начинать новые), их количество в обращении ничтожно, оно ничтожно даже и в том случае, когда это сальдирование осуществляется не только посредством чисто кредитных операций, но и при некотором участии денег; следовательно, при сильном спросе на денежные ссуды огромное количество этих сделок может совершаться, не увеличивая обращения. Но один тот факт, что обращение Английского банка остается неизменным или даже уменьшается одновременно со значительным увеличением выдаваемых им денежных ссуд, отнюдь не доказывает prima facie *, — как это принимают Фуллартон, Тук и др. (вследствие их ошибочного мнения, что денежная ссуда тождественна с займом дополнительного капитала, capital on loan), — что обращение денег (банкнот) в их функции средства платежа не увеличивается и не расширяется. Так как обращение банкнот как покупательного средства сокращается в период застоя в делах, когда требуются столь значительные ссуды, то их обращение как средства

---

* — прежде всего. *Ред.*

платежа может увеличиваться, а вся сумма обращения, сумма банкнот, функционирующих в качестве покупательного средства и средства платежа, все же может оставаться неизменной или даже уменьшаться. Обращение в качестве средства платежа банкнот, которые тотчас притекают обратно в выпускающий их банк, в глазах упомянутых экономистов вовсе не есть обращение.

Если обращение денег в качестве средства платежа увеличилось бы в большей степени, чем оно уменьшилось бы как обращение денег в качестве покупательного средства, то все обращение возросло бы, хотя количество денег, функционирующих в качестве покупательного средства, значительно уменьшилось бы. И это действительно наступает в известные моменты кризиса, именно при полном крушении кредита, когда становится невозможным не только продавать товары и ценные бумаги, но и учитывать векселя, и когда не остается ничего иного, кроме платежа наличными, или, как говорят купцы, кассы. Так как Фуллартон и другие не понимают, что обращение банкнот как средства платежа является характерным для таких периодов нужды в деньгах, то они и рассматривают это явление как случайное.

«Что касается примеров сильной конкуренции из-за получения банкнот, которая характеризует времена паники и которая иногда, как в конце 1825 г., может повести к внезапному, хотя бы только и временному, увеличению эмиссии, даже при продолжающемся отливе золота, то, думается мне, на это не следует смотреть как на одно из явлений, естественно или необходимо сопровождающих низкий курс; спрос в таких случаях есть спрос не на средства обращения» (следовало бы сказать: не на средства обращения как покупательные средства), «а на сокровище, спрос части встревоженных банкиров и капиталистов, возникающий обыкновенно в последнем акте кризиса» (следовательно, спрос на резерв средств платежа), «после продолжительного отлива и является предвестником окончания последнего» (Fullarton, цит. соч., стр. 130).

Уже при исследовании денег как средства платежа («Капитал», кн. I, гл. III, 3, b) мы показали, как при резком перерыве цепи платежей деньги по отношению к товарам превращаются из чисто идеальной формы в вещную и вместе с тем абсолютную форму стоимости. Там же мы привели некоторые примеры этого, в примечаниях 100 и 101. Этот перерыв сам является отчасти следствием, отчасти причиной потрясения кредита и сопровождающих его обстоятельств: переполнения рынков, обесценения товаров, перерыва в производстве и т. д.

Однако ясно, что Фуллартон превращает различие между деньгами как покупательным средством и деньгами как средством платежа в ошибочное различие между средством обра-

щения (currency) и капиталом. Но в основе этого опять-таки лежит ограниченное, свойственное банкиру, представление об обращении.

Можно было бы еще спросить: в чем же чувствуется недостаток в такие трудные времена — в капитале или в деньгах в их определенной форме средства платежа? Как известно, в этом и заключается спор.

Прежде всего, поскольку стесненное состояние проявляется в отливе золота, ясно, что требуются именно международные средства платежа. Но деньги в своей определенной форме международного средства платежа есть золото в его металлической реальности, субстанция, которая сама является стоимостью, стоимостной массой. Вместе с тем они суть капитал, но капитал не как товарный капитал, а как денежный капитал, капитал не в форме товара, а в форме денег (и притом денег в том возвышенном смысле, в каком они существуют как всеобщий товар мирового рынка). Здесь нет противоположности между спросом на деньги в качестве средств платежа и спросом на капитал. Противоположность существует между капиталом в его форме денег и капиталом в его форме товара; и та форма, в которой в данном случае он требуется и в которой только и может функционировать, есть его денежная форма.

Оставляя в стороне этот спрос на золото (или серебро), нельзя сказать, что в такие периоды кризиса чувствуется каким-либо образом недостаток в капитале. Это может иметь место при чрезвычайных обстоятельствах, как, например, при вздорожании хлеба, недостатке хлопка и т. д.; но такие обстоятельства отнюдь не необходимые или обычные спутники подобных периодов; и существование такого недостатка капитала нельзя поэтому с самого начала выводить из того, что наблюдается сильный спрос на денежные ссуды. Напротив, рынки переполнены, наводнены товарным капиталом. Следовательно, стеснение вызывается во всяком случае не недостатком *товарного* капитала. Мы возвратимся к этому вопросу впоследствии.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ (продолжение)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА

Теперь мы должны рассмотреть подробнее, из чего состоит банковский капитал.

Мы только что видели, что Фуллартон и другие превращают различие между деньгами как средством обращения и деньгами как средством платежа (а также мировыми деньгами, поскольку принимается в расчет отлив золота) в различие между средством обращения (currency) и капиталом.

Своеобразная роль, которую здесь играет капитал, приводит к тому, что с такой же старательностью, с какой «просвещенная» политическая экономия пыталась внушить, что деньги не капитал, — с такой же старательностью эта банкирская политическая экономия внушает, что деньги в действительности представляют собой капитал par excellence *.

В дальнейшем исследовании мы покажем, что денежный капитал здесь смешивается с moneyed capital ** в смысле капитала, приносящего проценты, тогда как в первом смысле денежный капитал означает всегда лишь переходную форму капитала, рассматриваемую в отличие от других форм капитала: от товарного капитала и производительного капитала.

Банковский капитал состоит: 1) из наличных денег, золота или банкнот; 2) из ценных бумаг. Эти последние мы можем снова разделить на две части: торговые бумаги, то есть текущие векселя, для которых время от времени истекает срок и в учете которых состоит собственно деятельность банкира;

* — по преимуществу. *Ред.*
** — денежным капиталом. *Ред.*

и публичные ценные бумаги, как, например, государственные облигации, казначейские свидетельства, всякого рода акции, — короче, бумаги, приносящие проценты, но существенно отличающиеся от векселей. Сюда могут быть причислены также ипотеки. Капитал, составляющийся из этих вещественных составных частей, разделяется опять-таки на капитал, вложенный самим банкиром, и депозиты, составляющие его banking capital, или заемный капитал. В банках с банкнотной эмиссией сюда относятся также и банкноты. Депозиты и банкноты мы пока оставим в стороне. Ясно во всяком случае, что действительные составные части банкирского капитала — деньги, векселя, процентные бумаги — нисколько не изменяются от того, представляют ли эти различные элементы собственный капитал банкира или же депозиты, то есть капитал других людей. Разделение капитала на части остается неизменным, независимо от того, ведет ли банкир свое дело только при помощи собственного капитала или же только при помощи капитала, депонированного у него.

Форма капитала, приносящего проценты, приводит к тому, что каждый определенный и регулярный денежный доход представляется процентом на капитал независимо от того, возникает ли этот доход из капитала или нет. Сначала денежный доход превращается в процент, а затем, раз есть процент, найдется уж и капитал, из которого денежный доход возникает. Равным образом, когда есть капитал, приносящий проценты, всякая сумма стоимости представляется капиталом, раз она не расходуется как доход, — представляется именно основной суммой (principal), в противоположность возможному или действительному проценту, который она может приносить.

Суть дела проста: пусть средняя процентная ставка 5% в год. Следовательно, сумма в 500 ф. ст., превращенная в капитал, приносящий проценты, давала бы ежегодно 25 фунтов стерлингов. Каждый фиксированный ежегодный доход в 25 ф. ст. рассматривается поэтому как процент на капитал в 500 фунтов стерлингов. Однако это — чисто иллюзорное представление, за исключением того случая, когда источник дохода в 25 ф. ст. — есть ли он простой титул собственности, или долговое требование, или же действительный элемент производства, как, например, земельный участок, — может быть непосредственно передан или же приобретает форму, в которой он способен к передаче. Возьмем для примера государственный долг и заработную плату.

Государство должно ежегодно выплачивать своим кредиторам определенный процент за капитал, который оно получает

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, zweiter Theil.

Buch III:
Der Gesammtprocess der kapitalistischen Produktion.
Kapitel XXIX bis LII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1894.

Титульный лист первого немецкого издания
II части III тома «Капитала»

взаймы. Здесь кредитор не может требовать от должника погашения долга, он может только продать свое долговое требование, свой титул собственности. Самый капитал потреблен, израсходован государством. Он больше не существует. Что касается кредитора государства, то он: 1) обладает долговым обязательством государства, скажем, на 100 фунтов стерлингов; 2) получает в силу этого обязательства право на известную часть годовых доходов государства, то есть на известную часть годовых налогов в размере, скажем, 5 ф. ст. или 5%; 3) может продать это долговое обязательство на 100 ф. ст. всякому другому лицу. Если процентная ставка 5% и если платежеспособность государства не вызывает сомнений, то владелец *A* может, вообще говоря, продать долговое обязательство *B* за 100 ф. ст., потому что для *B* совершенно безразлично, ссужает ли он 100 ф. ст. из 5% годовых или же путем уплаты 100 ф. ст. обеспечивает себе ежегодную дань со стороны государства в размере 5 фунтов стерлингов. Но во всех этих случаях капитал, отпрыском (процентом) которого считаются платежи государства, остается иллюзорным, фиктивным капиталом. И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того, чтобы ее затратить, вложить как капитал, а между тем только применение ее в качестве капитала могло бы превратить ее в самосохраняющуюся стоимость. Для первоначального кредитора *A* причитающаяся ему доля ежегодных налогов представляет собой процент на его капитал, — так же, как для ростовщика процентом на капитал представляется причитающаяся ему часть имущества мота, хотя в обоих случаях денежная сумма, данная взаймы, была израсходована не как капитал. Возможность продать долговое обязательство государства представляет для *A* возможность вернуть основную сумму. Что касается *B*, то с его частной точки зрения капитал его вложен как капитал, приносящий проценты. По существу же дела *B* только стал на место *A* и купил принадлежащее последнему долговое требование к государству. Как бы ни умножались сделки этого рода, капитал государственного долга остается чисто фиктивным, и с того момента, как долговые свидетельства перестали бы находить себе покупателей, исчезла бы даже видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением.

Теперь в противоположность капиталу государственного долга, где в качестве капитала выступает отрицательная величина, — так как вообще капитал, приносящий проценты,

порождает всякие извращенные формы, то и долги в представлении банкира могут казаться товарами, — мы рассмотрим рабочую силу. Заработная плата принимается здесь как процент, а следовательно, рабочая сила — как капитал, приносящий эти проценты. Если, например, годовая заработная плата = 50 ф. ст., а ставка процента — 5%, то рабочая сила, функционирующая в течение года, считается равной капиталу в 1 000 фунтов стерлингов. Нелепость капиталистического способа представления достигает здесь своего апогея; вместо того чтобы объяснять эксплуатацией рабочей силы увеличение стоимости капитала, наоборот, производительность рабочей силы объясняется тем, что сама рабочая сила является этой таинственной вещью, капиталом, приносящим проценты. Во второй половине XVII века (например, у Петти) это было излюбленным представлением, но и в наши дни оно со всей серьезностью используется отчасти вульгарными экономистами, отчасти же и главным образом немецкими статистиками [1]. К сожалению, имеются два обстоятельства, неприятным образом опрокидывающих это безмозглое представление: во-первых, рабочий должен работать, чтобы получать эти проценты, и, во-вторых, он не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем ее передачи другому. Более того, годовая стоимость его рабочей силы равна его средней годовой заработной плате, и своим трудом он должен возместить для покупателя его рабочей силы именно эту стоимость плюс прибавочную стоимость, то есть ее прирост. При системе рабства работник имеет капитальную стоимость, именно покупную цену. И если его отдают внаем, то наниматель должен, во-первых, уплатить процент на его покупную цену и, кроме того, возмещать ежегодный износ капитала.

Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, причем его исчисляют по средней процентной ставке как доход, который приносил бы капитал, отданный в ссуду из этого процента; если, например, годовой доход = 100 ф. ст. и ставка процента = 5%, то 100 ф. ст. составляли бы годовой процент на 2 000 ф. ст., и эти 2 000 ф. ст. будут считаться теперь капитальной стоимостью юридического титула собственности

---

[1] «Рабочий имеет капитальную стоимость, величина которой определится, если мы будем рассматривать денежную стоимость его ежегодного заработка как процентный доход... Если... капитализировать из 4% средний дневной заработок, то получится средняя стоимость одного сельскохозяйственного рабочего мужского пола: для немецкой Австрии — 1 500 талеров, для Пруссии — 1 500, для Англии — 3 750, для Франции — 2 000, для Центральной России — 750 талеров» (*Von Reden*, «Vergleichende Kultur-Statistik etc.», Berlin, 1848, S. 434).

на ежегодный доход в 100 фунтов стерлингов. Для того, кто купил этот титул собственности, 100 ф. ст. годового дохода действительно представляют процент на его капитал, вложенный из 5%. Таким образом всякая связь с действительным процессом возрастания капитала исчезает бесследно, и представление о капитале как о стоимости, самовозрастающей автоматически, окончательно упрочивается.

Даже там, где долговое свидетельство — ценная бумага — не представляет чисто иллюзорный капитал, как в случае с государственными долгами, капитальная стоимость этой бумаги чисто иллюзорная. Мы видели выше *, каким образом кредит создает акционерный капитал. Бумаги служат титулами собственности, представляющими этот капитал. Акции железнодорожных, горных, пароходных и других обществ являются представителями действительного капитала, именно капитала, вложенного и функционирующего в этих предприятиях, или денежной суммы, авансированной участниками с целью израсходовать ее в этих предприятиях как капитал. При этом отнюдь не исключено, что акции могут представлять также и чистое мошенничество. Однако данный капитал не существует вдвойне, — один раз как капитальная стоимость титула собственности, акций, и другой раз как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутые предприятия. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности, pro rata **, на реализуемую им прибавочную стоимость. *A* может продать титул *B*. *B* может продать его *C*. Такие сделки ничего не меняют в существе дела. *A* или *B* превращает в таком случае свой титул в капитал, а *C* свой капитал — в простой титул собственности на прибавочную стоимость, ожидаемую от акционерного капитала.

Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности — не только государственных ценных бумаг, но и акций — поддерживает иллюзию, будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются. А именно, они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости действительного капитала (хотя и связанное с увеличением этой стоимости). С одной стороны, рыночная стоимость их колеблется вместе с высотой и обеспеченностью доходов, на которые они дают право.

---

* См. настоящий том, стр. 479—480. *Ред.*

** — пропорционально. *Ред.*

Если номинальная стоимость акции, то есть действительно затраченная сумма, которую она первоначально представляла, есть 100 ф. ст. и если предприятие вместо 5% приносит 10%, то рыночная стоимость акции при прочих равных условиях и при процентной ставке в 5% поднимается до 200 ф. ст., потому что, капитализированная из 5%, она представляет теперь фиктивный капитал в 200 фунтов стерлингов. Тот, кто покупает ее за 200 ф. ст., получает 5% дохода с этой затраты капитала. Обратное имеет место, если доход предприятия уменьшается. Рыночная стоимость этих бумаг отчасти спекулятивна, так как она определяется не только действительным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным. Но при том условии, если увеличение стоимости действительного капитала является постоянным, или же, где, как в случае государственного долга, никакого капитала не существует, если ежегодный доход фиксирован законом и вообще достаточно обеспечен, цена этих ценных бумаг будет подниматься и падать в направлении, обратном движению ставки процента. Если процентная ставка повышается с 5% до 10%, то ценная бумага, обеспечивающая доход в 5 ф. ст., будет представлять капитал только в 50 фунтов стерлингов. Если же процентная ставка понижается до $2^1/_2$%, — та же самая ценная бумага представляет капитал в 200 фунтов стерлингов. Ее стоимость есть всегда лишь капитализированный доход, то есть доход, исчисленный на иллюзорный капитал в соответствии с существующей процентной ставкой. Таким образом, во время затруднений на денежном рынке эти ценные бумаги падают в цене в силу двоякого рода причин: во-первых, потому что повышается процентная ставка, и, во-вторых, потому что их массами выбрасывают на рынок с целью реализовать в деньгах. Это падение цен имеет место и в том случае, когда доход, обеспечиваемый этими бумагами их владельцу, остается постоянным, как у держателей государственных ценных бумаг, и в том случае, когда возрастание действительного капитала, представляемого ценными бумагами, будет затронуто нарушениями процесса воспроизводства, — как это бывает с промышленными предприятиями. В последнем случае к вышеупомянутому обесценению присоединяется только еще новое. После того как буря миновала, курс ценных бумаг снова достигает своего прежнего уровня, если они не представляют предприятий, потерпевших крах или дутых. Их обесценение во время кризиса действует как мощное средство централизации денежного имущества [2].

[2] {Непосредственно после февральской революции, когда в Париже товары и ценные бумаги были в высшей степени обесценены и совершенно не находили покупа-

Поскольку обесценение или повышение стоимости этих бумаг не зависит от движения стоимости действительного капитала, который они представляют, богатство нации после такого обесценения или повышения стоимости остается таким же, каким оно было до него.

«К 23 октября 1847 г. государственные фондовые бумаги и акции каналов и железных дорог обесценились уже на 114 752 225 ф. ст.» (Моррис, управляющий Английским банком, показание в отчете «Commercial Distress» 1847—1848 [№ 3800]).

Поскольку их обесценение не выражало действительного застоя производства и перевозок по железным дорогам и каналам, или прекращения уже работающих предприятий, или бесполезной затраты капитала на предприятия, действительно ничего не стоящие, нация не стала беднее ни на грош от того, что лопнули эти мыльные пузыри номинального денежного капитала.

В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство, денежная или капитальная стоимость которых либо вовсе не представляет никакого капитала, как в случае государственных долгов, либо регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который они представляют.

Во всех странах капиталистического производства в этой форме существует огромная масса так называемого приносящего проценты капитала, или moneyed capital. И под накоплением денежного капитала большей частью подразумевается только накопление этих притязаний на производство, накопление рыночной цены, иллюзорной капитальной стоимости этих притязаний.

И вот часть банкирского капитала вложена в эти так называемые процентные бумаги. Это — собственно часть резервного капитала, который не функционирует в собственно банковском деле. Наиболее значительная часть этих бумаг состоит из векселей, то есть платежных обязательств промышленных капиталистов или купцов. Для денежного кредитора векселя эти являются процентными бумагами, то есть, покупая эти бумаги, он вычитает проценты за время, остающееся до срока

телей, один швейцарский купец в Ливерпуле, г-н Р. Цвильхенбарт (рассказавший этот случай моему отцу), обратив в деньги все, что можно было, отправился с этой наличностью в Париж и сделал Ротшильду предложение совместно предпринять аферу. Ротшильд пристально посмотрел на него, а затем, приблизившись к нему, положил руки на плечи и спросил: «Avez vous de l'argent sur vous?» — «Oui, M. le baron!» — «Alors vous êtes mon homme!» [«А у вас есть деньги?» — «Да, г-н барон!» — «Ну, тогда вы тот, кто мне нужен!»]. — И оба они сделали блестящую аферу. — *Ф. Э.*}

платежа. Это и есть то, что называют учетом. Таким образом, величина вычета из суммы, представляемой векселем, зависит от высоты процентной ставки в данное время.

Наконец, последняя часть капитала банкира состоит из его денежного резерва в золоте или банкнотах. Вклады, если только договором не обусловлен более или менее длительный срок, во всякий момент могут быть истребованы вкладчиком. Они находятся в состоянии постоянных приливов и отливов. Но на смену извлеченных вкладов поступают новые, так что в период нормального хода дел их средняя величина мало изменяется.

В странах с развитым капиталистическим производством резервные фонды банков всегда выражают в среднем количество денег, существующих в качестве сокровища, причем часть этого последнего опять-таки состоит из бумаг, из простых свидетельств на получение золота, которые, однако, не имеют никакой собственной стоимости. Поэтому бо̀льшая часть банкирского капитала совершенно фиктивна и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг (представляющих прошлый капитал) и акций (свидетельств на получение будущего дохода). При этом не следует забывать, что денежная стоимость того капитала, который представлен этими бумагами, находящимися в сейфах банкиров, является совершенно фиктивной даже в том случае, если они суть свидетельства на обеспеченный доход (как государственные бумаги) или служат титулом собственности на действительный капитал (как акции), и что денежная стоимость эта регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который упомянутые бумаги, по крайней мере отчасти, представляют; если же они представляют не капитал, а простое требование на доходы, то требование на один и тот же доход выражается в постоянно изменяющемся фиктивном денежном капитале. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что этот фиктивный капитал банкира представляет большей частью не собственный его капитал, а капитал публики, которая вкладывает его в банк под проценты или без них.

Вклады производятся всегда деньгами, золотом или банкнотами, или свидетельствами на их получение. За исключением резервного фонда, который в зависимости от потребностей действительного обращения то сокращается, то расширяется, вклады эти на деле всегда находятся в руках, с одной стороны, промышленных капиталистов и купцов, которые за счет вкладов учитывают свои векселя и получают ссуду; с другой стороны, в руках торговцев ценными бумагами (биржевых маклеров) или в руках частных лиц, продавших свои ценные бумаги,

или в руках правительства (в случаях со свидетельствами казначейства и новыми займами). Самые вклады играют двоякую роль. С одной стороны, они, как было уже упомянуто, даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как сумма, причитающаяся вкладчикам. С другой стороны, они функционируют только как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные требования вкладчиков выравниваются посредством чеков на вклады и взаимно списываются со счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний осуществляет взаимное выравнивание счетов, или же это выполняется различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу.

С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы всякий капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие разных способов, благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое требование появляется под различными формами в различных руках [3]. Бо̀льшая часть этого «денежного капитала» совершенно фиктивна. Все вклады, за исключением резервного фонда, представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не существуют в наличности. Поскольку они служат для жирооборота, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в ссуду. Банкиры расплачиваются друг с другом свидетельствами на несуществующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования.

---

[3] {Это удвоение и утроение капитала за последние годы развилось значительно шире благодаря, например, финансовым трестам, занимающим уже в лондонских биржевых отчетах особую рубрику. Образуется общество для приобретения известного рода процентных бумаг, скажем, иностранных государственных ценных бумаг, английских городских или американских государственных облигаций, железнодорожных акций и т. д. Капитал, скажем в 2 млн. ф. ст., собирается путем подписки на акции; дирекция приобретает соответственные ценности или же более или менее энергично спекулирует на них и распределяет годовые проценты за вычетом издержек между акционерами в качестве дивиденда. Далее, у некоторых акционерных обществ вошло в обыкновение разделять обыкновенные акции на два класса: preferred и deferred [привилегированные и второочередные]. Акции preferred приносят фиксированный процент, скажем 5%, конечно, при том условии, что это допускает общая прибыль предприятия; если сверх того остается некоторый избыток, он распределяется по акциям deferred. Таким путем «солидные» вложения капитала в preferred более или менее изолируются от спекуляции в собственном смысле слова, оперирующей с deferred. Но так как отдельные крупные предприятия не желают подчиняться этой новой моде, то начали образовываться общества, которые, вложив один или несколько миллионов фунтов стерлингов в акции этих предприятий, выпускают затем на номинальную стоимость этих акций новые акции, но уже наполовину preferred, наполовину deferred. В таких случаях первоначально выпущенные акции удваиваются, так как они служат основанием для нового выпуска акций. — *Ф. Э.*}

А. Смит говорит следующее относительно той роли, которую играет капитал при денежных ссудах:

«Даже в денежно-ссудном деле деньги играют роль как бы свидетельства, при помощи которого капиталы, не находящие себе применения у своего владельца, передаются из рук в руки. Эти капиталы могут почти неограниченно превышать по своей величине денежную сумму, служащую орудием их передачи; те же самые деньги последовательно служат при многих различных займах, точно так же, как и при многих различных покупках. Например, *A* ссужает *W* 1 000 ф. ст., на которые *W* тотчас же покупает у *B* товаров на 1 000 фунтов стерлингов. Так как *B* не находит применения для денег, он ссужает те же деньги *X*, а *X* при их помощи опять-таки немедленно покупает у *C* товаров на 1 000 фунтов стерлингов. Таким же образом и на том же основании *C* ссужает свои деньги *Y*, который снова покупает на них товары у *D*. Таким образом, одни и те же деньги, золотые или бумажные, могут в течение немногих дней служить посредниками для трех различных займов и трех различных покупок, причем каждая из этих сделок по своей стоимости равна всей сумме этих денег. Владельцы денег *A*, *B* и *C* передали трем заемщикам *W*, *X* и *Y* только власть совершить эти покупки. В этой власти состоит как ценность, так и польза этих займов. Капитал, данный в ссуду тремя капиталистами, равен стоимости товаров, которые могут быть на него куплены, и втрое больше, чем стоимость денег, при помощи которых совершаются эти покупки. Тем не менее все эти ссуды могут быть вполне обеспечены, так как товары, купленные должниками на занятые деньги, употребляются таким способом, что со временем они возвращают свою стоимость с прибылью в золотых или бумажных деньгах. И подобно тому, как одни и те же деньги могут служить средством для различных займов, превышающих в общей сложности стоимость этих денег в три или даже в тридцать раз, равным образом они могут последовательно служить средством для возврата этих займов» ([A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776] Book II, ch. IV [p. 428—429]).

Так как одни и те же деньги, в зависимости от скорости их обращения, могут совершать несколько различных покупок, то они могут также совершать несколько различных займов, потому что купля передает их из одних рук в другие, а заем есть не что иное, как передача денег из рук в руки, неопосредствуемая куплей. Для каждого из продавцов деньги представляют превращенную форму его товара; в настоящее время, когда всякая стоимость принимает вид капитальной стоимости, деньги в различных займах представляют поочередно различные капиталы, что является лишь иным выражением того установленного выше положения, что деньги могут последовательно реализовывать различные товарные стоимости. Наряду с этим деньги служат средством обращения, с помощью которого происходит перемещение вещественного капитала из одних рук в другие. При ссуде деньги переходят из рук в руки не как средство обращения. Пока они остаются в руках кредитора, они в его руках не средство обращения, а форма существования

стоимости его капитала. И в этой форме он передает их при ссуде третьему лицу. Если бы *A* ссудил деньги *B*, а *B* ссудил их *C* без посредства купли, то данная сумма денег представляла бы не три капитала, а один, только одну капитальную стоимость. Сколько капиталов деньги действительно представляют, зависит от того, насколько часто они функционируют как форма стоимости различных товарных капиталов.

То, что А. Смит говорит о ссудах вообще, приложимо и к вкладам, которые суть лишь особое название ссуд, предоставляемых публикой банкиру. Одни и те же деньги могут служить в качестве орудия для любого числа вкладов.

«Бесспорная истина, что 1 000 ф. ст., которые вы сегодня депонировали у *A*, завтра будут снова выданы и составят вклад у *B*. Послезавтра они могут быть снова выданы *B*, депонированы у *C* и так далее до бесконечности. Следовательно, одна и та же сумма денег в 1 000 ф. ст. может посредством ряда передач умножиться до абсолютно неограниченной суммы вкладов. Поэтому возможно, что девять десятых всех вкладов в Англии существуют только в виде соответствующих записей в бухгалтерских книгах банкиров... Так, в Шотландии, где находящиеся в обращении деньги никогда не превышают 3 млн. ф. ст., вклады составляют 27 миллионов. Пока не наступит всеобщее истребование вкладов, одна и та же тысяча фунтов стерлингов, странствуя туда и сюда, может с такой же легкостью покрыть столь же неопределенную сумму. Так как те же 1 000 ф. ст., которыми я плачу сегодня мой долг коммерсанту, завтра покроют его долг другому купцу, а послезавтра долг банку и так далее до бесконечности, то одни и те же 1 000 ф. ст. могут переходить из рук в руки, от банка к банку, покрывая самую крупную сумму вкладов» («The Currency Theory Reviewed etc.» [Edinburgh, 1845], p. 62—63).

И так как в этой кредитной системе все удваивается, утраивается и превращается в простой призрак, то это справедливо и по отношению к «резервному фонду», в котором надеются, наконец, нащупать нечто реальное.

Послушаем опять г-на Морриса, управляющего Английским банком:

«Резервные фонды частных банков находятся в руках Английского банка в форме вкладов. Отлив золота, по-видимому, сначала касается лишь Английского банка; в действительности, однако, отлив золота в такой же степени затронул бы и резервы других банков, так как он означал бы отлив части резервов, которые они имеют в нашем Банке. Совершенно такое же влияние оказал бы он на резервы всех провинциальных банков» («Commercial Distress» 1847—1848 [№№ 3639—3642]).

Итак, в конце концов эти резервные фонды растворяются в резервном фонде Английского банка [4]. Но и этот резервный фонд существует опять-таки в двоякой форме. Резервный фонд

---

[4] {Насколько широкое развитие получила с тех пор эта практика, доказывают следующие заимствованные из «Daily News» [123] от 15 декабря 1892 г. официальные

банкового отделения равняется избытку количества банкнот, которое Банк имеет право выпустить, сверх их количества, находящегося в обращении. Установленный законом максимум банкнотной эмиссии = 14 миллионам (для которых не требуется металлического обеспечения; это соответствует приблизительно величине государственного долга Банку) плюс сумма банковского запаса благородного металла. Таким образом, если этот запас = 14 млн. ф. ст., то Банк имеет право выпустить на 28 млн. ф. ст. банковых билетов, и если из этой суммы 20 миллионов находятся в обращении, то резервный фонд банкового отделения = 8 миллионам. Эти 8 миллионов банкнотами составляют в таком случае законный банкирский капитал, которым Банк может распоряжаться, и в то же время резервный фонд для его вкладов. Если теперь наступит отлив золота, уменьшающий металлический запас на 6 миллионов, — а в связи с этим на такую же сумму должны быть уничтожены и банкноты, — то резерв банкового отделения упадет с 8 миллионов до 2 миллионов. С одной стороны, Банк повысил бы значительно свою учетную ставку, с другой стороны, зна-

---

данные относительно резервов в пятнадцати крупнейших лондонских банках в ноябре 1892 года.

Название банка	Пассив	Наличные резервы	Отношение наличных резервов к пассиву (в %%)
City	9 317 629 ф. ст.	746 551 ф. ст.	8,01
Capital and Counties	11 392 744 » »	1 307 483 » »	11,47
Imperial	3 987 400 » »	447 157 » »	11,22
Lloyds	23 800 937 » »	2 966 806 » »	12,46
London and Westminster	24 671 559 » »	3 818 885 » »	15,50
London and S. Western	5 570 268 » »	812 353 » »	14,58
London Joint Stock	12 127 993 » »	1 288 977 » »	10,62
London and Midland	8 814 499 » »	1 127 280 » »	12,79
London and County	37 111 035 » »	3 600 374 » »	9,70
National	11 163 829 » »	1 426 225 » »	12,77
National Provincial	41 907 384 » »	4 614 780 » »	11,01
Parrs and the Alliance	12 794 489 » »	1 532 707 » »	11,98
Prescott and C°	4 041 058 » »	538 517 » »	13,07
Union of London	15 502 618 » »	2 300 084 » »	14,84
Williams, Deacon, and Manchester, and C°	10 452 381 » »	1 317 628 » »	12,60
Итого	232 655 823 ф. ст.	27 845 807 ф. ст.	11,97

Из этих почти 28 миллионов резерва по меньшей мере 25 миллионов депонированы в Английском банке, и самое большее 3 миллиона имеются наличными в кассах самих 15 банков. Между тем наличный резерв банкового отделения Английского банка в том же ноябре 1892 г. ни разу не достигал полных 16 миллионов! — *Ф. Э.*}

чительно уменьшился бы резервный фонд, обеспечивающий вклады банков и других вкладчиков. В 1857 г. четыре крупнейших акционерных банка в Лондоне угрожали, что если Английский банк не добьется правительственного распоряжения о приостановке действия банковского акта 1844 г. [5)], они потребуют назад свои вклады, что привело бы банковое отделение к банкротству. Таким образом, банковое отделение может, как в 1847 г., обанкротиться, в то время как в эмиссионном отделении лежат многие миллионы (например в 1847 г. — до 8 миллионов) в качестве обеспечения обратимости циркулирующих банкнот. Но и это последнее опять же иллюзорно.

«Бо̀льшая часть вкладов, которые непосредственно не нужны самим банкирам, попадает в руки billbrokers» (буквально: вексельных маклеров, по существу дела — полубанкиров), «которые в качестве обеспечения данной им ссуды предлагают банкиру торговые векселя, уже учтенные ими для разных лиц в Лондоне или провинции. Billbroker ответствен перед банкиром за уплату этих money at call» (деньги, которые должны быть возвращены по первому требованию); «и этого рода операции совершаются в таких огромных размерах, что г-н Нив, нынешний управляющий» {Английским} «банком, говорит в своем свидетельском показании: «Нам известно, что один маклер имел 5 миллионов, и мы имеем основание предположить, что у другого было 8—10 миллионов; один имел 4, другой $3^1/_2$, третий более 8 миллионов. Я говорю о вкладах, перешедших в руки маклеров»» («Report of Committee on Bank Acts», 1858, p. V, № 8).

«Лондонские billbrokers вели свои колоссальные операции без всякого наличного резерва; они рассчитывали на поступления по имеющимся у них векселям, сроки которых постепенно истекают, или, в случае нужды, на возможность получить ссуду из Английского банка под обеспечение дисконтированных ими векселей» [там же, стр. VIII, № 17]. — «Две фирмы лондонских billbrokers приостановили платежи в 1847 году; обе впоследствии возобновили дело. В 1857 г. они снова приостановили платежи. Пассив одной фирмы в 1847 г. был в округленных цифрах 2 683 000 ф. ст. при капитале в 180 000 фунтов стерлингов; ее пассив в 1857 г. был 5 300 000 ф. ст., в то время как капитал равнялся, по всей вероятности, не более чем одной четверти того, что она имела в 1847 году. Пассивы другой фирмы колебались в обоих случаях между 3 или 4 миллионами при капитале, не превышавшем 45 000 фунтов стерлингов» (там же, стр. XXI, № 52).

[5)] Приостановка действия банковского акта 1844 г. позволяет Банку выпускать любое количество банкнот, не заботясь о покрытии их находящимся в руках Банка золотым запасом, следовательно, позволяет создавать любые количества бумажного фиктивного денежного капитала и при помощи последнего давать ссуды банкам и вексельным маклерам, а через них и торговцам. *[Ф. Э.]*

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. — I

Единственно трудные вопросы в исследовании кредита, к которым мы теперь подходим, суть следующие:

Во-первых, накопление собственно денежного капитала. В какой мере оно является и в какой не является признаком действительного накопления капитала, то есть воспроизводства в расширенном масштабе? Есть ли так называемое plethora — избыток капитала, выражение, применяемое всегда только к капиталу, приносящему проценты, то есть к денежному капиталу, — лишь особый способ выражения промышленного перепроизводства, или же оно представляет собой особое явление наряду с этим последним? Совпадает ли это plethora, это избыточное предложение денежного капитала с наличностью денежных масс (слитков, золотых денег и банкнот), лежащих без движения, и можно ли рассматривать этот избыток действительных денег как выражение и форму проявления указанного plethora ссудного капитала?

И, *во-вторых,* в какой степени денежное затруднение, то есть недостаток ссудного капитала, выражает недостаток действительного капитала (товарного капитала и производительного капитала)? В какой степени, с другой стороны, оно совпадает с недостатком денег, как таковых, с недостатком средств обращения?

Поскольку мы рассматривали до сих пор специфическую форму накопления денежного капитала и денежного имущества вообще, мы видели, что эта форма накопления сводится к накоплению притязаний собственности на труд. Накопление капитала в виде обязательств государственного долга означает, как оказалось, лишь увеличение класса кредиторов государства, которые получают право присваивать себе известные суммы из общей массы налогов [6]. В том факте, что даже накопление

[6] «Государственные процентные бумаги суть не что иное, как иллюзорный капитал, представляющий часть ежегодного дохода, предназначенную для уплаты долга.

долгов может выступать как накопление капитала, со всей полнотой обнаруживается то извращение, которое имеет место в системе кредита. Эти долговые свидетельства, выданные за первоначально взятый взаймы и давно уже израсходованный капитал, эти бумажные дубликаты уничтоженного капитала функционируют для своих владельцев как капитал, поскольку они являются пригодными к продаже товарами и, следовательно, могут быть обратно превращены в капитал.

Правда, мы также видели, что титулы собственности на общественные предприятия, железные дороги, рудники и т. п. являются фактически титулами на действительный капитал. Однако они не дают возможности распоряжаться этим капиталом. Его нельзя извлечь. Эти титулы дают только юридическое право на получение части прибавочной стоимости, которая должна быть присвоена этим капиталом. Но эти титулы становятся также и бумажными дубликатами действительного капитала; дело происходит таким образом, как если бы накладная приобрела стоимость наряду с самим грузом и одновременно с ним. Они становятся номинальными представителями несуществующего капитала. Ибо действительный капитал существует наряду с ними и, конечно, не переходит в другие руки оттого, что эти дубликаты переходят из рук в руки. Они делаются формой капитала, приносящего проценты, не только потому, что обеспечивают известный доход, но и потому, что путем продажи за них можно получить обратно деньги как за капитальные стоимости. Поскольку накопление этих бумаг выражает накопление железных дорог, рудников, пароходов и т. п., оно выражает расширение действительного процесса воспроизводства, — совершенно так же, как увеличение налоговых требований, например, на движимое имущество свидетельствует о возрастании этой движимости. Но в качестве дубликатов, которые сами могут продаваться как товары, а потому обращаются как капитальные стоимости, они иллюзорны, и величина их стоимости может повышаться и падать совершенно независимо от движения стоимости действительного капитала, титулами на который они являются. Величина их

Соответствующий капитал был растрачен; он определил собой сумму займа, однако государственные процентные бумаги представляют не этот капитал, ибо он уже совершенно не существует. Между тем новые богатства должны быть созданы промышленным трудом; каждый год часть этих богатств заранее предназначается для тех, кто ссудил богатства, впоследствии уничтоженные; часть эта посредством налогов отнимается у производителей богатства, чтобы быть отданной кредиторам государства, причем, сообразно обычному для данной страны отношению между капиталом и процентом, предполагается иллюзорный капитал, эквивалентный тому, который мог бы порождать ежегодную ренту, причитающуюся кредиторам» (*Sismondi*. «Nouveaux principes». [Seconde édition, Paris, 1827] II, p. 229—230).

стоимости, то есть их биржевой курс, имеет обязательную тенденцию повышаться с падением ставки процента, поскольку последнее, независимо от специфического движения денежного капитала, является простым следствием тенденции нормы прибыли к понижению. Таким образом, уже в силу одной этой причины с развитием капиталистического производства это фиктивное богатство возрастает вследствие роста стоимости каждой из его пропорциональных частей, имеющих определенную первоначальную номинальную стоимость [7].

Выигрыш и потеря благодаря колебаниям цен этих титулов собственности, как и их централизация в руках железнодорожных королей и т. п., по самой природе вещей все более и более становятся результатом игры, которая теперь выступает вместо труда, а также вместо прямого насилия, в качестве первоначального способа приобретения капиталистической собственности. Этот вид фиктивного денежного имущества, как мы уже отмечали, составляет весьма значительную часть не только денежного имущества частных лиц, но также и банкирского капитала.

Можно было бы, — мы упоминаем об этом лишь затем, чтобы поскорее покончить с этим вопросом, — под накоплением денежного капитала понимать также накопление богатства в руках банкиров (денежных кредиторов по профессии) как посредников между частными денежными капиталистами, с одной стороны, и государством, общинами и производительными заемщиками — с другой; причем все колоссальное расширение кредитной системы, вся система кредита эксплуатируется этими банкирами как их частный капитал. Эти молодцы имеют капиталы и доходы всегда в денежной форме или в форме прямых требований на деньги. Накопление состояний этими банкирами может совершаться в направлении, весьма отличном от действительного накопления, но во всяком случае доказывает, что они прибирают к рукам добрую долю последнего.

Ограничим этот вопрос более узкими рамками. Государственные процентные бумаги, равно как и акции и всякого рода иные ценные бумаги, суть сферы вложения для ссудного капитала, для капитала, предназначенного приносить про-

---

[7] Часть накопленного денежного капитала, предназначенного для ссуд, в действительности является простым выражением промышленного капитала. Так, например, когда Англия в 1857 г. вложила в американские железные дороги и другие предприятия 80 млн. ф. ст., то это совершилось почти исключительно за счет вывоза английских товаров, которые американцам вовсе не пришлось оплачивать. Английские экспортеры выписывали взамен этих товаров векселя на Америку, которые раскупались английскими подписчиками на акции и посылались в Америку в качестве уплаты за стоимость акций.

центы. Они суть формы отдачи его в ссуду. Но сами они не представляют собой тот ссудный капитал, который в них вкладывается. С другой стороны, поскольку кредит играет прямую роль в процессе воспроизводства, необходимо иметь в виду следующее: когда промышленник или купец хочет дисконтировать вексель или получить ссуду, ему не нужны ни акции, ни государственные бумаги. Ему нужны деньги. Поэтому он закладывает или продает эти ценные бумаги, если он иным способом не может добыть себе денег. Вот о накоплении *этого-то* ссудного капитала у нас и идет речь, и притом специально о накоплении ссужаемого денежного капитала. Мы не говорим здесь о ссуде домов, машин и иного основного капитала. Мы не говорим также о тех ссудах, которые промышленники и торговцы предоставляют друг другу товарами и в рамках процесса воспроизводства, хотя и этот пункт нам предварительно придется еще рассмотреть подробнее; мы говорим исключительно о денежных ссудах, которые банкиры, как посредники, предоставляют промышленникам и купцам.

Итак, проанализируем сначала коммерческий кредит, то есть кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он образует основу кредитной системы. Его представителем является вексель, долговое свидетельство с определенным сроком платежа, document of deferred payment *. Каждый дает кредит одной рукой и получает кредит другой. Отвлечемся пока от банкирского кредита, который образует совершенно иной, существенно отличный момент. Поскольку эти векселя в свою очередь обращаются среди самих купцов как средство платежа, при помощи передаточных надписей от одного к другому, без посредствующего учета, то происходит лишь перенесение долгового требования с *A* на *B*, совершенно не изменяющее связи в целом. Одно лицо только ставится на место другого. Но даже и в этом случае погашение долгов может иметь место без вмешательства денег. Например, прядильщик *A* должен уплатить по векселю хлопковому маклеру *B*, а этот последний — импортеру *C*. Если *C* в то же время экспортирует пряжу, что случается довольно часто, то он может в обмен на вексель купить у *A* пряжи, а прядильщик *A* погашает свой долг маклеру *B* его же векселем, полученным *A* в счет платежа от *C*, причем деньгами придется уплатить самое большее только сальдо. Результатом всей этой

* — документ об отсрочке платежа. *Ред.*

сделки является лишь обмен хлопка на пряжу. Экспортер представляет только прядильщика, хлопковый маклер — производителя хлопка.

Относительно кругооборота этого чисто коммерческого кредита необходимо отметить два момента:

Во-первых: погашение этих взаимных долговых требований зависит от обратного притока капитала, то есть от акта *Т — Д*, который только отсрочен. Если прядильщик получил вексель от фабриканта ситца, то последний сможет уплатить, если он до срока уплаты успеет продать свой ситец, находящийся на рынке. Если спекулянт хлебом выдал вексель на своего агента, то агент сможет уплатить деньги, если тем временем ему удастся продать хлеб по ожидаемой цене. Таким образом, эти уплаты зависят от бесперебойности воспроизводства, то есть процесса производства и процесса потребления. Но так как кредит носит взаимный характер, то платежеспособность одного зависит в то же время от платежеспособности другого; ибо векселедатель, выдавая свой вексель, может рассчитывать или на возврат капитала в его собственном предприятии или на возврат капитала в предприятии третьего лица, которое в течение данного срока должно уплатить ему по векселю. Если оставить в стороне расчеты на возврат капитала, платеж может состояться только за счет резервного капитала, которым располагает векселедатель для выполнения своих обязательств в случае замедленного возврата капитала.

Во-вторых: эта кредитная система не устраняет необходимости уплаты наличными. Прежде всего, значительная часть затрат должна всегда производиться наличными: заработная плата, налоги и т. д. Далее, пусть, например, *B*, получивший от *C* вместо платежа вексель, сам должен до истечения срока этого векселя уплатить *D* по векселю, для которого уже наступил срок платежа, а для этого ему нужны наличные деньги. Такой совершенный кругооборот воспроизводства, какой выше предположен между производителем хлопка и прядильщиком, и наоборот, может составить только исключение; в действительности кругооборот постоянно прерывается во многих местах. При рассмотрении процесса воспроизводства («Капитал», кн. II, отдел III [124]) мы видели, что производители постоянного капитала частично обмениваются постоянным капиталом между собой. Вот почему векселя могут более или менее взаимно покрываться. То же самое имеет место в восходящей линии производства, где, например, торговец хлопком выписывает вексель на прядильщика, прядильщик — на фабриканта ситца, этот последний — на экспортера, экспортер — на импортера (быть

может, опять-таки на импортера хлопка). Однако здесь нет кругооборота сделок, а следовательно, нет и замыкающегося круга требований. Например, требование прядильщика ткачу не компенсируется требованием поставщика угля машиностроителю; прядильщик на своем предприятии никогда не может создать встречного требования машиностроителю, так как его продукт, пряжа, не входит в качестве элемента в процесс воспроизводства машин. Поэтому такие требования должны погашаться деньгами.

Границы этого коммерческого кредита, если их рассматривать сами по себе, таковы: 1) богатство промышленников и купцов, то есть резервный капитал, находящийся в их распоряжении на случай замедленного обратного притока капитала; 2) самый этот обратный приток. Последний может замедлиться на некоторое время, или товарные цены могут в течение данного периода времени упасть, или вдруг может оказаться, что товар вследствие застоя на рынке не находит сбыта. Чем долгосрочнее вексель, тем больше, во-первых, должен быть резервный капитал и тем значительнее возможность уменьшения и запоздания обратного притока вследствие падения цен или переполнения рынка. И далее, возврат тем менее обеспечен, чем более первоначальная сделка обусловливалась спекуляцией на повышение или падение товарных цен. Ясно, однако, что с развитием производительной силы труда, а следовательно, и производства в крупном масштабе: 1) рынки расширяются и удаляются от места производства, 2) кредит поэтому должен стать более долгосрочным, а следовательно, 3) все сильнее должен господствовать в сделках спекулятивный элемент. Производство в крупном масштабе и для отдаленных рынков бросает весь продукт в сферу торговли; однако немыслимо такое удвоение капитала нации, при котором торговцы сами по себе были бы в состоянии закупать на свой собственный капитал весь национальный продукт и затем снова продавать его. Следовательно, кредит здесь неизбежен — кредит, объем которого возрастает вместе с ростом стоимости производства и сроки которого удлиняются по мере увеличивающейся отдаленности рынков сбыта. Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций.

Если рассматривать этот кредит отдельно от банкирского кредита, то очевидно, что он растет вместе с размерами самого промышленного капитала. Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тождественны; капиталы, предоставленные в ссуду, суть товарные капиталы, предназначенные или для

окончательного индивидуального потребления или для возмещения постоянных элементов производительного капитала. Следовательно, то, что здесь выступает в виде ссудного капитала, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но переходящий посредством купли и продажи из одних рук в другие, причем эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок. Так, например, хлопок в обмен на вексель переходит в руки прядильщика, пряжа в обмен на вексель — в руки фабриканта ситца, ситец в обмен на вексель переходит в руки купца, из рук которого в обмен на вексель попадает к экспортеру, последний, в обмен на вексель, передает его купцу в Индии, который продает его, покупая взамен индиго и т. д. В течение этого перехода из одних рук в другие хлопок совершает свое превращение в ситец, ситец в конце концов транспортируется в Индию, обменивается на индиго, которое привозится в Европу и там снова вступает в процесс воспроизводства. Различные фазы процесса воспроизводства опосредствуются здесь кредитом, так что прядильщик не оплачивает наличными хлопка, фабрикант ситца — пряжи, купец — ситца и т. д. В первых актах процесса товар-хлопок проходит различные фазы производства и переход этот опосредствуется кредитом. Но как только хлопок получил в производстве свою окончательную форму как товар, этот самый товарный капитал проходит еще лишь через руки различных купцов, которые транспортируют его на отдаленный рынок и последний из которых продает его в конце концов потребителю, покупая вместо того другой товар, входящий или в процесс потребления или в процесс воспроизводства. Следовательно, здесь надо различать два периода: в течение первого кредит опосредствует действительные последовательные фазы в производстве данного предмета; в течение второго — лишь переход его из рук одного купца в руки другого, куда включается и транспортировка, то есть осуществляется акт *Т — Д*. Но и здесь товар все же находится по крайней мере в акте обращения, следовательно, в одной из фаз процесса воспроизводства.

Итак, то, что здесь ссужается, отнюдь не является незанятым капиталом, — это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который существует в такой форме, когда он для своего владельца является просто товарным капиталом, то есть капиталом, который должен совершить обратное превращение, а именно, он в первую очередь должен по крайней мере превратиться в деньги. Итак, здесь кредит опосредствует метаморфоз товара: не только *Т — Д*,

но также *Д — Т* и действительный процесс производства. Если оставить в стороне банкирский кредит, то обилие кредита в пределах воспроизводственного кругооборота отнюдь не означает того, что имеется большой незанятый капитал, который предлагается в ссуду и ищет прибыльного приложения, — оно означает занятость большого количества капитала в процессе воспроизводства. Итак, кредит опосредствует здесь: 1) поскольку речь идет о промышленных капиталистах, — переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства; 2) поскольку речь идет о купцах, — транспортировку и переход товаров из одних рук в другие до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другой товар.

Максимум кредита означает здесь наиболее полное вовлечение промышленного капитала в производство, то есть крайнее напряжение его воспроизводительной силы, независимо от границ потребления. Эти границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, оно тождественно с напряжением производительного потребления.

Пока процесс воспроизводства протекает бесперебойно, а потому обратный приток капитала остается обеспеченным, этот кредит поддерживается и расширяется, причем расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства. Как только наступает застой вследствие замедления обратного притока, переполнения рынков, понижения цен, появляется избыток промышленного капитала, но в такой форме, в какой последний не в состоянии выполнять свои функции. Налицо масса товарного капитала, но он не находит сбыта. Налицо масса основного капитала, но вследствие застоя воспроизводства он большей частью бездействует. Кредит сокращается: 1) потому что этот капитал не занят, то есть остановился в одной из фаз своего воспроизводства, потому что он не может совершить своего метаморфоза, 2) потому что подорвана вера в возможность бесперебойного течения процесса воспроизводства, 3) потому что уменьшается спрос на этот коммерческий кредит. Прядильщику, который сокращает свое производство и имеет на складе массу непроданной пряжи, незачем покупать хлопок в кредит. Купцу незачем покупать в кредит товары, так как их у него и без того более чем достаточно.

Итак, если нарушается это расширение или хотя бы только нормальное напряжение процесса воспроизводства, то вместе

с тем появляется и недостаток в кредите; становится труднее получить товары в кредит. Требование платежа наличными и осторожность при продаже в кредит в особенности характерны для той фазы промышленного цикла, которая следует непосредственно за крахом. Во время же самого кризиса, когда каждый стремится, но не может продать и в то же время должен продать, чтобы заплатить, масса капитала — не свободного и ищущего приложения, а стесненного в процессе своего воспроизводства — наиболее значительна как раз тогда, когда всего сильнее нехватка кредита (и потому всего выше учетная ставка при банкирском кредите). Капитал, уже вложенный в дело, в это время действительно остается сплошь и рядом незанятым, так как приостановился процесс воспроизводства. Фабрики стоят, сырье накопляется, готовые продукты переполняют товарный рынок. В высшей степени неправильно поэтому приписывать такое положение дел нехватке производительного капитала. Как раз в этот период имеется избыток производительного капитала частью по сравнению с нормальным, но в данный момент сокращенным масштабом воспроизводства, частью по сравнению с уменьшенным потреблением.

Представим себе, что все общество состоит только из промышленных капиталистов и наемных рабочих. Далее, оставим в стороне изменения цен, которые препятствуют значительным частям всего капитала возмещаться согласно своим средним нормам и неизбежно должны вызывать временно всеобщий застой при той всеобщей связи между различными частями процесса воспроизводства, какая развивается в особенности благодаря кредиту. Оставим в стороне также фиктивные предприятия и спекулятивные обороты, поощряемые кредитом. Тогда кризис можно было бы объяснить только несоразмерностью производства в различных отраслях и несоразмерностью между потреблением самих капиталистов и их накоплением. Но при данном положении вещей возмещение капиталов, вложенных в производство, зависит главным образом от потребительной способности непроизводительных классов, тогда как потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что рабочие лишь до тех пор находят себе занятие, пока они могут быть использованы с прибылью для класса капиталистов. Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества.

О действительном недостатке производительного капитала, по крайней мере у капиталистически развитых наций, речь может идти лишь в случае общего неурожая либо главных продуктов питания, либо важнейшего промышленного сырья.

Но к этому коммерческому кредиту присоединяется собственно денежный кредит. Взаимное кредитование промышленников и купцов переплетается с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных кредиторов. При дисконтировании векселя ссуда является лишь номинальной. Фабрикант продает свой продукт под вексель и дисконтирует последний у billbroker *. В действительности последний ссужает лишь кредит своего банкира, который, в свою очередь, ссужает ему денежный капитал своих вкладчиков, каковыми являются сами промышленники и купцы, а также и рабочие (при посредстве сберегательных касс), равно как и получатели земельной ренты и прочие непроизводительные классы. Таким образом, для каждого индивидуального фабриканта или купца устраняется как необходимость иметь солидный резервный капитал, так и зависимость от действительного обратного притока капитала. Но с другой стороны, частью благодаря дутым векселям, частью же благодаря товарным сделкам с единственной целью фабрикации векселей, весь процесс настолько усложняется, что видимость очень солидного предприятия с бесперебойным обратным притоком капиталов может спокойно сохраняться долгое время и после того, когда в действительности обратный приток достигается лишь за счет частью обманутых денежных кредиторов, частью обманутых производителей. Потому-то непосредственно перед крахом предприятие всегда имеет почти чрезмерно здоровый вид. Лучшее доказательство этому дают, например, «Reports on Bank Acts» 1857 и 1858 гг., согласно которым все директора банков, купцы, словом, все приглашенные в качестве экспертов, с лордом Оверстоном во главе, поздравляли друг друга с цветущим и здоровым развитием дел, — как раз за месяц до того, как в августе 1857 г. разразился кризис. И Тук в своей работе «History of Prices» поразительным образом также впадает в эту иллюзию при изложении истории каждого отдельного кризиса. Предприятия кажутся все еще в высшей степени здоровыми, и дела идут самым блестящим образом, пока вдруг не разражается крах.

Теперь мы возвратимся к накоплению денежного капитала.

---

* — вексельного маклера. *Ред.*

Не всякое увеличение ссудного денежного капитала указывает на действительное накопление капитала или расширение процесса воспроизводства. Яснее всего это обнаруживается в той фазе промышленного цикла, которая непосредственно следует за пережитым кризисом, когда ссудный капитал массами бездействует. В те моменты, когда процесс производства сокращается (в английских промышленных округах после кризиса 1847 г. производство сократилось на одну треть), когда цены товаров достигают своей низшей точки, когда дух предпринимательства парализован, в такие моменты господствует низкая процентная ставка, которая в данном случае указывает лишь на увеличение ссудного капитала как раз вследствие сокращения и парализованности промышленного капитала. При падении товарных цен, уменьшении оборотов, сокращении капитала, вложенного в заработную плату, требуется, конечно, меньше средств обращения; с другой стороны, после того как ликвидированы заграничные долги частью благодаря отливу золота, частью благодаря банкротствам, отпадает надобность в добавочных деньгах для функции мировых денег; наконец, объем операций по учету векселей сокращается вместе с сокращением числа и общей суммы самих этих векселей, — все это очевидно само собой. Спрос на ссудный денежный капитал — и как на средство обращения и как на средство платежа — поэтому уменьшается (о новых затратах капитала пока нет речи), и поэтому наступает относительное изобилие этого капитала. Но в то же время, как будет показано впоследствии, и предложение ссудного денежного капитала при таких обстоятельствах положительно увеличивается.

Так, после кризиса 1847 г. имело место «сокращение оборотов и большое изобилие денег» («Comm. Distress» 1847—1848. Evidence № 1664), ставка процента была очень низкой вследствие «почти полного отсутствия торговли и почти полного отсутствия возможности поместить деньги» (там же, стр. 45 [№ 231]. Показание Ходжсона, директора ливерпульского королевского банка). Какие нелепости сочиняют эти господа (а Ходжсон еще один из лучших среди них), чтобы объяснить себе это, видно из следующей фразы:

«Угнетение» (1847 г.) «возникло вследствие действительного уменьшения денежного капитала в стране, которое было вызвано отчасти необходимостью оплачивать золотом ввоз из всех стран света, отчасти превращением оборотного капитала (floating capital) в основной» [там же, стр. 63, № 466].

Каким образом превращение оборотного капитала в основной может уменьшить денежный капитал страны, совершенно

нельзя понять; ибо, например, при строительстве железных дорог, куда в то время главным образом вкладывался капитал, ни золото, ни бумажные знаки не употребляются как материал для строительства виадуков или изготовления рельсов, а деньги за железнодорожные акции, поскольку они депонировались при покупке этих акций, функционировали, как и всякие другие депонированные в банке деньги, и, как было показано выше *, даже увеличивали на некоторое время количество ссудного денежного капитала; поскольку же деньги действительно затрачивались на строительство, они циркулировали в стране как покупательное и платежное средство. Денежный капитал мог бы быть затронут превращением оборотного капитала в основной лишь постольку, поскольку основной капитал не является предметом, пригодным для экспорта, так что вследствие невозможности вывоза отпадает и свободный капитал, который образуется от поступлений за вывезенные предметы, а следовательно, отпадают и поступления наличными деньгами или слитками. Но в рассматриваемый период и предметы английского экспорта массами лежали в складах на заграничных рынках, не находя покупателей. У купцов и фабрикантов Манчестера и других мест, вложивших часть нормального капитала своих предприятий в железнодорожные акции и потому оказавшихся в дальнейшем ведении своего дела в зависимости от заемного капитала, floating capital действительно был закреплен, последствия чего и пришлось им испытать. Но результат получился бы тот же самый, если бы капитал, принадлежащий их предприятиям, но извлеченный из них, они вложили не в железные дороги, а, например, в горное дело, продукты которого — железо, уголь, медь и т. д. — сами представляют floating capital. — Действительное уменьшение свободного денежного капитала вследствие неурожая, ввоза зерна и вывоза золота, само собой разумеется, было фактом, не имевшим никакого отношения к железнодорожным спекуляциям.

«Почти все торговые фирмы начали более или менее свертывать свою деятельность, помещая часть своего торгового капитала в железные дороги» [там же, стр. 42]. — «Ссужая такие огромные суммы железным дорогам, эти торговые фирмы, в свою очередь, были вынуждены брать у банков посредством учета векселей очень много капитала с тем, чтобы на эти деньги продолжать ведение своего собственного дела» (тот же Ходжсон, там же, стр. 67). «В Манчестере в результате железнодорожных спекуляций многие потерпели громадные убытки» (Р. Гарднер, неоднократно цитированный в «Капитале», кн. I, гл. XIII, 3, с [125] и других местах; показание № 4884, там же).

---

* См. настоящий том, стр. 515. *Ред.*

Главной причиной кризиса 1847 г. было колоссальное переполнение рынка и безграничная спекуляция в торговле ост-индскими товарами. Но и другие обстоятельства привели к краху очень богатые фирмы этой отрасли:

«Они располагали большими средствами, но эти средства были ликвидны. Весь их капитал был вложен в земельную собственность на острове Маврикий или в фабрики индиго и сахарные заводы. Когда они затем взяли на себя обязательства в размере 500 000—600 000 ф. ст., у них не оказалось никаких свободных средств для оплаты своих векселей, и в конце концов выяснилось, что для оплаты своих векселей они всецело должны рассчитывать на кредит» (Ч. Тёрнер, крупный ост-индский купец в Ливерпуле, № 730, там же).

Далее мы имеем показания Гарднера (№ 4872, там же):

«Тотчас же по заключении китайского договора для страны открылись столь широкие перспективы колоссального расширения нашей торговли с Китаем, что вдобавок ко всем нашим уже существующим фабрикам многие крупные фабрики были построены специально с целью изготовлять наиболее ходкие на китайском рынке хлопчатобумажные ткани. — 4874. Чем же все это кончилось? — Величайшим разорением, не поддающимся описанию; я не думаю, чтобы за весь вывоз 1844—1845 гг. в Китай было получено обратно более $^2/_3$ всей суммы; так как чай является основным предметом обратного экспорта и так как нас сильно обнадеживали, то мы, фабриканты, с уверенностью рассчитывали на крупное понижение пошлины на чай».

И вот перед нами наивно выраженное характерное кредо английских фабрикантов:

«Наша торговля на иностранном рынке не ограничивается способностью последнего покупать товары, но она ограничена здесь, в нашей стране, нашей способностью потреблять продукты, которые мы получаем взамен наших промышленных изделий».

(Сравнительно бедные страны, с которыми ведет торговлю Англия, могли бы, естественно, оплатить и потребить любое количество английских товаров, а вот богатая Англия, к сожалению, не способна потребить продукты, полученные в обмен за ее экспорт.)

«4876. Я сначала вывез некоторые свои товары, которые были проданы с убытком около 15%; при этом я был вполне убежден, что агенты мои закупят чай по такой цене, при которой перепродажа здесь даст прибыль, достаточно большую для покрытия этого убытка; но вместо прибыли я терпел порой убыток в 25% и даже 50%. — 4877. Экспортируют ли фабриканты за свой счет? — Преимущественно; купцы, как видно, быстро убедились, что из этого дела ничего не выходит, и больше поощряли фабрикантов к самостоятельной отправке продуктов, чем сами принимали в ней участие».

Напротив, в 1857 г. убытки и банкротства выпали преимущественно на долю купцов, так как на этот раз фабриканты

предоставили им возможность переполнять чужие рынки «за собственный счет».

Денежный капитал может увеличиться благодаря тому, что с расширением банковского дела (см. ниже пример о районе Ипсуича, где в течение немногих лет непосредственно перед 1857 г. вклады фермеров учетверились *) то, что раньше было сокровищем частного лица или монетным запасом, превращается на определенный срок в ссудный капитал. Такое возрастание денежного капитала не выражает собой рост производительного капитала, как, например, и увеличение вкладов в лондонских акционерных банках, после того как эти банки начали платить проценты по вкладам, не выражает возрастания денежного капитала. Пока масштаб производства остается неизменным, это возрастание вызывает лишь обилие ссудного денежного капитала по сравнению с производительным. Отсюда низкая ставка процента.

Если процесс воспроизводства достигает снова состояния расцвета, предшествующего чрезмерному напряжению, то коммерческий кредит достигает чрезвычайно сильного расширения, которым в свою очередь действительно создается «здоровый» базис для облегченного обратного притока капиталов и расширения производства. При таком состоянии дел ставка процента все еще низка, хотя и превышает свой минимум. Фактически это *единственный* период, когда можно сказать, что низкая ставка процента и, следовательно, относительное обилие ссудного капитала совпадает с действительным расширением промышленного капитала. Легкость и регулярность обратного притока капитала, в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивает, несмотря на усилившийся спрос, предложение ссудного капитала и препятствует повышению ставки процента. С другой стороны, только теперь начинают играть заметную роль те рыцари наживы, которые ведут дела без запасного, а то и вообще без всякого капитала и потому оперируют всецело при помощи денежного кредита. К этому присоединяется еще значительный рост основного капитала во всех его формах и открытие массы новых крупных предприятий. Процент повышается теперь до своей средней высоты. Своего максимума он достигает опять тогда, когда разражается новый кризис, когда кредит внезапно прекращается, платежи приостанавливаются, процесс воспроизводства парализуется и за

---

* См. настоящий том, стр. 546. *Ред.*

упомянутыми выше исключениями наряду с почти абсолютным недостатком ссудного капитала наступает избыток бездеятельного промышленного капитала.

Следовательно, движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях процентной ставки, в целом протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала. Фаза, в которой низкая, но превышающая свой минимум ставка процента совпадает с «улучшением» и с растущим по окончании кризиса доверием, и в особенности фаза, когда эта ставка достигает своей средней величины — одинаково удаленной и от минимума и от максимума, — только эти два момента выражают совпадение обилия ссудного капитала с большим расширением промышленного капитала. Но в начале промышленного цикла низкая ставка процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокая ставка совпадает с избытком промышленного капитала. Низкая ставка процента, сопровождающая «улучшение», свидетельствует о том, что коммерческий кредит лишь в небольшой степени нуждается в банковском кредите, так как он все еще стоит на своих собственных ногах.

С этим промышленным циклом дело обстоит так, что, раз дан первый толчок, один и тот же кругооборот должен периодически воспроизводиться [8]. В состоянии депрессии производство падает ниже той ступени, которой оно достигло в предшествующем цикле и для которой теперь заложен технический базис.

---

[8] {Как я уже упоминал в другом месте (см. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 33—34), со времени последнего большого всеобщего кризиса в этом отношении наступил некоторый поворот. Острая форма периодического процесса с ее до сих пор десятилетним циклом уступила, по-видимому, место более хронической, затяжной, затрагивающей различные промышленные страны в различное время смене сравнительно короткого, слабого улучшения дел и сравнительно продолжительного угнетенного состояния. Возможно, однако, что мы имеем перед собой лишь увеличение продолжительности цикла. В период детства мировой торговли, в 1815—1847 гг., наблюдался примерно пятилетний цикл; с 1847 по 1867 г. цикл был определенно десятилетним. Не живем ли мы в период подготовки нового мирового краха неслыханной силы? В пользу такого предположения говорит ряд фактов. Со времени последнего всеобщего кризиса 1867 г. произошли крупные изменения. Колоссальный рост средств сообщения — океанские пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, Суэцкий канал — впервые создал действительно мировой рынок. Наряду с Англией, которая раньше монополизировала промышленность, выступил целый ряд конкурирующих промышленных стран; для вложения избыточного европейского капитала во всех частях света стали доступны несравненно более обширные и разнообразные области, так что капитал распределяется гораздо шире и местная чрезмерная спекуляция преодолевается легче. Благодаря всему этому большинство старых очагов кризиса или поводов к кризису устранено или сильно ослаблено. Вместе с тем конкуренция на внутреннем рынке отступает назад перед картелями и трестами, в то время как на внешнем рынке она ограничивается запретительными пошлинами, которыми оградили себя все крупные промышленные страны, кроме Англии. Но сами эти запретительные пошлины суть не что иное, как вооружение для неизбежной всеобщей промышленной войны, которая должна решить вопрос о господстве на мировом рынке. Таким образом, каждый из элементов, противодействующих повторению кризисов старого типа, носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса. — *Ф. Э.*}

При процветании — среднем периоде — производство развивается далее на этом базисе. В период перепроизводства и мошенничеств производительные силы напрягаются в самой высокой степени, даже за пределы капиталистических границ производственного процесса.

Очевидно само собой, что в период кризиса недостает средств платежа. Обратимость векселей заступает место метаморфоза самих товаров, и как раз в такое время тем более, чем больше торговых фирм вели операции только в кредит. Невежественное и нелепое банковское законодательство — вроде законов 1844—1845 гг. — может усилить этот денежный кризис. Но никакое банковское законодательство не может устранить кризиса.

При такой системе производства, где все связи процесса воспроизводства покоятся на кредите, в том случае, когда кредит внезапно прекращается и силу имеет только платеж наличными, должен очевидно наступить кризис, должна наступить необычайная погоня за средствами платежа. Поэтому на первый взгляд весь кризис представляется только кредитным кризисом и денежным кризисом. И в самом деле, вопрос заключается только в том, как превратить векселя в деньги. Но эти векселя представляют в большинстве случаев действительные купли и продажи, расширение которых далеко за пределы общественной потребности лежит в конце концов в основе всего кризиса. Однако наряду с этим громадная масса этих векселей представляет просто дутые операции, которые теперь обнаруживают свой истинный характер и лопаются; далее, она представляет спекуляции, предпринятые с чужим капиталом и потерпевшие крушение; наконец, товарные капиталы, которые обесценены или даже вовсе не могут быть проданы; или обратный приток капиталов, который никогда уже не может осуществиться. Всю эту искусственную систему насильственного расширения процесса воспроизводства нельзя, конечно, оздоровить тем, что какой-либо банк, например Английский банк, при помощи своих бумаг снабдит всех спекулянтов недостающим им капиталом и купит все обесцененные товары по их прежней номинальной стоимости. Впрочем, здесь все представляется в извращенном виде, так как в этом «бумажном» мире нигде не выступают реальная цена и ее реальные моменты, а фигурируют лишь слитки, металлические деньги, банкноты, векселя, ценные бумаги. Это извращение особенно сказывается в центрах, где скучены денежные предприятия страны, каков, например, Лондон; весь процесс становится непонятным; уже в меньшей степени это наблюдается в центрах производства.

Впрочем, относительно чрезмерного изобилия промышленного капитала, обнаруживающегося во время кризисов, следует заметить: товарный капитал потенциально является в то же время и денежным капиталом, то есть определенной суммой стоимости, выраженной в цене товара. Как потребительная стоимость он есть определенное количество определенных предметов потребления, и последние в момент кризиса оказываются в избытке. Но как денежный капитал в себе, как потенциальный денежный капитал он подвержен постоянным расширениям и сокращениям. Накануне кризиса и во время его товарный капитал в своем качестве потенциального денежного капитала сокращается. Для своих владельцев и их кредиторов (а также в качестве обеспечения векселей и займов) он представляет меньше денежного капитала, чем в тот период, когда он был куплен и когда совершались основанные на нем учетные и залоговые операции. Если именно таков смысл утверждения, что денежный капитал страны в период угнетения уменьшается, то это тождественно с констатированием того, что цены товаров упали. Впрочем, такое падение цен только уравновешивает их прежнее разбухание.

Доходы непроизводительных классов и всех тех, кто живет за счет фиксированных доходов, остаются по большей части неизменными в период разбухания цен, идущего рука об руку с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией. Поэтому их потребительная способность относительно понижается, а вместе с тем понижается и способность возмещать ту часть общей суммы воспроизводства, которая нормально должна была бы войти в их потребление. Даже в том случае, если номинально спрос их остается неизменным, в действительности он понижается.

Относительно ввоза и вывоза необходимо заметить, что одна за другой все страны втягиваются в кризис, и тогда обнаруживается, что все они, за немногими исключениями, слишком много экспортировали и импортировали и, следовательно, *платежный баланс неблагоприятен для всех* и что, таким образом, причина кризиса заключается в действительности не в платежном балансе. Например, Англия страдает от отлива золота. Она слишком много импортировала. Но в то же время все другие страны переполнены английскими товарами. Следовательно, они также слишком много ввезли или в них ввезли слишком много. (Конечно, есть разница между страной, которая вывозит в кредит, и странами, которые мало или вовсе не вывозят в кредит. Но последние зато ввозят в кредит; это не имеет места лишь в том случае, если товары посылаются

туда на консигнацию [126].) Прежде всего кризис может разразиться в Англии, в стране, которая больше всего дает кредит и меньше всего берет его, ибо платежный баланс, баланс платежей, которым наступает срок и которые немедленно должны быть погашены, для нее *неблагоприятен,* хотя общий торговый баланс *благоприятен.* Это последнее обстоятельство объясняется отчасти оказываемым ею кредитом, отчасти массой ссуженных ею за границу капиталов, вследствие чего имеет место большой обратный приток товаров независимо от обратного притока, обусловленного собственно торговыми операциями. (Иногда кризис начинался также в Америке, стране, которая больше всех других пользуется английским кредитом, — торговым кредитом и кредитом капитала.) Крах в Англии, начинающийся и сопровождающийся отливом золота, выравнивает платежный баланс Англии частью благодаря банкротству ее импортеров (о чем ниже), частью благодаря тому, что за границу по дешевым ценам выбрасывается часть ее товарного капитала, частью благодаря продаже иностранных ценных бумаг, купле английских бумаг и т. д. Но вот настает черед какой-либо другой страны. Платежный баланс для нее в данный момент был благоприятен; но существующий в обычное время разрыв между платежным и торговым балансом теперь отпадает или, во всяком случае, сокращается благодаря кризису: все платежи должны быть произведены сразу. Та же история повторяется теперь здесь. В Англию теперь приливает золото, а из другой страны — отливает. То, что в одной стране проявляется как избыточный ввоз, в другой оказывается избыточным вывозом, и наоборот. Но избыточный ввоз и избыточный вывоз имел место во всех странах (мы говорим здесь не о неурожаях и т. п., а о всеобщем кризисе), то есть имело место перепроизводство, которому способствовал кредит и сопровождающее последний всеобщее разбухание цен.

В 1857 г. кризис разразился в Соединенных Штатах. Произошел отлив золота из Англии в Америку. Но как только разбухание цен в Америке прекратилось, последовал кризис в Англии и отлив золота из Америки в Англию. То же самое произошло между Англией и континентом. Платежный баланс в период всеобщего кризиса неблагоприятен для каждой нации, по крайней мере для каждой коммерчески развитой нации, но обнаруживается он всегда, как при поочередном ведении огня, сначала у одной нации, а вслед затем у другой, по мере того как доходит очередь платежа, и кризис, лишь только он разразился в какой-либо стране, например в Англии, сжимает эти сроки в очень короткий период времени. Тогда-то

и выясняется, что все эти страны одновременно и слишком много вывезли (следовательно, перепроизвели) и слишком много ввезли (следовательно, переторговали), что у всех у них цены чрезмерно разбухли, а кредит перенапряжен. И везде происходит одинаковый крах. Явление отлива золота обнаруживается затем во всех странах поочередно и своей всеобщностью доказывает, в частности: 1) что отлив золота представляет собой лишь проявление кризиса, а не причину его, 2) что последовательность, в которой он наступает у различных наций, лишь показывает, когда для каждой из них приходит очередь свести свои счеты с небом, когда у них наступает срок кризиса и скрытые элементы его созревают для взрыва.

Для английских экономистов характерно, — а заслуживающая упоминания экономическая литература с 1830 г. сводится главным образом к литературе о currency *, кредите, кризисах, — что они рассматривают вывоз благородных металлов в период кризиса, несмотря на изменение вексельного курса, исключительно с точки зрения Англии как чисто национальное явление и совершенно закрывают глаза на тот факт, что когда их банк в период кризиса повышает процентную ставку, то и все другие европейские банки делают то же самое, и что если сегодня в Англии раздаются вопли по поводу отлива золота, то завтра они прозвучат в Америке, послезавтра — в Германии и Франции.

В 1847 г. «нужно было погасить текущие обязательства Англии» (главным образом за хлеб). «К несчастью, они по большей части погашались путем банкротства». (Благодаря банкротству богатая Англия развязала себе руки по отношению к континенту и Америке.) «А поскольку с обязательствами не было покончено благодаря банкротству, их погашали вывозом благородных металлов» («Report of Committee on Bank Acts», 1857).

Итак, поскольку кризис в Англии обостряется банковским законодательством, законодательство это является средством для того, чтобы в период голода надувать нации, вывозящие хлеб, сначала на хлебе, а потом на деньгах за хлеб. Таким образом, запрещение вывоза хлеба в такое время является для стран, которые сами более или менее страдают от дороговизны, очень рациональным средством борьбы с этим планом Английского банка «погашать обязательства», вызванные ввозом хлеба, «посредством банкротства». Гораздо лучше, если производители хлеба и спекулянты потеряют часть своей прибыли к выгоде страны, чем если они потеряют свой капитал к выгоде Англии.

---

* — денежном обращении. *Ред.*

Из сказанного видно, что товарный капитал во время кризиса и вообще во время застоя в делах в значительной степени теряет свое свойство представлять потенциальный денежный капитал. То же самое приходится сказать и о фиктивном капитале, процентных бумагах, поскольку они сами обращаются на бирже как денежные капиталы. При повышении процента цена их падает. Она падает, далее, вследствие общего недостатка кредита, который заставляет их собственников массами выбрасывать их на рынок, чтобы добыть себе денег. Наконец, цена акций падает, частью вследствие уменьшения доходов, удостоверениями на получение которых они являются, частью вследствие того, что предприятия, которые они представляют, довольно часто имеют дутый характер. Во время кризиса этот фиктивный денежный капитал чрезвычайно уменьшается, а вместе с тем для его владельцев уменьшается возможность получать под него деньги на рынке. Все же понижение курса этих ценных бумаг совершенно не затрагивает того действительного капитала, который они представляют, и, напротив, весьма сильно затрагивает платежеспособность его владельцев.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. — II (продолжение)

Мы все еще не покончили с вопросом, в какой степени накопление капитала в форме ссудного денежного капитала совпадает с действительным накоплением, с процессом расширенного воспроизводства.

Превращение денег в ссудный денежный капитал — история гораздо более простая, чем превращение денег в производительный капитал. Но нам следует здесь различать две вещи:

1) простое превращение денег в ссудный капитал;

2) превращение капитала или дохода в деньги, которые превращаются в ссудный капитал.

Только при условии, указанном в последнем пункте, может иметь место положительное накопление ссудного капитала, совпадающее с действительным накоплением промышленного капитала.

1) ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ

Мы уже видели, что возможно скопление, сверхизобилие ссудного капитала, лишь постольку связанное с производительным накоплением, поскольку оно находится к этому последнему в обратном отношении. Это имеет место в двух фазах промышленного цикла, а именно, во-первых, в тот период, когда промышленный капитал в обеих формах — производительного и товарного капитала — сокращается, следовательно, в начале цикла после кризиса; и, во-вторых, в период, когда началось улучшение, но коммерческий кредит еще мало прибегает к банковскому кредиту. В первом случае денежный капитал, раньше применявшийся в производстве и торговле, выступает как свободный ссудный капитал; во втором случае он выступает как капитал, находящий применение в возрастающих размерах, но по очень низкой процентной ставке, так как теперь промышленный и торговый капиталисты диктуют условия денежному

капиталисту. Избыток ссудного капитала в первом случае выражает бездействие промышленного капитала, во втором случае — относительную независимость коммерческого кредита от банковского кредита, покоящуюся на наличии обратного притока денег, кратких сроках кредита и на ведении дела по преимуществу с собственным капиталом. Спекулянты, рассчитывающие на чужой ссудный капитал, еще не выступили в поход; люди, ведущие дело на собственный капитал, еще далеки от ведения операций почти целиком за счет кредита. В первой фазе избыток ссудного капитала выражает прямую противоположность действительного накопления. Во второй фазе он совпадает с новым расширением процесса воспроизводства, сопровождает его, однако не является его причиной. Избыток ссудного капитала уже уменьшается, он только относителен, то есть пока является таковым лишь по сравнению со спросом. В обоих случаях расширению действительного процесса накопления благоприятствует то обстоятельство, что низкий процент, который в первом случае совпадает с низкими ценами, во втором — с медленно растущими ценами, увеличивает ту часть прибыли, которая превращается в предпринимательский доход. В еще большей степени это имеет место при повышении процента до его среднего уровня в период максимального расцвета, так как тут хотя процент и возрастает, но не в такой степени, как прибыль.

С другой стороны, мы видели, что накопление ссудного капитала может быть достигнуто без всякого действительного накопления, при помощи чисто технических средств, каковы расширение и концентрация банковского дела, экономное использование резерва обращения или также резервного фонда принадлежащих частным лицам платежных средств, которые вследствие этого постоянно превращаются на короткие сроки в ссудный капитал. Хотя этот ссудный капитал, который потому и называется также текучим капиталом (floating capital), сохраняет всегда лишь на короткие периоды форму ссудного капитала (и точно так же лишь на короткие периоды может послужить для дисконтных операций), но он зато постоянно приливает и отливает. Если один извлекает его, то другой его доставляет. Таким образом масса ссудного денежного капитала (мы говорим здесь вообще не о ссудах на годы, но лишь о краткосрочных ссудах под векселя и под залог) на самом деле растет совершенно независимо от действительного накопления.

B. C. 1857. Вопрос 501. «Что вы понимаете под floating capital?» (Г-н Уэгелин, управляющий Английским банком:) «Это капитал, употребляемый для денежных ссуд на короткие сроки... (502) банкноты

Английского банка... провинциальных банков и сумма денег, имеющихся в стране». — {Вопрос:} [503.] «Если вы под floating capital понимаете активное обращение» {именно обращение банкнот Английского банка}, «то, судя по тем показаниям, которыми располагает по этому поводу комиссия, в этом активном обращении не происходит, по-видимому, очень значительных колебаний?» (Однако очень большая разница — кто именно авансировал это активное обращение, денежный кредитор или сам промышленный капиталист. — Ответ Уэгелина:) «Я включаю в floating capital резервы банкиров, подверженные значительным колебаниям».

Это значит, следовательно, что имеют место значительные колебания той части вкладов, которую банкиры не употребили для ссуд, но которая фигурирует как их резерв, а большей частью как резерв Английского банка, куда они вложены. Наконец, тот же самый господин говорит, будто floating capital есть bullion, то есть слитки и металлические деньги (503[a]). Поразительно вообще, насколько искажается смысл и форма всех категорий политической экономии в этой кредитной тарабарщине денежного рынка. Floating capital является здесь обозначением для circulating capital *, тогда как в действительности это, конечно, совершенно разные вещи, и money ** — это capital, и bullion — тоже capital, и банкноты — circulation ***, и капитал — a commodity ****, и долги — commodities *****, и fixed capital ****** — деньги, вложенные в трудно реализуемые бумаги!

«Лондонские акционерные банки... увеличили свои вклады с 8 850 774 ф. ст. в 1847 г. до 43 100 724 ф. ст. в 1857 году... Данные и показания, имеющиеся в комиссии, позволяют сделать заключение, что значительная часть этой громадной суммы взята из источников, которые раньше не могли быть использованы для этой цели, и что обычай открывать счет у банкира и помещать у него деньги распространился на многочисленные классы, которые раньше не применяли своего капитала (!) таким образом. Г-н Родуэлл, президент ассоциации провинциальных частных банков» {в отличие от акционерных банков}, «делегированный ею, чтобы давать показания перед комиссией, сообщает, что в районе Ипсуича среди фермеров и мелких торговцев этого округа практика эта в последнее время увеличилась раза в четыре; что почти все фермеры, даже те из них, которые уплачивают всего 50 ф. ст. годовой арендной платы, имеют теперь вклады в банках. Масса этих вкладов находит, конечно, себе путь к употреблению в дело и тяготеет в особенности к Лондону, центру коммерческой деятельности, где она прежде всего находит применение в учете векселей и других ссудах клиентам лондонских банкиров. Большая часть вкладов, которые непосредственно не нужны самим банкирам, попадает в руки billbrokers, которые в качестве обеспечения данной им ссуды

* — обращения капитала. *Ред.*
** — деньги. *Ред.*
*** — средства обращения. *Ред.*
**** — товар. *Ред.*
***** — товары. *Ред.*
****** — основной капитал. *Ред.*

предлагают банкиру торговые векселя, уже учтенные ими для разных лиц в Лондоне или провинции» (B. C. 1858, p. V).

Банкир, выдавая ссуду вексельному маклеру под векселя, которые тот уже раз учел, фактически переучитывает их еще раз, но в действительности многие из этих векселей уже были переучтены самими вексельными маклерами, и на те же самые деньги, которыми банкир переучитывает векселя маклера, последний переучитывает новые векселя. А это приводит вот к чему:

«Расширение фиктивного кредита было создано учетом дружеских векселей и бланковым кредитом, что значительно облегчалось практикой провинциальных акционерных банков, которые учитывали такие векселя и переучитывали их затем у вексельных маклеров на лондонском рынке, причем полагались исключительно на кредитоспособность банка и совершенно оставляли без внимания все прочие качества векселей» (там же, стр. XXI).

Относительно этого переучета и поощрения кредитных спекуляций при помощи такого чисто технического увеличения ссудного денежного капитала интересным является следующее место из «Economist» [127]:

«В течение ряда лет в некоторых округах страны накопление капитала» (именно ссудного денежного капитала) «шло быстрее, чем он мог найти применение, в то время как в других округах возможности его применения росли быстрее, чем сам капитал. В то время как в земледельческих округах банкиры лишены были возможности прибыльно и надежно вложить свои депозиты, у банкиров промышленных округов и торговых городов спрос на их капитал был больше, чем они могли предложить. Результатом этих различных условий в различных округах явилось за последние годы возникновение и стремительно быстрое расширение нового типа фирм, занятых распределением капитала, — фирм, которые, хотя и называются обыкновенно фирмами вексельных маклеров, в действительности являются банками крупнейшего масштаба. Фирмы эти занимаются тем, что, взяв на определенный срок и за определенные проценты избыточный капитал у банкиров таких округов, где капитал этот не находит себе применения, а также средства акционерных обществ и крупных торговых домов, временно бездействующие, ссужают полученные таким образом деньги под более высокий процент банкам тех округов, где спрос на капитал значительнее, обыкновенно путем переучета векселей их клиентов... Таким образом, Ломбард-стрит [128] стала крупным центром перемещения бездействующего капитала из одного района страны, где он не может найти прибыльного применения, в другой, где существует на него спрос; причем это относится как к различным районам страны, так и к отдельным лицам, находящимся в аналогичном положении. Первоначально эти предприятия ограничивались почти исключительно ссудами и займами под обычное банковское обеспечение. Но по мере того, как капитал страны быстро возрастал и все более и более экономизировался благодаря учреждению банков, фонды, находящиеся в распоряжении этих учетных фирм, стали настолько велики, что указанные фирмы начали выдавать ссуды сначала под квитанции на товары, хранящиеся в доках, а потом и под накладные, представляющие товары, которые еще вовсе не получены, но под которые тем не менее зачастую, хотя и не всегда,

уже выписывались векселя на товарных маклеров. Такая практика скоро изменила весь характер английской коммерции. Облегчения, предоставляемые таким образом со стороны Ломбард-стрит, чрезвычайно усилили положение товарных маклеров на Минсинг-Лейн [129]; товарные маклеры, в свою очередь, предоставили все преимущества купцам-импортерам; эти последние пользовались ими настолько широко, что если 25 лет тому назад ссуда под накладную или хотя бы под квитанции на товары, хранящиеся в доках, совершенно подорвала бы кредит данного купца, то теперь такая практика приняла настолько всеобщий характер, что она является уже правилом, а не редким исключением, как это было 25 лет тому назад. Мало того, система эта распространилась настолько широко, что на Ломбард-стрит крупные суммы выдаются на векселя, выписанные под находящийся еще на корню урожай отдаленных колоний. В результате таких облегчений кредита купцы-импортеры расширили свои заграничные операции и поместили свой текущий капитал, при помощи которого они до сих пор вели дело, в самые ненадежные из всех предприятий, в колониальные плантации, которые они могут лишь в ничтожной степени или даже вовсе не могут контролировать. Мы видим, таким образом, непосредственное сцепление кредитов. Капитал страны, накопленный в наших земледельческих округах, вносится в качестве вкладов мелкими суммами в провинциальные банки и централизуется для употребления в дело на Ломбард-стрит. Но использовался он, во-первых, для расширения дела в наших горных и промышленных округах путем переучета векселей в тамошних банках; во-вторых, для обеспечения больших льгот импортерам заграничных продуктов при помощи ссуд под квитанции на товары, хранящиеся в доках, и накладные, вследствие чего «законный» капитал торговых фирм в заграничных и колониальных предприятиях высвобождается и, таким образом, может получить самое нежелательное применение на заокеанских плантациях» («Economist», [20 ноября] 1847 г., стр. 1334).

Таково это «прекрасное» сцепление кредитов. Сельскому вкладчику кажется, что он дает вклад лишь своему банкиру, ему кажется, далее, что если банкир дает ссуду, то лишь известным ему частным лицам. Но он не имеет ни малейшего представления о том, что его банкир отдает его вклады в распоряжение лондонского вексельного маклера, операции которого совершенно ускользают от контроля их обоих.

Мы уже видели, как крупные общественные предприятия, например железнодорожное строительство, могут на время увеличивать ссудный капитал, оставляя в течение известного времени вносимые акционерами суммы, до их действительного применения, в распоряжении банкиров.

Впрочем масса ссудного капитала совершенно отлична от количества средств обращения. Под количеством средств обращения мы понимаем здесь сумму всех находящихся и обращающихся в стране банкнот и металлических денег, включая слитки благородных металлов. Часть этого количества составляет непрерывно изменяющийся по величине резерв банков.

«12 ноября 1857 г.» (дата временной приостановки действия банковского акта 1844 г.) «запас Английского банка и его филиалов составлял в общей сложности всего 580 751 ф. ст., сумма вкладов равнялась в то же время $22^1/_2$ млн. ф. ст., из которых около $6^1/_2$ млн. принадлежало лондонским банкирам» (B. A. 1858, p. LVII).

Колебания ставки процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия ставки процента в различных странах; первые обусловлены изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, например, степень доверия и т. п.), то есть капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег и банкнот; в отличие от промышленного капитала, который как таковой, в товарной форме, ссужается посредством коммерческого кредита между самими агентами воспроизводства.

И все-таки масса этого ссудного денежного капитала отлична и независима от массы обращающихся денег.

Если, например, 20 ф. ст. будут предоставлены в ссуду пять раз в день, то будет ссужен денежный капитал в 100 фунтов стерлингов. Это означало бы в то же время, что эти 20 ф. ст. по меньшей мере 4 раза функционировали как покупательное или платежное средство; ибо, если бы не посредствующая роль купли и платежа, благодаря которым 20 ф. ст. представляли бы по меньшей мере четыре раза превращенную форму капитала (товара, включая сюда и рабочую силу), то они составили бы не капитал в 100 ф. ст., а лишь пять требований на 20 ф. ст. каждое.

Для стран с развитым кредитом мы можем допустить, что весь денежный капитал, который может быть употреблен для ссудных операций, существует в форме вкладов в банках и у денежных кредиторов. По крайней мере это справедливо для дела в общем и целом. К тому же в периоды хорошего положения дел, пока еще не разразилась спекуляция в собственном смысле слова, при легкости кредита и возрастающем доверии бóльшая часть функций обращения выполняется просто с помощью кредита, без посредства металлических или бумажных денег.

Простая возможность иметь большую сумму вкладов, при сравнительно небольшом количестве средств обращения, зависит исключительно от:

1) числа покупок и платежей, выполняемых одними и теми же деньгами;

2) числа их обратных возвращений в банк в качестве вклада, причем их повторная функция платежного и покупательного средства опосредствуется превращением их снова во вклад. Например, розничный торговец еженедельно вкладывает у своего банкира 100 ф. ст. деньгами; банкир выплачивает ими часть вклада фабриканта; последний платит ими своим рабочим; рабочие платят ими розничному торговцу, который снова вносит их в банк. Вложенные розничным торговцем 100 ф. ст. послужили таким образом, во-первых, для уплаты вклада фабриканту, во-вторых, для оплаты рабочих, в-третьих, для того чтобы заплатить самому розничному торговцу, в-четвертых, для того чтобы вложить в банк новую часть денежного капитала того же самого розничного торговца; таким образом, если он сам не будет пользоваться вложенными им в банк деньгами, то по истечении 20 недель его вклад при посредстве одних и тех же 100 ф. ст. достигнет 2 000 фунтов стерлингов.

В какой степени этот денежный капитал остается незанятым, показывает лишь прилив и отлив резервного фонда банков. Отсюда г-н Уэгелин, в 1857 г. управляющий Английским банком, делает заключение, что золото в Английском банке является «единственным» резервным капиталом:

«1258. По моему мнению, учетная ставка фактически определяется количеством незанятого капитала, имеющегося в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически является золотым резервом. Поэтому, когда золото отливает, уменьшается количество незанятого капитала в стране, и вследствие этого повышается стоимость остальной его части». — [Ньюмарч] «1364. Золотой запас Английского банка есть в действительности центральный запас, или запас наличных денег, на основе которого ведутся все дела страны... На этом-то запасе, или резервуаре, всегда сказывается изменение заграничного вексельного курса» («Report on Bank Acts», 1857).

Масштаб накопления действительного, то есть производительного и товарного, капитала показывает статистика вывоза и ввоза. И тут всегда обнаруживается, что для английской промышленности (1815—1870), развитие которой происходит десятилетними циклами, максимум последнего периода расцвета *перед* кризисом каждый раз оказывается минимумом ближайшего следующего периода расцвета, а затем наступает новый, гораздо более высокий максимум.

Действительная или объявленная стоимость продуктов, вывезенных из Великобритании и Ирландии в 1824 г., который был годом расцвета, составляла 40 396 300 фунтов стерлингов.

С наступлением кризиса 1825 г. размер вывоза падает ниже этой суммы и колеблется между 35 и 39 миллионами в год. При новом расцвете в 1834 г. он превосходит предыдущий высший уровень, поднимаясь до 41 649 191 ф. ст., и в 1836 г. достигает нового максимума в 53 368 571 фунт стерлингов. В 1837 г. он снова падает до 42 миллионов, так что новый минимум стоит уже выше старого максимума и колеблется затем между 50 и 53 миллионами. Новый период расцвета поднимает затем в 1844 г. размеры вывоза до $58^1/_2$ миллиона, что опять-таки далеко превышает максимум 1836 года. В 1845 г. вывоз достигает 60 111 082 ф. ст., затем падает до 57 и более миллионов в 1846 г., составляет почти 59 млн. в 1847 г., 53 млн. в 1848 г., повышается в 1849 г. до $63^1/_2$ млн., в 1853 г. до 99 млн., в 1854 г. составляет 97 млн., в 1855 г. — $94^1/_2$ млн., в 1856 г. — почти 116 млн. и в 1857 г. достигает максимума в 122 миллиона. В 1858 г. вывоз падает до 116 млн., но уже в 1859 г. повышается до 130 млн., в 1860 г. до 136 млн., в 1861 г. составляет всего 125 миллионов (здесь новый минимум опять выше предшествующего максимума), в 1863 г. — $146^1/_2$ миллиона.

То же самое могло бы быть, конечно, доказано и по отношению к ввозу, который является показателем расширения рынка; здесь мы имеем дело лишь с масштабом производства. {Само собой разумеется, это справедливо по отношению к Англии лишь в эпоху фактической промышленной монополии; но это справедливо также по отношению ко всем вообще странам с современной крупной промышленностью в условиях, пока мировой рынок еще расширяется. — *Ф. Э.*}

2) ПРЕВРАЩЕНИЕ КАПИТАЛА ИЛИ ДОХОДА В ДЕНЬГИ, ПРЕВРАЩАЮЩИЕСЯ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ

Мы рассматриваем здесь накопление денежного капитала, поскольку оно не выражает застоя в движении коммерческого кредита или же экономного использования как действительно функционирующих средств обращения, так и резервного капитала агентов, занятых в воспроизводстве.

Кроме обоих этих случаев, накопление денежного капитала может возникнуть благодаря необычному притоку золота, как это имело место в 1852 и 1853 гг. вследствие открытия новых золотых приисков в Австралии и Калифорнии. Это золото вкладывали в Английский банк. Вкладчики брали вместо него банкноты, которые непосредственно вслед затем не вкладывались ими в банки. Таким образом чрезвычайно увеличилось

количество средств обращения. (Показания Уэгелина, В. С. 1857, № 1329.) Банк старался использовать эти вклады, понизив учетную ставку до 2%. Накопленная в банке масса золота в течение шести месяцев 1853 г. возросла до 22—23 миллионов.

Накопление у всех капиталистов, ссужающих деньги, происходит, само собой разумеется, непосредственно в денежной форме, в то время как действительное накопление промышленного капитала совершается обыкновенно, как мы уже видели, путем увеличения элементов самого производительного капитала. Таким образом, развитие кредита и колоссальная концентрация денежно-ссудного дела в руках крупных банков должны уже сами по себе ускорять накопление ссудного капитала как отличную от действительного накопления форму. Это быстрое развитие ссудного капитала потому есть результат действительного накопления, что оно является следствием развития процесса воспроизводства, а прибыль, образующая источник накопления для таких денежных капиталистов, есть лишь часть прибавочной стоимости, выколачиваемой капиталистами, занимающимися воспроизводством (и в то же время присвоение части процентов на *чужие* сбережения). Ссудный капитал накопляется одновременно за счет промышленников и купцов. Мы видели, что в неблагоприятных фазах промышленного цикла ставка процента может подняться настолько высоко, что будет полностью поглощать прибыль некоторых отраслей, поставленных в особенно невыгодные условия. Вместе с тем падают цены государственных процентных бумаг и других ценных бумаг. Это тот момент, когда денежные капиталисты массами скупают обесцененные бумаги, которые в дальнейших фазах снова быстро поднимаются в цене до своего нормального уровня и выше. Тогда бумаги эти снова сбываются, и таким образом присваивается часть денежного капитала публики. Та часть бумаг, которая остается на руках скупивших их капиталистов, приносит им более высокие проценты, так как эти бумаги были куплены по пониженной цене. Но всю прибыль, получаемую денежными капиталистами и превращаемую обратно в капитал, они превращают прежде всего в ссудный денежный капитал. Следовательно, накопление последнего как отличное от действительного накопления, хотя и порожденное им, выступает уже, раз мы рассматриваем только денежных капиталистов, банкиров и т. д., как накопление этого особого класса капиталистов. И оно должно расти при всяком расширении кредитного дела, сопровождающем действительное расширение процесса воспроизводства.

Если ставка процента низка, то это обесценение денежного капитала затрагивает главным образом вкладчиков, а не банки. До возникновения акционерных банков в Англии $^3/_4$ всех вкладов были беспроцентными. Если в настоящее время за них и уплачивается процент, то последний по меньшей мере на 1 пункт ниже процентной ставки данного дня.

Что касается накопления денег остальными капиталистами, то мы оставим в стороне ту часть, которая вкладывается в процентные бумаги и накопляется в этой форме. Мы рассматриваем только ту часть, которая выбрасывается на рынок как ссудный денежный капитал.

Здесь мы имеем прежде всего ту часть прибыли, которая не расходуется как доход, а предназначена для накопления, но для которой не находится на первых порах употребления в предприятии самих промышленных капиталистов. Прибыль эта существует непосредственно в товарном капитале, часть стоимости которого она составляет, и вместе с ним реализуется в деньгах. Если она (купца мы пока оставляем в стороне, о нем будем говорить особо) не превращается обратно в элементы производства товарного капитала, то в течение некоторого времени она должна оставаться в форме денег. Масса эта растет вместе с массой самого капитала, даже при уменьшающейся норме прибыли. Часть, которая должна быть израсходована как доход, мало-помалу потребляется, но в промежутке образует в качестве вклада ссудный капитал банкира. Таким образом, даже рост части прибыли, расходуемой как доход, выражается в постепенном, постоянно совершающемся накоплении ссудного капитала. То же самое надо сказать и о другой части, предназначенной для накопления. Итак, с развитием кредита и его организации даже рост дохода, то есть потребления промышленных и торговых капиталистов, получает выражение как накопление ссудного капитала. И это верно по отношению ко всем доходам, поскольку они потребляются постепенно, следовательно, по отношению к земельной ренте, заработной плате в ее высших формах, доходу непроизводительных классов и т. д. Все они в известное время принимают форму денежного дохода и, следовательно, могут быть превращены во вклады, а тем самым и в ссудный капитал. По отношению ко всякому доходу, предназначен ли он для потребления или для накопления, раз он существует в какой бы то ни было денежной форме, верно то положение, что доход есть превращенная в деньги часть стоимости товарного капитала, а следовательно, — выражение и результат действительного накопления, а не сам производительный капитал. Если прядильщик обменял свою

пряжу на хлопок, а часть, составляющую доход, — на деньги, то действительное бытие его промышленного капитала — это пряжа, перешедшая теперь в руки ткача или, быть может, индивидуального потребителя, и притом пряжа — предназначена ли она для воспроизводства или для потребления — есть бытие как капитальной стоимости, так и прибавочной стоимости, которая в ней заключается. Величина прибавочной стоимости, превратившейся в деньги, зависит от величины прибавочной стоимости, заключающейся в пряже. Но раз прибавочная стоимость превратилась в деньги, последние являются лишь стоимостным бытием этой прибавочной стоимости. И как таковое они становятся моментом ссудного капитала. Для этого требуется только, чтобы они были превращены во вклад, если только они уже не выданы в ссуду самим их собственником. Напротив, чтобы превратиться обратно в производительный капитал, сумма их должна достигнуть сначала определенного минимума.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. — III (окончание)

Таким образом, масса денег, которая превращается обратно в капитал, является результатом массового процесса воспроизводства, но рассматриваемая сама по себе, как ссудный денежный капитал, она не является массой производительного капитала.

Самый важный из выводов предшествующего исследования состоит в том, что расширение части дохода, предназначенной для потребления (причем мы оставляем в стороне рабочего, так как его доход = переменному капиталу), прежде всего проявляется как накопление денежного капитала. Следовательно, в накопление денежного капитала входит один момент, существенно отличающийся от действительного накопления промышленного капитала, потому что часть годового продукта, предназначенная для потребления, вовсе не становится капиталом. Другая часть годового продукта *возмещает* капитал, а именно, постоянный капитал производителей предметов потребления. Но поскольку она действительно превращается в капитал, она существует в натуральной форме дохода производителей этого постоянного капитала. Те же самые деньги, которые представляют доход, которые служат простыми посредниками потребления, регулярно превращаются на некоторое время в ссудный денежный капитал. Поскольку деньги эти представляют заработную плату, они являются в то же время денежной формой переменного капитала; а поскольку они возмещают постоянный капитал производителей предметов потребления, они являются денежной формой, которую временно принимает постоянный капитал, и служат для закупки элементов этого подлежащего возмещению постоянного капитала в натуре. Ни в той, ни в другой форме они сами по себе не выражают накопления, хотя масса их и растет с расширением процесса воспроизводства. Однако временно они

выполняют функции ссужаемых денег, то есть денежного капитала. Следовательно, с этой стороны накопление денежного капитала всегда должно отражать в себе более значительное накопление капитала, чем то, которое совершается в действительности, так как расширение индивидуального потребления, благодаря тому, что оно осуществляется при посредстве денег, выступает как накопление денежного капитала, доставляя денежную форму для действительного накопления, для денег, открывающих новые сферы приложения капитала.

Итак, накопление ссудного денежного капитала отчасти выражает лишь тот факт, что всякие деньги, в которые превращается промышленный капитал в процессе своего кругооборота, принимают форму не денег, которые *авансируют* агенты воспроизводства, а денег, которые они *занимают;* таким образом, то авансирование денег, которое происходит в процессе воспроизводства, представляется авансированием заемных денег. В действительности на основе коммерческого кредита один ссужает другому те деньги, которые ему нужны для процесса воспроизводства. Но это принимает такую форму, что банкир, которому часть агентов воспроизводства ссужает деньги, в свою очередь ссужает их другой части агентов воспроизводства, причем банкир этот кажется благодетелем; в то же время распоряжение этим капиталом оказывается полностью в руках банкира как посредника.

Нам остается лишь указать некоторые особые формы накопления денежного капитала. Капитал высвобождается, например, вследствие понижения цены элементов производства, сырых материалов и т.д.Если промышленник не может расширить непосредственно свой процесс воспроизводства, то часть его денежного капитала, как избыточная, выталкивается из кругооборота и превращается в ссудный денежный капитал. Но кроме того, капитал высвобождается в денежной форме, особенно у купца, когда наступают перерывы в ходе дела. Если купец совершил ряд сделок и вследствие таких перерывов может начать новый ряд сделок лишь позднее, то реализованные деньги представляют для него лишь сокровище, избыточный капитал. Однако в то же время они непосредственно представляют накопление ссудного денежного капитала. В первом случае накопление денежного капитала выражает повторение процесса воспроизводства при более благоприятных условиях, действительное высвобождение части ранее связанного капитала, следовательно, возможность расширения процесса воспроизводства при тех же самых денежных средствах. Во втором случае — простой перерыв потока сделок. Но в обоих случаях деньги пре-

вращаются в ссудный денежный капитал, представляют накопление этого последнего, оказывают влияние в одинаковой степени на денежный рынок и ставку процента, хотя в первом случае в этом находят себе выражение более благоприятные условия, во втором — препятствия для действительного процесса накопления. Наконец, на накопление денежного капитала влияет количество людей, которые, основательно упрочив свое положение, удаляются от сферы воспроизводства. Чем больше прибыли создается в течение промышленного цикла, тем больше число таких людей. Тут накопление ссудного денежного капитала служит выражением, с одной стороны, действительного накопления (в его относительном размере), с другой стороны, оно выражает собой лишь размеры превращения промышленных капиталистов в чисто денежных капиталистов.

Что касается остальной части прибыли, не предназначенной для потребления в качестве дохода, то она превращается в денежный капитал лишь в том случае, если она не может быть непосредственно употреблена на расширение дела в той сфере производства, в которой она создана. Последнее может происходить по двум причинам. Или потому, что данная сфера производства уже насыщена капиталом. Или потому, что накопленная сумма, для того чтобы функционировать как капитал, должна сначала достигнуть известных размеров, определяемых количественными отношениями новых вложений капитала в данном определенном предприятии. Поэтому накопленная сумма превращается сначала в ссудный денежный капитал и служит для расширения производства в других сферах. При прочих равных условиях масса прибыли, предназначенная для обратного превращения в капитал, зависит от массы всей произведенной прибыли и, следовательно, от расширения самого процесса воспроизводства. Если же это новое накопление наталкивается в своем применении на трудности, на недостаток сфер приложения, если, следовательно, имеет место переполнение отраслей производства и избыточное предложение ссудного капитала, то такой избыток ссудного денежного капитала указывает лишь на ограниченность *капиталистического* производства. Последующий кредитный ажиотаж показывает, что не существует никаких положительных препятствий для применения этого избыточного капитала. Но существуют препятствия, возникающие в силу законов возрастания капитала, из-за тех границ, в которых капитал может возрастать как капитал. Избыток денежного капитала как такового не выражает необходимо перепроизводства или хотя бы только недостатка сфер приложения капитала.

Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд. Этот процесс весьма отличен от действительного превращения денег в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может, как было показано, выражать моменты, весьма отличные от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления это расширение накопления денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления. Уже потому, что накопление ссудного капитала расширяется под влиянием таких независимых от действительного накопления, но все же сопровождающих его моментов, в известных фазах цикла должен всегда иметь место избыток денежного капитала, и этот избыток увеличивается по мере развития кредита. Вместе с этим избытком, следовательно, должна также усиливаться необходимость расширить процесс производства за его капиталистические границы, то есть возникают избыточная торговля, перепроизводство, избыточный кредит. В то же время это неизбежно совершается в формах, вызывающих обратное движение.

Что касается накопления денежного капитала из земельной ренты, заработной платы и т. п., то здесь излишне останавливаться на этом вопросе. Следует подчеркнуть лишь тот момент, что благодаря разделению труда в ходе развития капиталистического производства дело действительного сбережения и воздержания (собирателями сокровищ), поскольку оно доставляет элементы накопления, выпадает на долю тех, которые получают минимальное количество этих элементов и зачастую еще теряют свои сбережения, как, например, рабочие при крахе банков. С одной стороны, промышленный капиталист не сам «сберегает» свой капитал, а распоряжается чужими сбережениями в количестве, пропорциональном величине своего капитала; с другой стороны, денежный капиталист делает чужие сбережения своим капиталом, а кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства, и который дает им публика, превращает в источник своего личного обогащения. Вместе с тем рушится последняя иллюзия капиталистической системы, будто капитал порождается собственным трудом и сбережением. Не только прибыль состоит в присвоении чужого труда, но и капитал, при помощи которого этот чужой труд приводится в движение и эксплуатируется,

состоит из чужой собственности, которую денежный капиталист предоставляет в распоряжение промышленного капиталиста и за которую он эксплуатирует последнего в свою очередь.

Нам остается сделать еще несколько замечаний относительно ссудного капитала.

Насколько часто одни и те же деньги могут фигурировать в качестве ссудного капитала, это всецело зависит, как было показано выше, от того,

1) насколько часто они реализуют товарные стоимости в процессе продажи или платежа, перенося таким образом капитал, и от того, далее, насколько часто они реализуют доход. Насколько часто они переходят в другие руки в качестве реализованной стоимости, все равно капитала или дохода, это зависит, очевидно, от размеров и числа действительных оборотов;

2) это зависит от экономии платежей и от развития и организации кредитного дела;

3) наконец, от взаимного сцепления и быстроты действия кредитов, благодаря которым деньги, осев в одном месте в виде вклада, тотчас же снова выплывают в другом — в виде ссуды.

Если даже предположить, что формой существования ссудного капитала является исключительно форма действительных денег, золота или серебра — товаров, вещество которых служит мерой стоимостей, — то и в этом случае значительная часть этого денежного капитала неизбежно будет фиктивной, то есть простым титулом стоимости, чем-то вроде знаков стоимости. Поскольку деньги функционируют в кругообороте капитала, они, хотя в известный момент и образуют денежный капитал, однако, не превращаются в ссудный денежный капитал, а или обмениваются на элементы производительного капитала, или же ими расплачиваются как средством обращения при реализации дохода и, следовательно, они не могут опять превратиться в ссудный капитал для своего владельца. Поскольку же они превращаются в ссудный капитал и одна и та же сумма денег повторно представляет ссудный капитал, ясно, что они лишь в одном пункте существуют как металлические деньги; во всех других пунктах они существуют лишь в форме притязаний на капитал. Накопление этих притязаний, согласно предположению, проистекает из действительного накопления, то есть из превращения стоимости товарного капитала и т. д. в деньги; и тем не менее накопление этих притязаний или титулов стоимости, как таковое, отлично и от действительного накопления, которым оно порождается, и от будущего

накопления (нового процесса производства), которое опосредствуется выдачей денег в ссуду.

Prima facie * ссудный капитал всегда существует в форме денег [9], а позже как притязание на деньги, ибо деньги, в виде которых он первоначально существует, находятся теперь в руках заемщика в действительной денежной форме. Для кредитора ссудный капитал превратился в право на получение денег, в титул собственности. Одна и та же масса действительных денег может поэтому представлять весьма различные массы денежного капитала. Просто деньги, представляют ли они реализованный капитал или реализованный доход, становятся ссудным капиталом благодаря одному акту ссуды, благодаря превращению их в депозит, если рассматривать общую форму при развитой кредитной системе. Вклад есть денежный капитал для вкладчика. Однако в руках банкира он может быть лишь потенциальным денежным капиталом, лежащим без движения в его кассе вместо того, чтобы лежать в кассе собственника этого капитала [10].

---

* — Сначала. *Ред.*

[9] B. A. 1857. Показание банкира Туэлса: «4516. Как банкир, ведете ли вы операции с капиталом или с деньгами? — Мы торгуем деньгами. — 4517. Как вносятся вклады в ваш банк? — Деньгами. — 4518. Как выплачиваются они? — Деньгами. — [4519.] Итак, можно ли сказать, что они представляют нечто отличное от денег? — Нет».

Оверстон (см. гл. XXVI) постоянно путает «капитал» и «деньги». «Стоимость денег» означает у него также процент, но лишь постольку, поскольку последний определяется массой денег; «стоимость капитала» должна обозначать процент, поскольку он определяется спросом на производительный капитал и приносимой им прибылью. Он говорит: «4140. Слово «капитал» следует употреблять с осторожностью. — 4148. Вывоз золота из Англии означает уменьшение количества денег в стране, что должно, конечно, вообще говоря, вызывать увеличенный спрос на денежном рынке» {следовательно, по его мнению, не на рынке капитала}. — «4112. По мере того как деньги уходят из страны, количество их в стране уменьшается. Это уменьшение количества денег, остающихся в стране, вызывает повышение стоимости этих денег» {первоначально, по его теории, это означало повышение стоимости денег как денег сравнительно со стоимостью товаров, вызванное сокращением средств обращения, причем это повышение стоимости денег равняется, следовательно, понижению стоимости товаров. Но так как в дальнейшем даже для него стало несомненным, что масса обращающихся денег *не* определяет цен, то теперь уменьшение количества денег как средства обращения должно повысить их стоимость как капитала, приносящего проценты, и, следовательно, должно повысить ставку процента}. «И это возрастание стоимости еще остающихся денег задерживает дальнейший отлив их и продолжается до тех пор, пока оно не привлечет обратно такое количество денег, какое необходимо для восстановления равновесия». Продолжение о противоречиях, в которые впадает Оверстон, — ниже.

[10] Здесь-то и выступает путаница, состоящая в том, что «деньгами» является и то и другое: и вклад как требование на платеж со стороны банкира, и депонированные деньги в руках банкира. Банкир Туэлс, давая показания перед банковской комиссией 1857 г., приводит следующий пример: «Я начинаю свое дело с 10 000 фунтов стерлингов. На 5 000 ф. ст. я покупаю товары и отправляю их на свой склад. Остальные 5 000 ф. ст. в виде вклада я помещаю у банкира, чтобы пользоваться ими по мере надобности. Но я все-таки рассматриваю всю сумму как мой капитал, хотя из нее 5 000 ф. ст. находятся в форме вклада или денег (4528)». Отсюда возникают следующие занятные дебаты: «4531. Следовательно, вы передали ваши 5 000 ф. ст. в банкнотах кому-то другому? — Да. — 4532. Тогда этот другой имеет вклад в 5 000 фунтов стерлин-

С ростом вещественного богатства растет класс денежных капиталистов; с одной стороны, растет число и богатство капиталистов, отошедших от дел, рантье; а во-вторых, усиливается развитие кредитной системы, а вместе с тем растет число банкиров, кредиторов, финансистов и т. п. С развитием свободного денежного капитала увеличивается, как было показано выше, масса ценных бумаг, государственных процентных бумаг, акций и т. д. Но вместе с тем увеличивается и спрос на свободный денежный капитал, причем биржевики, спекулирующие этими бумагами, начинают играть главную роль на денежном рынке. Если бы все покупки и продажи этих бумаг были лишь выражением действительных вложений капитала, то мы имели бы право сказать, что они не могут влиять на спрос ссудного капитала, так как если *А* продает свои бумаги, то он извлекает при этом ровно столько же денег, сколько *В* вкладывает в бумаги. Между тем даже там, где бумага хотя и существует, но уже не существует того капитала (по крайней мере как денежного капитала), который она первоначально представляла, она всегда вызывает pro tanto новый спрос на такой денежный капитал. Но во всяком случае это тот денежный капитал, которым раньше располагал *В*, а теперь располагает *А*.

В. А. 1857. № 4886: «Будет ли это, по вашему мнению, правильным указанием причин, определяющих учетную ставку, если я скажу, что она регулируется количеством находящегося на рынке капитала, который может быть употреблен для учета торговых векселей, в отличие от других видов ценных бумаг?» — {Чапмен:} «Нет; я придерживаюсь того взгляда, что на ставку процента влияют все легко превращаемые в деньги ценные бумаги (all convertible securities of a current character); было бы неправильно ограничивать вопрос только учетом векселей, потому что если

гов? — Да, конечно. — 4533. Но и вы имеете вклад в 5 000 фунтов стерлингов? — Совершенно верно. — 4534. Он имеет 5 000 ф. ст. деньгами, и вы имеете 5 000 ф. ст. деньгами? — Да. — 4535. Но в конце концов это только деньги? — Нет». — Путаница происходит здесь отчасти по следующей причине: *А*, который депонировал 5 000 ф. ст., может выписывать на них требования, распоряжаться ими совершенно так же, как если бы эти деньги находились еще у него. В этом смысле они функционируют для него как потенциальные деньги. Но каждый раз, когда он пользуется ими, он pro tanto [соответственно] уменьшает сумму своего вклада. Если он берет из банка действительные деньги, причем его деньги уже отданы в новую ссуду, то ему платят не его собственными деньгами, но деньгами, вложенными в банк кем-либо другим. Если он уплачивает *В* долг чеком на своего банкира, причем *В* вкладывает этот чек у своего банкира, и банкир вкладчика *А* также имеет чек на банкира вкладчика *В*, так что оба банкира только обмениваются чеками, то деньги, вложенные *А*, дважды выполнили денежную функцию: во-первых, в руках того, кто получил деньги, вложенные *А*, и, во-вторых, в руках самого *А*. Другая функция состояла в погашении долговых требований (долговое требование *А* на своего банкира и долговое требование последнего на банкира *В*) без посредничества денег. Здесь вклад дважды функционирует как деньги, именно один раз как действительные деньги и другой раз — как право на получение денег. Простое право на получение денег может замещать деньги лишь путем взаимного погашения долговых требований.

существует большой спрос на деньги под» {залог} «консолей или даже под свидетельства казначейства, как это в большой мере имело место в последнее время, и притом под проценты, значительно превышающие коммерческую процентную ставку, то было бы абсурдно сказать, что наш торговый мир не затрагивается этим; он весьма существенно затрагивается этим. — 4890. Если на рынке имеются хорошие и ходкие ценные бумаги, признаваемые банкирами как таковые, и если собственники хотят получить под них деньги, то это, без всякого сомнения, окажет влияние на торговые векселя; я не могу, например, ожидать, что мне дадут под торговый вексель деньги из 5%, если эти деньги можно в данное время ссудить под консоли и т. п. из 6%; такое же влияние это оказывает и на нас; никто не может требовать от меня, чтобы я учел его вексель из $5^1/_2$%, раз я могу ссудить мои деньги из 6%. — 4892. Относительно людей, которые на 2 000 ф. ст., 5 000 ф. ст. или 10 000 ф. ст. покупают ценные бумаги, считая это надежным вложением капитала, мы не скажем, что они оказывают существенное влияние на денежный рынок. Если вы меня спрашиваете о процентной ставке на ссуды под» {залог} «консолей, то я имею в виду людей, которые совершают операции на сотни тысяч, так называемых джобберов, которые подписываются на публичные займы на большие суммы или покупают их на рынке, а затем вынуждены держать эти бумаги, пока можно будет сбыть их с прибылью; эти люди должны для этой цели занимать деньги».

С развитием кредитного дела создаются крупные концентрированные денежные рынки вроде Лондона, которые в то же время являются главными пунктами торговли этими бумагами. Банкиры предоставляют в распоряжение шайки таких торговцев громадные суммы денежного капитала публики, и благодаря этому растет это отродье игроков. «На фондовой бирже деньги обыкновенно дешевле, чем где бы то ни было», говорил в 1848 г. [Джемс Моррис] тогдашний управляющий Английским банком, давая показания перед секретной комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/1857, № 219).

При рассмотрении капитала, приносящего проценты, было уже показано, что средняя ставка процента для более или менее длинного ряда лет, при прочих равных условиях, определяется средней нормой прибыли, — не предпринимательского дохода, который сам есть не что иное, как прибыль минус процент *.

Было также указано, что и для колебаний коммерческого процента — процента, устанавливаемого в торговом мире денежными кредиторами, занимающимися учетными и ссудными операциями, — в ходе промышленного цикла наступает фаза, когда ставка процента превосходит свой минимум и достигает средней высоты (которую она впоследствии превышает), причем движение это является результатом повышения прибыли, — и это было уже упомянуто и обстоятельнее будет исследовано впоследствии.

---

* См. настоящий том, стр. 401. *Ред.*

Однако здесь необходимо сделать два замечания.

Во-первых: если ставка процента в течение продолжительного времени держится высоко (мы говорим о ставке процента в определенной стране, например в Англии, где средняя процентная ставка дается для более или менее продолжительного периода и выражается также в том проценте, который уплачивается за ссуды на более продолжительный период и который можно назвать частным процентом), то это prima facie доказывает, что за этот период норма прибыли стоит высоко, хотя это еще вовсе не показатель того, что высока и норма предпринимательского дохода. Это последнее различие более или менее отпадает для капиталистов, которые работают преимущественно с собственным капиталом; они реализуют высокую норму прибыли, так как сами выплачивают себе процент. Возможность устойчивой высокой ставки процента, — мы не говорим здесь о фазе угнетения в собственном смысле, — дается высокой нормой прибыли. Возможно, однако, что эта высокая норма прибыли за вычетом высокой ставки процента оставляет лишь низкую норму предпринимательского дохода. Последняя может уменьшаться, в то время как высокая норма прибыли продолжает существовать. Это возможно потому, что однажды пущенные предприятия продолжают дальше функционировать. В этой фазе дело ведется в значительной мере за счет чисто заемного (чужого) капитала; и высокая норма прибыли иногда может быть чисто спекулятивной, предвосхищающей виды на будущее. Высокая ставка процента может выплачиваться при высокой норме прибыли, но уменьшающемся предпринимательском доходе. Она может выплачиваться, — и это отчасти имеет место в периоды спекуляции, — не из прибыли, а из самого заемного чужого капитала, и этот факт может иметь место длительное время.

Во-вторых: положение, что спрос на денежный капитал, а стало быть, и ставка процента, растет вследствие того, что норма прибыли высока, не тождественно с тем, что ставка процента высока потому, что растет спрос на промышленный капитал.

В периоды кризиса спрос на ссудный капитал, а вместе с тем и ставка процента, достигает своего максимума; норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал снижается почти до нуля. В такое время каждый прибегает к кредиту лишь для того, чтобы платить, чтобы выполнить уже принятые на себя обязательства. Напротив, в периоды нового оживления после кризиса ссудный капитал требуется для того, чтобы покупать и чтобы превращать денежный капитал в производительный или торговый капитал. В это время ссудный

капитал требуют или промышленный капиталист или купец. Промышленный капиталист расходует его на средства производства и на рабочую силу.

Растущий спрос на рабочую силу сам по себе отнюдь еще не является основой для повышения ставки процента, поскольку последняя определяется нормой прибыли. Более высокая заработная плата никогда не бывает причиной более высокой прибыли, хотя в известные фазы промышленного цикла она может быть одним из ее последствий.

Спрос на рабочую силу может повышаться вследствие того, что эксплуатация труда совершается при особо благоприятных условиях, но повышающийся спрос на рабочую силу и, следовательно, на переменный капитал сам по себе не увеличивает прибыли, а уменьшает ее pro tanto. И тем не менее благодаря этому может возрастать спрос на переменный капитал, а потому и спрос на денежный капитал, что способно повышать ставку процента. Рыночная цена рабочей силы поднимается тогда выше своей средней величины, работу находит более чем среднее число рабочих, и одновременно растет ставка процента, так как при таких обстоятельствах повышается спрос на денежный капитал. Повышающийся спрос на рабочую силу удорожает этот товар, как и всякий другой, повышает цену рабочей силы, но не повышает прибыли, которая основывается главным образом на относительной дешевизне как раз этого товара. Но в то же время — при предположенных обстоятельствах — он повышает ставку процента, потому что повышает спрос на денежный капитал. Если бы денежный капиталист, вместо того чтобы давать свои деньги в ссуду, превратился в промышленника, то сам по себе тот факт, что ему пришлось бы платить дороже за труд, не повысил бы его прибыли, а понизил бы pro tanto. Общая конъюнктура могла бы сложиться так, что прибыль его все-таки возрастет, но отнюдь не потому, что он дороже оплачивал бы труд. Однако последнего обстоятельства, поскольку оно повышает спрос на денежный капитал, достаточно для того, чтобы повысить ставку процента. Если бы по каким-либо причинам повысилась заработная плата при конъюнктуре, в прочих отношениях неблагоприятной, то рост заработной платы понизил бы норму прибыли, но повысил бы ставку процента в той мере, в какой он увеличил бы спрос на денежный капитал.

То, что Оверстон называет «спросом на капитал», если оставить в стороне труд, состоит лишь в спросе на товары. Спрос на товары повышает их цену как в том случае, если спрос этот поднимается выше средней, так и в том случае, если предложение падает ниже средней. Если, например, промышленный

капиталист или купец должен уплатить теперь 150 ф. ст. за ту же массу товаров, за какую он раньше платил 100 ф. ст., то ему придется занять 150 ф. ст. вместо обычных 100 ф. ст. и, следовательно, при 5% придется платить $7^1/_2$ ф. ст. в качестве процента вместо прежних 5 фунтов стерлингов. Сумма, уплачиваемая им в качестве процента, увеличится, так как увеличится масса занятого капитала.

Попытка г-на Оверстона всецело сводится к тому, чтобы интересы ссудного и промышленного капитала представить тождественными, между тем как его банковский акт рассчитан именно на то, чтобы использовать различие этих интересов к выгоде денежного капитала.

В том случае, если предложение товаров падает ниже среднего уровня, спрос на товары может и не поглощать денежного капитала больше, чем прежде. Приходится уплачивать ту же самую, быть может, даже меньшую сумму за общую стоимость товаров, но за ту же сумму получают теперь меньшее количество потребительных стоимостей. В этом случае спрос на ссудный денежный капитал остается неизменным, и, следовательно, ставка процента не повышается, хотя спрос на товар по сравнению с его предложением, а потому и цена товара повышается. Ставка процента может быть затронута лишь в том случае, если возрастает общий спрос на ссудный капитал, а при вышеуказанных предположениях это не имеет места.

Возможен, однако, и такой случай, что предложение известного товара падает ниже среднего уровня, как это бывает, например, при неурожае зерновых, хлопка и т. п., но спрос на ссудный капитал растет, потому что имеет место спекуляция на еще большее повышение цен, а простейшее средство повысить цены состоит в том, чтобы временно устранить с рынка часть предложения. Для того же чтобы оплатить купленный товар, не продавая его, добываются деньги при помощи коммерческих «вексельных операций». В таком случае возрастает спрос на ссудный капитал, и ставка процента может повыситься в результате такой попытки искусственно помешать доступу товара на рынок. Более высокая ставка процента выражает тогда искусственное уменьшение предложения товарного капитала.

С другой стороны, спрос на известный продукт может возрасти вследствие того, что возросло его предложение и его цена упала ниже своего среднего уровня.

В этом случае спрос на ссудный капитал может остаться неизменным или даже упасть, так как на ту же самую сумму денег может быть приобретено большее количество товаров. Может, однако, появиться и спекулятивное образование

запасов, частью чтобы использовать благоприятный момент для целей производства, частью в ожидании позднейшего повышения цен. В этом случае спрос на ссудный капитал может возрасти, и повышенная ставка процента будет свидетельствовать о затратах капитала на образование избыточных запасов элементов производительного капитала. Мы рассматриваем здесь лишь спрос на ссудный капитал, поскольку на него влияют спрос и предложение товарного капитала. Уже ранее было показано, каким образом меняющееся в фазах промышленного цикла состояние процесса воспроизводства влияет на предложение ссудного капитала. Тривиальное положение, что рыночная ставка процента определяется предложением и спросом (ссудного) капитала, Оверстон хитро валит в одну кучу со своим собственным предположением, согласно которому ссудный капитал тождествен с капиталом вообще, и старается таким образом превратить ростовщика в единственного капиталиста, а его капитал — в единственный вид капитала.

В период угнетения спрос на ссудный капитал есть спрос на средство платежа и ничего более; это отнюдь не спрос на деньги как покупательное средство. Ставка процента может подняться при этом очень высоко независимо от того, имеется реальный капитал — производительный и товарный — в избытке или же его мало. Поскольку купцы и производители могут доставить надежное обеспечение, спрос на средства платежа есть просто спрос на то, что может быть превращено в *деньги;* поскольку же этого нет, поскольку, следовательно, ссуда средств платежа доставляет капиталистам не только *денежную форму,* но и недостающий им для платежей *эквивалент* в какой бы то ни было форме, постольку спрос на средства платежа есть спрос на *денежный капитал.* Это тот пункт, в котором в вопросе о кризисах одинаково правы и неправы сторонники двух противоположных мнений ходячей теории. Все те, кто утверждает, что существует лишь недостаток в средствах платежа, или имеют в виду только лиц, владеющих bona fide * обеспечением, или же настолько глупы, что приписывают банкам силу и обязанность превращать путем выпуска бумажек всех обанкротившихся спекулянтов в солидных, платежеспособных капиталистов. Те, кто говорит, что существует просто недостаток в капитале, или занимаются простой игрой слов, так как в действительности в такое время, вследствие избыточного ввоза и перепроизводства, имеется всегда обилие капитала, *не могущего превратиться в деньги,* или же они

* — надежным. *Ред.*

говорят лишь о тех рыцарях кредита, которые действительно попадают в условия, когда они больше не получают чужого капитала, чтобы хозяйствовать при его помощи, и потому требуют, чтобы банк не только помог им возвратить утраченный капитал, но и дал возможность продолжать спекулятивные сделки.

Основу капиталистического производства составляет то, что деньги как самостоятельная форма стоимости противостоят товару; другими словами, меновая стоимость должна получить самостоятельную форму в деньгах, а это возможно лишь благодаря тому, что определенный товар становится материалом, в стоимости которого измеряются все другие товары, что он именно поэтому становится всеобщим товаром, товаром par excellence * в противоположность всем другим товарам. Это должно обнаруживаться в двояком направлении, и особенно у капиталистически развитых наций, которые в широких размерах замещают деньги, с одной стороны, кредитными операциями, с другой стороны, — кредитными деньгами. В периоды угнетения, когда кредит сокращается или совершенно прекращается, деньги внезапно абсолютно противопоставляются всем другим товарам как единственное средство платежа и истинное бытие стоимости. Отсюда всеобщее обесценение товаров, трудность, даже невозможность превратить их в деньги, то есть в их собственную чисто фантастическую форму. Но, с другой стороны, сами кредитные деньги суть деньги лишь постольку, поскольку они в сумме своей номинальной стоимости абсолютно замещают действительные деньги. Вместе с отливом золота становится проблематичной их обратимость в деньги, то есть их тождество с действительным золотом. Отсюда принудительные меры, повышение процентной ставки и т. д. с целью обеспечить условия обмена на золото. Это может быть доведено до крайности при помощи фальшивого законодательства, покоящегося на ложных теориях денег и навязанного нации в своих интересах торговцами деньгами, — Оверстонами и компанией. Но основа [кредитных денег] дана с основой самого способа производства. Обесценение кредитных денег (конечно, не их мнимое обесценение) расшатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное бытие этой стоимости в деньгах. Как денежная стоимость она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради нескольких миллионов в деньгах должны быть поэтому принесены в жертву

* — по преимуществу. *Ред.*

многие миллионы в товарах. Это неизбежно при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При прежних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, не получают развития ни кредит, ни кредитные деньги. Пока *общественный* характер труда выступает как *денежная форма существования* товаров, то есть как *вещь,* существующая вне действительного производства, неизбежны денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. С другой стороны, ясно, что, пока не поколеблен кредит банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, а путем изъятия их увеличивает панику. Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает приостановка размена банкнот со стороны так называемых национальных банков, к которой прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению.

Имея в виду двух лиц, было бы смешно говорить, что оба они между собой имеют неблагоприятный платежный баланс. Если каждый из них является и должником и кредитором по отношению к другому и если требования их не погашаются взаимно, то ясно, что в конце концов лишь один оказывается должником другого на сумму разницы. Но дело обстоит иначе, когда речь идет о нациях. И что оно обстоит иначе, признают все экономисты, выдвигая положение, согласно которому платежный баланс данной нации может быть благоприятен и неблагоприятен для нее, несмотря на то, что ее торговый баланс в конце концов должен уравновеситься. Платежный баланс тем отличается от торгового баланса, что он есть торговый баланс, платеж по которому приходится на определенное время. Кризисы же сводят разницу между торговым и платежным балансом к короткому промежутку времени; и известные явления, развивающиеся в стране, которая охвачена кризисом и для которой теперь, следовательно, наступает время платежей, — эти явления уже сами по себе вызывают сокращение периода, в течение которого должно быть произведено погашение платежей. Во-первых, вывоз благородных металлов, затем распродажа консигнированных товаров, экспорт товаров с целью сбыть их или добыть под них денежную ссуду внутри страны, повышение ставки процента, востребование кредитов,

падение курса ценных бумаг, распродажа иностранных ценных бумаг, привлечение иностранного капитала для вложения в эти обесцененные бумаги, наконец, банкротство, погашающее массу требований. При этом зачастую металл отправляется в страну, в которой разразился кризис, так как векселя на нее ненадежны и наиболее верным представляется платеж звонкой монетой. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что по отношению к Азии все капиталистические нации, в большинстве случаев одновременно, оказываются ее прямыми или косвенными должниками. Как только эти различные обстоятельства окажут свое полное влияние на другую заинтересованную нацию, — у нее начинается экспорт золота и серебра, короче, наступает период платежей, и повторяются те же самые явления.

При коммерческом кредите процент, как разница между ценой в кредит и ценой на наличные деньги, лишь постольку входит в цену товаров, поскольку сроки векселей продолжительнее обыкновенных сроков. В противном случае это не имеет места. Объясняется это тем, что каждый одной рукой получает такой кредит, а другой оказывает его. {Это не согласуется с моими наблюдениями. — *Ф. Э.*} Поскольку же в цену товаров входит дисконт, то он регулируется не коммерческим кредитом, а денежным рынком.

Если бы спрос и предложение денежного капитала, определяющие ставку процента, были тождественны со спросом и предложением действительного капитала, как это утверждает Оверстон, то процент должен был бы одновременно быть и низким и высоким в зависимости от того, какой товар имеется в виду, или по отношению к одному и тому же товару в различных стадиях (сырой материал, полуфабрикат, готовый продукт). В 1844 г. учетная ставка Английского банка колебалась между 4% (от января до сентября) и $2^1/_2$—3% от ноября до конца года. В 1845 г. она была $2^1/_2$%, $2^3/_4$%, 3% от января до октября, между 3% и 5% в последние месяцы. Средняя цена хлопка fair Orleans * была в 1844 г. $6^1/_4$ пенса, а в 1845 г. — $4^7/_8$ пенса. 3 марта 1844 г. запас хлопка в Ливерпуле составлял 627 042 кипы, а 3 марта 1845 г. — 773 800 кип. Если судить по низкой цене хлопка, то в 1845 г. учетная ставка должна была бы быть низкой, что фактически и наблюдалось в течение большей части этого периода. Но если судить по цене пряжи, то процент должен был бы быть высоким, так как цены были относительно, а прибыли абсолютно высоки. Из хлопка по 4 пенса за фунт при издержках прядения в 4 пенса в 1845 г. можно было

* Сорт хлопка. *Ред.*

выпрясть пряжу (№ 40 хороший secunda mule twist *), которая прядильщику обошлась бы таким образом в 8 пенсов и которую он в сентябре и октябре 1845 г. мог бы продать по $10^1/_2$ или $11^1/_2$ пенса за фунт. (См. ниже показания Уайли.)

Весь вопрос разрешается следующим образом:

Спрос и предложение ссудного капитала были бы тождественны со спросом и предложением капитала вообще (хотя последняя фраза нелепа: для промышленника или купца товар есть форма его капитала, тем не менее он никогда не нуждается в капитале как таковом, но всегда лишь в специальном товаре как таковом, покупает и оплачивает его как товар — хлеб или хлопок — независимо от той роли, которую товар сыграет в кругообороте его капитала) лишь в том случае, если бы вовсе не существовало денежных кредиторов, но зато ссужающие капиталисты владели бы машинами, сырыми материалами и т. п. и отдавали бы эту свою собственность в ссуду или внаем, — подобно тому как теперь сдаются дома, — промышленным капиталистам, которые сами являются собственниками части этих предметов. При таких обстоятельствах предложение ссудного капитала было бы тождественно с предложением элементов производства промышленным капиталистам или товаров купцам. Но совершенно ясно, что в этом случае распределение прибыли между кредитором и заемщиком всецело определялось бы в первую очередь отношением между капиталом, данным в ссуду, и капиталом, составляющим собственность того, кто его применяет к делу.

По словам г-на Уэгелина (B. A. 1857), процентная ставка определяется «массой незанятого капитала» (252); есть «лишь показатель массы незанятого капитала, ищущего приложения» (271); позже этот незанятый капитал называется у него floating capital (485), причем под последним он понимает «банкноты Английского банка и другие средства обращения в стране, например, банкноты провинциальных банков и имеющуюся в стране монету... я включаю в floating capital также запасы банков» (502, 503), а позже он сюда же относит золото в слитках (503). Тот же Уэгелин утверждает, что Английский банк оказывает сильное влияние на процентную ставку в те периоды, «когда мы» (Английский банк) «фактически имеем в своих руках бо̀льшую часть незанятого капитала» (1198), между тем как, согласно выше цитированным показаниям г-на Оверстона, Английский банк — «не место для капитала». Далее Уэгелин говорит:

---

* Сорт пряжи. *Ред.*

«По моему мнению, учетная ставка определяется количеством незанятого капитала в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически является золотым резервом. Таким образом, если запас благородного металла уменьшается, то это уменьшает количество незанятого капитала в стране и, следовательно, повышает стоимость остальной его части» (1258).

Дж. Стюарт Милль говорит (2102):

«Для поддержания платежеспособности своего банкового отделения Банк вынужден делать все возможное, чтобы пополнить резерв этого отделения; поэтому, как только он замечает, что наступает отлив, он должен обеспечить себе резерв и либо сократить учетные операции, либо продавать ценные бумаги».

Резерв, поскольку речь идет только о банковом отделении, есть резерв исключительно для вкладов. По мнению Оверстонов, банковое отделение должно действовать просто как банкир, не считаясь с «автоматическим» выпуском банкнот. Но в периоды действительного угнетения Английский банк независимо от запаса в банковом отделении, состоящего исключительно из банкнот, очень зорко следит за состоянием металлического запаса и должен следить, если он не хочет потерпеть крах. Ибо в той же самой степени, в какой исчезает металлический запас, исчезает и запас банкнот, и г-ну Оверстону, который столь мудро устроил это своим банковским актом 1844 г., это должно бы быть известно лучше, чем кому-либо другому.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ ПРИ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ

«Кредит есть великий регулятор скорости обращения... Отсюда понятно, почему период сильного угнетения на денежном рынке обыкновенно совпадает с наполнением до отказа каналов обращения» («The Currency Theory Reviewed etc.», p. 65).

Это следует понимать двояко. С одной стороны, все методы экономного использования средств обращения основываются на кредите. Но с другой стороны: возьмем для примера банкноту в 500 фунтов стерлингов. *A* отдает ее сегодня *B* в уплату по векселю; *B* вносит ее в тот же день своему банкиру в качестве вклада; банкир в тот же самый день дисконтирует при помощи ее вексель для *C*; *C* уплачивает ее своему банку, банк отдает ее вексельному маклеру в виде ссуды и т. д. Скорость, с которой обращается здесь банкнота, обслуживая покупки и платежи, обусловливается той скоростью, с которой она все снова и снова возвращается к кому-либо в форме вклада и затем опять переходит в другие руки в форме ссуды. Простая экономия средств обращения достигает наивысшего развития в Расчетной палате в простом обмене векселей, которым истек срок, и когда преобладает функция денег как средства платежа только для погашения излишков. Но само существование этих векселей покоится опять-таки на кредите, который оказывают друг другу промышленники и купцы. Если уменьшается этот кредит, то уменьшается число векселей, в особенности долгосрочных, а следовательно, и действенность этого метода сбалансирования платежей. Только двумя способами может осуществляться такого рода экономия, состоящая в устранении денег из обращения и всецело основанная на функции денег как средства платежа, покоящейся, в свою очередь, на кредите (мы здесь оставляем в стороне большее или меньшее развитие техники концентрации таких платежей): встречные долговые требования, представленные векселями или чеками, либо погашаются одним и тем же банкиром, который только переписывает

требование со счета одного на счет другого, либо различные банкиры погашают их в своих расчетах между собой [11]. Концентрация 8—10 миллионов векселей в руках одного вексельного маклера, например фирмы Оверенд, Гёрни и К°, была одним из главных средств местного расширения масштаба такого погашения платежей. Посредством этой экономии повышается эффективность средств обращения, поскольку требуется меньшее их количество, поскольку они требуются исключительно для уплаты балансовой разницы. С другой стороны, скорость движения денег, функционирующих как средство обращения (чем также достигается экономия), зависит всецело от потока покупок и продаж, а также от сцепления платежей, поскольку эти последние совершаются один за другим при помощи денег. Но кредит опосредствует и тем самым повышает скорость обращения. Так, например, отдельная монета может обслужить лишь пять оборотов и, функционируя как простое средство обращения без посредства кредита, дольше остается в каждых отдельных руках, если *A*, ее первоначальный владелец, делает покупку у *B*, *B* у *C*, *C* у *D*, *D* у *E*, *E* у *F*, и, следовательно, ее переход из одних рук в другие вызывается лишь действительными покупками и продажами. Если же *B* помещает деньги, уплаченные ему *A*, у своего банкира в виде вклада, а банкир выдает их *C*, учитывая его вексель, *C* делает покупку у *D*, *D* снова вносит деньги в виде вклада своему банкиру, последний ссужает их *E*, который совершает покупку у *F*, то сама скорость движения денег в качестве простого средства обращения (покупательного средства) обусловлена здесь несколькими кредитными операциями: депозитной операцией *B* у его банкира, учетной операцией последнего для *C*, депозитом *D* у его банкира и учетной операцией последнего для *E*, — следовательно, четырьмя кредитными операциями. Без этих кредитных операций данная монета не была бы в состоянии совершить в течение данного времени одну за другой пять

---

[11] Среднее число дней, в течение которых находилась в обращении банкнота:

Годы	Банкнота в 5 ф. ст.	Банкнота в 10 ф. ст.	Банкнота в 20—100 ф. ст.	Банкнота в 200—500 ф. ст.	Банкнота в 1 000 ф. ст.
1792	?	236	209	31	22
1818	148	137	121	18	13
1846	79	71	34	12	8
1856	70	58	27	9	7

(Подсчеты кассира Английского банка Маршалла в «Report on Bank Acts», 1857, part II, Appendix, p. 300—301.)

отдельных покупок. Благодаря тому, что данная единица денег переходила из рук в руки — в качестве вклада и при учете векселей — без посредства действительных покупок и продаж, ускорился ее переход из рук в руки в ряде действительных торговых актов купли-продажи.

Мы только что видели, что одна и та же банкнота может образовывать вклады у различных банкиров. Равным образом она может образовывать различные вклады у одного и того же банкира. Банкир учитывает вексель *B* банкнотой, вложенной *A*, *B* уплачивает *C*, *C* вносит в виде вклада ту же самую банкноту тому же самому банкиру, который ее выдал.

При рассмотрении простого денежного обращения («Капитал», кн. I, гл. III, 2) было уже показано, что количество действительно обращающихся денег, предполагая скорость обращения и степень экономии в платежах величинами данными, определяется ценами товаров и количеством сделок [130]. Тот же самый закон действителен и для обращения банкнот.

В следующей таблице (B. A. 1858, p. XXVI) указана среднегодовая сумма обращающихся банкнот Английского банка, поскольку они находились в руках публики, причем показаны суммы 5-, 10-фунтовых банкнот, 20-, 100-фунтовых и банкнот высшего, 200-, 1 000-фунтового достоинства; равным образом приведено процентное отношение суммы банкнот каждого достоинства к общему количеству обращающихся банкнот. Суммы даны округленно в тысячах фунтов стерлингов.

Годы	Банкноты в 5—10 ф. ст.	Процентное отношение	Банкноты в 20—100 ф. ст.	Процентное отношение	Банкноты в 200—1 000 ф. ст.	Процентное отношение	Всего ф. ст.
1844	9 263 ф. ст.	45,7	5 735 ф. ст.	28,3	5 253 ф. ст.	26,0	20 241 ф. ст.
1845	9 698 » »	46,9	6 082 » »	29,3	4 942 » »	23,8	20 722 » »
1846	9 918 » »	48,9	5 778 » »	28,5	4 590 » »	22,6	20 286 » »
1847	9 591 » »	50,1	5 498 » »	28,7	4 066 » »	21,2	19 155 » »
1848	8 732 » »	48,3	5 046 » »	27,9	4 307 » »	23,8	18 085 » »
1849	8 692 » »	47,2	5 234 » »	28,5	4 477 » »	24,3	18 403 » »
1850	9 164 » »	47,2	5 587 » »	28,8	4 646 » »	24,0	19 398 » »
1851	9 362 » »	48,1	5 554 » »	28,5	4 557 » »	23,4	19 473 » »
1852	9 839 » »	45,0	6 161 » »	28,2	5 856 » »	26,8	21 856 » »
1853	10 699 » »	47,3	6 393 » »	28,2	5 541 » »	24,5	22 653 » »
1854	10 565 » »	51,0	5 910 » »	28,5	4 234 » »	20,5	20 709 » »
1855	10 628 » »	53,6	5 706 » »	28,9	3 459 » »	17,5	19 793 » »
1856	10 680 » »	54,4	5 645 » »	28,7	3 323 » »	16,9	19 648 » »
1857	10 659 » »	54,7	5 567 » »	28,6	3 241 » »	16,7	19 467 » »

Итак, за период с 1844 по 1857 г. общая сумма обращающихся банкнот положительно уменьшилась, несмотря на то, что торговый оборот, как показывают цифры ввоза и вывоза, более чем удвоился. Сумма мелких банкнот в 5 ф. ст. и в 10 ф. ст. увеличилась, как видно из таблицы, с 9 263 000 ф. ст. в 1844 г. до 10 659 000 ф. ст. в 1857 году. И это одновременно с тем значительным увеличением золотого обращения, которое как раз имело тогда место. Напротив, сумма банкнот более высоких достоинств (в 200—1 000 ф. ст.) упала с 5 856 000 в 1852 г. до 3 241 000 ф. ст. в 1857 году. Следовательно, произошло уменьшение более чем на $2^1/_2$ миллиона фунтов стерлингов. Это объясняется следующим образом:

«8 июня 1854 г. частные лондонские банкиры допустили к участию в работе Расчетной палаты акционерные банки, и вскоре после этого Английский банк стал производить окончательные безналичные расчеты. Ежедневные расчеты совершаются теперь путем переводов на счета, которые различные банки имеют в Английском банке. Благодаря введению этой системы стали излишними банкноты крупных купюр, которыми раньше банки пользовались для взаимного погашения счетов» (В. А. 1858, р. V).

К какому минимуму сводится применение денег в оптовой торговле, видно из таблицы, которая напечатана в «Капитале», кн. I, гл. III, прим. 103 [131] и которая была предоставлена комиссии палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству фирмой Моррисон, Диллон и К°, одной из тех крупнейших лондонских фирм, где розничный торговец может закупить весь нужный ему запас товаров всякого рода.

Согласно показанию У. Ньюмарча перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (В. А. 1857) № 1741, экономии средств обращения способствовали еще и другие обстоятельства: почтовый сбор в 1 пенс, железные дороги, телеграфы, словом, улучшение средств сообщения; поэтому Англия может в настоящее время почти при том же самом обращении банкнот делать в пять и шесть раз бо̀льшие обороты, чем раньше. Те же самые причины в значительной степени способствовали вытеснению из сферы обращения банкнот более чем 10-фунтового достоинства. Здесь же Ньюмарч видит естественное объяснение того, что в Шотландии и Ирландии, где обращаются даже билеты в 1 ф. ст., обращение банкнот возросло почти на 31% (1747). Сумма всех обращающихся в Соединенном королевстве банкнот, включая и банкноты в 1 ф. ст., составляет, по его словам, 39 миллионов фунтов стерлингов (1749). Сумма обращающегося золота = 70 миллионам фунтов

стерлингов (1750). В Шотландии в 1834 г. было в обращении банкнот на 3 120 000 фунтов стерлингов; в 1844 г. — на 3 020 000 фунтов стерлингов; в 1854 г. — на 4 050 000 фунтов стерлингов (1752).

Уже отсюда следует, что увеличение количества обращающихся банкнот, которые могут быть во всякое время обменены на деньги, отнюдь не зависит от произвола эмиссионных банков. {О необратимых в золото бумажных деньгах здесь вообще нет речи; необратимые в золото банкноты лишь в том случае могут стать всеобщим средством обращения, если они фактически обеспечиваются государственным кредитом, как, например, в настоящее время в России. Они подпадают таким образом под действие указанных выше («Капитал», кн. I, гл. III, 2, с: монета, знак стоимости) законов, управляющих движением необратимых в золото казначейских бумажных денег. — *Ф. Э.*}

Количество обращающихся банкнот подчиняется в своем движении потребностям оборота, и каждая лишняя банкнота тотчас же возвращается к выпустившему ее учреждению. Так как в Англии только билеты Английского банка имеют всеобщее хождение как законное средство платежа, то мы можем здесь совершенно пренебречь незначительным и исключительно местным обращением билетов провинциальных банков.

В своих показаниях перед комиссией палаты общин 1858 г. по банковскому законодательству (В. А. 1858) г-н Нив, управляющий Английским банком, говорит:

«№ 947. (Вопрос:) Какие бы меры вы ни принимали, количество банкнот в руках публики остается, по вашим словам, тем же самым, то есть приблизительно 20 миллионов фунтов стерлингов? — В обычное время для нужд публики необходимо, по-видимому, приблизительно 20 миллионов. В известные, периодически повторяющиеся времена года сумма эта повышается на 1 или $1^1/_2$ миллиона. Если публике требуется больше, то она может, как я сказал, всякий раз получить их из Английского банка. — 948. Вы сказали, что во время паники публика не позволяла вам уменьшать сумму банкнот; не соблаговолите ли вы объяснить это? — В периоды паники публика, как мне кажется, имеет полную возможность получать банкноты; и, конечно, пока Банк имеет обязательства, публика может по этим обязательствам извлекать из Банка банкноты. — 949. Таким образом, по-видимому, неизменно существует потребность приблизительно в 20 млн. ф. ст. банкнотами Английского банка? — 20 млн. ф. ст. банкнотами на руках у публики; сумма эта меняется. Бывает $18^1/_2$, 19, 20 миллионов и т. д.; но в среднем 19—20 миллионов».

Показание Томаса Тука перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57):

№ 3094. «Банк не может произвольно увеличивать количество банкнот, находящихся на руках публики; он может уменьшить количество

банкнот на руках публики, но лишь при посредстве весьма насильственной операции».

И. Ч. Райт, в течение 30 лет банкир в Ноттингеме, обстоятельно выяснив, что провинциальные банки совершенно не в состоянии держать в обращении большее количество банкнот, чем то, в котором нуждается и которого хочет публика, говорит о билетах Английского банка (С. D. 1848/57):

№ 2844. «Мне неизвестны какие-либо пределы» (выпуска банкнот) «для Английского банка, но всякий избыток средств обращения перейдет во вклады и, таким образом, примет иную форму».

То же самое относится и к Шотландии, где обращаются почти исключительно бумажные деньги, так как здесь, как и в Ирландии, допущены билеты однофунтового достоинства и так как «the scotch hate gold» *. Кеннеди, управляющий одного шотландского банка, заявляет, что банки не в состоянии сократить обращение своих банкнот, и

«придерживается того взгляда, что, пока сделки внутри страны требуют для своего осуществления банкнот или золота, банкиры должны доставлять столько средств обращения, сколько нужно для этих сделок,— по требованию ли своих вкладчиков, или как-либо иначе... Шотландские банки могут ограничить свои операции, но они не в состоянии контролировать выпуск банкнот» (там же, №№ 3446, 3448).

В том же духе высказывается Андерсон, управляющий Union Bank of Scotland (там же, № 3578).

«Препятствует ли система взаимного обмена банкнотами» {между шотландскими банками} «чрезмерному выпуску банкнот со стороны какого-либо отдельного банка? — Конечно, но мы имеем в своих руках средство более действенное, чем обмен банкнотами» {который в действительности не имеет к указанной цели никакого отношения, хотя и обеспечивает обращение билетов каждого отдельного банка по всей Шотландии}, «и это обычная практика в Шотландии — иметь счет в банке; каждый, имеющий какие бы то ни было деньги, имеет также и счет в каком-либо банке и ежедневно вносит туда все деньги, в которых он не нуждается сам в данный момент, так что к концу каждого делового дня в банках оказываются все деньги за исключением тех, которые каждый имеет в кармане».

Так же обстоит дело и в Ирландии (см. показания перед той же самой комиссией управляющего Ирландским банком Мак-Доннелла и директора провинциального банка Ирландии Марри).

---

* — «шотландцы ненавидят золото». *Ред.*

Обращение банкнот, не завися от воли Английского банка, является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых Банка, который обеспечивает размен этих банкнот.

«18 сентября 1846 г. имелось в обращении билетов Английского банка на сумму 20 900 000 ф. ст., а его металлический запас составлял 16 273 000 фунтов стерлингов; 5 апреля 1847 г. сумма обращающихся билетов составляла 20 815 000 ф. ст., металлический запас—10 246 000 фунтов стерлингов... Следовательно, несмотря на вывоз 6 млн. ф. ст. благородного металла, обращение банкнот нисколько не сократилось» (J. G. Kinnear. «The Crisis and the Currency». London, 1847, p. 5).

Однако само собой разумеется, что это верно лишь при условиях, господствующих в настоящее время в Англии, да и там лишь постольку, поскольку законодательство не установит иного отношения между выпуском банкнот и металлическим запасом.

Следовательно, влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота — оказывают лишь потребности самого хода дел. Здесь прежде всего следует принять во внимание периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет

«в один месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц низкого, в третий же месяц оно стоит на средней точке» (Ньюмарч, B. A. 1857, № 1650).

Так, каждый год в августе несколько миллионов фунтов стерлингов, по большей части золотом, уходит из Английского банка во внутреннее обращение в связи с расходами по уборке урожая; так как здесь речь главным образом идет о выдаче заработной платы, то в Англии банкноты в данном случае мало применимы. К концу года эти деньги снова притекают в Банк. В Шотландии вместо соверенов обращаются почти исключительно банкноты однофунтового достоинства; поэтому здесь в соответствующих случаях, именно два раза в год, в мае и ноябре, обращение банкнот увеличивается с 3 до 4 млн. фунтов стерлингов; спустя 14 дней начинается уже обратный приток, и в течение месяца он почти заканчивается (Андерсон, C. D. 1848/57, № 3595—3600).

Обращение банкнот Английского банка испытывает, кроме того, четыре раза в год преходящие колебания в связи с тем, что каждую четверть года уплачиваются «дивиденды», то есть проценты по государственному долгу, для чего банкноты

сначала извлекаются из обращения, а потом снова выбрасываются; но очень скоро они опять притекают обратно. Уэгелин (В. А. 1857, № 38) определяет размеры вызываемого этим колебания в обращении банкнот в $2^1/_2$ миллиона. Напротив, г-н Чапмен, представитель пресловутой фирмы Оверенд, Гёрни и К°, оценивает вызываемое этим нарушение на денежном рынке значительно выше.

«Если вы извлекаете из обращения 6 или 7 миллионов в виде государственных доходов, чтобы выплатить ими дивиденды, то должен же быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответственную сумму» (В. А. 1857, № 5196).

Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах обращающихся средств, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла. Вот что говорит об этом другой компаньон той же фирмы, достопочтенный квакер Самюэл Гёрни (С. D. 1848/57, № 2645).

«В конце октября (1847 г.) на руках у публики имелось банкнот на 20 800 000 фунтов стерлингов. В то же время можно было лишь с большим трудом получить банкноты на денежном рынке. Причиной этого являлось всеобщее опасение, что вследствие ограничений банковского акта 1844 г. нельзя будет приобрести банкноты в достаточном количестве. В настоящее время» (март 1848 г.) «на руках публики находится банкнот... 17 700 000 ф. ст., но так как теперь нет никакой коммерческой паники, то это гораздо больше, чем нужно. В Лондоне нет ни одного банкира или торговца деньгами, который не имел бы банкнот больше, чем он может использовать. — 2650. Сумма банкнот... находящихся вне Английского банка, является совершенно недостаточным показателем активного состояния обращения, если наряду с этим не принять во внимание... состояние торговли и кредита. — 2651. Если в настоящее время чувствуется, что при данных размерах обращения на руках публики имеется избыток банкнот, то это в значительной степени объясняется нынешним состоянием большого застоя. При высоких ценах и оживлении дел эти же 17 700 000 ф. ст. вызывали бы у нас ощущение недостаточности денег в обращении».

{Пока положение дел таково, что выданные авансы возвращаются регулярно и, следовательно, кредит непоколеблен, расширение и сокращение обращения регулируются просто нуждами промышленников и купцов. Так как золото, по крайней мере в Англии, не играет роли в оптовой торговле и так как обращение золота, если оставить в стороне сезонные колебания, может рассматриваться как величина весьма постоянная в течение более или менее продолжительного времени, то обращение билетов Английского банка является достаточно точным показателем масштаба этих перемен. В период затишья после кризиса размеры обращения всего меньше; с новым оживлением спроса возрастает также потребность в средствах

обращения, увеличивающаяся вместе с расцветом; высшей точки количество средств обращения достигает в период чрезмерного напряжения и чрезмерной спекуляции, — тогда разражается кризис и разом исчезают с рынка еще накануне имевшиеся в таком обилии банкноты, а вместе с ними дисконтеры векселей, кредиторы под залог ценных бумаг, покупатели товаров. Английский банк призывается на помощь, но и его силы скоро истощаются, банковский акт 1844 г. принуждает его ограничить обращение его банкнот как раз в такой момент, когда все вопят, требуя банкнот, когда товаровладельцы не могут продать и все же обязаны платить, а потому готовы на всякие жертвы, только бы раздобыть банкнот.

«Во время паники», — говорит упомянутый выше банкир Райт (там же, № 2930), — «стране требуется средств обращения вдвое больше, чем в обычное время, так как банкиры и другие лица создают себе запасы средств обращения».

Как только разражается кризис, речь идет лишь о средствах платежа. Но так как в поступлении этих средств платежа каждый зависит от других и никто не знает, будут ли в состоянии другие уплатить в назначенный срок, то наступает всеобщая погоня за средствами платежа, находящимися на рынке, то есть за банкнотами. Каждый припрятывает столько банкнот, сколько ему удается получить, и, таким образом, банкноты исчезают из обращения именно тогда, когда потребность в них всего острее. Для октября 1847 г. Самюэл Гёрни (C. D. 1848/57, № 1116) оценивает количество таких банкнот, находившихся под замком в момент паники, в 4—5 миллионов фунтов стерлингов. — *Ф. Э.*}

В этом отношении особенно интересны показания компаньона Гёрни, упомянутого выше Чапмена, перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. A. 1857). Я передаю основное содержание их в данной связи, хотя некоторые затронутые в показаниях вопросы будут исследованы нами позднее.

Показание г-на Чапмена гласит:

«4963. Я без малейшего колебания заявляю также, что не считаю правильным, чтобы денежный рынок находился во власти какого-либо отдельного капиталиста (каких немало в Лондоне), имеющего возможность вызвать колоссальный недостаток в деньгах и стесненное положение как раз в то время, когда размеры обращения очень невелики... Возможно... имеется не один капиталист, который для своих целей в состоянии извлечь из сферы обращения 1 или 2 млн. ф. ст. банкнотами, если это ему выгодно».

4965. Крупный спекулянт может продать на 1 или 2 миллиона консолей и таким образом изъять деньги с рынка. Нечто

подобное имело место недавно, результатом чего явилось «в высшей степени сильное угнетение».

4967. В таком случае банкноты, конечно, непроизводительны.

«Но это не важно, раз достигается великая цель — падение цены фондовых бумаг, безденежье, и крупный спекулянт имеет полную возможность достигнуть этого».

Вот пример: однажды на фондовой бирже обнаружился сильный спрос на деньги, никто не знал причины, кто-то обратился к Чапмену с просьбой ссудить 50 000 ф. ст. из 7%. Чапмен был поражен: его процентная ставка была гораздо ниже; он согласился. Немедленно вслед за этим тот же человек явился снова, взял еще 50 000 ф. ст. из $7^1/_2$%, затем 100 000 ф. ст. из 8% и изъявил желание занять еще более крупную сумму из $8^1/_2$%. Тогда даже Чапменом овладели опасения. Впоследствии обнаружилось, что значительная сумма денег была внезапно изъята с рынка. Однако, рассказывает Чапмен,

«я все же ссудил значительную сумму из 8%; идти дальше я опасался; я не знал, что из этого может выйти».

Хотя от 19 до 20 млн. ф. ст. банкнот более или менее постоянно находится будто бы в руках публики, тем не менее не следует забывать, что постоянно и значительно изменяется отношение между той частью этих банкнот, которая действительно обращается, и той их частью, которая как резерв лежит неподвижно в банках. Если этот резерв велик и, следовательно, уровень действительного обращения низок, то, с точки зрения денежного рынка, это означает, что каналы обращения заполнены (the circulation is full, money is plentiful); если резерв мал, следовательно, каналы действительного обращения наполнены, то с точки зрения денежного рынка это состояние называется низким уровнем обращения (the circulation is low, money is scarce), то есть незначительные размеры имеет та часть, которая представляет незанятый ссудный капитал. Действительное, независимое от фаз промышленного цикла расширение или сокращение обращения, — причем, однако, сумма, которая требуется публикой, остается неизменной, — имеет место лишь вследствие чисто технических причин, например во время уплаты налогов или процентов по государственному долгу. Когда уплачиваются налоги, банкноты и золото притекают в Английский банк сверх обычной меры и фактически сокращают обращение независимо от потребностей в последнем. Обратное происходит, когда выплачиваются дивиденды по государственному долгу. В первом случае делаются займы в банке с тем, чтобы иметь средства обращения. Во втором

случае процентная ставка в частных банках падает вследствие временного увеличения их резервов. Это нисколько не затрагивает абсолютную сумму средств обращения; дело касается только банкирской фирмы, которая пускает эти средства в обращение; для нее этот процесс представляет отчуждение ссудного капитала, и она, следовательно, кладет в карман прибыль от этой операции.

В одном случае происходит просто временное перемещение обращающихся средств, и Английский банк уравновешивает его таким образом, что незадолго до срока платежа налогов за четверть года или выдачи дивидендов за такой же срок выдает краткосрочные ссуды по пониженному проценту; эти выпущенные таким образом сверх обычного банкноты сначала восполняют тот недостаток, который получается вследствие уплаты налогов, между тем как погашение указанных ссуд немедленно возвращает банку излишек банкнот, попавший в руки публики благодаря выплате дивидендов.

В другом случае низкий или высокий уровень обращения означает всегда лишь иное распределение той же самой массы средств обращения между активным обращением и вкладами, то есть орудием займов.

С другой стороны, если, например, благодаря притоку золота в Английский банк соответственно увеличивается количество выпущенных банкнот, то эти последние облегчают учет вне банка и притекают обратно в виде платежей по займам, так что абсолютная масса обращающихся банкнот увеличивается лишь на короткий срок.

Если уровень обращения является высоким вследствие расширения дел (что возможно и при сравнительно низких ценах), то ставка процента может быть сравнительно высокой благодаря спросу на ссудный капитал, обусловленному растущей прибылью и увеличением новых капиталовложений. Если уровень обращения низок вследствие сокращения дел или вследствие легкости получения кредита, то ставка процента может быть низкой даже и при высоких ценах. (См. показание Хаббарда *.)

Абсолютная величина обращения оказывает определяющее влияние на процентную ставку только в периоды застоя. При этом спрос на высокий уровень обращения (оставляя в стороне уменьшение скорости, с которой обращаются деньги и с которой одни и те же деньги снова и снова превращаются в ссудный капитал) выражает собой только спрос на средства образова-

---

* См. настоящий том, стр. 603—604. *Ред.*

ния сокровищ вследствие отсутствия кредита, как это было в 1847 г., когда приостановка действия банковского акта не вызвала расширения обращения, но оказалась достаточной для того, чтобы снова извлечь на свет божий припрятанные банкноты и бросить их в обращение. Или же при известных обстоятельствах может действительно потребоваться большее количество средств обращения, как в 1857 г., когда после приостановки действия банковского акта обращение на некоторое время действительно возросло.

В других же случаях абсолютная величина обращения не влияет на ставку процента, так как она, предполагая экономию и скорость обращения постоянными, во-первых, определяется ценой товаров, количеством сделок (причем обыкновенно один из этих моментов парализует действие другого) и, наконец, состоянием кредита, а отнюдь не определяет последнее, так как, во-вторых, цены товаров и процентная ставка не зависят друг от друга.

Во время действия акта о банковской рестрикции (1797—1819) [132] имел место избыток средств обращения, ставка процента была всегда значительно выше, чем в то время, когда был восстановлен размен банкнот. Позже, с сокращением выпуска банкнот и повышением вексельных курсов, она быстро упала. В 1822, 1823, 1832 гг. общий уровень обращения был низок, процентная ставка была также низкой. В 1824, 1825, 1836 гг. отмечался высокий уровень обращения, ставка процента тоже повысилась. Летом 1830 г. обращение достигло высокого уровня, а ставка процента была низкой. После открытия новых месторождений золота денежное обращение расширилось во всей Европе, ставка процента повысилась. Ставка процента не зависит, таким образом, от количества обращающихся денег.

Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала обнаруживается лучше всего в действительном процессе воспроизводства. Мы видели («Капитал», кн. II, отдел III), каким образом обмениваются различные составные части производства. Например, переменный капитал вещественно состоит из жизненных средств рабочих, то есть из части их собственного продукта. Но он выплачивается им по частям в форме денег. Капиталист должен авансировать эти деньги, и от организации кредитного дела в значительной степени зависит, в состоянии ли он в ближайшую неделю выплатить новый переменный капитал теми же самыми деньгами, которыми он платил в предыдущую неделю. То же самое относится и к актам обмена между различными составными частями всего общественного капитала, например, между предметами потребления и средствами

производства предметов потребления. Деньги для их обращения, как мы видели, должны быть авансированы одной или обеими обменивающимися сторонами. Деньги остаются затем в сфере обращения, но по завершении обмена всегда снова возвращаются к тому, кто их авансировал, так как они были авансированы сверх его действительно занятого промышленного капитала (см. «Капитал», кн. II, гл. XX [133]). При развитом кредите, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние, по крайней мере номинально, ссужают деньги. Такая ссуда касается лишь денег, находящихся в обращении. Перед нами ссуда средств обращения, а не ссуда капиталов, обращающихся при помощи этих средств.

Чапмен: «5062. Может наступить период, когда банкноты в большом количестве находятся в руках публики и тем не менее их невозможно достать».

Деньги имеются и во время паники; но тогда каждый остерегается превращать их в ссудный капитал, в ссужаемые деньги; каждый удерживает их на случай действительной необходимости платить.

«5099. Отправляют ли банки сельских округов свои свободные остатки вам и другим лондонским фирмам? — Да. — 5100. С другой стороны, дисконтируют ли у вас векселя для своих коммерческих целей фабричные округа Ланкашира и Йоркшира? — Да. — 5101. Так что благодаря этому избыточные деньги одной части страны могут быть использованы для нужд другой части страны? — Совершенно верно».

Чапмен утверждает, что обычай банков употреблять избыточный денежный капитал на короткие сроки для покупки консолей и свидетельств казначейства стал практиковаться реже за последнее время, когда вошло в обычай ссужать эти деньги at call (до востребования в любое время). Сам он считает покупку такого рода бумаг для своего предприятия в высшей степени нецелесообразной. Поэтому он помещает деньги в надежные векселя, для части которых ежедневно наступает срок, так что он всегда знает, на какое количество свободных денег он может каждый день рассчитывать {5101—5105}.

Даже увеличение вывоза проявляется — более или менее во всякой стране, особенно же в стране, оказывающей кредит, — как растущий спрос на внутреннем денежном рынке, причем, однако, спрос этот начинает ощущаться как таковой лишь во времена застоя. В периоды, когда вывоз растет, британские фабриканты выписывают обычно под английские готовые изделия, отправленные за границу на консигнацию, долгосрочные векселя на экспортера-купца (5126).

«5127. Не существует ли договоренность время от времени возобновлять такого рода векселя?» — {Чапмен.} «Это они держат от нас в тайне; мы бы не приняли такого векселя... Конечно, это может случаться, но я о чем-либо подобном ничего не могу сказать». (Невинный Чапмен.) — «5129. Если имеет место большое увеличение вывоза, как, например, теперь, когда за один только прошлый год вывоз увеличился на 20 млн. ф. ст., не приводит ли оно само собой к увеличенному спросу на капитал для учета векселей, представляющих этот вывоз? — Несомненно. — 5130. Так как Англия, как правило, предоставляет загранице кредит на всю сумму своего экспорта, то не может ли это вызывать поглощения соответственного добавочного капитала на все время, пока длится этот кредит? — Англия оказывает огромный кредит, но взамен этого она получает в кредит необходимое ей сырье. Америка выписывает на нас всегда векселя на 60 дней, другие страны — на 90 дней. С другой стороны, мы оказываем кредит; когда мы отправляем товары в Германию, кредит этот длится 2 или 3 месяца».

Уилсон спрашивает Чапмена (5131), не выписываются ли векселя на Англию под это импортируемое сырье и колониальные товары уже одновременно с их погрузкой и не получаются ли они одновременно с накладными? Чапмен полагает, что это так, но не знает ничего об этих «купеческих» делах и рекомендует спросить более осведомленных людей. — При экспорте в Америку, говорит Чапмен, «товары символизируются в транзите»; эта тарабарщина должна означать, что английский экспортер-купец выписывает под товары четырехмесячный вексель на одну из крупных американских банкирских фирм в Лондоне, а покрытие банкирская фирма получает из Америки [5133].

«5136. Не ведутся ли, как правило, дела с отдаленными странами при помощи купцов, которые дожидаются возвращения своего капитала, пока не будут проданы товары? — Быть может, и существуют фирмы настолько богатые, что они могут вкладывать в товары свой собственный капитал, не прибегая к ссудам под товары; однако в большинстве случаев эти товары превращаются в ссуды при посредстве акцепта известных фирм. — 5137. Такие фирмы находятся в Лондоне, Ливерпуле и других местах. — 5138. Итак, безразлично, должен ли фабрикант затратить свои собственные деньги, или же он находит в Лондоне или Ливерпуле купца, который ссужает ему деньги; во всяком случае мы имеем дело с авансом, предоставленным в Англии? — Совершенно верно. Фабрикант лишь в немногих случаях имеет к этому какое-либо отношение» (между тем, в 1847 г. так было почти во всех случаях). «Торговец готовыми товарами, например в Манчестере, закупает товары и отправляет их за море через посредство солидной лондонской фирмы; как только лондонская фирма убедилась, что погружено все, согласно условию, торговец выписывает на эту лондонскую фирму шестимесячный вексель под эти направляемые в Индию, Китай или другую страну товары; тогда в это дело включается банковский мир и дисконтирует ему этот вексель, так что к тому времени, когда торговец должен платить за купленные им товары, он уже имеет деньги, полученные путем учета этого векселя. — 5139. Но если он и имеет эти деньги, то банкиру все же пришлось их ссудить? — *Банкир имеет вексель; банкир купил вексель;* он применяет свой банковский капитал в этой форме, в форме

учета торговых векселей». {Следовательно, и Чапмен рассматривает учет векселей не как ссуду, а как куплю товара. — *Ф. Э.*} — «5140. Однако это все же составляет часть спроса на лондонском денежном рынке? — Без сомнения, в этом существенное назначение денежного рынка и Английского банка. Английский банк с такой же охотой принимает такие векселя, как и мы, так как он знает, что это хорошее применение денег. — 5141. По мере того как растет экспортное дело, растет и спрос на денежном рынке? — По мере того как возрастает процветание страны, и мы» (Чапмены) «принимаем в нем участие. — 5142. Итак, если эти различные области приложения капитала внезапно расширяются, то естественным следствием является рост ставки процента? — Несомненно».

5143. Для Чапмена «не совсем понятно, каким образом при нашем большом вывозе мы находили такое широкое применение для золота».

Достопочтенный Уилсон спрашивает:

5144. «Не может ли дело обстоять так, что мы даем бо̀льшие кредиты по нашему вывозу, чем получаем кредитов по нашему ввозу? — Я лично сомневаюсь. Если кто-либо дает для акцепта вексель за манчестерский товар, направленный в Индию, то нельзя акцептовать на срок меньше чем 10 месяцев. Нам приходится — во всяком случае — платить Америке за ее хлопок несколько раньше, чем мы получаем платежи из Индии; но выяснить, какое влияние это оказывает, не так-то легко. — 5145. Если, как это было в прошлом году, вывоз промышленных товаров увеличился на 20 млн. ф. ст., то раньше мы должны были иметь очень значительное увеличение ввоза сырых материалов» (и уже в этом обнаруживается тождество избыточного вывоза и избыточного ввоза, перепроизводства и избыточной торговли), «чтобы произвести это увеличенное количество товаров? — Несомненно. [5146] Мы должны были предварительно выплатить очень значительное сальдо, то есть неизбежно было, что в течение этого времени баланс был неблагоприятный; но в целом вексельный курс в сделках с Америкой оказывается в нашу пользу, и мы в течение довольно продолжительного времени получали из Америки значительное количество золота».

5148. Уилсон спрашивает архиростовщика Чапмена, не рассматривает ли он свой высокий процент как признак большого процветания и высоких прибылей. Чапмен, явно пораженный наивностью этого сикофанта, отвечает, разумеется, утвердительно, но в то же время он достаточно чистосердечен, чтобы сделать следующую оговорку:

«Для некоторых нет иного выхода; они имеют обязательства, которые они должны выполнить все равно, прибыльно ли это или нет; но если бы она» {высокая ставка процента} «оказалась устойчивой, то это свидетельствовало бы о процветании».

Оба забывают, что это может свидетельствовать и о том, что, как это было в 1857 г., странствующие рыцари кредита делают неустойчивым экономическое положение страны, что они могут платить высокие проценты, так как платят их из чужого кармана (однако при этом они способствуют определению общей процентной ставки) и пока что живут на широкую ногу за счет ожидаемых прибылей. Впрочем, как раз это может

дать фабрикантам и т. д. действительно очень прибыльное дело. Обратный приток капиталов благодаря системе ссуд становится совершенно обманчивым. Этим объясняются следующие явления, которые, поскольку дело касается Английского банка, не нуждаются ни в каком объяснении, так как Английский банк при высокой процентной ставке дисконтирует по более низкой ставке, чем другие.

«5156. Я могу смело сказать», — говорит Чапмен, — «что в настоящий момент, когда у нас в течение столь продолжительного времени была высокая процентная ставка, сумма нашего учета достигает своего максимума». (Это Чапмен говорил 21 июля 1857 г., за несколько месяцев до краха.) — «5157. В 1852 г.» (когда процент был низок) «она далеко не была так велика».

Так как в то время действительно дела еще шли несравненно нормальнее.

«5159. Если бы на рынке был большой избыток денег ... и учетная ставка была бы низка, у нас уменьшилось бы число векселей ... в 1852 г. мы находились в совершенно иной фазе: вывоз и ввоз страны были тогда совершенно несравнимы с теперешними. — 5161. При этой высокой учетной ставке мы учли на такую же сумму, как и в 1854 году». (Когда процент был 5—$5^1/_2$.)

В показаниях Чапмена в высшей степени забавно, что люди подобного сорта действительно считают деньги публики своей собственностью и уверены, что они имеют право во всякое время обменивать дисконтированные ими векселя на деньги. Наивность вопросов и ответов поразительна. Законодательству вменяется в обязанность обеспечить постоянный обмен на деньги векселей, акцептованных крупными фирмами; позаботиться о том, чтобы Английский банк при всяких обстоятельствах переучитывал их вексельным маклерам. А между тем в 1857 г. три таких маклера обанкротились приблизительно на 8 миллионов, причем их собственный капитал представлял по сравнению с этим долгом совершенно ничтожную величину.

«5177. Хотите ли вы этим сказать, что, по вашему мнению, они» (акцепты Берингов или Лойдов) «должны подлежать обязательному учету, вроде того, как в настоящее время банкноты Английского банка подлежат обязательному размену на золото? — Я думаю, что было бы весьма плачевно, если бы их нельзя было учитывать; было бы в высшей степени странно, если бы кто-нибудь вынужден был прекратить платежи только потому, что он имеет акцепты фирм Смит, Пейн и К° или Джонс, Лойд и К° и не в состоянии их учесть. — 5178. Но разве акцепт Беринга не есть обязательство уплатить известную сумму денег, когда истечет срок векселю? — Это совершенно верно; но господа Беринги, когда они принимают на себя такое обязательство, как и каждый купец, принимающий на себя обязательство этого рода, вовсе и не думают о том, что им придется оплатить его соверенами; они рассчитывают, что оплата произойдет

в Расчетной палате. — 5180. Полагаете ли вы, что следует придумать особого рода механизм, при помощи которого публика приобретала бы право получать деньги до истечения срока уплаты по векселю вследствие того, что кто-нибудь другой должен был бы учесть его? — Нет, не акцептант; но если вы хотите этим сказать, что мы не должны иметь возможности осуществлять учет торговых векселей, то мы должны изменить весь порядок вещей. — 5182. Итак, вы полагаете, что для него» {торгового векселя} «должно быть обеспечено превращение в деньги совершенно так же, как для банкноты Английского банка должен быть обеспечен размен на золото? — Именно так, при известных условиях. — 5184. Вы, значит, думаете, что денежное обращение должно быть так организовано, чтобы торговые векселя несомненной солидности во всякое время обменивались на деньги так же легко, как и банкноты? — Да, я так думаю. — 5185. Однако не считаете ли вы, что Английский банк или кого бы то ни было следует обязать законом обменивать их? — Я тем не менее считаю, что раз мы будем составлять закон, регулирующий денежное обращение, мы должны принять меры, которые предотвратили бы возможность наступления такого положения, когда безусловно солидные и правильные отечественные торговые векселя не могут быть обращены в деньги».

Это значит: размен торгового векселя по примеру размена банкноты.

«5190. Торговцы деньгами фактически представляют только публику», — это и впоследствии заявлял г-н Чапмен во время слушания дела Дейвидсона ассизами. См. «Great City Frauds» [134].

«5196. Каждую четверть года» (когда выплачиваются дивиденды) «абсолютно необходимо прибегать к содействию Английского банка. Если вы извлекаете из обращения 6 или 7 миллионов в виде государственных доходов, чтобы выплатить ими дивиденды, то должен же быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответственную сумму». (Следовательно, в этом случае речь идет о предложении денег, а не капитала или ссудного капитала.)

«5169. Каждый, кто знаком с нашим торговым миром, должен знать, что при том состоянии дел, когда обязательства казначейства не находят покупателей, когда облигации Ост-Индской компании становятся совершенно бесполезными, когда самые лучшие торговые векселя не могут быть дисконтированы, в такой период крайне озабочены должны быть те, кого дела обязывают немедленно, по простому требованию, платить обычными средствами обращения, — а в таком положении находятся все банкиры. Результат получается тот, что каждый удваивает свои резервы. Представьте же теперь себе, как это отзовется на всей стране, если каждый провинциальный банкир, — а их имеется около 500, — должен будет поручить своему лондонскому корреспонденту перевести ему 5 000 ф. ст. банкнотами. Даже если взять за среднее эту малую сумму, — что уже само по себе абсурдно, — то и тогда мы получим $2^1/_2$ млн. ф. ст., которые должны быть извлечены из обращения. Каким образом возместить их?»

С другой стороны, частные капиталисты и т. п., располагающие деньгами, не отдают их ни за какой процент, потому что, по примеру Чапмена, они рассуждают:

«5195. Нам лучше не получать никаких процентов, нежели пребывать в сомнении, получим ли мы деньги, если они нам потребуются.

5173. Наша система такова: мы имеем на 300 млн. ф. ст. обязательств, уплата которых монетой, обращающейся в стране, может быть потребована в один какой-либо определенный момент. Между тем сумма этой монеты, даже если мы ее используем всю, составляет 23 млн. ф. ст. или что-нибудь в этом роде; разве такое состояние дел не угрожает нам ежеминутно потрясениями?»

Отсюда во время кризисов внезапное превращение кредитной системы в монетарную систему.

Оставляя в стороне панику внутри страны в период кризиса, о количестве денег речь может идти лишь постольку, поскольку имеется в виду металл, мировые деньги. Но как раз их исключает Чапмен, он говорит лишь о 23 миллионах *банкнотами*.

Тот же Чапмен:

«5218. Первоначальная причина расстройства на денежном рынке» {в апреле и позднее в октябре 1847 г.} «заключалась без сомнения в том, что для регулирования вексельного курса понадобилась, вследствие чрезвычайных размеров ввоза в этом году, большая масса денег».

Во-первых, этот запас денег мирового рынка был сведен тогда к своему минимуму. Во-вторых, он служил в то же время обеспечением размена кредитных денег, банкнот. Он выполнял, таким образом, сразу две совершенно различные функции, которые, однако, вытекают из природы денег, так как действительные деньги всегда являются деньгами мирового рынка, а кредитные деньги всегда опираются на деньги мирового рынка.

В 1847 г. без приостановки действия банковского акта 1844 года

«Расчетная палата была бы не в состоянии справиться со своим делом (5221)».

Чапмен имел все же некоторое предчувствие предстоящего кризиса.

«5236. Бывают известные положения на денежном рынке (и теперешнее положение не особенно далеко от этого), когда деньги очень трудно достать и приходится прибегать к услугам банка.

5239. Что касается сумм, взятых нами из банка в пятницу, субботу и понедельник, 19, 20 и 22 октября 1847 года ... то мы были бы лишь в высшей степени благодарны, если бы в ближайшую среду могли получить обратно векселя; деньги тотчас же стали приливать к нам обратно, как только миновала паника».

Во вторник, 23 октября, действие банковского акта было приостановлено, и тем самым развитие кризиса прекратилось.

Чапмен полагает (5274), что сумма текущих векселей на Лондон во всякий момент составляет 100—120 миллионов фунтов стерлингов. Сюда не включены местные векселя на провинциальные пункты.

«5287. Хотя в октябре 1856 г. сумма банкнот, находящихся на руках публики, возросла до 21 155 000 ф. ст., тем не менее было чрезвычайно трудно получить деньги; несмотря на то, что на руках публики их было очень много, мы не могли добыть их».

Именно вследствие тревоги, вызванной угнетенным положением, в котором некоторое время (март 1856 г.) находился Восточный банк.

5290. Как только паника миновала

«все банкиры, получающие свою прибыль из процента, немедленно начинают пускать в дело свои деньги».

5302. Чапмен объясняет беспокойство, вызываемое уменьшением банкового резерва, не страхом за вклады, а тем, что все те, кто внезапно может оказаться перед необходимостью уплатить крупные денежные суммы, прекрасно знают, что при заминках на денежном рынке они, быть может, окажутся вынужденными обратиться к банку как к последнему источнику помощи, и

«если у банка очень небольшой резерв, он отнюдь не будет рад этому нашему обращению, а наоборот».

Интересно, между прочим, как банковый резерв исчезает в качестве фактической величины. Банкиры держат частью у себя, частью в Английском банке минимальные суммы, необходимые для их текущих дел. Вексельные маклеры держат «свободные банковые деньги страны», не располагая резервом. И Английский банк имеет в обеспечение обязательств по вкладам лишь резерв банкиров и других вместе с общественными вкладами и т. д.; этот резерв сокращается до минимума, например, до 2 миллионов фунтов стерлингов. Таким образом, за исключением этих 2 млн. ф. ст. в бумагах, в периоды угнетения (а последнее уменьшает резерв, так как банкноты, поступающие взамен отливающего металла, необходимо аннулировать) вся эта махинация не обеспечена никаким иным резервом, кроме металлического запаса, и каждое уменьшение последнего вследствие отлива золота усиливает кризис.

«5306. Если бы не оказалось денег для того, чтобы уплатить разницу при расчетах в Расчетной палате, то, на мой взгляд, нам не оставалось бы ничего другого, как собраться вместе и произвести наши платежи первоклассными векселями, векселями на казначейство, на фирмы Смит, Пейн и К° и т. д. — 5307. Следовательно, в том случае, когда правительство не в состоянии будет снабдить вас средствами обращения, вы сами создали бы их для себя? — Что же мы можем сделать? Приходит публика и берет у нас из рук средство обращения; оно не существует более. — 5308. Итак, вы сделали бы в Лондоне лишь то, что ежедневно делается в Манчестере? — Вот именно».

Очень недурен ответ Чапмена на вопрос, который предложил ему Кейли (сторонник Атвуда из бирмингемской школы[135]), имея в виду оверстоновское представление о капитале:

«5315. Перед комиссией высказано было мнение, что в период угнетения, подобный тому, который имел место в 1847 г., люди ищут не деньги, а капитал; что вы думаете по этому поводу? — Я не понимаю вопроса; мы торгуем только деньгами; я не понимаю, что вы хотите сказать. — 5316. Если вы под этим» (под коммерческим капиталом) «понимаете сумму собственных денег предпринимателя, вложенных в предприятие, — если вы это называете капиталом, то я должен заметить, что он в большинстве случаев составляет лишь ничтожную долю тех денег, которыми распоряжается в своих делах предприниматель благодаря кредиту, который ему оказывает публика», то есть через посредство господ Чапменов.

«5339. Свидетельствует ли это о недостатке богатства, если мы приостанавливаем размен банкнот? — Отнюдь нет... у нас нет недостатка в богатстве, но мы движемся в рамках в высшей степени искусственной системы, и если мы имеем угрожающе (superincumbent) колоссальный спрос на наши средства обращения, то могут возникнуть обстоятельства, вследствие которых мы будем лишены возможности получить эти средства обращения. Неужели же вследствие этого должна быть парализована вся коммерческая деятельность страны? Неужели мы должны приостановить всякое производство? — 5338. Если бы возник вопрос, что̀ мы должны сохранить: размен банкнот или промышленность страны, то я уж знал бы, чем следует пожертвовать».

Относительно накопления банкнот «с целью обострить стесненное положение и извлечь из последствий этого выгоду» {5358} он говорит, что такое явление свободно может иметь место. Трех крупных банков было бы достаточно для этого.

«5383. Не известно ли вам как человеку, близко знакомому с крупными оборотами нашей столицы, что капиталисты пользуются этими кризисами, чтобы извлечь огромные прибыли из разорения тех лиц, которые оказываются жертвой кризиса? — В этом не может быть сомнения».

И г-ну Чапмену в данном случае мы вполне можем поверить, хотя он в конце концов и сломал себе шею — в коммерческом смысле этого слова — при попытке «извлечь огромные прибыли из разорения жертв кризиса». Ибо если его компаньон Гёрни говорит: всякое изменение в ходе дел выгодно для сведущего человека, — то Чапмен говорит:

«Одна часть общества ничего не знает о другой; вот, например, фабрикант, экспортирующий на континент или импортирующий свой сырой материал,— он ничего не знает о том, кто оперирует с золотыми слитками» (5046).

Так и случилось, что в один прекрасный день сами Гёрни и Чапмен оказались «несведущими» и потерпели постыдное банкротство.

Мы уже видели выше, что выпуск банкнот не всегда означает ссуду капитала. Нижеследующее показание Тука перед

комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57) доказывает только, что ссуда капитала даже в том случае, если она осуществляется банком при помощи выпуска новых банкнот, не означает еще непременно увеличения количества обращающихся банкнот.

«3099. Полагаете ли вы, что, например, Английский банк мог бы значительно расширить свои ссуды без того, чтобы это повлекло за собой увеличение выпуска банкнот? — Факты, доказывающие это, имеются в избытке. Один из наиболее ярких примеров имел место в 1835 г., когда банк использовал вест-индские вклады и заем у Ост-Индской компании [136] для того, чтобы увеличить ссуды публики; сумма банкнот, находящихся в руках публики, в это же время фактически несколько уменьшилась. Нечто аналогичное наблюдалось и в 1846 г., в то время когда вносились в банк железнодорожные вклады; ценные бумаги «учтенные и принятые в обеспечение» повысились приблизительно до 30 миллионов, что не оказало никакого заметного влияния на сумму банкнот в руках публики».

Но наряду с банкнотами оптовая торговля имеет другое и для нее гораздо более важное средство обращения: векселя. Г-н Чапмен показал нам, насколько существенно для правильного хода дел, чтобы надежные векселя принимались в уплату всегда и при всяких условиях:

««Таусфес-Ионтеф» не годится? Что ж годится? Караул!» [137]

Как же относятся друг к другу оба эти средства обращения? Гилбарт говорит относительно этого:

«Сокращение размеров обращения банкнот регулярно увеличивает размеры обращения векселей. Эти векселя бывают двоякого рода: торговые векселя и банкирские векселя... раз в деньгах чувствуется недостаток, лица, ссужающие деньги, говорят ... «пишите на нас вексель, и мы акцептируем его», и если какой-либо провинциальный банкир дисконтирует вексель одному из своих клиентов, он выплачивает ему не наличными деньгами, а выдает свою собственную тратту на 21 день на своего лондонского агента. Эти векселя служат в качестве средства обращения» (J. W. Gilbart. «An Inquiry into the Causes of the Pressure etc.», [London, 1840] p. 31).

В несколько видоизмененной форме это подтверждает и Ньюмарч (B. A. 1857, № 1426):

«Не существует никакой зависимости между изменениями количества находящихся в обращении векселей и банкнот... единственный более или менее постоянный результат сводится к тому, что как только на денежном рынке наступает хотя бы небольшая заминка, обнаруживаемая повышением учетной ставки, размеры обращения векселей значительно увеличиваются, и обратно».

Однако векселя, выписанные в такие периоды, отнюдь не являются исключительно краткосрочными банковыми век-

селями, о которых упоминает Гилбарт. Напротив: это по большей части «дружеские» векселя, не представляющие никакой действительной операции или представляющие операции, которые были предприняты только для того, чтобы можно было выписать под них вексель; мы дали достаточное количество примеров векселей того и другого рода. Поэтому «Economist» (Уилсон), сравнивая обеспеченность таких векселей и банкнот, пишет:

«Банкноты, оплачиваемые по предъявлении, никогда не могут оставаться в избытке вне банка, так как избыток неизбежно притекал бы обратно в банк для размена; между тем двухмесячные векселя могут быть выпущены в значительном избытке, так как нет средства контролировать их выпуск, пока не наступит срок платежа, а к этому моменту они могут быть уже снова замещены другими векселями. Для нас совершенно непонятно, почему нация должна признавать обеспеченность обращения векселей, подлежащих оплате в будущий срок, и в то же время подвергать сомнению обращение бумажных денег, размениваемых по предъявлении» («Economist», [22 мая] 1847 г., стр. 575).

Таким образом, количество обращающихся векселей, точно так же как и количество банкнот, определяется исключительно потребностями обращения; в 50-х годах в обычное время в Соединенном королевстве находилось в обращении, наряду с 39 миллионами в банкнотах, около 300 миллионов векселей, в том числе 100—120 миллионов только на один Лондон. Размер обращения векселей не оказывает никакого влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию последнего лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно прекращается; никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет, по крайней мере до настоящего времени в Англии, способность к обращению, так как за спиной Английского банка стоит страна со всем своим богатством.

Мы видели, что даже г-н Чапмен, который в 1857 г. сам был магнатом денежного рынка, горько жалуется на то, что в Лондоне имеется много крупных денежных капиталистов, достаточно сильных для того, чтобы в известный момент привести в расстройство весь денежный рынок и таким постыднейшим способом обескровить более мелких торговцев деньгами. Так, имеется несколько таких крупных акул, которые в состоянии значительно обострить угнетенное положение, продав на 1—2 миллиона консолей и изъяв таким образом с рынка

соответственное количество банкнот (и вместе с тем свободного ссудного капитала). Достаточно совместного действия трех крупных банков, чтобы посредством подобного маневра угнетенное положение превратить в панику.

Крупнейшая сила капитала в Лондоне — это, конечно, Английский банк; но благодаря своему положению полугосударственного учреждения он не имеет возможности проявлять свое господство столь грубым образом. Однако и он — особенно со времени банковского акта 1844 г. — знает достаточно средств и путей для того, чтобы нагреть руки.

Английский банк имеет капитал в 14 553 000 ф. ст. и располагает, кроме того, приблизительно 3 млн. ф. ст. «остатков», то есть нераспределенных прибылей, равно как и всеми деньгами, которые поступают к правительству в виде налогов и т. д. и депонируются в Английском банке, пока не наступит нужда в них. Если причислить сюда еще сумму остальных вкладов (в обычное время около 30 млн. ф. ст.) и банкнот, выпускаемых без покрытия, то придется признать, что Ньюмарч дает еще сравнительно умеренную оценку, когда он утверждает следующее (В. А. 1857, № 1889):

«Я убедился, что общая сумма фондов, постоянно обращающихся на» {Лондонском} «денежном рынке, должна быть определена приблизительно в 120 миллионов фунтов стерлингов; и из этих 120 миллионов Английский банк располагает очень значительной частью, около 15—20%».

Поскольку Банк выпускает банкноты без покрытия металлическим запасом, находящимся в его подвалах, он создает знаки стоимости, которые образуют не только средства обращения, но и некоторый добавочный — хотя и фиктивный — капитал для него на сумму номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал дает Банку добавочную прибыль. — Уилсон спрашивает Ньюмарча (В. А. 1857):

«1563. Не правда ли, обращение собственных банкнот какого-либо банка, то есть средняя сумма их, остающаяся в руках публики, образует добавление к действующему капиталу этого банка? — Совершенно верно. — 1564. Итак, вся та прибыль, которую извлекает банк из этого обращения, есть прибыль, происходящая от кредита, а не от капитала, которым банк действительно владеет? — Совершенно верно».

То же самое относится, конечно, и к тем частным банкам, которые выпускают банкноты. В своих ответах №№ 1866—1868 Ньюмарч рассматривает две трети всех этих выпускаемых частными банками банкнот (для одной трети эти банки обязаны иметь металлическое покрытие) как «создание равновеликого капитала», так как экономятся металлические деньги на такую

же сумму. Прибыль банкира вследствие этого может и не быть больше, чем прибыль других капиталистов. Но факт, что банкир извлекает прибыль из этой национальной экономии металлических денег. То обстоятельство, что национальное сбережение оказывается прибылью частного лица, нисколько не шокирует буржуазного экономиста, так как прибыль есть вообще присвоение национального труда. Может ли быть что-либо более нелепое, чем, например, Английский банк 1797—1819 гг., банкноты которого служили средством кредита лишь благодаря государству и который вместе с тем принуждал государство, стало быть, публику, оплачивать в форме процентов по государственным займам данную ему государством же силу превращать эти банкноты из бумаги в деньги и затем ссужать их государству?

Банки имеют, впрочем, и другие средства создавать капитал. По словам того же самого Ньюмарча, провинциальные банки имеют, как уже упомянуто выше, обыкновение посылать свои избыточные фонды (то есть банкноты Английского банка) лондонским вексельным маклерам, которые взамен этого отсылают им дисконтированные векселя. Этими векселями Банк обслуживает своих клиентов, так как он придерживается правила не выпускать из своих рук векселей, полученных от его местных клиентов, чтобы деловые операции этих клиентов не были разглашены в их округе. Эти полученные из Лондона векселя служат не только для того, чтобы выдавать их клиентам, которым предстоит сделать прямые платежи в Лондоне, если они не предпочтут потребовать от Банка собственного перевода на Лондон; векселя служат также для производства платежей в провинции, так как передаточная надпись банкира обеспечивает им местный кредит. Таким образом они, например в Ланкашире, вытеснили из обращения все собственные банкноты местных банков и в значительной степени банкноты Английского банка (там же, 1568—1574).

Мы видим таким образом, как банки создают кредит и капитал: 1) путем выпуска собственных банкнот; 2) путем выдачи платежных приказов на Лондон сроком до 21 дня, причем, однако, они сами, выдавая эти приказы, получают немедленно наличными; 3) путем уплаты дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно — по крайней мере для соответствующего округа — создается передаточной надписью банка.

Могущество Английского банка обнаруживается в том, что он регулирует рыночную ставку процента. В периоды нормального хода дел может случиться, что Английский банк не

в состоянии путем повышения учетной ставки[12] предотвратить умеренный отлив золота из своего металлического запаса, так как потребность в средствах платежа удовлетворяется частными и акционерными банками и вексельными маклерами, капитал и сила которых возросли за последние 30 лет. Он вынужден будет в таких случаях прибегать к другим средствам. Но для критических моментов все еще верно то, о чем банкир Глин (из фирмы Глин, Милс, Карри и К°) говорил комиссии палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57):

«1709. В периоды больших затруднений в стране Английский банк диктует процентную ставку. — 1710. В периоды чрезвычайного угнетения... когда учетные операции частных банков или маклеров сравнительно сокращаются, эти операции ложатся на Английский банк, и он тогда имеет силу устанавливать рыночную ставку процента».

Во всяком случае, он как общественное учреждение, пользующееся покровительством государства и государственными привилегиями, не может применять эту свою силу с такой беспощадностью, как это позволяют себе частные предприятия. Поэтому Хаббард и говорит перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (В. А. 1857):

«2844. (Вопрос:) Не правда ли, когда учетная ставка достигает максимальной высоты, Английский банк оказывает услуги всего дешевле, когда же она спускается до минимума, всего дешевле берут маклеры?» — (Хаббард:) «Это действительно всегда так, потому что Английский банк никогда не понижает учетную ставку до такой степени, как его конкуренты, и когда ставка стоит на высшем уровне, никогда не поднимает ее так высоко, как они».

Тем не менее в деловой жизни является весьма серьезным событием, когда Английский банк в период угнетенного положения начинает, выражаясь ходячим языком, подвинчивать гайку, то есть поднимает еще больше ставку процента, уже стоящую выше средней.

«Как только Английский банк начинает подвинчивать гайку, прекращаются всякие закупки для вывоза за границу, экспортеры дожидаются, пока цены не достигнут низшей точки, и только тогда они покупают, но не раньше. Но когда эта точка достигнута, курс уже снова урегулирован, — золото перестает отливать за границу, причем еще до того, как

---

[12] На общем собрании акционеров Union Bank of London 17 января 1894 г. председатель г-н Ричи сообщил, что Английский банк повысил в 1893 г. учетную ставку с $2^1/_2$% (в июле) до 3% и 4% (в августе) и затем, так как он, несмотря на это, потерял в течение 4 недель целые $4^1/_2$ млн. ф. ст. золотом, повысил еще до 5%, после чего золото стало притекать обратно, и банковая учетная ставка в сентябре была понижена до 4%, а в октябре до 3%. Но эта банковая учетная ставка не была признана на рынке. «Когда банковая учетная ставка была 5%, рыночная ставка была $3^1/_2$%, а ставка для денег $2^1/_2$%; когда банковая учетная ставка упала до 4%, учетный процент был $2^3/_8$% и денежная ставка $1^3/_4$%; когда банковая учетная ставка стала 3%, учетная ставка была $1^1/_2$%, денежная ставка немного ниже» («Daily News», 18 января 1894 года). — *Ф. Э.*

достигнута эта низшая точка падения цен. Закупки товаров для экспорта могут, быть может, вернуть назад часть посланного за границу золота, но они совершаются слишком поздно для того, чтобы воспрепятствовать отливу» (J. W. Gilbart. «An Inquiry into the Causes of the Pressure etc.». London, 1840, p. 35). «Другой результат регулирования средств обращения посредством вексельного курса состоит в том, что в периоды угнетенного положения он влечет за собой огромное повышение процентной ставки» (там же, стр. 40). «Издержки по восстановлению вексельного курса падают на производительную промышленность страны, между тем в течение этого процесса прибыль Английского банка действительно возрастает благодаря тому, что он продолжает свои операции с меньшим количеством благородного металла» (там же, стр. 52).

Но, говорит наш приятель Самюэл Гёрни,

«эти значительные колебания процентной ставки выгодны для банкиров и торговцев деньгами — всякие колебания в ходе дел выгодны для сведущих людей».

И хотя господа Гёрни снимают сливки беззастенчивой эксплуатацией деловых затруднений, тогда как Английский банк не может позволить себе такой свободы, тем не менее и на его долю выпадают очень недурные барыши, — не говоря уже о тех частных прибылях, которые сами плывут в руки господ директоров вследствие исключительно благоприятных возможностей, которые они имеют для получения сведений об общем состоянии дел. По данным комиссии палаты лордов в 1819 г. при возобновлении размена банкнот эти прибыли Английского банка за весь период 1797—1819 гг. составляли:

Тантьемы и возросшие дивиденды	7 451 136
Новые акции, распределенные между акционерами	7 276 500
Возросшая стоимость капитала	14 553 000
Итого	29 280 636

на капитал в 11 642 400 ф. ст. за 19 лет (D. Hardcastle. «Banks and Bankers». 2nd ed., London, 1843, p. 120).

Если мы по тому же принципу определим общую прибыль ирландского банка, который также приостановил платежи наличными в 1797 г., то получится следующий результат:

Ежегодные дивиденды по отчетам до 1821 г.	4 736 085
Объявленные тантьемы	1 225 000
Возросшие активы	1 214 800
Возросшая стоимость капитала	4 185 000
Итого	11 360 885

на капитал в 3 миллиона фунтов стерлингов (там же, стр. 363—364).

Вот она централизация! Кредитная система, имеющая своим центром так называемые национальные банки и группирующихся вокруг них крупных торговцев деньгами и ростовщиков, представляет собой гигантскую централизацию, и она дает этому классу паразитов сказочную силу не только периодически опустошать ряды промышленных капиталистов, но и самым опасным образом вмешиваться в действительное производство, — а между тем эта банда ничего не знает о производстве и не имеет с ним ничего общего. Акты 1844 и 1845 гг. служат доказательствами растущей силы этих бандитов, к которым примыкают финансисты и биржевые маклеры.

Но если кто-либо сомневается в том, что эти почтенные бандиты эксплуатируют национальное и интернациональное производство исключительно в интересах самого производства и самих эксплуатируемых, то он может получить истинное представление о деле из следующего экскурса в область высоких нравственных доблестей банкиров.

«Банки суть учреждения религиозно-нравственные. Как часто юный купец порывал с обществом шумливых и разгульных друзей из страха перед бдительным и неодобрительным взглядом банкира! Как старается он сохранить доброе мнение о нем банкира, быть всегда респектабельным! Нахмуренный лоб банкира оказывает на него более сильное влияние, чем все моральные проповеди его друзей; он трепещет при мысли, что к нему станут относиться подозрительно, если он окажется повинным в обмане или хотя бы малейшем уклонении от истины; он боится возбудить такое подозрение, так как в результате его кредит в банке может быть ограничен или даже совсем закрыт! Совет банкира для него важнее, чем совет священника» (Дж. М. Белл, управляющий банком в Шотландии. «The Philosophy of Joint Stock Banking». London, 1840, p. 46—47).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«ПРИНЦИП ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ» И АНГЛИЙСКОЕ БАНКОВСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1844 ГОДА

{В одной из прежних работ [13)] была исследована теория стоимости денег Рикардо в отношении к ценам товаров; поэтому мы можем здесь ограничиться лишь самым необходимым. По Рикардо, стоимость денег — металлических — определяется овеществленным в них рабочим временем, однако лишь до тех пор, пока количество денег находится в нормальном отношении к массе и цене обращающихся товаров. Если количество денег поднимается выше этого отношения, то падает их стоимость, товарные цены повышаются; если оно опускается ниже нормального отношения, то стоимость их повышается, а товарные цены падают — при прочих равных условиях. В первом случае страна, где имеется такой избыток золота, будет вывозить золото, упавшее ниже своей стоимости, и ввозить товары; во втором случае золото будет притекать в страны, в которых оно оценивается выше его стоимости, в то время как недооцененные товары направляются оттуда на другие рынки, где их можно продать по нормальным ценам. Так как при таких предпосылках «само золото, будь то в форме монеты или в форме слитков, может стать знаком большей или меньшей стоимости, чем его собственная металлическая стоимость, то, разумеется, и находящиеся в обращении разменные банкноты разделяют ту же участь. Хотя банкноты разменны, и, следовательно, их реальная стоимость соответствует их номинальной стоимости, совокупная масса обращающихся денег, золота и банкнот (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes) может быть оценена выше или ниже своей стоимости, соответственно тому, поднимается ли общее их количество, по изложенным уже причинам, выше или падает ниже того уровня, который определяется меновой стоимостью обращающихся

[13)] *К. Маркс.* «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 150 и далее [см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13, стр. 154—165].

товаров и металлической стоимостью золота... Это обесценение, — не бумажных денег по отношению к золоту, а золота и бумажных денег, вместе взятых, или совокупной массы средств обращения данной страны, — представляет собой одно из главных открытий Рикардо, которое лорд Оверстон и К° поставили себе на службу и сделали основным принципом банковского законодательства сэра Роберта Пиля 1844 и 1845 годов» (цит. соч., стр. 155).

Нам нет надобности повторять здесь приведенное там же доказательство ложности этой теории Рикардо. Нас интересует лишь тот способ, каким эти положения Рикардо были переработаны школой банковских теоретиков, продиктовавшей упомянутые банковские акты Пиля.

«Торговые кризисы XIX столетия, особенно большие кризисы 1825 и 1836 гг., не вызвали дальнейшего развития теории денег Рикардо, но вызвали новое ее применение. Теперь это были уже не единичные экономические явления, — как обесценение благородных металлов в XVI и XVII столетиях у Юма или обесценение бумажных денег в течение XVIII и в начале XIX столетий у Рикардо, — а великие бури мирового рынка, в которых разряжалось противоречие всех элементов буржуазного процесса производства; происхождение этих бурь и способы защиты от них искали в самой поверхностной и самой абстрактной сфере процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой исходит эта школа заклинателей экономических бурь, состоит в сущности не в чем ином, как в догме, будто Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им оставалось лишь подвести под эти законы кредитное или банкнотное обращение.

Наиболее всеобщее и ощутительное явление торговых кризисов, это — внезапное всеобщее падение товарных цен, наступающее после довольно длительного всеобщего их повышения. Всеобщее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а всеобщее повышение цен, наоборот, — как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения явление лишь названо, но не объяснено... различная фразеология точно так же не изменяет задачу, как не изменил бы ее перевод с немецкого языка на английский. Поэтому теория денег Рикардо пришлась необычайно кстати, ибо она придает тавтологии видимость причинного отношения. Отчего происходит периодическое всеобщее падение товарных цен? От периодического повышения относительной стоимости денег.

Отчего, наоборот, происходит всеобщее периодическое повышение товарных цен? От периодического падения относительной стоимости денег. С таким же правом можно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен происходит от их периодического повышения и падения... Если только согласиться с превращением тавтологии в причинное отношение, то все остальное получается очень легко. Повышение товарных цен происходит от падения стоимости денег, падение же стоимости денег, как мы узнаем от Рикардо, происходит от переполнения денежного обращения, то есть оттого что масса обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентной стоимостью и имманентной стоимостью товаров. Точно так же, наоборот, всеобщее падение товарных цен происходит от повышения стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие недостаточного количества их в обращении. Следовательно, цены периодически повышаются и падают потому, что периодически в обращении находится слишком много или слишком мало денег. Если же будет доказано, что повышение цен совпадало с сокращением денежного обращения, а падение цен — с расширением денежного обращения, то можно будет, несмотря на это, утверждать, что вследствие некоторого, хотя статистически и совершенно недоказуемого, уменьшения или увеличения находящейся в обращении товарной массы количество обращающихся денег, пусть не абсолютно, но относительно, увеличилось или уменьшилось. Мы уже видели, что, по мнению Рикардо, эти всеобщие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но они выравниваются благодаря своему чередованию, так например, недостаточное денежное обращение вызывает падение товарных цен, это падение товарных цен вызывает вывоз товаров за границу, этот вывоз влечет за собой прилив денег в страну, а последний вновь вызывает возрастание товарных цен. Обратное происходит при избыточном денежном обращении, когда ввозятся товары и вывозятся деньги. Хотя эти всеобщие колебания цен вытекают из самой природы металлического обращения, как его понимал Рикардо, однако их бурная и насильственная форма, форма кризисов, присуща периодам развитого кредита; поэтому становится совершенно ясно, что выпуск банкнот не регулируется точно по законам металлического обращения. Металлическое обращение обладает своим целебным средством в виде импорта и экспорта благородных металлов, которые немедленно в качестве монеты вступают в обращение и таким образом своим приливом или отливом вызывают падение или повышение товарных цен. Такое же действие на товарные цены

должны теперь искусственно оказывать банки путем подражания законам металлического обращения. Если золото притекает из-за границы, то это доказывает, что в обращении недостаточно денег, что стоимость денег слишком высока, а товарные цены — слишком низки; следовательно, банкноты должны быть брошены в обращение пропорционально количеству вновь ввозимого золота. И наоборот, они должны быть изъяты из обращения пропорционально количеству золота, отливающему из страны. Другими словами, выпуск банкнот должен регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов или с вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и поэтому все ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены, — эта теоретическая предпосылка становится здесь *практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота*. Лорд *Оверстон* (банкир Джонс Лойд), полковник Торренс, Норман, Клей, Арбатнот и множество других писателей, известных в Англии под названием школы «currency principle» *, не только проповедовали эту доктрину, но через посредство банковских актов сэра Роберта Пиля от 1844 и 1845 гг. сделали ее основой существующего английского и шотландского банковского законодательства. Позорное фиаско этой доктрины, как теоретическое, так и практическое, после экспериментов в самом крупном национальном масштабе, может быть изложено только в учении о кредите» (цит. соч., стр. 165—168).

Критика этой школы была дана Томасом Туком. Джемсом Уилсоном (в «Economist» 1844—1847 гг.) и Джоном Фуллартоном. Насколько недостаточно понимали и эти писатели природу золота, как смутно представляли они себе соотношение между деньгами и капиталом, мы видели уже неоднократно, особенно в главе XXVIII настоящей книги. Здесь мы приведем еще несколько данных из трудов комиссии палаты общин 1857 г. относительно действия банковских актов Пиля (В. С. 1857). — *Ф. Э.*}

Дж. Г. Хаббард, бывший управляющий Английским банком, показывает:

«2400. — Вывоз золота... абсолютно не влияет на товарные цены. Но вывоз золота оказывает весьма значительное влияние на курс ценных

* — «принцип денежного обращения». *Ред.*

бумаг, так как в той мере, в какой изменяется процент, неизбежно затрагивается и стоимость товаров, воплощающих этот процент».

Он приводит две таблицы, относящиеся к 1834—1843 и 1844—1853 гг., которые показывают, что движение цен пятнадцати наиболее важных предметов торговли происходило совершенно независимо от отлива и прилива золота и от ставки процента. Но зато они свидетельствуют о тесной зависимости между отливами и приливами золота, которое действительно является «представителем нашего капитала, ищущего приложения», и ставкой процента.

«В 1847 г. очень большая сумма американских ценных бумаг была вывезена обратно в Америку, точно так же русские ценные бумаги были вывезены обратно в Россию, а ценные бумаги других стран континента — в страны, из которых мы получаем наш хлеб» [2402].

Пятнадцать основных предметов торговли, положенные в основу приводимых ниже таблиц Хаббарда, — следующие: хлопок, хлопчатобумажная пряжа, хлопчатобумажные ткани, шерсть, сукно, лен, полотно, индиго, чугун, жесть, медь, сало. сахар, кофе, шелк.

I. С 1834 по 1843 г.

Время	Металлический запас Банка	Рыночная учетная ставка	Из 15 основных предметов торговли		
			повысились в цене	упали в цене	остались без изменения в цене
1834, 1 марта	9 104 000 ф. ст.	$2^3/_4$%	—	—	—
1835, 1 »	6 274 000 » »	$3^3/_4$%	7	7	1
1836, 1 »	7 918 000 » »	$3^1/_4$%	11	3	1
1837, 1 »	4 077 000 » »	5%	5	9	1
1838, 1 »	10 471 000 » »	$2^3/_4$%	4	11	—
1839, 1 сентября	2 684 000 » »	6%	8	5	—
1840, 1 июня	4 571 000 » »	$4^3/_4$%	5	9	1
1840, 1 декабря	3 642 000 » »	$5^3/_4$%	7	6	2
1841, 1 »	4 873 000 » »	5%	3	12	—
1842, 1 »	10 603 000 » »	$2^1/_2$%	2	13	—
1843, 1 июня	11 566 000 » »	$2^1/_4$%	1	14	—

II. С 1844 по 1853 г.

Время	Металлический запас Банка	Рыночная учетная ставка	Из 15 основных предметов торговли		
			повысились в цене	упали в цене	остались без изменения в цене
1844, 1 марта	16 162 000 ф. ст.	$2^1/_4$%	—	—	—
1845, 1 декабря	13 237 000 » »	$4^1/_2$%	11	4	—
1846, 1 сентября	16 366 000 » »	3%	7	8	—
1847, 1 »	9 140 000 » »	6%	6	6	3
1850, 1 марта	17 126 000 » »	$2^1/_2$%	5	9	1
1851, 1 июня	13 705 000 » »	3%	2	11	2
1852, 1 сентября	21 853 000 » »	$1^3/_4$%	9	5	1
1853, 1 декабря	15 093 000 » »	5%	14	—	1

Хаббард делает к этим таблицам следующее примечание:

«Как за десятилетие с 1834 по 1843 г., так и за 1844—1853 гг. колебания золотой наличности Банка каждый раз сопровождались возрастанием или уменьшением ссудной стоимости денег, выдаваемых под учет; а с другой стороны, изменения товарных цен внутри страны обнаруживают полную независимость от количества средств обращения, как это можно видеть по колебаниям золотого запаса Английского банка» («Bank Acts Report», 1857, II, p. 290, 291).

Так как спросом и предложением товаров регулируются их рыночные цены, то здесь становится очевидным, насколько ошибочно оверстоновское отождествление спроса на ссудный денежный капитал (или скорее отклонений предложения от спроса), как он проявляется в учетной ставке, и спроса на действительный «капитал». Утверждение, что товарные цены регулируются колебаниями в количестве средств обращения, скрывается теперь за фразой, что колебания учетной ставки выражают собой колебания спроса на действительный вещественный капитал в отличие от денежного капитала. Мы видели, что и Норман и Оверстон действительно утверждали это перед той же самой комиссией; мы видели также, к каким жалким уверткам они вынуждены были при этом прибегать, в особенности Оверстон, пока наконец он совсем не запутался (гл. XXVI). В самом деле, это старый вздор, будто изменения в количестве

наличного золота, увеличивая или уменьшая массу средств обращения в стране, тем самым неизбежно должны повысить или понизить товарные цены в пределах этой страны. Если золото вывозится, то, согласно этой теории, цены товаров должны возрастать в той стране, куда направляется золото, и вместе с тем должна возрастать стоимость экспорта страны, вывозящей золото, на рынке страны, ввозящей золото; напротив, стоимость экспорта последней страны на рынке первой должна падать, в то время как стоимость экспортируемых товаров возрастает на их родине, куда приливает золото. На самом же деле уменьшение количества золота повышает лишь процентную ставку, тогда как увеличение его понижает последнюю; и если бы эти колебания процента не оказывали влияния при установлении издержек производства или на определение спроса и предложения, то товарные цены ими совершенно не затрагивались бы.

В том же отчете Н. Александер, глава одной крупной фирмы, ведущей дела в Индии, следующим образом высказывается относительно сильного отлива серебра в Индию и Китай, имевшего место в середине 50-х годов, частью вследствие гражданской войны в Китае[138], которая затруднила сбыт английских тканей в Китай, частью вследствие болезни шелковичных червей в Европе, значительно сократившей итальянское и французское шелководство.

«4337. Происходит ли отлив в Китай или в Индию? — Вы посылаете серебро в Индию и на значительную часть его покупаете опиум, который весь идет в Китай, чтобы образовать фонд для закупки шелка; а состояние рынков в Индии» (несмотря на накопление там серебра) «таково, что купцу выгоднее посылать туда серебро, чем ткани и другие английские изделия. — 4338. Не имел ли место крупный отлив из Франции, вследствие чего мы получили серебро? — Конечно, он был очень велик. — 4344. Вместо того чтобы вывозить шелк из Франции и Италии, мы посылаем его туда в значительных количествах — как бенгальский, так и китайский».

Итак, в Азию посылалось серебро — денежный металл этой части света — вместо товаров не потому, что цены этих товаров поднялись в стране, которая их производит (Англия), а потому, что они упали — упали из-за чрезмерного ввоза — в стране, куда товары импортируются; и это несмотря на то, что серебро получено Англией из Франции и частью должно было оплачиваться золотом. По теории «денежной школы», при таком импорте цены в Англии должны были бы упасть, а в Индии и Китае — повыситься.

Другой пример. Перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/1857) Уайли, один из первых ливерпульских купцов, дает следующие показания:

«1994. В конце 1845 г. не было более выгодного дела, которое давало бы столь же высокие прибыли» {чем бумагопрядение}. «Запас хлопка был велик, и хороший, пригодный к делу хлопок можно было получить по 4 пенса за фунт, причем из такого хлопка можно было выпрясть хороший secunda mule twist № 40 * с затратой также в 4 пенса, следовательно, с общим расходом на прядильщика приблизительно в 8 пенсов. В сентябре и октябре 1845 г. эта пряжа продавалась большими массами и заключались столь же крупные контракты на поставку по $10^1/_2$ и $11^1/_2$ пенса за фунт, и в некоторых случаях прядильщики реализовали прибыль, равную покупной цене хлопка. — 1996. Дело оставалось прибыльным до начала 1846 года. — 2000. 3 марта 1844 г. запас хлопка» {627 042 кипы} «более чем вдвое превышал его нынешнюю величину» {3 марта 1848 г., когда запас равнялся 301 070 кипам} «и тем не менее цена была на $1^1/_4$ пенса дороже на фунт». {$6^1/_4$ против 5 пенсов.}

Вместе с тем цена пряжи — хорошего secunda mule twist № 40 — упала с $10^1/_2$ пенса в январе до $9^1/_2$ пенса за фунт в октябре и до $7^3/_4$ пенса в конце декабря 1847 года; пряжа продавалась по покупной цене хлопка, из которого она выпрядена (там же, №№ 2021, 2023). Это проливает истинный свет на своекорыстную мудрость Оверстона, согласно которой деньги «дороги» потому, что капитал «редок». 3 марта 1844 г. учетная ставка была 3%; в октябре и ноябре 1847 г. она достигла 8% и 9% и 3 марта 1848 г. еще была равна 4%. Цены хлопка вследствие полной приостановки сбыта и паники, с соответствующей ей высокой процентной ставкой, упали гораздо ниже той цены, которая соответствовала размерам предложения. Результатом этого было, с одной стороны, небывалое уменьшение ввоза в 1848 г. и, с другой стороны, уменьшение производства в Америке; отсюда новое повышение цен хлопка в 1849 году. По Оверстону, товары были слишком дороги потому, что в стране было слишком много денег.

«2002. Недавнее ухудшение состояния дел в хлопчатобумажной промышленности нельзя приписать недостатку сырья, так как цена понизилась, несмотря на то, что запасы хлопка-сырца значительно сократились».

До чего же милым образом Оверстон смешивает цену, соответственно стоимость, товара и стоимость денег, то есть процентную ставку. В своем ответе на вопрос 2026 Уайли высказывает свое общее мнение о теории «денежной школы», в соответствии с которой Кардуэлл и сэр Чарлз Вуд в мае 1847 г.

«настаивали на необходимости проводить банковский акт 1844 г. во всем его объеме. Эти принципы, по-моему, таковы, что они должны придавать деньгам искусственно высокую стоимость, а всем товарам искусственную, разорительно низкую стоимость».

---

* Сорт пряжи. *Ред.*

Он говорит далее о влиянии этого банковского акта на общее состояние дел:

«Так как лишь с большими жертвами можно было учесть четырехмесячные векселя, которыми являются обычные тратты фабричных городов на купцов и банкиров за купленные и предназначенные для Соединенных Штатов товары, то выполнение заказов было в значительной мере затруднено вплоть до правительственного распоряжения от 25 октября» (приостановка действия банковского акта), «когда снова возможно стало учитывать эти четырехмесячные векселя» (2097).

Следовательно, и в провинции приостановка действия банковского акта ощущалась как избавление.

«2102. В прошлом октябре» {1847 г.} «почти все американские покупатели, закупающие здесь товары, немедленно сократили, насколько это возможно было, свои заказы; и когда в Америку пришло известие о вздорожании денег, все новые заказы прекратились. — 2134. Хлеб и сахар представляли особый случай. На хлебный рынок оказывали влияние виды на урожай, на сахар оказывали влияние огромные запасы и ввоз. — 2163. Из наших платежных обязательств по отношению к Америке... многие были ликвидированы путем принудительной продажи отправленных на консигнацию товаров и многие, боюсь, были аннулированы вследствие банкротств, которые здесь имели место. —2196. Если память не изменяет мне, на нашей фондовой бирже *в октябре 1847 г. процентная ставка доходила до 70%*».

{Кризис 1837 г. с его продолжительными болезненными последствиями, к которым в 1842 г. присоединился еще развернутый добавочный кризис [vollständige Nachkrise], и своекорыстное ослепление промышленников и купцов, которые ни за что не хотели признавать перепроизводства — ведь согласно вульгарной политической экономии — это нелепость и невозможность! — вызвали, наконец, ту путаницу в умах, которая позволила «денежной школе» применить свою догму на практике в национальном масштабе. Банковские законы 1844—1845 гг. были приняты парламентом.

Банковский акт 1844 г. делит Английский банк на эмиссионное и банковое отделение. Первое получает обеспечений — главным образом в виде свидетельств государственного долга — на 14 млн. ф. ст. и весь металлический запас, который может состоять из серебра не более чем на $^{1}/_{4}$, и выпускает на общую сумму того и другого банкноты. Поскольку эти последние не находятся в руках публики, они лежат в банковом отделении и образуют вместе с небольшим количеством необходимой для каждодневных нужд монеты (около одного миллиона) всегда готовый резерв банкового отделения. Эмиссионное отделение выдает публике банкноты за золото и золото за банкноты; остальные операции с публикой осуществляет банковое отделение.

Частные банки, имевшие в 1844 г. право выпускать собственные банкноты в Англии и Уэльсе, сохранили за собой это право, только выпуск их банкнот был лимитирован; если такой банк прекращает выпуск собственных банкнот, Английский банк имеет право увеличить сумму своих непокрытых банкнот на $^{2}/_{3}$ освободившегося лимита; таким путем сумма эта к 1892 г. повысилась с 14 до $16^{1}/_{2}$ млн. ф. ст., точнее до 16 450 000 фунтов стерлингов.

Итак, взамен каждых пяти фунтов золотом, уходящих из банкового резерва, в эмиссионное отделение поступает пятифунтовая банкнота и уничтожается там; взамен каждых пяти соверенов, поступивших в резерв, выпускается в обращение новая пятифунтовая банкнота. Этим практически осуществляется оверстоновское идеальное бумажное обращение, совершенно точно подчиненное законам металлического обращения, и благодаря этому, по утверждению сторонников «денежной школы», кризисы становятся навсегда невозможными.

В действительности разделение Банка на два независимых отделения лишало дирекцию возможности свободно располагать в решающие моменты всеми доступными ей средствами, так что могли наступить случаи, когда банковое отделение стояло перед банкротством, а эмиссионное отделение сохраняло в бездействии миллионы золотом, не считая 14 миллионов обеспечения. И притом подобное состояние дел могло наступать тем легче, что почти каждый кризис имеет период, когда происходит сильный отлив золота за границу, который надо покрывать главным образом за счет металлического запаса Банка. Но взамен каждых пяти фунтов, уходящих в этом случае за границу, из внутреннего обращения извлекается пятифунтовая банкнота, следовательно, количество средств обращения уменьшается как раз в тот момент, когда их требуется больше всего и потребность в них настоятельнее всего. Таким образом, банковский акт 1844 г. прямо толкает весь торговый мир к тому, чтобы в момент, когда разражается кризис, тотчас же припрятать запасы банкнот и, следовательно, ускорить и обострить кризис; таким наступающим в решающий момент искусственным повышением спроса на денежные ссуды, то есть на средства платежа, при одновременном ограничении их предложения, этот акт в период кризиса гонит процентную ставку до неслыханной высоты; итак, вместо того чтобы устранять кризисы, он их усиливает до такой степени, что должен потерпеть крах либо весь промышленный мир, либо банковский акт. Два раза, 25 октября 1847 г. и 12 ноября [1857 г.], кризис достигал этой высоты; тогда правительство освободило Банк от ограничений

в выпуске банкнот, приостановив действие акта 1844 г., и оба раза этого было достаточно для того, чтобы приостановить кризис. В 1847 г. достаточно было уверенности в возможности снова получать банкноты под первоклассное обеспечение, чтобы извлечь на свет и вернуть обращению накопленные запасы банкнот на 4—5 миллионов; в 1857 г. было выпущено без малого 1 миллион банкнотами свыше узаконенной нормы, но лишь на самое короткое время.

Необходимо, кроме того, упомянуть, что законодательство 1844 г. хранит еще следы памятного первого двадцатилетия нынешнего века — времени приостановки размена банкнот и обесценения последних. Опасение, что может быть потеряно доверие к банкнотам, проявляется здесь еще очень заметно; совершенно напрасное опасение, так как уже в 1825 г. выпуском имевшегося старого запаса однофунтовых банкнот, изъятых из обращения, был приостановлен кризис и тем самым было доказано, что даже в то время всеобщего и сильнейшего недоверия доверие к банкнотам не было поколеблено. И это вполне понятно: ведь фактически за этими знаками стоимости стоит вся нация со всем своим кредитом. — *Ф. Э.*}

Выслушаем теперь несколько показаний о влиянии банковского акта. Дж. Ст. Милль полагает, что банковский акт 1844 г. сдерживал спекуляцию. Сей мудрый муж по счастливой случайности выступал как раз 12 июня 1857 года. Четыре месяца спустя разразился кризис. Милль буквально поздравляет «директоров банка и коммерческую публику вообще» с тем, что они

«понимают теперь много лучше, чем раньше, природу торгового кризиса и тот очень большой вред, который они причиняют сами себе и публике, поддерживая чрезмерную спекуляцию» (B. C. 1857, № 2031).

Мудрый Милль полагает, что если выпускаются однофунтовые банкноты,

«как ссуды фабрикантам и др., выплачивающим заработную плату... то банкноты эти могут попасть в руки других лиц, которые затратят их на цели потребления, и в этом случае банкноты сами по себе создают спрос на товары и могут временно иметь тенденцию содействовать повышению цен» [2066].

Следовательно, г-н Милль допускает, что фабриканты будут выдавать более высокую заработную плату, если они будут расплачиваться бумагой вместо золота? Или же он думает, что если фабрикант получит свою ссуду стофунтовыми банкнотами и разменяет затем последние на золото, то заработная плата вызовет меньший спрос, чем в том случае, если бы она выдавалась прямо однофунтовыми банкнотами? И разве он не знает, что, например, в некоторых горных округах

заработная плата выдавалась банкнотами местных банков, так что несколько рабочих получали вместе одну пятифунтовую банкноту? Увеличивает ли это их спрос? Или, быть может, мелкими банкнотами банкиры легче дают фабрикантам ссуду и на бо́льшую сумму, чем крупными?

{Этот необычайный страх Милля перед однофунтовыми банкнотами был бы совершенно необъясним, если бы весь его труд по политической экономии не обнаруживал эклектизма, не останавливающегося ни перед какими противоречиями. С одной стороны, он во многом согласен с Туком против Оверстона, с другой стороны, верит в то, что товарные цены определяются количеством имеющихся денег. Следовательно, он отнюдь не убежден, что вместо каждой выпущенной банкноты — при прочих равных условиях — в запас банка поступает один соверен; он опасается, что масса средств обращения может увеличиться и вследствие этого обесцениться, то есть поднять товарные цены. Только это скрывается за приведенными выше опасениями и ничего больше. — *Ф. Э.*}

О разделении Банка на два отделения и чрезмерной заботливости относительно обеспечения размена банкнот Тук высказывается следующим образом перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57):

Более крупные колебания процентной ставки в 1847 г. по сравнению с 1837 и 1839 гг. вызваны только разделением Банка на два отделения (3010). — Обеспеченность банкнот не была затронута ни в 1825, ни в 1837, ни в 1839 годах (3015). — Спрос на золото в 1825 г. имел целью лишь заполнить пустоту, образовавшуюся вследствие полной дискредитации однофунтовых банкнот провинциальных банков; эта пустота могла быть заполнена только золотом, пока Английский банк не выпустил, в свою очередь, однофунтовые банкноты (3022). — В ноябре и декабре 1825 г. не наблюдалось ни малейшего спроса на золото для вывоза (3023).

«Что касается дискредитации Банка внутри страны и за границей, то приостановка выдачи дивидендов и вкладов имела бы гораздо более тяжелые последствия, чем приостановка размена банкнот (3028).

3035. Не думаете ли вы, что любое обстоятельство, угрожающее в конечном счете разменности банкнот, могло бы в момент коммерческого угнетения создать новые и серьезные затруднения? — Отнюдь нет.

В течение 1847 г. увеличенный выпуск банкнот, быть может, способствовал бы обратному наполнению золотого запаса Банка, как это имело место в 1825 году (3058)».

Перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. A. 1857) Ньюмарч говорит:

«1357. Первое плохое последствие... этого разъединения двух отделений (Банка) и неизбежно вытекающего отсюда разделения золотого запаса состояло в том, что банковские операции Английского банка, то есть

вся та сфера его операций, которая приводит его в непосредственную связь с торговлей страны, могли вестись лишь с половинной суммой прежнего запаса. Вследствие этого разделения запаса сложилось такое положение вещей, что при малейшем уменьшении резерва банкового отделения Банк вынужден был повышать свою учетную ставку. Такое уменьшение резерва вызвало поэтому ряд скачкообразных изменений учетной ставки. — 1358. Таких изменений с 1844 г.» {до июня 1857} «было около 60, тогда как до 1844 г. за такой же период времени они едва ли составили дюжину».

Особенно интересны показания перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57) Палмера, бывшего с 1811 г. директором и в течение некоторого времени управляющим Английского банка:

«828. В декабре 1825 г. в Банке оставалось золота приблизительно на 1 100 000 фунтов стерлингов. Он, несомненно, потерпел бы полное банкротство, если бы этот акт» (1844 г.) «существовал в то время. В декабре Банк выпустил, думается мне, в одну неделю на 5 или 6 миллионов банкнот, и это значительно смягчило тогдашнюю панику.

825. Первый момент» (после 1 июля 1825 г.), «когда современное банковское законодательство потерпело бы крах, если бы Банк попытался довести до конца раз начатые операции, наступил 28 февраля 1837 года; Банк тогда имел от 3 900 000 до 4 000 000 ф. ст., и он сохранил бы всего 650 000 ф. ст. в своем резерве. Другой период, подобный этому моменту, был в 1839 г. и продолжался с 9 июля до 5 декабря. — 826. Каковы были размеры резерва в этом случае? На 5 сентября резерв состоял из дефицита на сумму 200 000 фунтов стерлингов (the reserve was minus altogether 200 000 £). 5 ноября он возрос приблизительно до 1—1$^1/_2$ миллиона. — 830. Акт 1844 г. воспрепятствовал бы Банку в 1837 г. оказать поддержку торговле с Америкой. — 831. Три главнейших американских фирмы обанкротились... Почти все фирмы, торгующие с Америкой, лишились кредита, и если бы в то время Банк не пришел им на помощь, то я не думаю, что устояло бы более одной или двух фирм. — 836. Угнетенное состояние в 1837 г. нельзя сравнивать с угнетенным состоянием 1847 года. Действие первого ограничивалось почти исключительно американскими операциями». — 838. (В начале июня 1837 г. в дирекции Банка дискутировался вопрос, какими мерами облегчить угнетенное состояние.) «Некоторые отстаивали то мнение... что наиболее правильным принципом было бы повысить процентную ставку, вследствие чего упали бы товарные цены, словом, удорожить деньги и удешевить товары, что и дало бы возможность осуществить заграничные платежи (by which the foreign payment would be accomplished). — 906. Введение искусственного ограничения полномочий Банка актом 1844 г. вместо старой и естественной границы его полномочий, а именно действительных размеров его металлического запаса, создает искусственное затруднение в ходе дел и тем самым оказывает такое влияние на товарные цены, которого можно было бы избежать без этого акта. — 968. При действии акта 1844 г. нельзя в обычных условиях понизить металлический запас Банка значительно ниже 9$^1/_2$ миллиона. Это оказало бы давление на цены и кредит, которое в свою очередь вызвало бы такое изменение вексельных курсов, что ввоз золота возрос бы и увеличил сумму золота в эмиссионном отделении. — 996. При теперешнем ограничении вы» {Банк} «лишены той возможности управлять движением серебра, которая необходима в моменты, когда серебро требуется для воздействия на заграничный курс. — 999. Какова была цель предписания,

ограничившего серебряный запас Банка $^1/_5$ общей суммы его металлического запаса? — На этот вопрос я не могу ответить».

Цель была удорожить деньги; та же самая цель, которая, независимо от теории «денежной школы», преследовалась при разделении Банка на два отделения и при установлении для шотландских и ирландских банков обязательства держать в резерве золото для покрытия банкнот, выпускаемых свыше известной нормы. Таким образом возникла децентрализация национального металлического запаса, которая ослабила его способность поправлять неблагоприятный вексельный курс. К повышению ставки процента направлены все следующие постановления: право Английского банка выпускать банкноты на сумму бо̀льшую, чем 14 млн. ф. ст., не иначе как при покрытии их золотым запасом; управление банковым отделением, так же как и обычным банком, путем понижения процентной ставки в периоды избытка денег и повышения ее в периоды угнетения; ограничение серебряного запаса, главного средства для регулирования вексельного курса с континентом Европы и Азией; предписания относительно шотландских и ирландских банков, которые никогда не нуждаются в золоте * для экспорта и которые теперь должны хранить его в запасе под предлогом обеспечения в действительности совершенно иллюзорного размена банкнот. Факт тот, что акт 1844 г. впервые вызвал в 1857 г. штурм шотландских банков с требованием золота. Новое банковское законодательство не делает также никакого различия между отливом золота за границу и внутрь страны, хотя, само собой разумеется, последствия того и другого совершенно различны. Отсюда постоянные сильные колебания рыночной ставки процента. Отвечая на вопросы 992 и 994, Палмер дважды подчеркнул, что Английский банк может покупать на банкноты серебро лишь в том случае, если вексельный курс благоприятен для Англии и, следовательно, серебро в избытке; потому что:

«1003. Единственная цель, из-за которой можно держать значительную часть металлического запаса в серебре, состоит в стремлении облегчить заграничные платежи в период, когда вексельный курс неблагоприятен для Англии. — 1004. Серебро есть товар, который, являясь деньгами для всего остального мира, оказывается наиболее подходящим товаром... для этой цели» {заграничных платежей}. «Лишь Соединенные Штаты за последнее время принимали в уплату только золото».

По его мнению, в периоды угнетения Английскому банку не было надобности повышать учетную ставку выше старого уровня в 5%, пока неблагоприятный вексельный курс не отвле-

* В оригинале сказано: «деньгах»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

кает золото за границу. Если бы не было акта 1844 г., то банк мог бы без всякого затруднения учесть все первоклассные векселя (first class bills), которые были ему предложены {1018—1020}.

«Но при акте 1844 г. и при том положении, в котором находился Банк в октябре 1847 г., не было такого процента, которого Банк потребовал бы от кредитоспособных фирм и который они не были бы готовы уплатить, чтобы не прекращать платежей» [1022].

А высокая учетная ставка составляла как раз цель этого акта.

«1029. Я считаю необходимым строго различать влияние учетной ставки на заграничный спрос» {на благородные металлы} «и повышение процента с целью предотвратить нажим на Банк в период недостатка в кредите внутри страны. — 1023. До акта 1844 г., когда курс был благоприятен для Англии, а в стране царило беспокойство и даже положительная паника, не существовало никакой границы для выпуска банкнот, который один только мог облегчить это угнетенное состояние».

Так высказывается человек, который в течение 39 лет сидел в дирекции Английского банка. Послушаем теперь частного банкира Туэлса, с 1801 г. компаньона Спунера, братьев Атвуд и К°. Это единственный из всех свидетелей, опрошенных комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. C. 1857), который дает возможность бросить взгляд на действительное состояние страны и который видит приближающийся кризис. В остальном он является представителем бирмингемской школы «little shilling men»[139], подобно своим компаньонам, братьям Атвуд, которые являются основателями этой школы (см. К. Маркс. «К критике политической экономии». Берлин [1859], стр. 59[140]). Он говорит:

«4488. Какое влияние, по вашему мнению, оказал акт 1844 года? — Если я должен отвечать как банкир, то я скажу, что акт оказал самое хорошее действие, так как банкирам и» {денежным} «капиталистам всякого рода он доставил богатую жатву. Но он имел очень плохие результаты для честных и усердных представителей делового мира, которые нуждаются в устойчивой процентной ставке, чтобы с уверенностью вести свои дела... акт сделал ссуду денег в высшей степени прибыльным занятием. — 4489. Он» {банковский акт} «позволяет лондонским акционерным банкам выплачивать акционерам 20—22%? — Один из них выплатил недавно 18%, а другой, насколько мне известно, 20%; они имеют все основания самым решительным образом защищать акт 1844 года. — 4490. Мелкие деловые люди и респектабельные купцы, не обладающие крупным капиталом... их он сильно ущемляет... Чтобы убедиться в этом, достаточно того, что я вижу поразительную массу их акцептов, остающихся неоплаченными. Эти акцепты всегда незначительны, приблизительно в 20—100 ф. ст., многие из них не оплачиваются и вследствие этого возвращаются назад во все части страны, что всегда служит признаком угнетенного положения... мелких торговцев».

4494. Он заявляет, что в настоящее время коммерция не приносит достаточной прибыли. Следующие его замечания важны потому, что он видел кризис в скрытом состоянии, когда никто еще не предчувствовал его.

«4494. Цены на Минсинг-Лейн еще более или менее держатся, но уже ничего не продается, нельзя продать ни за какую цену; цены держатся номинальные».

4495. Он рассказывает один случай: некий француз посылает маклеру на Минсинг-Лейн товары на сумму в 3 000 ф. ст. для продажи по определенной цене. Маклер не может получить назначенной цены, француз не может продать дешевле. Товар остается без движения, но французу нужны деньги. Маклер ссужает ему поэтому 1 000 ф. ст. таким способом, что француз под обеспечение товаров выписывает на маклера вексель на 1 000 ф. ст. сроком на 3 месяца. По истечении 3 месяцев наступает срок платежа, а товары все еще не могут быть проданы. Маклер должен тогда оплатить вексель, и хотя он имел покрытие в 3 000 ф. ст., он не был в состоянии реализовать его и вследствие этого попал в затруднительное положение. Таким образом один увлекает с собой на дно другого.

4496. «Что касается большого вывоза... если дела внутри страны находятся в угнетенном состоянии, то это неизбежно вызывает усиленный вывоз. — 4497. Полагаете ли вы, что потребление внутри страны уменьшилось? — *Очень значительно... чрезвычайно...* мелкие торговцы являются в этом отношении самым надежным авторитетом. — 4498. И все же ввоз очень велик; не указывает ли это на сильное потребление? — Конечно, *если только вы имеете возможность продать;* но многие товарные склады переполнены этими предметами; в том примере, который я только что приводил, товары на 3 000 ф. ст. были импортированы и остались непроданными.

4514. Если деньги дороги, то не скажете ли вы, что в этом случае капитал дешев? — Да».

Следовательно, этот человек отнюдь не придерживается мнения Оверстона, что высокая процентная ставка — это то же самое, что дорогой капитал.

Как ведутся теперь дела:

4616. «Другие очень сильно увлекаются, делают с вывозом и ввозом гигантские дела, значительно более крупные, чем позволяет их капитал, — в этом не может быть ни малейшего сомнения. Они могут иметь удачу, благодаря какому-либо счастливому случаю они могут нажить большое состояние и со всеми расплатиться. Такова во многих случаях система, по которой в настоящее время ведется значительная часть дел. Такие люди охотно теряют 20%, 30% и 40% на одной отправке товара; следующая операция может вернуть им все потерянное. Но если они испытывают неудачу два раза подряд, тогда им конец; и как раз за последнее время мы очень часто наблюдали такие случаи; торговые фирмы терпят банкротство, не оставляя ни одного шиллинга в активе.

4791. Низкая процентная ставка» {за последние 10 лет} «во всяком случае неблагоприятна для банкиров, но без предъявления вам торговых книг мне было бы очень трудно объяснить, насколько нынешняя прибыль» {его собственная} «выше, по сравнению с прежним временем. Когда ставка процента низка вследствие чрезмерного выпуска банкнот, мы имеем значительную сумму вкладов; если ставка процента высока, это приносит нам прямую прибыль. — 4794. Если деньги можно получить по умеренной процентной ставке, мы имеем большой спрос на них; мы больше ссужаем; таков результат» {для нас, банкиров} «в этом случае. Если ставка процента повышается, мы получаем за ссуды больше, чем следует по справедливости; мы получаем больше, чем мы должны бы получать».

Мы уже видели, что все компетентные люди считают кредит банкнот Английского банка непоколебимым. Несмотря на это, банковский акт для обеспечения их размена абсолютно закрепляет от 9 до 10 миллионов золотом. Святость и неприкосновенность этого сокровища охраняется совершенно иначе, чем у собирателей сокровищ прежнего времени. У. Браун (Ливерпуль) показывает перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57).

«2311. Что касается той пользы, которую эти деньги» {металлический запас эмиссионного отделения} «приносили тогда, то без ущерба для дела их можно было бы бросить в море; ведь даже ничтожнейшей части их нельзя было пускать в оборот, не нарушая парламентского акта».

Предприниматель строительной промышленности Э. Кэпс, уже цитированный нами выше, тот самый, из показаний которого заимствовано описание современной лондонской системы строительства («Капитал», кн. II, гл. XII [141]), следующим образом резюмирует свое мнение о банковском акте 1844 года (B. A. 1857).

«5508. Следовательно, в общем вы того мнения, что современная система» (банковского законодательства) «является очень искусным приспособлением для того, чтобы перекладывать периодически в кошелек ростовщиков прибыль промышленности? — Да, таково мое мнение. Я знаю, что в строительном деле влияние было таково».

Как уже было упомянуто, шотландские банки банковским актом 1845 г. были вынуждены принять систему, приближающуюся к английской. На них было возложено обязательство иметь золотое покрытие для выпуска банкнот свыше суммы, установленной для каждого банка. Какие последствия это имело, видно из приводимых ниже показаний перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57).

Кеннеди, управляющий одним из шотландских банков, показывает:

«3375. Имелось ли до введения акта 1845 г. в Шотландии что-либо заслуживающее названия золотого обращения? — Ничего подобного. —

3376. А с того времени увеличилось ли количество золота в обращении? — Нисколько; публика не любит золота (the people dislike gold)».

3450. Приблизительно 900 000 ф. ст. золотом, которые шотландские банки должны держать в запасе с 1845 г., по его мнению, приносят лишь вред, так как

«бесприбыльно поглощают значительную часть капитала Шотландии».

Далее идут показания Андерсона, управляющего Union Bank of Scotland:

«3588. Единственный случай сильного спроса на золото, предъявленного Английскому банку со стороны шотландских банков, имел место под влиянием иностранного вексельного курса? — Совершенно верно; и этот спрос не уменьшился оттого, что мы держим золото в Эдинбурге. — 3590. Пока мы имеем ту же самую сумму ценных бумаг в Английском банке» (или в частных банках Англии), «у нас остается та же, что и раньше, возможность вызвать отлив золота из Английского банка».

В заключение процитируем еще одну статью (Уилсона) из журнала «Economist»:

«Шотландские банки держат свободную наличность у своих лондонских агентов; последние держат ее в Английском банке. Это дает шотландским банкам возможность в пределах этих сумм распоряжаться металлической наличностью Английского банка, и здесь она всегда готова к услугам, когда приходится производить заграничные платежи». Эта система была нарушена актом 1845 года. «В результате шотландского акта 1845 г. за последнее время имел место сильный отлив золотой монеты из Английского банка для удовлетворения всего лишь потенциального спроса в Шотландии, который в действительности, быть может, никогда не наступит... С этого времени значительная сумма неизменно закреплена в Шотландии, и другая значительная сумма постоянно путешествует туда и обратно между Лондоном и Шотландией. Если наступает время, когда шотландский банкир ждет повышенного спроса на свои банкноты, то из Лондона посылается ящик с золотом; раз это время миновало, тот же самый ящик, обыкновенно даже не вскрытый, отсылается обратно в Лондон» («Economist», 23 октября 1847 г. [стр. 1214—1215]).

{Что же говорит по поводу всего этого отец банковского акта, банкир Самюэл Джонс Лойд, alias * лорд Оверстон?

Он уже в 1848 г. повторил перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57), что

«стесненное положение с деньгами и высокая ставка процента, вызванные недостатком капитала, не могут быть облегчены путем усиленного выпуска банкнот» (1514),

хотя уже одного *разрешения* правительственным указом от 25 октября 1847 г. увеличить выпуск банкнот было достаточно, чтобы лишить кризис остроты.

---

* — иначе. *Ред.*

Он считает, что

«высокая ставка процента и угнетенное состояние фабричной промышленности являются неизбежным результатом уменьшения *вещественного* капитала, применяемого для промышленных и коммерческих целей» (1604).

А между тем угнетенное состояние фабричной промышленности в течение целого ряда месяцев выражалось как раз в том, что вещественный товарный капитал в избытке заполнял кладовые, не находя сбыта, и что именно поэтому вещественный производительный капитал целиком или наполовину бездействовал, чтобы не производить еще больше товарного капитала, не находящего покупателей.

А перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству он говорил следующее:

«Благодаря строгому и точному соблюдению основных положений акта 1844 г. все совершалось регулярно и легко, денежная система прочна и непоколебима, процветание страны неоспоримо, доверие общества к акту 1844 г. с каждым днем растет, и если комиссия желает дальнейших практических доказательств прочности принципов, на которых покоится этот акт, и тех благодетельных последствий, которые он обеспечивает, то верный и достаточный ответ таков: взгляните вокруг себя, посмотрите на нынешнее состояние дел в нашей стране, посмотрите на довольство народа, посмотрите на богатство и процветание всех классов общества. Последовав этому совету, комиссия будет в состоянии решить, должна ли она воспрепятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие успехи» (B. C. 1857, № 4189).

Ответом на этот дифирамб, который Оверстон пропел перед комиссией 14 июля, послужило письмо в дирекцию Банка от 12 ноября, которым правительство приостанавливало действие чудотворного закона 1844 г., дабы спасти то, что еще можно было спасти. — *Ф. Э.*}

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

БЛАГОРОДНЫЙ МЕТАЛЛ И ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС

I. ДВИЖЕНИЕ ЗОЛОТОГО ЗАПАСА

Относительно накопления банкнот в периоды угнетения следует заметить, что здесь повторяется образование сокровищ в виде благородного металла, которое наблюдалось в тревожные времена на самых ранних стадиях существования общества. Влияние акта 1844 г. представляет интерес потому, что акт этот стремится весь находящийся в стране благородный металл превратить в средства обращения; он хочет отождествить отлив золота с сокращением, прилив золота с расширением количества средств обращения. На опыте применения акта было доказано обратное. За единственным исключением, о котором мы сейчас упомянем, масса находящихся в обращении банкнот Английского банка после 1844 г. никогда не достигала того максимума, который Банк имел право выпускать. И кризис 1857 г. показал, с другой стороны, что при известных условиях этого максимума недостаточно. С 13 по 30 ноября 1857 г. в обращении было банкнот в среднем ежедневно на 488 830 ф. ст. больше этого максимума (B. A. 1858, стр. XI). Законный максимум был тогда 14 475 000 ф. ст. плюс сумма металлического запаса в подвалах Банка.

Относительно прилива и отлива благородного металла необходимо заметить следующее:

Во-первых, надо различать, с одной стороны, движение металла в пределах области, не производящей золота и серебра, а с другой стороны, движение золота и серебра от источников их производства в различные другие страны и распределение этого добавочного металла между этими странами.

С начала нынешнего века — до тех пор, пока не сказалось влияние русских, калифорнийских и австралийских золотых приисков, — поступлений золота и серебра хватало лишь для возмещения изнашивающейся монеты, для обычного употребления этих металлов в производстве предметов роскоши и для вывоза серебра в Азию.

Однако с того времени с ростом азиатской торговли Америки и Европы чрезвычайно возрос, во-первых, вывоз серебра в Азию. Серебро, вывезенное из Европы, в значительной своей части замещалось добавочным золотом. Далее, часть вновь приливающего золота поглощалась внутренним денежным обращением. Считают, что до 1857 г. приблизительно 30 миллионов добавочного золота вступило во внутреннее обращение Англии [14]. Затем, после 1844 г. средний уровень металлических запасов во всех центральных банках Европы и Северной Америки повысился. В то же время рост внутреннего денежного обращения привел к тому, что после паники в следующий за ней период затишья банковский запас стал возрастать быстрее, так как увеличилась масса золотой монеты, вытолкнутой из внутреннего обращения и иммобилизованной. Наконец, после того как были открыты новые месторождения золота, поднялось потребление благородного металла для изготовления предметов роскоши вследствие возросшего богатства.

Во-вторых, между странами, не производящими золота и серебра, благородный металл постоянно циркулирует туда и обратно; одна и та же страна непрерывно ввозит золото и столь же непрерывно вывозит его. И лишь перевес движения в ту или другую сторону решает, в конечном счете, имеет ли место прилив или отлив, так как чисто колебательные и зачастую параллельные движения по большей части взаимно нейтрализуются. Но именно вследствие этого, поскольку обращают внимание на конечный результат, упускается из виду непрерывность и в общем параллельный ход обоих движений. Дело воспринимается всегда таким образом, как будто избыточный ввоз или избыточный вывоз благородного металла есть лишь результат и выражение соотношения между ввозом и вывозом товаров, тогда как он в то же время выражает соотношение между независимым от товарной торговли ввозом и вывозом самого благородного металла.

---

[14] Как подействовало это на денежный рынок, видно из следующего показания Ньюмарча: «1509. К концу 1853 г. среди публики имели место серьезные опасения; в сентябре Английский банк трижды, раз за разом, повышал учетную ставку... В первых числах октября обнаружились значительное беспокойство и паника среди публики. Эти опасения и это беспокойство были большей частью устранены к концу ноября и почти совершенно исчезли с прибытием 5 000 000 ф. ст. благородного металла из Австралии. То же самое повторилось осенью 1854 г., когда — в октябре и ноябре — поступило почти 6 000 000 ф. ст. благородного металла. То же самое повторилось осенью 1855 г., — как известно, это был период возбуждения и беспокойства, — в связи с поступлением в течение сентября, октября и ноября около 8 000 000 ф.ст. благородного металла; в конце 1856 г. мы видим опять то же самое. Одним словом, я вполне мог бы сослаться на опыт почти каждого члена комиссии в подтверждение того, что мы привыкли при каждом финансовом затруднении видеть естественное и радикальное средство помощи в прибытии корабля с золотом» [B. A. 1857].

В-третьих, преобладание ввоза над вывозом, и наоборот, измеряется в общем увеличением или уменьшением металлического запаса центральных банков. Бóльшая или меньшая точность этого мерила зависит, конечно, прежде всего от того, насколько банковское дело вообще централизовано. Ибо от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так называемом национальном банке, представляет вообще национальный запас металла. Но если даже это и так, указанное мерило все же не точно, так как при известных условиях добавочный ввоз поглощается внутренним обращением и растущим применением золота или серебра для изготовления предметов роскоши и так как, кроме того, без добавочного ввоза золото может извлекаться для внутреннего обращения и, следовательно, металлический запас может уменьшаться без одновременного увеличения вывоза.

В-четвертых, вывоз металла принимает форму отлива (drain), если движение в сторону уменьшения продолжается длительное время, так что уменьшение становится общей тенденцией движения и металлический запас банка падает значительно ниже среднего уровня, пока не достигнет своего среднего минимума. Этот последний устанавливается более или менее произвольно, поскольку законодательство, определяющее размер покрытия для размена банкнот и т. п., в различных случаях оказывается различным. Относительно количественных границ, которых такой отлив может достигнуть в Англии, Ньюмарч говорит перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. A. 1857, № 1494):

> «Если судить на основании опыта, то представляется в высшей степени неправдоподобным, чтобы отлив металла вследствие какого-либо колебания в сделках с заграницей мог превысить 3 000 000 или 4 000 000 фунтов стерлингов».

В 1847 г. самый низкий уровень золотого запаса в Английском банке, имевший место 23 октября, показывает по сравнению с 26 декабря 1846 г. уменьшение на 5 198 156 ф. ст., а по сравнению с наивысшим уровнем в 1846 г. (29 августа) уменьшение на 6 453 748 фунтов стерлингов.

В-пятых, назначение металлического резерва так называемого национального банка, назначение, которое служит отнюдь не единственным регулятором величины металлического запаса, ибо он может возрастать вследствие простой задержки в делах внутри или вне страны, является трояким: 1) Быть резервным фондом для международных платежей, короче, резервным фондом мировых денег. 2) Быть резервным фондом для внутреннего

металлического обращения, попеременно расширяющегося и сокращающегося. 3) Быть резервным фондом для платежей по вкладам и для размена банкнот, что связано с функцией банка и ничего общего не имеет с функциями денег как таковых. На металлический запас могут поэтому влиять те отношения, которые касаются каждой из этих трех функций; следовательно, он может испытать на себе влияние: как международный фонд — со стороны платежного баланса, какими бы причинами ни определялся этот последний и каково бы ни было его отношение к торговому балансу; как резервный фонд внутреннего металлического обращения он может испытать на себе влияние расширения или сокращения этого последнего. Третья функция, функция фонда обеспечения, не обусловливает, правда, самостоятельного движения металлического резерва, однако оказывает двоякое влияние. Если выпускаются банкноты, замещающие во внутреннем обращении металлические деньги (следовательно, также и серебряную монету в странах, где серебро является мерой стоимости), то отпадает функция резервного фонда, отмеченная в пункте 2. И часть благородного металла, служившая для этой цели, будет надолго уходить за границу. В этом случае металлические деньги не извлекаются из банка для целей внутреннего обращения и вместе с тем отпадает необходимость периодически увеличивать металлический запас путем иммобилизации части обращающихся металлических денег. Далее, если необходимо при всех обстоятельствах удерживать в резерве известный минимум металла для уплаты по вкладам и размена банкнот, то это особым образом сказывается на последствиях прилива и отлива золота; это влияет на ту часть резерва, которую банк обязан удерживать при всех обстоятельствах, или на ту его часть, от которой он в другое время стремился бы освободиться как от бесполезной. При чисто металлическом обращении и концентрации банковского дела банк также должен был бы рассматривать свой металлический резерв как гарантию для уплаты по своим вкладам и в случае отлива золота могла бы наступить паника, подобная той, какая имела место в 1857 г. в Гамбурге.

В-шестых, за исключением разве только 1837 г., действительный кризис всегда наступал уже после изменения вексельного курса, то есть в тот момент, когда ввоз благородного металла снова стал превышать вывоз.

В 1825 г. настоящий крах наступил после того, как прекратился отлив золота. В 1839 г. отлив золота имел место, не приведя к краху. В 1847 г. отлив золота прекратился в апреле, а крах наступил в октябре. В 1857 г. отлив золота за границу

прекратился с начала ноября, и лишь позднее, в ноябре, наступил крах.

Особенно отчетливо проявилось это в кризисе 1847 г., когда отлив золота прекратился уже в апреле, вызвав сравнительно легкий предварительный кризис, а затем лишь в октябре разразился собственно торговый кризис.

Приводимые ниже показания были даны перед секретной комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 года; показания свидетелей (evidence) были отпечатаны только в 1857 г. (раньше эти показания мы помечали: C. D. 1848/57).

Показания Тука:

В апреле 1847 г. возникло угнетенное состояние, которое, строго говоря, было равносильно панике, но продолжалось сравнительно короткое время и не сопровождалось сколько-нибудь значительными коммерческими банкротствами. В октябре угнетенное состояние было гораздо острее, чем в апреле, причем имело место почти неслыханное количество банкротств (2996). — В апреле вексельный курс — в особенности с Америкой — заставил нас экспортировать значительное количество золота для оплаты чрезвычайно большого импорта; только ценой крайне сильного напряжения Банк приостановил отлив золота и добился повышения курса (2997). — В октябре вексельный курс был благоприятен для Англии (2998). — Изменение вексельного курса началось на третьей неделе апреля (3000). — Колебания вексельного курса имели место в июле и августе; с начала августа он все время был благоприятен для Англии (3001). — Отлив золота в августе был вызван нуждами внутреннего обращения (3003).

Дж. Моррис, управляющий Английским банком, показывает:

хотя с августа 1847 г. вексельный курс сделался благоприятным для Англии и вследствие этого имел место ввоз золота, тем не менее металлический запас Банка уменьшился.

«2 200 000 ф. ст. золотом ушли из Банка в обращение вследствие внутреннего спроса» (137). — Это объясняется, «с одной стороны, увеличением числа занятых рабочих на строительстве железных дорог... с другой стороны, желанием банкиров в период кризиса иметь собственный запас золота» (147).

Палмер, бывший управляющий и с 1811 г. директор Английского банка, показывает:

«684. За весь период с половины апреля 1847 г. до дня приостановки банковского акта 1844 г. вексельные курсы были благоприятны для Англии».

Следовательно, отлив металла в апреле 1847 г., вызвавший самостоятельную денежную панику, был здесь, как и везде, лишь предтечей кризиса и обратное движение наступило раньше, чем разразился этот последний. В 1839 г. при сильно угнетен-

ном состоянии дел имел место значительный отлив металла для уплаты за хлеб и т. п. — однако без кризиса и денежной паники.

В-седьмых, как только общий кризис заканчивается, золото и серебро — оставляя в стороне прилив новых количеств благородного металла из стран его производства — распределяются снова в тех соотношениях, в которых они существовали как особое сокровище различных стран в состоянии их равновесия. При прочих равных условиях относительная величина сокровища каждой страны определяется ее ролью на мировом рынке. Из страны, которая располагала благородными металлами в количестве, превышающем норму, они отливают в другие страны; эти движения прилива и отлива лишь восстанавливают первоначальное распределение сокровищ между различными нациями. Однако такое перераспределение осуществляется посредством влияния различных обстоятельств, которые будут упомянуты при рассмотрении вексельных курсов. Как только нормальное распределение снова восстановлено, то, начиная с этого момента, наступает сначала рост, затем новый отлив. {Это последнее положение, само собой разумеется, относится только к Англии как центру мирового денежного рынка.— *Ф. Э.*}

В-восьмых, отливы металла являются большей частью симптомами изменений в состоянии внешней торговли, а это изменение есть, в свою очередь, предвестник того, что назревает кризис [15].

В-девятых, платежный баланс может быть благоприятен для Азии и неблагоприятен для Европы и Америки [16].

Ввоз благородного металла имеет место преимущественно в два периода. С одной стороны, в первой фазе низкой процентной ставки, которая следует за кризисом и выражает собой сокращение производства; и затем во второй фазе, когда ставка

---

[15] По Ньюмарчу, отлив золота за границу может вызываться троякого рода причинами, а именно: 1) причинами чисто коммерческого характера, то есть вследствие превышения ввоза над вывозом, как это было между 1836 и 1844 гг. и затем снова в 1847 г. главным образом вследствие большого ввоза хлеба; 2) необходимостью создать средства для вложения английского капитала за границей, как например в 1857 г., и для строительства железных дорог в Индии; и 3) безвозвратными расходами за границей, как например в 1853 и 1854 гг. для военных целей на Востоке.

[16] 1918. Ньюмарч. «Если вы возьмете Индию и Китай вместе, если вы примете во внимание обороты между Индией и Австралией и еще более важные обороты между Китаем и Соединенными Штатами, — а в этих случаях сделки являются трехсторонними и окончательные расчеты совершаются при нашем посредничестве... — тогда окажется правильным, что торговый баланс был не только против Англии, но также против Франции и Соединенных Штатов» (B. A. 1857).

процента повышается, но еще не достигает своего среднего уровня. Это та фаза, когда обратный приток капиталов совершается легко, коммерческий кредит достигает большого размаха и потому спрос на ссудный капитал возрастает медленнее, чем расширяется производство. В обеих фазах при сравнительном обилии ссудного капитала избыточный приток капитала в форме золота и серебра, то есть в такой форме, в которой он непосредственно может функционировать только как ссудный капитал, должен оказывать значительное влияние на ставку процента, а тем самым и на тонус всей деловой жизни.

С другой стороны, отлив, непрерывный значительный вывоз благородного металла, наступает, когда новых поступлений уже нет, рынки переполнены и мнимое процветание поддерживается только кредитом; когда, следовательно, уже существует очень сильный спрос на ссудный капитал и потому ставка процента достигает по меньшей мере своего среднего уровня. При этих условиях, выражающихся именно в отливе благородного металла, значительно усиливается влияние непрерывного ухода капитала в такой форме, в какой он непосредственно существует как ссудный денежный капитал. Это должно оказывать прямое влияние на ставку процента. Но вместо того чтобы ограничивать кредитные операции, повышение ставки процента расширяет их и приводит к перенапряжению всех их вспомогательных средств. Поэтому такой период предшествует краху.

Ньюмарчу ставят вопрос (B. A. 1857):

«1520. Итак, количество обращающихся векселей повышается вместе с процентной ставкой? — По-видимому, да. — 1522. В спокойные, обычные времена главная книга есть действительное орудие обмена; но когда наступают затруднения, когда, например, при обстоятельствах, указанных мной, поднимается банковская учетная ставка... тогда операции сами собой сводятся к выписыванию векселей; векселя эти не только более пригодны для того, чтобы служить законным доказательством заключенной сделки; они удобнее также для совершения дальнейших закупок и прежде всего применимы как кредитное средство приобретения капитала».

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что раз банк при сколько-нибудь угрожающих условиях поднимает свою учетную ставку — в связи с чем в то же время становится вероятным, что банк ограничит сроки учитываемых им векселей, — наступает всеобщее опасение, что это будет происходить crescendo *. Каждый, и прежде всего рыцарь кредита, стремится поэтому как бы учесть будущее и получить в данный

* — с возрастающей силой. *Ред.*

момент в свое распоряжение максимально возможное количество кредитных средств. Таким образом, из указанных выше причин вытекает, что одно только количество как ввезенного, так и вывезенного благородного металла оказывает влияние не само по себе; но что, с одной стороны, оно оказывает свое влияние благодаря специфическому характеру благородного металла как капитала в денежной форме, а с другой стороны, оно влияет, как перышко, которое, будучи прибавлено к грузу на чаше весов, оказывается достаточным, чтобы окончательно склонить ее в определенную сторону; оно влияет благодаря тому, что наступает при условиях, когда всякое прибавление в ту или другую сторону имеет решающее значение. Без этих причин было бы совершенно непонятно, каким образом может оказать сколько-нибудь заметное влияние отлив золота, скажем, на сумму в 5—8 млн. ф. ст., а как показывает опыт, эта граница до сих пор не переступалась; такое ничтожное увеличение или уменьшение капитала, совершенно незначительное даже по сравнению с 70 миллионами золота, циркулирующими в среднем в Англии, является, конечно, ничтожно малой величиной при размерах производства, подобных английским [17]. Но именно развитие кредитной и банковской системы, которая, с одной стороны, стремится поставить весь денежный капитал на службу производства (или, что сводится к тому же, стремится превратить всякий денежный доход в капитал) и, с другой стороны, на известной фазе цикла сводит металлический резерв к такому минимуму, что он уже не в состоянии выполнять выпадающие на его долю функции, — именно эта развитая кредитная и банковская система и создает чрезмерную чувствительность всего организма. На более низкой ступени развития производства увеличение или уменьшение металлического запаса по сравнению с его средней величиной оказывает относительно ничтожное влияние на производство. Равным образом даже очень значительный отлив золота оказывает относительно ничтожное влияние, раз он имеет место не в критический период промышленного цикла.

При данном объяснении мы отвлеклись от тех случаев, когда отлив металла наступает вследствие неурожая и т. д. Здесь значительное и внезапное нарушение равновесия производства,

---

[17] См., например, комичный ответ Уэгелина [B. A. 1857], который говорит, что отлив 5 миллионов золота означает уменьшение капитала на ту же сумму, и старается объяснить этим такие явления, которые *не* наступают при бесконечно более крупном повышении цен или обесценении, расширении или сокращении действительного промышленного капитала. Не менее комичной является, с другой стороны, попытка толковать эти явления как непосредственные симптомы расширения или сокращения массы реального капитала (рассматриваемого со стороны его вещественных элементов).

выражением которого является отлив золота, не нуждается в дальнейшем объяснении своих последствий. Последствия эти тем значительнее, чем больше такое нарушение совпадает с периодом, когда производство переживает высокую конъюнктуру.

Мы отвлеклись, кроме того, от функции металлического запаса как гарантии размена банкнот и оси всей кредитной системы. Центральный банк есть ось кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь ось банка [18]). Превращение кредитной системы в монетарную систему неизбежно, как это уже было указано в «Капитале», кн. I, гл. III, при исследовании функции денег в качестве средства платежа [142]. И Тук и Лойд-Оверстон одинаково признают необходимость огромных жертв реальным богатством для того, чтобы в критический момент удержать металлический базис. Спор между ними сводится лишь к вопросу о некотором плюсе или минусе, к вопросу о том, какой образ действий следует считать более, а какой менее рациональным перед лицом этой неизбежности [19]). Некоторое, по сравнению со всем производством, незначительное количество металла признается осью системы. Не говоря уже об ужасающем проявлении во время кризисов этого характера «оси», отсюда вытекает очень забавный теоретический дуализм. Пока «просвещенная» политическая экономия ex professo * трактует «о капитале», она с величайшим презрением взирает на золото и серебро как на форму капитала, которая фактически не представляет совершенно никакого интереса и является совершенно бесполезной. Как только она начинает говорить о банковском деле, то, наоборот, и золото с серебром становятся капиталом par excellence **, для удержания которого следует приносить в жертву все другие формы капитала и труд. Чем же отличаются золото и серебро от других видов богатства? Не величиной стоимости, так как эта последняя определяется количеством овеществленного в них труда. Они отличаются

---

[18]) Ньюмарч (B. A. 1857): «1364. Металлический запас Английского банка есть в действительности центральный запас, или центральное металлическое сокровище, на основе которого строится вся деловая жизнь страны. Это, так сказать, ось, вокруг которой вращается вся деловая жизнь страны; все другие банки в стране рассматривают Английский банк как центральное сокровище, или резервуар, из которого им приходится черпать свои запасы звонкой монеты, и влияние заграничного вексельного курса отражается всегда как раз на этом сокровище и этом резервуаре».

[19]) «Таким образом практически оба они, и Тук и Лойд, для устранения чрезмерного спроса на золото... прибегли бы к своевременному ограничению кредита путем повышения процентной ставки и уменьшения ссуд капитала... Только Лойд создает своими иллюзиями... тяжелые и даже опасные» (законодательные) «ограничения и предписания» («Economist», [11 декабря] 1847 г., стр. 1418).

* — специально. *Ред.*

** — по преимуществу. *Ред.*

лишь как самостоятельное воплощение, как выражение *общественного* характера богатства. {Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно проявляется как общественное богатство лишь благодаря тому, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собой качественно различными потребительными стоимостями. В условиях капиталистического производства они могут это делать лишь при посредстве денег. Таким образом, лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи, воплощена общественная природа этого богатства. — *Ф. Э.*} Следовательно, это общественное бытие денег проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их. Пока производство идет бесперебойно, это забывается. Кредит, тоже как общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства является причиной того, что денежная форма продуктов кажется чем-то мимолетным и идеальным, простым представлением. Но как только кредит потрясен, — а эта фаза неизбежно наступает в современном промышленном цикле, — все реальное богатство вдруг должно быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро. Это требование безумное, однако оно неизбежно вырастает из самой системы. Между тем все золото и серебро, долженствующее удовлетворить эти чудовищные притязания, составляют сумму лишь в несколько миллионов, хранящихся в подвалах банка [20]. Таким образом, в воздействии отлива золота тот факт, что производство как общественное производство не подчинено в действительности общественному контролю, резко обнаруживается в том, что общественная форма богатства как *вещь* существует вне его. Это обстоятельство в действительности является общим для капиталистической системы и для более ранних систем производства, поскольку последние покоились на товарной торговле и частном обмене. Однако лишь при капиталистической системе оно проявляется наиболее резко и притом в самой уродливой форме абсурдного противоречия

---

[20] «Вы совершенно согласны с тем, что для изменения спроса на золото не существует иного пути, кроме повышения процентной ставки? — Чапмен» {компаньон крупной маклерской фирмы Оверенд, Гёрни и К°} : «Да, таково мое мнение. Если запас нашего золота упадет до известного пункта, то мы лучше всего сделаем, если тотчас же ударим в набат и заявим: мы катимся под гору, а если кто-нибудь хочет отсылать золото за границу, пусть делает это на свой собственный риск» (В. А. 1857, № 5057).

и бессмыслицы, так как 1) при капиталистической системе производство менее всего является производством ради непосредственной потребительной стоимости, ради потребления самого производителя и, следовательно, богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся как сплетение производства и обращения; 2) так как с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится уничтожить эту металлическую границу — эту одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения, — но все снова и снова наталкивается на эту границу.

Во время кризиса возникает требование превратить сразу все векселя, ценные бумаги, товары в банковые деньги, а все банковые деньги, в свою очередь, в золото.

II. ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС

{Барометром движения денежного металла в международном масштабе является, как известно, вексельный курс. Если Англия должна уплатить Германии больше, чем Германия Англии, то в Лондоне повышается цена марки, выраженная в стерлингах, а в Гамбурге и Берлине понижается цена фунта стерлингов, выраженная в марках. Если этот перевес платежных обязательств Англии перед Германией не выравнивается снова благодаря, например, преобладанию закупок Германии в Англии над закупками Англии в Германии, то выраженная в стерлингах цена векселей, выписанных в марках на Германию, должна повышаться до тех пор, пока не окажется выгодным послать из Англии в Германию вместо векселей металл — золотые деньги или слитки. Таков обычный ход дела.

Если этот вывоз благородного металла примет более значительные размеры и будет долго продолжаться, то это отразится на банковском резерве Англии, и английский денежный рынок, в первую очередь Английский банк, должен будет принять защитные меры. Последние, как мы уже видели, состоят главным образом в повышении процентной ставки. При значительном отливе золота на денежном рынке наступают обыкновенно затруднения, то есть спрос на ссудный капитал в денежной форме значительно превышает предложение, и высокая ставка процента вытекает отсюда сама собой; таким образом учетная ставка, декретированная Английским банком, соответствует положению вещей и осуществляется на рынке. Бывают, однако, случаи, когда отлив металла вызывается

иными, а не обычными комбинациями сделок (например, займами иностранных государств, вложением капитала за границей и т. д.) и когда положение на лондонском денежном рынке как таковом отнюдь не оправдывает существенного повышения ставки процента; в таком случае Английскому банку приходится сначала путем усиленных займов на «открытом рынке» «сделать деньги редкими», как принято выражаться, и таким образом искусственно создать положение, при котором повышение процента оправдывается или становится необходимым; маневр, который с каждым годом становится для этого Банка все затруднительнее. — *Ф. Э.*}

Как влияет повышение ставки процента на вексельный курс, видно из следующих показаний перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству. (Цитировано как B. A. или B. C. 1857.)

Джон Стюарт Милль показывает:

«2176. Когда в делах наступают затруднения... происходит значительное падение курса ценных бумаг... иностранцы поручают покупать железнодорожные акции здесь, в Англии, или английские держатели иностранных железнодорожных акций продают их за границей... в соответствующих размерах прекращается отправка золота. — 2182. Многочисленный и богатый класс банкиров и торговцев ценными бумагами, при помощи которых достигается выравнивание ставки процента и показателей (pressure) коммерческого барометра между различными странами... всегда высматривают случай закупать ценные бумаги, обещающие повышение цены... Подходящим местом для их закупок окажется всегда страна, посылающая золото за границу. — 2184. Такие вложения капитала в 1847 г. производились в значительном масштабе, достаточном для того, чтобы уменьшить отлив золота».

Дж. Г. Хаббард, бывший управляющий и с 1838 г. директор Английского банка, показывает:

«2545. Имеются значительные количества европейских ценных бумаг..., которые обращаются на самых различных европейских денежных рынках и, раз на одном рынке стоимость этих бумаг упала на 1% или 2%, они тотчас же скупаются для отсылки на другие рынки, где стоимость их еще держится. — 2565. Не находятся ли другие страны в большом долгу по отношению к английским купцам? — В очень большом. — 2566. Следовательно, одно получение этих долгов могло бы в достаточной степени объяснить весьма значительное накопление капитала в Англии? — В 1847 г. мы в конце концов восстановили наше положение тем, что ликвидировали столько-то миллионов прежней задолженности Америки и России нашей стране».

Англия в то время также была должна этим странам «столько-то миллионов» за хлеб и не преминула, в свою очередь, бо́льшую часть их «ликвидировать» при помощи банкротств

английских должников. См. выше отчет 1857 г. о банковском акте, в главе XXX, стр. 31 *.

«2572. В 1847 г. курс между Англией и Петербургом стоял очень высоко. Когда было издано правительственное распоряжение, предоставившее Банку право выпускать банкноты» {без покрытия золотым запасом} «сверх узаконенного лимита в 14 миллионов, было поставлено условие, чтобы учетная ставка удерживалась на уровне 8 процентов. В такой момент и при такой учетной ставке было выгодно затребовать золото из Петербурга в Лондон и по его прибытии ссужать его из 8% до истечения срока трехмесячных векселей, которые выписывались за проданное золото. — 2573. При всяких операциях с золотом необходимо принимать во внимание различные моменты; речь идет о вексельном курсе и о процентной ставке, по которой можно до истечения срока векселя поместить деньги» {выданные под этот вексель}.

ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС С АЗИЕЙ

Следующие моменты важны, так как, с одной стороны, они показывают, каким образом Англия при неблагоприятном вексельном курсе с Азией должна компенсировать себя за счет других стран, ввоз которых из Азии оплачивается при английском посредничестве. С другой стороны, так как г-н Уилсон опять делает здесь глупую попытку отождествить влияние вывоза благородного металла на вексельный курс с влиянием, оказываемым на вексельный курс вывозом капитала вообще, — причем в обоих случаях дело идет о вывозе не в качестве платежного или покупательного средства, а для капиталовложений. Прежде всего само собой понятно, что, если в Индию с целью вложения в железнодорожное строительство посылается столько-то миллионов фунтов стерлингов в виде ли благородного металла или в виде железнодорожных рельсов, — и то и другое представляет собой лишь различные формы перемещения известной суммы капитала из одной страны в другую; в частности, это такое перемещение, которое не входит в счет обычных торговых сделок и за которое экспортирующая страна не должна ожидать никаких иных поступлений, кроме получения годового дохода из выручки по эксплуатации этих железных дорог. Если такой экспорт совершается в форме благородного металла, то именно потому, что это благородный металл, следовательно, непосредственно пригодный для ссуды денежный капитал и базис всей денежной системы, такой экспорт — не обязательно при всяких условиях, но обязательно при условиях, указанных выше, — окажет прямое действие на денежный рынок, а значит и на процент-

* См. настоящий том, стр. 542. *Ред.*

ную ставку в стране, экспортирующей благородный металл. Столь же непосредственное действие окажет он и на вексельный курс. Благородный металл отсылается лишь тогда именно и постольку, когда и поскольку недостаточно предлагаемых на лондонском денежном рынке векселей, например, на Индию, для того чтобы осуществить такие экстраординарные переводы денег. Следовательно, имеет место спрос векселей на Индию, превышающий предложение, и, таким образом, в данный момент курс становится неблагоприятен для Англии не потому, что она в долгу перед Индией, а потому, что она должна послать в Индию экстраординарные суммы. Если такой вывоз благородного металла в Индию продолжается значительное время, то он приводит к увеличению индийского спроса на английские товары, так как косвенно повышает способность Индии потреблять европейские товары. Напротив, если капитал вывозится в форме рельсов и т. д., то это совершенно не может иметь влияния на вексельный курс, так как в этом случае Индии не приходится производить за это никаких возвратных платежей. По той же причине это не должно также оказывать никакого влияния на денежный рынок. Уилсон пытается доказать наличие такого влияния тем, что такие экстраординарные затраты вызывают якобы добавочный спрос на денежные ссуды и таким образом влияют на ставку процента. Это может случиться; но утверждать, что это должно иметь место при всяких обстоятельствах, было бы совершенно неправильно. Куда бы ни были посланы рельсы и где бы они ни были уложены, на английской или на индийской земле, они во всяком случае представляют лишь известное расширение английского производства в известной сфере. Утверждать, что увеличение производства, даже в очень широких пределах, не может совершиться без повышения ставки процента, было бы нелепо. Возможно, что будут возрастать денежные ссуды, то есть сумма тех сделок, в которые входят кредитные операции; но эти операции могут возрастать при неизменной ставке процента. Так действительно и было в Англии в 40-х годах во время железнодорожной горячки. Ставка процента не повысилась. И совершенно очевидно, что, поскольку речь идет о действительном капитале, то есть в данном случае о товарах, влияние, оказываемое на денежный рынок, будет совершенно одно и то же, предназначены ли эти товары для отправки за границу или для внутреннего потребления. Разница получилась бы лишь в том случае, если бы капиталовложения Англии за границей сокращали ее коммерческий экспорт, — экспорт, который должен быть оплачен и который, следовательно, вызывает обратный приток денег, — или если бы эти

капиталовложения уже вообще были симптомом крайнего напряжения кредита и начала спекулятивных операций.

В дальнейшем вопросы задает Уилсон, отвечает Ньюмарч:

«1786. Вы сказали раньше относительно спроса на серебро для Восточной Азии, что, по вашему мнению, вексельный курс с Индией благоприятен для Англии, несмотря на то, что в Восточную Азию непрерывно отсылаются значительные массы металлического резерва; имеете ли вы основания для этого? — Конечно... Я нахожу, что действительная стоимость вывоза Соединенного королевства в Индию в 1851 г. достигла 7 420 000 фунтов стерлингов. Сюда следует присоединить сумму векселей Индиа-хаус, то есть тех фондов, которые Ост-Индская компания переводит из Индии для покрытия своих собственных издержек. Эти тратты составляли в рассматриваемом году 3 200 000 ф. ст., так что весь вывоз Соединенного королевства в Индию равнялся 10 620 000 фунтов стерлингов. В 1855 году ... действительная стоимость товарного экспорта возросла до 10 350 000 фунтов стерлингов; тратты Индиа-хаус составляли 3 700 000 фунтов стерлингов; следовательно, весь вывоз — 14 050 000 фунтов стерлингов. Для 1851 г. у нас, как мне кажется, нет возможности установить действительную стоимость ввоза товаров из Индии в Англию; но мы располагаем такими данными для 1854 и 1855 годов. В 1855 г. вся действительная стоимость ввоза товаров из Индии в Англию составляла 12 670 000 ф. ст., и эта сумма, при сравнении с 14 050 000 ф. ст. вывоза, дает в пользу Англии сальдо от непосредственной торговли между обеими странами в 1 380 000 фунтов стерлингов» [B. A. 1857].

Уилсон замечает на это, что на вексельный курс влияет также и косвенная торговля. Так, например, вывоз из Индии в Австралию и Северную Америку покрывается траттами на Лондон и влияет поэтому на вексельный курс совершенно таким же образом, как если бы товары шли непосредственно из Индии в Англию. Далее, если взять Индию и Китай вместе, то баланс окажется неблагоприятным для Англии, так как Китаю приходится постоянно производить значительные платежи Индии за опиум, а Англии приходится производить платежи Китаю, так что этим окольным путем суммы из Англии идут в Индию (1787, 1788).

1791. Уилсон спрашивает, не будет ли влияние на вексельный курс одинаковым как в том случае, если капитал

«вывозится в форме железнодорожных рельсов и локомотивов, так и в том случае, если он вывозится в форме металлических денег».

Ньюмарч отвечает на это совершенно правильно:

12 млн. ф. ст., посланные за последние годы в Индию для строительства железных дорог, послужили для покрытия годовой ренты, которую Индия должна уплачивать в определенные сроки Англии.

«Что же касается непосредственного влияния на рынок благородного металла, то затрата этих 12 млн. ф. ст. может оказать его лишь постольку,

поскольку металл приходилось вывозить для действительных расходов в виде денег» [1792].

1797. (Уэгелин спрашивает:) «Если в оплату за это железо» (рельсы) «не последует никаких поступлений, то как можно говорить, что оно влияет на вексельный курс? — Я не думаю, что та часть затрат, которая производится в форме вывоза товаров, влияет на состояние вексельного курса... на вексельный курс между двумя странами оказывает влияние — можно сказать, исключительно — количество облигаций или векселей, предлагаемых в одной стране, по сравнению с количеством, предлагаемым в то же самое время в другой стране; такова рациональная теория вексельного курса. Что касается перевода 12 миллионов... то эти 12 миллионов сначала были подписаны здесь; если бы сделка была такого рода, что все эти 12 миллионов осели бы в виде звонкой монеты в Калькутте, Бомбее или Мадрасе... то такой внезапный спрос оказал бы потрясающее действие как на цену серебра, так и на вексельный курс — совершенно так же, как если бы Ост-Индская компания заявила завтра, что она увеличивает свои тратты с 3 до 12 миллионов. Но половина этих 12 миллионов израсходована... на покупку товаров в Англии... железнодорожных рельсов, леса и других материалов... это — расход английского капитала в самой Англии на известный сорт товаров, который отправляется в Индию, и этим дело исчерпывается». — 1798. (Уэгелин:) «Но производство этих необходимых для железных дорог товаров, железа и лесоматериалов, вызывает значительное потребление заграничных товаров, а это последнее могло бы повлиять на вексельный курс? — Конечно».

Уилсон высказывает мнение, что железо представляет главным образом труд и что заработная плата, уплаченная за этот труд, представляет главным образом импортированные товары (1799), и затем спрашивает:

«1801. Но говоря вообще: если товары, произведенные при посредстве потребления этих импортированных товаров, вывозятся таким образом, что мы не получаем за них никакого возмещения, — в продуктах ли, или как-либо иначе,— не будет ли это иметь своим последствием неблагоприятный для нас курс? — Это общее положение как раз соответствует тому, что имело место в Англии во время усиленного железнодорожного строительства» {1845}. «В течение трех, четырех или пяти лет подряд вы вложили в железные дороги 30 млн. ф. ст., и почти вся эта сумма пошла на заработную плату. В продолжение трех лет вы содержали на строительстве железных дорог, локомотивов, вагонов и вокзалов больше народа, чем во всех фабричных районах, вместе взятых. Эти люди... тратили свою заработную плату на чай, сахар, спиртные напитки и другие иностранные товары; товары эти приходилось ввозить, и, однако, несомненно, что в течение всего времени, когда производились эти огромные затраты, вексельный курс между Англией и другими странами не претерпел существенных изменений. Отлива благородных металлов не наблюдалось, напротив, скорее имел место прилив их».

1802. Уилсон настаивает на том положении, что при равновесии торгового баланса и курсе al pari * между Англией и Индией экстраординарный вывоз железа и локомотивов «должен повлиять на вексельный курс с Индией». Ньюмарч не видит,

* — по паритету. *Ред.*

почему это должно быть так, ибо рельсы экспортируются как капитал и Индия не должна оплачивать их в той или другой форме; к этому он добавляет:

«Я согласен с тем положением, что ни одна страна не может продолжительное время иметь неблагоприятный вексельный курс со всеми странами, с которыми она ведет торговлю; неблагоприятный вексельный курс с одной страной неизбежно создает благоприятный курс с другой страной».

Этому Уилсон противопоставляет следующую тривиальность:

«1803. Но разве перемещение капитала зависит от того, в какой форме оно совершается? — Да, конечно, поскольку дело касается долговых обязательств. — 1804. Итак, посылаете ли вы благородный металл или товары, влияние железнодорожного строительства в Индии на здешний рынок капиталов будет одно и то же и повысит стоимость капитала совершенно так же, как если бы вся сумма была вывезена в виде благородного металла?»

Если цены железа не возросли, то это доказывает во всяком случае, что «стоимость» содержащегося в рельсах «капитала» не увеличилась. То, о чем здесь идет речь, это — стоимость денежного капитала, процентная ставка. Уилсон хотел бы отождествить денежный капитал и капитал вообще. Факт заключается просто в том, что в Англии по подписке на акции индийских железных дорог собрано 12 миллионов. Это обстоятельство вовсе не имеет прямого отношения к вексельному курсу, и на денежный рынок эти 12 миллионов опять-таки не могут повлиять. Если денежный рынок находится в благоприятном положении, то это вообще может не оказать никакого влияния, подобно тому как не затронула его подписка на акции английских железных дорог в 1844 и 1845 годах. Если же денежный рынок уже до известной степени стеснен, то это, конечно, могло бы повлиять на уровень процента, но лишь в сторону повышения, а по теории Уилсона это должно было бы сделать курс более благоприятным для Англии, то есть противодействовать тенденции к вывозу благородного металла, — если не в Индию, то в другие страны. Г-н Уилсон перескакивает от одного к другому. Отвечая на вопрос под № 1802, он утверждает, что должен быть затронут вексельный курс; в № 1804 — что затрагивается «стоимость капитала», — а это две совершенно различные вещи. Ставка процента может влиять на вексельный курс и вексельный курс на ставку процента, и тем не менее при изменяющемся курсе ставка процента, а при изменяющейся ставке процента курс могут оставаться постоянными. В голове Уилсона не укладывается мысль, что при вывозе капитала за границу такое различие влияния создает самая форма, в которой проис-

ходит этот вывоз, то есть столь важное значение имеет различие форм капитала и притом как раз денежная его форма, что совершенно противоречит воззрениям «просвещенных» экономистов. Ньюмарч отвечает Уилсону односторонне, поскольку совершенно не обращает внимания последнего на его внезапный и ничем не мотивированный переход от вексельного курса к ставке процента. Ньюмарч отвечает на указанный вопрос 1804 неуверенно и неопределенно:

«Раз требуется найти 12 миллионов, то, поскольку дело касается общей процентной ставки, без сомнения несущественно, пересылаются ли эти 12 миллионов в виде благородного металла или в виде материалов. Я все же думаю» (не дурно это «все же» в виде перехода к прямо противоположному утверждению), «что это не совсем несущественно» (это несущественно, но все же не несущественно), «так как в одном случае 6 млн. ф. ст. немедленно притекли бы обратно; в другом случае они не притекли бы так быстро. Поэтому до некоторой степени» (какая определенность!) «не все равно, будут ли эти 6 миллионов затрачены здесь в стране, или же они целиком будут экспортированы».

Что должно означать утверждение, что 6 миллионов тотчас же притекли бы обратно? Поскольку 6 млн. ф. ст. затрачены в Англии, они существуют в виде рельсов, локомотивов и т. п., которые должны быть отправлены в Индию, откуда они не вернутся назад, и стоимость их возвратится лишь посредством амортизации, то есть очень медленно, в то время как 6 миллионов благородного металла, быть может, гораздо скорее вернутся in natura *. Поскольку 6 миллионов затрачены на заработную плату, они съедены; но деньги, в виде которых они авансировались, по-прежнему обращаются в стране или составляют резерв. То же самое относится к прибыли производителей рельсов и той части 6 миллионов, которая возмещает их постоянный капитал. Итак, двусмысленная фраза о возврате капиталов употреблена Ньюмарчем лишь для того, чтобы не сказать прямо: деньги остались в стране и, поскольку они функционируют как ссудный денежный капитал, разница для денежного рынка (отвлекаясь от того, что обращение могло бы, быть может, поглотить большее количество металлических денег) заключается лишь в том, что они расходуются за счет *A*, а не *B*. Вложение подобного рода, при котором капитал вывозится в другие страны в виде товаров, а не в виде благородного металла, лишь постольку может оказать влияние на вексельный курс (и притом не на вексельный курс с той страной, куда вкладывается капитал), поскольку производство таких экспортируемых товаров требует добавочного импорта других

---

* — в натуральной форме. *Ред.*

иностранных товаров. В таком случае это производство не служит устранению этого добавочного импорта. Но то же самое имеет место при всяком экспорте в кредит, безразлично для чего—для новых капиталовложений или для обычных торговых целей. Кроме того, этот добавочный импорт может путем обратного влияния вызвать добавочный спрос на английские товары со стороны, например, колоний или Соединенных Штатов.

Раньше (1786) Ньюмарч говорил, что вследствие тратт Ост-Индской компании вывоз из Англии в Индию больше, чем ввоз. Сэр Чарлз Вуд подвергает его в этом пункте перекрестному допросу. Это превышение английского вывоза в Индию по сравнению с ввозом из Индии в действительности достигается благодаря такому ввозу из Индии, за который Англия не уплачивает никакого эквивалента: тратты Ост-Индской компании (в настоящее время ост-индского правительства) сводятся к дани, взимаемой с Индии. Возьмем для примера 1855 год: ввоз из Индии в Англию — 12 670 000 фунтов стерлингов; английский вывоз в Индию — 10 350 000 фунтов стерлингов. Баланс в пользу Индии — 2 250 000 фунтов стерлингов.

«Если бы этим дело исчерпывалось, то эти 2 250 000 ф. ст. пришлось бы в той или иной форме отправить в Индию. Но тут выступают на сцену требования со стороны Индиа-хаус. Индиа-хаус объявляет, что он в состоянии выдать тратты на различные президентства Индии в размере 3 250 000 фунтов стерлингов». (Эта сумма взималась для погашения лондонских издержек Ост-Индской компании и уплаты дивидендов акционерам.) «А это не только погашает торговый баланс в 2 250 000 ф. ст., но и дает миллион избытка» (1917). [B. A. 1857]

1922. {Вуд:} «Следовательно, влияние этих тратт Индиа-хаус сказывается не в возрастании вывоза в Индию, но в уменьшении его pro tanto *?»

{Это должно означать — в уменьшении необходимости покрывать ввоз из Индии такой же суммой вывоза туда.} Г-н Ньюмарч объясняет это тем, что англичане за эти 3 700 000 ф. ст. импортируют в Индию «хорошее управление» (1925). Вуд, в качестве министра по делам Индии очень хорошо знакомый с «хорошим управлением», которое ввозилось англичанами в Индию, делает следующее правильное и ироническое замечание (1926):

«В этом случае тот вывоз, который, по вашим словам, является результатом тратт Индиа-хаус, есть вывоз хорошего управления, а не товаров».

Так как Англия много экспортирует «таким образом» для «хорошего управления» и для вложения капиталов в других странах, — следовательно, осуществляет ввоз, совершенно

* — соответственно. *Ред.*

независимый от обычного хода дел, получает дань частью за экспортированное «хорошее управление», частью как доход с капиталов, вложенных в колониях и других странах, дань, за которую ей не приходится уплачивать никакого эквивалента, то ясно, что вексельный курс не отреагирует, если Англия просто съедает эту дань без встречного экспорта; ясно также, что курсы не затрагиваются и в том случае, если Англия опять помещает эту дань не у себя, а, производительно или непроизводительно, за границей: если, например, она за счет этой дани посылает боеприпасы и снаряжения в Крым. К тому же, поскольку ввоз из-за границы входит в доход Англии (оплачиваться он, конечно, должен или в виде дани, не требующей эквивалента, или путем обмена на эту неоплаченную дань, или обычным в торговле путем), Англия может его или потребить или снова вложить в дело в качестве капитала. Но ни то, ни другое на вексельный курс не влияет, и это упускает из виду мудрый Уилсон. Составляет ли известную часть дохода отечественный или иностранный продукт — причем последний случай предполагает лишь обмен отечественных продуктов на иностранные — потребление этого дохода, производительное или непроизводительное, нисколько не изменяет вексельного курса, хотя и оказывает влияние на общий масштаб производства. Это необходимо иметь в виду при оценке нижеследующего.

1934. Вуд спрашивает, каким образом отправка боеприпасов и снаряжения в Крым могла бы повлиять на вексельный курс с Турцией. Ньюмарч отвечает:

«Я не вижу, почему бы должна непременно отразиться на вексельном курсе простая отправка боеприпасов и снаряжения, но отправка благородного металла несомненно сказалась бы на курсе».

Следовательно, здесь он отличает капитал в денежной форме от других форм капитала. Но вот Уилсон задает следующий вопрос:

«1935. Если вы производите в широких размерах экспорт какого-либо товара, не получая взамен соответствующего импорта»

{г-н Уилсон забывает, что по отношению к Англии имеет место весьма значительный импорт, взамен которого никогда не было соответствующего экспорта, за исключением экспорта в форме «хорошего управления» или вывезенного раньше капитала для инвестиций; во всяком случае это не такой импорт, который входит в регулярный торговый оборот. Но предметы этого импорта снова обмениваются, например на американские продукты; и если американские продукты экспортируются без соответствующего импорта, это ничуть не изменяет того

обстоятельства, что стоимость этого импорта может быть потреблена без эквивалентного вывоза за границу; он осуществлен без соответствующего экспорта и, следовательно, может быть потреблен, не входя в торговый баланс},

«то вы не уплачиваете заграничного долга, который вы сделали благодаря вашему ввозу»

{Но если вы уже ранее оплатили этот импорт, например, посредством заграничного кредита, то при этом не будет сделано никакого долга, и вопрос не имеет ничего общего с международным балансом, — он сводится к производительной или непроизводительной затрате, причем совершенно безразлично, произведены ли потребленные продукты внутри страны или за границей}

«и потому такой сделкой вы повлияете на вексельный курс, так как заграничный долг не уплачивается вследствие того, что ваш экспорт не имеет соответствующего импорта. — Это справедливо по отношению к различным странам вообще».

Лекция Уилсона сводится к тому, что всякий экспорт без соответствующего импорта есть в то же время импорт без соответствующего экспорта, потому что в производство экспортированных товаров входят иностранные, следовательно, импортированные товары. Предполагается, что всякий такой экспорт основывается на неоплаченном импорте или создает его, — следовательно, предполагает или создает заграничный долг. Это ложно, даже если оставить в стороне следующие два обстоятельства: 1) Англия имеет даровой импорт, за который она не уплачивает никакого эквивалента; такова, например, часть ее индийского импорта. Она может обменять его предметы на предметы американского импорта, а предметы последнего экспортировать без соответствующего импорта; что касается стоимости, то Англия при этом во всяком случае экспортирует лишь то, что ей ничего не стоило. И 2) Англия, быть может, уже оплатила импорт, например, американский, который образует добавочный капитал; если она затем потребляет его непроизводительно, например в виде боеприпасов и снаряжения, то это не образует долга по отношению к Америке и не затрагивает вексельного курса с Америкой. Ньюмарч сам противоречит себе в показаниях 1934 и 1935, на что и указывает ему Вуд в вопросе 1938:

«Если ни одна часть товаров, употребляемых для изготовления тех предметов, которые мы вывозим без соответствующего возврата» (военные расходы), «не получается из страны, куда экспортируются эти предметы,

то каким образом может это повлиять на вексельный курс с этой страной? Если допустить, что торговля с Турцией находится в обычном состоянии равновесия, каким образом вексельный курс между Англией и Турцией может быть подвержен влиянию вывоза боеприпасов и снаряжения припасов в Крым?».

Здесь Ньюмарч теряет душевное равновесие; он забывает, что в показании под № 1934 он уже правильно ответил на этот простой вопрос, и говорит:

«Мне кажется, что мы уже исчерпали практический вопрос, и мы вступаем теперь в очень возвышенную область метафизической дискуссии».

{Уилсон дает еще и иную формулировку своему утверждению, будто на вексельный курс влияет всякий вывоз капитала из одной страны в другую, совершается ли он в форме благородного металла или в форме товаров. Уилсон знает, конечно, что на вексельный курс влияет процентная ставка, а именно отношение между ставками процента тех двух стран, о взаимном вексельном курсе которых идет речь. Если ему удастся показать, что избыток капитала вообще, то есть прежде всего избыток товаров всякого рода, включая сюда и благородные металлы, оказывает в числе других обстоятельств определяющее влияние на ставку процента, то он уже делает шаг, приближающий его к цели; в самом деле, раз это так, вывоз значительной части этого капитала из одной страны в другую должен изменить ставку процента в обеих странах, а именно в противоположном направлении, и таким образом во вторую очередь должен воздействовать на вексельный курс между обеими странами. — *Ф. Э.*}

Он пишет в «Economist», редактором которого он в то время состоял ([22 мая] 1847 г., стр. 574):

«Очевидно, что такой избыток капитала, на который указывают большие запасы всякого рода, включая сюда и благородный металл, неизбежно должен повести не только к низким ценам на товары вообще, но и к более низкой ставке процента за пользование капиталом (1). Если мы имеем в наличности запас товаров, достаточный для страны в течение двух ближайших лет, то получить эти товары в свое распоряжение в течение известного периода можно по гораздо более низкой ставке, чем в том случае, если бы запаса едва хватило на два месяца (2). Всякие денежные займы, в какой бы форме они ни совершались, представляют лишь переход права распоряжаться товарами от одного лица в другому. Поэтому, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок, если товаров мало, он должен быть высок (3). Если приток товаров превышает их сбыт, то число продавцов по сравнению с числом покупателей будет увеличиваться, и в той мере, в которой количество товаров превышает нужды

непосредственного потребления, все бо̀льшая и бо̀льшая часть их должна сохраняться для позднейшего потребления (4). При таких обстоятельствах товаровладелец согласится продать их с отсрочкой платежа или в кредит на условиях менее для него выгодных, чем в том случае, если бы он был уверен, что весь его запас будет продан в течение немногих недель».

По поводу положения 1) необходимо заметить, что сильный *прилив* благородного металла может иметь место одновременно с *сокращением* производства, как это и наблюдается всегда непосредственно после кризиса. В следующей фазе благородный металл может притекать из стран, которые по преимуществу производят благородный металл, ввоз других товаров в этот период обыкновенно уравновешивается вывозом. В этих двух фазах ставка процента низка и лишь медленно повышается; почему это так, мы уже видели. Эта низкая процентная ставка во всех случаях объяснима помимо влияния каких бы то ни было «больших запасов всякого рода». И как могло бы иметь место такое влияние? Низкая цена, например, хлопка дает возможность прядильщикам и т. д. получать высокую прибыль. Почему же низка ставка процента? Конечно, не потому, что высока прибыль, получаемая при помощи взятого взаймы капитала. Но единственно и исключительно потому, что при существующих обстоятельствах спрос на ссудный капитал не растет пропорционально росту этой прибыли; следовательно, движение ссудного капитала отлично от движения промышленного капитала. Между тем «Economist» стремится доказать как раз противоположное: что движение его тождественно с движением промышленного капитала.

Положение 2), если даже нелепую предпосылку, что имеется запас, обеспечивающий потребление на два года вперед, мы смягчаем в такой степени, что она приобрела некоторый смысл, предполагает переполнение товарного рынка. При этом происходит понижение цен. За кипу хлопка надо будет платить теперь меньше, чем раньше. Но отсюда никоим образом не следует, что деньги для покупки кипы хлопка можно достать дешевле. Процентная ставка зависит от состояния денежного рынка. Если их можно достать дешевле, то только потому, что коммерческий кредит находится в таком положении, при котором к банковскому кредиту прибегают в меньшей мере, чем в обычное время. Товары, переполняющие рынок, представляют собой жизненные средства или средства производства. Низкая цена тех и других повышает прибыль промышленного капиталиста. По какой же причине понижается процент, если не вследствие противоположности — а отнюдь не тождества — между обилием промышленного капитала и спросом на денежные ссуды?

Обстоятельства складываются таким образом, что купцу и промышленнику легче оказывать друг другу кредит; вследствие такого облегчения коммерческого кредита и промышленник и купец менее нуждаются в банковском кредите; поэтому процентная ставка может быть низкой. Эта низкая процентная ставка не имеет ничего общего с приливом благородного металла, хотя и то и другое могут наблюдаться одновременно, и те же самые причины, которые вызывают понижение цен предметов ввоза, могут создать также избыток ввезенного благородного металла. Если бы рынок импорта был действительно переполнен, это указывало бы на уменьшение спроса на импортные товары, что при низких ценах могло бы быть объяснено лишь как результат сокращения отечественного промышленного производства; а это было бы, в свою очередь, необъяснимо при чрезмерном ввозе по низким ценам. Сплошные нелепости, цель которых — показать, что падение цен = падению процента. То и другое может происходить рядом в одно и то же время. Но в таком случае это — выражение противоположности направлений, в которых совершается движение промышленного и движение ссудного денежного капитала, а не выражение их тождества.

Почему денежный процент, как это утверждает положение 3), должен быть низок, если товары имеются в избытке, опять-таки нельзя понять и после этих рассуждений. Раз товары дешевы, то для покупки определенного количества их мне нужно, скажем, 1 000 ф. ст. вместо прежних 2 000. Но, быть может, я и теперь затрачу 2 000 ф. ст., куплю на них двойное по сравнению с прежним количество товаров и расширю мое предприятие, авансировав тот же самый капитал, который мне, допустим, пришлось взять взаймы. Я покупаю теперь, как и прежде, на 2 000 фунтов стерлингов. Следовательно, мой спрос на денежном рынке остается неизменным, хотя мой спрос на товарном рынке с понижением цен повышается. Но если последний падает, то есть если производство — в противоречии со всеми законами «Economist» — не расширяется с падением товарных цен, то и спрос на ссудный денежный капитал должен был бы уменьшиться, хотя прибыль возрастала бы; однако эта возрастающая прибыль создала бы спрос на ссудный капитал. Впрочем, низкий уровень товарных цен может проистекать от трех причин. Во-первых, от недостаточного спроса. Тогда ставка процента низка потому, что производство слабое, а не потому, что товары дешевы, так как эта дешевизна лишь отражает указанное ослабление. Или причиной может послужить избыток предложения по сравнению со спросом. Это может иметь место

вследствие переполнения рынков и т. д., ведущего к кризису, и во время самого кризиса может совпадать с высокой процентной ставкой, или же это может произойти вследствие того, что упала стоимость товаров и, следовательно, тот же самый спрос может быть удовлетворен по более низким ценам. Почему в этом последнем случае должна падать ставка процента? Потому, что растет прибыль? Если потому, что теперь требуется меньше денежного капитала, чтобы получить тот же самый производительный или товарный капитал, то это доказывало бы лишь, что прибыль и процент стоят в обратном отношении друг к другу. Во всяком случае общее положение «Economist» ложно. Низкие денежные цены товаров и низкая процентная ставка не обязательно совпадают. В противном случае в наиболее бедных странах, где денежные цены продуктов самые низкие, и ставка процента должна бы быть самой низкой, а в наиболее богатых странах, где денежные цены продуктов земледелия самые высокие, и процентная ставка должна бы быть самой высокой. В общем и «Economist» соглашается, что если падает стоимость денег, то это не оказывает никакого влияния на уровень процента. 100 ф. ст. будут по-прежнему давать 105 фунтов стерлингов; если 100 ф. ст. стоят теперь меньше, то меньше стоят и 5 ф. ст. процента. Отношение не изменяется вследствие повышения стоимости или обесценения первоначальной суммы. Определенное количество товаров, рассматриваемое как стоимость, равно известной денежной сумме. Если его стоимость повышается, то оно равно большей денежной сумме; обратное имеет место при понижении стоимости. Если стоимость = 2 000, то 5% = 100; если она = 1 000, то 5% = 50. Но это нисколько не изменяет ставки процента. Правильно лишь одно, что требуются более крупные денежные ссуды, когда необходимы 2 000 ф. ст. вместо 1 000 ф. ст. для того, чтобы могло быть продано то же самое количество товаров. Но это обнаруживает в данном случае лишь обратное отношение между прибылью и процентом. Ибо прибыль растет с удешевлением элементов постоянного и переменного капитала, а процент падает. Однако может быть и зачастую бывает наоборот. Например, хлопок может быть дешев вследствие того, что нет спроса на пряжу и ткани; он может быть относительно дорог вследствие того, что большая прибыль в хлопчатобумажной промышленности вызывает большой спрос на него. С другой стороны, прибыль промышленников может быть высока именно потому, что цена хлопка низка. Таблица Хаббарда показывает, что движение ставки процента и движение товарных цен протекают совершенно независимо одно от другого, в то время как движение ставки

процента точно сообразуется с движением металлического запаса и вексельного курса*.

«Следовательно, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок», — говорит «Economist».

Как раз противоположное наблюдается во время кризисов; товары имеются в избытке, не могут быть превращены в деньги, и потому ставка процента высока; в другой фазе цикла имеет место усиленный спрос на товары, поэтому облегчен обратный приток капитала, но в то же время товарные цены повышаются, а вследствие легкости обратного притока денег ставка процента низка.

«Если их» {товаров} «мало, она должна быть высока».

Опять-таки как раз обратное происходит в периоды депрессии [Abspannung] вслед за кризисом. Товаров мало — абсолютно, а не по отношению к спросу, — а ставка процента низка.

К положению 4). Достаточно ясно, что при переполненном рынке владелец товаров уступит их дешевле, — если он вообще в состоянии их продать, — чем в том случае, когда предвидится быстрое истощение наличных запасов товаров. Менее ясно, почему при этом должна понижаться ставка процента.

Если рынок переполнен импортированными товарами, то ставка процента может повышаться вследствие возросшего спроса на ссудный капитал со стороны собственников, не желающих выбрасывать во что бы то ни стало товары на рынок. Она может понижаться вследствие того, что легкость коммерческого кредита поддержит на сравнительно низком уровне спрос на банковский кредит.

«Economist» упоминает о быстром воздействии на [вексельный] курс 1847 г., которое было оказано повышением процентной ставки и давлением иного рода на денежный рынок. Не следует, однако, забывать, что, несмотря на изменение курса, золото продолжало отливать до конца апреля; поворот наступил здесь лишь в начале мая.

«1 января 1847 г. металлический запас Банка составлял 15 066 691 фунт стерлингов; учетная ставка $3^1/_2$%; трехмесячный курс на Париж 25,75%; на Гамбург 13,10%; на Амстердам 12,3¼%. 5 марта металлический запас упал до 11 595 535 фунтов стерлингов; учетная ставка поднялась до 4%; вексельный курс на Париж упал до $25{,}67^1/_2$%, на Гамбург — до 13,9¼%, на Амстердам — до $12{,}2^1/_2$%. Отлив золота продолжался».

* См. настоящий том, стр. 603—604. *Ред.*

См. следующую таблицу [из той же статьи в журнале «Economist»]

1847 г.	Запас благородных металлов в Английском банке	Состояние денежного рынка	Наивысшая котировка трехмесячных векселей		
			Париж	Гамбург	Амстердам
20 марта	11 236 630 ф. ст.	Учетн. ставка 4%	25,67½	13,9¾	12,2½
3 апр.	10 246 410 » »	» » 5%	25,80	13,10	12,3½
10 »	9 867 053 » »	Деньги очень редки	25,90	13,10½	12,4½
17 »	9 329 841 » »	Учетн. ставка 5½%	26,02½	13,10¾	12,5½
24 »	9 213 890 » »	Угнетение	26,05	13,12	12,6
1 мая	9 337 716 » »	Возрастающее угнетение	26,15	13,12¾	12,6½
8 »	9 588 759 » »	Наивысшая точка угнетения	26,27½	13,15½	12,7¾

В 1847 г. весь экспорт благородного металла из Англии составлял 8 602 597 фунтов стерлингов.

Из этой суммы вывезено в Соединенные Штаты 3 226 411 ф. ст.
» » » » » Францию . . . . . . 2 479 892 » »
» » » » » Ганзейские города . 958 781 » »
» » » » » Голландию . . . . . 247 743 » »

Несмотря на изменение курса в конце марта, еще целый месяц продолжается отлив золота; вероятно, в Соединенные Штаты.

«Здесь мы видим» (говорит «Economist», от 21 августа 1847 г., стр. 954), «как быстро и решительно повышение процентной ставки и последовавшее за ним затруднение с деньгами исправило неблагоприятный курс и изменило движение золота, так что последнее стало снова приливать в Англию. Это действие было вызвано совершенно независимо от состояния платежного баланса. Повышенная ставка процента понизила курсы ценных бумаг, английских и иностранных, и дала повод к большим закупкам их за счет заграницы. Это увеличило сумму выписанных Англией векселей, между тем как, с другой стороны, при высокой ставке процента трудность добывать деньги была настолько велика, что спрос на эти векселя уменьшился, в то время как их сумма возросла. По той же причине заказы на иностранные товары были аннулированы, английские капиталы в иностранных ценных бумагах были реализованы и деньги были направлены для помещения в Англию. Так, например, мы читаем в «Rio de Janeiro Price Current» от 10 мая: «Вексельный курс» {на Англию} «испытал новое понижение, вызванное главным образом давлением, оказываемым на рынок спросом на римессы для выручки от значительных продаж государственных ценных бумаг» {бразильских} «за английский счет»».

Английский капитал, который вкладывался за границей в различные ценные бумаги, когда ставка процента здесь была очень низка, вернулся, таким образом, назад, когда ставка процента повысилась.

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС АНГЛИИ

Одна Индия должна уплачивать около 5 миллионов дани за «хорошее управление», проценты и дивиденды на британский капитал и т. п., кроме тех сумм, которые ежегодно отправляются в Англию с целью помещения их там, частью чиновниками в виде сбережений из их жалованья, частью английскими купцами в виде доли их прибыли. По тем же причинам из каждой британской колонии непрерывно поступают значительные переводы денег. Большинство банков в Австралии, Вест-Индии, Канаде основаны на британском капитале, дивиденды должны уплачиваться в Англии. Кроме того, Англия обладает значительным количеством иностранных государственных бумаг — европейских, южно- и североамериканских, по которым она получает проценты. К этому присоединяется еще и ее участие в эксплуатации железных дорог, каналов, рудников и т. д. с соответствующими дивидендами. Платежи по всем этим статьям производятся почти исключительно продуктами, сверх суммы английского вывоза. Суммы, поступающие, с другой стороны, из Англии за границу к владельцам английских ценных бумаг, и суммы, потребляемые англичанами за границей, составляют по сравнению с этим ничтожную величину.

Вопрос этот, поскольку он касается торгового баланса и вексельного курса, является

«в каждый данный момент вопросом времени. Обыкновенно... Англия оказывает долгосрочный кредит под свой вывоз, в то время как ввоз она оплачивает наличными. В известный момент это различие в сроках платежей оказывает значительное влияние на курс. В периоды, когда наш вывоз значительно возрастает, как, например, в 1850 г., неуклонно увеличиваются вложения английского капитала... таким образом, получения за товары, экспортированные в 1849 г., могут поступать лишь в 1850 году. Но если в 1850 г. вывоз превысил вывоз 1849 г. на 6 миллионов, то практический результат был тот, что в этом году за пределы страны отправлено больше денег, чем их возвращено назад; и таким путем оказывается влияние на вексельный курс и на уровень процента. Но как только наши дела оказываются под угнетающим воздействием кризиса и наш вывоз сильно сокращается, получения за более крупный экспорт предшествующих лет начинают значительно превышать стоимость нашего импорта; курс в соответствии с этим обращается в нашу пользу, капитал быстро накопляется внутри страны и ставка процента падает» («Economist», 11 января 1851 г. [стр. 30]).

Заграничный вексельный курс может изменяться:

1) под влиянием платежного баланса в данный момент, какими бы причинами ни определялся этот баланс, — чисто торговыми, помещением капитала за границей или же государственными расходами на ведение войн и т. д., поскольку при этом производятся наличными деньгами платежи за границей.

2) Под влиянием обесценения в данной стране денег, — металлических или бумажных. В этом случае изменение курса чисто номинальное. Если 1 фунт стерлингов представляет в данный момент половину тех денег, которые он представлял раньше, то, само собой разумеется, его примут по $12^1/_2$ франка вместо 25.

3) Если речь идет о вексельном курсе между двумя странами, из которых одна употребляет в качестве денег серебро, другая золото, то вексельный курс зависит от колебаний относительной стоимости обоих металлов, ибо такие колебания очевидно изменяют паритет между обоими металлами. Примером последнего могут служить курсы 1850 года; они были неблагоприятны для Англии, хотя ее экспорт чрезвычайно возрос; тем не менее не наблюдалось отлива золота. Это было результатом внезапного повышения стоимости серебра по сравнению со стоимостью золота. (См. «Economist», 30 ноября 1850 г. [стр. 1319—1320].)

Паритет вексельного курса за 1 фунт стерлингов: на Париж 25 франков 20 сантимов; на Гамбург 13 марок-банко $10^1/_2$ шиллинга; на Амстердам 11 флоринов 97 центов. По мере того как вексельный курс на Париж поднимается выше 25,20, он становится все более благоприятным для английского должника Франции или для покупателя французских товаров. И тот и другой нуждаются теперь в меньшем количестве фунтов стерлингов для того, чтобы достигнуть своей цели. — В отдаленных странах, где благородный металл получить не легко, когда векселя редки и их не хватает для производства платежей Англии, естественным следствием является поднятие цен тех продуктов, которые обыкновенно вывозятся в Англию, так как на эти продукты возникает повышенный спрос с целью отправки их в Англию вместо векселей; это часто имеет место в Индии.

Неблагоприятный вексельный курс и даже отлив золота может иметь место в тот момент, когда в Англии наблюдается большой избыток денег, низкая ставка процента и высокие курсы ценных бумаг.

В течение 1848 г. Англия получила большое количество серебра из Индии, так как хорошие векселя были редки, а посредственные брались неохотно вследствие кризиса 1847 г.

и сильного упадка кредита в операциях с Индией. Все это серебро тотчас же по прибытии нашло себе дорогу на континент, где революция повсеместно обусловила усиленное образование сокровищ. В 1850 г. это же самое серебро совершало по большей части обратное путешествие в Индию, так как состояние вексельного курса теперь делало это выгодным.

Монетарная система по преимуществу — католическая, кредитная по преимуществу — протестантская. «The Scotch hate gold» *. В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Лишь *вера* дает спасенье [143]. Вера в денежную стоимость как имманентный дух товаров, вера в способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но кредитная система столь же мало освободилась от базиса монетарной системы, как мало протестантизм освободился от основ католицизма.

---

* — «Шотландцы ненавидят золото». *Ред.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Капитал, приносящий проценты, или — как мы можем назвать его по его старинной форме — ростовщический капитал, вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях.

Для существования ростовщического капитала необходимо, чтобы по крайней мере часть продуктов превратилась в товары и наряду с товарной торговлей получили развитие деньги в своих различных функциях.

Развитие ростовщического капитала связано с развитием купеческого капитала и особенно денежно-торгового капитала. В Древнем Риме со времени последних лет существования республики, где мануфактура стояла гораздо ниже среднего уровня развития в античном мире, купеческий капитал, денежно-торговый капитал и ростовщический капитал достигли — в пределах античных форм — высшего пункта развития.

Мы видели, каким образом деньги неизбежно приводят к образованию сокровищ [144]. Однако профессиональный собиратель сокровищ приобретает важное значение лишь тогда, когда он превращается в ростовщика.

Купец берет деньги взаймы для того, чтобы при их помощи делать прибыль, применять их как капитал, то есть затрачивать. Следовательно, и в прежних формах денежный кредитор противостоит ему совершенно так же, как современному капиталисту. Специфический характер этого отношения чувствовали уже католические университеты.

«Университеты Алькалы, Саламанки, Ингольштадта, Фрейбурга в Брейсгау, Майнца, Кёльна и Трира один за другим признали правомерность взимания процентов по торговым займам. Эти санкции со стороны

первых пяти университетов были занесены в архивы консулата города Лиона и напечатаны в приложении к «Traité de l'usure et des intérêts». Lyon, Bruyset-Ponthus» (M. Augier. «Du Crédit public etc.». Paris, 1842, p. 206).

Во всех тех формах, в которых хозяйство, основанное на рабском труде (не патриархальное, а как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи), существует как средство обогащения, где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда через куплю рабов, земли и т. д., — именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, они приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты.

Однако характерные формы существования ростовщического капитала во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, были две. Я говорю характерные формы. Эти же самые формы повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчиненные формы. Здесь они уже не являются формами, определяющими характер капитала, приносящего проценты. Эти две формы следующие: *во-первых,* ростовщичество путем предоставления денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; *во-вторых,* ростовщичество путем предоставления денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит ремесленник, но в особенности крестьянин, так как при докапиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают существование мелких самостоятельных, индивидуальных производителей, огромное большинство последних составляет класс крестьян.

И то и другое, — как разорение богатых земельных собственников ростовщичеством, так и высасывание соков из мелких производителей, — приводит к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Как далеко заходит в связи с этим разложение старого способа производства, как, например, в современной Европе, и становится ли на его место капиталистический способ производства, — это зависит всецело от исторической ступени развития и от обусловленных ею обстоятельств.

Ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких мастеров-ремесленников. Там, где — как при развитом капиталистическом способе производства — условия труда и продукт труда противостоят рабочему как капитал, рабочий в качестве производителя не имеет нужды занимать деньги. Если же он

занимает деньги, то для своих личных нужд, как, например, в ссудной кассе. Но там, где работник является собственником — действительным или номинальным — условий своего труда и своего продукта, он как производитель находится в определенном отношении к капиталу денежного кредитора, противостоящему ему в качестве ростовщического капитала. Ньюмен выражает этот факт в пошлой форме, утверждая, что банкир пользуется почетом, а ростовщика ненавидят и презирают, потому что первый ссужает деньги богатым, второй — беднякам (F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 44). Он не замечает, что различие между банкиром и ростовщиком — это различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя и что вопрос этот не исчерпывается противоположностью между бедным и богатым. Более того, ростовщичество, высасывающее мелкого производителя, идет обыкновенно рука об руку с ростовщичеством, высасывающим богатого крупного землевладельца. Когда ростовщичество римских патрициев окончательно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелкокрестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое.

В форме процента весь избыток сверх самых необходимых средств существования производителя (сверх суммы, составляющей позднее заработную плату) может быть здесь поглощен ростовщиком (что позже выступает как прибыль и земельная рента), и потому в высшей степени нелепо сравнивать высоту *этого* процента, отнимающего *всю* прибавочную стоимость, за исключением того, что приходится на долю государства, с высотой современной процентной ставки, когда процент — по крайней мере нормальный — образует лишь часть этой прибавочной стоимости. При этом забывают, что наемный рабочий производит и отдает капиталисту, на которого он работает, прибыль, процент и земельную ренту, словом, всю прибавочную стоимость. Кэри делает это бессмысленное сравнение, чтобы показать, насколько выгодно для рабочего развитие капитала и сопровождающее его падение ставки процента. Далее, если ростовщик, не довольствуясь выжиманием прибавочного труда из своей жертвы, мало-помалу приобретает право собственности на самые условия ее труда — на землю, дом и т. д. — и постоянно старается экспроприировать ее таким путем, то не следует забывать, что полная экспроприация у работника условий его труда является не результатом, к которому стремится капиталистический способ производства, а готовой

предпосылкой, из которой он исходит. Наемный раб совершенно так же, как и настоящий раб, самим своим положением поставлен в условия, исключающие для него — по крайней мере в его качестве производителя — возможность сделаться рабом кредитора; он может сделаться им разве только в качестве потребителя. Ростовщический капитал в той форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя самого способа производства; в которой существенной предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство; в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему как промышленный капитал,—такой ростовщический капитал приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает те жалкие общественные условия, при которых общественная производительность труда не развивается, как при капиталистическом производстве, за счет самого труда.

Итак, с одной стороны, ростовщичество подрывает и разрушает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность. С другой стороны, оно подрывает и разоряет мелкокрестьянское и мелкобуржуазное производство, словом, все те формы, при которых производитель еще выступает как собственник своих средств производства. При развитом капиталистическом способе производства рабочий не является собственником условий производства — поля, которое он возделывает, сырого материала, который он обрабатывает, и т. д. Но этому отчуждению условий производства от производителя соответствует здесь действительный переворот в самом способе производства. Разрозненные рабочие объединяются в крупной мастерской для выполнения отдельных, внутренне связанных между собой функций; орудие труда становится машиной. Самый способ производства уже не допускает как связанного с мелкой собственностью распыления орудий производства, так и изолированности самих рабочих. При капиталистическом производстве ростовщичество уже не может отделять условия производства от производителя, потому что они уже отделены.

Ростовщичество централизует денежное имущество там, где средства производства распылены. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается

при все более скверных условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно сильная в античном мире, где собственность производителя на условия его производства являлась в то же время основой политических отношений, основой самостоятельности граждан.

Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт проедается феодалами и его челядью и во власть ростовщика попадает рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на работника. Обремененный долгами рабовладелец или феодал высасывает больше, потому что из них самих больше высасывают. Или же в конце концов они уступают свое место ростовщику, который сам становится земельным собственником или рабовладельцем, как всадники в Древнем Риме. Место старого эксплуататора, у которого эксплуатация носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, занимает грубый, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всех докапиталистических способах производства ростовщичество оказывает революционизирующее действие лишь в том отношении, что оно разрушает и уничтожает те формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из средств образования нового способа производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал.

«В средние века ни в одной стране не было общей процентной ставки. Церковь воспрещала вообще всякие сделки, приносящие процент. Законы и суды лишь в незначительной мере обеспечивали возврат долгов. Тем выше была процентная ставка в отдельных случаях. Ничтожное денежное обращение, необходимость производить бо́льшую часть платежей наличными деньгами вынуждали обращаться к денежным займам, и притом тем больше, чем слабее было развито вексельное дело. Имели место большие различия как в размере процента, так и в самом понимании ростовщичества. Во времена Карла Великого считалось ростовщичеством, если кто-либо взимал 100%. В Линдау на Боденском озере местные граждане взимали в 1344 г. $216^2/_3$%. В Цюрихе Совет определил как законный процент $43^1/_3$%. В Италии приходилось временами платить 40%, хотя в XII—XIV столетиях обычная ставка не превышала 20%. Верона уста-

новила $12^1/_2\%$ как законный процент. Император Фридрих II установил 10%, но только для евреев; о христианах он не хотел говорить. В Рейнской Германии 10% были обычной ставкой уже в XIII веке» (Hüllmann. «Städtewesen des Mittelalters». Zweiter Theil, Bonn, 1827, S. 55—57).

Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства. Это отношение повторяется и в условиях буржуазной экономики в отсталых отраслях промышленности или таких, которые сопротивляются переходу к современному способу производства. Если бы мы захотели, например, сравнить процентную ставку Англии с процентной ставкой в Индии, то нам следовало бы взять для этого не процентную ставку Английского банка, а, например, тот процент, который взимают с мелких производителей домашней промышленности те, кто ссужает им мелкие машины.

В противоположность потребляющему богатству ростовщичество исторически важно тем, что оно само есть процесс возникновения капитала. Ростовщический капитал и купеческое богатство служат образованию денежных средств, независимых от земельной собственности. Чем менее развит характер продукта как товара, чем меньше меновая стоимость подчинила себе производство во всю его ширину и глубину, тем в большей степени деньги представляются богатством в собственном смысле слова, богатством как таковым, всеобщим богатством, в противоположность его ограниченному способу выражения в потребительных стоимостях. На этом основывается образование сокровищ. Оставляя в стороне деньги как мировые деньги и как сокровище, деньги именно в форме средства платежа выступают как абсолютная форма товара. И именно функция их как средства платежа является той функцией, которая развивает процент, а вместе с тем и денежный капитал. Чего расточительное и развращающее богатство хочет, это денег как денег, денег как средства, на которое все можно купить. (А также платить долги.) Мелкому же производителю в первую очередь нужны деньги для платежа. (Превращение натуральных повинностей и оброков в пользу земельного собственника и государства в денежную ренту и денежные налоги играет здесь крупную роль.) В обоих случаях требуются деньги как таковые. С другой стороны — образование сокровищ становится реальным только при ростовщичестве и в ростовщичестве его мечта осуществляется. От собственника сокровища требуют не капитала, а денег как денег; однако благодаря проценту он превращает для себя это денежное сокровище в капитал — в средство, при помощи которого он овладевает вполне или отчасти прибавочным

трудом, а также известной долей самих условий производства, хотя номинально последние и продолжают противостоять ему как чужая собственность. Ростовщичество живет как бы в порах производства, подобно тому как боги Эпикура жили в межмировых пространствах [145]. Деньги получить тем труднее, чем меньше товарная форма является всеобщей формой продукта. Ростовщик не знает поэтому никаких иных границ, кроме дееспособности или способности к сопротивлению лиц, нуждающихся в деньгах. В мелкокрестьянском и мелкобуржуазном производстве деньги нужны в качестве покупательного средства преимущественно в тех случаях, когда вследствие случайности или каких-нибудь чрезвычайных потрясений работник лишается необходимых условий производства (как правило, при этих способах производства он еще является их собственником) или, по меньшей мере, они не могут быть возмещены обычным процессом воспроизводства. Жизненные средства и сырые материалы образуют главную часть этих условий производства. Вздорожание их может привести к невозможности возместить их из выручки за продукт, простой неурожай может помешать крестьянину возместить семена in natura*. Те самые войны, которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и потому превращавшие их в нищих (обнищание, то есть истощение или потеря условий воспроизводства являются при этом преобладающей формой), — наполняли амбары и кладовые патрициев добычей в виде меди — тогдашних денег. Вместо того чтобы прямо давать плебеям необходимые для них товары, — хлеб, лошадей, крупный рогатый скот, — они ссужали им эту бесполезную для них самих медь и пользовались своим положением для того, чтобы выжимать громадные ростовщические проценты, при помощи которых они превращали плебеев в своих должников — рабов. При Карле Великом франкские крестьяне также были разорены войнами, так что им не оставалось ничего другого, как из должников превратиться в крепостных. В Римской империи, как известно, нередко случалось, что голод заставлял свободных людей продавать своих детей и самих себя в рабство богатым. Таковы в общем поворотные пункты. Что касается отдельных случаев, то для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависят от тысячи случайностей; и каждая такая случайность или потеря равносильны обнищанию и представляют момент, когда может присосаться паразит-рос-

---

* — в натуральной форме. *Ред.*

товщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать воспроизводство в своем хозяйстве в прежних размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится.

Однако собственной, широкой и своеобразной ареной ростовщичества является функция денег как средства платежа. Всякие денежные повинности, приуроченные к определенному сроку, — арендная плата, подати, налоги и т. п., — сопряжены с необходимостью денежных платежей. Поэтому ростовщичество со времен Древнего Рима и до нашего времени в широком масштабе присоединяется к функции откупщиков, fermiers généraux, receveurs généraux *. Затем с развитием торговли и всеобщего характера товарного производства развивается разделение во времени покупок и платежей. Деньги необходимо доставить к определенному сроку. Современные денежные кризисы доказывают, что это может создать такие условия, при которых еще и в наше время денежный капиталист и ростовщик сливаются воедино. Но то же самое ростовщичество становится главным средством дальнейшего развития потребности в деньгах как средстве платежа; все усиливая и усиливая задолженность производителя, ростовщичество лишает его обычных средств платежа, так как для него из-за тяжести одних только процентов становится невозможным регулярное воспроизводство. Здесь ростовщичество вырастает из денег как средства платежа и расширяет эту функцию, являющуюся его исконной ареной.

Развитие кредитного дела совершается как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает не более и не менее, как подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства.

В общем и целом капитал, приносящий проценты, при современной кредитной системе приспособляется к условиям капиталистического производства. Ростовщичество как таковое не только продолжает существовать, но у народов с развитым капиталистическим производством освобождается от тех границ, которые всегда ставило ему прежнее законодательство. Капитал, приносящий проценты, сохраняет форму ростовщического капитала, когда речь идет о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа

* — генеральных откупщиков, главных сборщиков податей. *Ред.*

в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства; когда займы берут для личных нужд, как, например, в ломбарде; когда представители потребляющего богатства получают займы для расточительства, или когда производитель является производителем некапиталистическим, как, например, мелкий крестьянин, ремесленник и т. д., следовательно, является еще в качестве непосредственного производителя владельцем своих собственных условий производства; наконец, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами.

Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору. Даже человеку без средств предоставляют кредит как промышленнику или купцу, однако только в том случае, если есть уверенность, что он будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи заемного капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту. И это столь восхищающее экономистов-апологетов обстоятельство, что человек без средств, но обладающий энергией, солидностью, способностями и знанием дела, чтобы таким образом превратиться в капиталиста, — ведь при капиталистическом способе производства оценка предпринимательских данных каждого производится более или менее правильно, — обстоятельство это, как ни сильно способствует оно появлению новых счастливчиков, весьма нежелательных для уже существующих капиталистов, укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из низших слоев общества. Совершенно так же, как в средние века то обстоятельство, что католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние, было главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство.

Поэтому вместо того, чтобы предавать анафеме приносящий проценты капитал вообще, инициаторы современной кредитной системы исходят, наоборот, из его решительного признания.

Мы не говорим здесь о действиях, которые были направлены к защите бедняков от ростовщичества, как это делали, например, Monts-de-piété (в 1350 г. в Сарлене во Франш-Конте, позднее, в 1400 и 1479 гг., в Перудже и Савоне в Италии)[146]. Эти учреждения замечательны лишь тем, что в них обнаружилась та ирония истории, когда благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность. Английский рабочий класс платит по умеренной оценке 100% ломбардам, этим потомкам Monts-de-piété[21)]. Мы точно так же не говорим о кредитных фантазиях некоего доктора Хью Чемберлена или Джона Бриско, которые в последнее десятилетие XVII века хотели избавить английскую аристократию от ростовщичества при посредстве сельскохозяйственного банка, предоставляющего бумажные деньги под залог земельной собственности[22)].

Кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли освободиться от господства старомодных ростовщиков и монополистов торговли деньгами. Если настоящие банки, основанные в этих городах-республиках, представляли в то же время учреждения общественного кредита, из которых государство получало ссуды под будущие налоговые поступления, то не следует забывать, что купцы, образовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и были столь же заинтересованы в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, как и в том, чтобы освободить от них самих себя[23)]; этими мерами они рассчитывали еще сильнее и прочнее

[21)] «Процент, взимаемый в ломбардах, становится таким чрезмерным вследствие частых залогов и выкупов в течение одного и того же месяца или залогов одного предмета с целью выкупить другой, получив при этом небольшую разницу деньгами. В Лондоне имеется 240 зарегистрированных ломбардов и в провинции приблизительно 1 450... Вложенный ими в дело капитал исчисляется примерно в 1 миллион; он оборачивается по крайней мере три раза в год, принося в среднем каждый раз $33^1/_2$%; таким образом низшие классы Англии ежегодно уплачивают 1 миллион за временную ссуду в 1 миллион, не считая потери вещей, не выкупленных в срок» (*J. D. Tuckett.* «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». Vol. I, London, 1846, p. 114).

[22)] Даже в названиях своих трудов[147] они указывали как на основную свою цель «на общее благосостояние землевладельцев, большое повышение стоимости земли, освобождение знати, мелкого дворянства и т. п. от налогов, увеличение их годовых доходов» и т. д. Потерпели бы, по их словам, только ростовщики, эти злейшие враги нации, причинившие дворянству и йоменам[148] больше вреда, чем это могло бы сделать нашествие французской армии.

[23)] «Так, например, еще Карл II английский должен был уплачивать «золотых дел мастерам»» (предшественникам банкиров) «огромные ростовщические проценты и лаж, 20—30%. Столь выгодное дело побуждало «золотых дел мастеров» давать королю все новые и новые ссуды, предвосхищать все поступления от налогов, забирать в качестве обеспечения любые парламентские субсидии, как только они будут сделаны, а также соперничать между собой в покупке и принятии в залог векселей, чеков и налоговых документов, так что фактически все государственные доходы проходили

подчинить себе государство. Поэтому-то, когда проектировалось основание Английского банка, тори возражали:

«Банки — учреждения республиканские. Процветающие банки существуют в Венеции, Генуе, Амстердаме и Гамбурге. Но кто слышал когда-либо о банке французском или испанском?»

Амстердамский банк, основанный в 1609 г., так же мало, как и Гамбургский банк (1619 г.), знаменует эпоху в развитии современного кредитного дела. Это был чисто депозитный банк. Боны, выпускавшиеся банком, были в действительности лишь расписками о получении вложенного в банк благородного металла, в монете или в слитках, и обращались только с передаточной надписью их владельца. Однако в Голландии с развитием торговли и мануфактуры развились коммерческий кредит и торговля деньгами, и капитал, приносящий проценты, в ходе этого процесса был подчинен промышленному и торговому капиталу. Это обнаруживалось уже в низкой ставке процента. Но Голландия в XVII веке считалась, подобно нынешней Англии, страной наиболее передовой в экономическом отношении. Монополия старомодного ростовщичества, базировавшегося на бедности, исчезла там сама собой.

В течение всего XVIII века громко раздаются голоса, — и законодательство действует в том же направлении, — требующие, ссылаясь на пример Голландии, насильственного понижения процентной ставки с той целью, чтобы капитал, приносящий проценты, подчинить торговому и промышленному капиталу, а не наоборот. Главным запевалой был сэр Джозая Чайлд, отец современного частного банкирского дела в Англии. Он разражается тирадами против монополии ростовщиков совершенно в том же духе, в каком фирма массового пошива готового платья Мозес и сын рекламирует себя в качестве борца с монополией «частных портных». Этот же Джозая Чайлд является в то же время отцом английских stock jobber *. Таким же образом, он, самодержец Ост-Индской компании, защищает ее монополию во имя свободы торговли. Против Томаса Манли («Interest of Maney mistaken»)[149] он пишет:

«В качестве поборника интересов трусливой банды ростовщиков он направляет огонь своей главной батареи против того пункта, который я

через их руки» (*John Francis*. «History of the Bank of England». Third edition, vol. I, London, [1848] p. 31). «Учреждение Банка уже раньше предлагалось несколько раз. Наконец, оно стало необходимым» (там же, стр. 38). «Банк был нужен уже для одного того, чтобы дать возможность эксплуатируемому ростовщиками правительству получать деньги по сносным процентам под обеспечение парламентских субсидий» (там же, стр. 59—60).

* — торговцев ценными бумагами. *Ред.*

сам признал наиболее слабым... Он прямо отрицает как раз низкий уровень процента как причину богатства, и уверяет, что он есть всего лишь следствие богатства» («Traités sur le Commerce etc.». 1669. Traduits de l'anglois, Amsterdam et Berlin, 1754, p. 120). «Если торговля есть средство, обогащающее страну, и если уменьшение процента расширяет торговлю, то снижение процента, или ограничение ростовщичества, есть, без сомнения, главная плодотворная причина богатства нации. Нет вообще ничего нелепого в утверждении, что в одно и то же время одна и та же вещь может при известных условиях быть причиной, а при других условиях — следствием» (там же, стр. 155). «Яйцо есть причина курицы, а курица есть причина яйца. Снижение процента может вызывать увеличение богатства, а увеличение богатства может явиться причиной еще более сильного снижения процента» (там же, стр. 156). «Я — защитник трудолюбия, а мой противник защищает леность и праздность» (там же, стр. 179).

Эта яростная борьба с ростовщичеством, эти требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банковского дела, которое, с одной стороны, лишает ростовщический капитал его монополии, концентрируя и выбрасывая на денежный рынок все бездействующие денежные резервы, с другой стороны, ограничивает самое монополию благородных металлов путем создания кредитных денег.

В последнюю треть XVII и в начале XVIII века во всех английских сочинениях о банковском деле мы найдем такие же, как и у Чайлда, нападки на ростовщичество, требование эмансипировать от ростовщичества торговлю, промышленность и государство. Наряду с этим — колоссальные иллюзии насчет чудотворного влияния кредита, демонополизации благородных металлов, замещения их бумажными деньгами и т.п. Шотландец Уильям Патерсон, основатель Английского и Шотландского банков, имеет несомненное право на титул Ло Первый[150].

Против Английского банка ««все золотых дел мастера» и закладчики подняли яростный вой» (Macaulay. «The History of England». Vol. IV, London, 1855, p. 499).

«В течение первых десяти лет банку приходилось бороться с большими затруднениями; сильная вражда извне; его банкноты принимались значительно ниже номинальной стоимости... «золотых дел мастера» (в руках которых торговля благородными металлами служила базисом примитивного банковского дела) сильно интриговали против банка, так как благодаря последнему их операции сократились, их учетный процент понизился, а их операции с правительством перешли в руки этого их противника» (John Francis, цит. соч., стр. 73).

Еще до учреждения Английского банка, в 1683 г., возник план национального Кредитного банка, цель которого между прочим заключалась в том,

«чтобы деловые люди, если они имеют значительные массы товаров, могли при поддержке этого банка отдавать свои товары на хранение и получать кредит под свои лежащие без движения запасы, могли давать работу своим служащим и расширять свои предприятия, пока не найдут выгодного рынка, вместо того чтобы продавать с убытком» [151].

После долгих хлопот этот Кредитный банк был, наконец, открыт в Девоншир-хаус на Бишопсгейт-стрит. Он давал промышленникам и купцам ссуды векселями под залог товаров на сумму $^3/_4$ стоимости этих последних. Чтобы обеспечить таким векселям обращение, в каждой отрасли предпринимательства известное число лиц объединялось в общество, у которого всякий владелец векселей мог получать взамен их товары столь же легко, как если бы он платил наличными. Дела банка шли не блестяще. Механизм был слишком сложен, риск в случае обесценения товаров слишком велик.

Вдумываясь в действительное содержание этих сочинений, теоретически сопровождавших и поощрявших формирование современного кредитного дела в Англии, мы не найдем там ничего, кроме требования подчинить капиталистическому способу производства, в качестве одного из его условий, капитал, приносящий проценты, и вообще предоставляемые в ссуду разнообразные средства производства. Если же обратить внимание только на фразу, то сходство, вплоть до отдельных выражений, с банковыми и кредитными иллюзиями сен-симонистов зачастую поразительно.

Совершенно так же, как у физиократов cultivateur означает не действительного земледельца, а крупного арендатора, у Сен-Симона, а в некоторых случаях и у его учеников travailleur означает не рабочего, а промышленного и торгового капиталиста.

«Travailleur нуждается в помощниках, в сотрудниках, в *рабочих;* он ищет помощников разумных, искусных, преданных; он их ставит на работу, и труд их производителен» («Religion saint-simonienne. Économie politique et Politique». Paris, 1831, p. 104).

Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе «Nouveau Christianisme» Сен-Симон прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют собой лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному или прославление промышленников и банкиров в противоположность маршалам и фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху юристам. Как велико различие между этими работами и относящимися к тому же времени сочине-

ниями Оуэна![24] И у последователей Сен-Симона, как показывает только что цитированное место, промышленный капиталист остается travailleur par excellence *. Критически прочитав их сочинения, мы не будем удивляться тому, что реализацией их кредитных и банковских грез явился основанный экс-сенсимонистом Эмилем Перейром Crédit Mobilier[152], — форма, которая, впрочем, могла стать господствующей лишь в такой стране, как Франция, где ни кредитная система, ни крупная промышленность не развились еще до современного уровня. В Англии или Америке что-нибудь подобное было бы невозможно. — В следующих местах «Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année. 1828—1829». 3-me éd., Paris, 1831 находится уже зародыш Crédit Mobilier. Очевидно, что банкир может оказывать более дешевый кредит, чем капиталист или частный ростовщик. Следовательно, эти банкиры

«могут доставлять промышленникам средства значительно дешевле, то есть за *более низкие проценты*, чем это могли бы сделать земельные собственники и капиталисты, которым легче ошибиться в выборе заемщика» (стр. 202).

Но сами авторы добавляют в примечании:

«Выгода, которая должна получиться из посредничества банкира между праздными и travailleurs, зачастую уравновешивается и даже уничтожается благодаря тому, что наше дезорганизованное общество позволяет эгоизму проявить себя в различных формах обмана и шарлатанства; банкиры вклиниваются нередко между праздными и travailleurs, чтобы эксплуатировать тех и других в ущерб обществу».

«Travailleur» стоит здесь вместо «промышленный капиталист». Совершенно неправильно впрочем рассматривать те средства, которыми располагают современные банки, исключительно как средства праздных людей. Во-первых, это та часть капитала, которую в данный момент промышленники и купцы держат свободной, в денежной форме, как денежный резерв или капитал, еще только ждущий применения, — это, следовательно,

---

[24] При переработке рукописи Маркс, несомненно, сильно изменил бы это место. Оно навеяно ролью экс-сен-симонистов, которую они играли при Второй империи во Франции, где — как раз в то время, когда Маркс писал эти строки, — кредитные фантазии этой школы, долженствующие спасти мир, реализовались по иронии истории в виде спекуляции неслыханного дотоле размаха. Впоследствии Маркс говорил о гении и энциклопедическом уме Сен-Симона исключительно с восторгом. Если последний в своих ранних произведениях игнорировал противоположность между буржуазией и едва нарождавшимся тогда во Франции пролетариатом, если он причислял часть буржуазии, занятую производством, к travailleurs, то это соответствует воззрению Фурье, стремившегося примирить капитал и труд, и объясняется экономическим и политическим положением тогдашней Франции. Если Оуэн в этом пункте был более глубоким, то лишь потому, что он жил в другой обстановке, в период промышленной революции и уже сильно обострившихся классовых противоположностей. — *Ф. Э.*

* — работником по преимуществу. *Ред.*

праздный капитал, но не капитал праздных. Во-вторых, сюда же относится та часть всяких вообще доходов и сбережений, которая окончательно или временно предназначена для накопления. И обе эти части существенны для определения характера банковской системы.

Однако отнюдь не следует забывать, во-первых, о том, что деньги — в форме благородных металлов — остаются основой, от которой кредитное дело по самой природе своей *никогда* не может освободиться. И, во-вторых, о том, что кредитная система предполагает монополию частных лиц на общественные средства производства (в форме капитала и земельной собственности), что сама кредитная система, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны — движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм.

Банковская система, по своей формальной организации и централизации, как отмечено еще в 1697 г. в сочинении «Some Thoughts of the Interest of England», представляет собой самое искусное и совершенное творение, к которому вообще приводит капиталистический способ производства. Отсюда колоссальная власть такого учреждения как Английский банк над торговлей и промышленностью, хотя действительное движение последних лежит совершенно вне круга его действия, и он относится к этому движению пассивно. В банковской системе, конечно, дана форма общественного счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форма. Как мы уже видели, средняя прибыль каждого отдельного капиталиста или каждого отдельного капитала определяется не тем прибавочным трудом, который непосредственно присваивает этот капитал, а количеством совокупного прибавочного труда, присваиваемого совокупным капиталом, откуда каждый отдельный капитал получает свой дивиденд в количестве, пропорциональном той части совокупного капитала, которую он представляет. Этот общественный характер капитала опосредствуется и осуществляется в полной мере лишь полным развитием кредитной и банковской системы. С другой стороны, последняя идет дальше. Она предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь свободный и даже только еще потенциальный, не функционирующий еще активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, употребляющее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. Она снимает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, уничтожение самого капитала. Банковское дело изымает из рук частных

капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию. Но благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время и могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов кризисов и надувательства.

Далее, банковская система, замещая деньги различными формами кредитного обращения, показывает, что деньги в действительности суть не что иное, как особое выражение общественного характера труда и его продуктов, причем, однако, характер этот, как находящийся в противоречии с базисом частного производства, должен в конце концов всегда выражаться в виде вещи, в виде особого товара наряду с другими товарами.

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как элемент в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзия относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела, в социалистическом смысле, вытекает из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла, — это поняли, впрочем, даже сен-симонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать, как одна из его форм, и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы. Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив деньги [25)], был способен создать несусветную фантазию «дарового кредита» [153], эту мнимую реализацию мелкобуржуазных благих пожеланий.

В «Religion saint-simonienne. Économie politique et Politique». Paris, 1831, мы читаем на стр. 45:

«В обществе, где одни владеют орудиями промышленности, не имея ни способностей, ни желания применять их к делу, а другие, трудолюбивые люди, не владеют орудиями труда, кредит имеет своей целью пере-

---

[25)] *Карл Маркс.* «Нищета философии». Брюссель и Париж, 1847 [см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 4, стр. 65—185]. — *Карл Маркс.* «К критике политической экономии», стр. 64 [см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13, стр. 70].

нести возможно более легким способом эти орудия из рук первых, их владельцев, в руки вторых, умеющих применить их к делу. Заметим, что, согласно этому определению, кредит есть следствие того способа, по которому конституирована *собственность*».

Следовательно, кредит отпадает вместе с данным конституированием собственности. Далее, стр. 98 гласит:

теперешние банки «считают своим назначением следовать тому движению, которое создается предприятиями, функционирующими независимо от них, но отнюдь не стремятся сами давать импульс этому движению; другими словами, банки играют роль капиталистов по отношению к тем travailleurs, которым они ссужают капиталы».

Мысль, что банки должны взять на себя руководство предприятиями и должны отличаться

«многочисленностью и полезностью управляемых ими учреждений и совершаемых по их инициативе работ» (стр. 101),

заключает уже в себе в скрытом виде Crédit Mobilier. Константен Пеккёр также требует, чтобы банки (то, что сен-симонисты называют Système général des banques *) «управляли производством». Вообще Пеккёр по существу сен-симонист, хотя и много радикальнее. Он хочет, чтобы

«кредитное учреждение... управляло всем движением национального производства». — «Попробуйте создать национальное кредитное учреждение, которое ссужало бы средствами неимущих людей, обладающих талантами и заслугами, не связывая, однако, принудительно этих заемщиков строгой солидарностью в производстве и потреблении, но, напротив, предоставляя им самим определять свой обмен и свое производство. Этим путем вы достигнете лишь того, что уже теперь достигнуто частными банками: анархии, диспропорции между производством и потреблением, внезапного разорения одних и внезапного обогащения других; таким образом, ваше учреждение никогда не пойдет дальше того, чтобы создать для одних сумму благосостояния, равную сумме несчастия, выпадающего на долю других... Вы только дадите наемным рабочим, поддерживаемым вашими ссудами, возможность совершенно таким же образом конкурировать между собой, как это делают теперь их капиталистические хозяева» (C. Pecqueur. «Théorie nouvelle d'Économie sociale et Politique etc.». Paris, 1842, p. 433—434).

Мы уже видели, что купеческий капитал и капитал, приносящий проценты, являются старейшими формами капитала. Из самой природы дела вытекает, однако, что в народном представлении капитал, приносящий проценты, выступает как форма капитала par excellence **. В рамках купеческого капитала находит себе место посредническая деятельность, как бы она ни истолковывалась — как надувательство, как труд или как-либо иначе. Напротив, в капитале, приносящем проценты,

---

* — общей системой банков. *Ред.*
** — по преимуществу. *Ред.*

в чистом виде представлен самовоспроизводящий характер капитала, самовозрастающая стоимость, производство прибавочной стоимости как скрытое качество. От этого-то и происходит, что даже некоторые представители политической экономии, особенно в странах, где, как во Франции, промышленный капитал не достиг еще полного развития, считают капитал, приносящий проценты, основной формой капитала, рассматривают, например, земельную ренту лишь как его разновидность, так как и здесь преобладает форма ссуды. Вследствие этого внутренняя структура капиталистического способа производства понимается совершенно неправильно, совершенно упускается из виду, что земля, как и капитал, ссужается только капиталистам. Вместо денег могут быть, конечно, даны в ссуду средства производства in natura, например, машины, промышленные здания и т. д. Но они представляют тогда определенную денежную сумму, а если кроме процента уплачивается известная сумма для возмещения износа, то это вытекает из потребительной стоимости, из специфической натуральной формы этих элементов капитала. Решающим здесь опять-таки является вопрос, ссужаются ли они непосредственному производителю, что предполагает отсутствие капиталистического способа производства, по крайней мере в той сфере, где это имеет место, — или же они ссужаются промышленному капиталисту, чтó как раз предполагается на базисе капиталистического способа производства. Еще более неуместно и бессмысленно присоединение сюда ссуды домов и т. п. для индивидуального потребления. Что рабочий класс надувают и в этой форме, и притом в вопиющих размерах, факт общеизвестный, но то же самое совершает и мелкий торговец, снабжающий рабочего жизненными средствами. Это вторичная эксплуатация, сопровождающая первичную, которая осуществляется непосредственно в самом процессе производства. Разница между продажей и ссудой безусловно не имеет здесь значения и чисто формальна и, как было уже показано *, лишь при полном непонимании действительной связи явлений представляется существенной.

Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится просто его сохранить, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ

---

* См. настоящий том, стр. 379—385. *Ред.*

производства до более жалкого состояния. Чем менее элементы производства входят в процесс производства как товары и выходят из него как товары, тем более их происхождение из денег представляется обособленным актом. Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем больше расцветает ростовщичество.

Тот факт, что денежные средства развиваются как особые средства, означает в отношении ростовщического капитала, что последний владеет всеми своими требованиями в форме денежных требований. Ростовщический капитал развивается тем больше, чем больше производство данной страны в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью.

Поскольку ростовщичество выполняет двоякую роль: во-первых, вообще создает наряду с купеческим капиталом самостоятельные денежные средства, во-вторых, присваивает себе условия труда, то есть разоряет владельцев старых условий труда, — постольку оно является мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала.

ПРОЦЕНТ В СРЕДНИЕ ВЕКА

«Но в средние века население было чисто земледельческим. А при таком населении и при феодальном режиме может иметь место лишь небольшая торговля, а потому и небольшая прибыль. Поэтому в средние века законы о ростовщичестве имели себе оправдание. К тому же в земледельческой стране человек редко стремится к тому, чтобы занимать деньги, за исключением тех случаев, когда он обеднел или попал в беду вследствие какого-либо несчастья... Генрих VIII ограничил процент 10 процентами, Яков I — 8 процентами, Карл II — 6 процентами, Анна — 5 процентами... В те времена заимодавцы, если не юридически, то фактически были монополистами, и потому необходимо было ограничивать их, как и других монополистов. В наше время норма прибыли регулирует ставку процента, тогда как в те времена ставка процента регулировала норму прибыли. Если кредитор обременял купца высокой ставкой процента, то купец бывал вынужден накидывать на свои товары более высокую норму прибыли. Тем самым из карманов покупателей извлекалась большая сумма денег, чтобы положить ее в карман кредитора, ссудившего деньги купцу» (Gilbart. «The History and Principles of Banking». London, 1834, p. 163, 164, 165).

«Мне говорят, что теперь ежегодно на Лейпцигской ярмарке взимают 10 гульденов, что составляет 30 на сто [154]; некоторые прибавляют еще сюда Наумбургскую ярмарку, так что получается 40 на сто; взимают ли где-нибудь еще больше этого, я не знаю. Позор, к чему же, черт возьми, это, в конце концов, приведет!.. Кто имеет теперь в Лейпциге 100 флоринов, тот ежегодно получает 40, — это значит сожрать в один год крестьянина или горожанина. Если он имеет 1 000 флоринов, то получает ежегодно 400, — это значит сожрать в один год рыцаря или богатого дворянина. Если он имеет 10 000, то он ежегодно получает 4 000, — это значит сожрать в один год богатого графа. Если он имеет 100 000, как это и должно быть

у крупных купцов, то он ежегодно получает 40 000, — это значит сожрать в один год крупного богатого князя. Если он имеет 1 000 000, то он ежегодно взимает 400 000, — это значит сожрать в один год крупного короля. И не грозит ему за это никакая опасность, ни жизни его, ни добру. Он не выполняет никакой работы, сидит себе за печкой и печет яблоки. И этот разбойник в кресле, сидя у себя дома, может в 10 лет сожрать целый мир». («An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen», 1540. In: Der sechste Theil der Bücher des ehrnwirdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittembergk, 1589 [S. 312].)

«Пятнадцать лет тому назад я писал против ростовщичества, ибо уже тогда оно приобрело такую силу, что я не видел надежды на улучшение. С тех пор оно столь вознеслось, что не хочет уже считаться пороком, грехом и позором, а величается чистой добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу. Где же искать избавления, раз позор стал честью и порок добродетелью?» («An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung». Wittemberg, 1540).

«Евреи, ломбардщики, ростовщики и кровопийцы были нашими первыми банкирами, нашими первоначальными банковыми барышниками, их ремесло следует клеймить позором... К ним присоединились затем лондонские золотых дел мастера. В общем... наши первоначальные банкиры представляли собой... очень дурную компанию, они были жадными ростовщиками, бессердечными кровопийцами» (D. Hardcastle. «Banks and Bankers». 2nd ed., London, 1843, p. 19, 20).

«Показанный Венецией пример» (образования банка) «быстро нашел, таким образом, подражателей; все приморские города и вообще все города, составившие себе имя своей независимостью и своей торговлей, основали свои первые банки. Так как возвращения их кораблей приходилось зачастую дожидаться очень долго, то это по необходимости привело к обычаю кредитования, а открытие Америки и торговля с ней еще более усилили этот обычай». (Это главный пункт.) «Отправка судов с товарами принуждала делать крупные займы, что имело место уже в древности в Афинах и вообще в Греции. В 1308 г. в ганзейском городе Брюгге уже имелась страховая палата» (M. Augier. «Du Crédit public etc.». Paris, 1842, p. 202—203).

Насколько сильно в последней трети XVII столетия, когда еще не была развита современная кредитная система, даже в Англии преобладали ссуды земельным собственникам, следовательно, вообще представителям потребляющего богатства, видно, между прочим, из работы сэра Дадли Норса, бывшего не только одним из первых английских купцов, но и одним из самых значительных теоретиков-экономистов своего времени:

«Из тех денег, которые в нашей стране отдаются под проценты, едва ли одна десятая часть размещена среди торговых людей, использующих эти ссуды в своих предприятиях; в большинстве случаев деньги даются взаймы для поддержания роскоши, для покрытия расходов тех людей, которые хотя и владеют крупными имениями, однако тратят приносимые их имениями доходы быстрее, чем эти доходы к ним поступают, и, не желая продавать что-либо из своего имущества, предпочитают закладывать свои имения» («Discourses upon Trade». London, 1691, p. 6, 7).

В XVIII веке в Польше:

«Варшава производила крупные операции с векселями, что, однако, имело главным образом своей основой и задачей служение ростовщическим интересам варшавских банкиров. Чтобы достать себе деньги, которые они могли бы ссужать расточительной знати из 8 и более процентов, они искали и находили за границей вексельный кредит in Blanco, то есть кредит, в основе которого не лежало никакой товарной торговли; тем не менее заграничные трассаты терпеливо акцептовали эти векселя до тех пор, пока еще поступали платежи, созданные этими вексельными махинациями. За это они сильно поплатились, когда обанкротился такой банкир, как Теппер, и другие варшавские банкиры, пользовавшиеся большим доверием» (J. G. Büsch. «Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung etc.». 3. Aufl., Band II, Hamburg, 1808, S. 233).

ВЫГОДЫ ДЛЯ ЦЕРКВИ ОТ ЗАПРЕЩЕНИЯ ПРОЦЕНТА

«Взимать проценты церковь запретила; но она не запрещала продавать имущество, чтобы помочь себе в случае нужды; не запрещала даже отдавать заимодавцу это имущество на определенный срок до уплаты долга, чтобы последний мог располагать этим имуществом как обеспечением долга, а также, пользуясь им, мог, пока оно в его руках, получать вознаграждение за отданные в ссуду деньги... Сама церковь или принадлежащие к ней коммуны и pia corpora * извлекали отсюда большую выгоду, особенно во времена крестовых походов. Благодаря этому столь большая часть национального богатства попала во владение так называемой «мертвой руки», тем более, что евреи не могли вести ростовщичество этим способом, так как владения таким прочным залогом нельзя было утаить... Без запрещения процента церкви и монастыри никогда не сосредоточили бы в своих руках таких богатств» (там же, стр. 55).

* — благочестивые корпорации. *Ред.*

[669

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОБАВОЧНОЙ ПРИБЫЛИ В ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анализ земельной собственности в ее различных исторических формах лежит за рамками этой работы. Мы занимаемся ею лишь постольку, поскольку часть прибавочной стоимости, произведенной капиталом, достается земельному собственнику. Следовательно, мы исходим из того предположения, что земледелие, — точно так же, как и промышленность, — подчинено капиталистическому способу производства, то есть сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов в первую очередь только тем элементом, в который вкладывается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и т. д. точно так же, как фабрикант — пряжу или машины. Предположение, что капиталистический способ производства овладел сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства буржуазного общества, что имеются, следовательно, налицо также и такие его условия, как свободная конкуренция капиталов, возможность перелива их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней прибыли и т. д. Рассматриваемая нами форма земельной собственности есть специфически историческая форма ее, *превращенная* воздействием капитала и капиталистического способа производства форма либо феодальной земельной собственности, либо мелкокрестьянского земледелия, которое ведется крестьянином в целях пропитания и при котором *владение* землей является одним из условий производства для непосредственного производителя, а его *собственность* на землю — наиболее благоприятным условием, условием

процветания *его* способа производства. Если капиталистический способ производства вообще предполагает экспроприацию у рабочего условий его труда, то в земледелии он предполагает экспроприацию земли у сельских рабочих и подчинение их капиталисту, ведущему земледелие ради прибыли. Следовательно, для нашего исследования не важно, если, возражая нам, напомнят, что существовали или еще существуют другие формы земельной собственности и земледелия. Это может иметь значение только для тех экономистов, которые рассматривают капиталистический способ производства в сельском хозяйстве и соответствующую ему форму земельной собственности не как исторические, а как вечные категории.

Для нас необходимо изучение современной формы земельной собственности потому, что задача вообще сводится к изучению определенных отношений производства и обмена, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству. Без этого анализ капитала был бы неполным. Итак, мы ограничиваемся исключительно приложением капитала к собственно земледелию, то есть к производству основного растительного продукта, которым живет население. Мы могли бы сказать: пшеницы, потому что она — основное средство питания современных, капиталистически развитых народов. (Или вместо земледелия можно было бы взять рудники, потому что законы — те же самые.)

Одна из больших заслуг А. Смита заключается в том, что он показал, каким образом земельная рента с капитала, вложенного в производство других сельскохозяйственных продуктов, например льна, красильных трав, в самостоятельное животноводство и т. д., определяется той земельной рентой, которую приносит капитал, вложенный в производство основного продукта питания [155]. В самом деле, после него в этом отношении не было сделано ни единого шага вперед. Все, что мы могли бы напомнить для ограничения или дополнения, относится не сюда, а к самостоятельному рассмотрению земельной собственности. Что же касается земельной собственности, не имеющей отношения к той земле, которая предназначена для производства пшеницы, то мы не будем поэтому говорить о ней ex professo *, но иногда будем касаться ее лишь в порядке иллюстрации.

Ради полноты следует заметить, что здесь под землей подразумевается и вода, поскольку она имеет собственника, является принадлежностью земли.

---

* — специально. *Ред.*

Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли [26]. При таком предположении дело сводится к тому, чтобы выяснить экономическое значение, то есть использование этой монополии на основе капиталистического производства. Юридическая власть этих лиц, их власть пользоваться участками земли и злоупотреблять ими, еще ничего не решает. Использование всецело зависит от экономических условий, не зависимых от воли этих лиц. Само юридическое представление означает лишь то, что земельный собственник может поступать с землей так, как всякий товаровладелец со своим товаром; и это представление — юридическое представление о свободной частной земельной собственности — появляется в древнем мире лишь в эпоху разложения органического общественного строя, а в современном мире лишь с развитием капиталистического производства. В Азию оно лишь в некоторые места импортировано европейцами. В главе о первоначальном накоплении

---

[26] Ничего не может быть комичнее рассуждений Гегеля о частной земельной собственности. Человек как личность должен сделать действительной свою волю как душу внешней природы, и потому должен взять во владение эту природу как свою частную собственность. Если таково определение «*личности*», — человека как личности, — то отсюда следует, что каждый человек должен быть земельным собственником, чтобы осуществить себя как личность. Свободная частная собственность на землю — факт совсем недавнего происхождения — есть, по Гегелю, не определенное общественное отношение, а отношение человека как личности к «природе», абсолютное право человека на присвоение всех вещей (*Hegel.* «Grundlinien der Philosophie des Rechts». Berlin, 1840, S. 79). Ясно во всяком случае, что отдельная личность посредством одной только своей «воли» не может утвердить себя как собственника вопреки чужой воле, которая также желает воплотиться в том же самом клочке земли. Тут необходимы вещи совершенно иного порядка, чем добрая воля. Далее, абсолютно невозможно усмотреть, где полагает «личность» границу осуществления своей воли, реализуется ли бытие этой воли в целой стране или, быть может, необходима целая группа стран, чтобы путем присвоения их «манифестировать верховность моей воли по отношению к вещам». Здесь Гегель попадает в совершенный тупик. «Вступление во владение есть нечто спорадическое. Я не могу вступить во владение чем-то бóльшим, чем то, к чему я прикасаюсь своим телом. Но из этого получается второе следствие, а именно, что внешние предметы имеют более широкое протяжение, чем то, которое я могу охватить. Вступая таким образом во владение каким-нибудь предметом, я нахожу, что с ним находится в связи также и нечто другое. Я осуществляю вступление во владение посредством руки, но сфера последней может быть расширена» (стр. 90—91). Но с этим «другим» всегда находится в соединении еще что-нибудь другое, и таким образом исчезают пределы, в которых моя воля, как душа, должна излиться в землю. «Когда я владею чем-нибудь, рассудок тотчас же приходит к заключению, что моим является не только непосредственно владеемое, но и связанное с ним. Здесь должно делать свои постановления положительное право, ибо из понятия нельзя ничего больше выводить» (стр. 91). Это — в высшей степени наивное признание со стороны «понятия»; оно доказывает, что понятие, которое уже с самого начала заблуждается, считая абсолютным вполне определенное и принадлежащее буржуазному обществу юридическое представление о земельной собственности, вообще «ничего» не понимает в действительном характере этой земельной собственности. Вместе с тем здесь заключается признание, что с изменением потребностей общественного, то есть экономического, развития «положительное право» может и должно изменять свои постановления.

(«Капитал», кн. I, гл. XXIV) мы видели, что этот способ производства предполагает, с одной стороны, освобождение непосредственного производителя от роли простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны — экспроприацию земли у народных масс. В этом смысле монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме. Но та форма, в которой находит земельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной [Markgemeinschaft] превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы. Один из великих результатов капиталистического способа производства состоит в том, что он, с одной стороны, превращает земледелие из эмпирического, механически передаваемого по наследству занятия самой неразвитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно в условиях частной собственности [27]; что он, с одной стороны, совершенно отделяет земельную собственность от

---

[27] Совершенно консервативные агрохимики, как например, Джонстон, признают, что частная собственность повсюду создает для действительно рационального земледелия непреодолимые препятствия [156]. То же признают и авторы, являющиеся защитниками ex professo монополии частной собственности на землю, как, например, г-н Шарль Конт в двухтомной работе [«Traité de la propriété». Tome I. Paris, 1834, p. 228], имеющей своей специальной целью защиту частной собственности. «Никакой народ», — говорит он, — «не может достигнуть той степени благосостояния и силы, которая соответствует его природе, если только каждая часть питающей его земли не получит назначения, наиболее согласного с общим интересом. Чтобы обеспечить широкое развитие его богатств, необходимо, чтобы по возможности единая и, самое главное, просвещенная воля взяла на себя распоряжение каждым отдельным участком его территории и добилась того, чтобы каждый участок служил для процветания всех остальных. Но существование такой воли... оказалось бы несовместимым с разделением земли на частные земельные участки... и с предоставленной всякому владельцу возможностью почти абсолютно по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом». — Джонстон, Конт и др., встречаясь с противоречием собственности и рационального применения агрономии, обращают внимание лишь на необходимость возделывать землю данной страны как одно целое. Но и зависимость культуры отдельных земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду, противоречат агрикультуре, которая должна обеспечить совокупность постоянных жизненных условий сменяющихся человеческих поколений. Яркий пример этого дает лесное хозяйство, которое лишь в тех случаях ведется до некоторой степени в соответствии с общественными интересами, когда лес не составляет частной собственности, а находится в ведении государства.

отношений господства и рабства, а с другой стороны, совершенно отделяет землю, как условие производства, от земельной собственности и от земельного собственника, для которого земля означает не что иное, как определенный денежный налог, взимаемый им, благодаря его монополии, с промышленного капиталиста, фермера; капиталистический способ производства настолько разрывает связь земельного собственника с землей, что последний может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность находится в Шотландии. Так собственность на землю получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей, короче, от всех тех традиционных придатков, на которые сами промышленные капиталисты, равно как и их теоретики, как мы увидим ниже, в пылу борьбы с земельной собственностью нападали как на бесполезное и нелепое излишество. С одной стороны, рационализация земледелия, впервые создающая возможность общественного ведения его, с другой стороны, сведение к абсурду земельной собственности — таковы великие заслуги капиталистического способа производства. Как и все свои другие исторические заслуги, он покупает и эту прежде всего ценой полного обнищания непосредственных производителей.

Прежде чем перейти к самому предмету, необходимо во избежание недоразумений сделать еще несколько предварительных замечаний.

Предпосылка капиталистического способа производства, стало быть, такова: действительные земледельцы суть наемные рабочие, занятые у капиталиста, арендатора, который ведет сельское хозяйство только как особую отрасль применения капитала, как приложение своего капитала к особой сфере производства. В определенные сроки, например ежегодно, этот капиталист-фермер уплачивает землевладельцу, собственнику эксплуатируемой им земли, установленную договором сумму денег (совершенно так же, как заемщик денежного капитала — определенный процент) за разрешение применить свой капитал в этой особой области производства. Эта денежная сумма называется земельной рентой, безразлично, уплачивается ли она с пахотной земли, строительного участка, рудников, рыбных угодий, лесов и т. д. Она уплачивается за все время, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следовательно, земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход [verwertet]. Далее, мы имеем

здесь перед собой все три класса, которые в совокупности и в отношении друг к другу составляют остов современного общества: наемный рабочий, промышленный капиталист, земельный собственник.

Капитал может быть фиксирован в земле, вложен в нее или на относительно короткий срок, как при улучшениях химического свойства, применении удобрений и т. д., или на более длительный срок, как при строительстве осушительных каналов, оросительных сооружений, выравнивании поверхности почвы, возведении хозяйственных построек и т. д. В другом месте я назвал капитал, вложенный таким образом в землю, la terre-capital [28]. Он относится к категории основного капитала. Процент за вложенный в землю капитал и за улучшения, таким образом произведенные в ней как в средстве производства, может составлять часть той ренты, которая уплачивается фермером собственнику земли [29], но не это образует собственно земельную ренту, уплачиваемую за пользование землей как таковой, независимо от того, находится ли она в том состоянии, которое дано природой, или же она освоена. При систематическом изучении земельной собственности, что не входит в наш план, эту часть дохода земельного собственника нужно было бы рассмотреть подробно. Здесь же достаточно сказать несколько слов об этом. Краткосрочные затраты капитала, связанные с обычными производственными процессами в земледелии, все без исключения делаются фермером. Эти затраты, как и простое возделывание земли вообще, если только оно ведется до некоторой степени рационально, то есть не сводится к грубому истощению почвы, как было, например, у прежних американских рабовладельцев — против чего, однако, господа земельные собственники по контракту обеспечивают себе гарантию, — эти затраты улучшают почву [30], увеличивают количество ее продукта и превращают землю из простой материи в землю-капитал. Возделанная земля больше сто̀ит, чем невозделанная, обладающая такими же естественными свойствами. И основной капитал, вложенный в землю на более длительный срок, ис-

---

[28] *Карл Маркс.* «Нищета философии». Брюссель и Париж, 1847 [см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 4, стр. 176]. Там я провожу различие между terre-matière [земля-материя] и terre-capital [земля-капитал]. «Одним только новым вложением капиталов в участки земли, уже превращенные в средства производства, люди увеличивают землю-капитал без всякого увеличения материи земли, то есть пространства земли... Но земля-капитал не более вечна, чем всякий другой капитал... Земля-капитал есть основной капитал, но основной капитал так же изнашивается, как и оборотные капиталы».

[29] Я говорю «может», потому что при известных обстоятельствах этот процент регулируется законом земельной ренты и потому, например в случае конкуренции новых земель, обладающих бо̀льшим естественным плодородием, может исчезнуть.

[30] См. Джемс Андерсон и Кэри [157].

пользуемый в течение сравнительно продолжительного времени, по большей части, а в некоторых сферах иногда исключительно, затрачивается также фермером. Когда же истекает определенный договором срок аренды, — и это одна из причин, почему с развитием капиталистического производства земельный собственник стремится по возможности сократить срок аренды, — тогда произведенные в земле улучшения достаются собственнику земли в качестве его собственности, как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли. При заключении нового договора об аренде земельный собственник присоединяет к собственно земельной ренте процент на капитал, вложенный в землю, — безразлично, сдает ли он теперь землю тому самому фермеру, который произвел улучшение, или уже другому. Таким образом его рента разбухает; или если он намерен продать землю — мы сейчас увидим, как определяется ее цена, — теперь оказывается повышенной ее стоимость. Он продает не просто землю, но улучшенную землю, вложенный в землю капитал, который ему ничего не стоил. Это одна из тайн — совершенно оставляя в стороне движение собственно земельной ренты — возрастающего с ходом экономического развития обогащения земельных собственников, постоянного разбухания их рент и возрастания денежной стоимости их земли. Так они кладут в свой частный карман то, что является результатом общественного развития, получающимся без содействия с их стороны, они как бы «fruges consumere nati» [158]. Но в то же время это — одна из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком будут использованы до истечения срока его аренды; и мы видим, что на это обстоятельство, на эту помеху указывал в прошлом веке Джемс Андерсон, подлинный создатель современной теории ренты и в то же время фермер-практик и видный для своей эпохи агроном [159], а в наши дни на это указывают противники современного строя земельной собственности в Англии.

А. А. Уолтон в работе «History of the Landed Tenures of Great Britain and Ireland». London, 1865 так говорит об этом (стр. 96—97):

«Все усилия многочисленных сельскохозяйственных ассоциаций в нашей стране не могут привести к значительному или действительно заметному прогрессу в области улучшения обработки земли, пока такие улучшения в гораздо большей степени увеличивают стоимость земельной собственности и размер ренты земельного собственника, чем улучшают положение фермера или сельскохозяйственного рабочего. В общем фермеры нисколько не хуже земельного собственника, его управляющего или даже президента сельскохозяйственной ассоциации знают, что хороший дренаж,

обильное удобрение и хорошее хозяйствование вместе с увеличенным применением труда для основательной расчистки и обработки земли дадут замечательные результаты как в отношении улучшения почвы, так и в отношении увеличения производства. Но все это требует значительных затрат, и фермеры не менее хорошо знают, что как бы ни улучшили они землю и ни повысили ее стоимость, с течением времени земельные собственники пожнут от этого главную выгоду в повышенной ренте и возросшей цене земли... Фермеры достаточно понятливы, чтобы заметить, что те ораторы» {земельные собственники и их управляющие, выступающие на сельскохозяйственных торжествах} «странным образом всегда забывают сказать им, что львиная доля всех улучшений, сделанных фермером, всегда, в конце концов, попадает в карман земельного собственника... как бы прежний арендатор ни улучшал арендованную землю, его преемник каждый раз будет находить, что земельный собственник повышает ренту соответственно повышению стоимости земли, достигнутому благодаря прежним улучшениям».

В собственно земледелии этот процесс проявляется еще не так ясно, как при использовании земли в качестве строительного участка. В Англии подавляющая часть земли под строительство не продается freehold *, а сдается земельными собственниками на 99 лет, или, если возможно, и на более короткий срок. По истечении этого срока строения вместе с самой землей достаются земельному собственнику.

«Они» {арендаторы} «обязуются, после того как они все время уплачивали вздутую земельную ренту, по истечении срока договора передать крупному земельному собственнику дом в хорошем, удобном для жилья состоянии. Едва истекает срок договора об аренде, как приходит агент или инспектор земельного собственника, осматривает ваш дом, заботится о том, чтобы вы привели его в хорошее состояние, потом вступает во владение им и присоединяет его к владениям своего лендлорда... Факт тот, что если полное действие этой системы будет сохранено еще на продолжительное время, все домовладение в королевстве, точно так же как земля в сельских округах, окажется в руках крупных земельных собственников. Почти весь Уэст-Энд [160] Лондона, к северу и югу от Темпл Бар [161], принадлежит примерно полдюжине крупных лендлордов, сдается в аренду, принося огромную земельную ренту, и там, где сроки договоров еще не совсем истекли, они быстро истекают один за другим. В большей или меньшей мере это относится и ко всем городам королевства. Но даже на этом не останавливается эта алчная система исключительности и монополии. Почти все доковые сооружения наших приморских городов вследствие такого же процесса узурпации находятся в руках крупных земельных левиафанов [162]» (там же, стр. 92—93).

При таких обстоятельствах очевидно, что если перепись 1861 г. для Англии и Уэльса при общей численности населения в 20 066 224 определяет число домовладельцев в 36 032, то отношение числа собственников к числу домов и численности населения получило бы совершенно иной вид, если бы крупные собственники были указаны отдельно от мелких.

---

* — в собственность. *Ред.*

Этот пример собственности на строения важен, 1) потому что он ясно показывает различие между собственно земельной рентой и процентом на вложенный в землю основной капитал, — процентом, который может составлять придаток к земельной ренте. Пока продолжается срок арендного договора, процент на строение, как и на капитал, вкладываемый при обработке земли арендатором в землю, достается промышленному капиталисту — строительному спекулянту или фермеру — и сам по себе не имеет ничего общего с земельной рентой, которая должна уплачиваться ежегодно, в определенные сроки, за пользование землей; 2) потому что он показывает, как вместе с землей, в конце концов, достается земельному собственнику и вложенный в нее чужой капитал, и вследствие этого его рента возрастает на величину процента.

Некоторые авторы, отчасти как защитники земельной собственности против нападок буржуазных экономистов, отчасти стремясь превратить капиталистическую систему производства из системы противоречий в систему «гармонии», как, например, Кэри, старались представить, будто земельная рента, специфически экономическое выражение земельной собственности, тождественна с процентом. Тем самым стиралась бы противоположность между земельными собственниками и капиталистами. Обратный метод применялся в начале капиталистического производства. Тогда для ходячего представления земельная собственность была еще первоначальной и респектабельной формой частной собственности, между тем как процент на капитал подвергался нападкам как ростовщичество. Поэтому Дадли Норс, Локк и др. изображали процент на капитал как форму, аналогичную земельной ренте, — совершенно так же, как Тюрго из существования земельной ренты выводил оправдание процента. — Указанные авторы нового времени, совершенно оставляя в стороне тот факт, что земельная рента может существовать и существует в чистом виде, без всякой примеси процента на вложенный в землю капитал, забывают, что земельный собственник получает таким образом не только процент на чужой капитал, который ему ничего не стоил, но сверх того получает еще даром и чужой капитал в придачу. Оправдание земельной собственности, — как и всяких других форм собственности, соответствующих определенному способу производства, — заключается в том, что самый способ производства, а следовательно, и вытекающие из него отношения производства и обмена представляют собой историческую преходящую необходимость. Впрочем, как мы увидим ниже, земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем,

что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства *.

Земельная рента может быть смешана с процентом еще в одной форме, и в силу этого ее специфический характер может остаться непонятым. Земельная рента находит выражение в определенной сумме денег, которую земельный собственник ежегодно извлекает из сдачи в аренду известного участка земли. Мы видели, как всякий определенный денежный доход может капитализироваться, то есть рассматриваться как процент на воображаемый капитал. Если, например, средняя процентная ставка 5%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст. может рассматриваться как процент на капитал в 4 000 фунтов стерлингов. Капитализированная таким образом земельная рента и образует покупную цену, или стоимость, земли, категорию, которая prima facie ** столь же иррациональна, как и цена труда, так как земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости. Но с другой стороны, за этой иррациональной формой скрывается действительное производственное отношение. Если капиталист покупает за 4 000 ф. ст. землю, приносящую годовую ренту в 200 ф. ст., то он получает средний годовой доход в 5% — совершенно так же, как если бы он вложил этот капитал в процентные бумаги или прямо отдал его в ссуду из 5%. Это — увеличение стоимости капитала в 4 000 ф. ст. из 5%. При таком предположении в 20 лет он возместил бы покупную цену своего имения доходами с последнего. Поэтому в Англии покупная цена земель исчисляется по известному числу years' purchase ***, что есть лишь иное выражение капитализации земельной ренты. В самом деле, это покупная цена — не земли, а той земельной ренты, которую она приносит, — исчисленная в соответствии с обычной процентной ставкой. Но эта капитализация ренты предполагает ренту, между тем как рента не может быть выведена и объяснена в обратном порядке, из ее собственной капитализации. Напротив, ее существование, независимо от продажи, является здесь предпосылкой, исходной точкой.

Из этого следует, что предполагая земельную ренту как постоянную величину, цена земли может повышаться и понижаться в обратном направлении с повышением и понижением ставки процента. Если бы обычная процентная ставка понизилась с 5% до 4%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст.

---

* См. настоящий том, стр. 883—884. *Ред.*

** — на первый взгляд. *Ред.*

*** — годовых доходов, которыми окупится земля. *Ред.*

представляла бы годовой прирост стоимости капитала уже не в 4 000 ф. ст., а в 5 000 ф. ст., и таким образом цена того же самого участка земли повысилась бы с 4 000 до 5 000 ф. ст. или с 20 years' purchase до 25. В противоположном случае произошло бы обратное. Это — независимое от движения самой земельной ренты и регулируемое лишь процентной ставкой движение цены земли. Но так как мы видели, что в ходе общественного развития норма прибыли, а вместе с ней и процентная ставка, поскольку она регулируется нормой прибыли, имеет тенденцию понижаться; что, далее, даже оставляя в стороне норму прибыли, процентная ставка имеет тенденцию понижаться вследствие роста ссудного денежного капитала, — то из этого следует, что цена земли имеет тенденцию повышаться и независимо от движения земельной ренты и цены земельных продуктов, часть которой составляет рента.

Смешение самой земельной ренты с той формой процента, которую она принимает для покупателя земли, — смешение, основанное на полном непонимании природы земельной ренты, — необходимо приводит к удивительнейшим ложным заключениям. Так как земельная собственность во всех старых странах считается особо почтенной формой собственности, а купля земельной собственности — особо надежным вложением капитала, то процентная ставка, на основе которой покупается земельная рента, стоит в большинстве случаев ниже, чем процентная ставка при других капиталовложениях, рассчитанных на сравнительно продолжительное время, так что, например, покупатель земли получает на покупную цену всего 4%, между тем как он получил бы на тот же капитал при ином его вложении 5%; или, что сводится к тому же, он уплачивает за земельную ренту больше капитала, чем пришлось бы ему уплатить за такой же годовой денежный доход в других областях приложения капитала. Г-н Тьер в своей вообще совершенно дрянной работе о собственности (оттиске его речи против Прудона, произнесенной в 1848 г. во французском Национальном собрании) [163] делает из этого тот вывод, что земельная рента низка, между тем как это только доказывает, что покупная цена ее высока.

То обстоятельство, что капитализированная земельная рента представляется как цена земли, или стоимость земли, и что земля таким образом продается и покупается подобно всякому другому товару, служит для некоторых апологетов основанием для оправдания земельной собственности, так как покупатель платил за нее, как и за всякий другой товар, эквивалент, и бо́льшая часть земельной собственности перешла таким образом из рук в руки. Но в таком случае подобное соображение служило

бы оправданием и для рабства, потому что для рабовладельца, заплатившего за раба наличными, выручка от рабского труда представляет лишь процент на капитал, затраченный на его покупку. Вообще выводить из купли и продажи земельной ренты оправдание ее существования — это значит оправдывать ее существование ее существованием.

Как ни важно для научного анализа земельной ренты, — то есть самостоятельной, специфической экономической формы земельной собственности на базисе капиталистического способа производства, — как ни важно изучить ее в чистом виде, свободной от всех фальсифицирующих и затушевывающих ее примесей, не менее важно, с другой стороны, для понимания практических последствий земельной собственности и даже для теоретического познания массы фактов, которые противоречат понятию и природе земельной ренты и, однако, выступают как формы существования земельной ренты, — не менее важно познакомиться с элементами, которые приводят к этим затемнениям теории.

На практике все, что фермер платит земельному собственнику в форме арендных денег за разрешение возделывать землю, выступает, естественно, как земельная рента. Из каких бы составных частей ни складывалась эта дань, из каких бы источников она ни происходила, для нее с собственно земельной рентой обще то, что монополия на часть территории земли дает так называемому земельному собственнику силу взимать дань, налагать контрибуцию. Для нее с собственно земельной рентой обще то, что она определяет цену земли, которая, как показано выше, есть не что иное, как капитализированный доход от сдачи земли в аренду.

Мы уже видели, что процент на вложенный в землю капитал может образовать такую инородную составную часть земельной ренты, составную часть, которая с ходом экономического развития будет образовывать постоянно возрастающее дополнение к совокупной сумме ренты данной страны. Но даже оставляя этот процент в стороне, возможно, что в арендных деньгах частично, а в известных случаях исключительно, — при полном, следовательно, отсутствии собственно земельной ренты, когда земля поэтому в действительности ничего не стоит, — скрывается вычет из средней прибыли, или из нормальной заработной платы, или из той и другой одновременно. Эта часть — прибыли или заработной платы — выступает здесь в образе земельной ренты, потому что она не достается, как это бывает в нормальных случаях, промышленному капиталисту или наемному рабочему, а уплачивается в форме арендных денег земельному собст-

веннику. Ни та, ни другая часть не составляет земельной ренты в экономическом смысле этого слова; но практически она составляет доход земельного собственника, является экономической реализацией его монополии совершенно так же, как действительная земельная рента, и точно так же как последняя определяющим образом влияет на цену земли.

Мы не говорим здесь о таких отношениях, когда формально существует земельная рента, это соответствующее капиталистическому способу производства выражение земельной собственности, но когда нет самого капиталистического способа производства, когда сам фермер не является предпринимателем-капиталистом и характер его хозяйствования не является капиталистическим. Таково, например, положение в *Ирландии.* Фермер здесь в общем мелкий крестьянин. То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, то есть его собственного прибавочного труда, на который он имеет право как собственник орудий своего труда, но и часть нормальной заработной платы, которую он получал бы при других условиях за такое же количество труда. Кроме того, земельный собственник, который здесь совершенно ничего не делает для улучшения почвы, экспроприирует у арендатора его небольшой капитал, вложенный им в землю по большей части собственным трудом, — точно так же, как сделал бы ростовщик при аналогичных условиях. Но ростовщик рискует при подобных операциях, по крайней мере, своим собственным капиталом. Такое постоянное ограбление составляет предмет раздоров в области ирландского земельного законодательства, которое главным образом сводится к тому, чтобы заставить земельного собственника, прекращающего аренду, компенсировать арендатора за произведенные им улучшения почвы или за вложенный в землю капитал [164]. Пальмерстон обыкновенно давал на это циничный ответ:

«Палата общин является палатой земельных собственников».

Мы не говорим также о тех исключительных отношениях, когда даже в странах капиталистического производства земельный собственник может выжимать высокую арендную плату, которая не стоит ни в каком соответствии с продуктом земли, примером чего может служить в английских промышленных округах сдача мелких клочков земли в аренду фабричным рабочим под маленькие садики или для ведения любительского земледелия в часы досуга (см. «Reports of Inspectors of Factories»).

Мы говорим о земледельческой ренте в странах развитого капиталистического производства. Например, среди английских

фермеров имеется известное количество мелких капиталистов, которые в силу воспитания, образования, традиции, конкуренции и других обстоятельств предназначены и вынуждены к тому, чтобы в качестве фермеров вкладывать свой капитал в земледелие. Они вынуждены довольствоваться прибылью меньшей, чем средняя, и отдавать часть ее в форме ренты собственнику земли. Только при этом условии им разрешается вкладывать свой капитал в землю, в земледелие. Так как земельные собственники повсюду оказывают значительное, в Англии даже преобладающее влияние на законодательство, то это влияние может быть использовано для того, чтобы обирать целый класс фермеров. Правда, например, хлебные законы 1815 г. [165], — налог на хлеб, которым обложили население страны откровенно с той целью, чтобы обеспечить для праздных земельных собственников дальнейшее существование доходов, непомерно возросших во время антиякобинской войны [166] — оказали, если не считать отдельных исключительно урожайных годов, то действие, что поддерживали цены сельскохозяйственных продуктов выше уровня, на котором они были бы при свободном ввозе хлеба. Однако эти законы не смогли поддерживать цены на уровне, который декретировался вершащими законодательство земельными собственниками в качестве нормальных цен, образующих законный предел для ввоза иностранного хлеба. Между тем арендные договоры заключались под влиянием этих нормальных цен. Когда иллюзии рассеялись, был составлен новый закон с новыми нормальными ценами, которые, однако, были столь же бессильным выражением фантазии алчных земельных собственников, как и старые. Таким способом фермеров обманывали с 1815 до 30-х годов. Отсюда agricultural distress * как постоянная тема на протяжении всего этого времени. Отсюда экспроприация и разорение целого поколения фермеров в течение этого периода и замещение их новым классом капиталистов [31)].

Но несравненно более общим и важным фактом является понижение заработной платы собственно земледельческих рабочих ниже нормального среднего уровня, так что часть заработной платы отнимается у рабочего, образует составную часть арендной платы и таким образом под видом земельной ренты достается земельному собственнику, а не рабочему. Например,

---

* — бедственное положение сельского хозяйства. *Ред.*

[31)] См. Anti-Corn-Law Prize-Essays [167]. Тем не менее хлебные законы все же поддерживали цены на искусственно повышенном уровне. Это благоприятствовало лучшим фермерским хозяйствам. Они выигрывали от застоя, в котором запретительные пошлины держали подавляющую массу фермеров, уповавших — имея для этого основания или нет, дело другое, — на исключительную среднюю цену.

в Англии и Шотландии, за исключением немногих графств, находящихся в благоприятном положении, это общее явление. Труды учрежденных перед введением хлебных законов в Англии парламентских следственных комиссий по вопросу о высоте заработной платы [168] — до сих пор самые ценные и почти совершенно неиспользованные материалы по истории заработной платы в XIX веке и в то же время позорный памятник, воздвигнутый английской аристократией и буржуазией самим себе, — с очевидностью, вне всякого сомнения, доказывают, что высокие рентные ставки и соответствующий им рост цены на землю во время антиякобинской войны являются отчасти результатом просто вычета из заработной платы и ее понижения даже ниже физического минимума, то есть результатом передачи некоторой части нормальной заработной платы земельному собственнику. Различные обстоятельства, между прочим обесценение денег, способ применения законов о бедных в земледельческих округах [169] и т. д., сделали возможной эту операцию в то самое время, когда доходы фермеров колоссально возрастали и земельные собственники сказочно обогащались. Ведь одним из главных аргументов как фермеров, так и земельных собственников в пользу введения хлебных пошлин был тот довод, что физически невозможно еще больше понизить заработную плату сельскохозяйственных батраков. Это положение не претерпело существенных изменений, и в Англии, как и во всех европейских странах, часть нормальной заработной платы по-прежнему является составной частью земельной ренты. Когда граф Шефтсбери, в то время лорд Эшли, один из филантропов-аристократов, чрезвычайно обеспокоенный положением английских фабричных рабочих, во время кампании за десятичасовой рабочий день выступил их парламентским защитником, то в ответ защитники промышленников опубликовали статистические данные о заработной плате сельскохозяйственных рабочих в принадлежащих ему деревнях (см. «Капитал», кн. I, гл. XXIII, 5, е: «Британский сельскохозяйственный пролетариат») [170], эти данные ясно показали, что часть земельной ренты этого филантропа получается просто от грабежа, который за него учиняют его арендаторы из заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Эта публикация интересна еще и потому, что приведенные в ней факты могут быть смело поставлены рядом с самыми позорными фактами, которые были раскрыты комиссиями 1814 и 1815 годов [171]. Когда обстоятельства вынуждают к временному повышению заработной платы сельскохозяйственных рабочих, тотчас раздаются вопли фермеров, что повышение заработной платы до нормального уровня, как это имеет

место в других отраслях промышленности, вещь невозможная, что оно неизбежно разорит их, если не будет одновременно понижена земельная рента. Здесь, таким образом, заключается признание, что под маркой земельной ренты арендаторы делают вычет из заработной платы и выплачивают этот вычет земельному собственнику. Например, за 1849—1859 гг. заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Англии повысилась благодаря следующим обстоятельствам, имевшим решающее значение: массовая эмиграция из Ирландии, прекратившая приток оттуда сельскохозяйственных рабочих, необычное поглощение сельского населения фабричной промышленностью, спрос на солдат для войны, необычная эмиграция в Австралию и Соединенные Штаты (в Калифорнию) и другие причины, на которых здесь не приходится останавливаться подробнее. В то же время в этот период, за исключением неурожайных 1854—1856 гг., средние цены на хлеб понизились более чем на 16%. Арендаторы подняли крик, требуя понижения размеров ренты. В отдельных случаях они достигли этого. Вообще же они с этим требованием потерпели неудачу. Они искали выхода в понижении издержек производства, между прочим, путем массового введения паровых локомобилей и новых машин, которые отчасти заменяли и вытесняли из хозяйства лошадей, отчасти же, высвобождая сельскохозяйственных рабочих, вызывали искусственное перенаселение, а потому и новое понижение заработной платы. И это происходило, несмотря на общее относительное, по сравнению с ростом всего населения, уменьшение сельского населения за это десятилетие и несмотря на абсолютное уменьшение этого населения в некоторых чисто земледельческих округах [32]. Об этом же 12 октября 1865 г. Фосетт, тогда профессор политической экономии в Кембридже {умер в 1884 г., будучи генерал-почтмейстером}, говорил на конгрессе социальных наук [173]:

«Сельскохозяйственные рабочие начинают эмигрировать, и арендаторы начинают жаловаться, что они не в состоянии будут платить столь высокие ренты, как обыкновенно платили, потому что вследствие эмиграции труд становится дороже».

Следовательно, здесь высокая земельная рента прямо отождествляется с низкой заработной платой. И поскольку высота цены земли обусловливается этим обстоятельством, повышающим ренту, постольку повышение стоимости земли тождест-

---

[32] *John Ch. Morton.* «On the Forces used in Agriculture». Доклад, прочитанный в лондонском Обществе искусств и ремесел [172] в 1859 г., основан на подлинных документах, полученных примерно от 100 арендаторов 12 шотландских и 35 английских графств.

венно с обесценением труда, а высокий уровень цены земли тождествен с низким уровнем цены труда.

То же самое имеет место и во Франции.

«Арендная плата повышается, потому что на одной стороне повышается цена хлеба, вина, мяса, овощей и фруктов, а на другой стороне цена труда остается неизменной. Если бы старики сравнили счета их отцов, — что возвращает нас назад почти на 100 лет, — они нашли бы, что тогда цена рабочего дня в сельских округах Франции была точно такая же, как в настоящее время. Цена же мяса с того времени утроилась... Кто жертва этого переворота? Богач, являющийся собственником сдаваемой в аренду земли, или бедняк, который ее обрабатывает?.. Повышение арендной платы есть доказательство общественного бедствия» («Du Mécanisme de la Société en France et en Angleterre». Par M. Rubichon. Nouvelle édit., Paris, 1837, p. 101).

Примеры ренты как следствия вычета из средней прибыли, с одной стороны, и из средней заработной платы, с другой:

Цитированный выше Мортон [174], земельный агент и сельскохозяйственный инженер, рассказывает, что, согласно сделанным во многих местах наблюдениям, ренты за крупные аренды ниже, чем за более мелкие, так как

«конкуренция из-за последних обычно больше, чем из-за первых, и так как мелкие арендаторы, которые редко имеют возможность заняться чем-либо иным, кроме сельского хозяйства, вынужденные в силу необходимости находить подходящее дело, часто соглашаются платить такую ренту, о которой они сами знают, что она слишком высока» (John L. Morton. «The Resources of Estates etc.». London, 1858, p. 116).

Однако, по его мнению, в Англии это различие постепенно стирается, чему, как он полагает, сильно содействует эмиграция как раз класса мелких арендаторов. Тот же Мортон приводит пример, когда в земельную ренту несомненно входит вычет из заработной платы самого фермера и, следовательно, еще несомненнее — из заработной платы рабочих, которых он нанял. В частности, это имеет место при арендах менее 70—80 акров (30—34 гектара), когда невозможно держать пароконный плуг.

«Если арендатор сам не работает так же прилежно, как любой рабочий, он не может существовать за счет своей аренды. Если он предоставит выполнение работы своим людям, а сам ограничится исключительно надзором за ними, он, по всей вероятности, очень скоро убедится, что не в состоянии уплачивать свою ренту» (там же, стр. 118).

Из этого Мортон делает тот вывод, что если арендаторы в данной местности не очень бедны, то сдаваемые в аренду участки не должны быть менее 70 акров, так чтобы фермер мог держать 2—3 лошадей.

Необычайную мудрость обнаруживает г-н Леонс де Лавернь, член Института [175] и Национального центрального

сельскохозяйственного общества. В своем труде «Économie Rurale de l'Angleterre» (цитируется по английскому переводу, [The Rural Economy of England etc.»] London, 1855) он приводит следующие сравнения годовых выгод от крупного рогатого скота, который во Франции применяется на сельскохозяйственных работах, а в Англии не применяется, так как здесь эти работы выполняются при помощи лошадей (стр. 42):

Франция:	молоко 4 млн. ф. ст.		Англия:	молоко 16 млн. ф. ст.
	мясо 16 » » »			мясо 20 » » »
	работа 8 » » »			работа —
	28 млн. ф. ст.			36 млн. ф. ст.

Более высокий показатель получается потому, что, согласно его собственным данным, молоко в Англии стоит вдвое дороже, чем во Франции, между тем как для мяса он предполагает одинаковые цены в обеих странах (стр. 35); следовательно, если стоимость молочного продукта в Англии сокращается до 8 млн. ф. ст., то стоимость всего продукта сократится до 28 млн. ф. ст., как во Франции. Действительно, это, пожалуй, слишком сильно, коль скоро г-н Лавернь вводит в свое вычисление одновременно и разные количества продукта и различие цен; так что если Англия производит известные продукты дороже, чем Франция,— что может означать лишь бóльшую прибыль для арендаторов и земельных собственников, — то это представляется как преимущество английского сельского хозяйства.

Что г-н Лавернь знаком не только с экономическими показателями английского сельского хозяйства, но разделяет и предрассудки английских фермеров и земельных собственников, это он показывает на стр. 48:

«Крупная невыгода обыкновенно сопряжена с зерновыми культурами... они истощают почву, на которой произрастают».

Г-н Лавернь не только полагает, что другие растения этого не делают, — он полагает также, что кормовые травы и корнеплоды обогащают землю:

«Кормовые культуры получают главные элементы своего роста из атмосферы и возвращают почве больше, чем извлекают из нее; таким образом они двояко — и прямо и вследствие их превращения в навоз — содействуют возмещению вреда, причиненного зерновыми и другими истощающими культурами; отсюда правило, чтобы они по меньшей мере чередовались с кормовыми культурами; в этом состоит норфолкский севооборот» (стр. 50—51).

Не удивительно, что г-н Лавернь, веря этим сказкам английского сельского хозяина [176], верит ему также и в том, что после отмены хлебных законов заработная плата английских сель-

скохозяйственных рабочих утратила свой прежний ненормальный характер. См., что мы говорили об этом раньше, «Капитал», кн. I, гл. XXIII, 5, стр. 701—729 [177]. Однако обратимся еще к речи г-на Джона Брайта, произнесенной в Бирмингеме 13 декабря 1865 года. Сказав о 5 миллионах семейств, вовсе не представленных в парламенте, он продолжает:

«Из них в Соединенном королевстве 1 миллион или, вернее, больше 1 миллиона занесены в злополучные списки нищих. Затем еще 1 миллион, которые пока еще держатся выше уровня пауперизма, но которым постоянно угрожает опасность тоже сделаться нищими. Их положение и их перспективы не лучше. Посмотрите же, наконец, на невежественные низшие слои этой части общества. Обратите внимание на их участь, как отверженных, на их бедность, их страдания, их полнейшую безнадежность. Даже в Соединенных Штатах, даже в южных штатах при господстве рабства у всякого негра оставалась надежда, что и он когда-нибудь может получить свободу. Но у этих людей, у этой массы низших слоев нашей страны не существует, — я должен здесь прямо сказать это, — ни надежды на какое-либо улучшение, ни даже стремления к этому. Читали ли вы недавно в газетах заметку о Джоне Кроссе, сельскохозяйственном рабочем из Дорсетшира? Он работал по 6 дней в неделю, имел превосходный отзыв от своего хозяина, на которого он работал 24 года, получая в неделю по 8 шиллингов. На эту заработную плату Джон Кросс должен был содержать в своей хижине семью из 7 детей. Чтобы обогреть свою больную жену и грудного ребенка, он взял, — выражаясь языком закона, могут сказать украл, — деревянный плетень стоимостью в 6 пенсов. Мировые судьи приговорили его за этот проступок к 14 или 20 дням тюрьмы... Я могу сказать вам, что во всей стране можно найти многие тысячи таких случаев, как с Джоном Кроссом, особенно на юге, и что положение этих людей таково, что до сих пор самый внимательный наблюдатель не мог раскрыть тайны, как они сводят концы с концами. А теперь бросьте взгляд на всю страну и посмотрите на эти 5 миллионов семейств и на отчаянное положение, в каком находится этот слой населения. Не следует ли по совести сказать, что эта часть нации, лишенная избирательного права, мучится, вечно мучится на работе и почти совсем не знает отдыха? Сравните ее положение с положением господствующего класса — однако, если я стану говорить так, меня обвинят в коммунизме... Но сравните эту огромную, изнуряющую себя работой, лишенную избирательного права массу людей, с той частью населения, которую можно считать господствующими классами. Посмотрите на их богатство, их великолепие, их роскошь. Посмотрите на их усталость, — потому что и среди них наблюдается усталость, но это усталость от пресыщения, — посмотрите, как они мотаются с места на место, как будто весь смысл жизни в том, чтобы искать новые удовольствия» («Morning Star» [178], 14 декабря 1865 года).

Ниже будет показано, как прибавочный труд, а потому и прибавочный продукт вообще, смешивается с земельной рентой, этой частью прибавочного продукта, специфически определенной — по крайней мере на базисе капиталистического способа производства — с количественной и качественной стороны. Естественным базисом прибавочного труда вообще, то есть тем естественным условием, без которого он невозможен, является

то, что при затрате рабочего времени, не поглощающего всего рабочего дня, природа доставляет необходимые средства существования — в продуктах земли, растительных и животных, или в продуктах рыболовства и т. д. Эта естественная производительность земледельческого труда (куда в данной связи относится простое собирательство: охота, рыболовство, разведение скота) является основой всякого прибавочного труда, так как первоначально всякий труд в первую очередь направлен на присвоение и производство продуктов питания. (Но животные доставляют в то же время шкуру для защиты от холода в условиях холодного климата; кроме того, пещеры используются под жилье и т. д.)

Такое же смешение прибавочного продукта и земельной ренты, только в иных выражениях, встречается у г-на Дава [179]. Первоначально земледельческий труд и промышленный труд не отделены один от другого; последний примыкает к первому. Прибавочный труд и прибавочный продукт земледельческого племени, домашней общины или семьи заключает в себе как земледельческий, так и промышленный труд. Тот и другой идут рука об руку. Охота, рыболовство, земледелие невозможны без соответствующих орудий. Ткачество, прядение и т. д. сначала ведутся как подсобные при земледелии работы.

Раньше мы показали, что как труд отдельного рабочего распадается на необходимый и прибавочный труд, так и совокупный труд рабочего класса можно разделить таким образом, что часть, которая производит жизненные средства для всего рабочего класса (включая сюда и необходимые для этого средства производства), выполняет необходимый труд для всего общества. Труд, выполняемый всей остальной частью рабочего класса, можно рассматривать как прибавочный труд. Но необходимый труд заключает в себе отнюдь не только земледельческий труд, но также и тот труд, который производит все остальные продукты, необходимо входящие в среднее потребление рабочего. Кроме того, с общественной точки зрения одни выполняют только необходимый труд лишь потому, что другие выполняют только прибавочный труд, и наоборот. Это — лишь разделение труда между ними. Так же обстоит дело и с разделением труда между земледельческими и промышленными рабочими вообще. Чисто промышленному характеру труда на одной стороне соответствует чисто земледельческий на другой. Этот чисто земледельческий труд отнюдь не дан природой, он сам есть продукт общественного развития, притом продукт весьма новый, далеко не повсюду достигнутый, и соответствует вполне определенной ступени в развитии производства. Подобно

тому, как часть земледельческого труда овеществляется в продуктах, которые или служат только предметами роскоши или образуют сырой материал для промышленности, но вовсе не входят в питание, не говоря уже о питании народных масс, — точно так же, с другой стороны, часть промышленного труда овеществляется в продуктах, которые служат необходимыми предметами потребления как сельскохозяйственных, так и несельскохозяйственных рабочих. Было бы ошибочно рассматривать этот промышленный труд как прибавочный труд — с общественной точки зрения. Он в известной части такой же необходимый труд, как и необходимая часть земледельческого труда. Да он и есть лишь обособившаяся форма известной части того промышленного труда, который раньше был естественно соединен с земледельческим трудом, необходимое взаимное дополнение отделившегося теперь от него чисто земледельческого труда. (Если рассматривать дело с чисто материальной стороны, то, например, 500 ткачей, работая при помощи механических станков, производят гораздо больше тканей, чем требуется для их собственной одежды.)

Наконец, рассматривая формы проявления земельной ренты, то есть рассматривая арендную плату, которая уплачивается под титулом земельной ренты собственнику земли за использование земли в целях производства или потребления, необходимо помнить, что цена предметов, которые сами по себе не имеют стоимости, то есть не являются продуктами труда, как, например, земля, или, по крайней мере, не могут быть воспроизведены трудом, как, например, памятники древности, художественные произведения определенных мастеров и т. д., может определяться весьма случайными обстоятельствами. Чтобы продать вещь, для этого не требуется ничего иного, как только чтобы она способна была сделаться объектом монополии и отчуждения.

При рассмотрении земельной ренты следует избегать трех главных ошибок, которые затемняют анализ.

1) Смешение различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства.

Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли собственником

лицо, являющееся представителем общины [Gemeinwesen], как в Азии, Египте и т. д., или эта земельная собственность будет лишь составной частью собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же это будет чисто частная собственность непроизводителей на природу, просто титул собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, как у колонистов и мелкокрестьянских землевладельцев, представляется непосредственно как присвоение и производство продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит.

Это *общее* для различных форм ренты — то, что она есть экономическая реализация земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенной земельной площадью, — это *общее* ведет к тому, что различия не замечаются.

2) Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. В своей неразвитой форме, в форме натуральной ренты, она еще непосредственно является прибавочным продуктом. Отсюда то заблуждение, будто рента, соответствующая капиталистическому способу производства и являющаяся избытком над прибылью, то есть над той частью стоимости товара, которая сама состоит из прибавочной стоимости (прибавочного труда), — будто эта особая и специфическая составная часть прибавочной стоимости получит должное объяснение, раз будут объяснены общие условия существования прибавочной стоимости и прибыли вообще. Эти условия таковы: непосредственные производители должны работать больше того времени, которое требуется для воспроизводства их собственной рабочей силы, для воспроизводства их самих. Они вообще должны совершать прибавочный труд. Это — субъективное условие. Объективное же заключается в том, чтобы они *могли* совершать прибавочный труд; естественные условия должны быть таковы, чтобы *части* рабочего времени, которым располагают непосредственные производители, хватало для их воспроизводства и самосохранения как производителей, чтобы производство необходимых им жизненных средств не поглощало всей их рабочей силы. Естественное плодородие составляет здесь одну границу, одну исходную точку, одну основу. Другую же составляет развитие общественной производительной силы труда. Рассматривая вопрос еще подробнее, — так как производство продуктов питания является самым первым условием

жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще, — труд, примененный в этом производстве, следовательно, земледельческий труд в самом широком экономическом смысле этого слова должен быть настолько плодотворен, чтобы производством продуктов питания для непосредственных производителей поглощалось не все возможное рабочее время, то есть чтобы был возможен земледельческий прибавочный труд, а потому и земледельческий прибавочный продукт. Далее: необходимо, чтобы весь земледельческий труд — необходимый и прибавочный труд — некоторой части общества был достаточен для того, чтобы производить необходимые продукты питания для всего общества, то есть и для неземледельческих рабочих; следовательно, чтобы было возможно это крупное разделение труда между работниками земледелия и промышленности, а также между теми из работников земледелия, которые производят продукты питания, и теми, которые производят сырые материалы. Хотя труд непосредственных производителей продуктов питания распадается для них самих на необходимый и прибавочный труд, однако, по отношению к обществу он представляет лишь необходимый труд, требующийся для производства продуктов питания. Впрочем, то же самое имеет место при всяком разделении труда внутри всего общества, в отличие от разделения труда внутри отдельной мастерской. Это — труд, необходимый для производства особого рода предметов, для удовлетворения особой потребности общества в этих особых предметах. Если это разделение пропорционально, то продукты различных групп продаются по их стоимостям (при дальнейшем развитии по их ценам производства) или же по ценам, которые суть модификации этих стоимостей, соответственно цен производства, определяемых общими законами. Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество. Ибо условием остается, чтобы товар представлял собой потребительную стоимость. Но если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого

рода и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной потребностью распределен труд между различными сферами производства. (Следует остановиться на этом пункте в связи с распределением капитала между различными сферами производства.) Общественная потребность, то есть потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это — все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости. Этот пункт касается отношения между необходимым и прибавочным трудом лишь постольку, поскольку при нарушении этой пропорции не может быть реализована стоимость товара, а потому и заключающаяся в ней прибавочная стоимость. Пусть, например, хлопчатобумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но вообще-то на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда, то есть часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удастся продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции. Эта количественная граница тех частей общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще, хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости. Общество при данных условиях производства на такой-то продукт определенного рода может затратить лишь столько-то из своего совокупного рабочего времени. Но субъективные и объективные условия прибавочного труда и прибавочной стоимости вообще не имеют никакого отношения к конкретной, определенной форме как прибыли, так и ренты. Они имеют значение для прибавочной стоимости, как таковой, какие бы особые формы она ни принимала. Поэтому они не объясняют земельной ренты.

3) Как раз в экономической реализации земельной собственности, в развитии земельной ренты представляется особенно своеобразным то обстоятельство, что ее величина определяется отнюдь не ее получателем, а развитием общественного труда, независимым от ее получателя, совершающимся помимо него.

Поэтому легко принять за своеобразную особенность ренты (и вообще земледельческого продукта) то, что на основе товарного производства — и, точнее, капиталистического производства, которое во всем своем объеме есть товарное производство, — обще всем отраслям производства и всем их продуктам.

В ходе общественного развития величина земельной ренты (а вместе с ней и стоимость земли) развивается как результат совокупного общественного труда. С одной стороны, с общественным развитием возрастают рынок и спрос на продукты земли, с другой стороны — спрос непосредственно на самоё землю как непременное условие производства для всевозможных, даже и не земледельческих отраслей хозяйства. Точнее, если говорить только о собственно земледельческой ренте, рента, а вместе с ней и стоимость земли развиваются вместе с рынком для продукта земли и, следовательно, с ростом неземледельческого населения, с его потребностью и спросом отчасти на продукты питания, отчасти на сырые материалы. По самой своей природе капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала за счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно; следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения.

В действительности это явление не представляет специфической особенности земледелия и его продуктов. Напротив, на основе товарного производства и его абсолютной формы, капиталистического производства, то же самое характерно и для всех других отраслей производства и продуктов.

Эти продукты лишь постольку являются товарами, то есть потребительными стоимостями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации — превращению в деньги, — поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противополагаются им как товары и как стоимости; другими словами, постольку, поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги),

посредством отчуждения. Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком. Здесь нет совершенно ничего специфически характерного для земледельческих продуктов.

Рента может развиться как денежная рента лишь на основе товарного производства, точнее, капиталистического производства, и она развивается в той самой мере, в какой земледельческое производство становится товарным производством, следовательно, в той самой мере, в какой неземледельческое производство развивается как самостоятельное по отношению к нему производство, потому что в той же мере земледельческий продукт становится товаром, меновой стоимостью и стоимостью. В той самой мере, как с капиталистическим производством развивается товарное производство, а потому производство стоимости, — развивается производство прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Но в той же мере, как развивается последнее, развивается и способность земельной собственности захватывать посредством своей монополии на землю все возрастающую часть этой прибавочной стоимости, а тем самым повышать стоимость своей ренты и цену самой земли. В развитии этой прибавочной стоимости и прибавочного продукта капиталист все же является еще самодеятельным агентом. Земельному же собственнику приходится только захватывать все возрастающую таким образом без его содействия долю прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Вот в чем заключается характерная особенность его положения, а не в том, что стоимость продуктов земли, а потому и самой земли, все более возрастает в той мере, как расширяется рынок для них, растет спрос, в вместе с ним мир товаров, противостоящий продукту земли, то есть, говоря иными словами, в той мере, как растет масса неземледельческих товаропроизводителей и неземледельческого товарного производства. Но так как это происходит без содействия земельного собственника, то представляется какой-то его специфической особенностью то явление, что масса стоимости, масса прибавочной стоимости и превращение части этой прибавочной стоимости в земельную ренту зависят от общественного процесса производства, от развития товарного производства вообще. Поэтому Дав, например, хочет вывести ренту отсюда. Он утверждает, что рента зависит не от массы земледельческого продукта, а от его стоимости [180]; последняя же зависит от массы и производительности неземледельческого населения. Но ведь и для всякого другого продукта справед-

ливо, что он развивается как товар лишь в той мере, в какой возрастает масса и многообразие других товаров, образующих по отношению к нему эквиваленты. Это было показано уже в связи с общим изложением теории стоимости [181]. С одной стороны, способность известного продукта к обмену зависит вообще от того, насколько разнообразны товары, существующие помимо него. С другой стороны, от этого же зависит в особенности то количество, в котором этот продукт может быть произведен как товар.

Производитель — как в промышленности, так и в земледелии, — рассматриваемый изолированно, не производит стоимости или товара. Его продукт становится стоимостью и товаром лишь при определенной комбинации общественных отношений. Во-первых, поскольку он выступает как выражение общественного труда, следовательно, поскольку собственное рабочее время данного производителя является частью общественного рабочего времени вообще; во-вторых, этот общественный характер труда производителя проявляется в денежном характере его продукта и его общей обмениваемости, определяемой ценой, как общественный характер, свойственный его продукту.

Итак, если, с одной стороны, вместо того, чтобы объяснять ренту, занимаются объяснением прибавочной стоимости или, при еще более ограниченном понимании, объяснением прибавочного продукта вообще, то, с другой стороны, здесь делают ту ошибку, что характер, свойственный всем продуктам как товарам и стоимостям, приписывают исключительно земледельческим продуктам. Объяснение делается еще более поверхностным, когда от общего определения стоимости переходят к *реализации* определенной товарной стоимости. Всякий товар может реализовать свою стоимость лишь в процессе обращения, а реализует ли он ее и в какой мере реализует, это каждый раз зависит от условий рынка.

Итак, своеобразие земельной ренты заключается не в том, что земледельческие продукты развиваются в стоимости и как стоимости, то есть не в том, что они как товары противостоят другим товарам и неземледельческие продукты противостоят им как товары, или что они развиваются как особые выражения общественного труда. Своеобразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых земледельческие продукты развиваются в стоимости (товары) и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без ее содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

При анализе земельной ренты мы прежде всего будем исходить из предположения, что продукты, с которых уплачивается такая рента, в которых часть прибавочной стоимости, а потому и часть всей цены превращается в ренту, — для целей нашего анализа достаточно иметь в виду земледельческие продукты или также продукты рудников, — следовательно, что продукты земли или рудников, подобно всем другим товарам, продаются по ценам их производства. То есть их продажные цены равны издержкам их производства (стоимости потребленного постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал, потребленный и непотребленный. Итак, мы предполагаем, что средние продажные цены этих продуктов равны их ценам производства. И вот вопрос заключается в том, каким образом при этом предположении может образоваться земельная рента, то есть каким образом часть прибыли может превратиться в земельную ренту, а потому часть цены товара может достаться земельному собственнику.

Чтобы показать общий характер этой формы земельной ренты, предположим, что подавляющее большинство фабрик в известной стране приводится в движение паровыми машинами, а определенное меньшинство — естественными водопадами. Предположим, что в соответственных отраслях промышленности цена производства составляет 115 единиц за такую массу товаров, на которую капитала потребляется 100 единиц. Эти 15% прибыли исчисляются не только на потребленный капитал в 100, но на весь капитал, примененный в производстве этой товарной стоимости. Эта цена производства, как показано раньше *, определяется не индивидуальными издержками производства

* См. настоящий том, стр. 189—218. *Ред.*

каждого отдельного промышленного производителя, а теми издержками производства, которых товар требует в среднем при средних условиях для всего капитала, вложенного в данную сферу производства. Фактически это рыночная цена производства — средняя рыночная цена в отличие от ее колеблющихся величин. Природа стоимости товаров, определение стоимости не тем рабочим временем, которое индивидуально необходимо для производства определенного количества товаров или отдельных товаров определенному отдельному производителю, а общественно необходимым рабочим временем, тем рабочим временем, которое при данных средних общественных условиях производства необходимо для того, чтобы произвести все общественно необходимое количество различных товаров, находящихся на рынке, — эта природа стоимости, этот способ ее определения вообще находит себе выражение в форме рыночной цены и, далее, в форме регулирующей рыночной цены, или рыночной цены производства.

Так как в данной связи совершенно безразлично, какие определенные количественные отношения мы берем, то мы предположим далее, что издержки производства на фабриках, приводимых в движение силой воды, составляют всего 90 единиц вместо 100. Так как цена производства массы этих товаров, регулирующая рынок, вместе с прибылью в 15% = 115, то фабриканты, которые приводят свои машины в движение силой воды, тоже будут продавать по 115, то есть по средней цене, регулирующей рыночную цену. Поэтому их прибыль будет составлять 25 единиц вместо 15; регулирующая цена производства позволит им получать добавочную прибыль в $12^{7}/_{9}\%$ — не потому, что они продают свои товары выше цены производства, а потому, что они продают их по цене производства, потому, что их товары производятся, их капитал функционирует при исключительно благоприятных условиях, при условиях выше среднего уровня, преобладающего в этой сфере.

Тотчас же обнаруживаются двоякого рода обстоятельства:

Во-первых: добавочная прибыль производителей, применяющих естественный водопад в качестве двигательной силы, сначала имеет такой же характер, как всякая добавочная прибыль (а мы уже исследовали эту категорию, когда говорили о ценах производства *), которая не есть случайный результат сделок в процессе обращения, случайных колебаний рыночных цен. Итак, эта добавочная прибыль равна разности между индивидуальной ценой производства у этих производителей,

* См. настоящий том, стр. 216—218. *Ред.*

поставленных в более благоприятные условия, и общей, общественной ценой производства, регулирующей рынок всей этой сферы производства. Эта разность равна превышению общей цены производства товара над его индивидуальной ценой производства. Двумя границами, регулирующими это превышение, являются, с одной стороны, индивидуальные издержки производства, а потому индивидуальная цена производства, с другой стороны — общая цена производства. Стоимость товара, произведенного при помощи водопада, меньше потому, что для его производства требуется меньшее общее количество труда, именно меньше того труда, который входит в производство в овеществленной форме, как часть постоянного капитала. Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем производительная сила труда, применяемого в большинстве фабрик такого же рода. Его бо̀льшая производительная сила обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем на других фабриках, да кроме того требуется и меньшее количество живого труда, так как водяное колесо не нуждается в топке. Эта бо̀льшая индивидуальная производительная сила применяемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства и, следовательно, цену производства товара. С точки зрения промышленника дело представляется таким образом, что для него издержки производства товара меньше. Ему приходится нести меньшие расходы на овеществленный труд, а также на заработную плату, потому что живой рабочей силы у него применяется меньше. Так как издержки производства его товара меньше, то и его индивидуальная цена производства меньше. Издержки производства для него составляют 90 единиц вместо 100. Следовательно, и его индивидуальная цена производства составляет вместо 115 всего $103^1/_2$ ($100 : 115 = 90 : 103^1/_2$). Разность между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства ограничена разницей между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства. Это — одна из величин, образующих пределы его добавочной прибыли. Другая из таких величин — это величина общей цены производства, в образовании которой участвует общая норма прибыли как один из регулирующих факторов. Если бы уголь подешевел, то разность между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства уменьшилась бы, а потому уменьшилась бы и добавочная прибыль промышленника. Если бы ему пришлось продавать товар по его индивиду-

альной стоимости или по цене производства, определяемой его индивидуальной стоимостью, то разность отпала бы. Она является результатом, с одной стороны, того, что товар продается по своей общей рыночной цене, по цене, по которой конкуренция выравнивает индивидуальные цены, а с другой стороны, того, что бо́льшая индивидуальная производительная сила труда, приводимого им в движение, идет на пользу не рабочим, а, как вообще это бывает с производительной силой труда, тому, кто ее применяет; то есть она выступает как производительная сила капитала.

Так как одной границей этой добавочной прибыли служит уровень общей цены производства, одним из факторов которой является уровень общей нормы прибыли, то эта добавочная прибыль может возникнуть лишь из разности между общей и индивидуальной ценой производства, следовательно, из разности между индивидуальной и общей нормой прибыли. Избыток над этой разностью предполагает продажу продукта не по цене производства, регулируемой рынком, а дороже.

Во-вторых: до сих пор добавочная прибыль фабриканта, применяющего в качестве двигательной силы естественный водопад вместо пара, ничем не отличается от всякой другой добавочной прибыли. Всякая нормальная добавочная прибыль, то есть возникающая не в результате случайных операций по продаже или колебаний рыночной цены, определяется разностью между индивидуальной ценой производства товаров этого особого капитала и той общей ценой производства, которая регулирует рыночные цены товаров, производимых капиталом этой отрасли производства вообще, или, выражаясь иначе, рыночные цены товаров совокупного капитала, вложенного в эту сферу производства.

Но отсюда начинается различие.

Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, то есть тем избытком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек. Водопад — такой естественный фактор производства, на создание которого не требуется труда.

Но это не все. Фабрикант, работающий при помощи паровой машины, тоже применяет естественные силы, которые ему

ничего не стоят, но которые делают труд производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство жизненных средств, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль, которые, следовательно, совершенно так же монополизируются капиталом, как и общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и т. д. Фабрикант оплачивает уголь, но не способность воды изменять свое физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и т. д. Эта монополизация сил природы, то есть обусловливаемого ими повышения производительности рабочей силы, присуща всякому капиталу, применяющему паровые машины. Она может увеличить ту часть продукта труда, которая представляет прибавочную стоимость, по сравнению с той частью, которая превращается в заработную плату. Поскольку она оказывает такое действие, она повышает общую норму прибыли, но не создает добавочной прибыли, которая сводится именно к превышению индивидуальной прибыли над средней прибылью. Итак, если применение естественной силы, водопада, создает здесь добавочную прибыль, это не может быть результатом только того факта, что повышение производительной силы труда здесь вызвано применением естественной силы. Для этого необходимы еще дальнейшие модифицирующие обстоятельства.

Наоборот. Простое применение сил природы в промышленности может оказать влияние на уровень общей нормы прибыли, оказывая влияние на массу труда, требующегося для производства необходимых жизненных средств. Но оно само по себе не создает никакого отклонения от общей нормы прибыли, а как раз о нем и идет речь в данном случае. Далее: добавочная прибыль, которую в других случаях реализует индивидуальный капитал в какой-либо особой сфере производства, — принимая во внимание, что отклонения нормы прибыли в особых сферах производства непрерывно выравниваются в среднюю норму прибыли, — возникает, если оставить в стороне чисто случайные отклонения, в результате уменьшения издержек производства, расходов на производство. Последнее же, в свою очередь, обязано или тому обстоятельству, что капитал применяется в бо̀льших массах, чем средняя, и потому faux frais * производства уменьшаются, между тем как общие причины повышения производительной силы труда (кооперация, разделение труда и т. д.) получают возможность действовать в повышенной степени, с большей интенсивностью, так как они действуют на более

* — непроизводительные издержки. *Ред.*

широком поле труда; или же уменьшение издержек производства обязано тому обстоятельству, что, оставляя в стороне размер функционирующего капитала, применяются лучшие методы труда, новые изобретения, усовершенствованные машины, химические средства и т. д., короче, новые, усовершенствованные, стоящие выше среднего уровня средства производства и методы производства. Уменьшение издержек производства и получающаяся вследствие этого добавочная прибыль возникают здесь из того способа, каким применяется функционирующий капитал. Они возникают или вследствие того, что капитал в исключительно больших размерах концентрируется в одних руках, — обстоятельство, которое отпадает, когда в среднем применяются равновеликие массы капитала, — или вследствие того, что капитал определенной величины функционирует особо производительным способом, — обстоятельство, которое отпадает, когда исключительный способ производства приобретает всеобщее распространение или будет превзойден еще более производительным способом.

Причина добавочной прибыли кроется здесь, следовательно, в самом капитале (включая и приводимый им в движение труд), — или в различиях величины применяемого капитала, или же в более целесообразном способе его применения, — и, если рассматривать дело само по себе, нет никаких препятствий к тому, чтобы весь капитал в известной сфере производства применялся таким же способом. Конкуренция между капиталами имеет тенденцию, напротив, ко все большему выравниванию этих различий; определение стоимости общественно необходимым рабочим временем проявляет себя посредством удешевления товаров и принуждения производить товары при одинаково благоприятных условиях. Но с добавочной прибылью фабриканта, использующего водопад, дело обстоит иначе. Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из самого капитала и труда и не из простого факта применения естественной силы, отличной от капитала и труда, но присоединенной к капиталу. Она возникает из большей естественной производительной силы труда в связи с использованием естественной силы, но не такой естественной силы, которой, как, например, упругостью пара, может располагать всякий капитал в данной сфере производства, то есть не такой естественной силы, применение которой разумеется само собой, раз капитал вообще применяется в этой сфере, а такой естественной силы, которую можно монополизировать, которой, как водопадом, могут располагать лишь те, кто может располагать особыми участками земли вместе со всем тем, что находится

на их территории. Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т. д., а с определенными природными условиями определенной части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, не допускают фабрикантов, у которых нет водопадов, к применению этой естественной силы, так как земли — и тем более земли с источниками водяной силы, — ограничены. Это не исключает того, что, хотя количество естественных водопадов в известной стране ограничено, количество водяной силы, доступной для использования промышленностью, может быть увеличено. Водопад может быть искусственно отведен, чтобы полностью использовать его двигательную силу; водяное колесо может быть усовершенствовано, чтобы возможно больше использовать силу воды; там, где по характеру потока не годится обычное колесо, могут быть применены турбины и т. д. Владение этой естественной силой составляет монополию в руках ее владельца, то есть такое условие высокой производительной силы вложенного капитала, которое не может быть создано производственным процессом самого капитала [33]; эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землей. Такая естественная сила не относится ни к числу общих условий соответственной сферы производства, ни к числу таких ее условий, которые могут быть созданы как общие условия.

Теперь, если мы представим себе, что земля вместе с водопадами находится в руках тех лиц, которые считаются владельцами этих участков земли, земельных собственников, то мы увидим, что они не допускают применение капитала к водопаду, использование последнего посредством капитала. Они могут разрешить и не разрешить его использование. Но капитал не может создать водопад из себя. Поэтому добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом, возникает не из капитала, а из применения капиталом этой могущей быть монополизированной и фактически монополизированной естественной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, то есть она достается соб-

[33]) См. о добавочной прибыли «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus». London, 1821 (против Мальтуса).

ственнику водопада. Если фабрикант уплачивает последнему за его водопад 10 ф. ст. в год, то его прибыль составляет 15 фунтов стерлингов; 15% на те 100 ф. ст., которые теперь составляют сумму его издержек производства; и он оказывается теперь в совершенно таком же положении, может быть, в лучшем, чем все остальные капиталисты его сферы производства, работающие при помощи пара. Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталист сам был собственником водопада. Он по-прежнему получал бы добавочную прибыль в 10 ф. ст. не как капиталист, а как собственник водопада; и именно потому, что этот избыток происходит не от его капитала как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, могущей быть монополизированной, ограниченной в своих размерах, именно потому этот избыток превращается в земельную ренту.

Во-первых: очевидно, что эта рента всегда является дифференциальной рентой, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, но предполагает ее. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства.

Во-вторых: эта земельная рента возникает не вследствие абсолютного повышения производительной силы примененного капитала или присваиваемого им труда, — что вообще могло бы лишь уменьшить стоимость товаров, а вследствие относительно большей производительности определенных отдельных капиталов, вложенных в известную сферу производства, по сравнению с теми капиталами, которые не могут воспользоваться такими исключительными, создаваемыми природой благоприятными условиями повышения производительной силы. Если бы, например, несмотря на то, что уголь имеет стоимость, а сила воды не имеет стоимости, пользование паром все же доставляло решающие преимущества, невозможные при использовании силы воды, и если бы эти преимущества с лихвой превосходили преимущества от использования силы воды, то сила воды не находила бы применения и не могла бы породить добавочной прибыли, а следовательно, и ренты.

В-третьих: сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, которым она служит будучи естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда. Так и вообще потребительная стоимость — носитель меновой стоимости, а не ее причина. Если бы ту же

самую потребительную стоимость можно было получить без труда, она не имела бы никакой меновой стоимости, но по-прежнему сохраняла бы свою естественную полезность как потребительная стоимость. Но, с другой стороны, без потребительной стоимости, то есть без этого естественного носителя труда, вещь не имеет никакой меновой стоимости. Если бы различные стоимости не выравнивались в цены производства и различные индивидуальные цены производства не выравнивались в общую цену производства, регулирующую рынок, то простое повышение производительной силы труда вследствие использования водопада лишь понизило бы цену товаров, производимых при помощи водопада, но не повысило бы прибыли, заключающейся в этих товарах, — совершенно так же, как, с другой стороны, эта повышенная производительная сила труда вообще не превращалась бы в прибавочную стоимость, если бы капитал не присваивал себе производительную силу применяемого им труда, как естественную, так и общественную.

В-четвертых: земельная собственность на водопад сама по себе не имеет никакого отношения к созданию прибавочной стоимости (прибыли), а потому и вообще цены товара, который производится с помощью водопада. Эта добавочная прибыль существовала бы и в том случае, если бы не было никакой земельной собственности, если бы, например, земля, принадлежностью которой является водопад, использовалась фабрикантом как земля, не имеющая хозяина. Следовательно, земельная собственность не создает той части стоимости, которая превращается в добавочную прибыль, а лишь дает земельному собственнику, собственнику водопада, возможность переложить эту добавочную прибыль из кармана фабриканта в свой собственный. Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада.

В-пятых: очевидно, прежде всего, что цена водопада, то есть цена, которую получил бы земельный собственник, если бы он продал его третьему лицу или самому фабриканту, не входит в цену производства товаров, хотя входит в индивидуальные издержки производства у данного фабриканта, потому что рента возникает здесь из регулируемой независимо от водопада цены производства товаров того же рода, производимых при помощи паровых машин. Но, далее, эта цена водопада вообще является иррациональным выражением скрывающегося за ним реального экономического отношения. Водопад, как и земля вообще, как и все силы природы, не имеет никакой стоимости, потому

что в нем не овеществлено никакого труда, а потому он не имеет и цены, которая нормально есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость. Там, где нет стоимости, там eo ipso * и нечего представлять в деньгах. Цена водопада есть не что иное, как капитализированная рента. Земельная собственность дает собственнику возможность присваивать разность между индивидуальной прибылью и средней прибылью; присваиваемая таким образом прибыль, которая возобновляется ежегодно, может быть капитализирована и тогда она выступает как цена самой силы природы. Если добавочная прибыль, которую доставляет фабриканту использование водопада, составляет 10 ф. ст. в год, а средний процент 5%, то эти 10 ф. ст. в год представляют проценты на капитал в 200 фунтов стерлингов; и эта капитализация годовых 10 ф. ст., которые водопад позволяет его собственнику взять у фабриканта, выступает тогда как капитальная стоимость самого водопада. Но что стоимостью обладает не сам водопад, что цена его есть простое отражение присваиваемой добавочной прибыли, капиталистически исчисленной, это сразу обнаруживается в том, что цена в 200 ф. ст. представляет лишь добавочную прибыль по 10 ф. ст. в течение 20 лет, хотя этот же водопад при прочих равных условиях дает собственнику возможность ежегодно присваивать эти 10 ф. ст. в течение неопределенного времени, 30, 100, *x* лет, и хотя, с другой стороны, если новый метод производства, не применимый при водяной силе, понизил бы издержки производства товаров, производимых при помощи паровой машины, с 100 до 90 ф. ст., то исчезла бы добавочная прибыль, а вместе с ней и рента, а вместе с тем и цена водопада.

Установив таким образом общее понятие дифференциальной ренты, мы переходим теперь к рассмотрению ее в собственно земледелии. То, что будет сказано о земледелии, в общем относится и к рудникам.

* — тем самым. *Ред.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ПЕРВАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ (ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА I)

Рикардо вполне прав, высказывая следующее положение:

«Ренту» (то есть дифференциальную ренту; он предполагает, что вообще не существует какой-либо иной ренты, кроме дифференциальной) «всегда составляет разница продукции, полученной при затрате двух одинаковых количеств капитала и труда» («On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, p. 59).

Он должен был бы сказать еще: «на одинаковых по величине земельных участках», поскольку речь идет о земельной ренте, а не о добавочной прибыли вообще.

Иными словами: добавочная прибыль, если она создается нормально, а не благодаря случайным обстоятельствам процесса обращения, всегда производится как разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если одинаковые количества капитала и труда заняты на одинаковых по величине земельных участках и дают неодинаковые результаты. Впрочем, нет безусловной необходимости в том, чтобы эта добавочная прибыль получалась от неодинаковых результатов одинаковых количеств занятого капитала. В различных предприятиях могут быть заняты и различной величины капиталы; в большинстве случаев так и бывает; но одинаковые пропорциональные части, например 100 ф. ст. каждого капитала, дают неодинаковые результаты, то есть норма прибыли различна. Это — общая предпосылка существования добавочной прибыли в любой отрасли приложения капитала вообще. Другое дело превращение этой добавочной прибыли в форму земельной ренты (вообще ренты как формы, отличной от прибыли); необходимо поэтому исследовать, когда, как и при каких обстоятельствах происходит это превращение.

Далее, Рикардо прав, высказывая следующее положение, поскольку оно ограничивается дифференциальной рентой:

«Все, что уменьшает разницу в продукте, полученном с той же или с новой земли, имеет тенденцию уменьшить ренту; а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию ее увеличить» (там же, стр. 74).

К числу этих причин относятся, однако, не только общие (плодородие и местоположение), но и 1) распределение налогов, смотря по тому, влияет ли оно равномерно или нет; последнее всегда имеет место, когда налоги не централизованы, как, например, в Англии, и когда налог взимается не с ренты, а с земли; 2) различия, вытекающие из неодинакового развития земледелия в различных районах страны, ибо эта отрасль производства, благодаря своему традиционному характеру, труднее нивелируется, чем промышленность, и 3) неравномерное распределение капитала между арендаторами. Так как проникновение капиталистического способа производства в земледелие, превращение крестьянина из самостоятельного хозяина в наемного рабочего, является в действительности последним завоеванием этого способа производства вообще, то эти различия здесь более значительны, чем в какой-либо другой отрасли производства.

После этих предварительных замечаний я хочу в кратких чертах выяснить особенности моего понимания вопроса в отличие от Рикардо и др.

Мы рассмотрим сначала неодинаковые результаты одинаковых количеств капитала, примененных на различных земельных участках одинаковой величины, или на земельных участках неодинаковой величины, результаты, исчисленные по отношению к одинаковой земельной площади.

Две независимые от капитала общие причины этой неодинаковости результатов суть: 1) *Плодородие* (в связи с этим вопросом следует выяснить, чтó вообще и какие различные моменты подразумеваются под естественным плодородием земель). 2) *Местоположение* земельных участков. Последнее обстоятельство является решающим для колоний и вообще для последовательности, в которой могут вводиться в обработку земельные участки один за другим. Далее ясно, что эти два различных основания дифференциальной ренты, плодородие и местоположение, могут действовать в противоположном направлении. Земельный участок может быть очень хорошо расположен и быть весьма малоплодородным, и наоборот. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняет нам, почему при распашке земли в данной стране переход может совершаться точно так же от лучшей земли к худшей, как и наоборот. Наконец, ясно, что прогресс общественного производства вообще действует, с одной

стороны, нивелирующим образом на местоположение [земельных участков] как на основание дифференциальной ренты, создавая местные рынки, создавая местоположение благодаря проведению путей сообщения; а, с другой стороны, усиливает различия в местоположении земельных участков как вследствие отделения земледелия от промышленности, так и вследствие образования крупных центров производства наряду с обратной стороной этого явления: усилением относительной обособленности деревни [relative Vereinsamung des Landes].

Но сначала мы оставим этот пункт, местоположение земельного участка, в стороне и рассмотрим лишь естественное плодородие. Помимо климатических и тому подобных моментов, различие в естественном плодородии обусловливается различием химического состава верхнего слоя почвы, то есть различным содержанием необходимых для растений питательных веществ. Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы и в этом смысле одинакового естественного плодородия могут быть различны по своему действительному, эффективному плодородию в зависимости от того, находятся ли эти питательные вещества в более или менее усвояемой форме, в зависимости от формы, которой определяется бо̀льшая или меньшая непосредственная пригодность этих веществ для питания растений. Таким образом, отчасти от развития агрохимии, отчасти от развития механизации земледелия зависит, в какой степени на земельных участках одинакового естественного плодородия последнее может быть действительно использовано. Поэтому, хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно подразумевает известное отношение — отношение к данному уровню развития химических и механических средств агрикультуры, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития. Как при помощи химических средств (например, применением жидких удобрений на плотной глинистой почве или же посредством известкования тяжелой глинистой почвы), так и при помощи механических средств (например, применением особых плугов для обработки тяжелых почв) могут быть устранены препятствия, делавшие одинаково плодородные почвы фактически менее плодородными (сюда же относится и дренаж почвы). Это может изменить и самоё последовательность в обработке различных категорий почвы, как это наблюдалось, например, по отношению к легкой песчаной и тяжелой глинистой почвам в один из периодов развития английского земледелия. Это опять-таки показывает, каким образом исторически — с прогрессом земледельческой культуры — переход может совершаться как от более плодородных

земель к менее плодородным, так и обратно. Одинаковые результаты могут быть достигнуты также посредством искусственно произведенных улучшений в составе почвы или просто благодаря изменениям в методах земледелия. Наконец, тот же результат может получиться вследствие изменения типа почвы в силу различных условий подпочвы, раз последняя также вовлекается в обработку и присоединяется к пахотному горизонту. Обусловливается это отчасти применением новых земледельческих методов (например, возделыванием кормовых трав), отчасти применением механических средств, при помощи которых подпочва превращается в верхний слой почвы, или смешиваясь с ним, или же подвергается рыхлению, не перемещаясь на поверхность.

Все эти влияния на дифференциальное плодородие различных земель означают, что с точки зрения экономического плодородия степень производительности труда, в данном случае способность земледелия непосредственно использовать естественное плодородие почвы, — способность, которая различна на различных ступенях развития, — представляет собой такой же момент так называемого естественного плодородия почвы, как ее химический состав и другие ее природные свойства.

Итак, мы предполагаем определенную ступень развития земледелия. Мы предполагаем далее, что последовательность, в которой различного рода земли располагаются по своему достоинству, сообразуется с этой ступенью развития, как это, несомненно, всегда имеет место по отношению к затратам капитала, производимым на различных землях в одно и то же время. В таком случае дифференциальная рента может быть представлена по восходящей или нисходящей линии, потому что хотя порядок перехода дан для всей совокупности действительно возделываемых земель, однако никогда не прекращалось последовательное движение, в котором данный порядок складывался.

Представим четыре категории земли: *A*, *B*, *C*, *D*. Предположим далее, что цена квартера пшеницы = 3 ф. ст., или 60 шиллингам. Так как рента есть просто дифференциальная рента, то эта цена в 60 шилл. за квартер равняется на самой плохой почве цене производства [Produktionskosten] [182], то есть равняется [затраченному] капиталу плюс средняя прибыль.

Пусть *A* будет этой самой плохой землей, которая на 50 шилл. затрат дает 1 квартер = 60 шилл., следовательно, прибыль составляет 10 шилл., или 20%.

Пусть земля *B* при тех же затратах дает 2 квартера = 120 шиллингам. Это дало бы 70 шилл. прибыли, или 60 шилл. добавочной прибыли.

Пусть земля *C* при тех же затратах дает 3 квартера = 180 шиллингам; вся прибыль = 130 шиллингам. Добавочная прибыль = 120 шиллингам.

Пусть земля *D* дает 4 квартера = 240 шилл., добавочная прибыль = 180 шиллингам.

В таком случае мы имели бы такую последовательность.

ТАБЛИЦА I

Категория земли	Продукт		Авансированный капитал	Прибыль		Рента	
	квартеры	шиллинги		квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги
A	1	60	50	$^1/_6$	10	—	—
B	2	120	50	$1^1/_6$	70	1	60
C	3	180	50	$2^1/_6$	130	2	120
D	4	240	50	$3^1/_6$	190	3	180
Итого	10 кварт.	600 шилл.	—	—	—	6 кварт.	360 шилл.

Соответственно рента была бы для *D* = 190 шилл. — 10 шилл., или разности между *D* и *A;* для *C* = 130 шилл. — 10 шилл., или разности между *C* и *A;* для *B* = 70 шилл. — 10 шилл., или разности между *B* и *A;* а совокупная рента для *B*, *C*, *D* = 6 квартерам = 360 шилл., что равняется сумме разностей между *D* и *A*, *C* и *A*, *B* и *A*.

Эта последовательность, представляющая данный продукт при данных условиях, может, если рассматривать дело абстрактно (а мы уже указали причины, по которым это может иметь место и в действительности), быть и по нисходящей линии (понижаясь от *D* к *A*, от плодородной земли ко все менее и менее плодородной), и по восходящей линии (восходящей от *A* к *D*, от относительно неплодородной ко все более плодородной земле) и, наконец, попеременно, то по нисходящей, то по восходящей линии, например, от *D* к *C*, от *C* к *A*, от *A* к *B*.

Процесс, совершавшийся по нисходящей линии, был следующим: цена квартера постепенно повышается, скажем, с 15 до 60 шиллингов. Как только четырех квартеров (под этим можно подразумевать и миллионы), произведенных на земле *D*, оказалось уже недостаточно, цена пшеницы стала подниматься до тех пор, пока земля *C* не получила возможности восполнить

недостаток предложения. То есть цена должна была подняться до 20 шилл. за квартер. Когда цена пшеницы поднялась до 30 шилл. за квартер, тогда в число обрабатываемых земель могла бы войти земля *B*, а поднимись она до 60 шилл., в число обрабатываемых земель могла бы войти и земля *A*, причем это не повело бы к тому, чтобы на затраченный для этого капитал пришлось довольствоваться нормой прибыли ниже 20%. Таким образом, для земли *D* образовалась бы рента сначала в 5 шилл. с квартера, что составило бы 20 шилл. на 4 квартера, которые эта земля производит; затем в 15 шилл. с квартера = 60 шилл., а затем в 45 шилл. с квартера = 180 шилл. за 4 квартера.

Если норма прибыли с *D* первоначально также равнялась 20%, то и вся прибыль с 4 квартеров была лишь 10 шилл., что, однако, при цене хлеба в 15 шилл. представляло большее количество хлеба, чем при цене в 60 шиллингов. Но так как хлеб входит в воспроизводство рабочей силы и из каждого квартера одна часть должна возмещать заработную плату, а другая — постоянный капитал, то при этом предположении прибавочная стоимость была бы выше, а следовательно, при прочих равных условиях выше была бы и норма прибыли. (Вопрос о норме прибыли подлежит еще особому и более детальному исследованию.)

Если, напротив, последовательность была обратная, если процесс начинался с *A*, то при вводе в оборот новой пашни цена квартера сначала поднялась бы выше 60 шиллингов; но так как необходимое предложение в 2 квартера было бы предъявлено со стороны *B*, то цена опять понизилась бы до 60 шиллингов; хотя земля *B* и производит квартер за 30 шилл., все же продается он за 60 шилл., так как его предложения хватило бы как раз только для того, чтобы покрыть спрос. Таким способом образовалась бы рента сначала в 60 шилл. для земли *B* и таким же путем для земель *C* и *D* при том же прежнем предположении, что хотя действительная стоимость, по которой оба они доставляют квартер пшеницы, равняется 20 и 15 шилл., рыночная цена все же остается 60 шилл., так как предложение одного квартера, доставляемого землей *A*, по-прежнему необходимо для удовлетворения всей потребности. В этом случае возрастание спроса сверх той величины потребности, которую сначала удовлетворяла земля *A*, затем земли *A* и *B*, могло бы повести не к последовательной обработке земель *B*, *C* и *D*, а к расширению площади обработки вообще, причем могло случиться, что более плодородные земли были бы введены в оборот лишь позднее.

В первом случае [по нисходящей линии] с увеличением цены рента стала бы повышаться, а норма прибыли уменьшаться. Это уменьшение могло бы совсем или отчасти парализоваться

противодействующими обстоятельствами; на этом пункте нам позже придется остановиться подробнее. Не следует забывать, что общая норма прибыли не определяется прибавочной стоимостью во *всех* отраслях производства равномерно. Не земледельческая прибыль определяет промышленную, а наоборот. Но об этом дальше.

Во втором случае [по восходящей линии] норма прибыли на затраченный капитал осталась бы прежняя; масса прибыли выразилась бы в меньшем количестве хлеба, но относительная цена последнего по сравнению с другими товарами повысилась бы. Но увеличение прибыли, когда оно происходит, попадает не в карманы арендаторов-предпринимателей и выступает не как увеличение прибыли, а в форме ренты обособляется от прибыли. Цена же хлеба при данном предположении осталась бы неизменной.

Движение и рост дифференциальной ренты одинаковы как при неизменяющихся, так и при повышающихся ценах и как при непрерывном прогрессе от худших земель к лучшим, так и при непрерывном регрессе от лучших к худшим землям.

До сих пор мы предполагали: 1) что цена при одной последовательности повышается, при другой — остается неизменной и 2) что постоянно совершается переход от лучших земель к худшим или обратно, от худших к лучшим.

Но предположим, что потребность в хлебе увеличилась с первоначальных 10 до 17 квартеров; далее, что наихудшая земля *A* вытеснена другой землей *A*, которая при цене производства в 60 шилл. (50 шилл. издержек + 10 шилл., составляющих 20% прибыли) дает $1^1/_3$ квартера, так что цена производства 1 квартера = 45 шилл., или же предположим, что прежняя земля *A* улучшилась вследствие постоянной рациональной обработки, или что она при неизменности издержек стала производительнее обрабатываться, например, вследствие введения в севооборот клевера и т. д., так что при том же авансированном капитале продукт ее увеличился до $1^1/_3$ квартера. Предположим далее, что земли *B, C, D* по-прежнему производят одно и то же количество продукта, но обработке подверглись новые земли *A'*, стоящие по своему плодородию между *A* и *B*, и далее *B'* и *B''*, стоящие по своему плодородию между *B* и *C;* в этом случае имели бы место следующие явления:

Во-первых: цена производства квартера пшеницы, или ее регулирующая рыночная цена, упала бы с 60 до 45 шилл., или на 25%.

Во-вторых: совершился бы одновременный переход от более плодородной земли к менее плодородной и от менее плодородной земли к более плодородной. Земля *A'* более плодородна, чем

земля *A*, но менее плодородна, чем обрабатывавшиеся до сих пор земли *B*, *C*, *D*; а земли *B′*, *B″* более плодородны, чем земли *A*, *A′* и *B*, но менее плодородны, чем земли *C* и *D*. Следовательно, переход от одной земли к другой совершался бы в перекрещивающихся направлениях; обработке стала бы подвергаться не абсолютно неплодородная земля по сравнению с *A* и т. д., а относительно неплодородная по сравнению с землями *C* и *D*, которые до сих пор были наиболее плодородными; с другой стороны, переход совершился бы не к абсолютно более плодородной земле, а к относительно более плодородной по сравнению с землями *A*, — или землями *A* и *B*, — которые до сих пор были наименее плодородными.

В-третьих: произошло бы понижение ренты с земли *B*, а также с земель *C* и *D*; но общая сумма ренты, выраженная в хлебе, поднялась бы с 6 до $7^2/_3$ квартера; масса обрабатываемой и приносящей ренту земли увеличилась бы, а также увеличилась бы и масса продукта с 10 до 17 квартеров. Прибыль, хотя и осталась бы без перемены для земли *A*, однако выраженная в хлебе, она повысилась бы; возможно даже, что норма прибыли повысилась бы, так как повысилась бы относительная прибавочная стоимость. В этом случае вследствие удешевления жизненных средств уменьшилась бы заработная плата, следовательно, уменьшились бы расходы на переменный капитал, а потому и общие издержки. Вся сумма ренты, выраженная в деньгах, понизилась бы с 360 до 345 шиллингов.

Представим эту новую последовательность перехода.

ТАБЛИЦА II

Категория земли	Продукт		Затрата капитала	Прибыль		Рента		Цена производства за квартер
	квартеры	шиллинги		квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги	
A	$1^1/_3$	60	50	$^2/_9$	10	—	—	45 шилл.
A′	$1^2/_3$	75	50	$^5/_9$	25	$^1/_3$	15	36 »
B	2	90	50	$^8/_9$	40	$^2/_3$	30	30 »
B′	$2^1/_3$	105	50	$1^2/_9$	55	1	45	$25^5/_7$ »
B″	$2^2/_3$	120	50	$1^5/_9$	70	$1^1/_3$	60	$22^1/_2$ »
C	3	135	50	$1^8/_9$	85	$1^2/_3$	75	20 »
D	4	180	50	$2^8/_9$	130	$2^2/_3$	120	15 »
Итого	17	—	—	—	—	$7^2/_3$	345	—

Наконец, если бы по-прежнему продолжали возделываться только земли *A*, *B*, *C*, *D*, то их производительность возросла бы настолько, что земля *A* вместо 1 квартера давала бы 2, земля *B* вместо 2 квартеров — 4, земля *C* вместо 3 квартеров — 7 и земля *D* вместо 4 квартеров — 10, следовательно, если бы одни и те же причины различным образом повлияли бы на различного рода земли, то все производство повысилось бы с 10 до 23 квартеров. Если предположить, что спрос вследствие прироста населения и понижения цены поглотил бы эти 23 квартера, получился бы следующий результат:

ТАБЛИЦА III

Категория земли	Продукт		Затрата капитала	Цена производства квартера	Прибыль		Рента	
	квартеры	шиллинги			квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги
A	2	60	50	30	$^1/_3$	10	0	0
B	4	120	50	15	$2^1/_3$	70	2	60
C	7	210	50	$8^4/_7$	$5^1/_3$	160	5	150
D	10	300	50	6	$8^1/_3$	250	8	240
Итого	23	—	—	—	—	—	15	450

Цифры здесь, как и в остальных таблицах, произвольные, но предположения являются вполне рациональными.

Первое и основное предположение заключается в том, что улучшение в земледелии оказывает неравномерное действие на различные категории земли и в этом случае больше влияет на лучшие земли *C* и *D*, чем на земли *A* и *B*. Опыт показал, что, как правило, так и происходит, хотя может иметь место и обратный случай. Если бы улучшение больше влияло на худшие земли, чем на лучшие, то рента, получаемая с последних, понизилась бы, вместо того чтобы повыситься. — Но одновременно с абсолютным ростом плодородия всех категорий земли в таблице III предполагается сравнительно более высокий рост плодородия лучших категорий земель *C* и *D*, а потому увеличение разницы в продукте при той же затрате капитала, а потому и увеличение дифференциальной ренты.

Второе предположение заключается в том, что вместе с возрастанием всего продукта соответственно возрастает и общая потребность в нем. *Во-первых,* не следует представлять себе это

возрастание совершающимся внезапно; оно происходит постепенно до тех пор, пока не установится ряд III [таблица III]. *Во-вторых,* неверно, будто бы потребление необходимых жизненных средств не возрастает с их удешевлением. Отмена хлебных законов [183] в Англии (см. Ньюмен [184]) доказала обратное, и противоположное представление возникло лишь вследствие того, что большие и внезапные различия в урожаях, объясняющиеся только метеорологическими причинами, вызывают то несоразмерное понижение, то несоразмерное повышение цен хлеба. Если в этом случае удешевление настолько внезапно и кратковременно, что не успевает оказать полного влияния на расширение потребления, то обратное явление наблюдается в том случае, когда удешевление вытекает из уменьшения самой регулирующей цены производства, следовательно, имеет длительный характер. *В-третьих,* часть хлеба может быть потреблена в виде водки или пива. А возрастающее потребление обоих этих продуктов отнюдь не ограничено узкими пределами. *В-четвертых,* дело зависит отчасти от прироста населения, отчасти от того, что страна может быть экспортирующей хлеб, как Англия вплоть до середины XVIII века и позже, так что потребность регулируется границами не одного только национального потребления. *Наконец,* увеличение и удешевление производства пшеницы может иметь своим последствием то, что вместо ржи или овса основным средством питания массы народа сделается пшеница и уже вследствие одного этого рынок для нее возрастает подобно тому, как при уменьшении количества продукта и увеличении его цены может произойти обратное явление. — При этих предположениях, следовательно, и при взятых нами цифрах ряд III [таблица III] дает тот результат, что цена понижается с 60 до 30 шилл. за квартер, то есть на 50%; производство по сравнению с рядом I [таблица I] возрастает с 10 до 23 квартеров, то есть на 130%; рента, получаемая с земли *B,* остается без изменения; рента с земли *C* увеличивается на 25%, а с земли *D* — на $33^1/_3$%; общая сумма ренты повышается с 18 до $22^1/_2$ ф. ст., то есть на 25%.

Сравним три таблицы (причем ряд I следует брать двояко: по восходящей линии от *A* к *D* и по нисходящей от *D* к *A*), которые можно рассматривать или как данные ступени, существующие при данном состоянии общества — например, рядом одна с другой в трех различных странах, — или как ступени, следующие одна за другой в различные периоды развития одной и той же страны; из такого сравнения следует:

1) Что ряд в своем законченном виде — каков бы ни был ход процесса его образования — всегда представляется по

нисходящей линии; ибо при рассмотрении ренты всегда исходят сначала от земли, приносящей максимум ренты, и лишь в конце переходят к той земле, которая не приносит ренты.

2) Цена производства на наихудшей земле, не приносящей ренты, всегда является регулирующей рыночной ценой, хотя последняя в таблице I, отражающей восходящую линию, только потому остается неизменной, что в обработку вовлекается все время лучшая земля. В этом случае цена хлеба, произведенного на лучшей земле, становится регулирующей постольку, поскольку от количества продукта, произведенного на ней, зависит, в какой мере земля *A* остается регулирующей. Если бы производство на землях *B, C, D* превысило потребность, то земля *A* перестала бы играть регулирующую роль. Это и имел в виду Шторх, когда он признал лучшие земли регулирующими [185]. В этом смысле английские цены хлеба регулируются американскими.

3) Дифференциальная рента происходит из различия в естественном плодородии почвы (здесь еще не принимается в расчет местоположение земельного участка), данного для каждой данной ступени развития земледелия, следовательно, из ограниченности размера лучших земель и из того обстоятельства, что одинаковые капиталы приходится затрачивать на обработку неодинаковых земель, которые, следовательно, при затрате одинакового капитала дают неодинаковое количество продукта.

4) Дифференциальная рента и градация дифференциальной ренты могут возникать как по нисходящей линии вследствие перехода от лучшей земли к худшей, так и, наоборот, по восходящей линии вследствие перехода от худшей к лучшей, а также в меняющихся, перекрещивающихся направлениях. (Ряд I может образоваться посредством перехода как от *D* к *A*, так и от *A* к *D*. Ряд II [таблица II] охватывает оба рода движения.)

5) В зависимости от различных способов ее образования дифференциальная рента может возникать при постоянной, повышающейся и понижающейся цене земледельческого продукта. При понижающейся цене общее производство и общая сумма ренты могут повыситься, и на земельных участках, не приносивших до сих пор ренты, последняя может образоваться несмотря на то, что худшая земля *A* вытеснена лучшей или сама улучшилась и что рента с других лучших и даже наилучших категорий земли понижается (таблица II); этот процесс может быть также связан с понижением общей суммы ренты (выраженной в деньгах). Наконец, при понижении цен, обусловленном общим таким повышением культуры земледелия, когда количество и цена продукта с наихудшей земли умень-

шаются, рента с части лучших земель может остаться без изменений или уменьшиться, тогда как рента с наилучших земель может возрасти. Как бы то ни было, если разность масс продукта дана, дифференциальная рента со всякой земли, по сравнению с наихудшей землей, зависит от цены, например, квартера пшеницы. Но если дана цена, дифференциальная рента зависит от величины разности между массами продукта, и если при повышении абсолютного плодородия всей земли плодородие лучших видов ее повышается сравнительно больше, чем плодородие худших, то вместе с этим возрастает и величина этой разности. Так (таблица I), при цене в 60 шилл. рента с земли *D* определяется разницей в продукте по сравнению с продуктом земли *A*, то есть избытком в 3 квартера; поэтому рента = 3 × 60 = 180 шиллингам. Но в таблице III, где цена = 30 шилл., она определяется избытком продукта с земли *D* по сравнению с продуктом земли *A*, который равен 8 квартерам, что уже составляет ренту в 8 × 30 = 240 шиллингам.

Таким образом, отпадает та первая неверная предпосылка дифференциальной ренты, которая еще господствует у Уэста, Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференциальная рента необходимо предполагает переход ко все худшей и худшей земле, или же постоянно уменьшающуюся производительность земледелия [186]. Дифференциальная рента, как мы видели, может иметь место при переходе ко все лучшей и лучшей земле; дифференциальная рента может иметь место, если низшую ступень занимает лучшая земля вместо прежней худшей; она может быть связана с растущим прогрессом земледелия. Ее условием является исключительно неравенство категорий земли. Поскольку дело касается развития производительности, — постольку дифференциальная рента предполагает, что повышение абсолютного плодородия всей сельскохозяйственной площади не уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает.

С начала и до середины XVIII века в Англии, несмотря на понижающуюся цену золота и серебра, происходило непрерывное падение цен хлеба одновременно (если рассматривать весь период) с ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I, комбинированной с таблицей II по восходящей линии, но таким образом, что худшая земля *A* или подвергается улучшению или исключается из числа земель, находящихся под зерновыми культурами; это, конечно, не означает, что она не используется для других сельскохозяйственных или промышленных целей.

С начала XIX века (следует точнее обозначить время) до 1815 г. имело место непрерывное повышение хлебных цен одновременно с постоянным ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I по нисходящей линии. (Здесь следует привести цитату относительно обработки худших земель в то время.)

В эпоху Петти и Давенанта наблюдаются жалобы сельского населения и землевладельцев по поводу улучшений и распашки целины; наблюдается понижение ренты с лучших земель, повышение общей суммы ренты вследствие расширения площади земли, приносящей ренту.

(К этим трем пунктам привести потом дальнейшие цитаты, а также данные о различии в плодородии различных частей возделываемой земли в стране.)

Когда мы говорим о дифференциальной ренте, то следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства массы продуктов. Возьмем, например, таблицу I. 10 квартеров всего продукта продаются за 600 шилл., так как рыночная цена определяется ценой производства на земле *A*, которая составляет 60 шилл. с квартера. Действительная же цена производства такова:

A....................	1 квартер = 60 шилл.	1 квартер = 60 шилл.
B....................	2 квартера = 60 шилл.	1 квартер = 30 шилл.
C....................	3 квартера = 60 шилл.	1 квартер = 20 шилл.
D....................	4 квартера = 60 шилл.	1 квартер = 15 шилл.
	10 квартеров = 240 шилл.	Средняя цена 1 квартера = 24 шилл.

Действительная цена производства 10 квартеров равняется 240 шиллингам; они продаются за 600, то есть в $2^1/_2$ раза дороже. Действительная средняя цена 1 квартера равняется 24 шиллингам; рыночная цена равняется 60 шилл., то есть тоже в $2^1/_2$ раза дороже.

Перед нами определение [рыночной цены] рыночной стоимостью в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляет себя при посредстве конкуренции; эта последняя порождает ложную социальную стоимость. Это вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия. Определение рыночной стоимости продуктов, следовательно, и земледельческих продуктов, есть общественный акт, хотя и общественно бессознательный и

непреднамеренный, акт, необходимо покоящийся на меновой стоимости продукта, а не на качестве земли и различии в ее плодородии. Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 квартеров будут представлять собой количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шиллингах. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в $2^1/_2$ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли. Это оказало бы совершенно такое же влияние, как удешевление продукта на такую же сумму вследствие иностранного ввоза. Поэтому насколько справедливо утверждение, что — при условии сохранения современного способа производства, но при том предположении, что дифференциальная рента перейдет к государству, — цены земледельческих продуктов при прочих равных условиях остались бы прежние, настолько же ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежняя. Одинаковость рыночной цены однородных товаров есть способ, посредством которого на базисе капиталистического способа производства и вообще производства, покоящегося на обмене товаров между отдельными лицами, проявляется общественный характер стоимости. То, что общество, рассматриваемое как потребитель, переплачивает за продукты земли, то, что составляет минус при реализации его рабочего времени в земледельческом продукте, — составляет теперь плюс для одной части общества, для земельных собственников.

Другое обстоятельство, важное для понимания того, что будет изложено в следующей главе при рассмотрении дифференциальной ренты II, таково:

Речь идет не только о ренте с акра или гектара, не только вообще о различии между ценой производства и рыночной ценой, или между индивидуальной и общей ценой производства на акр, но также и о том, сколько акров каждой категории земли подвергается обработке. Здесь непосредственно важна лишь величина общей суммы ренты, то есть совокупной ренты, получаемой со всей обрабатываемой площади; но это служит для нас в то же время переходом к исследованию того, как повышается *норма ренты,* когда не увеличиваются ни цены, ни различия в относительном плодородии различных категорий земли при понижающихся ценах. Выше у нас было:

ТАБЛИЦА I

Категория земли	Акры	Цена производства	Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
A	1	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B	1	3 » »	2 »	1 кварт.	3 ф. ст.
C	1	3 » »	3 »	2 »	6 » »
D	1	3 » »	4 »	3 »	9 » »
Сумма	4 акра	—	10 кварт.	6 кварт.	18 ф. ст.

Предположим теперь, что обрабатываемая площадь по каждой категории удвоилась; в таком случае мы имеем:

ТАБЛИЦА Ia

Категория земли	Акры	Цена производства	Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
A	2	6 ф. ст.	2 кварт.	0	0
B	2	6 » »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C	2	6 » »	6 »	4 »	12 » »
D	2	6 » »	8 »	6 »	18 » »
Сумма	8 акров	—	20 кварт.	12 кварт.	36 ф. ст.

Предположим еще два случая: первый, когда производство расширяется на двух худших землях таким образом:

ТАБЛИЦА Ib

Категория земли	Акры	Цена производства		Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
		на акр	всего			
A	4	3 ф. ст.	12 ф. ст.	4 кварт.	0	0
B	4	3 » »	12 » »	8 »	4 кварт.	12 ф. ст.
C	2	3 » »	6 » »	6 »	4 »	12 » »
D	2	3 » »	6 » »	8 »	6 »	18 » »
Сумма	12 акров	—	36 ф. ст.	26 кварт.	14 кварт.	42 ф. ст.

и, наконец, тот случай, когда расширение производства и возделываемой площади по четырем категориям земли происходит неравномерно:

ТАБЛИЦА Ic

Категория земли	Акры	Цена производства		Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
		на акр	всего			
A	1	3 ф. ст.	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B	2	3 » »	6 » »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C	5	3 » »	15 » »	15 »	10 »	30 » »
D	4	3 » »	12 » »	16 »	12 »	36 » »
Сумма	12 акров	—	36 ф. ст.	36 кварт.	24 кварт.	72 ф. ст.

Прежде всего во всех этих случаях I, Ia, Ib, Ic рента с 1 акра остается одна и та же, так как фактически продукт одинаковой массы капитала на акр земли одной и той же категории остался неизменным; предположено только, — и это в каждый момент происходит в любой стране, — что земли различных категорий находятся в определенном отношении ко всей возделываемой земле; и предположено, — а это постоянно имеет место в двух странах при сравнении их одна с другой или в одной и той же стране в различные периоды ее развития, — что изменяется отношение, в котором вся возделываемая земельная площадь распределяется между различными категориями земли.

При сравнении таблиц Ia и I мы видим, что если обрабатываемая площадь земель всех четырех категорий возрастает в одинаковой пропорции, то с удвоением этой площади удваивается все производство, а также хлебная и денежная ренты.

Но при последовательном сравнении случаев Ib и Ic с I мы найдем, что в обоих случаях площадь обрабатываемой земли увеличивается втрое. В обоих случаях она увеличивается с 4 до 12 акров, но в Ib наибольшее увеличение происходит по категориям земли *A* и *B*, из которых земля *A* не приносит никакой ренты, а земля *B* — наименьшую дифференциальную ренту; из 8 вновь возделываемых акров на долю земли *A* и земли *B* приходится по 3, итого 6 акров, тогда как на землю *C* и землю *D* приходится лишь по 1 акру, всего 2. Другими

словами: $^3/_4$ прироста приходится на земли *A* и *B* и лишь $^1/_4$ на земли *C* и *D*. При таких данных в Ib по сравнению с I увеличению в три раза площади возделанной земли не соответствует такое же увеличение продукта, так как количество его увеличилось с 10 не до 30, а лишь до 26. С другой стороны, так как значительная часть прироста приходится на землю *A*, которая не приносит ренты, а бо́льшая часть прироста, совершившегося на лучших землях, приходится на землю *B*, то хлебная рента увеличилась лишь с 6 до 14 квартеров, а денежная рента — с 18 до 42 фунтов стерлингов.

Если мы, напротив, сравним Ic с I, то есть случай, когда площадь земли, не приносящей ренты, совсем не увеличивается в размере, земля, приносящая минимальную ренту, увеличивается по площади лишь незначительно, тогда как наибольший прирост падает на земли *C* и *D*, то мы увидим, что при увеличении площади возделанной земли в три раза производство возросло с 10 до 36 квартеров, то есть более чем в три раза; хлебная рента увеличилась с 6 до 24 квартеров, или в четыре раза, и во столько же раз увеличилась денежная рента: с 18 до 72 фунтов стерлингов.

Во всех этих случаях цена земледельческого продукта остается в сущности неизменной; во всех случаях общая сумма ренты возрастает с расширением обрабатываемой земли, поскольку оно происходит не исключительно за счет худшей земли, не приносящей никакой ренты. Но рост этот различен. В той мере, в какой расширение происходит за счет лучших категорий земли и, следовательно, масса продукта растет не только пропорционально увеличению земельной площади, но быстрее, в такой же мере увеличивается и хлебная и денежная ренты. В той мере, в какой расширение происходит преимущественно за счет наихудшей земли и на близких к ней категориях земли (причем предполагается, что категория наихудшей земли не претерпевает изменений), общая сумма ренты не увеличивается пропорционально расширению обрабатываемой площади. Следовательно, если даны две страны, в которых не приносящая ренты земля *A* одинакова по качеству, то сумма ренты будет находиться в обратном отношении к той соответственной доле, которую в общей площади возделанной земли составляют наихудшая и худшие категории почвы, а потому и в обратном отношении к массе продукта, получающейся при одинаковой затрате капитала на равновеликую общую площадь земли. Таким образом, отношение между количеством обрабатываемой земли наихудшего качества и количеством земли наилучшего качества в пределах всей

земельной площади страны оказывает на общую сумму ренты влияние, обратное тому, какое оказывает отношение между качеством наихудшей из возделываемых земель и качеством лучшей и наилучшей на ренту с акра и, следовательно, при прочих равных условиях и на сумму ренты. Смешение этих двух моментов дало повод к всевозможным нелепым возражениям против теории дифференциальной ренты.

Итак, общая сумма ренты возрастает уже вследствие одного расширения площади обрабатываемой земли и связанного с этим расширением увеличенного приложения капитала и труда к земле.

Но наиболее важным пунктом является такой: хотя, согласно предположению, отношение рент с различных категорий земли, в расчете на акр, не изменяется, а потому не изменяется и норма ренты по отношению к капиталу, затраченному на каждый акр, однако оказывается следующее: если мы сравним Ia с I — случай, когда обрабатываемая площадь и произведенная затрата капитала увеличились пропорционально, — то мы найдем, что так же, как общее производство возросло пропорционально увеличившейся площади возделанной земли — и то и другое удвоились, — возросла и общая сумма ренты. Она увеличилась с 18 до 36 ф. ст., совершенно так же, как число акров, увеличившееся с 4 до 8.

Если мы возьмем общую площадь в 4 акра, то общая сумма ренты с них составит 18 ф. ст., следовательно, средняя рента, принимая в расчет землю, которая не приносит ренты, составит $4^1/_2$ фунта стерлингов. Такой расчет мог бы сделать, например, какой-нибудь земельный собственник, которому принадлежали бы все 4 акра; и таким же образом статистика исчисляет среднюю ренту всей страны. Общая сумма ренты в 18 ф. ст. получается при применении капитала в 10 фунтов стерлингов. Отношение между обоими этими числами мы называем нормой ренты; в данном случае она составляет, следовательно, 180%.

Та же норма ренты получается в случае Ia, когда вместо 4 акров возделывается 8, но все категории земли в одинаковом отношении участвуют в приросте. Общая сумма ренты в 36 ф. ст. дает при 8 акрах и 20 ф. ст. затраченного капитала среднюю ренту в $4^1/_2$ ф. ст. с акра и норму ренты в 180%.

Если же мы, напротив, рассмотрим случай Ib, когда прирост произошел главным образом на двух худших категориях земли, то мы получим ренту в 42 ф. ст. с 12 акров, то есть среднюю ренту в $3^1/_2$ ф. ст. с акра. Весь затраченный капитал = 30 ф. ст., следовательно, норма ренты = 140%. Таким образом, средняя рента с акра уменьшилась на 1 ф. ст., а норма

ренты упала со 180% до 140%. Следовательно, при возрастании общей суммы ренты с 18 до 42 ф. ст. здесь происходит понижение средней ренты, исчисляемой как на акр, так и на капитал; понижение параллельное, но не пропорциональное возрастанию производства. Это происходит несмотря на то, что рента по всем категориям земли, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, остается прежняя. Причина заключается в том, что $^3/_4$ прироста приходится на землю *A*, не дающую ренты, и на землю *B*, дающую лишь минимальную ренту.

Если бы в случае Ib все расширение ограничилось лишь землей *A*, то мы имели бы 9 акров на земле *A*, 1 на земле *B*, 1 на земле *C* и 1 на земле *D*. Общая сумма ренты по-прежнему была бы 18 ф. ст., а следовательно, средняя рента с акра на этих 12 акрах равнялась бы $1^1/_2$ фунта стерлингов; 18 ф. ст. ренты на 30 ф. ст. затраченного капитала составляли бы норму ренты в 60%. Средняя рента, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, сильно уменьшилась бы, тогда как общая сумма ренты не возросла бы.

Сравним, наконец, случаи Ic с I и Ib. По сравнению с I земельная площадь увеличилась втрое и так же увеличился затраченный капитал. Общая сумма ренты = 72 ф. ст. с 12 акров, то есть 6 ф. ст. с акра вместо $4^1/_2$ ф. ст. в случае I. Норма ренты на затраченный капитал (72 ф. ст.: 30 ф. ст.) составляет 240% вместо 180%. Весь продукт увеличился с 10 до 36 квартеров.

По сравнению с Ib земельная площадь, затраченный капитал и разность между возделанными категориями земли остались прежние, но распределение будет иное. Здесь продукт = 36 квартерам вместо 26 квартеров, средняя рента с акра = 6 ф. ст. вместо $3^1/_2$ и норма ренты по отношению ко всему авансированному капиталу той же величины = 240% вместо 140%.

Как бы мы ни стали рассматривать различные положения, изображенные в таблицах Ia, Ib, Ic, — как положения, одновременно существующие одно возле другого в различных странах, или как последовательные положения в одной и той же стране, — мы приходим к следующим выводам: при постоянной цене хлеба — постоянной потому, что продукт с наихудшей, не приносящей ренты земли остается тот же; при неизменяющемся различии в плодородии различных категорий возделываемой земли; следовательно, при соответственно одинаковом количестве продукта при равных затратах капитала на равной площади каждой из категорий обрабатываемой земли; при постоянном вследствие этого отношении между рентами с акра каждой категории земли и при одинаковой

норме ренты на капитал, вложенный в каждый участок земли одной и той же категории: *во-первых,* сумма ренты всегда возрастает с расширением возделываемой площади, а следовательно, с увеличением затраты капитала, за исключением того случая, когда весь прирост приходится на долю не приносящей ренты земли. *Во-вторых,* как средняя рента на акр (общая сумма ренты, деленная на все число обрабатываемых акров), так и средняя норма ренты (общая сумма ренты, деленная на весь затраченный капитал) могут весьма значительно изменяться, и притом в одном направлении, но в различной мере одна по отношению к другой. Если не принимать во внимание того случая, когда расширение происходит лишь за счет земли *A*, не приносящей ренты, то оказывается, что средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал, вложенный в земледелие, зависят от того, какую долю всей возделываемой земли составляют земли различных категорий; или, что́ сводится к тому же, от распределения всего затраченного капитала между землями различного плодородия. Много ли, мало ли земли обрабатывается в стране и в зависимости от этого (за исключением того случая, когда расширение приходится лишь на долю земли *A*) больше ли, меньше ли общая сумма ренты, — средняя рента на акр и средняя норма ренты на примененный капитал остаются без изменения до тех пор, пока не изменятся пропорции различных категорий земли во всей возделываемой площади. Несмотря на повышение и даже значительное повышение общей суммы ренты, совершающееся с расширением обрабатываемой площади и увеличением затраты капитала, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал понижаются, если земельные участки, не приносящие ренты или приносящие лишь незначительную дифференциальную ренту, возрастают быстрее лучших, приносящих бо́льшую ренту земельных участков. Наоборот, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал повышаются по мере того, как лучшие земли начинают составлять относительно бо́льшую долю всей площади и на их долю поэтому приходится относительно бо́льшая затрата капитала.

Таким образом, если рассматривать среднюю ренту на акр или гектар всей возделываемой земли, как это обычно делается в статистических работах при сравнении различных стран в одну и ту же эпоху или различных эпох в одной и той же стране, то оказывается, что средняя высота ренты на акр, а потому и общая сумма ренты в известной мере (хотя отнюдь не в той же, а в значительно большей мере) соответствует не относительному, а абсолютному плодородию земледелия

в стране, то есть соответствует массе продуктов, получаемых в среднем с одинаковой земельной площади. Ибо чем бо́льшую долю общей площади составляют лучшие категории почвы, тем больше масса продуктов при одинаковой затрате капитала с земельной площади одинаковой величины и тем больше средняя рента на акр. При противоположном условии имеет место обратное. Вследствие этого кажется, что рента определяется не отношением дифференциального плодородия, а абсолютным плодородием, и что таким образом закон дифференциальной ренты уничтожается. Поэтому некоторые явления отрицаются или их пытаются объяснить несуществующими различиями средних хлебных цен и дифференциального плодородия возделываемых участков земли, — явления, основанные просто на том, что отношение общей суммы ренты как ко всей площади обрабатываемой земли, так и ко всему капиталу, вложенному в землю, при одинаковом плодородии не приносящей ренты земли, а потому и при одинаковых ценах производства и при одинаковой разнице между различными категориями земли, определяется не только рентой, получаемой на акр, или нормой ренты на капитал, но также и отношением площади земли каждой категории к общей обрабатываемой площади, или, что сводится к тому же, распределением всего затраченного капитала между различными категориями земли. До сих пор на это обстоятельство странным образом совершенно не обращали внимания. Во всяком случае оказывается, и это важно для дальнейшего хода нашего исследования, что относительная высота средней ренты на акр и средняя норма ренты, или отношение общей суммы ренты ко всему вложенному в землю капиталу, могут увеличиваться или уменьшаться просто вследствие экстенсивного расширения обрабатываемой площади при неизменяющихся ценах, неизменяющемся различии в плодородии возделываемых участков земли и неизменяющейся ренте с акра, или норме ренты на капитал, затраченный на акр по каждой действительно приносящей ренту категории земли, то есть на весь капитал, действительно приносящий ренту.

Необходимо сделать еще следующие дополнения относительно той формы дифференциальной ренты, которая исследована у нас под рубрикой I; они отчасти имеют значение и для дифференциальной ренты II.

Во-первых: мы видели, как средняя рента с акра или средняя норма ренты на капитал может повыситься при расширении

площади обрабатываемой земли, постоянных ценах и неизменяющейся разнице в плодородии возделываемых земельных участков. Когда вся земля в какой-либо стране уже присвоена, капиталовложения в землю, культура и население достигли определенной высоты, — условия, наличность которых предполагается, раз капиталистический способ производства стал господствующим, подчинив себе и земледелие, — цена необработанной земли различного качества (предполагая существование лишь дифференциальной ренты) определяется ценой возделанных участков земли одинакового качества и одинаково удобных в смысле расположения. Цена этой земли такая же — за вычетом присоединяющихся к ней издержек по распашке, — хотя она и не приносит ренты. Конечно, цена земли есть не что иное, как капитализированная рента. Но и в цене возделанных земельных участков оплачиваются лишь будущие ренты, например, сразу уплачиваются вперед ренты за двадцать лет, если определяющая процентная ставка = 5%. Раз продается земля, она продается как приносящая ренту, и перспективный характер ренты (которая рассматривается здесь как продукт земли, чем она является только по видимости) не делает разницы между невозделанной землей и возделанной. Цена невозделанных участков земли, как и рента с них, концентрированное выражение которой представляет цена земли, чисто иллюзорна, пока эти участки не будут действительно использованы. Но она определяется таким образом a priori * и реализуется, когда найдутся покупатели. Поэтому, если действительная средняя рента в известной стране определяется действительной средней годовой суммой ренты и отношением этой последней ко всей возделываемой площади, то цена невозделанной части земельной площади определяется ценой возделанной и является поэтому лишь отражением затраты капитала и ее результатов на возделанных земельных участках. Так как все категории земли, за исключением наихудшей, приносят ренту (а эта рента, как мы увидим при рассмотрении дифференциальной ренты II, возрастает вместе с массой капитала и соответствующей этой массе интенсивностью обработки), то благодаря этому образуется номинальная цена для невозделанных земель, которые таким образом становятся товаром, источником богатства для их владельцев. Этим же объясняется, почему возрастает цена земли всей области, включая сюда и невозделанную землю (Опдайк [187]). Земельная спекуляция, например в Соединенных Штатах Америки, основана лишь на

* — заранее. *Ред.*

этом отражении, которое капитал и труд отбрасывают на невозделанную землю.

Во-вторых: процесс расширения возделываемой земли вообще совершается или путем перехода к худшей земле или на различных имеющихся категориях земли в различных пропорциях в зависимости от того, что имеется в наличности. Переход к худшей земле, конечно, никогда не совершается по доброй воле, а может быть лишь, — предполагая капиталистический способ производства, — следствием повышения цен, а при всяком способе производства — лишь результатом необходимости. Но это не имеет безусловного значения. Худшей земле оказывается предпочтение перед относительно лучшей землей вследствие ее местоположения, которое имеет решающее значение при всяком расширении обрабатываемой площади в молодых странах; далее, вследствие того, что, хотя земля определенного района в целом принадлежит к числу более плодородных, все же местами встречаются земли лучшего и худшего качества, и худшую землю приходится обрабатывать уже по одному тому, что она находится в непосредственной близости к лучшей. Если худшая земля вклинивается отдельными участками в лучшую, то соседство с последней создает худшей земле преимущество по сравнению с землей более плодородной, но не прилегающей к обработанной или подлежащей обработке земле.

Так, штат Мичиган среди западных штатов начал вывозить хлеб одним из первых. Почва его в общем скудна. Но соседство со штатом Нью-Йорк и водное сообщение по озерам и каналу Эри сначала давали ему преимущество перед более плодородными от природы штатами, находящимися далее к западу. Пример этого штата по сравнению со штатом Нью-Йорк может также служить иллюстрацией перехода от лучшей к худшей земле. Почвы штата Нью-Йорк, в частности в его западной части, несравненно плодороднее, в особенности при культуре пшеницы. Хищнической обработкой эта плодородная земля была превращена в неплодородную, и почвы Мичигана оказались теперь плодороднее.

«В 1838 г. через Буффало перевозили по воде пшеничную муку на запад, главным образом из производящих пшеницу районов штата Нью-Йорк и Верхней Канады. В настоящее время, спустя лишь 12 лет, громадные запасы пшеницы и муки с запада привозят по озерам и каналу Эри через Буффало и соседнюю гавань Блэкрок для отправки водным путем на восток. Экспорт пшеницы и муки особенно стимулировался голодом в Европе в 1847 году. Вследствие этого пшеница на западе штата Нью-Йорк стала дешевле и возделывание ее сделалось менее выгодным; это побудило нью-йоркских фермеров больше заниматься животноводством, производ-

ством молочных продуктов, плодоводством и т. д., то есть такими отраслями, в которых, по их мнению, северо-запад будет не в состоянии непосредственно конкурировать с ними» (J. W. Johnston. «Notes on North America». Vol. I, London, 1851, p. 222—223).

В-третьих: неправильно предполагать, что земли в колониях и вообще в молодых странах, которые могут вывозить хлеб по более дешевой цене, непременно отличаются бо́льшим естественным плодородием. Хлеб продается в данном случае не только ниже его стоимости, но и ниже его цены производства, а именно ниже цены производства, определяемой средней нормой прибыли в более старых странах.

Если у нас, как говорит Джонстон (там же, стр. 223),

«с этими новыми штатами, из которых ежегодно подвозят в Буффало такие большие количества пшеницы, по привычке связывается представление о большом природном плодородии и беспредельном пространстве богатой земли»,

то это зависит прежде всего от экономических условий. Все население такого штата, как, например, Мичиган, занималось вначале почти исключительно сельским хозяйством и специально массовыми продуктами его, так как только их можно было обменивать на промышленные товары и на продукты из тропиков. Весь его избыточный продукт поэтому — исключительно хлеб. Уже этим прежде всего отличаются колонии, основанные на базе современного мирового рынка, от прежних и в особенности от колоний античного мира. Современные колонии получают через посредство мирового рынка готовыми те продукты, которые при других обстоятельствах им пришлось бы изготовлять самим, как то: одежду, орудия и т. д. Только на такой основе южные штаты Союза и могли сделать хлопок своим основным продуктом. Разделение труда на мировом рынке дает им эту возможность. Если поэтому *кажется,* что они, принимая во внимание их молодость и относительную малочисленность населения, производят очень большой избыточный продукт, то этим они обязаны не плодородию их почв и не плодотворности труда проживающих в них людей, а односторонней форме их труда, а следовательно, и того избыточного продукта, в котором этот труд представлен.

Далее, в относительно менее плодородной пахотной земле, но которая лишь недавно начала обрабатываться и еще не освоена в достаточной мере, при более или менее благоприятных климатических условиях бывает накоплено, во всяком случае в верхних слоях, настолько много легко растворимых веществ, необходимых для питания растений, что она долгое

время дает урожай, не требуя удобрений, даже при самой поверхностной обработке. Что касается западных прерий, следует добавить еще и то, что они почти не требуют никаких особых издержек на распашку целины, так как они пригодны для возделывания уже от природы [33a]. В менее плодородных областях этого рода избыток получается не благодаря высокому плодородию почвы, то есть не благодаря высокому урожаю на акр, а благодаря большим площадям, которые могут быть подвергнуты поверхностной обработке, так как сама эта земля или ничего не стоит возделывателю или, по сравнению со старыми странами, стоит чрезвычайно дешево. Например, там, где существует издольщина, как в некоторых районах штатов Нью-Йорк, Мичиган и в Канаде и т. д. Одна семья обрабатывает, скажем, 100 акров, и, хотя количество продукта, получаемого с акра, невелико, со 100 акров это дает значительный избыток для продажи. К этому присоединяется еще почти даровое содержание скота на естественных пастбищах, без искусственных лугов. Решающее значение имеет здесь не качество, а количество земли. Возможность такой поверхностной обработки естественно исчерпывается со временем, — тем медленнее, чем плодороднее новая земля, и тем быстрее, чем больше вывоз ее продукта.

«И все же такая земля дает превосходные первые урожаи, даже урожаи пшеницы; тот, кто снимает первые сливки с земли, может доставить на рынок большой избыток пшеницы» (там же, стр. 224).

В странах старой культуры отношения собственности, цена невозделанной земли, определяемая ценой возделанной и т. д., делают невозможным подобного рода экстенсивное хозяйство.

Следующие данные показывают, что, вопреки мнению Рикардо, эта земля не должна быть непременно очень плодородной, а также что нет необходимости в том, чтобы возделывались категории земли, одинаковые по своему плодородию: в штате Мичиган в 1848 г. было засеяно пшеницей 465 900 акров и производилось 4 739 300 бушелей, или в среднем по $10^1/_5$ бушеля на акр; по вычете семян это дает менее 9 бушелей на акр. Из 29 округов штата 2 округа производили в среднем 7 буше-

[33a] {Быстро расширяющееся возделывание таких прерий и степных земель как раз превратило в последнее время нашумевшее положение Мальтуса о том, что «население давит на средства существования» [188], в предмет детского смеха и в противоположность этому вызвало жалобы аграриев на то, что земледелие, а вместе с тем и Германия погибнут, если насильственными мерами не устранить жизненных средств, которые давят на население. Но обработка этих степей, прерий, пампасов, льяносов и т. д. едва лишь начинается; поэтому ее революционизирующее влияние на европейское сельское хозяйство будет со временем несравненно ощутительнее, чем оно было до сих пор. — *Ф. Э.*}

лей, 3—8, 2—9, 7—10, 6—11, 3—12, 4—13 бушелей и лишь 1 округ — 16 бушелей и еще 1—18 бушелей на акр (там же, стр. 225).

Для земледельческой практики большее плодородие почвы совпадает с возможностью более интенсивного немедленного использования этого плодородия. Такая возможность может быть больше у бедной от природы почвы, чем у почвы от природы богатой; колонист же прежде всего возьмется за ту почву, которая предоставляет такого рода возможность, и при недостатке капитала он вынужден будет именно так поступить.

Наконец, освоение все больших площадей новых земель — оставляя в стороне только что рассмотренный случай, когда приходится прибегать к земле худшего качества, чем та, которая до тех пор возделывалась, — освоение различных категорий земли, начиная с земли *A* и до земли *D*, то есть, например, освоение больших площадей земель *B* и *C*, отнюдь не предполагает предварительного повышения цен на хлеб, подобно тому как ежегодное расширение, например, хлопчатобумажной промышленности не требует постоянного повышения цен на пряжу. Хотя значительное повышение или понижение рыночных цен оказывает влияние на объем производства, однако, оставляя это в стороне, и при средних ценах, не оказывающих на производство ни задерживающего, ни особо оживляющего влияния, в земледелии (как и во всех других отраслях производства, которые ведутся капиталистическим способом) постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тождественно с накоплением и которое при других способах производства непосредственно вызывается ростом населения, а в колониях — постоянной иммиграцией. Потребности постоянно возрастают, и в предвидении этого все новые и новые капиталы постоянно вкладываются в новые земли, хотя и, в зависимости от обстоятельств, быть может, для производства разных земледельческих продуктов. К этому само по себе приводит образование новых капиталов. Что касается отдельного капиталиста, то объем своего производства он соразмеряет с имеющимся в его распоряжении капиталом, поскольку он еще сам в состоянии управлять своим капиталом. Он стремится лишь к тому, чтобы занять как можно больше места на рынке. Если произведено слишком много, то он обвинит в этом не себя, а своих конкурентов. Отдельный капиталист может расширять свое производство, как овладевая сравнительно большей частью существующего рынка, так и расширяя самый рынок.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

ВТОРАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ (ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II). ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

До сих пор мы рассматривали дифференциальную ренту лишь как результат различной производительности одинаковых затрат капитала на равных земельных площадях различного плодородия, так что дифференциальная рента определялась разностью между продуктом капитала, вложенного в наихудшую, не приносящую ренты землю, и продуктом капитала, вложенного в лучшую землю. При этом мы предполагали, что капиталы затрачивались одновременно на различных участках земли, так что каждой новой затрате капитала соответствовал экстенсивный рост обработки земли, расширение возделываемой площади. Но по существу дифференциальная рента являлась в конце концов лишь результатом различной производительности равных капиталов, вложенных в землю. Рассмотрим теперь, будет ли какая-нибудь разница, если капиталы различной производительности вкладываются один после другого на одном и том же участке земли и если они вкладываются одновременно в различные участки земли, — если только предположить, что результаты одни и те же.

Прежде всего нельзя отрицать, что, поскольку речь идет об образовании добавочной прибыли, совершенно безразлично, дадут ли 3 ф. ст. цены производства на акр земли *A* продукт в 1 квартер, так что 3 ф. ст. будут ценой производства и регулирующей рыночной ценой 1 квартера, тогда как 3 ф. ст. цены производства на акр земли *B* дадут 2 квартера и, таким образом, добавочную прибыль в 3 ф. ст., а 3 ф. ст. цены производства на акр земли *C* дадут 3 квартера и 6 ф. ст. добавочной прибыли, и, наконец, 3 ф. ст. цены производства на акр земли *D* дадут 4 квартера и 9 ф. ст. добавочной прибыли; или же такой результат получится от того, что эти 12 ф. ст. цены производства, соответственно 10 ф. ст. капитала, будут затрачены с таким же успехом, в такой же последовательности на одном и том же

акре. И в том и в другом случае капитал = 10 ф. ст., и стоимость его последовательно затрачивается частями в $2^1/_2$ ф. ст., — или одновременно на 4 акрах земли различного плодородия или же одна после другой на одном и том же акре, — а из этих частей, так как продукт их различен, одна не дает добавочной прибыли, между тем как другие дают добавочную прибыль, соответствующую разности между их продуктом и продуктом той затраты, которая не приносит ренты.

Добавочные прибыли и различные нормы добавочной прибыли с различных частей капитала образуются в обоих случаях одинаково. Рента же есть не что иное, как форма этой добавочной прибыли, образующей ее субстанцию. Но во всяком случае второй способ [образования добавочной прибыли] сопряжен с трудностями при превращении добавочной прибыли в ренту, этом изменении формы, которое предполагает передачу дополнительной прибыли капиталистическим арендатором собственнику земли. Вот почему английские арендаторы оказывают такое упорное сопротивление официальной сельскохозяйственной статистике. Отсюда же борьба, которую они ведут с земельными собственниками из-за установления действительных результатов их капиталовложений (Мортон). Дело в том, что величина ренты устанавливается при аренде земель, и после этого добавочная прибыль, получаемая от последовательных затрат капитала, поступает в карман арендатора вплоть до окончания срока арендного договора. Отсюда борьба арендаторов за арендные договоры на длительный срок и, наоборот, увеличение числа ежегодно расторгаемых договоров (tenancies at will) вследствие превосходства сил земельных собственников.

Поэтому ясно с самого начала: если для закона образования добавочной прибыли безразлично, вложены ли равные капиталы с различными результатами одновременно в земельные участки равной величины или последовательно друг за другом в один и тот же участок земли, то для превращения добавочной прибыли в земельную ренту это имеет существенное значение. Последний способ заключает это превращение, с одной стороны, в более узкие, с другой — в менее устойчивые границы. Поэтому в странах интенсивной культуры (а в экономическом смысле под интенсивной культурой мы понимаем не что иное, как концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого) работа таксатора, как показывает Мортон в своей работе «Resources of Estates», становится очень важной, сложной и трудной

профессией. Поэтому при таких улучшениях земли, которые сохраняют свою силу в течение продолжительного времени, в случае, когда срок арендного договора истекает, искусственно повышенное дифференциальное плодородие земли совпадает с естественным, а потому и оценка размера ренты совпадает с определением ренты земель различного плодородия вообще. Напротив, в той мере, в какой образование добавочной прибыли определяется величиной капитала, вложенного в дело, величина ренты, достигаемая при определенном размере вложенного капитала, приплюсовывается к средней ренте страны, и поэтому земельные собственники заботятся о том, чтобы новый арендатор располагал капиталом, достаточным для последующей обработки земли с прежней степенью интенсивности.

При рассмотрении дифференциальной ренты II необходимо отметить еще следующие пункты.

Во-первых: ее основой и исходным пунктом не только исторически, но и, поскольку речь идет об ее движении во всякий данный момент, является дифференциальная рента I, то есть одновременное возделывание земельных участков, различных как по своему плодородию, так и по местоположению, то есть одновременное применение различных составных частей совокупного земледельческого капитала на землях различного качества.

Исторически это само собой разумеется. В колониях колонистам приходится затрачивать лишь незначительный капитал; главными агентами производства являются труд и земля. Каждый отдельный глава семьи старается создать для себя и своих родственников поле деятельности, независимое от поля деятельности его собратьев-колонистов. В собственно земледелии уже при докапиталистических способах производства дело должно было происходить вообще таким же образом. При овцеводстве и вообще животноводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер. Капиталистический способ производства вырастает из прежних способов производства, при которых средства производства фактически или юридически составляют собственность самого земледельца, словом, из кустарного сельскохозяйственного производства. По сути дела из последнего лишь постепенно развивается концентрация средств производства и превращение их в капитал, противостоящий непосредственным производителям, превращенным

в наемных рабочих. Поскольку капиталистический способ производства выступает здесь со своими характерными чертами, это происходит в первую очередь в особенности в области овцеводства и животноводства; но проявляется это не в концентрации капитала на относительно небольшой площади земли, а в производстве в большом масштабе, благодаря чему достигается экономия на количестве лошадей и других издержках производства; в действительности здесь нет приложения большего капитала к одной и той же земле. Далее, в силу естественных законов земледелия при известной высоте культуры и соответствующем ей истощении почвы капитал, понимаемый здесь также в смысле уже произведенных средств производства, становится решающим элементом земледелия. Пока возделываемая земля составляет небольшую площадь сравнительно с невозделанной и почва еще не истощена (а таково положение при преобладании животноводства и мясной пищи в период, предшествующий периоду преобладания собственно земледелия и растительной пищи), возникающий новый способ производства противостоит крестьянскому производству именно по размеру земельной площади, обрабатываемой на средства одного капиталиста, то есть опять-таки по экстенсивной затрате капитала на земельной площади больших размеров. Таким образом, с самого начала следует иметь в виду, что дифференциальная рента I является той исторической основой, которая служит исходным пунктом. С другой стороны, движение дифференциальной ренты II в каждый данный момент начинается лишь в такой области, которая сама, в свою очередь, служит мозаичной основой для дифференциальной ренты I.

Во-вторых: при дифференциальной ренте в форме II к различию плодородия присоединяются различия в распределении капитала (и кредитоспособности) между фермерами. В собственно промышленности для каждой отрасли производства скоро определяется минимум размера предприятия и соответственно этому минимум капитала, без которого нельзя успешно вести отдельное предприятие. Точно так же в каждой отрасли производства образуется стоящий выше этого минимума нормальный средний размер капитала, которым должно располагать и располагает большинство производителей. Капитал большего размера может дать сверхприбыль; меньшего размера — не дает и средней прибыли. Капиталистический способ производства лишь медленно и неравномерно захватывает сельское хозяйство, как это можно наблюдать в Англии, классической стране капиталистического способа производства в области земледелия.

Поскольку не существует свободного ввоза хлеба или его влияние лишь ограничено, потому что размер ввоза ограничен, то рыночную цену определяют производители, работающие на худшей земле, то есть при условиях производства менее благоприятных, чем средние. Бóльшая часть общей массы капитала, который применяется в сельском хозяйстве и которым оно вообще располагает, находится в их руках.

Верно, что крестьянин, например, затрачивает много труда на обработку своей маленькой парцеллы, но труда изолированного и лишенного объективных как общественных, так и материальных условий производительности.

Это обстоятельство приводит к тому, что настоящие капиталистические фермеры имеют возможность присваивать себе часть добавочной прибыли, что не имело бы места — по крайней мере, поскольку дело касается указанной причины, — если бы капиталистический способ производства был так же равномерно развит в сельском хозяйстве, как в промышленности.

Рассмотрим сначала только образование добавочной прибыли при дифференциальной ренте II, не касаясь условий, при которых может совершиться превращение этой добавочной прибыли в земельную ренту.

В таком случае ясно, что дифференциальная рента II является лишь другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с ней. Различие в плодородии различных земель влияет при дифференциальной ренте I лишь постольку, поскольку благодаря ему вложенные в землю капиталы дают неодинаковые результаты, неодинаковое количество продуктов на капиталы одинаковой величины или дают количество продуктов, не пропорциональное величине капиталов. Получается ли это неравенство для различных капиталов, затрачиваемых один за другим на одном и том же участке земли, или для капиталов, вкладываемых в несколько земельных участков различной по качеству земли, — это ничего не может изменить в различии плодородия земли или продукта, а потому и в образовании дифференциальной ренты с тех частей капитала, которые затрачены с большей продуктивностью. По-прежнему при равных затратах капитала земля обнаруживает различное плодородие, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных по величине частей капитала дает такие же результаты, какие при дифференциальной ренте I дают различные категории почвы при затрате одинаковой величины частей общественного капитала.

Предположим, что тот же капитал в 10 ф. ст., который затрачивался в таблице I [см. стр. 710] различными фермерами в виде самостоятельных капиталов по $2^1/_2$ ф. ст. на каждый акр четырех категорий земли *A, B, C* и *D,* вместо этого затрачивается последовательно на одном и том же акре земли *D* так, что первая затрата дала бы 4 квартера, вторая — 3, третья — 2 и последняя — 1 квартер (или же в обратной последовательности). В таком случае цена 1 квартера, получаемого от наименее доходной части капитала, равная 3 ф. ст., не приносила бы дифференциальной ренты, но определяла бы цену производства до тех пор, пока была бы еще необходимость в пшенице, цена производства которой = 3 фунтам стерлингов. А так как, согласно предположению, производство ведется капиталистически и, следовательно, цена в 3 ф. ст. заключает в себе среднюю прибыль, приносимую вообще капиталом в $2^1/_2$ ф. ст., то три остальные части по $2^1/_2$ ф. ст. будут приносить, в зависимости от различия в количестве продукта, добавочную прибыль, так как этот продукт продается не по его цене производства, а по цене производства наименее доходной затраты капитала в $2^1/_2$ фунта стерлингов, затраты, которая не приносит ренты, и цена продукта которой регулируется общим законом цен производства. Образование добавочной прибыли было бы такое же, как оно представлено в таблице I.

Здесь снова оказывается, что дифференциальная рента II предполагает дифференциальную ренту I. Минимум продукта, который приносит капитал в $2^1/_2$ ф. ст., то есть капитал, вложенный в наихудшую землю, мы приняли здесь в 1 квартер. Следовательно, предполагается, что арендатор земли *D,* помимо тех $2^1/_2$ ф. ст., которые приносят ему 4 квартера, за что он уплачивает 3 квартера дифференциальной ренты, затрачивает на той же земле $2^1/_2$ ф. ст., которые приносят ему всего лишь 1 квартер, то есть столько же, сколько приносит капитал, вложенный в наихудшую землю *A*. В таком случае это была бы затрата капитала, не приносящая ренты, так как она принесла бы фермеру только среднюю прибыль. Здесь не было бы никакой добавочной прибыли, нечему было бы превращаться в ренту. Но, с другой стороны, это уменьшение продукта от второй затраты капитала на земле *D* не оказало бы никакого влияния на норму прибыли. Это было бы то же самое, как если бы $2^1/_2$ ф. ст. были вновь затрачены на какой-нибудь новый акр земли *A,* — обстоятельство, которое не оказало бы никакого влияния на добавочную прибыль, а следовательно, и на дифференциальную ренту с земель *A, B, C, D.* Для фермера же эта дополнительная затрата $2^1/_2$ ф. ст. на земле *D* была бы

выгодна как раз в такой же мере, как, согласно нашему предположению, затрата первоначальных $2^1/_2$ ф. ст. на акр земли D, хотя она приносит 4 квартера. Если, далее, следующие две затраты капитала по $2^1/_2$ ф. ст. каждая дадут ему: первая — 3, а вторая — 2 квартера дополнительного продукта, то имело бы место новое уменьшение продукта по сравнению с продуктом, полученным от первой затраты в $2^1/_2$ ф. ст. на земле D, которая дала 4 квартера, а потому 3 квартера добавочной прибыли. Но это было бы лишь уменьшением величины добавочной прибыли и не оказало бы никакого влияния ни на среднюю прибыль, ни на регулирующую цену производства. Такое влияние имело бы место только в том случае, если бы дополнительное производство, которое приносит пониженную добавочную прибыль, сделало излишним производство на земле A и таким образом исключило бы землю A из числа обрабатываемых земель. В этом случае с понижением продуктивности дополнительной затраты капитала на акре земли D было бы связано уменьшение цены производства, например, с 3 до $1^1/_2$ ф. ст., если бы землей, не приносящей ренты и регулирующей рыночную цену, сделался акр земли B.

Продукт с земли D был бы теперь $= 4 + 1 + 3 + 2 = 10$ квартерам, тогда как прежде он был равен 4 квартерам. Но цена квартера, регулируемая ценой производства на земле B, уменьшилась бы до $1^1/_2$ фунта стерлингов. Разница между [продуктами земель] D и B была бы $= 10 - 2 = 8$ квартерам, что по $1^1/_2$ ф. ст. за квартер составило бы 12 ф. ст., тогда как денежная рента с земли D раньше была $= 9$ фунтам стерлингов. Это следует отметить. Если сделать расчет на акр, то рента поднялась на $33^1/_3\%$, несмотря на уменьшившуюся норму добавочной прибыли с двух дополнительных капиталов по $2^1/_2$ ф. ст. каждый *.

Отсюда видно, какие необычайно сложные комбинации может вызвать дифференциальная рента вообще и особенно в форме II вместе с формой I, тогда как Рикардо, например, трактует ее совершенно односторонне и как простую вещь. Бывают случаи, как приведенный выше, когда происходит понижение регулирующей рыночной цены и вместе с тем увеличение ренты на плодородных землях, так что возрастает как абсолютный продукт, так и абсолютный добавочный продукт. (При дифференциальной ренте I по нисходящей линии может возрастать относительный добавочный продукт, а потому и рента с акра, хотя абсолютный добавочный продукт с акра остается

---

* Здесь допущены некоторые ошибки в расчетах. *Ред.*

тот же или даже уменьшается.) Но в то же время уменьшается продуктивность затрат капитала, которые делаются одна за другой на одной и той же земле, несмотря на то, что значительная часть их приходится на более плодородные земли. Если смотреть с одной точки зрения — с точки зрения количества продукта и цен производства — производительность труда возросла. Но с другой точки зрения она уменьшилась, так как норма добавочной прибыли и добавочный продукт на акр для различных затрат капитала на той же самой земле уменьшились.

Дифференциальная рента II при уменьшающейся продуктивности последовательных затрат капитала только в том случае была бы непременно связана с повышением цены производства и абсолютным понижением производительности, если бы эти затраты капитала могли быть произведены исключительно на худшей земле *A*. Если акр земли *A*, дававший при затрате капитала в $2^1/_2$ ф. ст. 1 квартер по цене производства в 3 ф. ст., дает при дальнейшей затрате в $2^1/_2$ ф. ст., то есть при общей затрате в 5 ф. ст., в общей сложности лишь $1^1/_2$ квартера, то цена производства этих $1^1/_2$ квартера = 6 ф. ст., а потому одного квартера = 4 фунтам стерлингов. Всякое понижение производительности при возрастающей затрате капитала было бы здесь относительным уменьшением продукта с акра, тогда как такое понижение производительности на земле лучших категорий есть лишь уменьшение дополнительного добавочного продукта.

Но по самой природе дела интенсивная агрикультура, то есть последовательные затраты капитала на одной и той же земле, развивается преимущественно или в более значительной степени на лучших землях. (Мы не говорим здесь о тех постоянно действующих улучшениях, посредством которых земли, до того времени непригодные, превращаются в пригодные.) Поэтому уменьшающаяся продуктивность последовательных затрат капитала будет сказываться преимущественно вышеуказанным образом. Лучшая земля выбирается при этом потому, что она дает наибольшие шансы прибыльного применения капитала, так как содержит в себе наибольшее количество естественных элементов плодородия, которые остается только использовать.

Когда после отмены хлебных законов агрикультура в Англии сделалась еще интенсивнее, масса земель, на которых прежде возделывалась пшеница, была использована для иных целей, а именно превращена в пастбища; напротив, плодородные земли, наиболее пригодные для возделывания пшеницы, были осушены и иным образом улучшены; капитал, применяемый

для возделывания пшеницы, был сконцентрирован на сравнительно меньшей площади земли.

В этом случае, — а все возможные нормы добавочной прибыли, находящиеся между наибольшим количеством добавочного продукта лучшей земли и количеством продукта земли *A*, не приносящей ренты, соответствуют здесь не относительному, а абсолютному увеличению добавочного продукта на акр, — вновь образовавшаяся добавочная прибыль (потенциальная рента) представляет не превратившуюся в ренту часть прежней средней прибыли (часть продукта, в которой раньше была представлена средняя прибыль), а дополнительную добавочную прибыль, которая из этой формы превращается в ренту.

Напротив, только в том случае, если бы спрос на хлеб увеличился настолько, что рыночная цена превысила бы цену производства на земле *A* и потому добавочный продукт с земель *A*, *B* или какой-либо другой категории земли можно было бы получать лишь по более высокой цене, чем 3 ф. ст., — только в этом случае уменьшение продукта от дополнительной затраты капитала на какой-либо из земель *A*, *B*, *C*, *D* было бы сопряжено с повышением цены производства и регулирующей рыночной цены. Поскольку такое положение установилось бы на сравнительно продолжительное время и не вызвало бы возделывания дополнительной земли *A* (по меньшей мере земли такого качества, как земля *A*) и вообще никакие другие влияния не привели бы к предложению хлеба по более дешевым ценам, заработная плата при прочих равных условиях повысилась бы вследствие вздорожания хлеба и соответственно этому понизилась бы норма прибыли. В этом случае было бы безразлично, удовлетворялся ли бы возросший спрос путем вовлечения в обработку земли худшего качества, чем земля *A*, или же путем дополнительной затраты капитала, все равно на какой из четырех категорий земли. Дифференциальная рента стала бы повышаться в связи с понижением нормы прибыли.

Этот один случай, когда убывающая продуктивность капиталов, дополнительно вкладываемых в земли, уже освоенные, может привести к повышению цены производства, понижению нормы прибыли и образованию более высокой дифференциальной ренты, — так как эта последняя при данных условиях повысилась бы на всех категориях земли совершенно так же, как если бы худшая, чем *A*, земля стала теперь регулировать рыночную цену, — этот случай Рикардо превращает в единственный случай, в нормальный случай, к которому он сводит все образование дифференциальной ренты II.

Так оно и было бы в действительности, если бы обрабатывалась лишь земля *A* и если бы последовательные затраты капитала, производимые на ней, не сопровождались пропорциональным ростом продукта.

Таким образом, здесь, при дифференциальной ренте II, совершенно забывают дифференциальную ренту I.

За исключением этого случая, когда или предложение продукта с уже возделываемых земель недостаточно, и потому рыночная цена в течение долгого времени превышает цену производства, пока не начнется возделывание новых, дополнительных, худших земель, или до тех пор пока весь продукт дополнительного капитала, затраченного на землях различных категорий, будет возможно сбывать по более высокой цене производства, чем прежде существовавшая, — за исключением этого случая относительное уменьшение производительности дополнительных капиталов не затрагивает регулирующей цены производства и норм прибыли. Вообще же говоря, возможны еще три следующих случая:

a) Если дополнительный капитал, вложенный в землю какого бы то ни было вида: *A, B, C, D,* дает лишь норму прибыли, определяемую ценой производства на земле *A,* то вследствие этого не образуется добавочной прибыли, а значит, и какой бы то ни было ренты, — не образуется точно так же, как если бы стала обрабатываться дополнительная земля *A*.

b) Если дополнительный капитал принесет большее количество продукта, то, само собой разумеется, образуется новая добавочная прибыль (потенциальная рента), если регулирующая цена остается прежней. Последнее не всегда имеет место, в частности, не имеет места в том случае, если это дополнительное производство исключает землю *A* из числа обрабатываемых, а вместе с тем и из числа конкурирующих категорий земли. Тогда регулирующая цена производства понижается. Норма прибыли повысилась бы, если бы с этим было сопряжено понижение заработной платы или если бы более дешевый продукт вошел как элемент в постоянный капитал. Если бы повышенная производительность дополнительных капиталов имела место на землях лучших категорий — *C* и *D,* то только от степени повышения производительности и от массы вновь вложенных капиталов зависело бы, насколько образование увеличенной добавочной прибыли (а следовательно, и увеличенной ренты) было бы связано с понижением цены и повышением нормы прибыли. Эта последняя может повышаться и без понижения заработной платы, — вследствие удешевления элементов постоянного капитала.

c) Если дополнительная затрата капитала дает уменьшающуюся добавочную прибыль, но все же продукт этой затраты оставляет избыток по сравнению с продуктом такого же капитала, затраченного на земле *A*, то, если только увеличившееся предложение не исключит землю *A* из числа обрабатываемых земель, при всех обстоятельствах происходит образование новой добавочной прибыли, причем оно может произойти одновременно на землях *D, C, B, A*. Если же, напротив, из числа обрабатываемых земель будет вытеснена худшая земля *A*, то регулирующая цена производства понизится, и от отношения между уменьшившейся ценой 1 квартера и увеличившимся числом квартеров, образующих добавочную прибыль, зависит, повышается или понижается выраженная в деньгах добавочная прибыль, а следовательно, и дифференциальная рента. Но во всяком случае здесь обнаруживается то любопытное обстоятельство, что при уменьшении добавочной прибыли от последовательных затрат капитала цена производства может уменьшаться, вместо того чтобы обязательно повышаться, как это представляется с первого взгляда.

Эти дополнительные затраты капитала с убывающими добавочными продуктами как раз соответствуют такому случаю, когда на землях, стоящих по своему плодородию между землями *A* и *B*, землями *B* и *C*, землями *C* и *D*, были бы, например, затрачены четыре новых самостоятельных капитала по $2^1/_2$ ф. ст., которые приносили бы соответственно $1^1/_2$ квартера, $2^1/_3$, $2^2/_3$ и 3 квартера. На всех этих землях, на все четыре дополнительных капитала образовались бы добавочные прибыли, потенциальные ренты, хотя норма добавочной прибыли по сравнению с той, которую приносит равная затрата капитала на соответственно лучшей земле, и уменьшилась бы. При этом было бы совершенно безразлично, вложены ли эти четыре капитала в землю *D* и т. д. или же распределены между землями *D* и *A*.

Мы подходим теперь к существенному различию между обеими формами дифференциальной ренты.

Когда речь идет о дифференциальной ренте I, здесь при неизменяющейся цене производства и неизменяющихся разностях [между продуктами различных земель] вместе с общей суммой ренты может повыситься средняя рента на акр или средняя норма ренты на капитал. Но среднее — это лишь абстракция. Действительный уровень ренты, в расчете на акр или на капитал, здесь остается прежний.

Напротив, уровень ренты, при расчете на акр, при тех же условиях может повыситься, хотя норма ренты, вычисленная на вложенный капитал, остается прежней.

Предположим, что производство удваивается вследствие того, что на каждой из категорий земли *A, B, C, D* вкладывается капитала не по $2^1/_2$, а по 5 ф. ст., то есть в общем 20 ф. ст. вместо 10 ф. ст., причем относительное плодородие остается прежнее. Это было бы совершенно то же самое, как если бы вместо 1 акра каждой из этих категорий земли обрабатывалось 2 акра, причем издержки оставались бы те же. Норма прибыли не изменилась бы, равно как и ее отношение к добавочной прибыли или ренте. Если же земля *A* и стала бы приносить теперь 2 квартера, земля *B* — 4, земля *C* — 6, земля *D* — 8, то цена производства по-прежнему равнялась бы 3 ф. ст. за квартер, так как этот прирост был бы обязан своим происхождением не удвоившемуся плодородию при прежнем капитале, а прежнему плодородию при удвоившемся капитале. Эти 2 квартера с земли *A* стоили бы теперь 6 ф. ст., как раньше 1 квартер стоил 3 фунта стерлингов. Прибыль на всех четырех категориях земли удвоилась бы, но только потому, что удвоился вложенный капитал. И рента удвоилась бы, возросла бы в том же отношении; она равнялась бы 2 квартерам для земли *B* вместо 1 квартера, 4 квартерам для земли *C* вместо 2 и 6 квартерам для земли *D* вместо 3, и соответственно этому денежная рента для земель *B, C, D* равнялась бы 6 ф. ст., 12 ф. ст., 18 фунтам стерлингов. Как и продукт на акр, удвоилась бы и денежная рента при расчете на акр, а следовательно, цена земли, в которой капитализируется эта денежная рента. Согласно такому расчету, повышаются хлебная и денежная ренты, а следовательно, и цена земли, так как масштаб, которым измеряется последняя, акр, есть земельная площадь постоянной величины. Напротив, в норме ренты, то есть в отношении ренты к вложенному капиталу, не произошло никакого изменения. Общая сумма ренты в 36 ф. ст. относится к вложенному капиталу в 20 ф. ст., как общая сумма ренты в 18 ф. ст. к вложенному капиталу в 10 фунтов стерлингов. То же самое справедливо и для отношения денежной ренты, получаемой с земли каждой категории, к вложенному в последнюю капиталу; так, например, 12 ф. ст. ренты с земли *C* относятся к 5 ф. ст. капитала, как раньше 6 ф. ст. ренты относились к $2^1/_2$ ф. ст. капитала. При этом не образуется новых различий между вложенными капиталами, но образуются новые добавочные прибыли только потому, что дополнительный капитал вкладывается в какую-либо из приносящих ренту земель или во все земли и дает при этом пропорционально своей величине прежний продукт. Если бы двойная затрата капитала была произведена, например, лишь на земле *C*, то дифференциальная рента между *C, B* и *D*

по отношению к капиталу осталась бы той же, потому что хотя масса ренты, полученная с земли *C*, и удвоилась бы, но удвоился бы и вложенный капитал.

Отсюда видно, что при неизменной цене производства, неизменной норме прибыли и неизменных разностях [между продуктами различных земель] (а потому при неизменной норме добавочной прибыли или ренты, взятой в отношении к капиталу) высота ренты, выраженной в продукте и в деньгах, получаемых с акра, а следовательно, и цена земли могут повыситься.

То же самое может произойти при уменьшающихся нормах добавочной прибыли, а потому и ренты, то есть при уменьшающейся производительности дополнительных затрат капитала, все еще приносящих ренту. Если бы вторичные затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. не дали удвоенного продукта, а на земле *B* получилось бы лишь $3^1/_2$ квартера, на земле *C* — 5 и на земле *D* — 7 квартеров, то дифференциальная рента на земле *B* для второй затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. равнялась бы лишь $^1/_2$ квартера вместо 1, на земле *C* — 1 квартеру вместо 2 и на земле *D* — 2 квартерам вместо 3. Отношение между рентой и капиталом для обеих последовательных затрат было бы следующее:

	Первая затрата		Вторая затрата	
B:	рента 3 ф. ст.,	капитал $2^1/_2$ ф. ст.	Рента $1^1/_2$ ф. ст.,	капитал $2^1/_2$ ф. ст.
C:	» 6 » »	» $2^1/_2$ » »	» 3 » »	» $2^1/_2$ » »
D:	» 9 » »	» $2^1/_2$ » »	» 6 » »	» $2^1/_2$ » »

Несмотря на такое относительное понижение нормы производительности капитала, а потому и добавочной прибыли, взятой по отношению к капиталу, хлебная и денежная ренты повысились бы для земли *B* с 1 до $1^1/_2$ квартера (с 3 до $4^1/_2$ ф. ст.), для земли *C* — с 2 до 3 квартеров (с 6 до 9 ф. ст.) и для земли *D* — с 3 до 5 квартеров (с 9 до 15 фунтов стерлингов). В этом случае разности для дополнительных капиталов по сравнению с капиталом, вложенным в землю *A*, уменьшились бы, цена производства осталась бы прежняя, но рента на акр, а следовательно, и цена земли за акр увеличились бы.

Что же касается комбинаций дифференциальной ренты II, которая предполагает как свою основу дифференциальную ренту I, то они следующие.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ: ПОСТОЯННАЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА

Это условие предполагает, что рыночная цена по-прежнему регулируется капиталом, вложенным в наихудшую землю *A*.

I. Если дополнительный капитал, вложенный в какую-либо из приносящих ренту земель *B, C, D*, производит лишь столько, сколько производит такой же капитал, вложенный в землю *A*, то есть если при регулирующей цене производства он приносит лишь среднюю прибыль, не давая, таким образом, никакой добавочной прибыли, то влияние, оказываемое им на ренту, равно нулю. Все остается по-старому. Это равносильно тому, как если бы любое число акров земли *A*, наихудшей земли, было присоединено к уже возделываемой земельной площади.

II. Дополнительные капиталы производят на землях всех категорий дополнительные продукты пропорционально величине этих капиталов, то есть производство возрастает в зависимости от специфического плодородия земли каждой категории, пропорционально величине дополнительного капитала. В XXXIX главе исходным пунктом нам служила следующая таблица I:

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	1	3	3	0	0	0
B	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	2	3	6	1	3	120%
C	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	3	3	9	2	6	240%
D	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	4	3	12	3	9	360%
Итого	4	10	—	12	10	—	30	6	18	—

Теперь из нее получается:

ТАБЛИЦА II

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	2	3	6	0	0	0
B	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	4	3	12	2	6	120%
C	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	6	3	18	4	12	240%
D	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	8	3	24	6	18	360%
	4	20	—	—	20	—	60	12	36	—

В данном случае нет необходимости в том, чтобы капитал вкладывался в каждую из категорий земли в удвоенном размере, как это имеет место в таблице. Закон остается тот же, если только на какой-либо одной или нескольких категориях земли, приносящей ренту, затрачен дополнительный капитал в какой бы то ни было пропорции. Необходимо лишь, чтобы производство на всех этих землях увеличивалось в том же отношении, в каком увеличивается капитал. Рента повышается здесь исключительно благодаря увеличению вложенного в землю капитала и соразмерно с этим увеличением капитала. Такое увеличение продукта и ренты, являющееся следствием увеличения вложенного капитала и пропорциональное ему, ничем не отличается ни по количеству продукта, ни по величине ренты от того случая, когда увеличивается возделываемая площадь равных по качеству участков земли, приносящих ренту, и начинает возделываться с такой же затратой капитала, с какой совершалась раньше обработка земельных участков того же качества. В случае, изображенном таблицей II, например, результат был бы тот же, если бы дополнительный капитал в $2^1/_2$ ф. ст. на акр был затрачен на вторые акры земель *B*, *C* и *D*.

Этот пример не предполагает, далее, какого-либо более продуктивного применения капитала, а лишь применение

большего капитала к той же площади и с теми же результатами, как и до того времени.

Все относительные величины здесь остаются прежние. Конечно, если рассматривать не относительные различия, а чисто арифметические, то окажется, что дифференциальная рента, получаемая с различных категорий земли, может изменяться. Предположим, например, что дополнительный капитал был вложен лишь в земли *B* и *D*. В таком случае разница между продуктом земель *D* и *A* = 7 квартерам; прежде эта разница была = 3; между продуктом земель *B* и *A* = 3 квартерам; прежде была = 1; разница между продуктом земель *C* и *B* = — 1; прежде была = + 1 и т. д. Но эта арифметическая разница, имеющая решающее значение при дифференциальной ренте I, поскольку в ней выражается различие в производительности при одинаковом размере вложенного капитала, в данном случае не имеет никакого значения, так как является лишь следствием вложения различных дополнительных капиталов, причем разница для каждой равной части капитала на различных участках не изменяется.

III. Дополнительные капиталы приносят дополнительный продукт и образуют поэтому добавочные прибыли, но с понижающейся нормой, не пропорционально увеличению дополнительных капиталов.

ТАБЛИЦА III

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	1	3	3	0	0	0
B	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$2+1^1/_2=3^1/_2$	3	$10^1/_2$	$1^1/_2$	$4^1/_2$	90%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$3+2 \quad =5$	3	15	3	9	180%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$4+3^1/_2=7^1/_2$	3	$22^1/_2$	$5^1/_2$	$16^1/_2$	330%
	—	$17^1/_2$	$3^1/_2$	21	17	—	51	10	30	—

При этом третьем предположении опять-таки безразлично, приходятся или нет вторичные дополнительные равномерные

или неравномерные затраты капитала на земли разных категорий; в одинаковых или неодинаковых отношениях уменьшается производство добавочной прибыли; вкладывается дополнительный капитал в одну и ту же категорию земли, приносящую ренту, или распределяется, равномерно или неравномерно, между приносящими ренту землями различного качества. Все эти обстоятельства не имеют никакого значения для выводимого нами закона. Единственное предположение, которое мы делаем, заключается в том, что дополнительный капитал, вложенный в приносящую ренту землю какой бы то ни было категории, дает добавочную прибыль, но в уменьшающейся пропорции по сравнению со степенью увеличения капитала. Пределы этого уменьшения колеблются в примерах находящейся перед нами таблицы между 4 квартерами = 12 ф. ст., продуктом первой затраты капитала на наилучшей земле *D*, и 1 квартером = 3 ф. ст., продуктом такой же затраты капитала на наихудшей земле *A*. Продукт лучшей земли при затрате капитала I представляет максимальную границу, а продукт наихудшей земли *A*, не приносящей ренты, не дающей никакой добавочной прибыли при одинаковой затрате капитала, — минимальную границу продукта, получаемого от последовательных затрат капитала на приносящих добавочную прибыль землях, при убывающей производительности последовательных затрат капитала. Если предположение II соответствует тому случаю, когда новые одинаковые по качеству участки земли лучших категорий присоединяются к возделываемой земельной площади, когда увеличивается количество какой-либо категории возделанной земли, то предположение III соответствует тому случаю, когда возделываются дополнительные земельные участки, различные степени плодородия которых распределяются между землями *D* и *A*, между плодородием лучшей и худшей земли. Если последовательные затраты капитала производятся исключительно на земле *D*, то они могут заключать в себе различия, существующие между землями *D* и *A*, далее — различия между землями *D* и *C*, равно как и различия между землями *D* и *B*. Если же все они производятся на земле *C*, то лишь различия между землями *C* и *A* или *B*; если на земле *B*, то лишь различия между землями *B* и *A*.

Но закон таков: рента на землях всех этих категорий абсолютно возрастает, хотя и не пропорционально дополнительно вложенному капиталу.

Норма добавочной прибыли уменьшается как по отношению к дополнительному капиталу, так и по отношению ко всему вложенному в землю капиталу; но абсолютная величина

добавочной прибыли возрастает; совершенно так же, как уменьшение нормы прибыли на капитал вообще по большей части связано с увеличением абсолютной массы прибыли. Так, средняя норма добавочной прибыли, получаемой с капитала, вложенного в землю *B*, = 90% на капитал, тогда как при первой затрате капитала она была = 120%. Но совокупная добавочная прибыль увеличивается с 1 квартера до $1^1/_2$ и с 3 ф. ст. до $4^1/_2$. Вся рента, взятая сама по себе, а не по отношению к удвоившемуся размеру авансированного капитала, абсолютно возросла. Разница между рентами различных категорий земли и их отношение друг к другу могут здесь изменяться; но это изменение разницы является следствием, а не причиной увеличения рент по отношению друг к другу.

IV. Случай, когда дополнительные затраты капитала на лучших землях производят большее количество продукта, чем первоначальные затраты, не требует дальнейшего анализа. Само собой разумеется, что при этом предположении ренты, получаемые с акра, повышаются, и притом в большей пропорции, чем дополнительный капитал, в какую бы категорию земли он ни был вложен. В этом случае дополнительная затрата капитала соединяется с улучшением земли. Сюда же относятся случаи, когда дополнительная затрата меньшего капитала производит то же или большее действие, чем прежняя дополнительная затрата большего капитала. Случай этот не совсем тождествен с прежним, причем различие, существующее между ними, имеет важное значение при всех затратах капитала. Если, например, 100 единиц дают прибыль в 10 единиц, а 200 единиц, при определенной форме применения, дают прибыль в 40 единиц, то прибыль увеличилась с 10% до 20%, и постольку это равносильно тому, как если бы 50 единиц, при более целесообразной форме применения, дали прибыль в 10 единиц вместо 5 единиц. Мы предполагаем здесь, что увеличение прибыли связано с соответственным увеличением продукта. Но различие заключается в том, что в одном случае я должен удвоить капитал, тогда как в другом — я получаю удвоенный эффект при прежнем капитале. Отнюдь не безразлично, производится ли: 1) прежний продукт при половине прежнего количества живого и овеществленного труда или 2) удвоенный продукт при прежнем количестве труда, или 3) учетверенный продукт при удвоенном количестве труда. В первом случае труд — в живой или овеществленной форме — высвобождается и может быть употреблен иным способом; возможность располагать трудом и капиталом увеличивается. Высвобождение капитала (и труда) само по себе есть увеличение богатства; оно оказывает совершенно то же

действие, как если бы этот дополнительный капитал был получен путем накоплений, но оно сберегает труд накопления.

Положим, что капитал [создающий цену производства] в 100 единиц, произвел продукт в 10 метров. В 100 единицах содержится как постоянный капитал, так и живой труд и прибыль. Таким образом, метр стоит 10 единиц. Если теперь при помощи того же капитала в 100 единиц я могу произвести 20 метров, то метр будет стоить 5 единиц. Если, напротив, я могу с капиталом в 50 единиц произвести 10 метров, то метр будет также стоить 5 единиц, причем высвобождается капитал в 50 единиц, если только прежнее предложение товара является достаточным. Если я должен затратить капитал в 200 единиц, чтобы произвести 40 метров, то метр также будет стоить 5 единиц. Определение стоимости, равно как и цены, так же мало позволяет уловить здесь какое-либо различие, как и отношение массы продукта к авансированному капиталу. Но в одном случае высвобождается капитал; в другом случае — сберегается дополнительный капитал, когда требуется удвоение продукции; в третьем случае увеличенный продукт можно получить лишь при том условии, если увеличится авансированный капитал, хотя и не в такой пропорции, какая потребовалась бы, если бы большее количество продукта пришлось изготовлять при прежней производительной силе. (Относится к отделу I.)

С точки зрения капиталистического производства, имея в виду не увеличение прибавочной стоимости, а уменьшение издержек производства, — а сокращение издержек даже на элемент, образующий прибавочную стоимость, на труд, уменьшает капиталисту издержки производства и образует для него прибыль, пока регулирующей ценой производства остается прежняя, — применение постоянного капитала всегда дешевле, чем переменного. В действительности это предполагает соответствующее капиталистическому способу производства развитие кредита и обилие ссудного капитала. С одной стороны, я применяю 100 ф. ст. дополнительного постоянного капитала, если 100 ф. ст. составляют продукт 5 рабочих в течение года; с другой стороны — 100 ф. ст. в виде переменного капитала. Если норма прибавочной стоимости = 100%, то стоимость, произведенная 5 рабочими, = 200 фунтам стерлингов; напротив, стоимость 100 ф. ст. постоянного капитала = 100 ф. ст., а как капитала, быть может, она = 105 ф. ст., если процентная ставка = 5%. Одни и те же денежные суммы, в зависимости от того, авансированы ли они для производства как стоимость

постоянного или же как стоимость переменного капитала, выражают, если рассматривать их продукт, весьма различные стоимости. Что касается, далее, издержек производства товаров, с точки зрения капиталиста, то разница заключается еще в том, что из этих 100 ф. ст. постоянного капитала, поскольку они вложены в основной капитал, в стоимость товара входит лишь износ, тогда как 100 ф. ст., израсходованные на заработную плату, должны быть целиком воспроизведены.

У колонистов и вообще у самостоятельных мелких производителей, которые совсем не располагают капиталом или могут располагать им только из высоких процентов, часть продукта, соответствующая заработной плате, представляет их доход, тогда как для капиталистов она является авансированием капитала. Поэтому первый смотрит на эту затрату труда как на необходимое условие производства продукта труда, который прежде всего и имеется в виду. Что же касается прибавочного труда, затрачиваемого им сверх необходимого труда, то он, конечно, реализуется в прибавочном продукте; и поскольку он может продать или лично потребить его, этот продукт рассматривается им как продукт, который ничего ему не стоил, так как он не стоил овеществленного труда. Только расходование этого последнего имеет для него значение отчуждения богатства. Он естественно стремится продавать как можно дороже; но и продажа ниже стоимости и ниже капиталистической цены производства все еще имеет для него значение прибыли, если только эта прибыль не антиципирована задолженностью, ипотеками и т. д. Напротив, для капиталистов затрата как переменного, так и постоянного капитала в одинаковой мере является авансированием капитала. Относительно большее авансирование постоянного капитала уменьшает при прочих равных условиях издержки производства, как и действительную стоимость товаров. Поэтому, хотя прибыль возникает лишь из прибавочного труда, следовательно, лишь из применения переменного капитала, все же отдельному капиталисту может казаться, что живой труд является наиболее дорогим элементом издержек производства, который больше всего следует сводить к минимуму. Это лишь капиталистически извращенная форма той истины, что относительно большее применение прошлого труда, по сравнению с живым, знаменует повышение производительности общественного труда и увеличение общественного богатства. Вот в каком ложном виде, каким перевернутым на голову представляется все с точки зрения конкуренции.

При условии неизменных цен производства дополнительные затраты капитала могут быть сделаны с постоянной, возрастающей или с убывающей производительностью на лучших землях, то есть на всех землях, начиная с земли *B* и выше. На земле *A* предполагаемое нами сохранение неизмененных цен производства было бы возможно или только при прежней производительности, когда земля *A* по-прежнему не дает ренты, или же при условии возрастания производительности; в таком случае одна часть вложенного в землю *A* капитала приносила бы ренту, другая — нет. Но оно было бы невозможно при предположении, что производительная сила на земле *A* уменьшается, потому что в таком случае цена производства не осталась бы той же, а повысилась бы. Но при всех этих обстоятельствах, то есть будет ли приносимый дополнительными затратами добавочный продукт пропорционален их величине, будет ли он выше или ниже этой пропорции, — остается ли поэтому норма добавочной прибыли на капитал при возрастании последнего та же самая, повышается она или понижается, — добавочный продукт и соответствующая ему добавочная прибыль с акра возрастает, а следовательно, может возрасти как хлебная рента, так и денежная. Возрастание просто массы добавочной прибыли, соответственно ренты, при расчете на акр, то есть увеличение массы добавочной прибыли на какую-нибудь постоянную единицу, в данном случае, следовательно, на какое-нибудь определенное количество земли, акр или гектар, получает здесь выражение как возрастающая пропорция. Поэтому рента с акра возрастает при этих условиях просто вследствие увеличения капитала, вложенного в землю. И притом это происходит при неизменяющихся ценах производства, а потому, напротив, безразлично, остается ли производительность дополнительного капитала прежняя, уменьшается ли она или увеличивается. Эти последние обстоятельства изменяют размер возрастания ренты на акр, но не самый факт этого возрастания. Это — явление, свойственное дифференциальной ренте II и отличающее ее от дифференциальной ренты I. Если бы дополнительные затраты капитала производились не одна за другой, последовательно во времени, на одной и той же земле, а последовательно в пространстве, одна рядом с другой, на новых дополнительных участках земли соответствующего качества, то увеличилась бы общая масса ренты, а также, как это показано раньше, средняя рента со всей возделываемой площади, но не высота ренты с акра. При неизменном результате, поскольку учитываются масса и стоимость всего производства и добавочного продукта, концентрация

капитала на земельной площади меньшего размера повышает размер ренты с акра, тогда как распыление того же капитала на земельной площади бо́льших размеров при прочих равных условиях не оказывает такого действия. Но чем больше развивается капиталистический способ производства, тем больше концентрируется капитал на одной и той же земельной площади, тем больше, следовательно, повышается рента в расчете на акр. Таким образом, если мы возьмем две страны, в которых цены производства были бы одинаковы, различия между землями одинаковы и была бы вложена одинаковая масса капитала, но в одной стране преимущественно в виде последовательных затрат на ограниченной земельной площади, в другой — преимущественно в виде координированных затрат на более обширной площади, то рента с акра, а потому и цена земли была бы выше в первой и ниже во второй стране, хотя масса ренты в обеих странах была бы одинакова. Следовательно, различие в высоте ренты можно было бы объяснить здесь не различием естественного плодородия различных по качеству земель и не количеством затраченного труда, а исключительно различным способом затрат капитала.

Когда мы здесь говорим о добавочном продукте, то всегда под этим подразумевается соответственная часть продукта, в которой представлена добавочная прибыль. Вообще же под прибавочным продуктом или добавочным продуктом мы понимаем ту часть продукта, которая представляет всю прибавочную стоимость, а в единичных случаях — ту часть продукта, в которой представлена средняя прибыль. Специфическое значение, придаваемое этому понятию в тех случаях, когда речь идет о капитале, приносящем ренту, дает, как это было указано выше, повод к недоразумениям.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ВТОРОЙ СЛУЧАЙ: ПОНИЖАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА

Цена производства может понизиться, если дополнительные затраты капитала происходят при неизменяющейся, убывающей или повышающейся норме производительности.

I. При неизменяющейся производительности дополнительных затрат капитала.

Этот случай, следовательно, предполагает, что количество продукта на различных землях возрастает соответственно их качеству в той же мере, в какой возрастает вложенный в них капитал. Это предполагает, при неизменяющихся различиях между землями, возрастание добавочного продукта, пропорциональное возрастанию затраченного капитала. Следовательно, случай этот исключает всякие влияющие на дифференциальную ренту дополнительные затраты капитала на земле *A*. На ней норма добавочной прибыли = 0; следовательно, она остается = 0, так как мы предположили, что производительная сила дополнительного капитала, а потому и норма добавочной прибыли не изменяются.

Но регулирующая цена производства может при этих условиях понизиться только потому, что регулирующей становится не цена производства на земле *A*, а цена производства на ближайшей по качеству земле *B*, или вообще на какой-нибудь земле, лучшей, чем земля *A;* если бы цена производства на земле *C* сделалась регулирующей, то капитал был бы извлечен из земли *A* или даже из земель *A* и *B*, и таким образом вся земля, худшая, чем земля *C*, перестала бы конкурировать с землями, на которых возделывается пшеница. Условие, необходимое для этого при данных предположениях, заключается в том, чтобы дополнительный продукт, получаемый благодаря дополнительным затратам капитала, удовлетворял потребностям, и таким образом производство на худшей земле *A* и т. д. сделалось бы излишним для обеспечения предложения.

Итак, возьмем, например, таблицу II, но изменим ее таким образом, чтобы не 20 квартеров, а 18 удовлетворяли потребностям. В таком случае земля *A* отпала бы; земля *B*, а вместе с ней цена производства в 30 шилл. за квартер стала бы регулирующей. Дифференциальная рента принимает тогда следующую форму:

ТАБЛИЦА IV

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена за кварт. ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	$1^1/_2$	9	2	3	60%
D	1	5	1	6	8	$1^1/_2$	12	4	6	120%
Итого	3	15	3	18	18	—	27	6	9	—

Таким образом, вся рента по сравнению с таблицей II понизилась бы с 36 ф. ст. до 9, а хлебная — с 12 квартеров до 6; все производство сократилось бы лишь на 2 квартера, с 20 до 18. Норма добавочной прибыли, вычисленная по отношению к капиталу, понизилась бы втрое, с 180% до 60%. Следовательно, понижению цены производства здесь соответствует уменьшение хлебной и денежной рент.

По сравнению с таблицей I происходит уменьшение лишь денежной ренты; хлебная рента в обоих случаях равняется 6 квартерам, а денежная рента в одном случае = 18 ф. ст., в другом = 9 фунтам стерлингов. Для земли *C* хлебная рента по сравнению с таблицей I осталась прежняя. Благодаря тому, что добавочное производство, достигнутое применением дополнительного капитала равной производительности, вытеснило с рынка продукт земли *A* и вместе с тем устранило землю *A* из числа конкурирующих элементов производства, — благодаря этому в действительности образовалась новая дифференциальная рента I, для которой лучшая земля *B* играет ту же роль, какую раньше играла более плохая земля *A*. Вследствие этого, с одной стороны, отпадает рента с земли *B*; с другой стороны, согласно предположению, затрата дополнительного капитала ничего не изменила в различиях между землями *B*,

C и *D*. Поэтому часть продукта, превращающаяся в ренту, уменьшается.

Если бы результат, о котором говорится выше, — удовлетворение спроса при исключении земли *A* — был получен более чем двойной затратой капитала на землях *C* или *D* или на обеих вместе, то дело приняло бы другой оборот. Например, если бы третья затрата капитала была произведена на земле *C:*

ТАБЛИЦА IVa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	$7^1/_2$	$1^1/_2$	9	9	$1^1/_2$	$13^1/_2$	3	$4^1/_2$	60%
D	1	5	1	6	8	$1^1/_2$	12	4	6	120%
Итого	3	$17^1/_2$	$3^1/_2$	21	21	—	$31^1/_2$	7	$10^1/_2$	—

Количество продукта с земли *C* увеличилось здесь по сравнению с таблицей IV с 6 до 9 квартеров, количество добавочного продукта — с 2 до 3 квартеров, денежная рента возросла с 3 до $4^1/_2$ фунта стерлингов. В сравнении же с таблицей II, где денежная рента = 12 ф. ст., и таблицей I, где она = 6 ф. ст., она, напротив, уменьшилась. Общая сумма хлебной ренты, равной 7 квартерам, уменьшилась по сравнению с таблицей II (12 квартеров), повысилась по сравнению с таблицей I (6 квартеров); денежная рента ($10^1/_2$ ф. ст.) уменьшилась по сравнению с обеими (18 ф. ст. и 36 фунтов стерлингов).

Если бы третий капитал в $2^1/_2$ ф. ст. был применен на земле *B,* то хотя это и изменило бы объем производства, но не коснулось бы ренты, так как, согласно предположению, последовательные затраты капитала на одной и той же земле не обусловливают никакого различия, а земля *B* ренты не приносит.

Напротив, если бы третья затрата капитала была произведена на земле *D* вместо земли *C,* то у нас получилась бы следующая картина:

ТАБЛИЦА IVb

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	$1^1/_2$	9	2	3	60%
D	1	$7^1/_2$	$1^1/_2$	9	12	$1^1/_2$	18	6	9	120%
Итого	3	$17^1/_2$	$3^1/_2$	21	22	—	33	8	12	—

Здесь общее количество продукта = 22 квартерам, более чем удвоилось по сравнению с таблицей I, хотя авансированный капитал = лишь $17^1/_2$ ф. ст., по сравнению с 10 ф. ст., то есть не удвоился по сравнению с 10 фунтами стерлингов. Далее, общее количество продукта на 2 квартера превышает общее количество продукта таблицы II, хотя в последней авансированный капитал больше, а именно 20 фунтов стерлингов.

На земле *D* хлебная рента по сравнению с таблицей I возросла с 3 до 6 квартеров, тогда как денежная рента осталась по-прежнему 9 фунтов стерлингов. По сравнению с таблицей II хлебная рента с земли *D* осталась прежняя, 6 квартеров, но денежная рента понизилась с 18 до 9 фунтов стерлингов.

Если рассматривать общие суммы ренты, то хлебная рента таблицы IVb = 8 квартерам, больше, чем хлебная рента, представленная в таблице I, равная 6 квартерам, и в таблице IVa, равная 7 квартерам, и, напротив, меньше, чем общая сумма ренты в таблице II = 12 квартерам. Денежная рента таблицы IVb = 12 ф. ст. больше, чем денежная рента таблицы IVa = $10^1/_2$ ф. ст., и меньше денежной ренты таблицы I = 18 ф. ст. и таблицы II = 36 фунтам стерлингов.

Чтобы по отпадении ренты с земли *B*, при условиях таблицы IVb, общая сумма ренты была такая же, как в таблице I, мы должны получить еще на 6 ф. ст. добавочного продукта, то есть 4 квартера по $1^1/_2$ ф. ст., что является новой ценой производства. Тогда мы снова имеем общую сумму ренты в 18 ф. ст., как в таблице I. Величина требуемого на это дополнительного капитала будет различна в зависимости от того,

вложим ли мы его в землю *C* или землю *D* или распределим между обеими категориями земли.

На земле *C* капитал в 5 ф. ст. приносит 2 квартера добавочного продукта, следовательно, 10 ф. ст. дополнительного капитала дадут 4 квартера дополнительного добавочного продукта. На земле *D* было бы достаточно дополнительной затраты в 5 ф. ст., чтобы произвести 4 квартера дополнительной хлебной ренты при предположении, положенном здесь в основу, что производительность дополнительных затрат капитала остается без изменения. Таким образом, получаются следующие результаты.

ТАБЛИЦА IVc

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	1 1/2	6	0	0	0
C	1	15	3	18	18	1 1/2	27	6	9	60%
D	1	7 1/2	1 1/2	9	12	1 1/2	18	6	9	120%
Итого	3	27 1/2	5 1/2	33	34	—	51	12	18	—

ТАБЛИЦА IVd

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	1 1/2	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	1 1/2	9	2	3	60%
D	1	12 1/2	2 1/2	15	20	1 1/2	30	10	15	120%
Итого	3	22 1/2	4 1/2	27	30	—	45	12	18	—

Общая сумма денежной ренты составила бы ровно половину общей суммы денежной ренты таблицы II, где дополнительные капиталы были затрачены при сохранении прежних цен производства.

Самое важное сравнить эти таблицы с таблицей I.

Мы видим, что при понижении цены производства наполовину, с 60 до 30 шилл. за квартер, общая сумма денежной ренты осталась прежняя = 18 ф. ст. и соответственно этому хлебная рента удвоилась, увеличилась с 6 до 12 квартеров. Рента с земли *B* отпала; с земли *C* денежная рента в таблице IVc увеличилась на 50%, но вдвое уменьшилась в таблице IVd; рента с земли *D* осталась прежняя = 9 ф. ст. в таблице IVc и поднялась с 9 до 15 ф. ст. в таблице IVd. Производство поднялось с 10 квартеров до 34 в таблице IVc и до 30 квартеров в таблице IVd; прибыль повысилась с 2 до $5^1/_2$ ф. ст. в таблице IVc и до $4^1/_2$ ф. ст. в таблице IVd. Общая затрата капитала возросла в одном случае с 10 до $27^1/_2$ ф. ст., в другом — с 10 до $22^1/_2$ фунта стерлингов; следовательно, в обоих случаях более чем вдвое. Норма ренты, рента, исчисленная по отношению к авансированному капиталу, во всех таблицах с IV до IVd для каждой категории земли всюду одна и та же, что вытекает уже из предположения неизменности нормы производительности обеих последовательных затрат капитала на каждой категории земли. Однако по сравнению с таблицей I она понизилась, — понизилась в среднем как для всех категорий земли, так и для каждой отдельной категории. В таблице I она была равна 180% в среднем, в таблице IVc $= \frac{18}{27^1/_2} \times 100 = 65^5/_{11}\%$ и в таблице IVd $= \frac{18}{22^1/_2} \times 100 = 80\%$. Средняя денежная рента с акра повысилась. Ее средняя величина прежде, в таблице I, равнялась $4^1/_2$ ф. ст. с акра для всех 4 акров, а теперь в таблице IVc и в таблице IVd равняется 6 ф. ст. с акра для 3 акров. Ее средняя величина для земли, приносящей ренту, равнялась прежде 6 ф. ст., а теперь равняется 9 ф. ст. на акр. Таким образом, денежная сумма ренты с акра повысилась и представляет теперь вдвое больше продукта, чем прежде; но 12 квартеров хлебной ренты теперь составляют меньше половины всего продукта — 34 и 30 квартеров, тогда как в таблице I шесть квартеров составляют $^3/_5$ всего продукта в 10 квартеров. Итак, хотя рента, если рассматривать ее как соответственную часть всего продукта, а также если взять ее в отношении к затраченному капиталу, и понизилась, однако ее денежная сумма при расчете на акр

увеличилась, а величина ее, выраженная в продуктах, выросла еще больше. Если мы возьмем землю *D* в таблице IVd, то фактическая цена производства = 15 ф. ст., из которых $12^1/_2$ ф. ст. составляют затраченный капитал. Денежная рента = 15 фунтам стерлингов. В таблице I цена производства на той же земле *D* была = 3 ф. ст., затраченный капитал = $2^1/_2$ ф. ст., денежная рента = 9 ф. ст., следовательно, последняя втрое больше цены производства и почти в четыре раза больше затраченного капитала. В таблице IVd для *D* денежная рента в 15 ф. ст. как раз равна цене производства и лишь на $^1/_5$ превышает затраченный капитал. При всем том денежная рента с акра на $^2/_3$ больше, составляет 15 ф. ст. вместо 9 фунтов стерлингов. В таблице I хлебная рента в 3 квартера = $^3/_4$ всего продукта, составляющего 4 квартера; в таблице IVd она = 10 квартерам, то есть половине всего продукта (20 квартеров), получаемого с акра земли *D*. Это показывает, что денежная и хлебная ренты с акра могут возрасти, хотя они и составляют относительно меньшую часть всего продукта и понизились по отношению к авансированному капиталу.

Стоимость всего продукта в таблице I = 30 фунтам стерлингов; рента = 18 ф. ст., то есть составляет больше половины этой стоимости. Стоимость всего продукта в таблице IVd = 45 ф. ст., из которых 18 ф. ст., то есть меньше половины, составляют ренту.

Причина же того, что, несмотря на понижение цены на $1^1/_2$ ф. ст. за квартер, то есть на 50%, и несмотря на уменьшение площади конкурирующей земли с 4 до 3 акров, общая сумма денежной ренты не изменяется, а хлебная рента удваивается, причем хлебная рента и денежная рента с акра повышаются, заключается в том, что произведено большее число квартеров добавочного продукта. Цена хлеба понижается на 50%, добавочный продукт возрастает на 100%. Но для достижения такого результата все производство, согласно нашим условиям, должно увеличиться втрое, а капитал, затраченный на лучших землях, должен более чем удвоиться. В каком отношении он должен увеличиться, зависит прежде всего от того, как распределяются дополнительные затраты капитала между лучшими и наилучшей по качеству землями, причем всегда предполагается, что производительность капитала на каждой категории земли возрастает пропорционально его величине.

Если бы понижение цены производства было менее значительным, то требовалось бы меньше дополнительного капитала, чтобы произвести ту же денежную ренту. Если бы предложение

хлеба, необходимое для того, чтобы исключить землю *A* из числа обрабатываемых земель, — а это зависит не только от количества продукта, получаемого с акра земли *A*, но также от того, какую часть всей возделываемой земельной площади составляет земля *A*, — итак, если бы необходимое для этого предложение было больше, следовательно, если бы потребовалась и бо́льшая масса капитала, дополнительно затрачиваемого, на земле, лучшей, чем *A*, то денежная и хлебная ренты при прочих равных условиях возросли бы еще больше, несмотря на то, что земля *B* перестала бы приносить денежную и хлебную ренты.

Если бы капитал, переставший функционировать на земле *A*, был = 5 ф. ст., то для этого случая следовало бы взять для сравнения таблицы II и IVd. Весь продукт увеличился бы с 20 до 30 квартеров. Денежная рента уменьшилась бы вдвое, была бы 18 ф. ст. вместо 36 фунтов стерлингов; хлебная рента осталась бы прежняя = 12 квартерам.

Если бы можно было произвести на земле *D* 44 квартера продукта = 66 ф. ст. при затрате капитала в $27^1/_2$ ф. ст., соответственно прежней норме для земли *D* — 4 квартера на $2^1/_2$ ф. ст. капитала, то общая сумма [денежной] ренты опять поднялась бы до той высоты, которой она достигла в таблице II, и таблица приняла бы следующий вид:

Категория земли	Капитал ф. ст.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
B	5	4	0	0
C	5	6	2	3
D	$27^1/_2$	44	22	33
Итого	$37^1/_2$	54	24	36

Все производство составило бы 54 квартера против 20 квартеров в таблице II, а денежная рента осталась бы прежней = 36 фунтам стерлингов. Но весь капитал был бы $37^1/_2$ ф.ст., тогда как в таблице II он был = 20 фунтам стерлингов. Весь авансированный капитал почти удвоился бы, между тем как производство почти утроилось бы; хлебная рента увеличилась бы вдвое, денежная рента не изменилась бы. Следовательно, если цена при неизменяющейся производительности понижается вследствие затраты дополнительного денежного капитала на лучших землях, приносящих ренту, то есть на всех землях, которые по своему качеству лучше земли *A*, то весь

капитал обнаруживает тенденцию не увеличиваться в такой пропорции, в какой возрастают производство и хлебная рента; таким образом, возрастание хлебной ренты может уравновесить убыль в денежной ренте, вытекающую из понижения цены. Тот же закон проявляется и в том, что авансированный капитал должен быть больше в той мере, в какой он больше затрачивается на землю *C*, чем на землю *D*, — на землю, приносящую меньше ренты, чем на такую, которая приносит больше ренты. Это означает лишь следующее: чтобы денежная рента осталась без изменения или чтобы она повысилась, должно быть произведено определенное дополнительное количество добавочного продукта, а для этого требуется тем меньше капитала, чем плодороднее земли, приносящие добавочный продукт. Если бы разница между землями *B* и *C*, *C* и *D* была еще больше, то требовалось бы еще меньше дополнительного капитала. Определенное отношение зависит: 1) от отношения, в котором понижается цена, то есть от разницы между землей *B*, которая теперь не дает ренты, и землей *A*, которая раньше не давала ренты; 2) от отношения различий между лучшими, чем *B*, землями; 3) от массы вновь затрачиваемого дополнительного капитала и 4) от его распределения между землями различного качества.

Мы видим, что закон в действительности выражает не что иное, как то, что уже было показано при исследовании первого случая; именно, что при данной цене производства, какова бы ни была ее величина, рента может повышаться вследствие дополнительной затраты капитала. Ибо вследствие исключения земли *A* теперь получается новая дифференциальная рента I, причем уже земля *B* является теперь наихудшей землей, а $1^1/_2$ ф. ст. за квартер становятся новой ценой производства. Это одинаково имеет силу как для таблиц IV, так и для таблицы II. Закон все тот же, но исходной точкой берется земля *B* вместо земли *A* и цена производства в $1^1/_2$ ф. ст. вместо цены производства в 3 фунта стерлингов.

Все это важно здесь лишь в следующем отношении: если такое-то количество дополнительного капитала необходимо для того, чтобы отвлечь от земли *A* капитал и создать достаточное предложение без его участия, то оказывается, что это может сопровождаться неизменяющейся, повышающейся или убывающей рентой с акра, если не на всех землях, то, по крайней мере, на некоторых, и в среднем на всех возделываемых землях. Мы видели, что хлебная рента и денежная рента неодинаково изменяются. Только в силу традиции хлебная рента вообще все еще продолжает играть роль в экономике. С успехом можно было бы доказать, что, например, фабрикант на свою

прибыль в 5 ф. ст. может купить гораздо большее количество пряжи, чем раньше на прибыль в 10 фунтов стерлингов. Но во всяком случае это показывает, что господа земельные собственники, если они являются одновременно и владельцами или пайщиками текстильных предприятий, сахарных, винокуренных заводов и т. д., все же могут при понижении денежной ренты очень сильно выигрывать как производители сырых материалов для своих собственных предприятий [34].

II. При понижающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Это не вызывает ничего нового постольку, поскольку цена производства здесь, как в только что рассмотренном случае, может лишь понизиться, если вследствие дополнительных затрат капитала на землях, лучших, чем земля *A*, продукт с земли *A* сделается излишним, и потому капитал будет отвлечен от земли *A*, или земля *A* будет применена для производства другого продукта. Случай этот уже исследован нами исчерпывающим образом. Мы показали, что хлебная и денежная ренты в расчете на акр могут при этом возрасти, уменьшиться или остаться без изменения.

Для удобства сравнения воспроизведем прежде всего таблицу I.

ТАБЛИЦА I

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	1	0	0	0
B	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	2	1	3	120%
C	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	3	2	6	240%
D	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	4	3	9	360%
Итого	4	10	—	—	10	6	18	180% средняя

[34] В вышеприведенных таблицах от IVa до IVd пришлось исправить сквозную погрешность в расчетах. Правда, эта погрешность не меняла теоретических положений, выведенных из данных таблиц, но порой приводила к невероятным количественным показателям производства в расчете на акр. Но и это по существу не имеет значения. Во всех топографических картах берут значительно больший масштаб для вертикалей, чем для горизонталей. Тому же, кто все-таки чувствует себя уязвленным в своих аграрных чувствах, предоставляется умножить число акров на любое число. Можно

Если мы теперь предположим, что цифра 16, обозначающая [в таблице III] количество квартеров, полученных с *B, C, D,* при убывающей норме производительности, достаточна для того, чтобы исключить землю *A* из числа обрабатываемых земель, то таблица III превращается в следующую таблицу V.

ТАБЛИЦА V

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	$2+1^1/_2=3^1/_2$	$1^5/_7$	6	0	0	0
C	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	$3+2=5$	$1^5/_7$	$8^4/_7$	$1^1/_2$	$2^4/_7$	$51^3/_7$%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	$4+3^1/_2=7^1/_2$	$1^5/_7$	$12^6/_7$	4	$6^6/_7$	$137^1/_7$%
Итого	3	15	—	16	—	$27^3/_7$	$5^1/_2$	$9^3/_7$	$94^2/_7$%* средняя

Здесь, при уменьшении нормы производительности дополнительных капиталов и при различной степени этого уменьшения на различного рода землях, регулирующая цена производства понизилась с 3 до $1^5/_7$ фунта стерлингов. Затрата капитала увеличилась наполовину [в сравнении с таблицей I] — с 10 до 15 фунтов стерлингов. Денежная рента уменьшилась почти вдвое — с 18 до $9^3/_7$ ф. ст., но хлебная рента — лишь на $^1/_{12}$, с 6 квартеров до $5^1/_2$. Весь продукт увеличился с 10 до 16 квартеров, или до 160%. Хлебная рента составляет немного больше $^1/_3$ всего продукта. Авансированный капитал относится к денежной ренте, как 15 : $9^3/_7$, тогда как раньше это отношение было 10 : 18.

III. При повышающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Случай этот только тем отличается от варианта I, приведенного в начале этой главы, когда цена производства

также в таблице I заменить 1, 2, 3, 4 квартера с акра 10, 12, 14, 16 бушелями (8 буш. = 1 кварт.), причем цифры других таблиц, выведенные из этих чисел, останутся в пределах вероятности; это даст возможность убедиться, что результат — отношение увеличения ренты к увеличению капитала — сведется совершенно к тому же. Это делается в таблицах, даваемых редактором в следующей главе. — *Ф. Э.*

* Земля, не приносящая ренты, здесь, как и в дальнейших таблицах VI, VII, VIII, IX и X, в расчет не принимается. *Ред.*

при неизменяющейся норме производительности понижается, что исключение из сельскохозяйственного оборота земли *A* с помощью известного дополнительного продукта происходит здесь быстрее.

Как при убывающей, так и при повышающейся производительности дополнительных затрат капитала последние могут оказывать различное влияние в зависимости от того, как они распределяются между различными категориями земли. В той мере, в какой это различное влияние будет нивелировать или увеличивать различие, дифференциальная рента с лучших земель, а вместе с тем и общая сумма ренты понизится или повысится, как это было уже в случае с дифференциальной рентой I. В остальном все зависит от величины земельной площади и капитала, приходившихся на землю *A*, и от относительного размера авансированного капитала, необходимого при повышающейся производительности для того, чтобы доставить дополнительный продукт для покрытия спроса.

Единственный вопрос, на исследовании которого здесь стоит остановиться и который вообще возвращает нас к исследованию того, как эта дифференциальная прибыль превращается в дифференциальную ренту, заключается в следующем.

В первом случае, когда цена производства не изменяется, дополнительный капитал, вложенный в землю *A*, не оказывает влияния на дифференциальную ренту как таковую, потому что земля *A* по-прежнему не приносит ренты, цена ее продукта не изменяется и продолжает регулировать рынок.

Во втором случае, вариант I, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, земля *A* необходимо выпадает, и тем более она выпадает в варианте II (понижающаяся цена производства при убывающей норме производительности), так как в противном случае дополнительный капитал, вложенный в землю *A*, должен был бы повысить цену производства. Но здесь, в варианте III второго случая, когда цена производства понижается вследствие того, что производительность дополнительного капитала повышается, этот дополнительный капитал может быть при известных условиях вложен как в землю *A*, так и в земли лучшего качества.

Предположим, что дополнительный капитал в $2^1/_2$ ф. ст., вложенный в землю *A*, производит $1^1/_5$ квартера вместо 1 квартера.

ТАБЛИЦА VI

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$1+1^1/_5=2^1/_5$	$2^8/_{11}$	6	0	0	0
B	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$2+2^2/_5=4^2/_5$	$2^8/_{11}$	12	$2^1/_5$	6	120%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$3+3^3/_5=6^3/_5$	$2^8/_{11}$	18	$4^2/_5$	12	240%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$4+4^4/_5=8^4/_5$	$2^8/_{11}$	24	$6^3/_5$	18	360%
	4	20	4	24	22	—	60	$13^1/_5$	36	240%

Эту таблицу следует сравнить, кроме основной таблицы I, и с таблицей II, в которой удвоенная затрата капитала связана с неизменяющейся производительностью, пропорциональной затрате капитала.

Согласно предположению, регулирующая цена производства понижается. Если бы она не изменялась, то есть оставалась бы = 3 ф. ст., то наихудшая земля *A*, не приносившая раньше, при затрате капитала лишь в $2^1/_2$ ф. ст., никакой ренты, теперь стала бы приносить ренту, если даже и никакой новой еще худшей земли не было вовлечено в сельскохозяйственный оборот; это произошло бы вследствие того, что производительность на этой земле увеличилась, но лишь для части капитала, а не для первоначально вложенного капитала. При первой цене производства в 3 ф. ст. получают 1 квартер; при второй — $1^1/_5$ квартера, но весь продукт в $2^1/_5$ квартера продается теперь по его средней цене. Так как норма производительности возрастает с дополнительной затратой капитала, то этот случай предполагает улучшение земли. Оно может заключаться в том, что на акр затрачивается вообще больше капитала (больше удобрений, применяется более механизированный труд и т. д.), или же в том, что вообще лишь этот дополнительный капитал дает возможность осуществить качественно отличное более производительное капиталовложение. В обоих случаях при затрате 5 ф. ст. на акр получается продукт в $2^1/_5$ квартера, тогда как при затрате половины этого капитала, $2^1/_2$ ф. ст., получается продукт лишь в 1 квартер. Продукт земли *A*, оставляя

в стороне преходящие рыночные отношения, можно было бы по-прежнему продавать по более высокой цене производства, вместо новой средней цены, лишь при том условии, если значительная площадь земель категории *A* по-прежнему возделывалась бы с капиталом всего в $2^1/_2$ ф. ст. на акр. Но как только новая затрата в 5 ф. ст. капитала на акр и, вместе с тем, более совершенные методы хозяйства приобретут всеобщее распространение, регулирующая цена производства понизится до $2^8/_{11}$ фунта стерлингов. Разница между обеими частями капитала исчезла бы, и тогда акр земли *A*, обрабатываемый при помощи капитала в $2^1/_2$ ф. ст., возделывался бы в действительности ненормально, несоответственно новым условиям производства. Это уже было бы различие не между продуктом различных частей капитала, затраченных на одном и том же акре, а между достаточной и недостаточной общей затратой капитала на акр. Отсюда видно, *во-первых,* что недостаточность капитала в руках большого числа арендаторов (это число должно быть большое, потому что будь оно маленьким, этим арендаторам пришлось бы продавать свой продукт ниже его цены производства) оказывает совершенно такое же влияние, как дифференцирование самих земель по нисходящей линии. Худший способ обработки, примененный на худшей земле, увеличивает ренту с лучшей; он может даже создать ренту с лучше обрабатываемой земли такого же плохого качества, которая вообще ренты не приносит. Отсюда видно, *во-вторых,* что дифференциальная рента, возникающая из последовательной затраты капитала на одной и той же земельной площади, в действительности превращается в некую среднюю величину, в которой уже нельзя распознать и отличить влияний различных затрат капитала и которые поэтому не порождают ренты на наихудшей земле, а 1) среднюю цену всего продукта, скажем, с одного акра земли *A,* превращают в новую регулирующую цену и 2) представляются как изменение общего количества капитала на акр, которое при новых условиях требуется для удовлетворительной обработки земли и в котором отдельные последовательные затраты капитала и их соответственные влияния слиты настолько, что их нельзя различить. Точно так же обстоит дело и с единичными дифференциальными рентами с лучших земель. Они определяются в каждом случае различием среднего продукта данной категории земли по сравнению с продуктом наихудшей земли при увеличенной, ставшей теперь нормальной, затрате капитала.

Нет земли, которая приносила бы какой-нибудь продукт без затраты капитала. Так, даже при простой дифференциальной

ренте, при дифференциальной ренте I, когда говорят, что 1 акр земли *A*, то есть земли, регулирующей цену производства, дает столько-то продукта, по такой-то цене, и что земли *B, C, D*, которые лучше, дают столько-то дифференциального продукта, а потому при существующей регулирующей цене столько-то и столько-то денежной ренты, то при этом всегда предполагается, что затрачен определенный капитал, считающийся при данных условиях производства нормальным капиталом. Совершенно так же, как в промышленности для каждой отрасли требуется определенный минимум капитала для того, чтобы возможно было производить товары по их цене производства.

Если этот минимум изменяется вследствие последовательных затрат капитала на одной и той же земле, связанных с улучшениями, то это происходит постепенно. Пока такой дополнительный производительный капитал не будет приложен к известному числу акров, например, земли *A*, до тех пор то обстоятельство, что цена производства остается без изменения, будет создавать ренту на лучше обрабатываемых акрах земли *A* и повышать ренту на лучших землях *B, C, D*. Однако как только новый метод ведения хозяйства достигнет такого распространения, что сделается нормой, цена производства понизится; рента, которую дают лучшие участки земли, снова понизится, и с той части земли *A*, которая не располагает капиталом в размере, сделавшемся теперь средним, придется продавать продукты ниже их индивидуальной цены производства, следовательно, ниже уровня, обеспечивающего среднюю прибыль.

То же самое происходит и при понижающейся цене производства, даже при убывающей производительности дополнительного капитала, если вследствие увеличившейся затраты капитала весь необходимый продукт начинают доставлять лучшие категории земли и, таким образом, занятый в производстве капитал отвлекается, например, от земли *A*, так что земля *A* перестает конкурировать в производстве этого определенного продукта, например пшеницы. То количество капитала, которое теперь в среднем затрачивается на относительно лучшей земле *B*, сделавшейся регулирующей землей, становится теперь нормальным; и когда говорится о различном плодородии земельных участков, то предполагается, что на акр затрачивается капитал в этом новом нормальном размере.

С другой стороны, ясно, что этот средний размер затрачиваемого капитала, как, например, в Англии 8 ф. ст. на акр до 1848 г. и 12 ф. ст. после 1848 г. *, образует масштаб при заклю-

---

* См. настоящий том, стр. 788. *Ред.*

чении арендных договоров. Для арендатора, затрачивающего больше, добавочная прибыль, во время срока действия арендного договора, не превращается в ренту. Произойдет ли это по истечении арендного договора, будет зависеть от конкуренции арендаторов, которые в состоянии сделать такое же чрезвычайное авансирование. При этом речь не идет о постоянно действующих улучшениях почвы, которые при одинаковой или даже уменьшающейся затрате капитала продолжают обеспечивать увеличенный продукт. Хотя эти улучшения и являются продуктом капитала, однако, они оказывают совершенно такое же действие, как различие в природных качествах почвы.

Таким образом, мы видим, что при дифференциальной ренте II учитывается такой момент, который при дифференциальной ренте I как таковой не проявляет своего действия, потому что последняя может по-прежнему существовать независимо от какого бы то ни было изменения нормы капиталовложений на акр. С одной стороны, результаты различных затрат капитала на регулирующей земле *A* стираются, и продукт, получаемый с этой земли, представляется теперь просто нормальным средним продуктом с акра. С другой стороны, изменяется нормальный минимум, или средняя величина затраты капитала на акр, причем это изменение выступает как свойство земли. Наконец, различен и способ превращения добавочной прибыли в форму ренты.

Далее, сравнение таблицы VI с таблицами I и II показывает, что хлебная рента по сравнению с ее размерами в таблице I более чем удвоилась, в сравнении с ее размерами в таблице II увеличилась на $1^1/_5$ квартера, тогда как денежная рента по сравнению с ее размерами в таблице I удвоилась, а по сравнению с ее размерами в таблице II не изменилась. Она значительно возросла бы, если бы (при прочих равных условиях) большая часть дополнительного капитала пришлась на лучшие категории земли или если бы, с другой стороны, действие дополнительного капитала на земле *A* было менее значительным и, таким образом, регулирующая средняя цена квартера с земли *A* стояла бы выше.

Если бы увеличение плодородия, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, было различным на различного рода землях, это привело бы к изменению дифференциальных рент с этих земель.

Во всяком случае доказано, что при понижении цены производства, совершающемся вследствие повышения нормы производительности дополнительной затраты капитала, — то

есть когда эта производительность возрастает в большей пропорции, чем авансированный капитал, — рента с акра, например, при удвоившейся затрате капитала, может не только удвоиться, но и более чем удвоиться. Но она может и понизиться в том случае, если вследствие более быстрого возрастания производительности земли *A* цена производства упадет в еще большей мере.

Если бы мы предположили, что дополнительные затраты капитала увеличили производительность, например, земель *B* и *C* не в такой степени, как производительность земли *A*, так что для земель *B* и *C* пропорциональная разница уменьшилась и увеличившееся количество продукта не возместило бы понижения цены, то по сравнению с таблицей II [денежная] рента на земле *D* не изменилась бы, на землях *B* и *C* понизилась бы.

ТАБЛИЦА VIa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт с акра кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	$1 + 3 = 4$	$1^1/_2$	6	0	0
B	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	$2 + 2^1/_2 = 4^1/_2$	$1^1/_2$	$6^3/_4$	$^1/_2$	$^3/_4$
C	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	$3 + 5 = 8$	$1^1/_2$	12	4	6
D	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	$4 + 12 = 16$	$1^1/_2$	24	12	18
Итого	4	20	—	$32^1/_2$	—	—	$16^1/_2$	$24^3/_4$

Наконец, денежная рента повысилась бы в том случае, если бы при том же пропорциональном повышении плодородия на лучшие земельные участки было затрачено больше дополнительного капитала, чем на земле *A*, или если бы дополнительные затраты капитала на лучшие земельные участки приводили к повышению нормы производительности. В обоих случаях разница стала бы возрастать.

Денежная рента понижается, если улучшение, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, уменьшая все разницы или часть их, оказывает большее влияние на землю *A*, чем на земли *B* и *C*. Она понижается тем больше, чем незначительнее повышение производительности лучших земельных участков. От того, насколько велика разница оказываемого влияния, зависит, повысится ли хлебная рента, понизится или останется без перемены.

Денежная рента, а равно и хлебная рента повышаются либо в том случае, если, при неизменяющейся относительной разнице в дополнительном плодородии различных земель, дополнительного капитала на землю, приносящую ренту, будет затрачено больше, чем на землю *A*, не приносящую ренты, и больше капитала будет вложено в землю, которая дает более высокую ренту, чем на землю, дающую более низкую ренту; либо же в том случае, если при одинаковом дополнительном капитале плодородие больше возрастает на лучшей и наилучшей земле, чем на земле *A*, а именно денежная рента и хлебная рента повышаются в соответствии с тем, в какой мере это увеличение плодородия высших категорий земли сильнее, чем увеличение плодородия более низких категорий.

Но, при всех обстоятельствах, рента относительно повышается, когда увеличение производительной силы является следствием дополнительной затраты капитала, а не просто следствием увеличившегося плодородия при неизменившейся затрате капитала. Это — абсолютная точка зрения, которая показывает, что в этом случае, как и во всех прежних, рента и увеличившаяся рента с акра (подобно тому, как при дифференциальной ренте I высота средней ренты на всю возделываемую площадь) есть следствие увеличившейся затраты капитала на землю, причем безразлично, функционирует ли эта дополнительная затрата с неизменившейся нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с убывающей нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с повысившейся нормой производительности при понизившихся ценах. Ибо наше предположение таково: постоянная цена при постоянной, понизившейся или повысившейся норме производительности дополнительного капитала, и понизившаяся цена при постоянной, понизившейся и повысившейся норме производительности, сводится к следующему: постоянная норма производительности добавочного капитала при постоянной или понижающейся цене, убывающая норма производительности при постоянной или понижающейся цене, повышающаяся норма производительности при постоянной и понижающейся цене. Хотя во всех этих случаях рента может остаться неизменной и может понизиться, она понизилась бы еще больше, если бы, при прочих равных обстоятельствах, условием повышения плодородия не была дополнительная затрата капитала. В таком случае дополнительная затрата капитала всегда является причиной относительной высоты ренты, хотя бы абсолютно она и понизилась.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ТРЕТИЙ СЛУЧАЙ: ПОВЫШАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА. ВЫВОДЫ

{Повышение цены производства предполагает, что производительность земли наихудшего качества, не приносящей ренты, убывает. Цена производства, принятая нами за регулирующую, может подняться выше 3 ф. ст. за квартер лишь в том случае, если $2^1/_2$ ф. ст., вложенные в землю *A*, будут производить меньше 1 квартера или если 5 ф. ст. будут производить меньше 2 квартеров, или если обработке будет подвергнута земля еще худшего качества, чем земля *A*.

При неизменной или даже повысившейся производительности второй затраты капитала это было бы возможно лишь в том случае, если бы производительность первой затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. уменьшилась. Этот случай встречается довольно часто. Например, если истощенный при мелкой вспашке верхний слой почвы дает при старой системе хозяйствования все меньшие урожаи, а затем извлеченный на поверхность посредством более глубокой вспашки нижний слой благодаря более рациональной обработке начинает давать урожаи выше, чем они были раньше. Но этот специальный случай, строго говоря, сюда не относится. Уменьшение производительности *первой* затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. обусловливает для лучших земель, даже если предполагать для них аналогичные отношения, понижение дифференциальной ренты I; однако здесь мы рассматриваем лишь дифференциальную ренту II. Но так как данный специальный случай не может иметь места, если не предполагается существование дифференциальной ренты II и так как он представляет в действительности отражение изменений дифференциальной ренты I на дифференциальной ренте II, то мы приведем пример, иллюстрирующий этот случай.

Денежная рента, как и продукт в денежном выражении остаются те же, что и в таблице II. Повысившаяся регулирую-

ТАБЛИЦА VII

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт. ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$^1/_2+1^1/_4=1^3/_4$	$3^3/_7$	6	0	0	0
B	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$1+2^1/_2=3^1/_2$	$3^3/_7$	12	$1^3/_4$	6	120%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$1^1/_2+3^3/_4=5^1/_4$	$3^3/_7$	18	$3^1/_2$	12	240%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$2+5=7$	$3^3/_7$	24	$5^1/_4$	18	360%
	—	20	—	—	$17^1/_2$	—	60	$10^1/_2$	36	240%

щая цена производства в точности возмещает то, что потеряно на количестве продукта; так как эта цена и количество продукта изменились в обратном отношении, то само собой разумеется, что произведение их остается прежнее.

В вышеприведенном случае мы предполагали, что производительная сила второй затраты капитала выше, чем первоначальная производительность первой затраты. Дело не изменится, если для второй затраты капитала, как это показано в следующей таблице, мы предположим лишь такую же производительность, какой первоначально характеризовалась первая затрата.

И здесь увеличивающаяся в одинаковом отношении цена производства обусловливает то, что уменьшение производитель-

ТАБЛИЦА VIII

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$^1/_2+1=1^1/_2$	4	6	0	0	0
B	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$1+2=3$	4	12	$1^1/_2$	6	120%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$1^1/_2+3=4^1/_2$	4	18	3	12	240%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$2+4=6$	4	24	$4^1/_2$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

ности вполне уравновешивается как по стоимости продукта, так и по сумме денежной ренты.

В чистом виде третий случай выступает лишь при убывающей производительности второй затраты капитала, в то время когда производительность первой затраты не изменяется, как это было всюду принято для первого и второго случаев. Дифференциальная рента I здесь не претерпевает изменений, изменение совершается лишь с той частью ренты, которая составляет дифференциальную ренту II. Мы приводим два примера: в первом производительность второй затраты капитала предположена уменьшившейся на $^1/_2$, во втором — на $^3/_4$.

ТАБЛИЦА IX

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$1+{}^1/_2=1^1/_2$	4	6	0	0	0
B	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$2+1=3$	4	12	$1^1/_2$	6	120%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$3+1^1/_2=4^1/_2$	4	18	3	12	240%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$4+2=6$	4	24	$4^1/_2$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

Таблица IX та же, что и таблица VIII, но только в таблице VIII уменьшается производительность первой затраты капитала, в IX — второй.

ТАБЛИЦА X

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$1+{}^1/_4=1^1/_4$	$4^4/_5$	6	0	0	0
B	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$2+{}^1/_2=2^1/_2$	$4^4/_5$	12	$1^1/_4$	6	120%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$3+{}^3/_4=3^3/_4$	$4^4/_5$	18	$2^1/_2$	12	240%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$4+1=5$	$4^4/_5$	24	$3^3/_4$	18	360%
	—	20	—	24	$12^1/_2$	—	60	$7^1/_2$	36	240%

В этой таблице продукт в денежном выражении, денежная рента и норма ренты тоже остаются такие же, как в таблицах II, VII и VIII, потому что продукт [ф. ст.] и продажная цена опять-таки изменились в обратном отношении, затрата же капитала осталась та же самая.

Но как обстоит дело в другом случае, возможном при повышающейся цене производства, а именно в том случае, когда худшая земля, которую до сих пор не стоило обрабатывать, теперь начинает возделываться?

Предположим, что такая земля, которую мы назовем *a*, вступает в число конкурирующих земель. В таком случае земля *A*, не приносившая до того времени ренты, начала бы давать ренту, и вышеприведенные таблицы VII, VIII и X приняли бы следующий вид:

ТАБЛИЦА VIIa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Возрастание
a	1	5	1	6	$1^1/_2$	4	6	0	0	0
A	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$^1/_2+1^1/_4=1^3/_4$	4	7	$^1/_4$	1	1
B	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$1+2^1/_2=3^1/_2$	4	14	2	8	1+7
C	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$1^1/_2+3^3/_4=5^1/_4$	4	21	$3^3/_4$	15	1+2×7
D	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$2+5=7$	4	28	$5^1/_2$	22	1+3×7
	—	—	—	30	19	—	76	$11^1/_2$	46	—

ТАБЛИЦА VIIIa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Возрастание
a	1	5	1	6	$1^1/_4$	$4^4/_5$	6	0	0	0
A	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$^1/_2+1=1^1/_2$	$4^4/_5$	$7^1/_5$	$^1/_4$	$1^1/_5$	$1^1/_5$
B	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$1+2=3$	$4^4/_5$	$14^2/_5$	$1^3/_4$	$8^2/_5$	$1^1/_5+7^1/_5$
C	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$1^1/_2+3=4^1/_2$	$4^4/_5$	$21^3/_5$	$3^1/_4$	$15^3/_5$	$1^1/_5+2\times7^1/_5$
D	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$2+4=6$	$4^4/_5$	$28^4/_5$	$4^3/_4$	$22^4/_5$	$1^1/_5+3\times7^1/_5$
	5	—	—	30	$16^1/_4$	—	78	10	48	—

ТАБЛИЦА Ха

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Возрастание
a	1	5	1	6	$1^1/_8$	$5^1/_3$	6	0	0	0
A	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$1+{}^1/_4=1^1/_4$	$5^1/_3$	$6^2/_3$	$^1/_8$	$^2/_3$	$^2/_3$
B	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$2+{}^1/_2=2^1/_2$	$5^1/_3$	$13^1/_3$	$1^3/_8$	$7^1/_3$	$^2/_3+6^2/_3$
C	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$3+{}^3/_4=3^3/_4$	$5^1/_3$	20	$2^5/_8$	14	$^2/_3+2\times6^2/_3$
D	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$4+1\ \ =5$	$5^1/_3$	$26^2/_3$	$3^7/_8$	$20^2/_3$	$^2/_3+3\times6^2/_3$
	—	—	—	30	$13^5/_8$	—	$72^2/_3$	8	$42^2/_3$	—

Присоединением земли *a* создается новая дифференциальная рента I, на этой новой основе образуется затем дифференциальная рента II, тоже в измененном виде. Земля *a* обладает в каждой из трех вышеприведенных таблиц различным плодородием: ряд пропорционально повышающихся степеней плодородия начинается лишь с земли *A*. В соответствии с этим располагается и ряд повышающихся рент. Рента, получаемая с наихудшей земли, приносящей ренту, а раньше ее не дававшей, образует постоянную величину, которая просто присоединяется ко всем более высоким рентам; лишь за вычетом этой постоянной величины с ясностью выступает для более высоких рент ряд разниц и его параллелизм с рядом, обозначающим плодородие различных по качеству земель. Во всех таблицах различные степени плодородия, начиная с земли *A* и до земли *D*, относятся друг к другу, как 1 : 2 : 3 : 4, и соответственно этому относятся друг к другу ренты:

в VIIa, как $1 : (1 + 7) : (1 + 2 \times 7) : (1 + 3 \times 7)$,

в VIIIa, как $1^1/_5 : (1^1/_5 + 7^1/_5) : (1^1/_5 + 2\times7^1/_5) : (1^1/_5+3\times7^1/_5)$,

в Xa, как $^2/_3 : (^2/_3 + 6^2/_3) : (^2/_3 + 2 \times 6^2/_3) : (^2/_3 + 3 \times 6^2/_3)$.

Короче говоря: если рента с земли $A = n$, а рента с земли непосредственно более высокого плодородия $= n + m$, то ряд будет такой: $n : (n + m) : (n + 2m) : (n + 3m)$ и т. д. — *Ф. Э.*}

{Так как вышеприведенный третий случай в рукописи не был разработан, — там имеется лишь его заголовок, — то задачей редактора было по возможности восполнить это, как сделано выше. Кроме того, он должен еще сделать общие выводы, вытекающие из всего предшествующего исследования дифференциальной ренты II с ее тремя главными случаями и девятью производными. Но для этой цели приведенные в рукописи примеры мало пригодны. Во-первых, в них сравниваются участки земли, продукт [ф.ст.] которых с площадей одинаковой величины, относится как 1 : 2 : 3 : 4; следовательно, берется разница, которая уже с самого начала сильно преувеличена и которая при дальнейшем развитии сделанных на этом основании предположений и исчислений приводит к совершенно непомерным числовым отношениям. Во-вторых, они дают повод к совершенно неверному представлению. Если при степенях плодородия, относящихся друг к другу, как 1 : 2 : 3 : 4 и т. д., получаются ренты ряда 0 : 1 : 2 : 3 и т. д., то тотчас же возникает искушение вывести второй ряд из первого и объяснить удвоение, утроение и т. д. рент удвоением, утроением и т. д. всего продукта. Но это было бы совершенно ошибочно. Ренты относятся как 0 : 1 : 2 : 3 : 4 даже в том случае, когда степени плодородия относятся как $n : (n + 1) : (n + 2) : (n + 3) : (n + 4)$; ренты относятся одна к другой не как *степени* плодородия, а как *разности* плодородия; причем земля, не приносящая ренты, приравнивается к нулю.

Таблицы рукописи следовало привести для разъяснения текста. Но чтобы получить наглядную основу для приведенных ниже результатов исследования, я в дальнейшем даю новый ряд таблиц, в которых продукт дан в бушелях ($^1/_8$ квартера, или 36,35 литра) и шиллингах (= марке).

Первая таблица (XI) соответствует прежней таблице I. Она дает продукт [ф. ст.] и ренты для земель пяти различных категорий *A* — *E* при *первой* затрате капитала в 50 шилл., что вместе с 10 шилл. прибыли составляет 60 шилл. всей цены производства на акр. Количество получаемого хлеба взято небольшое: 10, 12, 14, 16, 18 бушелей с акра. Получающаяся при этом регулирующая цена производства = 6 шилл. за бушель.

Следующие 13 таблиц соответствуют трем случаям дифференциальной ренты II, рассмотренным в этой и двух предшествующих главах, причем *дополнительная* затрата капитала на той же земле предполагается равной 50 шилл. на акр, при постоянной, понижающейся и повышающейся цене производства. Каждый из этих случаев, в свою очередь, изображается как он

есть: 1) при неизменяющейся, 2) при понизившейся, 3) при повысившейся производительности второй затраты капитала сравнительно с первой. При этом получаются еще некоторые варианты, благодаря которым картина становится особенно наглядной.

В случае I — постоянная цена производства — мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала (таблица XII).

» 2: Убывающая производительность. Это может произойти лишь при условии, что на земле *A* не делается второй затраты. При этом дело обстоит или

a) так, что земля *B* тоже не приносит ренты (таблица XIII), или

b) так, что земля *B* не становится землей, совершенно не приносящей ренты (таблица XIV).

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XV). И этот случай исключает вторую затрату капитала на земле *A*.

В случае II — понижающаяся цена производства — мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XVI).

» 2: Убывающая производительность (таблица XVII). Оба эти варианта приводят к тому, что земля *A* перестает входить в число конкурирующих земель, земля *B* перестает приносить ренту и регулирует цену производства.

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XVIII).

Здесь земля *A* остается регулирующей.

В случае III — повышающаяся цена производства — возможны две модификации: земля *A* может остаться землей, не приносящей ренты и регулирующей цену, или же в конкуренцию вступает земля худшего качества, чем земля *A*, и начинает регулировать цену, так что земля *A* уже приносит ренту.

Первая модификация: Земля *A* остается регулирующей.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XIX). Это допустимо лишь при предположении, что производительность первой затраты уменьшается.

» 2: Убывающая производительность второй затраты (таблица XX). Это не исключает, что производительность первой затраты не изменится.

Вариант 3: Повышающаяся производительность второй затраты (таблица XXI). Это опять-таки обусловливает убывающую производительность первой затраты.

Вторая модификация: Земля худшего качества (обозначаемая буквой *a*) вступает в конкуренцию; земля *A* приносит ренту.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XXII).

» 2: Убывающая производительность (таблица XXIII).

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XXIV).

Эти три варианта соответствуют общим условиям проблемы и не дают повода к каким-либо замечаниям.

Теперь мы приведем таблицы:

ТАБЛИЦА XI

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60	12	6	72	12	12
C	60	14	6	84	24	2×12
D	60	16	6	96	36	3×12
E	60	18	6	108	48	4×12
	—	—	—	—	120	10×12

При второй затрате капитала на той же земле:

Первый случай: При неизменяющейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60+60=120	10+10=20	6	120	0	0
B	60+60=120	12+12=24	6	144	24	24
C	60+60=120	14+14=28	6	168	48	2×24
D	60+60=120	16+16=32	6	192	72	3×24
E	60+60=120	18+18=36	6	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; на земле *A* не произведено второй затраты.

1) Когда земля *B* перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XIII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+ 8 = 20	6	120	0	0
C	60+60=120	14+ 9 1/3 = 23 1/3	6	140	20	20
D	60+60=120	16+10 2/3 = 26 2/3	6	160	40	2×20
E	60+60=120	18+12 = 30	6	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

2) Когда земля *B* не совсем перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XIV

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+ 9 = 21	6	126	6	6
C	60+60=120	14+10 1/2 = 24 1/2	6	147	27	6+21
D	60+60=120	16+12 = 28	6	168	48	6+2×21
E	60+60=120	18+13 1/2 = 31 1/2	6	189	69	6+3×21
	—	—	—	—	150	4×6+6×21

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; здесь на земле *A* тоже не производится второй затраты.

ТАБЛИЦА XV

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+15 =27	6	162	42	42
C	60+60=120	$14+17^1/_2=31^1/_2$	6	189	69	42+27
D	60+60=120	16+20 =36	6	216	96	42+2×27
E	60+60=120	$18+22^1/_2=40^1/_2$	6	243	123	42+3×27
	—	—	—	—	330	4×42+6×27

Второй случай: При уменьшающейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала; земля *A* исключается из числа конкурирующих земель, земля *B* перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVI

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
B	60+60=120	12+12=24	5	120	0	0
C	60+60=120	14+14=28	5	140	20	20
D	60+60=120	16+16=32	5	160	40	2×20
E	60+60=120	18+18=36	5	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; земля *A* исключается из числа конкурирующих земель, земля *B* перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
B	60+60=120	12+ 9 = 21	$5^5/_7$	120	0	0
C	60+60=120	$14+10^1/_2=24^1/_2$	$5^5/_7$	140	20	20
D	60+60=120	16+12 = 28	$5^5/_7$	160	40	2×20
E	60+60=120	$18+13^1/_2=31^1/_2$	$5^5/_7$	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; земля *A* продолжает конкурировать. Земля *B* приносит ренту.

ТАБЛИЦА XVIII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60+60=120	10+15=25	$4^4/_5$	120	0	0
B	60+60=120	12+18=30	$4^4/_5$	144	24	24
C	60+60=120	14+21=35	$4^4/_5$	168	48	2×24
D	60+60=120	16+24=40	$4^4/_5$	192	72	3×24
E	60+60=120	18+27=45	$4^4/_5$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Третий случай: При повышающейся цене производства.

А. Когда земля *A* остается землей, не приносящей ренты и регулирующей цену.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала, что обусловливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XIX

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60+60=120	$7\frac{1}{2}+10=17\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	120	0	0
B	60+60=120	9 +12=21	$6\frac{6}{7}$	144	24	24
C	60+60=120	$10\frac{1}{2}+14=24\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	168	48	2×24
D	60+60=120	12 +16=28	$6\frac{6}{7}$	192	72	3×24
E	60+60=120	$13\frac{1}{2}+18=31\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 2: При уменьшающейся производительности второй затраты капитала, что не исключает остающейся неизменной производительности первой затраты.

ТАБЛИЦА XX

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60+60=120	10+5=15	8	120	0	0
B	60+60=120	12+6=18	8	144	24	24
C	60+60=120	14+7=21	8	168	48	2×24
D	60+60=120	16+8=24	8	192	72	3×24
E	60+60=120	18+9=27	8	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала, что при данных предположениях обусловливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XXI

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60+60=120	$5+12^1/_2=17^1/_2$	$6^6/_7$	120	0	0
B	60+60=120	6+15 =21	$6^6/_7$	144	24	24
C	60+60=120	$7+17^1/_2=24^1/_2$	$6^6/_7$	168	48	2×24
D	60+60=120	8+20 =28	$6^6/_7$	192	72	3×24
E	60+60=120	$9+22^1/_2=31^1/_2$	$6^6/_7$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

B. Когда худшая (обозначаемая буквой *a*) земля становится землей, регулирующей цену, и потому земля *A* начинает приносить ренту. Этим допускается неизменяющаяся производительность второй затраты для всех вариантов.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
a	120	16	$7^1/_2$	120	0	0
A	60+60=120	10+10=20	$7^1/_2$	150	30	30
B	60+60=120	12+12=24	$7^1/_2$	180	60	2×30
C	60+60=120	14+14=28	$7^1/_2$	210	90	3×30
D	60+60=120	16+16=32	$7^1/_2$	240	120	4×30
E	60+60=120	18+18=36	$7^1/_2$	270	150	5×30
	—	—	—	—	450	15×30

Вариант 2: Убывающая производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
a	120	15	8	120	0	0
A	60+60=120	10+ $7^1/_2$=$17^1/_2$	8	140	20	20
B	60+60=120	12+ 9 =21	8	168	48	20+28
C	60+60=120	14+$10^1/_2$=$24^1/_2$	8	196	76	20+ 2×28
D	60+60=120	16+12 =28	8	224	104	20+ 3×28
E	60+60=120	18+$13^1/_2$=$31^1/_2$	8	252	132	20+ 4×28
	—	—	—	—	380	5×20+10×28

Вариант 3: Повышающаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIV

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
a	120	16	$7^1/_2$	120	0	0
A	60+60=120	10+$12^1/_2$=$22^1/_2$	$7^1/_2$	$168^3/_4$	$48^3/_4$	15+$33^3/_4$
B	60+60=120	12+15 =27	$7^1/_2$	$202^1/_2$	$82^1/_2$	15+ 2×$33^3/_4$
C	60+60=120	14+$17^1/_2$=$31^1/_2$	$7^1/_2$	$236^1/_4$	$116^1/_4$	15+ 3×$33^3/_4$
D	60+60=120	16+20 =36	$7^1/_2$	270	150	15+ 4×$33^3/_4$
E	60+60=120	18+$22^1/_2$=$40^1/_2$	$7^1/_2$	$303^3/_4$	$183^3/_4$	15+ 5×$33^3/_4$
	—	—	—	—	$581^1/_4$	5×15+15×$33^3/_4$

Из этих таблиц вытекает следующее:

Прежде всего, что ряд рент находится друг к другу точно в таком же отношении, как ряд различий в плодородии, принимая за нулевой пункт регулирующую землю, не приносящую ренты. Рента определяется не абсолютным размером продукта, а лишь разностью в размере продукта. Будут ли различного

рода земли приносить 1, 2, 3, 4, 5 бушелей или 11, 12, 13, 14, 15 бушелей продукта на акр, — рента в обоих случаях составит ряд: 0, 1, 2, 3, 4 бушеля или соответствующие суммы денег.

Но гораздо важнее результат, взятый по отношению ко всей ренте при вторичной затрате капитала на одной и той же земле.

В пяти случаях из исследованных тринадцати *удваивается* вместе с затратой капитала и общая сумма ренты: вместо 12 шилл. $\times$ 10 она становится равной 24 шилл. $\times 10 = 240$ шиллингам. Случаи эти следующие:

Случай I, постоянная цена, вариант 1: соответственное затратам увеличение производства (таблица XII).

Случай II, понижающаяся цена, вариант 3: возрастающее увеличение производства (таблица XVIII).

Случай III, повышающаяся цена, первая модификация, когда земля *A* остается регулирующей, во всех трех вариантах (таблицы XIX, XX, XXI).

В четырех случаях рента повышается *более чем вдвое,* а именно:

Случай I, вариант 3, постоянная цена, но возрастающее увеличение производства (таблица XV). Сумма рент повышается до 330 шиллингов.

Случай III, вторая модификация, когда земля *A* приносит ренту, во всех трех вариантах. (Таблица XXII, рента $= 30\times15 = 450$ шиллингам; таблица XXIII, рента $= 20\times5 + 28\times10 = 380$ шиллингам; таблица XXIV, рента $= 15\times5 + 33^3/_4\times15 = 581^1/_4$ шиллинга.)

В одном случае она *повышается,* но не вдвое по сравнению с рентой, получаемой при первой затрате капитала:

Случай I, постоянная цена, вариант 2: убывающая производительность второй затраты при условиях, когда земля *B* все еще приносит ренту. (Таблица XIV, рента $= 6\times4 + 21\times6 = 150$ шиллингам.)

Наконец, только в трех случаях совокупная рента при второй затрате капитала для всех категорий земли остается на том же уровне, как при первой затрате (таблица XI); это те случаи, когда земля *A* перестает участвовать в конкуренции, а земля *B* становится регулирующей и, следовательно, не приносящей ренты землей. Таким образом, не только отпадает рента с земли *B,* но она убывает в каждом последующем звене ряда рент; этим обусловливается результат. Случаи эти следующие:

Случай I, вариант 2, когда условия таковы, что земля *A* исключается из конкуренции (таблица XIII). Сумма рент равняется 20×6, следовательно, $12\times10 = 120$, как и в таблице XI.

Случай II, варианты 1 и 2. Здесь, согласно предположениям, необходимо исключается из конкуренции земля *A* (таблицы XVI и XVII), и сумма рент опять равняется $20 \times 6 = 12 \times 10 = 120$ шиллингам.

Таким образом, это значит: в громадном большинстве всех возможных случаев вследствие увеличенного вложения капитала в землю рента повышается как на акр земли, приносящей ренту, так и особенно в своей общей сумме. Лишь в трех случаях из исследованных тринадцати общая сумма ренты остается без изменения. Это те случаи, когда земля наихудшего качества, не приносившая до сих пор ренты и игравшая роль регулирующей земли, перестает участвовать в конкуренции, непосредственно следующая за ней лучшая по качеству земля становится на ее место, то есть перестает приносить ренту. Но в этих случаях ренты с земель лучшего качества повышаются сравнительно с теми рентами, которые обязаны своим происхождением первой затрате капитала; если рента на земле *C* понижается с 24 до 20 шилл., то для земель *D* и *E* она повышается с 36 и 48 до 40 и 60 шиллингов.

Понижение общей суммы рент ниже того уровня, которого она достигла при первой затрате капитала (таблица XI), было бы возможно лишь в том случае, если бы, кроме земли *A*, перестала участвовать в конкуренции и земля *B*, так что регулирующей и не приносящей ренты землей сделалась бы земля *C*.

Таким образом, чем больше капитала вкладывается в землю, чем выше развитие земледелия и цивилизации вообще в данной стране, тем выше поднимается рента — как с акра, так и вся сумма рент, тем колоссальнее та дань, которую платит общество крупным землевладельцам в форме добавочной прибыли, пока все категории земли, уже освоенные, сохраняют способность к конкуренции.

Этот закон объясняет удивительную живучесть класса крупных землевладельцев. Никакой другой класс общества не живет так расточительно, как этот, никакой другой не предъявляет такой претензии на традиционную, «положению соответствующую» роскошь, откуда бы ни получались для этого деньги, никакой другой класс не влезает с таким легким сердцем в долги. И тем не менее он всегда выходит из положения благодаря капиталу, который другие люди вложили в землю и который приносит ему ренту вне всякого соотношения с прибылями, извлекаемыми из земли капиталистом.

Но тот же закон объясняет, почему эта живучесть крупного земельного собственника постепенно иссякает.

Когда английские хлебные пошлины были отменены в 1846 г., то английские фабриканты думали, что они превратили этим земельную аристократию в пауперов. Вместо этого она стала еще богаче, чем была когда-либо прежде. Как это случилось? Очень просто. Во-первых, от фермеров стали требовать по договору, чтобы они вкладывали [капитала] по 12 ф. ст. вместо 8 ф. ст. на акр в год, а во-вторых, землевладельцы, имея очень много представителей в палате общин, добились себе крупной государственной субсидии для осушения своих земель и для других постоянно действующих улучшений. Так как полного вытеснения даже самой худшей земли нигде не было, а случалось — самое большее — лишь использование ее для других целей, да и то в большинстве случаев только временное, — то ренты поднялись пропорционально увеличенным вложениям капитала в землю, и земельная аристократия оказалась в еще лучших условиях, чем прежде.

Но ничто не вечно. Океанские пароходы, северо- и южноамериканские, а также индийские железные дороги дали возможность конкурировать на европейских хлебных рынках совершенно особенным землям. Это были, с одной стороны, североамериканские прерии, аргентинские пампасы, степи, уже от природы пригодные для пашни, девственная почва, которая долгие годы давала богатые урожаи даже при примитивной обработке и без удобрения. С другой стороны, это были земли русских и индийских коммунистических общин, которые должны были продавать часть своего продукта, притом все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, которые выжимал из них, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства. Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег. И перед лицом этой конкуренции — конкуренции девственной степной земли и земли русских и индийских крестьян, задавленных непосильными податями, — европейский фермер и крестьянин не мог уже при старых рентах держаться. Часть земли в Европе окончательно оказалась не в силах конкурировать в производстве хлеба, ренты повсюду упали, для Европы стал общим правилом наш 2-й случай, 2-й вариант, именно: понижающаяся цена хлеба и понижающаяся производительность добавочных вложений капитала. Отсюда вопли аграриев от Шотландии до Италии и от Южной Франции до Восточной Пруссии. К счастью, еще далеко не все степные земли распаханы; их осталось еще достаточно для того, чтобы разорить

все европейское крупное землевладение, да и мелкое в придачу. — *Ф. Э.*}

Вопросы, по которым нужно исследовать ренту, таковы:

А. Дифференциальная рента.

1) Понятие дифференциальной ренты. Иллюстрация данными о силе воды. Переход к собственно земледельческой ренте.

2) Дифференциальная рента I, происходящая из различия в плодородии различных земельных участков.

3) Дифференциальная рента II, происходящая из последовательной затраты капитала на одной и той же земле. Дифференциальная рента II подлежит исследованию:

a) при постоянной,

b) при убывающей,

c) при повышающейся цене производства.

И далее

d) превращение добавочной прибыли в ренту.

4) Влияние этой ренты на норму прибыли.

В. Абсолютная рента.

С. Цена земли.

D. Заключительные замечания о земельной ренте.

Как общий результат рассмотрения дифференциальной ренты получается вообще следующее:

Во-первых: образование добавочной прибыли может происходить различными путями. С одной стороны, на базисе дифференциальной ренты I, то есть на базисе затраты совокупного земледельческого капитала на земельной площади, состоящей из различных по плодородию земель. Далее, в виде дифференциальной ренты II, на базисе различной дифференциальной производительности последовательных затрат капитала на одной и той же земле, то есть на базисе большей производительности, выраженной, например, в квартерах пшеницы, чем та, которая достигается при той же затрате капитала на наихудшей земле, не приносящей ренты, но регулирующей цену производства. Но каким бы путем ни возникала эта добавочная прибыль, превращение ее в ренту, следовательно, ее переход из рук арендатора в руки земельного собственника всегда предполагает в качестве предварительного условия, что различные действительные индивидуальные цены производства (то есть независимо от общей регулирующей рынок цены производства) отдельных продуктов единичных последовательных затрат

капитала предварительно выравниваются в индивидуальную среднюю цену производства. Избыток общей регулирующей цены производства продукта одного акра над этой индивидуальной средней ценой образует и определяет величину ренты на акр. При дифференциальной ренте I различия результатов видны сами по себе, так как они получаются на различных участках земли, находящихся один вне другого и возле другого, — получаются при такой затрате капитала на акр, которая принимается за нормальную, и при соответствующем этой затрате нормальном возделывании. При дифференциальной ренте II различия результатов надо сделать прежде всего видимыми; в самом деле, их сначала приходится превратить обратно в дифференциальную ренту I, а это можно сделать лишь указанным способом. Возьмем, например, таблицу III, стр. 747.

Земля *B* дает в результате первой затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. 2 квартера с акра, а в результате второй затраты, одинаковой по размеру, — $1^1/_2$ квартера, в общей сложности — $3^1/_2$ квартера с одного и того же акра. По этим $3^1/_2$ квартера, собранным с одной и той же земли, нельзя различить, какая часть является продуктом затраты капитала I и какая продуктом затраты капитала II. В действительности $3^1/_2$ квартера суть продукт всего капитала в 5 фунтов стерлингов; и фактически дело заключается лишь в том, что капитал в $2^1/_2$ ф. ст. принес 2 квартера, а капитал в 5 ф. ст. принес не 4, а $3^1/_2$ квартера. Дело ничуть не изменилось бы, если бы эти 5 ф. ст. дали 4 квартера, так что продукты обеих затрат капитала были бы одинаковы, или даже 5 квартеров, так что вторая затрата капитала дала бы избыток в 1 квартер. Цена производства первых 2 квартеров равняется $1^1/_2$ ф. ст. за квартер, а вторых $1^1/_2$ квартера — 2 ф. ст. за квартер. Все эти $3^1/_2$ квартера вместе стоят поэтому 6 фунтов стерлингов. Это индивидуальная цена производства всего продукта, составляющая в среднем 1 ф. ст. $14^2/_7$ шилл. за квартер, круглым счетом, скажем, $1^3/_4$ фунта стерлингов. При общей цене производства в 3 ф. ст., определяемой землей *A*, это дает добавочную прибыль в $1^1/_4$ ф. ст. за квартер и, следовательно, для всех $3^1/_2$ квартера — $4^3/_8$ фунта стерлингов. При средней цене производства на земле *B* это составит круглым счетом $1^1/_2$ квартера. Добавочная прибыль, получаемая с земли *B*, выражается, следовательно, в соответственной части продукта с земли *B*, в этих $1^1/_2$ квартера, которые образуют хлебную ренту и которые продаются по общей цене производства за $4^1/_2$ фунта стерлингов. Но, наоборот, избыточный продукт, получаемый с акра земли *B*, по сравнению с тем, который получается с акра земли *A*, нельзя считать

непосредственно добавочной прибылью, а потому и добавочным продуктом. Согласно предположению, акр земли *B* производит $3^1/_2$ квартера, акр земли *A* — лишь 1 квартер. Избыточный продукт с земли *B* представляет, следовательно, $2^1/_2$ квартера, а добавочный продукт — лишь $1^1/_2$ квартера; потому что в землю *B* вложен вдвое больший капитал, чем в землю *A*, и потому вся цена производства на этой земле вдвое больше. Если бы в землю *A* было также вложено 5 ф. ст. и норма производительности осталась без изменения, то продукт был бы равен 2 квартерам вместо 1, и таким образом стало бы ясным, что действительный добавочный продукт можно найти посредством сравнения не величин $3^1/_2$ и 1, а величин $3^1/_2$ и 2; что, следовательно, он равняется не $2^1/_2$, а всего $1^1/_2$ квартера. Но, далее, если бы на земле *B* была произведена третья затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст., которая дала бы лишь 1 квартер, так что этот квартер стоил бы 3 ф. ст., как квартер, произведенный на земле *A*, то его продажная цена в 3 ф. ст. покрыла бы только всю цену производства, дала бы лишь среднюю прибыль, но не принесла бы никакой добавочной прибыли, а следовательно, и ничего, что могло бы превратиться в ренту. Продукт с акра любой категории земли, по сравнению с продуктом с акра земли *A*, не показывает ни того, является ли он продуктом одинаковой или большей затраты капитала, ни того, покрывает ли добавочный продукт только цену производства, или же он обязан своим возникновением более высокой производительности дополнительного капитала.

Во-вторых: при убывающей норме производительности дополнительных затрат капитала, границей которых, — поскольку речь идет об образовании новой добавочной прибыли, — является такая затрата капитала, которая покрывает лишь цену производства, то есть производит квартер столь же дорого, как равная затрата капитала производит его на акре земли *A*, то есть, согласно предположению, за 3 ф. ст., — предел, где вся затрата капитала на акр земли *B* перестает давать ренту, был бы, как следует из вышеизложенного, достигнут тогда, когда индивидуальная средняя цена производства продукта на акре земли *B* повысилась бы до уровня цены производства с акра земли *A*.

Если на земле *B* производятся такие дополнительные затраты капитала, которые лишь окупают цену производства и, следовательно, не образуют добавочной прибыли, а потому и новой ренты, то, хотя это и повышает индивидуальную среднюю цену производства квартера, тем не менее, не затрагивает добавочной прибыли, образовавшейся от прежних затрат капитала, следовательно, не затрагивает ренты, которая раньше

могла получаться. Ибо средняя цена производства всегда остается ниже цены производства на земле *A*, а если разница этих цен в расчете на квартер и уменьшается, то количество квартеров увеличивается в том же отношении, так что общее превышение цены остается без изменения.

В приведенном случае две первые затраты капитала в 5 ф. ст. на земле *B* производят $3^1/_2$ квартера, следовательно, согласно предположению, $1^1/_2$ квартера ренты = $4^1/_2$ фунта стерлингов. Если сюда присоединится третья затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст., производящая лишь один дополнительный квартер, то вся цена производства (включая 20% прибыли) $4^1/_2$ квартера = 9 фунтам стерлингов; следовательно, средняя цена за квартер = 2 фунтам стерлингов. Таким образом, средняя цена производства за квартер на земле *B* поднялась с $1^5/_7$ до 2 ф. ст., добавочная прибыль с квартера, по сравнению с регулирующей ценой земли *A*, упала следовательно с $1^2/_7$ до 1 фунта стерлингов. Но $1 \times 4^1/_2 = 4^1/_2$ фунта стерлингов, совершенно так же, как прежде, $1^2/_7 \times 3^1/_2 = 4^1/_2$ фунта стерлингов.

Если бы мы предположили, что на земле *B* были сделаны еще четвертая и пятая дополнительные затраты капитала по $2^1/_2$ ф. ст., затраты, производящие квартер лишь по его общей цене производства, то весь продукт с акра составлял бы теперь $6^1/_2$ квартера, а вся его цена производства составила бы 15 фунтов стерлингов. Средняя цена производства квартера снова повысилась бы на земле *B* с 2 до $2^4/_{13}$ ф. ст., а добавочная прибыль с квартера по сравнению с регулирующей ценой производства на земле *A* снова упала бы с 1 до $^9/_{13}$ фунта стерлингов. Но и эти $^9/_{13}$ ф. ст. пришлось бы теперь считать на $6^1/_2$ квартера, вместо прежних $4^1/_2$. Между тем $^9/_{13} \times 6^1/_2 = 1 \times 4^1/_2 = 4^1/_2$ фунта стерлингов.

Отсюда прежде всего следует, что при этих обстоятельствах не требуется никакого повышения регулирующей цены производства для того, чтобы сделать возможными дополнительные затраты капитала на землях, приносящих ренту, возможными даже в таком размере, что дополнительный капитал совсем перестает доставлять добавочную прибыль и дает лишь среднюю прибыль. Из этого следует далее, что здесь сумма добавочной прибыли на акр остается без изменения, как бы ни уменьшалась добавочная прибыль на квартер; это уменьшение всегда уравновешивается соответствующим увеличением квартеров, производимых на акре земли. Для того чтобы средняя цена производства поднялась до уровня общей цены производства (следовательно, достигла бы 3 ф. ст. на земле *B*), должны быть сделаны такие дополнительные затраты капитала, продукт которых обладал бы более высокой ценой производства, чем ре-

гулирующая цена в 3 фунта стерлингов. Но мы увидим, что этого одного тоже недостаточно, чтобы повысить среднюю цену производства квартера на земле *B* до уровня общей цены производства в 3 фунта стерлингов.

Предположим, что на земле *B* были произведены:

1) $3^1/_2$ квартера, цена производства которых, как и прежде, = 6 фунтам стерлингов; следовательно, две затраты капитала по $2^1/_2$ ф. ст. каждая, причем обе образуют добавочные прибыли, но в уменьшающемся размере.

2) 1 квартер за 3 фунта стерлингов; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства была бы равна регулирующей цене производства.

3) 1 квартер за 4 фунта стерлингов; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства на 33% выше регулирующей цены.

Мы имели бы тогда $5^1/_2$ квартера с акра за 13 ф. ст., при затрате капитала в $10^7/_{10}$ фунта стерлингов; первоначальная затрата капитала возросла бы в четыре раза, но продукт первой затраты капитала не увеличился бы и в три раза.

$5^1/_2$ квартера за 13 ф. ст. дают среднюю цену производства в $2^4/_{11}$ ф. ст. за квартер, следовательно, при регулирующей цене производства в 3 ф. ст., избыток в $^7/_{11}$ ф. ст. с квартера; этот избыток может превратиться в ренту. $5^1/_2$ квартера при продаже по регулирующей цене в 3 ф. ст. дают $16^1/_2$ фунта стерлингов. За вычетом всей цены производства в 13 ф. ст. остается $3^1/_2$ ф. ст. добавочной прибыли, или ренты; эти $3^1/_2$ ф. ст., считая по теперешней средней цене производства квартера на земле *B*, то есть по $2^4/_{11}$ ф. ст. за квартер, являются теперь представителем $1^{25}/_{52}$ квартера. Денежная рента понизилась бы на 1 ф. ст., хлебная рента — приблизительно на $^1/_2$ квартера, но несмотря на то, что четвертая дополнительная затрата капитала на земле *B* не только не производит добавочной прибыли, но дает меньше, чем среднюю прибыль, по-прежнему продолжает получаться добавочная прибыль и рента. Если мы предположим, что, кроме затраты капитала 3), и затрата 2) производит по цене, превышающей регулирующую цену производства, то все производство составит: $3^1/_2$ квартера за 6 ф. ст. + 2 квартера за 8 ф. ст., итого $5^1/_2$ квартера за цену производства в 14 фунтов стерлингов. Средняя цена производства квартера была бы = $2^6/_{11}$ ф. ст., что оставляло бы избыток в $^5/_{11}$ фунта стерлингов. Эти $5^1/_2$ квартера, проданные по 3 ф. ст., дают $16^1/_2$ фунта стерлингов; за вычетом 14 ф. ст. всей цены производства остается $2^1/_2$ ф. ст. на ренту. При теперешней средней цене производства на земле *B* это составило

бы $^{55}/_{56}$ квартера. Следовательно, рента все еще продолжает получаться, хотя и в меньшем размере, чем раньше.

Во всяком случае это показывает, что на лучших земельных участках при дополнительных затратах капитала, продукт которых обходится дороже регулирующей цены производства, рента, — по крайней мере в пределах, допустимых практикой, — не исчезает, а лишь уменьшается соответственно тому, с одной стороны, какую долю всего затраченного капитала составляет этот менее производительный капитал, а с другой стороны — соответственно уменьшению его производительности. Средняя цена производства его продукта все же была бы ниже регулирующей цены и потому все еще оставалась бы добавочная прибыль, которая могла бы превратиться в ренту.

Предположим теперь, что средняя цена производства квартера на земле *B* совпадает с общей ценой производства, что явилось следствием четырех последовательных затрат капитала ($2^1/_2$, $2^1/_2$, 5 и 5 ф. ст.) с убывающей производительностью.

	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт кварт.	Цена производства		Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Избыток для ренты	
				за кварт. ф. ст.	всего ф. ст.			кварт.	ф. ст.
1)	$2^1/_2$	$^1/_2$	2	$1^1/_2$	3	3	6	1	3
2)	$2^1/_2$	$^1/_2$	$1^1/_2$	2	3	3	$4^1/_2$	$^1/_2$	$1^1/_2$
3)	5	1	$1^1/_2$	4	6	3	$4^1/_2$	$-^1/_2$	$-1^1/_2$
4)	5	1	1	6	6	3	3	—1	—3
	15	3	6	—	18	—	18	0	0

В данном случае арендатор продает каждый квартер по его индивидуальной цене производства, и потому все количество квартеров продается им по их средней цене производства, совпадающей с регулирующей ценой в 3 фунта стерлингов. Он получает поэтому на свой капитал в 15 ф. ст. по-прежнему 20% прибыли = 3 фунтам стерлингов. Но рента исчезла. Куда же девался избыток при этом выравнивании индивидуальных цен производства каждого квартера с общей ценой производства?

Добавочная прибыль с первой затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. равнялась 3 фунтам стерлингов; со второй в $2^1/_2$ ф. ст. она равнялась $1^1/_2$ фунта стерлингов; в общей сложности добавочная прибыль на $^1/_3$ авансированного капитала, то есть на 5 ф. ст., была = $4^1/_2$ ф. ст. = 90%.

При затрате капитала 3) 5 ф. ст. не только не приносят добавочной прибыли, но продукт ее в $1^1/_2$ квартера, проданный по общей цене производства, дает минус в $1^1/_2$ фунта стерлингов. Наконец, при затрате капитала 4), тоже в 5 ф. ст., продукт ее в 1 квартер, проданный по общей цене производства, дает минус в 3 фунта стерлингов. Следовательно, обе затраты капитала, взятые вместе, дают минус в $4^1/_2$ ф. ст., равный добавочной прибыли в $4^1/_2$ ф. ст., которая получилась от затрат капитала 1) и 2).

Добавочная прибыль и этот общий минус прибыли взаимно уничтожаются. Поэтому рента исчезает. Но в действительности это возможно лишь потому, что те элементы прибавочной стоимости, которые составляли добавочную прибыль или ренту, входят теперь в образование средней прибыли. Фермер получает эту среднюю прибыль в размере 3 ф. ст. на 15 ф. ст., или в размере 20% за счет ренты.

Выравнивание индивидуальной средней цены производства *B* с общей ценой производства *A*, регулирующей рыночную цену, предполагает, что разность между индивидуальной ценой продукта первых затрат капитала и превышающей ее регулирующей ценой все более и более уравновешивается и в конце концов уничтожается разницей, на которую цена продукта последующих затрат капитала начинает превышать регулирующую цену. Таким образом то, что представляется добавочной прибылью, пока продукт первых затрат капитала продается отдельно, становится постепенно частью средней цены производства и тем самым входит в образование средней прибыли, пока, наконец, не будет совсем поглощено последней.

Если бы вместо 15 ф. ст. капитала, вложенного в землю *B*, на этой земле было затрачено всего 5 ф. ст., а показанные в последней таблице дополнительные $2^1/_2$ квартера были произведены таким образом, что $2^1/_2$ акра земли *A* были бы возделаны вновь при помощи капитала в $2^1/_2$ ф. ст. на акр, то затраченный дополнительный капитал составил бы всего $6^1/_4$ ф. ст., а вся затрата на землях *A* и *B*, сделанная для производства этих 6 квартеров, составила бы всего $11^1/_4$ ф. ст. вместо 15 ф. ст., и вся цена их производства, включая и прибыль, составила бы $13^1/_2$ фунта стерлингов. Эти 6 квартеров по-прежнему продавались бы за 18 ф. ст., но затрата капитала уменьшилась бы на $3^3/_4$ ф. ст., и рента с земли *B* составляла бы, как и прежде, $4^1/_2$ ф. ст. на акр. Иначе обстояло бы дело, если бы для производства дополнительных $2^1/_2$ квартера пришлось прибегнуть к худшей, чем *A*, земле, к A_1, A_2, так что цена производства квартера для $1^1/_2$ квартера на земле $A_1 = 4$ ф. ст., а для

последнего квартера на земле $A_2 = 6$ фунтам стерлингов. В таком случае 6 ф. ст. сделались бы регулирующей ценой производства квартера. Эти $3^1/_2$ квартера с земли B были бы проданы за 21 ф. ст. вместо $10^1/_2$ ф. ст., что дало бы ренту в 15 ф.ст. вместо $4^1/_2$ ф. ст., а хлебная рента составила бы $2^1/_2$ квартера вместо $1^1/_2$ квартера. Точно так же один квартер с земли A теперь дал бы ренту в 3 ф. ст. $= {}^1/_2$ квартера.

Прежде чем заняться дальнейшим исследованием этого вопроса, сделаем одно замечание.

Средняя цена квартера с земли B выравнивается, совпадает с общей ценой производства в 3 ф. ст. для квартера, регулируемой землей A, как только часть всего капитала, производящая дополнительные $1^1/_2$ квартера, уравновесится той частью всего капитала, которая недопроизводит $1^1/_2$ квартера. Когда именно это будет достигнуто или сколько капитала с недостаточной производительной силой должно быть для этого затрачено на земле B, это зависит при данной добавочной производительности первых затрат капитала от относительно недостаточной производительности последующих затрат капитала, — недостаточной по сравнению с производительностью равновеликой затраты капитала на наихудшей регулирующей земле A, или от индивидуальной цены производства продукта этих последующих затрат, по сравнению с регулирующей ценой.

Из предыдущего прежде всего следует:

Во-первых. До тех пор, пока дополнительные капиталы затрачиваются на одной и той же земле с относительно более высокой производительностью, пусть даже убывающей, рента с акра как хлебная, так и денежная, абсолютно возрастает, хотя относительно, по сравнению с авансированным капиталом (следовательно, как норма добавочной прибыли или ренты), она уменьшается. Пределом здесь служит тот дополнительный капитал, который приносит лишь среднюю прибыль или для продукта которого индивидуальная цена производства совпадает с общей ценой производства. Цена производства при этих условиях остается без изменения, если только производство на худших землях не станет излишним вследствие увеличившегося предложения. Даже при уменьшающихся ценах эти дополнительные капиталы могут в известных пределах все еще производить добавочную прибыль, хотя и менее значительную.

Во-вторых. Затрата дополнительного капитала, который производит только среднюю прибыль и добавочная производительность которого, следовательно, $= 0$, ничего не изменяет

в высоте образовавшейся добавочной прибыли, а потому и ренты. Индивидуальная средняя цена производства квартера на лучших землях вследствие этого возрастает, избыток, получаемый с квартера, уменьшается, но количество квартеров, дающих такой уменьшенный избыток, увеличивается, так что общий результат не изменяется.

В-третьих. Дополнительные затраты капитала, которые дают продукт с индивидуальной ценой производства, превышающей регулирующую цену, следовательно, добавочная производительность которых не только = 0, но ниже нуля, с минусом, то есть ниже, чем производительность равной затраты капитала на регулирующей земле *A*, — такая дополнительная затрата все больше приближает индивидуальную среднюю цену всего продукта на лучших землях к общей цене производства, следовательно, все больше уменьшает между ними разницу, которая образует добавочную прибыль, соответственно ренту. Все бо́льшая и бо́льшая часть того, что раньше составляло добавочную прибыль или ренту, входит в образование средней прибыли. Тем не менее, весь капитал, затраченный на акр земли *B*, продолжает приносить добавочную прибыль, хотя она уменьшается вместе с увеличением массы капитала недостаточной производительности и с увеличением степени этой недостаточной производительности. При возрастающем капитале и увеличивающемся производстве рента, получаемая с акра, уменьшается здесь абсолютно, а не только относительно, по сравнению с возрастающим размером затраченного капитала, как во втором случае.

Исчезнуть рента может только в том случае, если индивидуальная средняя цена производства всего продукта на лучшей земле *B* совпадает с регулирующей ценой, следовательно, если вся добавочная прибыль первых, более производительных затрат капитала войдет в образование средней прибыли.

Крайним пределом уменьшения ренты с акра является тот пункт, когда она вовсе исчезает. Но этот предел наступает не сразу после того, как дополнительные затраты капитала начинают производить с недостаточной производительностью, а после того, как дополнительная затрата капитала с недостаточной производительностью приобретает такие размеры, что ее влияние уничтожает более высокую производительность первых затрат капитала, и производительность всего затраченного капитала становится равной производительности капитала, вложенного в землю *A*, а потому индивидуальная средняя цена квартера с земли *B* становится равной индивидуальной средней цене квартера с земли *A*.

Но и в этом случае регулирующая цена производства в 3 ф. ст. с квартера не изменилась бы, хотя рента и исчезла бы. Только за этим пределом цена производства должна была бы повыситься вследствие увеличения либо степени недостаточной производительности дополнительного капитала, либо величины самого этого дополнительного капитала при той же степени недостаточной производительности. Если бы, например, в вышеприведенной таблице на стр. 794 на той же земле производилось по 4 ф. ст. $2^1/_2$ квартера, а не $1^1/_2$ квартера, то мы имели бы в общем 7 квартеров, вся цена производства которых равнялась бы 22 фунтам стерлингов; квартер стоил бы $3^1/_7$ фунта стерлингов; то есть он стоил бы на $^1/_7$ ф. ст. дороже общей цены производства, и последняя должна была бы повыситься.

Таким образом, еще долгое время можно было бы затрачивать дополнительный капитал с недостаточной и даже все понижающейся производительностью, пока индивидуальная средняя цена квартера на лучших земельных участках не станет равна общей цене производства, пока не исчезнет совершенно избыток последней над первой, а вместе с тем и не исчезнут совершенно добавочная прибыль и рента.

Даже и в этом случае с исчезновением ренты с лучших земель индивидуальная средняя цена их продукта только совпала бы с общей ценой производства, следовательно, все еще не потребовалось бы повышения этой последней.

В вышеприведенном примере на лучшей земле *B*, находящейся, однако, на последнем месте в ряду лучших или приносящих ренту земель, $3^1/_2$ квартера производятся при помощи капитала в 5 ф. ст., обладающего добавочной производительностью, и $2^1/_2$ квартера производятся при помощи капитала в 10 ф. ст., обладающего недостаточной производительностью, в общей сложности получается 6 квартеров, следовательно, $^5/_{12}$ этого количества производится при помощи этих последних частей капитала, затраченных с недостаточной производительностью. И только в этом пункте индивидуальная средняя цена производства 6 квартеров повышается до 3 ф. ст. за квартер, следовательно, совпадает с общей ценой производства.

Но в условиях собственности на землю последние $2^1/_2$ квартера не могли бы быть произведены подобным образом по 3 ф. ст. за квартер, исключая тот случай, когда они могли бы быть произведены на новых $2^1/_2$ акра земли *A*. Случай, когда дополнительный капитал производит уже только по общей цене производства, явился бы пределом. При этом дополнительные затраты капитала на такой земле прекращаются.

В самом деле, раз арендатору пришлось после двух первых затрат капитала заплатить $4^1/_2$ ф. ст. ренты, то он должен ее продолжать уплачивать, и каждая затрата капитала, которая произвела бы квартер дороже 3 ф. ст., вызвала бы сокращение его прибыли. Это препятствует, при недостаточной производительности, выравниванию индивидуальной средней цены.

Возьмем этот случай в прежнем примере, когда цена производства на земле *A* в 3 ф. ст. за квартер регулирует цену для земли *B*.

Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Цена производства за кварт. ф. ст.	Продажная цена		Добавочная прибыль ф. ст.	Убыток ф. ст.
					за кварт. ф. ст.	итого ф. ст.		
$2^1/_2$	$^1/_2$	3	2	$1^1/_2$	3	6	3	—
$2^1/_2$	$^1/_2$	3	$1^1/_2$	2	3	$4^1/_2$	$1^1/_2$	—
5	1	6	$1^1/_2$	4	3	$4^1/_2$	—	$1^1/_2$
5	1	6	1	6	3	3	—	3
15	3	18	—	—	—	18	$4^1/_2$	$4^1/_2$

Цена производства $3^1/_2$ квартера при двух первых затратах капитала тоже составляет для арендатора 3 ф. ст. за квартер, так как ему приходится уплачивать ренту в $4^1/_2$ ф. ст., причем разница между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства попадает таким образом не в его карман. Следовательно, избыток цены продукта двух первых затрат капитала не может ему послужить возмещением дефицита в цене продуктов третьей и четвертой затрат капитала.

$1^1/_2$ квартера от затраты капитала 3) стоят фермеру, включая и прибыль, 6 фунтов стерлингов; но при регулирующей цене в 3 ф. ст. за квартер он может продать их лишь за $4^1/_2$ фунта стерлингов. Следовательно, он потерял бы не только всю прибыль, но сверх того $^1/_2$ ф. ст., или 10% затраченного капитала в 5 фунтов стерлингов. Его потеря в прибыли и капитале при затрате капитала 3) равнялась бы $1^1/_2$ ф. ст., а при затрате капитала 4) — 3 ф. ст., итого $4^1/_2$ ф. ст., ровно столько, сколько составляет рента от более производительных затрат капитала; индивидуальная цена производства, получающаяся при этих более производительных затратах, именно потому не может оказать выравнивающего влияния на индивидуальную среднюю цену производства всего продукта земли *B*, что избыток ее приходится выплатить в виде ренты третьему лицу.

Если бы для удовлетворения спроса пришлось произвести дополнительные $1^1/_2$ квартера при помощи третьей затраты капитала, то регулирующая рыночная цена должна была бы подняться до 4 ф. ст. за квартер. Вследствие такого вздорожания регулирующей рыночной цены рента на земле *B* для первой и второй затрат капитала повысилась бы, а земля *A* начала бы давать ренту.

Итак, хотя дифференциальная рента есть лишь формальное превращение добавочной прибыли в ренту и хотя собственность на землю дает здесь собственнику лишь возможность переместить добавочную прибыль из рук арендатора в свои, тем не менее оказывается, что последовательная затрата капитала на одну и ту же земельную площадь или, что сводится к тому же, увеличение капитала, затраченного на одной и той же земельной площади, при убывающей норме производительности капитала и неизменяющейся регулирующей цене, гораздо скорее достигает предела, следовательно, достигает в действительности более или менее искусственной границы как раз вследствие этого формального превращения добавочной прибыли в земельную ренту, являющегося следствием земельной собственности. Таким образом, повышение общей цены производства, которое становится здесь необходимым, когда границы для него у́же, чем обычно, не только служит здесь причиной повышения дифференциальной ренты, но само существование дифференциальной ренты как таковой является в то же время причиной того, что общая цена производства раньше и быстрее повышается, чтобы таким образом обеспечить ставшее необходимым увеличенное предложение продукта.

Необходимо далее заметить следующее:

Дополнительная затрата капитала на земле *B* не могла бы повысить регулирующей цены до 4 ф. ст., как в приведенном выше примере, если бы земля *A* в результате второй затраты капитала доставляла добавочный продукт дешевле 4 ф. ст., или если бы в конкуренции стала участвовать новая, худшая, чем *A*, земля, цена производства на которой хотя и выше 3, но ниже 4 фунтов стерлингов. Таким образом, мы видим, что дифференциальная рента I является базисом для дифференциальной ренты II, вместе с тем они служат пределом друг для друга, благодаря чему то производится последовательная затрата капитала на одном и том же земельном участке, то производится затрата капитала одна рядом с другой на новой дополнительной земле. Точно так же они ограничивают друг друга и в иных случаях, когда, например, очередь доходит до лучших земель.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА ТАКЖЕ И С НАИХУДШЕЙ ИЗ ВОЗДЕЛЫВАЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ

Предположим, что спрос на хлеб повышается и что предложение может быть покрыто лишь посредством последовательных вложений капитала с недостаточной производительностью в земли, приносящие ренту, или посредством дополнительных вложений капитала, тоже с убывающей производительностью, в землю *A*, или посредством вложений капитала в новые земли худшего качества, чем земля *A*.

Возьмем землю *B* в качестве примера земель, приносящих ренту.

Дополнительная затрата капитала требует повышения рыночной цены выше 3 ф. ст. за квартер, которые до сих пор были регулирующей ценой производства, чтобы на земле *B* возможно было дополнительное производство 1 квартера (который может представлять здесь 1 миллион квартеров, как каждый акр — 1 миллион акров). На землях *C* и *D* и т. д., на землях с наивысшей рентой, тоже может быть получен дополнительный продукт, но лишь при убывающей добавочной производительной силе; однако предполагается, что 1 квартер с земли *B* необходим для удовлетворения спроса. Если этот один квартер можно дешевле произвести посредством дополнительного капитала на земле *B*, чем посредством равной затраты дополнительного капитала на земле *A* или на земле еще более низкой категории — A_1, которая, например, может произвести квартер лишь за 4 ф. ст., между тем как дополнительный капитал на земле *A* мог бы произвести квартер уже за $3^3/_4$ ф. ст., то дополнительный капитал, затраченный на земле *B*, стал бы регулировать рыночную цену.

Земля *A* по-прежнему произвела 1 квартер за 3 фунта стерлингов. Земля *B* тоже, как и раньше, произвела в общей сложности $3^1/_2$ квартера, индивидуальная цена производства которых составляет в итоге 6 фунтов стерлингов. Теперь, если бы на земле *B* потребовалась прибавка в 4 ф. ст. к цене производства

(включая и прибыль), чтобы произвести один новый квартер, между тем как на земле *A* его можно произвести при такой прибавке в $3^3/_4$ ф. ст., то, само собой разумеется, он был бы произведен на земле *A*, а не на земле *B*. Но предположим, что он может быть произведен на земле *B* при прибавке в $3^1/_2$ ф. ст. к цене производства. В этом случае $3^1/_2$ ф. ст. сделались бы регулирующей ценой для всего производства. Тогда с земли *B* продавался бы продукт в $4^1/_2$ квартера за $15^3/_4$ фунта стерлингов. Из этой суммы на цену производства первых $3^1/_2$ квартера приходится 6 ф. ст. и на последний квартер — $3^1/_2$ ф. ст., итого $9^1/_2$ фунта стерлингов. Остается добавочная прибыль для ренты = $6^1/_4$ ф. ст., между тем как раньше она была равна всего $4^1/_2$ фунта стерлингов. В этом случае акр земли *A* тоже принес бы ренту в $^1/_2$ ф. ст., но цену производства в $3^1/_2$ ф. ст. стала бы регулировать не наихудшая земля *A*, а сравнительно лучшая земля *B*. При этом, конечно, предполагается, что новая земля категории *A*, будучи расположенной так же, как земля, возделывавшаяся до сих пор, недоступна и что пришлось бы сделать вторую затрату капитала на уже возделываемом участке *A*, но при большей цене производства, или пришлось бы обратиться к еще худшей земле A_1. Как только последовательные затраты капитала начнут давать дифференциальную ренту II, пределы повышающейся цены производства могут регулироваться лучшей землей, и худшая земля, базис дифференциальной ренты I, может тогда тоже приносить ренту. Таким образом, принимая во внимание только дифференциальную ренту, все возделываемые земли стали бы тогда приносить ренту. В таком случае мы имели бы две следующие таблицы, в которых под ценой производства подразумевается сумма авансированного капитала плюс 20% прибыли, следовательно, на каждые $2^1/_2$ ф. ст. капитала по $^1/_2$ ф. ст. прибыли, итого 3 фунта стерлингов.

Категория земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	3	3	0	0
B	1	6	$3^1/_2$	3	$10^1/_2$	$1^1/_2$	$4^1/_2$
C	1	6	$5^1/_2$	3	$16^1/_2$	$3^1/_2$	$10^1/_2$
D	1	6	$7^1/_2$	3	$22^1/_2$	$5^1/_2$	$16^1/_2$
Итого	4	21	$17^1/_2$	—	$52^1/_2$	$10^1/_2$	$31^1/_2$

Таково положение вещей до новой затраты капитала [соответствующей цене производства] в $3^1/_2$ ф. ст. на земле *B*, приносящей только 1 квартер. После этой затраты дело обстоит таким образом:

Категория земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	$3^1/_2$	$3^1/_2$	$^1/_7$	$^1/_2$
B	1	$9^1/_2$	$4^1/_2$	$3^1/_2$	$15^3/_4$	$1^{11}/_{14}$	$6^1/_4$
C	1	6	$5^1/_2$	$3^1/_2$	$19^1/_4$	$3^{11}/_{14}$	$13^1/_4$
D	1	6	$7^1/_2$	$3^1/_2$	$26^1/_4$	$5^{11}/_{14}$	$20^1/_4$
Итого	4	$24^1/_2$	$18^1/_2$	—	$64^3/_4$	$11^1/_2$	$40^1/_4$

{Это опять не совсем верно вычислено. Арендатору *B* производство этих $4^1/_2$ квартера обходится, во-первых, в $9^1/_2$ ф. ст. цены производства и, во-вторых, в $4^1/_2$ ф. ст. ренты, итого в 14 фунтов стерлингов; в среднем за квартер = $3^1/_9$ фунта стерлингов. Эта средняя цена для всего его производства становится, таким образом, регулирующей рыночной ценой. Поэтому рента на земле *A* составила бы $^1/_9$ ф. ст. вместо $^1/_2$ ф. ст., а рента на земле *B* осталась бы по-прежнему $4^1/_2$ фунта стерлингов; $4^1/_2$ квартера по $3^1/_9$ ф. ст. = 14 фунтам стерлингов; если из этой суммы вычесть $9^1/_2$ ф. ст. всей цены производства, то добавочная прибыль составила бы $4^1/_2$ фунта стерлингов. Итак, несмотря на то, что цифры должны быть изменены, пример показывает, как при посредстве дифференциальной ренты II относительно лучшая земля, уже приносящая ренту, может сделаться регулирующей цену и благодаря этому *вся* земля, в том числе и не приносившая до того времени ренты, может превратиться в приносящую ренту. — *Ф. Э.*}

Хлебная рента должна повыситься, раз повышается регулирующая цена производства хлеба, то есть коль скоро повышается цена производства квартера хлеба на регулирующей земле, или регулирующая затрата капитала на одной из земель. Это все равно, как если бы все земли сделались менее плодородными и производили бы, например, на каждые $2^1/_2$ ф. ст. новых затрат капитала всего по $^5/_7$ квартера вместо 1 квартера. Весь тот избыток хлеба, который они производят при той же затрате капитала, превращается в добавочный продукт, в котором

представлена добавочная прибыль, а потому и рента. Если предположить, что норма прибыли остается прежняя, то фермер мог бы купить на свою прибыль меньшее количество хлеба. Норма прибыли может остаться прежняя, если заработная плата не повысится, — потому ли, что ее снизили до физического минимума, то есть ниже нормальной стоимости рабочей силы, или потому что сравнительно дешевле стали другие предметы потребления рабочих, доставляемые промышленностью, или потому что рабочий день удлинен или сделался интенсивнее и вследствие этого норма прибыли в неземледельческих отраслях производства, регулирующая, однако, земледельческую прибыль, осталась прежняя, если не повысилась; или же потому что в земледелии по сравнению с промышленностью затрачивается относительно больше постоянного капитала и меньше переменного.

Итак, мы рассмотрели первый путь возникновения ренты на земле *A*, — которая до сих пор была наихудшей, — без того, чтобы к возделыванию была привлечена еще более худшая земля; именно, возникновение ренты, благодаря разнице индивидуальной цены производства на этой земле, которая до сих пор была регулирующей, по сравнению с той новой, более высокой ценой производства, по которой последний дополнительный капитал, затраченный с недостаточной производительной силой на сравнительно лучшей земле, доставляет необходимый дополнительный продукт.

Если бы дополнительный продукт пришлось произвести на земле A_1, которая может доставить квартер лишь за 4 ф. ст., то рента с акра на земле *A* повысилась бы до 1 фунта стерлингов. Но в этом случае земля A_1 передвинулась бы на место *A*, как наихудшая из возделываемых земель, а земля *A* вступила бы как низшее звено в ряд земель, приносящих ренту. Дифференциальная рента I изменилась бы. Таким образом, этот случай лежит за пределами рассматриваемой здесь дифференциальной ренты II, которая возникает из различной производительности последовательных затрат капитала на одном и том же участке земли.

Но, кроме этого, дифференциальная рента на земле *A* может возникнуть еще двояким образом.

В том случае, когда при неизменяющейся цене, — какова бы она ни была, хотя бы это была понизившаяся по сравнению с прежней цена, — дополнительная затрата капитала создает добавочную производительность, что prima facie * до известной

* — прежде всего. *Ред.*

границы всегда должно иметь место как раз на наихудшей земле.

Во-вторых, в том случае, когда производительность последовательных затрат капитала на земле *A*, напротив, понижается.

В обоих случаях предполагается, что увеличение производства диктуется состоянием спроса.

Но здесь с точки зрения дифференциальной ренты выступает особое затруднение в связи с ранее выведенным законом, согласно которому общую цену производства для всей продукции (или для всей затраты капитала) всегда определяет индивидуальная средняя цена производства одного квартера. Ведь для земли *A*, в противоположность лучшим землям, цена производства, которая ограничивает для новых затрат капитала выравнивание индивидуальной цены производства с общей ценой производства, дана не извне. Ибо как раз индивидуальная цена производства на земле *A* и есть та самая общая цена производства, которая регулирует рыночную цену.

Предположим:

1) *При повышающейся производительной силе последовательных затрат капитала* на 1 акре земли *A*, авансировав капитал в 5 ф. ст., что соответствует 6 ф. ст. цены производства, можно произвести 3 вместо 2 квартеров. Первая затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст. доставляет 1 квартер, вторая — 2 квартера. В этом случае 6 ф. ст. всей цены производства дают 3 квартера, следовательно, квартер будет стоить в среднем 2 фунта стерлингов; таким образом, если 3 квартера будут проданы по 2 ф. ст., то земля *A* по-прежнему не принесет ренты, но изменится лишь основа дифференциальной ренты II; регулирующей ценой производства стали 2 ф. ст. вместо 3 фунтов стерлингов; на наихудшей земле капитал в $2^1/_2$ ф. ст. производит теперь в среднем $1^1/_2$ вместо 1 квартера, и это теперь официальное плодородие для всех земель более высокого качества при затрате в $2^1/_2$ фунта стерлингов. С этого времени часть их прежнего добавочного продукта входит в образование их необходимого продукта, подобно тому как часть их прежней добавочной прибыли — в образование средней прибыли.

Если, напротив, произвести расчет таким же способом, как он сделан на лучших землях, где средний расчет ничего не изменяет в абсолютной величине добавочной части, потому что для них общая цена производства дана как граница затраты капитала, то квартер от первой затраты капитала стоит 3 ф. ст., а 2 квартера от второй затраты — всего по $1^1/_2$ фунта стерлингов. Таким образом, на земле *A* возникла бы хлебная рента в 1 квартер, или денежная рента в 3 ф. ст., но эти 3 квартера продавались

бы по старой цене — за 9 фунтов стерлингов. Если бы последовала третья затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст. с такой же продуктивностью, как вторая, то были бы произведены теперь в общей сложности 5 квартеров при 9 ф. ст. цены производства. Если бы индивидуальная средняя цена производства на земле *A* осталась регулирующей, то квартер пришлось бы теперь продавать по $1^4/_5$ фунта стерлингов. Средняя цена опять понизилась бы не вследствие нового повышения производительности третьей затраты капитала, а лишь вследствие присоединения новой затраты капитала с такой же дополнительной производительностью, как вторая. Вместо того чтобы повысить ренту, как это было бы на землях, приносящих ренту, последовательные затраты капитала относительно более высокой, но неизменяющейся производительности, сделанные на земле *A*, соответственно понизили бы цену производства, а вместе с тем при прочих равных условиях и дифференциальную ренту на всех других категориях земли. Напротив, если бы первая затрата капитала, которая производит 1 квартер за 3 ф. ст. цены производства, осталась регулирующей сама по себе, то 5 квартеров были бы проданы за 15 ф. ст., и дифференциальная рента от позднейших затрат капитала на земле *A* составила бы 6 фунтов стерлингов. Присоединение дополнительного капитала к акру земли *A*, в какой бы форме ни совершилось оно, было бы в этом случае улучшением, и дополнительный капитал сделал бы более производительной и первоначальную часть капитала. Было бы бессмыслицей утверждать, что $^1/_3$ капитала произвела 1 квартер, а остальные $^2/_3$ произвели 4 квартера. 9 ф. ст. на акр все же производили бы 5 квартеров, между тем как 3 ф. ст. производят только 1 квартер. Возникла бы здесь рента, добавочная прибыль, или нет, — это всецело зависело бы от конкретных обстоятельств. Нормально регулирующая цена производства должна была бы понизиться. Так будет при том условии, если это улучшенное, а потому связанное с увеличенными издержками возделывание имеет место на земле *A* лишь потому, что оно имеет место и на сравнительно лучших землях, то есть если произойдет общая революция в земледелии; и если теперь идет речь о естественном плодородии земли *A*, то уже подразумевается, что на нее затрачено 6 или 9 ф. ст. вместо 3 фунтов стерлингов. Это в особенности бывает, когда обработке по новому методу подвергается бóльшая часть земли *A*, доставляющая в данной стране основную массу продуктов. Но если бы улучшение охватило сначала лишь небольшую долю площади *A*, то эта лучше возделываемая часть стала бы доставлять добавочную прибыль, которую землевладелец, не теряя времени,

постарался бы превратить целиком или отчасти в ренту и фиксировать как ренту. Таким образом, если бы спрос повышался вместе с предложением, то постепенно, по мере того, как земля *A* на всей своей площади подвергается новому методу обработки, могла бы образоваться рента на всей земле *A*, и результаты добавочной производительности, целиком или отчасти, смотря по условиям рынка, оказались бы конфискованными. Следовательно, выравнивание цены производства на земле *A* по средней цене продукта, получаемого с земли *A* при увеличении затрат капитала, могло бы задерживаться фиксированием в форме ренты той добавочной прибыли, которая получается от этой увеличенной затраты капитала. В этом случае опять, как мы это видели раньше на лучших землях при убывающей производительной силе дополнительных капиталов, превращение добавочной прибыли в земельную ренту, то есть вмешательство земельной собственности, повысило бы цену производства, так что дифференциальная рента не была бы просто следствием различий между индивидуальной и общей ценами производства. Это воспрепятствовало бы совпадению обеих цен для земли *A*, потому что воспрепятствовало бы регулированию цены производства средней ценой производства на земле *A*; следовательно, оно удержало бы цену производства на более высоком уровне, чем это необходимо, и таким образом создало бы ренту. Такой результат мог бы сложиться или удержаться даже при свободном ввозе хлеба из-за границы, потому что той земле, которая, не принося ренты, могла бы выдержать конкуренцию в возделывании хлеба и в том случае, если цена производства определяется извне, фермеры теперь были бы вынуждены дать другое назначение, например отвести ее под выпас скота, и таким образом возделыванием хлеба были бы заняты лишь земли, приносящие ренту, то есть лишь земли, на которых индивидуальная средняя цена производства за квартер стоит ниже цены производства, определяемой извне. В общем можно принять, что в данном случае цена производства понизится, однако не до уровня средней цены, и будет стоять выше его, но ниже цены производства на хуже возделываемой земле *A*, так что конкуренции новой земли *A* ставится предел.

2) *При убывающей производительной силе дополнительных капиталов.*

Предположим, что земля A_1 могла бы произвести дополнительный квартер лишь за 4 ф. ст., а земля *A* — за $3^3/_4$, то есть дешевле, чем A_1, но на $^3/_4$ ф. ст. дороже, чем квартер, произведенный первой затратой капитала на земле *A*. В этом случае совокупная цена двух произведенных на земле *A* квартеров

была бы $= 6^3/_4$ фунта стерлингов; следовательно, средняя цена за квартер $= 3^3/_8$ фунта стерлингов. Цена производства повысилась бы, но всего на $^3/_8$ ф. ст., между тем как если бы дополнительный капитал был затрачен на новой земле, которая производит квартер за $3^3/_4$ ф. ст., она повысилась бы еще на $^3/_8$ ф. ст., до $3^3/_4$ ф. ст., и этим было бы вызвано соответствующее повышение всех остальных дифференциальных рент.

Цена производства в $3^3/_8$ ф. ст. за квартер на земле *A* таким образом выравнялась бы по средней цене производства на той же земле при увеличившейся затрате капитала и стала бы регулирующей; следовательно, здесь не получилось бы ренты, потому что не было бы добавочной прибыли.

Но если бы этот квартер, произведенный второй затратой капитала, был продан за $3^3/_4$ ф. ст., то земля *A* дала бы теперь ренту в $^3/_4$ ф. ст., и притом на все акры земли *A*, на которых не было бы сделано дополнительной затраты капитала и которые, следовательно, по-прежнему производят квартер за 3 фунта стерлингов. Пока существуют еще невозделанные участки земли *A*, цена могла бы лишь временно повыситься до $3^3/_4$ фунта стерлингов. Конкуренция новых участков земли *A* удерживала бы цену производства на 3 ф. ст., пока не была бы исчерпана вся та земля *A*, благоприятное положение которой позволяет производить квартер дешевле, чем за $3^3/_4$ фунта стерлингов. Следовательно, приходится делать это допущение, хотя когда один акр земли приносит ренту, собственник земли не уступит фермеру другого акра без ренты.

Опять-таки от большего или меньшего распространения второй затраты капитала на имеющейся земле *A* зависит, выравнивается ли цена производства по средней цене или же регулирующей будет индивидуальная цена производства при второй затрате капитала в $3^3/_4$ фунта стерлингов. Регулирующей ценой становится $3^3/_4$ ф. ст. только в том случае, если землевладелец успеет, пока не будет удовлетворен спрос, фиксировать в качестве ренты ту добавочную прибыль, которая получалась бы при цене в $3^3/_4$ ф. ст. за квартер.

О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха[189]. Мы видели, что последовательное уменьшение добавочной производительной силы затрат капитала постоянно увеличивает ренту с акра, при неизменяющейся цене производства, и что оно может привести к этому даже при понижающейся цене производства.

Но вообще должно заметить следующее.

С точки зрения капиталистического способа производства всегда имеет место относительное удорожание продуктов, если для получения того же продукта делается затрата, если должно оплачиваться нечто такое, что́ прежде не оплачивалось. Ибо под возмещением капитала, потребленного в производстве, следует понимать только возмещение стоимостей, которые представлены в определенных средствах производства. Элементы природы, входящие в производство как агенты его, ничего не стоят, — эти элементы, какую бы роль ни играли они в производстве, входят в него не как составные части капитала, а как даровая естественная сила капитала, то есть как даровая естественная производительная сила труда, которая на базисе капиталистического способа производства выступает, однако, подобно вообще всякой производительной силе, как производительная сила капитала. Следовательно, если в производстве принимает участие такая естественная сила, которая первоначально ничего не стоит, то она не входит в расчет при определении цены, пока продукт, изготовляемый при ее помощи, достаточен для удовлетворения потребности. Но если со временем потребуется больше продукта, чем можно изготовить с помощью этой естественной силы, то есть если придется производить дополнительный продукт без помощи этой естественной силы, или при содействии человека, человеческого труда, то в капитал войдет новый дополнительный элемент. Следовательно, для получения прежнего продукта будет сделана относительно бо́льшая затрата капитала. При прочих равных условиях произойдет вздорожание производства.

(Из тетради с пометкой «Начато в середине февраля 1876 года». *[Ф. Э.]*)

Дифференциальная рента и рента как всего лишь процент на вложенный в землю капитал.

Так называемые мелиоративные работы продолжительного действия, — которые изменяют физические, отчасти и химические свойства почвы посредством операций, сто́ящих затраты капитала, и которые могут рассматриваться как вложение капитала в землю, — почти все сводятся к тому, чтобы определенному участку земли, почве в определенном ограниченном месте придать такие свойства, которыми другая почва, в другом месте, зачастую совсем близко, обладает от природы. Поверхность одного массива земли является ровной от природы, поверхность другого — приходится выравнивать; один обладает

естественными стоками для воды, другой требует искусственного дренажа; один от природы обладает глубоким пахотным горизонтом, на другом его необходимо углубить искусственно; одна глинистая почва от природы смешана с надлежащим количеством песка, у другой еще необходимо искусственно создать надлежащее отношение; один луг орошается от природы или покрывается илом, на другом этого приходится достигать с помощью труда, или, говоря языком буржуазной политической экономии, с помощью капитала.

Поистине забавна теория, согласно которой в этом случае на одной земле, относительные преимущества которой искусственно созданы, рента есть процент, а на другой земле, которая обладает этими преимуществами от природы, не есть процент*. (На деле же вопрос извращается таким образом, что раз в одном случае рента действительно совпадает с процентом, ее и в других случаях, когда фактически этого нет, надо называть процентом, ложно изображать в виде процента.) Но после того как произведена затрата капитала, земля приносит ренту не потому, что в нее вложен капитал, а потому, что затрата капитала превратила землю в более производительную сферу вложений, чем до этого. Предположим, что вся земля известной страны требует такой затраты капитала; в таком случае каждому участку земли, на котором она еще не была сделана, предстоит пройти эту стадию, и рента (процент, который участок в данном случае приносит), которую дает земля, уже поглотившая такую затрату капитала, точно так же является дифференциальной рентой, как если бы эта земля от природы обладала этим преимуществом, а остальной земле приходилось бы приобретать его лишь искусственным способом.

И эта сводимая к проценту рента становится чистой дифференциальной рентой, как только затраченный капитал будет амортизирован. Иначе оказалось бы, что один и тот же капитал как капитал существует вдвойне.

Одно из самых забавных явлений заключается в том, что все противники Рикардо, оспаривающие определение стоимости исключительно трудом, выдвигают против объяснения дифференциальной ренты различием между землями то обстоятельство, что здесь стоимость определяется природой, а не трудом; и в то же время приписывают это определение местоположению или — и в еще большей мере — даже проценту на капитал, вложенный

---

* См. настоящий том, стр. 677. *Ред.*

в землю при ее обработке. Один и тот же труд придает одинаковую стоимость продукту, изготовленному в течение данного времени; но объем или количество этого продукта, а следовательно, и та часть стоимости, которая приходится на соответственную часть этого продукта, зависит при данном количестве труда единственно от количества продукта, а последнее, в свою очередь, от производительности данного количества труда, а не от абсолютной величины этого количества. Обязана ли эта производительность своим происхождением природе или обществу, совершенно безразлично. Только в том случае, когда она сама сто́ит труда, следовательно, капитала, она в той или иной мере увеличивает цену производства, тогда как природа этого не делает.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

АБСОЛЮТНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

При анализе дифференциальной ренты мы исходили из предположения, что наихудшая земля не приносит земельной ренты или, выражаясь в более общей форме, что земельную ренту приносит только такая земля, на которой индивидуальная цена производства ниже цены производства, регулирующей рынок, благодаря чему возникает добавочная прибыль, которая превращается в ренту. Необходимо прежде всего заметить, что закон дифференциальной ренты, как дифференциальной ренты, совершенно не зависит от правильности или неправильности этого предположения.

Если общую, регулирующую рынок цену производства мы обозначим буквой P, то P для продукта наихудшей земли A совпадает с индивидуальной ценой производства на этой земле; то есть цена оплачивает потребленный в производстве постоянный и переменный капитал плюс средняя прибыль (= предпринимательскому доходу плюс процент).

Рента в этом случае равна нулю. Индивидуальная цена производства на ближайшей по качеству земле категории $B = P'$, и $P > P'$; то есть P оплачивает более чем действительную цену производства продукта земли категории B. Пусть теперь $P - P' = d$; поэтому d, избыток P над P', есть та добавочная прибыль, которую извлекает арендатор земли категории B. Это d превращается в ренту, которую приходится уплачивать собственнику земли. Пусть для земли третьей категории C действительной ценой производства будет P'', и пусть $P - P'' = 2d$; следовательно, эти $2d$ превращаются в ренту; точно так же для земли четвертой категории D индивидуальная цена производства пусть будет P''', а $P - P''' = 3d$, которые превращаются в земельную ренту, и т. д. Будем считать теперь ошибочным предположение, что для земли категории A рента $= 0$, а потому цена ее продукта $= P + 0$. Пусть, напротив, и она

дает ренту $= r$. В этом случае мы имели бы результат двоякого рода.

Во-первых: цена продукта земли категории A не регулировалась бы ценой производства на этой земле, а содержала бы некоторый избыток над этой ценой, была бы равна $P + r$. Ибо раз предполагается нормальный ход капиталистического производства, то есть раз предполагается, что избыток r, уплачиваемый фермером земельному собственнику, не представляет вычета ни из заработной платы, ни из средней прибыли на капитал, то фермер может выплачивать его лишь благодаря тому, что его продукт продается дороже цены производства, что он, следовательно, дал бы ему добавочную прибыль, если бы не приходилось отдавать этот избыток в форме ренты земельному собственнику. В таком случае регулирующая рыночная цена всего находящегося на рынке продукта всех категорий земли была бы не той ценой производства, которую дает капитал вообще во всех сферах производства, то есть не ценой, равной издержкам плюс средняя прибыль, но была бы ценой производства плюс рента, $P + r$, а не P. Ибо цена продукта земли категории A выражает вообще предел регулирующей общей рыночной цены, той цены, по которой может быть доставлен совокупный продукт, и постольку она регулирует цену этого совокупного продукта.

Однако, *во-вторых,* хотя общая цена продукта земли подверглась бы в этом случае существенной модификации, этим отнюдь не был бы снят закон дифференциальной ренты. Ибо, если цена продукта земли A, а тем самым и общая рыночная цена $= P + r$, то цена продукта земель B, C, D и т. д. тоже была бы $= P + r$. Но так как для земли B $P - P' = d$, то $(P + r) - (P' + r)$ тоже было бы $= d$, а для земли C, в свою очередь, $P - P'' = (P + r) - (P'' + r)$ было бы $= 2d$, как, наконец, для земли D, $P - P''' = (P + r) - (P''' + r) = 3d$ и т. д. Итак, дифференциальная рента осталась бы прежняя и регулировалась бы все тем же законом, хотя рента заключала бы теперь в себе элемент, независимый от этого закона, и одновременно с ценой продукта земли подверглась бы общему повышению. Отсюда следует, что как бы ни обстояло дело с рентой наименее плодородных категорий земли, от этого не только не зависит закон дифференциальной ренты, но единственный способ понять самоё природу дифференциальной ренты заключается в том, чтобы ренты земли категории A приравнять нулю. Действительно ли она $= 0$ или > 0, безразлично, поскольку речь идет о дифференциальной ренте и на деле не принимается в расчет.

Итак, закон дифференциальной ренты не зависит от результата дальнейшего исследования.

Теперь, если спросить далее, на чем основывается предположение, что продукт земли наихудшей категории *A* не дает ренты, то ответ необходимо будет таков: Если рыночная цена продукта земли, скажем хлеба, достигает такого уровня, что дополнительно авансированный капитал, вложенный в землю *A*, оплачивает обычную цену производства, то есть дает на капитал обычную среднюю прибыль, то этого условия достаточно для того, чтобы в землю *A* вкладывался дополнительный капитал. То есть для капиталиста достаточно этого условия, чтобы использовать нормальным способом новый капитал, получать обычную прибыль.

Здесь следует заметить, что и в этом случае рыночная цена должна стоять выше, чем цена производства на земле *A*. Ибо как только возникнет дополнительное предложение, то изменится явно и соотношение спроса и предложения. Прежде предложение было недостаточно, теперь оно достаточно. Следовательно, цена должна понизиться. Но чтобы она могла понизиться, для этого требуется, чтобы она раньше стояла на более высоком уровне, чем цена производства на земле *A*. Но более низкое плодородие вновь обрабатываемой земли *A* приводит к тому, что цена не упадет снова до такого низкого уровня, как в то время, когда рынок регулировала цена производства продукта земли категории *B*. Цена производства на земле *A* образует границу не для временного, а для относительно постоянного повышения рыночной цены. — Напротив, если вновь возделываемая земля плодороднее, чем земля *A*, которая была до того времени регулирующей, и, однако, ее достаточно лишь для покрытия дополнительного спроса, то рыночная цена остается без изменений. Исследование вопроса, приносит ли ренту низшая категория земли, и в этом случае совпадает с тем, которым мы заняты теперь: и здесь предположение, что земля *A* не приносит ренты, объяснялось бы достаточностью рыночной цены как раз только для того, чтобы капиталистический фермер мог покрыть ею примененный капитал плюс средняя прибыль; короче говоря, такое предположение объяснялось бы тем, что рыночная цена дает ему цену производства его товара.

Во всяком случае капиталистический фермер, поскольку он должен действовать как капиталист, может при этих условиях возделывать землю *A*. Итак, условие для нормального использования капитала на земле *A* налицо. Но из той предпосылки, что капитал мог бы быть вложен фермером в землю *A*

в соответствии со средними условиями увеличения стоимости капитала, хотя он не мог бы платить ренту, отнюдь не следует вывод, что эта относящаяся к категории *A* земля будет немедленно предоставлена в распоряжение арендатора. То обстоятельство, что арендатор использует свой капитал с обычной прибылью, если ему не придется платить ренту, для земельного собственника вовсе не основание даром предоставлять свою землю арендатору и быть настолько филантропом по отношению к этому своему партнеру, чтобы предоставлять ему crédit gratuit*. Подобное предположение означает абстрагирование от земельной собственности, уничтожение земельной собственности, существование которой как раз и образует границу для затраты капитала и для свободного применения его к земле, — границу, которая отнюдь не рушится от одного простого соображения арендатора, что, если бы ему не пришлось уплачивать ренту, то есть если бы он мог на практике считать земельную собственность несуществующей, уровень хлебных цен позволил бы ему извлечь из своего капитала посредством эксплуатации земли *A* обычную прибыль. Но монополия земельной собственности, земельная собственность как граница для капитала, предполагается уже дифференциальной рентой, так как без этого добавочная прибыль не превратилась бы в земельную ренту и не досталась бы земельному собственнику вместо арендатора. И земельная собственность как граница продолжает существовать и там, где рента как дифференциальная рента не существует, то есть на земле *A*. Если мы рассмотрим случаи, когда в стране капиталистического производства капитал может вкладываться в землю без платежа ренты, то мы найдем, что все они предполагают, если не юридическое, то фактическое уничтожение земельной собственности, уничтожение, которое, однако, может произойти лишь при совершенно определенных и случайных по своему характеру обстоятельствах.

Во-первых, когда сам земельный собственник — капиталист, или сам капиталист — земельный собственник. Если рыночная цена поднялась достаточно для того, чтобы на той земле, которая является теперь землей *A*, можно было извлечь цену производства, то есть возместить капитал плюс среднюю прибыль, то он может в этом случае *сам вести хозяйство* на своем участке земли. Но почему? Потому что по отношению к нему земельная собственность не создает какой-либо границы для приложения его капитала. Он может распоряжаться землей просто как элементом природы и потому может руководствоваться

---

* — даровой кредит. *Ред.*

исключительно соображениями об использовании своего капитала, капиталистическими соображениями. Такие случаи встречаются на практике, но только как исключения. Так же, как капиталистическое возделывание земли предполагает разделение функционирующего капитала и земельной собственности, совершенно так же оно исключает, как правило, ведение хозяйства самим земельным собственником. Последний сам ведет хозяйство лишь в редких случаях. Если увеличившийся спрос на хлеб требует возделывания большего количества земли *A*, чем ее имеется у собственников, которые сами ведут хозяйство, то есть если часть земли *A* должна быть заарендована для того, чтобы она вообще могла обрабатываться, тогда тотчас же отпадает гипотетическое отсутствие* той границы, которую земельная собственность создает для приложения капитала. Получается абсурдное противоречие, когда исходят из соответствующего капиталистическому способу производства обособления капитала и земли, арендатора и земельного собственника, а потом, наоборот, предполагают, что, как правило, земельные собственники сами ведут хозяйство всюду там, где капитал, при отсутствии независимой от него и противостоящей ему земельной собственности, не извлекал бы из обработки земли никакой ренты. (См. у А. Смита место о ренте с рудников, цитированное значительно ниже**.) Это уничтожение земельной собственности имеет случайный характер. Оно может произойти и не произойти.

Во-вторых: среди арендуемых земель могут быть такие отдельные участки земли, которые при данном уровне рыночных цен не приносят ренты, следовательно, фактически сдаются даром, но которые земельный собственник не считает такими, потому что для него существует общая сумма ренты с земли, сдаваемой в аренду, а не особые ренты составляющих ее отдельных участков. В этом случае для фермера, поскольку принимаются во внимание те арендуемые участки земли, которые не приносят ренты, земельная собственность как граница приложения капитала отпадает и притом отпадает в силу самого договора с земельным собственником. Но он не платит ренты за эти участки только потому, что он платит ренту за землю, к которой они составляют придаток. В этом случае предполагается как раз такая комбинация, когда приходится прибегать к земле худшей категории *A* не как к самостоятельному, новому полю производства, с целью ликвидировать недостаток

---

* В оригинале сказано: «представление»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 842. *Ред.*

предложения, а как такому, которое вклинивается в лучшую землю. Подлежащий исследованию случай как раз тот, когда приходится самостоятельно вести хозяйство на участках земли *A*, следовательно, когда они при наличии общих предпосылок капиталистического способа производства самостоятельно сдаются в аренду.

В-третьих: арендатор может затратить дополнительный капитал на свою прежнюю аренду, хотя при существующих рыночных ценах получаемый таким образом дополнительный продукт доставляет ему лишь цену производства, приносит обычную прибыль, но не дает возможности платить дополнительную ренту. Таким образом, с одной части капитала, вложенного в землю, он уплачивает земельную ренту, с другой — нет. Но насколько мало это предположение разрешает проблему, видно из следующего: если рыночная цена (а также плодородие земли) дает ему возможность получать на дополнительный капитал добавочный продукт, который, подобно старому капиталу, приносит ему кроме цены производства известную добавочную прибыль, то до истечения срока договора об аренде он берет эту добавочную прибыль себе. Но почему? Потому что пока продолжается срок арендного договора, отпадает образуемая земельной собственностью граница для приложения его капитала к земле. Однако то простое обстоятельство, что для обеспечения ему этой добавочной прибыли необходимо, чтобы дополнительная земля худшего качества самостоятельно подверглась возделыванию и была самостоятельно сдана в аренду, неопровержимо доказывает, что затраты дополнительного капитала на старой земле недостаточны для обеспечения требующегося повышенного предложения. Одно предположение исключает другое. Правда, теперь можно было бы сказать: сама рента с наихудшей земли *A* есть дифференциальная рента по сравнению либо с землей, которая возделывается самим собственником (однако это бывает лишь как случайное исключение), либо с дополнительной затратой капитала на тех старых арендных участках, которые не приносят ренты. Но это, во-первых, была бы такая дифференциальная рента, которая возникала бы не из различия плодородия различных земель и которая поэтому *не* предполагала бы, что земля *A* не приносит ренты и что продукт ее продается по цене производства. А, во-вторых, приносят ли или не приносят ренту дополнительные затраты капитала на том же арендуемом участке, так же совершенно безразлично для того обстоятельства, что вновь возделываемая земля категории *A* приносит или не приносит ренту, как, например, для учреждения нового самостоятельного промышленного

предприятия безразлично, вкладывает ли другой фабрикант той же отрасли производства в процентные бумаги часть своего капитала, которую он не может целиком использовать в своем предприятии, или же он предпринимает некоторое расширение своего предприятия, хотя это расширение не приносит ему полной прибыли, но все же дает больше, чем процент. Это для него дело второстепенное. Напротив, дополнительные новые предприятия должны приносить среднюю прибыль и учреждаются в надежде на среднюю прибыль. Конечно, дополнительные затраты капитала на старых арендах и дополнительное возделывание новой земли категории *A* образуют границы. Предел, до которого на старой аренде может затрачиваться дополнительный капитал при менее благоприятных условиях производства, определяется конкурирующими новыми затратами на земле *A*; с другой стороны, рента, которую может приносить земля этой категории, ограничивается конкурирующими дополнительными затратами капитала на старых арендах.

Однако все эти фальшивые увертки не разрешают проблемы, которая в простой постановке такова: предположим, что рыночная цена хлеба (который в этом исследовании представляет для нас продукт земли вообще) достаточна для того, чтобы возделывалась частично и земля *A* и чтобы капитал, затраченный на эти новые поля, выручил цену производства продукта, то есть возмещение капитала плюс средняя прибыль. Итак, предположим, что в наличности имеются условия для нормального применения капитала на земле категории *A*. Достаточно ли этого? Действительно ли можно в таком случае затратить этот капитал? Или же рыночная цена должна повыситься настолько, чтобы ренту приносила и наихудшая земля *A*? То есть налагает ли монополия земельного собственника такую границу затрате капитала, которой не было бы с чисто капиталистической точки зрения, если бы не существовало этой монополии? Уже из условий поставленного вопроса вытекает, что если, например, на старых арендах существуют дополнительные капиталовложения, которые при данной рыночной цене не приносят никакой ренты, а дают лишь среднюю прибыль, это обстоятельство нисколько не решает вопроса, может ли действительно быть вложен капитал в землю *A*, которая также приносила бы среднюю прибыль, но не давала бы ренты. Но в этом как раз и заключается вопрос. Что дополнительные затраты капитала, не приносящие ренты, не удовлетворяют спроса, это доказывается необходимостью привлечения для обработки новой земли *A*. Если дополнительное возделывание земли *A* имеет

место лишь постольку, поскольку она приносит ренту, следовательно, избыток над ценой производства, тогда возможны только два случая. Или рыночная цена должна стоять на таком уровне, чтобы даже последние дополнительные затраты капитала на старых арендах приносили добавочную прибыль, все равно будет ли последняя присвоена арендатором или земельным собственником. Это повышение цены и эта добавочная прибыль от последней дополнительной затраты капитала были бы следствием того, что земля *A* не может быть возделана, если она не даст ренты. Ибо если бы для возделывания было достаточно только цены производства, одной только средней прибыли, то цена не повысилась бы до такой степени и конкуренция новых участков земли уже началась бы, как только они стали бы приносить одни эти цены производства. В таком случае с дополнительными затратами капитала на старых арендах, не приносящими ренты, стали бы конкурировать затраты капитала на земле *A*, которые тоже не приносят ренты. — Или же последние затраты капитала на старых арендах не приносят ренты, но тем не менее рыночная цена поднялась достаточно высоко для того, чтобы земля *A* начала возделываться и приносить ренту. В этом случае дополнительная затрата капитала, не приносящая ренты, возможна лишь потому, что земля *A* не может возделываться, пока рыночная цена не позволит ей приносить ренту. Без последнего условия обработка ее началась бы уже при более низком уровне цены, и те позднейшие затраты капитала на старых арендуемых участках, которые, для того чтобы приносить обычную прибыль без ренты, требуют высокой рыночной цены, не могли бы иметь места. Ведь и при высокой рыночной цене они приносят лишь среднюю прибыль. Следовательно, при более низкой цене, которая при обработке земли *A* стала бы регулировать цену производства на ней, они не приносили бы этой прибыли, следовательно, при этом предположении вообще не могли бы быть произведены. Конечно, рента с земли *A* образовала бы таким образом дифференциальную ренту, по сравнению с этими затратами капитала на старых арендуемых участках, которые не приносят ренты. Но если участки земли *A* создают такую дифференциальную ренту, это лишь следствие того, что они вообще недоступны для возделывания, если только не станут приносить ренту, то есть следствие того, что возникает необходимость этой ренты, которая сама по себе не обусловливается различиями земель и которая создает границу для возможного приложения дополнительных капиталов на старых арендах. В обоих случаях рента с земли *A* была бы не простым следствием повышения цены хлеба,

а наоборот: то обстоятельство, что наихудшая земля должна приносить ренту для того, чтобы ее вообще возделывали, было бы причиной повышения цены хлеба до такого пункта, когда представилась бы возможность осуществить это условие.

Дифференциальная рента имеет ту особенность, что земельная собственность здесь лишь просто улавливает ту добавочную прибыль, которую иначе захватил бы и, при известных обстоятельствах, пока не истечет срок его арендного договора, действительно захватывает арендатор. Земельная собственность является здесь лишь причиной перенесения возникшей без содействия этой собственности (а скорее вследствие того, что цена производства, регулирующая рыночную цену, определяется конкуренцией) известной части цены товара, которая сводится к добавочной прибыли, — причиной перенесения этой части цены от одного лица к другому, от капиталиста к земельному собственнику. Но земельная собственность здесь не причина, которой *создается* эта составная часть цены или то повышение цены, которое является предпосылкой этой части цены. Напротив, если наихудшая земля категории *A* не может возделываться, — хотя возделывание ее принесло бы цену производства, — пока она не приносит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является причиной, создающей *это* повышение цены. *Собственность на землю сама создала ренту.* Дело нисколько не изменяется от того, что, как во втором разобранном случае, рента, уплачиваемая теперь с земли *A*, образует дифференциальную ренту, по сравнению с теми последними дополнительными затратами капитала на старых арендах, которые выручают лишь цену производства. Ибо только то обстоятельство, что земля *A* не может быть возделана, пока регулирующая рыночная цена не поднимется настолько высоко, что земля *A* будет в состоянии приносить ренту, — только это обстоятельство и является здесь причиной повышения рыночной цены до пункта, на котором последние затраты капитала на старых арендах выручают, правда, лишь свою цену производства, но такую цену производства, которая в то же время приносит ренту для земли *A*. То обстоятельство, что с последней вообще должна уплачиваться рента, является здесь причиной образования дифференциальной ренты между землей *A* и последними затратами капитала на прежних арендах.

Если мы вообще говорим, что, — предполагая регулирование цены хлеба ценой производства, — земля категории *A* не приносит ренты, то мы имеем в виду ренту в том значении этого слова, которое выражает сущность категории. Если

фермер уплачивает арендную плату, составляющую вычет то ли из нормальной заработной платы его рабочих, то ли из его собственной нормальной средней прибыли, то он не уплачивает никакой ренты, никакой самостоятельной составной части цены товара, отличной от заработной платы и прибыли. Уже раньше мы отмечали, что на практике это встречается постоянно. Если заработная плата сельскохозяйственных рабочих в данной стране вообще ниже в сравнении с нормальным средним уровнем заработной платы и потому вычет из заработной платы, определенная часть заработной платы входит, как общее правило, в состав ренты, то в этом отношении не будет исключением и арендатор наихудшей земли. В той самой цене производства, которая допускает возделывание наихудшей земли, эта низкая заработная плата уже является одной из составных статей, и потому продажа продукта по цене производства не дает возможности арендатору этой земли уплачивать ренту. Земельный собственник может также сдать свою землю в аренду какому-нибудь рабочему, который готов будет все или бо́льшую часть того, что доставляет ему продажная цена сверх заработной платы, уплатить в форме ренты. Однако во всех этих случаях отнюдь не уплачивается действительная рента, хотя уплачивается арендная плата. Но при существовании отношений, соответствующих капиталистическому способу производства, рента и арендная плата должны совпадать. А здесь мы и должны исследовать как раз это нормальное отношение.

Если даже рассмотренные выше случаи, когда в пределах капиталистического способа производства могут действительно иметь место капиталовложения в земли, не приносящие ренты,— если даже эти случаи ничего не дают для решения нашей проблемы, то еще меньше даст ссылка на колониальные отношения. Что делает колонию колонией, — мы говорим здесь лишь о собственно земледельческих колониях, — так это не только масса девственных плодородных земель. Колониями делает их скорее то обстоятельство, что эти земли не присвоены, не подчинены земельной собственности. Вот этим-то и определяется такое колоссальное различие между старыми землями и колониями, поскольку речь идет о земле: а именно, юридическим или фактическим отсутствием земельной собственности, как справедливо отметил Уэйкфилд [35], и уже задолго до него открыли Мирабо-отец, физиократ, и другие старые экономисты. При этом совершенно безразлично, присваивают ли колонисты

---

[35] *Wakefield*, «England and America», London, 1833. Ср. также «Капитал», кн. I, гл. XXV.

землю просто или же они под видом номинальной цены земли в действительности уплачивают государству всего лишь пошлину за приобретение юридического титула на землю. Безразлично также и то обстоятельство, что уже поселившиеся колонисты являются юридическими собственниками земли. Земельная собственность фактически не представляет здесь границы для приложения капитала, а также труда без капитала; захват части земли уже осевшими колонистами не исключает для новых пришельцев возможности превратить новую землю в сферу приложения их капитала или их труда. Поэтому, когда приходится исследовать, каким образом земельная собственность влияет на цены продуктов земли и на ренту в тех случаях, когда эта собственность ограничивает землю как сферу для приложения капитала, было бы в высшей степени нелепо ссылаться на свободные буржуазные колонии, где нет ни капиталистического способа производства в земледелии, ни соответствующей ему формы земельной собственности, которая вообще фактически здесь еще не существует. Так делает, например, Рикардо в главе о земельной ренте [190]. Вначале он говорит, что намерен исследовать влияние, оказываемое присвоением земли на стоимость продуктов земли, и непосредственно вслед затем берет в качестве иллюстрации колонии, причем предполагает, что земля существует там в сравнительно первобытном состоянии и ее эксплуатация не ограничивается монополией земельной собственности.

Одна лишь юридическая собственность на землю не создает земельной ренты для собственника. Но зато она наделяет его властью воздерживаться от эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование ее, которое принесет ему известный избыток, независимо от того, найдет ли земля применение для собственно земледелия или для иных производственных целей, как строения и т. д. Он не может увеличить или уменьшить абсолютные размеры этого поля деятельности, но может изменить то количество земли, которое находится на рынке. Отсюда, как это отмечал уже Фурье, характерный факт, что во всех цивилизованных странах сравнительно большая часть земли всегда пустует.

Итак, предполагая такой случай, когда спрос требует распашки новых земель, скажем, менее плодородных, чем возделывавшиеся до того времени, — станет ли земельный собственник сдавать эти земли в аренду даром потому, что рыночная цена продукта земли поднялась достаточно высоко, чтобы затрата капитала на эту землю приносила арендатору цену производ-

ства, а тем самым обычную прибыль? Отнюдь нет. Затрата капитала должна принести земельному собственнику ренту. Он сдает в аренду лишь при том условии, если ему будет уплачиваться арендная плата. Следовательно, рыночная цена должна подняться выше цены производства, до $P + r$, чтобы можно было уплачивать земельному собственнику ренту. Так как, согласно предположению, земельная собственность без сдачи земли в аренду ничего не приносит, не имеет в экономическом отношении никакой ценности, то небольшого повышения рыночной цены над ценой производства достаточно для того, чтобы пустить в продажу новую землю наихудшей категории.

Теперь встает такой вопрос: из того, что наихудшая земля приносит земельную ренту, которая не может быть выведена из различия плодородия, следует ли, что цена продукта земли необходимо является монопольной ценой в обычном значении слова, или ценой, в состав которой входит рента в такой же форме, как налог, с той только разницей, что этот налог взимает земельный собственник, а не государство? Что такой налог имеет свои определенные экономические границы, это само собой разумеется. Он ограничивается дополнительными затратами капитала на прежних арендах, конкуренцией заграничных продуктов земли — предполагается свободный ввоз их, — конкуренцией земельных собственников между собой, наконец, потребностью и платежеспособностью потребителей. Но здесь речь идет не об этом. Речь идет о том, входит ли рента, уплачиваемая с наихудшей земли, в цену ее продукта, которая, согласно предположению, регулирует общую рыночную цену — входит ли она таким же образом, как налог в цену товара, который обложен этим налогом, то есть как элемент, не зависимый от стоимости этого товара.

Это отнюдь не необходимый вывод и делался он лишь потому, что до сих пор не было понято различие между стоимостью товаров и их ценой производства. Мы видели, что цена производства известного товара отнюдь не тождественна с его стоимостью, хотя цены производства товаров, рассматриваемые в целом, регулируются только их совокупной стоимостью и хотя движение цен производства отдельных товаров, предполагая все прочие условия неизменными, определяется исключительно движением их стоимостей. Мы показали, что цена производства известного товара может быть выше или ниже его стоимости и лишь в виде исключения совпадает с его стоимостью. Поэтому тот факт, что продукты земли продаются выше их цены производства, отнюдь еще не доказывает, что они продаются выше их стоимости; как тот факт, что промышленные

товары продаются в среднем по их цене производства, отнюдь не доказывает, что они продаются по своей стоимости. Возможно, что земледельческие продукты продаются выше их цены производства и ниже их стоимости, как, с другой стороны, многие промышленные товары приносят цену производства только потому, что они продаются выше их стоимости.

Отношение цены производства известного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором переменная часть капитала, произведшего товар, находится к его постоянной части, или органическим строением капитала, которым произведен товар. Если строение капитала в известной сфере производства ниже, чем строение среднего общественного капитала, то есть если отношение его переменной составной части, затраченной на заработную плату, к его постоянной составной части, затраченной на вещественные условия труда, выше, чем для общественного среднего капитала, то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства. То есть такой капитал, применяя относительно больше живого труда, производит при одинаковой эксплуатации труда больше прибавочной стоимости, а потому больше прибыли, чем равновеликая соответственная часть среднего общественного капитала. Поэтому стоимость его продукта будет выше цены его производства, так как эта цена производства равна издержкам капитала плюс средняя прибыль, а средняя прибыль ниже, чем прибыль, произведенная в этом товаре. Прибавочная стоимость, производимая средним общественным капиталом, меньше прибавочной стоимости, производимой капиталом этого низкого строения. Обратное получается в том случае, когда капитал, вложенный в определенную сферу производства, более высокого строения, чем средний общественный капитал. Стоимость произведенных им товаров ниже их цены производства, что обычно характерно для продуктов наиболее развитых отраслей промышленности.

Если капитал в определенной сфере производства имеет более низкое строение, чем средний общественный капитал, то это прежде всего является лишь иным выражением того факта, что производительная сила общественного труда в этой особой сфере производства ниже среднего уровня, потому что достигнутая ступень производительной силы выражается в относительном преобладании постоянной части капитала над переменной, или в постоянном уменьшении той составной части данного капитала, которая затрачивается на заработную плату. Если, наоборот, капитал в определенной сфере производства имеет более высокое строение, то это означает,

что развитие производительной силы превышает средний уровень.

Оставляя в стороне собственно художественные работы, рассмотрение которых по самому существу дела не относится к нашей теме, само собой, конечно, разумеется, что различные сферы производства требуют соответственно их техническим особенностям различного отношения между постоянным и переменным капиталом и что живой труд должен занимать в одних сферах большее место, в других — меньшее. Например, в добывающей промышленности, которую следует четко отличать от земледелия, совершенно отпадает сырой материал как элемент постоянного капитала, да и вспомогательный материал играет значительную роль лишь изредка. В горной промышленности, однако, значительную роль играет другая часть постоянного капитала — капитал основной. Но и здесь прогресс производства измеряется относительным ростом постоянного капитала по сравнению с переменным.

Если строение капитала в собственно земледелии ниже, чем строение среднего общественного капитала, то это prima facie * служит выражением того, что в странах развитого производства земледелие не продвинулось вперед в такой мере, как обрабатывающая промышленность. Такой факт, оставляя в стороне все другие и отчасти решающие экономические обстоятельства, объясняется уже более ранним и быстрым развитием механики и в особенности ее применением по сравнению с более поздним и отчасти совсем недавним развитием химии, геологии и физиологии и в особенности опять-таки по сравнению с их применением к земледелию. Впрочем несомненный и давно известный [36)] факт заключается в том, что прогресс самого земледелия постоянно выражается в относительном росте постоянной части капитала по сравнению с переменной. Ниже ли строение земледельческого капитала в определенной стране капиталистического производства, например, в Англии, по сравнению со средним общественным капиталом, — это вопрос, который можно решить лишь статистически и которым детально заниматься было бы излишне для нашей цели. Как бы то ни было, теоретически установлено, что только при этом предположении стоимость земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, то есть, что прибавочная стоимость, производимая в земледелии капиталом определенной величины, или, что сводится к тому же, прибавочный труд

---

* — прежде всего. *Ред.*

36) См. Домбаль [191] и Р. Джонс [192].

(а следовательно, и прилагаемый живой труд вообще), приводимый им в движение и подчиненный ему, больше, чем при равновеликом капитале среднего общественного строения.

Итак, для той формы ренты, которую мы исследуем здесь и которая может получиться только при этом предположении, достаточно, если мы это предположение сделаем. Где оно отпадает, там отпадает и соответствующая ему форма ренты.

Однако один простой факт, что стоимость земледельческих продуктов выше их цены производства, сам по себе ни в какой мере недостаточен для того, чтобы объяснить существование земельной ренты, независимой от различия в плодородии различных категорий земли или последовательных затрат капитала на одной и той же земле, короче, такой ренты, которая в сущности отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому *абсолютной рентой*. Целый ряд промышленных продуктов обладает тем свойством, что их стоимость выше их цены производства, и несмотря на это они не приносят такого избытка над средней прибылью или такой добавочной прибыли, которая могла бы превратиться в ренту. Наоборот. Существование и понятие цены производства и предполагаемой последнею общей нормы прибыли покоятся на том, что отдельные товары продаются не по их стоимостям. Цены производства возникают из выравнивания товарных стоимостей, которое по возмещении соответственных капитальных стоимостей, потребленных в различных сферах производства, распределяет всю прибавочную стоимость пропорционально не тому, сколько ее произведено в отдельных сферах производства и сколько ее поэтому заключается в их продуктах, а пропорционально величине авансированных капиталов. Только таким образом возникает средняя прибыль и цена производства товаров, характерным элементом которой является средняя прибыль. Постоянная тенденция капиталов — производить посредством конкуренции это выравнивание в распределении прибавочной стоимости, созданной всем капиталом, и преодолевать все помехи этому выравниванию. Отсюда и тенденция их допускать только такие добавочные прибыли, которые при всяких обстоятельствах возникают не из различия между стоимостями и ценами производства товаров, а, напротив, из различия между общей, регулирующей рынок ценой производства и отличными от нее индивидуальными ценами производства; такие добавочные прибыли, которые получаются поэтому не из различия между двумя различными сферами производства, а в пределах каждой сферы производства; которые, следовательно, не затрагивают общих цен производства, складыва-

ющихся в различных сферах, то есть общей нормы прибыли, а, напротив, предполагают превращение стоимостей в цены производства и предполагают общую норму прибыли. Однако, как показано раньше *, это предположение основывается на постоянном изменении пропорций распределения всего общественного капитала между различными сферами производства, на постоянной иммиграции и эмиграции капиталов, на возможности перелива их из одной сферы в другую, короче, на свободе передвижения их между этими различными сферами производства, как между соответствующими свободными областями для приложения самостоятельных частей совокупного общественного капитала. При этом предполагается, что никакие барьеры, за исключением случайных или временных, не мешают конкуренции капиталов сводить стоимость к цене производства в такой, например, сфере производства, в которой стоимость товаров выше их цены производства или в которой производится прибавочная стоимость бо́льшая, чем средняя прибыль, и вместе с тем распределять избыточную прибавочную стоимость этой сферы производства пропорционально между всеми сферами, которые эксплуатируются капиталом. Но если встречается обратное, если капитал наталкивается на чуждую силу, которую он может преодолеть лишь отчасти или совсем не может преодолеть и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допускает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключающих упомянутое общее выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, очевидно, в таких сферах производства благодаря превышению товарной стоимостью цены производства товаров возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и как таковая обособиться от прибыли. И вот в качестве такой чуждой силы и преграды капиталу при его приложении к земле противостоит земельная собственность или капиталисту — земельный собственник.

Земельная собственность служит здесь барьером, который, если не уплачивается пошлина, то есть не взимается рента, не допускает никакой новой затраты капитала на невозделанной до того времени или не сданной в аренду земле, хотя земля, вновь привлекаемая к обработке, принадлежит к той категории земли, которая не приносит дифференциальной ренты и которая, если бы не существовало земельной собственности, могла бы возделываться уже при некотором незначительном повышении рыночной цены, когда регулирующая рыночная цена доставляла

---

* См. настоящий том, стр. 214—215. *Ред.*

бы возделывателю этой наихудшей земли лишь его цену производства. Между тем вследствие границы, которая ставится земельной собственностью, рыночная цена должна повыситься до такого пункта, когда земля может приносить избыток над ценой производства, то есть ренту. Но так как, согласно предположению, стоимость товаров, производимых земледельческим капиталом, выше их цены производства, то эта рента (за исключением того случая, который будет сейчас исследован) образует избыток стоимости над ценой производства или часть этого избытка. Равна ли рента всей разности между стоимостью и ценой производства или только большей или меньшей части этой разности, это всецело зависело бы от соотношения между спросом и предложением и от размера площади, вновь привлеченной к возделыванию. До тех пор, пока рента не была бы равна избытку стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, часть этого избытка во всяком случае принимала бы участие в общем выравнивании и пропорциональном распределении всей прибавочной стоимости между различными индивидуальными капиталами. Если бы рента была равна избытку стоимости над ценой производства, то вся эта часть, весь этот избыток прибавочной стоимости над средней прибылью не участвовал бы в этом выравнивании. Но равна ли эта абсолютная рента всему избытку стоимости над ценой производства или же равна лишь части его, и в том и в другом случае земледельческие продукты продавались бы по монопольной цене не потому, что их цена выше их стоимости, а потому, что она равна их стоимости, или потому, что она ниже их стоимости, но выше их цены производства. Их монопольное положение заключалось бы в том, что они, в отличие от промышленных продуктов, стоимость которых выше общей цены производства, не продавались бы по цене производства. Так как одна часть и стоимости и цены производства фактически является данной постоянной величиной, — именно, издержки производства, потребленный в производстве капитал, $= k$, — то различие между ними заключается в другой, переменной части, в прибавочной стоимости, которая в цене производства $= p$, прибыли, то есть равна совокупной прибавочной стоимости, которая в данном случае исчисляется на общественный капитал и на каждый отдельный капитал, как на его соответственную часть, но которая в стоимости товара равна действительной прибавочной стоимости, созданной этим отдельным капиталом, и образует составную часть произведенных им товарных стоимостей. Если стоимость товара выше его цены производства, то цена производства $= k + p$, стоимость $= k + p + d$, так что $p + d =$

содержащейся в нем прибавочной стоимости. Следовательно, разность между стоимостью и ценой производства = *d*, избытку прибавочной стоимости, произведенной этим капиталом, над той прибавочной стоимостью, которая выпадает на его долю в соответствии с общей нормой прибыли. Из этого следует, что цена земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, не достигая размеров их стоимости. Из этого следует дальше, что до известного пункта может происходить длительное повышение цены земледельческих продуктов, прежде чем их цена достигнет уровня их стоимости. Из этого следует также, что только вследствие монополии земельной собственности избыток стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства может стать моментом, определяющим их общую рыночную цену. Из этого следует, наконец, что в этом случае не вздорожание продукта является причиной ренты, а рента является причиной вздорожания продукта. Если цена продукта с единицы площади наихудшей земли $= P + r$, то все дифференциальные ренты увеличиваются соответствующими слагаемыми r, так как, согласно предположению, регулирующей рыночной ценой становится $P + r$.

Если бы среднее строение неземледельческого общественного капитала было $= 85_c + 15_v$ и норма прибавочной стоимости = 100%, то цена производства была бы = 115 единицам. Если бы строение земледельческого капитала было $= 75_c + 25_v$, то стоимость продукта, при той же норме прибавочной стоимости, и регулирующая рыночная цена были бы = 125 единицам. Если бы земледельческий продукт выравнялся с неземледельческим по средней цене (для краткости мы предполагаем, что совокупные капиталы в той и другой отрасли производства равны), то вся прибавочная стоимость была бы = 40, то есть 20% на капитал в 200 единиц. Продукт как первого капитала, так и второго продавался бы за 120 единиц. Следовательно, при выравнивании по ценам производства средние рыночные цены неземледельческого продукта стояли бы выше, а земледельческого продукта ниже их стоимости. Если бы земледельческие продукты продавались по их стоимости, они были бы на 5 единиц дороже, а промышленные продукты на 5 единиц дешевле, чем после выравнивания. Если рыночные условия не позволяют продавать земледельческие продукты по их стоимости, выручать весь избыток над ценой производства, то результат будет занимать среднее место между двумя крайними пунктами; промышленные продукты будут продаваться несколько выше их стоимости, а земледельческие продукты несколько выше их цены производства.

Хотя земельная собственность может взвинтить цену земледельческих продуктов выше их цены производства, однако не от нее, а от общего состояния рынка зависит, насколько рыночная цена, поднявшись над ценой производства, приближается к стоимости и, следовательно, в какой мере прибавочная стоимость, произведенная в земледелии сверх данной средней прибыли, либо превратится в ренту, либо же примет участие в общем выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль. Во всяком случае эта абсолютная, возникающая из избытка стоимости над ценой производства рента есть просто часть земледельческой прибавочной стоимости, превращение этой прибавочной стоимости в ренту, захват ее земельным собственником; совершенно так же, как дифференциальная рента возникает из превращения добавочной прибыли в ренту, из захвата добавочной прибыли земельной собственностью при общей регулирующей цене производства. Эти две формы ренты суть единственно нормальные. Рента, кроме этих форм, может покоиться лишь на собственно монопольной цене, которая определяется не ценой производства и не стоимостью товаров, а спросом и платежеспособностью покупателей, и рассмотрение которой относится к учению о конкуренции, где исследуется действительное движение рыночных цен.

Если бы вся земля известной страны, пригодная для земледелия, была уже сдана в аренду, — причем предполагается, как общее явление, капиталистический способ производства и нормальные отношения, — то не было бы такой земли, которая не приносит ренты, но могли бы существовать такие затраты капитала, отдельные части капитала, вложенного в землю, которые не приносят ренты; потому что, раз земля сдана в аренду, земельная собственность, как абсолютная граница для необходимого приложения капитала, перестает действовать. Как относительная граница, она продолжает еще действовать и после этого постольку, поскольку переход к земельному собственнику того капитала, который присоединен к земле, ставит здесь перед арендатором очень определенные границы. Только в этом случае вся рента превратилась бы в дифференциальную ренту, в дифференциальную ренту, определяемую не различиями в качестве земли, а различиями между добавочными прибылями, получающимися от последних затрат капитала на определенной земле, и рентой, которая уплачивалась бы за аренду земли наихудшего класса. Как абсолютная граница, земельная собственность действует лишь постольку, поскольку допущение к земле вообще как к сфере приложения капитала обусловливается данью земельному собственнику. Раз это

допущение состоялось, последний уже не может поставить каких бы то ни было абсолютных границ размерам затраты капитала на данном участке земли. Строительству домов вообще ставится граница земельной собственностью третьего лица на тот участок, на котором должен быть построен дом. Но раз эта земля арендована под строительство домов, от арендатора уже зависит, построит он на ней высокий или низкий дом.

Если бы среднее строение земледельческого капитала было таково, каково строение среднего общественного капитала или выше, то абсолютная рента — опять-таки в только что исследованном значении — отпала бы; то есть отпала бы рента, которая отличается как от дифференциальной ренты, так и от ренты, покоящейся на собственно монопольной цене. Тогда стоимость земледельческого продукта не была бы выше его цены производства и земледельческий капитал не приводил бы в движение больше труда, а следовательно, не реализовал бы больше прибавочного труда, чем неземледельческий капитал. То же самое произошло бы в том случае, если бы строение земледельческого капитала стало одинаковым со строением среднего общественного капитала в результате прогресса земледелия.

На первый взгляд кажется противоречием предполагать, что, с одной стороны, строение земледельческого капитала повышается, следовательно, повышается его постоянная часть по сравнению с переменной, а, с другой стороны, цена земледельческого продукта должна подняться настолько высоко, чтобы новая и более плохая, чем прежняя, земля могла приносить ренту, которая в этом случае может возникнуть лишь из избытка рыночной цены над стоимостью и ценой производства, короче, лишь из монопольной цены продукта.

Здесь необходимо проводить следующее различие.

Рассматривая образование нормы прибыли, мы прежде всего видели, что капиталы, техническое строение которых одинаково, то есть одинаковое количество машин и сырья приводится в движение одинаковым количеством труда, могут тем не менее иметь различное строение вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют неодинаковую стоимость. Сырье или машины могут быть в одном случае дороже, чем в другом. Чтобы привести в движение одинаковую массу труда (а это, согласно предположению, было бы необходимо для переработки одинаковой массы сырого материала), в одном случае пришлось бы авансировать больший капитал, чем в другом, потому что, например, с капиталом в 100 единиц я не могу привести в движение одинакового количества труда, если сырой материал, который приходится оплачивать из этих же

100, в одном случае стоит 40, в другом 20 единиц. Но что техническое строение этих капиталов одинаково, это немедленно обнаружилось бы, как только цена более дорогого сырья упадет до уровня более дешевого. Стоимостное отношение между переменным и постоянным капиталами сделалось бы одинаковым, хотя в техническом отношении между примененным живым трудом и массой и характером примененных условий труда не произошло никакого изменения. С другой стороны, если рассматривать дело исключительно с точки зрения стоимостного строения, капитал более низкого органического строения, вследствие простого повышения стоимостей его постоянных частей, может по видимости подняться на одинаковую ступень с капиталом более высокого органического строения. Возьмем капитал $= 60_c + 40_v$, — потому что он применяет много машин и сырого материала по сравнению с живым трудом, — и другой капитал $= 40_c + 60_v$, — потому что он применяет много живого труда (60%), мало машин (скажем, 10%) и по отношению к рабочей силе небольшое количество сырья, притом дешевого (скажем, 30%); вследствие одного только повышения стоимости сырых и вспомогательных материалов с 30 до 80 единиц, строение могло бы уравняться таким образом, что во втором капитале на 10 единиц, представленных в машинах, приходилось бы 80 единиц сырья и 60 единиц рабочей силы, то есть $90_c + 60_v$, что, выраженное в процентах, тоже было бы $= 60_c + 40_v$, причем не произошло бы никакой перемены в техническом строении. Следовательно, капиталы одинакового органического строения могут иметь различное стоимостное строение, и капиталы одинакового в процентах стоимостного строения могут занимать различные ступени органического строения, а потому служить выражением различных ступеней развития общественной производительной силы труда. Итак, одно то обстоятельство, что по стоимостному строению земледельческий капитал находился бы на общем уровне, еще не доказывало бы того, что общественная производительная сила труда достигла у него того же общего уровня. Оно могло бы свидетельствовать лишь о том, что собственный продукт этого капитала, образующий опять часть условий его производства, стал дороже или что теперь приходится привозить издалека вспомогательные материалы, как, например, удобрения, которые раньше были прямо под рукой, и т. п.

Но, оставляя это в стороне, необходимо принять во внимание своеобразный характер земледелия.

Предположим, что машины, сберегающие труд, химические вспомогательные средства и т. д. находят себе в земледелии

более широкое применение, что постоянный капитал, следовательно, возрастает в техническом отношении, то есть возрастает не только по стоимости, но и по массе, по отношению к массе применяемой рабочей силы; и в таком случае в земледелии (как и в горной промышленности) дело заключается не только в общественной, но также и в естественной производительности труда, которая зависит от естественных условий труда. Возможно, что увеличением общественной производительной силы в земледелии лишь компенсируется, или даже не полностью компенсируется, уменьшение естественной силы — эта компенсация во всяком случае может оказывать влияние лишь в течение некоторого времени, — так что, несмотря на технический прогресс, продукт не удешевляется, а лишь предотвращается еще большее его вздорожание. Возможно также, что при повышающейся цене хлеба абсолютная масса продукта уменьшается, между тем как относительный добавочный продукт возрастает; именно это возможно при относительном увеличении постоянного капитала, который состоит главным образом из машин или скота, причем приходится возмещать только износ и при соответствующем уменьшении переменной части капитала, которая затрачивается на заработную плату и которую постоянно приходится возмещать из продукта целиком.

Но возможно также, что вследствие прогресса земледелия потребуется лишь умеренное повышение рыночной цены над средней для того, чтобы могла поступить под обработку и в то же время приносить ренту такая земля худшего качества, которая при более низком уровне технических вспомогательных средств потребовала бы большего повышения рыночной цены.

То обстоятельство, что, например, в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота, могло бы казаться решающим аргументом против того положения, что земледельческий капитал, в процентном отношении, приводит в движение рабочей силы больше, чем неземледельческий средний общественный капитал. Но здесь следует отметить, что при рассмотрении ренты мы исходим, как из определяющей, из той части земледельческого капитала, которая производит основной растительный продукт питания, то есть для цивилизованных народов вообще основное жизненное средство. Уже А. Смит показал, — и в этом одна из его заслуг, — что в животноводстве и, вообще, в среднем, для всех капиталов, вложенных в землю не для производства основных жизненных средств, например хлеба, цена определяется совер-

шенно иначе. Именно, она определяется здесь таким образом, что цена продукта земли, которая, скажем, как искусственный луг, используется для животноводства, но которую с таким же успехом можно было бы превратить в пахотную землю определенных достоинств, — цена продукта должна повыситься настолько, чтобы могла получаться такая же рента, как с пахотной земли такого же качества; следовательно, рента с земли, на которой выращивается хлеб, принимает здесь участие в определении цены скота, почему Рамсей правильно отметил, что цена скота, таким образом, искусственно повышается рентой, этим экономическим выражением земельной собственности, следовательно, земельной собственностью [193].

«С развитием земледельческой культуры площадь естественных пастбищ становится недостаточной для животноводства, для удовлетворения спроса на мясо. Значительную часть обрабатываемой земли приходится использовать для выращивания и откорма скота, цена которого поэтому должна быть достаточной, чтобы оплатить не только труд, примененный в животноводстве, но также ренту и прибыль, которые эта земля, будучи использована как пашня, могла бы приносить земельному собственнику и арендатору. Скот, выращенный на совершенно необрабатываемых болотах, продается на данном рынке, соответственно своему весу и качеству, по той же цене, как и скот, выращенный на самых культурных землях. Владельцы таких заболоченных участков пользуются этим и повышают ренту со своих земель соответственно цене скота» (A. Smith. [«An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations».] Vol. I, [London, 1776] book I, ch. XI [p. 185]).

Итак, и здесь дифференциальная рента, в отличие от хлебной ренты, говорит в пользу сравнительно худшей земли.

Абсолютная рента объясняет некоторые явления, которые с первого взгляда позволяют думать, что рента обязана своим существованием монопольной цене. Чтобы быть поближе к примеру, который приводит А. Смит, представим, например, владельца такого леса, который растет без всякого содействия человека, следовательно, не как продукт лесоводства, скажем, в Норвегии. Если ему уплачивается рента капиталистом, который занимается рубкой леса, вследствие того, например, что на него существует спрос в Англии, или если владелец леса сам как капиталист производит рубку, то заготовленный лес, кроме прибыли на авансированный капитал, даст ему бóльшую или меньшую ренту. По отношению к этому чистому продукту природы это представляется чисто монопольной надбавкой. Но в действительности капитал состоит здесь почти только из переменного капитала, затрачиваемого на труд, и потому он приводит в движение большее количество прибавочного труда, чем другой капитал равной величины. Следовательно, в стоимости заготовленного леса содержится больший

избыток неоплаченного труда, или прибавочной стоимости, чем в продукте капиталов более высокого строения. Поэтому за лесоматериалы может выручаться средняя прибыль, а значительный избыток в форме ренты может доставаться собственнику леса. Наоборот, при той легкости, с какой может расширяться рубка леса, то есть при быстроте увеличения этого производства, приходится предполагать, что необходимо очень значительное увеличение спроса для того, чтобы цена лесоматериалов сравнялась с их стоимостью и таким образом собственнику достался бы в форме ренты весь избыток неоплаченного труда (сверх той его части, которая достается капиталисту как средняя прибыль).

Мы предполагали, что вновь привлекаемая к обработке земля по качеству еще хуже, чем та, которая возделывалась в последнее время как наихудшая. Если она лучше, она приносит дифференциальную ренту. Но здесь мы исследуем как раз тот случай, когда рента не выступает как дифференциальная рента. Здесь возможны только два случая. Или вновь привлекаемая к обработке земля хуже или же она такого же качества, как последняя из возделываемых земель. Если она хуже, то этот случай мы уже исследовали. Таким образом, остается еще исследовать только тот случай, когда она такого же качества.

С прогрессом земледелия, как мы выяснили это уже при исследовании дифференциальной ренты, вновь привлекаться к возделыванию может одинаково как земля такого же качества и даже лучшего, так и земля худшего качества.

Во-первых, потому, что при дифференциальной ренте (и при ренте вообще, так как даже при недифференциальной ренте всегда встает вопрос, позволяет ли, с одной стороны, плодородие земли вообще, а с другой стороны, ее местоположение возделывать ее так, чтобы при регулирующей рыночной цене получалась прибыль и рента) действуют в обратном направлении двоякого рода условия, которые то взаимно парализуют друг друга, то берут перевес одно над другим. Повышение рыночной цены, — предполагая, что издержки возделывания не понизились, иными словами, что завоевания технического характера не образуют нового момента, обусловливающего расширение возделывания, — может привести к возделыванию более плодородной земли, которая раньше из-за своего местоположения исключалась из числа конкурирующих земель. Или же для менее плодородной земли это может настолько повысить преимущества местоположения, что ими компенсируется меньшая производительность. Или, и без повышения рыночной

цены, местоположение благодаря улучшению средств сообщения откроет возможность лучшим землям вступить в конкуренцию, что мы наблюдаем в огромном масштабе в тех штатах Северной Америки, на территории которых имеются прерии. Да и в странах старой цивилизации это совершается постоянно, хотя и не в таком масштабе, как в колониях, где, как справедливо отметил Уэйкфилд, решающая роль принадлежит местоположению [194]. Итак, во-первых, противоположные влияния местоположения и плодородия и, во-вторых, изменчивость фактора местоположения, который постоянно уравнивается, претерпевает постоянные прогрессивные изменения, направленные к уравнению, — вот причины, почему вновь вступают в конкуренцию с уже возделываемыми землями попеременно участки земли одинакового, лучшего и худшего качества.

Во-вторых. С развитием естественных наук и агрономии изменяется и плодородие земли, так как изменяются средства, при помощи которых элементы почвы делаются пригодными для немедленного использования. Так, во Франции и в восточных графствах Англии легкие почвы, которые раньше считались плохими, совсем недавно поднялись до категории первоклассных (см. Пасси [195]). С другой стороны, почва, которая считалась плохой не по своему химическому составу, но ставила известные механико-физические препятствия возделыванию, превращается в хорошую почву, как только открываются средства для преодоления этих препятствий.

В-третьих. Во всех странах старой цивилизации старые исторические и традиционные отношения, например в форме государственных земель, общинных земель и т. д., совершенно случайно ограждают крупные участки земли от возделывания, которому они подвергаются в силу этого лишь постепенно. Последовательность, с которой они подвергаются возделыванию, не зависит ни от их качества, ни от их местоположения, а лишь от совершенно внешних обстоятельств. Если бы мы проследили историю английских общинных земель, как они постепенно превращались законами об огораживании [196] в частную собственность и распахивались, то оказалось бы, что не может быть ничего более смешного, чем то фантастическое представление, будто выбором этой последовательности руководил какой-нибудь современный агрохимик, например Либих, что он одни поля благодаря химическим свойствам их почв намечал под культуру, а другие исключал. В действительности здесь решающую роль играл скорее случай, благоприятствующий воровству: представлявшаяся крупным лендлордам воз-

можность присвоить ту или иную землю под более или менее благовидным юридическим предлогом.

В-четвертых. Не говоря о том, что достигнутая в каждый определенный момент ступень развития в росте населения и капитала ставит расширению земледелия известную, хотя и эластичную границу; не говоря о влиянии таких случайностей, которые временно воздействуют на рыночную цену, как, например, ряд благоприятных и неблагоприятных времен года, — пространственное расширение земледелия зависит от общего состояния рынка капиталов и положения дел в данной стране. Для того чтобы дополнительный капитал устремился в земледелие, в периоды нехватки капиталов недостаточно того условия, что невозделанная земля, — приносит ли она ренту или нет, — может дать арендатору среднюю прибыль. В периоды изобилия капитала он устремляется в земледелие, — даже если рыночная цена не повысится, — были бы только в остальном осуществлены нормальные условия. Земля лучшего качества, чем возделывавшаяся до того времени, в самом деле могла бы быть исключена из конкуренции только из-за неудобного местоположения, либо из-за непреодолимых до сих пор границ, которые делают ее недоступной для арендатора, или в силу чисто случайных факторов. Поэтому мы должны заниматься только теми категориями земли, которые по качеству одинаковы с последними из возделанных земель. Но между новой землей и последней из возделанных все еще остается разница издержек, которые требуются для того, чтобы сделать первую пригодной к возделыванию, и от состояния рыночных цен и отношений кредита зависит, будут ли они произведены или нет. Когда эта земля действительно примет участие в конкуренции, рыночная цена при прочих равных условиях опять понизится до своего прежнего уровня, после чего вновь вступившая земля будет приносить такую же ренту, как соответствующая ей старая. Предположение, будто она не будет приносить ренты, доказывается его сторонниками таким образом, что они просто принимают то, что требуется доказать, а именно: что последняя земля не принесла ренты. Таким способом можно было бы доказать, что последние из построенных домов, кроме самой платы за аренду дома, не приносят никакой ренты, хотя и сдаются внаем. Между тем факт таков, что они приносят ренту, еще не принося указанной платы, коль скоро они, часто в течение долгого времени, остаются незанятыми. Подобно тому, как последующие затраты капитала на известный участок земли могут приносить пропорциональный добавочный продукт, а потому и такую же ренту, как первые, —

совершенно также поля такого качества, как последние из возделанных, могут при равных издержках давать одинаковый продукт. Иначе вообще было бы непонятно, каким образом можно было бы поля одинакового качества возделывать последовательно, а не все разом, или же, вернее, не возделывать ни одного, чтобы не вызвать против себя всеобщей конкуренции. Земельный собственник всегда готов извлекать ренту, то есть получать нечто даром; но чтобы удовлетворить его желание, капитал нуждается в известных условиях. Поэтому взаимная конкуренция между землями зависит не от того, что земельный собственник хочет их конкуренции, но от того, найдется ли капитал, который захочет на новых полях конкурировать с другими.

Поскольку собственно земледельческая рента есть просто монопольная цена, последняя может быть весьма незначительной, как и абсолютная рента может быть здесь при нормальных условиях весьма незначительной, каков бы ни был избыток стоимости продукта над его ценой производства. Итак, существо абсолютной ренты заключается в следующем: равновеликие капиталы в различных сферах производства, при равной норме прибавочной стоимости, или одинаковой эксплуатации труда, производят, в зависимости от различий среднего строения, различные массы прибавочной стоимости. В промышленности эти различные массы прибавочной стоимости выравниваются в среднюю прибыль и равномерно распределяются между отдельными капиталами как соответственными частями общественного капитала. Земельная собственность, поскольку для производства — земледелия или добычи сырья — требуется земля, тормозит это выравнивание для капиталов, вложенных в землю, и улавливает известную часть прибавочной стоимости, которая иначе приняла бы участие в процессе выравнивания в общую норму прибыли. В таких случаях рента составляет часть стоимости, точнее, прибавочной стоимости товаров, но часть эта достается не классу капиталистов, который выжал ее из рабочих, а земельным собственникам, которые отбирают ее у капиталистов. При этом предполагается, что земледельческий капитал приводит в движение больше труда, чем равновеликая часть неземледельческого капитала. Насколько велико это отклонение или существует ли оно вообще, зависит от относительного развития земледелия по сравнению с промышленностью. По сути дела эта разница с прогрессом земледелия должна уменьшаться, если пропорция, в которой переменная часть капитала уменьшается по сравнению с постоянной, не окажется для промышленного капитала еще больше, чем для земледельческого.

Эта абсолютная рента играет еще более значительную роль в собственно добывающей промышленности, где один элемент постоянного капитала, сырой материал, совершенно отпадает и где, — за исключением отраслей, в которых часть, состоящая из машин и прочего основного капитала, очень значительна, — безусловно преобладает самое низкое строение капитала. И как раз здесь, где рента представляется обязанной своим происхождением исключительно монопольной цене, требуются исключительно благоприятные рыночные отношения для того, чтобы товары продавались по их стоимости или чтобы рента сделалась равной всему избытку прибавочной стоимости товара над его ценой производства. Таково положение, например, при ренте с рыбных угодий, каменоломен, дикорастущих лесов и т. д. [37]

---

[37] Рикардо разделывается с этим крайне поверхностно. См. место, направленное против А. Смита, о ренте с лесов в Норвегии, «Principles», гл. II, в самом начале [*D. Ricardo*. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, p. 34—35].

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

РЕНТА ЗА СТРОИТЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ. РЕНТА С РУДНИКОВ. ЦЕНА ЗЕМЛИ

Повсюду, где существует вообще рента, образуется дифференциальная рента и подчиняется она тем же законам, что и земледельческая дифференциальная рента. Повсюду, где силы природы могут быть монополизированы и обеспечивают применяющему их промышленнику добавочную прибыль, — будет ли то водопад, или богатый рудник, или богатая рыбой вода, или хорошо расположенное строительное место, — лицо, признаваемое в силу своего титула на часть земли собственником этих предметов природы, улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты. Что касается земли, предназначаемой для строительных целей, то А. Смит показал, каким образом рента с этой земли, как и с других неземледельческих участков, регулируется в своей основе собственно земледельческой рентой (A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». London, 1776, book I, ch. XI, 2 and 3). Эта рента характеризуется, во-первых, тем преобладающим влиянием, которое здесь на дифференциальную ренту оказывает местоположение (оно очень важно, например, при возделывании винограда и для строительных участков в больших городах); во-вторых, очевидной и полнейшей пассивностью собственника, активность которого заключается (в особенности по отношению к рудникам) просто в эксплуатации общественного прогресса, в который собственник ничего не привносит и в котором он ничем не рискует, — хотя бы в той мере, как промышленный капиталист; и, наконец, преобладанием монопольной цены во многих случаях, особенно в случаях самой бесстыдной эксплуатации бедности (потому что бедность — более богатый источник для ренты с домов, чем рудники Потоси [197] когда-либо были для Испании [38)]), и той чудовищной

[38)] Ленг, Ньюмен [198].

властью, которую дает эта земельная собственность, когда она, будучи соединена в одних руках с промышленным капиталом, практически позволяет промышленному капиталу устранять с земли, как места жительства, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за заработной платы [39)]. Одна часть общества требует в этом случае от другой дани за право жить на земле, как и вообще земельная собственность включает право собственников эксплуатировать землю, ее недра, воздух, а вместе с тем все необходимое для сохранения и развития жизни. Строительную ренту необходимо повышает не только рост населения и возрастающая вместе с ним потребность в жилищах, но и рост основного капитала, который или присоединяется к земле или размещен на ней, покоится на ней, как все промышленные строения, железные дороги, товарные склады, фабричные здания, доки и т. д. Смешение платы за наем, поскольку она представляет процент и амортизацию капитала, вложенного в дом, с рентой просто за землю невозможно здесь даже при всем добром желании Кэри, в особенности в тех случаях, когда, как в Англии, земельный собственник и строительный спекулянт суть совершенно разные лица. В этом случае следует принимать во внимание два момента: с одной стороны, эксплуатация земли в целях производства или добывающей промышленности, с другой — земля представляет собой пространство, которое необходимо как условие всякого производства и всякой человеческой деятельности. И в том и в другом случае земельная собственность требует своей дани. Спрос на строительные участки повышает стоимость земли как пространства и основы, и в то же время благодаря этому возрастает спрос на элементы земли, которые служат строительным материалом [40)].

В «Капитале», кн. II, гл. XII, в показаниях Эдуарда Кэпса, крупного лондонского строительного спекулянта, перед банковской комиссией 1857 г. приводится пример того, как в быстро развивающихся городах, особенно когда строительство ведется, как в Лондоне, фабричным способом, главным предметом строительной спекуляции становится собственно не дом, а земельная рента [199]. Кэпс говорит там, [B. A. 1857] № 5435:

«Я полагаю, что человек, желающий преуспевать, едва ли может рассчитывать, что он будет преуспевать, ведя только солидное дело (fair trade)... ему необходимо, кроме того, строить для спекуляции, и притом

[39)] Кроулингтонская стачка. *Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии», стр. 307 [см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 2, стр. 477—478].

[40)] «Настилка мостовых в Лондоне дала возможность собственникам голых скал на побережье Шотландии извлекать ренту из абсолютно бесполезной до того времени каменистой почвы» (*A. Smith.* «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776, book I, ch. XI, p. 204—205).

в крупном масштабе; потому что предприниматель извлекает очень мало прибыли из самих зданий, свою главную прибыль он извлекает из повышения земельной ренты. Пусть, например, он арендует участок земли и уплачивает за него 300 ф. ст. в год; если он по тщательно разработанному проекту построит на этом участке дома надлежащей категории, то ему, быть может, удастся получать за это 400 или 450 ф. ст. в год, и его прибыль в несравненно большей мере заключалась бы в увеличении земельной ренты на 100 или 150 ф. ст. в год, чем в прибыли от строений, которую он во многих случаях едва ли даже принимает в расчет».

При этом не следует забывать, что по истечении срока договора об аренде, который составляется самое большее на 99 лет, земля со всеми находящимися на ней строениями и с земельной рентой, которая за это время обыкновенно повышается более чем в два-три раза, возвращается от строительного спекулянта или его правопреемника к последнему преемнику первоначального земельного собственника.

Собственно рента с рудников определяется совершенно так же, как земледельческая рента.

«Существуют такие рудники, продукта которых едва достаточно для того, чтобы оплатить труд и возместить затрачиваемый при их разработке капитал вместе с обычной прибылью. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю, но не дают ренты земельному собственнику. Они могут разрабатываться с выгодой исключительно только земельным собственником, который, будучи сам предпринимателем, получает обычную прибыль на затраченный им капитал. Многие каменноугольные копи Шотландии разрабатываются таким именно образом и никаким другим способом не могут разрабатываться. Земельный собственник никому другому не разрешил бы эксплуатировать их без уплаты ренты, а платить ренту никто не был бы в состоянии» (A. Smith. [«An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776] Book III, ch. XI [p. 207]).

Необходимо различать, вытекает ли рента из монопольной цены, потому что независимо от нее существует монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене, потому что существует рента. Говоря о монопольной цене, мы вообще имеем в виду ту цену, которая определяется только стремлением купить и платежеспособностью покупателей, независимо от цены, определяемой как общей ценой производства, так и стоимостью продуктов. Виноградник, из винограда которого производится вино совершенно исключительного качества, вино, которое вообще может производиться лишь в сравнительно небольшом количестве, дает монопольную цену. Вследствие этой монопольной цены, избыток которой над стоимостью продукта определяется единственно богатством и вкусами знатных потребителей вина, винодел мог бы реализовать значительную добавочную прибыль. Эта добавочная прибыль, которая вытекает в данном случае из монопольной цены, превращается в ренту и достается в этой форме

земельному собственнику в силу его титула на этот участок земли, наделенный особыми свойствами. Итак, здесь ренту создает монопольная цена. Наоборот, рента создала бы монопольную цену, если бы хлеб продавался не только выше цены производства, но и выше его стоимости, вследствие границы, которая ставится земельной собственностью безрентной затрате капитала на невозделанной земле. Что только титул собственности известного числа лиц на землю дает им возможность присваивать себе в качестве дани часть прибавочного труда общества, притом, по мере развития производства, присваивать в постоянно возрастающей мере, — это маскируется тем обстоятельством, что капитализированная рента, следовательно, именно эта капитализированная дань, выступает как цена земли, и потому последняя может продаваться подобно всякому другому предмету торговли. Поэтому покупателю кажется, что он получил свое право на ренту не даром, не без труда, риска и предпринимательского духа капитала, а уплатил за это соответствующий эквивалент. Рента, как отмечено уже раньше, кажется ему просто процентом на капитал, за который он купил землю и вместе с ней право на ренту. Совершенно так же рабовладельцу, купившему негра, представляется, что он приобрел свою собственность на негра не в силу существующего института рабства как такового, а в силу купли и продажи товара. Но ведь самый титул не порождается, а лишь переносится актом продажи. Титул должен быть налицо до того, как становится возможной его продажа, и как одна продажа, так и целый ряд таких продаж и их постоянное повторение не могут создать этого титула. Что вообще создало его, — так это производственные отношения. Когда последние достигают такого пункта, где им приходится переменить свою оболочку, отпадает получавший экономическое и историческое оправдание, возникший из процесса общественного производства жизни материальный источник титула и всех основывавшихся на нем сделок. С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как boni patres familias *, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям.

---

* — добрые отцы семейств. *Ред.*

В дальнейшем исследовании цены земли мы оставляем в стороне все колебания конкуренции, всякую спекуляцию землей, а также мелкую земельную собственность, при которой земля представляет основное орудие производителей, так что они вынуждены покупать ее по любой цене.

I. Цена земли может повыситься, хотя рента не повышается; именно:

1) просто вследствие понижения ставки процента, благодаря чему рента продается дороже, а потому капитализированная рента, цена земли, возрастает;

2) потому что возрастает процент на капитал, присоединенный к земле.

II. Цена земли может повыситься потому, что увеличивается рента.

Рента может увеличиться потому, что повышается цена продуктов земли, в таком случае всегда повышается норма дифференциальной ренты, независимо от того, будет ли рента с наихудшей из возделываемых земель велика, мала или ее совсем не будет. Под нормой мы понимаем отношение той части прибавочной стоимости, которая превращается в ренту, к авансированному капиталу, производящему продукт земли. Оно отлично от отношения добавочного продукта ко всему продукту, потому что последний заключает в себе не весь авансированный капитал, именно не содержит в себе того основного капитала, который продолжает существовать наряду с продуктом. Зато здесь подразумевается, что на тех землях, которые приносят дифференциальную ренту, возрастающая часть продукта превращается в избыточный добавочный продукт. На наихудшей земле повышение цены земледельческого продукта создает сначала ренту, а отсюда и цену земли.

Но рента может увеличиться и в том случае, если цена земледельческого продукта не повышается. Последняя может остаться без изменения или даже понизиться.

Если она остается без изменения, то рента может возрасти потому только (оставляя в стороне монопольные цены), что при равновеликой затрате капитала на старых землях начинают возделываться новые земли лучшего качества, причем их будет достаточно только для того, чтобы покрыть увеличившийся спрос, так что регулирующая рыночная цена остается без изменений. В этом случае цена старых земель не повысится, но для земли, вновь введенной в сельскохозяйственный оборот, цена поднимется выше уровня цены старой земли.

Или же рента повысится потому, что при прежнем плодородии и прежней рыночной цене возрастает масса капитала,

эксплуатирующего землю. Поэтому, хотя рента по отношению к авансированному капиталу остается прежняя, ее масса, например, удвоится, так как сам капитал удвоился. Так как не произошло понижения цены, то вторая затрата капитала приносит, подобно первой, добавочную прибыль, которая по истечении срока аренды тоже превращается в ренту. Масса ренты здесь увеличивается потому, что увеличивается масса капитала, производящего ренту. Утверждение, будто различные последовательные затраты капитала на одном и том же участке земли могут произвести ренту лишь при том условии, если продукт их неодинаков, и потому возникает дифференциальная рента, равносильно утверждению, будто, если два капитала по 1 000 ф. ст. затрачены на двух полях, одинаковых по своему плодородию, то лишь один из них может принести ренту, хотя оба эти поля принадлежат к той лучшей категории земли, которая приносит дифференциальную ренту. (Следовательно, общая масса ренты, вся рента данной страны, увеличивается с ростом массы затраченного капитала без того, чтобы цена единицы земельной площади или норма ренты или даже масса ренты на единицу площади обязательно возрастала; в этом случае масса всей ренты возрастает с расширением обрабатываемой площади. Это может быть сопряжено даже с понижением ренты на отдельных владениях.) Иначе это утверждение было бы равносильно другому утверждению, именно, что затрата капитала на двух различных участках земли, расположенных рядом, подчиняется иным законам, чем последовательная затрата капитала на одном и том же участке земли, между тем дифференциальную ренту выводят как раз из тождества закона в обоих случаях, из увеличения продуктивности затрат капитала как на одном и том же поле, так и на различных полях. Единственная модификация, которая существует здесь и которой не замечают, та, что последовательные затраты капитала в их применении к пространственно различным землям наталкиваются на границу земельной собственности, чего нет при последовательных затратах капитала на одну и ту же землю. Отсюда и то противоположное действие, благодаря которому эти различные формы затраты на практике взаимно ограничивают друг друга. При этом никогда не проявляются различия капитала. Если строение капитала остается то же самое, равно как и норма прибавочной стоимости, то норма прибыли остается неизменной, так что при удвоении капитала масса прибыли удваивается. Точно так же при предположенных отношениях норма ренты остается прежняя. Если капитал в 1 000 ф. ст. приносит ренту в x, то капитал в 2 000 ф. ст. при

предположенных обстоятельствах приносит ренту в $2x$. Но если взять ренту в отношении к площади земли, которая осталась без изменения, так как, согласно предположению, удвоенный капитал работает на прежнем поле, то окажется, что вследствие увеличения массы ренты повысился и ее уровень. Тот самый акр, который приносил 2 ф. ст. ренты, приносит теперь 4 фунта стерлингов[41)].

Отношение части прибавочной стоимости, денежной ренты, — потому что деньги суть самостоятельное выражение стоимости, — к земле само по себе нелепо и иррационально, потому что здесь измеряются одна другой несоизмеримые величины: с одной стороны, определенная потребительная стоимость, участок земли во столько-то квадратных футов, и стоимость, точнее прибавочная стоимость, — с другой. В действительности это является лишь выражением того, что при данных отношениях собственность на квадратные футы земли дает земельному собственнику возможность улавливать определенное количество неоплаченного труда, реализованного капиталом, который роется на этих квадратных футах, как свинья в картофеле {здесь в рукописи поставлено в скобках зачеркнутое потом: Либих}. Но prima facie * это выражение означает то же самое, как если бы мы вздумали говорить об отношении пятифунтовой банкноты к диаметру земли. Однако до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум нисколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного. В формах проявления, лишенных внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они так же чувствуют себя, как рыба в воде. В этом случае справедливо то,

---

41) Одна из заслуг Родбертуса, к значительной работе которого о ренте [200] мы возвратимся в книге IV [201], заключается в том, что он исследовал этот вопрос. Он только впадает в ошибку, во-первых, предполагая, что для капитала рост прибыли всегда получает такое выражение, как будто возрос и капитал, так что при увеличении массы прибыли отношение остается прежнее. Это, однако, неверно, так как при изменении строения капитала норма прибыли, несмотря на неизменную эксплуатацию труда, может повыситься как раз потому, что относительная стоимость постоянной части капитала по сравнению с переменной понизилась. — Он впадает в ошибку, во-вторых, трактуя это отношение денежной ренты к количественно определенному участку земли, например, к одному акру, как нечто такое, что вообще предполагается классической политической экономией в ее исследованиях о повышении или понижении ренты. Это опять неверно. Она постоянно говорит о норме ренты, и поскольку она рассматривает последнюю в ее натуральной форме, в отношении к продукту, и поскольку она рассматривает ренту как денежную ренту, — в отношении к авансированному капиталу, ибо это — действительно рациональные выражения.

* — прежде всего. *Ред.*

что Гегель сказал относительно известных математических формул: то, что обыденный человеческий рассудок находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность [202].

Итак, увеличение массы ренты, рассматриваемое по отношению к самой площади земли, выражается совершенно так же, как увеличение нормы ренты; отсюда затруднение, когда условия, которые объяснили бы один случай, отсутствуют в другом случае.

Но цена земли может повыситься даже в том случае, когда цена продукта зёмли понижается.

В этом случае дифференциальная рента, а потому и цена лучших земель может вследствие дальнейшего дифференцирования увеличиться. Или же, если этого нет, то при возросшей производительной силе труда цена земледельческого продукта может понизиться, но таким образом, что это будет более чем компенсировано увеличением производства. Предположим, что квартер стоил 60 шиллингов. Если на том же акре при прежнем капитале будут произведены 2 квартера вместо одного, и цена квартера понизится до 40 шилл., то 2 квартера дадут 80 шилл., так что стоимость продукта прежнего капитала на прежнем акре повысится на одну треть, хотя цена квартера понизилась на одну треть. При исследовании дифференциальной ренты было показано, как это возможно без того, чтобы продукт продавался выше его цены производства или стоимости. В действительности это осуществляется только двумя способами. Или плохая земля перестает конкурировать, но цена лучшей земли повышается, когда дифференциальная рента увеличивается, следовательно, когда общее улучшение действует неравномерно на различные земли. Или же на наихудшей земле та же самая цена производства (и та же самая стоимость, если уплачивается абсолютная рента) вследствие повышения производительности труда получает выражение в увеличившейся массе продукта. Продукт представляет теперь ту же стоимость, что и раньше, но цена его составных частей понизилась, между тем как число этих частей увеличилось. Это невозможно, если применяется тот же самый капитал, потому что в этом случае в какой угодно массе продукта находит выражение все одна и та же стоимость. Но это возможно, если затрачен дополнительный капитал на гипс, гуано и т. д., словом, на такие улучшения, действие которых простирается на многие годы. Условие такого результата заключается в том, что хотя цена 1 квартера и понижается, однако не в том отношении, в каком увеличивается число квартеров.

III. Эти различные условия повышения ренты, а вследствие этого и цены земли могут как вообще, так и для отдельных категорий земли, отчасти конкурировать между собой, отчасти исключать друг друга и могут действовать лишь попеременно. Но из изложенного следует, что из повышения цены земли нельзя непосредственно делать вывода, что рента повысилась, и из повышения ренты, которое всегда влечет за собой повышение цены земли, нельзя непосредственно делать вывода, что продукт земли увеличился [42)].

Вместо того чтобы обратиться к рассмотрению действительных, естественных причин истощения земли, — причин, которые впрочем были неизвестны всем писавшим о дифференциальной ренте экономистам из-за состояния агрохимии в их время, — вместо этого прибегали к помощи того плоского соображения, что нельзя-де вложить любое количество капитала в пространственно ограниченный участок земли. Так, например, журнал «Edinburgh Review» возражал Ричарду Джонсу, что нельзя прокормить всю Англию обработкой Сохо-сквера [203]. Если это рассматривается, как особая невыгода земледелия, то верно как раз обратное положение. В земледелии могут быть продуктивно употреблены последовательные затраты капитала, потому что земля сама действует в качестве орудия производства, тогда как на фабрике, где земля служит лишь основой, местом расположения, территориальной операционной базой, на фабрике этого нет или это имеет место в очень узких пределах. Правда, можно концентрировать большое производство на маленьком по сравнению с раздробленным ремеслом пространстве, и крупная индустрия поступает именно таким образом. Но если дана известная ступень развития производительной силы, то всегда требуется и определенное пространство, а строительство вверх имеет также свои определенные практические границы. За этими границами расширение производства требует также расширения земельной площади. Основной капитал, затраченный на машины и т. п., не улучшается вследствие употребления, а, наоборот, изнашивается. Новые изобретения могут и здесь производить отдельные улучшения, но если взять данную ступень развития производительной силы, то машина может только ухудшаться. При быстром развитии производительной силы все старые машины должны быть заме-

---

[42)] О падении цен на землю при повышении ренты как о факте см. Пасси.

нены более выгодными, то есть должны быть совсем выброшены. Земля, напротив, постоянно улучшается, если правильно обращаться с ней. То преимущество земли, что последовательные затраты капитала могут давать прибыль без всякой потери предыдущих затрат, это преимущество включает также возможность различной производительности последовательных затрат капитала.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ

I. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Необходимо уяснить себе, в чем собственно заключается трудность трактовки земельной ренты с точки зрения современной политической экономии как теоретического выражения капиталистического способа производства. Этого еще не понимает огромное число даже новейших писателей, о чем свидетельствует всякая новая попытка объяснить земельную ренту «по-новому». Новизна в этих случаях почти всегда заключается в том, что возвращаются обратно к точке зрения, которая уже давно была преодолена. Трудность заключается не в том, чтобы вообще объяснить производимый земледельческим капиталом прибавочный продукт и соответствующую последнему прибавочную стоимость. Нет, этот вопрос разрешен анализом прибавочной стоимости, создаваемой всяким производительным капиталом, в какую бы сферу ни был он вложен. Трудность заключается в том, чтобы показать, откуда после того, как прибавочная стоимость выравнялась между различными капиталами в среднюю прибыль, в соответствующую их относительным величинам пропорциональную долю всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом во всех сферах производства, — откуда после этого выравнивания, после уже совершившегося очевидного распределения всей прибавочной стоимости, которая вообще может быть распределена, откуда же берется еще та избыточная часть этой прибавочной стоимости, которую капитал, вложенный в землю, уплачивает в форме земельной ренты земельному собственнику. Совершенно оставляя в стороне практические мотивы, которые побуждали современных экономистов как защитников промышленного капитала против земельной собственности к исследованию этого вопроса, — мотивы, которые мы изложим подробнее в главе об истории земельной ренты, — этот вопрос представлял для них как для теоретиков решающий интерес. При-

знать, что своим появлением рента на капитал, вложенный в земледелие, обязана особому действию самой сферы приложения, свойствам, принадлежащим земной коре как таковой, — это значило бы отказаться от самого понятия стоимости, следовательно, отказаться от всякой возможности научного познания в этой области. Уже то простое наблюдение, что рента выплачивается из цены продукта земли, — что имеет место даже в том случае, когда она уплачивается в натуральной форме, раз арендатор выручает свою цену производства, — показывало, насколько нелепо избыток этой цены над обычной ценой производства, следовательно, относительную дороговизну земледельческого продукта, объяснять избытком естественной производительности земледелия над производительностью других отраслей производства; так как, наоборот, чем производительнее труд, тем дешевле продукты труда, потому что тем больше будет масса потребительных стоимостей, в которой представлено то же количество труда, следовательно, та же стоимость.

Вся трудность анализа ренты заключалась, следовательно, в том, чтобы объяснить избыток земледельческой прибыли над средней прибылью, объяснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а избыток этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей производства. Сама средняя прибыль есть продукт, образование процесса общественной жизни, протекающего при вполне определенных исторических производственных отношениях, продукт, предполагающий, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы сама эта средняя прибыль появилась в качестве масштаба и — как это имеет место при капиталистическом способе производства — в качестве регулятора производства вообще. Следовательно, при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что принуждает к прибавочному труду и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчиняет его лишь спорадически, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как избытке над средней прибылью, то есть над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом. И если, например, г-н Пасси (см. ниже) уже по отношению к первобытному строю говорит о ренте как об избытке над прибылью, как об избытке над исторически

определенной общественной формой прибавочной стоимости, так что, по г-ну Пасси, эта форма могла бы, пожалуй, существовать и без общества, — то это свидетельствует лишь о его наивности [204].

Для прежних экономистов, которые вообще лишь начинали анализ капиталистического способа производства, еще не развитого в их время, анализ ренты или вообще не представлял никаких затруднений или представлял затруднение совершенно иного рода. Петти, Кантильон, вообще авторы, ближе стоящие к эпохе феодализма, рассматривают земельную ренту как нормальную форму прибавочной стоимости вообще [205], между тем как прибыль для них еще неопределенно сливается с заработной платой или, самое большее, представляется той частью этой прибавочной стоимости, которую капиталист вырвал у земельного собственника. Следовательно, они исходят из такого состояния, когда, во-первых, сельское население составляет еще значительно преобладающую часть нации и когда, во-вторых, земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает прибавочный труд непосредственных производителей в первую очередь, когда, следовательно, земельная собственность все еще выступает как основное условие производства. Для них еще не могло существовать такой постановки вопроса, которая, с точки зрения капиталистического способа производства, имеет целью, наоборот, исследовать, каким образом земельная собственность достигает того, что отнимает у капитала часть произведенной им (то есть выжатой из непосредственных производителей) и первоначально уже присвоенной им прибавочной стоимости.

У *физиократов* затруднение уже иного свойства. Как действительно первые систематические истолкователи капитала, они стремились анализировать природу прибавочной стоимости вообще. Для них этот анализ совпадает с анализом ренты, единственной формы, в которой для них существует прибавочная стоимость. Поэтому капитал, приносящий ренту, или земледельческий капитал, для них есть единственный капитал, производящий прибавочную стоимость, и приводимый им в движение земледельческий труд есть единственный дающий прибавочную стоимость труд, а потому, что вполне правильно с капиталистической точки зрения, единственный производительный труд. Определяющим они совершенно правильно считают производство прибавочной стоимости. Им, помимо других заслуг, о которых речь будет в книге IV [206], принадлежит прежде всего та великая заслуга, что от торгового капитала, который функ-

ционирует только в сфере обращения, они обратились к производительному капиталу, в противоположность меркантилистской системе, которая по своему грубому реализму являлась настоящей вульгарной политической экономией той эпохи, перед практическими интересами которой были оттеснены совершенно на задний план зачатки научного анализа у Петти и его последователей. Между прочим, здесь, при критике меркантилистской системы, речь идет лишь о ее воззрениях на капитал и прибавочную стоимость. Уже раньше мы отмечали, что производство на мировой рынок и превращение продукта в товар, а потому в деньги, монетарная система справедливо провозгласила предпосылкой и условием капиталистического производства [207]. В ее продолжении, в меркантилистской системе, решающую роль играет уже не превращение товарной стоимости в деньги, а производство прибавочной стоимости, — но с бессодержательной [begriffslos] точки зрения сферы обращения — и притом таким образом, что эта прибавочная стоимость представлена в форме добавочных денег, в положительном сальдо торгового баланса. Вместе с тем поистине характерно для купцов и фабрикантов того времени и адекватно тому периоду капиталистического развития, который они представляют, то обстоятельство, что при превращении земледельческих феодальных обществ в промышленные и при соответствующей промышленной борьбе наций на мировом рынке все зависит от ускоренного развития капитала, которое достигается не так называемым естественным путем, а при помощи принудительных средств. Далеко не одно и то же, превращается ли национальный капитал в промышленный постепенно и медленно, или же это превращение ускоряется во времени посредством налогов, которыми они в форме запретительных пошлин облагали главным образом земельных собственников, средних и мелких крестьян и ремесленников, посредством ускоренной экспроприации самостоятельных непосредственных производителей, посредством насильственно ускоренного накопления и концентрации капиталов, короче, посредством ускоренного создания условий капиталистического способа производства. Точно так же этим обусловливается огромная разница в капиталистической и промышленной эксплуатации естественной национальной производительной силы. Поэтому национальный характер меркантилистской системы в устах ее защитников — не просто фраза. Под предлогом, будто их занимает только богатство нации и ресурсы государства, они в действительности объявляют интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью государства и прокламируют буржуазное общество

в противоположность старому неземному государству. Но в то же время имелось и сознание того, что развитие интересов капитала и класса капиталистов, капиталистического производства, сделалось базисом национальной силы и национального превосходства в современном обществе.

Далее, физиократы правы, что все производство прибавочной стоимости, а следовательно, и все развитие капитала, рассматриваемое со стороны естественной основы, действительно покоится на производительности земледельческого труда. Если люди вообще не в состоянии производить в течение одного рабочего дня больше жизненных средств, следовательно, в узком смысле больше земледельческих продуктов, чем требуется каждому работнику для его собственного воспроизводства, если дневной затраты всей его рабочей силы достаточно лишь на то, чтобы произвести жизненные средства, необходимые для его личного потребления, то вообще не может быть и речи ни о прибавочном продукте, ни о прибавочной стоимости. Производительность земледельческого труда, превышающая индивидуальную потребность работника, составляет базис всякого общества, и прежде всего базис капиталистического производства, которое все возрастающую часть общества отрывает от производства непосредственных жизненных средств и превращает ее, по выражению Стюарта, в «free hands» *, дает возможность располагать ею для эксплуатации в других сферах [208].

Но что сказать о новейших экономистах, которые, как Дэр, Пасси и др., на закате всей классической политической экономии, скорее в то время, когда она была уже на смертном одре, повторяют самые первоначальные представления об естественных условиях прибавочного труда и, следовательно, прибавочной стоимости вообще и воображают, будто они этим дают нечто новое и существенное о земельной ренте [209], после того как эта земельная рента уже давным-давно исследована как особая форма и специфическая часть прибавочной стоимости? Для вульгарной политической экономии как раз характерно, что то, что на определенной исторической ступени развития было ново, оригинально, глубоко и обоснованно, она повторяет в такое время, когда это плоско, отстало и ложно. Она обнаруживает тем самым, что ей чуждо даже представление о проблемах, занимавших классическую политическую экономию. Она путает эти проблемы с вопросами, которые могли ставиться лишь на более низкой ступени развития буржуазного общества. Так же обстоит дело и с ее неизменно самодоволь-

* — «свободные руки». *Ред.*

ным пережевыванием физиократических положений о свободе торговли. Как бы практически не интересовали эти положения то или иное государство, они давным-давно утратили всякий теоретический интерес.

При собственно натуральном хозяйстве, когда земледельческий продукт совсем не входит в процесс обращения или входит в него лишь очень незначительная часть этого продукта и лишь сравнительно незначительная доля даже той части продукта, которая представляет доход земельного собственника, — как, например, во многих древнеримских латифундиях, равно как в имениях Карла Великого, а также (см. Vinçard. «Histoire du travail») в большей или меньшей мере на всем протяжении средних веков, — продукт и прибавочный продукт крупных имений состоит отнюдь не только из продуктов земледельческого труда. Он охватывает также и продукты промышленного труда. Домашний ремесленный и мануфактурный труд как побочное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство как в древней и средневековой Европе, так — еще до настоящего времени — и в индийской общине, где ее традиционная организация еще не разрушена. Капиталистический способ производства совершенно уничтожает эту связь; процесс, который в крупном масштабе наблюдался особенно в Англии в течение последней трети XVIII века. Умы, выросшие в более или менее полуфеодальных обществах, Херреншванд например, еще в конце XVIII века видят в этом обособлении земледелия и промышленности безумно смелую общественную авантюру, непостижимо рискованный способ существования. И даже в тех земледельческих хозяйствах древнего мира, в которых обнаруживается наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, в Карфагене и Риме, больше сходства с плантаторским хозяйством, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплуатации [42a]. Мы вообще не найдем в древности в континентальной Италии повода для формальной аналогии, — которая к тому же во всех существенных пунктах представляется сплошь обманчивой для всякого, кто понял капиталистический способ производства и кто не открывает

[42a] А. Смит показывает, что в его время (да и для нашего времени это остается в силе по отношению к плантаторскому хозяйству в тропических и субтропических странах) рента и прибыль еще не обособились [210], потому что земельный собственник есть в то же время и капиталист, каким был, например, Катон в своих имениях. Но это обособление — как раз предпосылка капиталистического способа производства, самой сущности которого вообще противоречит такой базис, как рабство.

подобно г-ну Моммзену [43)] капиталистического способа производства уже во всяком денежном хозяйстве, — мы найдем ее, пожалуй, только в Сицилии, потому что последняя существовала как земледельческий данник Рима и потому земледелие в основном было нацелено на экспорт. Здесь встречаются арендаторы в современном значении слова.

Неправильное понимание природы ренты основывается на том обстоятельстве, что рента в натуральной форме перешла из натурального хозяйства средних веков, и в полном противоречии с условиями капиталистического способа производства в новейшее время выступает отчасти в виде церковной десятины, отчасти как диковина, увековеченная старинными договорами. Благодаря этому кажется, будто рента возникает не из цены земледельческого продукта, а из массы продукта, следовательно, не из общественных отношений, а из земли. Уже раньше мы показали, что, хотя прибавочная стоимость представлена в прибавочном продукте, однако, наоборот, прибавочный продукт в смысле простого увеличения массы продукта не [всегда] представляет прибавочную стоимость. Он может представлять минус стоимости. Иначе хлопчатобумажная промышленность 1860 г. по сравнению с 1840 г. должна была бы представлять огромную прибавочную стоимость, между тем как цена пряжи, напротив, понизилась. Вследствие неурожая в течение ряда лет рента может колоссально возрасти, потому что цена хлеба повышается, хотя эта прибавочная стоимость представлена в абсолютно уменьшившейся массе вздорожавшей пшеницы. Наоборот, вследствие хорошего урожая в течение ряда лет рента может понизиться, потому что цена падает, хотя понизившаяся рента будет представлена в большей массе сравнительно дешевой пшеницы. Теперь относительно продуктовой ренты следует прежде всего заметить, что она представляет перешедшую из отжившего способа производства, исчезающую традицию, противоречие которой с капиталистическим способом производства обнаруживается в том, что она сама собой исчезла из частных договоров и что там, где могло вмешаться законодательство, как в случае с церковными десятинами в Англии, она была насильственно сметена как нелепость [211]. Но, во-вторых, там, где она продолжает существовать на базисе капиталистического способа производства, она была и могла

---

43) В своей работе «Römische Geschichte» г-н Моммзен употребляет слово «капиталист» отнюдь не в смысле современной политической экономии и современного общества, а в духе популярного представления, которое все еще распространяется не в Англии или Америке, а на континенте как старинный пережиток исчезнувших отношений.

быть не чем иным, как по-средневековому замаскированным выражением денежной ренты. Пусть, например, цена квартера пшеницы стоит на уровне 40 шиллингов. Часть этого квартера должна возместить содержащуюся в нем заработную плату, должна быть продана, чтобы она могла быть авансирована снова; другую часть необходимо продать для того, чтобы уплатить приходящуюся на квартер долю налогов. Там, где развит капиталистический способ производства, а с ним разделение общественного труда, семена и даже часть удобрений входят в воспроизводство как товары, следовательно, должны быть куплены для возмещения; чтобы добыть денег на это, опять-таки приходится продать часть квартера. Поскольку же их в действительности не приходится покупать как товары, а напротив, они могут быть возмещены из самого продукта in natura *, чтобы снова войти как условия производства в его воспроизводство, — как это бывает не только в земледелии, но и во многих отраслях производства, которые производят постоянный капитал, — то они входят в счет, выраженные как счетные деньги, и вычитаются как составные части издержек производства. Износ машин и вообще основного капитала приходится возмещать деньгами. Наконец, прибыль исчисляется на эти издержки, выраженные в действительных или счетных деньгах. Эта прибыль представлена в известной доле валового продукта, которая определяется его ценой. А остальная часть образует ренту. Если продуктовая рента, установленная договором, больше этого остатка, определяемого ценой, то это будет уже не рента, а вычет из прибыли. Уже вследствие одной этой возможности продуктовая рента, которая не сообразуется с ценой продукта, следовательно, может составлять и больше и меньше действительной ренты, а потому может образовать вычет не только из прибыли, но и из тех составных частей, которыми возмещается капитал, — уже по одной этой причине такая рента представляет устаревшую форму. В действительности эта продуктовая рента, поскольку она является рентой не только по названию, но и по существу, определяется исключительно избытком цены продукта над его ценой производства. Дело только в том, что эта переменная величина предполагается ею как постоянная. А это сводится к напоминающему доброе старое время представлению, что продукта in natura должно быть достаточно для того, чтобы, во-первых, прокормить рабочих, далее, оставить капиталистическому арендатору больше продуктов питания, чем ему требуется, и что избыток над этим

---

* — в натуральной форме. *Ред.*

образует натуральную ренту. Совершенно так же, как если фабрикант производит 200 000 аршин ситца. Этого ситца достаточно для того, чтобы не только одеть рабочих данного фабриканта и более чем одеть его жену и все его потомство и его самого, но оставить, кроме того, ситец на продажу и, наконец, уплачивать ситцем огромную ренту. Все так просто! Стоит только из 200 000 аршин ситца вычесть цену их производства — и непременно останется избыток ситца в качестве ренты. Например, из 200 000 аршин ситца вычесть цену их производства в 10 000 ф. ст., не зная продажной цены ситца, из ситца вычесть деньги, из потребительной стоимости как таковой вычесть меновую стоимость и затем определить избыток аршин ситца над фунтами стерлингов, — это действительно наивное представление. Это хуже, чем квадратура круга, в основе которой все же лежит представление о пределе, за которым сливаются прямая линия и кривая. Но именно таков рецепт г-на Пасси. Вычтите деньги из ситца, прежде чем в голове или в действительности ситец превратился в деньги! Избыток составляет ренту, которая становится будто бы осязательной naturaliter * (см., например, Карла Арнда [212]), а не благодаря «софистической» чертовщине! К этой глупости, к вычету цены производства из стольких-то шеффелей пшеницы, к вычитанию денежной суммы из меры объема сводится вся реставрация натуральной ренты.

II. ОТРАБОТОЧНАЯ РЕНТА

Если мы рассмотрим земельную ренту в ее самой простой форме, в форме *отработочной ренты*, когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении земельного собственника, работает на земельного собственника, то здесь дело еще совершенно ясно, рента и прибавочная стоимость здесь тождественны. Рента, не прибыль, — вот та форма, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд. В какой мере работник (self-sustaining serf) может получить здесь избыток над необходимыми средствами своего существования, то есть избыток сверх того, что при капиталистическом способе производства мы назвали бы заработной платой, это зависит при прочих равных условиях от того отношения, в котором его рабочее время делится на рабочее время для него

* — натурально. *Ред.*

самого и барщинное рабочее время для земельного собственника. Итак, этот избыток над необходимейшими средствами существования, зародыш того, что при капиталистическом способе производства является прибылью, здесь всецело определяется высотой земельной ренты, которая в этом случае не только есть непосредственно неоплаченный прибавочный труд, но и выступает как таковой; неоплаченный прибавочный труд для «собственника» условий производства, которые здесь тождественны с землей, а поскольку они отличны от нее, они считаются лишь ее принадлежностью. Что продукта крепостного должно быть здесь достаточно для того, чтобы, кроме средств его существования, возместить и условия его труда, — это обстоятельство остается тем же самым для всех способов производства, так как это результат не специфической формы последних, а естественное условие всякого непрерывного и производительного труда вообще, всякого длительного производства, которое всегда есть одновременно и воспроизводство, а следовательно, воспроизводство и условий своего собственного функционирования. Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства. Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно занят своим земледелием, как и связанной с ним сельской домашней промышленностью. Эта самостоятельность не снимается тем, что, как, например, в Индии, эти мелкие крестьяне соединены в более или менее естественно выросшую производственную общину, так как здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному земельному собственнику. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее [44]. Данная форма тем и отличается от рабовладельческого или плантаторского хозяйства, что раб работает

[44] После завоевания страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение и людей. Ср. Ленге [213]. См. также Мёзер [214].

при помощи чужих условий производства и не самостоятельно. Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное воздействие. А на этом основана вся структура экономического строя [Gemeinwesen], вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств.

Что касается отработочной ренты, наиболее простой и первоначальной формы ренты, то очевидно одно: рента является здесь первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с ней. Но совпадение прибавочной стоимости с неоплаченным чужим трудом не нуждается здесь в анализе, потому что оно существует здесь еще в своей очевидной, осязательной форме, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в пространстве и времени от его труда на земельного собственника, и этот труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другого. Точно так же «свойство» земли приносить ренту сводится здесь к осязательно раскрывающейся тайне, потому что к природе, которая приносит ренту, относится и прикованная к земле человеческая рабочая сила и отношение собственности, принуждающее владельца рабочей силы напрягать и тратить ее сверх той меры, которая требовалась бы для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Рента прямо состоит в присвоении земельным собственником этой избыточной затраты рабочей силы, потому что непосредственный производитель не уплачивает ему больше никакой ренты. Здесь, где не только тождественны прибавочная стоимость и рента, но и прибавочная стоимость еще осязательно имеет форму прибавочного труда, совершенно ясно выступают и естественные условия или границы ренты, потому что они суть естественные условия и границы прибавочного труда вообще. Непосредственный производитель должен 1) обладать достаточной рабочей силой, и 2) естественные условия его труда, то есть в первую очередь обрабатываемая земля, должны быть достаточно благоприятны, словом, естественная производительность его труда должна быть достаточно велика для того, чтобы у него оставалась возможность производить избыточный труд сверх труда, необходимого для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Эта возможность не создает ренты, ее создает лишь принуждение, превращающее возможность в действительность. Но самая возможность связана с субъективными и объективными естественными условиями. В этом тоже нет решительно ничего таинственного. Если рабочая сила незначительна и естественные условия труда скудны, то и прибавочный труд незначителен, но в таком случае незначительны, с одной стороны, потребности производителей, с другой стороны, относительно невелико число эксплуататоров прибавочного труда и, наконец, невелик прибавочный продукт, в котором реализуется этот малопроизводительный прибавочный труд на это относительно незначительное число эксплуатирующих собственников.

Наконец, при отработочной ренте ясно само собой, что, при прочих равных условиях, от относительных размеров прибавочного или барщинного труда всецело зависит, в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшать свое положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования, или, если мы предвосхищаем капиталистический способ выражения, окажется ли у него и в какой мере возможность производить какую бы то ни было прибыль для себя самого, то есть избыток над его заработной платой, производимой им же самим. Рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, легитимная форма прибавочного труда; она далека от того, чтобы являться избытком над прибылью, то есть в данном случае над каким-либо иным избытком сверх заработной платы; напротив, здесь не только размер такой прибыли, но и самое ее существование зависят, при прочих равных условиях, от размера ренты, то есть прибавочного труда, принудительно выполняемого для собственника.

Некоторые историки выразили свое удивление по поводу того, что, хотя непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец, и весь его прибавочный труд на деле de jure * принадлежит земельному собственнику, при этих условиях может вообще совершаться самостоятельное увеличение имущества и, говоря относительно, богатства у обязанных нести барщину или крепостных. Между тем ясно, что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть решающую роль. Ясно далее, что здесь, как и повсюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения. Это же, — оставляя все другое в стороне, — делается впрочем само собой, раз постоянное воспроизводство базиса существующего состояния, лежащих в основе этого состояния отношений, приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму, и эти регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства

* — юридически. *Ред.*

и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола. Он достигает этой формы при застойном состоянии как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого возобновления их воспроизводства. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон. Так как данная форма прибавочного труда, барщинный труд, покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда, то барщинный труд должен, естественно, отнимать у непосредственного производителя несравненно меньшую долю всего труда, чем при развитых способах производства и в особенности при капиталистическом производстве. Предположим, например, что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю. Эти два дня барщинного труда в неделю, таким образом, прочно установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной установившимся или писаным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается с ростом его опыта, — совершенно так же, как новые потребности, которые у него возникают, совершенно так же, как расширение рынка для его продукта, возрастающая обеспеченность использования этой части его рабочей силы будут поощрять его к усиленному напряжению рабочей силы, причем не следует забывать, что применение этой рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и сельскую домашнюю промышленность. Здесь дана возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств, от врожденных расовых черт характера и т. д.

III. ПРОДУКТОВАЯ РЕНТА

Превращение отработочной ренты в продуктовую ренту, если рассматривать дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты. Последнее при тех формах, которые мы рассматриваем здесь, состоит в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда; а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, *владеющий*

условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить *собственнику* того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике. В какой бы мере продуктовая рента ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, то есть ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и при этом все равно, является ли земельным собственником частное лицо или государство. Продуктовая рента предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще; и отличается она от предыдущей формы тем, что прибавочный труд должен выполняться уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети. Прибавочное производство, в смысле производства сверх необходимых потребностей непосредственного производителя, и производство на фактически ему самому принадлежащем поле производства, им самим эксплуатируемой земле, вместо производства в господском поместье около и вне своего хозяйства, как было раньше, здесь стали уже само собой разумеющимся правилом. При этом отношении непосредственный производитель, применяя свой труд, более или менее располагает всем своим рабочим временем, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, по-прежнему даром принадлежит земельному собственнику, с той только разницей, что последний уже получает его непосредственно не в его собственной натуральной форме, а в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется. Обременительные и в зависимости от регулирования барщинного труда являющиеся большей или меньшей помехой перерывы, обусловливаемые работой на земельного собственника (ср. «Капитал», кн. I, гл. VIII, 2 «Неутолимая жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин»), отпадают там, где продуктовая рента существует в чистом виде, или сводятся по крайней мере к немного-

численным коротким перерывам в течение года, если наряду с продуктовой рентой сохраняется известная барщинная повинность. Труд производителя на самого себя и его труд на земельного собственника уже не отделяются осязательно во времени и пространстве. Эта продуктовая рента в ее чистом виде, хотя ее остатки могут продержаться до более развитых способов производства и производственных отношений, по-прежнему предполагает натуральное хозяйство, то есть предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта. Она предполагает, далее, соединение сельской домашней промышленности с земледелием; прибавочный продукт, образующий ренту, есть продукт этого соединенного земледельческо-промышленного семейного труда, причем, как это часто наблюдалось в средние века, в продуктовую ренту могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты или же она доставляется лишь в форме собственно земледельческого продукта. При этой форме ренты, когда прибавочный труд представлен в продуктовой ренте, рента может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности. Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере, является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд. Однако это, поскольку мы рассматриваем чистую форму продуктовой ренты, здесь нас не касается; как и вообще, мы не можем разбирать бесконечные различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, искажаться и сливаться. Благодаря связанной с определенным характером продукта и самого производства форме продуктовой ренты, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, словом, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более

пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений, как это наблюдается, например, в Азии. Здесь, как и при более ранней форме отработочной ренты, земельная рента является нормальной формой прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, то есть всего избыточного труда, который непосредственный производитель принужден даром, фактически, следовательно, по принуждению, выполнять на собственника существеннейшего условия его труда, на собственника земли, — хотя это принуждение уже не противостоит ему в старой грубой форме. Прибыль, — если мы, позволив себе ложную антиципацию, так назовем ту частицу избытка труда непосредственного производителя над необходимым трудом, которую он присваивает сам себе, — столь мало влияет на продуктовую ренту, что скорее она появляется за спиной последней и находит свою естественную границу в размере этой ренты. Последняя может достигать таких размеров, при которых она является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и принуждает непосредственного производителя довольствоваться физически необходимым минимумом жизненных средств. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит готовой и использует торговая нация-завоеватель, как, например, англичане в Индии.

IV. ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА

Под денежной рентой мы понимаем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей собой лишь избыток над средней прибылью — земельную ренту, возникающую из простого превращения формы продуктовой ренты, как и она сама, в свою очередь, была лишь превращенной отработочной рентой. Непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) вместо продукта цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в его натуральной форме, этот избыток необходимо превратить из натуральной формы в денежную форму. Хотя непосредственный производитель по-прежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более

или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом. Отношение издержек производства, в которые теперь входят в большей или меньшей мере денежные затраты, приобретает решающее значение; во всяком случае приобретает решающее значение избыток той части валового продукта, которую предстоит превратить в деньги, над той частью, которая должна послужить, с одной стороны, опять как средство воспроизводства, с другой стороны, как непосредственное средство существования. Тем не менее базис этого рода ренты, хотя он и идет здесь навстречу своему разложению, все еще остается тот же, как при продуктовой ренте, образующей исходный пункт. Непосредственный производитель по-прежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать земельному собственнику как собственнику существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, то есть неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги. Собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и прочую движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей уже при предшествующих формах, и тем более приходится предполагать это для такой формы, как денежная рента. Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение продуктовой ренты в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и то, что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах. На востоке Европы мы можем еще отчасти и теперь наблюдать процесс этого превращения. Насколько это неосуществимо без известного развития общественной производительной силы труда, свидетельствуют имевшие место при римских императорах различные потерпевшие неудачу попытки этого превращения и возвраты к натуральной ренте после того, как хотели превратить в денежную ренту хотя бы ту часть натуральной ренты, которая взималась в виде государственного налога. Об этой же трудности перехода свидетельствуют, например, фальсификация и слияние денежной ренты с остатками ее прежних форм накануне революции во Франции.

Денежная рента как превращенная форма продуктовой ренты, и в противоположность ей, есть последняя форма

и в то же время форма разложения того рода земельной ренты, который мы рассматривали до настоящего времени, именно земельной ренты как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, который приходится отдавать собственнику условий производства. В своей чистой форме эта рента, как и отработочная рента и продуктовая рента, не представляет какого-либо избытка над прибылью. По своему понятию она поглощает последнюю. Поскольку прибыль возникает фактически лишь как особая часть избыточного труда наряду с рентой, денежная рента, как и рента в ее прежних формах, все еще остается нормальной границей этой эмбриональной прибыли, которая может развиваться лишь с появлением возможности эксплуатации или своего собственного избыточного труда или чужого избыточного труда, который совершается по выполнении прибавочного труда, воплощенного в денежной ренте. Если прибыль действительно возникает наряду с этой рентой, то не прибыль является границей ренты, а, наоборот, рента является границей прибыли. Но, как уже сказано, денежная рента есть в то же время форма разложения рассматривавшейся до сих пор земельной ренты, совпадающей prima facie * с прибавочной стоимостью и прибавочным трудом, земельной ренты как нормальной и господствующей формы прибавочной стоимости.

В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне все промежуточные формы, как, например, форму мелкокрестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором.

При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором. Это превращение при наличии прочих благоприятствующих общих отношений производства, с одной стороны, используется для того, чтобы постепенно экспроприировать старых крестьян-владельцев и заменить их капиталистическим арендатором; с другой стороны, оно ведет к тому, что прежний владелец выкупает свое оброчное обязательство и превращается в независимого крестьянина

---

* — прежде всего. *Ред.*

с полной собственностью на возделываемую им землю. Далее, превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В течение периода их возникновения, когда этот новый класс появляется лишь спорадически, у лучше поставленных обязанных оброком [rentepflichtigen] крестьянских хозяйств развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих, — совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных. Таким образом у них складывается малопомалу возможность накоплять известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов. Среди самих прежних владельцев земли, которые сами ее обрабатывали, возникает таким образом рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых зависит от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства и которые расцветают с особенной быстротой, если им способствуют, как в XVI веке в Англии, особо благоприятные обстоятельства вроде тогдашнего возрастающего обесценения денег, обогащавшего их при традиционных долгосрочных арендных договорах за счет земельных собственников.

Далее: когда рента принимает форму денежной ренты и вместе с тем отношение между крестьянином, уплачивающим ренту, и земельным собственником принимает форму договорного отношения — превращение, возможное вообще лишь при уже данном относительно высоком уровне развития мирового рынка, торговли и промышленности, — необходимо начинается и предоставление земли в аренду капиталистам, которые до того времени стояли далеко от земледелия и которые теперь переносят в деревню и в сельское хозяйство нажитый в городе капитал и уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства, производство продукта только как товара и только как средства для присвоения прибавочной стоимости. Общим правилом эта форма может стать лишь в странах, которые при переходе от феодального к капиталистическому способу производства господствовали на мировом рынке. С появлением капиталистического арендатора между земельным собственником и действительно работающим земледельцем разрываются все отношения, возникшие из прежнего способа производства в деревне. Арендатор становится действительным командиром этих сельскохозяйственных рабочих и действительным эксплуататором их прибавочного труда, между тем как земельный собственник стоит теперь в прямом

отношении, именно просто денежном и договорном отношении, только к этому капиталистическому арендатору. Вместе с тем претерпевает превращение и природа ренты, — не только фактически и случайно, как отчасти наблюдалось уже при прежних формах, а нормально, в ее признанной и господствующей форме. От нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда она низводится до избытка этого прибавочного труда над той его частью, которая присваивается в форме прибыли эксплуатирующим капиталистом; равно как он же теперь непосредственно извлекает весь прибавочный труд, — прибыль и избыток над прибылью, — захватывает его в форме всего прибавочного продукта и превращает в деньги. В качестве ренты он отдает земельному собственнику теперь только избыточную часть этой прибавочной стоимости, которую он, благодаря своему капиталу, извлек непосредственной эксплуатацией сельских рабочих. Много или мало он отдает земельному собственнику, это определяется в среднем, как предел, той средней прибылью, которую капитал приносит в неземледельческих сферах производства, и регулируемыми ею неземледельческими ценами производства. Итак, из нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда рента теперь превратилась в характерный для этой особой сферы производства, для земледельческой сферы, избыток над той частью прибавочного труда, на которую капитал претендует как на часть, с самого начала и нормально причитающуюся ему. Вместо ренты нормальной формой прибавочной стоимости сделалась теперь прибыль, и рента имеет теперь значение лишь обособившейся при особых обстоятельствах формы не прибавочной стоимости вообще, а определенного ее ответвления, добавочной прибыли. Нет необходимости дольше останавливаться на том, как этому превращению соответствует постепенное превращение в самом способе производства. Это видно уже из того, что нормальным для этого капиталистического арендатора является производство земледельческого продукта как товара и что, если раньше в товар превращался лишь избыток над его средствами существования, то теперь относительно лишь ничтожная доля этих товаров непосредственно превращается в средства существования для него. Уже не земля, а капитал непосредственно подчиняет теперь себе и своей производительности земледельческий труд.

Средняя прибыль и регулируемая ею цена производства образуются вне земледелия как такового, в сфере городской торговли и промышленности. Прибыль оброчного крестьянина не принимает участия в выравнивании прибылей, потому что

его отношение к земельному собственнику не есть капиталистическое отношение. Поскольку он получает прибыль, то есть реализует — собственным ли трудом или эксплуатацией чужого труда — избыток над необходимыми средствами своего существования, это совершается вне нормального отношения и при прочих равных условиях высота этой прибыли не определяет ренту, а, наоборот, сама она определяется рентой как своей границей. Высокая норма прибыли в средние века обязана своей высотой не только низкому строению капитала, в котором преобладает переменный, затрачиваемый на заработную плату элемент. Она обязана своей высотой практикуемому в деревне надувательству, присвоению части ренты земельного собственника и дохода подвластного ему населения. Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством.

Можно было бы вообразить, что простой факт вступления капиталистического арендатора в сельскохозяйственное производство служит доказательством того, что цена земледельческих продуктов, с которых в той или иной форме искони уплачивалась рента, должна бы стоять выше цен производства в промышленности по крайней мере в эпоху этого вступления, — потому ли, что она достигла уровня монопольной цены, или же потому, что она повысилась до уровня стоимости земледельческих продуктов, а их стоимость действительно выше цены производства, регулируемой средней прибылью. Потому что в противном случае капиталистический арендатор при тех ценах земледельческих продуктов, которые он застал, не мог бы сначала реализовать из цены этих продуктов среднюю прибыль, а потом из той же самой цены уплатить еще в форме ренты избыток над этой прибылью. Из этого можно было бы заключить, что общая норма прибыли, которую капиталистический арендатор имеет в виду при заключении договора с земельным собственником, образовалась без включения ренты и потому, начиная играть регулирующую роль в сельском хозяйстве, находит этот избыток готовым и уплачивает его земельному собственнику. Таким традиционным способом объясняет себе дело, например, г-н Родбертус [215]. Но:

Во-первых. Это проникновение капитала в земледелие как самостоятельной и ведущей силы совершается не разом и не повсюду, а постепенно и в особых отраслях производства. Он

захватывает сначала не собственно земледелие, а такие отрасли производства, как животноводство, особенно овцеводство, основной продукт которого, шерсть, при подъеме промышленности дает на первых порах постоянный избыток рыночной цены над ценой производства, что выравнивается лишь впоследствии. Так было в Англии в XVI веке.

Во-вторых. Так как это капиталистическое производство сначала выступает лишь спорадически, то ничего нельзя возразить против предположения, что оно сначала овладевает лишь такими комплексами земель, которые вследствие своего особого плодородия или вследствие особо благоприятного местоположения могут в общем приносить дифференциальную ренту.

В-третьих. Предположим даже, что при появлении этого способа производства, предполагающего фактически возрастание удельного веса городского спроса, цены земледельческого продукта были выше цены производства, как это без сомнения было, например, в последнюю треть XVII века в Англии, — даже и в этом случае, раз этот способ производства до известной степени выйдет из простого подчинения земледелия капиталу и как только произойдет необходимо связанное с его развитием улучшение в земледелии и понижение издержек производства, это превышение цен земледельческого продукта над ценами производства выровняется благодаря известной реакции — падению цен земледельческих продуктов, как это было в первой половине XVIII века в Англии.

Итак, этим традиционным способом невозможно объяснить ренту как избыток над средней прибылью. При каких бы исторически данных условиях ни выступила рента впервые, — раз она пустила корень, она может иметь место лишь при ранее указанных современных условиях.

В заключение, говоря о превращении продуктовой ренты в денежную ренту, следует еще заметить, что при этой последней становится существенным моментом капитализированная рента, цена земли, а следовательно, ее отчуждаемость и отчуждение, и что благодаря этому не только прежние оброчные крестьяне могут превратиться в независимых крестьян-собственников, но и городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с той целью, чтобы сдавать их крестьянам или капиталистам и пользоваться рентой как формой процента на свой таким способом употребленный капитал; что, следовательно, и это обстоятельство способствует преобразованию прежнего способа эксплуатации, отношения между собственником и действительным земледельцем, а также самой ренты.

V. ИЗДОЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРЦЕЛЛЯРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Здесь мы подошли к концу ряда ступеней развития земельной ренты.

Во всех этих формах земельной ренты — отработочная рента, продуктовая рента, денежная рента (как просто превращенная форма продуктовой ренты) — плательщик ренты всегда предполагается действительным земледельцем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли. Даже при последней форме, при денежной ренте, — поскольку она выступает в чистом виде, то есть как просто превращенная форма продуктовой ренты, — это не только возможно, но и действительно так бывает.

Как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать Metairie-System, или систему издольного хозяйства, при которой земледелец (арендатор), кроме труда (собственного или чужого), доставляет часть производительного капитала, а земельный собственник, кроме земли, — остальную часть этого капитала (например, скот), и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между издольщиком и земельным собственником. С одной стороны, у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. С другой стороны, та доля, которую получает здесь земельный собственник, не обладает чистой формой ренты. Фактически в ней может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента. Она может фактически также и поглотить весь прибавочный труд арендатора или же оставить ему бóльшую или меньшую часть этого прибавочного труда. Но существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, издольщик, применяет ли он только собственный или же и чужой труд, предъявляет притязание на известную часть продукта не потому, что он работник, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет притязание на свою долю не только в силу собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал [44a].

Остаток старой общинной собственности на землю, сохранившийся после перехода к самостоятельному крестьянскому

[44a] Ср. Бюре, Токвиль, Сисмонди [216].

хозяйству, например в Польше и Румынии, послужил там предлогом для того, чтобы осуществить переход к более низким формам земельной ренты. Часть земли принадлежит отдельным крестьянам и обрабатывается ими самостоятельно. Другая обрабатывается сообща и образует прибавочный продукт, который служит отчасти для покрытия расходов общины, отчасти как резерв на случай неурожаев и т. д. Эти две последних части прибавочного продукта, а в конце концов и весь прибавочный продукт вместе с землей, на которой он вырастает, мало-помалу узурпируются государственными чиновниками и частными лицами, и первоначально свободные крестьяне — земельные собственники, для которых сохраняется повинность совместной обработки этой земли, превращаются таким образом в обязанных нести барщину или обязанных к платежу продуктовой ренты, между тем как узурпаторы общинной земли превращаются в собственников не только узурпированной общинной земли, но и самих крестьянских участков.

Здесь нам нет надобности более подробно останавливаться на собственно рабовладельческом хозяйстве (которое тоже проходит ряд ступеней — от патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок) и на помещичьем хозяйстве, в котором земельный собственник ведет обработку за собственный счет, владеет всеми орудиями производства и эксплуатирует труд батраков, — несвободных или свободных, оплачиваемых натурой или деньгами. Земельный собственник и собственник орудий производства, а потому и непосредственный эксплуататор рабочих, относящихся к числу этих элементов производства, здесь совпадают. Точно так же совпадают рента и прибыль, обособление различных форм прибавочной стоимости не имеет места. Собственник всех орудий производства, к которым относится земля, а при первоначальной форме рабства и сами непосредственные производители, прямо выжимает из работников весь прибавочный труд, который здесь представлен в прибавочном продукте. Там, где господствуют капиталистические представления, как на американских плантациях, вся эта прибавочная стоимость рассматривается как прибыль; там, где не существует самого капиталистического способа производства и куда еще не перенесен соответствующий ему способ представления из капиталистических стран, она представляется рентой. Во всяком случае эта форма не представляет никаких затруднений. Доход земельного собственника, какое название ни давали бы ему, присваиваемый им наличный прибавочный продукт является

здесь той нормальной и господствующей формой, в которой непосредственно присваивается весь неоплаченный прибавочный труд, и земельная собственность образует базис этого присвоения.

Далее *парцеллярная собственность*. Крестьянин здесь одновременно и свободный собственник своей земли, которая является основным средством его производства, необходимым полем приложения его труда и капитала. При этой форме не уплачивается никакой арендной платы, следовательно, рента не выступает в качестве обособленной формы прибавочной стоимости, хотя в странах, где вообще получил развитие капиталистический способ производства, она при сравнении с другими отраслями производства представляется добавочной прибылью, но такой добавочной прибылью, которая, как вообще вся выручка от труда, достается крестьянину.

Эта форма земельной собственности предполагает, что, как и при прежних, более древних формах земельной собственности, сельское население численно значительно преобладает над городским, что, следовательно, хотя капиталистический способ производства вообще и господствует, но относительно он развит слабо, а потому и в других отраслях производства концентрация капитала движется в узких пределах, преобладает раздробление капиталов. По существу дела сами производители, крестьяне, должны потреблять здесь преобладающую долю сельскохозяйственного продукта как непосредственное средство существования, и лишь избыток над этой долей может как товар входить в торговлю с городами. Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена земледельческого продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует на такой ступени общественного развития, когда еще вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; она тогда выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она в карман того крестьянина, труд которого совершается при более благоприятных естественных условиях. Как раз при этой форме, где цена земли входит элементом в фактические издержки производства для крестьянина, потому ли, что с дальнейшим развитием этой формы земля достается при разделе наследства взамен известной денежной стоимости, или потому, что при постоянных переходах всей собственности или части ее сам земледелец покупает землю, причем деньги он добывает по

большей части под ипотеку; где, следовательно, цена земли, представляющая не что иное, как капитализированную ренту, есть элемент, предполагаемый заранее, и где поэтому кажется, что рента существует независимо от каких бы то ни было различий в плодородии и местоположении земли, — как раз при этой форме приходится в общем предполагать, что абсолютной ренты не существует и что, следовательно, наихудшая земля не приносит никакой ренты; потому, что абсолютная рента или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монопольную цену, превышающую стоимость продукта. Но так как сельское хозяйство ведется здесь главным образом ради непосредственных средств существования и так как земля представляет для большинства населения необходимое поле приложения его труда и капитала, то регулирующая рыночная цена продукта лишь при исключительных обстоятельствах достигнет размеров его стоимости; стоимость же эта вследствие преобладания элемента живого труда будет, как правило, выше цены производства, хотя этот избыток стоимости над ценой производства ограничивается, в свою очередь, тем, что в странах преобладающего парцеллярного хозяйства и неземледельческий капитал имеет низкое строение. Пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина не является, с одной стороны, ни средняя прибыль на капитал, поскольку сам этот крестьянин мелкий капиталист, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку сам он земельный собственник. Абсолютной границей для него как для мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он, за вычетом собственно издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, — часто вплоть до тех пор, когда покрывается лишь физический минимум заработной платы. Что касается его как земельного собственника, то для него отпадает граница, полагаемая собственностью, которая может проявиться лишь по отношению к обособленному от нее капиталу (включая и труд), препятствуя его приложению. Конечно, процент на цену земли, который притом обыкновенно приходится уплачивать третьему лицу, ипотечному кредитору, является границей. Но этот процент может уплачиваться как раз из той части прибавочного труда, которая при капиталистических отношениях образовала бы прибыль. Следовательно, рента, антиципированная в цене земли и уплачиваемом на последнюю проценте, не может быть чем-либо иным, как лишь частью капитализированного прибавочного труда крестьянина, избытка над трудом, необходи-

мым для его существования, хотя этот прибавочный труд не реализуется в части стоимости товара, равной всей средней прибыли, и тем более в избытке над реализованным в средней прибыли прибавочным трудом, в добавочной прибыли. Рента может быть вычетом из средней прибыли или даже единственной частью ее, которая и реализуется. Итак, для того чтобы владеющий парцеллой крестьянин обрабатывал свою землю или купил землю для возделывания, нет необходимости в том, чтобы, как это имеет место при нормальном капиталистическом способе производства, рыночная цена земледельческого продукта поднялась настолько высоко, чтобы приносить ему среднюю прибыль, а тем более избыток над этой средней прибылью, фиксированный в форме ренты. Следовательно, нет необходимости в том, чтобы рыночная цена повысилась до уровня стоимости или до уровня цены производства продукта парцеллярного крестьянина. Здесь — одна из причин того, что в странах с преобладанием парцеллярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром и не принимает участия в регулировании цен производства или в образовании стоимости вообще. Следовательно, такая низкая цена есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда.

Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей, нормальной формы, с одной стороны, образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности, с другой стороны, мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, проистекающих из разложения феодальной земельной собственности. Таковы йомены в Англии, крестьянское сословие в Швеции, французское и западногерманское крестьянство. О колониях мы здесь не говорим, так как независимый крестьянин развивается там при иных условиях.

Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, то есть для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или подданный, производит всегда сам себе средства к жизни независимо, как обособленный работник со своей семьей. Собственность на

землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она образует здесь базис для развития личной самостоятельности. Она является необходимой переходной ступенью для развития самого земледелия. Причины, по которым эта собственность гибнет, раскрывают ее пределы. Они таковы: уничтожение сельской домашней промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности; постепенное обеднение и истощение почвы в условиях мелкого производства; узурпация крупными земельными собственниками общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот; конкуренция крупного сельского хозяйства, ведется ли оно как плантаторское хозяйство или как капиталистическое. Ее гибели содействуют также, как это было в Англии в первой половине XVIII века, улучшения в земледелии, которые приводят, с одной стороны, к понижению цен земледельческих продуктов, а с другой стороны, требуют увеличения затрат и более значительных вещественных условий производства.

Мелкая земельная собственность по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки.

Ростовщичество и система налогов должны вести ее повсюду к гибели. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от агрикультуры. Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Безмерное расточение человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства — необходимый закон мелкой собственности. Для этого способа производства урожайные годы — несчастье[45].

Один из специфических недостатков мелкого земледелия там, где оно связано со свободной собственностью на землю, проистекает из того, что земледелец затрачивает капитал на покупку земли. (То же относится и к переходной форме, при которой крупный землевладелец затрачивает капитал, во-первых, на покупку земли и, во-вторых, на то, чтобы в качестве ее арендатора вести на ней хозяйство.) При той подвижности, которую приобретает здесь земля как простой товар, возрастает

---

[45] См. у Тука тронную речь французского короля [217].

число меняющихся владельцев ею [46], так что для каждого нового поколения, с каждым разделом наследства, земля, с точки зрения крестьянина, снова выступает в виде капитальной затраты, то есть становится купленной им землей. Цена земли образует здесь преобладающий элемент индивидуальных непроизводительных издержек производства или издержек производства продукта индивидуальных производителей.

Цена земли есть не что иное, как капитализированная и поэтому антиципированная рента. Если земледелие ведется капиталистически, так что земельный собственник получает только ренту, арендатор же ничего не платит за землю, кроме этой ежегодной ренты, то ясно, что хотя капитал, затраченный самим земельным собственником на покупку земли, является для него капиталом, приносящим проценты, он тем не менее не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на само земледелие. Он не составляет элемента ни функционирующего в земледелии основного, ни оборотного капитала [47], напротив, он только доставляет покупателю титул на получение ежегодной ренты, но не имеет решительно никакого отношения к производству этой ренты. Ведь покупатель земли отдает капитал как раз тому, кто продает землю, и взамен продавец отказывается от своей собственности на землю. Следовательно, как капитал покупателя этот капитал уже не существует; у покупателя его уже нет; следовательно, он не относится к тому капиталу, который каким-либо способом можно было бы вложить в самую землю. Дорого или дешево покупатель купил землю, или получил ее даром, — это ничего не изменяет ни в том капитале, который арендатор затрачивает на ведение хозяйства, ни в ренте, а влияет лишь на то, представляется ли рента для него процентом или нет, соответственно, представляется она высоким или низким процентом.

Возьмем, например, рабовладельческое хозяйство. Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выжата из него. Но капитал,

[46] См. Мунье и Рюбишон [218].

[47] Г-н д-р H. Maron («Extensiv oder Intensiv?» {других данных об этой брошюре Маркс не приводит}) исходит из ложного предположения тех, с кем он борется. Он предполагает, что капитал, затрачиваемый на покупку земли, есть «Anlagekapital», и потом начинает спорить относительно соответствующих определений понятий Anlagekapital и Betriebskapital, то есть основной капитал и оборотный капитал. Его совершенно ученические представления о капитале вообще — извинительные, впрочем, для неэкономиста вследствие состояния немецкой «науки о народном хозяйстве» — скрывают от него, что этот капитал не есть ни основной, ни оборотный капитал; точно так же, как капитал, который кто-нибудь затрачивает на бирже на покупку акций или государственных ценных бумаг и который для этого человека представляет вложение капитала, в действительности не «вкладывается» в какую-либо из отраслей производства.

уплаченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд. Наоборот. Это — капитал, отчужденный рабовладельцем, вычет из того капитала, которым он располагает в действительном производстве. Он перестал существовать для рабовладельца, — совершенно так же, как капитал, затраченный на покупку земли, перестал существовать для земледелия. Это лучше всего доказывается тем, что он вновь начнет существовать для рабовладельца или собственника земли лишь в том случае, если они снова продадут раба или землю. Но тогда этот капитал перестает существовать для этого покупателя. Оттого что он купил раба, он еще не в состоянии сразу эксплуатировать раба. Эту возможность даст ему лишь дальнейший капитал, который будет помещен им в само рабовладельческое хозяйство.

Один и тот же капитал не существует вдвойне: и в руках продавца и в руках покупателя земли. Из рук покупателя он переходит в руки продавца, и этим дело закончено. У покупателя теперь нет капитала, но у него имеется зато участок земли. То обстоятельство, что ренту, получаемую от действительного приложения капитала к этому участку земли, новый земельный собственник считает теперь процентом на капитал, который он не вложил в землю, а потратил на приобретение земли, решительно ничего не изменяет в экономической природе фактора земли, — как то обстоятельство, что кто-нибудь уплатил 1 000 ф. ст. за трехпроцентные консоли, не имеет никакого отношения к тому капиталу, из дохода которого выплачиваются проценты по государственному займу.

Деньги, затраченные на покупку земли, как и деньги, израсходованные на покупку государственных ценных бумаг, есть в действительности капитал лишь *в себе*, как всякая сумма стоимости на базисе капиталистического способа производства есть капитал в себе, потенциальный капитал. Чтó уплачивается за землю, как и за государственные ценные бумаги, как и за другой покупаемый товар, — это известная сумма денег. Она капитал в себе, потому что она может быть превращена в капитал. От того употребления, которое продавец сделает из полученных им денег, зависит, превратятся ли они действительно в капитал или нет. Для покупателя они уже не могут функционировать как капитал, — подобно всяким другим деньгам, которые им окончательно израсходованы. В его расчетах они фигурируют для него как капитал, приносящий проценты, потому что доход, получаемый в виде ренты с земли или процента по государственному займу, исчисляется им как процент

на деньги, которых стоила ему покупка права на этот доход. Он может реализовать их как капитал только посредством перепродажи. Но тогда другой, новый покупатель окажется в таком же положении, в котором был первый, и никакими перемещениями из рук в руки затраченные таким образом деньги не могут превратиться в действительный капитал для того, кто их затратил.

При мелкой земельной собственности еще больше упрочивается та иллюзия, будто сама земля имеет стоимость и потому входит как капитал в цену производства продукта, подобно машине или сырому материалу. Но мы видели, что рента, а потому и капитализированная рента, цена земли, только в двух случаях может принимать участие в определении цены земледельческого продукта. Во-первых, когда вследствие строения земледельческого капитала, — капитала, который не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на покупку земли, — стоимость земледельческого продукта выше его цены производства, и отношения рынка дают собственнику земли возможность использовать эту разницу. Во-вторых, когда имеет место монопольная цена. И то и другое реже всего встречается при парцеллярном хозяйстве и мелкой земельной собственности, потому что как раз здесь производство в очень большой мере служит для удовлетворения потребностей самого земледельца и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли. Даже в тех случаях, когда парцеллярное хозяйство ведется на арендованной земле, арендная плата здесь в несравненно большей мере, чем при каких бы то ни было иных отношениях, заключает в себе часть прибыли и даже вычет из заработной платы; в таком случае это — рента лишь номинально, это не рента как самостоятельная категория в противоположность заработной плате и прибыли.

Итак, затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет собой вложение земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству, так как в этой области вообще реже встречаются настоящие кредитные отношения. Она представляет собой помеху земледелию также и в том случае, когда ее предпринимают крупные хозяйства. Она на самом деле противоречит капиталистическому способу производства, для которого в целом безразлична задолженность земельного

собственника, все равно, унаследовал ли он свой участок земли или купил его. Сам ли он забирает ренту, или же должен, в свою очередь, отдать ее ипотечному кредитору, — это само по себе ничего не изменяет в ведении хозяйства в арендованном имении.

Мы видели, что при данной земельной ренте цена земли регулируется ставкой процента. Если последняя низка, то цена земли высока, и наоборот. Итак, при нормальных условиях высокая цена земли и низкая ставка процента должны бы идти рука об руку, так что, если бы крестьянин вследствие низкой ставки процента дорого заплатил за землю, то эта же самая низкая ставка процента должна была бы обеспечить ему на благоприятных условиях в кредит капитал для ведения хозяйства. В действительности при господстве парцеллярной собственности дело обстоит иначе. Прежде всего, к крестьянам не относятся общие законы кредита, так как они предполагают, что производитель является капиталистом. Во-вторых, там, где преобладает парцеллярная собственность — о колониях здесь нет речи — и парцеллярный крестьянин образует основу нации, образование капитала, то есть общественное воспроизводство, сравнительно слабо и еще слабее образование ссудного денежного капитала в ранее изложенном смысле. Оно предполагает концентрацию и существование класса богатых праздных капиталистов (Масси [219]). В-третьих, в том случае, где собственность на землю составляет жизненное условие для большей части производителей и необходимую сферу для приложения их капитала, цена земли повышается независимо от ставки процента, а часто вместе с ней в силу превышения спроса на земельную собственность над предложением. За землю, продаваемую парцеллами, часто получают здесь гораздо более высокую цену, чем при продаже крупными массивами, так как здесь число мелких покупателей огромно, а число крупных покупателей мало («черные банды» [220], Рюбишон [221]; Ньюмен [222]). По всем этим причинам здесь цена земли повышается при относительно высокой ставке процента. Относительно низкому проценту, который крестьянин извлекает здесь из капитала, затраченного на покупку земли (Мунье [223]), на противоположной стороне здесь соответствует высокая ростовщическая процентная ставка, которую сам крестьянин должен уплачивать ипотечному кредитору. Ирландская система обнаруживает то же самое, только в иной форме.

Поэтому цена земли, этот элемент, сам по себе чуждый производству, может достигать здесь такой высоты, что производство становится невозможным (Домбаль).

То обстоятельство, что цена земли играет такую роль, что купля и продажа земли, обращение земли в качестве товара, развивается до таких масштабов, практически является следствием развития капиталистического способа производства, при котором товар становится всеобщей формой всех продуктов и всех средств производства. С другой стороны, эти явления развиваются только там, где капиталистический способ производства получил лишь ограниченное развитие и не раскрыл все свои особенности; так как эти явления покоятся именно на том, что земледелие уже не подчинено — или еще не подчинено — капиталистическому способу производства, а подчинено способу производства, сохранившемуся от погибших форм общества. Следовательно, вредные стороны капиталистического способа производства с его зависимостью производителя от денежной цены его продукта совпадают здесь с вредом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства. Крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых он мог бы производить свой продукт в виде товара.

Конфликт между ценой земли как элементом издержек производства для производителя и неэлементом цены производства продукта (даже если рента принимает определяющее участие в образовании цены земледельческого продукта, такого участия отнюдь не принимает капитализированная рента, которая авансируется на 20 и более лет) есть лишь одна из форм, в которых вообще выражается противоречие между частной собственностью на землю и рациональным земледелием, нормальным общественным пользованием землей. Но, с другой стороны, частная собственность на землю, следовательно, экспроприация земли у непосредственных производителей — частная собственность одних, которая подразумевает отсутствие собственности на землю у других, — есть основа капиталистического способа производства.

Здесь, при мелком земледелии, цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности, выступает сама как ограничение производства. При крупном земледелии и при крупной земельной собственности, основывающейся на капиталистическом способе хозяйства, собственность тоже является ограничением, так как она стесняет фермера в производительных затратах капитала, приносящих выгоду в последнем счете не ему, а земельному собственнику. При обеих формах на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства

постоянно сменяющих друг друга человеческих поколений, выступает эксплуатация и расточение сил земли (не говоря уже о том, что эксплуатация ставится в зависимость не от достигнутого обществом уровня развития, а от случайных неодинаковых обстоятельств отдельных производителей). При мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности — вследствие эксплуатации этих средств для возможно быстрейшего обогащения арендаторов и собственников. И в том и в другом случае — вследствие зависимости от рыночной цены.

Вся критика мелкой земельной собственности в конечном счете сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия. К этому же сводится и вся противоположная критика крупной земельной собственности. Конечно, мы здесь для обоих случаев оставляем в стороне побочные политические соображения. Эта граница и эта помеха, которую всякая частная собственность на землю ставит земледельческому производству и рациональному возделыванию, сохранению и улучшению самой почвы, развивается и здесь и там только в различных формах, и в спорах об этих специфических формах зла забывается его основная причина.

Мелкая земельная собственность предполагает, что громадное большинство населения живет в деревнях, что преобладает не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при этом исключается разнообразие и развитие воспроизводства, то есть и материальных, и духовных условий его, исключаются условия рациональной культуры. С другой стороны, крупная земельная собственность сокращает сельское население до постоянно понижающегося минимума и противопоставляет ему все возрастающее, концентрирующееся в больших городах промышленное население; тем самым создаются условия, которые вызывают непоправимую брешь в процессе общественного и диктуемого естественными законами жизни обмена веществ, вследствие чего сила почвы расточительно растрачивается, а эта расточительная растрата при посредстве торговли распространяется далеко за пределы собственной страны (Либих [224]).

Если мелкая земельная собственность создает класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище ее при-

родная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций — в самой деревне. Крупная промышленность и предпринимательское ведение крупного земледелия действуют рука об руку. Если первоначально они различаются тем, что первая истощает и разрушает больше рабочую силу, а следовательно, естественную силу человека, между тем как второе более непосредственно опустошает и разоряет естественную силу земли, то позже, с ходом развития, они подают друг другу руку: предпринимательская система и в деревне истощает рабочего, а промышленность и торговля, в свою очередь, создают для земледелия средства истощения почвы.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

ДОХОДЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА

I [48)]

Капитал — прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля — земельная рента, труд — заработная плата: вот триединая формула, которая охватывает все тайны общественного процесса производства.

Далее, поскольку процент, как это показано раньше *, выступает как специфический, характерный продукт капитала, а предпринимательский доход в противоположность проценту — как независимая от капитала заработная плата, то указанная триединая формула точнее сводится к следующей:

Капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата; в этой формуле прибыль, форма прибавочной стоимости, специфически характеризующая капиталистический способ производства, благополучно устраняется.

При ближайшем рассмотрении этого экономического триединства мы находим следующее:

Во-первых, мнимые источники богатства, которым можно располагать каждый год, относятся к совершенно различным сферам и не имеют ни малейшего сходства между собой. Они относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлины, свекла и музыка.

Капитал, земля, труд! Но капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический

---

48) Следующие три отрывка находятся в различных местах рукописи отдела VI. — *Ф. Э.*

* См. настоящий том, часть I, глава XXIII. *Ред.*

общественный характер. Капитал — это не просто сумма материальных и произведенных средств производства. Капитал — это превращенные в капитал средства производства, которые сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото или серебро сами по себе — деньгами. Монополизированные определенной частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия приведения в действие самой этой рабочей силы, — вот что в силу этой противоположности персонифицируется в капитале. Не только продукты рабочих, превратившиеся в самостоятельные силы, продукты как поработители и покупатели своих производителей, но также и общественные силы и будущая... {?неразборчиво}* форма этого труда противостоят им как свойства их продукта. Следовательно, мы имеем здесь определенную, на первый взгляд весьма мистическую, общественную форму одного из факторов исторически сложившегося общественного процесса производства.

А теперь рядом с этим земля, неорганическая природа как таковая, «rudis indigestaque moles» [225], то есть во всей ее первозданности. Стоимость — это труд. Поэтому земля не может создать прибавочной стоимости. Абсолютное плодородие почвы не приводит к чему-либо другому, кроме как к тому, что известное количество труда дает известный, обусловливаемый естественным плодородием почвы, продукт. Различие в плодородии почвы приводит к тому, что одни и те же количества труда и капитала, следовательно, одна и та же стоимость, выражаются в различных количествах земледельческих продуктов; следовательно, эти продукты имеют различные индивидуальные стоимости. Выравнивание этих индивидуальных стоимостей в рыночные стоимости приводит к тому, что

«преимущества более плодородных земель по сравнению с менее плодородными... переходят от земледельца или потребителя к земельному собственнику» (D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». [London, 1821, p. 62]).

И, наконец, в качестве «третьего в союзе» [226] фигурирует простой призрак — труд [«die» Arbeit], который есть не что иное, как абстракция, и как таковой вообще не существует или, если мы возьмем... {неразборчиво}** — производительная

---

* Более поздняя расшифровка рукописи в этом месте читается так: «общественные силы их труда и обобществленная форма этого труда» («die gesellschaftlichen Kräfte und zusammenhängende Form dieser Arbeit»). *Ред.*

** Более поздняя расшифровка рукописи в этом месте читается так: «если мы возьмем то, что под этим скрывается» («wenn wir das Gemeinte nehmen»). *Ред.*

деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ и, как выражение жизни и утверждение жизни, общая еще для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение.

II

Капитал — процент; земельная собственность, частная собственность на землю, и именно современная, соответствующая капиталистическому способу производства, — рента; наемный труд — заработная плата. Итак, в этой форме должна заключаться связь между источниками дохода. Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность есть исторически определенные общественные формы, одна — труда, другая — монополизированной земли, и к тому же обе есть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической общественной формации.

Первое, что́ бросается в глаза в этой формуле, заключается в том, что рядом с капиталом, рядом с этой формой одного элемента производства, принадлежащей определенному способу производства, определенной исторической структуре общественного процесса производства, рядом с элементом производства, слившимся с определенной общественной формой и представляемым в ней, непосредственно ставятся: земля — с одной стороны, труд — с другой, два элемента реального процесса труда, которые в этой вещественной форме являются общими для всех способов производства, являются вещественными элементами всякого процесса производства и не имеют никакого отношения к его общественной форме.

Во-вторых. В формуле: «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата» капитал, земля, труд соответственно выступают как источники процента (вместо прибыли), земельной ренты и заработной платы, являющихся их продуктами, плодами; первые — основание, вторые — следствие, первые — причина, вторые — результат; причем каждый отдельный источник относится к своему продукту, как к чему-то выделенному и произведенному им. Все три вида доходов, процент (вместо прибыли), рента, заработная плата, есть три части стоимости продукта, следовательно, вообще части стоимости, или, в денежном выражении, известные денежные части, части цены. Хотя формула: капитал — процент есть

самая бессодержательная формула капитала, но тем не менее это — его формула. Но каким образом земля может создать стоимость, то есть общественно определенное количество труда да еще именно ту особую часть стоимости ее собственных продуктов, которая образует ренту? Земля служит фактором производства известной потребительной стоимости, известного материального продукта, например пшеницы. Но она не имеет никакого отношения к производству *стоимости пшеницы*. Поскольку в пшенице представлена стоимость, пшеница рассматривается лишь как определенное количество овеществленного общественного труда, совершенно независимо от особого вещества, в котором представлен этот труд, или от особой потребительной стоимости этого вещества. Это не противоречит тому, что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли. Производительность земледельческого труда связана с природными условиями, и в зависимости от производительности последних одно и то же количество труда бывает представлено в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей. Как велико количество труда, представленное в одном шеффеле, это зависит от того, какое количество шеффелей доставляется данным количеством труда. От производительности земли здесь зависит, в каких количествах продукта представлена стоимость; но эта стоимость дана независимо от такого распределения. Стоимость представлена в потребительной стоимости; а потребительная стоимость есть условие созидания стоимости; но глупо делать противопоставление там, где на одной стороне стоит потребительная стоимость, земля, а на другой стороне — стоимость, и притом еще особая часть стоимости. 2) {Здесь рукопись обрывается.}

III

Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они prima facie * принимают нелепый характер и полны противоречий, — а если

* — прежде всего. *Ред.*

бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная политическая экономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыта в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными. Поэтому она нисколько не понимает, что триединство, из которого она исходит: земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата или цена труда, есть prima facie три невозможных компонента. Прежде всего перед нами потребительная стоимость, *земля*, которая не имеет стоимости, и меновая стоимость, *рента:* таким образом общественное отношение, взятое как вещь, поставлено в отношение пропорциональности к природе; то есть выходит, что в известное отношение друг к другу ставятся две несоизмеримые величины. Затем *капитал — процент*. Если под капиталом понимается определенная сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то prima facie является бессмыслицей то, что стоимость есть бо́льшая стоимость, чем она стоит. Как раз в формуле «капитал — процент» отпадает всякое опосредствование, и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле. Именно потому вульгарный экономист и предпочитает формулу «капитал — процент», с таинственным свойством стоимости быть неравной себе самой, формуле «капитал — прибыль», что последняя уже ближе подходит к действительному капиталистическому отношению. А потом, сознавая, что 4 не есть 5 и потому 100 талеров не могут быть 110 талерами, вульгарный экономист ищет спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала, в его потребительной стоимости как условии производства, в машинах, сыром материале и т. д. Таким образом, вместо непонятного первого отношения, при котором $4 = 5$, опять выводят совершенно несообразное отношение между потребительной стоимостью, вещью, с одной стороны, и определенным общественным производственным отношением, прибавочной стоимостью, с другой стороны, как и в случае с земельной собственностью. Как только вульгарный экономист доходит до этих несообразностей, ему все становится ясным, он уже не чувствует потребности раздумывать дальше. Ибо он дошел как раз до «рационального» в буржуазном представлении. Наконец, *труд — заработная плата,* цена труда, как показано в «Капитале», кн. I, есть выражение, которое prima facie противоречит понятию стоимости, равно как и понятию цены, которая вообще сама есть лишь определенное выражение

стоимости [227]; «цена труда» столь же иррациональна, как и «желтый логарифм». Но как раз этим-то больше всего и удовлетворяется вульгарный экономист, потому что он тут дошел до глубокого воззрения буржуа, который находит, что он платит деньги за труд, и так как именно противоречие формулы понятию стоимости снимает с него обязанность понять последнюю.

Мы [49)] видели, что капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает в определенных материальных условиях, являющихся, однако, в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны — результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним. Далее мы видели: капитал, — а капиталист есть лишь персонифицированный капитал и функционирует в процессе производства лишь как носитель капитала — итак, капитал выкачивает в соответствующем ему общественном процессе производства из непосредственных производителей, или рабочих, определенное количество прибавочного труда, который он получает без эквивалента и который по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения. Этот прибавочный труд выражается в прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость существует в прибавочном продукте. Прибавочный труд

---

49) Начало главы XLVIII по рукописи. [*Ф. Э.*]

вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется для страхового фонда от разного рода случайностей для обеспечения необходимого, соответствующего развитию потребностей и росту населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением. Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [höhere Neubildung] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д. Он приводит таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, эта ступень создает материальные средства и зародыш для отношений, которые при более высокой форме общества дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что в зависимости от развития производительной силы труда прибавочный труд может быть велик при общей небольшой продолжительности рабочего дня и относительно мал при общей большой продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 6 часам и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 12 часам, а норма прибавочного труда = только $33^1/_3$%. Таким образом, от производительности труда зависит, сколько потребительной стоимости производится в течение определенного времени, а следовательно, также и в течение определенного прибавочного рабочего времени. Следовательно, действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно

лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

Эта прибавочная стоимость или этот прибавочный продукт распределяется в капиталистическом обществе между капиталистами, — если мы оставим в стороне случайные колебания распределения и будем рассматривать его регулирующий закон, его нормирующие границы, — как дивиденд пропорционально той доле, которая принадлежит каждому в общественном капитале. В этом виде прибавочная стоимость выступает как средняя прибыль, достающаяся капиталу, средняя прибыль, которая, в свою очередь, делится на предпринимательский доход и процент и которая в форме этих двух категорий может достаться различного рода капиталистам. Это присвоение и распределение прибавочной стоимости, соответственно прибавочного продукта, капиталом имеет, однако, свою границу в земельной собственности. Как функционирующий капиталист выкачивает из рабочего прибавочный труд, а тем самым в форме прибыли прибавочную стоимость и прибавочный продукт, так земельный собственник, согласно ранее изложенным законам, в свою очередь, выкачивает у капиталиста часть этой прибавочной стоимости или прибавочного продукта в форме ренты.

Итак, когда мы говорим здесь о прибыли как о достающейся капиталу доле прибавочной стоимости, то мы имеем в виду среднюю прибыль (равную предпринимательскому доходу

плюс процент), которая уже ограничена в своем размере вычетом ренты из всей прибыли (по своей массе тождественной со всей прибавочной стоимостью); то есть предполагается вычет ренты. Следовательно, прибыль на капитал (предпринимательский доход плюс процент) и земельная рента есть не что иное, как особые составные части прибавочной стоимости, категории, в которых последняя становится различной в зависимости от того, достается ли она капиталу или земельной собственности, что, однако, ничего не изменяет в ее сущности. Сложенные вместе, прибыль на капитал и земельная рента образуют сумму общественной прибавочной стоимости. Капитал выкачивает прибавочный труд, представленный в прибавочной стоимости и прибавочном продукте, непосредственно из рабочих. Следовательно, в этом смысле он может рассматриваться как производитель прибавочной стоимости. Земельная собственность не имеет никакого отношения к действительному процессу производства. Ее роль ограничивается тем, что она перемещает часть произведенной прибавочной стоимости из кармана капитала в свой собственный. Тем не менее, земельный собственник играет роль в капиталистическом процессе производства не только благодаря тому давлению, которое он оказывает на капитал, и также не просто потому, что крупная земельная собственность является предпосылкой и условием капиталистического производства, так как она является предпосылкой и условием экспроприации условий труда у работников, но особенно потому, что земельный собственник выступает как персонификация одного из существеннейших условий производства.

Наконец, рабочий, как собственник и продавец своей личной рабочей силы, под названием заработной платы получает часть продукта, где представлена часть его труда, которую мы называем необходимым трудом, то есть трудом, необходимым для сохранения и воспроизводства этой рабочей силы, каковы бы ни были условия этого сохранения и воспроизводства: беднее или богаче, благоприятнее или неблагоприятнее.

Какими бы несравнимыми вообще ни казались эти отношения, в них есть одно общее: капитал из года в год приносит капиталисту прибыль, земля земельному собственнику — земельную ренту, и рабочая сила, — при нормальных условиях и пока она применяется, — приносит заработную плату рабочему. Эти три части ежегодно производимой совокупной стоимости и соответствующие им части ежегодно производимого совокупного продукта могут, — накопление мы оставляем здесь пока в стороне, — ежегодно потребляться их соответствующими владельцами без того, чтобы иссяк источник их

воспроизводства. Они выступают как предназначенные для ежегодного потребления плоды многолетнего дерева или, вернее, трех деревьев; они образуют годовой доход трех классов: капиталиста, земельного собственника и рабочего, доходы, которые распределяются функционирующим капиталистом, так как он непосредственно выкачивает прибавочный труд и применяет труд вообще. Таким образом, капиталисту его капитал, земельному собственнику его земля и рабочему его рабочая сила или, скорее, самый его труд (так как он действительно продает рабочую силу только как себя проявляющую и цена рабочей силы, как показано раньше, на базисе капиталистического способа производства необходимо представляется ему ценой труда) представляются тремя различными источниками их специфических доходов: прибыли, земельной ренты и заработной платы. Они и действительно являются таковыми в том смысле, что капитал для капиталиста — постоянно действующий насос для выкачивания прибавочного труда, земля для земельного собственника — постоянно действующий магнит для притяжения части той прибавочной стоимости, которую выкачал капитал, и, наконец, труд — постоянно возобновляющееся условие и постоянно возобновляющееся средство для того, чтобы в форме заработной платы приобретать часть созданной рабочим стоимости, а следовательно, измеряемую этой частью стоимости часть общественного продукта — необходимые жизненные средства. Они являются, далее, таковыми в том смысле, что капитал фиксирует часть стоимости, а потому и продукта годового труда, в форме прибыли, земельная собственность — другую часть в форме ренты и наемный труд — третью часть в форме заработной платы, и как раз благодаря этому превращению эти части делаются доходами капиталиста, земельного собственника и рабочего, не создавая, однако, самой субстанции, превращающейся в эти различные категории. Напротив, распределение предполагает наличие этой субстанции, то есть совокупной стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный труд. Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме. Почему это происходит, мы увидим из дальнейшего хода исследования. Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых, как таковых, происходят три различные составные части ежегодно производимой стоимости, а следовательно, и продукта, в котором она существует, из которых, следовательно,

происходят не только различные формы этой стоимости, достающиеся в виде доходов отдельным факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а тем самым и субстанция этих форм дохода.

{Здесь в рукописи недостает листа in folio *.}

...Дифференциальная рента связана с относительным плодородием земель, следовательно, со свойствами, которые возникают из почвы как таковой. Но поскольку она, во-первых, покоится на различии индивидуальных стоимостей продуктов различных категорий земли, это есть лишь то определение, которое мы только что упомянули; поскольку она, во-вторых, покоится на отличной от этих индивидуальных стоимостей регулирующей общей рыночной стоимости, это будет общественный, осуществляющийся при посредстве конкуренции закон, который не имеет никакого отношения ни к земле, ни к различным степеням ее плодородия.

Может показаться, что по крайней мере в формуле «труд — заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля — земельная рента». Поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата, или цена труда, есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы; и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства. Труд овеществляется и в той составной части стоимости товара, которая в качестве заработной платы образует цену рабочей силы; он создает эту часть точно так же, как другие части продукта; но он овеществляется в этой части не более и не иначе, чем в частях, которые образуют ренту или прибыль. И вообще раз труд нами фиксируется, как созидатель стоимости, мы рассматриваем его не в его конкретной форме, как условие производства, а в его общественной определенности, которая отлична от общественной определенности наемного труда.

Даже выражение «капитал — прибыль» здесь неправильно. Если капитал берется в том единственном отношении, в котором он производит прибавочную стоимость, именно в том его отношении к рабочему, в котором он выжимает прибавочный

---

* — форматом в $^1/_2$ печатного листа. *Ред.*

труд принуждением, оказываемым на рабочую силу, то есть на наемного рабочего, то ведь эта прибавочная стоимость заключает в себе кроме прибыли (предпринимательский доход плюс процент) и ренту, короче, всю неразделенную прибавочную стоимость. Здесь, напротив, капитал как источник дохода ставится в отношение только к той части, которая достается капиталисту. А это не прибавочная стоимость, которую он вообще извлекает, а лишь та ее часть, которую он извлекает для капиталиста. Всякая связь отпадает еще более, если эта формула превращается в такую: «капитал — процент».

Если сначала мы рассматривали различие трех источников, то теперь мы видим, что их продукты, их порождения, доходы, напротив, все принадлежат к одной и той же сфере, к сфере стоимости. Однако это различие выравнивается тем (это отношение между не только несоизмеримыми величинами, но и между совершенно различными, никакого отношения друг к другу не имеющими и не сравнимыми вещами), что капитал, подобно земле и труду, берется в действительности просто в его вещественной субстанции, следовательно, просто как произведенное средство производства, причем абстрагируются от него как от отношения к рабочему и как стоимости.

В-третьих. В этом смысле, следовательно, формула: «капитал — процент (прибыль), земля — рента, труд — заработная плата» представляет одинаковое симметрическое несовпадение своих частей. В действительности, раз наемный труд представляется не как общественно определенная форма труда, но всякий труд по своей природе представляется наемным трудом (так представляет себе дело тот, кто опутан капиталистическими производственными отношениями), то и определенные, специфические общественные формы, которые принимают вещественные условия труда — произведенные средства производства и земля — по отношению к наемному труду (как и, наоборот, со своей стороны они предполагают наемный труд), — прямо совпадают с вещественным бытием этих условий труда, или с тем видом, который они вообще имеют в действительном процессе труда, независимо от каждой его конкретной, исторически определенной общественной формы и даже независимо от *любой* общественной формы. Отчужденная от труда, ставшая самостоятельной по отношению к нему и тем самым превращенной формой условий труда, в которой таким образом произведенные средства производства превращаются в капитал, а земля — в монополизированную землю, земельную собственность, эта принадлежащая определенному историческому периоду форма совпадает поэтому с бытием и функцией произведенных

средств производства и земли в процессе производства вообще. Эти средства производства оказываются капиталом сами по себе, от природы; капитал оказывается просто «экономическим наименованием» этих средств производства; и земля оказывается сама по себе, от природы, землей, монополизированной известным количеством земельных собственников. Как при капитале и капиталисте, — который в действительности есть не что иное, как персонифицированный капитал, — продукты становятся самостоятельной силой по отношению к производителям, так и в лице земельного собственника персонифицируется земля, которая тоже становится на дыбы и как самостоятельная сила требует своей доли в произведенном с ее помощью продукте; так что не земля получает принадлежащую ей часть продукта для восстановления и повышения ее производительности, а вместо нее земельный собственник получает долю этого продукта ее для расточения и мотовства. Ясно, что капитал предполагает труд как наемный труд. Но не менее ясно, что если исходить из труда как наемного труда, так что совпадение труда вообще с наемным трудом кажется само собой разумеющимся, то капитал и монополизированная земля должны также представляться естественной формой условий труда по отношению к труду вообще. Капитал представляется теперь естественной формой средств труда, а потому чисто вещным свойством, возникающим из их функций в процессе труда вообще. Таким образом капитал и произведенное средство производства становятся тождественными выражениями. Точно так же тождественными выражениями становятся земля вообще и земля, монополизированная частной собственностью. Поэтому средства труда как таковые, средства труда, которые являются капиталом от природы, становятся источником прибыли, а земля как таковая — источником ренты.

Труд как таковой в его простой определенности как целесообразная производительная деятельность ставится в отношение к средствам производства не в их общественной определенности формы, а в их вещественной субстанции, к средствам производства как к материалу и средству труда, различающимся между собой тоже лишь вещественно как потребительные стоимости: земля — как непроизведенное средство труда, остальные — как произведенные средства труда. Следовательно, если труд совпадает с наемным трудом, то та определенная общественная форма, в которой условия труда противостоят теперь труду, в свою очередь, совпадает с их вещественным бытием. В таком случае средства труда как таковые суть капитал, и земля как таковая есть земельная собственность. Тогда формальная само-

стоятельность этих условий труда по отношению к труду, та особая форма этой самостоятельности, которой они обладают по отношению к наемному труду, оказывается свойством, неотделимым от них как от вещей, как от материальных условий производства, оказывается характером, необходимо принадлежащим им, имманентно присущим им просто как элементам производства. Их обусловленный определенной исторической эпохой общественный характер в капиталистическом процессе производства оказывается их вещным, естественным и, так сказать, исконно врожденным характером их как элементов процесса производства. В таком случае должно казаться, что соответственное участие, которое земля как первоначальное поле приложения для труда, как царство сил природы, как найденный готовым арсенал всех предметов труда, и другое соответственное участие, которое произведенные средства производства (орудия, сырые материалы и т. д.) принимают в процессе производства вообще, находят себе выражение в соответственных долях, которые достаются им как капиталу и земельной собственности, — то есть их социальным представителям, — в форме прибыли (процента) и ренты, подобно тому, как для рабочего то участие, которое его труд принимает в процессе производства, выражается в заработной плате. Таким образом кажется, будто рента, прибыль, заработная плата порождаются той ролью, которую земля, произведенные средства производства и труд играют в простом процессе труда, даже если бы мы рассматривали этот процесс труда как процесс, происходящий просто между человеком и природой, и абстрагировались от всякой исторической определенности. Это опять то же самое, только в иной форме, когда говорят: продукт, в котором представлен труд наемного рабочего на себя самого, представлена его выручка, его доход, — это только заработная плата, та часть стоимости (а потому и общественного продукта, измеряемого этой стоимостью), которая представляет его заработную плату. Следовательно, если наемный труд совпадает с трудом вообще, то и заработная плата совпадает с продуктом труда, и та часть стоимости, которая представлена заработной платой, совпадает со стоимостью, вообще созданной трудом. Но благодаря этому и другие части стоимости, прибыль и рента, столь же самостоятельно противопоставляются заработной плате и, в свою очередь, должны возникать из собственных источников, специфически отличных и независимых от труда; они должны возникать из соучаствующих элементов производства, владельцам которых они достаются, следовательно, прибыль — из средств производства, вещественных

элементов капитала, а рента из земли или природы, представляемой земельным собственником (Рошер[228]).

Поэтому из источников дохода в том смысле, что капитал притягивает в форме прибыли к капиталисту часть той прибавочной стоимости, которую он извлекает из труда, монополия на землю притягивает к земельному собственнику другую часть в форме ренты, а труд доставляет в форме заработной платы последнюю еще остающуюся часть стоимости рабочему, — из источников, при посредстве которых одна часть стоимости превращается в форму прибыли, другая в форму ренты и третья в форму заработной платы, — земельная собственность, капитал и наемный труд превращаются в действительные источники, из которых возникают сами эти части стоимости и те соответственные части продукта, в которых существуют или на которые могут быть обменены эти части стоимости, в источники, из которых в конечном счете возникает сама стоимость продукта[50)].

Уже при рассмотрении простейших категорий капиталистического способа производства, и даже товарного производства, товара и денег, мы указали на мистифицирующий характер, превращающий общественные отношения, для которых вещественные элементы богатства при производстве служат носителями, в свойства самих этих вещей (товар), и, что еще ярче, превращающий само производственное отношение в вещь (деньги). Все общественные формы, поскольку дело доходит до товарного производства и денежного обращения, принимают участие в этом извращении. Но при капиталистическом способе производства и при капитале, который образует его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение, этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие. Если мы будем рассматривать капитал прежде всего в непосредственном процессе производства — как силу, выкачивающую прибавочный труд, — то это отношение еще очень просто; и действительная связь еще прямо навязывается носителям этого процесса, самим капиталистам, и еще сознается ими. Это убедительно доказывается упорной борьбой из-за границ рабочего дня. Но даже в этой неопосредствованной сфере — сфере непосредственного процесса между трудом и капиталом — дело не является столь

---

50) «Заработная плата, прибыль и рента представляют собой три первичных источника всякого дохода, точно так же как и всякой меновой стоимости» (А. Смит)[229]. «Таким образом причины материального производства представляют собой в то же время источники всех существующих первичных доходов» (*Storch* [«Cours d'Économie Politique etc.». St.-Pétersbourg, 1815], t. I, p. 259).

простым. С развитием относительной прибавочной стоимости при собственно специфически капиталистическом способе производства, развивающем общественные производительные силы труда, эти производительные силы и общественные связи труда в непосредственном процессе труда кажутся перенесенными с труда на капитал. Благодаря этому капитал уже становится весьма таинственным существом, так как все общественные производительные силы труда представляются принадлежащими ему, а не труду как таковому, и возникающими из его собственных недр. А затем вмешивается процесс обращения, в обмен веществ и в изменение форм которого втягиваются все части капитала, даже земледельческого капитала, в той самой мере, как развивается специфический капиталистический способ производства. Это — сфера, в которой отношения первоначального производства стоимости отступают совершенно на задний план. Уже в непосредственном процессе производства капиталист в то же время действует как товаропроизводитель, как руководитель товарного производства. Этот процесс производства поэтому отнюдь не представляется ему просто процессом производства прибавочной стоимости. Но какова бы ни была та прибавочная стоимость, которую капитал в непосредственном процессе производства выкачивает и воплощает в товарах, стоимость и прибавочная стоимость, заключающиеся в товарах, должны реализоваться лишь в процессе обращения. И дело представляется таким образом, будто стоимость, возмещающая стоимости, авансированные на производство, и в особенности прибавочная стоимость, заключающаяся в товарах, не просто реализуются в обращении, но возникают из него; эту иллюзию в особенности укрепляют два обстоятельства: во-первых, прибыль при отчуждении, которая зависит от обмана, хитрости, знания дела, ловкости и тысячи рыночных конъюнктур; затем то обстоятельство, что здесь наряду с рабочим временем выступает второй определяющий элемент, время обращения. Хотя оно функционирует только как отрицательная граница образования стоимости и прибавочной стоимости, но получается такая внешняя видимость, будто оно — столь же положительная причина их образования, как сам труд, и будто оно привносит определение, происходящее из природы капитала, независимое от труда. В «Капитале», кн. II, нам, естественно, пришлось изображать эту сферу обращения лишь в ее отношении к определенным формам, которые она порождает, указывать на дальнейшее развитие форм капитала, которое совершается в этой сфере. Но в действительности эта сфера есть сфера конкуренции, в которой, если рассматривать

каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства. Но, далее: действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые формы, в которых все более теряется нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают самостоятельное существование по отношению друг к другу, а составные части стоимости закостеневают в самостоятельные одна по отношению к другой формы.

Как мы видели, превращение прибавочной стоимости в прибыль определяется как процессом обращения, так и процессом производства. Прибавочная стоимость в форме прибыли относится уже не к затраченной на труд части капитала, из которой она происходит, а ко всему капиталу. Норма прибыли регулируется собственными законами, которые допускают и даже обусловливают ее изменение, при неизменной норме прибавочной стоимости. Это все больше и больше скрывает истинную природу прибавочной стоимости, а потому и действительный механизм капитала. В еще большей мере совершается это вследствие превращения прибыли в среднюю прибыль и стоимостей в цены производства, в регулирующие средние рыночных цен. Здесь вторгается сложный общественный процесс — процесс выравнивания капиталов, который отрывает относительные средние цены товаров от их стоимостей, и средние прибыли в различных сферах производства (совершенно не говоря уже об индивидуальных затратах капитала в каждой особой сфере производства) от действительной эксплуатации труда отдельными капиталами. Здесь не только так кажется, но и действительно средняя цена товаров отлична от их стоимости, следовательно, от реализованного в них труда, и средняя прибыль отдельного капитала отлична от прибавочной стоимости, которую этот капитал извлек из занятых им рабочих. Стоимость товаров проявляется непосредственно лишь в том влиянии, которое изменения производительной силы труда оказывают на понижение и повышение цен производства, на их движение, а не на их конечные пределы. Кажется, что прибыль определяется непосредственной эксплуатацией труда лишь побочно, постольку именно, поскольку последняя позволяет капиталисту при наличии регулирующих рыночных цен, кажущихся независимыми от этой эксплуатации, реализовывать

прибыль, отклоняющуюся от средней прибыли. Что же касается нормальных средних прибылей, они кажутся имманентными капиталу, независимыми от эксплуатации; кажется, что ненормальная эксплуатация, а также средняя эксплуатация при исключительно благоприятных условиях обусловливают лишь отклонения от средней прибыли, а не самую среднюю прибыль. Деление прибыли на предпринимательский доход и процент (не говоря уже о вмешательстве торговой и денежно-торговой прибыли, которые основаны на обращении и кажутся возникающими целиком из обращения, а не из процесса самого производства) завершает обособление формы прибавочной стоимости, закостенение ее формы по отношению к ее субстанции, ее сущности. Одна часть прибыли, в противоположность другой, совершенно отрывается от капиталистического отношения как такового и представляется возникающей не из функции эксплуатации наемного труда, а из наемного труда самого капиталиста. В противоположность этому, процент представляется возникающим независимо от наемного труда рабочего и от собственного труда капиталиста, а из капитала как своего собственного независимого источника. Если первоначально, на поверхности обращения, капитал казался капиталом-фетишем, стоимостью, порождающей стоимость, то теперь, в виде капитала, приносящего проценты, он представляется в наиболее отчужденной и наиболее своеобразной форме. А потому формула: «капитал — процент», как третье звено в формулах «земля — рента» и «труд — заработная плата», гораздо последовательнее, чем формула «капитал — прибыль», потому что в прибыли все еще сохраняется воспоминание о ее происхождении, которое в проценте не только исчезло, но фиксировано в форме, противоположной этому происхождению.

Наконец, наряду с капиталом как самостоятельным источником прибавочной стоимости выступает земельная собственность, как предел средней прибыли и как фактор, передающий часть прибавочной стоимости такому классу, который сам не работает, не эксплуатирует рабочих непосредственно и не может предаваться, по примеру капитала, приносящего проценты, морально назидательным соображениям, например, о риске и жертвах при ссуде капитала. Так как здесь часть прибавочной стоимости кажется связанной непосредственно не с общественными отношениями, а с элементом природы, землей, то форма обособления и закостенения различных частей прибавочной стоимости одна по отношению к другой завершается, внутренняя связь окончательно разрывается, и ее источники совершенно маскируются именно взаимным обособлением отношений

производства, которые связываются с различными вещественными элементами процесса производства.

В формуле: «капитал — прибыль» или, еще лучше, «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства вообще с его источниками, оказывается завершенной мистификация капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношений производства с их исторически-общественной определенностью: получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир, в котором monsieur le Capital * и madame la Terre ** как социальные характеры в то же время непосредственно, как просто вещи, справляют свой шабаш. Великая заслуга классической политической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и закостенение различных общественных элементов богатства по отношению друг к другу, эту персонификацию вещей и овеществление производственных отношений, эту религию повседневной жизни, — тем, что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над средней прибылью, так что обе сливаются воедино в прибавочной стоимости; тем, что она представила процесс обращения как простой метаморфоз форм и, наконец, свела в непосредственном процессе производства стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду. Однако даже лучшие из ее представителей, — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения, — в большей или меньшей мере остаются захваченными тем миром видимости, который они критически разрушили, и потому в большей или меньшей мере впадают в непоследовательность, половинчатость и неразрешимые противоречия. Столь же естественно, с другой стороны, что действительные агенты производства чувствуют себя совершенно как дома среди этих отчужденных и иррациональных форм: капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата, ибо они движутся в этих формах внешней видимости и постоянно имеют дело с ними. Не менее естественно поэтому, что вульгарная политическая экономия, которая представляет не что иное, как дидактическое, более или менее доктринерское истолкование обыденных представлений действительных агентов производства, и которая лишь вносит известный рациональный порядок в эти представления, что она именно в этом триединстве, в котором

* — господин капитал. *Ред.*
** — госпожа земля. *Ред.*

стерта всякая внутренняя связь, находит естественный, стоящий выше всяких сомнений базис для своего пустого самодовольства. В то же время эта формула соответствует интересам господствующих классов, так как она прокламирует и возводит в догму естественную необходимость и вечное оправдание источников их дохода.

Описывая, как производственные отношения овеществляются и приобретают самостоятельность по отношению к агентам производства, мы не останавливаемся на том, каким образом эти взаимосвязи, благодаря мировому рынку, его конъюнктуре, движению рыночных цен, кредиту, циклам промышленности и торговли, смене фаз процветания и кризиса, представляются агентам производства как непреодолимые, стихийно господствующие над ними законы природы и проявляются по отношению к ним как слепая необходимость. Не останавливаемся потому, что действительное движение конкуренции лежит вне нашего плана и потому, что мы имеем целью представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе.

В прежних общественных формах эта экономическая мистификация выступает преимущественно по отношению к деньгам и приносящему проценты капиталу. По самой природе дела, она исключена, во-первых, там, где преобладает производство ради потребительной стоимости, для непосредственного собственного потребления; во-вторых, там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образуют широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и порабощения, которые выступают и видимы как непосредственные движущие пружины производственного процесса. В первобытных общинах, в которых господствует первобытный коммунизм, и даже в античных городских общинах сама община с ее условиями выступает как базис производства, а воспроизводство общины — как конечная цель производства. Даже в средневековых цехах ни капитал, ни труд не являются несвязанными, напротив, их отношения определяются корпоративным строем, отношениями, которые с этим строем связаны, и представлениями о профессиональном долге, уровне мастерства и т. д., которые соответствуют этим отношениям. Только при капиталистическом способе производства... *

* Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

К АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА

В исследовании, которое нам теперь предстоит, можно отвлечься от различия между ценой производства и стоимостью, так как различие это вообще отпадает, если, как в данном случае, рассматривать стоимость совокупного годового продукта труда, то есть продукта совокупного общественного капитала.

Прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента есть не что иное, как своеобразные формы, которые принимают отдельные части прибавочной стоимости товаров. Величина прибавочной стоимости является пределом общей величины частей, на которые она может распадаться. Средняя прибыль плюс рента равняется поэтому прибавочной стоимости. Возможно, что часть заключающегося в товарах прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, не входит прямо в выравнивание средней прибыли, так что часть товарной стоимости вообще не получает выражения в цене соответствующего товара. Но, во-первых, это компенсируется либо тем, что норма прибыли возрастает, если товар, проданный ниже его стоимости, образует элемент постоянного капитала, либо тем, что прибыль и рента представлены в большем продукте, если товар, проданный ниже его стоимости, входит в качестве предмета личного потребления в ту часть стоимости, которая потребляется как доход. А, во-вторых, эти отклонения цены от стоимости в среднем взаимно уничтожаются. Во всяком случае, если даже часть прибавочной стоимости, не получившая выражения в цене товара, оказывается потерянной для ценообразования, сумма средней прибыли плюс рента в своей нормальной форме никогда не может быть больше всей прибавочной стоимости, хотя и может быть меньше последней. Ее нормальная форма предполагает заработную плату, соответствующую стоимости рабочей силы. Даже монопольная рента, поскольку она не является вычетом из заработной платы, следовательно, не образует

особой категории, косвенно всегда неизбежно образует часть прибавочной стоимости; если она и не образует избытка цены над ценой производства того самого товара, составной частью которого является (как при дифференциальной ренте), или если она и не образует избыточной прибавочной стоимости того самого товара, составной частью которого она служит, над частью его собственной прибавочной стоимости, измеряемой средней прибылью (как при абсолютной ренте), то все же она образует часть прибавочной стоимости других товаров, то есть товаров, обмениваемых на этот товар, имеющий монопольную цену. — Сумма средней прибыли плюс земельная рента никогда не может превышать величины, частями которой являются эти прибыль и рента и которая уже дана до этого разделения. Поэтому для нашего исследования безразлично, реализуется ли в цене товаров вся прибавочная стоимость товаров, то есть весь заключающийся в товарах прибавочный труд, или нет. Прибавочный труд уже потому не реализуется целиком, что при постоянном изменении количества труда, общественно необходимого для производства данного товара, — изменении, вытекающем из постоянного изменения производительной силы труда, — часть товаров всегда производится при ненормальных условиях, а потому их приходится продавать ниже их индивидуальной стоимости. Во всяком случае, прибыль плюс рента равны всей реализованной прибавочной стоимости (прибавочному труду), и для исследования, о котором здесь идет речь, реализованную прибавочную стоимость можно считать равной всей прибавочной стоимости, ибо прибыль и рента суть реализованная прибавочная стоимость, следовательно, та прибавочная стоимость, которая вообще входит в цену товаров, следовательно, практически вся та прибавочная стоимость, которая образует составную часть этой цены.

С другой стороны, заработная плата, образующая третью своеобразную форму дохода, всегда равна переменной составной части капитала, то есть той составной части, которая затрачивается не на средства труда, а на покупку живой рабочей силы, на оплату рабочих. (Труд, оплачивающийся при расходовании дохода, оплачивается из средств на заработную плату, из прибыли или ренты и потому не составляет части стоимости тех товаров, которыми он оплачивается. Следовательно, он не принимается во внимание при анализе стоимости товаров и составных частей, на которые она распадается.) Стоимость переменного капитала, а следовательно, и цена труда воспроизводится в части овеществленного рабочего дня рабочих, в той части товарной стоимости, в которой рабочий воспроизводит стоимость своей

собственной рабочей силы, или цену своего труда. Весь рабочий день рабочего распадается на две части. Одна часть та, в течение которой он выполняет количество труда, необходимое для воспроизводства стоимости его собственных жизненных средств: оплаченная часть всего его труда, то есть та часть, которая необходима для его собственного сохранения и воспроизводства. Остальная часть рабочего дня, все избыточное количество труда, которое он совершает сверх труда, реализованного в стоимости его заработной платы, есть прибавочный труд, неоплаченный труд, выраженный в прибавочной стоимости всей его товарной продукции (и потому в избыточном количестве товара), в прибавочной стоимости, которая, в свою очередь, распадается на части с различными наименованиями — на прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и ренту.

Итак, часть совокупной стоимости товаров, в которой реализуется весь труд рабочих, присоединяемый в течение одного дня или одного года, стоимость совокупного годового продукта, которую создает этот труд, распадается на стоимость заработной платы, прибыли и ренты. Ибо весь этот труд распадается на необходимый труд, посредством которого рабочий создает ту часть стоимости продукта, которой он сам оплачивается, то есть заработную плату, и на неоплаченный прибавочный труд, посредством которого он создает ту часть стоимости продукта, которая представляет прибавочную стоимость и впоследствии распадается на прибыль и ренту. Кроме этого труда, рабочий не совершает никакого иного труда, и кроме стоимости продукта, которая принимает формы заработной платы, прибыли, ренты, он не создает никакой стоимости. Стоимость годового продукта, в которой выражается труд, вновь присоединенный им в течение года, равняется заработной плате, или стоимости переменного капитала, плюс прибавочная стоимость, которая, в свою очередь, распадается на формы прибыли и ренты.

Итак, часть совокупной стоимости годового продукта, создаваемая рабочим в течение года, выражается в годовой сумме стоимости трех доходов: стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Очевидно поэтому, что в создаваемой за год стоимости продукта стоимость постоянной части капитала не воспроизводится, так как заработная плата равна лишь стоимости переменной части капитала, авансированной на производство, а рента и прибыль равны лишь прибавочной стоимости, произведенному избытку стоимости над всей стоимостью авансированного капитала, которая равна стоимости постоянного капитала плюс стоимость переменного капитала.

По отношению к тому затруднению, которое предстоит разрешить здесь, совершенно безразлично то обстоятельство, что часть прибавочной стоимости, превращенной в форму прибыли и ренты, не потребляется в качестве дохода, а служит для накопления. Та ее часть, которая сберегается как фонд накопления, служит для образования нового, дополнительного капитала, но не для возмещения старого капитала, — ни той составной части его, которая была израсходована на рабочую силу, ни составной части, которая была израсходована на средства труда. Следовательно, ради упрощения здесь можно принять, что доходы целиком пошли на личное потребление. Это затруднение двоякого рода. С одной стороны, стоимость годового продукта, в виде которого потребляются эти доходы, — заработная плата, прибыль, рента — содержит в себе известную часть стоимости, равную стоимости вошедшей в него постоянной части капитала. Она содержит в себе эту часть стоимости, помимо той части стоимости, которая сводится к заработной плате, и той части, которая разлагается на прибыль и ренту. Следовательно, стоимость годового продукта = заработной плате + прибыль + рента + C, причем C представляет постоянную часть его стоимости. Каким же образом произведенная за год стоимость, равная лишь заработной плате + прибыль + рента, может купить продукт, стоимость которого = (заработной плате + прибыль + рента) + C? Каким образом произведенная за год стоимость может купить продукт, обладающий большей стоимостью, чем она сама?

С другой стороны, если мы оставим в стороне ту часть постоянного капитала, которая не вошла в продукт и которая поэтому, хотя и с уменьшившейся стоимостью, продолжает существовать и после годового периода производства товаров, если мы, таким образом, на время абстрагируемся от примененного, но не потребленного основного капитала, то окажется, что постоянная часть авансированного капитала в форме сырых и вспомогательных материалов целиком вошла в новый продукт, тогда как одна часть средств труда потреблена целиком, а другая — лишь частично, то есть в производстве была потреблена только часть стоимости последних. Вся эта потребленная в производстве часть постоянного капитала должна быть возмещена in natura *. Предполагая, что все прочие условия, особенно производительная сила труда, не изменились, для ее возмещения потребуется то же самое количество труда, как и прежде, то есть она должна быть возмещена

---

* — в натуральной форме. *Ред.*

равновеликой стоимостью. В противном случае самое воспроизводство не может совершаться в прежнем масштабе. Но кто должен производить эти работы и кто их производит?

Что касается первого затруднения — кто должен оплатить заключающуюся в продукте постоянную часть стоимости и чем — то предполагается, что стоимость постоянного капитала, потребленного в производстве, снова появляется как часть стоимости продукта. Это не противоречит предпосылкам второго затруднения, так как уже в «Капитале», кн. I, гл. V «Процесс труда и процесс увеличения стоимости» было показано, каким образом посредством простого присоединения нового труда, хотя и не воспроизводящего старой стоимости, а создающего лишь добавление к ней, создающего лишь добавочную стоимость, одновременно сохраняется в продукте и старая стоимость; но в то же время было показано, что это достигается не постольку, поскольку труд производит стоимость, то есть является трудом вообще, а поскольку он функционирует в качестве определенного производительного труда. Таким образом, не требуется дополнительного труда для того, чтобы сохранить стоимость постоянной части в том продукте, на который расходуется доход, то есть вся созданная в течение года стоимость. Но, конечно, требуется новый дополнительный труд для того, чтобы возместить постоянный капитал, стоимость и потребительная стоимость которого были потреблены в истекшем году; без такого возмещения воспроизводство вообще невозможно.

Весь вновь присоединенный труд представлен во вновь созданной в течение года стоимости, которая, в свою очередь, целиком превращается в три вида дохода: заработную плату, прибыль и ренту. Стало быть, с одной стороны, не остается избыточного общественного труда для возмещения потребленного постоянного капитала, подлежащего восстановлению частью in natura и по стоимости, частью только по стоимости (поскольку речь идет просто об износе основного капитала). С другой стороны, стоимость, созданная годичным трудом и распадающаяся на заработную плату, прибыль и ренту, и в этих формах подлежащая расходованию, кажется недостаточной для того, чтобы оплатить или купить постоянную часть капитала, которая должна находиться в продукте сверх вновь созданной стоимости.

Мы видим, что поставленная здесь проблема уже решена при исследовании воспроизводства всего общественного капитала («Капитал», кн. II, отдел III). Здесь мы возвращаемся к этому предмету прежде всего потому, что там прибавочная

стоимость еще не была раскрыта в ее формах дохода: прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента, — а потому и не могла быть рассмотрена в этих формах; затем также и по той причине, что как раз с анализом формы заработной платы, прибыли и ренты связана невероятная ошибка всей политической экономии, начиная с А. Смита.

Мы разделили там весь капитал на два больших подразделения: подразделение I, которое производит средства производства, и подразделение II, которое производит предметы индивидуального потребления. То обстоятельство, что некоторые продукты могут точно так же служить для индивидуального потребления, как и в качестве средств производства (лошадь, зерно и т. д.), отнюдь не опровергает абсолютной правильности этого разделения. Оно в самом деле не гипотеза, а лишь выражение факта. Возьмем годовой продукт какой-либо страны. Часть этого продукта, какова бы ни была ее способность служить в качестве средств производства, входит в индивидуальное потребление. Это — продукт, на который расходуется заработная плата, прибыль и рента. Продукт этот является продуктом определенного подразделения общественного капитала. Возможно, что этот же самый капитал производит и продукты, принадлежащие к подразделению I. Поскольку это так, то производительно потребляемые продукты подразделения I доставляются не той частью этого капитала, которая потреблена на продукт подразделения II, на такой продукт, который действительно достается на долю индивидуального потребления. Весь продукт подразделения II, который входит в индивидуальное потребление и на который поэтому тратится доход, представляет бытие потребленного на него капитала плюс произведенный избыток. Таким образом, это — продукт капитала, вложенного только в производство предметов потребления. И таким же образом подразделение I годового продукта, которое служит в качестве средства воспроизводства — сырого материала и орудий труда — какова бы ни была вообще способность этого продукта naturaliter * служить в качестве предмета потребления, является продуктом капитала, вложенного исключительно в производство средств производства. Несравненно бо́льшая часть продуктов, образующих постоянный капитал, находится и вещественно в такой форме, в которой они не могут войти в индивидуальное потребление. Поскольку же часть продуктов могла бы войти в индивидуальное потребление, поскольку, например, крестьянин мог бы съесть

* — натурально. *Ред.*

свое семенное зерно или забить для своего индивидуального потребления свой рабочий скот, то уже в силу самой экономической необходимости крестьянин вынужден обращаться с этой частью продуктов так, как если бы она существовала в форме, не пригодной для потребления.

Как уже сказано, при рассмотрении обоих подразделений мы абстрагируемся от основной части постоянного капитала, которая продолжает существовать in natura и по своей стоимости, независимо от годового продукта обоих подразделений.

В подразделении II, на продукты которого расходуются заработная плата, прибыль и рента, короче говоря, тратятся доходы, продукт по своей стоимости, в свою очередь, состоит из трех составных частей. Одна составная часть равна стоимости потребленной в производстве постоянной части капитала; другая составная часть равна стоимости той авансированной на производство переменной части капитала, которая затрачена на заработную плату; наконец, третья составная часть равна произведенной прибавочной стоимости, то есть = прибыли + рента. Первая составная часть продукта подразделения II, стоимость постоянной части капитала, не может быть потреблена ни капиталистами, ни рабочими подразделения II, ни земельными собственниками. Она не образует какой бы то ни было части их дохода, но должна быть возмещена in natura, а чтобы это могло произойти, она должна быть продана. Напротив, остальные две составные части этого продукта равны стоимости произведенных в этом подразделении доходов = заработной плате + прибыль + рента.

В подразделении I продукт состоит по форме из таких же составных частей. Но та часть, которая образует здесь доход, — заработная плата + прибыль + рента, короче, переменная часть капитала + прибавочная стоимость, — потребляется здесь не в натуральной форме продуктов этого подразделения I, а в форме продуктов подразделения II. Следовательно, стоимость доходов подразделения I должна быть потреблена в виде той части продукта подразделения II, которая образует подлежащий возмещению постоянный капитал этого подразделения. Часть продукта подразделения II, которая должна возместить постоянный капитал этого подразделения, потребляется в ее натуральной форме рабочими, капиталистами и земельными собственниками подразделения I. Они расходуют свои доходы на этот продукт подразделения II. С другой стороны, продукт подразделения I, поскольку он представляет доход подразделения I, производительно потребляется подразделением II, постоянный капитал которого он возмещает in natura. Наконец,

потребленная постоянная часть капитала подразделения I возмещается собственными продуктами этого подразделения, которые состоят как раз из средств труда, сырых и вспомогательных материалов и т. д., возмещается частью посредством обмена капиталистов подразделения I между собой, частью же тем, что некоторые из этих капиталистов могут непосредственно применить свой собственный продукт снова как средства производства.

Возьмем прежнюю схему («Капитал», кн. II, гл. XX, II) простого воспроизводства [230]:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I.}\ \ 4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 6\,000 \\ \text{II.}\ \ 2\,000_c + \ \ 500_v + \ \ 500_m = 3\,000 \end{array}\right\} = 9\,000$$

Согласно этому, в подразделении II производителями и земельными собственниками потребляется как доход $500_v + 500_m = 1\,000$; остается возместить $2\,000_c$. Эти $2\,000_c$ потребляются рабочими, капиталистами и получателями ренты подразделения I, доход которых $= 1\,000_v + 1\,000_m = 2\,000$. Продукт подразделения II потребляется как доход подразделением I, а доход подразделения I, представленный в продукте, который нельзя потребить [индивидуально], потребляется в качестве постоянного капитала подразделением II. Следовательно, остается дать отчет относительно $4\,000_c$ подразделения I. Они возмещаются из собственного продукта подразделения I = 6 000 или, вернее, = 6 000—2 000, так как эти 2 000 уже превращены в постоянный капитал для подразделения II. Следует заметить, что цифры, конечно, взяты произвольно, а потому и отношение между стоимостью дохода подразделения I и стоимостью постоянного капитала подразделения II кажется произвольным. Однако же очевидно, что если процесс воспроизводства совершается нормально и при неизменяющихся прочих условиях, следовательно, оставляя в стороне накопление, то сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты подразделения I должна равняться стоимости постоянной части капитала подразделения II. В противном случае либо подразделение II не сможет возместить свой постоянный капитал, либо у подразделения I не будет возможности превратить свой доход из непотребляемой в потребляемую форму.

Итак, стоимость годового товарного продукта, совершенно так же как и стоимость товарного продукта отдельной затраты капитала и стоимость каждого отдельного товара, распадается на две составные части: на *A* — часть, возмещающую стоимость авансированного постоянного капитала, и на *B*, часть, которая

в форме дохода выступает как заработная плата, прибыль и рента. Последняя составная часть стоимости, *B*, постольку представляет противоположность первой, *A*, поскольку *A*, при прочих равных условиях, 1) никогда не принимает формы дохода, 2) постоянно притекает обратно в форме капитала, а именно постоянного капитала. Однако и *B*, в свою очередь, в себе самой содержит противоположность. Прибыль и рента имеют то общее с заработной платой, что все три являются формами дохода. Несмотря на это, они существенно отличаются тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная стоимость, то есть неоплаченный труд, а в заработной плате — оплаченный труд. Часть стоимости продукта, которая представляет затраченную заработную плату, то есть возмещает заработную плату, и которая при нашем предположении, что воспроизводство совершается в том же масштабе и при тех же условиях, снова превращается в заработную плату, — эта часть притекает обратно прежде всего как переменный капитал, как составная часть капитала, который должен быть снова авансирован на воспроизводство. Эта составная часть функционирует двояким образом. Она существует сначала в форме капитала и обменивается как таковой на рабочую силу. В руках рабочего она превращается в доход, который он извлекает путем продажи своей рабочей силы, как доход обменивается на жизненные средства и потребляется. Этот двойной процесс проявляется при посредстве денежного обращения. Переменный капитал авансируется деньгами, выплачивается в виде заработной платы. Это — его первая функция как капитала. Он обменивается на рабочую силу и превращается в проявление этой рабочей силы, в труд. Таков процесс для капиталиста. Но, во-вторых, на эти деньги рабочие покупают часть своего товарного продукта, измеряемую этими деньгами, и потребляют ее как доход. Если мы мысленно отвлечемся от денежного обращения, то часть продукта рабочего находится в руках капиталиста в форме наличного капитала. Эту часть он авансирует как капитал, дает ее рабочему за новую рабочую силу, тогда как рабочий потребляет ее как доход непосредственно или посредством обмена ее на другие товары. Таким образом, часть стоимости продукта, предназначенная процессом воспроизводства для того, чтобы превратиться в заработную плату, в доход для рабочих, прежде всего притекает обратно в руки капиталиста в форме капитала, точнее, переменного капитала. То обстоятельство, что она притекает обратно в этой форме, является существенным условием постоянно возобновляющегося воспроизводства труда как наемного труда, средств произ-

водства как капитала и самого процесса производства как капиталистического процесса производства.

Чтобы не запутывать дела, создавая бесполезные затруднения, необходимо отличать валовую выручку и чистую выручку от валового дохода и чистого дохода.

Валовая выручка, или валовой продукт, есть весь воспроизведенный продукт. Оставляя в стороне примененную, но непотребленную часть основного капитала, стоимость валовой выручки, или валового продукта, равняется стоимости авансированного и потребленного в производстве капитала, постоянного и переменного, плюс прибавочная стоимость, которая распадается на прибыль и ренту. Или, если рассматривать продукт не отдельного капитала, а совокупного общественного капитала, валовая выручка равняется вещественным элементам, образующим постоянный и переменный капиталы, плюс вещественные элементы прибавочного продукта, в которых представлены прибыль и рента.

Валовой доход есть та часть стоимости и измеряемая ею часть валового продукта [Bruttoprodukts oder Rohprodukts], которая остается за вычетом части стоимости и измеряемой ею части всего произведенного продукта, возмещающей вложенный на производство и потребленный в нем постоянный капитал. Валовой доход равен, следовательно, заработной плате (или той части продукта, которая предназначена превратиться снова в доход рабочего) + прибыль + рента. Чистый же доход есть прибавочная стоимость, следовательно — прибавочный продукт, остающийся за вычетом заработной платы и представляющий собой реализованную капиталом и подлежащую разделу с земельным собственником прибавочную стоимость и измеряемый ею прибавочный продукт.

Мы видели, что стоимость каждого отдельного товара и стоимость всего товарного продукта каждого отдельного капитала распадается на две части: одну, которая просто возмещает постоянный капитал, и другую, которая, — хотя некоторая доля ее и притекает обратно как переменный капитал, стало быть, притекает обратно тоже в *форме* капитала, — тем не менее предназначена к тому, чтобы целиком превратиться в валовой доход и принять форму заработной платы, прибыли и ренты, сумма которых составляет валовой доход. Мы видели далее, что то же самое наблюдается и по отношению к стоимости совокупного годового общественного продукта. Различие между продуктом отдельного капиталиста и общественным продуктом заключается лишь в следующем: с точки зрения отдельного капиталиста чистый доход отличается от валового дохода, ибо

последний заключает в себе заработную плату, первый же исключает ее. Если же рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, то есть из валового дохода. Впрочем, и это является лишь абстракцией, так как все общество, при капиталистическом производстве, становится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом только доход, распадающийся на прибыль и ренту.

Напротив, фантазия, как, например, у г-на Сэя, будто вся выручка, весь валовой продукт сводится для нации к чистой выручке или не отличается от нее, следовательно, будто различие это, с национальной точки зрения, перестает существовать, — эта фантазия есть лишь необходимое и крайнее выражение абсурдной догмы, проходящей через всю политическую экономию со времен А. Смита, будто вся стоимость товаров в конечном счете распадается на доходы: заработную плату, прибыль и ренту [51].

Разумеется, легко понять, когда речь идет о каждом отдельном капиталисте, что часть его продукта должна снова превратиться в капитал (даже оставляя в стороне расширенное воспроизводство или накопление), и притом не только в переменный капитал, назначение которого, в свою очередь, опять превратиться в доход для рабочего, то есть в форму дохода, но и в постоянный капитал, который никогда не может превратиться в доход. Простейшее наблюдение процесса производства делает это очевидным. Затруднение начинается лишь тогда, когда процесс производства рассматривается в общем и целом. Стоимость всей части продукта, потребляемой как доход в форме заработной платы, прибыли и ренты (причем совершенно безразлично, будет ли то индивидуальное или производительное потребление), действительно целиком, как показывает анализ, покрывается суммой стоимости, составленной из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, то есть всей стоимостью трех

[51] Рикардо делает следующее весьма удачное замечание относительно пустоголового Сэя: «Вот что говорит г-н Сэй о чистом и валовом продукте: «Вся произведенная стоимость составляет валовой продукт; та же стоимость за вычетом из нее издержек производства составляет чистый продукт» (т. II, стр. 491) [231]. Таким образом, чистый продукт не может существовать, так как, согласно г-ну Сэю, издержки производства состоят из ренты, заработной платы и прибыли. На стр. 508 он говорит: «Стоимость продукта, стоимость производительных услуг, стоимость издержек производства — все это сходные стоимости, если дело предоставлено естественному ходу вещей». Отнимите от целого целое, и у вас ничего не останется» (*Ricardo*. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, ch. XXXII, p. 512, note). Впрочем, как мы увидим далее, и Рикардо нигде не опроверг ошибочного анализа цены товаров у Смита, именно разложения этой цены на сумму стоимостей доходов. Рикардо не задумывается над ошибочностью этого анализа и в своем анализе принимает его за верный постольку, поскольку он «абстрагируется» от постоянной части стоимости товаров. Время от времени он возвращается к тому же способу представления.

доходов, хотя стоимость этой части продукта совершенно так же, как и той, которая не входит в доход, содержит часть стоимости = *C*, равную стоимости заключающегося в этих частях постоянного капитала, следовательно, prima facie * не может исчерпываться стоимостью дохода. Это обстоятельство, которое является, с одной стороны, практически бесспорным фактом, с другой стороны, столь же бесспорным теоретическим противоречием, представляет трудность, которую легче всего обойти, утверждая, что товарная стоимость лишь по видимости, с точки зрения отдельного капиталиста, заключает в себе какую-то другую часть стоимости, отличную от существующей в форме дохода. Фраза: «доход для одного становится капиталом для другого» избавляет от необходимости какого бы то ни было дальнейшего размышления. Если стоимость всего продукта может быть потреблена в виде доходов, то каким же образом становится возможным при этом возмещение старого капитала; и каким образом стоимость продукта каждого индивидуального капитала может быть равна сумме стоимости трех доходов плюс *C*, постоянный капитал, а вся сумма стоимости продуктов всех капиталов равна сумме стоимости трех доходов плюс 0, — все это, конечно, представляется при этом неразрешимой загадкой и потому все это можно объяснить тем, что такой анализ вообще не способен постигнуть простые элементы цены; более того, он вращается в порочном кругу и довольствуется тем, что отодвигает решение задачи до бесконечности. Таким образом, то, что представляется в виде постоянного капитала, может быть разложено на заработную плату, прибыль, ренту, а товарные стоимости, в которых представлены заработная плата, прибыль, рента, в свою очередь, определяются заработной платой, прибылью, рентой, и так далее до бесконечности [52]).

---

* — явно. *Ред.*

52) «Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете сводится к какой-либо одной из частей или же ко всем им трем вместе» (то есть заработной плате, прибыли, ренте) «...Пожалуй, к этим трем частям можно было бы прибавить некоторую четвертую часть, необходимую для возмещения капитала арендатора, то есть для возмещения износа его рабочего скота и других орудий земледелия. Но надо принять во внимание, что цена всякого орудия в этом хозяйстве, например рабочей лошади, сама состоит из тех же трех частей: ренты с земли, на которой лошадь была вскормлена, труда, затраченного на уход за ней и содержание ее, и прибыли арендатора, авансировавшего как эту ренту, так и заработную плату за этот труд. Поэтому, хотя цена хлеба и должна оплачивать цену и содержание лошади, тем не менее *полная* цена его разлагается, непосредственно или в конечном счете, на те же самые три части: ренту, труд» (следует сказать: заработную плату) «и прибыль» (*A. Smith.* [«An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776, p. 60—61]). Мы покажем впоследствии, что А. Смит сам чувствует всю противоречивость и недостаточность этой увертки, ибо это только увертка, когда он отсылает нас от Понтия к Пилату, нигде не показывая нам той действительной затраты капитала, при которой цена продукта в конечном счете без остатка распадается на эти три части.

В корне ложная догма, будто стоимость товаров в конечном счете может быть разложена на заработную плату + прибыль + рента, получает еще и такое выражение, будто потребитель в конечном счете должен оплатить всю стоимость совокупного продукта; или еще — будто денежное обращение между производителями и потребителями в конечном счете должно равняться денежному обращению между самими производителями (Тук [232]); положения, которые столь же неверны, как и то основное положение, на которое они опираются.

Затруднения, которые приводят к этому ошибочному и prima facie абсурдному анализу, в кратких чертах таковы:

1) Непонимание основного отношения между постоянным и переменным капиталом, а потому и природы прибавочной стоимости, а вместе с тем и всего базиса капиталистического способа производства. Стоимость каждого отдельного продукта капитала, каждого единичного товара заключает в себе часть стоимости = постоянному капиталу, часть стоимости = переменному капиталу (превращенному в заработную плату для рабочих) и часть стоимости = прибавочной стоимости (позднее делящуюся на прибыль и ренту). Каким же образом возможно, чтобы рабочий на свою заработную плату, капиталист на свою прибыль, земельный собственник на свою ренту могли купить товары, из которых каждый содержит в себе не только одну из этих составных частей, но все три, и каким образом возможно, чтобы сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты, следовательно, трех источников дохода, вместе взятых, могла купить товары, составляющие все потребление получателей этих доходов, товары, которые, кроме этих трех составных частей стоимости, содержат в себе еще одну составную часть стоимости, а именно постоянный капитал? Как можно на стоимость из трех частей купить стоимость из четырех частей? [53)]

[53)] Прудон выражает свою неспособность понять это следующей ограниченной формулой: рабочий не может выкупить свой собственный продукт, потому что в него входит процент, присоединяющийся к себестоимости продукта [233]. Но вот как поучает его г-н Эжен Форкад: «Если бы возражение Прудона было правильно, оно касалось бы не только прибылей с капитала, но уничтожило бы самую возможность существования промышленности. Если рабочий принужден платить 100 за вещь, за которую он получил всего лишь 80, если заработная плата в состоянии выкупить в продукте лишь стоимость, вложенную в него ею самой, то это равносильно утверждению, что рабочий не может ничего выкупить, что заработная плата ничего не может оплатить. На самом деле в себестоимости всегда заключается нечто большее, чем заработная плата рабочего, а в продажной цене нечто большее, чем прибыль предпринимателя, например, цена сырого материала, часто уплаченная за границей... Прудон забыл о непрерывном росте национального капитала; он забыл, что этот рост проявляет себя для всех работников, как для предпринимателей, так и для рабочих» («Revue des deux Mondes», 1848, t. XXIV, p. 998—999). Мы имеем здесь перед собой образчик оптимизма буржуазного скудоумия в наиболее соответствующей ему мудрой форме. Во-первых, г-н Форкад полагает, что рабочий не мог бы жить, если бы не получал, помимо стоимости,

Анализ этого мы дали в «Капитале», кн. II, отдел III.

2) Непонимание того, как и почему труд, присоединяя новую стоимость, сохраняет старую стоимость в новой форме, не производя этой последней стоимости вновь.

3) Непонимание общей связи процесса воспроизводства, как она представляется не по отношению к отдельному капиталу, а по отношению к совокупному капиталу; непонимание затруднения, заключающегося в том, каким образом продукт, в котором реализуется заработная плата и прибавочная стоимость, то есть вся стоимость, созданная всем вновь присоединенным в течение года трудом, может возмещать свою постоянную часть стоимости и еще в то же время сводиться к стоимости, ограниченной доходами; каким образом, далее, потребленный при производстве постоянный капитал может быть вещественно и по стоимости возмещен новым, несмотря на то, что вся сумма вновь присоединенного труда реализуется лишь в заработной плате и в прибавочной стоимости и исчерпывающе представлена в сумме стоимости обеих. Главное затруднение как раз и заключается в этом, в анализе воспроизводства и отношения его различных составных частей со стороны как их вещественного характера, так и отношений их стоимости.

4) Но сюда присоединяется дальнейшее затруднение, которое еще усиливается, как только различные составные части прибавочной стоимости выступают в форме самостоятельных по отношению друг к другу доходов. Затруднение это заключается в том, что устойчивые определения дохода и капитала взаимно обмениваются и меняются местами, так что, с точки зрения отдельного капиталиста, кажутся лишь относительными определениями, которые, однако, исчезают при рассмотрении всего процесса производства. Например, доход рабочих и капиталистов подразделения I, производящего постоянный капитал, возмещает и вещественно и по стоимости постоянный капитал

которую производит, более высокой стоимости, тогда как на самом деле, наоборот, капиталистический способ производства был бы невозможен, если бы рабочий действительно получал стоимость, которую он производит. Во-вторых, он совершенно правильно обобщает то затруднение, которое Прудон выставил в такой ограниченной форме. Цена товаров содержит в себе избыток не только над заработной платой, но также и над прибылью, а именно постоянную часть стоимости. Таким образом, и капиталист, согласно рассуждению Прудона, не мог бы выкупить товары на свою прибыль. Как же разрешает Форкад загадку? Бессмысленной фразой о росте капитала. Итак, постоянный рост капитала должен, между прочим, проявлять себя также и в том, что анализ товарной цены, невозможный для экономиста при капитале в 100, делается излишним при капитале в 10 000. Что сказали бы о химике, который на вопрос: чем объясняется, что в земледельческом продукте содержится больше углерода, чем в самой почве? — ответил бы: это объясняется постоянным ростом земледельческого производства. Благонамеренное желание видеть в буржуазном мире лучший из всех возможных миров заменяет в вульгарной политической экономии всякую необходимость любви к истине и стремления к научному исследованию.

капиталистов подразделения II, производящего предметы потребления. Таким образом, можно обойти затруднение посредством такого представления: то, что для одного — доход, для другого — капитал, а потому эти определения не имеют никакого отношения к действительному обособлению составных частей стоимости товара. Далее, товары, в конечном счете предназначенные к тому, чтобы образовать вещественные элементы, на которые расходуется доход, то есть предметы потребления, например, шерстяная пряжа, сукно, проходят в течение года различные ступени. На одной ступени они образуют часть постоянного капитала, на другой — они потребляются индивидуально, следовательно, целиком входят в доход. Можно, следовательно, вместе с А. Смитом вообразить себе, что постоянный капитал есть лишь мнимый элемент товарной стоимости, исчезающий в общей связи. Таким же образом происходит, далее, обмен переменного капитала на доход. Рабочий покупает на свою заработную плату часть товаров, составляющую его доход. Этим самым он в то же время возмещает для капиталиста денежную форму переменного капитала. Наконец, часть продуктов, образующих постоянный капитал, возмещается или in natura или посредством обмена между самими производителями постоянного капитала, — процесс, к которому потребители не имеют никакого отношения. Когда это упускают из виду, то возникает ложное представление, что доход потребителей возмещает весь продукт, следовательно, и постоянную часть стоимости.

5) Помимо той путаницы, которую вносит превращение стоимостей в цены производства, возникает и другая вследствие превращения прибавочной стоимости в различные особые формы дохода, самостоятельные одна по отношению к другой и относящиеся к различным элементам производства вследствие превращения ее в прибыль и ренту. Забывают, что стоимости товаров являются основой и что распадение этой товарной стоимости на особенные составные части и дальнейшее развитие этих составных частей стоимости в формы дохода, их превращение в отношения различных владельцев различных факторов производства к этим отдельным составным частям стоимости, их распределение между этими владельцами сообразно определенным категориям и титулам, решительно ничего не изменяет в самом определении стоимости и в законе определения стоимости. Так же мало изменяется закон стоимости вследствие того обстоятельства, что выравнивание прибыли, то есть распределение всей прибавочной стоимости между различными капиталами, и препятствия, которые отчасти (в абсолютной ренте)

ставятся земельной собственностью на пути к этому выравниванию, обусловливают отклонение регулирующих средних цен товаров от их индивидуальных стоимостей. Это оказывает влияние опять-таки только на величину присоединения прибавочной стоимости к ценам различных товаров, но не снимает самой прибавочной стоимости и совокупной стоимости товаров как источника этих различных составных частей цены.

Здесь перед нами quid pro quo *, которое мы рассматриваем в следующей главе и которое неизбежно связано с иллюзией, будто бы стоимость возникает из своих собственных составных частей. В частности, различные составные части стоимости товара приобретают в доходах самостоятельные формы, и в качестве таковых доходов их относят к отдельным вещественным элементам производства как к их источникам, вместо того чтобы отнести их, как к их источнику, к стоимости товара. Они действительно относятся к упомянутым особым источникам, но не как составные части стоимости, а как доходы, как составные части стоимости, достающиеся определенным категориям агентов производства: рабочему, капиталисту, земельному собственнику. Тем не менее можно вообразить, что эти составные части стоимости не происходят от разложения товарной стоимости, а, наоборот, лишь образуют ее посредством соединения; тогда-то и получается великолепный порочный круг: стоимость товаров возникает из суммы стоимости заработной платы, прибыли, ренты, а стоимость заработной платы, прибыли, ренты, в свою очередь, определяется стоимостью товаров, и т. д. [54].

---

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

[54] «Оборотный капитал, затраченный на материалы, сырье и готовые изделия, сам состоит из товаров, необходимая цена которых составлена из тех же элементов, так что причислять эту часть оборотного капитала к элементам необходимой цены при рассмотрении всей совокупности товаров страны значило бы допустить двойной счет» (*Storch.* «Cours d'Économie Politique etc.», T. II, [St.-Pétersbourg, 1815] p. 140). Под этими элементами оборотного капитала Шторх понимает (основной — это только измененная форма оборотного) постоянную часть стоимости. «Правда, что заработная плата рабочего, так же как и та часть прибыли предпринимателя, которая состоит из заработных плат, если рассматривать их как часть средств существования, в свою очередь, составляются из товаров, купленных по рыночной цене и тоже заключающих в себе заработные платы, ренты на капиталы, земельные ренты и предпринимательские прибыли... это соображение служит лишь для того, чтобы доказать невозможность разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (там же, примечание). В своей работе «Considérations sur la nature du revenu national» (Paris, 1824) Шторх в полемике с Сэем, правда, понимает всю нелепость, к которой приводит ошибочный анализ товарной стоимости, разлагающий ее только на доходы, и правильно оценивает всю бессмыслицу этих выводов — с точки зрения не отдельных капиталистов, а нации, — но сам он не делает ни шага вперед в анализе необходимой цены, относительно которой он заявляет в своей работе «Cours...», что необходимую цену нельзя разложить на ее действительные элементы, не отодвигая в мнимом движении вперед решения задачи до бесконечности. «Ясно, что стоимость годового продукта разлагается частью на капиталы, частью на прибыли и что каждая из этих частей

При нормальном состоянии воспроизводства только часть вновь присоединенного труда употребляется на производство и, следовательно, на возмещение постоянного капитала; именно, как раз та часть, которая возмещает постоянный капитал, израсходованный для производства предметов потребления, вещественных элементов дохода. Это выравнивается тем, что указанная постоянная часть не стоит подразделению II добавочного труда. Но постоянный капитал, который (если рассматривать весь процесс воспроизводства, в который, следовательно, включено и вышеуказанное выравнивание подразделений I и II) не есть продукт вновь присоединенного труда, хотя этот продукт невозможно было бы произвести без него, — этот постоянный капитал подвергается во время процесса воспроизводства, в вещественном отношении, случайностям и опасностям, которые могут его уменьшить. (Далее, если рассматривать его со стороны стоимости, то и в этом отношении он может обесцениться вследствие изменения в производительной силе труда; однако это относится лишь к отдельным капиталистам.) В соответствии с этим часть прибыли, следовательно, прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, в котором (если рассматривать его с точки зрения стоимости) представлен лишь вновь присоединенный труд, служит страховым фондом. При этом дело нисколько не изменяется от того, управляет ли этим страховым фондом страховое общество как отдельным предприятием или нет. Это — единственная часть дохода, которая не потребляется как доход и не служит обязательно фондом накопления. Служит ли она фактически фондом накопления или лишь покрывает пробелы воспроизводства, это зависит от случая. Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочного труда, которая наряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна будет существовать и по уничтожении капиталистического способа производства. Конечно, это предполагает, что часть, регулярно

стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, в которых нуждается нация как для поддержания в сохранности своего капитала, так и для возобновления своего фонда потребления ([«Considérations sur la nature du revenu national». Paris, 1824] p. 134—135)... Может ли она (живущая своим трудом крестьянская семья) жить в своих амбарах и хлевах, проедать свой семенной фонд и предназначенный для скота корм, одеваться в шкуры своего рабочего скота, пользоваться своими земледельческими орудиями для развлечения? Согласно тезису г-на Сэя, пришлось бы ответить утвердительно на все эти вопросы (стр. 135—136)... Если признать, что доход нации равен ее валовому продукту, то есть, что из этого продукта не нужно вычитать никакого капитала, то следовало бы также признать, что нация может непроизводительно израсходовать всю стоимость своего годового продукта, не причинив ни малейшего ущерба своему будущему доходу (стр. 147). Продукты, составляющие капитал нации, не подлежат потреблению» (стр. 150).

потребляемая непосредственными производителями, не будет ограничена ее нынешним минимальным уровнем. За исключением прибавочного труда на тех, которые в силу своего возраста еще не могут или уже не могут принимать участие в производстве, отпадает какой бы то ни было труд на содержание тех, кто не работает. Если обратиться к начальному периоду истории человеческого общества, то мы увидим, что здесь нет еще произведенных средств производства, следовательно, нет постоянного капитала, стоимость которого входит в продукт и который при воспроизводстве в том же масштабе должен возмещаться in natura из продукта в размере, определяемом его стоимостью. Но здесь природа непосредственно дает жизненные средства и поначалу нет нужды их производить. Поэтому она оставляет дикарю, которому приходится удовлетворять лишь небольшие потребности, время не на то, чтобы использовать еще не существующие средства производства для нового производства, а на то, чтобы, кроме труда, которого стоит присвоение существующих в природе жизненных средств, затрачивать труд на превращение других продуктов природы в средства производства: лук, каменный нож, лодку и т. д. Процесс этот, если рассматривать его только с вещественной стороны, у дикаря совершенно соответствует обратному превращению прибавочного труда в новый капитал. В процессе накопления постоянно совершается превращение такого продукта избыточного труда в капитал; и то обстоятельство, что всякий новый капитал происходит из прибыли, ренты или других форм дохода, то есть из прибавочного труда, ведет к ошибочному представлению, будто вся стоимость товаров возникает из дохода. Это обратное превращение прибыли в капитал при более тщательном анализе показывает, что добавочный труд, — который всегда выступает в форме дохода, — служит не для сохранения или воспроизводства прежней капитальной стоимости, а, поскольку он не потребляется как доход, для создания нового дополнительного капитала.

Все затруднение вытекает из того, что весь вновь присоединенный труд, поскольку созданная им стоимость не сводится к заработной плате, выступает как прибыль, понимаемая здесь как форма прибавочной стоимости вообще, то есть как стоимость, которая ничего не стоила капиталисту и которая поэтому, конечно, не должна возмещать ему ничего авансированного, никакого капитала. Поэтому такая стоимость существует в форме незанятого, добавочного богатства, короче, с точки зрения отдельного капиталиста, в форме его дохода. Но эту вновь созданную стоимость одинаково можно потребить как

производительно, так и индивидуально, одинаково и как капитал и как доход. Она частично уже по своей натуральной форме должна быть потреблена производительно. Таким образом, ясно, что ежегодно присоединяемый труд создает как капитал, так и доход; что́ и обнаруживается в процессе накопления. Но часть рабочей силы, затраченная на производство нового капитала (следовательно, по аналогии, та часть рабочего дня, которую дикарь употребляет не на то, чтобы присваивать продукты питания, а на то, чтобы изготовлять орудие, посредством которого он присваивает продукты питания), становится невидимой потому, что весь продукт прибавочного труда выступает прежде всего в форме прибыли, — определение, которое в действительности не имеет ничего общего с самим этим прибавочным продуктом, а касается только частного отношения капиталиста к инкассированной им прибавочной стоимости. В действительности прибавочная стоимость, создаваемая рабочим, распадается на доход и капитал, то есть на предметы потребления и добавочные средства производства. Но прежний, оставшийся от прошлого года, постоянный капитал (кроме той части, которая повреждена и, следовательно, pro tanto * уничтожена, стало быть, поскольку прежний капитал не должен быть воспроизведен, — а такие нарушения процесса воспроизводства подпадают под страхование), рассматриваемый со стороны его стоимости, не воспроизводится посредством вновь присоединенного труда.

Мы видим, далее, что часть вновь присоединенного труда постоянно поглощается в процессе воспроизводства и возмещения потребленного постоянного капитала, хотя этот вновь присоединенный труд распадается только на доходы: заработную плату, прибыль и ренту. Но при этом упускается из виду, 1) что часть стоимости продукта этого труда *не есть* продукт этого вновь присоединенного труда, а уже существовавший и потребленный постоянный капитал; что поэтому та часть продукта, в которой представлена эта часть стоимости, тоже не превращается в доход, а возмещает in natura средства производства этого постоянного капитала; 2) что часть стоимости, которая действительно представляет этот вновь присоединенный труд, не потребляется in natura как доход, а возмещает постоянный капитал в другой сфере, где он приобретает такую натуральную форму, в которой может быть потреблен как доход, но которая, в свою очередь, опять-таки не является исключительно продуктом вновь присоединенного труда.

---

* — соответственно. *Ред.*

Пока воспроизводство совершается в неизменном масштабе, каждый потребленный элемент постоянного капитала должен возмещаться in natura посредством нового экземпляра соответствующего рода, если не того же самого количества и формы, то такой же дееспособности. Если производительная сила труда остается прежней, то это натуральное возмещение будет в то же время и возмещением той стоимости, какую постоянный капитал имел в своей прежней форме. Если же производительная сила труда увеличивается так, что те же самые вещественные элементы можно воспроизвести меньшим трудом, то меньшая часть стоимости продукта может вполне возместить in natura постоянную часть. Избыток может в таком случае послужить для образования нового добавочного капитала, или можно будет большей части продукта придать форму предметов потребления, или же уменьшить прибавочный труд. Напротив, если производительная сила труда уменьшится, то на возмещение прежнего капитала потребуется более значительная часть продукта; прибавочный продукт уменьшится.

Обратное превращение прибыли или вообще какой бы то ни было формы прибавочной стоимости в капитал показывает, — если мы отвлечемся от исторически определенной экономической формы и будем рассматривать это превращение просто как образование новых средств производства, — что все еще сохраняется то положение, когда рабочий, кроме труда, направленного на приобретение непосредственных жизненных средств, затрачивает труд на производство средств производства. Превращение прибыли в капитал означает не что иное, как применение части избыточного труда на образование новых, добавочных средств производства. Что это совершается в форме превращения прибыли в капитал, означает лишь, что не рабочий, а капиталист распоряжается избыточным трудом. Что этот избыточный труд должен сначала пройти стадию, в которой он выступает как доход (в то время как, например, у дикаря он выступает как избыточный труд, непосредственно направленный на производство средств производства), означает лишь, что этот труд или его продукт присваивается тем, кто не работает. Но что́ в действительности превращается в капитал, — это не прибыль как таковая. Превращение прибавочной стоимости в капитал означает лишь, что прибавочная стоимость и прибавочный продукт не потребляются капиталистом как доход, индивидуально. Что́ действительно превращается таким образом — это стоимость, овеществленный труд, или продукт, в котором непосредственно представлена эта стоимость или на который она обменивается после предварительного превращения в деньги.

И тогда, когда прибыль превращается в капитал, не эта определенная форма прибавочной стоимости, не прибыль составляет источник нового капитала. Прибавочная стоимость при этом только превращается из одной формы в другую. Но не это превращение формы делает ее капиталом. В качестве капитала теперь функционирует товар и его стоимость. Но то обстоятельство, что стоимость товара не оплачена, — а только вследствие этого она и становится прибавочной стоимостью, — совершенно безразлично для овеществления труда, для самой стоимости.

Недоразумение выражается в различных формах. Например, в том, что товары, из которых состоит постоянный капитал, также заключают в себе элементы заработной платы, прибыли и ренты. Или: то, что представляет для одного доход, для другого представляет капитал, и потому это — просто субъективные отношения. Так, пряжа прядильщика содержит часть стоимости, которая представляет для него прибыль. Следовательно, ткач, покупая пряжу, реализует прибыль прядильщика, для него же самого эта пряжа — лишь часть его постоянного капитала.

Кроме того, что уже раньше было сказано об отношении дохода и капитала, следует заметить: то, что́, рассматриваемое как стоимость, входит с пряжей как составная часть в капитал ткача — это стоимость пряжи. Каким образом части этой стоимости распределяются для самого прядильщика на капитал и доход, иными словами, на оплаченный и неоплаченный труд, — это совершенно безразлично для определения стоимости самого товара (если отвлечься от изменений, обусловливаемых средней прибылью). Однако здесь таится еще представление, будто прибыль, вообще прибавочная стоимость, есть избыток над стоимостью товара, который образуется лишь благодаря надбавке, взаимному надувательству, прибыли от отчуждения. Если оплачивается цена производства или даже стоимость товара, то оплачиваются, конечно, и составные части стоимости товара, которые представляются продавцу последнего в форме дохода. О монопольных ценах здесь, разумеется, нет речи.

Во-вторых, совершенно верно, что составные части товаров, из которых состоит постоянный капитал, могут быть сведены, подобно всякой другой товарной стоимости, к частям стоимости, которые для производителей и собственников средств производства распадаются на заработную плату, прибыль и ренту. Это есть лишь капиталистическая форма выражения того факта, что всякая товарная стоимость есть лишь мера заключающегося в товаре общественно необходимого труда. Но уже

в «Капитале», кн. I было показано, что это ничуть не препятствует распадению товарного продукта всякого капитала на отдельные части, из которых одна представляет исключительно постоянную часть капитала, другая — переменную часть капитала и третья — только прибавочную стоимость.

Шторх выражает и мнение многих других, когда говорит:

«Продаваемые продукты, составляющие национальный доход, следует рассматривать в политической экономии с двух различных точек зрения: как стоимости по отношению к индивидуумам и как блага по отношению к нации; потому что доход нации определяется не так, как доход отдельного индивидуума, по его стоимости, а по его полезности или по тем потребностям, которые он может удовлетворить» («Considérations sur la nature du revenu national». Paris, 1824, p. 19).

Во-первых, это ложная абстракция рассматривать нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, как целостный организм [Gesamtkörper], работающий только для удовлетворения национальных потребностей.

Во-вторых, по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

ВИДИМОСТЬ, СОЗДАВАЕМАЯ КОНКУРЕНЦИЕЙ

Уже было показано, что стоимость товаров, или регулируемая всей их стоимостью цена производства, распадается на:

1) Ту часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал или представляет прошлый труд, потребленный в форме средств производства при изготовлении товара; иными словами, стоимость или цену средств производства, вошедших в процесс производства товара. Здесь мы имеем всегда в виду не отдельный товар, а товарный капитал, то есть ту форму, в которой представлен продукт капитала за определенный отрезок времени, например за год; отдельный товар образует лишь элемент товарного капитала, и стоимость его распадается на те же самые составные части, что и стоимость товарного капитала.

2) Ту часть стоимости, которая составляет переменный капитал, измеряющий собой доход рабочего и превращающийся для последнего в его заработную плату, которую рабочий, следовательно, воспроизвел в этой переменной части стоимости капитала; короче, часть стоимости, в которой представлена оплаченная часть труда, вновь присоединенного в производстве товара к первой, постоянной части стоимости.

3) Прибавочную стоимость, то есть ту часть стоимости товарного продукта, в которой представлен неоплаченный, или прибавочный, труд. Эта последняя часть стоимости принимает, в свою очередь, самостоятельные формы, которые в то же время являются формами дохода: форму прибыли на капитал (процент на капитал как таковой и предпринимательский доход с капитала как функционирующего капитала) и форму земельной ренты, которая достается собственнику земли, участвующей в процессе производства. Составные части 2) и 3), то есть та составная часть стоимости, которая всегда принимает форму дохода — в виде заработной платы (конечно, лишь после того, как послед-

няя предварительно прошла через форму переменного капитала), прибыли и ренты — отличается от постоянной составной части 1) тем, что к ней сводится вся та стоимость, в которой овеществляется труд, вновь присоединенный к этой постоянной части, к средствам производства товара. Если же оставить в стороне постоянную часть стоимости, то окажется верным утверждение, что стоимость товара, поскольку она, следовательно, представляет вновь присоединенный труд, всегда разлагается на три части, образующие три формы дохода — на заработную плату, прибыль и ренту [55)], соответствующие величины стоимости которых, то есть те соответственные доли, которые эти величины составляют от всей стоимости, определяются различными, специфическими, выведенными выше законами. Но было бы неверно обратное утверждение, что стоимость заработной платы, прибыль и рента образуют самостоятельные, конституирующие элементы стоимости, путем соединения которых получается, — если оставить в стороне постоянную составную часть, — стоимость товара; иными словами, неверно было бы утверждение, что они образуют слагаемые составные части товарной стоимости или цены производства [56)].

Не трудно увидеть, в чем тут разница.

Пусть стоимость продукта капитала, равного 500, будет $400_c + 100_v + 150_m = 650$; 150_m распадается, в свою очередь, на 75 единиц прибыли + 75 единиц ренты. Допустим, далее, во избежание ненужных затруднений, что это капитал среднего строения, так что его цена производства совпадает с его стоимостью; совпадение, всегда имеющее место, коль скоро продукт

[55)] При распадении стоимости, присоединенной к постоянной части капитала, на заработную плату, прибыль и земельную ренту получаются, само собой разумеется, части стоимости. Их можно, конечно, представить себе существующими непосредственно в продукте, в котором представлена эта стоимость, то есть непосредственно в продукте, который произвели рабочие и капиталисты данной особой сферы производства, например прядильной промышленности, следовательно, в пряже. Однако в действительности они представлены в этом продукте не больше и не меньше, чем в каком-либо другом товаре, чем в какой-либо другой составной части вещественного богатства той же самой стоимости. Ведь на практике заработная плата уплачивается деньгами, то есть в чистом выражении стоимости; то же верно по отношению к проценту и ренте. И в самом деле, для капиталиста превращение его продукта в чистое выражение стоимости имеет большое значение; оно уже предполагается при самом распределении. Превращаются ли эти стоимости обратно в тот же самый продукт, в тот же самый товар, из производства которого они возникли, покупает ли рабочий обратно часть непосредственно им произведенного продукта, или же он покупает продукт другого и качественно отличного труда — все это не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. Г-н Родбертус проявляет совершенно бесполезное усердие по этому вопросу.

[56)] «Достаточно заметить, что то же самое общее правило, которое регулирует стоимость сырья и промышленных товаров, применимо также и к металлам; их стоимость зависит не от нормы прибыли, не от нормы заработной платы и не от ренты, уплачиваемой за рудники, а от всего количества труда, необходимого для получения металла и для доставки его на рынок» (*Ricardo*. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, ch. III, p. 77).

этого отдельного капитала рассматривается как продукт соответствующей его величине части совокупного капитала.

Здесь заработная плата, измеряемая переменным капиталом, составляет 20% авансированного капитала; прибавочная стоимость, исчисленная на весь капитал, 30%, а именно 15% прибыли и 15% ренты. Вся та составная часть стоимости товара, в которой овеществлен вновь присоединенный труд, равна $100_v + 150_m = 250$. Величина ее не зависит от того, что она распадается на заработную плату, прибыль и ренту. Соотношение этих последних частей показывает нам, что рабочая сила, оплаченная сотней, скажем, фунтов стерлингов, доставила количество труда, выражающееся в сумме денег, равной 250 фунтам стерлингов. Мы видим отсюда, что рабочий выполнил прибавочного труда в $1^1/_2$ раза больше, чем труда для самого себя. Если рабочий день = 10 часам, то он работал 4 часа на себя и 6 часов на капиталиста. Итак, труд рабочих, оплаченных 100 ф. ст., выражается в денежной стоимости 250 фунтов стерлингов. За исключением этой стоимости в 250 ф.ст. ничего не приходится делить между рабочим и капиталистом, между капиталистом и земельным собственником. Такова вся стоимость, вновь присоединенная к стоимости средств производства, равной 400. Поэтому произведенная указанным образом и определяемая количеством овеществленного в ней труда товарная стоимость в 250 составляет предел тех дивидендов, которые рабочий, капиталист и земельный собственник могут извлечь из этой стоимости в форме доходов: заработной платы, прибыли и ренты.

Пусть капитал с тем же самым органическим строением, то есть с тем же самым отношением между примененной живой рабочей силой и приведенным в движение постоянным капиталом, вынужден платить 150 ф. ст. вместо 100 ф. ст. за ту же самую рабочую силу, приводящую в движение постоянный капитал, равный 400; пусть, далее, прибавочная стоимость распадается также в новой пропорции на прибыль и ренту. Так как предполагается, что теперь переменный капитал в 150 ф. ст. приводит в движение ту же самую массу труда, какая раньше приводилась в движение капиталом в 100 ф. ст., то вновь произведенная стоимость была бы по-прежнему = 250 и стоимость всего продукта по-прежнему = 650, но мы имели бы тогда $400_c + 150_v + 100_m$; и эти 100_m распадались бы, скажем, на 45 единиц прибыли и 55 единиц ренты. Пропорция, в которой вся вновь произведенная стоимость распределяется теперь между заработной платой, прибылью и рентой, была бы совершенно иная; совершенно иной была бы также величина всего авансированного капитала, хотя он приводит в движение

ту же самую совокупную массу труда, что и раньше. Заработная плата составила бы $27^3/_{11}\%$, прибыль — $8^2/_{11}\%$, рента — 10% авансированного капитала; следовательно, вся прибавочная стоимость составила бы несколько больше 18%.

Вследствие повышения заработной платы изменилась бы величина неоплаченной части всего труда, а тем самым и величина прибавочной стоимости. При десятичасовом рабочем дне рабочему приходилось бы теперь 6 часов работать на себя и лишь 4 часа на капиталиста. Изменилось бы также отношение между прибылью и рентой; уменьшенная прибавочная стоимость делилась бы между капиталистом и земельным собственником в новой пропорции. Наконец, вследствие того, что стоимость постоянного капитала осталась неизменной, а стоимость авансированного переменного капитала возросла, уменьшенная прибавочная стоимость выражалась бы в еще более пониженной норме валовой прибыли, причем под последней мы понимаем здесь отношение всей прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу.

Изменение в стоимости заработной платы, в норме прибыли и норме ренты, каково бы ни было действие законов, регулирующих взаимоотношение этих частей, может совершаться лишь в пределах, определяемых величиной вновь созданной товарной стоимости = 250 единицам. Исключение имело бы место лишь в том случае, если бы рента покоилась на монопольной цене. Это нисколько не изменило бы закона, но лишь усложнило бы исследование. Ибо если бы мы в этом случае стали рассматривать только самый продукт, то изменение обнаружилось бы лишь в распределении прибавочной стоимости; если же мы стали бы рассматривать относительную стоимость этого продукта по сравнению с другими товарами, то мы нашли бы лишь то различие, что часть прибавочной стоимости последних переносится на этот специфический товар.

Повторяем вкратце:

Стоимость продукта	Новая стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма валовой прибыли
Первый случай: $400_c+100_v+150_m=650$	250	150%	30%
Второй случай: $400_c+150_v+100_m=650$	250	$66^2/_3\%$	$18^2/_{11}\%$

Прежде всего прибавочная стоимость понизилась на одну треть своей прежней величины, со 150 до 100. Норма прибыли

понизилась несколько более, чем на одну треть, с 30% до 18%, так как уменьшенная прибавочная стоимость исчисляется теперь на возросший авансированный совокупный капитал. Но и она упала далеко не в том отношении, как норма прибавочной стоимости. Эта последняя со $\frac{150}{100}$ упала до $\frac{100}{150}$, то есть со 150% до $66^2/_3$%, в то время как норма прибыли понизилась лишь со $\frac{150}{500}$ до $\frac{100}{550}$, или с 30% до $18^2/_{11}$%. Таким образом, норма прибыли падает относительно больше, чем масса прибавочной стоимости, но меньше, чем норма прибавочной стоимости. Далее, мы видим, что стоимости, как и массы продуктов, остаются неизменными, раз применяется то же самое количество труда, хотя авансированный капитал вследствие увеличения его переменной составной части увеличился. Это возрастание авансированного капитала отозвалось бы, конечно, очень чувствительно на капиталисте, начинающем новое предприятие. Но с точки зрения воспроизводства в целом возрастание переменного капитала означает лишь одно, — что бо́льшая часть стоимости, вновь созданной при помощи вновь присоединенного труда, превращается в заработную плату и, стало быть, прежде всего в переменный капитал, вместо того чтобы превращаться в прибавочную стоимость и прибавочный продукт. Следовательно, стоимость продукта остается неизменной, так как она ограничена, с одной стороны, постоянной капитальной стоимостью = 400, с другой стороны — цифрой 250, которой представлен вновь присоединенный труд. Но обе эти величины остались неизменными. Новый продукт, поскольку он сам снова входит в постоянный капитал, представляет в данной величине стоимости ту же, что и прежде, массу потребительной стоимости; следовательно, та же самая масса элементов постоянного капитала сохраняет ту же самую стоимость. Иначе обстояло бы дело в том случае, если бы заработная плата повысилась не потому, что рабочему стали давать бо́льшую долю стоимости продукта его собственного труда, но если бы он стал получать бо́льшую долю стоимости продукта своего собственного труда потому, что упала производительность труда. Тогда вся стоимость, в которой выражается то же самое количество труда — оплаченного и неоплаченного — осталась бы неизменной; но масса продукта, в которой представлено это количество труда, уменьшилась бы и, следовательно, возросла бы цена каждой соответственной части продукта, так как каждая такая часть представляет теперь большее количество труда. Повышенная заработная плата в 150 единиц представляла бы не больше продукта, чем

прежняя заработная плата в 100; пониженная прибавочная стоимость в 100 единиц представляла бы лишь $^2/_3$ того продукта, $66^2/_3\%$ той массы потребительных стоимостей, которая прежде выражалась в 100. В этом случае вздорожал бы и постоянный капитал, поскольку в него входит этот продукт. Но это не было бы следствием повышения заработной платы, — а, наоборот, повышение заработной платы было бы следствием вздорожания товаров и следствием пониженной производительности того же самого количества труда. Здесь возникает иллюзия, будто повышение заработной платы удорожило продукт; в действительности повышение это является не причиной, а результатом изменения стоимости товаров вследствие понижения производительности труда.

Если, наоборот, при прочих равных условиях, когда, следовательно, прежнее количество затраченного труда было бы представлено, как и раньше, в 250 единицах, повысилась или упала бы стоимость примененных трудом средств производства, то и стоимость той же массы продукта повысилась бы или упала на ту же самую величину. $450_c + 100_v + 150_m$ составляет стоимость продукта $= 700$, тогда как $350_c + 100_v + 150_m$ дает для стоимости той же самой массы продукта лишь 600, вместо прежних 650 единиц. Следовательно, когда растет или уменьшается авансированный капитал, приводимый в движение тем же самым количеством труда, тогда, при прочих равных условиях, увеличивается или падает стоимость продукта, — раз увеличение или уменьшение авансированного капитала происходит вследствие изменения величины стоимости постоянной части капитала. Наоборот, она не изменяется, если увеличение или уменьшение авансированного капитала вызвано изменением величины стоимости переменной части капитала при неизменной производительной силе труда. Увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала не компенсируется никаким противоположным движением. Увеличение же или уменьшение стоимости переменного капитала при неизменяющейся производительности труда компенсируется обратным движением прибавочной стоимости, так что стоимость переменного капитала плюс прибавочная стоимость, то есть стоимость, вновь присоединенная трудом к средствам производства и вновь созданная в продукте, остается неизменной.

Напротив, если увеличение или уменьшение стоимости переменного капитала или заработной платы есть следствие вздорожания или понижения цены товаров, то есть следствие уменьшения или увеличения производительности труда, примененного при данном вложении капитала, то это отразится

на стоимости продукта. Но повышение или понижение заработной платы является здесь не причиной, а только следствием.

Если бы, напротив, в вышеприведенном примере, при неизменном постоянном капитале = 400_c, изменение $100_v + 150_m$ в $150_v + 100_m$, то есть возрастание переменного капитала явилось следствием понижения производительной силы труда не в данной отрасли производства, например в хлопчатобумажной, но, скажем, в земледелии, доставляющем рабочему продукты питания, — следовательно, явилось результатом вздорожания этих продуктов питания, то стоимость ее продукта не изменилась бы. Стоимость в 650 единиц теперь, как и прежде, была бы представлена в той же самой массе хлопчатобумажной пряжи.

Из вышеизложенного вытекает, далее, следующее: если благодаря экономии и т. п. уменьшаются затраты постоянного капитала в тех отраслях производства, продукты которых входят в потребление рабочего, то это в такой же степени, как и непосредственное возрастание производительности самого затрачиваемого труда, может привести к уменьшению заработной платы, так как удешевляет жизненные средства рабочего, — может привести, следовательно, к повышению прибавочной стоимости; так что норма прибыли возросла бы здесь по двум причинам: во-первых, потому что уменьшается стоимость постоянного капитала и, во-вторых, потому что увеличивается прибавочная стоимость. Рассматривая превращение прибавочной стоимости в прибыль, мы предполагали, что заработная плата не понижается, а остается постоянной, так как там мы должны были исследовать колебания нормы прибыли, независимо от изменения нормы прибавочной стоимости. Кроме того, выясненные нами там законы имеют общий характер, они применимы также и к тем капиталовложениям, продукты которых не входят в потребление рабочего, изменение стоимости продукта которых, следовательно, не оказывает влияния на заработную плату.

Итак, обособление и разложение стоимости, ежегодно присоединяемой вновь к средствам производства или к постоянному капиталу при помощи вновь применяемого труда, — обособление этой вновь созданной стоимости и разложение ее на различные формы дохода: на заработную плату, прибыль и ренту, нисколько не изменяет границы самой стоимости, той суммы стоимости, которая распределяется между этими различными категориями; совершенно так же, как изменение отношения между этими отдельными частями не может изменить их суммы,

этой данной величины стоимости. Данное число 100 остается всегда тем же самым, разложим ли мы его на 50 + 50, или на 20+70+10, или на 40+30+30. Та часть стоимости продукта, которая распадается на эти доходы, как и постоянная часть стоимости капитала, определяется стоимостью товаров, то есть количеством труда, овеществленного в них в каждом данном случае. Таким образом, во-первых, дана масса товарной стоимости, распределяющаяся между заработной платой, прибылью и рентой, — дана, следовательно, абсолютная граница суммы отдельных частей стоимости этих товаров. Во-вторых, что касается самих отдельных категорий, то их средние и регулирующие границы также даны. Заработная плата образует базис такого их ограничения. Она, с одной стороны, регулируется естественным законом; ее минимальная граница дана физическим минимумом жизненных средств, необходимых рабочему для сохранения и воспроизводства своей рабочей силы, — дана, следовательно, определенным количеством товаров. Стоимость этих товаров определяется рабочим временем, которое требуется для их воспроизводства, и, тем самым, той частью труда, вновь присоединяемого к средствам производства, или той частью каждого рабочего дня, которую рабочий употребляет для производства и воспроизводства эквивалента стоимости этих необходимых жизненных средств. Если, например, средняя стоимость его жизненных средств за день равняется 6 часам среднего труда, то он должен в среднем работать на себя 6 часов в день. Действительная стоимость его рабочей силы отклоняется от этого физического минимума; она бывает различна в зависимости от климата и уровня общественного развития; она зависит не только от физических, но и от исторически развившихся общественных потребностей, которые становятся второй природой. Но в каждой стране и в каждый данный период эта регулирующая средняя заработная плата является данной величиной. Таким образом, стоимость всех остальных доходов получает границу. Она всегда равна стоимости, в которой воплощается весь рабочий день (который здесь совпадает со средним рабочим днем, так как он охватывает всю массу труда, приведенную в движение совокупным общественным капиталом), минус та часть его, которая воплощается в заработной плате. Ее граница, следовательно, дана границей той стоимости, в которой выражается неоплаченный труд, то есть количеством этого неоплаченного труда. Если та часть рабочего дня, которую рабочий затрачивает на воспроизводство стоимости своей заработной платы, находит свою крайнюю границу в физическом минимуме заработной платы, то другая часть рабочего

дня — та, в которой представлен прибавочный труд, а следовательно, и та часть стоимости, которая выражает собой прибавочную стоимость, — находит свою границу в физически возможном максимуме рабочего дня, то есть в том совокупном количестве ежедневного рабочего времени, которое рабочий вообще может дать при условии сохранения и воспроизводства своей рабочей силы. Так как в настоящем исследовании речь идет о распределении той стоимости, в которой представлен весь труд, вновь присоединяемый в течение года, то рабочий день может рассматриваться здесь как величина постоянная, и предполагается как таковая, независимо от того, много или мало он отклоняется от своего физически возможного максимума. Абсолютная граница той части стоимости, которая образует прибавочную стоимость и распадается на прибыль и земельную ренту, таким образом, дана; она определяется величиной неоплаченной части рабочего дня, остающейся за вычетом оплаченной его части, следовательно, той частью стоимости всего продукта, в которой этот прибавочный труд воплощается. Если мы назовем, как я это сделал, прибылью прибавочную стоимость, ограниченную этими пределами и исчисленную на весь авансированный капитал, то прибыль эта, рассматриваемая со стороны ее абсолютной величины, равна прибавочной стоимости, и, следовательно, границы ее определены столь же закономерно, как и границы этой последней. Но высота нормы прибыли также есть величина, заключенная в известные границы, определяемые стоимостью товаров. Она есть отношение совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу, авансированному на производство. Если этот капитал = 500 (скажем, миллионов), а прибавочная стоимость = 100, то 20% образуют абсолютную границу нормы прибыли. Распределение общественной прибыли соответственно этой норме между капиталами, вложенными в различные сферы производства, создает отклоняющиеся от стоимостей товаров цены производства, которые и являются действительно регулирующими средними рыночными ценами. Но отклонение это не снимает ни определения цен стоимостями, ни закономерных границ прибыли. Если стоимость товара равна потребленному при его производстве капиталу k плюс заключающаяся в нем прибавочная стоимость, то цена производства товара равна потребленному при его производстве капиталу k плюс прибавочная стоимость, которая приходится на его долю соответственно общей норме прибыли, например 20% на капитал, авансированный для производства этого товара, как на действительно потребленный, так и просто примененный

капитал. Но эта надбавка в 20% сама определяется прибавочной стоимостью, созданной совокупным общественным капиталом, и ее отношением к стоимости капитала; именно поэтому она составляет 20%, а не 10% или 100%. Таким образом, превращение стоимостей в цены производства не снимает границ прибыли, но только изменяет распределение последней между различными отдельными капиталами, из которых состоит общественный капитал, — распределяет ее между ними равномерно, пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению к совокупному капиталу. Рыночные цены поднимаются выше и падают ниже этой регулирующей цены производства, но такие колебания взаимно уничтожаются. Если рассмотреть данные о ценах за продолжительный период, устранив те случаи, когда вследствие изменения производительной силы труда изменяется действительная стоимость товаров, а также те случаи, когда процесс производства нарушается какими-либо естественными или общественными бедствиями, то мы будем поражены прежде всего относительно узкими пределами отклонений и затем регулярностью, с которой такие отклонения уравновешиваются. Мы найдем здесь то господство регулирующих средних, которое Кетле указал для общественных явлений [234]. Если выравнивание товарных стоимостей в цены производства не наталкивается ни на какие препятствия, то рента сводится к дифференциальной ренте, то есть ограничивается выравниванием тех сверхприбылей, которые регулирующая цена производства доставила бы известной части капиталистов и которые теперь присваивает земельный собственник. Следовательно, здесь рента находит свою определенную границу стоимости в тех отклонениях индивидуальных норм прибыли, которые вызываются регулированием цен производства при посредстве общей нормы прибыли. Если земельная собственность ставит препятствия выравниванию товарных стоимостей в цены производства и присваивает себе абсолютную ренту, то эта последняя ограничена избытком стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, следовательно, избытком заключающейся в них прибавочной стоимости над прибылью, приходящейся на долю капиталов соответственно общей норме прибыли. Эта разница образует здесь границу ренты, которая опять-таки составляет лишь определенную часть данной и заключающейся в товарах прибавочной стоимости.

Наконец, если бы выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий,

и в частности в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монопольная цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, все же границы, определяемые стоимостью товаров, этим не были бы сняты. Монопольная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, но такое нарушение оставило бы границу самой прибавочной стоимости неизменной. Если бы товар с такой монопольной ценой входил в число необходимых предметов потребления рабочего, он повысил бы заработную плату и тем самым понизил бы прибавочную стоимость, раз рабочему попрежнему выплачивали бы всю стоимость его рабочей силы. Такой товар мог бы понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, но лишь поскольку заработная плата превышает границу своего физического минимума. Здесь монопольная цена уплачивалась бы путем вычета из реальной заработной платы (то есть из суммы потребительных стоимостей, получаемых рабочим благодаря данному количеству труда) и из прибыли других капиталистов. Границы, в пределах которых монопольная цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен, были бы твердо определены и поддавались бы точному учету.

Итак, подобно тому, как распределение стоимости товаров, вновь присоединенной и вообще разлагающейся на доходы, находит свои данные и регулирующие границы в соотношении между необходимым и прибавочным трудом, заработной платой и прибавочной стоимостью, точно так же и деление самой прибавочной стоимости на прибыль и земельную ренту находит свои границы в законах, регулирующих выравнивание норм прибыли. Что касается деления прибыли на процент и предпринимательский доход, то пределы их обоих, вместе взятых, образует средняя прибыль. Она дает ту определенную величину стоимости, в границах которой это деление должно произойти и только может произойти. Определенная пропорция, в которой происходит деление, здесь носит случайный характер, то есть определяется исключительно отношениями конкуренции. В то время как в других случаях равновесие спроса и предложения уничтожает отклонения рыночных цен от регулирующих их средних цен, то есть уничтожает влияние конкуренции, здесь оно является единственно определяющим. Но почему? Потому что один и тот же фактор производства,

капитал, должен распределить достающуюся на его долю прибавочную стоимость между двумя владельцами этого самого фактора производства. Но то обстоятельство, что здесь нет определенной закономерной границы для деления средней прибыли, не снимает границ последней, как части товарной стоимости, — так же, как граница прибыли предприятия не затрагивается тем фактом, что два его компаньона в силу каких-либо внешних обстоятельств делят между собой эту прибыль не поровну.

Если, следовательно, та часть товарной стоимости, в которой представлен труд, вновь присоединенный к стоимости средств производства, распадается на различные части, приобретающие затем в виде доходов самостоятельные по отношению друг к другу формы, то отсюда еще отнюдь не следует, что заработную плату, прибыль и ренту надо рассматривать как конституирующие элементы, из соединения, или суммы которых возникает регулирующая цена («natural price», «prix nécessaire» *) самих товаров; таким образом, не товарная стоимость — по вычете из нее постоянной части стоимости — была бы первоначальным единством, которое распадается на указанные три части, а, наоборот, цена каждой из этих трех частей определялась бы самостоятельно, и лишь из сложения этих трех независимых величин получалась бы цена товара. В действительности стоимость товара есть величина, заранее данная, это есть совокупность всей суммы стоимости заработной платы, прибыли и ренты, каковы бы ни были относительные величины этих последних. При указанном же ложном понимании заработная плата, прибыль и рента суть три самостоятельные величины стоимости, совокупная величина которых создает, ограничивает и определяет величину товарной стоимости.

Прежде всего ясно, что если бы заработная плата, прибыль и рента конституировали цену товаров, то это в равной степени должно было бы относиться как к постоянной части товарной стоимости, так и к другой ее части, в которой представлены переменный капитал и прибавочная стоимость. Эта постоянная часть может, следовательно, быть при этом оставлена без внимания, так как стоимость товаров, из которых она состоит, точно так же сводилась бы к сумме стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Как уже было показано, этот взгляд отрицает даже само существование такой постоянной части стоимости.

Ясно, далее, что здесь отпадает всякое понятие стоимости. Остается только представление цены в том смысле, что

---

* — «естественная цена», «необходимая цена». *Ред.*

владельцам рабочей силы, капитала и земли уплачивается известная сумма денег. Но что такое деньги? Деньги — не вещь, а определенная форма стоимости, следовательно, они опять-таки предполагают стоимость. Итак, пусть определенное количество золота или серебра уплачивается за эти элементы производства или приравнивается этому количеству мысленно. Но ведь золото и серебро (а «просвещенный» экономист гордится тем, что он это уразумел) сами являются товарами, как всякие другие товары. Следовательно, цена золота и серебра также определяется заработной платой, прибылью и рентой. Следовательно, мы не можем заработную плату, прибыль и ренту определять тем, что они приравниваются известному количеству золота и серебра, так как стоимость этого золота и серебра, в которой они должны быть оценены, как в своем эквиваленте, должна раньше быть оценена как раз ими, независимо от золота и серебра, то есть независимо от стоимости всякого товара, которая сама как раз есть продукт указанных трех факторов. Итак, сказать, будто стоимость заработной платы, прибыли и ренты состоит в том, что они равны известному количеству золота и серебра, значило бы лишь сказать, что они равны известному количеству заработной платы, прибыли и ренты.

Возьмем прежде всего заработную плату. Ибо, и придерживаясь этой точки зрения, следует исходить из труда. Как же определяется регулирующая цена заработной платы, та цена, вокруг которой колеблются ее рыночные цены?

Скажем, спросом и предложением рабочей силы. Но о каком спросе на рабочую силу идет здесь речь? О спросе капитала. Следовательно, спрос на труд равносилен предложению капитала. Чтобы говорить о предложении капитала, мы должны знать прежде всего, что такое капитал. Из чего состоит капитал? Возьмем самое простое его проявление: из денег и товаров. Но деньги лишь форма товара. Значит, из товаров. Но стоимость товаров, по предположению, определяется, в первую очередь, ценой производящего их труда, заработной платой. Заработная плата является здесь предпосылкой и рассматривается как элемент, конституирующий цену товаров. Стало быть, эта цена должна быть определена отношением предложения труда к капиталу. Цена самого капитала равна цене товаров, из которых он состоит. Спрос капитала на труд равен предложению капитала. А предложение капитала равно предложению суммы товаров данной цены, а эта цена, в первую очередь, регулируется ценой труда, и цена труда опять-таки равна той части товарной цены, из которой состоит переменный капитал, выплачиваемый рабочему в обмен на его труд; а цена товаров,

из которых состоит этот переменный капитал, в первую очередь, определяется опять-таки ценой труда; ибо цена товаров определяется ценой заработной платы, прибыли и ренты. Следовательно, для того чтобы определить заработную плату, мы не можем исходить из капитала как из предпосылки, ибо стоимость самого капитала определяется при участии заработной платы.

Кроме того, привлечение к делу конкуренции нисколько не помогает нам. Конкуренция заставляет рыночные цены труда повышаться или падать. Но допустим, что спрос и предложение труда взаимно покрываются. Чем тогда будет определяться заработная плата? Конкуренцией. Но ведь мы как раз предположили, что конкуренция перестала действовать, что благодаря равновесию ее обеих противоположно направленных сил она перестает оказывать влияние. Ведь мы как раз хотим найти естественную цену заработной платы, то есть не ту цену труда, которая регулируется конкуренцией, а ту, которая, наоборот, регулирует ее.

Не остается ничего другого, как определить необходимую цену труда необходимыми жизненными средствами рабочего. Но эти жизненные средства представляют собой товары, имеющие цену. Следовательно, цена труда определяется ценой необходимых жизненных средств, а цена жизненных средств, как и всех других товаров, определяется в первую очередь ценой труда. Следовательно, цена труда, определяемая ценой жизненных средств, определяется ценой труда. Цена труда определяет самое себя. Другими словами, мы не знаем, чем определяется цена труда. Труд имеет здесь вообще цену, потому что он рассматривается как товар. Следовательно, чтобы говорить о цене труда, мы должны знать, что такое вообще цена. Но что такое цена вообще, мы этим путем как раз и не узнаем.

Но допустим, что столь утешительным способом мы определили необходимую цену труда. Как же обстоит дело с средней прибылью, с прибылью каждого капитала, которая при нормальных условиях образует второй элемент цены товара. Средняя прибыль должна определяться средней нормой прибыли; а как определяется эта последняя? Конкуренцией между капиталистами? Но конкуренция уже предполагает существование прибыли. Она предполагает различные нормы прибыли, а следовательно, и различные прибыли в тех же самых или различных отраслях производства. Конкуренция может влиять на норму прибыли лишь постольку, поскольку она влияет на цены товаров. Конкуренция может достигнуть лишь того, что производители в пределах одной и той же сферы производства будут продавать свои товары по одинаковым ценам,

а в пределах различных отраслей производства — по ценам, дающим им одинаковую прибыль, одинаковую пропорциональную надбавку к цене товара, уже определенной частично заработной платой. Конкуренция может поэтому лишь выравнивать различия в норме прибыли. Для того чтобы возможно было выровнять неодинаковые нормы прибыли, прибыль как элемент товарной цены должна уже быть налицо. Конкуренция ее не создает. Она повышает или понижает ее, но не создает того уровня, который устанавливается, раз равенство действительно наступило. И когда мы говорим о необходимой норме прибыли, мы хотим узнать как раз эту норму прибыли, которая не зависит от движения конкуренции, а, со своей стороны, регулирует конкуренцию. Средняя норма прибыли появляется при равновесии сил конкурирующих между собой капиталистов. Конкуренция может создать это равновесие, но не ту норму прибыли, которая выступает при этом равновесии. Почему, когда такое равновесие достигнуто, общая норма прибыли = 10% или 20% или 100%? Вследствие конкуренции? Но, как раз наоборот, конкуренция устранила причины, вызывавшие отклонения от 10% или 20% или 100%. Она привела к товарной цене, при которой каждый капитал дает одинаковую прибыль пропорционально своей величине. Но величина самой этой прибыли независима от конкуренции. Последняя лишь все снова и снова приводит все отклонения к данной величине. Один человек конкурирует с другими, и конкуренция заставляет его продавать свои товары по той же самой цене, как и эти другие. Но почему же эта цена составляет 10 или 20 или 100 единиц?

Следовательно, не остается ничего иного, как объяснять норму прибыли, а потому и прибыль, как непостижимым образом определяемую надбавку к цене товара, которая до этого пункта определялась заработной платой. Эта норма прибыли должна быть данной величиной — вот единственное, что говорит нам конкуренция. Но это мы знали и раньше, когда мы говорили об общей норме прибыли, о «необходимой цене» прибыли.

Совершенно нет нужды опять прослеживать этот бесплодный ход рассуждений в применении к земельной ренте. И без того ясно, что, проведенный сколько-нибудь последовательно, он обусловливает лишь то, что прибыль и рента кажутся просто надбавкой к цене товаров, определяемой совершенно непостижимыми законами, определяемой, в первую очередь, заработной платой. Короче, конкуренция должна объяснить все бессмыслицы экономистов, между тем как экономисты, наоборот, должны были бы объяснить конкуренцию.

Если оставить в стороне ту фантазию, будто прибыль и рента, как составные части цены, создаются обращением, то есть возникают из продажи, — хотя обращение не может дать ничего такого, что ему самому не было предварительно дано, — то дело сводится просто к следующему:

Пусть цена товара, определяемая заработной платой, = 100 единицам; норма прибыли составляет 10% на заработную плату и рента 15% на заработную плату. Тогда цена товара, определяемая суммой заработной платы, прибыли и ренты, = 125 единицам. Эти 25 единиц надбавки не могут возникнуть из продажи товара. Потому что все, продающие друг другу товары, продают за 125 единиц то, что каждому из них стоило 100 единиц заработной платы; результат получается тот же, как если бы все они продавали по 100. Следовательно, операция эта должна быть рассмотрена независимо от процесса обращения.

Если трое делят самый товар, который теперь стоит 125, — а дело нисколько не изменится, если капиталист сначала продаст товар за 125 единиц, а потом уплатит рабочему 100, себе самому 10 и получателю земельной ренты 15, — то рабочий получает $^4/_5$ = 100 единицам стоимости и продукта. Капиталист получает $^2/_{25}$ стоимости и продукта, а получатель земельной ренты — $^3/_{25}$. Продав за 125 единиц вместо 100, капиталист отдает рабочему лишь $^4/_5$ того продукта, в котором представлен труд последнего. Следовательно, результат получился бы тот же самый, если бы он дал рабочему 80, удержав 20, из которых 8 пришлось бы на его долю и 12 на долю получателя земельной ренты. Он тогда продал бы товар по его стоимости, так как в действительности надбавки к цене суть повышения, независимые от стоимости товара, которая при допущенном выше предположении определяется стоимостью заработной платы. Таким образом, окольным путем это свелось бы к тому, что, при данном представлении, слова «заработная плата», 100, означают стоимость продукта, то есть сумму денег, в которой представлено это определенное количество труда, но что стоимость эта все-таки отлична от реальной заработной платы и, следовательно, оставляет некоторый избыток. Только этот избыток улавливается путем номинальной надбавки к цене. Следовательно, если бы заработная плата была 110 вместо 100, то прибыль должна бы быть = 11, и земельная рента = $16^1/_2$, стало быть, цена товара = $137^1/_2$. Отношение осталось бы при этом без изменения. Но так как деление осуществлялось бы всегда путем номинальной надбавки определенных процентов к заработной плате, то цена повышалась бы и падала бы вместе с заработной платой. Заработная плата сначала приравнивается

здесь к стоимости товара и затем снова отделяется от этой последней. В действительности же дело сводится — окольным иррациональным путем — к тому, что стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, стоимость же заработной платы — ценой необходимых жизненных средств, а избыток стоимости над заработной платой образует прибыль и ренту.

Распадение стоимости товаров за вычетом стоимости потребленных при их производстве средств производства; распадение этой данной суммы стоимости, определенной количеством труда, овеществленного в товарном продукте, на три составные части, которые принимают затем в качестве заработной платы, прибыли и земельной ренты вид самостоятельных независимых друг от друга форм дохода, — это распадение представляется на поверхности капиталистического производства, а следовательно, и в представлениях захваченных ею агентов последнего, в совершенно извращенном виде.

Пусть вся стоимость какого-либо товара = 300, из которых 200 составляют стоимость потребленных при его производстве средств производства, или элементов постоянного капитала. Остаются, следовательно, 100 единиц как сумма новой стоимости, присоединенной к этому товару в процессе его производства. Эта новая стоимость в 100 единиц представляет собой всю ту сумму, которая может быть разделена между тремя формами дохода. Если заработная плата = x, прибыль = y, земельная рента = z, то в рассматриваемом случае сумма $x + y + z$ всегда будет равна 100. Но в представлении промышленников, купцов и банкиров, как и в представлении вульгарных экономистов, это происходит совсем не так. Для них не стоимость товара за вычетом стоимости потребленных на его изготовление средств производства дана равной 100, которые распадаются затем на x, y и z. Напротив, для них цена товара слагается просто из величин стоимости заработной платы, прибыли и ренты, которые определяются независимо от стоимости товара и друг от друга, так что x, y и z даны и определены каждый самостоятельно и лишь из суммы этих величин, которая может быть меньше и больше 100, получается величина стоимости товара как результат сложения этих составных частей, образующих его стоимость. Такое quid pro quo * неизбежно вследствие целого ряда причин:

Во-первых, составные части стоимости товара противостоят друг другу как самостоятельные доходы, которые относятся

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

как таковые к трем совершенно отличным друг от друга факторам производства: труду, капиталу и земле, вследствие чего кажется, что они возникают из этих последних. Собственность на рабочую силу, капитал и землю есть причина того, что эти различные составные части стоимости товаров выпадают на долю соответствующих собственников и потому превращаются для них в доходы. Но стоимость не возникает из превращения чего-либо в доход, она должна быть уже налицо, прежде чем превратиться в доход, принять этот вид. Обратная видимость укрепляется тем больше, что определение относительной величины этих трех частей по отношению друг к другу совершается по разнородным законам, связь которых с самой стоимостью товаров и ограничение которых стоимостью отнюдь не обнаруживается на поверхности.

Во-вторых, как мы уже видели *, общее повышение или понижение заработной платы, вызывая при прочих равных условиях движение общей нормы прибыли в противоположном направлении, изменяет цены производства различных товаров, повышает одни из них и понижает другие в зависимости от среднего строения капитала в соответственных сферах производства. Таким образом, здесь, по крайней мере в некоторых отраслях производства, опыт действительно показывает, что средняя цена товара повышается вследствие повышения заработной платы и понижается вследствие ее понижения. Но «опыт» не показывает, что независимая от заработной платы стоимость товаров скрыто регулирует эти изменения. Если, напротив, повышение заработной платы является локальным, если оно происходит лишь в отдельных отраслях производства под влиянием особых условий, то может иметь место соответственное номинальное повышение цен этих товаров. Такое повышение относительной стоимости одних товаров по сравнению с другими, для которых заработная плата остается неизменной, является тогда лишь реакцией против местного нарушения равномерности в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, средством выравнивания особых норм прибыли в общую норму. «Опыт», который здесь получается, опять таков, что цена определяется заработной платой. Итак, опыт в обоих случаях показывает одно, — что заработная плата определяет товарные цены. Чего опыт не показывает, — это скрытой причины этой зависимости. Далее: средняя цена труда, то есть стоимость рабочей силы, определяется ценой производства необходимых жизненных средств.

---

* См. настоящий том, стр. 219—223. *Ред.*

Если повышается или понижается вторая, то повышается или понижается и первая. Опыт обнаруживает здесь опять-таки лишь существование связи между заработной платой и ценой товаров; но причина может представляться следствием, а следствие причиной, что и имеет место при движении рыночных цен, где повышение заработной платы выше средней соответствует связанному с периодом расцвета повышению рыночных цен выше цен производства, а следующее затем падение заработной платы ниже средней соответствует падению рыночных цен ниже цен производства. Если оставить в стороне колебательное движение рыночных цен, то зависимости цен производства от стоимости товаров должен бы соответствовать в непосредственном опыте prima facie * тот факт, что при повышении заработной платы понижается норма прибыли и наоборот. Но мы уже видели **, что норма прибыли может определяться изменениями в стоимости постоянного капитала, независимыми от изменений заработной платы; так что заработная плата и норма прибыли могут изменяться не в противоположном, а в одном и том же направлении, могут одновременно повышаться или падать. Если бы норма прибыли непосредственно совпадала с нормой прибавочной стоимости, это было бы невозможно. Равным образом при повышении заработной платы, вызванном ростом цен жизненных средств, норма прибыли может остаться неизменной или даже повыситься вследствие большей интенсивности труда или удлинения рабочего дня. Все эти данные опыта подтверждают иллюзию, вызванную самостоятельной, извращенной формой составных частей стоимости, будто одна заработная плата или заработная плата вместе с прибылью определяют стоимость товаров. Если вообще такая иллюзия имеет место по отношению к заработной плате, если кажется, что цена труда совпадает со стоимостью, произведенной трудом, то по отношению к прибыли и ренте это разумеется само собой. Их цены, то есть их денежные выражения, должны в этом случае регулироваться независимо от труда и созданной последним стоимости.

В-третьих, допустим, что стоимости или только по видимости независимые от последних цены производства в непосредственном опыте всегда совпадают с рыночными ценами товаров, вместо того чтобы проявляться лишь как регулирующие средние цены посредством постоянной компенсации непрерывных колебаний рыночных цен. Допустим, далее, что воспроизводство совершается всегда при одних и тех же неизменных условиях, так что производительность труда во всех

* — прежде всего. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 117—134. *Ред.*

элементах капитала остается постоянной. Допустим, наконец, что та часть стоимости товарного продукта, которая в каждой сфере производства образуется путем присоединения к стоимости средств производства нового количества труда, следовательно, новой стоимости, — распадается в неизменной пропорции на заработную плату, прибыль и ренту, так что действительно выплаченная заработная плата, фактически реализованная прибыль и фактическая рента всегда непосредственно совпадают: со стоимостью рабочей силы, с той частью всей прибавочной стоимости, которая в силу средней нормы прибыли причитается каждой самостоятельно функционирующей части всего капитала и с пределами, в которые normaliter * заключена земельная рента на данном базисе. Допустим, одним словом, что распределение произведенной обществом стоимости и регулирование цен производства совершается на капиталистическом базисе, но с устранением конкуренции.

Итак, при этих предположениях, когда стоимость товаров была бы и проявлялась бы как величина постоянная; когда часть стоимости товарного продукта, распадающаяся на доходы, оставалась бы постоянной величиной и именно таковой и представлялась бы; когда, наконец, эта данная и постоянная часть стоимости распадалась бы на заработную плату, прибыль и ренту всегда в неизменной пропорции, — даже при таких предположениях действительное движение неизбежно должно было бы представляться в извращенном виде: не как распадение заранее данной величины стоимости на три части, принимающие форму независимых друг от друга доходов, но, наоборот, как образование этой стоимости из суммы независимых, самостоятельно определяемых каждый сам по себе, составляющих ее элементов заработной платы, прибыли и земельной ренты. Такая видимость возникла бы неизбежно, так как в действительном движении отдельных капиталов и их товарных продуктов не стоимость товара предполагается как данная при распадении ее на составные части, а, наоборот, составные части, на которые она распадается, функционируют как предпосылка стоимости товаров. Прежде всего отдельному капиталисту, как мы уже видели, издержки производства товара кажутся величиной данной и в действительной цене производства всегда выступают в качестве такой величины. Но издержки производства равны стоимости постоянного капитала, авансированных средств производства, плюс стоимость рабочей силы, которая, однако, представляется агенту производства

* — нормально. *Ред.*

в иррациональной форме цены труда, так что заработная плата представляется в то же время доходом рабочего. Средняя цена труда есть величина данная, так как стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее воспроизводства. Что же касается той части стоимости товаров, которая составляет заработную плату, то она порождается не тем, что принимает эту форму заработной платы, не тем, что капиталист авансирует рабочему в форме заработной платы его долю в его собственном продукте, но тем, что рабочий производит эквивалент, соответствующий его заработной плате, то есть в течение известной части своего ежедневного или годового труда производит стоимость, содержащуюся в цене его рабочей силы. Но заработная плата устанавливается договором раньше, чем произведен соответствующий ей эквивалент стоимости. Как элемент цены, величина которого дана раньше, чем произведен товар и товарная стоимость, как составная часть издержек производства, заработная плата представляется не частью всей стоимости товара, которая отделилась в самостоятельную форму от совокупной стоимости товара, а, наоборот, величиной данной, определяющей собой заранее эту совокупную стоимость, то есть представляется фактором, образующим стоимость и цену. Роль, аналогичную той, какую заработная плата играет в издержках производства товара, средняя прибыль играет в цене его производства, ибо цена производства равна издержкам производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Эта средняя прибыль входит практически в представления и расчеты самого капиталиста как регулирующий элемент, — и не только в том смысле, что она определяет собой перелив капитала из одной сферы приложения в другую, но и вообще при всяких покупках и договорах, охватывающих процесс воспроизводства за более или менее продолжительный период. Но поскольку это так, средняя прибыль является заранее данной величиной и действительно не зависит от стоимости и прибавочной стоимости, создаваемой в каждой данной отрасли производства, тем более при каждом отдельном вложении капитала в пределах каждой такой отрасли. Средняя прибыль в своем внешнем проявлении кажется не результатом расщепления стоимости, а, наоборот, величиной, независимой от стоимости товарного продукта, заранее данной в процессе производства товаров и определяющей самоё среднюю цену товаров, то есть фактором, образующим стоимость. При этом прибавочная стоимость вследствие распадения ее различных частей на совершенно независимые друг от друга формы представляется в еще более конкретной

форме предпосылкой образования стоимости товаров. Часть средней прибыли в форме процента самостоятельно противопоставляется функционирующему капиталисту как элемент, предпосланный производству товаров и их стоимости. Как бы ни колебалась величина процента, она тем не менее в каждый момент и для каждого капиталиста есть величина данная, которая для него, отдельного капиталиста, входит в состав издержек производства производимых им товаров. Такую же роль для земледельческого капиталиста играет земельная рента в форме, установленной договором арендной платы, а для других предпринимателей — в форме платы за аренду производственной площади. Так как эти части, на которые распадается прибавочная стоимость, для каждого отдельного капиталиста являются данными элементами его издержек производства, то кажется, будто они, наоборот, образуют прибавочную стоимость, образуют одну часть товарной цены, подобно тому, как заработная плата образует ее другую часть. Тайна, вследствие которой эти продукты разложения товарной стоимости всегда кажутся предпосылками образования стоимости, состоит просто в том, что капиталистический способ производства, как и всякий другой, непрерывно воспроизводит не только материальный продукт, но и общественные экономические отношения, экономические определенности формы его образования. Поэтому результат этого процесса производства столь же неизменно принимает вид его предпосылок, как его предпосылки — вид его результата. И как раз это непрерывное воспроизводство тех же самых отношений антиципируется отдельным капиталистом как само собой разумеющийся, не подлежащий никакому сомнению факт. Пока продолжает существовать капиталистическое производство как таковое, одна часть вновь присоединенного труда постоянно превращается в заработную плату, другая — в прибыль (процент и предпринимательский доход), третья — в ренту. При заключении договоров между собственниками различных факторов производства это является предпосылкой, и эта предпосылка правильна, как бы ни колебались в каждом отдельном случае относительные величины. Та определенная форма, в которой противостоят друг другу части стоимости, является предпосылкой, потому что она постоянно воспроизводится, и она постоянно воспроизводится, потому что является неизменной предпосылкой.

Впрочем, опыт и наблюдение показывают также, что, рассматриваемые со стороны их величины, рыночные цены, во влиянии которых капиталист действительно видит единственное определение стоимости, — что эти рыночные цены отнюдь

не зависят от указанных антиципаций, отнюдь не сообразуются с тем, высоки или низки процент или рента, предусмотренные договором. Но рыночные цены постоянны лишь в изменении, и их средняя за более или менее продолжительный период как раз и дает соответственные средние величины заработной платы, прибыли и ренты, как величины постоянные и, следовательно, в конечном счете господствующие над рыночными ценами.

С другой стороны, весьма простой кажется следующая мысль: если заработная плата, прибыль и рента образуют стоимость, потому что они представляются предпосылками производства стоимости и для отдельного капиталиста входят в качестве предпосылок в издержки производства и цену производства, то стоимость образуется и постоянной частью капитала, стоимость которой входит в производство каждого товара как величина данная. Но постоянная часть капитала есть не что иное, как сумма товаров и, следовательно, товарных стоимостей. Получается, таким образом, плоская тавтология, что товарная стоимость образует товарную стоимость и есть причина ее.

Однако если бы капиталист находил какой-либо интерес в том, чтобы поразмыслить над этим вопросом, — а его размышления как капиталиста определяются исключительно его интересами и своекорыстными мотивами, — то опыт тотчас покажет ему, что продукт, производимый им самим, входит в другие сферы производства как постоянная часть капитала, и продукты других сфер производства входят как постоянная часть капитала в его продукт. Так как для него, поскольку речь идет о его новой продукции, вновь образованная стоимость складывается, по видимости, из величин заработной платы, прибыли и ренты, — то это представление переносится им также и на постоянную часть, состоящую из продукции других капиталистов; таким образом, цена постоянной части капитала, а вместе с тем и вся стоимость товаров, сводится, правда, способом, в котором нельзя разобраться до конца, в конечном счете к сумме стоимости, получающейся от сложения самостоятельных, регулируемых различными законами, проистекающих из различных источников факторов стоимости: заработной платы, прибыли и ренты.

В-четвертых. Продаются ли товары по их стоимости или нет, для отдельного капиталиста совершенно безразлично, следовательно, для него совершенно безразлично само определение стоимости. Определение стоимости уже с самого начала есть нечто, совершающееся за его спиной в силу независимых от него условий, так как не стоимости товаров, а отличные от них цены производства образуют регулирующие средние цены

в каждой отрасли производства. Определение стоимости как таковое интересует отдельного капиталиста и служит для него и для капитала в каждой сфере производства определяющим моментом лишь постольку, поскольку уменьшение или увеличение количества труда, которое требуется для производства товаров при росте или падении производительной силы труда, в первом случае дает ему возможность получить при существующих рыночных ценах сверхприбыль, а в другом — принуждает его повышать цены товаров, так как теперь на каждую единицу продукта, или на каждый отдельный товар, падает больше заработной платы, больше постоянного капитала, а следовательно, бо́льшая сумма процента. Определение стоимости интересует его лишь постольку, поскольку оно повышает или понижает для него самого издержки производства товара, поскольку оно, следовательно, ставит его в исключительное положение.

Напротив, заработная плата, процент и рента представляются ему границами, регулирующими не только ту цену, по которой он может реализовать часть прибыли, — предпринимательский доход, — причитающуюся на долю его, как функционирующего капиталиста, но по которой он вообще должен продавать товары, чтобы возможно было продолжение процесса воспроизводства. Для него совершенно безразлично, реализует он или нет при продаже стоимость и прибавочную стоимость, заключающуюся в товаре, если только он при данной цене извлекает обычный или более чем обычный предпринимательский доход сверх издержек производства, индивидуально данных для него величиной заработной платы, процента и ренты. Поэтому, если оставить в стороне постоянную часть капитала, то заработная плата, процент и рента представляются ему ограничивающими, а потому созидающими, определяющими элементами товарной цены. Если ему удастся, например, понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, то есть ниже ее нормальной высоты, получить капитал по пониженному проценту и уплачивать арендную плату ниже нормального уровня ренты, то для него совершенно безразлично, будет ли он продавать товар ниже его стоимости, даже ниже общей цены производства, то есть будет ли отдавать даром часть содержащегося в товаре прибавочного труда. Это относится и к постоянной части капитала. Если, например, промышленник может купить сырой материал ниже его цены производства, то это гарантирует его от убытка даже и в том случае, когда ему приходится, в свою очередь, продавать этот материал в готовом продукте ниже цены производства. Его

предпринимательский доход может остаться неизменным и даже возрасти, если только остается неизменным или возрастает избыток товарной цены над теми ее элементами, которые должны быть оплачены, возмещены эквивалентом. Но кроме стоимости средств производства, которые входят в производство его товаров как данные элементы цены, как раз заработная плата, процент и рента являются теми ограничивающими и регулирующими элементами цены, которые тоже входят в это производство. Поэтому они представляются ему элементами, определяющими цену товаров. С этой точки зрения кажется, будто предпринимательский доход определяется или тем избытком, который имеется в рыночной цене, зависящей от случайных условий конкуренции, над имманентной стоимостью товаров, определяемой вышеуказанными элементами цены; или же, поскольку сам предпринимательский доход оказывает определяющее влияние на рыночные цены, он сам кажется, в свою очередь, зависящим от конкуренции между продавцами и покупателями.

Как в конкуренции между отдельными капиталистами, так и в конкуренции на мировом рынке данные и заранее предположенные величины заработной платы, процента и ренты входят в расчеты как величины постоянные и регулирующие, — постоянные не в том смысле, что величины эти не изменяются, а в том, что они в каждом отдельном случае даны и образуют постоянную границу для непрерывно колеблющихся рыночных цен. Так, например, при конкуренции на мировом рынке речь идет исключительно о том, можно ли при данной заработной плате, данном проценте и данной ренте продать товар по данной общей рыночной цене или ниже ее с выгодой, то есть реализуя при этом соответственный предпринимательский доход. Если в одной стране заработная плата и цена земли низки, а процент на капитал, наоборот, высок, так как капиталистический способ производства здесь вообще недостаточно развит, в то время как в другой стране заработная плата и цена земли номинально высоки, а процент на капитал низок, то капиталист в первой стране применяет больше труда и земли, во второй — сравнительно больше капитала. При учете того, насколько возможна конкуренция между обоими этими капиталистами, эти факторы входят как определяющие элементы. Таким образом, опыт показывает здесь теоретически, а своекорыстные расчеты капиталиста показывают практически, что цены товаров определяются заработной платой, процентом и рентой, ценой труда, капитала и земли и что эти элементы цены действительно являются регулирующими факторами ценообразования.

Само собой разумеется, при этом всегда остается один элемент, который является не предпосылкой, а результатом рыночной цены товаров, — именно избыток над издержками производства [Kostpreis], образующимися путем сложения указанных выше элементов — заработной платы, процента и ренты. Представляется, будто этот четвертый элемент определяется в каждом отдельном случае конкуренцией, а в среднем отдельных случаев — средней прибылью, которая опять-таки регулируется той же самой конкуренцией, но только за более продолжительный период.

В-пятых. На базисе капиталистического способа производства распадение стоимости, в которой представлен вновь присоединенный труд, на доходы в форме заработной платы, прибыли и земельной ренты становится настолько само собой разумеющимся, что этот метод применяется даже там, где совершенно отсутствуют сами условия существования этих форм дохода (мы не говорим уже о прошлых исторических периодах, откуда мы приводили примеры при исследовании земельной ренты). Это значит, что под данные формы дохода подводится все путем аналогии.

Если независимый работник — возьмем мелкого крестьянина, так как здесь применимы все три формы дохода, — работает на самого себя и продает свой собственный продукт, то он рассматривается, во-первых, как свой собственный работодатель (капиталист), который применяет самого себя в качестве рабочего; затем как свой собственный земельный собственник, который применяет самого себя в качестве арендатора. Как рабочему он выплачивает себе заработную плату, как капиталист он присваивает себе прибыль, как земельному собственнику платит себе ренту. Если предположить, что капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения являются всеобще общественным базисом, то такое допущение будет правильным постольку, поскольку независимый производитель не своему труду, а своей собственности на средства производства, — уже целиком принявшие здесь форму капитала, — обязан тем, что он в состоянии присвоить свой собственный прибавочный труд. И далее, поскольку он производит свой продукт в качестве товара и, следовательно, зависит от цены последнего (а если даже этого и нет, то цена все же может быть принята в расчет), масса прибавочного труда, которой он может воспользоваться, зависит не от ее собственной величины, а от общей нормы прибыли; равным образом некоторый избыток над долей прибавочной стоимости, определяемой общей нормой прибыли, зависит опять-таки не от количества затраченного

им труда, но может быть присвоен им лишь в силу того, что он — собственник земли. Так как подобного рода форма производства, не соответствующая капиталистическому способу производства, может быть подведена — и до известной степени не без основания — под капиталистические формы дохода, то тем сильнее упрочивается иллюзия, что капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства.

Если свести заработную плату к ее общей основе, то есть к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества (то есть общественной производительной силой собственного труда рабочего как действительно общественного труда) и которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если далее свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при условиях производства в данном обществе необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью; если, наконец, включить в № 1, необходимый труд, и в № 2, прибавочный труд, то количество труда, которое работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, то есть если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства.

Впрочем, такого рода подведение было свойственно и прежним господствующим способам производства, например феодальному. Производственные отношения, совершенно не отвечающие ему, стоящие совершенно вне его, подводились под феодальные отношения, например, в Англии tenures in common socage* (в противоположность tenures on knight's service**), которые включали только денежные обязательства и лишь по названию были феодальными.

* — крестьянское держание земли. *Ред.*

** — рыцарскому держанию. *Ред.*

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ОТНОШЕНИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Итак, стоимость, вновь присоединяемая ежегодно при помощи вновь присоединяемого труда, — а следовательно, и часть годового продукта, в которой представлена эта стоимость и которая может быть выделена из валовой стоимости продукта, — распадается на три части, принимающие формы трех различных доходов, формы, выражающие одну часть этой стоимости, как принадлежащую или достающуюся владельцу рабочей силы, другую — владельцу капитала, а третью — владельцу земельной собственности. Следовательно, это — отношения или формы распределения, так как они выражают те отношения, в которых вся вновь произведенная стоимость распределяется между владельцами различных факторов производства.

Согласно обычному взгляду, эти отношения распределения являются естественными отношениями, отношениями, вытекающими из природы всякого общественного производства, из законов человеческого производства вообще. Конечно, нельзя отрицать, что докапиталистические общества обнаруживают иные способы распределения, но эти последние истолковываются как неразвитые, несовершенные и замаскированные, не достигшие своего наиболее чистого выражения и высшей формы, как иначе окрашенные разновидности этих естественных отношений распределения.

В таком представлении правильно лишь одно: в любом общественном производстве (например, в естественно сложившихся индийских общинах или в более искусственно развившемся коммунизме перуанцев) всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и членов их семьи и, — оставляя в стороне часть, идущую на производительное потребление, — другой частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которой всегда служит

удовлетворению общих общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный продукт и кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей. Следовательно, тождество различных способов распределения сводится лишь к тому, что они тождественны, когда мы отвлекаемся от их различий и специфических форм и фиксируем внимание только на их единстве в противоположность различиям.

Ум, более развитой, более критический, признает [56a)], правда, исторически развивающийся характер отношений распределения, но с тем бо́льшим упорством держится за неизменный, вытекающий из человеческой природы, следовательно, независимый от всякого исторического развития характер самих производственных отношений.

Напротив, научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что это способ производства особого рода, обладающий специфической исторической определенностью, что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и форм их развития, как свое историческое условие, — условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения, — отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни, — имеют специфический, исторический и преходящий характер; что, наконец, условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер.

При рассмотрении отношений распределения исходят в первую очередь из того мнимого факта, что годовой продукт распределяется как заработная плата, прибыль и земельная рента. Но выраженный таким образом этот факт неверен. Продукт распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы. Один из этих доходов, собственно заработная плата, постоянно принимает только форму дохода, дохода рабочего, после того как он до этого противостоял тому же самому рабочему в *форме капитала*. Тот факт, что произведенные условия

56a) *J. Stuart Mill.* «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy». London, 1844 [Essay II, p. 47—74].

труда и продукты труда противопоставляются вообще как капитал непосредственным производителям, уже заранее предполагает определенный общественный характер вещественных условий труда по отношению к рабочим и тем самым определенное отношение их к владельцам условий труда и друг к другу в самом производстве. Превращение этих условий труда в капитал предполагает, в свою очередь, экспроприацию земли у непосредственных производителей и тем самым определенную форму земельной собственности.

Если бы одна часть продукта не превращалась в капитал, то другая не принимала бы формы заработной платы, прибыли и ренты.

С другой стороны, если капиталистический способ производства предполагает эту определенную общественную форму условий производства, то он непрерывно воспроизводит ее. Он не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, при которых эти продукты производятся, воспроизводит тем самым и соответствующие отношения распределения.

Можно, конечно, сказать, что капитал (в который включается и земельная собственность как его противоположность) сам уже предполагает распределение: экспроприацию у работника условий его труда, концентрацию этих условий в руках меньшинства индивидуумов, исключительную собственность на землю для других индивидуумов, — одним словом, все те отношения, которые были исследованы в главе о первоначальном накоплении («Капитал», кн. I, гл. XXIV). Но это распределение совершенно отлично от того, что понимают под отношениями распределения, когда этим последним, в противоположность производственным отношениям, приписывают исторический характер. При этом имеют в виду различные права на долю продукта, предназначенную для индивидуального потребления. Напротив, эти отношения распределения являются основой особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его агентов в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства.

Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства.

Во-первых, он производит свои продукты как товары. Не самый факт производства товаров отличает его от других

способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой. Это означает прежде всего то, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, а потому в качестве свободного наемного рабочего, а следовательно, труд вообще выступает в качестве наемного труда. После всего того, что было выяснено нами до сих пор, излишне снова показывать, как отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства. Главные агенты самого этого способа производства, капиталист и наемный рабочий как таковые, сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда; это — определенные общественные характеры, которые накладывает на индивидуумов общественный процесс производства; продукт этих определенных общественных производственных отношений.

Характер 1) продукта как товара и 2) товара как продукта капитала уже включает все отношения обращения, то есть определенный общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определенные общественные черты, в то же время он включает столь же определенные отношения агентов производства, которыми определяется использование их продукта с целью увеличения стоимости и его обратное превращение в жизненные средства или в средства производства. Но даже оставляя это в стороне, из указанных выше двух характерных особенностей продукта как товара или товара как капиталистически произведенного товара вытекает все определение стоимости и регулирование стоимостью всего производства. В этой совершенно специфической форме стоимости труд имеет значение, с одной стороны, только как общественный труд; с другой стороны, распределение этого общественного труда и взаимное дополнение его продуктов труда, обмен веществ между продуктами этого труда, его подчинение общественному механизму и включение в этот последний — все это предоставлено случайным, взаимно уничтожающимся стремлениям отдельных капиталистических производителей. Так как эти последние противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, причем каждый старается продать свой товар возможно дороже (и в регулировании самого производства действуют, как кажется, исключительно по своему произволу), то внутренний закон пробивает себе дорогу лишь через посредство их конкуренции, их взаимного давления друг на друга, благодаря которому взаимно уничтожаются отклонения. Лишь как внутренний закон, противостоящий отдельным агентам, как слепой закон природы выступает здесь закон

стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний.

Далее, уже в товаре и в еще большей степени в товаре как продукте капитала, заключены овеществление общественных определений производства и субъективизация материальных основ производства, характеризующие весь капиталистический способ производства.

Второе, что является специфическим отличием капиталистического способа производства, — это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит главным образом капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость. При исследовании относительной прибавочной стоимости и, далее, превращения прибавочной стоимости в прибыль мы видели, как на этом основывается характерный для капиталистического периода способ производства, — особая форма развития общественных производительных сил труда, принимающих, однако, по отношению к рабочему, характер самостоятельных сил капитала и находящихся поэтому в прямом противоречии с собственным его, рабочего, развитием. Производство ради стоимости и прибавочной стоимости предполагает, как показали наши дальнейшие исследования, постоянно действующую тенденцию к сокращению рабочего времени, необходимого для производства товара, то есть к уменьшению стоимости товара ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом повышения общественной производительной силы труда, которое, однако, здесь представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала.

Та власть, которую приобретает капиталист как олицетворение капитала в непосредственном процессе производства, та общественная функция, которую он выполняет как руководитель и властелин производства, существенно отличны от власти на базисе производства при помощи рабов, крепостных и т. д.

В то время как на базисе капиталистического производства массе непосредственных производителей противостоит общественный характер их производства в форме строго регулирующей власти и построенного как законченная иерархия общественного механизма процесса труда, — причем, однако, этой властью носители ее пользуются лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было

при более ранних формах производства, — среди самих носителей этой власти, среди самих капиталистов, которые противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, господствует полнейшая анархия, в рамках которой общественная связь производства властно дает о себе знать индивидуальному произволу только как всесильный закон природы.

Только вследствие того, что даны как предпосылка труд в форме наемного труда и средства производства в форме капитала, — следовательно только вследствие такого специфически общественного характера этих двух основных факторов производства, — часть стоимости (продукта) выступает как прибавочная стоимость, а эта прибавочная стоимость — как прибыль (рента), доход капиталиста, добавочное, находящееся в его распоряжении, принадлежащее ему богатство. Но только потому, что часть стоимости выступает таким образом, как *его прибыль,* добавочные средства производства, предназначенные для расширенного воспроизводства и образующие часть прибыли капиталиста, выступают как новый добавочный капитал, и процесс расширенного воспроизводства вообще — как процесс капиталистического накопления.

Хотя форма труда как наемного труда имеет решающее значение для характера всего процесса и для специфического способа самого производства, тем не менее определение стоимости вытекает не из наемного труда. При определении стоимости речь идет об общественном рабочем времени вообще, о количестве труда, которым вообще может располагать общество и долей поглощения которого различными продуктами соответственно определяется их общественный удельный вес. Та определенная форма, в которой общественное рабочее время проявляется в стоимости товаров как фактор, определяющий последнюю, связана, конечно, с формой труда как наемного труда и соответствующей формой средств производства как капитала постольку, поскольку лишь на этом базисе товарное производство становится всеобщей формой производства.

Рассмотрим, однако, сами так называемые отношения распределения. Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль — капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, следовательно, определенные общественные черты условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически определенного отношения производства.

А теперь возьмем прибыль. Эта определенная форма прибавочной стоимости есть предпосылка того, что созидание новых

средств производства совершается в форме капиталистического производства; следовательно, это есть отношение, господствующее над воспроизводством, хотя отдельному капиталисту и кажется, что он собственно мог бы проесть всю свою прибыль в качестве дохода. Он наталкивается, однако, при этом на границы, которые встают перед ним в форме страхового и резервного фонда, закона конкуренции и т. д. и практически доказывают ему, что прибыль не есть просто категория распределения продукта, предназначенного для индивидуального потребления. Далее, весь капиталистический процесс производства регулируется при посредстве цены продуктов. Но регулирующие цены производства, в свою очередь, регулируются выравниванием норм прибыли и соответствующим ему распределением капитала между различными общественными сферами производства. Таким образом, прибыль является здесь главным фактором не распределения продукта, но самого его производства, фактором распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства. Деление прибыли на предпринимательский доход и процент представляется разделением одного и того же дохода. Но оно порождается прежде всего развитием капитала как стоимости самовозрастающей, создающей прибавочную стоимость, — развитием этой определенной общественной формы господствующего процесса производства. Оно развивает из себя кредит и кредитные учреждения, и тем самым соответствующую форму производства. Процент и подобные проценту мнимые формы распределения входят в цену как определяющие производственные моменты.

Что касается земельной ренты, то могло бы показаться, что она является чисто распределительной формой, так как земельная собственность как таковая не выполняет в самом процессе производства никакой — по крайней мере никакой нормальной — функции. Но то обстоятельство, что 1) рента ограничивается избытком над средней прибылью, 2) что земельный собственник из руководителя и властелина процесса производства, а следовательно, и всего общественного жизненного процесса, низводится до роли простого сдатчика земли в аренду, земельного ростовщика, простого получателя ренты, — обстоятельство это есть специфически исторический результат капиталистического способа производства. То, что земля приобрела форму земельной собственности, служит исторической предпосылкой этого способа производства. То обстоятельство, что земельная собственность приобретает формы, допускающие капиталистический способ ведения сельского хозяйства, является продуктом специфического характера

этого способа производства. Доход земельного собственника и при других формах общества можно назвать рентой. Но он существенно отличен от ренты, какой она является при этом способе производства.

Следовательно, так называемые отношения распределения соответствуют исторически определенным, специфически общественным формам процесса производства и тем отношениям, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и возникают из этих форм и отношений. Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, только одну сторону которых они выражают. Капиталистическое распределение отлично от тех форм распределения, которые возникают из других способов производства, и каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает.

То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой критики буржуазной политической экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и освобождает место для более высокой формы. Наступление такого кризиса проявляется в расширении и углублении противоречий и противоположностей между отношениями распределения, — а следовательно, и определенной исторической формой соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой [57].

---

[57] См. работу о Competition and Cooperation (1832?) [286].

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

КЛАССЫ

Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства.

В Англии современное общество, с точки зрения его экономической структуры, получило бесспорно наиболее широкое, наиболее классическое развитие. Однако и здесь указанное классовое деление не выступает еще в чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют строгие границы между классами (правда, в деревне несравненно меньше, чем в городах). Впрочем это безразлично для нашего исследования. Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все больше и больше отделяются от труда, что распыленные средства производства все больше концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наемный труд, а средства производства — в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельное отделение земельной собственности от капитала и труда [58]), то есть превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства.

---

[58]) Ф. Лист правильно замечает: «Преобладание самодовлеющего хозяйства в крупных поместьях свидетельствует только о недостаточном развитии цивилизации, средств сообщения, отечественной промышленности и богатых городов. Потому-то мы и находим его повсеместно в России, Польше, Венгрии, Мекленбурге. Прежде оно преобладало и в Англии; с развитием торговли и промышленности на его место приходит образование хозяйств и аренда» («Die Ackerverfassung, die Zwergwirthschaft und die Auswanderung», [Stuttgart und Tübingen] 1842, S. 10).

Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс, — причем ответ этот получится сам собой, раз мы ответим на другой вопрос: благодаря чему наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших общественных класса?

На первый взгляд, это — тождество доходов и источников дохода. Перед нами три большие общественные группы, компоненты которых — образующие их индивидуумы — живут соответственно на заработную плату, прибыль и земельную ренту, живут использованием своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности.

Но с этой точки зрения, врачи и чиновники, например, образовали бы два класса, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, причем члены каждой из этих двух групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же было бы верно и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда среди рабочих, как и среди капиталистов и земельных собственников, — последние делятся, например, на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных угодий.

{Здесь рукопись обрывается.}

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДОПОЛНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ «КАПИТАЛА» [236]

Написано Ф. Энгельсом в мае — июне 1895 г.

Введение и первая статья впервые опубликованы в журнале «Die Neue Zeit», Bd. I, № 1, 1895—1896. Статья вторая впервые опубликована на русском языке в журнале «Большевик» № 23—24, 1932 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом журнала «Die Neue Zeit»

Перевод с немецкого

1967

С тех пор как третий том «Капитала» передан на суд общественного мнения, он уже многократно подвергался самым разнообразным толкованиям. Иного нельзя было и ожидать. При его издании моей задачей было прежде всего подготовить возможно более аутентичный текст, передать новые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами, ограничить мое личное вмешательство лишь абсолютно необходимым, причем и в таких случаях не оставлять у читателя ни малейшего сомнения в том, кто с ним говорит. Это порицалось; высказывалось мнение, что я должен был превратить имевшийся в моем распоряжении материал в систематически обработанную книгу, en faire un livre, как выражаются французы, другими словами — аутентичность текста принести в жертву удобству читателя. Но я не так понимал свою задачу. На такую переработку я не имел ни малейшего права: такой человек, как Маркс, имеет полное право на то, чтобы быть выслушанным самолично и передать потомству свои научные открытия в подлинном собственном изложении. Далее, у меня не было ни малейшего желания обращаться по своему усмотрению с наследием столь выдающегося человека; я бы это считал нарушением доверия. И, в-третьих, это было бы совершенно бесполезно. Вообще бессмысленно чем-либо поступиться для людей, которые не могут или не желают читать, для тех, которые уже в отношении первого тома потратили больше усилий на его неправильное толкование, чем это было необходимо для того, чтобы его правильно понять. Для тех же, кто стремится к действительному пониманию, самым важным был именно подлинник;

для них моя переработка в лучшем случае имела бы ценность комментария, и к тому же комментария к чему-то неизданному и недоступному. При первой же полемике, однако, пришлось бы привлечь подлинный текст, а при второй и третьей — издание его in extenso * стало бы неизбежным.

Такого рода полемика вполне естественна в отношении труда, дающего так много нового, и притом лишь в форме бегло набросанной первой обработки, местами не лишенной пробелов. Именно здесь мое вмешательство может быть действительно полезным для устранения трудностей в понимании, для того чтобы выдвинуть на первый план наиболее важные моменты, значение которых в тексте недостаточно сильно подчеркнуто, или сделать некоторые важные дополнения к написанному в 1865 г. тексту под углом зрения положения вещей в 1895 году. И действительно, уже в настоящее время имеются два таких пункта, краткое выяснение которых мне представляется необходимым.

---

* — в полном объеме. *Ред.*

I
ЗАКОН СТОИМОСТИ И НОРМА ПРИБЫЛИ

Следовало ожидать, что разрешение кажущегося противоречия между обоими этими факторами так же и после опубликования Марксова текста приведет к спорам, как они имели место и до его опубликования. Кое-кто ожидал настоящего чуда и считает себя разочарованным, увидев вместо предполагаемого жонглерства простое, рациональное и прозаически трезвое разрешение противоречия. Конечно, более всех приятно разочарован уже известный нам знаменитый Лориа. Он нашел, наконец, архимедову точку опоры, благодаря которой даже пигмей его калибра может поднять на воздух и взорвать прочно сооруженное гигантское здание, созданное Марксом. Как, восклицает он с негодованием, вот это и есть решение? Да тут чистейшая мистификация! Экономисты, когда они говорят о стоимости, имеют в виду такую стоимость, которая фактически устанавливается в обмене.

«А заниматься стоимостью, по которой товары не только не продаются, *но и не могут продаваться (nè possono vendersi mai)*, этого не делал еще, да и никогда не сделает ни один экономист, сохранивший хотя бы следы рассудка... Когда Маркс утверждает, что стоимость, по которой товары *никогда* не продаются, определяется пропорционально содержащемуся в них труду, разве не повторяет он — только в обратной форме — положение правоверных экономистов, что стоимость, по которой товары продаются, не находится в пропорции с затраченным на них трудом?.. Ничуть не помогает и утверждение Маркса, что, несмотря на отклонение отдельных цен от отдельных стоимостей, сумма цен всех товаров всегда совпадает с их совокупной стоимостью или с количеством труда, содержащегося в совокупной массе товаров. Ведь так как стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, то уже само понятие совокупной стоимости есть абсурд, бессмыслица... contradictio in adjecto *».

---

* — противоречие в определении. *Ред.*

В самом начале своего сочинения Маркс, дескать, заявляет, что обмен может приравнивать два товара только потому, что они содержат равные количества однородного элемента, а именно равное количество труда. Теперь же он торжественно отрекается от самого себя, утверждая, что товары обмениваются не пропорционально содержащимся в них количествам труда, а в совершенно иной пропорции.

«Видано ли, чтобы когда-нибудь доходили до такого абсурда, терпели такое теоретическое банкротство? Совершалось ли когда-либо научное самоубийство с большей помпой и торжественностью?» («Nuova Antologia» [237], Рим, третья серия, том LV, 1 февраля 1895 г., стр. 477—478, 479).

Как видите, наш Лориа вне себя от радости. Разве он не был прав, третируя Маркса, как такого же, как и он сам, заурядного шарлатана? Не угодно ли полюбоваться — Маркс издевается над своим читателем совершенно так же, как Лориа; он пробавляется мистификациями, точь-в-точь как ничтожнейший итальянский профессор политической экономии. Но в то время как этот Дулькамара[238] может позволить себе это, так как он владеет своим ремеслом, неуклюжий северянин Маркс на каждом шагу попадает впросак, говорит бессмыслицы, абсурд, так что в конце концов ему остается только торжественно покончить с собой.

Не будем пока касаться утверждения, что товары никогда не продавались и не могут продаваться по их стоимости. Остановимся здесь лишь на уверении г-на Лориа, что

«стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, и что поэтому уже само понятие совокупной стоимости товаров есть абсурд, бессмыслица и т. д.».

Итак, отношение, в котором два товара обмениваются,— их стоимость — есть нечто совершенно случайное, приставшее к товарам извне и могущее иметь сегодня одну величину, а завтра другую. Обменивается ли центнер пшеницы на один грамм или на один килограмм золота, это ни в малейшей степени не зависит от условий, внутренне присущих этой пшенице или этому золоту, а зависит от совершенно чуждых им обоим обстоятельств. Ибо в ином случае эти условия должны были бы иметь значение и в обмене, господствовать над ним в общем и целом и иметь самостоятельное существование независимо от обмена, так что можно было бы говорить и о совокупной стоимости товаров. Но знаменитый Лориа утверждает, что это бессмыслица. В каком бы отношении ни обменивались два товара, это и есть их стоимость — вот и все. Следовательно, стоимость идентична

I.

Wertgesetz und Profitrate.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ Ф. ЭНГЕЛЬСА
«ЗАКОН СТОИМОСТИ И НОРМА ПРИБЫЛИ»

с ценой, и каждый товар имеет столько стоимостей, сколько он может иметь цен. Цена же определяется спросом и предложением, а кто еще продолжает задавать вопросы, ожидая ответа, — тот дурак.

Но тут имеется маленькая загвоздка. При нормальном состоянии спрос и предложение взаимно покрываются. Разделим все наличные товары мира на две половины — группу спроса и равную ей по величине группу предложения. Допустим, далее, что цена каждой группы = 1 000 млрд. марок, франков, фунтов стерлингов или каких-нибудь других денежных единиц. Это даст в сумме по элементарному подсчету цену или стоимость в 2 000 миллиардов. Бессмыслица, абсурд! — восклицает г-н Лориа. Обе группы вместе могут представлять цену в 2 000 млрд., но со стоимостью дело обстоит иначе. Если мы говорим: цена, то 1 000 + 1 000 = 2 000; но если мы говорим: стоимость, то 1 000 + 1 000 = 0. Так обстоит дело, по крайней мере в данном случае, где речь идет о совокупности всех товаров. Ибо здесь товар каждого из двух владельцев стоит 1 000 млрд., потому что каждый из них хочет и может дать эту сумму за товар другого. Если же мы сосредоточим все товары обоих в руках третьего лица, то у первого не будет никакой стоимости, у второго тоже, а у третьего и подавно: в результате ни у кого не будет ничего. И мы снова восхищены превосходством нашего южного Калиостро, так расправившегося с понятием стоимости, что от него не осталось ни малейшего следа. Вот достойное завершение вульгарной политической экономии[1].

---

[1] Этот же «славой своей известный» господин (говоря словами Гейне) несколько позже был вынужден ответить на мое предисловие к третьему тому, а именно после того, как оно появилось на итальянском языке в первом номере «Rassegna» за 1895 год. Ответ напечатан в «Riforma Sociale» [239] от 25 февраля 1895 года. Осыпав меня сначала неизбежными у него и именно потому вдвойне отвратительными похвалами, он заявляет, что и не думал присваивать себе заслуг Маркса в области материалистического объяснения истории. Он-де признал их еще в 1885 г. — как-то мимоходом в журнальной статейке. Но зато тем упорнее он умалчивает об этом там, где об этом нужно говорить, а именно в своей книге на эту тему, где Маркс упоминается лишь на стр. 129, да и то по вопросу о мелкой земельной собственности во Франции. А теперь он отважно заявляет, что Маркс вовсе не является творцом этой теории; если она не была намечена в общих чертах еще Аристотелем, то несомненно, что Гаррингтон прокламировал ее уже в 1656 г., и она была вновь развита затем целой плеядой историков, политиков, юристов и экономистов задолго до Маркса. И чего только нельзя вычитать из французского издания сочинения Лориа! Короче говоря, Маркс — законченный плагиатор. После того как я помешал его дальнейшему хвастовству при помощи заимствований из Маркса, он смело заявляет, что и Маркс точно так же украшал себя чужими перьями, как и он. Из других моих возражений Лориа отвечает лишь на сказанное по поводу его утверждения, будто Маркс никогда и не думал писать второй, а тем более третий том «Капитала». «И теперь Энгельс отвечает мне, с триумфом указывая на второй и третий тома... Великолепно! А я так рад этим томам, которым я обязан столь громадным умственным наслаждением, что никогда еще мне не была так приятна победа, как приятно это поражение, если это действительно можно считать поражением. Но поражение ли это в самом деле? Действительно ли верно, что Маркс написал с целью

В брауновском «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik»[243] (Берлин, том VII, 1894 г.) Вернер Зомбарт дает в целом удачное изложение контуров системы Маркса. Это первый случай, когда немецкому университетскому профессору удается прочесть в сочинениях Маркса в общем и целом то, что Маркс действительно сказал, когда такой профессор заявляет, что критика системы Маркса должна заключаться не в опровержении ее, —

«этим пусть займутся политические карьеристы»,

— а лишь в дальнейшем ее развитии. Конечно, и Зомбарт занимается нашей темой. Он исследует вопрос, какое значение имеет стоимость в системе Маркса, и приходит к следующим выводам: стоимость не проявляется в меновом отношении капиталистически произведенных товаров; она не живет в сознании агентов капиталистического производства; стоимость — не эмпирический, а мысленный, логический факт; понятие стоимости в ее материальной определенности есть у Маркса не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия; при капиталистическом строе хозяйства закон стоимости господствует над экономическими явлениями в конечном счете и для этого хозяйственного строя в самом общем виде означает следующее: стоимость товаров есть специфически-историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в конечном счете господствующей над всеми экономическими явлениями. Так говорит Зомбарт; по поводу такого понимания значения закона стоимости для капиталистической формы производства нет оснований утверждать, что оно неверно. Но в то же время оно представляется мне взятым слишком

опубликования эту массу не связанных между собой заметок, которые Энгельс собрал с таким благоговением? Можно ли действительно допустить, что Маркс... предполагал этими страницами завершить свое сочинение и свою систему? Верно ли, что Маркс опубликовал бы эту главу о средней норме прибыли, где много лет тому назад обещанное решение сводится к безотрадной мистификации, к вульгарнейшей игре словами? По меньшей мере позволительно усомниться в этом... Это доказывает, как мне кажется, что Маркс после издания своей блестящей (splendido) книги не имел в виду дать ее продолжения или же хотел предоставить завершение этого колоссального труда своим преемникам, не неся за это личной ответственности».

Так написано на стр. 267. Самый презрительный отзыв Гейне о его немецкой филистерской публике заключается в словах: «Автор привыкает в конце концов к своей публике, точно она разумное существо»[240]. За кого же должен принимать свою публику знаменитый Лориа?

В заключение — новая порция похвал сыплется на мою несчастную голову. При этом наш Сганарель[241] уподобляется Валааму, который явился проклинать, но уста его против его воли расточают «слова благословения и любви»[242]. Как известно, Валаам отличался тем, что ездил на ослице, которая была умнее своего седока. На этот раз, очевидно, Валаам оставил свою ослицу дома.

обще, ему можно придать более определенную, более точную формулировку; оно, по моему мнению, ни в какой мере не исчерпывает всего значения закона стоимости на тех ступенях экономического развития общества, которые подчинены господству этого закона.

В брауновском «Sozialpolitisches Centralblatt»[244] от 25 февраля 1895 г., № 22, напечатана также превосходная статья Конрада Шмидта о III томе «Капитала». В особенности следует отметить имеющийся здесь показ того, как выведением средней нормы прибыли из прибавочной стоимости Маркс впервые дает ответ на вопрос, который до сих пор даже не ставился экономистами: как определяется высота этой средней нормы прибыли и почему она достигает, скажем, 10% или 15%, а не 50% или 100%? С тех пор как мы знаем, что прибавочная стоимость, присвоенная прежде всего промышленными капиталистами, является единственным и исключительным источником, из которого проистекает прибыль и земельная рента, этот вопрос решается сам собой. Эта часть статьи Шмидта непосредственно написана для экономистов à la Лориа, если бы только не было напрасным трудом пытаться открыть глаза тем, кто не хочет видеть.

У Шмидта также есть формальные соображения по поводу закона стоимости. Он называет его научной *гипотезой*, выдвинутой для объяснения фактического процесса обмена, гипотезой, которая оправдала себя как необходимый теоретический исходный пункт, объясняющий даже явления конкурентных цен, как будто совершенно противоречащие ей; без закона стоимости, по его мнению, невозможно какое бы то ни было теоретическое понимание экономического механизма капиталистической действительности. А в одном частном письме, которое он мне разрешил цитировать, Шмидт прямо объявляет закон стоимости в рамках капиталистической формы производства фикцией, хотя и теоретически необходимой[245]. Но это понимание, по моему мнению, совершенно неверно. Закон стоимости и для капиталистического производства имеет гораздо большее и более определенное значение, чем значение простой гипотезы, не говоря уже о фикции, хотя бы и необходимой.

Как Зомбарт, так и Шмидт, — знаменитого Лориа я упоминаю при этом лишь мимоходом в качестве забавного экземпляра вульгарной политической экономии, — не обращают должного внимания на то, что здесь речь идет не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей.

Решающее место по этому поводу имеется у Маркса в «Капитале», кн. III, I, стр. 154 *:

«Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости».

Для иллюстрации этого различия предполагается сначала, что рабочие владеют средствами производства, работают в среднем одинаковое время и с одинаковой интенсивностью и непосредственно обменивают свои продукты между собой. При таких условиях двое рабочих присоединяли бы своим однодневным трудом к своему продукту одинаковое количество новой стоимости, но продукт каждого из них мог бы иметь различную стоимость в зависимости от количества труда, уже ранее воплощенного в средствах производства. Эта последняя часть стоимости представляла бы постоянный капитал капиталистического хозяйства; часть вновь присоединенной стоимости, израсходованная на жизненные средства рабочих, соответствовала бы переменному капиталу, а остающаяся сверх того часть новой стоимости представляла бы прибавочную стоимость, которая в данном случае принадлежала бы самим рабочим. Следовательно, двое рабочих, за вычетом возмещения лишь авансированной ими «постоянной» части стоимости, получили бы равные по величине стоимости; однако отношение части, представляющей прибавочную стоимость, к стоимости средств производства, — что соответствовало бы капиталистической норме прибыли, — было бы у обоих различно. Но так как каждый из них при обмене получает возмещение стоимости его средств производства, то это было бы совершенно безразличным обстоятельством.

«Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенно высокая степень капиталистического развития... Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически, как prius** цен производства. Это относится к таким общественным условиям, когда работнику принадлежат средства производства; таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом

* См. настоящий том, стр. 192. *Ред.*

** — предшествующее. *Ред.*

и владеющего землей, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее мнением, что развитие продуктов в товары возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим общественным отношениям, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины» (Маркс. «Капитал», кн. III, I, стр. 155—156) *.

Если бы Марксу удалось еще раз переработать третий том, то он, несомненно, развил бы это место значительно подробнее. В своем же настоящем виде оно дает лишь набросок того, что следовало бы сказать по данному вопросу. Остановимся на нем поэтому несколько подробнее.

Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями и что эти производители стихийно объединены в более или менее коммунистически организованные общины; что обмен избытками этих продуктов, с которого начинается превращение продуктов в товары, возникает позднее, причем сначала он происходит лишь между отдельными разноплеменными общинами и только потом возникает и внутри общин, существенно содействуя их разложению на бóльшие или меньшие семейные группы. Но и после этого разложения обменивающиеся между собой главы семейств остаются трудящимися крестьянами, производящими почти все необходимое для удовлетворения всех своих потребностей в собственном хозяйстве при помощи своей семьи, и лишь незначительную часть необходимых предметов они выменивают на стороне на избыток продукта своего труда. Семья занимается не только земледелием и скотоводством, но и перерабатывает также их продукты в готовые предметы потребления, местами даже перемалывает еще зерно на ручной мельнице, печет хлеб, прядет, красит, изготовляет льняные и шерстяные ткани, дубит кожи, строит и ремонтирует деревянные здания, изготовляет инструменты и орудия труда, нередко выполняет столярные и кузнечные работы, так что такая семья или семейная группа в основном ведет натуральное хозяйство.

---

* См. настоящий том, стр. 193, 194. *Ред.*

То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX столетия в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, то есть из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны, или лучшего качества покупных изделий. Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого для изготовления предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и тележник работали на его глазах, так же как и портной или сапожник, которые у нас на Рейне еще в дни моей юности ходили из одного крестьянского дома в другой и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд — и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других производителей иначе, чем пропорционально затраченному труду? Рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подходящим мерилом у них для количественного определения подлежащих обмену величин, но всякое другое мерило было совершенно немыслимо. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт 10-часового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров соизмерялись все больше и больше по количеству воплощенного в них труда. С момента проникновения денег в это хозяйство тенденция к соответствию с законом стоимости (nota bene * — в формулировке Маркса!) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой — она уже начинает нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной системы, и те периоды, за которые цены в среднем почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными.

То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников. Вначале обмен совершается

---

* — заметим хорошенько. *Ред.*

прямо, без посредничества купца, в базарные дни в городах, где крестьянин продает свои продукты и совершает покупки. И здесь точно так же крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород, но очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д. Таким образом, в средневековье люди были в состоянии довольно точно подсчитать друг у друга издержки производства в отношении сырья, вспомогательных материалов, рабочего времени — по крайней мере, поскольку дело касалось предметов повседневного обихода.

Но как же при этом обмене по количеству затраченного труда определялось это количество, хотя бы косвенно и относительно, для продуктов, требующих затраты труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределенным объемом продукции, например для хлеба и скота, и при этом людьми, не умеющими считать? Очевидно, лишь путем длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт учил людей. Необходимость для каждого в общем и целом возместить свои издержки содействовала в каждом отдельном случае нахождению правильного пути, ограниченное же число видов предметов, поступавших в обмен наряду с неизменяющимся — нередко на протяжении многих столетий — характером их производства, облегчали эту задачу. Доказательством того, что для приблизительно точного установления относительной величины стоимости этих продуктов вовсе не требовалось слишком много времени, служит уже один тот факт, что такой товар, как скот, для которого, ввиду продолжительности времени производства отдельной его головы, это определение кажется наиболее затруднительным, был первым довольно общепризнанным денежным товаром. А для этого необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров, достигла фиксации, относительно необычной и беспрекословно признаваемой на территории многочисленных племен. И люди того времени, как скотоводы, так и те, кто у них покупал, наверное были достаточно благоразумны для того, чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченное ими рабочее время. Наоборот, чем ближе к первоначальному периоду товарного производства находится тот или другой народ, — например русские и восточные народы, — тем больше времени и до сих пор тратят они на то, чтобы путем долгого, упорного торга полностью оплатить рабочее время, употребленное на производство продукта.

Исходя из этого определения стоимости рабочим временем, все товарное производство, — а вместе с тем и многообразные отношения, в которых проявляются различные стороны закона стоимости, — развивается так, как это изложено в первом отделе первого тома «Капитала»; стало быть, в частности, развиваются и условия, при которых только труд и является созидателем стоимости. Притом эти условия прокладывают себе путь, не будучи осознанными людьми, и лишь путем трудных теоретических исследований они могут быть абстрагированы из повседневной практики; стало быть, эти условия действуют подобно законам природы, что неизбежно вытекает, как доказал Маркс, из природы товарного производства. Важнейшим и решающим шагом вперед был переход к металлическим деньгам, но в результате этого перехода и определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена. С точки зрения практики решающим мерилом стоимости стали деньги, и это тем более, чем разнообразнее становились товары, служащие предметами торговли, чем в большей мере они притекали из отдаленных стран и, следовательно, чем меньше можно было учесть необходимое для изготовления этих товаров рабочее время. К тому же и сами деньги вначале большей частью притекали из чужих краев; но даже и в том случае, когда благородные металлы добывались в данной стране, крестьяне и ремесленники отчасти не были в состоянии даже приблизительно определить затраченный на их добывание труд, с другой же стороны, у них самих под влиянием привычки считать на деньги значительно затемнялось представление о свойстве труда как мерила стоимости; в народном сознании деньги начали служить представителем абсолютной стоимости.

Словом, закон стоимости Маркса имеет силу повсюду, — поскольку вообще имеют силу экономические законы, — для всего периода простого товарного производства, следовательно, до того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV сто-

летия нашего летосчисления. Начало же обмена товаров относится ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писаной истории и уходит в глубь веков в Египте по меньшей мере за две с половиной, а может быть и за пять тысяч лет, в Вавилонии же за четыре-шесть тысяч лет до нашего летосчисления. Таким образом, закон стоимости господствовал в течение периода в пять-семь тысяч лет. И вот после этого полюбуйтесь глубокомыслием г-на Лориа, называющего стоимость, имевшую всеобщее и непосредственное значение в течение всего этого времени, стоимостью, по которой товары никогда не продавались и не могут продаваться и исследованием которой никогда не будет заниматься ни один экономист, имеющий хотя бы каплю здравого рассудка.

Пока мы не говорили о купце. Мы могли оставлять без внимания его вмешательство до сих пор, когда мы переходим к превращению простого товарного производства в капиталистическое товарное производство. Купец был революционизирующим элементом этого общества, где прежде все было неизменно, неизменно, так сказать, по наследству; где крестьянин не только свой надел, но и свое положение свободного собственника, свободного или зависимого оброчника или крепостного, а городской ремесленник свое ремесло и цеховые привилегии получали наследственно и почти неотчуждаемо; кроме того, каждый из них получал по наследству свою клиентуру, свой рынок сбыта, так же как и выработанное с юных лет мастерство в унаследованной профессии. И вот в этот мир вступил купец, который должен был стать исходным пунктом для этого переворота. Но он не действовал в качестве сознательного революционера, а, наоборот, как плоть от плоти, кость от кости этого мира. Купец средневековья отнюдь не был индивидуалистом, он был в сущности общинником, как и все его современники. В деревне господствовала выросшая на основе первобытного коммунизма община-марка. Каждый крестьянин имел первоначально надел одинаковой величины, с одинаковыми участками земли каждого для данной местности качества, и пользовался соответствующими одинаковыми правами в общине-марке. С тех пор как община-марка стала замкнутой и было прекращено предоставление новых наделов, наступило дробление наделов благодаря наследованию и т. д. и соответствующее дробление общинных прав, но единицей общинного землевладения попрежнему оставался полный надел, так что были половины, четверти и восьмые доли надела с половинной, четвертой или восьмой долей участия в правах общины-марки. По образцу общины-марки строились все позднейшие промышленные

общины и прежде всего городские цехи, внутреннее устройство которых было не чем иным, как применением устройства общины-марки, но уже к привилегированному ремеслу, а не к определенной территории. Центральным пунктом всей организации было равное участие каждого ее члена в пользовании всеми обеспеченными за цехом привилегиями и доходами, как это красноречиво выражено в привилегии на «кормление от пряжи», данной жителям Эльберфельда и Бармена в 1527 г. (Thun. «Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter». Theil II, Leipzig, 1879, S. 164 und ff.). То же относится к горной промышленности, где каждый пай гарантировал также равное участие и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями. И то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам, вызвавшим к жизни заморскую торговлю. Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинополя, — каждая «нация» в своем собственном Fondaco *, состоящем из жилого помещения, трактира, склада, выставочного помещения и магазина с общей конторой, — составляли законченные торговые товарищества; они были ограждены от конкурентов и посторонних клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особого клейма, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д. Точно так же вели свое дело ганзейцы на «Немецком мосту» (Tydske Bryggen) в норвежском Бергене, а также их голландские и английские конкуренты. Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен! Бойкот, которому он подвергался, означал при тогдашних условиях неизбежное разорение, не говоря уже о прямых штрафах, налагаемых товариществом на виновника. Но, кроме того, основывались более тесные товарищества с определенными целями, вроде генуэзского общества Маона, владевшего в течение многих лет квасцовыми залежами Фокеи в Малой Азии и на острове Хиосе в XIV и XV столетиях, далее — большого Равенсбергского торгового общества, которое с конца XIV столетия вело торговые дела с Италией и Испанией и основывало там свои отделения, а также немецкого общества аугсбургских купцов — Фуггер, Вельзер, Фёлин, Хёхштеттер и т. д., нюрнбергских — Хиршфогель и других, которое с капиталом в 66 000 дукатов и тремя кораблями принимало участие в португальской экспедиции 1505—1506 гг. в Индию,

* — гостином дворе. *Ред.*

получив при этом 150%, а по другим источникам — 175% чистой прибыли (Heyd. «Geschichte des Levantehandels im Mittelalter». Bd. II, Stuttgart, 1879, S. 524), и целого ряда других обществ-«монополий», приводивших Лютера в такую ярость.

Здесь мы впервые сталкиваемся с прибылью и нормой прибыли. А именно — стремление купцов сознательно и преднамеренно направлено к тому, чтобы сделать эту норму прибыли равной для всех участников. Каждый венецианец в странах Леванта, каждый ганзеец в северных странах платил одинаковые со своими соседями цены за приобретаемые товары, они стоили ему одинаковых транспортных издержек, он получал за них одинаковые с другими цены и закупал обратный груз по тем же ценам, как и другие купцы его «нации». Таким образом, норма прибыли была одинакова для всех. В крупных торговых товариществах распределение прибыли пропорционально вложенной доле капитала было столь же само собой разумеющимся, как и пользование правами в марке пропорционально дающим эти права долям надела или как участие в прибыли горнорудных предприятий пропорционально размеру пая. Таким образом, равная норма прибыли, которая в своем полном развитии есть один из конечных результатов капиталистического производства, оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма.

Эта первоначальная норма прибыли неизбежно была очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия; наконец, самый сбыт и условия этого сбыта основывались на данных чужеземными князьями привилегиях, которые довольно часто нарушались или совершенно отменялись. Прибыль, следовательно, должна была включать высокую страховую премию. Кроме того, оборот совершался медленно, выполнение сделок затягивалось, а в более благоприятные периоды, которые, впрочем, редко бывали продолжительны, торговые дела представляли собой монопольную торговлю с монопольной прибылью. О том, что средняя норма прибыли была очень высока, свидетельствуют также и обычные тогда очень высокие ставки процента, которые всегда должны быть в общем ниже обычного уровня торговой прибыли.

Но эта высокая и равная для всех участников норма прибыли, получаемая благодаря совместной деятельности

товариществ, имела силу лишь в пределах данных товариществ, то есть в данном случае — отдельных «наций». Венецианцы, генуэзцы, ганзейцы, голландцы — каждая нация для себя и, вероятно, вначале также для каждого отдельного рынка сбыта — имели особые нормы прибыли. Выравнивание этих различных норм прибыли отдельных товариществ осуществлялось противоположным путем — при помощи конкуренции. Прежде всего выравнивались нормы прибыли на различных рынках одной и той же нации. Если Александрия давала бо́льшую прибыль на венецианские товары, чем Кипр, Константинополь или Трапезунд, то венецианцы направляли больше капиталов в Александрию, изъяв часть их из обращения на других рынках. Далее должно было последовать постепенное выравнивание норм прибыли между отдельными нациями, вывозящими на одни и те же рынки одинаковые или сходные товары, причем очень часто некоторые из этих наций разорялись и исчезали со сцены. Процесс этот, однако, постоянно прерывался политическими событиями: так, например, вся торговля с Востоком прекратилась вследствие монгольских и турецких нашествий, а великие географическо-торговые открытия с 1492 г. [246] лишь ускорили и затем довершили ее закат.

Последовавшее затем внезапное расширение рынков сбыта и связанный с этим переворот в путях сообщения не вызвали на первых порах существенных изменений в способе ведения торговли. Торговля с Индией и Америкой также велась сперва преимущественно товариществами. Но теперь уже за этими товариществами стояли более или менее крупные нации. Место торговавших со странами Леванта каталонцев заняла в американской торговле вся объединенная Испания, а наряду с ней две такие большие страны, как Англия и Франция; даже такие маленькие страны, как Голландия и Португалия, были все же, во всяком случае, не меньше и не слабее Венеции — самой большой и сильной торговой нации предшествовавшего периода. Это давало странствующему купцу, merchant adventurer *, XVI и XVII столетий опору, которая все более и более делала товарищество, защищающее своих членов также и при помощи оружия, и связанные с его существованием расходы излишним бременем. Далее, теперь богатства накоплялись в руках отдельных лиц значительно быстрее, так что вскоре отдельные купцы могли тратить на торговые операции столько же средств, сколько раньше расходовало целое общество. Торговые общества, там, где они еще продолжали существовать, превра-

* — купцу-авантюристу. *Ред.*

щались по большей части в вооруженные корпорации, которые под защитой и протекторатом своих государств завоевывали и монопольно эксплуатировали целиком вновь открытые страны. Но чем в большем числе основывались, преимущественно государством, колонии в новых районах, тем больше торговые товарищества уступали место торговой деятельности отдельного купца, и вместе с тем выравнивание норм прибыли все больше и больше становилось исключительно делом конкуренции.

До сих пор мы знакомились лишь с нормой прибыли торгового капитала. Ибо до сих пор имелся только торговый и ростовщический капитал, поскольку промышленный капитал еще не получил развития. Производство еще было преимущественно в руках работников, которые владели своими собственными средствами производства и труд которых, следовательно, не приносил прибавочной стоимости капиталу. Если они и были вынуждены отдавать безвозмездно часть своего продукта третьему лицу, то лишь в виде дани феодальному владыке. Поэтому торговый капитал, по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с отечественных покупателей иностранных продуктов. Только в конце этого периода — для Италии, следовательно, с упадком торговли с Левантом — иностранная конкуренция и затруднения со сбытом могли вынуждать ремесленного производителя экспортных товаров уступать купцу-экспортеру товары ниже их стоимости. Таким образом, мы обнаруживаем здесь такое явление, что во внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по их стоимостям, а во внешней торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям. Полная противоположность современному положению, когда цены производства имеют силу во внешней и оптовой торговле, между тем как в розничной городской торговле ценообразование регулируется совершенно иными нормами прибыли, так что теперь, например, говядина претерпевает более значительную надбавку в цене по дороге от лондонского оптового торговца к лондонским потребителям, чем на пути от оптового торговца в Чикаго к лондонскому оптовому торговцу, включая сюда и транспортные расходы.

Орудием этого постепенного переворота в ценообразовании был промышленный капитал. Начало существованию промышленного капитала было положено уже в средние века, а именно в трех областях: судоходстве, горной промышленности и текстильной промышленности. Судоходство в тех размерах,

в которых оно велось итальянскими и ганзейскими приморскими республиками, невозможно было без матросов, то есть наемных рабочих (отношения найма последних могли маскироваться артельными формами с участием в прибылях), а галеры того времени немыслимы без гребцов — наемных рабочих или рабов. Предприятия по добыванию руды, которые первоначально велись объединенными в артели работниками, почти везде превращались в акционерные общества, которые вели производство силами наемных рабочих. В текстильной же промышленности купец начал прямо ставить мелких мастеров-ткачей себе на службу, обеспечивая их пряжей и заставляя их за его счет перерабатывать ее в ткань за определенную плату, — короче говоря, превращаясь из простого купца в так называемого *раздатчика*.

Здесь мы имеем перед собой первые зачатки образования капиталистической прибавочной стоимости. Горные промыслы ввиду их замкнутого монопольно-корпоративного характера мы можем оставить в стороне. Что же касается судоходства, то, очевидно, здесь прибыль должна была, во всяком случае, равняться обычной прибыли данной страны со специальной надбавкой на страхование, износ судов и т. д. Ну а как обстояло дело с раздатчиками в текстильной промышленности, которые впервые вынесли на рынок товары, произведенные непосредственно за счет капиталиста, создав этим конкуренцию товарам того же рода, произведенным за счет ремесленника?

Норма прибыли торгового капитала была уже заранее дана. Она уже была также, по крайней мере для данной местности, сведена к приблизительно средней норме. Что же могло побудить купца взять на себя дополнительную роль раздатчика? Лишь одно: перспектива большей прибыли при равной с другими продажной цене. И именно это он имел в виду. Заставив работать на себя мелких мастеров, он ломал традиционные границы производства, при которых производитель продавал свой готовый продукт и ничего другого. Торговый капиталист покупал рабочую силу работника, который покамест еще владел своими орудиями производства, но уже больше не владел сырьем. Обеспечивая, таким образом, ткачу регулярную работу, он мог вместе с тем настолько понижать его заработную плату, что часть затраченного рабочего времени оставалась неоплаченной. Таким образом раздатчик присваивал прибавочную стоимость сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли. Правда, он должен был для этого применять добавочный капитал, чтобы закупать пряжу и т. д. и оставлять ее в руках ткача до окончательной выделки продукта, между тем как прежде

он выплачивал полную цену продукта только в момент покупки его. Но, во-первых, в большинстве случаев он и раньше уже делал дополнительные затраты капитала на ссуду ткачу, которого, как правило, только долговое рабство заставляло подчиняться новым условиям производства. И, во-вторых, даже независимо от этого расчет представляется в следующем виде.

Допустим, что наш купец вел свое экспортное дело с капиталом в 30 000 дукатов, цехинов, фунтов стерлингов или каких-нибудь других денежных единиц. Положим, что 10 000 из них затрачено на покупку товаров внутреннего производства, в то время как 20 000 тратятся на заморских рынках. Пусть капитал оборачивается раз в два года, тогда годовой оборот равен 15 000. Но допустим, что наш купец хочет заняться ткачеством за свой счет, сделаться раздатчиком. Какой капитал должен он для этого дополнительно затратить? Пусть время производства штуки ткани, которой он торгует, равняется в среднем двум месяцам (хотя это наверное слишком продолжительный срок). Допустим далее, что он за все должен платить наличными деньгами. В таком случае он должен будет дополнительно затратить такой капитал, чтобы его хватило для обеспечения ткачей пряжей на два месяца. Так как его годовой оборот — 15 000, то в два месяца он закупает тканей на 2 500. Пусть 2 000 из них представляют стоимость пряжи, а 500 — заработную плату ткачей; тогда нашему купцу потребуется дополнительный капитал в 2 000. Допустим, что прибавочная стоимость, которую он благодаря новому методу извлекает у ткача, составляет лишь 5% стоимости ткани, что дает безусловно весьма скромную норму прибавочной стоимости в 25% ($2\,000_c + 500_v + 125_m$; $m' = \frac{125}{500} = 25\%$; $p' = \frac{125}{2\,500} = 5\%$). При таких условиях наш купец с годовым оборотом 15 000 получит 750 добавочной прибыли, а в $2^2/_3$ года вернет себе, следовательно, весь затраченный дополнительный капитал.

Но чтобы ускорить свой сбыт и вместе с тем свой оборот и благодаря этому получить ту же прибыль с прежнего капитала в более короткий период времени, — следовательно, чтобы получить в течение того же времени бо́льшую прибыль, — он подарит небольшую часть своей прибавочной стоимости покупателю, будет продавать дешевле своих конкурентов. Последние также превратятся постепенно в раздатчиков, и тогда добавочная прибыль сведется для них всех к обычной прибыли или даже к меньшей, причем она будет получаться на повысившийся у них всех капитал. Равенство нормы прибыли снова

восстановлено, хотя быть может уже на другом уровне, ввиду того что часть произведенной внутри страны прибавочной стоимости уступается иностранным покупателям.

Дальнейшим шагом по пути подчинения промышленности капиталу было введение мануфактуры. Последняя также давала возможность мануфактуристу, который в XVII и XVIII столетиях в большинстве случаев был и купцом-экспортером своих товаров, — в Германии так было до 1850 г. почти повсюду, а местами сохранилось и до сих пор, — производить дешевле его старомодных конкурентов-ремесленников. Повторяется тот же процесс: прибавочная стоимость, присваиваемая владельцем мануфактуры — капиталистом, позволяет ему или купцу-экспортеру, с которым он ее делит, продавать дешевле своих конкурентов, пока новый метод производства не станет всеобщим и снова произойдет выравнивание прибылей. Уже заранее данная норма торговой прибыли, если даже она выравнена в местном масштабе, остается прокрустовым ложем, на котором без всякого милосердия отсекается избыточная промышленная прибавочная стоимость.

Если мануфактура бурно развилась благодаря удешевлению продуктов, то в еще гораздо большей степени этому удешевлению обязана своим ростом крупная промышленность, которая путем непрерывного революционизирования производства все более и более понижает издержки производства товаров и беспощадно устраняет все прежние способы производства. Именно крупная промышленность таким путем окончательно завоевывает капиталу внутренний рынок, кладет конец мелкому производству и натуральному хозяйству крестьянской семьи, устраняет прямой обмен между мелкими производителями и ставит всю нацию на службу капиталу. Она также выравнивает нормы прибыли различных отраслей торговли и промышленности в одну общую норму прибыли и обеспечивает, наконец, промышленности подобающую ей господствующую роль при этом выравнивании, устраняя бо́льшую часть препятствий, до тех пор стоявших на пути перелива капитала из одной отрасли в другую. Вместе с этим для всего процесса обмена совершается превращение стоимостей в цены производства. Это превращение происходит, следовательно, в силу объективных законов, вне сознания или намерения участников. То обстоятельство, что конкуренция низводит до общего уровня прибыль, превышающую общую норму, и таким путем снова отнимает у первых присвоителей-промышленников прибавочную стоимость, превышающую средний уровень, не представляет собой в теоретическом отношении никаких трудностей. Но зато на практике

здесь больше трудностей, так как отрасли с избыточной прибавочной стоимостью, то есть с высоким переменным и низким постоянным капиталом или с низким строением капитала, по самой природе своей позже всего и меньше всего подчиняются капиталистическому производству; это относится прежде всего к земледелию. Что же касается, наоборот, повышения цен производства выше стоимости товаров, которое необходимо, чтобы поднять до уровня средней нормы прибыли недостаточную прибавочную стоимость, заключенную в продуктах отраслей с высоким строением капитала, то теоретически это выглядит весьма трудным, на практике же, как мы уже видели, совершается всего легче и быстрее. Ибо товары этого рода, когда они начинают производиться капиталистически и поступают в капиталистическую торговлю, вступают в конкуренцию с товарами того же рода, которые произведены докапиталистическими методами и которые, следовательно, стоят дороже. Следовательно, капиталистический производитель даже при отказе от части прибавочной стоимости все же может получать обычную для его местности норму прибыли, которая первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникала из функции торгового капитала задолго до того, как вообще начали капиталистически производить, то есть задолго до того, как стала возможна промышленная норма прибыли.

II
БИРЖА

1) Из третьего тома, пятого отдела, в особенности из главы [27] видно, какое положение биржа занимает в капиталистическом производстве вообще. Однако с 1865 г., когда книга была написана, наступило изменение, которое придает бирже значительно возросшую и все растущую роль и которое в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков все производство, как промышленное, так и сельскохозяйственное, и все обращение — как средства сообщения, так и функцию обмена; таким образом, биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства.

2) В 1865 г. биржа была еще *второстепенным* элементом в капиталистической системе. Основную массу биржевых ценностей представляли государственные ценные бумаги, но и их количество было относительно невелико. Наряду с этим акционерные банки, которые на континенте и в Америке занимали господствующее положение, в Англии же только собирались поглотить принадлежащие аристократам частные банки, в массе своей играли еще сравнительно незначительную роль. Железнодорожные акции были также еще относительно слабо распространены по сравнению с настоящим временем. Промышленных предприятий, так же как и банков, непосредственно в акционерной форме было еще немного, большей частью они создавались в *более бедных* странах, как Германия, Австрия, Америка и т. д.: — «глаз хозяина» был в то время еще не изжитым суеверием.

Следовательно, биржа тогда была еще местом, где капиталисты отнимали друг у друга накопленные ими капиталы и которое непосредственно интересовало рабочих лишь как новое доказательство всеобщего деморализующего влияния капиталистического хозяйства и как подтверждение кальви-

нистской догмы, что уже на этом свете божественное предопределение — alias *, случай — определяет благословение и проклятье, богатство, это значит роскошь и власть, и бедность, это значит лишения и рабство.

3) Теперь дело обстоит иначе. Со времени кризиса 1866 г. накопление происходило со все возрастающей быстротой и притом таким образом, что ни в одной промышленной стране, и всего менее в Англии, производство не поспевало за накоплением, и накопление отдельного капиталиста не могло найти полного применения в расширении его собственного предприятия; в английской хлопчатобумажной промышленности [это наблюдалось] уже в 1845 г., [далее] железнодорожные аферы. Вместе с этим накоплением возрастала и масса рантье, людей, которым надоело постоянное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели только развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний. И, в-третьих, чтобы облегчить приложение высвободившейся таким образом массы денежного капитала, ныне повсюду, где этого не было раньше, установлены новые законодательные формы для обществ с ограниченной ответственностью и уменьшены обязательства акционеров, прежде несших неограниченную ответственность (акционерные общества в Германии в 1890 г. — 40% подписки!).

4) Отсюда постепенное превращение промышленности в акционерные предприятия. Одну отрасль за другой постигает эта судьба. Сначала железоделательная промышленность, где в настоящее время необходимы гигантские вложения (еще раньше горнорудная промышленность, если она еще не имела формы паевых предприятий). Затем химическая промышленность, ditto ** машиностроительные заводы. На континенте также текстильная промышленность, а в Англии пока лишь в отдельных местностях — Ланкашир (прядильная фабрика в Олдем, ткацкая фабрика в Бернли и т. д., объединение швейных предприятий; но это лишь предварительная ступень, так как во время ближайшего кризиса эти объединения распадутся и предприятия снова окажутся в руках [отдельных] хозяев), пивоварни (несколько лет назад американские пивоварни были отданы в руки английского капитала, далее Guiness Bess, Allsopp ***). Затем тресты, создающие гигантские предприятия с общим управлением (как United Alcali). Обыкновенная единоличная фирма все более и более становится только

* — иначе. *Ред.*
** — а также. *Ред.*
*** Название двух крупных английских пивоваренных фирм. *Ред.*

предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту, когда оно будет достаточно велико, чтобы на его основе «учредить» акционерное общество.

То же самое относительно торговли. Leafs, Parsons, Morleys, Morrison, Dillon — все эти фирмы превратились в акционерные общества. Точно такие же изменения претерпевают и розничные фирмы, и притом не только приобретают вид кооперации à la «Stores» *.

То же самое относительно банков и других кредитных учреждений также и в Англии. Масса новых — все в форме акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Даже старые банки, как... ** и т. д., преобразуются с 7 частными [акционерами] в акционерное общество.

5) В области земледелия то же самое. Неимоверно расширившиеся банки, особенно в Германии (под всевозможными бюрократическими наименованиями) — все больше и больше становятся ипотекодержателями; вместе с их акциями действительная верховная собственность на землю передается бирже, и это имеет место в еще большей степени, если имения попадают в руки кредиторов. Здесь революция в сельском хозяйстве, связанная с обработкой степных земель, оказывает огромное влияние; если так будет продолжаться, то можно предвидеть время, когда земля попадет в руки биржи также в Англии и во Франции.

6) Далее приложение капитала за границей — все в акциях. Если говорить только об Англии: американские железные дороги, северные и южные (справиться по биржевому бюллетеню), Гольдбергер и т. д.

7) Затем колонизация. Последняя ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку, французы захватили Тунис и Тонкин. Африка прямо сдана в аренду компаниям (Нигерия, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Африка). Машоналенд и Наталь захвачены для биржи Родсом.

---

* То есть по образцу универмагов. *Ред.*

** Слово неразборчиво. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Выписки Маркса из русских источников за этот период частично опубликованы Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. См. Архив Маркса и Энгельса, том XI (М., 1948), том XII (М., 1952), том XIII (М., 1955). — *10.*

2 Имеются в виду следующие отчеты: 1) «First Report from the Secret Committee on Commercial Distress; with the Minutes of Evidence. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 8 June 1848»; 2) «Report from the Secret Committee of The House of Lords appointed to Inquire into the Causes of the Distress which has for some Time prevailed among the Commercial Classes, and how far it has been affected by the Laws for regulating the Issue of Bank Notes payable on Demand. Together with the Minutes of Evidence, and an Appendix. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 28 July 1848 [Reprinted, 1857]». — *11.*

3 Имеются в виду следующие отчеты: «Report from the Select Committee on Bank Acts; together with the Proceedings of the Committee, Minutes of Evidence, Appendix and Index. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 30 July 1857»; «Report from the Select Committee on the Bank Acts; together with the Proceedings of the Committee, Minutes of Evidence, Appendix and Index. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 1 July 1858». — *11.*

4 Свое намерение издать «Теории прибавочной стоимости» в качестве четвертого тома «Капитала» Энгельс не успел выполнить. В 1905—1910 гг. «Теории прибавочной стоимости» были изданы К. Каутским, однако с целым рядом произвольных отступлений от авторской рукописи, перестановок и купюр. Новое издание «Теорий прибавочной стоимости» Маркса было осуществлено на русском языке в 1954—1961 гг. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»)», часть I (М., 1954), часть II (М., 1957), часть III (М., 1961). — *11.*

5 «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*» («Ежегодник по вопросам политической экономии и статистики») — двухнедельный журнал,

основан в 1863 г. в Иене; с 1872 по 1890 г. выходил под редакцией буржуазного экономиста Конрада, с 1891 по 1897 г. — под редакцией буржуазного экономиста Лексиса. — *12*.

6 *Теория «предельной полезности»* — вульгарная буржуазно-апологетическая экономическая теория, возникшая в 70-х годах XIX в. в противовес теории трудовой стоимости Маркса. Согласно этой теории, в основе стоимости лежит не общественно необходимый труд, а так называемая предельная полезность товара, отражающая субъективную оценку полезности товара, который удовлетворяет наименее неотложную потребность покупателей. По мнению сторонников теории «предельной полезности», теория трудовой стоимости неверна, так как в действительности, говорили они, цены не совпадают со стоимостью, и последняя определяется обычно случайными и не связанными с производством обстоятельствами, вроде редкости товара и другими. Будучи одним из средств маскировки эксплуатации наемной рабочей силы при капитализме, теория «предельной полезности» широко распространена в современной буржуазной политической экономии. — *13*.

7 См. W. Lexis. «Kritische Erörterungen über die Währungsfrage». In: «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im Deutschen Reich». Jahrgang V, Heft I, 1881, S. 87—132.

«Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im Deutschen Reich» («Ежегодник по вопросам законодательства, управления и народного хозяйства в Германской империи») — двухнедельный журнал, основан в 1871 году; под данным названием выходил с 1877 по 1912 г. под редакцией буржуазного экономиста Г. Шмоллера в Лейпциге.

Биметаллизм — денежная система, при которой функции денег одновременно выполняют два валютных металла — золото и серебро. — *14*.

8 Имеется в виду статья Акилле Лориа «Карл Маркс», опубликованная в «Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti». Roma, 1883, Aprile, p. 509—542.

«Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti» («Новая антология науки, литературы и искусства») — итальянский литературно-художественный и публицистический журнал либерального направления, выходил с 1866 по 1878 г. один раз в месяц во Флоренции, с 1878 по 1943 г. — два раза в месяц в Риме. — *21*.

9 Лориа пользовался французским изданием I тома «Капитала», в котором XI глава соответствует IX главе немецкого издания «Норма и масса прибавочной стоимости». — *22*.

10 Имеется в виду предисловие Энгельса ко II тому «Капитала» К. Маркса (см. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 23—24). — *23*.

11 *Дулькамара* — персонаж оперы Доницетти «Любовный напиток»; образ пройдохи и шарлатана.

Сганарель — персонаж комедии Мольера «Дон Жуан», слуга Дон Жуана; тип ловкого и трусливого пройдохи. — *25*.

12 Имеется в виду статья «Замечания к статье г-на Штибелинга: «О влиянии концентрации капитала на заработную плату и эксплуатацию труда»», опубликованная в журнале «Neue Zeit» № 3, 1887, S. 123—127.

«Die Neue Zeit» («Новое время») — политико-теоретический журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 по октябрь 1890 г. ежемесячно, с октября 1890 по осень 1923 г. — еженедельно. Редактором журнала с 1883 г. был К. Каутский, с октября 1917 г. до осени 1923 г. — Г. Кунов. В 1885—1894 гг. Энгельс опубликовал в журнале ряд своих статей, постоянно помогая своими советами редакции журнала и нередко критикуя ее за допускавшиеся в журнале отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов после смерти Энгельса в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов. — *25.*

13 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 223—225. — *33.*

14 См. G. Ramsay. «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh, 1836, p. 184. — *46.*

15 Согласно господствовавшим в химии XVIII в. взглядам, считалось, что процесс горения обусловлен наличием в телах, способных к горению, особого вещества — флогистона, который выделяется из таких тел во время горения. Поскольку, однако, было известно, что при прокаливании металлов на воздухе их вес увеличивается, то сторонники флогистонной теории пытались приписать флогистону физически бессмысленный, отрицательный вес. Несостоятельность этой теории показал выдающийся французский химик А. Л. Лавуазье, который дал правильное объяснение процесса горения как реакции соединения горящего вещества с кислородом. О теории флогистона см. также предисловие Энгельса ко II тому «Капитала» (К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 19—20). — *46.*

16 В январе 1849 г. Прудон сделал попытку учреждения «Народного банка». Этот банк, посредством которого Прудон намеревался мирным путем осуществить свой «социализм», сводившийся к уничтожению ссудного процента и введению безденежного обмена на базе получения производителем полного эквивалента своего трудового дохода, потерпел банкротство через два месяца после своего основания. Подробный критический анализ взглядов Прудона Маркс дает в работе «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 4, стр. 65—185). — *47.*

17 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 232. — *47.*

18 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 179, 726—728. — *48.*

19 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 545—552. — *52.*

20 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 344—345. — *52.*

21 Маркс имеет в виду тот раздел своего труда «Теории прибавочной стоимости», в котором дается критический разбор взглядов Мальтуса

о норме прибавочной стоимости (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. III, стр. 29—33). — *55.*

22 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 327—330. — *58.*

23 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 528—539. — *59.*

24 См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 330—335. — *80.*

25 См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 284—285. — *81.*

26 См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 330—346. — *84.*

27 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 230—231. — *85.*

28 См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 332. — *86.*

29 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 335—336. — *90.*

30 Маркс имеет в виду следующую работу: A. Ure. «The Philosophy of Manufactures: or, An Exposition of the Scientific, Moral, and Commercial Economy of the Factory System of Great Britain». Second edition, London, 1835. — *92.*

31 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 618. — *95.*

32 Французский историк Ленге высказывает эту гипотезу в своей работе «Théorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la société». Tome II, Londres, 1767, livre V, chapitre XX. — *97.*

33 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 336—337. — *97.*

34 Имеется в виду навеянная идеями социалистов-утопистов инициатива рабочих города Рочдейла (Манчестерский промышленный округ), организовавших в 1844 г. потребительское кооперативное общество под названием Общество справедливых пионеров, которое явилось зародышем рабочего кооперативного движения в Англии и других странах. — *97.*

35 См. К. Маркс. «Капитал», том I, глава VIII, М., 1969, стр. 242—311. — *98.*

36 «*Killing no murder*» («убить еще не значит быть убийцей») — распространенное английское выражение, которое происходит от названия изданного в середине XVII в., в период английской буржуазной революции, памфлета «Killing no murder». Автор памфлета, левеллер Сексби, призывал к убийству лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии Оливера Кромвеля, как жестокого тирана, и оправдывал это убийство. — *102.*

37 *Суд королевской скамьи* — один из высших судов Англии. Суд королевской скамьи рассматривал уголовные и гражданские дела и обладал правом пересмотра решений ряда нижестоящих судов. — *103.*

38 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 302. — *105.*

39 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 265—266. — *107.*

40 Имеются в виду книги: A. Ure. «The Philosophy of Manufactures: or, An Exposition of the Scientific, Moral, and Commercial Economy of the Factory System of Great Britain». Second edition, London, 1835; Ch. Babbage. «On the Economy of Machinery and Manufactures». London, 1832, p. 280—281. — *116.*

41 См. R. Torrens. «An Essay on the Production of Wealth». London, 1821, p. 28 and sqq. (ср. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. III, стр. 68—81). — *119.*

42 См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 131—138. — *119.*

43 Хлебные пошлины взимались в Англии на основании так называемых хлебных законов (1815, 1822 и 1828 гг.), направленных на ограничение или запрещение импорта хлеба в интересах крупных земельных собственников. Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась их отменой в 1846 году. Отмена хлебных законов явилась ударом по земельной аристократии и способствовала ускорению развития капитализма в Англии. — *119.*

44 Билль о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят английским парламентом 8 июня 1847 г. и вступил в силу в качестве закона 1 мая 1848 года. Однако на практике многие фабриканты игнорировали этот закон. Подробно об этом см. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 293—295. — *120.*

45 Ch. Babbage. «On the Economy of Machinery and Manufactures». London, 1832, p. 280—281. — *126.*

46 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, chapter II. — *127.*

47 См. К. Маркс. «Капитал», том II, отдел III «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала». — *130.*

48 *Хлопковый голод или хлопковый кризис 1861—1865 гг.* — так называлась острая нехватка хлопка в хлопчатобумажной промышленности Англии и некоторых других стран, вызванная прекращением поставок хлопка из Америки из-за блокады южных рабовладельческих штатов флотом северян во время Гражданской войны; хлопковый голод возник накануне кризиса перепроизводства и переплелся с ним. Бóльшая часть хлопчатобумажной промышленности Европы была парализована, что тяжело отразилось на положении рабочих. В 1862 г. в Англии остановилось три пятых общего числа прядильных веретен и ткацких станков, свыше 75% рабочих хлопчатобумажной промышленности в течение двух-трех лет были охвачены полной или частичной безработицей. Бедственное положение рабочих усугубилось неурожаями, постигшими Европу в начале 60-х годов. — *134.*

49 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 586 и сл. — *145.*

50 *Национальные мастерские 1848 г.* — форма организации общественных работ, главным образом земляных, для безработных во Франции. Они возникли после февральской революции 1848 г. в результате декрета французского временного правительства. При этом преследовалась цель дискредитировать популярные тогда среди рабочих идеи мелкобуржуазного социалиста Луи Блана об организации труда и, с другой стороны, использовать организованных по-военному рабочих национальных мастерских в борьбе против революционного пролетариата. Так как провокационный план раскола рабочего класса не удался и занятые в национальных мастерских рабочие все более проникались революционными настроениями, буржуазное правительство предприняло ряд мер, направленных к ликвидации этих мастерских. Это вызвало сильное возмущение парижского пролетариата и явилось одним из поводов к началу июньского восстания в Париже. После подавления восстания правительство Кавеньяка приняло 3 июля 1848 г. декрет о роспуске национальных мастерских. — *147.*

51 См. Rodbertus. «Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorie». Berlin, 1851, S. 125. Подробный критический анализ теории нормы прибыли Родбертуса Маркс дает в «Теориях прибавочной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 69—90). — *151.*

52 Речь идет о десятой главе книги: A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776. — *154.*

53 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 53. — *154.*

54 Взгляды Шербюлье об образовании общей нормы прибыли Маркс специально рассматривает в «Теориях прибавочной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. III, стр. 389). — *173.*

55 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 232 и сл. — *175.*

56 Речь идет о работе К. Маркса «Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»)». См. примечание 4. — *184.*

57 *Законы об оседлости* (settlement laws) — существующие с 1662 г. в Англии законы, в силу которых сельскохозяйственные рабочие фактически лишались права переезда с одного места на другое. Этими законами, которые, в свою очередь, были составной частью законов о бедных, предусматривалось возвращение нуждавшихся сельскохозяйственных рабочих по решению суда к месту их рождения и постоянного жительства. Ограничивая свободу передвижения рабочих, законодательство тем самым создавало условия, позволявшие предпринимателям понижать до крайнего минимума заработную плату рабочих. — *191.*

58 Имеются в виду труды Г. Л. Маурера: «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung und der öffentlichen Gewalt». München, 1854; «Geschichte der Markenverfassung in Deutsch-

land». Erlangen, 1856; «Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland». Bd. I—IV, Erlangen, 1862—1863; «Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland». Bd. I—II, Erlangen, 1865—1866; «Geschichte der Städteverfassung in Deutschland». Bd. I—IV, Erlangen, 1869—1871.

L. H. Morgan. «Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilization». London, 1877. — *194*.

59 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 97. — *194*.

60 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 60—61. — *196*.

61 Указанные взгляды высказываются в работах: D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 60—61; H. Storch. «Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations». Tome II, St.-Pétersbourg, 1815, p. 78—79 (об этом см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 102). — *200*.

62 Th. Corbet. «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained». London, 1841, p. 42—44. — *200*.

63 Автор анонимного сочинения «Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy» цитирует здесь первое издание книги Мальтуса «Principles of Political Economy». London, 1820, p. 75. — *210*.

64 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 36—41. — *222*.

65 *Servum pecus imitatorum* (раболепное стадо подражателей) — перефразировка слов «O imitatores, servum pecus!» («О подражатели, раболепное стадо!») из посланий Горация, книга I, послание 19. — *222*.

66 Здесь имеется в виду тот раздел «Теорий прибавочной стоимости», в котором Маркс дает критический разбор взглядов Рикардо о влиянии колебаний заработной платы на цены производства (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 204—219). — *223*.

67 См. Th. Corbet. «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained». London, 1841, p. 100—102. — *229*.

68 Маркс имеет в виду «Теории прибавочной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 484—522, 602—606). — *233*.

69 Имеется в виду абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления, сформулированный Марксом в I томе «Капитала» (см. К. Маркс. «Капитал», том I, глава XXIII, М., 1969, стр. 659). — *243*.

70 *«Hinc illae lacrimae!»* («Вот отчего эти слезы!») — слова из комедии римского драматурга Публия Теренция «Девушка с Андроса», акт I, сцена первая. — *246*.

71 См. примечание 68. — *246*.

72 См. W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage, Stuttgart und Augsburg, 1858, § 108, S. 192. — *247*.

73 Критический анализ теории прибыли А. Смита Маркс дает во II части «Теорий прибавочной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 240—254). — *247*.

74 *«Profit upon alienation»* («прибыль от отчуждения») — формула Джемса Стюарта («An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, London, 1805, p. 244), согласно которой прибыль капиталиста возникает в результате продажи товара выше его стоимости. Маркс анализирует эту формулу в «Теориях прибавочной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. I, стр. 10—11). — *253*.

75 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 327—328. — *253*.

76 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 327—328. — *253*.

77 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, chapter VII. — *260*.

78 [E. West.] «Essay on the Application of Capital to Land, with Observations shewing the Impolicy of any Great Restriction of the Importation of Corn». By a Fellow of University College of Oxford. London, 1815. — *265*.

79 Th. Chalmers. «On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society». Second edition, Glasgow, 1832, p. 88—89 and sqq. — *269*.

80 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 404. — *288*.

81 См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 100—114. — *293*.

82 *Голландско-Ост-Индская компания* существовала с 1602 по 1798 год. Отличительными чертами деятельности Компании в Индонезии были насильственное закрепление и консервирование докапиталистических производственных отношений (рабовладельческих и феодальных) и ограбление покоренного населения при помощи феодально-бюрократического аппарата туземной власти, перешедшего на службу к голландцам. Компания извлекала огромные доходы от продажи вывезенных из Индонезии сельскохозяйственных продуктов. Позже в крестьянское хозяйство стали принудительно внедряться новые культуры (особенно кофе), урожай которых полностью сдавался Компании. В результате непрерывного ряда крупных, жестоко подавляемых восстаний, обезлюдения страны, больших издержек по содержанию воинских гарнизонов, общего упадка былого могущества Нидерландов Компания потерпела крах и прекратила свое существование. — *336*.

83 См. примечание 72. — *337.*

84 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 528—539. — *338.*

85 См. W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage, Stuttgart und Augsburg, 1858, § 60, S. 103. — *356.*

86 См. примечание 43. — *360.*

87 См. примечание 82. — *362.*

88 См. примечание 74. — *362.*

89 Согласно взглядам древнегреческого философа Эпикура, в общем материалиста и атеиста, имеется бесчисленное множество миров. Эти миры возникают и существуют по своим собственным, естественным законам. Боги же, хотя и существуют, но находятся вне миров, в пространствах между ними, и не оказывают никакого влияния ни на развитие вселенной, ни на жизнь человека. — *363.*

90 Маркс цитирует работу Лютера по книге: «Der sechste Teil der Bücher des ehrnwirdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri». Wittembergk, 1589, S. 296, 297. — *364.*

91 Маркс имеет в виду резкое падение с конца XV столетия роли Генуи, Венеции и других городов Северной Италии в транзитной торговле, происшедшее в результате великих географических открытий того времени: открытия Кубы, Гаити и Багамских островов, материка Северной Америки, морского пути в Индию вокруг южной оконечности Африки и, наконец, материка Южной Америки. — *365.*

92 [J. Massie.] «An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest; wherein the Sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered». London, 1750, p. 60. — *365.*

93 I. H. M. Poppe. «Geschichte der Technologie seit der Wiederherstellung der Wissenschaften bis an Ende des achtzehnten Jahrhunderts». Band I, Göttingen, 1807, S. 70. — *369.*

94 Цитированные в тексте слова принадлежат одному из редакторов газеты «La Voix du Peuple» Шеве — автору «первого письма» в книге «Gratuité du Crédit». Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850.

«*La Voix du Peuple*» («Голос народа») — издававшаяся Прудоном ежедневная газета, выходила в Париже с 1 октября 1849 по 14 мая 1850 года. — *379.*

95 «*The Economist*» («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *394.*

96 Маркс иронически называет К. Арнда «философом собачьего налога» потому, что этот автор в своей книге посвятил специальный параграф (§ 88, S. 420—421) обоснованию правомерности и целесообразности налога на собак. — *398.*

97 «*The Daily News*» («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *401*.

98 См. [J. Massie.] «An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest; wherein the Sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered». London, 1750; D. Hume. «Of interest» (1752). In: *Hume*, *David*. «Essays and Treatises on several Subjects». A new edition. In two volumes. Vol. I, containing Essays, moral, political, and literary, London, 1764 (об этом см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. I, стр. 378—382). — *413*.

99 «*New-York Daily Tribune*» («Нью-Йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. В 40—50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. С августа 1851 по март 1862 г. в газете сотрудничал Маркс. Большое число статей для нее было по просьбе Маркса написано Энгельсом. В период реакции в Европе после революции 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс использовали широко распространенную, прогрессивную в то время газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества. Во время Гражданской войны в Америке сотрудничество Маркса в газете прекратилось. Значительную роль в разрыве Маркса с «New-York Daily Tribune» сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельцами и отход газеты от прогрессивных позиций. В дальнейшем направление газеты становилось все более правым. — *424*.

100 Гёте. «Фауст», часть I, сцена пятая («Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»). — *433*.

101 Подробно о фонде погашения Питта см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 12, стр. 462—463. — *434*.

102 См. [Th. R. Malthus.] «An Essay on the Principle of Population». London, 1798, p. 25—26. — *435*.

103 Имеется в виду следующий документ: «An Act for vesting certain Sums in Commissioners, at the End of every Quarter of a Year, to be by them applied to the Reduction of the National Debt (Anno 26 Georgii III, Regis, cap. 31)». — *436*.

104 *Молох* — бог солнца в религии Древней Финикии и Карфагена, поклонение которому сопровождалось человеческими жертвоприношениями; впоследствии имя Молоха стало олицетворением свирепой всепоглощающей силы. — *436*.

105 Маркс имеет в виду следующие работы: J. St. Mill. «Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy». Second edition, vol. I, London, 1849, p. 91—92; H. Ch. Carey. «Principles of Social Science». Vol. III, Philadelphia, 1859, p. 71—73; W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage, Stuttgart und Augsburg, 1858, § 45. — *438*.

106 *«Revue des deux Mondes»* («Обозрение Старого и Нового света») — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал, издается в Париже с 1829 года. — *442.*

107 См. примечание 2 (1). — *444.*

108 После отмены монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем (1833 г.) происходило интенсивное проникновение английских частных торговцев на китайский рынок. Особенно большой размах приобретает контрабандная торговля опиумом, пользовавшаяся всемерной поддержкой правительства Англии, которое сознательно попирало при этом законы и государственные интересы Китая и способствовало массовому отравлению и подрыву здоровья китайцев. В ответ на решительные действия китайских властей против контрабандного ввоза этого наркотика в пределы их страны англичане развязали первую «опиумную» войну (1839—1842), закончившуюся для Китая неравноправным и грабительским договором. — *447.*

109 *Консигнация* (consignatio, буквально — подпись, письменное подтверждение) — разновидность комиссионной продажи товаров за границу, при которой экспортер (консигнант) отправляет товар на склад иностранной фирмы (консигнатору) для продажи его на определенных условиях. — *448.*

110 О содержании и значении банковского акта 1844 г. см. настоящий том, главу XXXIV ««Принцип денежного обращения» и английское банковское законодательство 1844 года». — *449.*

111 *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, основана в Манчестере в 1821 г., орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии. — *450.*

112 *Ломбард-стрит* — улица в Сити (финансовом центре Лондона), на которой находится ряд крупных банков; синоним лондонского денежного рынка. — *450.*

113 *Минсинг-лейн* — улица в Лондоне, центр оптовой торговли колониальными товарами. — *451.*

114 См. примечание 2(2). — *454.*

115 *«Currency principle»* («Принцип денежного обращения»), или «денежная школа», — одна из разновидностей школы, выступавшей с количественной теорией денег. Ее представители утверждали, что стоимость и цена товаров определяются количеством денег в сфере обращения. Они ставили своей целью поддержание устойчивого денежного обращения и единственное средство для этого видели в обеспечении обязательного золотого покрытия банкнот и регулировании их эмиссии в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов. Исходя из своих ложных теоретических посылок, «денежная школа» усматривала решающую причину экономических кризисов перепроизводства в нарушении прокламируемых ею законов денежного обращения. Теория «денежной школы» была популярна в Англии в первой половине XIX века. Однако попытки правительства Англии опереться

на эту теорию (банковский акт 1844 г.) не имели никакого успеха и только подтвердили всю ее научную несостоятельность и полную непригодность для практических целей (см. также настоящий том, глава XXXIV ««Принцип денежного обращения» и английское банковское законодательство 1844 года»). — *459*.

116 Имеется в виду фирма Эрмен и Энгельс. — *472*.

117 См. примечание 110. — *475*.

118 «*The Times*» («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1785 году. — *482*.

119 См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 32—41. — *488*.

120 См. примечание 115. — *490*.

121 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13, стр. 88. — *492*.

122 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13, стр. 132—134; том 23, стр. 155—156. — *498*.

123 См. примечание 97. — *521*.

124 См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 478—481. — *528*.

125 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 422. — *535*.

126 См. примечание 109. — *541*.

127 См. примечание 95. — *547*.

128 См. примечание 112. — *547*.

129 См. примечание 113. — *548*.

130 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 130—131, 150. — *574*.

131 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 151. — *575*.

132 *Акт о банковской рестрикции* (Bank Restriction Act) — принятый в 1797 г. английским правительством специальный закон, который устанавливал принудительный курс банкнот и отменял обмен банкнот на золото. В 1819 г. был принят закон, восстанавливавший обмен банковых билетов на золото. Фактически обмен был полностью восстановлен к 1821 году. — *583*.

133 См. К. Маркс. «Капитал», т. II, М., 1969, стр. 465—477. — *584*.

134 Маркс имеет в виду судебное разбирательство по делу Дейвидсона и др., обвиненных в крупных мошенничествах с векселями. Это дело изложено в книге: Laing, S. A «New series of the great city frauds of Cole, Davidson, & Gordon, corrected and enlarged». Fifth edition. London [1869].

Ассизы — периодические выездные сессии судей Высшего суда Англии по уголовным и гражданским делам. — *588*.

135 *Бирмингемская школа,* или *little shilling men* (сторонники малого шиллинга) — сложившаяся в первой половине XIX века особая школа в экономической науке. Ее сторонники пропагандировали теорию идеальной денежной единицы измерения и соответственно рассматривали деньги всего лишь как «счетные названия». Представители бирмингемской школы, братья Томас и Маттиас Атвуд, Спунер и другие, выдвигали проект снижения золотого содержания денежной единицы в Англии, известный под названием «проект малого шиллинга». Отсюда произошло и название самой этой школы. В то же время «сторонники малого шиллинга» выступали против мероприятий правительства, направленных к сокращению денежной массы в обращении. По их мнению, реализация установок школы способна была, вызвав искусственный рост цен, оживить промышленность и обеспечить общее процветание страны. В действительности, однако, предлагаемая девальвация валюты могла лишь создать условия для погашения государственного и частных долгов в обесцененных деньгах, то есть сулила известные выгоды казне и крупным предпринимателям, которые являлись основными получателями всевозможных кредитов. Об этой школе Маркс говорит в своей работе «К критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13, стр. 66—67). — *591*.

136 *Ост-Индская компания* — английская торговая компания, существовавшая с 1600 по 1858 г. и являвшаяся орудием грабительской колониальной политики Англии в Индии, Китае и других странах Азии. С середины XVIII в. Компания, обладавшая армией и флотом, превратилась в крупную военную силу; под ее флагом английские колонизаторы осуществили завоевание Индии. Компании в течение длительного времени принадлежала монополия на торговлю с Индией и важнейшие функции управления этой страной. Национально-освободительное восстание 1857—1859 гг. в Индии вынудило англичан изменить формы своего колониального господства: Компания была ликвидирована, а Индия объявлена владением британской короны. — *592*.

137 Цитата из сатирического стихотворения Гейне «Диспут» (цикл «Романсеро»), где изображается средневековый диспут между католическим монахом-капуцином и ученым еврейским раввином, который в ходе этого диспута ссылается на иудейскую религиозную книгу «Таусфес-Ионтеф». В ответ на это капуцин посылает «Таусфес-Ионтеф» к черту. Тогда возмущенный раввин в исступлении восклицает: ««Таусфес-Ионтеф» не годится? Что ж годится? Караул!». — *592*.

138 Имеется в виду начавшееся в 1851 г. антифеодальное и национально-освободительное движение в Китае. Известное под названием тайпинского восстания это движение послужило началом многолетней и упорной борьбы китайского народа против феодального строя и иноземных захватчиков. Тайпинское восстание было подавлено вооруженными силами Англии, США и Франции, при поддержке войск китайских феодалов в 1864 году. — *605*.

139 См. примечание 135. — *613*.

[140] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13, стр. 66. — *613*.

[141] См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 263—264. — *615*.

[142] См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 149. — *626*.

[143] Маркс перефразирует здесь выражение из библии. См. Библия, Евангелие от Марка, гл. 16, стих 16. — *647*.

[144] См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 141—145. — *648*.

[145] См. примечание 89. — *654*.

[146] *Monts-de-piété* (ломбарды) были созданы в XIV, XV и XVI столетиях в Италии и во Франции для борьбы против мелких ростовщиков. По замыслу их инициаторов ломбарды должны были заниматься своего рода благотворительностью, предоставляя беднякам небольшой кредит под залог имущества. В действительности Monts-de-piété действовали в пользу ростовщиков. — *657*.

[147] Имеются в виду следующие работы: H. Chamberlayne. «A Proposal by Dr. Hugh Chamberlayne, in Essex Street, for a Bank of Secure Current Credit to be founded upon Land, in order to the General Good of Landed Men, to the great Increase of the Value of Land, and the no less Benefit of Trade and Commerce». [London] 1695;

J. Briscoe. «A Discourse on the Late Funds of the Million-Act, Lottery-Act, and Bank of England. Shewing, that they are Injurious to the Nobility and Gentry, and Ruinous to the Trade of the Nation. Together with Proposals for the Supplying their Majesties with Money on easy Terms, Exempting the Nobility, Gentry &c from Taxes, Enlarging their Yearly Estates, and Enriching all the Subjects in the Kingdom, by a national Landbank». London. The third edition, 1696. — *657*.

[148] См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 734—736. — *657*.

[149] Маркс допускает неточность. Томас Манли не был автором анонимного трактата «Interest of Money Mistaken», вышедшего в Лондоне в 1668 году. — *658*.

[150] Намек на английского экономиста-финансиста Джона Ло, который, пытаясь осуществить на практике свою совершенно несостоятельную идею о том, будто государство посредством выпуска в обращение необеспеченных банкнот может увеличивать богатства страны, в 1716 г. основал во Франции частный банк, преобразованный в 1718 г. в государственный банк. Одновременно с неограниченной эмиссией кредитных билетов банк Ло изымал из обращения звонкую монету. В результате получили неслыханное развитие биржевой ажиотаж и спекуляция, завершившиеся в 1720 г. полным банкротством государственного банка и самой «системы Ло». — *659*.

[151] Маркс цитирует памфлет «Bank Credit; or the Usefulness and Security of the Bank of Credit examined, in a Dialogue between a Country Gentleman and a London Merchant», приводимый в книге: J. Francis. «History of the Bank of England». Third ed., vol. I, London, 1848, p. 39—40. — *660*.

152 Имеется в виду «*Société générale du Crédit Mobilier*» — крупное французское акционерное общество, созданное в 1852 г. братьями Перейр. Основной целью Crédit Mobilier было посредничество в кредите и грюндерство (участие в учредительстве промышленных и других предприятий). Общество участвовало в железнодорожном строительстве во Франции, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Испании и России. Главным источником его доходов была спекуляция на фондовой бирже. На средства, полученные от выпуска своих собственных акций, гарантируемых только имеющимися у него ценными бумагами других предприятий, Crédit Mobilier скупал акции разных компаний, гарантируемые стоимостью их имущества. Таким образом, одна и та же реальная собственность вызывала к жизни фиктивный капитал в двойном размере. Crédit Mobilier был тесно связан с правительством Наполеона III и пользовался его покровительством. В 1867 г. общество потерпело банкротство и в 1871 г. было ликвидировано. Появление в 50-х годах XIX в. Crédit Mobilier как финансового предприятия нового типа было вызвано специфическими особенностями эпохи реакции, которая характеризовалась невероятным разгулом биржевого ажиотажа и спекуляции. По образцу французского Crédit Mobilier аналогичные учреждения были созданы в ряде других стран Центральной Европы. Подлинную сущность Crédit Mobilier Маркс раскрыл в ряде своих статей (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 12, стр. 21—37, 203—217, 300—303 и др.). — *661*.

153 Теорию дарового кредита Прудон развивал в работе: «Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850. — *663*.

154 Имеется в виду заем в 100 гульденов с условием уплаты процентов в три срока на Лейпцигских ярмарках. В Лейпциге ежегодно устраивались три ярмарки: новогодняя, пасхальная (весенняя) и в Михайлов день (осенью). — *666*.

155 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776, p. 182—202. Ср. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 391—394). — *670*.

156 J. W. Johnston. «Notes on North America Agricultural Economical, and Social». Vol. I, Edinburgh and London, 1851. — *672*.

157 J. Anderson. «A Calm Investigation of the Circumstances that have led to the Present Scarcity of Grain in Britain». London, 1801, p. 35—36, 38 (см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 154—155); H. C. Carey. «The Past, the Present, and the Future». Philadelphia, 1848, p. 129—131 (см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 655). — *674*.

158 «*Fruges consumere nati*» («рождены для вкушения плодов») — Гораций, «Послания», книга I, послание 2, 27. — *675*.

159 О теории ренты Дж. Андерсона см. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 119—121, 127—131, 154—159). — *675*.

160 *Уэст-Энд* — фешенебельный район Лондона, где сосредоточены особняки аристократии и крупной буржуазии. — *676.*

161 *Темпл Бар* (Temple Bar) — исторический памятник Лондона, представляющий собой каменные ворота, расположенные между Стрэнд-стрит и Флит-стрит. Эти ворота соединяют район Сити и Вестминстера. — *676.*

162 *Левиафан* — согласно библейским преданиям, огромное морское чудовище. — *676.*

163 Имеется в виду речь Тьера 26 июля 1848 г. против предложений Прудона, внесенных в финансовую комиссию Национального собрания Франции. Речь опубликована в «Compte rendu des séances de l'Assemblée Nationale». Tome II, Paris, 1849, p. 666—671. Об этой речи Тьера см. также статью К. Маркса «О Прудоне» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 16, стр. 29). — *679.*

164 Борьба между земельными собственниками и арендаторами закончилась принятием палатой общин в 1853 г. «Билля о правах, вытекающих из аренды», где имеется пункт, согласно которому по окончании срока аренды арендатор должен получить денежную компенсацию за произведенные им на земле улучшения. Подробно об этом см. статью К. Маркса «Индийский вопрос. — Ирландское арендное право» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 9, стр. 161—167). — *681.*

165 *Хлебные законы,* направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных земельных собственников. Принятый в 1815 г. хлебный закон запрещал импорт хлеба до тех пор, пока цена на хлеб в самой Англии оставалась ниже 80 шилл. за квартер. В 1822 г. этот закон был несколько видоизменен, а в 1828 г. была введена скользящая шкала, согласно которой ввозные пошлины на хлеб повышались с понижением его цены на внутреннем рынке и, наоборот, — понижались с повышением этой цены. Промышленная буржуазия, боровшаяся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли, добилась их отмены в 1846 году. — *682.*

166 Речь идет о войнах, которые вела Англия с 1793 по 1815 г. против Французской республики и наполеоновской империи. — *682.*

167 Имеется в виду книга: «The Three Prize Essays on Agriculture and the Corn Law». Published by the National Anti-Corn-Law League. Manchester—London, 1842, в которую включены три очерка, Дж. Хоупа, Р. Грега и А. Морзе, удостоенные премии Лиги против хлебных законов. — *682.*

168 Речь идет о Синих книгах: «Report from the Select Committee on Petitions relating to the Corn Laws of this Kingdom: together with the Minutes of Evidence, and an Appendix of Accounts». Ordered by The House of Commons, to be printed, 26 July 1814; «Reports respecting Grain, and the Corn Laws: viz: First and Second Reports from The Lords Committees, appointed to enquire into the State of the Growth, Commerce, and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto». Ordered, by the House of Commons, to be Printed, 23 November 1814.

Синие книги (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII века и служат основным официальным источником для изучения экономической и дипломатической истории этой страны. — *683*.

169 По *законам о бедных*, существовавшим в Англии с XVI века, в каждом приходе взимался особый налог в пользу бедных; те жители прихода, которые не могли обеспечить себя и свою семью, получали вспомоществование через кассу помощи бедным из фонда, образуемого за счет упомянутого налога. — *683*.

170 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 688—690. — *683*.

171 Имеются в виду следственные комиссии палаты лордов по вопросу о высоте заработной платы, заседавшие в 1814—1815 годах. — *683*.

172 *Общество искусств и ремесел* (Society of Arts) — буржуазно-просветительное и филантропическое общество, основанное в 1754 г. в Лондоне. Общество широковещательно объявляло своей целью «поощрение искусств, ремесел и торговли» и всех тех, кто способствует «предоставлению беднякам занятий, расширению торговли, обогащению страны» и т. п. Оно пыталось выступать в роли посредника между рабочими и предпринимателями. Это общество Маркс называл «Обществом искусств и надувательств». — *684*.

173 Речь идет о конгрессе Национальной ассоциации поощрения социальных наук.

Национальная ассоциация поощрения социальных наук (National Association for the Promotion of Social Science) — буржуазно-просветительное филантропическое общество, основанное в 1857 году. В его составе было много членов парламента. Общество ставило своей целью способствовать развитию и практическому использованию социальных наук. — *684*.

174 У Маркса неточность. Здесь цитируется работа Джона Локарта Мортона, тогда как выше упоминался Джон Чалмерс Мортон. — *685*.

175 Имеется в виду Институт Франции — высшее научное учреждение, состоящее из нескольких отделений, или академий; существует с 1795 года. — *685*.

176 Обогащение почвы после некоторых культур, например бобовых, — теперь факт бесспорный, и объясняется оно деятельностью так называемых клубеньковых бактерий, развивающихся на корневой системе растений и фиксирующих азот воздуха. Особая роль этих бактерий была раскрыта наукой после Маркса. — *686*.

177 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 686—709. — *687*.

178 «*The Morning Star*» («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров, выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — *687*.

[179] P. E. Dove. «The Elements of Political Science». Edinburgh, 1854, p. 264, 273. — *688*.

[180] P. E. Dove. «The Elements of Political Science». Edinburgh, 1854, p. 279. — *694*.

[181] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13, стр. 25—26; том 23, стр. 98. — *695*.

[182] Маркс употребляет здесь, а также в нескольких случаях и в дальнейшем, термин «Produktionskosten» в смысле цены производства. — *709*.

[183] См. примечание 165. — *715*.

[184] F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 158.— *715*.

[185] См. H. Storch. «Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations». Tome II, St.-Pétersbourg, 1815, p. 78—79 (об этом см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 102 и 318). — *716*.

[183] Маркс имеет в виду следующие работы: [E. West.] «Essay on the Application of Capital to Land, with Observations shewing the Impolicy of any Great Restriction of the Importation of Corn». By a Fellow of University College of Oxford. London, 1815; Th. R. Malthus. «Principles of Political Economy considered with a view to their practical Application». 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836; Th. R. Malthus. «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent, and the Principles by which it is regulated». London, 1815; D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, chapter II. — *717*.

[187] Маркс имеет в виду работу: G. Opdyke. «A Treatise on Political Economy». New York, 1851. — *727*.

[188] Это положение высказывается в работе Мальтуса: «An Essay on the Principle of Population». London, 1798. — *730*.

[189] См. J. Liebig. «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie». 7. Auflage, Braunschweig, 1862. — *808*.

[190] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, chapter II. — *822*.

[191] Маркс имеет в виду, очевидно, один из выпусков осуществленного в Париже в 1824—1837 гг. многотомного издания: M. Dombasle. «Annales agricoles de Roville, ou Mélanges d'agriculture, d'économie rurale et de législation agricole». — *825*.

[192] R. Johnes. «An Essay on the Distribution of Wealth, and on the Sources of Taxation». Part I: Rent. London, 1831, p. 227. Об этом см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. III, стр. 414—429). — *825*.

193 См. G. Ramsay. «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh, 1836, p. 278—279. — *834.*

194 См. [E. G. Wakefield.] «England and America. A Comparison of the Social and Political State of both Nations». Vol. I, London, 1833, p. 214—215. — *836.*

195 H. Passy. «Rente du Sol». In: «Dictionnaire de l'économie politique». Tome II, Paris, 1854, p. 515. — *836.*

196 О законах об огораживании см. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 736—739. — *836.*

197 *Потоси* — город на юге Боливии, был основан испанскими конкистадорами в 1547 г. в местности, где в 1545 г. было открыто богатое месторождение серебряных руд. Эксплуатация этих рудников явилась одним из источников обогащения господствующих классов Испании. — *840.*

198 Маркс имеет в виду следующие работы: S. Laing. «National Distress; its Causes and Remedies». London, 1844; F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851. — *840.*

199 См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 263—264. — *841.*

200 Имеется в виду работа: Rodbertus. «Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorie». Berlin, 1851. Обстоятельный критический анализ теории ренты Родбертуса Маркс дает в «Теориях прибавочной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, ч. II, стр. 3—118, 159—172). — *846.*

201 Речь идет о работе К. Маркса «Теории прибавочной стоимости». — *846.*

202 См. G. W. F. Hegel. «Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Erster Theil. Die Logik. Werke. Band VI. Berlin, 1840, S. 404. — *847.*

203 Маркс имеет в виду помещенную без подписи в этом журнале рецензию на только что вышедшую тогда книгу Джонса «An Essay on the Distribution of Wealth». См. «Edinburgh Review». Том LIV, август — декабрь 1831, стр. 94—95.

«*The Edinburgh Review, or Critical Journal*» («Эдинбургское обозрение, или Критический журнал») — английский буржуазный литературно-политический журнал, выходил с 1802 по 1929 год. В 20—30-х годах XIX в. выпускался раз в 3 месяца и был органом партии вигов.

Сохо-сквер — фешенебельный квартал в лондонском районе Сохо. — *848.*

204 H. Passy. «Rente du Sol». In: «Dictionnaire de l'économie politique». Tome II, Paris, 1854, p. 511. — *852.*

205 О земельной ренте как нормальной форме прибавочной стоимости Петти высказывается в своей работе «A Treatise of Taxes & Contributions». London, 1667, p. 23—24. Подробно Маркс разбирает взгляды

Петти в «Теориях прибавочной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, часть I, стр. 163—165, 356—366).

Подобные взгляды Кантильона содержатся в работе: «Essai sur la nature du commerce en général». In: «Discours politiques». Tome III, Amsterdam, 1756. — *852.*

206 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»)» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, часть I, стр. 12—39, 305—346, 383—385). — *852.*

207 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13, стр. 139—140. — *853.*

208 J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, p. 396. — *854.*

209 E. Daire. «Introduction sur la doctrine des physiocrates». In: «Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire». Première partie. Paris, 1846; H. Passy. «Rente du Sol». In: «Dictionnaire de l'économie politique». Tome II, Paris, 1854, p. 511. — *854.*

210 См. A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776, p. 64. — *855.*

211 Маркс имеет в виду акты о коммутации десятины 1836—1860 гг. (Tithe Commutation Acts), по которым была отменена уплата церковной десятины натурой и введены периодические денежные платежи за землю. — *856.*

212 K. Arnd. «Die naturgemässe Volkswirthschaft, gegenüber dem Monopoliengeiste und dem Communismus, mit einem Rückblicke auf die einschlagende Literatur». Hanau, 1845, S. 461—462. — *858.*

213 [N. Linguet.] «Théorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la société». Tomes I—II, Londres, 1767. Об этом см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, часть I, стр. 347—352. — *859.*

214 См. J. Möser. «Osnabrückische Geschichte». Theil I, Berlin und Stettin, 1780. — *859.*

215 См. примечание 200. — *871.*

216 E. Buret. «Cours d'économie politique». Bruxelles, 1842; A. Tocqueville, «L'ancien régime et la révolution». Paris, 1856; J. C. L. Simonde de Sismondi. «Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population». Seconde édition, tome I, Paris, 1827. — *873.*

217 Th. Tooke, W. Newmarch. «A History of Prices, and of the State of the Circulation, during the nine years 1848—1856. In two volumes; forming the fifth and sixth volumes of the History of Prices from 1792 to the present time». Vol. VI, London, 1857, p. 29—30. — *878.*

218 Маркс имеет в виду работы: L. Mounier. «De l'agriculture en France, d'après les documents officiels avec des remarques par M. Rubichon».

Paris, 1846; M. Rubichon. «Du mécanisme de la société en France et en Angleterre». Nouvelle édition. Paris, 1837. — *879.*

219 См. [J. Massie.] «An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest; wherein The Sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered». London, 1750, p. 23—24. — *882.*

220 *Черные банды* (Bandes Noires) — общества спекулянтов, возникли во Франции в XIX веке; занимались покупкой крупных имений и распродажей их небольшими участками, поскольку спрос и цена на мелкие участки были значительно выше, чем при продаже земель крупными участками. — *882.*

221 M. Rubichon. «Du mécanisme de la société en France et en Angleterre». Nouvelle édition. Paris, 1837. — *882.*

222 См. F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 180—181. — *882.*

223 См. L. Mounier. «De l'agriculture en France, d'après les documents officiels avec des remarques par M. Rubichon». Paris, 1846. — *882.*

224 См. J. Liebig. «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie». 7. Auflage, Braunschweig, 1862. — *884.*

225 «*Rudis indigestaque moles*» («нестройная и грубая громада») — Овидий, «Метаморфозы», книга I, 7. — *887.*

226 «*Третий в союзе*» — слова из баллады Шиллера «Порука»; их произносит тиран Дионисий, прося принять его в союз двух верных друзей. — *887.*

227 См. К. Маркс. «Капитал», том I, М., 1969, стр. 545—552. — *891.*

228 См. W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage, Stuttgart und Augsburg, 1858. — *900.*

229 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776, p. 63. Подробно взгляды Смита на заработную плату, прибыль и земельную ренту как на источники стоимости Маркс разбирает во II томе «Капитала» (см. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 407—438) и в «Теориях прибавочной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 26, часть I, стр. 68—79). — *900.*

230 См. К. Маркс. «Капитал», том II, М., 1969, стр. 447. — *913.*

231 J. B. Say. «Traité d'économie politique». Quatrième édition, tome II, Paris, 1819. — *916.*

232 См. Th. Tooke. «An Inquiry into the Currency Principle». 2nd ed., London, 1844, p. 36. — *918.*

233 P. J. Proudhon. «Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement». Paris, 1841, p. 201—202. — *918.*

234 См. A. Quetelet. «Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale». Tomes I—II, Paris, 1835. — *937.*

235 Очевидно, Маркс имеет в виду работу: «A Prize Essay on the Comparative Merits of Competition and Cooperation». London, 1834. — *962.*

236 Настоящая работа была написана Энгельсом после выхода в свет III тома «Капитала» К. Маркса. В письме к Каутскому от 21 мая 1895 г. Энгельс сообщал о своем намерении напечатать в журнале «Neue Zeit» дополнения к III тому «Капитала» в виде двух статей. Первая статья «Закон стоимости и норма прибыли» была написана в связи с шумом, поднятым в буржуазной экономической литературе вокруг мнимого «противоречия» между I и III томами «Капитала». Она была опубликована вскоре после смерти Энгельса в органе Социал-демократической партии Германии «Neue Zeit». Для второй статьи был набросан план-конспект из 7 пунктов, соответственно важнейшим проблемам, которые Энгельс имел в виду рассмотреть в этой статье. Рукопись озаглавлена «Биржа. Дополнительные замечания к III тому «Капитала»». — *965.*

237 См. примечание 8. — *970.*

238 См. примечание 11. — *970.*

239 «*La Rassegna*» («Обозрение») — итальянский двухнедельный журнал буржуазного направления, выходил с 1892 по 1895 г. в Неаполе.
«*La Riforma Sociale*» («Социальная реформа») — итальянский ежемесячный журнал буржуазно-либерального направления, выходит с 1894 г. в Турине и Риме. — *973.*

240 Гейне. Послесловие к Романсеро. — *974.*

241 См. примечание 11. — *974.*

242 Энгельс имеет в виду библейскую легенду о волхве Валааме, который был приглашен моавитянским царем Валаком навести проклятие на израильтян. Однако по внушению бога Валаам вместо проклятия произнес благословение. Энгельс иронически высмеивает беспринципность и двуличие Лориа. — *974.*

243 «*Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik*» («Архив по вопросам социального законодательства и статистики») — немецкий политико-экономический журнал, под этим названием выходил 4 раза в год с 1888 по 1903 г. в Тюбингене, затем в Берлине под редакцией социал-демократа Г. Брауна. — *974.*

244 «*Sozialpolitisches Centralblatt*» («Социально-политический центральный листок») — немецкий еженедельный журнал социал-реформистского направления, под данным названием выходил в Берлине в 1892—1895 гг. под редакцией социал-демократа Г. Брауна. — *975.*

245 Энгельс имеет в виду письмо К. Шмидта от 1 марта 1895 года. Критический анализ этих положений дан Энгельсом также в ответном письме К. Шмидту от 12 марта 1895 года. — *975.*

246 Имеется в виду открытие Кубы, Гаити и Багамских островов, материка Северной Америки, морского пути в Индию вокруг южной оконечности Африки и, наконец, материка Южной Америки. — *984.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Л

М

Р

С

Ф

Х

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

Anderson, A. An Historical and chronological deduction of the origin of commerce, from the earliest accounts to the present time. Vol. II. London, 1764 (*Андерсон, А.* Исторический и хронологический очерк торговли от самых ранних сведений о ней до настоящего времени. Том II. Лондон, 1764). — 366.

Anderson, J. A Calm investigation of the circumstances that have led to the present scarcity of grain in Britain. London, 1801 (*Андерсон, Дж.* Беспристрастное исследование обстоятельств, приведших к нынешней дороговизне хлеба в Британии. Лондон, 1801). — 674.

**Aristoteles.* De republica libri VIII. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X. Oxonii, 1837 (*Аристотель.* Политика (восемь книг). В книге: *Аристотель.* Сочинения. Издание И. Беккера. Том X. Оксфорд, 1837). — 423.

Arnd, K. Die naturgemässe Volkswirthschaft, gegenüber dem Monopoliengeiste und dem Communismus, mit einem Rückblicke auf die einschlagende Literatur. Hanau, 1845 (*Арнд, К.* Сообразная природе политическая экономия в противопоставлении духу монополий и коммунизму, с обзором относящейся сюда литературы. Ханау, 1845). — 398, 858.

Augier, M. Du crédit public et de son histoire depuis les temps anciens jusqu'à nos jours. Paris, 1842 (*Ожье, М.* Об общественном кредите и о его истории с древних времен до наших дней. Париж, 1842). — 648 — 649, 667.

Babbage, Ch. On the economy of machinery and manufactures. London, 1832 (*Баббедж, Ч.* Об экономике фабричного производства. Лондон, 1832). — 116, 126.

Bank Credit; or the Usefulness and security of the bank of credit

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание. В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

examined, in a dialogue between a country gentleman and a London merchant (Банковский кредит, или Исследование полезности и надежности банковского кредита, в форме диалога между сельским дворянином и лондонским купцом). — 660.

Bastiat, Fr. Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 (*Бастиа, Фр.* Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 379—381, 663.

Bell, G. M. The Philosophy of Joint stock banking. London, 1840 (*Белл, Дж. М.* Философия акционерных банков. Лондон, 1840). — 598.

Bellers, J. Essays about the poor, manufactures, trade, plantations, and immorality. London, 1699 (*Беллерс, Дж.* Очерки о бедных, промышленности, торговле, колониях и безнравственности. Лондон, 1699). — 314.

Bemerkung zu dem Aufsatze des Herrn Stiebeling: «Ueber den Einfluß der Verdichtung des Kapitals auf den Lohn und die Ausbeutung der Arbeit». In: «Neue Zeit» № 3, 1887 (Замечания к статье г-на Штибелинга: «О влиянии концентрации капитала на заработную плату и эксплуатацию труда». В журнале «Neue Zeit» № 3, 1887). — 25.

Bosanquet, J. W. Metallic, paper, and credit currency, and the means of regulating their quantity and value. London, 1842 (*Бозанкет, Дж. У.* Металлические, бумажные и кредитные деньги и средства регулирования их количества и стоимости. Лондон, 1842). — 407, 441.

Briscoe, J. A Discourse on the late funds of the million-act, lottery-act, and Bank of England. Shewing, that they are injurious to the nobility and gentry, and ruinous to the trade of the nation. Together with proposals for the supplying their majesties with money on easy terms, exempting the nobility, gentry & c from taxes, enlarging their yearly estates, and enriching all the subjects in the Kingdom, by a national land-bank. The third edition. London, 1696 (*Бриско, Дж.* Очерк о последних фондах, полученных по актам о миллионе, лотерее и Английском банке, показывающий, что они несправедливы по отношению к аристократии и дворянству и разрушительны для торговли нации. А также предложения о том, как обеспечить с помощью национального земельного банка их величества деньгами на льготных условиях, освобождая при этом знать, мелкое дворянство и т. д. от налогов, увеличивая их годовые доходы и обогащая всех подданных королевства. Издание третье. Лондон, 1696). — 657.

Buret, E. Cours d'économie politique. Bruxelles, 1842 (*Бюре, Э.* Курс политической экономии. Брюссель, 1842). — 873.

Büsch, J. G. Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung in ihren mannichfaltigen Geschäften. Band II. 3. Ausgabe. Hamburg, 1808 (*Бюш, И. Г.* Теоретически-практическое описание торговли в ее разнообразных видах.Том II. 3 издание. Гамбург, 1808). — 668.

Cairnes, J. E. The Slave power: its character, career, and probable designs: being an attempt to explain the real issues involved in the american contest. London, 1862 (*Кернс, Дж. Э.* Рабовладение: его характер, путь и вероятные перспективы. Попытка объяснить действительные предметы споров, лежащие в основе американского конфликта. Лондон, 1862). — 422.

[*Cantillon, R.*] Essai sur la nature du commerce en général. In: Discours politiques. Tome III. Amsterdam, 1756 ([*Кантильон, Р.*] Опыт о природе торговли вообще. В книге: Политические

трактаты. Том III. Амстердам, 1756). — 852.

Carey, H. C. The Past, the present, and the future. Philadelphia, 1848 (*Кэри, Г. Ч.* Прошлое, настоящее и будущее. Филадельфия, 1848). — 674.

Carey, H. Ch. Principles of social science. Vol. III. Philadelphia, 1859 (*Кэри, Г. Ч.* Начала социальной науки. Том III. Филадельфия, 1859). — 438.

Chalmers, Th. On political economy in connexion with the moral state and moral prospects of society. Second edition. Glasgow, 1832 (*Чалмерс, Т.* О политической экономии в ее связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества. Издание второе. Глазго, 1832). — 269—270, 484.

Chamberlayne, H. A Proposal by Dr. Hugh Chamberlayne, in Essex Street, for a bank of secure current credit to be founded upon land, in order to the general good of landed men, to the great increase of the value of land, and the no less benefit of trade and commerce. [London], 1695 (*Чемберлен, Х.* Предложение д-ра Хью Чемберлена, из Эссекс-стрит, учредить банк гарантированного текущего кредита для сельского хозяйства, в целях достижения общего благосостояния землевладельцев, большого повышения стоимости земли и не меньшей выгоды для предпринимательства и торговли. [Лондон], 1695). — 657.

Cherbuliez, A. Richesse ou pauvreté. Exposition des causes et des effets de la distribution actuelle des richesses sociales. Paris, 1841 (*Шербюлье, А.* Богатство или бедность. Изложение причин и следствий современного распределения общественного богатства. Париж, 1841). — 173.

Child, J. Traités sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'interest de l'argent. Avec un petit traité contre l'usure, par Thomas Culpeper. Traduits de l'Anglois. Amsterdam et Berlin, 1754 (*Чайлд, Дж.* Трактаты о торговле и о выгодах, проистекающих из снижения процента с денег. С маленьким трактатом против ростовщичества, написанным Томасом Калпепером. Перевод с английского. Амстердам и Берлин, 1754). — 436, 658—659.

The City; or, the Physiology of London business; with sketches on change, and at the coffee houses. London, 1845 (Сити, или Физиология лондонского предпринимательства; с очерками о бирже и о кофейных торговых домах. Лондон, 1845). — 429.

Comte, Ch. Traité de la proprіété. Tomes I—II. Paris, 1834 (*Конт, Ш.* Трактат о собственности. Тома I—II. Париж, 1834). — 672.

Coquelin, Ch. Du Crédit et des banques dans l'industrie. In: «Revue des deux Mondes», série IV, tome XXXI, 1842 (*Коклен, Ш.* О кредите и банках в промышленности. В журнале «Revue des deux Mondes», серия IV, том XXXI, 1842). — 442.

Corbet, Th. An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals; or the Principles of trade and speculation explained. London, 1841 (*Корбет, Т.* Исследование о причинах богатства отдельных лиц и способах его приобретения; или Объяснение принципов торговли и спекуляции. Лондон, 1841). — 181, 187, 200, 229, 337.

The Currency theory reviewed; in a letter to the scottish people. By a banker in England. Edinburgh, 1845 (Теория денежного обращения. Письмо английского банкира к шотландскому народу. Эдинбург, 1845). — 447, 456, 478, 521, 572.

Daire, E. Introduction sur la doctrine des physiocrates. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire.

Première partie. Paris, 1846 (*Дэр, Э.* Вступительная статья об учении физиократов. В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 854.

*Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année. 1828—1829. Troisième édition. Paris, 1831 (Учение Сен-Симона. Изложение. Первый год. 1828—1829. Третье издание. Париж, 1831). — 661.

Dombasle, M. Annales agricoles de Roville, ou Mélanges d'agriculture, d'économie rurale et de législation agricole. Paris, 1824—1837 (*Домбаль, М.* Ровильский сельскохозяйственный ежегодник, или Различные материалы о сельском хозяйстве, о его экономике и об относящемся к нему законодательстве. Париж, 1824—1837). — 825.

Dove, P. E. The Elements of political science. Edinburgh, 1854 (*Дав, П. Э.* Основы политической науки. Эдинбург, 1854). — 688, 694.

Dureau de La Malle, A. J. Économie politique des Romains. Tome I. Paris, 1840 (*Дюро де Ла Маль, А. Ж.* Политическая экономия римлян. Том I. Париж, 1840). — 115.

[*Enfantin, B. P.*] Religion saint-simonienne. Economie politique et politique. Paris, 1831 ([*Анфантен, Б. П.*] Религия сен-симонистов. Политическая экономия и политика. Париж, 1831). — 660, 663—664.

**Engels, F.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig, 1845 (*Энгельс, Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам. Лейпциг, 1845). — 841.

**Engels, F.* Editor's preface. In: *K. Marx.* Capital: a critical analysis of capitalist production. Vol. I. London, 1887 (*Энгельс, Ф.* Предисловие издателя. В книге: *К. Маркс.* Капитал. Критический анализ капиталистического производства. Том I. Лондон, 1887). — 538.

Feller, F. E. und *Odermann, C. G.* Das Ganze der kaufmännischen Arithmetik. Siebente Auflage. Leipzig, 1859 (*Феллер, Ф. Э.* и *Одерман, К. Г.* Полный курс купеческой арифметики. Издание седьмое. Лейпциг, 1859). — 344.

Fireman, P. Kritik der Marx'schen Werttheorie. In: «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», dritte Folge, Band III, 1892 (*Фиреман, П.* Критика Марксовой теории стоимости. В журнале «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», третья серия, том III, 1892). — 16, 19.

Forcade, E. La guerre du socialisme. II. L'économie politique révolutionnaire et sociale. In: «Revue des deux Mondes», nouvelle série, tome XXIV. Paris, 1848 (*Форкад, Э.* Война социализма. II. Революционная и социальная политическая экономия. В журнале: «Revue des deux Mondes», новая серия, том XXIV. Париж, 1848). — 918—919.

Francis, J. History of the Bank of England, its times and traditions. Third edition. Vol. I. London, 1848 (*Фрэнсис, Дж.* История Английского банка, его эпоха и традиции. Издание третье. Том I. Лондон, 1848). — 657—659.

Fullarton, J. On the regulation of currencies; being an examination of the principles, on which it is proposed to restrict, within certain fixed limits, the future issues on credit of the Bank of England, and of the other banking establishments throughout the country. Second edition with corrections and additions. London, 1845 (*Фуллартон, Дж.* О регулировании средств обращения; анализ принципов, на основе которых пред-

лагается в будущем ограничить в строго установленных пределах эмиссионную деятельность Английского банка и других банковских учреждений страны. Издание второе, исправленное и дополненное. Лондон, 1845). — 445, 493, 495, 497—499, 504.

Gilbart, J. W. The History and principles of banking. London, 1834 (*Гилбарт, Дж. У.* История и принципы банковской системы. Лондон, 1834). — 373, 445—447, 666.

Gilbart, J. W. An Inquiry into the causes of the pressure on the money market during the year 1839. London, 1840 (*Гилбарт, Дж. У.* Исследование причин угнетенного состояния на денежном рынке в 1839 году. Лондон, 1840). — 592, 596—597.

Gilbart, J. W. A Practical treatise on banking. Fifth edition. In two volumes. Vol. I. London, 1849 (*Гилбарт, Дж. У.* Практический трактат о банковской системе. Издание пятое. В двух томах. Том I. Лондон, 1849). — 396.

[*Greg, R. H.*] The Factory question, considered in relation to its effects on the health and morals of those employed in factories. And the «ten hours bill», in relation to its effects upon the manufactures of England, and those of foreign countries. London, 1837 ([*Грег, Р. Х.*] Фабричный вопрос, рассматриваемый с точки зрения влияния на здоровье и нравственность занятых на фабриках. «Билль о десятичасовом рабочем дне» с точки зрения его влияния на промышленность Англии и других стран. Лондон, 1837). — 119.

Hamilton, R. An Inquiry concerning the rise and progress, the redemption and present state, and the management, of the national debt of Great Britain. Second edition, enlarged. Edinburgh, 1814 (*Гамильтон, Р.* Исследование о возникновении и росте, погашении и современном состоянии и регулировании национального долга Великобритании. Издание второе, дополненное. Эдинбург, 1814). — 434.

Hardcastle, D. Banks and Bankers. Second edition. London, 1843 (*Хардкасл, Д.* Банки и банкиры. Издание второе. Лондон, 1843) — 597, 667.

**Hegel, G. W. F.* Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Theil I. Die Logik. Werke. Band VI. Berlin, 1840 (*Гегель, Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук в сжатом очерке. Часть I. Логика. Сочинения. Том VI. Берлин, 1840). — 847.

**Hegel, G. W. F.* Grundlinien der Philosophie des Rechts. Werke. Zweite Auflage. Band VIII. Berlin, 1840 (*Гегель, Г. В. Ф.* Основы философии права. Сочинения. Издание второе. Том VIII. Берлин, 1840). — 671.

Heyd, W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Band II. Stuttgart, 1879 (*Хейд, В.* История левантийской торговли средних веков. Том II. Штутгарт, 1879). — 982—983.

*[*Hodgskin, Th.*] Labour defended against the claims of capital; or, the Unproductiveness of capital proved. With reference to the present combinations amongst journeymen. By a labourer. London, 1825 ([*Годскин, Т.*] Защита труда от притязаний капитала, или Доказательство непроизводительности капитала. С замечаниями о нынешних объединениях среди наемных рабочих. Сочинение рабочего. Лондон, 1825). — 428, 438.

Hubbard, J. G. The Currency and the country. London, 1843 (*Хаббард, Дж. Г.* Средства обращения и страна. Лондон, 1843). — 456—457.

Hüllmann, K. D. Städtewesen des Mittelalters. Theile I—II. Bonn, 1826—1827 (*Хюльман, К. Д.* Города средневековья. Части I—II.

Бонн, 1826—1827). — 349, 351, 652—653.

Hume, D. Of interest (1752). In: *Hume, David.* Essays and treatises on several subjects. A new edition. In two volumes. Vol. I, containing Essays, moral, political, and literary. London, 1764 (*Юм, Д.* О проценте (1752). В книге: *Юм, Давид.* Очерки и трактаты по разным вопросам. Новое издание. В двух томах. Том I, содержащий моральные, политические и литературные очерки. Лондон, 1764). — 413.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 213, 702.

Interest of money mistaken, or a Treatise, proving, that the abatement of interest is the effect and not the cause of the riches of a nation, and that six per cent is a proportionable interest to the present condition of this kingdom. London, 1668 (Ошибочное мнение о проценте с денег, или Трактат, доказывающий, что снижение процентной ставки является не причиной, а следствием богатства нации и что шесть процентов есть ставка, соответствующая нынешнему состоянию нашего королевства. Лондон, 1668). — 658.

**Johnes, R.* An Essay on the distribution of wealth, and on the sources of taxation. Part I: Rent. London, 1831 (*Джонс, Р.* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов. Часть I: Рента. Лондон, 1831). — 825.

**Jones, R.* An Introductory lecture on political economy, delivered at King's college, London, 27th February, 1833. To which is added a Syllabus of a course of lectures on the wages of labor. London, 1833 (*Джонс, Р.* Вводная лекция по политической экономии, прочитанная в Королевском колледже в Лондоне 27 февраля 1833 года. С приложением Проспекта курса лекций о заработной плате. Лондон, 1833). — 291.

Johnston, J. F. W. Notes on North America agricultural, economical, and social. Vol. I. Edinburgh and London, 1851 (*Джонстон, Дж. Ф. У.* Заметки о Северной Америке по сельскохозяйственным, экономическим и социальным вопросам. Том I. Эдинбург и Лондон, 1851). — 672, 728—731.

Kiesselbach, W. Der Gang des Welthandels und die Entwicklung des europäischen Völkerlebens im Mittelalter. Stuttgart, 1860 (*Киссельбах, В.* История мировой торговли и развитие европейской общественной жизни в средние века. Штутгарт, 1860). — 360.

Kinnear, J. G. The Crisis and the currency: with a comparison between the english and scotch systems of banking. London, 1847 (*Киннир, Дж. Г.* Кризис и денежное обращение: сравнение английской и шотландской банковских систем. Лондон, 1847). — 486, 578.

Laing, S. National distress; its causes and remedies. London, 1844 (*Ленг, С.* Национальное бедствие, его причины и средства к его устранению. Лондон, 1844). — 840.

Laing, S. A New series of the great city frauds of Cole, Davidson, & Gordon, corrected and enlarged. Fifth edition. London [1869] (*Ленг, С.* Новая серия крупных финансовых мошенничеств Коу-

ла, Дейвидсона и Гордона. Издание пятое, исправленное и дополненное. Лондон [1869]). — 588.

**Lavergne, L. de*. The Rural economy of England, Scotland, and Ireland. Translated from the French. Edinburgh and London, 1855 (*Лавернь, Л. де*. Сельское хозяйство Англии, Шотландии и Ирландии. Перевод с французского. Эдинбург и Лондон, 1855). — 686.

Leatham, W. Letters on the currency. Second edition, with corrections and additions. London, 1840 (*Литам, У*. Письма о денежном обращении. Издание второе, с исправлениями и дополнениями. Лондон, 1840). — 441.

Lexis, W. Die Marx'sche Kapitaltheorie. In: «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», neue Folge, Band XI, 1885 (*Лексис, В*. Марксова теория капитала. В журнале «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», новая серия, том XI, 1885). — 12.

Lexis, W. Kritische Erörterungen über die Währungsfrage. In: «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im Deutschen Reich», Jahrgang V, Heft I, 1881 (*Лексис, В*. Критические соображения по валютному вопросу. В журнале «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im Deutschen Reich», год издания V, выпуск I, 1881). — 14.

**Liebig, J*. Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie. In zwei Theilen. Siebente Auflage. Theil I: Der chemische Proceß der Ernährung der Vegetabilien. Braunschweig, 1862 (*Либих, Ю*. Химия в приложении к земледелию и физиологии. В двух частях. Издание седьмое. Часть I: Химический процесс питания растений. Брауншвейг, 1862). — 808, 884.

[*Linguet, N*.] Théorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la société. Tomes I—II. Londres, 1767 ([*Ленге, Н*.] Теория гражданских законов, или Основные принципы общества. Тома I—II. Лондон, 1767). — 97, 859.

List, F. Die Ackerverfassung, die Zwergwirthschaft und die Auswanderung. Stuttgart und Tübingen, 1842 (*Лист, Ф*. Земельное устройство, карликовое хозяйство и эмиграция. Штутгарт и Тюбинген, 1842). — 963.

Loria, A. Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Wertgesetzes. Von Dr. Conrad Schmidt. Stuttgart, 1889. In: «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», neue Folge, Band XX,1890 (*Лориа, А*. Средняя норма прибыли на основе Марксова закона стоимости д-ра Конрада Шмидта. Штутгарт, 1889. В журнале «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», новая серия, том XX, 1890). — 23.

Loria, A. Karl Marx. In: «Nuova antologia di scienze, lettere ed arti», seconda serie, vol. XXXVIII, № 7, 1 Aprile 1883 (*Лориа, А*. Карл Маркс. В журнале «Nuova antologia di scienze, lettere ed arti», вторая серия, том XXXVIII, № 7, 1 апреля 1883). — 21.

Loria, A. La teoria economica della costituzione politica. Torino, 1886 (*Лориа, А*. Экономическая теория о политическом устройстве. Турин, 1886). — 21, 22.

Loria, A. L'opera postuma di Carlo Marx. In: «Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti», terza serie, vol. LV, N 3, 1 Febbraio 1895 (*Лориа, А*. Посмертное произведение Карла Маркса. В журнале: «Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti», третья серия, том LV, № 3, 1 февраля 1895). — 969, 970.

Luther, M. An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung. Wittemberg, 1540 (*Лютер, М*. Наказ приходским священ-

никам выступать с проповедями против ростовщичества. Виттенберг, 1540). — 381, 433—434, 667.

Luther, M. Von Kauffshandlung und Wucher. In: Der sechste Teil der Bücher des ehrnwirdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittembergk, 1589 (*Лютер, М.* О торговле и ростовщичестве. В книге: Шестая часть книг достопочтенного г-на доктора Мартина Лютера. Виттенберг, 1589). — 364, 666—667.

Luzac, E. Hollands rijkdom. Deel III. Leyden, 1782 (*Люзак, Э.* Богатство Голландии. Часть III. Лейден, 1782). — 350.

**Macaulay, Th. B.* The History of England from the accession of James the Second. Vol. IV. London, 1855 (*Маколей, Т. Б.* История Англии со времени восшествия на престол Якова II. Том IV. Лондон, 1855). — 659.

*[*Malthus, Th. R.*] An Essay on the principle of population. London, 1798 ([*Мальтус, Т. Р.*] Опыт о законе народонаселения. Лондон, 1798). — 435, 730.

**Malthus, Th. R.* An Inquiry into the nature and progress of rent, and the principles by which it is regulated. London, 1815 (*Мальтус, Т. Р.* Исследование о природе и возрастании ренты, а также о принципах, ее регулирующих. Лондон, 1815). — 717.

Malthus, Th. R. Definitions in political economy. London, 1827 (*Мальтус, Т. Р.* Определения в политической экономии. Лондон, 1827). — 43.

Idem. A new edition, with a preface, notes, and supplementary remarks by John Cazenove. London, 1853 (*То же.* Новое издание, с предисловием, примечаниями и дополнительными заметками Джона Кейзнова. Лондон, 1853). — 46.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. London, 1820 (*Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассмотренные в расчете на их практическое применение. Лондон, 1820). — 210.

Idem. 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 (*То же.* Издание второе, со значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой биографией автора. Лондон, 1836). — 43, 185, 217, 717.

Maron, H. Extensiv oder Intensiv? Ein Kapitel aus der landwirtschaftlichen Betriebslehre. Oppeln, 1859 (*Марон, Г.* Экстенсивно или интенсивно? Глава о сельскохозяйственном производстве. Оппельн, 1859). — 879.

**Marx, K.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals. Dritte, vermehrte Auflage. Hamburg, 1883 (*Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии. Том I. Книга I: Процесс производства капитала. Издание третье, дополненное. Гамбург, 1883). — 158.

**Idem.* Vierte, durchgesehene Auflage. Hamburg, 1890 (*То же.* Издание четвертое, просмотренное. Гамбург, 1890). — 5, 10, 11, 16, 20, 29, 33, 35, 41, 45, 47, 48, 52, 57, 58, 59, 85, 90, 95, 97, 98, 104, 105, 107, 145, 154, 157, 175, 178, 199, 243, 246, 253, 254, 270, 288, 338, 349, 351, 440, 490, 498, 504, 535, 574—576, 626, 648, 657, 671—672, 683, 687, 695, 821, 864, 890—891, 910, 927, 957, 980.

**Marx, K.* Le capital. Paris, 1872—1875 (*Маркс, К.* Капитал. Париж, 1872—1875). — 22.

**Marx, K.* Capital: a critical analysis of capitalist production. Ed. by F. Engels. Vol. I—II. London, 1887 (*Маркс, К.* Капитал: критический анализ капиталистического производства. Издан под редакцией Ф. Энгельса. Тома I—II. Лондон, 1887). — 3, 6.

**Marx, K.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Zweiter Band. Buch II: Der Cirkulationsprocess des Kapitals. Herausgegeben von F. Engels. Hamburg, 1885 (*Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии. Том II. Книга II: Процесс обращения капитала. Издан под редакцией Ф. Энгельса. Гамбург, 1885). — 3—5, 11, 12, 16, 22, 23, 29, 51, 57, 58, 80—82, 84—86, 130, 178, 293, 295, 308, 316, 330, 335, 339, 375, 488, 492, 528, 583, 584, 615, 841, 901, 910, 913, 919.

**Marx, K.* Misère de la philosophie. Réponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847 (*Маркс, К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Париж — Брюссель, 1847). — 663, 674.

**Marx, K.* Zur Kritik der politischen Oekonomie. Erstes Heft. Berlin, 1859 (*Маркс, К.* К критике политической экономии. Выпуск первый. Берлин, 1859). — 199, 200, 348, 492, 498, 599—602, 613, 663, 695, 853.

[*Massie, J.*] An Essay on the governing causes of the natural rate of interest; wherein the sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that head, are considered. London, 1750 ([*Масси, Дж.*] Опыт о причинах, определяющих естественную норму процента; где рассматриваются взгляды сэра Уильяма Петти и г-на Локка по этому вопросу. Лондон, 1750). — 365, 387, 394, 395, 397—398, 400, 413, 882.

**Maurer, G. L.* Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung und der öffentlichen Gewalt. München, 1854 (*Маурер, Г. Л.* Введение в историю маркового, подворного, сельского и городского устройства и публичной власти. Мюнхен, 1854). — 194.

Maurer, G. L. Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. Bde I—II. Erlangen, 1865—1866 (*Маурер, Г. Л.* История сельского устройства в Германии. Тома I—II. Эрланген, 1865—1866). — 194.

Maurer, G. L. Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland. Bde I—IV. Erlangen, 1862—1863 (*Маурер, Г. Л.* История господских дворов, крестьянских дворов и подворного устройства в Германии. Тома I—IV. Эрланген, 1862—1863). — 194.

Maurer, G. L. Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. Erlangen, 1856 (*Маурер, Г. Л.* История маркового устройства в Германии. Эрланген, 1856). — 194.

Maurer, G. L. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. Bde I—IV. Erlangen, 1869—1871 (*Маурер, Г. Л.* История городского устройства в Германии. Тома I—IV. Эрланген, 1869—1871).— 194.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 (*Милль, Дж. Ст.* Очерки о некоторых нерешенных вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 956.

**Mill, J. St.* Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. Second edition. Vol. I. London, 1849 (*Милль, Дж. Ст.* Начала политической экономии с некоторыми из их применений к социальной философии. Издание второе. Том I. Лондон, 1849). — 428, 438.

**Mommsen, Th.* Römische Geschichte. Zweite Auflage. Bde I—III. Berlin, 1856—1857 (*Моммзен, Т.* История Рима. Издание второе. Тома I—III. Берлин, 1856—1857). — 360, 423, 856.

**Morgan, L. H.* Ancient society or Researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization. London, 1877 (*Морган, Л. Г.* Древнее общество или Исследование

линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Лондон, 1877). — 194.

Morton, J. Ch. On the forces used in agriculture. In: «The Journal of the Society of Arts». Vol. VII, December 9, 1859 (*Мортон, Дж. Ч.* О силах, используемых в земледелии. В журнале: «The Journal of the Society of Arts». Том VII, 9 декабря 1859 г.). — 684.

Morton, J. L. The Resources of estates: being a treatise on the agricultural improvement and general management of landed property. London, 1858 (*Мортон, Дж. Л.* Ресурсы имений: трактат об улучшениях в сельском хозяйстве и об общем управлении земельной собственностью. Лондон, 1858). — 685, 733.

Möser, J. Osnabrückische Geschichte. Theil I. Berlin und Stettin, 1780 (*Мёзер, Ю.* Оснабрюкская история. Часть I. Берлин и Штеттин, 1780). — 859.

Mounier, L. De l'agriculture en France, d'après les documents officiels, avec des remarques par Rubichon. Tomes 1—2. Paris, 1846 (*Мунье, Л.* О сельском хозяйстве Франции, по официальным документам с замечаниями Рюбишона. Тома 1—2. Париж, 1846). — 879, 882.

Müller, A. H. Die Elemente der Staatskunst. Theil III. Berlin, 1809 (*Мюллер, А. Г.* Основы искусства государственного управления. Часть III. Берлин, 1809). — 392, 436—437.

Newman, F. W. Lectures on political economy. London, 1851 (*Ньюмен, Ф. У.* Лекции по политической экономии. Лондон, 1851). — 650, 715, 840, 882.

Newman, S. Ph. Elements of political economy. Andover and New York, 1835 (*Ньюмен, С. Ф.* Основы политической экономии. Эндавер и Нью-Йорк, 1835). — 306.

*[*North, D.*] Discourses upon trade; principally directed to the cases of the interest, coynage, clipping, increase of money. London, 1691 ([*Норс, Д.*] Очерки о торговле, главным образом по вопросам о проценте, о чеканке денег, о порче монеты, об увеличении количества денег. Лондон, 1691). — 667.

Observations on certain verbal disputes in political economy, particularly relating to value, and to demand and supply. London, 1821 (Замечания по поводу некоторых споров о словах в политической экономии, особенно по поводу тех, которые относятся к стоимости и к спросу и предложению. Лондон, 1821). — 200—201, 209—210.

Opdyke, G. A Treatise on political economy. New York, 1851 (*Опдайк, Дж.* Трактат по политической экономии. Нью-Йорк, 1851). — 398, 727.

Passy, H. Rente du sol. In: Dictionnaire de l'économie politique. Tome II. Paris, 1854 (*Пасси, И.* Земельная рента. В книге: Словарь политической экономии. Том II. Париж, 1854). — 836, 852, 854.

Pecqueur, C. Théorie nouvelle d'économie sociale et politique, ou Études sur l'organisation des sociétés. Paris, 1842 (*Пеккёр, К.* Новая теория социальной и политической экономии, или Исследования об организации обществ. Париж, 1842). — 664.

*[*Petty, W.*] A Treatise of taxes & contributions. London, 1667 ([*Петти, У.*] Трактат о налогах и сборах. Лондон, 1667). — 852.

Poppe, J. H. M. Geschichte der Technologie seit der Wiederherstellung der Wissenschaften bis an Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Band I. Göttingen, 1807 (*Поппе, И. Г. М.* История технологии со времени возрождения наук до конца восемнадцатого века. Том I. Гёттинген, 1807). — 369.

Price, R. An Appeal to the public, on the subject of the national debt. London, 1772 (*Прайс, Р.* Обращение к публике по вопросу о государственном долге. Лондон, 1772). — 434.

Price, R. Observations on reversionary payments; on schemes for providing annuities for widows, and for persons in old age; on the method of calculating the values of assurances on lives; and on the national debt. Second edition. London, 1772 (*Прайс, Р.* Замечания о преемственных платежах, о проектах обеспечения ежегодных рент для вдов и стариков, о методе подсчета стоимости страхования жизни и о государственном долге. Издание второе. Лондон, 1772). — 435.

A Prize essay on the comparative merits of competition and cooperation. London, 1834 (Удостоенный премии опыт о сравнительных достоинствах конкуренции и кооперации. Лондон, 1834). — 962.

The Three Prize essays on agriculture and the corn law. Published by the National Anti-Corn-Law League. Manchester — London, 1842 (Три удостоенных премии очерка о сельском хозяйстве и хлебных законах. Опубликовано национальной Лигой против хлебных законов. Манчестер — Лондон, 1842). — 682.

Proudhon, P. J. Gratuité du crédit— см. *Bastiat, Fr.* Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon.

Proudhon, P. J. Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement. Paris, 1841 (*Прудон, П. Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Париж, 1841). — 918.

**Quetelet, A.* Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale. Tomes I—II. Paris, 1835 (*Кетле, А.* О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики. Тома I—II. Париж, 1835). — 937.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 (*Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург, 1836). — 46, 306, 396—397, 417, 834.

Reden, F. W. von. Vergleichende Kultur-Statistik der Gebiets- und Bevölkerungsverhältnisse der Groß-Staaten Europa's. Berlin, 1848 (*Реден, Ф. В. фон.* Сравнительная статистика культуры, территории и народонаселения великих держав Европы. Берлин, 1848). — 514.

Religion saint-simonienne — см. [*Enfantin, B. P.*] Religion saint-simonienne. Economie politique et politique.

**Ricardo, D.* On the principles of political economy, and taxation. Third edition. London, 1821 (*Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Издание третье. Лондон, 1821). — 119, 127, 196, 200, 222, 260, 706, 707, 717, 822, 839, 887, 916, 929.

**Ricardo, D.* Principles of political economy and taxation. In: The Works of D. Ricardo. With a notice of the life and writings of the author, by J. R. MacCulloch. Second edition. London, 1852 (*Рикардо, Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. В книге: Сочинения Д. Рикардо. Со статьей о жизни и произведениях автора, написанной Дж. Р. Мак-Куллохом. Издание второе. Лондон, 1852). — 74, 196, 245—246, 261.

**Rodbertus, J. K.* Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorie. Berlin, 1851 (*Родбертус, И. К.* Социальные письма к фон Кирхману. Письмо третье: Опровержение учения

Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты. Берлин, 1851). — 151, 846, 871.

*Roscher, W. System der Volkswirthschaft. Band I: Die Grundlagen der Nationalökonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858 (Рошер, В. Система народного хозяйства. Том I: Основы политической экономии. Издание третье, дополненное и исправленное. Штутгарт и Аугсбург, 1858). — 247, 337, 356, 438, 900.

[Roy, H.] The Theory of the exchanges. The bank charter act of 1844. London, 1864 ([Рой, Г.] Теория вексельного курса. Банковский акт 1844 года. Лондон, 1864). — 396, 399.

Rubichon, M. Du mécanisme de la société en France et en Angleterre. Nouvelle édition. Paris, 1837 (Рюбишон, М. Об общественном механизме Франции и Англии. Новое издание. Париж, 1837). — 685, 879, 882.

*Saint-Simon, H. Nouveau christianisme. Paris, 1825 (Сен-Симон, А. Новое христианство. Париж, 1825). — 660.

*Say, J. B. Traité d'économie politique. Troisième édition. Tome I. Paris, 1817 (Сэй, Ж. Б. Трактат по политической экономии. Издание третье. Том I. Париж, 1817). — 306.

*Say, J. B. Traité d'économie politique. Quatrième édition. Tome II. Paris, 1819 (Сэй, Ж. Б. Трактат по политической экономии. Издание четвертое. Том II. Париж, 1819). — 916.

Schmidt, C. Der dritte Band des «Kapital». In: «Sozialpolitisches Centralblatt», 25. Februar 1895 (Шмидт, К. Третий том «Капитала». В журнале: «Sozialpolitisches Centralblatt», 25 февраля 1895 г.). — 975.

Schmidt, C. Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes. Stuttgart, 1889 (Шмидт, К. Средняя норма прибыли на основе Марксова закона стоимости. Штутгарт, 1889). — 14—16.

Schmidt, C. Die Durchschnittsprofitrate und das Marx'sche Werthgesetz. In: «Neue Zeit» №№ 3, 4, 1892—1893 (Шмидт, К. Средняя норма прибыли и Марксов закон стоимости. В журнале «Neue Zeit» №№ 3, 4, 1892—1893). — 16.

*Sismondi, J. C. L. Simonde de. Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1827 (Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Второе издание. Тома I—II. Париж, 1827). — 524—525, 873.

*Smith, A. An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Vol. I. London, 1776 (Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Том I. Лондон, 1776). — 154, 361, 520, 670, 834, 840—842, 855, 900, 917.

Sombart, W. Zur Kritik der ökonomischen Systems von Karl Marx. In: «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik». Band VII, 1894 (Зомбарт, В. К критике экономической системы Карла Маркса. В журнале: «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik». Том VII, 1894). — 974.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oekonomy. In three volumes. Vol. I. Dublin, 1770 (Стюарт, Дж. Исследование о началах политической экономии. В трех томах. Том I. Дублин, 1770). — 854.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In: The Works of Sir James Steuart, collected by General Sir James Steuart, his son. In six volumes. Vol. I. London, 1805 (Стюарт, Дж. Исследо-

вание о началах политической экономии. В книге: Сочинения сэра Джемса Стюарта, собранные его сыном генералом сэром Джемсом Стюартом. В шести томах. Том I. Лондон, 1805). — 253, 362.

Steuart, J. Recherche des principes de l'économie politique. Tome IV. Paris, 1789 (*Стюарт, Дж.* Исследование о началах политической экономии. Том IV. Париж, 1789). — 400.

Stiebeling, G. C. Das Werthgesetz und die Profit-Rate. New York [1890] (*Штибелинг, Г. К.* Закон стоимости и норма прибыли. Нью-Йорк [1890]). — 25.

Storch, H. Considérations sur la nature de revenu national. Paris, 1824 (*Шторх, Г.* Соображения о природе национального дохода. Париж, 1824). — 921—922, 927.

**Storch, H.* Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Tomes I—II. St.-Pétersbourg, 1815 (*Шторх, Г.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. Тома I—II. С.-Петербург, 1815). — 200, 716, 900, 921.

Thiers, A. (*Тьер, А.*) Речь в Национальном собрании Франции 26 июля 1848 г. In: Compte rendu des séances de l'Assemblée Nationale. Tome II. Paris, 1849 (В книге: Протоколы заседаний Национального собрания. Том II. Париж, 1849). — 679.

Some Thoughts of the interest of England. By a lover of commerce. London, 1697 (Некоторые мысли о проценте в Англии. Написано доброжелателем торговли. Лондон, 1697). — 662.

Thun, A. Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter. Theil II. Leipzig, 1879 (*Тун, А.* Нижнерейнская промышленность и ее рабочие. Часть II. Лейпциг, 1879). — 982.

**Tocqueville, A.* L'ancien régime et la révolution. Paris, 1856 (*Токвиль, А.* Старый режим и революция. Париж, 1856). — 873.

Tooke, Th. An Inquiry into the currency principle; the connection of the currency with prices, and the expediency of a separation of issue from banking. Second edition. London, 1844 (*Тук, Т.* Исследование законов денежного обращения; связь денежного обращения с ценами и целесообразность отделения выпуска банкнот от банковского дела. Издание второе. Лондон, 1844).— 389, 407, 441—442, 444, 482, 486, 918.

Tooke, Th. A History of prices, and of the state of the circulation. Vol. I—VI. London, 1838—1857 (*Тук, Т.* История цен и состояние обращения. Тома I—VI. Лондон, 1838—1857).— 406, 533.

Tooke, Th. A History of prices, and of the state of the circulation, from 1839 to 1847 inclusive. London, 1848 (*Тук, Т.* История цен и состояние обращения с 1839 по 1847 г. включительно. Лондон, 1848). — 396.

Tooke, Th.; Newmarch, W. A History of prices, and of the state of the circulation, during the nine years 1848—1856. In two volumes; forming the fifth and sixth volumes of the History of prices from 1792 to the present time. Vol. VI. London, 1857 (*Тук, Т.; Ньюмарч, У.* История цен и состояние обращения за девять лет с 1848 по 1856 г. В двух томах, составляющих пятый и шестой тома труда об истории цен за период с 1792 г. по настоящее время. Том VI. Лондон, 1857). — 878.

Torrens, R. An Essay on the production of wealth. London, 1821 (*Торренс, Р.* Опыт о производстве богатства. Лондон, 1821). — 45—46, 119.

Torrens, R. On the operation of the bank charter act of 1844, as it affects commercial credit. Second

edition. London, 1847 (*Торренс, Р.* О действии банковского акта 1844 г., как он влияет на коммерческий кредит. Издание второе. Лондон, 1847). — 389.

Tuckett, J. D. A History of the past and present state of the labouring population, including the progress of agriculture, manufactures, and commerce. In two volumes. Vol. I. London, 1846 (*Таккет, Дж. Д.* История положения трудящегося населения в прошлом и настоящем, включая развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли. В двух томах. Том I. Лондон, 1846). — 657.

Ure, A. The Philosophy of manufactures: or, an Exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain. Second edition. London, 1835 (*Юр, Э.* Философия фабрики, или Изложение научной, нравственной и коммерческой стороны экономики фабричной системы Великобритании. Издание второе. Лондон, 1835). — 92, 116.

Ure, A. Philosophie des manufactures ou Économie industrielle. Traduit sous les yeux de l'auteur. Tome I. Paris, 1836 (*Юр, Э.* Философия фабрики, или Промышленная экономика. Переведено под наблюдением автора. Том I. Париж, 1836). — 425.

* *Verri, P.* Meditazioni sulla economia politica. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XV. Milano, 1804 (*Верри, П.* Размышления о политической экономии. В книге: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XV. Милан, 1804). — 306.

Vinçard, P. Histoire du travail et des travailleurs en France. Tomes I—II. Paris, 1845—1846 (*Венсар, П.* История труда и трудящихся во Франции. Тома I—II. Париж, 1845—1846).— 855.

Vissering, S. Handboek van praktische staathuishoudkunde. Deel I. Amsterdam, 1860—1861 (*Виссеринг, С.* Практическое руководство по народному хозяйству. Часть I. Амстердам, 1860—1861). — 349—351.

[*Wakefield, E. G.*] England and America. A comparison of the social and political state of both nations. In two volumes. London, 1833 ([*Уэйкфилд, Э. Г.*] Англия и Америка. Сравнение социального и политического положения обоих народов. В двух томах. Лондон, 1833). — 821, 836.

Walton, A. A. History of the landed tenures of Great Britain and Ireland, from the norman conquest to the present time, dedicated to the people of the United Kingdom. London, 1865 (*Уолтон, А. А.* История землевладения в Великобритании и Ирландии с норманского завоевания до настоящего времени. Посвящается народу Соединенного королевства. Лондон, 1865). — 675—676.

[*West, E.*] Essay on the application of capital to land, with observations shewing the impolicy of any great restriction of the importation of corn. By a fellow of University college of Oxford. London, 1815 ([*Уэст, Э.*] Опыт о приложении капитала к земле, с замечаниями, показывающими неразумность всякого значительного ограничения ввоза хлеба. Сочинение члена университетского колледжа в Оксфорде. Лондон, 1815). — 265, 717.

Wolf, J. Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung. Stuttgart, 1892 (*Вольф, Ю.* Социализм и капиталистический общественный строй. Штутгарт, 1892). — 24.

Wolf, J. Das Rätsel der Durchschnittsprofitrate bei Marx. In: «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», dritte Folge, Band II,

1891 (*Вольф, Ю.* Загадка средней нормы прибыли у Маркса. В журнале «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», третья серия, том II, 1891). — 20, 21.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ОТЧЕТЫ И ДРУГИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

An Act for vesting certain sums in commissioners, at the end of every quarter of a year, to be by them applied to the reduction of the national debt (anno 26 Georgii III, Regis, cap. 31) (Акт о передаче известных сумм членам парламентской комиссии в конце каждого квартала с тем, чтобы эти суммы использовались ими для уменьшения национального долга (принято в 26 год царствования Георга III, гл. 31)). — 436.

Coal mine accidents. Abstract of return to an address of the Honourable the House of Commons, dated 3 May 1861. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 6 February 1862 (Несчастные случаи на угольных шахтах. Данные отчета, представленного по запросу высокочтимой палаты общин от 3 мая 1861 года. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 6 февраля 1862 г.). — 100.

First Report from the secret committee on commercial distress; with the minutes of evidence. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 8 June 1848 (Первый отчет секретной комиссии по торговому кризису; с протоколами показаний. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 8 июня 1848 г.). — 9, 11, 444—445, 450, 451—454, 457—459, 497, 517, 521, 534—536.

First Report of the children's employment commissioners in mines and collieries. 21 April 1841 (Первый отчет членов комиссии по обследованию условий детского труда на рудниках и копях. 21 апреля 1841 г.). — 100.

First Report from the select committee of the House of Lords on the sweating system; together with the proceedings of the committee, minutes of evidence, and appendix. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 11 August 1888 (Первый отчет особого комитета палаты лордов о потогонной системе труда; протоколы заседаний комитета, протоколы показаний и приложение. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 11 августа 1888 г.). — 368.

Public Health. Sixth report of the medical officer of the Privy Council. With appendix. 1863. London, 1864 (Здоровье населения. Отчет шестой медицинского инспектора Тайного совета. С приложением. 1863. Лондон, 1864). — 104—109.

Report from the secret committee of the House of Lords appointed to inquire into the causes of the distress which has for some time prevailed among the commercial classes, and how far it has been affected by the Laws for regulating the issue of bank notes payable on demand. Together with the minutes of evidence, and an appendix. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 28 July 1848 [Reprinted, 1857] (Отчет секретной комиссии палаты лордов по расследованию причин бедствия, постигшего торговые классы, и того влияния, которое было оказано на него законами о регулируемом выпуске банкнот. С протоколами показаний и приложением. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 28 июля 1848 г. [Перепечатано

— for the half year ending 30th April 1853. London, 1853 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1853 г. Лондон, 1853). — 140.
— for the half year ending 31st October 1853. London, 1854 (за полугодие, истекшее 31 октября 1853 г. Лондон, 1854). — 140.
— for the half year ending 30th April 1854. London, 1854 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1854 г. Лондон, 1854). — 140.
— for the half year ending 31st October 1855. London, 1856 (за полугодие, истекшее 31 октября 1855 г. Лондон, 1856). — 101, 102.
— for the half year ending 31st October 1858. London, 1858 (за полугодие, истекшее 31 октября 1858 г. Лондон, 1858). — 88, 136—137.
— for the half year ending 30th April 1859. London, 1859 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1859 г. Лондон, 1859). — 140—141.
— for the half year ending 31st October 1859. London, 1860 (за полугодие, истекшее 31 октября 1859 г. Лондон, 1860). — 141.
— for the half year ending 30th April 1860. London, 1860 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1860 г. Лондон, 1860). — 141.
— for the half year ending 31st October 1860. London, 1860 (за полугодие, истекшее 31 октября 1860 г. Лондон, 1860). — 141.
— for the half year ending 30th April 1861. London, 1861 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1861 г. Лондон, 1861). — 103, 141, 143.
— for the half year ending 31st October 1861. London, 1862 (за полугодие, истекшее 31 октября 1861 г. Лондон, 1862). — 142, 143.
— for the half year ending 30th April 1862. London, 1862 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1862 г. Лондон, 1862). — 103, 143.
— for the half year ending 31st October 1862. London, 1863 (за полугодие, истекшее 31 октября 1862 г. Лондон, 1863). — 89, 114, 142—144.
— for the half year ending 30th April 1863. London, 1863 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1863 г. Лондон, 1863). — 144.
— for the half year ending 31st October 1863. London, 1864 (за полугодие, истекшее 31 октября 1863 г. Лондон, 1864). — 101, 112—114, 122, 142—149.
— for the half year ending 30th April 1864. London, 1864 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1864 г. Лондон, 1864). — 142, 147.
Reports respecting grain, and the corn laws: viz: First and second reports from the Lords Committees, appointed to enquire into the state of the growth, commerce, and consumption of grain, and all laws relating thereto. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 23 November 1814 (Отчеты о зерне и хлебных законах: Первый и второй отчеты комиссии палаты лордов, уполномоченной изучить положение с производством, торговлей и потреблением зерна, а также все законы в этой области. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 23 ноября 1814 г.). — 683.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«*Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik*» («Архив социального законодательства и статистики»), Берлин, т. VII, 1894. — 974.
«*Conrads Jahrbücher*» — см. «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*».
«*The Daily News*» («Ежедневные новости»), Лондон, 10 декабря 1889 г. — 401.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ *

Аристотель. Политика. Перевод с греческого С. А. Жебелева. Спб., 1911. — 423 (18).

Верри. Политическая экономия или О государственном хозяйстве. Переведено с французского, а на французский с итальянского, с седьмого издания. Спб., 1810. — 306 (20—21).

Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть I. Логика. Перевод Б. Столпнера. М.—Л., 1930 (*Гегель.* Сочинения. Том I). — 847 (336).

Гегель. Философия права. Перевод Б. Столпнера. М.—Л., 1934 (*Гегель.* Сочинения. Том VII).— 671 (71—72, 80).

Годскин, Т. Защита труда против притязаний капитала (в книге: *Т. Годскин.* Сочинения. М., 1938). — 428 (30, 33), 438 (25—26).

Джонс, Р. Вводная лекция по политической экономии, прочитанная в Королевском колледже в Лондоне 27 февраля 1833 г. (в книге: *Р. Джонс.* Экономические сочинения. Соцэкгиз, 1937). — 291.

Джонс, Р. Опыт о распределении богатства и об источниках налогов (в книге: *Р. Джонс.* Экономические сочинения. Соцэкгиз, 1937). — 825 (152).

Изложение учения Сен-Симона. Перевод с французского под редакцией и с комментариями Э. А. Желубовской. Вступительная статья В. П. Волгина. М., 1961. — 661 (288—289).

Кетле, А. Человек и развитие его способностей или Опыт общественной физики. Том I. Спб., 1865. — 937.

Лавернь, Г. Л. де. Сельское хозяйство в Англии, Шотландии и Ирландии. М., 1859. — 686 (31, 35, 36).

Либих, Ю. Химия в приложении к земледелию и физиологии. Комментарии и редакция пе-

* Настоящий указатель содержит только последние из имеющихся русских переводов цитируемых и упоминаемых Марксом книг. Однако для работ, которые последний раз были выпущены в сокращенном виде, сделано исключение. В этом случае приводится также и предыдущий, более полный перевод. В указателе проставлены страницы настоящего тома, на которых Маркс цитирует или упоминает данную работу, и рядом в круглых скобках — соответствующие страницы цитируемой книги.

ревода проф. А. Н. Лебедянцева. М.—Л., 1936 (перевод с сокращениями). — 808 (96—104), 884.

Либих, Ю. Химия в приложении к земледелию и физиологии растений. Перевод проф. Ильенкова. М., 1870. — 808 (94—109), 884.

Маколей. История Англии от восшествия на престол Иакова II. Часть VI. Спб., 1864 (*Маколей.* Полное собрание сочинений. Том XI. Том переведен Н. Г. Чернышевским). — 659 (361).

Мальтус, Т. Р. Опыт закона о народонаселении. Перевод И. А. Вернера. М., 1895 (перевод с сокращениями). — 435 (19), 730.

Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения. Перевел П. А. Бибиков. Том I. Спб., 1868. — 435 (102), 730.

Мальтус, Т. Р. Исследование о природе и развитии ренты, а также о началах ее регулирующих. Перевод А. Миклашевского (в «Ученых записках императорского Юрьевского университета», № 2 и 3, Юрьев, 1908). — 717.

Маурер, Г. Л. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти. Перевод с немецкого В. Корша. М., 1880. — 194.

Милль, Дж. Ст. Основания политической экономии (в книге: *Н. Г. Чернышевский.* Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. Том IX. Под редакцией И. Д. Удальцова. М., 1949) (перевод с сокращениями). — 428, 438 (112—113).

Милль, Дж. Ст. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. Второе полное издание в двух томах. [Перевод Н. Г. Чернышевского.] Спб., 1874. Том I. — 428 (453), 438 (96—97).

Моммзен, Т. История Рима. Тома I—III. М., 1936—1941. — 360, 856. Том I — 423 (786—787).

Морган, Л. Г. Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934. — 194.

Норс, Д. Очерки о торговле (в сборнике: Меркантилизм. Под редакцией и со вступительной статьей И. С. Плотникова. Л., 1935). — 667 (304—305).

Петти. Трактат о налогах и сборах 1662 г. (в книге: *В. Петти.* Экономические и статистические работы. Перевод под редакцией М. Смит. М., 1940). — 852.

Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955 (*Рикардо.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том I). — 74 (46), 119 (112—116), 127 (65—77), 196 (69, 41), 200 (69), 222 (55—58), 246 (108—109), 260 (112—128), 261 (113), 706 (68), 707 (77), 717 (65—77), 822 (65—77), 839 (65—66), 887 (70), 916 (346), 929 (78—79).

Родбертус. Социальные письма к фон Кирхману. Письмо третье: Опровержение учения Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты (в книге: *К. Родбертус.* Экономические сочинения. Перевод И. Плотникова. Л., 1936) (перевод с сокращениями). — 151 (314), 846, 871.

Родбертус. Третье социальное письмо к фон Кирхману. Опровержение учения Рикардо о поземельной ренте и обоснование новой теории ренты (в книге: *К. Родбертус-Ягецов.* Сочинения. Выпуск I: К освещению социального вопроса. Перевод с немецкого М. Н. Соболева. Спб. [1904]).—151 (175), 846, 871.

Рошер, В. Система народного хозяйства. Том I: Начала народного хозяйства. Перевод И. Бабста. Том I. Отделение первое. М., 1860. — 247 (239), 337 (239), 356 (129), 438 (97—99), 901 (233—236). Отделение второе. М., 1862. — 900 (11—12).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

И

К

Л

М

Н

О

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Я

СОДЕРЖАНИЕ

Часть вторая

* Слова в скобках включены в оглавление Энгельсом. *Ред.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ответственная за выпуск *С. Е. Басина*

Оформление художника *Н. Н. Симагина*

Технический редактор *А. Г. Виноградова*

Корректоры *А. М. Денисов, Е. И. Щукина*

Сдано в набор 26 января 1970 г. Подписано в печать 11 сентября 1970 г. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага печатная № 1. Условн. печ. л. 68. Учетно-изд. л. 67,09. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 791. Цена 1 руб. 79 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Главполиграфпром Комитета по печати при Совете Министров СССР. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 2 им. Евг. Соколовой, Измайловский пр., 29, с матриц ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького, Гатчинская ул., 26.

КАПИТАЛ

ТОМ
ТРЕТИЙ